

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки

в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

научно-правовой журнал

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

**Заместитель главного редактора
по научному развитию:**
Руслан Гандалов

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

- 5.1.1. “Теоретико-исторические правовые науки”;
- 5.1.2. “Публично-правовые (государственно-правовые) науки”;
- 5.1.3. “Частно-правовые (цивилистические) науки”.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: **Р.Б. Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования эконо-

мической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.М. Дикажев – доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Месков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжелского государственного университета

Т.А. Сошников – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Фурман Ф.П. * Геополитическое и глобальное противостояние как фактор роста современного терроризма 13

Суслин В.А. * Современные доктринальные подходы к понятию информационного суверенитета: сравнительно-правовой анализ 18

Муркштис М.И. * Пробация в России: криминологические предпосылки и институциональные вызовы 26

Кочесокров З.Х., Кулиев Ф.М. * Влияние политики на реализацию принципа гуманизма в институтах освобождения от уголовной ответственности 31

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Беззатеева В.С. * Право на забвение несовершеннолетнего в контексте шерентинга в Российской Федерации 35

Старовойтов Д.С. * Проблемы при защите адвокатом индивидуальных предпринимателей в ходе налоговых споров 39

Гнетова Л.В., Карпукова А.А., Носкова К.С. * Особенности уголовно-правовой защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина 44

Канзаманов А.К. * Единство демократии и правовой культуры в Кыргызстане - гарант конституционных прав кыргызского общества 50

Ястремский И.А. * Обеспечение пациента информацией в целях реализации его права выбора клиники пластической хирургии и пластического хирурга 56

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Протасевич М.Г. * Местный референдум как форма реализации конституционных прав человека и гражданина 60

Баринов Э.Э., Туров С.С. * Прекращение гражданства Российской Федерации как форма денатурализации: конституционно-правовые пределы и вызовы национальной безопасности 64

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Владимиров С.А., Козырева Р.А., Куделя Н.Ю. * Пятый антимонопольный пакет: обзор изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» 71

Мкртумова Э.В. * Категория «публичный интерес» в контексте разрешения налоговых споров посредством процедуры медиации 78

Барикаева А.Ф. * Муниципальные финансы и законодательство об экономических основах местного самоуправления в Российской Федерации 82

Морозова Д.В. * Государственный контракт, заключаемый субъектами государственного оборонного заказа: порядок изменения и расторжения 88

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дуваярова С.А. * Искусственный интеллект в государственном управлении: правовые основы и проблемы административной ответственности в Российской Федерации 92

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Иванова С.А. * Цифровизация нотариата в России и Китае: сравнительный анализ и тенденции развития 97

Шамдинова А.М. * Зарубежное регулирование партнерского финансирования и модальность его адаптации в российском правовом порядке 104

Кривельская О.В. * Особенности института административной юстиции в Федеративной Республике Бразилия 108

Гитинова М.М., Гаджимурадов Д.М. * Понятие умысла в уголовном праве зарубежных стран 113

Казарян В.С. * Теория общественного договора американских федералистов как основание для ноократической модели управления с использованием искусственного интеллекта 118

POLICY AND LAW

Furman F.P. * Geopolitical and global confrontation as a factor in the growth of modern terrorism 13

Suslin V.A. * Contemporary doctrinal approaches to the concept of information sovereignty: a comparative legal analysis 18

Murkstis M.I. * Probation in Russia: criminological prerequisites and institutional challenges 26

Kochesokov Z.Kh., Kuliev F.M. * The impact of politics on the implementation of the principle of humanism in institutions of exemption from criminal liability 31

HUMAN RIGHTS

Bezzateeva V.S. * The right to forgive a minor in the context of shearing in the Russian Federation 35

Starovoitov D.S. * Problems in protecting individual entrepreneurs in tax disputes by a lawyer 39

Gnetova L.V., Karpukova A.A., Noskova K.S. * Features of criminal protection of constitutional rights and freedoms of human and citizen 44

Kanzamanov A.K. * The unity of democracy and legal culture in Kyrgyzstan is a guarantor of the constitutional rights of kyrgyz society 50

Yastremsky I.A. * Providing the patient with information to implement their right to choose a plastic surgery clinic and a plastic surgeon 56

CONSTITUTION THEORY

Protasevich M.G. * Local referendum as a form of exercising constitutional human and civil rights 60

Barinov E.E., Turov S.S. * Termination of citizenship of the Russian Federation as a form of denaturalization: constitutional legal limits and challenges to national security 64

PUBLIC LAW

Vladimirov S.A., Kozyreva R.A., Kudelya N.Yu. * Fifth antitrust package: review of amendments to the federal law "on protection of competition" 71

Mkrumova E.V. * The category of «public interest» in the context of tax disputes resolution by mediation procedure 78

Barikaeva A.F. * Municipal finances and legislation on the economic foundations of local self-government in the Russian Federation 82

Morozova D.V. * State contract concluded by subjects of the state defense order: amendment and termination procedure 88

CONTROL THEORY

Duvayarova S.A. * Artificial intelligence in public administration: legal foundations and problems of administrative responsibility in the Russian Federation 92

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS FOREIGN COUNTRIES

Ivanova S.A. * Digitalization of notaries in Russia and China: comparative analysis and development trends 97

Shamdinova A.M. * Foreign regulation of partner financing and the modality of its adaptation in the russian legal order 104

Krivelskaya O.V. * Features of the institute of administrative justice in the federative Republic of Brazil 108

Gitinova M.M., Gadzhimuradov D.M. * The concept of intent in the criminal law of foreign countries 113

Kazarian V.S. * The social contract theory of the american federalists as a foundation for a noocratic governance model utilizing artificial intelligence 118

Басангов Д.А. * Искусственный интеллект в судебной практике зарубежных государств	124
Соколовский К.Г. * Свобода совести и правовой код общественной стабильности: общий взгляд на казахстанскую модель	132
Джалилова Н.В. * Правовой плюрализм в бывших португальских колониях Африки: соотношение португальского колониального права, обычного права и исламской правовой традиции	137
Бондаренко П.К. * К вопросу о правовом обеспечении междонародных мультимодальных перевозок: проблемные аспекты и пути решения	142
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ	
Валевская А.А. * Исторические предпосылки корпоративного договора, его сущности (правовой природы) в российском праве	146
Примова Э.Н. * Государственно-правовые аспекты церковной реформы середины XIX века	156
Лозовой А.А., Лозовая М.А., Люлина Н.В. * Советская система ГТО: история и современное возрождение как социокультурный и политический феномен	161
Попова Ю.В. * Модели регистрации прав на недвижимое имущество: российский и зарубежный опыт	166
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС	
Хабибуллин А.Р. * К вопросу о структуре правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации	170
ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА	
Грудцына Л.Ю. * «Управляемое» прецедентное право	174
Соколов В.В. * Факторы трансформации правовой системы: современные вызовы и стратегия адаптивного развития	184
Трофимов Ф.И. * Заверения на будущее: допустимость в российском праве	189
Шашкова А.Н. * Религиозные, философские и социологические подходы к уяснению сущности брачно-семейных отношений	195
Давд Р.Б. * К вопросу об институте гражданства в качестве объекта и предмета исследования науки общей теории государства и права	201
Бочаров Н.С. * Система юридически значимых сообщений в гражданском праве	206
Наумова В.Е. * Некоторые коллизии в вопросах подсудности в гражданском процессе	211
ИННОВАЦИИ	
Вилкова А.В., Фиалковская Е.В., Полякова Я.Н. * Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии	214
Чеботарева А.А., Правкин С.А., Чеботарев В.Е. * Инвестиционные проекты государственно-частного партнерства как модели объединения ресурсов и распределения рисков при создании эффективной транспортной системы	219
Метельков А.Н. * Пространственные аспекты социального и правового взаимодействия	227
ПРАВО И ЭКОНОМИКА	
Косьмин А.Д., Гусарская Е.Н. * Проблемы повышения уровня диверсификации российской экономики	234
Соколов В.В. * Трансформация правового регулирования экономической деятельности: методологические и институциональные аспекты	246
Малкин О.Ю., Щукина А.А. * Об эффективности ограничений в отношении иностранных юридических лиц в сфере земельных отношений	252
Егоров Г.Г., Игнатова К.Э. * Медиаплатформы как способ обеспечения доступа к правовой помощи мигрантам	261
Шипило К.В. * Проблемы оспаривания некоторых видов сделок субъектами корпоративных отношений в некоммерческих организациях	267

Basangov D.A. * Artificial intelligence in judicial practice of foreign states	124
Sokolovskiy K.G. * Freedom of conscience and the legal code of public stability: a general overview of the kazakhstan model	132
Jalilova N.V. * Legal pluralism in the former portuguese colonies of Africa: the interrelation between portuguese colonial law, customary law, and the islamic legal tradition	137
Bondarenko P.K. * On the legal framework for international multimodal transport: problematic aspects and solutions	142
HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA	
Valevskaya A.A. * Historical background of the corporate agreement, its essence (legal nature) in russian law	146
Primova E.N. * State and legal aspects of the church reform of the mid-nineteenth century	156
Lozovoi A.A., Lozovaya M.A., Lyulina N.V. * Soviet GTO system: history and modern revival as a sociocultural and political phenomenon	161
Popova Yu.V. * Real estate registration models: russian and foreign experience	166
CONSTITUTIONAL LITIGATION	
Khabibullin A.R. * On the structure of the law-making function of the constitutional court of the Russian Federation	170
INTERPRETATION OF LAW	
Grudtsina L.Yu. * "Managed" case law	174
Sokolov V.V. * Factors of legal system transformation: modern challenges and adaptive development strategy	184
Trofimov F.I. * Warranties relating to future facts: admissibility under russian law	189
Shashkova A.N. * Religious, philosophical, and sociological approaches to understanding the essence of marriage and family relations	195
Daud R.B. * To the question of the institute of citizenship as an object and subject of research general theory of state and law sciences	201
Bocharov N.S. * The system of legal significant messages in civil law	206
Naumova V.E. * Some collisions in matters of jurisdiction in civil proceedings	211
INNOVATION	
Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V., Polyakova Ya.N. * Approaches to the study of aggressiveness within the framework of penitentiary psychology	214
Chebotareva A., Pravkin S., Chebotarev V. * Public-private partnership investment projects as a model of resource pooling and risk sharing in creating an efficient transport system	219
Metelkov A.N. * Spatial aspects of social and legal interaction	227
LAW AND ECONOMICS	
Kosmin A.D., Gusarskaya E.N. * Problems of increasing the level of diversification of the russian economy	234
Sokolov V.V. * Transformation of legal regulation of economic activities: methodological and institutional aspects	246
Malkin O.Yu., Shchukina A.A. * On the effectiveness of restrictions on foreign legal entities in the field of land relations	252
Egorov G.G., Ignatova K.E. * Media platforms as a way to provide access to legal aid for migrants	261
Shipilo K.V. * Challenging certain types of transactions by entities in corporate relations in non-profit organizations	267

Вербицкий Б.А. * Товарораспорядительные ценные бумаги: общие положения 272

Голубцова О.А. * Модели правового регулирования трансграничных потоков данных в контексте цифровой экономики 279

Рущицкая О.А., Кружкова Т.И., Куликова Е.С., Сбитнев Н.А., Сопегина В.Т. * О некоторых аспектах внедрения в производство продукции высокой технологии 289

Деникаева Р.Н., Жидкова А.В., Кондрин И.Д. * Правовые аспекты и прогнозируемые инфляционные последствия повышения ставки НДС как инструмента фискального регулирования 294

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Васильева Е.Н. * Значение апокалиптической мысли для гражданского права 302

Целовальникова И.Ю. * Противодействие коррупции в частноправовой сфере 306

Казберов П.Н. * Методические аспекты функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социальной защиты 314

Бондаренко П.К. * Правовые аспекты применения и регулирования мультимодальных логистических систем, как ключевого элемента обеспечения бесперебойного грузопотока в условиях глобализации 319

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бровкин Д.В., Османов М.М. * Организационно-правовые основы осуществления охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий 323

Зазий А.А., Дежина Т.П. * Современные вызовы и перспективы совершенствования административно-правового механизма обеспечения общественной безопасности 327

Гонечук Б.М., Емельянова О.В. * Современные методы повышения эффективности служебной деятельности патрульно-постовых подразделений полиции в России: правовые и организационные аспекты 331

Матвеева А.Д. * Социальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел в условиях действия специальных административно-правовых режимов: историко-правовой опыт 336

Османов М.М. * Актуальные вопросы организации безопасности при проведении массовых мероприятий: правовые и практические аспекты 343

Бровкин Д.В., Османов М.М. * Конституционные основы и принципы деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом и экстремизмом 346

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Еремин В.В. * Правовые аспекты соотношения субъектов исключительных прав на товарные знаки: граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица 350

Бекишиев В.А. * Границы добросовестного использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности при обучении искусственного интеллекта 354

Купряшин В.С., Петров А.А., Моисеенко М.И. * Правовые и организационные проблемы прокурорского надзора за защитой права интеллектуальной собственности в сети Интернет 359

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Вагизова Д.Т. * Факторы, ограничивающие право на судебную защиту 365

Морозов А.А., Боенко Д.В., Корнилов К.А. * Проблемы правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе России 369

Корчагин А.Г., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Определение подсудности при рассмотрении споров по разделу совместного имущества супругов при банкротстве одного из них 375

Verbitskii B.A. * Commodity securities: general part 272

Golubtsova O.A. * Models of legal regulation of cross-border data flows in the context of the digital economy 279

Rushchitskaya O.A., Kruzhkova T.I., Kulikova E.S., Sbitnev N.A., Sopegina V.T. * On some aspects of implementing high-tech products in production 289

Denikaeva R.N., Zhidkova A.V., Kondrin I.D. * Legal aspects and projected inflationary consequences of the vat rate increase as an instrument of fiscal regulation 294

LAW FORMATION AND LAW CREATION

Vasilyeva E.N. * The significance of apocalyptic thought for civil law 302

Tselovalnikova I.Yu. * Combating corruption in the private law sector 306

Kazberov P.N. * Methodological aspects of the functioning of penitentiary social workers and social protection workers 314

Bondarenko P.K. * Legal aspects of the application and regulation of multimodal logistics systems as a key element in ensuring uninterrupted freight flow in a globalized world 319

ADMINISTRATIVE LAW

Brovkin D.V., Osmanov M.M. * Organizational and legal framework for maintaining public order and ensuring public safety during mass events 323

Zaziy A.A., Dezhina T.P. * Modern challenges and prospects for improving the administrative-legal mechanism for ensuring public safety 327

Gonezhuk B.M., Yemelyanova O.V. * Modern methods of improving the efficiency of patrol and post units of the police in Russia: legal and organizational aspects 331

Matveeva A.D. * Social security of employees of internal affairs in the conditions of special administrative and legal regimes: historical and legal experience 336

Osmanov M.M. * Current issues of organizing security during mass events: legal and practical aspects 343

Brovkin D.V., Osmanov M.M. * The constitutional foundations and principles of the work of the internal affairs bodies in combating terrorism and extremism 346

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Eremin V.V. * Legal aspects of the relationship between subjects of exclusive rights to trademarks: individuals, sole entrepreneurs, and legal entities 350

Bekishiev V.A. * The boundaries of fair use of protected intellectual property in artificial intelligence training 354

Kupryashin V.S., Petrov A.A., Moiseenko M.I. * Legal and organizational problems of prosecutorial supervision of protection of intellectual property rights on the internet 359

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Vagizova D.T. * Factors limiting the right to judicial protection 365

Morozov A.A., Boenko D.V., Kornilov K.A. * Problems of legal regulation of electronic evidence in civil proceedings of Russia 369

Korchagin A.G., Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Determination of jurisdiction in disputes over the division of joint property of spouses in the event of bankruptcy of one of them 375

Фурман Т.Г. * Типология и процессуальные и правовые доминанты телевизионных новостей	380
Баширова А.Р. * Проблема определения применимого права при рассмотрении судом спора о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст	385
Кириллова Т.К. * Институт федеральной службы судебных приставов России при исполнении требований исполнительного документа	392
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Рафиков Р.Р. * Иностранные компании в условиях санкций: продажа бизнеса российскому лицу или редомициляция	397
Дауд Р.Б. * Междотраслевое содержание и структура института гражданства в российском законодательстве: общетеоретический взгляд на проблему	404
Задорожная Е.В., Романова Г.В., Тарзуманова Ф.О. * Трансформация корпоративного законодательства России	409
Канабита Х.М. * Признание права на земельный участок в условиях цифровизации: новые вызовы и традиционные проблемы	414
Чешин А.В. * Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве	424
Урусов М.С. * Прекращение деятельности индивидуальных предпринимателей в России	430
Чигринцев В.С. * К вопросу о субъекте незаконного проведения искусственного прерывания беременности	435
Леонов М.Р., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Самовольная постройка в системе объектов недвижимого имущества	439
Казберов П.Н. * Программа индивидуального подхода к реализации воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений	446
Каримуллина А.Э., Шавалиева Д.Р. * Влияние семейно-правовой обязанности по содержанию на междотраслевой институт иждивения	451
Опарин Д.Е. * Актуальные вопросы ликвидации ЧС природного характера	457
Барышникова К.Е. * Особенности регулирования оказания психиатрической помощи в современной России: эτικο-правовой аспект	464
СПОРТИВНОЕ ПРАВО	
Лозовой А.А., Лозовая М.А., Логинов Д.В. * Влияние массового спорта на социальное здоровье общества	471
Ибрагимов И.Ф., Тазиева З.Н., Аляшева Л.Э., Ибрагимов Б.И. * Физическая культура и спорт как факторы экономического развития Российской Федерации	477
Реди Е.В. * Влияние занятий плаванием на состояние сердечно-сосудистой системы у подростков	484
Лозовой А.А., Лозовая М.А., Шевчук Ю.В. * Роль систематических занятий физической культурой в профилактике синдрома учебного выгорания среди студентов высших учебных заведений	486
Васильев И.А. * Правовосстановительные меры защиты в спортивном праве	491
Лозовой А.А., Ткачева Т.В., Лисовик А.Н. * Физическая культура в академической среде: от компенсаторной функции к драйверу комплексного развития студента	500
Реди Е.В. * Психологическая устойчивость в спорте высших достижений	506
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
Егина Л.Г. * Эволюция правового статуса директора школы в России: от дореволюционного смотрителя к современному директору – гаранту правоприменительного пространства учреждения	508
Будагов А.С. * Совершенствование управления образовательными учреждениями высшего образования в условиях их цифровой трансформации	516

Furman T.G. * Typology and procedural and legal dominants of television news	380
Bashirova A.R. * The problem of determining the applicable law in a court's consideration of a dispute regarding the division of marital property transferred to a foreign trust	385
Kirillova T.K. * The federal bailiff service of Russia in enforcement of enforcement documents	392
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION	
Rafikov R.R. * Foreign companies under sanctions: sale of a business to a russian entity or redomiciliation	397
Daud R.B. * Interdisciplinary content and structure of the institute of citizenship in russian legislation: general theoretical view on the problem	404
Zadorozhnaya E.V., Romanova G.V., Tarzumanova F.O. * Transformation of corporate legislation in Russia	409
Qanabita Kh.M. * Recognition of the right to a land plot in the context of digitalization: new challenges and traditional problems	414
Cheshin A.V. * Pre-contractual liability in russian civil law	424
Urusov M.S. * Termination of the activity of individual entrepreneurs in Russia	430
Chigrinets V.S. * On the question of the subject of illegal artificial termination of pregnancy	435
Leonov M.R., Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Unauthorized construction of real estate objects in the system	439
Kazberov P.N. * A program for an individualized approach to the implementation of educational and social work with individuals serving criminal sentences for committing economic crimes	446
Karimullina A.E., Shavaliyeva D.R. * Influence of family-legal responsibility for maintenance on the inter-sectoral institute of dependence	451
Oparin D.E. * Current issues of natural disaster response	457
Baryshnikova K.E. * Features of regulation of psychiatric care provision in modern Russia: an ethical and legal perspective	464
SPORTS LAW	
Lozovoi A.A., Lozovaya M.A., Loginov D.V. * The impact of mass sport on the social health of society	471
Ibragimov I.F., Tazieva Z.N., Alyasheva L.E., Ibragimov B.I. * Physical culture and sport as factors of economic development of the Russian Federation	477
Redi E.V. * Effect of swimming on the cardiovascular system in adolescents	484
Lozovoi A.A., Lozovaya M.A., Shevchuk Yu.V. * The role of systematic physical education in the prevention of educational burnout syndrome among students of higher educational institutions	486
Vasilyev I.A. * Remedial protective measures in sports law	491
Lozovoi A.A., Tkacheva T.V., Lisovik A.N. * Physical education in the academic environment: from the compensatory function to the driver of a student's integrated development	500
Redi E.V. * Psychological resistance in high-achievement sports	506
MODERNIZATION OF EDUCATION	
Egina L.G. * Evolution of the legal status of the school director in Russia: from the pre-revolutionary caretaker to the modern director - guarantor of the institution's law enforcement space	508
Budagov A.S. * Improving the management of educational institutions of higher education in the context of their digital transformation	516

Опарин Д.Е. * Педагогические аспекты овладения курсантами вузов МЧС России приемами сердечно-легочной реанимации на этапе оказания первой помощи	522
Канунников Р.И. * Оптимизация процесса адаптации курсантов к условиям образовательной среды вузов МВД России	528
Катунина Н.П., Кошелев П.С., Хроменков С.М., Бажанов В.Н. * Оценка и формирование практических навыков в преподавательской деятельности	532
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Грачёва О.А., Авдонина Т.М. * Роль органов прокуратуры в противодействии насилию в образовательных организациях	538
Лозовой А.А., Бортникова Г.Н., Берко Е.Е. * Интеграция здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс по физической культуре	543
Бобровская О.Н., Васильева С.Б. * К вопросу о защите прав несовершеннолетних, привлекаемых к труду в период получения основного общего образования	549
Фурман Т.Г. * Право и интегративный подход к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей	555
Спиридонова М.Е. * Формирование межкультурной компетенции у студентов неязыковых вузов	560
Тараканов А.В., Орлов В.В., Таточенко А.Л. * Университеты первого поколения: история и современность	564
Таштиев Р.И., Ахметшин А.Ф., Якбаров Р.Р., Хуснетдинов Р.И., Киржацких Е.Р. * Физическая культура для профилактики и коррекции ментальных расстройств: работа с тревожностью, депрессией, PTSD через дозированную физическую активность	576
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Романова Г.В., Амирова З.Б., Пак Ю.Д. * Искусственный интеллект и трудовое право: новые горизонты и правовые вызовы	580
Артышко К.В., Озеров О.Э. * О правовом положении работников, являющихся беженцами и лицами, получившими временное убежище	583
Германенко Д.Д. * Зависимая самозанятость как новая форма занятости в российском законодательстве	587
Вербицкая Н.О., Конов А.А., Вербицкая Т.В. * Гибкий подход к регулированию трудовых отношений на основе применения современных цифровых технологий как основа обеспечения национальной кадровой безопасности	591
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Казберов П.Н. * Содержательная структура программы по методическому обеспечению работы пенитенциарных социальных работников	597
Чигринец В.С. * Сравнительно-правовое исследование института освобождения от уголовной ответственности	602
Латко Д.К. * О проблемах возмещения расходов на представителя потерпевшего, понесенных на досудебных стадиях производства по уголовному делу	607
Яловенко Т.В., Вопленко Н.Н. * Реализация принципа презумпции невиновности в Российской Федерации	614
Раджабов Ш.Р. * Совершенствование уголовной ответственности за экономические преступления в условиях цифровой трансформации: новые вызовы и правовые проблемы	618
Аминов Д.И., Эриашвили Н.Д., Опокин А.Б. * О возможности применения принципа эстоппеля в уголовно-правовом регулировании	623
Чигринец В.С. * Уголовно-правовая характеристика убийства: соотношение законодательной дефиниции и теоретических подходов	629
Казберов П.Н. * Основные направления работы с осужденными с авитальными проявлениями поведения: теоретический и организационные аспекты	633

Опарин Д.Е. * Pedagogical aspects of mastering cardiopulmonary resuscitation techniques at the first aid stage by cadets of universities of the ministry of emergency situations of Russia	522
Kanunnikov R.I. * Optimization of the process of adaptation of cadets to the conditions of the educational environment of higher education institutions of the ministry of internal affairs of Russia	528
Katunina N.P., Koshelev P.S., Khromenkov S.M., Bazhanov V.N. * Assessment and development of practical skills in teaching	532
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Gracheva O.A., Avdonina T.M. * The role of prosecutorial authorities in countering violence in educational institutions	538
Lozovoi A.A., Bortnikova G.N., Berko E.E. * Integration of health-saving technologies into the educational process of physical culture	543
Bobrovskaya O.N., Vasileva S.B. * On the issue of protecting the rights of minors who are employed during the period of basic general education	549
Furman T.G. * Law and an integrative approach to developing professional communicative competence of students majoring in law	555
Spiridonova M.E. * Formation of intercultural competence among students of non-linguistic universities	560
Tarakanov A.V., Orlov V.V., Tatochenko A.L. * First generation universities: history and modernity	564
Tashtiev R.I., Akhmetshin A.F., Yakbarov R.R., Khusnetdinov R.I., Kirzhatskikh E.R. * Physical culture for the prevention and correction of mental disorders: working with anxiety, depression, and PTSD through dosed physical activity	576
EMPLOYMENT LAW	
Romanova G.V., Amirova Z.B., Pak Yu.D. * Artificial intelligence and labor law: new horizons and legal challenges	580
Artyshko K.V., Ozerov O.E. * On the legal status of workers who are refugees and persons granted temporary asylum	583
Germanenko D.D. * Dependant self-employment as the new form of employment in the Russian law	587
Verbitskaya N.O., Konov A.A., Verbitskaya T.V. * Flexible approach to regulating labor relations through the use of modern digital technologies as the basis for ensuring national human resource security	591
CRIMINAL LAW AND PROCESS	
Kazberov P.N. * The substantive structure of the program for methodological support of the work of penitentiary social workers	597
Chigrinets V.S. * A comparative legal study of the institute of exemption from criminal liability	602
Latko D.K. * On the issues of reimbursement of expenses for the victim's representative incurred at the pre-trial stages of criminal proceedings	607
Yalovenko T.V., Voplenko N.N. * Implementation of the principle of the presumption of innocence in the Russian Federation	614
Radzhabov Sh.R. * Improving criminal liability for economic crimes in the context of digital transformation: new challenges and legal problems	618
Aminov D.I., Eriashvili N.D., Opokin A.B. * On the possibility of applying the estoppel principle in criminal law regulation	623
Chigrinets V.S. * Criminal-legal characteristics of murder: the relationship between legislative definitions and theoretical approaches	629
Kazberov P.N. * Main areas of work with convicts with abiotic behavior: theoretical and organizational aspects	633

Бажанов С.А. * Правовые основания применения мер принуждения сотрудниками подразделений специального назначения ФСИН России при участии в мероприятиях по противодействию терроризму: направления совершенствования законодательства 638

Пахомов А.В. * Понятие преступления по международному праву как основания для возбуждения индивидуальной уголовной ответственности высших должностных лиц государств 647

Зорина Н.С. * Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: цели, механизмы и актуальные проблемы 650

Казберов П.Н. * Компетентность пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых 653

Казак О.П., Динисламова А.З. * К вопросу о девиантном поведении среди несовершеннолетних как актуальной проблемы современного общества: причины, условия и меры профилактики 658

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Романов В.И. * К вопросу о правовом понятии генеративного ИИ 663

Трошина Д.И. * Взаимосвязь этики и цифровых валют в юриспруденции 669

Монахов О.Н. * Правовые аспекты профилактики молодежных девиаций в условиях информационного сетевого общества 672

Абакумова Е.Б. * Перспективность применения цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта в государственно-правовом противодействии коррупции 680

Беззатеева В.С. * Концепция персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего в российском праве 688

Вильданова М.М. * О финансовых инструментах, доходность по которым связана с криптовалютой 692

Совина А.Р., Драганчук А.В. * Перспективы применения технологий искусственного интеллекта при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет 699

Карпенко И.Н. * Цифровые валюты центральных банков и финансовый суверенитет: правовые стратегии и подходы разных юрисдикций (сравнительно-правовой анализ) 705

Ястремский И.А. * Применение пластическим хирургом компьютерных технологий в процессе оказания медицинских услуг в клинике пластической хирургии 712

Фурман Т.Г. * Исследование информационно-цифровых технологий и медиакоммуникаций на фоне ценностной модели социально-правового поведения в обществе 716

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Грудцына Л.Ю. * Историческое развитие судебного прецедента в России 723

Кириллова Т.К. * История создания федеральной службы судебных приставов России 734

Фурман Ф.П. * Политические и правовые идеи «нестяжательства» и «иосифлян» 738

Бажанов С.А. * Исторические траектории и методологические основания сравнительной криминологии 743

Асадов Б.Р., Страхов И.А. * К вопросу о формировании профессионального правосознания сотрудников надзорных органов МЧС России: исторические и современные аспекты 747

Фурман Ф.П. * Теория православного христианского самодержавия Ивана Грозного и правовые и политические идеи Андрея Курбского 755

Антонов Ю.И., Костиков А.Д. * Об уголовной ответственности за дропперство (чч. 3-6 ст. 187 УК РФ) 760

Bazhanov S.A. * Legal grounds for the use of coercive measures by special purpose units of the federal penitentiary service of Russia in counter-terrorism activities: directions for legislative improvement 638

Pakhomov A.V. * The concept of a crime under international law as a basis for initiating individual criminal liability of senior officials of states 647

Zorina N.S. * Pedagogical support for juvenile convicts in educational colonies: goals, mechanisms and current issues 650

Kazberov P.N. * Competence of prison staff in implementing step-by-step correctional programs for addictive behavior in convicts, suspects, and defendants 653

Kazak O.P., Dinislamova A.Z. * On deviant behavior among minors as a current problem in modern society: causes, conditions, and preventive measures 658

DIGITAL LAW

Romanov V.I. * On the issue of the legal concept of generative AI 663

Troshina D.I. * The relationship between ethics and digital currencies in legal studies 669

Monahov O.N. * Legal aspects of prevention of youth deviations in the context of the information network society 672

Abakumova E.B. * The prospects of using digital technology and artificial intelligence tools in the public law fight against corruption 680

Bezzateeva V.S. * The concept of personal digital sovereignty of minors in russian law 688

Vildanova M.M. * About financial instruments whose income is linked to cryptocurrency 692

Sovina A.R., Draganchuk A.V. * Prospects for the use of artificial intelligence technologies in the implementation of operational investigative activities on the internet 699

Karpenko I.N. * Digital currencies of central banks and financial sovereignty: legal strategies and approaches of different jurisdictions (comparative legal analysis) 705

Yastremsky I.A. * Use of computer technologies by a plastic surgeon in the process of providing medical services in a plastic surgery clinic 712

Furman T.G. * A study of information and digital technologies and media communications against the backdrop of a value-based model of social and legal behavior in society 716

LEGAL ARCHIVE

Grudtsina L.Yu. * Historical development of judicial precedent in Russia 723

Kirillova T.K. * History of the federal bailiff service of Russia 734

Furman F.P. * Political and legal ideas of “non-covetousness” and “josephites” 738

Bazhanov S.A. * Historical trajectories and methodological foundations of comparative criminology 743

Asadov B.R., Strakhov I.A. * On the issue of the formation of professional self-awareness of employees of the supervisory authorities of the ministry of emergency situations of Russia: historical and modern aspects 747

Furman F.P. * Ivan the terrible’s theory of orthodox christian autocracy and Andrei Kurbsky’s legal and political ideas 755

Antonov Y.I., Kostikov A.D. * On criminal liability for dropping (pt. 3-6, art. 187 of UGKRF) 760

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-13-17

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук, профессор кафедры теории
общественных наук Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАК ФАКТОР РОСТА СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. В статье предпринимается попытка комплексного междисциплинарного анализа современного терроризма, рассматриваемого в качестве сложного социально-политического феномена. Данное явление детерминировано условиями перманентного геополитического и глобального противостояния. В рамках данного исследования обосновывается тезис, согласно которому интенсификация международных конфликтов и системный кризис современного миропорядка выступают катализаторами деструктивных процессов. Следует подчеркнуть, что эрозия механизмов глобального управления в сочетании с обострением конкуренции между ведущими центрами силы объективно детерминируют экспансию террористических идеологий и практик. Особый акцент сделан на изучении механизмов радикализации и специфики инструментализации террористической деятельности в контексте ведения гибридных войн. Наряду с этим, анализируется дестабилизирующее влияние региональной турбулентности и феномена «несостоявшихся государств» на архитектуру международной безопасности. По результатам исследования сделан вывод о том, что эффективная стратегия противодействия терроризму требует реализации системного многоуровневого подхода. Констатируется, что превентивные меры должны базироваться на кумулятивном учете не только силового компонента, но и совокупности политических, социально-экономических и геополитических детерминант.

Ключевые слова: терроризм, геополитика, глобальное противостояние, международная безопасность, гибридные войны, радикализация, региональные конфликты.

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Theory of Social Sciences at the North-West Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, St. Petersburg

GEOPOLITICAL AND GLOBAL CONFRONTATION AS A FACTOR IN THE GROWTH OF MODERN TERRORISM

Annotation. The article attempts a comprehensive interdisciplinary analysis of modern terrorism, considered as a complex socio-political phenomenon. This phenomenon is determined by the

conditions of permanent geopolitical and global confrontation. Within the framework of this study, the thesis is substantiated, according to which the intensification of international conflicts and the systemic crisis of the modern world order act as catalysts for destructive processes. It should be emphasized that the erosion of global governance mechanisms, combined with increased competition between leading centers of power, objectively determine the expansion of terrorist ideologies and practices. Particular emphasis in the work is placed on the study of the mechanisms of radicalization and the specifics of the instrumentalization of terrorist activities in the context of hybrid warfare. Along with this, the destabilizing influence of regional turbulence and the phenomenon of "failed states" on the architecture of international security is analyzed. According to the results of the study, it was concluded that an effective strategy to counter terrorism requires the implementation of a systematic multi-level approach. It is stated that preventive measures should be based on cumulative accounting not only of the power component, but also of the totality of political, socio-economic and geopolitical determinants.

Key words: terrorism, geopolitics, global confrontation, international security, hybrid wars, radicalization, regional conflicts.

Введение. В современную эпоху терроризм эволюционирует в транснациональную асимметричную угрозу, детерминированную кризисом моноцентричного мироустройства и эскалацией геополитических противоречий. Утрачивая статус маргинального явления, он становится системной производной мировой политики. Такие факторы, как эрозия государственности, внешние интервенции и экономический прессинг, формируют среду, способствующую институционализации и легитимизации радикальных идеологем.

Актуальность данного исследования продиктована объективной необходимостью комплексного научного анализа корреляции между динамикой геополитического противоборства и эскалацией террористической активности в глобальном масштабе.

Целью статьи является выявление ключевых механизмов влияния глобального и геополитического противостояния на динамику современного терроризма. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ теоретических подходов к пониманию терроризма в международных отношениях; выявление геополитических факторов его роста; рассмотрение роли гибридных конфликтов и региональной нестабильности; формулирование выводов и рекомендаций.

Данное исследование базируется на комплексном междисциплинарном фундаменте, синтезирующем концептуальные положения политологии, теории международных отношений, конфликтологии и общей теории безопасности. Релевантность выбранного вектора обусловлена необходимостью многогранного осмысления объекта исследования.

Методологический базис работы детерминирован применением системного и структурно-функционального подходов. Подобный инструментарий позволяет дефинировать терроризм не

как изолированный феномен, а как деструктивный элемент в рамках сложной иерархической архитектуры глобальных политических процессов.

Методологический аппарат исследования включает в себя совокупность общенаучных и специальных методов, в частности:

1. Политико-компаративистский анализ, направленный на выявление общих и специфических паттернов изучаемого явления.
2. Дескриптивный и контент-анализ официальной документации ведущих международных организаций.
3. Индуктивное обобщение релевантных эмпирических данных, представленных в актуальном научном дискурсе.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что в условиях современной трансформации миропорядка терроризм эволюционирует из транснациональной угрозы в системный регулятор геополитического напряжения. Предполагается, что институционализация террористических сообществ в зонах «функционального вакуума» (несостоявшихся государств) является не только следствием деградации локальных институтов, но и стратегическим адаптивным механизмом в рамках асимметричного противостояния глобальных акторов.

Основной материал. Проведенный концептуальный анализ позволяет констатировать, что современная архитектура безопасности подвержена глубокой фрагментации, вызванной межгосударственной конкуренцией и эрозией международного права. В данных обстоятельствах анти-террористическая повестка девальвируется, уступая место партикулярным геополитическим интересам. Следствием этого процесса выступает возникновение «серых зон» - пространств правового вакуума, где фиксируется институционализация радикальных структур и диверсификация их транснациональных связей [6].

В рамках политологического дискурса региональные конфликты интерпретируются как базовые катализаторы экстремистской экспансии. В условиях пролонгированной нестабильности терроризм эволюционирует от тактического инструмента к статусу самостоятельного политического субъекта, интегрированного в локальные системы распределения власти. Параллельно с этим, глобальная конфронтация провоцирует кризис идентичности и идеологическую поляризацию, что в сочетании с социально-экономическим неравенством обеспечивает устойчивое воспроизводство радикальных доктрин [3].

Уточняя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что политическая амбивалентность и применение «двойных стандартов» к дефиниции терроризма критически нивелируют эффективность международного взаимодействия.

В рамках системного анализа следует констатировать, что современная радикализация детерминирована конвергенцией технологической модернизации и институционального кризиса. Интеграция ИКТ в операционные стратегии трансформирует иерархические структуры в сетцентричные системы, нивелируя пространственные барьеры для дистанционной мобилизации.

Параллельно с этим, катализатором дестабилизации выступает функциональная деградация механизмов инклюзии. Процесс протекает в трех ключевых измерениях:

1. Политическое отчуждение через блокировку легитимных каналов артикуляции интересов.
2. Социально-экономическая депривация, связанная с: ростом протестного потенциала вследствие дефицита ресурсов.
3. Кризис идентичности из-за высокой восприимчивости молодежной среды к экстремистским идеологиям [7].

Немаловажное значение имеет аксиологический конфликт, вызванный экспансией универсалистских моделей развития. Возникающий когнитивный диссонанс используется радикалами для легитимации насилия как формы защиты идентичности от «культурной гегемонии». Более того, политическая фрагментация создает вакуум власти, позволяющий экстремистским акторам делегировать себе квазиполитические функции через альтернативные концепты справедливости [4].

В условиях глобальной турбулентности кристаллизуется феномен «глобализированного экстремизма», характеризующийся детерриториализацией радикального дискурса. Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что эрозия международного права и политика «двойных

стандартов» окончательно девальвируют нормативные барьеры, утверждая насилие в качестве релевантного инструментария в глазах антисистемных субъектов [1].

В рамках современной парадигмы терроризм трансформируется в релевантный прокси-инструментарий, функционирующий в синергии с киберугрозами и экономическим прессингом. Следует постулировать, что подобная интеграция размывает границы между государственным и негосударственным насилием, позволяя внешним бенефициарам реализовывать стратегию «правдоподобного отрицания». При этом концептуально обосновано, что цели атак смещаются в сторону делегитимации власти и провоцирования системного кризиса доверия через воздействие на критическую инфраструктуру [2]. Важным дополнительным измерением выступает жесткая синхронизация физического насилия с манипулятивными информационными операциями [5].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что инкорпорация терроризма в архитектуру гибридных конфликтов ведет к институционализации насилия как метода внешнеполитического давления. В конечном итоге, данная тенденция не только девальвирует нормы международного права, но и закрепляет асимметричное противоборство в качестве деструктивной нормы современной мировой политики.

Результаты исследования. Обобщая результаты проведенного анализа, можно констатировать, что современная радикализация представляет собой многоуровневый процесс, детерминированный конвергенцией системных институциональных сбоев и ценностных конфликтов.

1. Во-первых, установлено, что кризис легитимности национальных государств создает «функциональные лакуны», которые успешно заполняются радикальными акторами через механизмы квазигосударственного управления.
2. Определено, что цифровая трансформация и трансграничные миграционные процессы обуславливают переход от локальных очагов экстремизма к сетевой модели «глобализированного экстремизма».
3. Выявлена прямая корреляция между девальвацией международного права и ростом морально-политической оправданности насилия в дискурсе антисистемных движений.

Для нейтрализации выявленных угроз представляется целесообразной имплементация следующей стратегии:

1. Институциональная реновация. Необходимость укрепления потенциала государствен-

ных институтов в регионах с высоким риском фрагментации (State-building) для восстановления монополии на легитимное насилие и предоставление социальных благ.

2. Идеологическая деконструкция. Реализация программ «контрнарративов», направленных на подрыв культурно-цивилизационной дихотомии, используемой террористическими структурами. Это подразумевает развитие межкультурного диалога при сохранении уважения к локальной субъектности.
3. Нормативная стабилизация. Пересмотр подходов к применению международного права с целью минимизации политики «двойных стандартов», что позволит восстановить авторитет глобальных институтов и снизить уровень протестной легитимации насилия.
4. Кибермониторинг и сетевое противодействие. Разработка превентивных механизмов идентификации транснациональных каналов радикализации в виртуальной среде без нарушения базовых принципов свободы информационного обмена.

В контексте оптимизации антитеррористических стратегий представляется необходимым

отказ от узкоинструментального подхода в пользу комплексной парадигмы. Исклчительно силовые методы не позволяют нивелировать каузальные детерминанты радикализации, что диктует императив деполитизации сотрудничества и ревитализации многосторонних механизмов безопасности. Особую значимость в данном ракурсе приобретает синергия мер социально-экономической стабилизации и укрепления институциональной устойчивости государств.

Наряду с этим следует констатировать, что эффективность глобальной системы безопасности существенно девальвируется из-за фрагментации международных усилий и геополитических антиномий. Подобные барьеры препятствуют унификации правовых стандартов и координации трансграничных операций. Таким образом, приоритетным вектором превенции должен стать переход к проактивным стратегиям: созданию инклюзивных общественных моделей и институционализации каналов легитимной политической participation, что позволит деактуализировать радикальный дискурс в долгосрочной перспективе.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов

Параметр сравнения	Традиционный (силовой) подход	Комплексный (инклюзивный) подход
Объект воздействия	Проявления угрозы (террористы)	Причины и условия (социокультурная среда)
Основной инструментарий	Спецоперации, санкции, репрессии	Институциональное строительство, образование, диалог
Временная перспектива	Краткосрочный эффект	Долгосрочная стабилизация
Роль государства	Обеспечение монополии на насилие	Создание условий для социальной инклюзии

Резюмируя вышеизложенное, следует выделить три фундаментальных уровня стабилизации системы:

1. Институциональный: восстановление субъектности и дееспособности национальных государств.
2. Информационно-когнитивный: формирование общественного иммунитета к радикальным доктринам через механизмы стратегических коммуникаций.

3. Глобально-политический: переход к устойчивому мироустройству, нивелирующему запрос на использование асимметричного насилия.

Выводы. Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо констатировать, что глобальное противостояние выступает системообразующим катализатором современного терроризма, который следует интерпретировать как деструктивную манифестацию кризиса мировой

архитектуры. Воспроизводство данного феномена имплицитно детерминировано инструментализацией асимметричного насилия в геополитической борьбе и региональной дестабилизацией.

В этой связи представляется очевидным, что минимизация угрозы достижима лишь через комплексную трансформацию глобального управления. Данный процесс предполагает:

- аксиологическую ревизию международного взаимодействия;
- интенсификацию сотрудничества на надгосударственном уровне;
- нивелирование структурных причин радикализации и социально-политического неравенства.

Следовательно, объективным будет вывод о том, что стратегический приоритет должен быть смещен от локализации последствий к устранению фундаментальных противоречий мирового политического пространства.

Список литературы:

- [1] Гедугосhev P.P., Кузнецова Е.В., Васильева Т.Б. Международное сотрудничество в правоохранительной сфере по вопросам противодействия экстремизму и терроризму. // Журнал прикладных исследований. 2021; 2(4): 77-81.
- [2] Завтонова А.В., Сибирякова А.И. Актуализация угрозы терроризма в системе экономической безопасности Российской Федерации. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022; (12): 8-12.
- [3] Игнатов А.Н. Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка. // Вестник Московского университета МВД России. 2024; (4): 71-76.
- [4] Ким Ю.В. Имеет ли политическая история смысл: к вопросу о превратностях эволюции государства и учения о нем. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024; 8(3): 394-409.
- [5] Ксенофонтов В.А. Основные особенности «сетевцентрической войны» и национальная безопасность государства // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018; 12(4): 24-29.
- [6] Курбанов М.Г. Противодействие политическому экстремизму и терроризму в системе публичного управления национальной безопасностью России. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024; 50(2): 63-73.
- [7] Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025; 1(858): 41-52.

References:

- [1] Gedugoshev R.R., Kuznetsova E.V., Vasilyeva T.B. International law enforcement cooperation on countering extremism and terrorism. //Journal of Applied Research. 2021; 2(4): 77-81.
- [2] Zavtonova A.V., Sibiryakova A.I. Updating the threat of terrorism in the economic security system of the Russian Federation. //Skif. Student science issues. 2022; (12): 8-12.
- [3] Ignatov A.N. Modern extremism and terrorism and their transformation in a changing world order. //Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024; (4): 71-76.
- [4] Kim Y.V. Does political history make sense: to the question of the vicissitudes of the evolution of the state and the teachings about it. //Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024; 8(3): 394-409.
- [5] Ksenofontov V.A. The main features of the "network-centric war" and the national security of the state//Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. 2018; 12(4): 24-29.
- [6] Kurbanov M.G. Countering political extremism and terrorism in the system of public administration of national security of Russia. //Legal Bulletin of Dagestan State University. 2024; 50(2): 63-73.
- [7] Holov S.Kh. Conceptual approaches to the analysis of terrorism as a factor in destabilizing modern international relations. //Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2025; 1(858): 41-52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-18-25

СУСЛИН Владислав Алексеевич,
преподаватель кафедры истории государства и права
Нижегородского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
ORCID: 0009-0004-9650-586X,
e-mail: suslin-2000@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Актуальность исследования определяется трансформацией природы государственного суверенитета под воздействием цифровизации, ростом внешнеполитических вызовов и необходимостью пересмотра правовых механизмов защиты национального информационного пространства. Цель статьи заключается в комплексном сравнительно-правовом анализе доктринальных подходов к пониманию информационного суверенитета и уточнении его понятийной структуры. Научная новизна работы состоит в формулировании авторского определения информационного суверенитета как интегративной категории, включающей технологический, правовой, идеологический и культурный компоненты, а также в выявлении терминологических коллизий между понятиями «информационный», «цифровой», «технологический» и «киберсуверенитет». Материалами исследования выступают современные научные публикации, стратегические документы Российской Федерации и сравнительно-правовые источники. Методология основана на системном, структурно-функциональном и сравнительно-правовом подходах, что обеспечивает комплексное раскрытие природы суверенитета в информационной сфере. Результаты исследования позволяют показать, что информационный суверенитет представляет собой многоуровневое явление, зависящее как от развития национальных технологий, так и от идеологической консолидации общества и состояния информационной культуры. Сделан вывод о необходимости формализации понятия информационного суверенитета в законодательстве и формирования единой доктринальной позиции, обеспечивающей его целостное понимание и практическую применимость.

Ключевые слова: информационный суверенитет, цифровой суверенитет, информационная безопасность.

SUSLIN Vladislav Alekseevich,
Lecturer at the Department of History of State and Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CONTEMPORARY DOCTRINAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF INFORMATION SOVEREIGNTY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The relevance of the study is determined by the transformation of the nature of state sovereignty under the influence of digitalization, the growth of foreign policy challenges, and the need to revise legal mechanisms for protecting the national information space. The aim of the article is to conduct a comprehensive comparative legal analysis of doctrinal approaches to understanding information sovereignty and to clarify its conceptual structure. The scientific novelty of the research lies in the formulation of the author's definition of information sovereignty as an integrative category that includes technological, legal, ideological, and cultural components, as well as in identifying terminological inconsistencies among the concepts of "information," "digital," "technological," and "cy-

ber sovereignty." The study is based on contemporary academic literature, strategic documents of the Russian Federation, and comparative legal sources. The methodology employs systemic, structural-functional, and comparative legal approaches, which together ensure a comprehensive examination of the nature of sovereignty in the information domain. The results demonstrate that information sovereignty is a multi-level phenomenon dependent both on the development of national technologies and on the ideological consolidation of society and the level of information culture. The study concludes that there is a need to formalize the concept of information sovereignty in legislation and to establish a unified doctrinal framework that would ensure its coherent understanding and practical applicability.

Key words: *information sovereignty, digital sovereignty, information security.*

В XXI веке информационно-коммуникационные технологии стали не просто инструментом развития, а фактором, кардинально трансформирующим устройство государственности. Традиционное представление о суверенитете, основанное на территориальной и институциональной стабильности, сегодня подвергается пересмотру под влиянием цифровой среды. Как подчёркивает А. А. Ефремов, «Цифровизация и цифровая трансформация сами по себе не влияют на сущность государственного суверенитета как ключевой признак (свойство) государства, при этом они формируют новые сферы и способы его реализации, обеспечения и защиты» [1, с. 47]. Аналогичную мысль высказывает министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М. Шадаев: «...технологический суверенитет – это не только вопрос национальной безопасности, но и основа для развития экономики, для обеспечения комфортного уровня жизни граждан» [2].

Актуальность темы статьи обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, усиливающимся внешнеполитическим давлением и вовлечением информационного пространства в геополитические конфликты. Цифровая среда становится ареной соперничества государств, где применяются методы информационной войны, кибервмешательства, манипуляции общественным сознанием. Как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «Расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности» [3, п. 49].

Во-вторых, ускоряющейся цифровой трансформацией всех сфер жизни, сопровождаемой перенесением ключевых общественно значимых процессов в онлайн-пространство. Это создаёт потребность в пересмотре механизмов юридической защиты государства и его граждан в условиях деструктивных трансграничных информационных потоков, а также в обосновании нового нормативного понимания суверенитета примени-

тельно к цифровой эпохе. Как отмечает В. А. Никонов, «...способность защитить собственные национальные сегменты социально-экономического, общественно- и государственно-политического пространств становится критическим условием сохранения независимости и выживания государства...» [4, с.209]

В-третьих, сохраняющимся правовым вакуумом и разрозненностью законодательного регулирования. Несмотря на наличие стратегических документов, таких как Доктрина информационной безопасности РФ, понятие информационного суверенитета не имеет нормативного определения, а подходы к его интерпретации существенно различаются. Е. А. Ефремов отмечает, что российское информационное законодательство лишь фрагментарно охватывает элементы суверенитета, не формируя его как системную категорию [1, с. 58].

Таким образом, в научном и правовом пространстве сохраняется потребность в комплексной разработке категории информационного суверенитета, выработке единого определения и идентификации ключевых компонентов. Новизна предлагаемого исследования состоит в том, чтобы: (1) на основе критического анализа существующих дефиниций предложить собственную, более целостную и юридически точную формулировку; (2) выявить коллизии понятийного характера в правовой доктрине.

Одним из проблемных вопросов доктрины является соотношение различных видов суверенитета в современной терминологии: информационного, цифрового, киберсуверенитета, технологического суверенитета и т.д. В литературе нет единства в употреблении этих терминов. Некоторые авторы используют их практически как синонимы или пересекающиеся понятия. Например, Е. В. Виноградова предпочитает не разделять данные определения, отмечая, что дискурс о разнице между информационным, цифровым, киберсуверенитетами может быть оставлен специалистам узкой области, тогда как в конституционно-правовом аспекте существует общий вывод: «информационный суверенитет (цифровой, кибер и т.п.)... – неперемное условие реализации госу-

дарственного суверенитета». [5, с. 127] То есть, в конечном счёте любой из этих терминов отражает аспект общей государственной независимости, проецируемый на информационную (цифровую) сферу.

В то же время ряд исследований подчёркивает разницу акцентов. Т. А. Полякова и Н. А. Троян прямо указывают на необходимость прояснить терминологию: «необходимо также чётко определить, что такое суверенитет в информационной сфере и киберпространстве, а также какова взаимосвязь (соотношение) между информационным, цифровым и другими видами суверенитета...» [6, с. 37].

Вопрос о разграничении понятий не случаен: под цифровым суверенитетом часто подразумевают преимущественно технологическую и инфраструктурную независимость (контроль над интернет-сегментом, данными, ПО и оборудованием), тогда как информационный суверенитет нередко трактуется шире – включая контентную, идеологическую составляющую и правовую политику.

Тем не менее, многие авторы приходят к выводу, что искусственное разmultiplication терминов избыточно. В конце концов «все эти выделяемые виды суверенитета являются государственным (национальным) суверенитетом и связаны с правовым обеспечением информационной безопасности». [6, с. 46]

Фактически, информационный, цифровой, технологический, сетевой и другие «суверенитеты» – лишь грани единого понятия, отражающие особые условия современности. Таким образом, можно говорить о едином суверенитете государства, проявляющемся в различных сферах – информационной, цифровой, кибернетической – но требующем комплексного подхода к его обеспечению.

В практическом плане разграничение понятий всё же используется для акцентов в стратегиях. Например, технологический суверенитет делают отдельной стратегической задачей, подразумевая импортозамещение и контроль над критическими технологиями. Цифровой суверенитет, по мнению некоторых авторов, представляет собой «обширную систему, которая не заканчивается исключительно на технике и технологиях, а также включает в себя экономическую и государственную составляющую [7, с. 81]».

Иначе говоря, цифровой суверенитет охватывает не только ИТ-инфраструктуру, но и цифровую экономику, систему государственного управления в цифровой среде. Интересно отметить, что стратегические документы в России ставят эти понятия в один ряд: так, в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 наряду с задачей достижения «цифровой зрелости» различных отраслей прямо

предусмотрено обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в интернете. [8, п. 8 пп. а] Это указывает на то, что на высшем уровне признаётся важность цифровой автономии как составляющей национального суверенитета.

Подводя итог, можно сказать, что информационный суверенитет – понятие более широкое, интегративное. Цифровой и технологический суверенитеты являются его компонентами или предпосылками. Как подчёркнулось выше, без технологической независимости трудно обеспечить полновластие государства в информационной сфере, но и технологическая самостоятельность теряет значение без суверенной государственной политики и правового регулирования в этой области. Поэтому дальше в анализе мы рассматриваем информационный суверенитет во всей совокупности его проявлений, не противопоставляя его смежным терминам, а учитывая их как составляющие единой проблемы.

Понятие информационного суверенитета в современной литературе трактуется по-разному, отражая различные аспекты независимости государства в информационной сфере. Ряд авторов дают формальные дефиниции, подчёркивающие политико-правовую самостоятельность государства. Например, Д. В. Беленков, П. А. Гюлазян и Д. Э. Мазлумян определяют информационный суверенитет как «самостоятельность субъекта отношений в информационной сфере в проведении внутренней и внешней информационной политики и способность обеспечить безопасность собственного информационного пространства». [9, с. 172] Созвучную по смыслу позицию занимает М. М. Кучерявый, называя информационный суверенитет «верховенством и независимостью государственной власти при формировании и реализации информационной политики». [10, с. 14] Оба этих определения подчёркивают независимость государства в принятии и реализации решений в информационном пространстве, а также связь суверенитета с информационной безопасностью.

Другие исследователи акцентируют внимание на контроле и защитной функции государства. Так, Д. С. Артамонов подчёркивает, что «информационный суверенитет может рассматриваться как устойчивость к информационной войне и защищённость от кибератак». [11, с. 17] В схожем ключе О. А. Попова лаконично предлагает понимать под информационным суверенитетом «независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере». [12, с. 123] Эти взгляды делают упор на способность государства не только самостоятельно управлять информационной сферой, но и оградить ее от внешнего вмешательства и деструктивных воздействий.

В рамках темы часто затрагивается и понятие «цифрового суверенитета» как близкое по смыслу. Ряд исследователей утверждают, что: «Цифровой суверенитет – это способность государства проводить (формировать и реализовывать) самостоятельный политический курс в цифровой сфере (отстаивать интересы, обеспечивать безопасность и т.д.) внутри страны и международных отношениях». [4, с. 213] Иначе говоря, цифровой суверенитет подразумевает независимость государственной цифровой политики как на национальном, так и на внешнеполитическом уровне. Однако существует и скептический взгляд: в социологических опросах высказывалось мнение, что «цифровой суверенитет – понятие совершенно бессмысленное в условиях открытого общества». [4, с. 210] Такой критический подход отражает сомнение в возможности полной информационной автономии в глобализированном, открытом информационном пространстве. Тем не менее большинство исследователей сходятся во мнении о нарастающей значимости этого феномена, учитывая современные угрозы.

При обзоре научной литературы заметно, что отсутствует единое общепринятое определение, и разные авторы делают упор на различные аспекты. Подчеркивается, что «определение содержательного наполнения [цифрового суверенитета] затрудняется различиями существующих к нему подходов [4, с. 206]. В научной литературе прямо указывается на терминологический вакуум: «следует отметить отсутствие легального определения информационного суверенитета в российском праве, а также в юридической и политологической доктрине». [13, с. 29] Таким образом, понятие пока носит во многом доктринальный характер, оставаясь неформализованным в законодательстве.

Несмотря на разногласия, во всех подходах сквозной идеей проходит независимость государства в информационном пространстве. Лаконичной кажется обобщённая формулировка, данная Е. В. Виноградовой и И. Л. Данилевской-Урбановой: «“информационный” (цифровой, кибер и т.п.) суверенитет мы предлагаем понимать как неременное условие реализации государственного суверенитета». [5, с. 127] Иными словами, суверенитет в информационной сфере рассматривается как неотъемлемая часть общей независимости государства в современном мире. Этот подход указывает на органическую связь информационного суверенитета с традиционным понятием государственного суверенитета, адаптируя его к реалиям информационного общества.

Анализ источников показывает, что информационный суверенитет – явление комплексное, включающее разноплановые компоненты. Е. Г.

Зорина предлагает расширенную структуру понятия, отмечая, что ««понятие «информационный суверенитет» характеризуется как минимум двумя аспектами: техническим и идеологическим. Технический аспект включает в себя наличие национального программного обеспечения, собственных социальных сетей, поисковиков, национальную электронную платёжную систему и т. д. Идеологический аспект включает в себя такие компоненты, как наличие официальной идеологии или национальной идеи, высокого уровня популярной массовой культуры, развитой системы пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации и т. д.»» [14, с. 346] Здесь под технической составляющей понимаются цифровые, медийные и другие материально-технологические элементы, тогда как идеологическая включает ментальные (культурно-психологические), идеологические, репутационные аспекты. Такой подход подчёркивает междисциплинарную природу суверенитета в информационной сфере: он складывается из взаимосвязанных технических, правовых и социокультурных элементов.

Особое внимание уделяется идеологическому и культурному компоненту. По мнению ряда исследователей, без содержательного наполнения информационное пространство государства уязвимо. Так, в одном из социологических исследований было отмечено, что «цифровой суверенитет будет в государстве, в котором есть какая-то чёткая идеология или официальная идея... [и] активно используется система пропаганды для формирования собственной национальной идеи» [4, с. 213] Эту точку зрения разделяет и Э. Ю. Анциферова, указывая, что одним из важнейших элементов суверенитета является государственная информационная политика, включающая политико-идеологические компоненты: «информационная политика... состоит из политико-идеологических компонентов, способствующих формированию задач перед государством по созданию четкой национальной идеи и официальной идеологии...». [15, с. 248] Иными словами, наличие консолидирующей национальной идеи, ценностей и информационной стратегии служит цементирующим фактором для суверенитета. Это созвучно мысли В. А. Никонова о том, что «суверенитет является эмерджентным свойством... [и] государственная политика становится краеугольным камнем, определяющим, по какому пути будет осуществляться цифровизация...». [4, с. 212] Без целеполагания и ценностного ядра даже развитая технически информационная система может оказаться раздробленной и подверженной внешнему влиянию.

Наряду с идеологией, в научной литературе подчёркивается уровень информационной культуры общества как фактор суверенитета. Предлагается считать информационную культуру населения базовым условием реализации суверенитета: «информационную культуру [мы считаем] основным компонентом реализации информационного суверенитета, целью которой является способность [общества] обрабатывать, транслировать, оценивать и использовать информацию наиболее эффективным образом». [16, с.50] В свою очередь, информационная культура также состоит из компонентов. Основными составляющими информационной культуры по мнению В. И. Фомина являются информационная грамотность, информационная компетентность, информационный ценностно-смысловой компонент, информационная рефлексия, информационное культуротворчество. [17, с.69]

Высокая информационная грамотность и подготовленность граждан к жизни в цифровую эпоху повышают устойчивость государства к деструктивным информационным воздействиям. Мы считаем, что развитие информационной культуры личности – решающий фактор формирования информационного общества, обеспечивающий синтез и целостность иных элементов информационного суверенитета. Таким образом, кадровый и образовательный потенциал (интеллектуальный компонент) – неотъемлемая часть суверенитета: без квалифицированных специалистов и осведомлённых граждан невозможны ни технологическая независимость, ни эффективная защита информационного пространства.

Отдельно нужно выделить технологико-инфраструктурный компонент. Суверенитет в информационной сфере немыслим без контроля над ключевыми технологиями и инфраструктурой. Авторы, рассматривающие технологический суверенитет, говорят о необходимости технологической самодостаточности страны. Например, О. А. Шабаетова даёт следующее определение: «технологический суверенитет представляет собой стремление страны обеспечить возможность разработки, создания и контроля своих технологий без зависимости от внешних источников». [18, с. 65]

В Концепции технологического развития РФ до 2030 г. прямо указано, что «технологический суверенитет — это наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе...». [19]

Отсюда вытекает необходимость развивать отечественное производство и локализацию в высокотехнологичных отраслях. Не случайно

опыт «полупроводникового кризиса» 2020 г. показал уязвимость: «последствия [кризиса] показали, что налаживание собственных возможностей по производству процессоров является ключевым направлением...» [7, с. 81] – делается вывод, что без элементной базы невозможно говорить о цифровом суверенитете.

В целом исследователи подчёркивают дуализм этого аспекта: нужны и технологии, и люди. «Реальный уровень независимости страны заключается в области науки, техники и технологий» – отмечает А. А. Афанасьев, [7, с. 81] подразумевая, что фундамент суверенитета закладывается научно-техническим потенциалом. В развитие этой мысли И. И. Приходько говорит о критически важном значении локализации производства, при которой внешние ограничения в цифровой сфере становятся для страны неприемлемо затратными. [20, с. 94] А Д. А. Карев и Ю. В. Чертыковцев прямо указывают, что «дуализм цифрового суверенитета раскрывается через производство и наличие квалифицированных специалистов» [7, с. 82] – без кадрового потенциала даже при наличии технологий суверенитет остаётся уязвимым. Все эти компоненты – технический, кадровый, идеологический, правовой – должны работать в совокупности, обеспечивая целостность информационного суверенитета.

Учитывая всё вышесказанное и опираясь на проанализированные подходы, информационный суверенитет государства можно определить следующим образом. Это способность и право государства самостоятельно и полно осуществлять власть в информационной сфере, принимая и реализуя независимую внутреннюю и внешнюю информационную политику, обеспечивая верховенство национального законодательства в своем сегменте информационного пространства, а также защищая его от внешнего вмешательства и угроз.

Предложенное авторское определение и выделенные элементы основываются на проанализированных доктринальных и нормативных позициях и стремятся устранить отмеченные неточности. Мы учитываем, что информационный суверенитет – многоуровневое явление: от внутренних правовых механизмов до глобальных процессов. Он требует как развития собственных технологий, так и идеологической консолидации; как правового оформления, так и международного признания. Только комплексный подход – логически выверенный и доктринально обоснованный – способен сделать информационный суверенитет не декларацией, а рабочим принципом, обеспечивающим и национальную безопасность, и поступательное развитие государства в цифровую эпоху.

Список литературы:

- [1] Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. Т.63, № 1. С.47–61. EDN: XPCXYL, <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.103>
- [2] Шадаев М. И. Технологический суверенитет — это вопрос глобальной кооперации // Российская газета. 2024. 17 сентября (Выступление на Международном технологическом конгрессе БРИКС).
- [3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mbou14irk.gosuslugi.ru/netcat_files/206/3011/Ukaz_Prezidenta_RF_ot_2_iyulya_2021_g_N_400_O_Strategii_natsional_noy_bezопасnosti_.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
- [4] Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–214. УДК 32:342.3 DOI: 10.17223/1998863X/60/18, EDN: PCWPLD URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-soderzhanie-i-strukturnye-komponenty-po-materialam-ekspertnogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.11.2025).
- [5] Виноградова Елена Валерьевна, Данилевская-Урбанова Инна Леонидовна Информационный Суверенитет В Правовом Поле Конституционной Государственности // Правовая информатика. 2025. №3. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-3-00-12 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-suverenitet-v-pravovom-pole-konstitutsionnoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 10.11.2025).
- [6] Полякова Татьяна Анатольевна, Троян Наталья Анатольевна Информационное Право И Цифровая Реальность: Развитие, Приоритеты И Проблемы В Условиях Цифровой Трансформации // Правовая информатика. 2025. №2. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-2-31-41 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-i-tsifrovaya-realnost-razvitie-prioritety-i-problemy-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 10.11.2025).
- [7] Карев Дмитрий Александрович, Чертыковцев Юрий Владимирович Цифровой Суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. №4. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_80 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet> (дата обращения: 10.11.2025).
- [8] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 10.11.2025).
- [9] Беленков Д. В., Гюлазян П. А., Мазлумян Д. Э. Информационный суверенитет России и Европейского союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // Политика и общество. 2019. № 4. С. 166–173. EDN: UZQNRN URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35620340_36824166.pdf (дата обращения: 10.11.2025)
- [10] Кучерявый Михаил Михайлович Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. №9 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1> (дата обращения: 16.11.2025).
- [11] Артамонов Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект // Материалы VIII Международного Конституционного форума, посвященного 80-летию Саратовской области. Саратов, 2017. С. 16–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29742681> (дата обращения: 10.11.2025). EDN: ZAWIMR.
- [12] В. В. Сорокин Правовое Противодействие Фейковизации Информационного Пространства // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-protivodeystvie-feykovizatsii-informatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 16.11.2025). DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)1.18](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)1.18)
- [13] Черных Виктор Сергеевич, Радченко Валерий Сергеевич, Селезнев Иван Егорович Информационный Суверенитет Российской Федерации В Условиях Глобализации // Право и управление. 2025. №1. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-1-28-32 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-suverenitet-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 16.11.2025).
- [14] Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. №3. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-i-osnovnye-instrumenty-ego-obespecheniya> (дата обращения: 16.11.2025).

[15] Анциферова Э. Ю. Информационная политика как один из важнейших элементов информационного суверенитета // Информационное право. 2022. № 4(65). С. 245–252. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53812772> (дата обращения: 10.11.2025). EDN: BTRWPW

[16] Анциферова Э. Ю. Уровень информационной культуры как фактор обеспечения информационного суверенитета // Актуальные вопросы юриспруденции: научные исследования, инновации, практика: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Симферополь, 10 нояб. 2022 г. Симферополь: Крымский федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. С. 49–52. EDN: SFQTKR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=sfqtkr> (дата обращения: 10.11.2025).

[17] Фомин В. И. Информационная культура в подготовке современного специалиста // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-v-podgotovke-sovremennogo-spetsialista> (дата обращения: 16.11.2025).

[18] Шабеева О. А. Технологический суверенитет в контексте развития цифрового государства в России // Искусство правоведения. The art of law. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskij-suverenitet-v-kontekste-razvitiya-tsifrovogo-gosudarstva-v-rossii> (дата обращения: 10.11.2025). EDN GJRVBQ

[19] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 10.11.2025).

[20] Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. №4. EDN: BJFQTC URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kontseptsii-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 06.11.2025)

References:

[1] Efremov A.A. State sovereignty in the context of digital transformation//Jurisprudence. 2019. T.63, No. 1. S.47-61. EDN: XPCXYL, <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.103>

[2] M. Shadayev Technological sovereignty is a matter of global cooperation//Rossiyskaya Gazeta. 2024. September 17 (Speech at the BRICS International Technological Congress).

[3] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the

Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 [Electronic resource]. – Режим доступа:https://mbou14irk.gosuslugi.ru/netcat_files/206/3011/Ukaz_Prezidenta_RF_ot_2_iyulya_2021_g_N_400_O_Strategii_natsional_noy_bezopasnosti_.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[4] Nikonov V. A., Voronov A. S., Sazhina V. A., Volodenkov S. V., Rybakova M. V. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research)//Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2021. № 60. S. 206-214. УДК 32:342.3 DOI: 10.17223/1998863X/60/18, EDN: PCWPLD URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-soderzhanie-i-strukturnye-komponenty-po-materialam-ekspertnogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.11.2025).

[5] Vinogradova Elena Valerievna, Danilevskaya-Urbanova Inna Leonidovna Information Sovereignty in the Legal Field of Constitutional Statehood//Legal Informatics. 2025. №3. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-3-00-12 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-suverenitet-v-pravovom-pole-konstitutsionnoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 10.11.2025).

[6] Polyakova Tatyana Anatolyevna, Troyan Natalya Anatolyevna Information Law and Digital Reality: Development, Priorities and Problems in the Context of Digital Transformation//Legal Informatics. 2025. №2. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-2-31-41 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-i-tsifrovaya-realnost-razvitie-prioritetov-i-problemy-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 10.11.2025).

[7] Dmitry Alexandrovich Karev, Yuri Vladimirovich Chertykovtsev Digital Sovereignty// Law and State: Theory and Practice. 2025. №4. DOI 10.47643/1815-1337 _ 2025 _ 4 _ 80 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet> (Accessed 10.11.2025).

[8] On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309//Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (access date: 10.11.2025).

[9] Belenkov D.V., Gyulazyan P.A., Mazlumyan D.E. Information sovereignty of Russia and the European Union, information policy and information confrontation: essence and content//Politics and society. 2019. № 4. S. 166-173. EDN: UZQNRN. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35620340_36824166.pdf (accessed on: 10.11.2025)

[10] Kucheryavy Mikhail Mikhailovich State policy of information sovereignty of Russia in the context of the modern global world//Management consulting. 2014. №9 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1> (дата обращения: 16.11.2025).

[11] D. Artamonov Information sovereignty: the-oretical aspect//Materials of the VIII International Constitutional Forum dedicated to the 80th anniversary of the Saratov region. Saratov, 2017. S. 16-20.

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29742681> (access date: 10.11.2025). EDN: ZAW-IMR.

[12] V.V. Sorokin Legal Opposition to the Feik-ovization of the Information Space//Russian-Asian Legal Journal. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-protivodeystvie-feikovizatsii-informatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 16.11.2025). Doi: <https://doi.org/10.14258/ralj> (2025)1.18

[13] Chernykh Viktor Sergeevich, Radchenko Valery Sergeevich, Seleznev Ivan Egorovich Information Sovereignty of the Russian Federation in the Context of Globalization//Law and Management. 2025. №1. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-1-28-32URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionny-suverenitet-rossiyskoj-federatsii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 16.11.2025).

[14] Zorina E. G. Information sovereignty of the modern state and the main tools for its provision//Rev. Sarat. University of New. ser. Ser. Sociology. Political science. 2017. №3. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionny-suverenitet-sovremennogo-gosudarstva-i-osnovnye-instrumenty-ego-obespecheniya> (дата обращения: 16.11.2025).

[15] Antsiferova E. Yu. Information policy as one of the most important elements of information sovereignty//Information law. 2022. № 4(65). S. 245-

252. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53812772> (access date: 10.11.2025). EDN: BTR-WPW

[16] Antsiferova E. Yu. The level of information culture as a factor in ensuring information sovereignty//Topical issues of jurisprudence: research, innovation, practice: materials VII All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation, Simferopol, November 10 2022 Simferopol: Crimean Feder. University named after V.I. Vernadsky, 2022. S. 49-52. EDN: SFQTKR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=sfqtkr> (access date: 10.11.2025).

[17] Fomin V.I. Information culture in the training of a modern specialist//Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-v-podgotovke-sovremennogo-spetsialista> (дата обращения: 16.11.2025).

[18] Shabaeva O. A. Technological sovereignty in the context of the development of the digital state in Russia//Art of jurisprudence. The art of law. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskij-suverenitet-v-kontekste-razvitiya-tsifrovogo-gosudarstva-v-rossii> (дата обращения: 10.11.2025). EDN GJRVBQ

[19] On approval of the Concept of technological development for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r//Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 22. Art. 3964. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (access date: 10.11.2025).

[20] Prikhodko I.I. Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management. 2022. №4. EDN: BJFQTC URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kontseptsii-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 06.11.2025)

МУРКШТИС Мариус Иокубович,
д.ю.н, доцент,
профессор кафедры УПУИиК
Юридического института РУДН
имени Патрисы Лумумбы,
e-mail: 7607428@mail.ru

ПРОБАЦИЯ В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу криминологических предпосылок и институциональных вызовов реализации probation в Российской Федерации после вступления в силу Федерального закона № 10-ФЗ от 6 февраля 2023 года. Автор прослеживает эволюцию взглядов на преступность — от религиозно-этической парадигмы до социально-криминологических теорий, обосновывающих необходимость реабилитационного подхода. Несмотря на прогрессивную нормативную основу, соответствующую международным стандартам, практическая реализация probation сталкивается с системными проблемами: доминированием пенитенциарной модели в ФСИН, дефицитом квалифицированных кадров, отсутствием межведомственной координации, слабым участием гражданского общества и недостаточным финансированием. В заключение предлагаются меры по преодолению этих барьеров, включая создание независимого федерального органа по probation и внедрение специализированной подготовки кадров.

Ключевые слова: probation, ресоциализация, уголовно-исполнительная политика, рецидивная преступность, гуманизация наказания.

MURKSTIS Marius Iokubovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of UPUIK of the Law Institute
of the RUDN University named after Patrice Lumumba

PROBATION IN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL PREREQUISITES AND INSTITUTIONAL CHALLENGES

Annotation. This article analyzes the criminological prerequisites and institutional challenges to the implementation of probation in the Russian Federation following the entry into force of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023. The author traces the evolution of views on crime—from a religious-ethical paradigm to socio-criminological theories substantiating the need for a rehabilitative approach. Despite a progressive regulatory framework consistent with international standards, the practical implementation of probation faces systemic problems: the dominance of the penitentiary model in the Federal Penitentiary Service, a shortage of qualified personnel, a lack of interagency coordination, weak civil society participation, and insufficient funding. In conclusion, measures are proposed to overcome these barriers, including the creation of an independent federal probation agency and the introduction of specialized training for personnel.

Key words: probation, resocialization, penal policy, recidivism, humanization of punishment.

Современное состояние уголовно-исполнительной политики Российской Федерации находится в стадии трансформации, направленной на гуманизацию наказания, снижение уровня рецидивной преступности и расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Централь-

ное место в этой трансформации занимает probation — институт, сочетающий функции надзора, социального сопровождения, психологической поддержки и профилактики повторных правонарушений.

Однако эффективность probationной системы напрямую зависит от глубины понимания

природы преступности, что обуславливает необходимость обращения к различным подходам к ее определению.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического осмысления различных барьеров на пути успешного применения probation, основываясь на богатом теоретическом наследии криминологии, которое демонстрирует: эффективная борьба с преступностью возможна не через изоляцию, а через понимание её причин и целенаправленное изменение поведенческих и социальных паттернов личности. Целью статьи является анализ теоретико-правовых и организационно-практических проблем probationной деятельности в Российской Федерации.

На протяжении всей истории человечества преступность неизменно рассматривалась как воплощение зла — разрушительное социальное явление, которое тормозит прогресс общества и наносит ему ощутимый вред.

Вопросы изучения причин преступности уходят в античность, когда преступность объяснялась через призму божественного предопределения, морального падения или нарушения естественного порядка. В Средние века доминировала религиозно-этическая парадигма: преступление рассматривалось как грех, а наказание — как акт божественного возмездия или очищения. Такой подход не допускал ни анализа причин преступности, ни возможности исправления личности, ограничиваясь карательной функцией.

Переломный момент наступил в эпоху Просвещения. В XVIII веке классическая школа уголовного права, заложила основы рационалистического понимания преступности. Согласно этой концепции, человек — свободный и разумный субъект, совершающий преступление как результат взвешенного выбора между выгодой и риском. Отсюда вытекал ключевой принцип: наказание должно быть справедливым, соразмерным деянию и служить средством сдерживания. Хотя классическая школа способствовала гуманизации уголовного закона и утверждению принципа законности, она игнорировала социальные, биологические и психологические детерминанты преступного поведения, что делало невозможным разработку мер, направленных на предупреждение преступности и ресоциализацию осуждённых.

Во второй половине XIX века произошёл качественный скачок в развитии криминологии — возникла позитивистская школа. Отказавшись от абстрактного «рационального преступника», позитивисты обратились к эмпирическому изучению личности правонарушителя. Ломброзо, опираясь на антропометрические исследования, выдвинул концепцию «врождённого преступника», утверж-

дая, что преступность обусловлена атактистическими, дегенеративными признаками, свидетельствующими о биологической регрессии. Несмотря на последующую критику и опровержение биологического детерминизма, Ломброзо впервые поставил проблему научного изучения преступника как объекта криминологического анализа.

Ферри развил идею о множественности причин преступности, выделив три группы факторов: антропологические (биологические и психологические особенности личности), физические (климат, география) и социальные (бедность, неравенство, миграция). Это стало первым шагом к формированию комплексного, мультифакторного подхода. Гарофало, в свою очередь, ввёл понятие «естественного преступления» — деяния, нарушающего базовые моральные инстинкты человеческой природы (сострадание и честность), что позволило отделить преступность от проступков, обусловленных исключительно юридическим запретом.

Однако позитивистская модель, несмотря на её научную новизну, оставалась преимущественно карательной: она легитимизировала изоляцию, принудительное лечение и даже стерилизацию «опасных» личностей. Реабилитационный потенциал в ней был ограничен, что противоречило гуманистическим основам probation.

Настоящий прорыв в понимании преступности произошёл в XX веке с усилением влияния социологии, психологии и педагогики. Возникли социально-криминологические теории, рассматривающие преступность как продукт социальной среды. Эти подходы позволили перейти от парадигмы «наказания за деяние» к парадигме «работы с личностью», что стало теоретической основой для развития альтернативных мер уголовно-правового воздействия, включая probation [3].

В России probation как самостоятельный элемент уголовно-исполнительной системы начала формироваться только в 1990-х годах, а полноценное правовое регулирование было закреплено лишь недавно. Тем не менее, несмотря на нормативное оформление, её практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем: недостаточным финансированием, дефицитом квалифицированных специалистов, слабой межведомственной координацией, формальным применением методик оценки, а также сохраняющимся доминированием «пенитенциарной модели» мышления в органах исполнения наказаний.

Принятие Федерального закона «О probation в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ [1] стало важнейшим событием в истории отечественного права. Впервые за пост-

советский период в российской правовой системе был закреплён полноценный институт, направленный не на изоляцию и наказание, а на социальное восстановление, ресоциализацию и профилактику рецидива. Закон, вступивший в силу с 1 января 2024 года, формально соответствует ключевым международным стандартам — Руководящим принципам Совета Европы по пробации и Токийским правилам ООН, провозглашая цели, которые выходят далеко за рамки традиционного надзора: предупреждение новых преступлений, восстановление нарушенных прав потерпевших, формирование уважения к закону и содействие в трудовой, бытовой и психологической адаптации лиц, совершивших преступления. Однако спустя более чем два года после принятия и свыше года фактического действия закона пробация в России остаётся в состоянии глубокого противоречия между прогрессивной нормативной моделью и фрагментарной, зачастую формальной практикой её реализации.

Сама структура закона свидетельствует о стремлении создать комплексную, многоуровневую систему. Он вводит три вида пробации — исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную, охватывая тем самым весь цикл взаимодействия личности с уголовно-исполнительной системой: от назначения наказания, не связанного с лишением свободы, до полной социальной реинтеграции после освобождения из мест лишения свободы. Особое значение придаётся индивидуальной программе, разрабатываемой с учётом личностных особенностей, социального окружения, уровня образования, наличия зависимостей и других факторов риска. Такой подход, безусловно, является шагом вперёд по сравнению с прежней моделью, когда деятельность уполномоченных органов сводилась к пассивному контролю за соблюдением формальных ограничений. Тем не менее именно в переходе от нормы к практике возникают наиболее острые проблемы, обусловленные как институциональной инерцией, так и недостатком политической и бюджетной воли.

Центральным звеном реализации пробации по закону должны стать центры пробации — специализированные организации, наделённые полномочиями по координации межведомственного взаимодействия, разработке индивидуальных программ и оказанию психологической и социальной помощи. Однако на начало 2026 года такие центры функционируют лишь в отдельных регионах, преимущественно там, где ранее действовали пилотные проекты. По сообщению руководства ФСИН, в настоящее время центры пробации действуют лишь в 37 регионах страны, что не удовлетворяет реальных потребностей системы [2].

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации практически все функции пробации формально возложены на уголовно-исполнительные инспекции (далее — УИИ), входящие в систему Федеральной службы исполнения наказаний. Эта организационная привязка создаёт фундаментальный конфликт: УИИ исторически ориентированы на карательно-надзорную функцию, их сотрудники не обладают компетенциями социального работника, психолога или педагога. Превращение инспектора УИИ в пробационного работника требует не переименования должности, а глубокой трансформации профессиональной культуры, системы подготовки кадров и самой философии взаимодействия с осуждёнными. Без этого пробация рискует превратиться в усиленный вариант старой модели контроля, лишенный восстановительного и гуманистического содержания.

Эта проблема усугубляется отсутствием чётких механизмов межведомственного взаимодействия. Закон прямо указывает на необходимость участия органов службы занятости, организаций социального обслуживания, учреждений здравоохранения и органов исполнительной власти субъектов Федерации. Однако ни один из этих субъектов не наделён конкретными обязанностями по обеспечению пробационных программ. Опрошенные в ходе исследования сотрудники УИИ, указывают, что в настоящее время отсутствуют регламенты обмена информацией, совместные планы действий, финансовые обязательства. На практике это означает, что пробационный работник, столкнувшись с осуждённым, нуждающимся в лечении от алкогольной зависимости или психического расстройства, не может гарантированно направить его в соответствующее медицинское учреждение, поскольку последнее не обязано принимать таких пациентов вне общей очереди. Аналогично служба занятости не обязана выделять квоты на рабочие места для лиц, находящихся под пробацией, а органы социальной защиты могут отказать в предоставлении жилья, ссылаясь на отсутствие нормативных оснований. Таким образом, даже самая продуманная индивидуальная программа оказывается нереализуемой в условиях институционального вакуума и отсутствия ответственности отдельных субъектов пробации.

Особую тревогу вызывает кадровый дефицит. В России до сих пор не существует системы подготовки пробационных работников. Ни одна образовательная организация не предлагает образовательную программу, соответствующую требованиям, предъявляемым законом. Обучение сотрудников УИИ сводится к краткосрочным кур-

сам повышения квалификации, которые не способны сформировать новые профессиональные установки и навыки. Отсутствует и методологическая база: нет стандартизированных инструментов оценки рисков рецидива, шаблонов индивидуальных программ, протоколов взаимодействия с гражданским обществом. В результате каждая инспекция действует стихийно, что ведёт к неравенству в доступе к услугам пробации в зависимости от региона и подрывает саму идею единой государственной системы. На отсутствие необходимой подготовки указывают не только сотрудники УИИ, но и представители образовательных учреждений ФСИН [5].

Не менее серьёзной проблемой является слабое вовлечение институтов гражданского общества. Статья 35 закона прямо предусматривает взаимодействие с некоммерческими организациями, религиозными объединениями и волонтерами — теми самыми субъектами, которые в странах с развитой пробационной системой обеспечивают до 60% социальных услуг. Однако в российских условиях НКО, работающие с осуждёнными, сталкиваются с множеством барьеров: сложной процедурой получения грантов, риском попадания под режим «иностранных агентов», отсутствием доверия со стороны ФСИН. В итоге огромный потенциал гражданского общества остаётся невостребованным, а пробация продолжает восприниматься исключительно как государственная, бюрократическая процедура.

Ситуация усугубляется отсутствием прозрачности и независимого мониторинга. Хотя закон предусматривает создание Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, в настоящее время такой реестр фактически не функционирует. Это лишает систему возможности отслеживать эффективность программ, анализировать причины успехов или неудач, проводить научные исследования. Отсутствует и механизм общественного контроля: несмотря на формальное закрепление такой возможности в законе, региональные общественные советы не имеют доступа к данным о ходе реализации пробационных мероприятий, что делает невозможной оценку качества работы на местах.

На фоне этих проблем особенно отчётливо виден разрыв между российской моделью и международной практикой. В Германии, Нидерландах, Швеции пробационные службы представляют собой независимые агентства, отделённые от пенитенциарной системы, что позволяет избежать конфликта интересов между наказанием и реабилитацией. Они располагают штатом квалифицированных социальных работников, используют стандартизированные методики оценки рисков,

активно привлекают различные общественные организации и обеспечивают высокий уровень индивидуализации сопровождения. В результате уровень рецидива в этих странах остаётся одним из самых низких в мире. Российская же модель, по большей части встроённая в ФСИН и лишённая необходимых ресурсов, пока не способна продемонстрировать сопоставимую эффективность.

Тем не менее отказываться от пробации было бы стратегической ошибкой. Институт пробации обладает огромным потенциалом не только в гуманизации уголовной политики, но и в снижении нагрузки на пенитенциарную систему, экономии бюджетных средств и восстановлении социальной справедливости. Для реализации этого потенциала необходимы решительные меры. Прежде всего требуется принятие подзаконных актов, определяющих порядок создания центров пробации, механизмы межведомственного взаимодействия и источники финансирования. Необходимо выделить целевые средства на федеральном уровне для развёртывания сети центров во всех регионах. Важнейшей задачей становится создание системы подготовки кадров — введение специальности «пробационный работник» в систему высшего образования и организация непрерывного профессионального развития. Целесообразно рассмотреть вопрос о передаче функций пробации из ведения ФСИН в ведение нового независимого федерального органа исполнительной власти. Только при условии системного подхода пробация сможет перестать быть формальной реформой и стать реальным инструментом социального восстановления осуждённых.

Таким образом, Федеральный закон № 10-ФЗ — это не завершение, а начало долгого и сложного пути. Его принятие продемонстрировало готовность государства к модернизации уголовной политики, но теперь требуется не декларация, а действие. Без политической воли, административной решимости и финансовых вложений даже самый прогрессивный закон рискует остаться в учебниках как пример благих намерений, не подкреплённых реальными изменениями. Пробация в России сегодня стоит на перепутье: либо она станет живым институтом, способным изменить судьбы тысяч людей и повысить безопасность общества, либо превратится в ещё один бюрократический ритуал, имитирующий реформу.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026).
- [2] Генерал-майор ФСИН раскрыла число созданных в России центров пробации // [Элек-

тронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/general-mayor-fsin-raskryla-chislo-sozdannyh-v-rossii-tsentrov-probatsii/> (дата обращения 25.01.2026).

[3] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - 3 изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2007. - 734 с.

[4] Популярная криминология. Очерки общей части: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. - 151 с.

[5] Смирнова, И. Н. К вопросу об обосновании актуальности организации подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в свете принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 Г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» / И. Н. Смирнова, И. С. Бычинская // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 января 2025 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2025. – С. 190-194.

References:

[1] Federal Law “On Probation in the Russian Federation” dated 06.02.2023 No. 10-FZ//Access

from SPS “ConsultantPlus” (accessed on: 25.01.2026).

[2] Major General FSIN revealed the number of probation centers created in Russia//[Electronic resource] URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/general-mayor-fsin-raskryla-chislo-sozdannyh-v-rossii-tsentrov-probatsii/> (date of appeal 25.01.2026).

[3] Criminology: Textbook/Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminova. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Lawyer, 2007. - 734 s.

[4] Popular criminology. Essays on the general part: students. allowance for university students studying in the specialty “Jurisprudence”/G.A. Avanesov. - M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2015. - 151 s.

[5] Smirnova, I. N. To the question of justifying the relevance of organizing training for the penal system in the light of the adoption of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 “On Probation in the Russian Federation” /I. N. Smirnova, I. S. Bychinskaya// Innovative potential for the development of science in the modern world: achievements and innovations: Collection of scientific articles based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 28, 2025. - Ufa: Limited Liability Company “Scientific and Publishing Center “Bulletin of Science,” 2025. - S. 190-194.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-31-34

КОЧЕСОКОВ Заурбек Хамидбиевич,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры правового
обеспечения деятельности органов власти,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС,
г. Пятигорск, Российская Федерация,
e-mail: kochesokov68@bk.ru

КУЛИЕВ Фарман Мурувват оглы,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС,
г. Пятигорск, Российская Федерация,
e-mail: kuliev_farman@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В ИНСТИТУТАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается уголовная политика. Установлено, что уголовная политика в России на протяжении всего своего развития претерпевала различные изменения. В период тоталитаризма уголовная политика носила репрессивный характер и игнорировала процесс гуманизации.

Аргументируется, что сегодня этот процесс носит явно позитивный характер, в первую очередь благодаря развитию законодательства в этой области правоотношений.

В контексте данного вопроса также показано, что, согласно Конституции Российской Федерации, человек является высшей ценностью. Поэтому государство обязано защищать права человека, в том числе и в сфере уголовной политики. От этого зависит повышения доверия граждан к судебной системе и т.д.

Ключевые слова: уголовное право, принцип гуманизма, уголовная политика, уголовная ответственность, правоприменительная практика, декриминализация, тоталитарный режим, правовое государство.

KOCHESOKOV Zaurbek Khamidbievich,
Doctor of Philosophy, Candidate of Law,
Associate Professor, Professor of the Department of Legal Support
for the Activities of Government Bodies, North Caucasus Institute –
Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Pyatigorsk, Russian Federation

KULIEV Farman Muruvvat oglu,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of History, Law, and Humanities,
North Caucasus Institute – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Pyatigorsk, Russian Federation

THE IMPACT OF POLITICS ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF HUMANISM IN INSTITUTIONS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. *The article examines criminal policy. It has been established that criminal policy in Russia has undergone various changes throughout its development. During the period of totalitarianism, criminal policy was repressive and ignored the process of humanization.*

It is argued that this process is clearly positive today, primarily due to the development of legislation in this area of legal relations.

In the context of this issue, it is also shown that, according to the Constitution of the Russian Federation, the individual is the highest value. Therefore, the state is obliged to protect human rights, including in the field of criminal policy. This depends on increasing citizens' trust in the judicial system, etc.

Key words: *criminal law, principle of humanism, criminal policy, criminal liability, law enforcement practice, decriminalization, totalitarian regime, the rule of law.*

В настоящее время ведущей тенденцией в правовой политике российского государства, имеющей ярко выраженный позитивный характер, является гуманизация уголовной политики.

Дело в том, что, как показывает анализ, этой проблеме в уголовном законодательстве в настоящее время уделяется очень много внимания.

В частности, этот принцип формулируется в статье 7 УК РФ [1].

Что касается реализации принципа гуманизма в правоприменительной практике, то в 2024 году суды рассмотрели дела в отношении около 680 тыс. граждан и почти по каждому пятому уголовное преследование было прекращено [2].

Этот принцип используется государством для исправления преступника. Проявлениями этого принципа являются условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания, применение амнистии и помилования, назначение судебного штрафа [3] и т.д.

Помимо Уголовного кодекса Российской Федерации [4], в этой связи следует также обратить внимание на Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [5].

Прежде всего, гуманизация уголовной политики направлена на повышение авторитета судебной системы [6]. Недавно об этом недвусмысленно заявил В. Путин [7].

Отдельно глава государства призвал уделять особое внимание судебной защите многодетных семей, женщин, детей, инвалидов, участников СВО и членов их семей, а также других социально уязвимых категорий граждан [8].

Добавим, что реализация принципа гуманизма должна происходить в рамках и в строгом соответствии с Конституцией РФ [9], общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных в международных договорах, пактах, конвенциях и других документов и т.д.

Государство обязано обеспечить реализацию прав гражданина, поскольку человек высшая ценность. Но, не всегда, как показывает анализ, в истории развития России принцип гуманизма, особенно в уголовной политике имел место быть.

В частности, для уголовного законодательства 1930-х гг. При тоталитаризме уголовная репрессия используется не только для борьбы с преступностью, но и для устранения потенциально опасных для режима лиц.

Ныне гуманизация уголовного права является очень важной тенденцией, и не зря В. Путин [10] постоянно обращает на это внимание.

Однако реализация принципа гуманизма должна полностью осуществляться в соответствии с российским и международным законодательством.

В то же время принцип гуманизма может быть ограничен, в частности, при защите конституционного строя, обеспечении безопасности страны и государства, нравственности, здоровья и т.д.

Наряду с этим не стоит забывать, что гуманизм явление эмоциональное. Требуется сочувствие, сострадание, уважительное отношение к другим в тяжелой жизненной ситуации и т.д.

Человечность, человеколюбие всегда сопровождали отношения между людьми. Эти идеи, установки, убеждения также характеризуют гуманизм.

Принцип гуманизма предполагает мягкое отношение к лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, особенно если они впервые нарушили уголовный закон и искренне в этом раскаялись и т.д.

В данной связи, как показывает анализ, в России в настоящее время идет процесс декриминализации сферы уголовной политики, совершенствуется законодательство и т.д.

Стоит также отметить, что ВС РФ активно участвуют в этом процессе, и именно по их инициативе был введен институт судебных штрафов.

Вместе с тем ВС РФ также занял определенную позицию в отношении женщин, имеющих

малолетних детей. По их мнению, женщина не может воспитать малолетнего ребенка, будучи в СИЗО.

Поэтому заключение этой категории женщин под стражу предлагается только при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и т.д.

Достижением гуманизации уголовной политики является запрет на заключение под стражу лиц с тяжелыми заболеваниями [11].

Однако факт заболевания должен быть подтвержден соответствующими документами, выданными медицинскими организациями.

В отношении тяжело больных ВС РФ вышел еще с одной инициативой, страдающих и без того тяжелой болезнью. Предлагается их немедленно освободить от отбывания наказания и т.д.

В обычной, повседневной жизни для граждан судимость имеет много отрицательных последствий, ограничений. К примеру, некоторые должности будут недоступны человеку с судимостью.

Согласно установленным правилам, их не допустят к трудовой деятельности в сфере образования и т.д.

Также, как показывает практика, наличие судимости влияет не только на гражданина, совершившего преступление, но и на его родственников, детей.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что тенденции гуманизации в настоящее время прочно закрепились и присутствуют в уголовной политике Российской Федерации. В частности, Президент Российской Федерации В. Путин уделяет серьезное внимание этому вопросу. Многие нормы уголовного права декриминализируются, не нарушая баланса интересов личности, общества и государства.

Вместе с тем вопросы гуманизации уголовной политики не должны зависеть от конкретной политической или иной ситуации, политического режима. Гуманизация - это процесс, который должен быть постоянным, «долгоиграющим», а не временным явлением.

Правотворческий процесс и правоприменительная практика всегда должны соответствовать представлениям людей о справедливости и нравственности, в том числе и при реализации принципа гуманизма в институтах освобождения от уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.

[2] Нефедова А. Суд да дело: Путин призвал продолжить гуманизацию уголовного законода-

тельства и поручил уделять особое внимание защите социально уязвимых категорий граждан // <https://iz.ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-prizval-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonodatelstva>

[3] Исправление наказания: кому нужна гуманизация уголовного законодательства // <https://profile.ru/society/ispravlenie-nakazaniya-komu-nuzhna-gumanizaciya-ugolovnogo-zakonodatelstva-1358489>

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.

[5] Федеральный закон от 03.07.2016 г. №323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ, 1996, N 25, ст. 2954.

[6] Нефедова А. Суд да дело: Путин призвал продолжить гуманизацию уголовного законодательства и поручил уделять особое внимание защите социально уязвимых категорий граждан // <https://iz.ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-prizval-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonodatelstva>

[7] Путин поручил продолжить гуманизацию уголовного законодательства России // <https://dzen.ru/a/Z7mG7lztJzWMaXZ7>

[8] Работа по гуманизации уголовного законодательства будет продолжена // <https://www.garant.ru/news/1796645/?ysclid=m7yjjhzfzv340719315>

[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[10] Путин поручил продолжить гуманизацию уголовного законодательства России // <https://dzen.ru/a/Z7mG7lztJzWMaXZ7>

11. Путин подписал закон об ограничении случаев заключения под стражу // <https://www.interfax.ru/russia/1011434>

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996//Collection of Legisla-

tion of the Russian Federation No. 25 Art. 2954 dated June 17, 1996.

[2] Nefedova A. Court yes case: Putin urged to continue the humanization of criminal legislation and instructed to pay special attention to the protection of socially vulnerable categories of citizens//[https ://iz. ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-priz-val-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonod-atelstva](https://iz.ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-priz-val-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonod-atelstva)

[3] Correction of punishment: who needs the humanization of criminal law//[https ://profile.ru/soci-ety/ispravlenie-nakazaniya-komu-nuzhna-guman-izaciya-ugolovnogo-zakonodatelstva-1358489](https://profile.ru/society/ispravlenie-nakazaniya-komu-nuzhna-guman-izaciya-ugolovnogo-zakonodatelstva-1358489)

[4] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 N 25 Art. 2954.

[5] Federal Law of 03.07.2016 No. 323-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation on Improving the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability"//Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 25, Art. 2954.

[6] Nefedova A. Court yes case: Putin urged to continue the humanization of criminal legislation and instructed to pay special attention to the protection of socially vulnerable categories of citizens//[https ://iz. ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-priz-val-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonod-atelstva](https://iz. ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-priz-val-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonod-atelstva)

ru/1842326/alena-nefedova/sud-da-dela-putin-priz-val-prodolzhit-gumanizaciyu-ugolovnogo-zakonod-atelstva

[7] Putin instructed to continue the humaniza-tion of the criminal legislation of Russia//[https ://dzen. ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7](https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7)

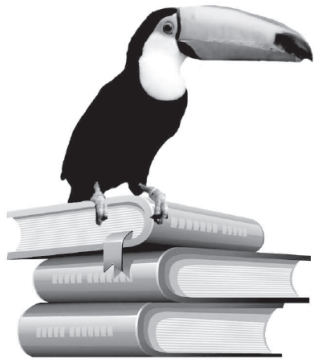
[8] Work on the humanization of criminal law will continue//[https ://www.garant.ru/news/1796645/?ysclid = m7yjjhzfv340719315](https://www.garant.ru/news/1796645/?ysclid=m7yjjhzfv340719315)

[9] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ, from 30.12.2008 N 7-FKZ, from 05.02.2014 N 2-FKZ, from 01.07.2020 N 11-FKZ, dated 06.10.2022) //Text of the Constitution, including new subjects of the Russian Federation - Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya region and Kherson region, is given in accordance with the official publication on the Official Internet portal of legal information ([www. pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)).

[10] Putin instructed to continue the humaniza-tion of the criminal legislation of Russia//[https ://dzen. ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7](https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7)

11. Putin signed a law restricting cases of detention//[https ://www.interfax.ru/russia/1011434](https://www.interfax.ru/russia/1011434)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-35-38

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: bezzateeva@inbox.ru

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В КОНТЕКСТЕ ШЕРЕНТИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется актуальное правовое противоречие между шерентингом (практикой размещения родителями информации о детях в сети Интернет) и правом несовершеннолетнего на забвение в Российской Федерации. Проведено исследование содержания и правовой природы права на забвение для несовершеннолетнего на основе российского законодательства (статьи 152.1 ГК РФ, ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ-436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), судебной практики и современных тенденций, связанных с цифровизацией. В статье выявлены существующие пробелы в правовом регулировании шерентинга, проанализирована гражданско-правовая ответственность за нарушение прав несовершеннолетних в цифровой среде, предложены пути совершенствования законодательства для обеспечения защиты цифрового следа ребенка. Особое внимание уделено соблюдению баланса между родительским правом на выражение и правом ребенка на приватность, а также механизмы практической реализации права на забвение для несовершеннолетних.

Ключевые слова: шерентинг, право на забвение, цифровой след, персональные данные несовершеннолетнего, защита изображения ребенка, информационная безопасность, право на приватность.

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University of Aeronautical Instrumentation

THE RIGHT TO FORGIVE A MINOR IN THE CONTEXT OF SHEARING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the current legal contradiction between sharenting (the practice of parents posting information about children in the Internet) and the right of minor to be forgotten in the Russian Federation. A study of the content and legal nature of the right to be forgotten for minors was conducted on the basis of Russian legislation (Article 152.1 of Civil Code of the Russian Federation, Federal Law № 149 «On information, information technologies and information protection» and Federal Law № 426 «On the protection of children from information harmful to their health and development»), judicial practice, and current trends related to digitalization. The article identifies existing gaps in the legal regulation of sharenting, analyzes civil legal liability for violations of the rights of minors in digital environment, and proposes ways to improve legislation to ensure the protection of child's digital footprint. Special attention is paid to maintaining a balance between the right of child to privacy, as well as mechanisms for practical implementation of the right to be forgotten for minors.

Key words: sharenting, right to be forgotten, digital footprint, personal data of a minor, protection of child's image, information security, right to privacy.

Развитие информационных технологий и повсеместное распространение социальных сетей привели к возникновению нового явления в семейной жизни – шерентинг (от англ. Sharenting - делиться), когда родители публикуют информацию, фотографии и видео своих детей в сети Интернет без согласия последних. По данным исследований, более 90% детей в возрасте до 2 лет уже имеют цифровой след, созданный исключительно родителями. Эта практика, хотя и кажется безобидной, порождает множество правовых вопросов, в том числе вопрос о праве ребенка на забвение в цифровой среде.

Право на забвение – это право субъекта персональных данных требовать удаления информации о нем из открытых источников. Хотя данное право признано на уровне Европейского союза и некоторыми другими юрисдикциями, в Российской Федерации правовое регулирование этого вопроса остается фрагментарным и недостаточно развитым, особенно применительно к несовершеннолетним. [1]

Методология исследования

Исследование основано на теоретическом анализе отечественной и зарубежной литературы по вопросам гражданского права, информационной безопасности и этики цифрового взаимодействия. Были использованы методы формально-юридического анализа для толкования действующих норм российского законодательства и выявления коллизий между родительскими правами и правом ребенка на приватность и сравнительно-правовой метод для сопоставления отечественного регулирования с подходами Европейского союза в части реализации права на забвение для разработки специальных механизмов защиты от коммерческого шерентинга.

Основными целями исследования являются:

Целью данного исследования является комплексный анализ правовых основ и проблем защиты права несовершеннолетнего на забвение в контексте шерентинга в Российской Федерации, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой области.

Шерентинг как социальное и правовое явление представляет собой практику родителей (и других законных представителей) размещать информацию, фотографии, видеозаписи своих детей в сети Интернет, на платформах социальных сетей без предварительного согласия самих детей. Данное явление охватывает спектр действий от публикации незначительных домашних снимков до коммерциализации детского контента. В научной литературе выделяют несколько видов шерентинга:

- 1) Первичный шерентинг – публикация информации об ожидании рождения ребенка и информация о новорожденном;
- 2) Регулярный шерентинг – периодические публикации фотографий и сведений о развитии ребенка;
- 3) Коммерческий шерентинг – монетизация детского контента через рекламу и спонсорские ссылки.

Статистика свидетельствует о массовом распространении этой практики. Исследования показывают, что примерно 32% несовершеннолетних указали, что их родители публикуют информацию о них в сети Интернет несмотря на просьбы этого не делать; 44 % родителей не принимают никаких мер защиты персональных данных своих детей в сети. [2, с. 396]

Шерентинг попадает под действие норм гражданского права Российской Федерации, регулирующих защиту нематериальных благ, в частности изображения гражданина. С точки зрения гражданского права, размещение изображения ребенка в сети Интернет нарушает статью 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой закреплено: «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. Применительно к несовершеннолетним, согласно статье 28 ГК РФ, право давать согласие на использование несовершеннолетнего, до достижения им полной дееспособности, принадлежит его родителям или иным законным представителям. Таким образом, родитель, публикующий фотографию своего ребенка, формально имеет право на принятие соответствующего решения. Однако здесь возникает ключевое противоречие: в то время как закон предоставляет право родителям принимать решение в интересах ребенка, это право не является безграничным. Согласно п.3 статьи 65 Семейного кодекса РФ, родители не вправе причинять вред психическому и нравственному развитию детей. Шерентинг может расцениваться как такой вред, особенно если создание цифрового следа осуществляется без учета интересов ребенка и может нанести вред ему в будущем.

Право на забвение тесно связано с конституционным правом на приватность, закрепленном в статье 23 Конституции РФ и правом на личную и семейную тайну, закрепленными в статье 24 Конституции РФ. Согласно статье 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об Информации, информационных технологиях и о защите информации», информация, содержащая сведения о

самом заявителе, перестает быть свободно распространяемой, если она является недостоверной, неактуальной или изначально была размещена с нарушением действующего законодательства. Кроме того, статья 152.1 ГК РФ предусматривает, что если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 (то есть без согласия), распространено в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения». Эта норма является основной гражданско-правовой основой для защиты несовершеннолетнего от шерентинга. Применительно к несовершеннолетним дополнительную защиту обеспечивает Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – 436-ФЗ), который требует защиты несовершеннолетних от вредной информации.

В соответствии со статьей 152.1 ГК РФ, нарушение субъекта в отношении его изображения влечет возможность применения различных способов защиты нарушенных прав. В контексте шерентинга несовершеннолетний (или его законный представитель от имени ребенка) может требовать:

- 1) удаления изображения из сети Интернет,
- 2) пресечения дальнейшего его распространения,
- 3) компенсации морального вреда,
- 4) возмещения убытков.

Практика Конституционного Суда РФ подтверждает необходимость защиты прав несовершеннолетнего при использовании его персональных данных. В частности, в постановлении от 18 января 2024г. Конституционный Суд РФ признал необходимость соблюдения баланса между родительскими правами, в том числе в рамках обеспечения безопасности своего ребенка и правом на приватность других лиц. Эта позиция может быть экстраполирована на шерентинг: родительское право на распоряжение информацией о ребенке не должно нарушать право несовершеннолетнего на приватность и право на забвение.

Необходимо отметить, что гражданско-правовая ответственность требует доказывания причинения вреда. В случае шерентинга доказывание морального вреда затруднено, так как суды требуют конкретных доказательств нанесения психического и психологического вреда. Для несовершеннолетних эта проблема особенно актуальна, так как необходимо установить, что размещение информации о ребенке повлекло его психологические или эмоциональные травмы. Однако долгосрочные последствия создания цифрового следа могут проявиться только в будущем, когда

несовершеннолетний станет взрослым. Российское законодательство не содержит четких критериев, определяющих объем и содержание информации о несовершеннолетнем которые могут быть размещены в сети Интернет без нарушения его прав. Также не определены пределы прав родителей распоряжаться изображениями и информацией о ребенке. Кроме того, законодательно нет закрепления возраста ребенка, при достижении которого несовершеннолетний может дать согласие на обработку его персональных данных самостоятельно. Это создает проблему, когда ребенок в возрасте 14-16 лет требует удаления информации о себе, но его законный представитель против. Возникает коллизия прав ребенка и его представителя. Также в случае удаления информации из открытого доступа нет гарантии полного удаления из сети Интернет. Информация может быть сохранена в КЭШе поисковых систем, в архивах третьих лиц, скопирована другими пользователями. Российское законодательство не содержит четких механизмов, которые обязывали бы поисковые системы и платформы социальных сетей немедленно и полностью уничтожить информацию, а также механизма отслеживания распространения информации в глубокой части Интернета. [3, с. 114]

Для обеспечения гарантированной защиты права несовершеннолетнего на забвение в контексте шерентинга предлагаются следующие рекомендации:

- 1) Внесение изменений в № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и № 152-ФЗ «О персональных данных», которые четко закрепляют:
 - возраст, при достижении которого несовершеннолетний может самостоятельно требовать удаления информации о себе (например, 14 лет, что соответствует наступлению частичной дееспособности в соответствии с ГК РФ);
 - виды информации, которые не могут быть размещены без его согласия (например, информация о здоровье, финансовом положении, образовании и особых приметах);
 - критерии допустимости коммерческого использования информации о ребенке и механизмы защиты его прав при монетизации контента;
 - обязанности операторов социальных сетей и поисковых сетей соблюдать определенные сроки при удалении информации о несовершеннолетних по их требованию или требованию их законных представителей.
- 2) Внесение изменений в № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред

их здоровью и развитию», которые закрепят право несовершеннолетнего на удаление информации о себе из открытого доступа, размещенной без его согласия, а также механизмы компенсации морального вреда.

Подводя итоги, шерентинг представляет собой комплексное явление, порождающее множество правовых проблем, в том числе проблему защиты права на забвение несовершеннолетнего. Проведенное исследование показало что:

- 1) Право на забвение несовершеннолетнего имеет конституционную основу и закреплено в отдельных нормах российского законодательства (статьи 23, 24 Конституции РФ, статья 152.1 ГК РФ, статья 10.3 ФЗ № 149), однако его содержание недостаточно развито и не адаптировано к сегодняшнему уровню цифровизации и практике шерентнга.
- 2) Гражданско-правовая защита от нарушения прав несовершеннолетнего в цифровой среде закреплена в рамках статьи 152.1 ГК РФ, но ее применение затруднено отсутствием четких критериев и механизмов практической реализации.
- 3) Законодательство РФ содержит существенные пробелы в части определения возраста согласия несовершеннолетнего, критериев допустимого шерентнга и механизмов технической реализации права на забвение.
- 4) Баланс между родительскими правами и правами несовершеннолетнего должен быть достигнут путем признания того, что право ребенка на приватность и право на забвение не являются подчиненными праву роди-

теля распоряжаться информацией о ребенке, особенно в тех случаях, если такое распоряжение может нанести вред психическому и здоровью, и дальнейшему развитию несовершеннолетнего.

Развитие правовой защиты права на забвение несовершеннолетнего в условиях цифровой трансформации – это необходимое условие не только соблюдения конституционных прав ребенка, но и формирования здоровой правовой культуры в информационном обществе.

Список литературы:

- [1] Беззатеева В.С. Концепция персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего в Российском праве. // Журнал «Образование и право». — 2025. — №12.
- [2] Франциско Хосэ Аранда Серна Социально-правовые риски шерентнга в процессе формирования цифровой идентичности ребенка в социальных сетях // Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — №2. — С.394-402.
- [3] Лаврик М.А. Цифровая личность и право: монография // М.: Проспект, 2022. — 256 с.

References:

- [1] Bezzateeva V.S. The concept of personal digital sovereignty of a minor in Russian law. // Journal "Education and Law." — 2025. — №12.
- [2] Francisco Hose Aranda Serna Socio-legal risks of sherenting in the process of shaping a child's digital identity on social media//Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — №2. - S.394-402.
- [3] Lavrik M.A. Digital personality and law: monograph//M.: Prospect, 2022. - 256 s.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-39-43

СТАРОВОЙТОВ Даниил Сергеевич,
аспирант кафедры публично-правовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
e-mail: starovojtovd@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ЗАЩИТЕ АДВОКАТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ХОДЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессуальных и материально-правовых трудностей, с которыми сталкивается адвокат при осуществлении защиты прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей в рамках налоговых споров. Рассматривается специфика правового статуса индивидуального предпринимателя, создающая пограничную зону между нормами гражданского и налогового права, что существенно осложняет выработку позиции по делу. Автор детально исследует проблемы, возникающие на досудебной стадии взаимодействия с налоговыми органами, включая истребование документов и проведение проверок, а также в ходе судебного разбирательства. Особое внимание уделяется противоречиям в судебной практике, связанным с оценкой доказательств, применением презумпции добросовестности налогоплательщика и разграничением хозяйственных и личных расходов предпринимателя. На основе проведенного исследования формулируются практические рекомендации для адвокатов, направленные на повышение эффективности защиты в данной категории споров. Результаты работы могут быть использованы в практической деятельности юристов, а также в процессе совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, налоговые споры, защита прав налогоплательщиков, адвокат в налоговом процессе, налоговые проверки, судебные споры с ИФНС, доказательства в налоговых спорах, презумпция добросовестности предпринимателя.

STAROVOITOV Daniil Sergeevich,
Postgraduate Student,
Department of Public Law Disciplines
Moscow University of Finance and Law

PROBLEMS IN PROTECTING INDIVIDUAL ENTREPRENEURS IN TAX DISPUTES BY A LAWYER

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the procedural and substantive legal challenges faced by lawyers when defending the rights and legitimate interests of individual entrepreneurs in tax disputes. It examines the specific legal status of individual entrepreneurs, which creates a boundary between civil and tax law, significantly complicating the development of a legal position. The author thoroughly examines the issues that arise during pre-trial interactions with tax authorities, including document collection and audits, as well as during trial proceedings. Particular attention is paid to inconsistencies in judicial practice related to the assessment of evidence, the application of the presumption of good faith by the taxpayer, and the distinction between business and personal expenses. Based on the research, practical recommendations for lawyers are formulated aimed at increasing the effectiveness of defense in this category of disputes. The results of this work can be used in the practice of lawyers, as well as in the process of improving legislation and law enforcement practice.

Key words: individual entrepreneur, tax disputes, protection of taxpayers' rights, lawyer in tax proceedings, tax audits, litigation with the Federal Tax Service, evidence in tax disputes, presumption of good faith of an entrepreneur.

Налоговые споры представляют собой одну из наиболее сложных и конфликтных сфер правоприменительной практики в Российской Федерации. Особое положение в этой системе занимают индивидуальные предприниматели (далее – ИП), чей правовой статус совмещает в себе элементы правосубъектности физического лица и хозяйствующего субъекта. Такая двойственность порождает специфические правовые коллизии, существенно осложняющие процесс защиты их интересов. Адвокат, выступая в качестве представителя предпринимателя в споре с налоговым органом, сталкивается с комплексом проблем методологического, процессуального и материально-правового характера. Данная статья посвящена анализу указанных проблематик и поиску путей их разрешения в рамках действующего законодательства.

Специфика защиты ИП обусловлена не только их статусом, но и характером налоговых претензий, которые зачастую находятся на стыке административной, налоговой и даже уголовной ответственности. Как верно отмечается в литературе, деятельность адвоката в подобных случаях требует синтеза глубоких познаний в корпоративном, трудовом, административном и уголовном праве, а также безупречного владения актуальной судебной практикой [1, с. 12]. Однако применительно к ИП эта универсальность осложняется отсутствием четкой границы между личным имуществом гражданина и активами, используемыми в предпринимательской деятельности, что создает дополнительные риски.

Первоосновой для понимания проблем защиты является анализ особого статуса ИП. Согласно законодательству, предприниматель отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание. Эта норма, закрепляющая полную имущественную ответственность, является ключевым фактором риска. Налоговый орган в ходе контрольных мероприятий или в судебном процессе часто стремится максимально расширить базу для потенциального взыскания, стирая грань между коммерческими операциями и личными финансами предпринимателя.

Таким образом, перед адвокатом стоит фундаментальная задача: выстроить линию защиты, которая бы надежно отграничивала частную сферу клиента от его профессиональной деятельности. Это требует скрупулезной работы с документами, подтверждающими целевой характер использования финансовых потоков и имущества. В отличие от руководителя юридического лица,

чьи полномочия и пределы ответственности могут быть очерчены уставом и корпоративными решениями, предприниматель действует единолично, что, с одной стороны, упрощает управленческую структуру, а с другой – концентрирует все правовые риски на одной фигуре.

Недостаточная законодательная конкретизация статуса ИП в отдельных процедурных аспектах налогового контроля создает почву для злоупотреблений и расширительного толкования норм со стороны контролирующих органов. В науке звучат обоснованные предложения о необходимости закрепления ясных и однозначных критериев для определения процессуального статуса участников налоговых правоотношений, что повысило бы уровень правовой определенности для всех сторон [4, с. 49]. Отсутствие такой четкости вынуждает адвоката тратить существенные ресурсы на преодоление процессуальных барьеров, не связанных непосредственно с сутью налоговых претензий.

Эффективная защита начинается не в зале суда, а на этапе легальной оптимизации хозяйственной деятельности и грамотного реагирования на первые запросы проверяющих. Как показывает практика, раннее вмешательство адвоката в процесс взаимодействия с налоговыми органами способно значительно снизить, а в идеале – полностью исключить вероятность негативного исхода и судебного разбирательства [1, с. 14].

Превентивный этап защиты включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- Аналитическая работа и правовой аудит. Адвокат проводит детальное изучение всей финансово-хозяйственной документации предпринимателя. Целью является не формальная проверка, а содержательная экспертиза на предмет соответствия требованиям налогового законодательства, внутренней согласованности и полноты. Выявление слабых мест в документообороте позволяет своевременно устранить недочеты до того, как они станут поводом для доначислений.
- Консультационное сопровождение. Налоговый консалтинг для ИП не должен сводиться к разовым заключениям. Его результатом является формирование продуманной стратегии ведения деятельности, включая рекомендации по оформлению операций, выбору оптимального налогового режима и документальному обеспечению расходов [1, с. 15]. Адвокат разъясняет клиенту не только права, но и обязанности, формируя правовую культуру предпринимателя.
- Непосредственное взаимодействие с контролирующими органами. Уже на стадии

камеральной или выездной проверки присутствие адвоката критически важно. Он обеспечивает корректность процедуры, фиксирует возможные нарушения со стороны инспекторов, правильно формулирует позицию клиента в объяснениях и возражениях. Адвокат следит за тем, чтобы налоговый орган не выходил за рамки предмета проверки и не запрашивал избыточные сведения, не относящиеся к делу.

Именно на этой стадии наиболее остро проявляется проблема недостаточной осведомленности многих предпринимателей о своих правах в ходе контрольных мероприятий. Адвокат выступает в роли не только защитника, но и просветителя, уравнивая ситуацию, когда профессиональный проверяющий противостоит неспециалисту.

Если превентивные меры не принесли результата и дело доходит до суда, адвокат сталкивается с рядом системных сложностей.

Во-первых, это проблема доказывания. Бремя доказательства обоснованности налоговых вычетов, правомерности учета расходов и соответствия операций требованиям закона лежит на предпринимателе. Налоговый орган часто занимает позицию, при которой любая формальная нестыковка в документах трактуется как признак получения необоснованной налоговой выгоды. Адвокату необходимо выстроить такую систему доказательств, которая убедительно демонстрировала бы не только формальное соответствие, но и реальность хозяйственных операций, их деловую цель. Это требует привлечения специалистов, проведения экспертиз, сбора первичных документов от контрагентов, что само по себе является ресурсоемкой задачей.

Во-вторых, сохраняется проблема судебного толкования норм в пользу фискального интереса. Несмотря на позитивные изменения в практике высших судов, на уровне арбитражных судов первой и апелляционной инстанций нередко решения, где при наличии малейших сомнений они трактуются в пользу бюджета. Задача адвоката – апеллировать к принципам справедливости, соразмерности и непротиворечивости правоприменения, активно используя позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в аналогичных спорах.

В-третьих, особая проблема связана со спорами, балансирующими на грани административной и уголовной ответственности. Крупные размеры недоимки могут стать основанием для возбуждения уголовного дела по статьям Уголовного кодекса РФ. Как отмечают исследователи, участие адвоката в подобных делах является критически важным элементом защиты [2, с. 158]. Адвокат

должен с первых минут возникновения угрозы уголовного преследования выстраивать линию защиты, направленную на недопущение переквалификации административного правонарушения в уголовное преступление, доказывая отсутствие умысла и добросовестность заблуждения предпринимателя.

4. Комплексный характер защиты и необходимость стратегического подхода

Защита интересов ИП не может ограничиваться узконалоговыми аспектами. Часто налоговый спор является лишь следствием или частью более масштабного конфликта: проблем с контрагентами, давления со стороны недобросовестных партнеров или даже внутрисемейных противоречий, если бизнес является семейным. Поэтому адвокат на этапе первичного анализа обязан выявить все обстоятельства, влияющие на положение клиента: конфликты, параллельные проверки иными государственными органами, наличие трудовых споров с наемными работниками и т.д. [3, с. 56].

Такой комплексный подход предполагает:

1. Оценку всех правовых рисков, включая риски привлечения к субсидиарной или иной дополнительной ответственности.
2. Анализ соответствия действий предпринимателя не только налоговому, но и гражданскому, административному, а в потенциале и уголовному законодательству.
3. Разработку единой стратегии, координирующей действия по всем направлениям: от обжалования решений налоговой инспекции до представительства в возможных корпоративных или трудовых конфликтах.

Стратегия должна быть гибкой, сочетающей активное оспаривание неправомерных решений с поиском компромиссных решений, например, в рамках процедур рассрочки или реструктуризации задолженности, если доначисления признаны законными.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Защита адвокатом интересов индивидуального предпринимателя в налоговом споре представляет собой особую юридическую задачу, существенно отличающуюся от аналогичной работы с организациями. Эта специфика коренится в дуалистичной правовой природе самого статуса ИП, который находится на пересечении частноправовых и публично-правовых начал. Именно данное обстоятельство становится источником основных сложностей для правоприменителя и, как следствие, для защитника.

Анализ показал, что ключевые проблемы формируются на всех стадиях развития кон-

фликта. На этапе налогового контроля адвокат сталкивается с чрезмерно широким и подчас произвольным толкованием инспекциями своих полномочий по истребованию документов и проведению проверок. Действия, формально соответствующие Налоговому кодексу, на практике часто выходят за рамки разумной необходимости, создавая необоснованную нагрузку на предпринимателя. Противостоять этому возможно только через скрупулезный анализ каждого требования на предмет его законности и обоснованности, а также активное использование механизмов досудебного обжалования.

Наиболее острые вопросы возникают в судебном процессе. Судьба спора во многом решается в плоскости доказывания. Установлено, что основная трудность заключается в обосновании экономической оправданности расходов и их связи с деятельностью, направленной на извлечение дохода. Суды нередко занимают крайне формалистичную позицию, отказывая в учете затрат при малейшем отклонении от идеальной документальной картины. В такой ситуации стратегия защиты должна смещаться от пассивного представления документов к активному конструированию доказательственной системы. Необходимо последовательно выстраивать логические цепочки, подкреплять первичные документы пояснениями, свидетельскими показаниями, экспертизами, любыми данными, которые позволяют восстановить реальную хозяйственную картину. Цель адвоката – сделать предпринимательскую логику действий клиента максимально видимой и убедительной для суда.

Отдельного внимания заслуживает проблема применения презумпции добросовестности налогоплательщика. Несмотря на ее законодательное закрепление, на практике эта презумпция зачастую не работает в пользу ИП. Сложился своеобразный перевернутый подход, при котором предприниматель вынужден доказывать свою невиновность, а налоговый орган оспаривает его доводы, а не представляет равные по силе доказательства нарушений. Адвокату необходимо настойчиво требовать от суда прямого применения данной презумпции, ссылаясь на позиции Верховного Суда РФ, и перекладывать бремя опровержения законности операций на контролирующий орган.

На основе проведенного исследования можно предложить следующие практические рекомендации для адвокатов:

1. На этапе правового консультирования и сопровождения: необходимо активно формировать превентивную правовую позицию. Это включает в себя помощь в организации документооборота, разъяснение рисков тех

или иных операций, подготовку внутренних документов, фиксирующих хозяйственные решения. Важно «заложить» в повседневную деятельность предпринимателя доказательственный потенциал на будущее.

2. На досудебной стадии: любое взаимодействие с налоговым органом должно быть максимально формализовано. Все требования, запросы, действия инспекции подлежат тщательной правовой оценке. Целесообразно направлять мотивированные возражения на акты проверок, ходатайства, жалобы в вышестоящий орган. Это не только механизм защиты, но и способ формирования будущей доказательственной базы для суда.
3. В суде первой инстанции: центральным элементом стратегии становится построение непротиворечивой и детализированной фактической модели. Следует избегать излишней юридикации в ущерб фактам. Необходимо «оживить» цифры в документах, показав реальную предпринимательскую деятельность. Особый акцент нужно делать на обосновании тех расходов и операций, которые чаще всего оспариваются (коммунальные платежи по месту жительства, использование личного имущества, представительские расходы).
4. В апелляции и кассации: здесь акцент смещается на выявление существенных нарушений норм материального и процессуального права, допущенных нижестоящими инстанциями. Требуется тщательная работа с протоколами судебных заседаний, оценка соответствия выводов суда представленным доказательствам, поиск противоречий в судебных актах.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации проблем защиты ИП в налоговых спорах через призму адвокатской деятельности, что углубляет научные представления о гарантиях прав субъектов малого предпринимательства в публично-правовых отношениях. Практическая ценность определяется конкретными предложениями, которые могут быть непосредственно использованы юристами в их работе, что способствует повышению качества юридической помощи и, в конечном счете, уровня правовой защищенности предпринимателей.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном анализе отраслевой специфики деятельности ИП (например, в сфере IT, услуг, розничной торговли), порождающей особые виды налоговых рисков. Кроме того, требует отдельного изучения вопрос процессуального соу-

частия и взаимодействия адвоката с налоговыми консультантами и аудиторами в ходе комплексной защиты предпринимателя.

Таким образом, эффективная защита индивидуального предпринимателя в налоговом споре возможна лишь при условии глубокого понимания адвокатом не только норм налогового права, но и экономической сути предпринимательской деятельности, умения работать с доказательствами в условиях их постоянного дефицита и противоречивой судебной практики. Это сложный, творческий процесс, требующий от защитника максимальной вовлеченности, настойчивости и стратегического мышления. Преодоление выявленных проблем – это путь не только к успеху в конкретном деле, но и к формированию более сбалансированной и справедливой правоприменительной практики в целом.

Список литературы:

- [1] Абдулова Н.А. Особенности участия адвоката-представителя налогоплательщика в досудебном урегулировании налогового спора // Адвокатская практика. – 2014. – № 5. – С. 10-16.
- [2] Авакян Е.Г. Понятие адвокатуры и адвокатской деятельности при их цифровой трансформации // Адвокатская практика. 2023. N 4. С. 2 — 5.
- [3] Адвокатура и адвокатская деятельность / под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. — М.: Юрайт, 2023. 605 с.
- [4] Адвокатская практика: Учебник / Отв. ред. А.А. Клишин, А.А. Шугаев; МГИМО (У) МИД России. — М.: Статут, 2016. — 506 с.
- [5] Без перемен в судебной системе повышение роли адвокатуры невозможно [Интервью с С.И. Володиной] // Закон. 2023. N 2. С. 8 — 13.
- [6] Ваймер Е.В. Налоговая правосубъектность налогоплательщика-организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — № 3. — С. 48-52.
- [7] Гусев А.Н. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации: часть вторая. — М.: Экзамен, 2008. — 847 с.
- [8] Гаврилов С.Н. Об отдельных терминах в области цифровой трансформации адвокатской деятельности и адвокатуры // Адвокатская практика. 2022. N 5. С. 43 — 50.
- [9] Мрастьева О.С., Семикина С.А. К вопросу о развитии цифровизации и ее влиянии на адвокатуру // Адвокатская практика. 2023. N 3. С. 2 — 6.
- [10] Никифоров А.В. Использование инструментов стратегического моделирования для оценки влияния инициатив государства на адвокатуру. Часть 1 «Три горизонта роста» // Адвокатская практика. 2023. N 3. С. 7 — 12.
- [11] Сведения об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 27.09.2013, протокол N 1) (ред. от 04.12.2017) // «Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ», N 4, 2013.
- [12] Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 10.06.2002, N 23, ст. 2102.

References:

- [1] Abdulova N.A. Peculiarities of participation of the lawyer-representative of the taxpayer in the pre-trial settlement of the tax dispute//Legal practice. – 2014. – № 5. – S. 10-16.
- [2] Avakyan E.G. The concept of advocacy and advocacy in their digital transformation//Legal practice. 2023. N 4. S. 2-5.
- [3] Advocacy and advocacy/ed. A. A. Klishin, A. A. Shugaev. - M.: Yurayt, 2023. 605 p.
- [4] Legal practice: Textbook/Rev. ed. A.A. Klishin, A.A. Shugaev; MGIMO (U) of the Russian Foreign Ministry. - M.: Statute, 2016. - 506 s.
- [5] Without changes in the judicial system, it is impossible to increase the role of the bar [Interview with S.I. Volodina]//Law. 2023. N 2. S. 8-13.
- [6] Weimer E.V. Tax personality of a taxpayer-organization//Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2018. – № 3. - S. 48-52.
- [7] Gusev A.N. Article-by-article commentary to the Tax Code of the Russian Federation: part two. - M.: Exam, 2008. - 847 p.
- [8] Gavrilov S.N. On certain terms in the field of digital transformation of advocacy and advocacy// Legal practice. 2022. N 5. S. 43-50.
- [9] Mrastyeva O.S., Semikina S.A. On the development of digitalization and its impact on the bar//Lawyer practice. 2023. N 3. S. 2-6.
- [10] Nikiforov A.V. Use of strategic modeling tools to assess the impact of government initiatives on the bar. Part 1 “Three horizons of growth “//Law practice. 2023. N 3. S. 7-12.
- [11] Information on advocacy and advocacy in the Russian Federation (approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of 27.09.2013, protocol No. 1) (as amended on 04.12.2017) //Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, No. 4, 2013.
- [12] Federal Law of 31.05.2002 N 63-FZ (as amended by 24.07.2023) “ On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation “//” Collection of Legislation of the Russian Federation,” 10.06.2002, No. 23, Art. 2102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-44-49

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна,
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории,
классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина,
e-mail: gnotova@yandex.ru

КАРПУКОВА Альбина Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры всеобщей истории,
классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина,
e-mail: alikata@yandex.ru

НОСКОВА Ксения Сергеевна,
Магистрант
Приволжского филиала РГУП им. В.М. Лебедева
Магистрант НГПУ им. К. Минина,
e-mail: ksn118noskovaksenia@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового механизма защиты конституционных прав и свобод личности. Авторами акцентируется внимание на факторах актуальности темы исследования. Подчеркивается, что наряду с постоянным обновлением социальных процессов в государстве возникает угроза правам человека, что подтверждается материалами судебной практики по отдельным составам преступлений против прав и свобод личности. Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ, представляют собой основание правового статуса личности и выступают не только юридическими категориями, но и политико-социальными направляющими. Поэтому государство, в лице его органов, обязано обеспечивать реальный механизм исполнения и защиты. Для понимания роли уголовного права в охране конституционных прав авторами изложены несколько базовых аспектов, согласно которым уголовный закон обязывает законодателя включать в уголовно-правовые нормы такие составы преступлений, которые обеспечивают реальную охрану общественных отношений, связанных с обеспечением прав и свобод личности. И главное – уголовный закон выступает мерой *ultima ratio*, то есть применяется только тогда, когда иные правовые средства не способны обеспечить должный уровень защиты. В заключение подведены итоги исследования. Авторы отмечают, что система преступлений против конституционных прав и свобод не является статичной. Изменения, происходящие в политической системе, развитие институтов гражданского общества и совершенствование государственного управления приводят к необходимости постоянной корректировки уголовного законодательства. Наличие эффективных уголовно-правовых средств позволит государству своевременно реагировать на угрозы, которые могут поставить под сомнение конституционные гарантии.

Ключевые слова: государство, индивид, правовой статус личности, уголовно-правовая защита, конституционные права и свободы, гарантии, легитимность, уголовный закон, конституционные принципы, правоприменитель, правосознание.

GNETOVA Lyudmila Valentinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General History,
Classical Disciplines and Law of the K. Minin
Nizhny Novgorod State Pedagogical University

KARPUKOVA Albina Anatolyevna,
Senior Lecturer at the Department of General History,
Classical Disciplines and Law of the K. Minin
National State Pedagogical University

NOSKOVA Ksenia Sergeevna,
Master's Student
at the Volga Branch of the V.M. Lebedev
Russian State University of Justice Master's student
of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

FEATURES OF CRIMINAL PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN

Annotation. *The article examines the features of the criminal law mechanism for protecting the constitutional rights and freedoms of individuals. The authors focus on the relevance of the research topic. It is emphasized that along with the constant updating of social processes in the state, there is a threat to human rights, which is confirmed by the materials of judicial practice on certain crimes against the rights and freedoms of individuals. The rights and freedoms of individuals and citizens, which are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, represent the foundation of the legal status of individuals and serve not only as legal categories, but also as political and social guidelines. Therefore, the state, represented by its agencies, is obliged to provide a real mechanism for enforcement and protection. To understand the role of criminal law in the protection of constitutional rights, the authors have outlined several basic aspects according to which the criminal law obliges the legislator to include in the criminal law norms such criminal offenses that ensure real protection. Most importantly, the criminal law acts as an ultima ratio, meaning that it is only applied when other legal means are unable to provide the necessary level of protection. In conclusion, the study summarizes its findings. The authors emphasize that the system of crimes against constitutional rights and freedoms is not static. Changes in the political system, the development of civil society institutions, and improvements in public administration necessitate constant adjustments to the criminal law. The availability of effective criminal law measures allows the state to respond promptly to threats that may undermine constitutional guarantees.*

Key words: *state, individual, legal status of an individual, criminal law protection, constitutional rights and freedoms, guarantees, legitimacy, criminal law, constitutional principles, law enforcement officer, legal awareness.*

Конституционные права и свободы человека и гражданина представляют собой основу правового статуса личности и являются тем ценностным ядром, вокруг которого выстраивается деятельность государства, его институтов и правовой системы в целом. Российская Конституция относит права и свободы к высшей социальной ценности, тем самым возлагая на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите. Однако реализация этих прав в реальной общественной практике нередко сталкивается с различными угрозами, включая деяния, прямо посягающие на установленный конституционный порядок обеспечения прав и свобод. Именно поэтому уголовно-правовой механизм защиты занимает одно из ключевых мест в системе гарантий прав человека.

Актуальность исследования данного вопроса обусловлена рядом факторов.

Во-первых, развитие демократических институтов и постоянное обновление социальных процессов порождают новые формы угроз для прав личности, что требует уточнения и переосмысления уголовно-правовых средств противодействия им.

Во-вторых, судебная практика по делам данной категории остаётся неоднозначной, а по отдельным составам преступлений характеризуется малой распространённостью, что создаёт сложности в правоприменении и формировании единых подходов.

В-третьих, усиление внимания государства к соблюдению конституционных гарантий делает исследование механизмов уголовно-правовой защиты не только теоретически значимым, но и практически востребованным.

Конституционные права и свободы человека и гражданина представляют собой фундамент

правового статуса личности, определяя пределы государственной власти, характер взаимоотношений государства и индивида, а также направления развития правовой системы. В современном российском конституционализме права и свободы выступают не только юридическими категориями, но и политико-социальными ориентирами, задающими масштаб ответственности государственных органов и формирующими пространство для свободного развития личности [12].

Конституция РФ обращает внимание на важность прав и свобод, устанавливая обязанность государства не только признавать их, но и обеспечивать реальные механизмы реализации и защиты.

Личные права и свободы образуют законодательную основу статуса человека, гарантируя безопасность и защищенность его частной жизни. Эти права обладают неограниченным характером и нацелены на защиту самостоятельности личности от незаконного вмешательства со стороны государства, общества или других лиц [15].

Политические права и свободы создают условия для участия граждан в управлении государственными делами. К ним относятся право избирать и быть избранным, свобода мнений, собраний, объединений, доступ к государственной службе на равных началах. Они являются основой функционирования демократических институтов и позволяют гражданам влиять на формирование органов власти и контроль за их деятельностью [8].

Особенность системы конституционных прав и свобод заключается в её целостности и взаимодополняемости: каждая группа прав формирует предпосылки для реализации остальных, что позволяет говорить о комплексной природе правового статуса личности. Нельзя рассматривать права изолированно — политическая свобода невозможна без личной неприкосновенности, экономическая активность требует юридического равенства, а духовное развитие опирается на социальные гарантии.

Правовое значение конституционных прав и свобод проявляется в нескольких сферах деятельности.

Во-первых, они служат законодательной основой всей нормативно-правовой системы, определяя содержание законов и требуя их соответствия конституционным принципам.

Во-вторых, конституционные права и свободы выступают критерием правомерности государственной власти: любое отклонение от принципа приоритета прав личности подрывает доверие к власти и противоречит демократическому устройству государства.

В-третьих, права и свободы являются ключевым ориентиром судебной деятельности. Конституционный Суд России неоднократно подчёркивал, что при толковании закона суды должны исходить из необходимости наиболее полной реализации прав человека.

В-четвёртых, система прав и свобод служит гарантом стабильности общества. Эффективная защита прав личности снижает социальное напряжение, укрепляет правопорядок и способствует гармонизации отношений личности и государства [6].

Уголовно-правовая защита занимает особое место в системе гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая наиболее строгие меры реагирования на их нарушения. Если иные отрасли права создают условия для реализации правомочий и предоставляют механизмы их восстановления, то именно уголовное право устанавливает запрет на наиболее опасные деяния, наносящие существенный вред конституционным ценностям. Таким образом, уголовно-правовой механизм отражает крайнюю форму защиты прав личности, направленную на предотвращение действий, способных поставить под угрозу фундаментальные основы правового статуса человека.

Для понимания роли уголовного права в охране конституционных прав необходимо учитывать несколько базовых аспектов. Во-первых, уголовный закон в Российской Федерации исходит из конституционного принципа, согласно которому признание, соблюдение и защита прав и свобод — обязанность государства. Этот принцип обязывает законодателя включать в уголовно-правовые нормы такие составы преступлений, которые обеспечивают реальную охрану общественных отношений, связанных с обеспечением прав личности. Во-вторых, уголовный закон выступает мерой *ultima ratio*, то есть применяется только тогда, когда иные правовые средства не способны обеспечить должный уровень защиты [10].

Глава 19 Уголовного кодекса РФ представляет собой систематизированный комплекс норм, направленных на охрану широкого круга конституционных прав: политических, личных, экономических, социальных и культурных. Каждая статья данной главы отражает определённый аспект правового статуса личности и предоставляет государству инструменты для пресечения посягательств, влекущих угрозу реализации соответствующих прав. При этом уголовная ответственность наступает не за сам факт нарушения субъективного права, а за общественно опасное деяние, нарушающее установленный порядок его обеспечения [5].

Особое значение в уголовно-правовой защите имеют нормы, устанавливающие ответственность за дискриминацию, нарушение равноправия, вмешательство в частную жизнь, незаконное ограничение политических свобод, воспрепятствование участию в выборах или деятельности общественных объединений. Эти деяния подрывают основы демократического и правового государства, поскольку без реального действия прав и свобод невозможно функционирование гражданского общества и система контроля над властью.

Примечательно, что уголовный закон не только защищает индивидуальные интересы, но и охраняет конституционный порядок в целом. Например, преступления против избирательных прав затрагивают не только конкретных участников избирательного процесса, но и формирование органов власти, их легитимность и доверие общества. Нарушение неприкосновенности частной жизни наносит ущерб не только потерпевшему, но и принципу автономии личности, который имеет конституционное значение. Такая двойственная природа охраняемых интересов усиливает важность уголовно-правовой защиты [2].

Уголовный закон играет важную роль и в профилактике нарушений конституционных прав. Наличие установленных санкций позволяет предупреждать противоправные действия, оказывая воспитательное, предупредительное и ограничительное воздействие. В условиях развивающейся правовой системы значение профилактической функции возрастает, поскольку она способствует формированию правосознания, основанного на уважении к правам личности [15].

Существенное значение имеет и деятельность правоохранительных органов, которые обязаны своевременно выявлять и пресекать преступления против конституционных прав. Эффективность уголовно-правовой защиты во многом определяется уровнем организованности органов дознания, следствия и прокуратуры, их готовностью обеспечивать защиту прав личности на всех этапах уголовного процесса [3].

Наличие эффективных уголовно-правовых средств позволяет государству своевременно реагировать на угрозы, которые способны поставить под сомнение реальную достижимость конституционных гарантий, а также обеспечивает поддержание баланса между интересами личности, общества и государства.

Система преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, установленная в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, демонстрирует многоуровневый способ законодателя к охране правового ста-

туса личности. Включение этих норм в отдельную главу обусловлено тем, что они ограждают базовые общественные отношения, связанные с возможностью реализации гражданами своих основных прав. Тем самым глава 19 УК РФ формирует своеобразный «каркас» уголовно-правовой защиты личности, который дополняет и развивает конституционные гарантии [1].

Данная система преступлений характеризуется тем, что охраняемые уголовным законом права и свободы обладают различной отраслевой природой и затрагивают широкий круг сфер жизнедеятельности человека: политическую, трудовую, экономическую, социальную, личную, культурную. Это предопределяет многообразие составов преступлений и необходимость гибкой классификации, учитывающей специфику охраняемых объектов [13].

Структура главы 19 УК РФ отражает стремление законодателя обеспечить максимально широкую сферу охраны прав личности. Несмотря на различия в характере объектов охраны, все преступления данной категории объединены тем, что они посягают на установленный Конституцией уровень гарантии прав и свобод, а значит — наносят вред основам правового статуса человека [4].

Стоит отметить, что система преступлений против конституционных прав и свобод не является статичной. Изменения в политической системе, развитие институтов гражданского общества и совершенствование государственного управления приводят к необходимости корректировки уголовного законодательства. За последние годы законодатель неоднократно вносил изменения в составы преступлений данной главы, уточняя признаки деяний, формулировки диспозиций и расширяя круг обстоятельств, влияющих на квалификацию. Это связано, прежде всего, с развитием цифровых технологий, изменением способов коммуникации и возникновением новых форм вмешательства в частную жизнь и политические процессы [11]. Характерной особенностью преступлений данной категории является высокая зависимость их состава от правил, установленных иными отраслями права. Например, для квалификации деяний, связанных с избирательными правами, необходимо учитывать нормы избирательного законодательства; при оценке нарушения трудовых прав важно учитывать положения трудового права и локальных нормативных актов. Это делает уголовно-правовой анализ более сложным и требует от правоприменителя глубокого знания смежных отраслей.

Кроме того, система преступлений против конституционных прав и свобод выделяется в том числе и специфичным порядком возбуждения уго-

ловных дел. По некоторым составам необходима жалоба потерпевшего, что объясняется личным характером охраняемых прав. По другим — преследование осуществляется публично, поскольку общественная опасность деяния выходит за пределы интересов отдельного индивида [7].

Таким образом, система преступлений против конституционных прав и свобод по УК РФ представляет собой разветвлённую, внутренне согласованную совокупность уголовно-правовых норм, направленных на защиту наиболее важных аспектов правового статуса личности. Эта система отражает как фундаментальные конституционные ценности, так и особенности современного общественного развития, что делает её ключевым элементом механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Авраменко, Л. А. Уголовно-правовая охрана частной жизни в России: современные проблемы и тенденции // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 94–105.
- [2] Анисимов, А. П. Избирательные права граждан: проблемы реализации и защиты в российском уголовном праве // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 56–68.
- [3] Баюнов, С. В. Преступления против конституционных прав и свобод: анализ судебной практики 2020–2022 гг. // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 37–44.
- [4] Беляев, М. Г. Нарушение равенства прав и свобод: теоретические основы и правоприменительные проблемы // Российский юридический журнал. – 2022. – № 5. – С. 120–132.
- [5] Галкина, Е. С. Свобода совести и религиозные права: современные криминологические вызовы // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 10. – С. 89–97.
- [6] Зайцев, П. А. Преступления против политических прав граждан: тенденции правоприменения // Уголовное право. – 2024. – № 1. – С. 74–83.
- [7] Иванова, Н. С. Тайна переписки и иных сообщений: проблемы уголовно-правовой защиты // Законность. – 2020. – № 11. – С. 45–52.
- [8] Карманов, И. В. Правовые механизмы защиты интеллектуальных прав в современных условиях // Патентное право. – 2022. – № 3. – С. 15–24.
- [9] Кузнецова, Т. В. Уголовная ответственность за воспрепятствование журналистской деятельности // Вопросы правоведения. – 2021. – № 2. – С. 67–76.
- [10] Лебедев, А. М. Проблемы применения ст. 142.1 УК РФ: фальсификация итогов голосования // Российский криминологический взгляд. – 2024. – № 2. – С. 33–41.

[11] Михайлов, Р. С. Нарушение неприкосновенности жилища: современные тенденции квалификации // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 6. – С. 58–65.

[12] Петрова, Ю. А. Конституционные права личности и их уголовно-правовая защита: новые подходы // Журнал конституционного права. – 2023. – № 9. – С. 22–30.

[13] Романенко, И. Н. Трудовые права граждан и уголовная ответственность работодателя: анализ проблемных ситуаций // Социальное и трудовое право. – 2022. – № 4. – С. 11–20.

[14] Смирнов, О. Л. Защита чести, достоинства и частной жизни средствами уголовного права // Вестник уголовного права. – 2021. – № 8. – С. 99–107.

[15] Шумилов, В. П. Конституционно-правовые основы защиты прав и свобод: практика последних лет // Государственная служба и право. – 2024. – № 3. – С. 13–25.

[16] Фортунатов А.Н. Роль «презумпции добра» в коммуникативном процессе. // Vestnik of Minin University. 2023. Volume 11, no. 4 С. 15 <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-15>

References:

- [1] Avramenko, L. A. Criminal law protection of private life in Russia: modern problems and trends// Journal of Russian Law. – 2021. – № 7. - S. 94-105.
- [2] Anisimov, A.P. Electoral rights of citizens: problems of implementation and protection in Russian criminal law//State and law. – 2023. – № 4. - S. 56-68.
- [3] Bayunov, S.V. Crimes against constitutional rights and freedoms: analysis of judicial practice 2020-2022//Russian judge. – 2023. – № 2. - S. 37-44.
- [4] Belyaev, M. G. Violation of equality of rights and freedoms: theoretical foundations and law enforcement problems//Russian Law Journal. – 2022. – № 5. - S. 120-132.
- [5] Galkina, E. S. Freedom of conscience and religious rights: modern criminological challenges// Constitutional and municipal law. – 2023. – № 10. - S. 89-97.
- [6] Zaitsev, P. A. Crimes against the political rights of citizens: trends in law enforcement//Criminal law. – 2024. – № 1. - S. 74-83.
- [7] Ivanova, N. S. Secrecy of correspondence and other messages: problems of criminal legal protection//Legality. – 2020. – № 11. - S. 45-52.
- [8] Karmanov, I.V. Legal mechanisms for the protection of intellectual rights in modern conditions// Patent law. – 2022. – № 3. - S. 15-24.
- [9] Kuznetsova, T.V. Criminal liability for obstruction of journalistic activities//Issues of law. – 2021. – № 2. - S. 67-76.

[10] Lebedev, A.M. Problems of the application of Art. 142.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: falsification of voting results//Russian criminological view. – 2024. – № 2. - S. 33-41.

[11] Mikhailov, R. S. Violation of the inviolability of the home: modern trends in qualifications//Criminal proceedings. – 2020. – № 6. - S. 58-65.

[12] Petrova, Yu. A. Constitutional rights of the individual and their criminal legal protection: new approaches//Journal of Constitutional Law. – 2023. – № 9. - S. 22-30.

[13] Romanenko, I. N. Labor rights of citizens and criminal liability of the employer: analysis of prob-

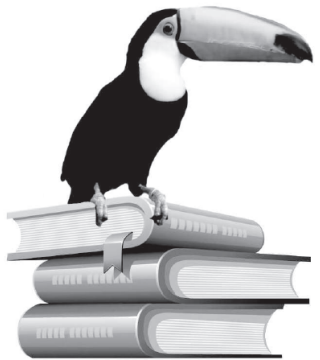
lem situations//Social and labor law. – 2022. – № 4. - S. 11-20.

[14] Smirnov, O. L. Protection of honor, dignity and privacy by means of criminal law//Bulletin of Criminal Law. – 2021. – № 8. - S. 99-107.

[15] Shumilov, V. P. Constitutional and Legal Foundations for the Protection of Rights and Freedoms: Practice of Recent Years//Civil Service and Law. – 2024. – № 3. - S. 13-25.

[16] Fortunatov A.N. The role of the “presumption of good” in the communication process.//Vestnik of Minin University. 2023. Volume 11, no. 4 С. 15 <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-15>

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-50-55

КАНЗАМАНОВ Арстанбек Курманбекович,
Адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров,
Академия управления МВД России,
e-mail: kanza_ars_92@mail.ru

ЕДИНСТВО ДЕМОКРАТИИ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ - ГАРАНТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статей обосновывается позиция автора относительно единства демократизации общественной жизни и повышения уровня правовой культуры, развития правового сознания кыргызского общества. Статей анализируется правовая культура как фундаментальный элемент правового государства, закреплённого в Конституции Кыргызской Республики, где подчеркивается суверенная, демократическая и унитарная система, основанное на уважении к правам человека и нравственным ценностям, таким как честь, совесть и толерантность. Автор рассматривает проблемы снижения правового сознания в кыргызском обществе. Для повышения уровня правовой культуры предлагается акцент на профессиональную подготовку кадров органов внутренних дел в Академии МВД Кыргызской Республики и Республиканским учебным центром МВД Кыргызской Республики, самообразование и применение Кодекса профессиональной этики сотрудников ОВД Кыргызской Республики, который регулирует нравственные и поведенческие нормы, включая антикоррупционные стандарты. Автор заключает, что без интеграции нравственности в правовую практику общество не сможет обеспечить демократический миропорядок. Исследование опирается на анализ статистических данных и предлагает рекомендации по укреплению правовой культуры в рамках конституционного и административного права для восстановления доверия к сотрудникам органов внутренних дел.

Ключевые слова: Конституция, Кодекс профессиональной этики, сотрудник органов внутренних дел, кыргызское общество, право, демократия, правовая культура, правонарушения, преступность.

KANZAMANOV Arstanbek Kurmanbekovich,
Associate Professor of the Faculty
of Training scientific and scientific-pedagogical personnel,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

THE UNITY OF DEMOCRACY AND LEGAL CULTURE IN KYRGYZSTAN IS A GUARANTOR OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF KYRGYZ SOCIETY

Annotation. The article substantiates the author's position on the unity of democratization of public life and the improvement of legal culture and the development of legal consciousness in Kyrgyz society. The article analyzes legal culture as a fundamental element of the rule of law enshrined in the Constitution of the Kyrgyz Republic, which emphasizes a sovereign, democratic, and unitary system based on respect for human rights and moral values such as honor, conscience, and tolerance. The author examines the challenges of declining legal awareness in Kyrgyz society. To improve the level of legal culture, it is proposed to focus on the professional training of personnel in the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic Academy and the Republican Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, self-education, and the application of the Code of Professional Ethics of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, which regulates moral and behavioral norms, including anti-corruption standards. The author concludes that without integrating morality into legal practice, society will not be able to ensure a democratic world order. The

study relies on statistical data analysis and offers recommendations for strengthening legal culture within the framework of constitutional and administrative law an employee of the internal affairs bodies.

Key words: *Constitution, Code of Professional Ethics, an employee of the internal affairs bodies, Kyrgyz society, right, democracy, legal culture, offenses, crime.*

Конституция Кыргызстана устанавливает основы подлинного народовластия: независимое, суверенное, демократическое, унитарное, правовое, светское и социальное государство» [8]. Объявляя о правовом государстве, Республика Кыргызстан не может быть таковым без правовой культуры человека кыргызского общества, и ее фундамента-нравственности (честь, совесть, доброта, толерантность). Как известно, основой правовой культуры выступают правовые знания и уважение к праву, должное состояние правовой жизни общества, что является гарантией демократии, предполагающей повышение уровня правового сознания граждан, совершенствование правовой информированности [3].

Вместе с тем, Кыргызстан, как демократическое государство, систематически заявляет о себе как активный участник внутренних политических конфликтов, за которыми реально стоят ключевые социально-экономические, политические требования общества. Уже в 2024-2025 гг., киргизскими силовиками предупреждено пять попыток насильственного захвата власти, с организацией массовых беспорядков [9]. Анализ данных предотвращенных попыток госпереворотов с подготовкой дестабилизационных мероприятий в стране, позволяет автору отметить об идентичности их причин и последствий. Это недовольство правящим режимом киргизского политикума, заявляя в парламенте «ложь, призванная вызвать недовольство населения» [10] и организация протестных митингов с массовыми беспорядками. Так, в апреле 2025 г. киргизскими силовиками задержано 11 «активистов» патриотической организации «Жети дубан» («Семь дубов») во главе с бывшим депутатом парламента Б. Керимбековым, у которых помимо различного оружия, камуфлированной одежды, изъята инструкция «Как свергнуть руководство страны», написанную на русском и арабском языках [11]. Годом ранее, президент Республики Садыр Жапаров заявлял о предотвращении госпереворота, который готовили «те, кто раньше воровал из казны и уклонялся от уплаты налогов» [12]. Нынешние попытки госпереворотов в Кыргызстане сопровождаются провокационными манипуляциями в социальных сетях, обращенными к представителям неорганизованной молодежи страны [13]. Следует признать, что рост количества преступлений, особенно среди молодежного поколения, по мнению автора, сви-

детельствует о не благополучности, социально-политической нестабильности в стране, обществе. Тревожной тенденцией является уголовная преступность подростков (несовершеннолетними) [14]. Так, в первом квартале 2025 г. в Кыргызстане, детьми было совершено 398 преступлений. Наибольшее число преступлений – это кражи- 49% от общего числа преступлений, грабежи (14,1%), хулиганство (8,8%), мошенничество (7,3%), скотокрадство (4,3%), угоны автотранспортных средств (3,5%) [15]. Молодежь в возрасте 18–28 лет в 2024г. совершила 6072 преступления (16,7%) [16].

Усугубляющим фактором является количество нарушений закона «борцами» с преступностью. В частности, в 2024 г. в Генпрокуратуре Кыргызстана зарегистрировано 151 заявление о применении пыток сотрудниками ОВД. 36 милиционеров привлечены к уголовной ответственности за различные преступления, в т.ч. 7-за наркокоррупцию [17]. 20 сотрудников ОВД привлечены к дисциплинарной ответственности за не добросовестное исполнение обязанностей [18]. За слабую организацию работы были освобождены от занимаемых должностей руководство УВД Нарынской области,

Ала-Букинского района, УВД Октябрьского района, ряд старших офицеров МВД. Главам двух городских отделов милиции указано на неполное служебное соответствие [19].

В 2024г. в Генпрокуратуре Кыргызстана зарегистрировано 151 заявление о применении пыток сотрудниками ОВД. Как отмечает Национальный центр по предупреждению пыток «несмотря на исчерпывающие доказательства, в 95% случаев выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а возбужденные дела прекращаются или завершаются оправдательными приговорами [20]. В 2022 г. в отношении 80 сотрудников ОВД КР возбуждены уголовные дела [21], в 2023 г.

77 уголовных дел [22]. В основном, правоохранители обвиняются в должностных преступлениях, незаконном преследовании и укрывательстве. То есть, тенденция нарушений закона сотрудниками ОВД Кыргызстана характеризуется постоянством.

Нельзя не отметить о «милицейском антирекорде» 2025 г. С января по май 2025 года в Бишкеке было задержано свыше

20 работников местной милиции, связанных с обвинениями в коррупции, взятками, торговлей наркотиками, изнасилованием и других уголовных преступлениях [23].

Сложившаяся практика и безнаказанность виновных иллюстрирует не только нарушения прав человека, но недоверие к правоохранительным органам» [24]. Таким образом, статистика нарушений закона, является признаком пренебрежения правовой культурой как у населения, так и сотрудников милиции Кыргызстана. По мнению автора, данный негативный фактор актуализирует задачу повышения уровня правовой культуры как отдельного человека, так и киргизского общества в целом. Объяснение позиции автора сводится к тому, что при отсутствии правовой культуры общество не может быть демократическим с демократическим миропорядком.

В этой связи, автор считает необходимым выделить отдельные факторы, способствующие повышению правовой культуры.

Прежде всего, обязательственными аспектами выступает должное выполнение сотрудниками ОВД служебных прав и обязанностей, с доминированием правовой компоненты – законности [1]. С другой стороны, без базовых знаний (законодательства, правовых процедур) невозможно работать в системе МВД [5]. В этой связи, особое место занимает подготовка и переподготовка сотрудников ОВД в Академии МВД КР и Республиканском учебном центре МВД КР [25].

10 января 2025 г. Министр внутренних дел У.О. Ниязбеков поручил руководству, преподавательскому составу «качественную подготовку кадров для ОВД, внедрение новых технологий и методов обучения, развитие цифровизации, улучшение образовательной и воспитательной работы» [26].

Автор не сомневается в должной реализации поручения Министра коллективом Академии МВД Кыргызской Республики. Однако, по нашему мнению, чтобы быть высококвалифицированным специалистом в области юриспруденции на практике, необходимо постоянно учиться, самосовершенствоваться. Гражданское общество Кыргызстана требует от современного сотрудника ОВД XXI века соответствия современным тенденциям в области права, профессионализма, коммуникации, высоких нравственных ориентиров, ответственности [2, 6].

Изучение действующего законодательства Кыргызстана позволяет выделить один из главных документов страны для сотрудников системы МВД, отражающий идеологические, социокультурные, ментальные, нравственные аспекты Кодекса профессиональной этики (2009 г.), разра-

ботанный и принятый Приказом МВД Кыргызстана, «обращенный к сознанию и совести сотрудника» (ст.1) [27].

Ассоциирование Приказа № 164 с главным документом системы МВД, автором обосновывается п.3 ст.2, указывающей: «гражданин Кыргызской Республики, проходящий службу в ОВД, или поступающий на службу, вправе, изучив содержание Кодекса, принять для себя его положения или отказаться от службы в ОВД». А следующей статьей (3) устанавливается ответственность за нарушение принципов и норм кодекса: «моральная ответственность перед обществом, служебным коллективом и своей совестью» (п.1); «наряду с моральной ответственностью, совершивший правонарушение или дисциплинарный проступок, несет дисциплинарную ответственность» (п.2).

Данный Кодекс представляет собой качественный обобщенный свод информации с практическими советами, ориентированных как для молодых, так и опытных сотрудников ОВД, проходящих службу в ОВД, где отражаются:

- профессиональный долг, честь, достоинство, нравственные принципы, ценности (ст. 5, 6, 7 гл.2);
- правила служебного, внеслужебного поведения (ст.8,9);
- культура речи и правила служебного общения, особенности общения с посетителями ОВД, в т.ч. с иностранными гражданами (гл.4);
- профессионально-этические требования к руководителю, его обязанности в обеспечении морально-психологического климата в коллективе (гл.5);
- требования к оформлению и содержанию служебных помещений, к внешнему виду сотрудника, протокола и регламента поведения (гл.6).

Заслуживает особого внимания гл.7 «Профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения сотрудника», отмечающей о видах, формах коррупционного поведения руководителя (ст.23-27) [28].

Казалось бы, Приказом предписывается довольно-таки много банальных, но уникально-сочетаемых многофункциональных, с личностным подходом нужных и работающих указаний, раскрывающих истинность правовой, нравственной культуры сотрудников ОВД, необходимых для достойного выполнения профессиональной деятельности, зарабатывания доверия граждан к милиции. С практической точки зрения, Кодекс профессиональной этики, по мнению автора, дает конкретные рекомендации как сотруднику милиции, так и обывателю готовые решения о реализа-

ции принципов, традиционных ценностей, образ действий, которые и регулируют интересы и потребности личности [4].

Автор считает, что систематизированные положения Кодекса профессиональной этики сотрудника ОВД Кыргызской Республики, изложены последовательно, доступным языком. Он должен быть «настойной книгой», которую следует изучать не только сотрудникам ОВД, но и учащимся школ Кыргызстана. Самое главное, если большинство людей страны будут осознавать три важных положения: можно; нельзя; надо, значит с правовой культурой в обществе не безнадежно. Важно не упускать из внимания цитату Аристотеля: «кто двигается вперед в знании, но отстаёт в нравственности, тот более идет назад, чем вперед» [7].

Список литературы:

- [1] Канунников Р.И., Савич И.И. Особенности формирования правовой культуры у сотрудников органов внутренних дел // Образование и право. 2023. № 2. С. 80-83.
- [2] Олейников В.С., Душкин А.С., Трипутин С.Н. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / В.С. Олейников, А.С. Душин, С.Н. Трипутин: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России – 2016. С. 156.
- [3] Осипов Р.А. Правовая культура, правосознание, правовая информированность: вопросы соотношения // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 615-617.
- [4] Синицына Т.И. Профессиональная этика и служебная этика: учебное пособие / Т.И. Синицына; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде. – Вологда. 2022 – С. 162.
- [5] Смирнов В.А., Оксамытный В.В. Теоретические аспекты проблемы профессиональной правовой культуры в сфере правоохранительной деятельности МВД России // Юридическая наука. 2023. №6. С. 43-46.
- [6] Шаламов В.В., Канунников Р.И. Значение взаимодействия морали и правовой культуры в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 11-2. С. 390-395
- [7] Аристотель Вся великая философия в одной книге / М.: АСТ. 2018. — 224 с.
- [8] Конституция Кыргызской Республики: Принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021г. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021г. № 59)
- [9] В Киргизии пресекли попытку организации массовых беспорядков и госпереворота. 9 апреля 2025г. /1 tv.ru>news/2025-04-09/506559-v_kirgizii_presekli; В Кыргызстане спецслужбы сорвали планы по организации массовых беспорядков и возможного переворота 4 мая 2025/ NEWS-ASIA; Заговорщики повели себя неспортивно. 13.11.2024. /kommersant.ru
- [10] Информационное Агентство Красная Весна. <https://rossaprimavera.ru/article/2f55f6a4>
- [11] Кармазин И. На этот раз в Бишкеке задержали 11 человек, среди них бывший депутат. ИЗВЕСТИЯ.IZ. 9 апреля 2025г.
- [12] МВД Киргизии задержало семерых подозреваемых в подготовке захвата власти. <https://kommersant.ru/doc/7297821.12.11.2024г.>; В Кыргызстане задержали подозреваемых в попытке госпереворота. <https://zakon.kz>; Спецслужбы Киргизии обвинили главу стройкомпании в попытке подготовки государственного переворота. <https://ritmeurasia.ru>news--2024-01-10--specsluzhby>.
- [13] Госпереворот предотвратили в Кыргызстане: как он мог произойти. <https://zakon.kz>. 09 апреля 2025
- [14] Уголовная ответственность в Кыргызстане наступает с 16 лет, по особо тяжким преступлениям (убийство, изнасилование и другое) - с 14.
- [15] В Кыргызстане за три месяца 2025 года несовершеннолетними совершено почти 400 преступлений. <https://caravan-info.kg>. 26 апреля 2025г.
- [16] Как изменился уровень преступности в Кыргызстане. report.kg>obschestvo/55597-kak-izmenilsja-uroven. 26 апреля 2025г.
- [17] Российская газета - Неделя - Киргизия: №37(9576) 19 февраля 2025 г. №9576; <https://svodka.akipress.org>news:2217371>
- [18] Десятки сотрудников милиции наказали и уволили после массовых беспорядков. nur.kz>world/2107893-desyatki-sotrudnikov-milicii...
- [19] Российская газета - Неделя - Киргизия: №37(9576) 19 февраля 2025 г. №9576; <https://svodka.akipress.org>news:2217371>
- [20] Безнаказанность за пытки подрывает доверие к правоохранительным органам, - Центр по предупреждению пыток/ svodka.akipress.org/news:2258261?f=cp 14 апреля 2025г.
- [21] Кыргызстане в 2022 году в отношении 80 сотрудников МВД возбуждены уголовные дела. <https://yenisafak.com>ru/world/3258> 13.04.2023г.
- [22] Генпрокурор Кыргызстана: в отношении милиционеров возбуждено 77 уголовных дел. 31.01.2024г.
- [23] Милицейский антирекорд: в Бишкеке с начала года. <https://report.kg>proisshestvija/23677-milicejskij>

[24] Безнаказанность за пытки подрывает доверие к правоохранительным органам, - Центр по предупреждению пыток/ svodka.akipress.org/news:2258261?f=cp 14 апреля 2025г.

[25] Указ Президента КР от 15 января 2000 года УП № 3 «О преобразовании Бишкекской высшей школы Министерства внутренних дел Киргизской Республики в Академию Министерства внутренних дел». Академия МВД КР имени генерал-майора милиции Алиева Э. А.- высшее учебное заведение, готовит квалифицированные кадры для ОВД, в том числе управленческие и научно-педагогические кадры системы МВД. Адрес: ул. Ч. Валиханова, 1а, Бишкек; Республиканский учебный центр МВД КР имени генерал-майора милиции Шабирова Ж. Ш. действует на основании Положения, Утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 16 сентября 2016 года № 495. Проводит первоначальную подготовку рядового и младшего начальствующего состава ОВД из числа гражданской молодежи. Функционирует филиал в городе Ош. Адрес: ул. Месароша, 3, Бишкек. Срок обучения -3 месяца.

[26] Подведены итоги деятельности Академии МВД за 2024 год. Пресс служба Академии МВД КР. 10.января 2025г.

[27] Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики: Приказ МВД Кыргызской Республики №164 от 27 февраля 2009 года

[28] Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики: Приказ МВД Кыргызской Республики №164 от 27 февраля 2009 года

References:

[1] Kanunnikov R.I., Savich I.I. Features of the formation of a legal culture among employees of the internal affairs bodies//Education and law. 2023. № 2. S. 80-83.

[2] Oleinikov V.S., Dushkin A.S., Triputin S.N. Professional and moral education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation/V.S. Oleinikov, A.S. Dushin, S.N. Triputin: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia - 2016. S.156.

[3] Osipov R.A. Legal Culture, Legal Awareness, Legal Awareness: Correlation Issues//Legal Technique. 2016. № 10. PP. 615-617.

[4] T.I. Sinitsyna. Professional ethics and service ethics: textbook/T.I. Sinitsyna; North-Western Institute (branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Development Fund of the branch of Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin in Vologda. - Vologda. 2022 - S. 162.

[5] Smirnov V.A., Oksamytny V.V. Theoretical aspects of the problem of professional legal culture in the field of law enforcement of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Legal science. 2023. №6. S. 43-46.

[6] Shalamov V.V., Kanunnikov R.I. The importance of the interaction of morality and legal culture in the professional activities of employees of the internal affairs bodies//Modern science-intensive technologies. 2021. № 11-2. P. 390-395

[7] Aristotle All great philosophy in one book/M.: AST. 2018. - 224 s.

[8] Constitution of the Kyrgyz Republic: Adopted by referendum (popular vote) on April 11, 2021. Enacted by the Law of the Kyrgyz Republic of May 5, 2021. № 59)

[9] An attempt to organize riots and a coup d'etat was stopped in Kyrgyzstan. April 9, 2025/1 tv. ru-news/2025-04-09/506559-v _ kirgizii _ presekli; In Kyrgyzstan, intelligence agencies thwarted plans to organize riots and a possible coup on May 4, 2025/NEWS-ASIA; The conspirators behaved unsportsmanlike. 13.11.2024. /kommersant.ru

[10] Red Spring News Agency. <https://rossaprimavera.ru/article/2f55f6a4>

[11] Karmazin I. This time 11 people were detained in Bishkek, among them a former deputy. IZVESTIA.IZ. April 9, 2025,

[12] The Ministry of Internal Affairs of Kyrgyzstan detained seven suspects in the preparation of the seizure of power. <https://kommersant.ru/doc/7297821.12.11.2024r.>; Suspects in a coup attempt were detained in Kyrgyzstan. <https://zakon.kz>; The special services of Kyrgyzstan accused the head of the construction company of trying to prepare a coup d'etat. <https://ritmeurasia.ru/news--2024-01-10--specsluzhby>.

[13] The coup d'etat was prevented in Kyrgyzstan: how it could have happened. <https://zakon.kz>. April 09, 2025

[14] Criminal liability in Kyrgyzstan begins from the age of 16, for especially serious crimes (murder, rape, etc.) - from 14.

[15] In Kyrgyzstan, almost 400 crimes were committed by minors in three months of 2025. <https://caravan-info.kg>. April 26, 2025

[16] How crime rates have changed in Kyrgyzstan. report.kg/obschestvo/55597-kak-izmenilsja-uroven. April 26, 2025

[17] Rossiyskaya Gazeta - Week - Kyrgyzstan: No. 37 (9576) February 19, 2025 No. 9576; <https://svodka.akipress.org/news:2217371>

[18] Dozens of police officers were punished and fired after the riots. <https://nur.kz/world/2107893-desyatki-sotrudnikov-milicii...>

[19] Rossiyskaya Gazeta - Week - Kyrgyzstan: No. 37 (9576) February 19, 2025 No. 9576; <https://svodka.akipress.org/news:2217371>

[20] Impunity for torture undermines trust in law enforcement - Centre for the Prevention of Torture/ svodka.akipress.org/news: 2258261? f = cp 14 April 2025.

[21] In 2022, Kyrgyzstan initiated criminal cases against 80 employees of the Ministry of Internal Affairs. <https://yenisafak.com/ru/world/325813.04.2023r>.

[22] Prosecutor General of Kyrgyzstan: 77 criminal cases have been initiated against police officers. 31.01.2024

[23] Police anti-record: in Bishkek since the beginning of the year. <https://report.kg/proisshestvi-ja/23677-milicejskij>

[24] Impunity for torture undermines trust in law enforcement - Centre for the Prevention of Torture/ svodka.akipress.org/news: 2258261? f = cp 14 April 2025.

[25] Decree of the President of the Kyrgyz Republic of January 15, 2000 UP No. 3 "On the transformation of the Bishkek Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic into the Academy of the Ministry of Internal Affairs." The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Police Aliyev E.A. is a higher educational institution that trains qualified personnel for the police department, includ-

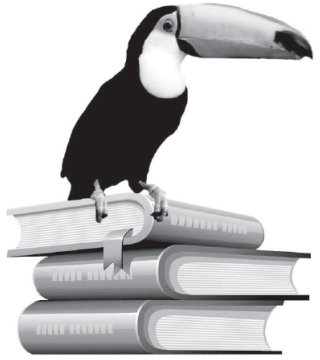
ing managerial and scientific and pedagogical personnel of the Ministry of Internal Affairs. Address: st. Ch. Valikhanova, 1a, Bishkek; The Republican Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Police Shabirov Zh. Sh. Operates on the basis of the Regulation approved by Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of September 16, 2016 No. 495. Conducts initial training of ordinary and junior commanding officers of the ATS from among civilian youth. There is a branch in the city of Osh. Address: st. Mesarosha, 3, Bishkek. The term of study is 3 months.

[26] The results of the Academy of the Ministry of Internal Affairs for 2024 are summed up. Press service of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic. January 10, 2025,

[27] On approval of the Code of Professional Ethics of an employee of the internal affairs bodies of the Kyrgyz Republic: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic No. 164 of February 27, 2009

[28] On approval of the Code of Professional Ethics of an employee of the internal affairs bodies of the Kyrgyz Republic: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic No. 164 of February 27, 2009

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-56-59

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал
«Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАЦИЕНТА ИНФОРМАЦИЕЙ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРАВА ВЫБОРА КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ И ПЛАСТИЧЕСКОГО ХИРУРГА

Аннотация. В статье анализируется действующее законодательство по праву граждан на выбор медицинской организации и пластического хирурга в клиниках пластической хирургии. Указанное право реализуется через обязательное информирование, но практика показывает пробелы в прозрачности из-за коммерциализации медицины. Актуальность исследования обусловлена особенностями пластической хирургии как сферы медицинской деятельности, характеризующейся значительными медицинскими и правовыми рисками. Целью исследования является анализ возможностей предоставления информации пациенту, как главного условия формирования осознанного и добровольного выбора клиники пластической хирургии и пластического хирурга. По результатам исследования сделан вывод о том, что полноценное, достоверное и доступное информирование пациента выступает необходимым элементом защиты его прав, а также обеспечивает баланс интересов пациента и медицинского работника при принятии решения о медицинском вмешательстве.

Ключевые слова: права пациента, медицинская информация, право выбора пластического хирурга, выбор клиники пластической хирургии, пластическая хирургия, информированное добровольное согласие, медицинские услуги, правовое регулирование здравоохранения, защита прав пациента.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch
of the "Pelevin & Partners Law Firm," attorney

PROVIDING THE PATIENT WITH INFORMATION TO IMPLEMENT THEIR RIGHT TO CHOOSE A PLASTIC SURGERY CLINIC AND A PLASTIC SURGEON

Annotation. The article analyzes the current legislation on the right of citizens to choose a medical organization and a plastic surgeon in plastic surgery clinics. This right is exercised through mandatory information, but practice shows gaps in transparency due to the commercialization of medicine. The relevance of the study is due to the peculiarities of plastic surgery as a field of medical activity characterized by significant medical and legal risks. The purpose of the study is to analyze the possibilities of providing information to the patient as the main condition for the formation of an informed and voluntary choice of a plastic surgery clinic and a plastic surgeon. Based on the results of the study, it was concluded that full, reliable and accessible information to the patient is a necessary element of protecting his rights, and also ensures a balance of interests of the patient and the medical professional when making a decision on medical intervention.

Key words: patient rights, medical information, the right to choose a plastic surgeon, choice of a plastic surgery clinic, plastic surgery, informed voluntary consent, medical services, legal regulation of healthcare, protection of patient rights.

Введение

Рост доступности высокотехнологичных медицинских услуг характеризуется высоким предложением на рынке пластической хирургии.

Здесь на первое место выходит обеспечение и защита прав пациента. Сфера пластической хирургии предусматривает медицинские вмешательства по инициативе пациента, которые осу-

ществляются в целях получения определенного результата. То есть, речь идет не только о сохранении здоровья, но и о последствиях, а также о визуальных качествах результата, оценка которых, является субъективной и может отличаться в зависимости от индивидуальных представлений. Именно поэтому, качество и полнота предоставляемой информации становятся определяющими факторами при принятии пациентом решения о целесообразности медицинского вмешательства.

Каждый пациент РФ обладает правом выбора медицинской организации и лечащего врача. Право пациента на информированность и свободу выбора закреплено в законодательстве Российской Федерации как один из главных принципов охраны здоровья граждан. Основными нормативно-правовыми актами здесь являются Конституция РФ [4] и Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7].

Однако практическая реализация данного права в сфере пластической хирургии нередко сталкивается с рядом проблем, обусловленных коммерциализацией медицинских услуг и активным использованием рекламных механизмов. Особая сложность заключается в недостаточной прозрачности сведений о профессиональной квалификации пластических хирургов, условиях оказания медицинской помощи и возможных рисках медицинского вмешательства. Указанные проблемы приводят к ситуации, при которой выбор пациента формируется на основе неполной или искаженной информации, и это влечет за собой неблагоприятные медицинские и правовые последствия. Обеспечение пациента полной, достоверной и доступной информацией следует рассматривать не как формальную обязанность медицинской организации, а как важнейший элемент реализации автономии пациента и принципа информированного добровольного согласия [7].

Информирование пациента охватывает сведения о характере и целях медицинского вмешательства, возможных рисках и осложнениях, альтернативных методах лечения, ожидаемых результатах, а также информацию о клинике пластической хирургии и квалификации пластического хирурга. Только при наличии такого объема информации пациент способен принять осознанное и взвешенное решение, соответствующее его ожиданиям.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления роли медицинской информации в обеспечении права пациента на выбор клиники пластической хирургии и пластического хирурга. Анализ проблемы позволит определить значение информирования пациента как инструмента повы-

шения качества медицинской помощи, профилактики конфликтов и формирования доверительных отношений между пациентом и пластическим хирургом.

Основная часть

В настоящее время пациенты все более активно используют предоставленные им законом возможности для защиты своих прав и законных интересов как потребители медицинских услуг. За последние годы количество конфликтных и спорных ситуаций в данной сфере значительно возросло. К числу таких споров относятся как дела, разрешаемые в судебном порядке, так и внесудебные способы урегулирования разногласий, включая досудебное рассмотрение споров и применение претензионного порядка разрешения конфликтов [3].

Вопрос обеспечения пациента информацией затрагивает фундаментальные принципы взаимоотношений между клиникой пластической хирургии, пластическим хирургом и пациентом, которые закреплены в российском законодательстве о здравоохранении. Он связан с правом пациента на достоверную информацию о медицинской помощи. Пациент может получить необходимые для выбора сведения через доступную форму информации, например, размещенную на сайте клиники пластической хирургии или представленную в письменном виде при обращении.

Основным правовым инструментом, который конкретизирует обязанность предоставления информации пациенту, является институт информированного добровольного согласия (ИДС) [2]. Любое медицинское вмешательство, возможно только после того, как пациенту предоставлена полная информация. Согласие оформляется документально и включается в медицинскую карту пациента.

Пластическая хирургия является медицинской областью деятельности, поэтому требования информирования пациента перед пластической операцией не отличаются от общих. Пластический хирург должен объяснить пациенту не только как будет проводиться вмешательство и какие возможны результаты, но и какие альтернативы существуют (в том числе отказаться от операции или выбрать иной способ коррекции), какие риски для здоровья связаны с процедурой и какие последствия могут быть в случае осложнений. Пациент имеет право задавать вопросы и должен получить достоверные, ясные ответы, чтобы принять решение, которое соответствует его ожиданиям и интересам.

Важно понимать, что право на информацию не является абсолютным в смысле доступа ко всем данным. Конфиденциальность персональ-

ных данных и врачебная тайна ограничивают передачу сведений третьим лицам без согласия пациента. Клиника пластической хирургии обязана соблюдать баланс между предоставлением пациенту всей значимой информации для выбора, защитой конфиденциальности и частной жизни пациентов.

Кроме Конституции РФ и Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, в основополагающую базу по обеспечению пациента информацией и наделением правом выбора клиники пластической хирургии входят следующие нормативно-правовые акты:

1. Федеральный закон № 326 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», который прямо закрепляет право застрахованного лица на выбор медицинской организации и врача при получении медицинской помощи по ОМС. Указанный закон является юридической основой для реализации права пациента на информированный выбор клиники (в том числе пластической хирургии, если она участвует в программе) и конкретного врача [8].
2. Приказ Минздрава № 298н (2018 г.) указывает, что информация должна подтверждать наличие показаний для эстетических операций, а не только желания пациента [6].

При выборе клиники пластической хирургии, пациенту, в первую очередь, интересна информация о самой клинике. Клиники пластической хирургии обязаны предоставлять сведения о следующих характеристиках: лицензия на медицинскую деятельность по профилю «пластическая хирургия» (можно проверить на сайте Росздравнадзора), наличие операционного блока, реанимации, рентгена, лаборатории (приложения к Приказу Минздрава РФ № 298н от 31.05.2018). Пациент также имеет право получить информацию о сроках госпитализации и объеме обследования по стандартам, и как уже упоминалось ранее, самым главным документом для информирования пациента остается ИДС. Кроме того, независимо от вида медицинского вмешательства, для пациента важна информация о пластическом хирурге, его образовании, опыте, квалификации.

Постановлением правительства РФ № 736 от 11.05.2023 г. установлена обязанность клиник предоставлять пациенту по требованию полную информацию о платных услугах в доступной форме при заключении договора. В контексте пластической хирургии это напрямую реализует право пациента на информированный выбор клиники пластической хирургии и пластического хирурга, обеспечивая прозрачность и соответ-

ствие Закону о защите прав потребителей [1], ФЗ № 323 [7] и Порядку № 298н [8].

Нельзя не упомянуть и об этической стороне информирования пациента. Информирование предшествует ИДС и реализует принцип автономии [5]. Пациент должен понимать риски косметических дефектов или повторных операций, чтобы осознанно выбрать клинику пластической хирургии и пластического хирурга. Несоответствие информации реальности или по-другому можно сказать «завышенные обещания» — основание для исков по возмещению морального вреда.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что обеспечение пациента полной, достоверной и доступной информацией является главным условием реализации его права выбора клиники пластической хирургии. Для пластических операций характерна высокая степень вмешательства в физическое и психоэмоциональное состояние пациента. Кроме того, пациент ожидает получить определенный результат, соответствующий его ожиданиям. Именно поэтому, индивидуальное информирование пациента обладает выраженным правовым значением. Уровень доверия пациента к клинике пластической хирургии и выбранному пластическому хирургу во многом зависит от осознанного выбора, который основывается на качестве и полноте предоставляемой информации.

Анализ правового регулирования показал, что формальный подход к информированию пациента не обеспечивает надлежащей реализации его прав и может привести к нарушению принципа информированного добровольного согласия. В этой связи информирование пациента должно рассматриваться как непрерывный процесс профессиональной коммуникации, направленный на формирование объективного представления о предстоящем медицинском вмешательстве и его последствиях.

Можно сделать вывод о том, что надлежащее информирование пациента обеспечит защиту его законных прав и законных интересов. Совершенствование механизмов информирования пациентов, повышение прозрачности деятельности клиник пластической хирургии и развитие правовой культуры пластических хирургов являются необходимыми условиями эффективной реализации права пациента на осознанный выбор клиники пластической хирургии и пластического хирурга.

Список литературы:

- [1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (дата обращения: 29.12.2025).

[2] Запольский С. В., Пестрикова А. А. Становление института информированного согласия в медицине // Правовая информатика. 2024. № 1. С. 20-28.

[3] Ковалевский С. М., Шманцарь А. А., Тимофеева Н. Н. Проблемы реализации гражданами права на выбор медицинской организации и лечащего врача по договорам оказания медицинских услуг в рамках программ обязательного и добровольного медицинского страхования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2022. № 2. С. 123-131.

[4] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 29.12.2025).

[5] Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561281077> (дата обращения: 28.12.2025).

[6] Приказ Минздрава России от 31.05.2018 № 298н (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2018 № 51410) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (дата обращения: 27.12.2025).

[7] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Минздрав РФ. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (дата обращения: 29.12.2025).

[8] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ред. 28.11.2025) // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32206> (дата обращения: 29.12.2025).

References:

[1] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended by 07.07.2025) "On Protection of Consumer Rights" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (access date: 29.12.2025).

[2] Zapolsky S.V., Pestrikova A.A. Formation of the Institute of Informed Consent in Medicine // Legal Informatics. 2024. № 1. S. 20-28.

[3] Kovalevsky S. M., Shmantsar A. A., Timofeeva N. N. Problems of the exercise by citizens of the right to choose a medical organization and a attending physician under contracts for the provision of medical services within the framework of compulsory and voluntary medical insurance programs // Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2022. № 2. S. 123-131.

[4] "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (access date: 29.12.2025).

[5] Code of Professional Ethics of a Doctor of the Russian Federation // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561281077> (access date: 28.12.2025).

[6] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.05.2018 No. 298n (as amended on 14.08.2018) "On approval of the Procedure for the provision of medical care in the field of "plastic surgery" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 22.06.2018 No. 51410) // Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (access date: 27.12.2025).

[7] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended by 23.07.2025) "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (access date: 29.12.2025).

[8] Federal Law of 29.11.2010 No. 326-FZ "On Compulsory Health Insurance in the Russian Federation" (ed. 28.11.2025) // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32206> (access date: 29.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-60-63

ПРОТАСЕВИЧ Михаил Геннадьевич,
Аспирант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕСТНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В статье на основе анализа результатов доктринальных исследований, положений действующего законодательства (федерального, регионального), а также судебной практики, сформированной высшим органом конституционного правосудия, выявляется роль и значение местного референдума в реализации совокупности конституционных прав и свобод (индивидуальных, коллективных), имеющих сложную внутреннюю организацию.

Ключевые слова: народовластие, местный референдум, конституционное право на участие в референдуме, конституционное право на местное самоуправление.

PROTASEVICH Mikhail Gennadievich,
Postgraduate student of the Law Faculty
of Kazan (Volga Region) Federal University

LOCAL REFERENDUM AS A FORM OF EXERCISING CONSTITUTIONAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS

Annotation. The article is based on the analysis of the results of doctrinal research, the provisions of current legislation (federal, regional), as well as judicial practice, formed by the supreme body of constitutional justice, the role and significance of the local referendum in the realization of a set of constitutional rights and freedoms (individual, collective) with a complex internal organization is revealed.

Key words: democracy, local referendum, constitutional right to participate in a referendum, constitutional right to local self-government.

Народовластие как публично-правовое явление представляет собой, по мнению большинства авторов, организацию власти, при которой органы формируются и подчиняются воле большинства [1, с.48]. Однако, высшим и непосредственным выражением народовластия в контексте статьи 3 Конституции Российской Федерации также выступает референдум, представляющий собой не только конституционную ценность, но и самостоятельный политико-правовой институт государственно организованного общества. Отмечая сущность данного института, А.А. Петров констатирует, что институт референдума основан на идее превалирования воли народа над действиями и решениями публичной власти, включая изданные ими правовые акты [2, с.22].

Особенности территориальной организации государственной власти в федеративном государстве, как отмечает М.С. Велибеков, предполагает множественность местных и государственных уровней правового регулирования непротиворечивого комплекса внутрифедеральных институтов и институций, находящихся во взаимодействии и имеющих собственную динамику развития [3, с.93].

Местный референдум, будучи одним из таких институтов и институций в строении общественного устройства наряду с общенациональными и региональными референдумами, проводится, как предписывает ст.43 (часть1) Федерального закона от 20 марта 2025 года N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной вла-

сти»[4]. в целях решения непосредственно населением вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Таким образом, законодатель исходит из того, что местный референдум обладает несколькими возможностями: а) управленческим потенциалом для решения непосредственно гражданами вопросов местного значения; б) правотворческим потенциалом, выступая одним из правовых инструментов развития и совершенствования муниципального правотворчества.

Вместе с тем, дискуссионным является вопрос о субъективно-личностной стороне в институционализации института местного референдума, сущность которого может быть раскрыта исключительно исходя из его значимости для местного сообщества и личности.

Так, Н.В. Коваленко полагает, что в системе местного самоуправления складывается право на местный референдум, которое следует квалифицировать в качестве муниципального политического права [5, с.60-62]. Выделяя конструкцию «муниципальное политическое право», автор, с одной стороны, учитывает требование федерального законодателя относительно того, что местный референдум проводится на территории муниципального образования, а с другой - юридическую возможность участвовать в нем исключительно граждан Российской Федерации, место жительства которых расположено в границах соответствующего муниципального образования.

В тоже время, В.А. Кочев и П.А. Ромашов, выделяя конституционное право граждан на участие в референдуме, полагают, что в субъективном значении оно представляет собой систему юридических гарантий права каждого правосубъектного гражданина на участие в референдуме - его инициировании, подготовке, голосовании и других действиях, связанные с его проведением [6, с.389]. Позиция авторов основывается на требованиях Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[7] который определяет право на участие в референдуме в качестве конституционного права граждан Российской Федерации голосовать по вопросам референдума, а также участвовать в других действиях по подготовке и проведению референдума.

В свою очередь, М.М. Курячая полагает, что инициирование, подготовку, голосование и другие действия, связанные с проведением референдума следует рассматривать в соотношении с правом граждан Российской Федерации на референдум, которое представляет собой закрепленную на основе общепризнанных норм международного права систему принадлежащих совер-

шеннолетним гражданам Российской Федерации конституционных и производных от конституционных других юридических возможностей путем свободного коллективного волеизъявления непосредственно участвовать в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления [8, с.7].

Особый интерес в этом вопросе вызывает позиция законодателя. К примеру, Закон Республики Башкортостан от 4 июля 2007 года N 452-з «О местном референдуме в Республике Башкортостан» [9] рассматривает право на участие в местном референдуме как конституционное право граждан Российской Федерации голосовать по вопросам местного референдума, а также участвовать в других действиях по подготовке и проведению местного референдума. Вместе с тем, среди его структурных компонентов республиканский законодатель также выделяет: всеобщее право на участие в местном референдуме, равное право на участие в местном референдуме, право на прямое волеизъявление на местном референдуме.

В то же время, субъективно-личностная составляющая местного референдума может быть исследована с позиции самоуправленческих прав, среди которых главенствующее положение занимает конституционное право граждан на осуществление местного самоуправления, выступающего одним из общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Как известно, Федеральный закон от 20 марта 2025 года N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предусматривает, что граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а органы публичной власти в Российской Федерации должны его обеспечивать. В тоже время, в науке муниципального права сложились различные представления о его структуре и содержании.

В частности, Д.Ю. Устинов выделяет конституционное право граждан на формирование и осуществление местного самоуправления, сущность которого заключается в том, что оно является естественным и неотчуждаемым правом жителей муниципальных образований [10]. При этом, местные выборы и референдум рассматриваются им в качестве его наиважнейшей политической гарантии. В свою очередь, А.Р. Еремин полагает, что право на осуществление местного самоуправления формирует вместе с правом на участие в осу-

ществлении местного самоуправления структуру конституционного права на местное самоуправление, которое включает в себя вышеуказанные права, обладающие своей спецификой [11, с.10, 19-24]. Следовательно, право на местное самоуправление имеет комплексный и даже интегральный, как отмечает Е.С. Горбатюк, характер, поскольку объединяет разные права и свободы граждан, включая право участвовать или не участвовать в местном референдуме [12, с.75].

Обращение к итоговым решениям Конституционного Суда Российской Федерации в целом подтверждает высказанные теоретические суждения, поскольку в выработанных Конституционным Судом правовых позициях отмечаются:

- конституционное право на местное самоуправление, предусмотренное ст.133 Конституции Российской Федерации [13];
- право на осуществление местного самоуправления, которым обладает местное сообщество как первичный субъект данного права [14];
- гарантированное Конституцией Российской Федерации право на участие в осуществлении местного самоуправления как непосредственно, так и через своих представителей, включающее право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления [15].

Таким образом, порядок подготовки и проведения местного референдума, результатом которого может выступать правовой акт, устанавливающий муниципально-правовые нормы, обеспечивает реализацию комплекса прав и свобод, обладающих конституционно-правовой природой. К ним относятся: право на участие в референдуме, право на участие в местном референдуме, право на местное самоуправление, право на осуществление местного самоуправления и право на участие в осуществлении местного самоуправления.

Список литературы:

- [1] Арчаков М.Ю., Гандалоев Р.Б., Хазбиев А.Р. Понятие и сущность народовластия// Право и управление. 2024.№5. С.47-50
- [2] Петров А.А. Институт референдума в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации// Избирательное право. 2007. №4(8). С.22-29
- [3] Велибеков М.С. Правовые и организационные формы реализации народовластия путем референдума в федеративных государствах Западной Европы//Евразийская адвокатура. 2016.№2 (21).С.93-97
- [4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025.№12. Ст. 1200

[5] Коваленко Н.В. Право на местный референдум как муниципальное политическое право и его обеспечение органами местного самоуправления//Общество и право. 2014. №2(48).С.60-63

[6] Кочев В.А., Ромашов П.А. Конституционно-правовая природа референдума//Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып.45.С.386-417

[7] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 24. Ст. 2253

[8] Курячая М.М. Право граждан Российской Федерации на референдум: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2004.26 с.

[9] Республика Башкортостан. 12 июля 2007. №133 (26366)

[10] Устинов Д.Ю. Референдум и выборы как формы прямого народовластия граждан при осуществлении местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 18 с.

[11] Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы: автореф. дис....д-ра. юрид. наук. Саратов, 2003. 57 с.

[12] Горбатюк Е.С. Право на самоуправление в российских условиях//Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. №2.С.73-81

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2014 года N 19-П «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области «О муниципальных выборах» в связи с жалобой граждан А.В. Ерина и П.В. Лебедева» (Электронный ресурс).- Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164817/ (дата обращения: 30 ноября 2-25 года)

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 года N 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (Электронный ресурс).-Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (дата обращения: 30 ноября 2025 года)

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 15-П “По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И.И. Болтушенко и Ю.А. Гурмана” (Электронный ресурс).-Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102409/> (дата обращения: 30https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102409/ (дата обращения: 30 ноября 2025 года)

References:

[1] Archakov M.Yu., Gandaloev RB, Khazbiev A.R. The concept and essence of democracy//Law and governance. 2024.№5. S.47-50

[2] Petrov A.A. Institute of Referendum in the Light of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation//Electoral Law. 2007. №4(8). S.22-29

[3] Velibekov M.S. Legal and organizational forms of the realization of democracy through a referendum in the federal states of Western Europe// Eurasian Bar. 2016. NO. 2 (21) .C.93-97

[4] Collection of legislation of the Russian Federation. 2025.№12. Art. 1200

[5] Kovalenko N.V. The right to a local referendum as a municipal political right and its provision by local authorities//Society and law. 2014. NO. 2 (48) .C.60-63

[6] Kochev V.A., Romashov P.A. Constitutional and legal nature of the referendum//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. Issue 45.P.386-417

[7] Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. N 24. Art. 2253

[8] Kuryachaya M.M. The right of citizens of the Russian Federation to a referendum: author. dis... cande. jurid. sciences. M., 2004.26 p.

[9] Republic of Bashkortostan. July 12, 2007. №133 (26366)

[10] D.Yustinov. Referendum and elections as a form of direct democracy of citizens in the exercise of local self-government in the Russian Federation: author. dis... cand. jurid. sciences. Saratov, 2000. 18 pp.

[11] A.R. Eremin. Realization of Human and Citizen's Right to Local Self-Government in the Russian Federation: Constitutional Issues: Abstract. dis.... Dr.. jurid. sciences. Saratov, 2003. 57 pp.

[12] Gorbatyuk E.S. The right to self-government in Russian conditions//Political expertise: POLI-TEX. 2010. NO. 2.C.73-81

[13] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 26, 2014 N 19-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 18 of Article 35 of the Federal Law”On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation,” paragraph 4 of Article 10 and paragraph 2 of Article 77 of the Federal Law “On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation”and paragraph 3 of Article 7 of the Law of the Ivanovo Region “On Municipal Elections”in connection with the complaint of citizens A.V. Erin and P.V. Lebedev” (Electronic resource) .- Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164817/ (access date: November 30, 2-25 years)

[14] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 1, 2015 N 30-P “In the case of checking the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of article 35, parts 2 and 3.1 of article 36 of the Federal Law”On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation” and part 1.1 of article 3 of the Law of the Irkutsk region “On certain issues of the formation of local self-government bodies of municipalities of the Irkutsk region” in connection with the request of a group of deputies of the State Duma” (Electronic resource) .-Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (access date: November 30, 2025)

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 7, 2011 No. 15-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 3 of Article 23 of the Federal Law “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” and Parts 2 and 3 of Article 9 of the Law of the Chelyabinsk Region “On Municipal Elections in the Chelyabinsk Region” in connection with the complaints of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and citizens II.I. BolTushenko and Yu.A. Gurman” (Electronic resource) .-Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102409/> (accessed: 30https ://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102409/(accessed: November 30, 2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-64-70

БАРИНОВ Э.Э.,
доцент, кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ),
e-mail: mail@law-books.ru

ТУРОВ С.С.,
аспирант ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМА ДЕНАТУРАЛИЗАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются механизмы ограничения права на гражданство в Российской Федерации в контексте модернизации законодательства о гражданстве и усиления роли национальной безопасности. Целью исследования является комплексный анализ действующих институтов прекращения гражданства и отмены решений о приеме в гражданство как форм денатурализации, а также выявление их влияния на реализацию конституционного принципа единого и равного гражданства. В качестве материалов использованы положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», а также научные публикации. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы. Показано, что с принятием Федерального закона 2023 г. произошло фактическое слияние процедур отмены решений о приеме в гражданство и прекращения гражданства в единый институт, опирающийся на расширенный перечень уголовных и административных правонарушений, в том числе действий, создающих угрозу национальной безопасности и связанных с нарушением правил воинского учета. Установлено, что такая трансформация усилила защитную функцию института в сфере общественного порядка и национальной безопасности, но одновременно обострила коллизии с конституционным запретом лишения гражданства и принципом равного гражданства, а также поставила вопросы о соразмерности и правовой определенности оснований прекращения гражданства для натурализованных граждан. Сделан вывод о двойственной природе института прекращения гражданства как инструмента регулирования миграционных процессов и снижения общественной криминализации и как проявления суверенного права государства поддерживать высокий статус гражданства. Обосновывается необходимость дальнейшей доктринальной и законодательной конкретизации критериев и процедур прекращения гражданства, в том числе через уточнение оценочных категорий и укрепление процессуальных гарантий.

Ключевые слова: гражданство Российской Федерации; право на гражданство; прекращение гражданства; отмена решения о приеме в гражданство; денатурализация; национальная безопасность; административные правонарушения; миграционный контроль.

BARINOV E.E.,
Associate Professor, Candidate of Law,
FSBEI HE RSUE (RINH)

TUROV S.S.,
graduate student of FSBEI HE RSUE (RINH)

TERMINATION OF CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FORM OF DENATURALIZATION: CONSTITUTIONAL LEGAL LIMITS AND CHALLENGES TO NATIONAL SECURITY

Annotation. *The article examines the mechanisms for restricting the right to citizenship in the Russian Federation in the context of modernizing citizenship legislation and strengthening the role of national security. The aim of the study is a comprehensive analysis of existing institutions for the termination of citizenship and the abolition of decisions on admission to citizenship as forms of denaturalization, as well as identifying their impact on the implementation of the constitutional principle of single and equal citizenship. The materials used are the provisions of the Constitution of the Russian Federation, Federal Law of April 28, 2023 No. 138 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation," as well as scientific publications. The methodological basis of the study was formal-legal, systemic, comparative-legal and structural-functional methods. It is shown that with the adoption of the Federal Law of 2023, there was an actual merger of the procedures for canceling decisions on admission to citizenship and termination of citizenship into a single institution, based on an expanded list of criminal and administrative offenses, including actions that pose a threat to national security and related to violation of military registration rules. It was established that such a transformation strengthened the protective function of the institution in the field of public order and national security, but at the same time exacerbated conflicts with the constitutional prohibition of deprivation of citizenship and the principle of equal citizenship, and also raised questions about the proportionality and legal certainty of the grounds for the termination of citizenship for naturalized citizens. The conclusion was made about the dual nature of the institution of termination of citizenship as an instrument of regulating migration processes and reducing social criminalization and as a manifestation of the sovereign right of the state to maintain a high status of citizenship. The need for further doctrinal and legislative concretization of the criteria and procedures for the termination of citizenship is justified, including through the clarification of assessment categories and the strengthening of procedural guarantees.*

Key words: *citizenship of the Russian Federation; the right to citizenship; termination of citizenship; cancellation of the decision on admission to citizenship; denaturalization; national security; administrative offences; migration control.*

Введение

Право на гражданство является ключевым элементом конституционно-правового статуса личности, обеспечивающим устойчивую правовую связь индивида и государства, выражающуюся во взаимных правах и обязанностях. В Российской Федерации базовые гарантии данного права закреплены в Конституции Российской Федерации, согласно которой гражданство является единым и равным, а гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его [4]. Вместе с тем, современное законодательство о гражданстве и правоприменительная практика демонстрируют явную тенденцию к ужесточению механизмов, влияющих на сохранение статуса гражданина, прежде всего через институт прекращения гражданства и процедуры денатурализации.

Принятие Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» ознаменовало качественную трансформацию правового регулирования в рассматриваемой сфере. Новый закон не только кодифицировал ранее разрозненные подходы, но и существенно расширил основания прекращения гражданства, в том числе путем включения деяний, создающих угрозу национальной безопасности, а также ряда уголовных и административных правонарушений [5; 7]. На этом фоне в научной литературе усилилась дискуссия о допустимых границах

ограничения права на гражданство, о соотношении конституционного запрета лишения гражданства и институтов «отмены решений о приеме» и «прекращения гражданства», о соответствии действующей модели международным стандартам и принципу правовой определенности [3; 6; 9; 10].

Ряд авторов акцентируют внимание на том, что фактическое содержание ряда оснований прекращения гражданства приближает их к институту лишения гражданства, хотя формально такая санкция в российском праве не признается [6; 7; 10]. Другие исследователи подчеркивают двойственную природу института прекращения гражданства: как инструмента защиты общественного порядка и национальной безопасности, и одновременно проявления суверенного права государства определять круг лиц, обладающих гражданством [1; 3]. Отдельное направление дискуссии связано с тем, насколько справедливо и конституционно оправдано дифференцированное положение граждан по рождению и натурализованных граждан в части риска утраты статуса [2; 6].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена: 1) модернизацией законодательства о гражданстве и расширением оснований прекращения гражданства; 2) появлением новых механизмов использования уголовных и административных правонарушений как юридических фактов, влияющих на статус гражданина; 3) необходимостью доктринального осмысления границ

допустимого ограничения права на гражданство с точки зрения Конституции Российской Федерации и международных стандартов.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе действующих механизмов ограничения права на гражданство в России через институты прекращения гражданства, отмены решений о приеме и административно-правовые основания, а также в выявлении их влияния на реализацию конституционного принципа единого и равного гражданства.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать эволюцию правового регулирования форм упразднения (ограничения) гражданства в российском законодательстве с позиции разграничения категорий «лишение», «отмена» и «прекращение»; выявить основные коллизии и пробелы в регулировании отмены решений о приеме в гражданство и прекращения гражданства как оснований утраты правового статуса; исследовать административно-правовые основания прекращения гражданства, связанные с действиями, создающими угрозу национальной безопасности, и уклонением от воинского учета; охарактеризовать двойственную природу института прекращения гражданства и его роль как механизма регулирования миграционных процессов и поддержания высокого статуса гражданства; сформулировать выводы о пределах допустимого ограничения права на гражданство и возможных направлениях совершенствования правового регулирования.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую и нормативную базу исследования составили: Конституция РФ 1993 года и Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [5], специализированные научные публикации, данные официальной статистики.

В качестве основных методов исследования использованы: формально-юридический метод (для анализа структуры и содержания правовых норм о прекращении гражданства, отмене решений о приеме и административной ответственности, а также для выявления коллизий между Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством); системный и структурно-функциональный методы (для выявления места институтов прекращения гражданства и миграционного контроля в общей системе обеспечения национальной безопасности и регулирования миграционных процессов); сравнительно-правовой метод (для сопоставления отечественного подхода с международными стандартами и законодательством отдельных зарубежных государств); анализ и синтез научных позиций (для

обобщения выводов различных авторов о юридической природе прекращения гражданства и его соотношении с лишением гражданства).

Результаты и обсуждения

1. Эволюция форм упразднения гражданства: от отмены решений к прекращению гражданства как «универсальной» категории

Периодизация развития российского законодательства о гражданстве позволяет выделить несколько этапов трансформации подходов к упразднению гражданства: демократический (1991–2002 гг.), либеральный (2002–2009 гг.), этап унификации (2009–2020 гг.) и современный неолиберальный этап, связанный с принятием Федерального закона 2023 г. [1]. На раннем этапе ключевыми основаниями прекращения гражданства выступали выход, оптация и отмена решения, причем последняя рассматривалась как процедура, формально «стирающая» сам факт пребывания лица в гражданстве, что уже тогда порождало коллизию с принципом устойчивости гражданства.

Предыдущий Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» 2002 г. сохранил относительно узкий перечень оснований прекращения гражданства, но институционально обособил «отмену решений по вопросам гражданства» как самостоятельную процедуру, не включенную в перечень оснований прекращения гражданства. При этом перечень оснований для отмены решений был расширен, в том числе за счет приравнивания к заведомо ложным сведениям факта совершения конкретных составов преступлений террористической и экстремистской направленности.

Особенностью модели 2002 г. было отсутствие сроков давности для отмены решений о приеме в гражданство, что позволяло денатурировать лицо через значительное время после натурализации, несмотря на сформировавшиеся социальные связи и правовой статус. На этом основании в доктрине обоснованно подчеркивалась коллизийность подхода, в том числе в части правовых последствий «обнуления» статуса гражданина задним числом (легитимность социальных выплат, сделок, статуса членов семьи и т. д.).

С принятием Федерального закона 2023 г. «О гражданстве Российской Федерации» институт отмены решений о приеме в гражданство был формально упразднен, а его функции «поглощены» новым расширенным институтом прекращения гражданства [10]. Закон предусматривает четыре группы оснований прекращения гражданства: выход; сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодатель-

ство Российской Федерации (включая совершение установленных преступлений и действий, создающих угрозу национальной безопасности, а также неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет); установление факта представления поддельных, подложных, недействительных документов и (или) заведомо ложных сведений; иные основания, предусмотренные международными договорами [3; 5].

Таким образом, результаты анализа позволяют констатировать, что современная модель слила в единую категорию различные формы денатурализации, ранее проводившиеся через «отмену решения» и «прекращение гражданства», что усилило восприятие прекращения гражданства как фактического лишения гражданства в общественном дискурсе.

2. Коллизии и пробелы в регулировании отмены решения и прекращения гражданства

Даже до реформы 2023 г. институт отмены решения о приеме в гражданство использовался как функциональный аналог лишения гражданства, но с иным терминологическим оформлением, призванным формально избежать противоречия статье 6 Конституции Российской Федерации. Как справедливо указывает А.И. Черенков, фактический результат «отмены решения» и «прекращения гражданства» для натурализованного гражданина тождественен — утрата статуса гражданина и всех связанных с ним прав [2].

В качестве ключевых коллизий, выявленных в исследовании, можно выделить: противоречие между конституционным запретом лишения гражданства и возможностью прекращения/отмены гражданства только для лиц с приобретенным гражданством при сохранении статуса гражданина по рождению, даже в случае совершения тяжких преступлений; отсутствие в действующем законе четко определенного срока, после которого натурализованный гражданин приравнивается к гражданину по рождению с точки зрения неотъемлемости его статуса; прежний пятилетний срок, содержащийся в Законе РФ 1991 г., в последующем был исключен; разрыв между уголовно-правовыми мерами и конституционно-правовыми последствиями, который проявляется в том, что суд лишь констатирует факт предоставления подложных документов или ложных сведений, однако вопрос о прекращении гражданства решается административным органом, что ставит под сомнение принцип индивидуализации санкции и роль суда как арбитра при применении столь серьезных последствий.

Практическую значимость этих коллизий демонстрирует пример дела Б. Усманова, который, спустя десять лет после натурализации, был

фактически лишен гражданства за неполноту сведений о родственниках при подаче заявления, без установления угрозы национальной безопасности и при наличии устойчивых связей с Российской Федерацией [2]. Подобные случаи ставят вопрос о соразмерности последствий и о соответствии подобных решений принципу правовой определенности и доверия к действующему правопорядку.

3. Административно-правовые основания прекращения гражданства и их влияние на право на гражданство

Отдельного анализа требуют новеллы 2023 г., усилившие связь между административными правонарушениями и возможностью прекращения гражданства. Как отмечают В. М. Пискайкина, Е. И. Христофорова и М. Н. Налимова, законодательные поправки существенно расширили перечень оснований прекращения гражданства, дополнив его деяниями, квалифицируемыми как административные правонарушения, угрожающие национальной безопасности, и неисполнением обязанности по воинскому учету [3; 5; 8]. Авторы подчеркивают, что прекращение гражданства становится дополнительной санкцией, не предусмотренной уголовным законом, но тесно связанной с защитой национальной безопасности, административные проступки, особенно в сфере обороноспособности и общественной безопасности (главы 20, 21 КоАП РФ), приобретают иной «вес», превращаясь из традиционной меры административной ответственности в потенциальный триггер для прекращения гражданства.

В этой связи возникает вопрос о границах допустимой «криминализации» статуса гражданина через административные проступки. С учетом того, что многие граждане не осознают возможные последствия административных правонарушений в миграционной и оборонной сферах, расширение таких оснований без их четкой конкретизации и без единообразной практики может привести к непредсказуемому ограничению права на гражданство.

4. Двойственная природа института прекращения гражданства: защита правопорядка и проявление суверенитета

С. А. Хлебунова обоснованно характеризует институт прекращения гражданства Российской Федерации как обладающий двойственной природой: с одной стороны, это регулятор общественного порядка и национальной безопасности, а с другой, проявление суверенного права государства поддерживать определенный «стандарт» гражданства [10].

Во-первых, прекращение гражданства по инициативе государства в отношении натурализованных граждан, нарушающих законодательство,

позволяет восстанавливать статус иностранного гражданина и применять к такому лицу меры миграционного контроля (выдворение, депортация, запрет въезда) [8, 10]; снижать уровень криминализации миграционной среды и пресекать злоупотребления институтом гражданства [1, 10]; использовать прекращение гражданства как сдерживающий фактор совершения деяний, угрожающих национальной безопасности [10].

Во-вторых, институт прекращения гражданства функционирует как инструмент поддержания высокого статуса гражданства: само наличие риска утраты статуса за серьезные правонарушения подчеркивает ценность гражданства и стимулирует правомерное поведение натурализованных граждан [3; 7]. Вместе с тем, подобный подход неизбежно усиливает дифференциацию между гражданами по рождению и натурализованными гражданами, поскольку фактический риск прекращения гражданства сосредоточен во второй группе [2; 7].

В-третьих, в условиях роста миграционных потоков и усиления роли органов внутренних дел и иных субъектов миграционного контроля прекращение гражданства тесно связано с механизмами административного надзора за пребыванием иностранных граждан и натурализованных лиц [8]. Органы внутренних дел при этом реализуют не только контрольные и карательные функции, но и функции профилактики и информационного сопровождения, однако превалирование санкционного элемента усиливает восприятие института прекращения гражданства как инструмента ограничения, а не защиты права на гражданство [6; 7].

5. Ограничение права на гражданство: баланс конституционных гарантий и интересов безопасности

Сопоставление рассмотренных позиций позволяет сделать ряд обобщающих наблюдений о механизмах ограничения права на гражданство в России.

Во-первых, формально действующее законодательство не вводит категорию «лишение гражданства», а использует конструкции «прекращение гражданства» и ранее «отмена решения о приеме в гражданство». Тем не менее, для натурализованного гражданина фактический результат этих процедур совпадает с лишением гражданства: утрата статуса гражданина и связанных с ним прав при сохранении конституционного запрета лишения гражданства как такового [1; 2; 10].

Во-вторых, современные механизмы прекращения гражданства усилили зависимость статуса гражданина от поведения в сфере уголовного и административного права, особенно в части

деяний, создающих угрозу национальной безопасности и нарушающих правила воинского учета. Это объективно расширяет сферу допустимых ограничений права на гражданство, но одновременно повышает требования к определенности и предсказуемости законодательства и практики его применения.

В-третьих, дифференциация подхода к гражданам по рождению и к натурализованным гражданам по вопросам прекращения гражданства фактически создает «двойной стандарт» реализации права на гражданство. При идентичном объеме прав и обязанностей риск утраты статуса сконцентрирован у одной категории граждан, что ставит вопрос о соответствии такого подхода принципу равного гражданства и необходимости более четкого доктринального и законодательного обоснования такой дифференциации.

Выводы

Проведенное исследование показало, что институт прекращения гражданства в современной России стал ключевым механизмом ограничения права на гражданство, особенно в отношении натурализованных граждан. Эволюция законодательства от модели «отмены решений о приеме» к расширенному институту прекращения гражданства привела к фактическому сближению этого института с лишением гражданства при сохранении терминологического разграничения.

Во-первых, законодательная трансформация 2023 г. консолидировала различные формы денатурализации (отмена решений, прекращение по иным основаниям) в единую систему прекращения гражданства, опирающуюся на широкий перечень уголовных и административных правонарушений, а также на оценочные категории «действий, создающих угрозу национальной безопасности».

Во-вторых, выявленные коллизии (отсутствие сроков давности для части оснований, различие статуса граждан по рождению и натурализованных граждан, разрыв между судебным установлением фактов и административным решением о прекращении гражданства) свидетельствуют о необходимости дальнейшей доктринальной и законодательной конкретизации критериев и процедур прекращения гражданства.

В-третьих, расширение административно-правовых оснований прекращения гражданства усилило превентивный и защитный потенциал института в сфере национальной безопасности, но одновременно обострило вопрос о соразмерности вмешательства в право на гражданство и о необходимости максимально четкого описания деяний, влекущих такие последствия.

В-четвертых, двойственная природа института прекращения гражданства проявляется в том, что он одновременно выполняет функции регулирования миграционных процессов и снижения уровня общественной криминализации, поддержания высокого статуса гражданства Российской Федерации и реализации суверенного права государства определять круг лиц, обладающих гражданством.

С учетом изложенного представляется целесообразным развитие правового регулирования по следующим направлениям: во-первых, нормативное уточнение понятий «действия, создающие угрозу национальной безопасности» и дифференцированного перечня деяний, влекущих прекращение гражданства; во-вторых, более четкое разграничение сфер применения прекращения гражданства по инициативе государства и конституционного запрета лишения гражданства; в-третьих, усиление процессуальных гарантий при принятии решений о прекращении гражданства, включая судебный контроль и единообразие правоприменения.

В целом, современная российская модель ограничения права на гражданство демонстрирует стремление к балансу между защитой национальной безопасности и сохранением формальных конституционных гарантий, однако нуждается в дальнейшем уточнении критериев и процедур, обеспечивающих предсказуемость и правовую определенность для всех категорий граждан.

Список литературы:

- [1] Дрогавцева, Е. А. Лишение, отмена, прекращение как формы упразднения гражданства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 72–80.
- [2] Черенкова, А. И. Отмена решения о приеме в гражданство Российской Федерации: коллизии и пробелы в действующем законодательстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 1 (63). С. 100–104.
- [3] Пискайкина, В. М., Христофорова, Е. И., Налимова, М. Н. Проблемы квалификации действий, создающих угрозу национальной безопасности, в качестве основания прекращения статуса гражданина, по административному законодательству Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3 (153). С. 1–4.
- [4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

[5] О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138 ФЗ // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216>.

[6] Долгиев, М. М., Долгиева, М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 3 (208). С. 85–95.

[7] Россинский, Б. В. Административные правонарушения как угроза национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). С. 30–40.

[8] Орфаниди, Н. И., Сухоруков, М. С., Петросян, М. А. Роль органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 146–150.

[9] Курилюк, Ю. Е. К вопросу о соотношении понятий «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1 (69). С. 47–52.

[10] Хлебунова, С. А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 28–33.

References:

- [1] Drogavtseva, E. A. Deprivation, cancellation, termination as a form of abolition of citizenship// Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 1 (102). S. 72-80.
- [2] Cherenkova, A. I. Cancellation of the decision on admission to citizenship of the Russian Federation: conflicts and gaps in the current legislation// Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (63). S. 100-104.
- [3] Piskaykina, V. M., Khristoforova, E. I., Nalimova, M. N. Problems of qualifying actions that pose a threat to national security as a basis for terminating the status of a citizen, according to the administrative legislation of the Russian Federation//International Research Journal. 2025. № 3 (153). S. 1-4.
- [4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 237.
- [5] On citizenship of the Russian Federation: Federal Law of 28.04.2023 No. 138 FZ// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216>.
- [6] Dolgiev, M. M., Dolgieva, M. M. Termination of citizenship of the Russian Federation due to the

commission of crimes or actions that pose a threat to national security: a comparative legal aspect//Lex Russica (Russian law). 2024. T. 77, NO. 3 (208). S. 85-95.

[7] Rossinsky, B.V. Administrative offenses as a threat to national security//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2022. № 11 (99). S. 30-40.

[8] Orfanidi, N.I., Sukhorukov, M.S., Petrosyan, M.A. The role of internal affairs bodies in ensuring compliance with the rules of stay in the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons//Agrarian and land law. 2025. № 5. S. 146-150.

[9] Kurilyuk, Yu. E. On the relationship between the concepts of "deprivation of citizenship," "termination of citizenship" and "cancellation of decisions on admission to citizenship" //Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. № 1 (69). S. 47-52.

[10] Khlebunova, S. A. The dual nature of the institution of termination of citizenship of the Russian Federation//Law and order: history, theory, practice. 2025. № 1 (44). S. 28-33.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-71-77

ВЛАДИМИРОВ Семён Алексеевич,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: mistovisto@mail.ru

КОЗЫРЕВА Руслана Александровна,
Студентка Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: kozyreva.ra@dvfu.ru

КУДЕЛЯ Наталья Юрьевна,
Старший преподаватель базовой кафедры
конкурентного и предпринимательского права, ДВФУ,
e-mail: kudelya.nyu@dvfu.ru

ПЯТЫЙ АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ ПАКЕТ: ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»

Аннотация. Авторы анализируют новеллы Федерального закона «О защите конкуренции», касающиеся регулирования цифровых платформ. Рассматриваются доктринальные подходы к совершенствованию правовых конструкций, динамика конкуренции на платформенных рынках и практические вызовы регулирования. Обосновываются рекомендации по адаптации норм к реалиям цифровой экономики для баланса инноваций и защиты конкуренции.

Ключевые слова: антимонопольный пакет, цифровые платформы, сетевой эффект, маркетплейсы, доминирующее положение, информационные системы, пятый пакет, ФАС России, товарный рынок.

VLADIMIROV Semyon Alekseevich,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

KOZYREVA Ruslana Aleksandrovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

KUDELYA Natalia Yurievna,
Senior Lecturer,
Base department of Competition and Business Law
of the Far Eastern Federal University

FIFTH ANTITRUST PACKAGE: REVIEW OF AMENDMENTS TO THE FEDERAL LAW “ON PROTECTION OF COMPETITION”

Annotation. The authors analyze the novelties the Federal Law “On Protection of Competition” regarding the regulation of digital platforms. They consider the doctrinal approaches to improving legal structures, the dynamics of competition in platform markets, and the practical challenges of regulation. The authors provide recommendations for adapting regulations to the realities of the digital economy in order to balance innovation and protection of competition.

Key words: antitrust package, digital platforms, network effect, marketplaces, dominant position, information systems, fifth package, Federal Antimonopoly Service of Russia, product market.

Федеральный закон «О защите конкуренции», принятый в 2006 году, с момента вступления в силу претерпел более 30 редакций. Наиболее значимые из этих изменений получили обобщённое название «антимонопольные пакеты». Всего до 2023 года было принято четыре таких пакета, каждый из которых отвечал на вызовы своего времени и постепенно трансформировал российское конкурентное право.

Первый антимонопольный пакет (2006–2009 гг.) был направлен на формирование базовой модели антимонопольного регулирования в условиях рыночной экономики: закреплялись общие принципы запрета монополистической деятельности, злоупотребления доминирующим положением и антиконкурентных соглашений. Второй пакет (2009–2010 гг.) усилил контроль за экономической концентрацией: были введены пороги обязательного согласования сделок с ФАС, уточнены критерии доминирования и расширены полномочия антимонопольного органа. Третий пакет (2011–2012 гг.), также известный как «третий плюс», ввёл важнейшие новации в процедуру рассмотрения дел: появились институты предупреждения нарушений, упрощённого рассмотрения дел и возможности заключения мировых соглашений с нарушителями. Четвёртый пакет (2015–2016 гг.) стал ответом на рост сложности сделок и глобализацию рынков: он расширил понятие группы лиц, ужесточил ответственность за нарушения, внёс изменения в порядок согласования сделок и позволил ФАС учитывать нематериальные активы при оценке концентрации.

Однако с середины 2010-х годов всё более очевидным становилось, что существующая модель антимонопольного регулирования не справляется с новыми вызовами, порождёнными цифровизацией экономики. Рост влияния цифровых платформ, использование алгоритмов, сетевые эффекты и новые формы рыночной власти требовали фундаментального обновления правовых инструментов. Катализатором реформы стала, в частности, сделка по слиянию Bayer и Monsanto в 2017 году, которая выявила неспособность действующего законодательства адекватно оценивать риски в цифровой среде [1].

В этих условиях началась работа над Пятым антимонопольным пакетом, целью которого стала адаптация российского антимонопольного законодательства к реалиям цифровой экономики.

В России влияние цифровизации на конкуренцию стало активно обсуждаться с 2017 одновременно с работой над пятым антимонопольным пакетом.

Первая попытка адаптировать российское антимонопольное законодательство к изменившимся условиям была предпринята ФАС России, подготовившей первый проект изменений в Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – «Закон о защите конкуренции») и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в 2018 г. [2], однако на тот момент законопроект не получил одобрения Министерства экономического развития Российской Федерации и представителей отрасли.

После нескольких лет обсуждений и доработок была внесена очередная версия «пятого антимонопольного пакета». Лишь в ноябре 2022 года Государственная Дума приняла пятый антимонопольный пакет в первом чтении, указав при этом на необходимость некоторых не концептуальных поправок к законопроекту. Соответствующие поправки были утверждены, а в июне 2023 года Закон был принят в окончательном третьем чтении и в июле подписан Президентом [3].

«Пятый антимонопольный пакет» состоит из 2 частей. Первая часть – Федеральный закон № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции», подписан Президентом Российской Федерации 10 июля 2023 года и вступил в силу 1 сентября 2023 года. Вторая часть – Федеральный закон № 426-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», подписан Президентом Российской Федерации 4 августа 2023 года и вступил в силу 1 сентября 2023 года.

Основными проблемами, на решение которых был направлен Федеральный закон № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»:

- развитие информационных технологий, способствующих возникновению «опережающих» антиконкурентных практик;
- в ряде секторов экономики «цифровые гиганты» – цифровые компании, занимающие доминирующее положение, оказывают существенное влияние на реальный сектор экономики;
- необходимость учета «сетевых эффектов», достигаемых цифровыми компаниями;
- традиционные критерии, применяемые ФАС для осуществления контроля сделок экономической концентрации, не всегда отражают реальное влияние сделок на экономические условия;
- необходимость введения института экспертизы для целей осуществления надлеж-

щего государственного контроля за экономической концентрацией (при рассмотрении ФАС ходатайств, а также в случаях необходимости обеспечения контроля исполнения предписания).

Основными проблемами, на решение которых был направлен Федеральный закон № 426-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» являлись:

- 1) учащение случаев специального программного обеспечения для антиконкурентных соглашений;
- 2) игнорирование хозяйствующими субъектами часто предписаний Федеральной антимонопольной службы (ФАС), потому что доходы от продолжения незаконной деятельности превышают сумму штрафа, который необходимо будет уплатить (до 500 тыс. рублей);
- 3) Учащение случаев обращения ФАС в суды с требованием о понуждении нарушителей к исполнению выданных им предписаний.

Пятый антимонопольный пакет вводит новые правила для регулирования маркетплейсов и агрегаторов, определяя понятия цифровой платформы и сетевого эффекта для большей правовой определенности. При анализе конкуренции на товарных рынках через такие платформы антимонопольный орган обязан установить наличие сетевых эффектов и оценить возможность владельца платформы влиять на условия обращения товаров, устранять конкурентов или затруднять их доступ на рынок.

Так, в соответствии с п. 4.1 ст. 4 Закона о защите конкуренции, под сетевым эффектом понимается свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров, изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей.

Понятие цифровой платформы можно вывести из того же п. 4.1 вышеуказанной статьи. Цифровая платформа – это программы (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающие совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров.

В доктрине введение новых терминов было встречено достаточно противоречиво. Например,

Грушин Ю.О. считает, что лучшим вариантом решения было бы выделение понятия цифровой платформы в отдельный пункт. Также автором приводится точка зрения, что термин «сайт в сети Интернет» является общим по отношению к «цифровым платформам» [5]. Предположительно, законодатель отказался от выделения отдельного пункта по следующим причинам. Во-первых, из-за стремления к компактности нормы: включение определения в существующий п. 4.1 позволяет избежать избыточности текста, сохраняя его в рамках одного структурного элемента, что упрощает применение нормы на практике. Во-вторых, из-за подчинения цифровых платформ более широкому понятию «сайтов», где она выступает частным случаем, не требующим автономного статуса для целей регулирования.

Помимо этого, Егоровой М.А., Петровой Д.А., Попондопуло В.Ф. предлагается расширить понятие «сетевой эффект» путем замены слов «программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин» на слова «информационные системы» с оговоркой, что понятие «информационная система» будет использоваться в значении, определенном Законом об информации [6]. Такое расширение позволит охватить более широкий спектр цифровых инструментов и ресурсов, используемых хозяйствующими субъектами для влияния на рынок – не только программы для ЭВМ, но также базы данных, облачные сервисы, мобильные приложения и веб-платформы, каждая из которых способна создавать сетевые эффекты и влиять на конкуренцию. Использование термина «информационные системы» обеспечивает учет всего комплекса технологий цифровой экономики, гарантируя точное определение и регулирование соответствующих явлений, а оговорка исключает двусмысленность и повышает правовую определенность для защиты конкуренции и предотвращения злоупотреблений.

Условно принятые поправки можно разделить на несколько блоков:

- 1) введение критериев доминирующего положения владельцев цифровых платформ;
- 2) реформирование института антимонопольного контроля за экономической концентрацией;
- 3) расширение сферы применения института экспертизы;
- 4) иные поправки, в той или иной степени затрагивающие вопросы привлечения к ответственности.

Рассмотрим наиболее важные из них.

В первую очередь определим критерии доминирующего положения владельцев цифро-

вых платформ. Закон о защите конкуренции был дополнен новой ст. 10.1, которой был введен запрет на осуществление монополистической деятельности хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между продавцами и покупателями товаров, при наличии в совокупности следующих условий:

- 1) сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором совершение сделок осуществляется посредством цифровой платформы (или устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, или затруднять им доступ на этот товарный рынок);
- 2) доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35% общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;
- 3) выручка субъекта за последние 12 месяцев превышает 2 миллиарда рублей.

Примечательно, что действия владельцев цифровых платформ с выручкой менее 2 миллиардов рублей, не будут подпадать под действие ст. 10.1 (специальная норма), при этом на таких владельцев цифровых платформ продолжают распространяться положения ст. 5, которая является общей.

Изменениями в ст. 28 исследуемого закона был установлен новый критерий согласования сделок с ФАС. Теперь согласования требуют сделки субъекта экономической концентрации ценой выше 7 миллиардов рублей.

В качестве примера ФАС отмечает, например, сделку «Яндекс.Такси» и «Везёт», которая была осуществлена в 2021 году и, если бы данные изменения в Закон о защите конкуренции были приняты к моменту ее заключения, могла бы быть заблокирована по причине превышения порога согласования с ФАС в 7 миллиардов рублей. О договоренности организаций стало известно еще в 2019 году. Но через год антимонопольная служба отказала в покупке агрегатора такси «Везёт». ФАС России решила, что сделка приведет к усилению концентрации рынка, к сужению возможности выбора водителей такси и пассажиров. В 2021 году «Яндекс.Такси» всё-таки выкупил колл-центры и бизнес по заказу грузоперевозок группы компаний «Везёт» [8].

В итоге, введение нового порога усиливает превентивный контроль ФАС за крупными слияниями на цифровых рынках, минимизируя риски

монополизации. Этот механизм демонстрирует эволюцию антимонопольного регулирования к проактивному, адаптированному к динамике платформенной экономики, где сетевые эффекты ускоряют концентрацию.

Изменениями в закон была введена ст. 9.2, посвящённая экспертизе и её проведению. Теперь возможно ее назначать и проводить в рамках:

- 1) рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства;
- 2) в процессе согласования сделок экономической концентрации на товарных рынках;
- 3) при осуществлении контроля за выданными предписаниями по уже одобренным сделкам [9].

Экспертиза может назначаться по инициативе ФАС или по ходатайству заявителя о даче согласия на осуществление сделки, иного действия, подлежащих государственному контролю, лиц, участвующих в деле. Заключение эксперта учитывается антимонопольным органом при принятии решения.

Однако с принятием поправок предоставление экспертных заключений стало более формализованным с процессуальной точки зрения, что благоприятным образом отразилось на развитии данного института при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства и нотификации сделок и иных действий в рамках контроля за экономической концентрацией. Содержательно данный институт максимально приближен к институту экспертизы в цивилистическом процессе (в рамках АПК РФ и ГПК РФ).

Важно также отметить, что нововведения установили квалификационные требования к экспертам. Например, в соответствии с проектом приказа ФАС эксперт должен иметь теоретическую подготовку, практические навыки и опыт работы не менее пяти лет в сфере, относящейся к предмету рассмотрения антимонопольного органа [10]. Это, безусловно, сужает круг лиц, которые могут быть привлечены в качестве экспертов в ФАС, но, как ожидается, повысит доверие антимонопольного органа к экспертным заключениям.

П. 5 ст. 9.2 устанавливает жесткий механизм: эксперт знакомится с материалами дела, включая коммерческую тайну, исключительно с письменного разрешения комиссии ФАС, под обязательство о неразглашении и акт приёма-передачи. В отличие от этого, п. 3 и 4 ст. 45.2 ориентированы на участников дела, требуя обязательного письменного согласия обладателя тайны на ознакомление под расписку, с приобщением согласия к материалам.

Корреляция здесь двойственная: ст. 45.2 воплощает принцип диспозитивности в отноше-

нии субъектов хозяйствования, балансируя их интересы с публичным интересом расследования, тогда как п. 5 ст. 9.2 подчиняет эксперта (внешнего специалиста) ведомственному усмотрению ФАС без такого согласия. Логика соотнесения вытекает из функциональной роли субъектов: эксперты – «инструментальные» фигуры под контролем органа, что согласуется с общим вектором антимонопольного процесса, где ФАС доминирует в доказательственном цикле (пп. «б» п. 2, п. 11 ст. 23 и т. д.).

Изменения затронули ещё один институт – заключение об обстоятельствах ходатайства. Закон не содержит понятия этого института, однако его можно вывести из п. 1-2 ст. 33. Под ним можно понимать письменное решение антимонопольного органа, принимаемое по результатам рассмотрения ходатайства о даче согласия на сделку или иное действие, подлежащее государственному контролю.

В старой редакции п. 6 ч. 2 ст. 32 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган по истечении тридцати дней с момента получения документов, подтверждающих выполнение условий из п. 3 ч. 2, принимал решение либо об удовлетворении ходатайства о даче согласия на слияние, присоединение, создание организации либо сделку по ст. 28 и 29, либо об отказе. В новой редакции п. 6 конкретизирован ссылкой на п. 1 ч. 2 ст. 32 для решения об удовлетворении без условий и дополнен возможностью принятия решения об удовлетворении ходатайства с одновременной выдачей предписания по п. 4 ч. 2 ст. 32, что вводит альтернативный исход с обеспечением конкуренции.

Дополнительно введены ч. 6.1–6.5 ст. 33, предусматривающие: направление предварительного заключения об обстоятельствах ходатайства заявителю и участникам сделки при риске ограничения конкуренции (ч. 6.1); обязательное содержание такого заключения с описанием обстоятельств, доказательств и предлагаемых условий (ч. 6.2); переход от заочного к очному рассмотрению по заявлению участников или инициативе органа с минимальным пятидневным сроком уведомления (ч. 6.3); право участников представлять пояснения и доказательства до принятия решения (ч. 6.4); установление порядка очного рассмотрения федеральным антимонопольным органом (ч. 6.5). Указанные изменения усиливают процессуальные гарантии заявителей, вводя стадию предварительного уведомления и возможности для аргументации, что повышает прозрачность и обоснованность решений антимонопольного органа.

Изменениями в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях вве-

дено новое обстоятельство, отягчающее административную ответственность при заключении соглашения, признаваемого картелем, или соглашения, ограничивающего конкуренцию на торгах. В соответствии с п. 3 примечания 4 к ст. 14.32 КоАП РФ, таким обстоятельством является использование компьютерной программы, позволяющей в автоматическом режиме (без участия человека) осуществлять принятие решений (совершение действий), направленных на исполнение такого соглашения [11].

Также, изменения в ст. 19.5 КоАП РФ дополнили новый состав правонарушения – невыполнение в установленный срок законного решения, предписания ФАС лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2.1-2.7 ст. 19.5 КоАП РФ, за невыполнение таких решения, предписания, в случае, если ФАС были установлены новые сроки исполнения таких решения, предписания [12].

Санкции:

- 1) Дисквалификация должностных лиц на срок от одного года до трех лет.
- 2) Административный штраф на юридических лиц в размере:
 - двукратного размера суммы ранее наложенного административного штрафа за то же правонарушение; но не более 1/50 совокупного размера выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) за календарный год, предшествующий году выявления правонарушения;
 - не менее 100 000 рублей.

Исследованные поправки принесли положительный эффект. По состоянию на 2024 года анализ состояния конкуренции на рынке маркетплейсов выявил впечатляющий рост: за 2,5 года товарооборот увеличился более чем в семь раз – с 167 млрд. руб. до 1,214 трлн. руб., количество продавцов выросло в семь раз – с 100 тыс. до 700 тыс. организаций, а аудитория покупателей расширилась с 15 млн человек (I кв. 2021) до

88 млн. человек, совершивших хотя бы одну покупку [13]. Спустя некоторое время после принятия Пятого антимонопольного пакета в ФАС начали обсуждение Шестого антимонопольного пакета. Сообщается, что он будет посвящён отмене антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности [14]. По состоянию на начало 2026 года Шестой антимонопольный пакет еще не был внесен в Государственную Думу.

Пятый антимонопольный пакет стал значимым шагом в модернизации российского антимонопольного законодательства, отвечая на вызовы,

порождённые стремительной цифровизацией экономики. Введённые новеллы – такие как легализация понятий «цифровая платформа» и «сетевой эффект», установление специальных критериев доминирования для владельцев транзакционных платформ, усиление механизмов контроля экономической концентрации и расширение института экспертизы – позволяют антимонопольному органу более гибко и эффективно реагировать на антиконкурентные риски в цифровой сфере. Тем не менее, сам факт системного обращения к проблемам цифровой конкуренции свидетельствует о зрелости российского антимонопольного права. Окончательную оценку новым нормам дает правоприменительная и судебная практика, которая сопровождается разъяснениями ФАС и будет сопровождаться дальнейшим совершенствованием законодательства в рамках уже сложившейся доктринальной дискуссии.

Список литературы:

- [1] Рассмотрение сделки Байер-Монсанта выявило ряд проблем, решение которых требует изменения существующего законодательства: Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/news/24965> (дата обращения: 30.12.2025)
- [2] Итоговый доклад к расширенному заседанию Коллегии ФАС России 26 сентября 2018 года: Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/documents/657268> (дата обращения: 30.12.2025)
- [3] Законопроект № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части совершенствования антимонопольного регулирования «цифровых» рынков): Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8#bh_hron (дата обращения: 31.12.2025)
- [4] Статья 4 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3434
- [5] Грушин Ю.О. Комментарий к содержанию пятого антимонопольного пакета // Право и цифровая экономика. 2024. N 3 // СПС КонсультантПлюс
- [6] Егорова М.А., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. N 1 // СПС КонсультантПлюс
- [7] Статья 10.1 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3434
- [8] ФАС в СМИ: В ФАС разъяснили значение «пятого антимонопольного пакета»: Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/publications/24074> (дата обращения: 02.01.2026)
- [9] Статья 9.2 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3434
- [10] Приказ Федеральной антимонопольной службы от 25 августа 2023 г. N 574/23 «Об утверждении квалификационных требований к экспертам, привлекаемым антимонопольным органом или комиссией по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 31.10.2023 N 75791)
- [11] Статья 14.32 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1
- [12] Статья 19.5 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1
- [13] Замглавы ФАС: цели прийти и обязательно найти у маркетплейсов нарушения у нас нет: Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/interview/968312> (дата обращения: 05.01.2026)
- [14] ФАС: «Шестой антимонопольный пакет» будет направлен на отмену антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности»: Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/news/33470> (дата обращения: 06.01.2026)

References:

- [1] The review of the Bayer-Monsanto transaction revealed a number of problems that require a change in existing legislation: the Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/news/24965> (accessed on: 30.12.2025)
- [2] Final report to the expanded meeting of the Board of the FAS Russia on September 26, 2018: Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/documents/657268> (accessed on: 30.12.2025)
- [3] Bill No. 160280-8 On Amendments to the Federal Law “On Protection of Competition” (in terms of improving the antimonopoly regulation of “digital” markets): Legislative support system. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8#bh_hron (accessed on: 31.12.2025)
- [4] Article 4 of the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ “On Protection of Competition” // “Collection of Legislation of the Russian Federation,” 31.07.2006, No. 31 (1 part), Art. 3434
- [5] Grushin Yu.O. Commentary on the content of the fifth antitrust package//Law and the Digital Economy. 2024. No. 3//ATP ConsultantPlus

[6] Egorova M.A., Petrov D.A., Popondopulo V.F. Digital (platform) economy in the light of antimonopoly regulation (network effect, digital platform, prohibition of monopolistic activities)//Competition law. 2024. N 1//ATP ConsultantPlus

[7] Article 10.1 of the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (1 part), Art. 3434

[8] FAS in the media: The FAS explained the meaning of the "fifth antimonopoly package": the Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/publications/24074> (accessed on: 02.01.2026)

[9] Article 9.2 of the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (1 part), Art. 3434

[10] Order of the Federal Antimonopoly Service of August 25, 2023 N 574/23 "On approval of qualification requirements for experts involved by the antimonopoly body or the commission for consideration

of the case of violation of antimonopoly legislation" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 31.10.2023 N 75791)

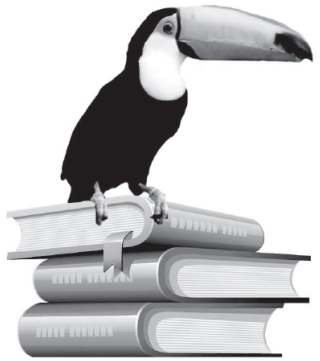
[11] Article 14.32 of the "Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" dated 30.12.2001 N 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, "07.01.2002, N 1 (part 1), Art. 1

[12] Article 19.5 of the "Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" dated 30.12.2001 N 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, "07.01.2002, N 1 (part 1), Art. 1

[13] Deputy Head of the FAS: we have no goals to come and be sure to find violations at marketplaces: Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/interview/968312> (accessed on: 05.01.2026)

[14] FAS: "The Sixth Antimonopoly Package" will be aimed at abolishing antimonopoly immunities in the field of intellectual property": Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/news/33470> (accessed on: 06.01.2026)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-78-81

МКРТУМОВА Эрна Владимировна,
аспирант кафедры финансового права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
email: ernamkrtumova01@gmail.com

КАТЕГОРИЯ «ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» В КОНТЕКСТЕ РАЗРЕШЕНИЯ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ

Аннотация. В научной статье проводится анализ категории «публичный интерес» применительно к использованию процедуры медиации в целях альтернативного внесудебного разрешения налоговых споров: что такое медиация, каковы ее принципы, приводятся позиции представителей научного сообщества, ведомств и судов по вопросу применения медиации в налоговых правоотношениях, анализируется судебная практика в целях выявления, что представляет собой публичный интерес в контексте разрешения налоговых споров посредством медиации, будет ли нарушен публичный интерес, если налогоплательщик обратится к данному инструменту. Автор изучил закрепленные в разъяснительных актах ФНС обстоятельства, исключающие проведение медиативной процедуры, дополнив этот перечень еще одним основанием. Автор пришел к следующим выводам: категория «публичный интерес» в контексте альтернативного разрешения налогового спора обладает двумя ключевыми элементами – наличие потребности и обеспеченность правом; лишь установление закрытого перечня обстоятельств, исключающих использование медиативной процедуры для разрешения налогового-правовых конфликтов, позволит учесть публичные интересы и популяризировать медиацию как эффективный альтернативный внесудебный инструмент урегулирования споров.

Ключевые слова: публичный интерес, досудебное разрешение спора, налоговый спор, медиация, медиативное соглашение, альтернативное разрешение спора.

МКРТУМОВА Erna Vladimirovna,
PhD-student, Financial law department
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE CATEGORY OF «PUBLIC INTEREST» IN THE CONTEXT OF TAX DISPUTES RESOLUTION BY MEDIATION PROCEDURE

Annotation. This research article analyzes the category of “public interest” in relation of using the mediation as an alternative, out-of-court tax dispute resolution. The article examines mediation and its principles, presents the positions of representatives of the scientific community, departments and courts on the issue of the use of mediation in tax legal relations, and analyzes judicial practice to determine what constitutes the public interest in the context of resolving tax disputes by mediation, and whether the public interest will be violated if a taxpayer resorts to this instrument. The author examined the circumstances precluding the use of mediation, as set out in explanatory acts of the Federal Tax Service, adding one more reason to this list. The author came to the following conclusions: the category of “public interest” in the context of alternative tax dispute resolution has two key elements: the existence of a need and the provision of a right; only establishing of closed list of circumstances precluding the use of mediation may help to take into account the public interests and mediation promoted as an effective alternative out-of-court dispute resolution tool.

Key words: public interest, pre-trial dispute resolution, tax dispute, mediation, mediation agreement, alternative dispute resolution.

Сфера налоговых правоотношений всегда характеризовалась повышенной степенью конфликтности ввиду

несовпадения частного и публичного интересов. Сегодня государство и общество как никогда нуждается в расширении арсенала эффективных

инструментов урегулирования возникающих налогово-правовых конфликтов, которые позволят не только обеспечить своевременное поступление средств в бюджет, но и сохранить стабильное финансовое состояние налогоплательщика для дальнейшего осуществления им предпринимательской деятельности.

В свете масштабного реформирования налоговой системы неоднократно высказывались предложения использовать процедуру медиации для разрешения налоговых споров.

Представители Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) давно заявляли о готовности экспериментально использовать медиацию при рассмотрении налоговых споров, указывая на возможность применения медиативных подходов и при досудебном разрешении налоговых споров.

Заместитель руководителя ФНС России В.В. Бациев на научно-практической конференции ПНФ-2025 указывал на острую необходимость внедрения медиации в налоговую сферу. По мнению спикера, для инициации медиации наиболее перспективна стадия рассмотрения возражений на акт проверки при обязательном участии представителя ФНС и профессиональных медиаторов.

Кроме этого, неоднократно в Совете Федерации ставился и обсуждался вопрос использования медиации в рамках публичных правоотношений, в частности, в целях разрешения налоговых споров.

Таким образом, вопрос применения медиации для разрешения налогового-правового спора остается весьма актуальным и нуждающимся в доработке с точки зрения правового регулирования.

Термин «процедура медиации» содержится в п.2 ст.2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации). Медиация представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Ключевыми принципами данной процедуры выступают:

- беспристрастность и независимость медиатора;
- добровольность;
- конфиденциальность;
- сотрудничество и равноправие сторон.

Важно отметить, что вступление в данную процедуру возможно только на основе взаимного согласия и волеизъявления каждой из сторон конфликта.

Использование медиации в рамках налоговых правоотношений нередко вызывало опасения

и настороженность: в пояснительной записке к проекту Закона о медиации отмечалось, что использовать данный инструмент «необходимо чрезвычайно взвешенно и осторожно» и лишь посредством проведения долгосрочных экспериментов, руководствуясь опытом и наработками развитых стран.

В доктрине отсутствует единообразный подход к медиации как инструменту досудебного разрешения налоговых споров. Так, некоторые специалисты отмечают, что налоговые правоотношения обладают особенностями, препятствующими применению процедуры медиации. В свою очередь, имеет место и иная позиция: медиация может быть использована в качестве альтернативного способа досудебного разрешения налоговых споров, ведь коллеги за рубежом уже давно активно применяют данный инструмент, что позволило значительно снизить нагрузку не только судебной системы, но и налоговых органов [1].

Нацеленность государства на снижение конфликтности в налоговых правоотношениях нашла отражение в Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013-2018 годы, которая определяла задачи, направленные на стимулирование развития примирительных процедур в сфере разрешения налоговых споров и содействие формированию конструктивного взаимодействия между налогоплательщиками (иными лицами) и налоговыми органами.

Как следует из ч.5 ст. 1 Закона о медиации, медиативная процедура не применима к спорам, которые «затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы». Формулируя иначе, законом запрещено использовать медиацию, если имеет место риск затронуть или нарушить публичные интересы.

Практике известны немногочисленные случаи заключения медиативных соглашений с налоговым органом. В рамках подписанного медиативного соглашения с ООО «РИФ» были уточнены обязательства налогоплательщика, закреплены иные сроки уплаты налога, что позволило устранить риски банкротства налогоплательщика.

Налоговое ведомство, приняв во внимание вектор развития практики по заключению медиативных соглашений, позднее, в Письме от 17.08.2023 № БВ-4-7/10590@ указывало, что соглашения об урегулировании споров могут быть заключены в том числе и в связи разрешением споров о взыскании недоимки, что позволяет прийти к выводу: заключение медиативных соглашений применительно к налоговым правоотношениям возможно.

Ранее понятие «публичный интерес» не рассматривалось в научной литературе в контексте применения процедуры медиации для досудебного разрешения налоговых споров несмотря на то, что именно наличие данного обстоятельства могло препятствовать использованию данного инструмента для эффективного разрешения налогового-правового конфликта. По справедливому замечанию А.И. Экимова: «Исследовать интересы – значит рассматривать пути, формы, возможности оптимального удовлетворения потребностей» [2].

Действительно, исследовав категорию «публичный интерес», будет найден ответ на ключевой вопрос: что включается в понятие «публичный интерес» применительно к налоговой медиации? Решение данной проблемы позволит раскрыть и популяризировать новый альтернативный инструмент удовлетворения интересов и государства, и налогоплательщика.

Как справедливо отмечали члены Комиссии по медиации Ассоциации юристов России в п.3 Рекомендаций по проекту федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации», «дискуссионность категории «публичный интерес» приводит к значительному сужению круга споров, вытекающих из публичных правоотношений», к которым могла бы быть применима процедура медиации на основании лишь того, что формально в этом споре имеется публичный интерес.

По вопросу публичного интереса в налоговых правоотношениях высказывался И.Н. Соловьев, отмечая, что взимание налога представляет собой «законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности», являющейся воплощением публичного интереса всех членов общества [3].

И. В. Бит-Шабо определяет публичный интерес через призму категории «общественные нужды», а частный интерес через понятие «потребность» [4]. В свою очередь, общественные нужды являются теми же общественными потребностями.

Ю.А.Тихомиров считает, что публичный интерес представляет собой признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [5].

Верховный Суд РФ имеет отличную позицию по данному вопросу, отмечая, что публичные интересы – это интересы «неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от

23.06.2015 № 25, безусловно, способствует в некоторой степени уяснению содержания данной категории, однако, не включает в себя критериев, которые позволили бы очертить границы таких интересов.

Таким образом, понятие «публичный интерес» действительно является комплексным, что затрудняет установление критериев, которые позволили бы однозначно отнести тот или иной объект к данной категории. Однако с учетом вышеизложенных доктринальных позиций можно вывести, как минимум, два критерия публичного интереса:

- наличие потребности;
- обеспеченность правом.

В этой связи применительно к налоговой медиации, на наш взгляд, весьма интересна и примечательна позиция Л.Л.Арзумановой и А.А. Григорьева, отмечающих, что «баланс частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях обеспечивается за счет формальной определенности норм законодательства о налогах и сборах» [6].

Руководствуясь вышеизложенной логикой, для применения медиации в целях разрешения налогово-правового спора, следует «методом исключения» установить, что не может быть предметом медиативного соглашения, тем самым определив, что является публичным интересом, который нельзя затронуть. Иными словами, лишь формальная определенность, выраженная в закреплении перечня обстоятельств, исключающих применение медиации в целях разрешения налогового спора, позволит установить: затрагивается ли в конкретном случае публичный интерес или нет.

Первые попытки установить, какие обстоятельства могут препятствовать проведению медиации в рамках налоговых правоотношений, нашли свое отражение в вышеупомянутом Письме ФНС России от 17.08.2023. Как следует из раздела 2 данного письма, не могут выступать предметом соглашения изменение налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом:

- снижение применимой налоговой ставки;
- изменение правил исчисления пеней;
- вопросы освобождения налогоплательщика от уплаты налогов за определенные налоговые периоды или по определенным операциям.

Говоря иначе, ФНС указывает на то, что медиативным соглашением не могут устанавливаться иные правила, которые противоречили бы действующему законодательству, изменяли бы правовые последствия, предусмотренные законом. Так, заключение соглашения в результате

процедуры не может освобождать стороны от обязательных процедур, например, от проведения тендера в рамках государственных закупок. В ином случае данное соглашение, как и любая другая гражданско-правовая сделка, будет являться недействительным в связи с несоответствием закону или иному правовому акту (ст. 168 ГК РФ).

Эти разъяснения соотносятся и с правовой природой медиативного соглашения как сделки в смысле гражданского права. Так, медиативное соглашение представляет собой гражданско-правовую сделку, которая направлена на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон, а защита прав в связи с нарушением такой сделки осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством (п.4 ст. 12 Закона о медиации).

Таким образом, медиативное соглашение, являясь по своей сути гражданско-правовой сделкой, должно в полной мере соответствовать требованиям законодательства и не может устанавливать иные правовые последствия, по сравнению с теми, что предусмотрены действующим законодательством.

Перечень обстоятельств был расширен в Распоряжении ФНС России от 24.10.2025 № 407@:

- материалы переданы в правоохранительные органы;
- в отношении налогоплательщика открыто конкурсное производство;
- имеет место риск нарушения сроков, предусмотренных налоговым законодательством.

Представляется, что данный перечень можно дополнить следующим обстоятельством: установлены нарушения положений «антиотмывочного» закона.

С учетом вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

- категория «публичный интерес» в контексте разрешения налоговых споров посредством медиации характеризуется наличием следующих признаков: наличие потребности и обеспеченность правом;
- к имеющимся на данный момент случаям, исключающим проведение медиации в рамках налогового спора, предлагается добавить установленные факты нарушений положений Закона 115-ФЗ (так называемого, «антиотмывочного» закона);
- публичный интерес не будет нарушен в случае установления закрытого перечня обстоя-

тельств, исключающих проведение медиации;

- в целях популяризации медиативной процедуры и обеспечения правовой определенности применительно к налоговым правоотношениям следует разработать полный закрытый перечень обстоятельств, препятствующих проведению медиации в контексте досудебного урегулирования налогового спора.

Список литературы:

- [1] Шередеко Е.В. Медиация в налоговом споре: опыт зарубежных стран // Финансовое право. – 2012. – № 8. – С. 37 - 38.
- [2] Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, – 1984. – 134 с.
- [3] Соловьев И.Н. Как избежать ошибок при налоговом планировании. Налоговые санкции // Налоговый вестник. – М., 2002. – 208 с.
- [4] Бит-Шабо И. В. Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2015. — 54 с.
- [5] Тихомиров Ю.А. Публичное право: учеб. – М.: БЕК, 1995. – 496 с.
- [6] Арзуманова Л. Л., Григорьев А. А. Правовое регулирование медиации как альтернативного способа разрешения спора: налогово-правовой аспект // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – №9 (85).

References:

- [1] Sheredeko E.V. Mediation in a tax dispute: the experience of foreign countries//Financial law. – 2012. – № 8. - S. 37-38.
- [2] Ekimov A.I. Interests and law in a socialist society. - L.: Publishing House Leningr. University, - 1984. – 134 p.
- [3] Soloviev I.N. How to avoid errors in tax planning. Tax sanctions//Tax Bulletin. - M., 2002. - 208 s.
- [4] Bit-Shabo I.V. Conceptual problems of financial and legal regulation of the activities of state social extra-budgetary funds: author's review. dis.... Dr. Jurid. sciences. - Saratov, 2015. - 54 s.
- [5] Tikhomirov Yu.A. Public law: study. - M.: BECK, 1995. - 496 p.
- [6] Arzumanova L. L., Grigoriev A. A. Legal regulation of mediation as an alternative way to resolve a dispute: tax and legal aspect//Bulletin of O. E. Kutafin University. – 2021. – №9 (85).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-82-87

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник Международного научно-исследовательского
центра судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автор обосновывает, что муниципальные финансы – это совокупность социально-экономических отношений, по поводу формирования, распределения и использования финансовых ресурсов местного значения. Они составляют основу экономической самостоятельности муниципальных образований. Муниципальные финансы могут образовываться из трех основных источников: государственных средств; собственных средств муниципального образования, заемных средств или муниципального кредита. Согласование бюджетных интересов происходит между органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Ключевые слова: экономические основы, местный бюджет, имущество, средства местных бюджетов, имущественные права муниципальных образований, налоговая база.

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences,
Researcher at the International Research Center
for Forensic Science and Research

MUNICIPAL FINANCES AND LEGISLATION ON THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author justifies that municipal finance is a set of socio-economic relations regarding the formation, distribution and use of local financial resources. They form the basis of the economic independence of municipalities. Municipal finances can be formed from three main sources: public funds; own funds of the municipality, borrowed funds or a municipal loan. Coordination of budgetary interests takes place between state authorities and local authorities.

Key words: economic foundations, local budget, property, local budget funds, property rights of municipalities, tax base.

Местное самоуправление как предмет правового регулирования данной отрасли - сложное явление. На протяжении последних десятилетий его значение последовательно возрастало: от статуса отдельного правового института, хотя и получившего ранее конституционное закрепление, до роли политико-правового феномена, являющегося в соответствии с действующей Конституцией РФ одной из основ конституционного строя России.¹ В

этом качестве местное самоуправление предстает в нескольких аспектах: форма народовластия; способ осуществления гражданских прав; институт, организационно и функционально обособленный в системе управления обществом и государством². Одной из задач в рамках государственной политики в области местного самоуправ-

пального имущества в РФ // Право и управление. 2024. № 3. С. 88.

² Чернявский, А. Г. Конституционное право / А. Г. Чернявский. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2020, С. 538.

¹ Маковский А.В. Особенности практической реализации приватизации государственного и муници-

ления является создание условий для реализации органами местного самоуправления своих конституционных полномочий предполагающих создание условий для реализации ими права на самостоятельное решение таких вопросов местного значения, как:

- владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, включая землю;
- формирование, утверждение и исполнение местных бюджетов, установление местных налогов и сборов;
- осуществление охраны общественного порядка.

Кроме того, государственная политика в рамках налоговой и бюджетной реформ формирования финансово-экономической базы местного самоуправления, предполагает совершенствование системы бюджетного и налогового регулирования прежде всего за счет:

- перераспределения средств федерального бюджета, направляемых в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации, обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований для решения вопросов, отнесенных к их компетенции;
- выработки принципов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе обеспечения реализации отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, и установления минимальных государственных социальных стандартов;
- активного формирования муниципальной собственности как важнейшей составляющей финансово-экономической базы местного самоуправления;
- развития рынка недвижимости и инвестиционной политики, обеспечивающей привлечение доходов населения и ориентированной на участие представителей малого и среднего бизнеса;
- создания благоприятных условий для предпринимательства, эффективного использования местных природных ресурсов и координации деятельности всех предприятий малого и среднего бизнеса по выполнению работ для населения и оказанию ему услуг, обеспечению его продуктами питания и товарами народного потребления;

Устанавливая принципы организации и функционирования местного самоуправления, как формы осуществления народом своей власти и относя его к органам публичной власти, Конституция Российской Федерации одновременно в ст. 8, ч. 2 определяет муниципальную собственность как самостоятельную форму собственности. Такое признание означает, что муниципальная

собственность имеет равные основания наряду с другими формами для существования в российской экономической и правовой системе. Это означает, что придание каким-либо органом государственной власти приоритета по отношению к другим формам собственности будет противоречить статье 8 Конституции.

Одновременно ст. 8 указывает на принцип равной защиты всех форм собственности, который обеспечивает одинаковый правовой режим и лишь все особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им могут регламентироваться лишь законом.¹ Так, особенности возникновения, осуществления и прекращения в отношении муниципальной собственности определяются Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025)². Причем для каждой разновидности муниципальных образований определен свой состав имущества.

Статья 49 Федерального закона определяет, что экономическую основу местного самоуправления составляют находящееся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований. Неоспоримым является тот факт, что экономическая основа местного самоуправления, как и вопросы правового регулирования ее формирования является принципиальным условием эффективного функционирования муниципальной власти, обеспечения полноценной хозяйственной самостоятельности местного самоуправления, а самое главное решать вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.³

¹ Маковский А.В. Особенности практической реализации приватизации государственного и муниципального имущества в РФ // Право и управление. 2024. № 3. С. 88.

² Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. (Дата обращения 20.12.2025).

³ Садырова М.Ю. Проблемы и способы совершенствования осуществления государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в системе управления земельными ресурсами

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что экономическая основа местного самоуправления - это совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих отношения, связанные с формированием и использованием муниципальной собственности, местных бюджетов и иных местных финансов в целях непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования.

Таким образом в экономические основы местного самоуправления входят:

1) Муниципальная собственность;

2) Местные финансы;

3) Государственная собственность, переданная в управление органам местного самоуправления.

Анализ действующего законодательства позволяет говорить о том, что в состав муниципальной собственности входят:

- средства местного бюджета, муниципальные внебюджетные фонды,

- имущество органов местного самоуправления,

- муниципальные земли и другие природные ресурсы, находящиеся в муниципальной собственности,

- муниципальные предприятия и организации,

- муниципальные банки и другие финансово-кредитные организации,

- муниципальные жилищные фонды и нежилые помещения,

- муниципальные учреждения образования, здравоохранения, культуры и спорта.

Федеральный закон устанавливает, что от имени муниципального образования права собственника осуществляет представительный орган местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований, непосредственно население. Порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления, а также иные вопросы организации и деятельности указанных органов определяются уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Местные (муниципальные) финансы в соответствии со ст. 2 утратившего силу Федерального закона от 25.09.1997 N 126-ФЗ (ред. от 28.12.2004) «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» - это совокупность

Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 2. С. 240.

денежных средств (финансовых ресурсов), формируемых и используемых для решения вопросов местного значения.¹

Например, Г.В. Деружинский утверждает, что местные (региональные) финансы - это система экономических отношений, посредством которой распределяется и перераспределяется национальный доход на экономическое и социальное развитие территорий [1]. Нужно отметить, что данное определение сущности местных финансов отражает теоретические воззрения на понимание термина «местные финансы» многих российских ученых. В то же время местные финансы являются многогранным понятием, которое, по нашему мнению, нельзя рассматривать односторонне.

В соответствии с действующим законодательством к местным финансам относят: средства местного бюджета; государственные и муниципальные ценные бумаги, принадлежащие органам местного самоуправления; муниципальные внебюджетные средства; финансовые ресурсы предприятий, учреждений, находящихся в муниципальной собственности; средства, мобилизуемые на финансовом рынке (ссуды, займы, кредиты).

В соответствии со ст. 42 Федерального закона №131-ФЗ каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет (местный бюджет). Бюджетные полномочия муниципальных образований устанавливаются Бюджетным кодексом Российской Федерации². В качестве составной части бюджетов городских и сельских поселений, внутригородских районов, муниципальных районов (в отношении населенных пунктов, других территорий, расположенных на межселенных территориях), муниципальных округов, городских округов, внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя могут быть предусмотрены сметы доходов и расходов отдельных населенных пунктов, других территорий, не являющихся муниципальными образованиями. Порядок составления, утверждения и исполнения указанных смет определяется органами местного самоуправления соответствующих муниципальных образований самостоятельно с соблюдением требований, установленных Бюджетным кодексом

¹ Садырова М.Ю. Проблемы и способы совершенствования осуществления государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в системе управления земельными ресурсами Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 2. С. 240.

² "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (Дата обращения 25.12.2025).

Российской Федерации. Необходимо отметить, что проект местного бюджета, решение об утверждении местного бюджета, годовой отчет о его исполнении, ежеквартальные сведения о ходе исполнения местного бюджета и о численности муниципальных служащих органов местного самоуправления, работников муниципальных учреждений с указанием фактических расходов на оплату их труда подлежат официальному опубликованию.

Бюджет муниципального образования (местный бюджет) – форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления. Ст. 15 Бюджетного кодекса РФ не допускает использование органами местного самоуправления иных форм образования и расходования денежных средств для исполнения расходных обязательств муниципальных образований. Местными бюджетами в соответствии с бюджетной классификацией Российской Федерации должны разделяться средства, направляемые на исполнение расходных обязательств муниципальных образований по вопросам местного значения, и расходных обязательств муниципальных образований, которые исполняются за счет субвенций из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации для осуществления отдельных государственных полномочий [3].

Наличие собственного местного бюджета является необходимым условием существования любого муниципального образования. Более того и Бюджетный кодекс закрепляет, что каждое муниципальное образование имеет свой бюджет. Формирование, утверждение, исполнение местного бюджета и контроль за его исполнением осуществляются органами МСУ самостоятельно, с соблюдением требований Бюджетного кодекса РФ.

Бюджет муниципального образования обеспечивает его экономическую самостоятельность, за счет которой и должна обеспечиваться деятельность по решению вопросов местного значения [2]. По своей сути местный бюджет представляет собой совокупность экономических отношений, которые способствуют территориальному перераспределению национального дохода государства и обеспечивают создание финансовой базы местного самоуправления [7] и является основополагающим структурным элементом финансовой системы муниципального образования, влияющий на все процессы его социально-экономического развития.

Местный бюджет составляется из доходных и расходных частей, осуществляется в соответствии с бюджетным законодательством Рос-

сийской Федерации, законодательством о налогах и сборах и законодательством об иных обязательных платежах.

Доходную часть местных бюджетов составляют:

- 1) собственные доходы;
- 2) финансовая помощь (дотации, субвенции, средства фонда финансовой помощи муниципальных образований);
- 3) средства по взаимным расчетам.

К собственным доходам местных бюджетов относятся:

- 1) доходы от местных налогов и сборов;
- 2) доходы от региональных налогов и сборов;
- 3) доходы от федеральных налогов и сборов;
- 4) безвозмездные перечисления из бюджетов других уровней;
- 5) доходы от имущества, находящиеся в муниципальной собственности;
- 6) штрафы и т.д.

Как указывалось выше, в местных бюджетах разделяются предусматриваются доходы, направляемые на осуществление полномочий органов МСУ по решению вопросов местного значения, и субвенции, предоставленные для обеспечения осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

Местные налоги – это налоги и сборы, устанавливаемые органами местного самоуправления. Их перечень устанавливается законодательством РФ о налогах и сборах. Согласно ст. 15 Налогового кодекса РФ¹ к местным налогам относятся: 1) земельный налог; 2) налог на имущество с физических лиц; 3) торговый сбор; 4) туристический налог. Расходы местных бюджетов осуществляются в формах, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ. Органы МСУ ведут реестр расходных обязательств муниципальных образований. Расходная часть местных бюджетов определяется предметами ведения муниципальных образований и включает расходы на решение вопросов местного значения, реализацию планов и программ социально-экономического развития территории. Кроме того, в расходной части местных бюджетов предусматривается финансирование отдельных государственных полномочий [5].

Финансовые средства, необходимые для осуществления отдельных государственных полномочий, должны ежегодно предусматриваться

¹ "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/c2a293c02a125727a5f7f10918aa8aceab6c1510a/. (Дата обращения 25.12.2025).

соответственно в федеральном бюджете и в бюджетах субъектов Федерации [10]. Решения органов государственной власти, влекущие дополнительные расходы органов местного самоуправления, реализуются органами МСУ в качестве компенсации средств. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законом обеспечивают муниципальным образованиям минимальные местные бюджеты путем закрепления доходных источников для покрытия минимально необходимых расходов местных бюджетов.

Органами местного самоуправления ежегодно представляются в органы государственной власти отчеты об исполнении местных бюджетов [4]. Необходимо также отметить, что в целях содействия развитию и укреплению экономических основ местного самоуправления государственные органы в соответствии с действующим законодательством: 1) оказывают методическую помощь органам местного самоуправления в работе по формированию и исполнению местных бюджетов; 2) регулируют законами порядок передачи объектов государственной собственности в муниципальную; 3) передают органам местного самоуправления материальные и финансовые средства, необходимые им для осуществления отдельных государственных полномочий; 4) участвуют в решении местных задач через целевые федеральные и региональные программы; 5) компенсируют местному самоуправлению дополнительные расходы, возникающие в результате решений, принятых органами государственной власти [9].

Практика показывает, что налоги в существенной мере позволяют систематизировать и регламентировать определенные виды деятельности муниципальных образований [10]. В этой связи принципиально важно не только то, какие объемы доходов обеспечивают налоговые поступления, но и способность муниципалитетов реально влиять на формирование самой налоговой базы.

Список литературы:

- [1] Деружинский Г.В. Теория финансов: монография / Г.В. Деружинский. — Новосибирск: Мор.гос. акад. адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2007, С. 43.
- [2] Дикажев М.М. Общая характеристика мониторинга российского законодательства как элемента правовой политики // Право и управление. 2024. № 1. С. 28-32.
- [3] Клочкова А.Л., Яковлев А.В., Рябко Н.В. Трансформация национального правосознания в

России под влиянием актуальных политико-правовых триггеров // Право и управление. 2024. № 1. С. 33-37.

[4] Кожевников О.А. Государственно-общественные и общественно-государственные объединения и право на объединение: некоторые размышления // Право и государственность. 2024. № 2 (3). С. 20–25.

[5] Лихачев А.С. Изменение конституционной модели местного самоуправления: тридцатилетний опыт // Право и государственность. 2024. № 1 (2). С. 39–43.

[6] Маковский А.В. Особенности практической реализации приватизации государственного и муниципального имущества в РФ // Право и управление. 2024. № 3. С. 88.

[7] Региональные и муниципальные финансы: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Л.Л. Игониной. М.: Издательство Юрайт, 2017., С. 171.

[8] Садырова М.Ю. Проблемы и способы совершенствования осуществления государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в системе управления земельными ресурсами Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 2. С. 240.

[9] Самигуллин В.К. Патриархальная теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 6–12.

[10] Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Журавлева Л.А., Фатеева Н.Б. Экономико-правовые особенности использования земель сельскохозяйственного назначения // Право и управление. 2024. № 1. С. 97-102.

[11] Чернявский, А. Г. Конституционное право / А. Г. Чернявский. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2020, С. 538.

References:

- [1] Deruzhinsky G.V. Theory of finance: monograph/G.V. Deruzhinsky. - Novosibirsk: Mor.gos. acad. admiral F.F. Ushakov, 2007, S. 43.
- [2] Dikazhev M.M. General characteristics of monitoring of Russian legislation as an element of legal policy//Law and management. 2024. № 1. S. 28-32.
- [3] Klochkova A.L., Yakovlev A.V., Ryabko N.V. Transformation of the national legal consciousness in Russia under the influence of current political and legal triggers//Law and government. 2024. № 1. S. 33-37.
- [4] Kozhevnikov O.A. State-public and public-state associations and the right to unite: some reflections//Law and statehood. 2024. № 2 (3). S. 20-25.

[5] Likhachev A.S. Change in the constitutional model of local self-government: thirty years of experience//Law and statehood. 2024. № 1 (2). S. 39-43.

[6] Makovsky A.V. Features of practical implementation of privatization of state and municipal property in the Russian Federation//Law and management. 2024. № 3. S. 88.

[7] Regional and municipal finance: textbook and workshop for undergraduate and graduate studies/ed. L.L. Igonina. M.: Yuright Publishing House, 2017, .S. 171.

[8] Sadyrova M.Yu. Problems and ways to improve the implementation of state land supervision

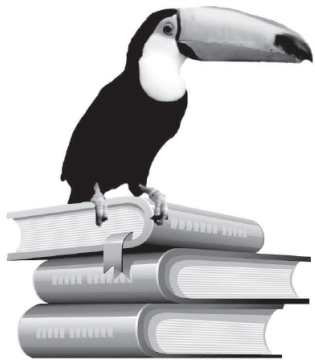
and municipal land control in the land management system of the Russian Federation//Law and management. 2024. № 2. S. 240.

[9] Samigullin V.K. Patriarchal theory of the origin of the state and law//Prav and statehood. 2023. № 1 (1). S. 6-12.

[10] Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Zhuravleva L.A., Fateeva N.B. Economic and legal features of the use of agricultural land//Law and management. 2024. № 1. S. 97-102.

[11] Chernyavsky, A. G. Constitutional Law/A. G. Chernyavsky. - Moscow: KnoRus Publishing House Limited Liability Company, 2020, P. 538.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-88-91

МОРОЗОВА Дарья Вячеславовна,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
27 кафедра (гражданское право), Военный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БАРКОВ А.В.,
профессор 27 кафедры (гражданского права),
Военный университет,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ, ЗАКЛЮЧАЕМЫЙ СУБЪЕКТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА: ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию порядка заключения, изменения и расторжения государственных контрактов, заключаемых в рамках государственного оборонного заказа. Государственный контракт рассматривается как ключевой элемент системы оборонного заказа, обеспечивающий реализацию национальных интересов и эффективное использование бюджетных средств. В работе анализируются правовая природа контракта, нормативные процедуры его заключения и изменения, а также основания и процедуры его расторжения. Основное внимание уделено правовым коллизиям и необходимости совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: государственный контракт, оборонный заказ, правовая природа, заключение контракта, изменение контракта, расторжение контракта, правовое регулирование.

MOROZOVA Daria Vyacheslavovna,
Candidate of Law Degree, Department 27 (Civil Law), Military University

Scientific supervisor:
BARKOV A.V.,
Professor 27, Department (Civil Law), Military University,
Doctor of Law, Professor

STATE CONTRACT CONCLUDED BY SUBJECTS OF THE STATE DEFENSE ORDER: AMENDMENT AND TERMINATION PROCEDURE

Annotation. The article is devoted to the study of the procedures for concluding, amending, and terminating state contracts within the framework of the state defense order. The state contract is considered as a key element of the defense order system, ensuring the realization of national interests and the effective use of budgetary funds. The paper analyzes the legal nature of the contract, the regulatory procedures for its conclusion and amendment, as well as the grounds and procedures for its termination. The main focus is on legal conflicts and the need to improve legal regulation in this area.

Key words: state contract, defense order, legal nature, contract conclusion, contract amendment, contract termination, legal regulation.

Государственный контракт в системе государственного оборонного заказа представляет собой ключевой элемент, обеспечивающий реализацию национальных интересов и безопасность страны. Важность данной темы обусловлена необходимостью эффек-

тивного использования бюджетных средств и обеспечения национальной безопасности. Однако, в правовой доктрине отсутствует единая позиция относительно юридической природы государственного контракта, что создает определенные противоречия. Одни исследователи, такие как О. Ю. Голованова и А. Л. Рогачевский, акцентируют внимание на гражданско-правовых принципах, применяемых в сфере публичных закупок [2, с. 68]. Другие, как В. В. Константинова, подчеркивают значимость публично-правовой составляющей, отмечая, что «формирование и размещение осуществляются публично, в строгом соответствии с законодательно установленными процедурами» [4, с. 432].

Сложность нормативного регулирования государственного контракта может приводить к правовым коллизиям, что требует балансирования интересов государства и исполнителей. Проблема, решаемая в данной работе, заключается в анализе и оптимизации правовых механизмов заключения, изменения и расторжения государственных контрактов в сфере оборонного заказа. Существующая степень научной разработанности темы свидетельствует о необходимости дальнейших исследований, направленных на устранение правовых коллизий и повышение эффективности правоприменительной практики.

Методология исследования государственного контракта в рамках оборонного заказа требует комплексного подхода, учитывающего как гражданско-правовые, так и публично-правовые аспекты. В литературе выделяются три основные группы исследователей, каждая из которых предлагает свой взгляд на природу государственного контракта. Первая группа рассматривает его как особый вид гражданско-правового договора, акцентируя внимание на договорных отношениях и принципах равенства сторон. Вторая группа подчеркивает публично-правовую природу контракта, указывая на значительное вмешательство государства в процесс его заключения и исполнения. Третья группа исследователей изучает международный опыт и его адаптацию в национальное законодательство, что позволяет выявить лучшие практики и интегрировать их в российскую правовую систему.

Для анализа правового статуса участников и степени вмешательства государства в контрактные отношения применяются методы сравнительного правоведения и системного анализа. Сравнительное правоведение позволяет выявить различия и сходства в подходах к регулированию государственных контрактов в разных странах, что способствует более глубокому пониманию их юридической природы. Системный анализ, в свою очередь, помогает рассмотреть государственный

контракт как элемент более широкой системы государственного оборонного заказа, выявляя его роль и функции в этой системе.

Важным аспектом исследования является изучение нормативно-правовой базы, регулирующей государственные контракты. Как отмечает В. В. Константинова, «система государственного и муниципального заказа является составной частью экономики Российской Федерации» [4, с. 432]. Это подчеркивает значимость государственного контракта не только как юридического инструмента, но и как экономического механизма, влияющего на развитие национальной экономики.

Таким образом, методология исследования государственного контракта в оборонном заказе требует интеграции различных научных подходов и методов, что позволяет всесторонне изучить его правовую природу и роль в системе государственного оборонного заказа.

Государственный контракт, как центральный элемент системы государственного оборонного заказа, обладает уникальной правовой природой, отличающей его от других видов договоров. В отличие от стандартных гражданско-правовых договоров, государственный контракт регулируется не только Гражданским кодексом Российской Федерации, но и специальными нормативными актами, такими как Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [1, с. 60]. Это обусловлено спецификой участников и предмета контракта, что требует особого подхода к его заключению, изменению и расторжению.

Теоретические подходы к правовой природе государственного контракта варьируются. Одни исследователи акцентируют внимание на его публично-правовой составляющей, подчеркивая, что государственный контракт является инструментом реализации государственных функций и интересов. Другие же рассматривают его через призму гражданско-правовых принципов, таких как равенство сторон и свобода договора, что позволяет более гибко подходить к его правоприменению.

Практическое значение этих теоретических подходов заключается в том, что они помогают формировать правоприменительную практику, учитывающую как интересы государства, так и права и обязанности контрагентов. Например, в статье 450 Гражданского кодекса Российской Федерации установлены основания для изменения и расторжения договора, что позволяет сторонам адаптировать условия контракта в случае изменения обстоятельств [1, с. 61].

Таким образом, государственный контракт в сфере оборонного заказа представляет собой сложный правовой инструмент, который требует

учета как гражданско-правовых, так и публично-правовых аспектов. Это делает его уникальным объектом правового регулирования, требующим особого внимания как со стороны законодателей, так и правоприменителей.

Процедуры заключения и изменения государственных контрактов в рамках государственного оборонного заказа представляют собой сложный процесс, требующий строгого соблюдения нормативных актов и учета специфики участников. Заключение контракта начинается с этапа планирования, где определяются основные параметры и требования к будущему контракту. Важным аспектом является обеспечение прозрачности и конкурентности на всех этапах, что способствует повышению эффективности государственных закупок. Как отмечает В. В. Константинова, «формирование и размещение осуществляются публично, в строгом соответствии с законодательно установленными процедурами» [4, с. 432].

Изменение условий контракта возможно в случае изменения обстоятельств, что требует гибкости в правоприменении. В статье 450 Гражданского кодекса Российской Федерации установлены основания для изменения и расторжения договора, что позволяет сторонам адаптировать условия контракта в случае изменения обстоятельств. Однако, в контексте государственного оборонного заказа, такие изменения должны быть обоснованы и согласованы с соответствующими государственными органами.

На практике возникают проблемы, связанные с недостаточной координацией между различными ведомствами и сложностью процедур согласования изменений. Для решения этих проблем предлагается внедрение более эффективных механизмов взаимодействия между участниками процесса и упрощение процедур согласования. Это позволит повысить оперативность и гибкость в управлении государственными контрактами, что особенно важно в условиях динамично меняющейся экономической и политической обстановки.

Расторжение государственного контракта в рамках государственного оборонного заказа представляет собой сложный процесс, который требует учета множества правовых и организационных аспектов. Основные основания для расторжения таких контрактов закреплены в статье 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, где указано, что договор может быть изменен или расторгнут по соглашению сторон или по решению суда в случае существенного нарушения договора одной из сторон [1, с. 61]. Однако в контексте государственного оборонного заказа такие изменения должны быть тщательно обоснованы и согласо-

ваны с соответствующими государственными органами. Процедура расторжения государственного контракта включает в себя несколько этапов, начиная с уведомления другой стороны о намерении расторгнуть договор и заканчивая оформлением соответствующих документов. Важно отметить, что расторжение контракта может повлечь за собой значительные правовые последствия, такие как необходимость возмещения убытков или уплаты неустойки. Это обусловлено тем, что государственный контракт является центральным элементом системы государственного оборонного заказа, и его расторжение может существенно повлиять на выполнение оборонного заказа в целом.

Судебная практика в этой области также играет важную роль, так как позволяет дополнить и разъяснить ряд положений, касающихся расторжения контрактов. Например, все правовые вопросы в сфере государственного оборонного заказа, включая исполнение решений судов, должны решаться с учетом положений Федерального закона о государственном оборонном заказе [1, с. 62-63]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к правоприменению в данной сфере, учитывающего как гражданско-правовые, так и публично-правовые аспекты. Исследование, посвященное правовой природе и особенностям государственного контракта в системе государственного оборонного заказа, выявило ряд ключевых аспектов, требующих дальнейшего изучения и совершенствования. Авторы статьи, такие как В.В. Константинова и П.А. Аркин, внесли значительный вклад в анализ правового регулирования государственных контрактов, акцентируя внимание на необходимости учета как гражданско-правовых, так и публично-правовых аспектов.

Значимость полученных результатов заключается в повышении эффективности и прозрачности контрактных отношений в оборонной сфере. Это особенно важно в условиях динамично меняющейся экономической и политической обстановки, где гибкость и оперативность в управлении государственными контрактами становятся критически важными. Как отмечает В.В. Константинова, «формирование и размещение осуществляются публично, в строгом соответствии с законодательно установленными процедурами», что подчеркивает важность прозрачности в процессе государственных закупок.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение международного опыта в области государственного оборонного заказа и его адаптацию в национальное законодательство. Это позволит не только улучшить правоприменительную практику, но и повысить конкурентоспо-

способность отечественной системы государственных закупок. Кроме того, необходимо продолжать работу над совершенствованием механизмов взаимодействия между различными ведомствами, что позволит упростить процедуры согласования и повысить эффективность управления государственными контрактами в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Аркин П.А., Соусов В.Е., Аширметова О.Б. Теоретический анализ государственного регулирования исполнения государственных контрактов (контрактов) в современных условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. №1 (139). С. 59-67.

[2] Голованова О. Ю., Рогачевский А. Л. Место и роль гражданско-правовых принципов в сфере публичных закупок // Ленинградский юридический журнал. 2021. №3 (65). С. 68-87.

[3] Заулочная С.А. Отдельные аспекты закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Украины // Право и государство: теория и практика. 2016. №8 (140). С. 81-85.

[4] Константинова В.В. Реестр государственных контрактов как фактор повышения эффективности государственных закупок // Вестник ЧГУ. 2009. №4. С. 431-435.

[5] Ращупкина Л.В., Шоргина Е.В. Некоторые проблемные аспекты правового регулирования государственных закупок для нужд уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2021. №3 (48). С. 164-175.

References:

[1] Arkin P.A., Sousov V.E., Ashirmetova O.B. Theoretical analysis of state regulation of the execution of state contracts (contracts) in modern conditions//Izvestia of St. Petersburg State Economic University. 2023. №1 (139). S. 59-67.

[2] Golovanova O. Yu., Rogachevsky A. L. Place and role of civil law principles in the field of public procurement//Leningrad Law Journal. 2021. №3 (65). S. 68-87.

[3] Zaulochnaya S.A. Individual aspects of procurement of goods, works and services for state needs: comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and Ukraine//Law and state: theory and practice. 2016. №8 (140). S. 81-85.

[4] Konstantinova V.V. Register of state contracts as a factor in increasing the efficiency of public procurement//Bulletin of ChSU. 2009. №4. S. 431-435.

[5] Rashchupkina L.V., Shorgina E.V. Some problematic aspects of the legal regulation of public procurement for the needs of the penal system//Bulletin of the Kuzbass Institute. 2021. №3 (48). S. 164-175.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-92-96

ДУВАЯРОВА Сабина Арзу кызы,
аспирант Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва, Россия, г. Саранск,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются правовые основы внедрения ИИ в государственное управление РФ и выявляются возникающие проблемы административной ответственности. Исследование основано на анализе нормативных актов, доктринальных положений и судебно-административной практики с использованием элементов сравнительно-правового подхода. В результате установлены ключевые риски алгоритмического управления, включая непрозрачность принятия решений, смещение бремени доказывания и неопределённость субъектов ответственности за вред, причинённый ИИ-системами. Обосновывается необходимость совершенствования административно-правового регулирования, развития специальных норм КоАП РФ, процедурных гарантий автоматизированных решений и доктрины распределённой ответственности участников жизненного цикла ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, административное право, административная ответственность, цифровизация, алгоритмическое управление, автоматизированные решения.

DUVAYAROVA Sabina Arzu kyzy,
graduate student of Mordovia State University
named after N.P. Ogaryov, Russia, Saransk

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the legal basis for the introduction of AI into the public administration of the Russian Federation and identifies emerging problems of administrative responsibility. The study is based on an analysis of regulations, doctrinal provisions and judicial and administrative practice using elements of a comparative legal approach. As a result, key risks of algorithmic control have been established, including the opacity of decision-making, the shift in the burden of proof and the uncertainty of subjects of responsibility for the harm caused by AI systems. The need to improve administrative and legal regulation, the development of special norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, procedural guarantees of automated solutions and the doctrine of distributed responsibility of participants in the AI life cycle is justified.

Key words: artificial intelligence, public administration, administrative law, administrative responsibility, digitalization, algorithmic control, automated solutions.

Введение

Цифровая трансформация публичной власти, закреплённая в стратегических документах Российской Федерации, предполагает переход от

«электронного правительства» к «умному государству», использующему технологии больших данных и искусственного интеллекта для принятия управленческих решений. Национальная

стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, прямо называет органы государственной власти одним из ключевых потребителей ИИ-технологий.

Одновременно растёт количество судебных споров, связанных с использованием ИИ: по данным специализированных обзоров, за последние годы в России число дел, где фигурируют нейросети, автоматические штрафы, дипфейк-контент и обработка персональных данных с использованием ИИ, увеличилось примерно на 60 %, при этом устойчивой судебной практики и специального закона об искусственном интеллекте пока нет.

В этих условиях особое значение приобретают вопросы административно-правового регулирования: использование ИИ в государственном управлении не только порождает новые объекты административно-правового воздействия (информационные системы, алгоритмические сервисы), но и трансформирует традиционные институты административной ответственности и административного процесса.

Система отраслевого регулирования

Специального федерального закона об искусственном интеллекте в Российской Федерации по состоянию на начало 2026 г. не принято, однако сформировался комплекс нормативных актов, прямо или косвенно регулирующих использование ИИ в публичной сфере. К ключевым из них относятся:

- Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г.), определяющий цели, принципы и направления государственной политики в сфере ИИ, включая его использование в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.
- Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», позволяющий устанавливать специальные режимы регулирования для апробации ИИ-решений, в том числе в сфере государственного управления и оказания госуслуг.
- Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», формирующий базовый режим информационных систем, включая вопросы безопасности, ответственности операторов и владельцев информационных систем.

- Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», задающий жёсткие требования к обработке персональных данных, что критически важно для ИИ-систем, основанных на больших массивах данных о гражданах.
- Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», закрепляющий цифровые форматы взаимодействия граждан и государства (порталы, МФЦ, реестры), которые сегодня являются основной «инфраструктурой» для внедрения ИИ в сфере госуслуг.

Отдельные аспекты применения ИИ находят отражение также в актах Банка России (этические кодексы в финансовой сфере), ведомственных регламентах, отраслевых стратегиях.

В доктрине подчёркивается фрагментарность и «надстроечный» характер данного регулирования: законодателю пока не удалось сформировать целостную модель статуса ИИ-систем в публичной власти, разграничить правосубъектность участников (разработчиков, операторов, органов власти) и определить механизм юридической ответственности за вред, причиняемый с использованием ИИ. [1]

Практика внедрения ИИ в государственное управление

Исследования показывают, что ИИ уже применяется в широком спектре управленческих процессов: от интеллектуальных консультантов для граждан до аналитики больших данных в бюджетном планировании и социальном обеспечении.

Среди наиболее показательных примеров:

- автоматизированные комплексы фотовидеофиксации нарушений в сфере дорожного движения, которые в упрощённом порядке формируют постановления по делам об административных правонарушениях;
- системы риск-ориентированного надзора, использующие прогнозные модели для выбора объектов проверок;
- цифровые помощники и чат-боты на порталах госуслуг, формирующие проекты заявлений, жалоб и иных документов;
- экспертные системы при подготовке правовых заключений и экспертиз, в том числе в рамках государственного управления. [2]

В зарубежном и российском опыте подчёркивается, что использование ИИ повышает эффективность, но одновременно усиливает риски нарушения прав граждан из-за непрозрачности алгоритмов и «смещения» ответственности с человека на технологию. [2]

Искусственный интеллект как объект и инструмент административно-правового регулирования

Цифровизация административного процесса особенно заметна в сфере дел об административных правонарушениях. Исследования показывают, что использование цифровых технологий – от электронного протокола до автоматизированного вынесения постановлений – является «магистральным направлением» развития производства по делам об административных правонарушениях. [5]

К ключевым элементам участия ИИ и связанных технологий в административном процессе относятся:

- фиксация правонарушений автоматическими средствами (специальные технические средства фотовидеофиксации) с последующим вынесением постановления без составления протокола (ст. 28.6, 29.10 КоАП РФ); [6]
- обработка и анализ доказательств, включая анализ видеозаписей, распознавание лиц и номеров транспортных средств;
- электронное взаимодействие сторон: подача жалобы через порталы, автоматическое уведомление, интеграция с базами данных.

Особый интерес вызывает практика автоматического привлечения к ответственности собственников транспортных средств на основе данных камер: ст. 2.6.1 КоАП РФ закрепляет презумпцию ответственности владельца, если не доказано, что транспортное средство находилось во владении иного лица либо было выбыло из обладания. [6]

С одной стороны, такая модель резко повышает эффективность выявления и пресечения правонарушений (в крупных городах доля штрафов с камер превышает 70–80 % от общего числа постановлений по ряду составов). С другой стороны, возникает целый ряд процессуальных рисков:

- смещение бремени доказывания факта управления транспортным средством на собственника;
- зависимость исхода дела от корректности работы технического комплекса (калибровка, программное обеспечение, режим функционирования без участия оператора);
- ограниченная возможность для гражданина проверить алгоритм и параметры функционирования системы.

Показателен пример дела, рассмотренного 8-м кассационным судом общей юрисдикции: штраф за нарушение правил парковки, вынесенный в упрощённом порядке на основании данных камер, был отменён ввиду того, что не было

доказано функционирование комплекса в полностью автоматическом режиме без участия оператора, что является обязательным условием применения соответствующей процедуры.

Таким образом, уже на уровне действующего регулирования и практики проявляются коллизии между целями эффективности и требованиями процессуальных гарантий, что непосредственно связано с вопросами административной ответственности в контексте ИИ.

Проблемы административной ответственности в связи с использованием ИИ

Действующий КоАП РФ не содержит специальных составов, посвящённых нарушениям при разработке и эксплуатации ИИ-систем. Вместе с тем к таким ситуациям применяются общие составы, прежде всего:

- ст. 13.11 КоАП РФ (нарушение законодательства о персональных данных);
- ст. 13.12, 13.14 КоАП РФ (нарушение правил защиты информации, разглашение информации с ограниченным доступом);
- специальные составы в сфере финансового рынка, связи, транспорта, где ИИ выступает «встроенным» элементом информационных систем. [7]

Применительно к ИИ-технологиям указанные нормы охватывают, например:

- незаконную обработку персональных данных при обучении моделей (отсутствие согласия, несоблюдение цели и сроков обработки);
- нарушение требований к локализации персональных данных российских граждан;
- использование алгоритмов, приводящих к дискриминации отдельных групп граждан при оказании государственных услуг или осуществлении надзора.

В этой связи предлагается доктрина «расщеплённой» административной ответственности, при которой:

- базовую ответственность несёт оператор (орган власти, организация), эксплуатирующий ИИ-систему;
- разработчик может привлекаться как соучастник или самостоятельный субъект, если нарушение связано с конструктивными дефектами алгоритма, заведомо заложенными при проектировании;
- владелец данных несёт ответственность за незаконную передачу и ненадлежащую обезличку данных.

Подобный подход уже частично просматривается в практике Роскомнадзора и судов при привлечении к ответственности за утечки и неправомерную обработку персональных данных, где учи-

тываются распределение фактического контроля и степень технической компетентности участников.

Проектируемые изменения и новые составы административных правонарушений

На уровне законопроектной работы и публичных инициатив уже формируется направление, связанное с введением специальных составов ответственности за злоупотребления ИИ-технологиями. Так, в Государственную Думу внесён законопроект № 1069331-8, предусматривающий административную ответственность за нарушение обязательных требований по маркировке видеоматериалов, созданных с использованием технологий ИИ (deepfake-контент).

Параллельно на обсуждении находятся инициативы по усилению ответственности за:

- мошенничество и иные правонарушения, совершённые с использованием генерирующего ИИ;
- незаконный сбор и обработку персональных данных посредством ботов и скриптов;
- распространение деструктивного контента, созданного нейросетями.

Часть инициатив лежит в плоскости уголовного права, однако уже сейчас очевидно, что административно-правовые механизмы (штрафы, приостановление деятельности, блокировка ресурсов) будут играть ключевую роль в оперативном реагировании на массовые нарушения, связанные с ИИ.

В то же время ряд авторов справедливо предупреждает об опасности «репрессивного уклона» без создания чётких процедурных гарантий, включая требования к доказательствам, сформированным с использованием ИИ, и к алгоритмической прозрачности. [4]

Заключение

Искусственный интеллект в государственном управлении Российской Федерации становится не только инструментом повышения эффективности и экономии ресурсов, но и фактором трансформации административного права. От того, насколько своевременно и системно будет выстроено правовое регулирование ИИ, зависит баланс между целями цифровизации и гарантиями прав человека.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Правовые основы использования ИИ в государственном управлении носят фрагментарный характер. Регулирование распределено между конституционными нормами, общими законами об информации, персональных данных, госуслугах, Указом Президента РФ

№ 490 и законом об экспериментальных правовых режимах; при этом отсутствует целостная модель статуса ИИ-систем и участников их жизненного цикла.

2. ИИ в административном праве выступает прежде всего объектом регулирования и инструментом управления, тогда как субъектом административной ответственности сохраняется человек (физическое или юридическое лицо). Однако рост автономности ИИ-систем и усложнение причинно-следственных связей ставят под вопрос достаточность традиционных конструкций вины и причинной связи.
3. Производство по делам об административных правонарушениях становится полигоном для апробации алгоритмических решений. Использование автоматических комплексов фотовидеофиксации, электронных сервисов оспаривания и иных цифровых технологий повышает эффективность, но создаёт риски перераспределения бремени доказывания, снижения уровня процессуальных гарантий и возникновения технических ошибок, последовательно выявляемых судебной практикой.
4. Сформировался запрос на специальные нормы административной ответственности, связанные с ИИ. Законопроекты о маркировке ИИ-контента и об ответственности за злоупотребления ИИ-технологиями свидетельствуют о переходе к более адресному регулированию, однако существует опасность одностороннего «ужесточения» без закрепления принципов алгоритмической прозрачности и подотчётности.
5. Перспективы развития административного законодательства видятся в:
 - закреплении в базовых законах принципов прозрачности, подотчётности и человеко-ориентированности алгоритмического управления;
 - детализации процессуальных норм КоАП РФ применительно к автоматизированным постановлениям и цифровым доказательствам;
 - введении специальных составов административных правонарушений для участников жизненного цикла ИИ-систем;
 - институционализации экспертизы и аудита ИИ в публичном секторе.

Иными словами, задача административного права в эпоху искусственного интеллекта – не тормозить технологическое развитие, но создать нюансированную систему гарантий, позволяющую минимизировать риски алгоритмической дискриминации, обеспечить реальную оспоримость

автоматизированных решений и справедливое распределение ответственности между всеми участниками сложной техно-социальной системы «государство – гражданин – искусственный интеллект».

Список литературы:

- [1] Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Тюмень : Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – 2022. – 130 с.
- [2] Талапина Э. В., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Черешнева И. А. Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы : монография / Москва : Дело, РАНХиГС. – 2022. – 190 с.
- [3] Черешнева И. А. Искусственный интеллект в государственном управлении и транспарентность: европейский опыт // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. № 2 (136). – С. 80–87.
- [4] Буньков А. В. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт // Социология и право. – 2025. – Т. 17. № 3. – С. 386–396.
- [5] Пестова Т. П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – Т. 2. № 4 (109). – С. 28–36.
- [6] Майоров В. И. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 69–77.
- [7] ИИ в праве: разбор основных юридических рисков / аналитический материал портала «Право.ru». – URL: <https://pravo.ru/story/259757/> (дата обращения 01.11.2025).
- [8] Ответственность за ошибки искусственного интеллекта: как складывается практика? /

аналитический материал. – URL: https://shortread.ru/otvetstvennost-za-oshibki-iskusstvennogo-intellekta-kak-skladyvaetsya-praktika/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 01.11.2025).

References:

- [1] Kuteinikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Artificial intelligence and law: from fundamental problems to applied problems: monograph/ Tyumen: Tyumen State University, Institute of State and Law. – 2022. – 130 s.
- [2] Talapina E.V., Yuzhakov V.N., Efremov A.A., Cheresheva I.A. Possibilities of using artificial intelligence in public administration and legal expertise: monograph/Moscow: Case, RANEPa. – 2022. – 190 s.
- [3] Cheresheva I. A. Artificial intelligence in public administration and transparency: European experience//Public Service. – 2022. – T. 24. № 2 (136). – S. 80-87.
- [4] Bunkov A. V. Legal problems of introducing AI technologies into the system of public administration and administration: Russian and international experience//Sociology and law. – 2025. – VOL. 17. № 3. – S. 386-396.
- [5] Pestova T.P. Digital technologies in proceedings on cases of administrative offenses: reality and prospects//Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. – 2024. – VOL. 2. № 4 (109). – S. 28-36.
- [6] Mayorov V. I. Legal problems of using special technical means of automatic photo and video recording of traffic violations//Legal science and law enforcement practice. – 2016. – № 3 (37). – S. 69-77.
- [7] AI in law: analysis of the main legal risks/ analytical material of the Право.ru portal. – URL: <https://pravo.ru/story/259757/> (date of contact 01.11.2025).
- [8] Responsibility for artificial intelligence errors: How does practice develop ?/analytical material. – URL: https://shortread.ru/otvetstvennost-za-oshibki-iskusstvennogo-intellekta-kak-skladyvaetsya-praktika/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 01.11.2025).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-97-103

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
д.ю.н., профессор кафедры
государственно-правовых и
уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОТАРИАТА В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов цифровизации нотариата в России и Китае. Рассматриваются правовые, технические, организационные и социально-экономические аспекты перехода от традиционного бумажного документооборота к электронным форматам. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования, неравномерности цифровой инфраструктуры, вопросам кибербезопасности и кадровой готовности нотариального сообщества. Проведен сравнительный анализ российских и китайских подходов: Россия ориентирована на централизацию через Единую информационную систему нотариата, тогда как Китай развивает полицентричную модель с акцентом на удалённое удостоверение и интеграцию с системой электронного правосудия. В заключение выделены перспективные направления развития — унификация законодательства, укрепление международного признания электронных нотариальных актов и внедрение инновационных технологий (блокчейн, e-Apostille).

Ключевые слова: цифровизация нотариата; электронная сделка; ЕИС нотариата; квалифицированная электронная подпись; удалённое удостоверение; кибербезопасность; e-justice; e-Apostille.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor of the Department
of State Law and Criminal Law Disciplines
of the Plekhanov Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education

DIGITALIZATION OF NOTARIES IN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT TRENDS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the processes of notary digitalization in Russia and China. The legal, technical, organizational and socio-economic aspects of the transition from traditional paper-based document flow to electronic formats are considered. Special attention is paid to the problems of legal regulation, unevenness of digital infrastructure, issues of cybersecurity and personnel readiness of the notary community. A comparative analysis of Russian and Chinese approaches is carried out: Russia is focused on centralization through the Unified Information System of the Notary, whereas China develops a polycentric model with an emphasis on remote certification and integration with the e-justice system. In conclusion, promising areas of development are highlighted, such as the unification of legislation, strengthening the international recognition of electronic notary acts, and the introduction of innovative technologies (blockchain, e-Apostille).

Key words: digitalization of the notary system; electronic transaction; Unified Information System of the Notary System; qualified electronic signature; remote identification; cybersecurity; e-justice; e-Apostille.

Введение

Современные процессы цифровизации затрагивают ключевые институты права, включая нотариат. Цифровизация нотариата стала одним из ключевых направлений модернизации правовой системы в XXI веке.

Переход от бумажного документооборота к электронным форматам открывает новые возможности, но одновременно выявляет правовые, организационные и социальные противоречия. В статье автор анализирует цифровизацию нотариата в России и Китае, выявляет сходства и различия, а также формулирует направления дальнейшего развития законодательства. Однако реальную значимость цифрового нотариата раскрывают не столько нормативные акты, сколько судебная практика: именно в судах проверяется юридическая сила электронных нотариальных действий, их доказательственное значение и доверие общества. Россия и Китай демонстрируют два различных подхода: Россия выстраивает централизованную модель на основе Единой информационной системы нотариата (ЕИС), в то время как Китай развивает полицентричные региональные решения с акцентом на удалённое удостоверение и интеграцию с системой электронного правосудия.

Основные проблемы цифровизации нотариата в России

Правовые и регуляторные барьеры. Законодательство о нотариате во многом устарело и не учитывает реалии цифрового общества. Основы законодательства РФ о нотариате 1993 года (далее - Основы) не обеспечивают комплексного регулирования электронных нотариальных действий, что создаёт пробелы и противоречия.

Технические и инфраструктурные проблемы. Цифровая инфраструктура распределена неравномерно: в отдалённых регионах доступ к защищённым каналам связи и сервисам ограничен. Высока стоимость внедрения и поддержки систем защиты данных, а отдельные механизмы проверки подлинности всё ещё функционируют в тестовом режиме.

Организационные и кадровые вызовы. Часть нотариусов обладает недостаточной цифровой компетентностью, что требует масштабного обучения. Консерватизм профессионального сообщества препятствует внедрению дистанционных форматов.

Социально-экономические аспекты. Высокие нотариальные тарифы в условиях цифровизации создают дополнительные барьеры для граждан и бизнеса. Нотариальные услуги остаются ограниченно доступными в регионах, что усиливает социальное неравенство.

Названные проблемы и их причины можно представить в виде *таблицы 1*.

Таблица 1. Основные проблемы цифровизации нотариата в России

Проблема	Причина	Возможное решение
Правовые барьеры	Устаревшее законодательство 1993 года	Принятие нового комплексного закона о цифровом нотариате
Технические трудности	Неравномерная цифровая инфраструктура	Развитие защищённых каналов связи и ЕИСН
Кадровые вызовы	Недостаточная цифровая компетентность	Массовое обучение и повышение квалификации
Социальные барьеры	Высокая стоимость услуг и цифровое неравенство	Снижение тарифов, обеспечение равного доступа

В России ключевым элементом цифровой инфраструктуры является Единая информационная система нотариата (ЕИС), которая обеспечивает централизованное хранение и обмен сведениями.

Китай же использует более фрагментированный подход, включающий региональные и

ведомственные решения. Отличие заключается также в институциональной интеграции: в России цифровые акты напрямую взаимодействуют с Росреестром и ФНС, тогда как в Китае акцент сделан на развитии дистанционного удостоверения, включая трансграничные форматы.

Сравнительный анализ судебной практики

Аспект	Россия	Китай
Центральная инфраструктура	ЕИС нотариата — единая база данных и канал передачи документов	Отсутствие единого аналога ЕИС, но широкое развитие региональных и консульских платформ
Судебные доказательства	Электронные нотариальные акты принимаются судами, но требуют верификации; ограничены в уголовных делах	Принимаются в интернет-судах; активно используются блокчейн-фиксации и видеонотариат
Международное признание	Участник Конвенции об апостиле с 1992 г.; е-Апостиль внедряется постепенно	Участник с 2023 г.; е-Апостиль активно используется в трансграничных делах
Тенденции	Постепенное укрепление статуса электронных актов; осторожность в уголовных процессах	Эксперименты и быстрый рост; широкая судебная практика с цифровыми доказательствами

Тенденции развития

Россия движется по пути централизации и унификации через ЕИС. Основные перспективы: расширение перечня нотариальных действий в электронной форме (включая завещания и брачные договоры), внедрение е-Апостилля и усиление защиты персональных данных в условиях трансграничного документооборота.

Китай развивает гибкую и фрагментированную систему, но с активным внедрением передовых технологий. Тенденция — интеграция нотариата в экосистему e-justice, где нотариальные акты и блокчейн-фиксации становятся частью единой доказательственной базы.

Таблица 2. Сравнение цифровизации нотариата в России и Китае

Аспект	Россия	Китай
Инфраструктура	Единая информационная система нотариата (ЕИС)	Региональные и ведомственные цифровые платформы
Удалённые действия	Прописаны в законе (ст. 44.2, 44.3 Основ)	Развиваются через приказы Минюста и практику консульств
Электронная подпись	Квалифицированная ЭП (ФЗ-63)	Закон об ЭП (2004, с поправками 2015 и 2019)
Международное признание	Апостиль с 1992 г., проект e-Apostille	С ноября 2023 г. — Конвенция об апостиле
Сильные стороны	Централизация, интеграция с госреестрами	Гибкость, развитие видеонотариата и e-justice

Судебные кейсы цифрового нотариата

Россия

1. Протокол осмотра веб-страницы в гражданских делах о защите чести и достоинства
 - Инстанция: Апелляционный суд по авторским правам (пример: Апелляционный суд Брянской области, дело № 33-1946/2025);

«Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами» (утв. решением Правления ФНП, протокол от 26.06.2023 N 10/23)

- Суть: Суд признал протокол осмотра сайта, сформированный сервисом «WEBJUSTICE», как допустимое доказательство. Электронный протокол нотариуса, фиксирующий

- публикацию сведений в сети, рассматривается судами как письменное доказательство.
- Источник: Практика сервиса «WEBJUSTICE» — автоматическая фиксация интернет-данных (webjustice.ru); <http://www.pravo.gov.ru>
2. Доказательства электронной переписки (СМС/почта)
 - Инстанция: Арбитражный суд (дело № А19-2500/2017)
 - Суть: Суд исследовал электронный почтовый ящик напрямую, без нотариального заверения, принял часть электронной переписки как доказательство.
 - Источник: Право.ру, пример дела А19-2500/2017 (ПРАВО.Ru)
 3. Роль нотариального заверения электронных доказательств
 - Инстанция: Верховный Суд РФ
 - Суть: ВС указал, что распечатки из интернета (скриншоты, веб-страницы) могут быть признаны без нотариального заверения, если сторона не оспаривает подлинность.
 - Источник: Право.ру обзор практики (ПРАВО.Ru)
 4. Ответственность нотариуса при дистанционных действиях
 - Инстанция: Федерация нотариусов / ФНП (правовая оценка, не судебное дело)
- Китай
6. Кейс с наследством (remote video notarization за границей) в Шанхае (Yangpu)
 - Инстанция: Нотариальная контора района Yangpu, Шанхай
 - Суть: Первый зафиксированный случай дистанционного нотариата для граждан, находящихся за границей в пандемию — через платформу «Smart Notarization». В делах с участием граждан, находящихся за границей, активно применяется система remote video notarization, введённая в 2022–2023 гг. Такие акты признаются судами и принимаются в качестве полноценного доказательства при условии соблюдения требований Закона КНР об электронной подписи и Закона о защите персональных данных (PIPL). Китайский гражданин, проживающий в США, оформил дистанционное нотариальное заявление через китайское консульство (2022 г.). Документ был представлен в суде в Шанхае при рассмотрении наследственного спора.
 - Источник: Shanghai Yangpu Notary Office (english.shyp.gov.cn)
- Суть: Нотариус несёт имущественную ответственность за ошибки при удалённых нотариальных действиях, даже если они были выполнены через ЕИС.
 - Источник: Гарант, напоминание ФНП (Гарант); Аналитка CyberLeninka (КиберЛенинка)
5. Доверенность в электронной форме и Росреестр
 - Инстанция: Министерство юстиции Российской Федерации. Официальные материалы о цифровом нотариате. Приказ Минюста России от 30.09.2020 N 232 (ред. от 30.01.2025); Белгородский областной суд
 - Суть: Суды признают юридическую силу нотариальной доверенности, направленной в Росреестр через ЕИС. В одном из гражданских дел (2021 г.) доверенность на регистрацию сделки с недвижимостью была удостоверена удалённо через ЕИС нотариата. Суд признал, что удалённое нотариальное действие законно, так как оно проведено по ст. 44.2 Основ законодательства РФ о нотариате и подтверждено записью в ЕИС. Суд подчеркнул, что цифровая форма не снижает юридической силы нотариального акта.
 - Источник: <https://notariat.ru>; «Информационный бюллетень», N 7, июль, 2021
7. Развитие cross-border ROVN (MOJ)
 - Инстанция: Министерство юстиции КНР
 - Суть: В 2023 году выпущено Постановление о расширении возможности удалённого видеонотариата через китайские консульские учреждения — 295 объектов задействованы. Апостиль и трансграничные дела: с ноября 2023 года Китай стал участником Гаагской конвенции об апостиле. Это позволило судам быстрее признавать нотариальные акты с е-Апостилем, что особенно важно для дел с участием иностранных компаний и граждан.
 - Источник: China Justice Observer, MOJ (China Justice Observer)
 8. Пилотирование видеонотариата через консульства (2022)
 - Инстанция: MOJ и посольства КНР
 - Суть: С мая 2022 года Китай начал пилотный проект remote video notarization через 65 консульств и посольств, включая оформление доверенностей и других актов.
 - Источник: China Launches Overseas Video Notarization (China Justice Observer)
 9. Интеграция с блокчейн и интернет-суды

– Инстанция: Интернет-суд Ханчжоу

Суть: Суд признал цифровые доказательства (в т.ч. записи видеонотариата), защищённые блокчейн-технологией, как допустимые и надёжные. Китайские интернет-суды (Ханчжоу, Пекин, Гуанчжоу) принимают нотариальные электронные акты и данные, зафиксированные с помощью блокчейн-технологий как один из способов подтверждения неизменности электронных доказательств (например, переписки, договоров, транзакций). В Ханчжоу (2021 г.) при разбирательстве о нарушении авторских прав цифровое доказательство (видео + нотариальное удостоверение через онлайн-сервис) было представлено истцом. Нотариус удалённо удостоверил факт публикации произведения в сети.

Суд не только признал доказательство, но и отметил, что совмещение remote video notarization + блокчейн повышает уровень достоверности.

– Источник: Duke Law Insight — обсуждение IP дел, цифровых данных и блокчейна (chinalawinsight.com)

10. Инновационный e-justice и видеонотариат

– Инстанция: Интернет-суды Китая (напр., Ханчжоу, Гуанчжоу)

– Суть: Судебные органы активно используют видеонотариат и e-justice платформы, включая блокчейн для подтверждения данных.

– Источник: Обзор роли блокчейна в интернет-судах Китая (chinalawinsight.com, english.shyp.gov.cn)

1) Россия: суды осторожны, но признают удалённые нотариальные акты, если они внесены в ЕИС и соответствуют закону. Основные кейсы связаны с недвижимостью и корпоративными спорами.

2) Китай: судебная практика более смелая — remote video notarization активно применяется в наследстве, бракоразводных делах и авторском праве. Интернет-суды даже используют блокчейн как подтверждение подлинности таких актов.

Итоги в таблице:

№	Страна	Инстанция	Суть кейса	Источник ссылки
1	Россия	Апелляционный суд (авторское право)	"WEBJUSTICE" протокол признан доказательством	WEBJUSTICE практика (webjustice.ru)
2	Россия	Арбитражный суд (дело № А19-2500/2017)	Принятие электронной переписки без нотариуса	Право.ру (ПРАВО.Ru)
3	Россия	Верховный Суд РФ	Снятие необходимости нотариального заверения скриншотов	Право.ру (ПРАВО.Ru)
4	Россия	ФНП	Ответственность нотариуса при удалённых действиях	Гарант (Гарант) CyberLeninka (КиберЛенинка)
5	Россия	Министерство юстиции Российской Федерации. Официальные материалы о цифровом нотариате. —	Доверенность в электронной форме и Росреестр	URL: https://minjust.gov.ru/
6	Китай	Yangpu Notary Office, Шанхай	Первый remote video нотариат	Yangpu пилот (english.shyp.gov.cn)
7	Китай	МОJ	Расширение видеонотариата через государство	CJO MOJ (China Justice Observer)
8	Китай	МОJ + консульства	Пилот 65 объектов remote video нотариата	CJO 2022 (China Justice Observer)
9	Китай	Интернет-суд Ханчжоу	Признание блокчейн-доказательств	Duke Insight (chinalawinsight.com)
10	Китай	Интернет-суды Китая	Активное применение видеонотариата в e-justice	Блокчейн и e-justice (chinalawinsight.com, english.shyp.gov.cn)

Вывод

В России судебная практика постепенно укрепляет позиции электронных нотариальных актов, особенно в гражданском и арбитражном процессе, но остаются пробелы в уголовном и трансграничном праве. Китайская же практика показывает более активное использование цифровых технологий в судебных доказательствах, включая блокчейн и удалённое удостоверение.

Судебная практика в России и Китае показывает, что цифровизация нотариата - это не только вопрос технических решений, но и вопрос доверия правовой системы.

Россия делает ставку на централизацию и формальное равенство бумажных и электронных нотариальных актов. Китай демонстрирует инновационный подход, где цифровые инструменты (видеосвязь, блокчейн, е-Апостиль) становятся полноценным элементом судебной системы. Иными словами - цифровизация нотариата в России и Китае демонстрирует разные модели развития: Россия делает ставку на централизацию и единую доверенную систему, в то время как Китай развивает полицентричные решения с акцентом на удалённые услуги и интеграцию с e-justice.

Сравнение двух моделей позволяет выделить ключевую перспективу: Россия может заимствовать китайский опыт в сфере судебного признания электронных доказательств, а Китай — российскую модель единой централизованной системы нотариата. В долгосрочной перспективе обе страны движутся к формированию «умного нотариата», встроенного в цифровую экосистему права. Главные вызовы для обеих стран — обеспечение кибербезопасности, устранение правовых пробелов и гармонизация международного признания цифровых нотариальных актов.

Список литературы:

- [1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
- [2] Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- [3] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4384.
- [4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая – четвертая). — М.: Проспект, 2023.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. — М.: Эксмо, 2023.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. — М.: Норма, 2023.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. — М.: Юрайт, 2023.

[7] Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 г.) // Собрание законодательства РФ. 1992. № 45. Ст. 2542.

[8] Hague Conference on Private International Law. e-Apostille Programme (e-APP). — URL: <https://www.hcch.net/> (дата обращения: 28.08.2025).

[9] Electronic Signature Law of the People's Republic of China: adopted 2004, amended 2015, 2019 // China Justice Observer. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/electronic-signature-law-of-china-20190423> (дата обращения: 28.08.2025).

[10] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL): adopted 2021 // National People's Congress of China. — URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202108/6b6dc89e7c144ab8a4a1b0a8432d69ec.shtml> (дата обращения: 28.08.2025).

[11] China Justice Observer. Materials on remote video notarization and e-justice in China. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/> (дата обращения: 28.08.2025).

[12] Judicature (Duke University). China's E-Justice Revolution: Internet Courts and Blockchain Evidence. 2021. — URL: <https://judicature.duke.edu/articles/chinas-e-justice-revolution> (дата обращения: 28.08.2025).

[13] Benchmark Litigation. Has the era of e-evidence arrived in China? 2022. — URL: <https://benchmarklitigation.com/NewsAndAnalysis/Has-the-era-of-e-evidence-arrived-in-China/Index/6489> (дата обращения: 28.08.2025).

[14] Министерство юстиции Российской Федерации. Официальные материалы о цифровом нотариате. — URL: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 28.08.2025).

[15] Федеральная нотариальная палата. Официальный портал. — URL: <https://notariat.ru/> (дата обращения: 28.08.2025).

References:

- [1] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries dated February 11, 1993 No. 4462-1 (as amended and supplemented) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1993. № 10. Art. 357.

[2] Federal Law of April 06, 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.

[3] Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part I). Art. 4384.

[4] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3451.

[5] Civil Code of the Russian Federation (parts one to four). - M.: Prospect, 2023.

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation: official. text. - M.: Eksmo, 2023.

Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: office. text. - M.: Norma, 2023.

Criminal Procedure Code of the Russian Federation: office. text. - M.: Yurayt, 2023.

[7] Convention abolishing the requirement of legalization of foreign official documents (The Hague, October 5, 1961) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1992. № 45. Art. 2542.

[8] Hague Conference on Private International Law. e-Apostille Programme (e-APP). - URL: <https://www.hcch.net/> (access date: 28.08.2025).

[9] Electronic Signature Law of the People's Republic of China: adopted 2004, amended 2015, 2019 // China Justice Observer. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/electronic-signature-law-of-china-20190423> (дата обращения: 28.08.2025).

[10] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL): adopted 2021 // National People's Congress of China. - URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202108/6b6dc89e7c144ab8a4a1b0a8432d69ec.shtml> (access date: 28.08.2025).

[11] China Justice Observer. Materials on remote video notarization and e-justice in China. - URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/> (access date: 28.08.2025).

[12] Judicature (Duke University). China's E-Justice Revolution: Internet Courts and Blockchain Evidence. 2021. — URL: <https://judicature.duke.edu/articles/chinas-e-justice-revolution> (дата обращения: 28.08.2025).

[13] Benchmark Litigation. Has the era of e-evidence arrived in China? 2022. — URL: <https://benchmarklitigation.com/NewsAndAnalysis/Has-the-era-of-e-evidence-arrived-in-China/Index/6489> (дата обращения: 28.08.2025).

[14] Ministry of Justice of the Russian Federation. Official materials about the digital notary. - URL: <https://minjust.gov.ru/> (access date: 28.08.2025).

[15] Federal Chamber of Notaries. Official portal. - URL: <https://notariat.ru/> (access date: 28.08.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-104-107

ШАМДИНОВА Асма Мерабовна,
аспирант кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
ведущий юрисконсульт отдела исковой и претензионной
работы юридического отдела АО «Мособлгаз»,
e-mail: asmat.shamdinova@mail.ru

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ И МОДАЛЬНОСТЬ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

Аннотация. В условиях глобализации финансовых рынков и ужесточения международных санкций растет необходимость диверсификации финансовых институтов в России. Традиционные модели кредитования и инвестирования испытывают давление, что актуализирует интерес к альтернативным финансовым институтам, таким как партнерское (исламское) финансирование. Данная модель основана на принципах разделения рисков между сторонами и запрете риба – процентов, что повышает устойчивость финансовых систем в кризисные периоды.

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей регулирования партнерского (исламского) финансирования и разрабатываются научно обоснованные предложения по совершенствованию российского законодательства в контексте экспериментального правового режима, установленного Федеральным законом от 13.07.2020 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по применению на территориях отдельных субъектов Российской Федерации правового регулирования партнерского финансирования» [7].

Ключевые слова: партнерское финансирование, исламский банкинг, сравнительно-правовой анализ, сукук, экспериментальный правовой режим, адаптация законодательства, финансовое право.

SHAMDINOVA Asmat Merabovna,
graduate student of the Department of Business and Corporate Law
University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy),
leading legal adviser of the department of claim and claim work
of the legal department of Mosoblgaz JSC

FOREIGN REGULATION OF PARTNER FINANCING AND THE MODALITY OF ITS ADAPTATION IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER

Annotation. With the globalization of financial markets and the tightening of international sanctions, the need to diversify financial institutions in Russia is increasing. Traditional lending and investment models are under pressure, stimulating interest in alternative financial institutions such as Islamic finance. This model is based on the principles of risk-sharing and the prohibition of riba (interest), enhancing the resilience of financial systems during periods of crisis.

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of foreign models of partnership (Islamic) finance regulation and formulates scientifically grounded proposals for improving Russian legislation in the context of the experimental legal regime established by Federal Law No. 417-FZ.

Key words: partnership financing, Islamic banking, comparative legal analysis, sukuk, experimental legal regime, adaptation of legislation, financial law.

Введение

Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью диверсификации финансовых инструментов в условиях трансформации международных экономических отношений и санкционного давления. Партнерское финансирование, основанное на принципах разделения предпринимательских рисков и запрета процентных операций (риба), демонстрирует высокую устойчивость в периоды финансовой нестабильности и способно обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость при соблюдении этических и правовых стандартов [4].

Цель статьи – выявить наиболее эффективные зарубежные подходы к регулированию партнерского (исламского) финансирования и определить возможности их адаптации в российском правовом порядке.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа, позволившие выявить закономерности развития исламского банкинга и определить направления его имплементации в российскую правовую систему.

1. Западная модель правового регулирования партнерского финансирования: концепция функциональной эквивалентности

Западные страны придерживаются подхода интеграции исламских финансовых продуктов в существующие правовые системы без создания религиозно ориентированных норм. Данный подход известен как функциональная эквивалентность и предполагает применение общих правовых категорий для сделок, основанных на исламских принципах.

Наиболее развитая правовая практика сложилась в Великобритании, где с начала 2000-х годов последовательно реализуется доктрина *level playing field* («равных условий для всех финансовых инструментов») [1]. Ее основные элементы правового регулирования включают:

- принятие Finance Act 2005, Schedule 36, устранившей двойное налогообложение сделок мурабаха и иджара через признание их едиными комплексными операциями;
- выпуск суверенных сукуков с 2014 г., что позволило государству привлекать инвестиции в исламском формате;
- надзор за исламскими финансовыми институтами через стандартные регуляторы – Financial Conduct Authority и Prudential Regulation Authority без создания специальных шариатских органов [5].

Германия использует более консервативный подход: исламские финансовые институты (например, KT Bank AG) функционируют в рамках общего

банковского законодательства (Kreditwesengesetz) с соблюдением требований MaRisk – Minimum Requirements for Risk Management. Такой подход обеспечивает надзор в рамках общих принципов финансовой устойчивости без выделения исламских структур в отдельную правовую категорию [3].

2. Шариатская модель правового регулирования: институциональный подход

В странах с преобладающим исламским населением выработана институциональная модель регулирования, предполагающая создание специализированной инфраструктуры и органов шариатского надзора.

Малайзия представляет собой эталонную модель институционализации исламского банкинга. С принятием Islamic Financial Services Act 2013 (Act 759) [8] была создана комплексная правовая архитектура, ключевыми элементами которой являются:

- обязательная юридическая сила решений Shariah Advisory Council для всех участников рынка (ст. 58(1) IFSA 2013);
- прямая инкорпорация стандартов AAOIFI и IFSB в национальное законодательство;
- формирование специализированной инфраструктуры (INCEIF, MIFC), обеспечивающей подготовку кадров и методологическую поддержку исламских финансов [2].

Объединенные Арабские Эмираты применяют гибридную модель, основанную на Federal Decree-Law No. 14 of 2018, предусматривающем учреждение Higher Shari'ah Authority при Центральном банке и совмещение светского и исламского регулирования в рамках Dubai International Financial Centre [9]. Такой подход обеспечивает сочетание шариатского надзора и единых финансовых стандартов для участников рынка [6].

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить два базовых подхода:

1. Интегративный (западный) – реализация исламских финансов через общие правовые механизмы без создания специального законодательства.
2. Институциональный (исламский) – формирование автономной нормативной и надзорной инфраструктуры.

Российская модель, закрепленная в Федеральном законе № 417-ФЗ, пока сохраняет экспериментальный и фрагментарный характер, сочетая элементы обеих концепций, но не достигая их устойчивости и системности.

3. Системные правовые проблемы российской модели и их решение

Анализ Федерального закона № 417-ФЗ выявил ряд проблем, сдерживающих развитие партнерского финансирования:

- временный характер регулирования (экспериментальный режим действует до 01.09.2028 г.);
- отсутствие налоговых адаптаций, приводящее к двойному налогообложению сделок мурабаха;
- неопределенность статуса фетвы как доказательства в гражданском процессе;
- ограниченный круг участников эксперимента и отсутствие специализированного шариатского надзора.

Данные обстоятельства, как представляется, снижают инвестиционную привлекательность российского исламского финансового рынка и препятствуют его институциональному оформлению.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить основные направления совершенствования российского законодательства в сфере партнерского финансирования. Прежде всего, требуется устранить налоговые барьеры, возникающие при реализации исламских сделок, таких как мурабаха и иджара, влекущих двойное налогообложение с этой целью предлагается дополнить часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации [10] ст. 149.1, предусматривающей освобождение от НДС операций с исламскими финансовыми инструментами при наличии заключения уполномоченного органа о соответствии их шариатским принципам, что обеспечит налоговую нейтральность исламских инструментов и создаст равные условия конкуренции с традиционными формами финансирования.

Следующим шагом должно стать нормативное закрепление правового режима обращения исламских инвестиционных сертификатов (сукуков), удостоверяющих долю в праве собственности на активы без установления фиксированного процента доходности. Дополнение Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [11] новой главой, регулирующей выпуск и обращение сукуков, позволит использовать этот инструмент для привлечения инвестиций в инфраструктурные и экспортноориентированные проекты, в том числе с участием стран-членов Организации исламского сотрудничества.

Необходимым элементом развития партнерского финансирования также является институционализация шариатского комплаенса. В связи с этим целесообразно создать Консультативный совет по партнерскому финансированию при Банке России, который будет разрабатывать стандарты соответствия исламским принципам, готовить экспертные заключения (фетвы) и вести

реестр сертифицированных исламских продуктов, что обеспечит доверие инвесторов и прозрачность правоприменения. Кроме того, для сближения с международной практикой требуется поэтапное внедрение стандартов AAOIFI и IFSB через издание Банком России адаптированных методических рекомендаций. Полагаем, что применение этих стандартов обеспечит унификацию правового регулирования исламских финансов, укрепит их легитимность и повысит конкурентоспособность российской модели на международном уровне.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что успешное развитие партнерского финансирования в России требует перехода от временного экспериментального режима к институциональной модели, обеспечивающей системность, предсказуемость и интеграцию с международными стандартами. Предлагаемые меры, среди которых налоговые адаптации, нормативное закрепление сукуков, создание шариатского комплаенса и внедрение стандартов AAOIFI и IFSB и др. создадут условия для формирования сбалансированной правовой среды, способствующей привлечению инвестиций и повышению доверия участников рынка. Представляется, что реализация данных предложений позволит укрепить позиции России на глобальном рынке исламских финансов и стимулировать развитие ее финансовой инфраструктуры в условиях санкционного давления.

Список литературы:

- [1] Альхалифа К.Х.К. Правовое регулирование исламского банкинга в Великобритании // Финансовое право. – 2019. – № 3. – С. 45-48.
- [2] Budiman I.K. Impacts of the Islamic Financial Services Act 2013 on Investment Account products offered by Islamic Banks in Malaysia / I.K. Budiman, M. Abdulaziz, A. Jaffar, M.T. Lo // International Journal of Management and Applied Research. – 2019. – Vol. 6. – No. 4. – P. 317-327.
- [3] Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht. Jahresbericht 2023. – Frankfurt, 2024.
- [4] European Central Bank. Islamic Finance in Europe: Products and Strategies. – Frankfurt, 2021. – P. 7.
- [5] Mohyedine, H. Islamic Finance in Europe. – Palgrave Macmillan, 2019. – 560 p.
- [6] Raimi, L. Interdependence of halal entrepreneurship and Islamic finance for creating a strong halal ecosystem / L. Raimi, I.A. Abdur-Rauf, B. Olaide Raimi // Journal of Islamic Marketing. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – P. 929-954.

[7] Российская газета. 2023. № 174.

[8] Islamic Financial Services Act 2013 (Act 759). Kuala Lumpur: Commissioner of Law Revision, 2013

[9] Federal Decree-Law No. 14 of 2018 On the Central Bank & Organisation of Financial Institutions and Activities. – Abu Dhabi, 2018.

[10] Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

[11] Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

References:

[1] Alkhalifa K.H.K. Legal regulation of Islamic banking in the UK//Financial law. – 2019. – № 3. – S. 45-48.

[2] Budiman I.K. Impacts of the Islamic Financial Services Act 2013 on Investment Account products offered by Islamic Banks in Malaysia / I.K. Budiman, M. Abdulaziz, A. Jaffar, M.T. Lo // International Journal of Management and Applied Research. – 2019. – Vol. 6. – No. 4. – P. 317-327.

[3] Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht. Jahresbericht 2023. – Frankfurt, 2024.

[4] European Central Bank. Islamic Finance in Europe: Products and Strategies. – Frankfurt, 2021. – P. 7.

[5] Mohyedine, H. Islamic Finance in Europe. – Palgrave Macmillan, 2019. – 560 p.

[6] Raimi, L. Interdependence of halal entrepreneurship and Islamic finance for creating a strong halal ecosystem / L. Raimi, I.A. Abdur-Rauf, B. Olaide Raimi // Journal of Islamic Marketing. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – P. 929-954.

[7] Rossiyskaya Gazeta. 2023. № 174.

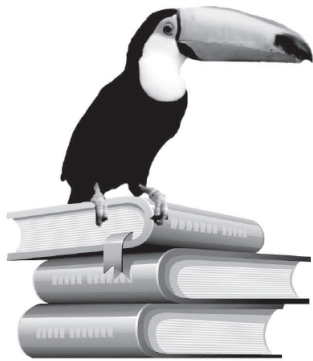
[8] Islamic Financial Services Act 2013 (Act 759). Kuala Lumpur: Commissioner of Law Revision, 2013

[9] Federal Decree-Law No. 14 of 2018 On the Central Bank & Organisation of Financial Institutions and Activities. – Abu Dhabi, 2018.

[10] Collection of legislation of the Russian Federation. 2000. № 32. Art. 3340.

[11] Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 17. Art. 1918.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-108-112

КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна,
заместитель заведующего кафедрой
административного и финансового права по научной работе
Международно-правового факультета Федерального
государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Московский государственный
институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БРАЗИЛИЯ

Аннотация. В статье анализируется институт административной юстиции в Федеративной Республике Бразилия как механизм защиты граждан и организаций от неправомерных действий публичной администрации. Показано, что в отличие от европейских моделей в Бразилии отсутствуют специализированные административные суды. Оспаривание административных актов осуществляется в рамках единой судебной системы, что формирует особые условия для реализации судебного контроля. Рассмотрены основные элементы действующего правового регулирования, включающие ключевые законодательные акты и актуальные положения судебной практики, а также базовые процессуальные принципы разрешения административных споров. В завершении исследования обозначены перспективы совершенствования института с учётом опыта зарубежных правовых порядков.

Ключевые слова: административная юстиция, судебный контроль, административные споры, публичная администрация, Федеративная Республика Бразилия, процессуальные принципы.

KRIVELSKAYA Olga Valentinovna,
Deputy Head of the Department of Administrative and
Financial Law for Scientific Work of the International Law Faculty
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation",
Candidate of Law, Associate Professor

FEATURES OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE JUSTICE IN THE FEDERATIVE REPUBLIC OF BRAZIL

Annotation. The article analyzes the institute of administrative justice in the Federative Republic of Brazil as a mechanism for protecting citizens and organizations from illegal actions of the public administration. It is shown that, unlike European models, Brazil lacks specialized administrative courts. Challenging administrative acts is carried out within the framework of the unified judicial system, which creates special conditions for the implementation of judicial control. The main elements of the current legal regulation are considered, including key legislative acts and current provisions of judicial practice, as well as basic procedural principles for resolving administrative disputes. At the end of the study, the prospects for improving the institute are outlined, taking into account the experience of foreign legal systems.

Key words: administrative justice, judicial control, administrative disputes, public administration, Federal Republic of Brazil, procedural principles.

Введение. Институт административной юстиции представляет собой ядро правового механизма контроля публичной власти, направленного на защиту прав и законных интересов частных лиц и организаций в отношениях с государственными органами. Современные исследования подчеркивают значимость развития эффективных процедур административного судопроизводства в условиях сложных публично-правовых конфликтов. Несмотря на существенное развитие административного права в мире, модель административной юстиции в Бразилии остаётся малоисследованной в российской доктрине, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Значительная часть научной литературы традиционно рассматривает административную юстицию как отдельный сектор судостроительства - специализированные административные суды, отличаются от судов общей юрисдикции. Однако бразильская модель демонстрирует иной путь развития. Административные акты могут быть оспорены в рамках общей судебной системы, что требует детального институционального и процессуального анализа. Несмотря на то, что в Бразилии отсутствуют специализированные административные суды как таковые, существуют органы, осуществляющие экономическую регуляцию и принимающие административные решения, затем подлежащие судебному контролю в иных судебных инстанциях [4].

Объектом исследования выступает институт административной юстиции в Бразилии, предметом - его институциональная и процессуальная организация. Целью исследования является выявление особенностей функционирования административной юстиции в рамках единой судебной системы Бразилии и анализ принципов судебного контроля административных актов. Методологической основой исследования являются формально-юридический анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, институциональный анализ, а также изучение эмпирической базы - действующего законодательства и научной литературы. Эмпирическая база включает тексты Конституции Бразилии, федеральное законодательство, официальные данные о функционировании судебной системы, а также научные публикации последних лет.

1. Теоретико-правовые основы административной юстиции и специфика бразильской модели.

Теоретическая категория «административная юстиция» традиционно рассматривается как совокупность правовых процедур и органов, обеспечивающих правовой контроль за законностью и обоснованностью действий публичной административной юстиции.

В доктрине административного права административная юстиция выступает инструментом судебного и внепроцессуального контроля над публичной властью, при этом включает как специализированные административные суды, так и процедуры административного пересмотра. Такая концептуальная гибкость находит отражение в широком спектре зарубежных моделей.

Российские исследования административной юстиции уделяют значительное внимание вопросам процессуальных гарантий и институционального разделения [2, с.196; 1], однако бразильская система представляет собой особую модель, сочетающую судебный контроль и административные пересмотры внутри органов администрации.

В Бразилии отсутствует традиционная модель специализированных административных судов, аналогичная, например, французской *Conseil d'État*. Вместо этого административный контроль осуществляется через единую судебную систему, включающую суды общей юрисдикции и специализированные судебные инстанции, которые рассматривают административные споры наряду с иными категориями дел. «Единая юрисдикционная система» означает, что административные акты могут быть обжалованы в судах общей юрисдикции, включая федеральные и штатные суды, а также специализированные коллегии [3]. Судебный контроль призван обеспечить защиту прав и законных интересов граждан, а также соблюдение принципов правового государства.

Исторические предпосылки формирования бразильской модели обусловлены влиянием португальского правового наследия, традициями континентального права и постепенным развитием судебной системы, закреплённой Конституцией 1988 года [8]. Введение принципов публичности, законности и эффективности в административную практику укрепило роль судебного контроля в публичных отношениях, что отражено в многочисленных конституционных положениях о правах граждан, необходимости правовой защиты и независимости судебной власти.

2. Организационно-институциональная структура административной юстиции в Бразилии.

Бразильская судебная система представляет собой единую юрисдикционную структуру, включающую несколько уровней судов, среди которых - *Supremo Tribunal Federal (STF)*, высшая судебная инстанция - Федеральный верховный суд Бразилии, один из высших судов Федеративной Республики Бразилия. Является последней инстанцией для обжалования решений судов

общей юрисдикции, выполняет, в том числе, роль конституционного суда. Superior Tribunal de Justiça (STJ) - высший апелляционный суд в Бразилии, который рассматривает неконституционные вопросы федерального права; федеральные окружные суды и суды штатов. Эта система отвечает за рассмотрение административных споров, возникающих из публичных актов административных органов.

Особенностью системы является отсутствие самостоятельных административных судов. Вместо этого административные споры решаются в рамках общей судебной системы, что требует особого внимания к статусу и компетенции судов при рассмотрении дел, затрагивающих действия административных органов. В этой структуре ключевыми являются суды общей юрисдикции: федеральные суды первой и второй инстанций, штатовские суды и высшие инстанции - STJ и STF. Компетенция этих органов включает, в том числе, рассмотрение жалоб на административные акты, нарушения прав граждан административными органами, а также споры, связанные с публичными контрактами, государственными услугами и другие.

В системе административной юстиции также функционируют специальные административные трибуналы, например, Administrative Tribunal for Economic Defense (CADE), которые принимают специализированные регуляторные решения в экономической сфере и чьи акты затем могут быть оспорены в судах общей юрисдикции [5].

Распределение полномочий между федеральными и штатными органами имеет особое значение для осуществления административной юстиции. Фундаментальное положение Конституции 1988 г. определяет федеративный характер государства, при котором штаты обладают собственной судебной системой, способной рассматривать административные споры, возникающие на их территории, в соответствии с федеральными принципами.

3. Процессуальные особенности административного судопроизводства и направления развития института.

Нормативной основой административного процесса в Бразилии является ряд законодательных актов, регулирующих общие процедуры взаимодействия с государственной администрацией, включая Федеральный закон об административном процессе (Federal Administrative Procedure Law (Lei n. 9.784/1999)), устанавливающий базовые правила административных процедур в федеральной администрации [6].

Процессуальные принципы, применяемые в рамках административного судопроизводства,

включают: принцип законности, при котором административные действия должны строго соответствовать нормам права; принцип пропорциональности при оценке мер административного воздействия; принцип справедливого судопроизводства, гарантирующий равные права сторон и право на эффективную защиту; принцип публичности судебных процедур.

Принцип законности требует, чтобы любое административное решение строго соответствовало правовым нормам, включая конституционные гарантии и правила административного процесса. Принцип пропорциональности, активно разработанный в судебной практике Superior Tribunal de Justiça (STJ), предполагает, что меры государственного воздействия должны соответствовать цели и не быть чрезмерными.

Принцип пропорциональности (*princípio da proporcionalidade*) является одним из фундаментальных процессуальных и материальных принципов бразильского административного права. Он прямо вытекает из конституционных положений о правовом государстве (ст. 1, ст. 5 Конституции Бразилии [8]) и раскрывается в ст. 2 Федерального закона об административном процессе [6], регулирующей административный процесс на федеральном уровне. Указанный закон закрепляет, что любые меры государственного принуждения должны осуществляться в соответствии с критериями адекватности, необходимости и соразмерности в узком смысле (*proporcionalidade em sentido estrito*).

Принцип справедливого судопроизводства (*due process*) основан на конституционной гарантии «*ampla defesa e contraditório*» (ст. 5 Конституции Бразилии [8]). Он предполагает равные процессуальные возможности сторон, право быть услышанным, доступ к доказательствам и мотивированное решение суда.

Публичность судебных процедур реализуется через обязанность органов раскрывать информацию о ходе дела, а также через доступ сторон к материалам процесса, что прямо закреплено в ст. 37 Конституции 1988 года [8].

Инициирование административного спора возможно путём подачи жалобы на действие или бездействие административного органа, после чего дело может быть передано на судебное рассмотрение. Бразильская модель опирается на единую юрисдикционную систему (*jurisdição una*), что означает: административные акты обжалуются в судах общей юрисдикции - федеральных или штатных, включая специализированные коллегии.

Цифровизация административного судопроизводства является одной из ключевых тенденций

последних лет. Бразилия активно внедряет электронные судебные процессы (*processo judicial eletrônico*, PJe), позволяющие сторонам подавать жалобы, ходатайства и доказательства онлайн. Согласно отчёту CNJ – *Justiça em Números 2024*, более 90 % дел в судах первой инстанции обрабатываются в электронной форме, что значительно ускорило сроки рассмотрения административных споров и расширило доступ к правосудию [7].

Тем не менее цифровизация сопровождается новыми вызовами, включая необходимость повышения цифровой компетентности участников процесса, обеспечение информационной безопасности и адаптацию процессуальных норм к онлайн-формату.

К числу системных проблем административной юстиции в Бразилии относятся перегрузка судов. Согласно докладу CNJ за 2024 год, на рассмотрении находится более 80 млн дел, значительная часть которых – административные споры [7]. Судебная нагрузка усложняет соблюдение разумных сроков и требует реформирования организационных механизмов рассмотрения дел.

Заключение. Административная юстиция в Бразилии представляет собой уникальную модель, в которой отсутствует система специализированных административных судов, и административные споры решаются в рамках общей судебной системы. Такая структура предъявляет особые требования к организационно-институциональной и процессуальной практике, а также к обеспечению гарантий правового контроля над административной властью. Анализ института административной юстиции в Бразилии показывает, что судебный контроль административных актов является ключевым элементом правового государства, обеспечивая защиту прав граждан, соблюдение принципов законности и эффективной юридической защиты. Сравнительный анализ с другими моделями административной юстиции позволяет выявить перспективы совершенствования бразильской системы, в том числе возможное усиление роли специализированных процедур и процедурной гибкости, а также усиление цифровых инструментов для повышения эффективности правосудия.

Список литературы:

[1] Афанасьев С.Ф., Яковлева А.П. О соотношении административной юстиции и административного судопроизводства // Журнал административного судопроизводства. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-administrativnoy-yustitsii-i-administrativnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Епифанова, К.Д. Модель состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях / К. Д. Епифанова // *Legal Bulletin*. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 195-204. – EDN VZJKMI.

[3] Carlos, D. C. dos Santos, Reis, L. F. Jurisdictional control of administrative acts: limits, systems and theories of expansion [Текст] // *RCMOS – Multip disciplinary Scientific Journal of Knowledge*. – 2025. – № 2. – Оpubл. 15.10.2025. – ISSN 2675-9128. – Режим доступа: <https://submissoesrevistarcmos.com.br/rcmos/article/download/1519/3620> (дата обращения: 10.12.2025).

[4] Public & Administrative Law 2025 [Электронный ресурс] / R. Barretto, C. Fonseca, M. A. Rost. – Оpubл. 15.04.2025. – Режим доступа: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/public-administrative-law-2025/brazil/trends-and-developments> (дата обращения: 10.12.2025).

[5] Administrative Tribunal [Электронный ресурс]. – Оpubл. 27.09.2021. – Обновл. 27.03.2024. – Режим доступа: <https://www.gov.br/cade/en/access-to-information/about-us/administrative-tribunal> (дата обращения: 10.12.2025).

[6] Brasil. Lei n. 9.784, de 29 de janeiro de 1999 : Federal Administrative Procedure Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9784.htm (дата обращения: 10.12.2025).

[7] CNJ – *Justiça em Números 2024* [Электронный ресурс] / Conselho Nacional de Justiça. – Режим доступа: <https://jornalcontabil.ig.com.br/noticia/cnj-divulga-pesquisa-sobre-igualdade-racial-e-de-genero-na-justica/> (дата обращения: 10.12.2025).

[8] Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017 (дата обращения: 10.12.2025).

References:

[1] Afanasyev S.F., Yakovleva A.P. On the ratio of administrative justice and administrative proceedings // *Journal of Administrative Proceedings*. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-administrativnoy-yustitsii-i-administrativnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Epifanova, K.D. Model of competition in proceedings on cases of administrative offenses/K.D. Epifanova//*Legal Bulletin*. – 2023. - Т. 8, NO. 4. - S. 195-204. – EDN VZJKMI.

[3] Carlos, D. C. dos Santos, Reis, L. F. Jurisdictional control of administrative acts: limits, systems and theories of expansion [Текст] // *RCMOS – Multi-*

disciplinary Scientific Journal of Knowledge. – 2025. – № 2. – Publ. 15.10.2025. – ISSN 2675-9128. – Access mode: <https://submissoesrevistarcmos.com.br/rcmos/article/download/1519/3620> (access date: 10.12.2025).

[4] Public & Administrative Law 2025 [Electronic Resource]/R. Barretto, C. Fonseca, M. A. Rost. – Publ. 15.04.2025. – Режим доступа: <https://practice-guides.chambers.com/practice-guides/public-administrative-law-2025/brazil/trends-and-developments> (дата обращения: 10.12.2025).

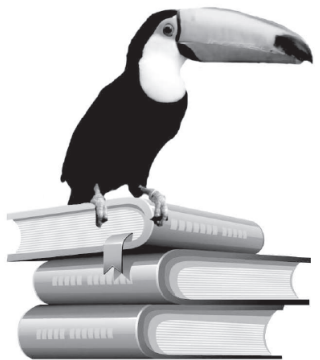
[5] Administrative Tribunal. – Publ. 27.09.2021 - Updated 27.03.2024. – Access mode: <https://www.gov.br/cade/en/access-to-information/about-us/administrative-tribunal> (access date: 10.12.2025).

[6] Brasil. Lei n. 9.784, de 29 de janeiro de 1999: Federal Administrative Procedure Law. – Access mode: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9784.htm (access date: 10.12.2025).

[7] CNJ – Justiça em Números 2024 [Электронный ресурс] / Conselho Nacional de Justiça. – Режим доступа: <https://jornalcontabil.ig.com.br/noticia/cnj-divulga-pesquisa-sobre-igualdade-racial-e-de-genero-na-justica/> (дата обращения: 10.12.2025).

[8] Constitution of the Federative Republic of Brazil 1988 [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017 (access date: 10.12.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-113-117

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ГИТИНОВА Мадина Махмудовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса СКИ (филиала)
ФГБОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России)» в г. Махачкале,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАДЖИМУРАДОВ Джалалутдин Мугажирович,
магистрант Северо-Кавказского института
(филиала) СКИ (филиала) ФГБОУ ВО ВГУЮ
(РПА Минюста России)» в г. Махачкале,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В представленной статье проводится сравнительный анализ понятия «умысел» в уголовном законодательстве различных стран, включая Германию, Францию, США, Китай, Азербайджан и Казахстан. Рассматриваются различные виды и формы умысла, такие как прямой, косвенный, заранее обдуманный, специальный и неопределённый умысел, а также неосторожность и преступная небрежность. Анализируются элементы, составляющие субъективную сторону преступления, такие как осознание общественной опасности деяния, предвидение последствий и волевое отношение к их наступлению. Подчёркивается, что законодательные подходы к определению и классификации умысла существенно различаются, что обусловлено историческими, культурными и правовыми особенностями каждой страны. Текст демонстрирует, что мера ответственности за преступление часто зависит от степени осознанности и целенаправленности действий преступника.

Ключевые слова: умысел, субъективная сторона, интеллектуальное, волевое, виновность, намеренность, неосторожность, халатность, легкомыслие.

GITINOVA Madinat Makhmudovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure
of the North Caucasus Institute (branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education VSUJ
(Republican Legislative Assembly of the Ministry of Justice of Russia)
in Makhachkala

GADZHIMURADOV Dzhalalutdin Mugazhirovich,
Master's student at the North Caucasus Institute (branch)
of the SKI (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Voronezh State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
in Makhachkala

THE CONCEPT OF INTENT IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. This article provides a comparative analysis of the concept of "intent" in the criminal legislation of various countries, including Germany, France, the United States, China, Azerbaijan, and Kazakhstan. Various types and forms of intent are considered, such as direct, indirect, premeditated, special and indefinite intent, as well as carelessness and criminal negligence. The elements that make up the subjective side of a crime are analyzed, such as awareness of the social

danger of the act, foresight of the consequences and a volitional attitude towards their occurrence. It is emphasized that legislative approaches to the definition and classification of intent differ significantly, which is due to the historical, cultural and legal characteristics of each country. The work demonstrates that the degree of responsibility for a crime often depends on the degree of awareness and purposefulness of the criminal's actions.

Key words: *intent, subjective side, intellectual, volitional, guilt, intentionality, carelessness, negligence, frivolity.*

В Уголовном Уложении ФРГ субъективная сторона противоправного деяния включает в себя умысел, который, в свою очередь, состоит из двух ключевых компонентов: интеллектуального и волевого. Несмотря на отсутствие чёткого определения умысла в Уголовном уложении, анализ положений § 16 (абз. 1) указывает на необходимость осознания лицом обстоятельств, соответствующих признакам состава преступления. Такое осознание не требует детального понимания каждого конкретного признака, достаточно понимания основных смысловых связей между ними (так называемая «параллельная оценка в обыденной сфере»). Важно подчеркнуть, что фактическая последовательность событий не обязана в точности соответствовать представлению лица, совершающего деяние. Незначительные расхождения, остающиеся в пределах общепринятого жизненного опыта, не влияют на наличие умысла.

В немецкой уголовно-правовой теории выделяют три разновидности умысла. Если законодательством не предусмотрены особые требования к виду умысла, то обычно достаточно наличия косвенного умысла.

Деяние признается совершенным с прямым умыслом первой степени, если лицо стремится к достижению результата, предусмотренного составом преступления. Таким образом, преднамеренность заключается в целенаправленном стремлении к определенному результату. При этом неважно, считало ли лицо наступление состава преступления неизбежным или лишь вероятным последствием своих действий.

Прямой умысел второй степени имеет место, когда лицо осознает неизбежность наступления последствий, образующих состав преступления. Когда субъект осознает, к каким результатам приведут его поступки, даже если эти результаты ему не нужны напрямую, формируется волевой аспект умысла. Формулировка понятия «косвенный умысел» представляется не вполне точной при его описании. Даже в случаях косвенного умысла требуется осознанное и добровольное принятие решения, направленного на конкретные поступки. Интеллектуальная сторона косвенного умысла проявляется в том, что субъект понимает вероятность совершения преступления в результате своих действий. Волевой аспект подчёркивает

согласие исполнителя с возможностью реализации состава преступления, которую он предвидел, совершая определенные действия. В судебной практике часто требуется, чтобы исполнитель «одобрял» или «принимал во внимание» наступление преступного деяния, либо соглашался с достижением других целей[2].

Во французском уголовном праве умысел определяется как намеренное нарушение уголовного закона при осознании его запрещающего характера. Предполагается, что лицо обладает таким знанием, за исключением случаев неустраняемой юридической ошибки (ст. 122-3 УК Франции). Осознание незаконности содеянного – ключевой компонент вины в форме умысла. Судебная практика исходит из того, что умысел отсутствует, если субъект не имеет представления об обстоятельствах, формирующих состав инкриминируемого деяния, как это определено законом.

Умышленная вина предполагает не только осознание противозаконного характера действий, но и стремление к их совершению с целью достижения пагубных результатов. Согласно Французскому уголовному праву, все преступные деяния квалифицируются как умышленные. Во Французском уголовном кодексе выделяются три разновидности умысла. Во-первых, это заранее обдуманный умысел, который формируется на протяжении определенного периода времени, иногда довольно продолжительного (ст. 221-2 «умышленное убийство с целью подготовки или облегчения совершения какого-либо проступка, либо с целью содействия бегству или обеспечения безнаказанности исполнителя или соучастника проступка»).

Во-вторых, существует специальный умысел, когда противоправное деяние совершается с конкретной целью. В подобных ситуациях, цель выступает неотъемлемым компонентом состава преступления и требует обязательного подтверждения доказательствами. Если цель отсутствует, это либо полностью исключает преступность деяния, либо исключает уголовную ответственность за преступление, предусмотренное конкретной статьёй. И наконец, неопределённый умысел характеризуется тем, что лицо стремилось причинить вред охраняемому законом объекту, но не осознавало точный масштаб этого вреда. В ситуациях, когда был нанесён макси-

мальный ущерб, виновное лицо несёт за него ответственность, поскольку возможность ущерба предвиделась, а наступившие последствия соответствуют желаниям преступника [3].

Неумышленной виной или неосторожностью являются такие действия лица, которые являются сознательными и волевыми, но отсутствует стремление к вредному последствию. Преступления, совершенные по неосторожности, предполагают наступление уголовной ответственности только при наступлении тяжких последствий. Более того, все деяния неосторожного характера по уголовному законодательству Франции являются проступками [1, С. 39].

В США модельном уголовном кодексе умысел имеет несколько видов: умысел был умышленным, если подсудимый стремился к тому, чтобы вызвать совершение противоправных действий; совершал действия, понимая их суть, то есть сознательно. Виновное лицо практически не сомневалось в том, что его поступки повлекут предсказуемые последствия; проявил опрометчивость. Виновное лицо намеренно проигнорировало значительную и необоснованную вероятность наступления преступления; допустил халатность. Виновное лицо не предвидело возможности совершения преступления, хотя мог и должен был её предвидеть.

В Уголовном кодексе Нью-Йорка определение вины и умысла не дано, а есть понятие виновность, которая складывается при наличии следующих видов: 1. Действия считаются «намеренными», если субъект целенаправленно стремится к наступлению последствий или совершению деяния, предусмотренных нормами права, определяющими состав правонарушения. Иными словами, его прямая цель – вызвать конкретный итог или осуществить определенную модель поведения.

Действия квалифицируются как «осознанные» или «заведомые», когда лицо отдаёт себе отчёт в характере своих действий или наличии определенных обстоятельств, которые оговорены в законодательстве, устанавливающем ответственность за правонарушение. Это означает, что человек понимает, что именно он делает, или знает о существовании релевантных условий.

«Неосторожность» предполагает ситуацию, когда лицо, осознавая существенный и неоправданный риск наступления определенных последствий или существования конкретных обстоятельств, тем не менее, сознательно игнорирует этот риск. При этом уровень и характер риска должны быть настолько серьезными, что его игнорирование представляет собой значительное отклонение от стандартов поведения, которые соблюдались бы обычным, благоразумным человеком в аналогичной ситуации. Важно отметить,

что лицо, создающее такой риск, но не осознающее его из-за добровольного опьянения, также считается действующим неосторожно.

«Преступная небрежность» имеет место, когда лицо не осознает существенный и неоправданный риск наступления последствий или существования обстоятельств, предусмотренных законодательством, определяющим состав правонарушения. Степень и природа риска должны быть таковы, что его игнорирование является грубым нарушением требований осторожности, которые были бы соблюдены разумным человеком при тех же обстоятельствах [4].

Итак, из уголовного законодательства США вытекает, что чем больше осознанность и целеустремленность при совершении противоправного деяния, тем значительнее мера ответственности. Она варьируется от умысла (когда действие является прямой целью) до халатности (когда отсутствует осознание, хотя оно должно быть).

Согласно уголовному законодательству Китая, преступление считается умышленным, если субъект осознавал социально опасную природу своих действий и предвидел их последствия, стремясь к их наступлению или сознательно не препятствуя этому. Так, в ст. 14 указано, что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознавало общественно опасный характер своих действий и их последствий, желало или сознательно допускало их наступление. Преступление, совершенное умышленно, влечёт уголовную ответственность» [5].

Уголовном законодательстве Азербайджана чувствуется влияние советской школы уголовного права. В Уголовном кодексе Азербайджана преступления подразделяются на две разновидности: прямой и косвенный умысел. Под умышленным преступлением понимается поступок (действие или бездействие), осуществлённый при наличии прямого либо косвенного умысла. В соответствии со статьёй 25.2. УК Азербайджана преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

В части 25.3. «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия» [6].

В соответствии со статьёй 20 УК РК, уголовное правонарушение признается преднамеренным, если действие осуществлено с прямым

намерением или допущением. Данная статья, а именно её вторая часть, проводит разделение между двумя формами умысла: умысел прямой и умысел косвенный.

Прямой умысел характеризуется осознанием лицом общественной опасности своих действий или бездействия, предвидением вероятности или неизбежности наступления опасных для общества последствий и стремлением к их реализации. «Уголовное правонарушение признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их наступления» [7]. Косвенный умысел, согласно третьей части статьи, определяется осознанием лицом общественной опасности своего поведения, предвидением возможности возникновения общественно опасных последствий, отсутствием желания их наступления, но сознательным допущением их наступления или проявлением безразличия к ним.

На основании проведённого анализа уголовных норм различных государств относительно умысла и его разновидностей можно сформулировать следующие заключения:

1. Различия в подходах к определению и систематизации умысла: В различных странах наблюдается неодинаковая глубина проработки при определении понятия «умысел» и его отдельных видов. Некоторые государства (например, ФРГ, США, КНР) дифференцируют несколько разновидностей умысла, устанавливая различные степени осведомлённости и целеустремлённости действий, в то время как другие (например, Франция) классифицируют умысел на основе иных признаков (предумышленный, конкретный, не конкретизированный).
2. Независимо от вариаций в классификациях, умысел в большинстве рассмотренных юридических систем состоит из двух основных элементов: интеллектуального и волевого. Первый предполагает, что субъект осознает опасность для общества от своих действий и предвидит наступление общественно вредных последствий (или понимает их неизбежность). Второй компонент включает в себя стремление к наступлению этих последствий, осознанное их допущение либо, в некоторых ситуациях, проявление безразличия к факту их наступления.
3. Роль для уголовной ответственности: Степень осознанности и намеренности при совершении преступного деяния оказывает непосредственное влияние на размер уго-

ловного наказания. Как правило, чем более целенаправленными и осознанными были действия, тем более строгое наказание может быть назначено судом. Преступления, совершенные по неосмотрительности или небрежности, обычно влекут за собой менее суровую ответственность, чем преступления, совершенные умышленно.

4. Уголовное право Azerbaijan и Казахстана явно несёт на себе отпечаток советской юридической мысли, что проявляется в классификации умысла на прямой и косвенный виды.
5. Умысел как основание уголовной ответственности: во всех рассмотренных юрисдикциях умысел (в той или иной форме) служит важным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Отсутствие умысла (например, при невиновном причинении вреда или неосторожности) может служить основанием для смягчения наказания.

В заключение, сравнительное исследование уголовных законов различных стран показывает, что, несмотря на определенные расхождения в терминологии и классификациях, понимание умысла как осознанного и целенаправленного нарушения закона представляет собой общий принцип уголовного права. Степень умышленного характера деяния играет существенную роль при определении степени вины и, как следствие, меры ответственности.

Список литературы:

- [1] Волосова Н.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие /Н.Ю. Волосова, О.В. Журкина; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург : ОГУ, 2018. С. 39.
- [2] Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно- практический комментарий и перевод текста закона. (дата обращения: 12.11.2025).
- [3] Уголовный кодекс Франции. <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 11.12.2025).
- [4] Уголовный кодекс штата Нью-Йорк США <https://web.archive.org/web/20121025062804/http://constitutions.ru/archives/8102> (дата обращения: 12.11.2025).
- [5] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 12.11.2025).
- [6] Уголовный кодекс Azerbaijan. https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=643;-57 (дата обращения: 12.11.2025).

[7] Уголовный кодекс Республики Казахстан. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 11.12.2025).

References:

[1] N.Yu. Volosova. Criminal law of foreign countries: textbook/N.Yu. Volosova, O.V. Zhurkina; Orenburg state. un-t. Orenburg: OSU, 2018. S. 39.

[2] Criminal Code of the Federal Republic of Germany - Strafgesetzbuch (StGB) - Scientific and practical commentary and translation of the text of the law. (accessed on: 12.11.2025).

[3] French Penal Code. <https://constitutions.ru/?p=25017> (accessed on: 11.12.2025).

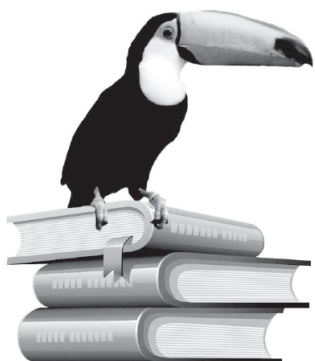
[4] New York Criminal Code <https://web.archive.org/web/20121025062804/http://constitutions.ru/archives/8102> (accessed: 12.11.2025).

[5] Criminal Code of the People's Republic of China. http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (date of appeal: 12.11.2025).

[6] Criminal Code of Azerbaijan. https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=643;-57 (accessed on: 12.11.2025).

[7] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (accessed on: 11.12.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАЗАРЯН Венидик Симонович,
аспирант факультета экономики и права
Сочинского государственного университета,
e-mail: lex.principii@gmail.com

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА АМЕРИКАНСКИХ ФЕДЕРАЛИСТОВ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ НООКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В работе рассматривается вопрос применения теории общественного договора в изложении американских федералистов конца XVIII – начала XIX века при построении ноократической модели управления с учетом современных реалий. Значимость темы исследования обусловлена необходимостью рассмотрения новых форм правления в условиях продолжающегося кризиса демократии по всему миру. Целью работы является установление возможности и степени применимости теории общественного договора классических американских федералистов при построении ноократии в условиях современного мира и перспективной всеобъемлющей цифровизации. Автором проводится анализ и сравнение различных вариантов теории общественного договора, устанавливается наиболее подходящая теория для построения нового вида ноократии и выявляются ее преимущества и недостатки. В качестве вывода автор делает заключение о возможности построения нового особого вида ноократии с использованием модифицированной теории общественного договора американских федералистов и выдвигает ряд рекомендаций по минимизации недостатков новой формы правления.

Ключевые слова: ноократия, цифровизация, искусственный интеллект, цифровизация государственного управления, теория общественного договора, американские федералисты, кризис демократии.

KAZARIAN Venedik Simonovich,
Postgraduate student of the Faculty of Economics and Law
Sochi State University

THE SOCIAL CONTRACT THEORY OF THE AMERICAN FEDERALISTS AS A FOUNDATION FOR A NOOCRATIC GOVERNANCE MODEL UTILIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. This study examines the applicability of the social contract theory as articulated by American Federalists in the late 18th and early 19th centuries to the construction of a noocratic model of governance within contemporary realities. The significance of this research lies in the pressing need to explore novel forms of government amidst a global crisis of democracy. The primary objective is to determine the feasibility and extent to which the social contract theory of classical American Federalists can be adapted for building a noocracy in an increasingly digitized world. Through analysis and comparison of various iterations of social contract theory, this work identifies the most suitable framework for constructing a new form of noocracy, highlighting both its advantages and potential drawbacks. The conclusion asserts that a distinctive type of noocracy is indeed possible through a modified version of the American Federalists' social contract theory, and proposes several recommendations to mitigate the weaknesses inherent in this novel governance model.

Key words: Noocracy, digitization (or digitalization), artificial intelligence, digital governance, social contract theory, American Federalists, democratic crisis.

В условиях продолжающегося кризиса демократии большая часть развитых стран мира находится в поиске новых моделей правления. Демократия не является безусловным идеалом и имеет ряд своих недостатков. Она была лучшим из доступных человечеству вариантов, но принцип «лучшее – враг хорошего» в науке, по нашему мнению, неприменим. В таких условиях возникают вопросы о возможности синтеза старых теорий с достижениями технического прогресса для разработки новых форм правления. Особую целесообразность и своевременность в данном контексте имеет синтез теории общественного договора американских федералистов и ноократии с недавними разработками в области систем искусственного интеллекта. Рассмотрим по отдельности каждый из синтезирующих элементов.

Согласно наиболее общему определению, федерализм есть система принципов специфической формы и особого способа функционирования государственного устройства, сущность которого заключается в том, что несколько государственных образований объединяются и образуют некое единое союзное государство [1, с. 3]. В данном контексте важно разделять понятия «федерализм» и «федерация». В то время как второе однозначно представляет собой характеристику формы территориального устройства государства и, в целом, имеет достаточно общепринятую дефиницию в научном мире, первое является более неоднозначной категорией. Н. В. Михайлова справедливо указывает на то, что федерализм – теория, своего рода категория философская, мировоззренческая, в то время как федерация – реальный механизм организации и функционирования государственного устройства [2, с. 45]. При этом, разумеется, необходимо иметь в виду, что второе непосредственно проистекает из первого. Общепринятые принципы федеративного устройства государства восприняты из теории федерализма и эти две категории имеют между собой тесную взаимосвязь. Интересной закономерностью является то, что в современном мире большая часть наиболее влиятельных государств построена по федеративному принципу – Россия, Германия, Индия, Бразилия и, наконец, Соединенные Штаты Америки (далее – США).

США занимает в этом ряду стран особое место. Они, провозгласив свою независимость в 1776 г., явились первой достаточно крупной федерацией в истории, и с тех пор, несмотря на гражданскую войну, несколько кризисов и участие в обеих мировых войнах, не изменили своей федеративности [3, с. 33].

Очевидно, такой столь сложный конструкт не может существовать сколь-нибудь продолжи-

тельное время без теоретической и правовой основы надлежащего качества. Именно такая основа была заложена известными американскими федералистами в конце XVIII – начале XIX веков путем разработки и практической реализации теории общественного договора.

Несмотря на обширное сообщество юристов, работавших над теорией федерализма в США, в научной среде, принято особо выделять следующих трёх федералистов: Джей, Гамильтон, и Мэдисон. Данные юристы выделены по причине их авторства при написании обширного сборника статей «Федералист» («Записки Федералиста»), являющегося не просто источником толкования Конституции США от её разработчиков (Гамильтона и Мэдисона), но и выдающимся философским и политическим трудом, описывающим, в том числе, американское видение теории общественного договора.

Нельзя не отметить ряд предпосылок для разработки теории федерализма именно на территории молодых США. Среди таковых следует выделить:

1. Опыт колониального самоуправления;
2. Неудачная попытка образования конфедерации;
3. Прошедшие дебаты между федералистами и антифедералистами (республиканцами) на конституционном конвенте 1787 г., представив возможность разрешить большую часть противоречий и недостатков федерализма научным путем диалога на высоком уровне и компромиссов;
4. Общие общественные настроения, формирующие недоверие к централизованной власти, страх тирании большинства и высокий уровень локального патриотизма.

Таким образом появление теории федерализма в США обусловлено не только внешними и историческими причинами, но и запросом из народа.

Следует отметить, что каждый из указанных трёх юристов работал в своей особенной отрасли несмотря на участие в общем деле. Рассмотрим подробнее роль каждого из них в разработке теории федерализма.

Александр Гамильтон, один из отцов-основателей США и ключевой федералист, подчеркивал необходимость сильного правительства, управляемого компетентными и образованными людьми. Его вера в рациональность и профессионализм в управлении в определённой степени сходна с идеями ноократии – управления, основанного на интеллекте и знаниях. Гамильтон активно пропагандировал представительство как компромисс между прямым народовластием и компетентным правлением элиты, считая, что избранные долж-

ностные лица должны обладать достаточной интеллектуальной подготовкой для принятия взвешенных решений в интересах общества [4, с. 377-378]. Его вклад в «Записки Федералиста» заложил основу для аргументации необходимости сильной федеральной власти и подчеркнул важность рационального подхода к государственному управлению.

Джеймс Мэдисон – второй выдающийся федералист – уделял особое внимание защите от тирании большинства и гарантированию прав меньшинств – проблема актуальная для рассмотрения рисков в ноократической системе. Им была разработана система разделения властей и сдержек и противовесов как механизм ограничения власти и предотвращения злоупотреблений [5, с. 142]. Статьи Мэдисона из «Записок Федералиста» особенно ценны для анализа баланса между эффективностью управления и защитой индивидуальных прав.

Джон Джей, менее известный, чем Гамильтон и Мэдисон, тем не менее внес значительный вклад в формирование федералистской теории общественного договора. Он активно поддерживал объединение штатов в единое государство с сильной федеральной властью, подчеркивая важность общего соглашения между всеми гражданами [5, с. 140]. Его статьи, также вошедшие в «Записки Федералиста», способствовали формированию общего видения федерального государства как гаранта стабильности и защиты прав граждан.

Перечисленных юристов объединяет не только работа над «Федералистом», Конституцией США и теорией общественного договора. Их теория была основана на более ранних европейских трудах эпохи просвещения, описывающих общественный договор. Среди трех наиболее известных философов по данной тематике (Жан-Жака Руссо, Джона Локка, и Томаса Гоббса), американская теория общественного договора очевидно, является развитием взглядов Джона Локка, описанных им в «Двух трактатах о правлении». Кратко ознакомимся с базовой сущностью теории общественного договора Локка.

Общественный договор по Локку не предполагает передачи всей власти суверену, а создает правительство для защиты естественных прав – жизни, свободы и собственности. При этом правительство несет ответственность перед народом и, при нарушении условий договора, лишается легитимности. Важно отметить, что власть в данной версии теории получает лишь часть свободы от граждан, не обладая абсолютной властью. Также, в отличие от прочих философов, Локк выделял три ветви власти: законодательную, исполнительную и федеративную [6].

Рассмотрим американское развитие теории общественного договора Локка. Социологи отмечают самобытность и самостоятельность теории общественного договора в США [7, с. 109]. В отличие от мыслителей эпохи Просвещения, американские федералисты были практикующими юристами, их работа имела, в том числе, непосредственное прикладное значение, что не могло не отразиться на содержании теории.

Американская теория общественного договора характеризуется тем, что она представляет собой не только абстрактные философские рассуждения, но находит свое практическое воплощение в конституционной структуре США. Ключевыми особенностями этого подхода являются акцент на ограниченность государственной власти и защиту индивидуальных прав, закрепленных, в частности, в Десятой поправке к Конституции, которая резервирует за штатами и народом полномочия, прямо не делегированные федеральному правительству. Четырнадцатая поправка дополнительно гарантирует, что ни один штат не может лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры.

Федерализм США выступает как практическое выражение принципов общественного договора – вариации в реализации государственной политики на уровне штатов (например, финансирование образования или возраст употребления алкоголя) свидетельствуют о согласии граждан на делегирование определенных полномочий как федеральному, так и региональным органам власти. Возможность свободного перемещения между штатами подчеркивает индивидуальный выбор и согласие, лежащие в основе этой системы.

Конституционные основы – разделение властей между законодательной, исполнительной и судебной ветвями, закрепленное в статьях I, II и III Конституции – подразумевают достигнутое соглашение между штатами (и народом) о принципах распределения власти.

Важно отметить взгляды американских федералистов, согласно которым права принадлежат народу как индивидуально, так и коллективно, включая право штатов на самоуправление без необоснованного вмешательства федеральной власти. Это указывает на сложную концепцию общественного договора, признающую не только личные свободы, но и автономию отдельных субъектов в составе федерации.

Переходя к ноократии, следует в первую очередь определиться с дефиницией. Согласно А. В. Позднякову – «ноократия (букв. с греч. - власть разума) – власть людей, определяющих политику и функции государства на основе научного ана-

лиза социально-экономических и экологических ситуаций в своей стране и в мире, прогнозирующих политику развития государства как неразрывной части единой глобальной социально-эколого-экономической системы. Ноократия – это самореферентная власть, в основе управления которой лежит научно-теоретический анализ и обобщение закономерностей развития общества, цивилизации, природы, Земли в целом и ее ближнего космического пространства» [8, с. 32].

Ноократическая модель правления строится на следующих принципах:

1. Преобладание знания и разума – управление основывается на знании, разуме и информации, а не на эмоциях, личных интересах или традициях. Решения принимаются на основе анализа данных, научных исследований, экспертных оценок и прогнозов, учитывая долгосрочные последствия для всего человечества.
2. Информационная прозрачность и открытость – данные, используемые для принятия решений, должны быть общедоступны и прозрачны в целях оценки разумности и качества решений.
3. Комплексный, системный подход – принятие решения по какой-либо проблеме, учитывает её взаимосвязь с другими проблемами и долгосрочные последствия для всех аспектов жизни общества и окружающей среды.
4. Коллегиальность – в процессе принятия решений должны участвовать эксперты различных областей – ученые, экономисты, социологи, специалисты по технологиям и т.д. с целью получения широкого спектра знаний и избежания односторонних оценок.
5. Адаптивность – ноократическая система управления является гибкой и адаптивной к меняющимся условиям. происходит оценка эффективности институтов и вносятся необходимые коррективы.
6. Постоянное самосовершенствование – непрерывное образование, развитие критического мышления и повышение уровня знаний у всех граждан – основа ноократического общества.
7. Баланс между глобальными и локальными целями – нахождение баланса между глобальными целями человечества и местными интересами. Решения учитывают потребности и особенности каждого региона.
8. Повсеместное использование технологий для повышения качества управления – технологии широко используются для повышения эффективности управления, улучшения качества принимаемых решений и обеспечения прозрачности процессов.

9. Постоянный мониторинг и оценка результатов – отслеживание результатов принимаемых решений и оценка их эффективности.

Важно отметить, что ноократия – это скорее концепция идеальной модели, чем конкретная политическая система с четко прописанными правилами. При этом, американская версия общественного договора является логичным и справедливым дополнением к теории ноократии как теории, имеющая опыт практической реализации.

Синтез американской версии теории общественного договора и принципов ноократии позволяет нам создать новую ноократическую модель правления, которая сочетает в себе осторожный, институциональный подход к ограничению власти с акцентом на знание, разум и глобальное мышление – ключевые столпы ноократической парадигмы. В отличие от классических теорий общественного договора, такой синтез предлагает систему, где роль государства расширяется до координации решения глобальных проблем, опираясь при этом на экспертную оценку и анализ данных, а не только на волю большинства.

Как было установлено в процессе исследования, создатели американской теории общественного договора были справедливо обеспокоены объективно низкой степенью готовности и способности каждого гражданина принимать обоснованные решения. Это заложило основу для институтов, направленных на фильтрацию и смягчение влияния народных масс в целях недопущения охлократии. В новой ноократической модели управления нами предлагается развитие такого механизма предотвращения охлократии: фактическое и непосредственное управление обществом осуществляется системой искусственного интеллекта в соответствии с установленными принципами, включающими упомянутые выше принципы ноократии. Одновременно с этим, в целях соответствия определению ноократии, в котором указано, что власть принадлежит людям, юридическая ответственность за действия системы ИИ возлагается на специальный орган, осуществляющий функции по обучению (дообучению, переобучению) системы ИИ, а также контролю и оценке ее управленческой деятельности в широком смысле. Формирование такого органа осуществляется путем всеобщих непосредственных выборов. К кандидату предъявляется дополнительное требование о наличии образования определенного уровня и направления, а также сдача квалификационного экзамена. Данный комплекс мер будет являться развитием и органичным синтезом опосредованной американской системы выборов и европейской модели демокра-

тических всеобщих непосредственных выборов. Вероятность возникновения охлократии при такой системе стремится к нулю.

Также важное место в американской теории общественного договора занимает разделение властей и система сдержек и противовесов. В предлагаемой модели управления критически важным является баланс ИИ – человек и рациональность – этичность. Баланс между ИИ и человеком поддерживается путем возможности контролирующего органа опосредованно влиять на систему ценностей и алгоритмов управления ИИ путем внесения изменений в его программу. Баланс между рациональностью и этичностью поддерживается путем сочетания жёстких высоких квалификационных требований к кандидатам в контролирующий орган и системой всеобщих непосредственных выборов.

Джеймс Мэдисон признавал несовершенство человеческой природы и государственных институтов. Мы полагаем, что такое несовершенство возможно скорректировать путем внедрения в непосредственное управление обществом системы искусственного интеллекта, которая не имеет ряда человеческих недостатков и способна к непрерывному совершенствованию.

Федерализм как ключевая идея американской теории общественного договора также находит место в предлагаемой модели управления. Описанные выше управленческие системы искусственного интеллекта и их контролирующие органы могут быть использованы в каждом субъекте федерации, и, более того, в каждом муниципальном образовании, если такое решение будет признано целесообразным. Ноократическая модель управления имеет высокую степень масштабируемости – от организации до глобального правительства – способствуя развитию федерализации на любом уровне и распределению власти между центром и субъектами. В дополнение этому, децентрализация управленческих систем ИИ повышает общую устойчивость системы к сбоям различной природы.

Особое значение в американской теории общественного договора занимает акцент на разуме и знании при принятии решений, что напрямую коррелирует с одним из принципов ноократии и, очевидно, реализуется в предлагаемой нами модели управления.

Среди преимуществ предлагаемой ноократической модели управления следует отметить:

- Эффективное предотвращение охлократии путем сочетания ИИ, управляющего на основе принципов ноократии, и контролирующего органа с высокими требованиями к кандидатам, что создает надежный барьер против популистских решений и влияния

эмоций. Таким образом происходит эволюция и синтез лучших черт американской системы выборов и европейской модели демократии.

- Оптимизация принятия решений ввиду того, что ИИ, свободный от человеческих предубеждений и способный к непрерывному совершенствованию, обещает более рациональные и обоснованные решения по сравнению с принятием решений на основе эмоций или ограниченной информации.
- Баланс рациональности и этичности, который достигается механизмом влияния контролирующего органа на ценности и алгоритмы ИИ, призванный обеспечивать не только рациональность решений, но и их соответствие этическим нормам. Это минимизирует риски аморального или несправедливого управления.
- Масштабируемость и федерализация – высокая масштабируемость модели позволяет применять её на различных уровнях – от небольших сообществ до глобального правительства. Интеграция с принципом федерализма способствует децентрализации власти и повышает устойчивость системы.
- Соответствие принципам разума и знания что напрямую соответствует американскому акценту на разум при принятии решений, что усиливает её легитимность в контексте политической мысли США. ИИ в данном контексте выступает как инструмент реализации этого принципа в полной мере.

Конечно, ни одна модель управления не лишена ряда определённых недостатков, которые, к сожалению, обнаруживаются и в нашем проекте:

- Потенциальная сложность контролирующего органа, вызванная трудностями по обеспечению действительно высокой квалификации кандидатов в контролирующий орган и эффективной работы этого органа. Это сложные задачи, требующие продуманных механизмов отбора и контроля.
- Ограниченность человеческого фактора. Полностью исключить человеческое участие в управлении может быть нежелательно с точки зрения демократического контроля и учета социальных факторов, которые трудно формализовать. Предложенный нами механизм влияния контролирующего органа призван смягчить этот недостаток.
- Уязвимость к технологическим сбоям или взломам, ввиду зависимости от сложных технологических систем, что создает потенциальную уязвимость к сбоям или злонаме-

ренным действиям. Минимизация данного недостатка путем повышения устойчивости системы может быть достигнута применением децентрализации и федерализации, описанными в тексте исследования.

Таким образом, теория общественного договора, сформированная американскими федералистами, предлагает ценные принципы для построения ноократической модели управления с использованием ИИ. Ключевым является создание системы институтов, которая обеспечивает рациональное принятие решений, ограничивает неограниченную власть (включая власть искусственного интеллекта с одной стороны и власть народа с другой) и защищает права граждан, основанную на принципах разделения властей и баланса сил.

Перспективным в контексте данной темы представляется проведение экспериментов путем моделирования управления государством при помощи существующих систем искусственного интеллекта для оценки степени их готовности к реализации предлагаемой ноократической модели. В частности, целесообразно разработать комплексные имитационные модели, отражающие различные аспекты государственного управления: экономическое планирование, распределение ресурсов, социальную политику, инфраструктурное развитие и обеспечение безопасности. Данный подход, сочетающий теоретический анализ с эмпирической верификацией, позволит выявить потенциальные сильные и слабые стороны предложенной системы в практическом применении.

Список литературы:

- [1] Кузич, А. Е. Исторические корни и ключевые идеи американского федерализма / А. Е. Кузич // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. – 2000. – № 1(13). – С. 3-24.
- [2] Михайлова, Н. В. Федерализм и федерация: сущность и многообразие проявлений // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2010. – №1. – С. 45-52.
- [3] История США : Учеб. пособие / Б. Д. Козенко, Г. Н. Севостьянов; [Самар. гос. ун-т и др.]. – Самара : Изд-во Самар. обл. ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1994. – 479 с.
- [4] Алентьева, Т. В. Александр Гамильтон о государстве и праве / Т. В. Алентьева // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.). Том 1. – Екатеринбург :

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 371-388.

- [5] Остроумов, С. В. Аргументы в пользу федеративного государственного устройства США в трудах Джона Джея, Александра Гамильтона и Джеймса Мэдисона / С. В. Остроумов, Н. В. Остроумов // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 4(88). – С. 139-142.

- [6] Локк, Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.

- [7] Тощенко, Ж. Т. Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. – 2023. – №21. – С. 98-121.

- [8] Поздняков, А. В. Государство - сложная самоорганизующаяся система / А. В. Поздняков // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2012. – Т. 1, № 6. – С. 12-35.

References:

- [1] Kuzich, A.E. Historical roots and key ideas of American federalism/A.E. Kuzich//Bulletin of the Far Eastern State Academy of Economics and Management. – 2000. – № 1(13). - S. 3-24.
- [2] Mikhailova, N.V. Federalism and Federation: the essence and variety of manifestations//Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. – 2010. – №1. - S. 45-52.
- [3] US History: Textbook/B. D. Kozenko, G. N. Sevostyanov; [Samar. state. university, etc.]. - Samara: Samar Publishing House. Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Educators, 1994. - 479 s.
- [4] Alentieva, T. V. Alexander Hamilton on state and law/T. V. Alentieva//One hundred years of the Ural State Law University (1918-2018). Volume 1. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University," 2019. - S. 371-388.
- [5] Ostroumov, S.V. Arguments in favor of the federal state structure of the United States in the works of John Jay, Alexander Hamilton and James Madison/S.V. Ostroumov, N.V. Ostroumov//Agrarian and land law. – 2012. – № 4(88). - S. 139-142.
- [6] Locke, J. Two treatises on rule//Works in 3 vols. 3. - M.: Thought, 1988. - 668 p.
- [7] Toshchenko, J. T. Social contract: the evolution of ideas//Russia is reforming. – 2023. – №21. - S. 98-121.
- [8] Pozdnyakov, A.V. The state is a complex self-organizing system/A.V. Pozdnyakov//Interexpo Geo-Siberia. – 2012. - T. 1, NO. 6. - S. 12-35.

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
правового мониторинга и социологии права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: report.izak@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежного опыта использования искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводстве. Рассматриваются успешные практики внедрения ИИ в судебные системы Китая (система Smart Court, роботизированный прокурор), Великобритании (виртуальные суды, робот ACE), Бразилии (программы VICTOR, SOKRAT, Electronic Judge, Sigma), Аргентины (Prometea), Латвии, Франции, Нидерландов, Австрии и Германии. Подчеркивается эффективность ИИ в ускорении обработки дел, анализе доказательств, снижении нагрузки на судей и коррупционных рисков, а также в альтернативных формах разрешения споров. Автор акцентирует внимание на этических вызовах, ограничениях ИИ (отсутствие ситуационной логики и контекстуального анализа), необходимости сохранения человеческого фактора в правосудии и комплексной реформе судебных процедур. Автор подчеркивает, что внедрение ИИ требует взвешенного подхода с публичным обсуждением, вовлекающим разработчиков, ученых и практиков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное правосудие, зарубежный опыт, судебная реформа, этические аспекты.

BASANGOV Denis Anatolievich,
Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher Legal
monitoring laboratories and sociology of law Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL PRACTICE OF FOREIGN STATES

Annotation. The article is devoted to the analysis of foreign experience in the use of artificial intelligence (AI) in legal proceedings. It focuses on successful practices of AI implementation in the justice systems of China, the United Kingdom, Brazil, Argentina, Latvia, the Netherlands, France, Austria and Germany, including systems for electronic justice, decision-support tools for judges and prosecutors, and instruments for automation of routine procedural actions. Particular attention is paid to the impact of AI on the efficiency of case handling, the quality and consistency of judicial decisions, reduction of judges' workload and corruption risks, as well as on the development of alternative dispute resolution mechanisms. At the same time, the author highlights ethical and legal risks associated with the use of AI, the limits of algorithmic decision-making due to the lack of contextual and situational reasoning, and the fundamental necessity to preserve the human role in the administration of justice. It is argued that the digital transformation of justice requires a comprehensive reform of procedural rules and institutional arrangements and must be carried out through a balanced, publicly debated approach involving developers, legal scholars and practitioners.

Key words: artificial intelligence; electronic justice; judicial proceedings; comparative legal analysis; judicial reform; ethical aspects.

Активное внедрение технологий ИИ во все сферы человеческой жизнедеятельности влияет на степень реализации основополагающих и гарантированных прав человека [15].

В России в рамках применения ИИ в системе правосудия на сегодняшний день встают вопросы не только о способах передачи информации и удаленном доступе к правосудию, но и об активном применении ИИ в непосредственный процесс осуществления правосудия [4, с. 103]. При этом полномасштабная замена судьи ИИ на текущий момент не предполагается и в принципе может быть признана нежелательной для общества [5, с. 16].

Такого рода технологии применяться в мировой практике, как правило, в альтернативных формах разрешения споров и при разрешении отдельных категорий дел.

В большинстве стран развитие систем электронного правосудия рассматривается как неотъемлемый компонент судебно-правовой реформы [14, с. 75]. Возможность применения ИИ в судебной и правоохранительных сферах не является исключительно вопросом технологий и информационной политики, а в значительной степени относится к политической и отчасти социально-психологической плоскости общественной сферы.

Определенного успеха в рассмотрении спора судом с привлечением ИИ добились такие страны как США, Китай, Сингапур [9, с. 97-98].

Информационные технологии с ИИ в уголовном процессе применяются в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Китае [13, с. 53], Японии, Северной и Южной Корее).

Так, в Китае система ИИ активно применяется при отправлении правосудия с 2016 года. В частности, система Smart Court (Умный суд), позволяет судье быстро находить аналогичные дела прошлых лет и применять их для разрешения спора. Система содержит бланки процессуальных документов, нормативно-правовые акты, необходимые для разрешения спора, а также иные сопутствующие судебные документы. В случае, если между судьей и системой возникнут разногласия, судья обязан занести в систему объяснение своего решения, что способствует снижению уровня коррупции и вынесению незаконных решений. Применение системы Smart Court позволяет сократить время на поиск необходимой информации, а также существенно ограничивает возможность судей злоупотреблять своими полномочиями [11, с. 49]. Руководитель информационного центра при Верховном народном суде КНР отметил, что внедрение ИИ в деятельность судей за последние три года сэкономило 1,7 миллиарда рабочих часов и на треть сократило среднюю

нагрузку судей. Кроме того, в 97% случаев ИИ безошибочно применил нормы права, что так же подтверждает эффективность работы системы [19].

Система Smart Court способна не только анализировать представленные в суд доказательства (документы), но и уведомлять судью о формальном нарушении законодательства, например, об истечении срока рассмотрения дела, об ошибке, в случае выхода за установленные законом пределы назначаемого наказания [2, с. 143].

Помимо судебной системы, ИИ в Китае был внедрен в деятельность органов прокуратуры – роботизированный прокурор. Данная система была создана для решения простых задач, чтобы позволить сотрудникам прокуратуры решать более сложные. В данной системе заложен алгоритм, позволяющий проводить анализ предложенной ситуации и делать выводы, виновен человек или нет. Электронный прокурор выносит решение на основе анализа тысячи правовых ситуаций и вынесенных по ним решений, заложенных в его программу.

Роботизированный прокурор пока может выдвигать обвинения по самым распространенным преступлениям, но по мнению разработчиков, дальнейшее усовершенствование системы позволит выносить обвинения и по менее распространенным статьям.

В июне 2013 г. правительство Великобритании представило программу реформирования системы уголовного правосудия под названием «Swift and Sure Justice» («Правосудие быстрое и неотвратимое»), в основе которого – максимальная цифровизация судебного процесса, или удаленное заседание суда в режиме телеконференции. Первый «виртуальный суд» прошел в мировом суде Бирмингема – самом загруженном в стране, и был признан удачным [35].

Такие изменения являются частью планов по модернизации судов, на которую было выделено 1 млрд фунтов стерлингов. В частности, реформа позволяет потерпевшим и свидетелям участвовать в судебных заседаниях, в том числе в перекрестных допросах, по видеосвязи. Таким образом, им удастся избежать психологических травм, вызванных личной встречей с преступником [36]. Кроме того, по мнению экспертов, дистанционное участие позволит потерпевшим лучше вспомнить обстоятельства рассматриваемых событий. Прежде всего данная инициатива касается жертв насильственных преступлений. Однако новый подход может применяться и при рассмотрении менее тяжелых правонарушений. В частности, обвиняемый должен зарегистрироваться в разработанной онлайн-системе, с помощью которой он сможет изучить все материалы дела, включая обвинительное заключение. Если фигурант

признает себя виновным, он должен выбрать соответствующую опцию в программе, после чего оплатить штраф.

Более того, британские судьи смогут выносить приговоры по Skype и Facetime, то есть принимать в онлайн-режиме решения о заключении подсудимого под стражу, а также выносить приговоры о лишении свободы. Благодаря системе «живой связи» судьи смогут выносить решения на предварительных слушаниях, когда обвиняемые, адвокаты и прокуроры обязаны присутствовать в зале заседаний. В частности, речь идет о назначении залога за освобождение. По мнению представителей судебной системы Британии, такие нововведения позволят сэкономить время и деньги, затрачиваемые на дорогу до суда и доставку обвиняемых в специально оборудованном транспорте.

В 2017 году полиция Великобритании при расследовании коррупционного преступления с участием компании Rolls-Royce Holdings Plc, специализирующейся на производстве энергетического оборудования, а также оборудования для воздушной авиации и морских судов, использовала робот «АСЕ», функционирующий на основе ИИ, с целью изучения информации, содержащейся в электронной документации компании [10, с. 28]. Робот анализировал в среднем по 600 тыс. различных текстовых файлов в день, тем самым помог сотрудникам полиции обработать почти 30 млн документов компании, что во многом ускорило процесс расследования преступления [16]. Приведенный пример свидетельствует, что ИИ способен анализировать колоссальный объем информации, что не сопоставимо с человеческими возможностями.

Федеральный Верховный Суд (Supremo Tribunal Federal) Бразилии использует в своей деятельности программу «VICTOR», основной функцией которой является анализ поступающих судебных дел, изучение условий, относящихся к юрисдикции суда и ускорения принятия решений по накопившимся в суде жалобам [29]. ИИ на основе введенных в систему шаблонов отсеивает жалобы, не соответствующие установленной форме, существенно облегчая жизнь судьям [31]. С помощью данной программы первоначальный анализ поданных обращений сокращается с 30 минут до пяти секунд [33]. Согласно отчету о деятельности данного суда за 2024 г. (последние данные) было вынесено более 114 000 судебных решений и примерно 20 300 находились в производстве (нерассмотренные) дела. Это явилось минимальным показателем количества нерассмотренных дел за последние три десятилетия, что было отмечено в публичном отчете председателя суда Л.Р. Баррозу при подведении итогов года [34].

В свою очередь, Высший Суд Правосудия Бразилии (Superior Tribunal de Justiça) использует систему ИИ «SOKRAT», которая, на основе массива данных дел, рассмотренных судом, анализирует новые поступающие дела и разделяет их на группы, чтобы их можно было рассматривать вместе, а также избежать принятия к рассмотрению повторных апелляций.

Система «Electronic Judge», являющаяся частью программной системы под названием «Правосудие на колесах», ориентированная на ускорение работы перегруженной правовой системы Бразилии путем немедленного рассмотрения простых дел, направлена на анализ показаний свидетелей и вещественных доказательств в рамках разрешения споров по ДТП [21]. Установленная на переносной компьютер программа позволяет судье на месте квалифицировать случившееся и здесь же вынести решение, вплоть до тюремного заключения [20]. После анализа материалов и доказательств программа предлагает судье проект процессуального решения. Данная система существенно уменьшает время рассмотрения дела. Главная особенность работы данной системы заключается в том, что не правонарушитель прибывает в суд в установленное время рассмотрения дела, а суд прибывает к месту ДТП и месту нахождения правонарушителя, незамедлительно, как только произошло правонарушение.

С 2020 г. в Бразилии реализована программа ИИ Sigma для оказания помощи в подготовке отчетов, решений и постановлений в системе электронного правосудия. Sigma представляет собой интеллектуальную систему, анализирующую тексты процессуальных документов и на основе такого анализа составляющую итоговые тексты судебных решений под контролем судьи [32].

В Аргентине прокуратура округа Буэнос-Айрес в 2018 году подвела промежуточные итоги эксперимента по использованию ИИ (приложение Prometea) по ряду категорий гражданских и административных дел. Оказалось, что местными судьями были утверждены 100% решений, принятых за 2018 год с помощью ИИ.

Первым государством ЕС, которое заявило, что приступило к изучению возможностей машинного обучения для повышения качества судебных решений, стала Латвия. Основной целью явилась разработка и функционирование цифровой системы, включающей все судебные решения, позволяющей осуществлять прогнозную аналитику для составления предварительной оценки людских и материальных ресурсов, которые могут быть потрачены на ведение того или иного процесса, начиная от принятия решения о начале

судопроизводства и вплоть до вынесения окончательного вердикта. В Латвии фактически действует система предиктивной судебной аналитики, ориентированная не на частные компании, выступающие на стороне, как правило, защиты, а на интересы государства – в основном стороны обвинения [18].

С 2010 г. система ИИ стала широко использоваться в судопроизводстве Нидерландов и Франции.

В частности, по инициативе Минюста Франции весной 2017 г. два апелляционных суда в городах Ренн и Дуэ согласились протестировать программное обеспечение в версии для «прогнозирования судебных процессов», представляющее собой анализ решений по гражданским, социальным и коммерческим спорам, вынесенных всеми французскими апелляционными судами.

Несмотря на то, что эти внутренние и исчерпывающие данные судебной практики уже много лет находятся в бесплатном доступе (база данных JURICA) и были специально переданы в распоряжение издательства министерством, оба суда предложили свою оценку цифрового анализа, представленную как новаторскую, предложив включить в анализируемые данные также суммы присуждаемых компенсаций, а также географическую классификацию констатируемых расхождений в отношении схожих жалоб и процессов.

Заявленная цель работы программного обеспечения заключалась, таким образом, в создании инструмента помощи при принятии решений для уменьшения, в случае необходимости, чрезмерной вариативности принимаемых судами решений во имя соблюдения принципа равенства граждан перед законом. В результате эксперимента, при обсуждении которого была выявлена масса противоречий, Минюст Франции и юридическая технологическая компания-разработчик, к сожалению, констатировали отсутствие добавленной стоимости протестированной версии программного обеспечения для осуществления работы по анализу и принятию решения судьями.

В ходе эксперимента были выявлены отклонения в осуществляемом программным обеспечением анализе, которые привели к искаженным или неуместным результатам из-за путаницы между конкретными формулировками судебного обоснования и причинно-следственными связями, имевшими решающее значение в обработанном судебном обосновании [27].

Исследователи проблем использования ИИ в правосудии и правоохранительной деятельности нередко задаются вопросами об этичности и правомерности этого процесса. Высказываются предположения о том, что использование в право-

судии ИИ таит опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие бесчеловечным и формальным [12, с. 59].

В Австрии ИИ применяется в различных направлениях работы судебной системы: для анализа входящей корреспонденции, когда из документа извлекаются данные с целью его автоматизированной категоризации; для управления файлами, когда после сканирования бумажного документа происходит автоматизированная интеллектуальная обработка результата; для анализа данных расследований, когда извлекаются данные из любого объема информации с целью выявления семантических связей, обнаружения мошеннических схем, поиска необходимой информации и т. п.; для анонимизации судебных решений, когда система анализирует судебные решения, извлекает из них необходимую информацию, но анонимизирует персональные данные [30].

Судебная система Германии является одной из самых загруженных делами в Европе [25]. Однако указанный факт не мешает ей оставаться одной из самых развитых и эффективных систем правосудия в Европе.

В полной мере процесс цифровизации в Германии начался с 2000 года, что соответствует общеевропейским тенденциям [22].

Например, в состав электронного правосудия этого государства входят электронная коммуникация между судом и участниками процесса, электронные судебные дела, различные электронные реестры, ведение которых отнесено к компетенции судов, размещение в сети Интернет информации о судах, размещение в банках данных судебных решений, использование видеоконференцсвязи и ряд других элементов [6, с. 443].

Для регламентации данного процесса в 2013 г. был принят Закон о содействии электронному правовому обороту с судами [23]. Данный закон регламентировал порядок электронной коммуникации с участием суда и затронул практически все формы судопроизводства. Этим законом в правовой оборот был введен термин – электронный документ, к которым могут относиться процессуальные документы и приложения к ним, ходатайства и объяснения сторон, а также сведения, получаемые от третьих лиц, их показания, заключения и объяснения [7].

В 2001 г. в законодательстве Германии был установлен порядок электронной подачи иска и электронном вручении судебных документов. Дальнейшим толчком к развитию системы электронного правосудия стал закон 2005 г. «Об использовании электронных форм коммуникации в сфере юстиции» [24], который регламентировал ведение электронных дел и принятие судебных

решений в форме электронного документа. С принятием данного закона 2005 г. теоретически стало возможным ведение всего судебного процесса, за исключением процесса по уголовным делам, в электронном виде [8]. Создается электронное досье с оцифрованными материалами уголовного дела, что значительно ускорило процесс ознакомления защитника с делом, которое он получает на свой специальный электронный ящик. Это является пилотным проектом, не всегда эффективным, однако в ряде земельных судов при отправлении правосудия ведутся электронные дела. Обязательным ведением электронных дел в судах станет только с 2026 г.

При этом эксперты отмечают, что в Германии возможны различные сценарии использования ИИ для облегчения работы судей, однако не может быть и речи о полной замене судьи на ИИ, поскольку судебная власть возложена на судью, которым должно быть физическое лицо, и право на публичное судебное разбирательство в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) также должно предполагать проведение судьей-человеком [28].

Между тем, один из разработчиков Этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах Совета Европы, представитель Института изучения судебных систем Национального исследовательского совета Италии Ф. Контини, отмечает, что в отдельных европейских странах, а также в США используется система, которая дает рекомендации судье о применении в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде заключения под стражу. В данной системе заложен специальный алгоритм, позволяющий определить вероятность совершения лицом преступления, если его не заключить под стражу. Однако существует вопрос, должен ли судья согласиться с решением системы, и кто будет нести ответственность, если лицо не было заключено под стражу, но совершило преступление? Законодательство стран, применяемых данную систему никак не регулирует данные вопросы [17].

По нашему мнению, одна из главных проблем использования ИИ в судебной практике связана с тем, что ИИ базируется не на ситуационной логике, а на вычислительных процедурах, т.е. не умеет работать с контекстами [26].

Кроме того, внедрение информационных технологий в судебный процесс требует перестройки всей судебной-правовой системы, включая процедуры принятия решений, проведения процессуальных действий, проверку и оценку доказательств, представленных в электронном виде. В связи с развитием и стремительным внедрением информационных технологий во все сферы чело-

веческой жизнедеятельности, кардинальные перестройки в судебных процедурах неизбежны и к этому нужно быть готовым [3, 1].

Таким образом, вопросы, связанные с применением цифровых технологий, внедряемых в судебную деятельность, настолько многогранны, что их решение требует взвешенного подхода, предполагающего публичное обсуждение этих вопросов, с участием как разработчиков алгоритмов, так ученых-правоведов и специалистов практиков в области права.

Список литературы:

- [1] Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / Н.С. Волкова, А.А. Ефремов, С.М. Зырянов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.
- [2] Еремеев Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т.8 (74). № 1. С.143.
- [3] Зуев С.В. Высокотехнологичный и (или) виртуальный уголовный процесс: понятие, стандарты, перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 28;
- [4] Качалова О.В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1. С. 103.
- [5] Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 16.
- [6] Проскурякова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 14. Право. 2018. № 3. С. 443.
- [7] Проскурякова М. И. Там же.
- [8] Проскурякова М. И. Там же.
- [9] Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 97-98.
- [10] Степанов О.А., Басангов Д.А. Об уголовно-правовом воздействии на оборот цифровой валюты в обществе // Международное публичное и частное право. 2023. №. 1. С. 28.
- [11] Степанов О.А., Басангов Д.А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействия коррупции // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. №. 2. С. 49.

- [12] Степанов О.А., Басангов Д.А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 59.
- [13] Степанов О.А., Басангов Д.А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 50-56.
- [14] Тихомиров Ю.А., Чураков В.Д. Технологические императивы: юридические аспекты // Законодательство. 2025. № 1. С. 73-79.
- [15] Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 7. С. 609-622.
- [16] Британская полиция привлекла ИИ для помощи в раскрытии преступлений. Хабр. Сообщество IT-специалистов. URL: <https://habr.com/ru/news/t/466471> (дата обращения 25.12.2025).
- [17] Искусственный интеллект: Новый способ ненадлежащего воздействия на судебные органы? URL: https://www.unodc.org/dohadeclaration/ru/news/2019/06/artificial-intelligence_a-new-trojan-horse-for-undue-influence-on-judiciaries.html (дата обращения: 26.12.2025).
- [18] Скарлетт-Мэй Ферри, Алгоритмы, протестированные в противовес справедливому судебному разбирательству, документ на сайте <http://lexis360.fr>, загруженный 09/07/2018, § 27-38 (дата обращения: 17.12.2025).
- [19] Судей Китая обязали использовать искусственный интеллект. URL: <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovatiskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 26.12.2025).
- [20] Суд по-бразильски: приговор выносит искусственный интеллект. URL: <https://www.v-brazil.com/government/judiciary-branch/supreme-court.html/> (дата обращения: 07.12.2025).
- [21] Электронный судья. URL: <https://www.osp.ru/news/2000/0428/584703> (дата обращения: 07.12.2025).
- [22] Digitalisierung der gerichtlichen Verfahren und das Prozessrecht. 3. Tagung junger Prozessrechtswissenschaftler und -wissenschaftlerinnen am 29./30.09.2017 in Leipzig / Buschmann A., Gl A-C, Gonska H-H., Philipp M., Zimmerman R. Leipzig, 2018. P. 8.
- [23] Gesetz zur Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs mit den Gerichten G. v. 10.10.2013 // BGBl. I S. 3786 Nr. 62 URL: <https://www.buzer.de/gesetz/10961/index.htm> (дата обращения: 17.12.2025).
- [24] Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz-JkomG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.
- [25] Gilles P. Civil justice systems and civil procedures in a changing world: main problems, fundamental reforms and perspectives — a European view // Russian Law Journal. 2014. P. 42.
- [26] Goodman B., Harder J. Four areas of legal ripe for disruption by smart startups (англ.). Law Technology Today. ABA Journal (16 December 2014).
- [27] <https://www.contrepoints.org/2017/08/15/177160-com> (дата обращения: 17.12.2025).
- [28] Isabelle Désirée Biallass. Der Einsatz von künstlicher Intelligenz in der Justiz. URL: <https://www.deutscheranwaltspiegel.de/e-justice/kuenstliche-intelligenz/der-einsatz-von-kuenstlicher-intelligenz-in-der-justiz/> (дата обращения: 17.12.2025).
- [29] Isabela Ferari, Daniel Becker. Artificial Intelligence and the Supreme Court of Brazil – Beauty or a Beast? // SIFOC Website, 22 June 2020. URL: <https://sifocc.org/app/uploads/2020/06/Victor-Beauty-or-the-Beast.pdf> 18 Felipe Calderon-Valencia, Juan-Jose Perez-Montoya, Fausto Santos de Morais. Sistemas de IA en la Experiencia del Supremo Tribunal Federal Brasileño y la La Corte Constitucional Colombiana: Análisis Prospectivo // Revista de Direito, Estado e Telecomunicações. 2021. Vol. 13, no. 1, P. 143–169; The VICTOR Project: Applying Artificial Intelligence to Brazil's Supreme Federal Court / Ricardo Vieira de Carvalho Fernandes, Danilo Barros Mendes, Gustavo Henrique T.A. Carvalho, Hugo Honda Ferreira // Research Handbook on Big Data Law Research Handbooks in Information Law series. – 2021. – P. 304– 317.
- [30] Mag. Georg Stawa Federal Ministry of Constitutional Affairs, Reforms, Deregulation and Justice. “Artificial Intelligence. How is Austria approaching AI integration into judicial policies” // CEPEJ website. URL: <https://rm.coe.int/how-is-austria-approaching-ai-integration-into-judicial-policies-/16808e4d81> (дата обращения: 17.12.2025).
- [31] Sanctis F. M. Artificial Intelligence and Innovation in Brazilian Justice // International Annals of Criminology. 2021. Vol. 59. P. 2.
- [32] Sanctis F. M. Op. cit. P. 3.
- [33] Sean La Roque-Doherty. Toward Smarter Courts // ABA Journal. 2021. Vol. 107, Issue 2.
- [34] STF proferiu 114 mil decisões em 2024. URL: <https://hjur.com.br/stf-proferiu-114-mil-decisoes-em-2024/> (дата обращения 25.12.2025).
- [35] Veith C. et al. How Legal Technology will change the business of law (англ.) (pdf). Boston Consulting Group, Bucerius Law School (2016).
- [36] Veith C. et al. How Legal Technology will change the business of law (англ.) (pdf). Boston Consulting Group, Bucerius Law School (2016).

References:

- [1] State, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information

sphere: monograph/N.S. Volkova, A.A. Efremov, S.M. Zyryanov and others; resp. ed. L.K. Tereshchenko. M.: Infotropic Media, 2024. 352 pp.

[2] Ereemeev D.V. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. T.8 (74). № 1. S.143.

[3] Zuev S.V. High-tech and (or) virtual criminal process: concept, standards, prospects//Bulletin of SUSU. "Right" series. 2023. VOL. 23. № 1. S. 28;

[4] Kachalova O.V. European standards for the use of information technologies in legal proceedings in the context of modern challenges and threats//Rule of law: theory and practice. 2021. № 1. S. 103.

[5] Neznamov A.V. On the use of artificial intelligence technologies in justice: terminological aspect//Arbitration and civil procedure. 2019. № 10. S. 16.

[6] Proskuryakova M.I. Electronic justice in Germany: current state and development prospects//Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2018. № 3. S. 443.

[7] Proskuryakova M.I. Ibid.

[8] Proskuryakova M.I. Ibid.

[9] E.P. Rusakova. The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and some other countries: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2021. S. 97-98.

[10] Stepanov O.A., Basangov D.A. On the criminal legal impact on the circulation of digital currency in society//International public and private law. 2023. №. 1. S. 28.

[11] Stepanov O.A., Basangov D.A. Review of the possibilities of using digital technologies to combat corruption//Russian Journal of Legal Research. 2023. T. 10. №. 2. S. 49.

[12] Stepanov O.A., Basangov D.A. On the legal features and risks of the implementation of digital profiling//Russian Justice. 2024. №. 1. S. 59.

[13] Stepanov O.A., Basangov D.A. On the digitalization of judicial activities in the People's Republic of China//Russian Justice. 2024. №. 7. S. 50-56.

[14] Tikhomirov Yu.A., Churakov V.D. Technological imperatives: legal aspects//Legislation. 2025. № 1. S. 73-79.

[15] Khabrieva T.Ya. Legal problems of identification of artificial intelligence//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2024. T. 94. № 7. S. 609-622.

[16] British police have enlisted AI to help solve crimes. Habr. Community of IT professionals. URL: <https://habr.com/ru/news/t/466471> (date of contact 25.12.2025).

[17] Artificial Intelligence: A New Way of Improperly Influencing the Judiciary? URL: https://www.unodc.org/dohadeclaration/ru/news/2019/06/artificial-intelligence_-a-new-trojan-horse-for-undue-influence-on-judiciaries.html (дата обращения: 26.12.2025).

cial-intelligence_-a-new-trojan-horse-for-undue-influence-on-judiciaries.html (дата обращения: 26.12.2025).

[18] Scarlett-May Ferrier, Algorithms Tested Against Fair Trial, <http://lexis360.fr> Document Uploaded 09/07/2018, § 27-38 (Accessed: 17.12.2025).

[19] China's judges have been ordered to use artificial intelligence. URL: <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovatiskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 26.12.2025).

[20] Court in Brazilian: artificial intelligence delivers the verdict. URL: <https://www.v-brazil.com/government/judiciary-branch/supreme-court.html/> (дата обращения: 07.12.2025).

[21] Electronic umpire. URL: <https://www.osp.ru/news/2000/0428/584703> (access date: 07.12.2025).

[22] Digitalisierung der gerichtlichen Verfahren und das Prozessrecht. 3. Tagung junger Prozessrechtswissenschaftler und -wissenschaftlerinnen am 29./30.09.2017 in Leipzig / Buschmann A., Gl A-C, Gonska H-H., Philipp M., Zimmerman R. Leipzig, 2018. P. 8.

[23] Gesetz zur Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs mit den Gerichten G. v. 10.10.2013 // BGBl. I S. 3786 Nr. 62 URL: <https://www.buzer.de/gesetz/10961/index.htm> (accessed on: 17.12.2025).

[24] Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz-JkomG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.

[25] Gilles P. Civil justice systems and civil procedures in a changing world: main problems, fundamental reforms and perspectives — a European view // Russian Law Journal. 2014. P. 42.

[26] Goodman B., Harder J. Four areas of legal ripe for disruption by smart startups (англ.). Law Technology Today. ABA Journal (16 December 2014).

[27] <https://www.contrepoints.org/2017/08/15/177160-com> (accessed on: 17.12.2025).

[28] Isabelle Désirée Biallass. Der Einsatz von künstlicher Intelligenz in der Justiz. URL: <https://www.deutscheranwaltspiegel.de/e-justice/kuenstliche-intelligenz-in-der-justiz/> (дата обращения: 17.12.2025).

[29] Изабела Ферари, Даниэль Беккер. Искусственный интеллект и Верховный суд Бразилии - красота или чудовище ?//Веб-сайт SIFOCC, 22 июня 2020 г. URL: <https://sifocc.org/app/uploads/2020/06/Victor-Beauty-or-the-Beast.pdf> Фелипе Кальдерон-Валенсия, Хуан-Хосе Перес-Монтойя, Фаусто Сантос де Мораис. Sistemas de IA en la Experiencia del Supremo Tribunal Federal Brasileño y La Corte Constitucional Colombiana: Análisis Prospectivo//Revista de Direito,

Estado e Telecomunicações. 2021. Том 13, № 1, С. 143-169; Проект VICTOR: Применение искусственного интеллекта в Верховном федеральном суде Бразилии/Рикардо Виейра де Карвалью Фернандеш, Данило Баррос Мендеш, Густаво Энрике Т.А. Карвалью, Уго Хонда Феррейра//Справочник по исследованиям в области права больших данных в серии «Информационное право» – 2021. - С. 304- 317.

[30] Маг Георг Става Федеральное министерство по конституционным вопросам, реформам, дерегулированию и юстиции. «Искусственный интеллект. Как Австрия приближается к интеграции ИИ в судебную политику» //веб-сайт CEPEJ. URL: <https://rm.coe.int/how-is-austria-approaching-ai-integration-into-judicialpolicies-/16808e4d81> (дата обращения: 17.12.2025).

[31] Санктис Ф. М. Искусственный интеллект и инновации в бразильском правосудии// Международные анналы криминологии. 2021. Том 59. П. 2.

[32] Sanctis F. M. Op. Cit. P. 3.

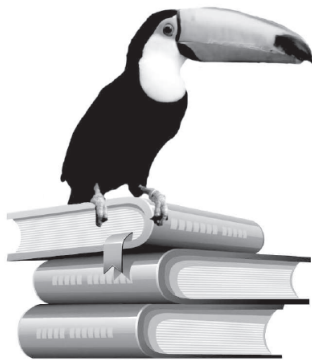
[33] Шон Ла Роке-Доэрти. К более умным судам//ABA Journal. 2021. Том 107, Выпуск 2.

[34] STF proferiu 114 mil decisões em 2024. URL: <https://hjur.com.br/stf-proferiu-114-mil-decisoes-em-2024/> (неразборчиво 25.12.2025).

[35] Veith C. et al. Как Legal Technology изменит бизнес права (англ.) (pdf). Boston Consulting Group, Юридическая школа Bucerius (2016).

[36] Veith C. et al. Как Legal Technology изменит бизнес права (англ.) (pdf). Boston Consulting Group, Юридическая школа Bucerius (2016).

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-132-136

СОКОЛОВСКИЙ Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
доцент профессор кафедры Общеобразовательных дисциплин ЧУ
«Гуманитарно-техническая академия» Казахстан, г. Кокшетау,
e-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com

СВОБОДА СОВЕСТИ И ПРАВОВОЙ КОД ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА КАЗАХСТАНСКУЮ МОДЕЛЬ

Аннотация. В статье исследуется роль религии как фактора социальной консолидации в современном казахстанском обществе в контексте конституционно-правового регулирования. Анализируется воздействие религиозных организаций на процессы формирования идентичности и нравственных ценностей, а также их участие в общественно значимых сферах при условии соблюдения принципа светскости государства. Показано, как нормы Конституции Республики Казахстан и профильного Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» устанавливают пределы допустимого взаимодействия религии и государства, предотвращая политизацию конфессий и распространение деструктивных форм религиозности.

Ключевые слова: религия; социальная консолидация; Казахстан; Конституция; светское государство; религиозные объединения; религиозная идентичность; свобода совести; межконфессиональное взаимодействие; общественные вызовы.

SOKOLOVSKIY Konstantin Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of General subjects
Humanitarian and technical academy,
Kazakhstan, Kokshetau

FREEDOM OF CONSCIENCE AND THE LEGAL CODE OF PUBLIC STABILITY: A GENERAL OVERVIEW OF THE KAZAKHSTAN MODEL

Annotation. The article examines religion as a factor of social consolidation in modern Kazakhstani society through the prism of constitutional and legal regulation. The impact of religious organizations on identity formation and moral values is analyzed, as well as their participation in socially significant spheres under the condition of upholding the principle of state secularism. The study demonstrates how the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the Law “On Religious Activity and Religious Associations” establish the boundaries of permissible interaction between religion and the state, preventing the politicization of confessions and the spread of destructive forms of religiosity.

Key words: religion; social consolidation; Kazakhstan; Constitution; secular state; religious associations; religious identity; freedom of conscience; interfaith interaction; societal challenges.

В условиях усиливающейся многополярности и нарастающих социально-политических вызовов религия вновь становится значимым фактором общественной динамики, влияя на процессы самоидентификации, ценностного выбора и культурной солидарности. Для Казахстана, исторически сформировавшегося как полиэтничное и поликонфессиональное государство, вопрос о роли религии в укреплении социальной консолидации приобретает особую актуальность. Сохранение межрелигиозного мира

и общественного согласия – важнейший фактор устойчивости, закреплённый в Конституции. При этом рост религиозной активности и самоидентификации граждан требует чёткого правового регулирования для предотвращения политизации конфессий, радикализации религиозных групп и подрыва светских основ государственности [1].

Современная конституционно-правовая модель Казахстана предполагает баланс между свободой совести, гарантированной каждому гражданину, и принципом светскости государства.

Он обеспечивает правомерное участие религиозных объединений в общественной жизни государства, а особенно в социальной сфере, но при условии их невмешательства в деятельность государственных институтов и политические процессы. Исследование правовых рамок взаимодействия государства и религии позволяет оценить, в какой степени существующая система способствует укреплению общественного единства и предотвращению деструктивных форм религиозной активности.

Цель исследования заключается в комплексном анализе религии как фактора социальной консолидации в Республике Казахстан с позиции конституционно-правового регулирования. Методологическая база объединяет системный и сравнительно-правовой анализ, методы юридической интерпретации и изучение нормативных актов. Включены также элементы социологического подхода, позволяющие соотнести правовое регулирование с реальными общественными процессами. Междисциплинарный характер подхода обеспечивает всестороннюю оценку религии как социального и правового института.

В целом изучение религиозного фактора в конституционно-правовой плоскости позволяет выявить его конструктивный потенциал в укреплении общественной стабильности, а также определить правовые механизмы, препятствующие деструктивному влиянию религиозных структур. Полученные выводы способны способствовать дальнейшему совершенствованию государственно-конфессиональной политики Казахстана, а также применимы в практике стран СНГ.

Религия как фактор социальной консолидации остаётся в центре внимания исследователей. Анализ этого феномена обычно проводится в контексте поиска альтернативы привычным (светским) механизмам общественной интеграции. Учёные изучают, какие особенности приобретает консолидация по религиозному признаку при снижении значимости традиционных объединяющих начал. В казахстанском обществе, как и в большинстве стран мира, происходят процессы, ведущие к трансформации ценностных ориентиров: ослабевают трудовая и нравственная мотивация, растёт влияние индивидуализма и потребительской культуры, ориентированной на немедленное удовлетворение желаний. Как замечает Б. Ж. Жусупова, «государство демонстрирует утрату своей тотально консолидирующей и защищающей своих граждан функций» [2, с. 259]. Эти тенденции ослабляют социальные связи и формируют потребность в опоре на институты, способные сохранять коллективные ценности. Государственные структуры, отвечающие за социальную политику и развитие гражданской солидарности,

сталкиваются с нехваткой ресурсов, ограниченными возможностями донесения информации и низкой вовлечённостью целевой аудитории. В этих условиях религиозные организации традиционных конфессий, действующие в правовом поле Республики Казахстан (в соответствии с Конституцией РК и Законом «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»), объективно способствуют укреплению моральных норм, традиционных ценностей и развитию практик социальной солидарности.

Конституционно-правовая система Республики Казахстан основывается на принципе светскости государства, закреплённом в статье 1 Конституции РК. При этом законодательство не препятствует конструктивному участию религиозных организаций в социальной жизни: они вправе содействовать проведению общественно значимых мероприятий и взаимодействовать с органами власти в рамках идеологических инициатив – при неукоснительном соблюдении правовых границ, определённых действующим законодательством.

По мнению исследователей, именно через деятельное участие традиционных религиозных объединений возможно укрепление гражданского общества, и сама государственная модель Казахстана предусматривает легальные формы такого взаимодействия. Так, видный казахстанский религиовед А. Г. Косиченко приходит к выводу о том, что «религиозные общины обладают особыми возможностями в плане укрепления мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и распространения ценностей» [3, с. 115].

Однако задействование религиозного потенциала в целях укрепления социальной сплочённости требует надёжных правовых гарантий и эффективного контроля. Государство обязано обеспечивать соблюдение свободы совести, исключая любое навязывание вероисповедания, пресекая распространение экстремизма и неукоснительно соблюдая принцип светскости. К. В. Мутума, рассуждая о необходимости соблюдения государством и гражданским обществом известного баланса между обеспечением права на свободу совести и ограничения либо навязывания той или иной религии, в своих исследованиях справедливо приходит к выводу о том, что взаимоотношения между государством и религией представляют собой сложный и постоянно развивающийся процесс, имеющий как позитивные, так и негативные стороны: «С одной стороны, принцип отделения государства от религии гарантирует свободу вероисповедания и препятствует дискриминации, но одновременно способен сужать роль религии в общественной жизни и сти-

мулировать процессы секуляризации. С другой стороны, симбиоз религии и государственной власти создаёт риски принудительного распространения религиозных воззрений и ограничения прав и свобод отдельных социальных групп» [4, с. 37–38].

Религиозные организации обладают значительным ресурсом для обращения граждан к духовным ценностям. Вместе с тем их деятельность должна осуществляться строго в рамках правового поля и быть направлена на поддержание культурной стабильности – в соответствии с конституционными принципами и задачами общественного развития.

В Казахстане религия перестала быть сугубо частной сферой, поскольку действующее законодательство допускает публичные формы религиозной жизни, как-то: социальное служение, благотворительность, участие в культурных инициативах, образовательная и просветительская деятельность, употребление религиозных символов и атрибутики в публичном пространстве, миссионерство, публичная обрядовость и т.д. Конституционно-правовой аспект этого участия заключается в том, что государство декларирует равенство религиозных объединений перед законом, гарантирует свободу вероисповедания и одновременно фиксирует невозможность вмешательства конфессий в государственное управление, создание политических партий по признаку той или иной веры (статья 5 Конституции РК). Иными словами, религия включена в общественную жизнь, однако не в политический процесс и взаимодействует с государственными институтами в пределах конституционных ограничений.

В условиях кризисных периодов, характеризующихся социальной фрагментацией, наблюдается тенденция к усилению роли религии и расширению спектра верований, включая новые религиозные течения, не входящие в состав традиционных конфессий. Исторический опыт Казахстана показывает, что подобные процессы нередко ведут к возникновению культов, использующих духовную риторику для прикрытия противоправной деятельности и являющимися по своей сути антисистемными к институтам гражданского общества. На это обращает внимание С. О. Елишев: «...Являясь антисистемными структурами и организациями, активно занимаются различного рода деятельностью однозначно деструктивного характера, создающей угрозу национальной безопасности и закономерно приводящей к дисфункции, а в конечном счете и дискредитации института религии в целом» [5, с. 1416].

В целях защиты граждан от манипуляций сознанием и деструктивного воздействия законодательство Республики Казахстан предусматривает обязательную государственную регистрацию

религиозных объединений. Деятельность без регистрации признаётся незаконной. Одновременно приняты правовые меры по противодействию религиозному экстремизму и разработаны государственные программы реабилитации пострадавших лиц.

Конституционно-правовая система Республики Казахстан предусматривает механизмы использования религии в качестве ресурса социальной гармонизации, одновременно устанавливая правовые барьеры для предотвращения злоупотреблений в религиозной сфере.

Уровень религиозной компетентности населения и представителей духовенства также становится предметом правового внимания. Для государства важен открытый межконфессиональный диалог, а законодательство стимулирует сотрудничество религиозных объединений с общественными институтами, если оно не противоречит принципу светскости. Именно правовой подход требует рассматривать религию как часть общественного механизма, способного укреплять гражданские отношения. Взаимодействие конфессий и государства направлено на формирование устойчивых коммуникаций, снижение конфликтности и обеспечение условий, в которых свобода совести не превращается в фактор разобщения.

Заметим, что и вопросы семейно нравственного воспитания занимают ключевое место в работе религиозных объединений. Даже в условиях эволюции семейных моделей и роста популярности альтернативных брачных форматов традиционные конфессии продолжают отстаивать представление о семье как о краеугольном социальном институте. Государство со своей стороны законодательно гарантирует защиту семьи, материнства и детства. Религиозные организации вносят вклад в укрепление нравственных ценностей, действуя в партнёрстве с государственными структурами. Важно, что правовая система устанавливает чёткие границы: религиозные нормы не могут быть принудительно навязаны, а все семьи обладают равными правами вне зависимости от вероисповедания.

Модель государственно-конфессиональных отношений в Казахстане предполагает конструктивное включение религиозного фактора в социальную сферу. Конфессии могут реализовывать социальные проекты и поддерживать культурную традицию, но обязаны соблюдать законодательные требования, направленные на защиту светского характера государства и предотвращение религиозного радикализма. Таким образом, религия выступает элементом гражданской стабильности и культурной преемственности при условии правовых гарантий и государственного контроля.

Как известно, религиозная идентичность в структуре социальной идентичности казахстан-

ского общества формируется через механизмы самоопределения, эмоционального отождествления и культурной традиции. В ряде случаев она может доминировать над профессиональной или гражданской идентичностью, влияя на образ жизни и ценностные выборы. Конституция Республики Казахстан гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, исключая возможность использования религиозной идентичности в качестве основания для социальной дискриминации или установления неравенства. Одновременно свобода вероисповедания гарантирует каждому право самостоятельно определять степень религиозной вовлечённости, а установленные правовые рамки исключают любое давление на личность – как принуждение к отказу от исповедуемой веры, так и навязывание религиозных практик.

Формирование конфессиональной идентичности зависит от культурных и исторических факторов. В Казахстане преобладают традиционные религии – ислам ханафитского мазхаба и православие. Их значимость закреплена в преамбуле профильного Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признаёт историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признаёт важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан». При этом законодательная система создаёт равные условия для всех зарегистрированных и официально действующих конфессий.

Исследования показывают, что значительная часть населения идентифицирует себя с той или иной религией, однако уровень реальной религиозной практики ниже, что свидетельствует о преобладании культурной модели религиозности над доктринальной.

Согласно социологическим исследованиям, проведённым в 2024 году под эгидой Комитета по делам религий Министерства культуры и информации, 86,3 % казахстанцев отнесли себя к верующим. При этом анализ семилетней динамики показывает статистически значимый рост числа лиц, идентифицирующих себя как последователи той или иной религиозной конфессии [6].

Социологические данные также свидетельствуют о росте религиозной самоидентификации, который всё чаще связан даже не столько с риту-

альной религиозностью, сколько с поиском культурной устойчивости и нравственных ориентиров. В этих условиях религиозные объединения способны вносить вклад в укрепление семьи, профилактику девиантного поведения, развитие благотворительных инициатив и гуманитарных проектов. Однако данные процессы эффективны только при соблюдении установленных Конституцией рамок, которые исключают вмешательство религии в политику и государственное управление, не допускают создание партий по религиозному принципу и препятствуют появлению радикальных движений.

Религия выступает как элемент национальной культуры и как символ принадлежности к определённой традиции. Поэтому в государственной парадигме она интерпретируется не как частная идеология, а как значимый социальный феномен, что обуславливает необходимость правового регулирования – обеспечения баланса между свободой вероисповедания и общественной ответственностью.

Не вызывает сомнения, что религия в современном Казахстане является значимым социальным ресурсом, способным укреплять общественную консолидацию, формировать ценностные ориентиры и выступать фактором социальной стабильности. В условиях полиэтничного и поликонфессионального состава населения именно нормативно выстроенный баланс между свободой вероисповедания и принципом светского государства обеспечивает устойчивость общественных процессов. Конституция Республики Казахстан и Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» определяют правовые рамки участия религиозных организаций в жизни общества, гарантируют защиту прав граждан и предотвращают политизацию религиозной сферы. По справедливой оценке Л. В. Денисовой и А. А. Морозова, «государство чётко отслеживает границы политического. Его готовность идти на некоторые ступки религиозным объединениям существует только до того момента, когда религиозное сообщество выскажет свои клерикальные устремления» [7, с. 63].

Важно расширять государственно-конфессиональный диалог на основе прозрачных правовых процедур и механизмов общественного контроля, а также усиливать правовое просвещение, предотвращая вовлечение граждан в деятельность деструктивных религиозных организаций и распространение псевдорелигиозных практик. Перспективным направлением является развитие совместных социальных проектов государства, традиционных религиозных объединений и гражданского общества, в том числе в рамках государственно-частного партнёрства, в сфере семейной

политики, социальной поддержки, реабилитационных инициатив и профилактики экстремизма. При этом необходимо сохранять конституционные гарантии равенства граждан независимо от религиозной принадлежности, а также контролировать соблюдение запрета на использование религии в политических целях.

Таким образом, казахстанская модель правового регулирования, сочетающая свободу совести и принцип светскости, демонстрирует эффективность в обеспечении общественной стабильности. Её дальнейшее развитие требует совершенствования нормативной базы, укрепления институтов правоприменения и системного сотрудничества государства и религиозных объединений при безусловном соблюдении конституционных норм. Сохранение юридически сбалансированного подхода позволяет интегрировать религиозный фактор в процессы социального развития, не нарушая основ конституционного строя и способствуя укреплению единого гражданского пространства страны.

Список литературы:

- [1] Моисеенко Г.В. Свобода религии и убеждений в Казахстане: векторы законодательного обновления [Электронный ресурс] / Г.В. Моисеенко // NEP: сайт Национального фонда содействия процветанию. – 2024. – 29 августа. – URL: <https://nepfund.org/tpost/dbr817jmk1-svoboda-religii-i-ubezhdenii-v-kazakhstan> (дата обращения: 12.11.2025).
- [2] Жусупова Б.Ж. О ситуации неопределенности в современном казахстанском обществе: социально-философский анализ / Б.Ж. Жусупова // Вестник Карагандинского государственного университета им. Е. Букедова. Серия: История. Философия. – 2023. – № 1 (109). – С. 257–264. DOI 10.31489/2023HPh1/257-264.
- [3] Косиченко А.Г. Возможности религии в снижении уровня вызовов и угроз современности: философско-политологический анализ. Монография / А.Г. Косиченко – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки РК, 2014. – 200 с.
- [4] Mutuma K.W. The Complex Interplay of State and Religion: Exploring The Dynamics and Implications for Modern Society / K.W. Mutuma // The Journal of Conflict Management and Sustainable Development. – 2023. – № 10 (3). – Pp. 20–44.
- [5] Елишев С.О. Тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы как антисистемные организации / С.О. Елишев // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 5 (57). – С. 1416–1433.
- [6] Малгараева З. Б. Развитие религиозной ситуации в Казахстане: основные тренды / З.Б.

Малгараева // Kazislam: портал, пропагандирующий работу государства в сфере религии. – 2024. – 19 декабря. – URL: <https://kazislam.kz/ru/2024/12/razvitie-religioznoj-situacii-v-kazahstane-osnovnye-trendy> (дата обращения: 12.11.2025).

[7] Денисова Л.В., Морозов А.А. Общественно-политическая активность религиозных объединений: клерикализация и секуляризация / Л. В. Денисова, А. А. Морозов // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – Т. 27. – № 9. – С. 55–64.

References:

- [1] Moiseenko G.V. Freedom of religion and belief in Kazakhstan: vectors of legislative renewal [Electronic resource] / G.V. Moiseenko // NEP: website of the National Fund for Promoting Prosperity. – 2024. – August 29. – URL: <https://nepfund.org/tpost/dbr817jmk1-svoboda-religii-i-ubezhdenii-v-kazakhstan> (дата обращения: 12.11.2025).
- [2] Zhusupova B.Zh. On the situation of uncertainty in modern Kazakhstani society: socio-philosophical analysis / B.Zh. Zhusupova // Bulletin of Karaganda State University named after E. Buketov. Series: History. Philosophy. – 2023. – № 1 (109). – S. 257-264. DOI 10.31489/2023HPh1/257-264.
- [3] Kosichenko A.G. The possibilities of religion in reducing the level of challenges and threats of our time: philosophical and political analysis. Monograph / A.G. Kosichenko - Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2014. – 200 s.
- [4] Mutuma K.W. The Complex Interplay of State and Religion: Exploring The Dynamics and Implications for Modern Society / K.W. Mutuma // The Journal of Conflict Management and Sustainable Development. – 2023. – № 10 (3). – Pp. 20–44.
- [5] Elishev S.O. Totalitarian religious sects and destructive cults as anti-system organizations / S.O. Elishev // Political science issues. – 2020. – Т. 10. – № 5 (57). – S. 1416-1433.
- [6] Malgaraeva Z. B. Development of the religious situation in Kazakhstan: the main trends / Z.B. Malgaraeva // Kazislam: a portal promoting the work of the state in the field of religion. – 2024. – December 19. – URL: <https://kazislam.kz/ru/2024/12/razvitie-religioznoj-situacii-v-kazahstane-osnovnye-trendy> (дата обращения: 12.11.2025).
- [7] Denisova L.V., Morozov A.A. Socio-political activity of religious associations: clericalization and secularization / L.V. Denisova, A.A. Morozov // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2021. – VOL. 27. – № 9. – S. 55-64.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-137-141

ДЖАЛИЛОВА Нулуфар Вахид кызы,
Студентка 2 курса магистратуры
Евразийского Учебного Института МГИМО,
e-mail: nilufer.celilova002@gmail.com

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В БЫВШИХ ПОРТУГАЛЬСКИХ КОЛОНИЯХ АФРИКИ: СООТНОШЕНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВА, ОБЫЧНОГО ПРАВА И ИСЛАМСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье исследуется феномен правового плюрализма в бывших португальских колониях Африки – прежде всего в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау. Рассматривается соотношение между привнесённым португальским колониальным правом, традиционными нормами обычного права местных африканских обществ, а также исламской правовой традицией в регионах с мусульманским населением. Показано, что несмотря на официальную политику ассимиляции, на практике в колониях сложилась дуалистическая правовая система: наряду с законами метрополии действовали местные обычаи, а в отдельных регионах – нормы шариата. Историко-правовой и сравнительно-правовой анализ позволяет выявить, как португальская колониальная администрация пыталась подчинить и трансформировать эти системы права, и какие последствия это имело для постколониального развития правовой системы указанных стран.

Ключевые слова: правовой плюрализм; колониальное право; обычное право; исламское право; шариат; португальская колониальная политика; Африка; Мозамбик; Ангола; Гвинея-Бисау; постколониальные правовые системы.

JALILOVA Nilufar Vakhid kyzy,
Second-year Master's student Eurasian
Educational Institute of MGIMO University

LEGAL PLURALISM IN THE FORMER PORTUGUESE COLONIES OF AFRICA: THE INTERRELATION BETWEEN PORTUGUESE COLONIAL LAW, CUSTOMARY LAW, AND THE ISLAMIC LEGAL TRADITION

Annotation. The article examines the phenomenon of legal pluralism in the former Portuguese colonies in Africa, with particular attention to Angola, Mozambique, and Guinea-Bissau. It analyses the relationship between Portuguese colonial law introduced by the metropolitan authorities, traditional customary norms of African societies, and the Islamic legal tradition in regions with Muslim populations. The study demonstrates that, despite the officially proclaimed policy of assimilation, a dual legal system emerged in practice: alongside the law of the metropole, customary law continued to operate, while in certain regions Islamic legal norms were applied. Through a historical and comparative legal analysis, the article reveals the ways in which the Portuguese colonial administration sought to control and transform these normative systems, as well as the consequences of such policies for the post-colonial development of the legal systems of the states concerned.

Key words: legal pluralism; colonial law; customary law; Islamic law; Sharia; Portuguese colonial policy; Africa; Mozambique; Angola; Guinea-Bissau; post-colonial legal systems.

Правовой плюрализм – это сосуществование в рамках одного государства или общества нескольких систем права, основанных на разных источниках. В стра-

нах Тропической Африки правовой плюрализм во многом является наследием колониального периода, когда европейские державы вводили свое право, но вынужденно или сознательно сохраняли

действие местных обычаев и норм религиозного права в отношении коренного населения [1]. В результате к моменту обретения независимости во многих африканских колониях сложились смешанные правовые системы, включающие элементы европейского (континентального или англосаксонского) права, африканского обычного права и, в ряде случаев, исламского права как особой религиозно-правовой традиции. Бывшие португальские колонии в Африке не были исключением: хотя Португалия декларировала политику культурной ассимиляции, на практике в ее владениях существовал сложный симбиоз различных правовых норм. Ниже рассматривается история этого правового плюрализма, особенности колониальной правовой политики Португалии и взаимодействие трех указанных правовых систем. Особое внимание уделено тому, как португальские власти регулировали обычное (традиционное) право африканских народов и исламское право в мусульманских общинах, сопоставляя эти подходы с практикой других колониальных империй.

Колониальное право Португалии первоначально основывалось на идее ассимиляции, согласно которой образованные представители колониальных народов должны были со временем перенять португальскую культуру и получить равные права с европейцами. На практике же была институционализована система индигенато (*indigenato*) – правового разграничения между двумя категориями населения: «гражданами» (белые, мулаты и т. н. ассимиладу, т.е. африканцы, официально перешедшие на португальский образ жизни) и «туземцами» (*indígenas*) – большинством африканцев, сохранявших традиционный уклад [2]. Для первых действовало общее португальское право, включая Гражданский и Уголовный кодексы метрополии, тогда как для «туземцев» вводилось отдельное режимное законодательство. В частности, Колониальный акт 1930 года и последующая португальская Конституция 1933 г. закрепили дуалистический характер правовой системы: подавляющее большинство африканского населения оставалось в статусе подданных с ограниченными правами, на которых распространялись нормы «особого права туземцев» [2]. Эти нормы позволяли применять местные обычаи и традиции в отношении коренных жителей, если они не противоречили «принципам цивилизации» и колониальному порядку [1]. Фактически в колониях действовала параллельно две правовые подсистемы – одна для европейцев и ассимилированного меньшинства, и другая для коренных народов. Такая система была характерна для португальской Африки вплоть до начала 1960-х гг., когда под влиянием антиколониальных движений Португалия ноти-

нально отменила институт *indigenato* и объявила всех жителей своих африканских территорий равноправными португальскими гражданами [2]. Однако до самого окончания колониального правления (1974–1975 гг.) сложившееся ранее разграничение в правах и компетенции сохранялось неофициально.

Важно отметить, что в отличие от британских или французских колоний, где практиковались отдельные судебные институты (например, суды для европейцев и отдельные «туземные суды» для разбора дел по обычному праву), в португальских колониях административная и судебная система были более централизованы. Официально судебные органы подчинялись португальскому праву, и разбирательство велось по нормам колониальной администрации. Тем не менее, политика ассимиляции сочеталась с элементами непрямого управления: португальские власти привлекали местных традиционных лидеров (в Анголе – *соба*, в Мозамбике – *рэгулу* и т.д.) к управлению и использовали их влияние для сбора налогов, поддержания порядка и решения мелких споров по обычаям [3]. Португальское колониальное право лишь частично охватывало жизнь коренного населения, особенно в сельской глубинке. Как отмечает исследователь Н. Коисоро, формально в Анголе и Мозамбике «действовало португальское право, однако традиционное обычное право во многих случаях терпелось или молчаливо допускалось» колониальной администрацией [1]. Иными словами, португальцы закрывали глаза на применение местных обычаев в тех сферах, которые не считали принципиальными, в первую очередь в семейно-брачных отношениях, наследовании, земельных спорах внутри общин. При этом португальские суды могли не признавать те элементы обычного права, которые противоречили европейским представлениям о порядке и морали (например, некоторые формы полигамии, «дикие» религиозные обряды, обвинения в колдовстве и т.п.). В целом же, политика колониальных властей балансировала между стремлением интегрировать африканцев в португальское правовое пространство и практической необходимостью опираться на традиционные нормы, регулирующие жизнь общин, особенно там, где не хватало ресурсов установить эффективный контроль с помощью европейских институтов [3].

Обычное право – совокупность неписаных традиционных норм и обычаев, действовавших в местных обществах, – продолжало играть ключевую роль в повседневной жизни населения колоний. В ангольских, мозамбикских, гвинейских деревнях споры о земле, браке, семейных обязанностях, возмещении ущерба и др. по-прежнему решались по старым обычаям, обычно при

посредничестве советов старейшин или вождей. Португальская администрация, особенно в первые десятилетия XX века, не обладала достаточным штатом чиновников и судей для непосредственного управления обширными территориями в глубине континента. Поэтому она сохраняла институты местной власти, встроив их в колониальную систему. Например, в Мозамбике крупных традиционных правителей (рэгугу) колониальные власти официально признали как низовое звено управления; они собирали подати с населения, обеспечивали выполнение плантационных работ и в обмен получали поддержку португальцев в удержании своей власти [3][4]. В Анголе существовала схожая картина: должность соба (наследственного вождя) также была легализована, хотя их автономия постепенно урезалась. В 1920–30-х годах, по мере ужесточения колониальной эксплуатации, Португалия попыталась усилить контроль над традиционными лидерами, в некоторых случаях смещая непокорных вождей и даже назначая на их место португальских администраторов. Показателен пример Гвинеи-Бисау, где колонизаторы воспользовались иерархической структурой местных мусульманских султанатов (Фута-Джалло и др.): некоторые должности исламских лидеров были упразднены или заняты португальцами, чтобы разорвать вертикальные связи власти внутри общин [5]. Тем не менее полностью уничтожить или заменить систему обычного права португальцы не смогли.

Отличительной чертой португальского подхода было отсутствие кодификации обычного права. В то время как, например, во Французской Западной Африке предпринимались попытки записать и унифицировать отдельные нормы обычаев, в португальских колониях подобных всеобъемлющих сводов не создавалось [2][4]. Обычное право оставалось преимущественно устным и варьировалось от региона к региону. Португальские юристы и этнографы середины XX века изучали локальные обычаи скорее в академических целях, не интегрируя их в официальную правовую систему. В судебной практике колоний существовало своеобразное разделение: дела с участием «туземцев» могли рассматриваться по процедурам, установленным португальским законом, но с применением материальных норм обычного права, если они не противоречили колониальному законодательству [2]. Такой разрыв между процедурой и материальным правом был необычен для африканских колоний – он отражал противоречие между идеологией ассимиляции и реальностью правового плюрализма. По сути, в социальной жизни продолжали действовать традиционные институты (родовые советы, деревенские собрания, обряды примирения и т.д.), обеспечивавшие

регулирование отношений в соответствии с местными ценностями, а колониальные суды и администрации вмешивались лишь когда затрагивались интересы колониальной власти или возникали конфликты, выходящие за рамки общины. Таким образом, обычное право в бывших португальских колониях сохранилось как устойчивый пласт правовой культуры, переживший эпоху колониализма и впоследствии интегрированный в национальные правовые системы независимых государств.

Особый аспект правового плюрализма в ряде португальских колоний связан с присутствием значительных мусульманских общин и действием исламского права (шариата) в сфере семейно-брачных и социальных отношений этих общин. Речь идет главным образом о северных районах Мозамбика (исторически входивших в сферу влияния суахилийско-арабской исламской цивилизации) и о территориях Гвинеи-Бисау, населенных народами, исповадовавшими ислам (фульбе, мандинго и др.). Португальская колониальная администрация вплоть до середины XX века не признавала исламское право как автономную систему. В отличие от британцев или французов, которые иногда учреждали кадийские суды или официально разрешали применение норм шариата в отношении мусульман (например, в семейных спорах), португальцы не создавали отдельной исламской юрисдикции [6]. Колониальные власти рассматривали исламские обычаи как часть общего «обычного права туземцев». Отчасти это объяснялось их восприятием местного ислама как «фольклоризированного» и отклоняющегося от ортодоксальных канонов. Так, исследователи отмечают, что португальские чиновники считали мусульман Северного Мозамбика синкретической группой, смешивающей ислам с местными племенными обычаями (например, сохраняющей матрилинейные традиции наследования, нехарактерные для классического шариата) [6]. Поэтому вплоть до 1960-х гг. португальская политика не отделяла шариат от языческого обычного права: оба рассматривались единым блоком «традиционных норм», подчиненных колониальному контролю.

Тем не менее, исламская правовая традиция сохранялась в подпольном формате. Мусульманские общины продолжали регулировать семейные отношения по нормам шариата: заключали браки по мусульманскому обряду, практиковали талак (развод) и выплачивали махр (свадебный выкуп невесте) согласно своим обычаям, даже если эти акты не получали юридической силы в португальских судах [6]. Полигамные браки, запрещенные португальским гражданским кодексом, де-факто существовали и порой при-

знавались местной администрацией в целях поддержания лояльности населения. Португальские власти обычно не вмешивались в дела мусульманских судов совести (джамаатов) или неформальных собраний общины, если не усматривали угрозы своему влиянию. Ситуация начала изменяться лишь в 1960-е годы, когда на фоне вооруженной борьбы за независимость Лиссабон стал пересматривать свое отношение к мусульманскому населению. Опасаясь объединения мусульман под знаменем антиколониальных движений, португальская администрация попыталась выработать «исламскую политику» – своеобразную стратегию кооптации мусульманских лидеров [7]. В Мозамбике в 1960–1970-х гг. правительство разрешило создание лояльных режиму мусульманских организаций и провело несколько показательных мероприятий, признававших культурные права мусульман (например, официальное открытие мечетей, встречи губернаторов с имамами). Португальская пропаганда подчеркивала, что в составе «многонациональной португальской империи» мусульмане пользуются свободой вероисповедания, стараясь тем самым отвратить их от поддержки повстанцев [7]. Похожая тактика применялась и в Гвинее-Бисау: там колониальные власти установили контакты с некоторыми религиозными лидерами султанатов Фуладу и предложили им ограниченную административную роль в обмен на лояльность. Однако эти запоздалые меры уже не могли изменить общее положение: мусульманское население в значительной своей части поддержало движения за независимость (ФРЕЛИМО в Мозамбике, ПАИГК в Гвинее-Бисау), справедливо не доверяя вековой политике дискриминации со стороны колонизаторов.

По итогам колониального периода можно констатировать, что исламская правовая традиция не была интегрирована в официальную правовую систему португальской Африки, но сумела сохраниться неофициально. Более того, исследования показывают, что к моменту окончания колониального правления мусульманские общины Мозамбика четко идентифицировали себя по правовым школам ислама (например, как последователи шафиитского мазхаба) и широко пользовались классическими фикх-руководствами на суахили и арабском языках для урегулирования своих внутренних вопросов [6]. Это свидетельствует о том, что параллельно с колониальным и обычным правом продолжала существовать и развиваться третья подсистема – религиозно-правовые нормы ислама, значимые для значительной части населения северных районов Мозамбика и Гвинеи.

Наследие описанного правового плюрализма существенно повлияло на формирование

правовых систем новых независимых государств на месте португальских колоний. После получения независимости (1974–1975 гг.) правительства Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Бисау встали перед задачей создания единых национальных систем права. Поначалу преобладала тенденция отказаться от колониального разграничения и утвердить унифицированное социалистическое право – особенно в Мозамбике и Анголе, где у власти стали марксистские партии. Была предпринята попытка максимально ограничить сферу действия традиционных институтов: так, в Мозамбике в конце 1970-х гг. упразднили должности рэгулу и запретили действовать общинным судам, заменив их народными судами революционной власти. Однако полностью вытеснить вековые обычаи оказалось невозможно. К концу XX века, после окончания гражданских войн, эти страны перешли к политике признания фактического правового плюрализма. Например, в Конституции Мозамбика 2004 года прямо закреплено признание различных нормативных систем и процедур урегулирования споров, включая традиционные и религиозные, наряду с государственным правом [8]. В Анголе Конституция 2010 года также отмечает роль традиционных властей (вождей) и обычаев в местном самоуправлении. Таким образом, современные правовые системы бывших португальских колоний официально эволюционируют в сторону синтеза: принципы европейского (континентального) права, унаследованные от Португалии, дополняются институтами обычного права и, при соблюдении прав человека, учитывают религиозные нормы там, где это востребовано обществом.

История правового плюрализма в португальских колониях Африки демонстрирует сложное переплетение различных правовых начал – колониального (европейского) права, африканского обычая и исламской традиции. Португалия, провозгласив цель культурной и правовой ассимиляции, де-факто управляла своими африканскими владениями через систему двойных стандартов, сочетая жесткое имперское законодательство с элементами непрямого управления и признания местных обычаев. Это позволило колониальной администрации использовать традиционные структуры для контроля над населением, но одновременно закрепило институциональные различия и неравенство. Исламская правовая система, хотя и не получила официального статуса, продолжала существовать в рамках общин, добавляя еще один слой к правовому полю колоний.

В сравнительно-правовой перспективе можно отметить, что португальская модель отличалась от британской индирект рул или французской политики *association* тем, что она до самого конца колониализма не признала полностью авто-

номии ни обычного, ни тем более исламского права – но и не уничтожила их. Этот исторический компромисс привел к тому, что на момент обретения независимости новые государства получили в наследство сложную правовую мозаику. Постколониальные власти сначала пытались унифицировать право, устранив «пережитки» племенных укладов, однако жизнь показала необходимость учитывать культурно-правовые реалии населения. Сегодня правовые системы Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау формально относятся к романо-германской семье (базируясь на португальском правовом наследии), но по сути являются смешанными. В них продолжают сосуществовать нормы современного законодательства, традиционные обычные практики и элементы религиозной (в том числе исламской) юриспруденции, особенно в сфере семейного и земельного права. Правовой плюрализм, сложившийся еще в колониальную эпоху, таким образом, остается характерной чертой этих стран, предъявляя как вызовы – например, необходимость согласования разных норм, – так и ресурс для более гибкого и легитимного для населения правопорядка.

Список литературы:

- [1] Coissoro N. African Customary Law in the Former Portuguese Territories, 1954–1974 // *Journal of African Law*. 1984. Vol. 28, №1–2. P. 72–79.
- [2] O’Laughlin B. Class and the Customary: The Ambiguous Legacy of the Indigenato in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [3] Bastos F. L. Customary Law in Lusophone Africa (Angola, Guinea-Bissau and Mozambique) // *Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa*. 2019. Vol. 60, №1. P. 55–75.
- [4] O’Laughlin B. The Ambiguous Legacy of the “Indigenato” in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [5] Mendy P. K. Portuguese Guinea: Dynamics of Decolonization, 1945–1974. Bloomington: Indiana University Press, 2019.
- [6] Bonate L. J. K. Portuguese Colonialism and Islamic Law in Northern Mozambique // *Islamic Africa*. 2010. Vol. 1, №2. P. 165–187.
- [7] Machaqueiro M. Ambivalent Islam: The Identity Construction of Muslims under Portuguese Colonial Rule // *Social Identities*. 2012. Vol. 18, №1. P. 39–63.
- [8] Constituição da República de Moçambique (2004) – Constituição da República, Maputo, 2004 (Artigo 4: “O Estado reconhece os diferentes sistemas jurídicos e suas instituições, nomeadamente o direito costumeiro...”).

References:

- [1] Coissoro N. African Customary Law in the Former Portuguese Territories, 1954–1974 // *Journal of African Law*. 1984. Vol. 28, №1–2. P. 72–79.
- [2] O’Laughlin B. Class and the Customary: The Ambiguous Legacy of the Indigenato in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [3] Bastos F. L. Customary Law in Lusophone Africa (Angola, Guinea-Bissau and Mozambique) // *Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa*. 2019. Vol. 60, №1. P. 55–75.
- [4] O’Laughlin B. The Ambiguous Legacy of the “Indigenato” in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [5] Mendy P. K. Portuguese Guinea: Dynamics of Decolonization, 1945–1974. Bloomington: Indiana University Press, 2019.
- [6] Bonate L. J. K. Portuguese Colonialism and Islamic Law in Northern Mozambique // *Islamic Africa*. 2010. Vol. 1, №2. P. 165–187.
- [7] Machaqueiro M. Ambivalent Islam: The Identity Construction of Muslims under Portuguese Colonial Rule // *Social Identities*. 2012. Vol. 18, №1. P. 39–63.
- [8] Constituição da República de Moçambique (2004) – Constituição da República, Maputo, 2004 (Artigo 4: “O Estado reconhece os diferentes sistemas jurídicos e suas instituições, nomeadamente o direito costumeiro...”).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-142-145

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
Аспирант Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Автор в своей статье исследуются проблемы, возникающие при правовом регулировании международных смешанных перевозок.

Главная трудность заключается в острой необходимости соблюдать как российские нормы, так и законодательство стран, с которыми заключены различные торговые соглашения или же договора.

Эта задача особенно актуальна при работе с государствами, где имеется существенное различие, в частности правовые и культурные традиции существенно отличаются от российских.

Кроме того, необходимо учитывать возможные форс-мажорные обстоятельства, которые могут привести к убыткам, ущербу и не запланированным затратам в плане временных и финансовых ресурсов, при этом по независящим от сторон причинам техногенного и природного иного характера (стихийные бедствия, социальные потрясения, революции).

Правовое регулирование таких ситуаций осложняется нестандартным международным характером логистических операций.

Ключевые слова: мультимодальная логистика, международная конвенция, международное соглашение, груз, транспорт, законодательство, сервис, услуга, торговля, экспорт, импорт, автомагистраль, техника, сотрудничество, государство, дилемма, экономика, корпорации, закон.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate Student,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

ON THE LEGAL FRAMEWORK FOR INTERNATIONAL MULTIMODAL TRANSPORT: PROBLEMATIC ASPECTS AND SOLUTIONS

Annotation. In this article, the author examines the problems arising in the legal regulation of international multimodal transport.

The main difficulty lies in the urgent need to comply with both Russian regulations and the laws of countries with which various trade agreements or treaties have been concluded.

This task is especially relevant when working with countries with significant differences, in particular legal and cultural traditions that differ significantly from those of Russia.

Furthermore, it is necessary to consider possible force majeure circumstances that could lead to losses, damages, and unplanned expenditures in terms of time and financial resources, especially for reasons beyond the control of the parties, be they man-made or natural (natural disasters, social upheavals, revolutions). Legal regulation of such situations is complicated by the non-standard international nature of logistics operations.

Key words: multimodal logistics, international convention, international agreement, cargo, transport, legislation, service, trade, export, import, highway, technology, cooperation, government, dilemma, economics, corporations, law.

Наряду с вышеуказанным следует провести анализ принципов работы смешанных перевозок на примере государств, с которыми осуществляются различные, на основе договоров смешанные прямые перевозки, к примеру актуально рассмотреть российско-китайские торговые и финансовые операций.

Актуально отметить, что международные перевозки сегодня – одна из наиболее сложных и дорогостоящих форм международного сотрудничества. Российские компании, осуществляющие экспортные перевозки, сталкиваются с рядом проблем, включая:

- 1) Несоблюдение международных конвенций по транспортировке грузов.
- 2) Высокие транспортные расходы, особенно на эксплуатацию техники.
- 3) Значительно более высокие транспортные налоги за рубежом по сравнению с российскими, при схожем уровне сервиса.
- 4) Наличие в зарубежных странах современных систем контроля на автомагистралях, фиксирующих нарушения правил дорожного движения.

Далее углубимся в то, как изменения в налоговом законодательстве повлияли на экспортно-импортные операции российских промышленных компаний. Последние статистические данные свидетельствуют о том, что более 80% экспортных грузов подвергаются многоэтапной проверке, что обусловлено существенными изменениями в требованиях к соответствию товаров государственным стандартам КНР.

Также наблюдаются значительные расхождения в таможенном режиме для товаров, ввозимых в Россию без пошлин, и их иностранных аналогов.

Вследствие этого Россия становится не только поставщиком собственной продукции, но и важным транзитным звеном для импортных товаров.

При этом нельзя недооценивать значение транспортных сетей, которые, соединяя все уголки страны, поддерживают ее территориальную целостность и единство экономического пространства.

Согласно Транспортной стратегии РФ до 2030 года, утвержденной Правительством, транспортные коммуникации играют роль связующего звена между Россией и миром, формируя материальную основу для внешнеэкономической деятельности и интеграции в глобальную экономику.

Таким образом, транспортная система стимулирует экономическое развитие, повышает конкурентоспособность национальной экономики и улучшает качество жизни граждан.

Кроме того, соединяя все уголки страны, посредством транспортных путей, являются залогом ее территориальной целостности и единого экономического пространства.

В соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Правительством РФ, транспортные коммуникации служат связующим звеном между Россией и мировым сообществом, формируя материальную основу для развития внешнеэкономических связей и интеграции в глобальную экономическую систему, в связи с этим транспортная система способствует экономическому росту, повышению конкурентоспособности национальной экономики и улучшению качества жизни и материального состояния граждан в стране.

Эффективное управление транспортными операциями на всех этапах имеет первостепенное значение.

Эта задача становится проще, когда заинтересованные стороны грамотно используют правовые механизмы, в частности, договор перевозки грузов в прямом смешанном сообщении.

Договор перевозки в прямом смешанном сообщении является самостоятельным видом гражданско-правового договора в сфере транспортных услуг.

Его суть заключается в том, что перевозчики, применяющие не менее двух видов транспорта, принимают на себя обязательство по доставке груза от отправителя к получателю, а отправитель обязуется произвести оплату за оказанные услуги. Заключение данного договора подтверждается выдачей единой транспортной накладной, которая сопровождает груз на всем протяжении его транспортировки и передается получателю вместе с грузом.

Данная накладная выполняет функцию товаросопроводительного документа и является письменным доказательством заключения договора и его условий.

Несмотря на внешнее сходство с обычным договором перевозки, договор в прямом смешанном сообщении имеет свои особенности. Анализ правового регулирования показывает наличие существенных пробелов.

Статья 788 Гражданского кодекса РФ предписывает согласованность действий перевозчиков при мультимодальных перевозках, предполагая наличие специального закона о прямых смешанных перевозках.

Однако этот закон до сих пор не принят. Осознавая уникальность прямых смешанных перевозок, законодатель признал необходимость

его разработки, поскольку существующие транспортные кодексы (в частности, глава 5 УЖТ РФ и глава 8 КВБТ РФ) не способны адекватно урегулировать все аспекты данного вида перевозок.

Действующие нормы часто содержат неоднозначные или противоречивые положения относительно организации, порядка выполнения и ответственности сторон.

Принятие отдельного закона призвано устранить эти пробелы и обеспечить единообразие правового регулирования.

При рассмотрении вопросов правового регулирования международных смешанных перевозок и мер по улучшению регуляторной деятельности, следует обратить внимание на следующие аспекты:

1. Экономическая целесообразность управления транспортными процессами в России (с середины 1990-х годов по настоящее время).

Россия традиционно играла важную роль как транзитный коридор для европейских стран, способствуя развитию торговых и экономических связей с крупными рынками.

2. Факторы, стимулирующие и совершенствующие развитие и дальнейшее укрепление международной торгово-экономической деятельности.
3. Развитие международной коммерческой деятельности, которое стало возможным благодаря сформированной системе, обеспечивающей управление бизнес-процессами, опирающееся на международные соглашения, а не исключительно на внутреннее законодательство. К числу важнейших документов относятся следующие:
 - Венское соглашение: Определяет порядок осуществления международных перевозок грузов, используя общепринятые международные нормы.
 - Варшавская конвенция 1989 года: Сформировала базис для урегулирования мультимодальных перевозок между Россией и странами Европы.
 - Пекинский торгово-экономический договор 2003 года (с внесенными позднее корректировками): Ключевой документ, определяющий структуру торгово-экономических взаимоотношений.

Каждые шесть месяцев на встречах глав правительств и представителей торгово-промышленных палат происходит анализ и корректировка положений, касающихся применения торгово-экономических принципов в странах, имеющих особые торговые соглашения.

Ответственность российских и китайских компаний: Российские и китайские торговые и производственные компании несут ответственность за полную стоимость груза.

При этом, как и в других развитых странах, транспортные компании отвечают в объеме, соответствующем потребностям логистической системы, управляющей грузоперевозками как внутри страны, так и за ее пределами.

Основной причиной роста тарифов на международные перевозки являются высокие таможенные сборы, как внутри страны, так и на границе.

Окончательная стоимость товаров вычисляется посредством всестороннего анализа коммерческих и финансовых аспектов.

Для эффективного разрешения юридических вопросов, возникающих при международных мультимодальных перевозках, следует использовать систему внутренних приоритетов, принимая во внимание альтернативные расходы, обусловленные исполнением всех обязательств перед клиентом.

Современные методы сотрудничества в России с иностранными коллегами основываются на принципах взаимного уважения и принятия во внимание потребностей каждой из участвующих сторон.

На основании вышеуказанного целесообразно отметить, что в качестве путей и методов решения проблем в сфере мультимодальных перевозок, судебные разбирательства не всегда оказываются эффективным инструментом для решения структурных проблем в сфере международных перевозок. Для более действенного контроля и регулирования требуется применение внутренних механизмов управления.

В связи с возросшим объемом грузопотоков были созданы специализированные службы контроля, основная задача которых – обеспечение бесперебойной транспортировки грузов.

Российское законодательство в этой области остается неизменным, поскольку сама структура международных мероприятий не претерпела искажений.

Список литературы:

- [1] Ананьева А. А. О юридической конструкции договора перевозки груза в прямом смешанном сообщении // Юрид. мир. 2016. № 3. С. 51-54.
- [2] Бутакова Н.А. Особенности правового регулирования мультимодальных перевозок // Юрист. 2013. № 17. С. 45-49.
- [3] Бутакова Н. А. Роль и значение договора в регулировании отношений мульти-модальной перевозки // Гражданское право. 2014. № 1. С. 30-33.

[4] Касаткина А.С. Особенности правового регулирования международных мультимодальных перевозок // Законодательство и экономика. 2014. № 2.С. 69-79.

[5] Романова А.С. Понятие мультимодальной перевозки груза: сравнительно-правовой аспект // История гос-ва и права. 2013. № 22. С. 36, 37.

References:

[1] Ananyeva A. A. On the legal construction of the contract for the carriage of goods in direct mixed communication//Jurid. world. 2016. № 3. S. 51-54.

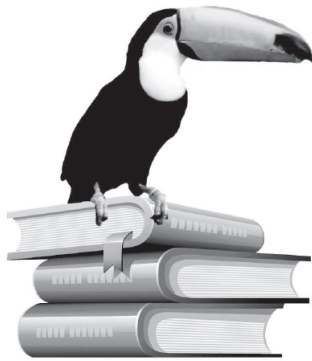
[2] Butakova N.A. Features of legal regulation of multimodal transportation//Lawyer. 2013. № 17. S. 45-49.

[3] Butakova N. A. The role and significance of the contract in regulating relations of multi-modal transportation//Civil law. 2014. № 1. S. 30-33.

[4] Kasatkina A.S. Features of the legal regulation of international multimodal transport//Legislation and economics. 2014. NO. 2.S. 69-79.

[5] Romanova A.S. The concept of multimodal transportation of goods: a comparative legal aspect// History of the state and law. 2013. № 22. S. 36, 37.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-146-155

ВАЛЕВСКАЯ Ангелина Анатольевна,
доцент, кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
доцент кафедры гражданского права, Саратов,
e-mail: valevskaya_27@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА, ЕГО СУЩНОСТИ (ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ) В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию корпоративного договора, актуальности научного анализа исторических предпосылок появления такового в российском законодательстве. Обосновано: в качестве социально-правовой обусловленности возникновения в российской правовой системе, данного договора признана необходимость урегулирования на определенном этапе исторического развития гражданско-правовых отношений, возникающих в хозяйственных обществах, признанных впоследствии корпорациями, как и потребность разрешения актуальных проблем в сфере управления. В статье отмечено: в качестве исторических предпосылок появления национального института «корпоративный договор» признано применение данной договорно-конструктивной в зарубежных правовых порядках, развивающееся иностранное инвестирование, заключение международных соглашений, необходимость обеспечения надлежащей защиты в таковых условиях корпоративных прав, денежных обязательств; признание корпоративных по существу договоров в судебном порядке в качестве недействительных. В результате названных и иных исторических предпосылок, закономерностей, тенденций российская действительность, предпринимательское сообщество остро нуждались в регламентации корпоративного договора, который после его включения в систему поименованных гражданско-правовых договоров позволил урегулировать многоаспектные отношения в хозяйственных обществах (корпорациях). Обосновано: исторические по существу (правовой природе) корпоративный договор – гражданско-правовое фидуциарное соглашение, в соответствии с которым стороны договора, на основании личного волеизъявления, качеств добросовестности и честности, справедливости и порядочности в отношениях, включают в структуру корпоративного правоотношения процессы и явления, способствующие совершенствованию правоотношений, обеспечению контроля за деятельностью корпорации, надлежащей защиты корпоративных прав и интересов всех заинтересованных.

Ключевые слова: договор, сделка, корпоративный договор, предпринимательская (иная экономическая) деятельность, исторические предпосылки, социально-правовая обусловленность, российское законодательство, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, сущность (правовая природа), фидуциарный характер.

VALEVSKAYA Angelina Anatolyevna,
associate Professor, candidate of Legal Sciences,
Saratov State Law Academy, associate Professor
of the Department of Civil Law, Saratov

HISTORICAL BACKGROUND OF THE CORPORATE AGREEMENT, ITS ESSENCE (LEGAL NATURE) IN RUSSIAN LAW

Annotation. The article is devoted to the study of the corporate contract, the relevance of the scientific analysis of the historical prerequisites for the appearance of such in Russian legislation. Substantiated: as a socio-legal condition for the emergence of this agreement in the Russian legal

system, the need to regulate at a certain stage of the historical development of civil law relations arising in business entities subsequently recognized by corporations, as well as the need to resolve urgent problems in the field of management, is recognized. The article notes: as the historical prerequisites for the emergence of the national institution "corporate contract," the use of this contractual structure in foreign law and order, developing foreign investment, the conclusion of international agreements, the need to ensure proper protection of corporate rights and monetary obligations in such conditions are recognized; recognition of corporate contracts in court as invalid. As a result of these and other historical prerequisites, patterns, trends, Russian reality, the business community were in dire need of regulating the corporate contract, which, after its inclusion in the system of named civil law contracts, made it possible to regulate multifaceted relations in business companies (corporations). Substantiated: in essence (legal nature), a corporate contract is a civil fiduciary agreement, according to which the parties to the contract, on the basis of personal will, qualities of good faith and honesty, fairness and decency in relations, include in the structure of corporate legal relations processes and phenomena that contribute to improving legal relations, ensuring control over the activities of the corporation, proper protection of corporate rights and interests of all interested parties.

Key words: *contract, transaction, corporate contract, entrepreneurial (other economic) activity, historical background, social and legal condition, Russian legislation, joint stock company, limited liability company, essence (legal nature), fiduciary character.*

I. Введение (Introduction).

Конституция РФ [15] (ч. 1 ст. 8) свидетельствует, что одной из юридических гарантий, включенных в фундаментальную основу российского конституционного строя, выступают права и свободы индивида, предпринимательская, другая экономическая деятельность (как важнейшие элементы свободы в сфере экономической деятельности и национальной системы сферы экономики) [29, с.179], баланс которых, по правовой позиции Конституционного Суда РФ [24] обязан поддерживать законодатель, отражая возможность их фактической реализации в источниках российского права.

Особое значение имеет ст. 1 ГК РФ [8], в соответствии с которой, физические и юридические лица обладают правом приобретать и осуществлять гражданские права и юридические обязанности в соответствии с личным волеизъявлением, собственным интересом, на основании гражданско-правовых договоров, систему которых с 2014 г. [37] составляет корпоративный договор (ст. 62.7 ГК РФ). Данное соглашение объединило в своем юридическом содержании существующие в российском праве акционерные соглашения, как и договоры в сфере осуществления гражданских прав в обществах с ограниченной ответственностью. Закрепление в Гражданском кодексе РФ данной договорной конструкции имеет систему исторических предпосылок и закономерностей [21], обуславливающих генезис данной институции и на современном этапе развития российского права в направлении возможностей у членов корпораций (хозяйственных обществ) совершить соглашения, направленные на возникновение прав и юридических обязанностей у участников общества.

Актуальность настоящего исследования обусловлена особым значением научного анализа исторических предпосылок генезиса активно развивающегося на современном этапе корпоративного договора, поскольку «...в глубине прошлого лежит зерно законодательства, которому мы повинемся...» [39, с.205]. Исторические предпосылки развития данного договора отражают, соответственно, цепь закономерностей, тенденций, обусловивших современное состояние договорной конструкции, ее истинную сущность (правовую природу), что ценно для последующего прогрессивного развития данной институции.

II. Литературный обзор (Literature Review).

Основной пласт научных исследований в правовой сфере корпоративного договора в отечественной науке датируются, начиная с 2000-х годов, в особенности, - после включения данного соглашения в Гражданский кодекс РФ. Легальное появление данной договорной конструкции в национальном законодательстве и, соответственно, - в правоприменительной практике, способствовали последующему развитию данного направления цивилистической мысли, отражающего научную оценку юридического явления «корпоративный договор» (в генезисе) и современную актуальную проблематику. Вопросы правового регулирования корпоративного договора, истории его возникновения, оснований социально-правовой обусловленности совершенствования данных отношений освещены в российском научном сообществе многими его представителями: А.А. Клячиным [13] и Е.Ю. Руденко [28], М.В. Леус [16] и С.И. Ковалевым [14], Е.В. Федюкович [38] и Н.О. Мироновой [19], другими российскими исследователями.

Корпоративный договор, предпосылки его проникновения в отечественную цивилистику

нашли отражение в научных исследованиях диссертационного уровня (С.П. Степкин (2011 г.) [31], Т.В. Грибкова (2011 г.) [9], М.С. Варюшин (2015 г.) [5], В.Г. Бородкин (2015 г.) [3], К.О. Осипенко (2015 г.) [20], ряд других российских ученых).

III. Материалы и методы (Materials and methods).

Возникновение и становление корпоративного договора в мировом пространстве происходило на протяжении длительного исторического периода генезиса государства, права, юридической мысли, начиная 1) с соглашений, совершаемых с целью внедрения договора займа в созданных в древнегреческих государствах-городах, и 2) с соглашений храмов, как прообразов учреждений кредитной системы, предусмотренных в Законах Хаммурапи Старого Вавилона в форме объединения граждан, обладающих правом на принятие самостоятельного решения по определенному вопросу, до корпоративных сделок, отвечающих всем признакам гражданско-правового договора, совершаемых корпоративными организациями, действующим на основании соответствующих правовых норм действующего национального закона.

Исторические источники также свидетельствуют: корпоративные организации, как один из факторов развития национального предпринимательства и условие устойчивости общества, государства [14, с.234], эволюционно возникнув в странах общего права (в Англии и в США) в середине XIX в. в связи с дефицитом универсальных организационно-правовых форм реализации предпринимательской деятельности, равно, как и в связи с консервативностью судов, не признающих права респондентов акционерного сообщества, урегулированных договором [16, с.125], получили генезис на Руси, начиная с принятого Земским собором Соборного Уложения 1649 г. [30], впоследствии - Указа Петра I 1699 г. «О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному провинциальному городу, и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы» [32].

Развитие корпоративного договора нашло определенное (не детальное) отражение в последующих Указах Петра I: № 2327 от 2 марта 1711 г. «О предоставлении права заниматься торговлею людям всякого звания» [33] и № 4349 от 8 ноября 1723 г. «О заведении компании китовой ловли и о приеме в оную иностранцев наравне с русскими» [34], предписывающих «купецким людям», посредством совершения сделок (по - сущности – корпоративных договоров) определенные нормативные

правила торговли имуществом, равно, как и различными компаниями, «как торгуют иноземные коммерсанты» [4, с.84].

Историческая предопределенность последующего внедрения корпоративного договора в российскую правовую систему обусловлена:

- принятием Александром I 1 января 1807 г. Манифеста [17], предусматривающего возможность учреждения купцами организаций (в современном понимании - корпоративного типа) в форме товарищества: 1) полного; 2) на вере, 3) по участкам, характеризующегося складочным уставным капиталом, что способствовало развитию корпоративного права, появлению первых акционерных обществ (1830 г.) и соответствующего правового регулирования, в том числе, в сфере многоаспектных соглашений;
- вступлением в юридическую силу Положения Комитета министров «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы» от 10 июня 1830 г. [22] и Положения от 6 декабря 1836 г. «О товариществах или компаниях на акциях» [23], выступившего впоследствии элементом Свода законов Российской Империи [12, с.12], многие гражданско-правовые положения которого впоследствии включены в кодифицированные акты советского законодательства [6] [7]. Так, в соответствии с разд. 10 «Товарищество» Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., подразд. 5 «Акционерное общество (паевое товарищество)» включал сорок пять статей, отражающих позицию отечественного законодателя о правовом статусе акционерных обществ, равно, как и правилах совершения данными организациями различных сделок в сфере цивилистики.

К историческим предпосылкам развития корпоративного договора в российском праве представляется возможным отнести факты совершенствования государственного управления в сфере экономики, что нашло отражение в принятом 30 июня 1987 г. Законе СССР № 7284-IX «О государственном предприятии (объединении)» [10] и в Положении о Государственном производственном объединении от 23 сентября 1987 г. [25], которые предусматривали особенности правового статуса предприятий (объединений), их классификацию, полномочия, включая возможность совершения различных сделок, в том числе, которые по своей сущности (правовой природе) представляется возможным отождествить с корпоративными договорами. Так, на основании ст. 2 Закона СССР под № 7284-IX, предприятие (объединение), в соответствии с личным согласованным волеизъявлением участников, самостоятельно разрабатывает, утверждает планы профессиональной деятельно-

сти, заключает различные договоры, принимая во внимание государственные заказы и контрольные цифры, как и научно - обоснованные нормативы, установленные лимиты и потребительские заказы.

В отсутствии отечественного правового механизма корпоративного договора, представители предпринимательского сообщества, с целью совершения такового, избирали преимущественно следующий «механизм» осуществления корпоративных правоотношений: включение в условия договоров положений, применяемых в зарубежных правовых порядках (преимущественно – в странах общего права (английского или шведского)), либо учреждение компаний (по сути – корпоративных организаций) в офшорных зонах для включения в договорные корпоративные правоотношения иностранного субъекта и совершения, в указанной связи, корпоративного соглашения, регулируемого иностранным правом.

Внедряемая подобным образом, в соответствии с гражданско-правовым принципом свободы договора (ст.421 ГК РФ), в отечественную практику конструкция корпоративного договора, в отсутствии нормативного закрепления таковой договорной конструкции, обуславливала отсутствие непротиворечивого мнения в отношении его сущности (правовой природы), единства национальной судебной практики его применения [1, с.157] и как следствие, - признание судами соответствующих сделок в качестве недействительных [26] [27].

На основании указанных исторических предпосылок, профессиональное (предпринимательское) сообщество и российское общество, в целом, остро нуждались в четком законодательном механизме совершения (изменения и прекращения действия) в хозяйственных обществах корпоративных соглашений (по сути – «shareholders agreements»), посредством которых определяется четкий алгоритм корпоративного управления, отражается спектр юридически-значимых прав и соответствующих юридических обязанностей, увеличивается фактическое влияние экономически - сильных субъектов правоотношений.

Прогрессивным явлением в современной России в направлении развития корпоративного права и корпоративного договора представляется возможным признать следствие обозначенных исторически обусловленных предпосылок, отразившихся в ст. 32.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [35] и в ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» [36], в соответствии с которыми, данные организации получили право на заключение корпоративных договоров, предусматривающих легальный порядок реализации корпоратив-

ных по сущности гражданских прав, соответствующих юридических обязанностей, что явилось основанием для включения в содержание Гражданского кодекса РФ (часть первая) новой статьи 67.2 «Корпоративный договор».

Обозначенная законодательная позиция, как и отраженный выше компромисс нашел проявление в правовом регулировании требований, предъявляемых к сторонам корпоративного договора, к его предмету, к положениям о раскрытии информации по корпоративному договору и о распространении условий договора на третьих лиц, о возможности признания в качестве недействительных актов общего собрания, в которых констатируется несоответствие с принятыми договорными условиями, отсутствует корреляция положений устава и корпоративного договора, пр. [19, с.278].

В современном российском праве корпоративный договор – соглашение, значительно отличающееся от иных видов гражданско-правовых договорных конструкций, поскольку подлежит совершению участниками корпоративной организации, способствуя, тем самым, возможности выразить единое волеизъявление в отношении прав, обязанностей, роли каждого из них в предпринимательской (иной экономической) деятельности корпорации, о процедуре прекращения корпоративных отношений. Участники корпорации вправе заключить таковой гражданско-правовой договор и с кредиторами, и с другими третьими лицами, обладающими законным интересом (для защиты которого и совершается корпоративный договор). Подобное соглашение, при этом, не создает абсолютно новых корпоративных, других субъективных гражданских прав, не отраженных нормативно либо в соответствующем уставе, а призван к четкой конкретизации корпоративных гражданских прав, позволяя, тем самым, согласовать действия (бездействие) в конкретных обстоятельствах.

В результате изложенных исторических предпосылок, посредством которых легализован отечественный институт корпоративных договоров, действующий в акционерном обществе, как и в обществе с ограниченной ответственностью, был институционализирован отечественный корпоративный договор в форме соглашений лиц (субъектов корпоративной организации) в направлении голосования («stimmbindungsvertrag», «voting agreement»), как и соглашений, отражающих другие вопросы, в частности, об ограничении права в отношении распоряжения ценными бумагами (акциями) («poolverträge», «pooling agreements»), что соответствует российским закономерностям и тенденциям, действующим на современном этапе в континентальном праве.

Дефиниция и сущность (правовая природа) корпоративного договора, претерпевающие изменения по мере исторического развития российского права, в современной интерпретации (ст.67.2 ГК РФ), в результате, объединяет в своем содержании положения о предусмотренных на прежнем этапе развития законодательства акционерных соглашениях и договорах по осуществлению прав участников в обществах с ограниченной ответственностью. При этом, ввиду специфических особенностей данного гражданско-правового договора, остается дискуссионным вопрос о его истинной сущности (правовой природе), что объясняется, в том числе, историческими предпосылками появления такового в российском праве и особенностями национальной правовой системы. По утверждению С.А. Зинченко, «под тенью» гражданско-правового договора, как юридического термина, в исследуемом соглашении усматривается четкое управленческое решение участников корпорации, имеющее направленность на фиксацию определенных правил реализации управленческих прав [11, с.26]. Е. Ю. Руденко полагает: использование в конструкции корпоративного договора категории «договор» - условно, поскольку корпоративный договор необходимо рассматривать посредством призмы формы данного гражданско-правового соглашения, то есть, - по мнению ученого, - правовая категория «договор» в конструкции «корпоративный договор» характеризуется в наибольшей степени не юридическим, а сугубо морфологическим содержанием [28, с.5].

В научном сообществе сформированы иные позиции в отношении сущности (правовой природы) корпоративного договора в современном праве.

Представляется: принимая во внимание исторические предпосылки появления и развития в российском праве корпоративного договора, целесообразно признать данную сделку специфическим гражданско-правовым фидуциарным соглашением, предусматривающим фактическую (легальную) возможность регулирования на гражданско-правовой договорной основе отношений в сфере гражданских прав категории корпоративных (в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах), поскольку, на основании таковой особой сделки, стороны договора принимают гражданско-правовые обязательства по реализации (воздержанию от таковой) определенных корпоративных прав соответствующим образом (голосование, осуществление прочих юридически-значимых актов в сфере корпоративных отношений, например, купля-продажа (воздержание от купли-продажи) доли в уставном капитале по согласованной цене либо при наличии определенных юридических фактов. Фидуци-

арная сущность (правовая природа) корпоративного договора, обусловленная историческими предпосылками, подтверждается наличием доверительных (фидуциарных) отношений между субъектами (сторонами) корпоративного договора, основа которых – добросовестность, честность, справедливость, порядочность контрагентов, уверенность в таковых качествах при осуществлении соответствующих гражданско-правовых обязательств.

Данная позиция поддержана в российском научном сообществе [2].

История корпоративного договора в российском праве имеет, соответственно, по сравнению с зарубежным корпоративным опытом незначительный период: соглашение, имеющее определенную тождественность с корпоративным договором, появилось в XVII в. с принятием Соборного Уложения 1649 г., получив развитие в XVIII вв., в соответствии с Указами Петра I. Названный исторический период характеризуется учреждением первых форм национальной предпринимательской деятельности (простые товарищества, артели, товарищества на вере), предписаниями в отношении осуществления согласованной торговой деятельности и реализации единого (общего) налогового бремени, что способствовало развитию национального предпринимательства и институции корпоративного договора, генезису фидуциарных гражданско-правовых корпоративных отношений.

Социально-правовая обусловленность последующего генезиса в российском праве корпоративного договора, проявления фидуциарной сущности такового в современном понимании («shareholders agreements») связана с 1) активизирующимся в исторический период конца XIX – начала XX в. проникновением в российскую экономику иностранного капитала, 2) отсутствием необходимого правового регулирования корпоративных отношений, 3) обеспечением судебной защитой со стороны государства исключительно соглашений, развивающих действующее законодательство.

При этом, необходимо признать: при формировании гражданско-правовых законоположений о корпоративном договоре российским законодателем был принят во внимание наиболее ценный зарубежный опыт, как англо-саксонского (страны общего права), так и романо-германского (государства континентального права) права, отражен прогрессивный по сущности компромисс, учитывающий значительные особенности российского права.

В статье нашли применение нижеследующие научные методы: 1) общенаучные методы (исторический, логический, обобщение, классификация, аналогия, анализ, синтез, формализа-

ция; 2) метод исторического материализма, предполагающий применение к научному исследованию корпоративного договора основных принципов в сфере диалектики, многоаспектных правовых явлений в соотношении и, в целом, с исследуемыми правоотношениями; 3) специальные научные методы, свойственные правовой науке, в частности, - формально-догматический, позволяющий осуществить описание правовых норм, различных способов сферы толкования, признаков многих явлений и процессов, принципов права, классификаций, сущности (правовой природы)).

Данные научные методы позволили указать на исторические предпосылки появления и развития в российском праве корпоративного договора, осуществив научный анализ теоретических, как и практических аспектов исследуемых явлений и процессов, обозначив возможные перспективы в осмыслении сущности (правовой природы) данного договора.

IV. Результаты (Results).

1. Особое место в регламентации рассматриваемого договорного инновационного механизма (корпоративный договор), как и других договоров сферы цивилистики, в Российской Федерации принадлежит Гражданскому кодексу РФ, в котором, посредством рецепции зарубежного законодательства и достижений отечественных правовых реформ сформирована система современных договорных конструкций, включающая корпоративный договор.
2. Возникновение и становление корпоративного договора в мировом пространстве происходило на протяжении длительного исторического периода генезиса государства, права, юридической мысли, начиная 1) с соглашений, совершаемых с целью внедрения договора займа в созданных в древнегреческих государствах-городах, и 2) с соглашений храмов - прообразов кредитных учреждений, предусмотренных в Законах Хаммурапи Старого Вавилона в форме объединения граждан, обладающих правом на принятие самостоятельного решения по определенному вопросу, до корпоративных сделок, отвечающих всем признакам гражданско-правового договора, совершаемых корпоративными организациями, действующим на основании соответствующих правовых норм национального закона.
3. Корпоративные организации, как один из факторов развития отечественного предпринимательства и условие устойчивости государства и общества, эволюционно возник-

нув в странах общего права в середине XIX в. в связи с дефицитом универсальных организационно-правовых форм реализации предпринимательской деятельности и с консервативностью судов, не признающих акционерные права, урегулированные договором, получили развитие в отечественном праве, начиная с Соборного Уложения 1649 г., Указов Петра I 1699, 1711, 1723 гг., Манифеста Александра I от 1 января 1807 г., Положения Комитета министров «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы» от 10 июня 1830 г. и Положения от 6 декабря 1836 г. «О товариществах или компаниях на акциях», впоследствии вошедших (наиболее прогрессивные) в Свод законов Российской Империи.

4. Истоки корпоративного договора нашли определенное отражение на советском этапе российской государственности (Гражданские кодексы 1922, 1965 г. г, Закон СССР 1987 г. № 7284-IX «О государственном предприятии (объединении)», Положение о Государственном производственном объединении от 23 сентября 1987 г., ряд других нормативных правовых актов).
5. Систему последующих исторических предпосылок регламентации корпоративного договора (в отсутствии отечественного правового механизма корпоративного договора) составили: генезис корпоративного договора в иностранных правовых порядках; включение в условия договоров положений, применяемых в зарубежных правовых порядках (преимущественно – в странах общего права (английского или шведского)); учреждение в России компаний (по сущности – корпоративных организаций) в офшорных зонах для включения в корпоративные правоотношения иностранного субъекта и совершения, в указанной связи, корпоративного соглашения, регулируемого иностранным правом; противоречивость мнения в отношении его сущности (правовой природы); отсутствие единства судебной практики и как следствие, - признание корпоративных сделок недействительными; невозможность урегулирования всех юридических связей учредительными документами.
6. Прогрессивное явление - включение в Гражданский кодекс РФ ст. 67.2. «Корпоративный договор», внесение изменений в Федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах», на основании которых хозяйственные общества получили право на соверше-

ние корпоративных договоров, предусматривающих порядок реализации корпоративных прав, юридических обязанностей.

7. Ввиду дискуссионности в научном сообществе в отношении истинной сущности (правовой природы) корпоративного договора, обосновано: специфические особенности данного гражданско-правового договора, исторические предпосылки его появления в российской правовой системе обуславливают понимание его фидуциарной сущности, предполагающей добросовестность и честность, справедливость и порядочность в отношениях контрагентов, уверенность в таковых качествах друг друга при осуществлении соответствующих гражданско-правовых корпоративных обязательств.

V. Обсуждение (Discussions).

Рассматриваемая договорная конструкция представляет значительный интерес у законодателя, как и у представителей научного сообщества.

Как отмечено М.В. Леус, национальные тенденции генезиса корпоративного договора, как важнейшего регулятора в сфере корпоративных отношений, обусловлены мировыми корпоративными процессами, происходящими, в частности, в США и в Англии в исторический период 40 гг. XIX в. В указанный исторический период корпоративные соглашения выступали в качестве особых учредительных сделок организаций акционерного типа (акционерных товариществ), предусматривающих размер уставного капитала (дивидендов). Ученым отмечено: после внедрения корпоративного договора в правовую систему других государств, включая романо-германскую правовую систему, в которую входит российская правовая система, расширена свобода в сфере корпоративного управления в хозяйственных обществах, равно, как и усовершенствовано регулирование правовых связей друг с другом. Потребность включения в систему поименованных гражданско-правовых договоров корпоративного договора связана с тем фактом, что учредительные документы, отражающие правовой статус хозяйственных обществ, на определенном историческом этапе были не в состоянии урегулировать многоаспектные юридические связи его участников, а корпоративный договор, обеспечивая таковую возможность, как и диспозитивность гражданско-правового регулирования, позволил учесть в корпоративных отношениях уникальность таковых связей и их своеобразие, развивая корпоративные отношения [16].

К.О. Марасов отмечает: необходимость во включении института корпоративных договоров в

гражданское законодательство России связана, как с активным внедрением данной институции в иностранных правовых порядках, так и национальными практическими потребностями в таковом правовом урегулировании, ввиду, в том числе, того факта, что прогрессивное функционирование компаний находится в зависимости и от деловых качеств участников корпораций, равно, как и от их намерений, отраженных в различных гражданско-правовых договорах, включая корпоративный договор [18, с.63].

С научной позиции С.П. Степкина, необходимость последующего развития и нормативного закрепления корпоративного договора в современном российском праве продиктована системой факторов, к которым относится, в частности, увеличивающаяся численность сделок в сфере поглощения, равно, как и слияния (M&A), а также - острая потребность обеспечения защиты отечественных организаций от явления рейдерства, привлечение в отечественную экономику зарубежных инвестиций посредством совершения сделок с иностранными компаниями - инвесторами, различными мировыми тенденциями: в начале XX в. фактически все иностранные компании, как и организации с совместным капиталом и привлечением фондов прямых инвестиций в зарубежных странах заключали таковые гражданско-правовые соглашения, отражающие на коммерческой конфиденциальной основе волеизъявление об управлении компанией (общим бизнесом) [31, с.3].

VI. Заключение (Conclusions).

Договорная конструкция сферы цивилистики, возникшая в англо-саксонской правовой системе (семье), именуемая корпоративный договор, - успешный прогрессивный итог рецепции иностранного права в российскую правовую систему, в котором нашли отражение отдельные правовые особенности таковой системы и национальные тенденции, закономерности. Характеризуясь длительным историческим периодом генезиса, корпоративный договор в современном российском экономическом пространстве активно применяется между многочисленными контрагентами, выступая отличным правовым инструментом урегулирования отношений в предпринимательской (иной экономической деятельности). В России данный правовой инструмент появился в 2014 г., он регулируется Гражданским кодексом РФ, а также - другими актами отечественного законодательства.

История мирового и национального применения данного договора демонстрирует достаточно широкие юридические возможности корпоративного договора в регулировании различных

гражданско-правовых отношений. Посредством правовой конструкции корпоративного договора представляется возможным обеспечить контроль за предпринимательской (иной экономической) деятельностью, управлением, снизив ряд предпринимательских профессиональных рисков, корпоративных проблем и конфликтов, обеспечить защиту многоаспектных имущественных и неимущественных интересов участников хозяйственного общества и их контрагентов, иных физических и юридических лиц, государства, в целом, интересы которых касается предпринимательская деятельность корпорации.

Список литературы:

- [1] Белова И.Е. Юридические предпосылки закрепления корпоративного договора в российском праве // Образование и право. 2022. № 4. С.156-161.
- [2] Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 54–60.
- [3] Бородин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: автореф. дис. канд. юр. наук. 12.00.03. М., 2015. 31 с.
- [4] Ботанцов Д.В. Статус юридического лица Российской Империи в контексте развития правовых учений // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2023. № 1. С. 83-92.
- [5] Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: автореф. дис. канд. юр. наук. 12.00.03. М., 2015. 23 с.
- [6] Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 31 октября 1922 года // Собрание узаконений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 71. Ст.904.
- [7] Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 июня 1964 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст.406.
- [8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [9] Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений. 12.00.03. М., 2011. 26 с.
- [10] Закон Союза Советских Социалистических Республик от 30 июня 1987 г. № 7284-IX «О государственном предприятии (объединении)» // ВВС СССР. 1987. № 26. Ст.385.
- [11] Зинченко С.А. Акции (доли) хозяйственных обществ и корпоративный договор: правовая природа, взаимодействие // Гражданское право. 2015. № 1. С. 26.
- [12] Каплин С.Ю. Государственная корпорация как субъект права: автореф...канд. юр. наук. 12.00.01. Казань, 2011. 22 с.
- [13] Клячин А. А. Корпоративный договор как юридический факт // Экономист и право. 2015. № 11-12. С.156-161.
- [14] Ковалев С. И. История развития корпоративных отношений в России // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 233-235.
- [15] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ с учетом референдума 2020 г.) // РГ. 1993. 25 дек.
- [16] Леус М. В. История становления и развития правового регулирования корпоративного договора // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С.125-127.
- [17] Манифест от 1 января 1807 г «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» URL: <https://moluch.ru/archive/464/102041/> (дата обращения 15.05.2024).
- [18] Марасов К.О. Осуществление прав участников хозяйственных обществ при заключении и исполнении корпоративного договора: дис. канд. юр. наук. 12.00.03. М., 2020. 242 с.
- [19] Миронова Н. О. История и причины закрепления института корпоративного договора в международном частном праве // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 277-281.
- [20] Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве: автореф. дис. канд. юр. наук. 12.00.03. М., 2015. 43 с.
- [21] Осипова А.Е. Сущность и правовая природа корпоративного договора // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 420-423. URL: <https://moluch.ru/archive/464/102041/> (дата обращения 15.05.2024).
- [22] Положение Комитета министров от 1 июля 1830 г. «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы» // Свод законов Российской империи. Руниверс. Издание 1857—1868 гг.
- [23] Положение от 6 декабря 1836 г. «О товариществах или компаниях на акциях» // Свод законов Российской империи. Руниверс. Издание 1857—1868 гг.
- [24] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2

и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Российская газета. 2023. 28 апреля.

[25] Постановление Совета Министров СССР от 23 сентября 1987 г. № 1076 «Об утверждении положения о государственном производственном объединении» // СП СССР. 1987. № 47. Ст. 156.

[26] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 г. № Ф04-2109/2005(14105-A75-11) URL: <https://faszso.arbitr.ru/>. (дата обращения: 20.05.2024).

[27] Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 декабря 2006 г. по делу № А40-62048/06-81-343 URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/875421876> (дата обращения: 20.05.2024).

[28] Руденко Е. Ю. Правовая природа корпоративного договора в российском праве // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118(04). С. 1-11.

[29] Савенко Н.Е. Свобода экономической деятельности граждан в новых реалиях: многоаспектность категории // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 177–187.

[30] Соборное уложение 1649 г. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

[31] Степкин С.П. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений: автореф. дис. канд. юр. наук. 12.00.03. М., 2011.. 30 с.

[32] Указ Петра I от 27 октября 1699 г. «О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному провинциальному городу, и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы // ПСЗ-1. Т. III. № 1706.

[33] Указ Петра I от 2 марта 1711 г. «О предоставлении права заниматься торговлею людям всякого звания, о выморочных деревнях, и о наказании укрывающихся от службы: // ПСЗ-1. Т. IV. № 2327.

[34] Указ Петра I от 8 ноября 1723 г. «О заведении компании китовой ловли и о приеме в оную иностранцев наравне с русскими» // ПСЗ-1. Т. VII. № 4349.

[35] Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст.1.

[36] Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст.785.

[37] Федеральный закон от 25 апреля 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдель-

ных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 30 апреля.

[38] Федюкович Е.В. Корпоративное предпринимательство: экономические и организационные аспекты // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 8. С. 951–966.

[39] Фон Фейербах П. А. К критике философии Гегеля (1839): сборник: История философии. Собрание произведений в 2-х томах. Т. 1. М., 1995. 502 с.

References:

[1] Belova I.E. Legal prerequisites for the consolidation of the corporate contract in Russian law// Education and law. 2022. № 4. P.156-161.

[2] E.V. Bogdanov. Corporate contract as an agreement on collective exercise (non-exercise) of subjective corporate rights//Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 7. S. 54-60.

[3] Borodkin V.G. Civil Regulation of Corporate Contract: ref. dis. cand. jur. sciences. 12.00.03. M., 2015. 31 pp.

[4] Botantsov D.V. Status of a legal entity of the Russian Empire in the context of the development of legal teachings//Historical and legal problems: A new perspective. 2023. № 1. S. 83-92.

[5] M.S. Varyushin. Civil Law Regulation of Corporate Contracts: Comparative Analysis: Abstract. dis. cand. jur. sciences. 12.00.03. M., 2015. 23 pp.

[6] Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of October 31, 1922//Collection of legalizations of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. 1922. № 71. Article 904.

[7] Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of June 11, 1964//Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the RSFSR. 1964. № 24. Article 406.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[9] T.V. Gribkova. Shareholder agreements as a means of legal regulation of corporate relations. 12.00.03. M., 2011. 26 pp.

[10] Law of the Union of Soviet Socialist Republics of June 30, 1987 No. 7284-IX "On State Enterprise (Association)" //USSR Air Force. 1987. № 26. Article 385.

[11] Zinchenko S.A. Shares (stakes) of business entities and corporate contract: legal nature, interaction//Civil law. 2015. № 1. S. 26.

[12] Kaplin S.Y. State Corporation as a Subject of Law: Author... Cand. Jurassic sciences. 12.00.01. Kazan, 2011. 22 pp.

[13] Klyachin A. A. Corporate contract as a legal fact//Economy and law. 2015. № 11-12. P.156-161.

[14] Kovalev S.I. History of the development of corporate relations in Russia//Young scientist. 2021. № 50 (392). S. 233-235.

[15] The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ taking into account the 2020 referendum)//WG. 1993. Dec. 25

[16] Leus M.V. History of the formation and development of legal regulation of a corporate contract//Society: politics, economics, law. 2016. № 3. P.125-127.

[17] Manifesto of January 1, 1807 "On new benefits granted to merchants, differences, advantages and new ways to disseminate and strengthen trade enterprises" URL: <https://moluch.ru/archive/464/102041/> (date of appeal 15.05.2024).

[18] Marasov K.O. Exercise of the rights of members of business entities when concluding and executing a corporate agreement: dis. cand. jur. sciences. 12.00.03. M., 2020. 242 pp.

[19] Mironova N.O. History and reasons for the consolidation of the institution of a corporate contract in private international law//Young scientist. 2020. № 49 (339). S. 277-281.

[20] Osipenko K.O. Agreement on the exercise of the rights of members of business entities in Russian and English law: ref. dis. cand. jur. sciences. 12.00.03. M., 2015. 43 pp.

[21] Osipova A.E. Essence and legal nature of a corporate contract//Young scientist. 2023. № 17 (464). S. 420-423. URL: <https://moluch.ru/archive/464/102041/> (date of contact 15.05.2024).

[22] Regulation of the Committee of Ministers of July 1, 1830 "On the company established in Little Russia for the extraction of sugar from beets"//Code of Laws of the Russian Empire. Runivers. Edition 1857-1868.

[23] Regulation of December 6, 1836 "On Partnerships or Companies on Shares"//Code of Laws of the Russian Empire. Runivers. Edition 1857-1868.

[24] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 14-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen K.V. Matyushov"//Rossiyskaya Gazeta. 2023. April 28.

[25] Decree of the Council of Ministers of the USSR of September 23, 1987 No. 1076 "On approval of the regulation on the state production association"//SP of the USSR. 1987. № 47. Art. 156.

[26] Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District No. F04-2109/2005 (14105-A75-11) URL dated March 31, 2006: <https://faszso.arbitr.ru/>. (accessed on: 20.05.2024).

[27] Decision of the Arbitration Court of Moscow dated December 26, 2006 in case No. A40-62048/06-81-343 URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/875421876> (date of appeal: 20.05.2024).

[28] Rudenko E. Yu. Legal nature of the corporate contract in Russian law//Scientific journal KubSAU. 2016. № 118(04). S.1-11.

[29] Savenko N.E. Freedom of economic activity of citizens in new realities: multidimensional category//Bulletin of Tomsk State University. 2023. № 491. S. 177-187.

[30] Cathedral Code of 1649, Moscow Publishing House. university, 1961.

[31] Stepkin S.P. Civil regulation of shareholder agreements: ref. dis. cand. jur. sciences. 12.00.03. M., 2011.. 30 s.

[32] Decree of Peter I of October 27, 1699 "On the compilation by merchants, as in other states, of trading companies, on the schedule of cities for trade affairs in the provinces, with the subordination of small towns to the main provincial city, and on the reckoning of raznochintsy with crafts// PSZ-1 to settlements. T. III. NO. 1706.

[33] Decree of Peter I of March 2, 1711 "On granting the right to trade to people of all ranks, on dying villages, and on punishing those hiding from service ://. PSZ-1 V. IV. NO. 2327.

[34] Decree of Peter I of November 8, 1723 "On the establishment of a whale fishing company and on the admission of foreigners to it on a par with Russians"// PSZ-1. V. VII. NO. 4349.

[35] Federal Law No. 208-FZ "On Joint Stock Companies" dated December 26, 1995//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 1. Article 1.

[36] Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies"//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. Article 785.

[37] Federal Law of April 25, 2014 No. 99-FZ "On Amending Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and on Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation"//Rossiyskaya Gazeta. 2014. April 30.

[38] E.V. Fedyukovich. Corporate entrepreneurship: economic and organizational aspects//Russian entrepreneurship. 2016. VOL. 17. № 8. S. 951-966.

[39] Von Feuerbach P. A. To the criticism of Hegel's philosophy (1839): collection: History of philosophy. Collection of works in 2 volumes. VOL. 1. M., 1995. 502 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-156-160

ПРИМОВА Эльмира Неджефовна,
Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИИ
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: primova@inbox.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье раскрыты основные положения церковных преобразований середины XIX века, которые охарактеризованы как церковная реформа. Подчеркивается роль государства и права в осуществлении реформы, а также связь реформирования церкви и иных преобразований этого периода. Обозначены основные направления церковной реформы, связанные со статусом священнослужителей, с системой церковного образования, с организацией приходской жизни, с полномочиями Синода и духовных консисторий. Показаны нормативные правовые акты, на основе которых проводились церковные преобразования. Сделан вывод о незавершенном характере церковной реформы и о том, что она не достигла главной цели - укрепления церкви и ее позиции в обществе.

Ключевые слова: государственные реформы; церковная реформа; церковное право; Синод; Российская империя; церковный суд.

PRIMOVA Elmira Nejefovna,
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher at the Research Institute
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

STATE AND LEGAL ASPECTS OF THE CHURCH REFORM OF THE MID-NINETEENTH CENTURY

Annotation. The article reveals the main provisions of the church transformations of the mid-nineteenth century, which are characterized as church reforms. The connection between the reformation of the church and other transformations of this period is emphasized. The main directions of church reform related to the status of clergy, the system of church education, the organization of parish life, and the powers of the Synod and spiritual consistories are outlined. The normative legal acts because of which church transformations were carried out are shown. The conclusion is made about the incomplete nature of the church reform and that it did not achieve the main goal of strengthening the church and its position in society.

Key words: church reform; church law; Synod; Russian Empire; Orthodox parish; church court.

Середина XIX века отмечена в Российской империи масштабными преобразованиями, получившими в историографии название «великих реформ». Государство предпринимало активные усилия по трансформации общественных институтов, используя при этом потенциал права. Отмена крепостного права в 1861 г. стала лишь первым этапом серьезной модернизации государственной и общественной жизни. Широко известны и исследованы судебная, земская, городская и военная реформы. Но

гораздо меньше внимания ученые-правоведы уделяют церковной реформе, которая имела важное значение для государства и общества как в контексте их будущей судьбы.

Отношения Церкви и государства всегда представляли собой актуальное поле для научного исследования со стороны правоведов и практического решения множества проблем. Осмысление места религиозного института в социуме, а также правовых основ государственно-церковного взаимодействия происходило на протяжении

всего существования Российской империи, в том числе и в правление Александра II. В эпоху «Великих реформ» обновлению подверглась и Русская православная церковь. Опыт правовых реформ в церковной сфере 1860 – 1870-х годов до сих является востребован как для ученых, так и для людей, нацеленных на практическое изменение диалога между секулярной и клерикальной частями российского общества.

Необходимость преобразований в церковной сфере к середине XIX века назрела на разных уровнях ее структуры. Стоит напомнить, как на тот момент выглядела система органов Русской православной церкви в системе управления Российской империи: во главе стоял Святейший Правительствующий Синод (высший орган судебной и административной власти в Церкви, управлением на местах занималось епархиальное управление (состоящее из архиерея, осуществляющего руководство над епархией, и из консистории – судебного и административного орган), самой мелкой церковно-административной единицей был приход – «фундамент всего здания Церкви» [15, с. 9]. Во всех звеньях управления Церковь (и в ее жизнедеятельности) подчинялась государственным началам – эта система, заложенная Петром Великим, благодаря курсу внутренней политики Николая I приобрела свой апофеоз. При обер-прокуроре Синода с 1836 по 1855 годы, одиозном Н. А. Протасове, «формализм и бюрократизация» консисторского управления и самого Синода достигли своего апогея [18, с.148]. По оценке исследователя Ю. Е. Кондакова, Синод был организован по министерскому принципу, таким образом, Протасову «удалось весьма успешно выполнить заказ высшей власти» – окончательно подчинить Церковь светской власти (и поэтому власть обер-прокурора была сравнима с «министерской властью над светскими чиновниками» - члены Синода напоминали «безгласных статистов») [17, с. 135]. С. В. Римский отмечал, что нововведения в церковное управление николаевских времен практически «попирали каноническое право» и де-факто отняли полномочия у Святейшего Правительствующего Синода, что вызвали протестные настроения, недовольство клерикальных иерархов различного положения [10, с. 44]. Историк И. Г. Смолич в своем фундаментальном труде по истории Русской Церкви приводит мнение митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) о бесправии Синода и написании церковных постановлений без его участия и критическую оценку «деспотизму» Протасова со стороны архиепископа Могилевского и Мстиславского Анатолия (Мартыновского), свидетельствуя о положении дел в епархиальном управлении: «<...> Едва ли есть Церковь несчастнее нашей Русской Церкви. <...> едва ли наша Церковь не более всех

стеснена, связана, унижена более, чем всякое общество других вероисповеданий» [13, с. 285–286]. Что касается состояния приходов, то сложный вопрос с материальным обеспечением приходского священства не был решен к середине XIX века, и поэтому было крайне необходимо восстановить хозяйственно-экономическую самостоятельность приходов и сам приход как церковную единицу, поскольку при Николае I он пришел в упадок (последний раз приходская система была подвергнута преобразованиями еще в начале века – в 1808 году) [7, с. 4].

Весь обозначенный комплекс проблем привел государство в лице правившей элиты к осознанию обязательного реформирования церковной системы, необходимости преодолеть обособленность духовенства как социального класса. На фоне проводимых крупных преобразований в российском обществе, его глобальной перестройки у правительства, ряда церковных сановников и представителей общественности возникали идеи и предложения по улучшению церковных дел, обновления церковного законодательства, преобразования Церкви как социального института, разрешения спорных моментов уже «в практической плоскости» [9, с. 202]. Более того, не стоит забывать сугубо государственного интереса – пресечение инакомыслия: средствами от него сановники видели в обеспечении безопасности в приходах (в качестве «альтернативы полицейских репрессивных действий») и в защите от влияния католичества, что особенно было актуально в условиях западных окраин и губерний [19]. В начале 1862 года глава МВД П.А. Валуев обозначил приоритетные направления предстоящих реформ: улучшение материального положения приходского клира, постановка вопроса об участии паствы в жизни своего прихода, улучшение образования для духовных лиц в целом, увеличение прав священнослужителей как социальной группы (в частности, для детей священников было необходимо приоткрыть пути для полноценного участия в гражданской деятельности) и другие насущные проблемы [12, с. 51]. Через полгода, 28 июня, было учреждено Особое присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства (используется и иное название – Присутствие по делам православного духовенства): во главе присутствия был митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский), членами состояли обер-прокурор Синода и его подчиненные (например, директор духовно-учебного управления), П. А. Валуев, министр государственных имуществ А. А. Зеленой и другие светские и церковные деятели. На первом заседании Особого присутствия 17 января 1863 года подчеркивалось, что улучшение положения духовенства – «дело государственной важ-

ности», что позволило журналу «Православное обозрение» отреагировать подобным образом: «Комитет составит эпоху в истории нашего духовенства, ему предстоит решить своего рода крестьянский вопрос. Все с трепетной надеждой ожидают результатов этого учреждения. Быть или не быть – вот состояние нашего духовенства в настоящую минуту» [12, с. 52]. Одновременно возникали губернские присутствия под руководством главы местной епархии и членов губернского аппарата власти. Стоит сказать, что данные присутствия на местах имели большое значение в практическом воплощении проектов реформ [19]. На последующих заседаниях Главного присутствия были разработаны проекты по различным аспектам церковной структуры и ее жизни, и первоочередной задачей присутствия стало осмысление приходского вопроса и особенностей епархиальной жизни и управления Церкви. Однако стоит уточнить – самым первым шагом к изменению функционирования Русской Православной Церкви стало разделение государственных и церковных средств в финансовой системы, благодаря финансовой реформе 1862 года церковные доходы на приходском и епархиальном уровне не подвергались обычным правилам финансовой проверки и ревизии (немалый вклад в эту инициативу привнес Филарет (Дроздов), славившийся при этом настороженным отношением к переменам и реформам в общественной жизни) [16, с. 151].

2 августа 1864 года вышло «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». Согласно этому документу, появлялись новые органы для заботы о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви, ее хозяйстве и причте, об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительности. Одной из задач принятия данного акта стало повышение социальной ориентированности церковной деятельности на приходском уровне [8, с. 62].

Поистине судьбоносным постановлением для духовенства как сословия стал указ от 26 мая 1869 года «Об устройстве детей лиц православного духовенства». Дети священников перестали считаться частью своего сословия, если не они состояли на церковной службе. По оценке историка Церкви Н. Д. Тальберга, благодаря изданному документу произошло «окончательное расторжение сословной замкнутости духовенства» [14, с. 760]. Теперь сыновья духовенства «приписывались к городскому или сельскому обществу» (они числились в списках своих отцов лишь номинально, для общих сведений и информации [12, с. 98]), но при этом их права в качестве лиц «духовного звания» оставались прежними (в том числе и право на образование в семинариях и других духовно-образовательных учреждениях, освобождение от рекрутства и податей), кроме того, они могли выбрать и другую стезю военной или граж-

данской службы. Впрочем, подобное благостное состояние для сыновей священства было уравновешено несколькими законодательными актами: законом от 11 июля того же года, запрещающим детям наследовать «духовное звание» своих родителей, дополнением к указу от 26 мая, когда 15 мая 1871 года было объявлено о том, что все неклирики из числа как священно, так и церковнослужителей больше не входили в состав духовного сословия, и законодательным позволением от 21 марта того же года занимать церковные должности представителям всех сословий. И все же священство добилось, по мнению исследователей, и того, о чем оно мечтало десятилетиями, – дети священников не из дворян получали звание личного дворянства, тем самым с рождения «причислялись к потомственным почетным гражданам», более того, по указу 11 октября 1875 года вдовы священников не из потомственных дворян могли иметь статус личного дворянства [4, с. 337 - 338].

Еще один юридический вопрос, касающийся деятельности Русской Православной Церкви и который не был решен в должной мере в то время – это вопрос о церковном суде. Иными словами, на фоне перемены в светской судебной системе были инициативы сформировать автономную, «полную самостоятельности и отдельности церковно-судебную юрисдикцию» [12, с. 238]. Однако реформирование церковного суда, изменение его положения так и не случилось, несмотря на планы Д. А. Толстого начала 1870-х годов [13, с. 290] (тем более, необходимо понимать, что министр хотел еще больше подчинить Церковь государственным началам и в этом вопросе тоже [18, с. 76]). Сложности с положением клерикального суда в реформенной России заключались, по мнению известного дореволюционного правоведа и одновременно священнослужителя РПЦ М. И. Горчакова, во влиянии общих судебных уставов 1864 года: «прежнее законодательство сменилось совершенно новыми по началам судебными Уставами 1864 года» [5, с. 21]. Действительно, уголовные наказания за преступления внутри института Церкви определялись нововведениями судебной реформы Александра II: в целом, можно говорить о том, что «за все преступления духовенство подлежало светскому суду наравне с лицами недуховного звания» [3, с. 17]. Даже за служебные преступления – лихоимство или поборы и т. п. духовные лица подлежали светскому суду; еще более удивительными были ситуации, когда епархиальное начальство лишь ставили в известность о делах, когда духовные лица лишались сана и состояния, а с консисториями не согласовывали передачу дел в светский суд – «таким образом, иерархия оказывалась в положении визирующей стороны не только *de facto*, но и *de jure*» [174, с. 138]. Невзирая на подобное ограничение прерога-

тив клерикального суда, Церковь имела легитимные основания для осуждения по церковным преступлениям в отношении светских лиц. Правовед и священник РПЦ А. С. Павлов давал следующее определение полномочий Церкви: «Церковь судит и наказует все деяния своих членов, содержащие в себе явное нарушение чисто церковных уставов, – вот общее формальное определение того, что подсудно Церкви» [6, с. 416]. В ведении церковного суда сохранялся этот круг преступлений, совершенные мирянами: преступления против вероучения, по которым полагалась епитимья в зависимости от тяжести греха (в этой сфере сохранялся личный суд епископа, да и то по «маловажным поступкам» [3, с. 17]), или преступления против веры, за которые полагалось более серьезные наказания, – например, впадение в ересь, за незаконный гражданский брак, завершившийся рождением ребенка (и любой другой незаконный брак) [5, с. 50-51] и каждый бракоразводный процесс всегда рассматривался церковным судом. Тем не менее, компетенции церковного суда сокращались, и их становилось все меньше.

Завершая обзор государственно-правовых преобразований Александра II, имеющих отношение к различным аспектам РПЦ, стоит охарактеризовать изменения в верховном органе Церкви на тот период – в Святейшем правительствующем Синоде. Невозможно согласиться с позицией советского исследователя Российской империи Н. П. Ерошкина, полагавшего, что преобразования XIX века не коснулись Святейшего Синода, сохранившего существовавшие до 1861 г. свои функции и аппарат [1]. Безусловно, Синод не мог кардинально поменяться, тогда бы поменялся и механизм государственно-церковных отношений, однако определенные перемены в руководящем органе наблюдались. В 1865 году по примеру министерств при обер-прокуроре был назначен его товарищ (по образцу товарища любого светского министра), в 1867 году было учреждено контрольное отделение, также по аналогии с министерствами, в 1872 году были изданы новые штаты для следующих учреждений – упомянутого контрольного управления, канцелярии обер-прокурора, хозяйственного управления, эти штаты действовали до начала XX века [14, с. 744]. Таким образом, Синод продолжал свой путь бюрократизации и росту своего аппарата.

Как следует из приведенных выше данных, после церковных реформ сохранилось неравенство епархий по содержанию окладов, что касалось городских и сельских причтов. Сохранился и даже несколько увеличился существовавший и ранее разрыв между столичными и провинциальными епархиями, так как улучшения положения коснулись в первую очередь первых [3, с. 18].

В эти же годы в церкви как организации идет вялая имитация преобразований, она нехотя ищет средства приспособления к новым условиям и так растягивает реформирование отдельных сторон своей структуры и деятельности, что преобразования завершаются уже в обстановке контрреформ в стране и приобретает их окраску. Именно контрреформы вызвали активизацию деятельности, направленной на укрепление серьезно пошатнувшихся позиций церкви в русском обществе.

Таким образом, рассмотрение государственно-правовых аспектов церковной реформы показывает, что она имела общие черты с другими реформами Александра II: большую протяженность во времени, многоступенчатость, корректировки курса в связи с изменением политических и иных условий, незавершенность. Суммируя итоги реформ и сопровождавших их мер административного характера, можно констатировать, что главной цели – укрепления церкви – они не достигли, оставив ее заложницей сползающего в пучину социальной катастрофы государства. Несмотря на определенное улучшение законодательства, церковь в то время так и не превратилась в полноценный институт гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. – М: РГГУ, 2008.
- [2] Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории - 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Унив. тип., 1876.
- [3] Карнишина Н. Г. Государственно-церковные отношения в России второй половины XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 16–22.
- [4] Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX — начале XX в // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8. С. 335–343.
- [5] Минеева Т. Б., Романовская В. Б., Савченко И. В. Церковное судопроизводство в Российской империи – Чебоксары: ИД «Среда», 2020.
- [6] Павлов А. С. Курс церковного права. – Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1902.
- [7] Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России – М: Т-во типо-лит. «Владимир Чичерин», 1900.
- [8] Пашенцев Д. А., Бабаева Ю. Г. Роль Русской православной церкви в реализации социальной функции государства в Российской империи // История государства и права. 2025. № 9. С. 59–63.
- [9] Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России

1860 – 1870-х годов) – М: Крутицкое Патриаршее подворье (Общество любителей церковной истории), 1999.

[10] Римский С. В. Церковные реформы в России 60-х-70-х годов XIX столетия: дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Ин-т рос. истории. – Москва, 1998. – 580 с.

[11] Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX в. – СПб: Тип. А. П. Лопухина, 1901.

[12] Руновский Н. П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898.

[13] Смолич И. Г. История Русской церкви. Кн. 8. Ч. 1: 1700–1917. – М: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996.

[14] Тальберг Н. Д. История русской церкви. – М: Изд-во Сретен. монастыря, 1997.

[15] Фирсов С. Л. Русская церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути // Русская церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. I. 1900–1917. Конец Синодального периода. Кн. 1. М: Эксмо: ПСТГУ, 2014. С. 7–50.

[16] Фирсов А. Г. «Охранить собственность церковную»: святитель Филарет (Дроздов) и финансовая реформа 1862 г // Филаретовский альманах. 2008. №4. С. 147–157.

[17] Фирсов С. Л. Церковный суд в России в синодальный период. (Краткий исторический обзор) // Исторический Вестник: научный журнал. № 1 (16). (специальный выпуск «Церковный суд в истории России»). С 134–144.

[18] Цыпин В. А. История Русской православной церкви: Синодальный период. Новейший период – М: Изд-во Учеб. ком. Рус. православ. церкви, 2004.

[19] Шкурин Митрофан (игумен). Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ: к 150 - летию отмены крепостного права в России // Церковь и время. Том LIV. № 1 (54). С. 137–180.

References:

[1] Eroshkin N.P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. 5th ed. - M: RSUH, 2008.

[2] Znamensky P.V. Guide to Russian Church History - 2nd ed., Rev. and add. - Kazan: Univ. type., 1876.

[3] Karnishina N. G. State-church relations in Russia in the second half of the 20th century//Bulletin of Tomsk State University. History. 2014. № 5 (31). S. 16-22.

[4] Lavitskaya M.I. The legal status of the clergy in Russia in the XIX - early XX centuries//Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. № 8. S. 335-343.

[5] Mineeva T. B., Romanovskaya V. B., Savchenko I. V. Church proceedings in the Russian Empire - Cheboksary: Publishing House "Sreda," 2020.

[6] Pavlov A.S. Course of church law. - Sergiev Posad: type. Sv.-Tr. Sergius Lavra, 1902.

[7] Papkov A. A. The beginning of the revival of parish life in Russia - M: T-v type-lit. "Vladimir Chicherin," 1900.

[8] Pashentsev D. A., Babaeva Yu. G. The role of the Russian Orthodox Church in the implementation of the social function of the state in the Russian Empire//History of the state and law. 2025. № 9. S. 59-63.

[9] Roman S.V. Russian Church in the era of great reforms (church reforms in Russia of the 1860-1870s) - M: Krutitsky Patriarchal Compound (Society of lovers of church history), 1999.

[10] Roman S.V. Church reforms in Russia of the 60s-70s of the XIX century: diss.... Doctors of Historical Sciences: 07.00.02/In-t grew. stories. - Moscow, 1998. - 580 s.

[11] Runkevich S. G. Russian Church in the XIX century. - St. Petersburg: Type. A.P. Lopukhina, 1901.

[12] Runovsky N.P. Church civil laws regarding the Orthodox clergy during the reign of Emperor Alexander II - Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1898.

[13] Smolich I. G. History of the Russian Church. Kn. 8. PART 1: 1700-1917. - M: Publishing House Spaso-I. Balaam. monastery, 1996.

[14] Thalberg N.D. History of the Russian Church. - M: Sreten Publishing House. monastery, 1997.

[15] Firsov S. L. Russian Church at the dawn of the 20th century: the main stages of the historical path//Russian Church. Century twentieth. The history of the Russian Church of the XX century in the testimonies of contemporaries. T. I. 1900-1917. End of the Synodal Period. Kn. 1. M: Eksmo: PSTGU, 2014. S. 7-50.

[16] Firsov A. G. "Protect church property": St. Filaret (Drozdov) and the financial reform of 1862// Filaret almanac. 2008. №4. S. 147-157.

[17] Firsov S. L. Church court in Russia during the synodal period. (Brief historical review)//Historical Bulletin: scientific journal. № 1 (16). (special issue "Church Court in the History of Russia"). FROM 134 - 144.

[18] Tsypin V. A. History of the Russian Orthodox Church: Synodal period. The newest period - M: Publishing House. Com. Rus. legal entity. churches, 2004.

[19] Shkurin Mitrofan (abbot). Equivalence of church transformations to the context of great reforms: to the 150th anniversary of the abolition of serfdom in Russia//Church and time. Volume LIV. № 1 (54). S. 137-180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-161-165

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,

*Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru*

ЛОЗОВАЯ Марина Александровна,

*Доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия,
e-mail: lozmarin@inbox.ru*

ЛЮЛИНА Наталья Владимировна,

*Доцент кафедры методики преподавания
спортивных дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия,
Доцент кафедры физической культуры,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия,
e-mail: natali6503@mail.ru*

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ГТО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) как многоаспектного явления советской и современной российской действительности. Рассматривается его генезис в контексте государственной идеологии 1930-х годов, эволюция нормативной базы и социальных функций в советский период. Отдельное внимание уделяется причинам и механизмам реинкарнации комплекса в 2010-х годах. Проведен сравнительный анализ двух исторических версий системы, выявлены их идеологические, структурные и методические различия. Делается вывод о трансформации ГТО из инструмента массовой мобилизации и идеологического воспитания в современный инструмент популяризации здорового образа жизни и формирования национальной идентичности, сталкивающийся с вызовами цифровой эпохи.

Ключевые слова: ГТО, советская система физического воспитания, физкультурно-спортивный комплекс, государственная политика в спорте, здоровый образ жизни (ЗОЖ), патриотическое воспитание, социальная мобилизация.

LOZOVOI Alexander Alexandrovich,

*Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk, Russia*

LOZOVAYA Marina Alexandrovna,

*Associate Professor, Department of Physical Culture and Health,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk, Russia*

LYULINA Natalya Vladimirovna,
Associate Professor of the Department
of Teaching Methods of Sports Disciplines and National Sports,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia,
Associate Professor of the Department of Physical Culture,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

SOVIET GTO SYSTEM: HISTORY AND MODERN REVIVAL AS A SOCIOCULTURAL AND POLITICAL PHENOMENON

Annotation. The article conducts a comprehensive analysis of the physical culture and sports complex "Ready for Labor and Defense" (TRP) as a multidimensional phenomenon of Soviet and modern Russian reality. Its genesis is considered in the context of the state ideology of the 1930s, the evolution of the regulatory framework and social functions in the Soviet period. Special attention is paid to the causes and mechanisms of the reincarnation of the complex in the 2010s. A comparative analysis of two historical versions of the system was carried out, their ideological, structural and methodological differences were revealed. A conclusion is made about the transformation of the TRP from an instrument of mass mobilization and ideological education into a modern instrument for popularizing a healthy lifestyle and forming a national identity, faced with the challenges of the digital era.

Key words: TRP, Soviet system of physical education, physical culture and sports complex, state policy in sports, healthy lifestyle (healthy lifestyle), patriotic education, social mobilization.

Физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» представляет собой уникальный социальный эксперимент XX-XXI веков, выходящий далеко за рамки простой системы нормативов. Его история — это отражение политических, идеологических и культурных трансформаций государства. Изучение ГТО в диахроническом аспекте позволяет проследить, как менялись представления власти о роли физической культуры в формировании «нового человека» и управлении обществом. Актуальность исследования обусловлена не только продолжающейся реализацией обновленного Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса (ВФСК ГТО), но и его значением как символа, активно используемого в современном политическом дискурсе о национальном возрождении, здоровье нации и патриотизме. Физическое воспитание всегда играло значимую роль в жизни общества, особенно в СССР, где активно формировалась идеология здорового и трудоспособного гражданина. Одной из ключевых инициатив в этом направлении стал комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), который охватывал все возрастные категории и обеспечивал высокий уровень физической подготовки населения. В последние годы комплекс ГТО получил второе рождение, что обусловлено стремлением государства к возрождению массовой физической культуры.

Комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) был введён в Советском Союзе в 1931 году с целью физической подготовки населения, осо-

бенно молодёжи, к трудовой деятельности и возможной военной службе. Идея комплекса возникла в условиях необходимости оздоровления нации после революционных событий и укрепления обороноспособности страны. ГТО охватывал различные виды физической активности — бег, прыжки, метание, подтягивания, плавание, лыжи — и включал возрастные категории с соответствующими нормативами. Участие в комплексе было массовым и во многом обязательным, охватывая школьников, студентов, рабочих и служащих. Система пользовалась широкой государственной поддержкой и играла значительную роль в патриотическом и физическом воспитании граждан. В разные годы нормативы пересматривались, добавлялись новые испытания, увеличивалось число ступеней. Создание ГТО в 1931 году было закономерным этапом становления тоталитарного государства, нуждавшегося в физически крепком, дисциплинированном и идеологически лояльном населении. Его появление напрямую коррелировало с курсом на индустриализацию, милитаризацию и коллективизацию. Комплекс стал практическим воплощением лозунга «В здоровом теле — здоровый дух», где «дух» понимался как преданность делу партии и готовность к защите социалистического отечества. После распада СССР интерес к ГТО снизился, и комплекс был фактически свёрнут. Однако в 2014 году он был возрождён в обновлённой форме и стал частью государственной политики по формированию здорового образа жизни среди населения России.

Первоначальный комплекс (1931) включал одну ступень с 21 испытанием для мужчин и женщин. Его успех привел к быстрой дифференциации:

- ГТО-2 (1932) и комплекс «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) для школьников (1934).
- Последующие редакции (1939, 1942, 1947, 1955, 1959, 1972, 1985 гг.) постоянно адаптировали нормативы под текущие задачи: военно-прикладной характер усилился в годы войны, а в послевоенный и «застойный» период сместился в сторону оздоровительно-массовой работы.

Наиболее развитой и массовой стала система, утвержденная в 1972 году. Она включала 5 возрастных ступеней (от 10 до 60 лет), что делало ее поистине всеохватывающей. Сдача нормативов была обязательна для учащихся и студентов, а значки ГТО (золотой и серебряный) были значимым социальным маркером, влияющим на карьеру и поступление в вузы.

ГТО выполнял не только физическую, но и идеологическую функцию — воспитывал патриотизм, дисциплину, стремление к здоровому образу жизни. Физическая культура стала неотъемлемой частью образовательной и трудовой систем, а значки ГТО служили символом почёта. Массовое участие в сдаче нормативов способствовало популяризации спорта и укреплению общественного здоровья.

Указ Президента РФ № 172 от 24 марта 2014 года о возрождении ГТО был издан в символически значимый период («Крымская весна»). Его возрождение стало частью более широкого государственного курса на:

1. Консолидацию общества вокруг «традиционных ценностей» и патриотизма.
2. Противодействие негативным демографическим тенденциям через пропаганду ЗОЖ.
3. Поиск национальной идеи в обращении к позитивно воспринимаемым советским символам.
4. Создание единой системы оценки физической подготовки от школьника до пенсионера.

В 2014 году в России было принято решение о возрождении комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) как важного элемента государственной политики в области физического воспитания и пропаганды здорового образа жизни. Президентский указ о внедрении обновлённой системы стал шагом к формированию массовой спортивной культуры и повышению физической активности среди населения. Современный комплекс ГТО был разработан с учётом актуальных требований к здоровью и физической подготовке человека, а

также международного опыта. Были созданы новые нормативы, адаптированные под современные условия жизни, а также разработана цифровая система регистрации и учёта результатов, позволяющая участникам отслеживать собственный прогресс и достижения онлайн.

Программа охватывает широкую возрастную аудиторию — от детей с 6 лет до пожилых людей старше 70 лет. Для каждой из 11 возрастных ступеней предусмотрены индивидуальные нормативы, соответствующие возрастным особенностям и возможностям. Участники выполняют различные тесты, направленные на развитие выносливости, силы, ловкости, гибкости и координации. Комплекс включает как обязательные, так и дополнительные испытания — бег на разные дистанции, отжимания, прыжки в длину, подтягивания, метание, плавание, лыжи и другие виды физической активности.

Современное ГТО также предполагает систему поощрений — бронзовые, серебряные и золотые знаки отличия. За успешное выполнение нормативов на высоком уровне предусмотрены дополнительные бонусы: сертификаты, грамоты, а для учащихся — прибавка к баллам при поступлении в вузы. Всё это делает участие в комплексе престижным и социально значимым.

Возрожденный комплекс ВФСК ГТО решает не только узкоспортивные, но и масштабные социально-политические задачи. Его внедрение можно рассматривать как многоуровневый проект:

- формирование поведенческой модели и ценностных ориентиров: Главная задача — сделать регулярную физическую активность и ответственное отношение к здоровью социальной нормой для всех возрастов. Комплекс призван конкурировать за досуг населения с цифровыми развлечениями, формируя новую «моду» на здоровье. Это не просто сдача нормативов, а продвижение комплексного понятия «физической культуры» как части качества жизни;
- создание универсального инструмента оценки и управления: ГТО позиционируется как объективный «спортивный паспорт» или «индекс здоровья» гражданина. Это позволяет получать агрегированные данные о физической кондиции населения регионов и страны в целом, выявляя проблемные зоны для корректировки социально-спортивной политики; - давать индивиду обратную связь о его физическом развитии и мотивировать к его улучшению через персональные рекомендации в цифровом кабинете.

Нормативы ГТО интегрированы в школьную программу по физкультуре, а золотой знак отли-

чия дает дополнительные баллы к ЕГЭ. Это мощный, но спорный стимул, превращающий физкультуру для старшеклассников в инструмент достижения академических целей. Внедрение ГТО на предприятиях («ГТО на работе») направлено на улучшение здоровья сотрудников, снижение заболеваемости и укрепление корпоративного духа. Успех здесь сильно зависит от воли руководства. Вузы и работодатели поощряются к учету знаков ГТО, что теоретически должно создавать долгосрочную карьерную мотивацию для поддержания формы. Риск превращения инициативы в кампанию, особенно в образовательных учреждениях. Когда главным показателем для школы или муниципалитета становится количество сдавших, а не качество физической подготовки, это ведет к припискам, занижению нормативов и дискредитации идеи. Давление на учителей физкультуры для выполнения «плана» по ГТО — распространенная проблема. Для качественной подготовки и приема нормативов (особенно таких, как плавание, стрельба, лыжные гонки) необходима соответствующая материальная база. Многие школы, особенно в сельской местности и малых городах, ею не обладают. Нехватка квалифицированных судей и инструкторов, способных работать с разными возрастными группами, также ограничивает возможности. Для части общества, особенно старшего поколения, ГТО — позитивный символ молодости и общей физической культуры. Для другой части, особенно той, что ассоциирует его с советским принуждением, — навязываемая сверху обязанность. Преодоление этого скепсиса, демонстрация личных, а не идеологических выгод — сложная коммуникативная задача. Работа со взрослым населением, особенно старше 40 лет, требует серьезного внимания к медицинскому сопровождению. Попытка сдать норматив без учета реального состояния здоровья может привести к трагическим последствиям. Механизмы обязательного предварительного медосмотра для всех возрастных групп все еще несовершенны. Конкуренция с профессиональным и коммерческим спортом: ГТО позиционируется как основа для массового спорта, в то время как государственное финансирование и медийное внимание часто сконцентрированы на спорте высших достижений. Популяризация ГТО требует иных, более социально-ориентированных механизмов и каналов коммуникации.

Возрождение ГТО стало важным шагом к укреплению здоровья нации, развитию массового спорта и вовлечению граждан всех возрастов в систематические занятия физической культурой. Внедрение комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в образовательную систему России явля-

ется важным шагом в формировании здорового образа жизни у подрастающего поколения. Сегодня ГТО — это не просто историческая традиция, а современный инструмент повышения физической активности и мотивации к занятиям спортом среди школьников и студентов.

Согласно методическим рекомендациям Министерства образования и науки, подготовка к выполнению нормативов ГТО органично включена в школьную программу по физической культуре. Учителя проводят занятия, направленные на развитие физических качеств, предусмотренных системой ГТО: выносливости, силы, гибкости, скорости и координации. Для каждой возрастной категории существуют свои нормативы, что позволяет учитывать индивидуальные особенности развития учащихся.

Во многих университетах и колледжах внедрение комплекса ГТО также стало частью образовательной стратегии. Вузы организуют центры тестирования, проводят открытые занятия и конкурсы по подготовке к нормативам. Это не только укрепляет здоровье студентов, но и способствует формированию спортивной среды внутри учебных заведений.

Несмотря на положительные стороны, существуют и проблемы: недостаток инфраструктуры, низкая мотивация у части молодежи, несоответствие нормативов реальному физическому уровню населения. Однако при комплексном подходе и поддержке на государственном уровне ГТО может стать эффективным инструментом оздоровления нации.

Советская система ГТО являлась уникальным опытом массового физического воспитания. Её современное возрождение демонстрирует стремление к укреплению здоровья населения через проверенные временем механизмы. При правильной реализации и адаптации под современные условия ГТО может вновь стать важным элементом физической культуры в России. Советский ГТО был дисциплинарной практикой в рамках модернистского проекта по созданию «нового человека». Современный ГТО — это технология управления в обществе риска, где государство, минимизируя прямое принуждение, через создание стандартов, цифровых платформ и систем стимулов направляет поведение граждан в желаемое русло (здоровье, продуктивность, лояльность). Это переход от «формовки граждан» к управлению их жизненными стратегиями. Современный комплекс — это не возврат к прошлому, а использование исторического бренда для продвижения ценностей, актуальных для государства XXI века: человеческого капитала, управляемой самодисциплины и цифровой вовлеченности.

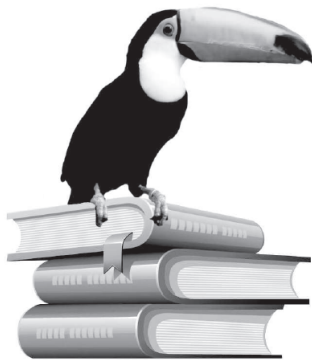
Список литературы:

- [1] Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта. – М.: Академия, 2014.
- [2] Постановление ЦИК СССР от 11.03.1931 «О введении в действие комплекса «Готов к труду и обороне СССР»».
- [3] Указ Президента РФ от 24.03.2014 № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)».
- [4] Лубышева Л.И. Спортизация в системе физического воспитания: от научной идеи к инновационной практике. – М., 2017.
- [5] Пельменев В.К., Саенко В.Г. История физической культуры. – Калининград, 2000.

References:

- [1] Goloshchapov B.R. History of physical culture and sports. - M.: Academy, 2014.
- [2] Decree of the Central Executive Committee of the USSR of 11.03.1931 "On the introduction of the complex" Ready for Labor and Defense of the USSR."
- [3] Decree of the President of the Russian Federation of 24.03.2014 No. 172 "On the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (TRP). "
- [4] Lubysheva L.I. Sportization in the system of physical education: from a scientific idea to an innovative practice. - M., 2017.
- [5] Pelmenev V.K., Sayenko V.G. History of physical culture. - Kaliningrad, 2000.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОПОВА Юлия Владимировна,
студент учебной группы ДЮУН23-1м
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (Финансовый университет),
e-mail: mail@law-books.ru

МОДЕЛИ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *Анализируются модели государственной регистрации прав на недвижимое имущество в России, Германии и Англии в сравнительно-правовом аспекте. Выявлены общие черты (обязательность регистрации, публичность и достоверность реестров) и различия: степень централизации системы, роль нотариата, уровень защиты добросовестных приобретателей, способы исправления ошибок. Отмечается сближение подходов и необходимость использования зарубежного опыта для совершенствования российской системы.*

Ключевые слова: *государственная регистрация недвижимости; сравнительно-правовой анализ; добросовестный приобретатель; публичная достоверность реестра.*

POPOVA Yulia Vladimirovna,
student of the study group DYUUN23-1m
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation (Financial University)

REAL ESTATE REGISTRATION MODELS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *Models of state registration of rights to real estate in Russia, Germany and England in a comparative legal aspect are analyzed. Common features (mandatory registration, publicity and reliability of registers) and differences were identified: the degree of centralization of the system, the role of notaries, the level of protection of bona fide purchasers, ways to correct errors. There is a convergence of approaches and the need to use foreign experience to improve the Russian system.*

Key words: *state registration of real estate; comparative legal analysis; bona fide acquirer; public registry validity.*

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество представляет собой публично-правовой механизм признания и подтверждения вещных прав, обеспечивающий их юридическую определённость и защиту интересов участников оборота. Во всех рассматриваемых правовых системах (Россия, Германия, Англия) закреплено правило, согласно которому переход права собственности на недвижимость подлежит обязательной регистрации в официальном реестре. Это придаёт правам на недвижимость противопоставимость третьим лицам (*erga omnes*) и, как правило, носит конститутивный характер – право считается возникшим (или перешедшим) только с момента внесения записи о нём в реестр.

Общие принципы и различия подходов. Зарубежный и российский опыт показывают сходство базовых принципов регистрации. Прежде всего действует принцип публичности и достоверности реестра: данные, внесённые в реестр, предполагаются правильными и полными, пока не доказано обратное. Во многих странах, включая Германию и Англию, данный принцип обеспечивается особым правовым режимом: лицо, доверившееся официальному реестровому данным, защищено законом даже если впоследствии выявится порок в цепочке правоустанавливающих сделок. В немецком гражданском праве это правило выражено в § 892 Гражданского уложения (BGB): добросовестный приобретатель, полагающийся на сведения поземельной книги (*Grundbuch*),

сохраняет приобретённое право, если в реестр не внесено возражение о его неточности. Английское право реализует аналогичный подход через принцип "title by registration", согласно которому именно факт регистрации наделяет лицо правовым титулом на землю[1]. Закон о регистрации земли 2002 г. (Land Registration Act 2002) устанавливает, что зарегистрированный владелец считается законным собственником, и его право может быть оспорено лишь в порядке исправления реестра по решению суда[1]. При этом добросовестному владельцу гарантируется компенсация из казны, если из-за исправления реестра он утрачивает имущество[2]. Таким образом, в британской модели реализован механизм страхования титула: государство принимает на себя риск ошибок реестра, возмещая ущерб потерпевшим. Российское законодательство в 2019 г. также закрепило принцип публичной достоверности: информация Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) презюмируется верной, а лицо, честно полагавшееся на неё, приобретает право даже при дефектах предыдущих сделок[3]. Однако на практике реализация этого принципа в РФ пока не абсолютна. Например, если прежний собственник лишился имущества помимо своей воли (мошенничество, ошибка), суды нередко удовлетворяют виндикационные иски, возвращая объект первоначальному владельцу и аннулируя запись, несмотря на добросовестность приобретателя[4]. Этот аспект отличает российскую модель: защита добросовестного приобретателя формально провозглашена, но остаётся ограниченной при наличии грубых пороков в основании права. Тем не менее, тенденция такова, что российский механизм эволюционирует в направлении усиления гарантий реестра, воспринимая черты германской и английской систем.

Другой фундаментальный принцип – обязательность регистрации и приоритет права. В континентально-европейских системах (Россия, Германия) сделка с недвижимостью приобретает юридическую силу для третьих лиц только после государственной регистрации права. Без записи в реестре покупатель не становится полноправным собственником. Англия и Уэльс исторически допускали передачу титула на основе одних лишь документов (без участия государственного органа), однако с развитием системы HM Land Registry регистрация стала обязательным этапом большинства сделок. Сегодня право собственности в Англии также носит конститутивный характер: при продаже, дарении или ином отчуждении земли переход права завершается внесением данных в Земельный реестр. Во всех рассматриваемых странах действует правило приоритета: ранее зарегистрированное право имеет преимуще-

ство перед тем, что зарегистрировано позднее[5]. Это обеспечивает предсказуемость оборота: приобретая недвижимость, лицо может удостовериться, что никаких ранее заявленных прав третьих лиц на объект нет (либо они известны из реестра).

Организация регистрационных органов и процедуры. Отличия между странами прослеживаются в модели организации органов, ведущих реестр, и степени участия государства в самой сделке. В России действует централизованная система: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) ведёт Единый государственный реестр недвижимости по всей стране. Созданный в 2017 г. ЕГРН объединил сведения о правах и кадастровые данные, обеспечивая интегрированный учёт объектов и прав на них[6]. Процедура регистрации включает правовую экспертизу представленных документов государственным регистратором и принятие решения о внесении записи или отказе. Нотариальное удостоверение сделок в РФ требуется лишь в ограниченных случаях (отчуждение долей, ипотека, некоторые виды доверенностей); большинство переходов прав осуществляется в простой письменной форме с последующей регистрацией в Росреестре.

В Германии система регистрации децентрализована: поземельные книги (Grundbücher) ведутся в отделениях местных судов (Amtsgerichte) каждого округа[7][8]. Тем не менее, принципы и правила единообразно определены федеральным законодательством (Grundbuchordnung), что гарантирует единство практики. Каждому земельному участку соответствует отдельный реестровый лист (фолиант), где содержатся разделы о собственнике, обременениях и правах третьих лиц. Обязательным элементом системы является участие нотариуса в каждой сделке отчуждения недвижимости: договор купли-продажи или ипотеки подлежит нотариальному удостоверению. Нотариус не только заверяет волеизъявление сторон, но и проверяет законность сделки; без его акта сделка недействительна. Далее специальный должностной лицо суда (регистратор-правовед, Rechtspfleger) на основании нотариального акта вносит изменения в Grundbuch. Такая модель обеспечивает двойную защиту от ошибок: нотариус предотвращает юридически дефектные сделки, а судебный регистратор контролирует чистоту записей. Как следствие, вероятность появления в немецком реестре недействительной или оспоримой записи крайне мала. Доступ к данным поземельной книги в Германии формально ограничен «обоснованным интересом» запрашивающего – выписка выдаётся лишь лицам, имею-

щим законный интерес (например, потенциальному покупателю для проверки чистоты титула) [8].

Английская система занимает промежуточное положение. С одной стороны, в Англии и Уэльсе существует единый централизованный Земельный реестр (HM Land Registry), функционирующий по единым стандартам и охватывающий почти 100 % земельных участков. Ведением реестра занимается государственный орган, данные хранятся в электронной форме. С другой стороны, процедура заключения сделок менее формализована: участие нотариуса не требуется, ключевую роль играют юристы-посредники (солиситоры или лицензированные конвейансеры), которые подготавливают документы, проверяют «чистоту» правового титула и после завершения сделки представляют заявку в Land Registry для регистрации перехода. Благодаря развитой правовой инфраструктуре и профессиональной ответственности солиситоров отсутствие обязательного нотариата не подрывает корректности сделок: ошибки обычно выявляются либо на этапе проверки, либо при рассмотрении документов регистратором. Таким образом, английская модель сочетает относительную гибкость заключения сделок с надёжностью регистрации, опираясь как на рыночные механизмы (профессиональная ответственность, страхование риска ошибок), так и на государственные гарантии титула.

Защита прав и компенсационные механизмы. В континентальных системах (Германия, Россия) акцент сделан на предотвращении регистрационных ошибок (нотариальный или государственный контроль сделок) и судебное устранение редких нарушений, тогда как англо-саксонский подход предполагает последующую компенсацию ущерба. Так, в Великобритании действует государственная гарантия: при исправлении реестра добросовестный владелец получает возмещение из специального фонда, а в США аналогичные риски покрываются полисами частного титульного страхования. Российское право сочетает оба подхода: проводя правовую экспертизу документов перед регистрацией, оно одновременно возлагает на государство ответственность за достоверность реестра (возмещение убытков при ошибке регистратора согласно ст. 16 ГК РФ) и с 2021 г. использует компенсационный фонд для защиты добросовестных приобретателей, утративших имущество из-за реестровой ошибки. Таким образом, отечественная модель постепенно воспринимает элементы торренсовской системы, разделяя риски между участниками оборота и государством.

Выводы. Таким образом, несмотря на различия исторических моделей, все рассматриваемые системы регистрации недвижимости преследуют единую цель – обеспечить юридическую устойчивость и прозрачность оборота. В России, Германии и Англии государственная регистрация выступает неотъемлемым условием полного признания вещных прав. Различия проявляются прежде всего в степени гарантий: зарубежные модели (особенно немецкая и английская) обеспечивают более высокую защиту добросовестного приобретателя и стабильность реестровых записей, тогда как в российском праве всё ещё допускается оспаривание зарегистрированных прав при существенных пороках предшествующих сделок. Кроме того, англо-американская традиция компенсирует отсутствие тотального предварительного контроля (нотариата) развитым институтом страхования титула, тогда как континентальная система делает упор на нотариальный контроль и прямую ответственность государства. В последние годы наметилось сближение подходов: российское законодательство восприняло ряд прогрессивных идей (цифровой единый реестр, принцип публичной достоверности, компенсационные механизмы) для укрепления доверия к регистрации. Дальнейшее совершенствование отечественной модели требует учёта лучшего зарубежного опыта, чтобы добиться оптимального баланса между динамикой рынка недвижимости и надёжной защитой прав собственников.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 28.12.2025) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 29, ст. 4344.
- [2] Gesetz über das Grundbuch (Grundbuchordnung) vom 28.06.1897 (Deutschland).
- [3] Land Registration Act 2002 (UK).
- [4] Кудрявцева Л.В. Вопросы международной практики в сфере регистрации прав на недвижимое имущество // Право. 2024. № 4. С. 141–145.
- [5] Куракова Н.И. Зарубежные системы регистрации прав на недвижимое имущество // Вестник науки. 2024. № 11 (80). Т. 1. С. 406–411.
- [6] Кирсанов А.Р. Сравнительно-правовой анализ регистрации прав на недвижимое имущество в России и за рубежом // Государственная регистрация прав на недвижимость: Проблемы регистрационного права. М., 2020.
- [7] Кораев К.Б. Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 8. С. 9–21.

[8] Бевзенко Р.С. Государственная регистрация [электронное издание]. – М.: М-Логос, 2021. – 210 с.

[9] Суханов Е.А. О вещном праве собственности и недвижимости // Закон. 2023. № 7. С. 32–42.

[10] Наумова А.В. Регистрация прав на недвижимое имущество в Англии: электронная передача прав // Вестник науки. 2020. № 2 (23). Т. 4. С. 86–100.

[11] Безбах С.В. Регистрация вещных прав на недвижимое имущество в Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 223 с.

[12] Романов М.Е. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 39–43.

References:

[1] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" (as amended by 28.12.2025) //Sobr. legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29, Art. 4344.

[2] Gesetz über das Grundbuch (Grundbuchordnung) vom 28.06.1897 (Deutschland).

[3] Land Registration Act 2002 (UK).

[4] Kudryavtseva L.V. Issues of international practice in the field of registration of rights to real estate//Law. 2024. № 4. S. 141-145.

[5] Kurakova N.I. Foreign registration systems of rights to real estate//Bulletin of Science. 2024. № 11 (80). VOL. 1. S. 406-411.

[6] Kirsanov A.R. Comparative legal analysis of registration of rights to real estate in Russia and abroad//State registration of rights to real estate: Problems of registration law. M., 2020.

[7] Koraev K.B. The legal nature of state registration of rights to real estate and transactions with it// Lex Russica. 2025. T. 78. № 8. S. 9-21.

[8] Bevzenko R.S. State registration [electronic edition]. – М.: М-Logos, 2021. – 210 s.

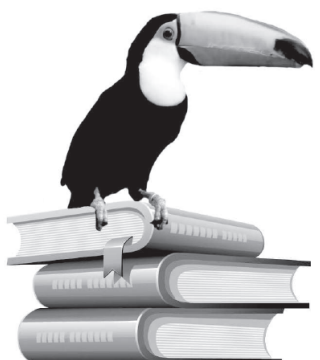
[9] Sukhanov E.A. On property law and real estate//Law. 2023. № 7. S. 32-42.

[10] Naumova A.V. Registration of rights to real estate in England: electronic transfer of rights//Bulletin of Science. 2020. № 2 (23). VOL. 4. S. 86-100.

[11] Bezbach S.V. Registration of real property rights in real estate in England and the USA: dis.... cand. jurid. sciences. – М., 2004. – 223 s.

[12] Romanov M.E. Topical problems of state registration of rights to real estate//Eurasian Bar. 2023. № 1 (60). S. 39-43.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-170-173

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ХАБИБУЛЛИН Айдар Робертович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Казанского (Приволжского)
федерального университета,
e-mail: a_khabibullin@bk.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автор, анализируя структуру правотворческой функции высшего органа конституционного правосудия, исходит из того, что правотворчество представляет собой многомерное явление, сущность и содержание которого варьируется в зависимости от тех объектов, с которыми оно соотносится. Кроме того, автор полагает, что специфика правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается на основе системно-структурного подхода, позволяющего раскрыть его внутреннюю структуру и установить осуществляемые им подфункции.

Ключевые слова: судебное правотворчество, Конституционный Суд Российской Федерации, правотворческая функция, подфункции правотворческой функции.

KHABIBULLIN Aydar Robertovich,
postgraduate student at the Department
of Theory and History of State and Law,
Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University

ON THE STRUCTURE OF THE LAW-MAKING FUNCTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author analyzes the structure of the law-making function of the supreme constitutional justice body, based on the assumption that law-making is a multidimensional phenomenon whose essence and content vary depending on the objects it relates to. Additionally, the author believes that the specificity of the law-making function of the Constitutional Court of the Russian Federation can be revealed through a systemic-structural approach, which allows for the analysis of its internal structure and the identification of its subfunctions.

Key words: judicial lawmaking, Constitutional Court of the Russian Federation, law-making function, subfunctions of the law-making function.

Общие представления о правотворчестве оказывают непосредственное влияние на дискуссию о судебном правотворчестве. Так, правотворчество рассматривается, с одной стороны, как процесс возведения государственной воли в закон, ее оформления в различных нормативных правовых актах, придания содержащимся в них правилам поведения – государственным велениям общеобязательного характера [1], а с другой – как процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур [2]. При этом, если

узкое значение правотворчества предполагает наличие правотворческой компетенции, главным образом, у законодательных и исполнительных органов государственной власти, то его широкое понимание, напротив, допускает участие судов, прежде всего, высших (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации) в правотворчестве.

Вместе с тем, правотворчество выступает многомерным явлением, поэтому представления о его сущности и содержании может варьироваться в зависимости от того, с каким именно объектом соотносится данный вид организационно оформленной публичной деятельности. К при-

меру, А.В. Межеккеей, руководствуясь тем, что объектом правотворчества могут выступать правовые нормы (объективный аспект права), а также субъективные права и обязанности (субъективный аспект права) трактует правотворчество как единый процесс их создания, изменения и отмены [3]. Кроме того, автор полагает, что предупреждение и разрешение коллизий между правовыми нормами, выявление правовых принципов также следует относить к результатам правотворческой деятельности [4]. В таком аспекте понимания правотворчества итоги судебного конституционного контроля как средства разрешения коллизий между конституционными и иными нормами, зафиксированными в источниках позитивного права, выступают специфическими результатами правотворческой деятельности высшего органа конституционного правосудия. Данный подход согласуется с рядом принципов правотворческой деятельности, среди которых выделяются законность, системность, внутренняя согласованность, верховенство нормативных правовых актов с большей юридической силой, а также обязательность создания механизмов для их реализации.

Участие Конституционного Суда Российской Федерации в правотворчестве позволяет выделить в рамках деятельности по осуществлению конституционного правосудия нормотворческое направление, имеющее для данной институции неосновной характер. В этой связи, А.А. Семченков отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации обладает правотворческой функцией, которая, по его мнению, является вторичной, выражается в гармонизации российского закона и конституционализации отраслей российского права [5]. О.В. Попов полагает, что судебное правотворчество верховных судов в Российской Федерации направлено на внесение вторичных (вспомогательных, дополнительных) изменений в действующее законодательство [6]. Е.В. Гриценко подчеркивает, что правотворческая деятельность Конституционного Суда Российской Федерации может рассматриваться в качестве его самостоятельной функции, которая находит свое воплощение в конституционно-судебном правотворчестве [7].

Содержание правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается благодаря ее внутренней структуре, имеющей сложное строение. Иными словами, несмотря на то, что данная функция высшего органа конституционного правосудия обладает определенной целостностью, в ней присутствует разделение на подфункции. Подфункции, как отмечает Л.А. Морозова, воплощают специфическое особенное в рамках конкретного направления деятельности и в воздействии на общественные отношения [8]. Соответственно, подфункции

правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации представляют собой специфичные стороны ее воздействия на конкретные правоотношения при осуществлении конституционного правосудия.

Правотворческая функция Конституционного Суда Российской Федерации включает в себя несколько взаимосвязанных подфункций, прежде всего, негативную и позитивную подфункции, имеющие структурообразующий и системообразующий характер. При этом, позитивная подфункция подразделяется на правосозидательную и правоизменяющую, что, с одной стороны, отражает основные направления правотворческой деятельности, дифференцирующие юридические действия и операции, связанные с созданием, изменением и прекращением действия правовых норм (внешних форм права), а с другой – достигаемые правотворческие результаты (новации в системе правового регулирования). Что касается негативной подфункции, то ее уместно именовать правоотменяющей (право аннулирующей), исходя из очевидных юридических последствий для системы законодательства.

Позитивная правосозидательная подфункция связана с наделением и реализацией Конституционным Судом Российской Федерации ряда полномочий, в том числе конституционных: права законодательной инициативы по предметам своего ведения; права участвовать в федеральном законотворческом процессе при осуществлении превентивного конституционного контроля (ст. 107 (часть 3), ст. 108 (часть 2), ст. 125 (часть 5_1 подпункт «а»)) Конституции России; права по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации давать официальное толкование Конституции Российской Федерации (ст. 125 (часть 5) Конституции России); права участвовать в обсуждении проекта федерального закона об исполнении федерального бюджета и др.

Как показывает анализ судебно-конституционной практики, позитивная правоизменяющая подфункция правотворческой функции имеет собственные формы реализации. Прежде всего, речь идет о правокорректирующем (регулятивно-корректирующем) воздействии результатов конституционного правосудия на правоотношения в обособленном сегменте отраслевого правового регулирования, выступающего предметом судебного рассмотрения. К примеру, в Постановлении от 27 июня 2023 г. N 35-П [9] Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституцион-

ного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, в частности предусмотреть конкретный порядок определения размера повышенной оплаты сверхурочной работы, с тем чтобы обеспечить такую оплату в большем размере по сравнению с оплатой за аналогичную работу, выполняемую в пределах установленной продолжительности рабочего времени.

Другой формой реализации позитивной правоизменяющей подфункции выступает правоконкретизирующее (регулятивно-конкретизирующее) воздействие органа конституционного правосудия, которое выражается в уточнении содержания оспариваемых актов государственного правотворчества, закрепленных в них нормативных предписаний применительно к конкретным ситуациям, случаям или отношениям. В тоже время, объектами конкретизации конституционного правосудия могут также выступать оценочные понятия, конституционные и отраслевые термины, правовые принципы, установление сферы их действия, определение их взаимосвязей между собой и оспариваемым правовым регулированием, потенциал иных регулятивных средств (презумпции, фикции, ограничения и пр.), публично-правовые полномочия, предмет, пределы и объем законодательного регулирования и т.д. Данное обстоятельство позволяет рассматривать данную подфункцию в качестве комплексной, включающей в себя следующие: регулятивно-оценочную, регулятивно-принципную, регулятивно-компетенционную и др.

Следующей формой реализации правоизменяющей подфункции выступает правовосполнительное (регулятивно-восполнительное) воздействие высшего органа конституционного правосудия, которое выражается в выявлении пробелов в правовом регулировании и обосновании нормативных идей для их устранения и восполнения.

К примеру, в Постановлении от 25 апреля 2023 года N 20-П [10] Конституционный Суд Российской Федерации обосновал, что нормы частей 1, 8 и 10 статьи 32 и пункта 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи с иными законодательными и подзаконными актами и по их смыслу в правоприменительной практике не просто порождают пробел в правовом регулировании, но ведут к перерастанию отдельных нормативных погрешностей в такое состояние правового института, когда даже при всем наборе юридических фактов граждан не в силах - в том числе обратившись в компетентный орган власти, а затем и в суд - сформировать уверенные ожидания в отношении возможности и способа удовлетворения своих жилищных потребностей. Согласно общей правовой позиции,

выработанной Конституционным Судом Российской Федерации, если пробельность закона ведет к правоприменению, угрожающему соблюдению конституционных прав, законодателю предписывается преодолеть такой пробел, включая те случаи, когда он подтверждается устойчивой практикой, выработавшей единообразное понимание конкретного регулирования [11].

Вместе с тем, структура правотворческой функции конституционного правосудия не исчерпывается вышеперечисленными подфункциями, поскольку включает в себя дополнительно: регулятивно-ориентационную и регулятивно-обеспечительную, тесно интегрированными с регулятивно-восполнительной подфункцией, регулятивно-сигнальную, регулятивно-интерпретационную, осуществляемую при нормативном и казуальном толковании оспариваемых и иных норм (правовых источников), системно взаимосвязанных с Конституцией Российской Федерации при осуществлении, прежде всего, абстрактного и конкретного конституционного контроля.

Таким образом, структура правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации имеет сложноорганизованный характер, обеспечивая, тем самым, комплексное воздействие данной институции на отдельные элементы системы законодательства в целях, установленных Конституцией Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Гусева С.Г., Коняхина Т.Я. Правотворчество: понятие и принципы//Вестник экономической безопасности. 2016.36.С.257
- [2] Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В.2 т. Т.1. Ярославль, 2005.С.249
- [3] Межеккеей А. В. Судебное правотворчество в современной России: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2023.С.9
- [4] Межеккеей А. В. Судебное правотворчество в современной России: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2023.С.9
- [5] Семченков А.А. Критический анализ правотворческой парадигмы Конституционного Суда Российской Федерации//Право и политика. 2024.№6.С.6
- [6] Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: автореф. дис...канд. юрид. наук. Тольятти, 2004.С.13
- [7] Гриценко Е.В. Пределы нормотворчества Конституционного Суда Российской Федерации// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Вып.2. Сер.14.С.27
- [8] Морозова Л.А. Функции государства// Теория государства и права/ Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С.73

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 года №35-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иванченко» (Электронный ресурс).-Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450508/ (дата обращения 28 декабря 2025 года)

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 года N 20-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 8 и 10 статьи 32 и пункта 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 2 и части 3 статьи 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» в связи с жалобами граждан С.Н. Бирюковой, А.Л. Лебедева и Т.С. Лебедевой, С.З. Раджабова» (Электронный ресурс).-Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/ (дата обращения: 25 декабря 2025 года)

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года N 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» (Электронный ресурс).-Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203/ (дата обращения: 26 декабря 2025 года); Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 года N 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» (Электронный ресурс): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177352/ (дата обращения: 26 декабря 2025 года).

References:

[1] Guseva S.G., Konyakhina T.Ya. Lawmaking: concept and principles//Bulletin of Economic Security. 2016.36. S.257

[2] Kartashov V.N. Theory of the legal system of society: A textbook. V.2 vol. T.1. Yaroslavl, 2005.S.249

[3] Mezhekkey A.V. Judicial jurisprudence in modern Russia: abstract. dis... cand. jurid. sciences. M., 2023.S.9

[4] Mezhekkey A.V. Judicial jurisprudence in modern Russia: abstract. dis... cand. jurid. sciences. M., 2023.S.9

[5] Semchenkov A.A. Critical analysis of the law-making paradigm of the Constitutional Court of the Russian Federation//Law and Politics. 2024. NO. 6.C.6.

[6] O.V. Popov. Theoretical and Legal Issues of Judicial Jurisprudence in the Russian Federation: author. dis... cand. juris sciences. Togliatti, 2004.S.13.

[7] Gritsenko E.V. Limits of rule-making of the Constitutional Court of the Russian Federation//Bulletin of St. Petersburg University. 2012. Issue 2. Ser.14.P.27.

[8] Morozova L.A. Functions of the state//Theory of the sovereign and law/Ed. V.K. Babaev. M., 1999. S.73

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2023 No. 35-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 152 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph two of the Decree of the Government of the Russian Federation "On the minimum wage increase for work at night" in connection with the complaint of citizen S.A. Ivanichenko" (Electronic resource) : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450508/ (accessed 28 December 2025)

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2023 N 20-P "In the case of checking the constitutionality of parts 1, 8 and 10 of Article 32 and paragraph 1 of part 2 of Article 57 of the Housing Code of the Russian Federation, Clause 3 of Article 2 and Part 3 of Article 16 of the Federal Law "On the Fund for Assistance to the Reform of Housing and Communal Services" in connection with the complaints of citizens S.N. Biryukova, A.L. Lebedeva and T.S. Lebedeva, S.Z. Radjabova" (Electronic resource) .- Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/ (circulation date: December 25, 2025)

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 2, 2010 N 5-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 242.1 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation" (Electronic resource). Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203/ (date of appeal: December 26, 2025); Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 31, 2015 No. 6-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of part 4 of Article 2 of the Federal Constitutional Law" On the Supreme Court of the Russian Federation "and paragraph three of subparagraph 1 of paragraph 1 of Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the open joint-stock company Gazprom Neft (Electronic resource): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177352/ (date of appeal: December 26, 2025).

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-174-183

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального
образования им. К.Д. Ушинского (<https://mipo.online>),
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/P-4219-2018>
<https://scholar.google.com/citations?user=SE7TDpMAAAAJ&hl=en>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>

«УПРАВЛЯЕМОЕ» ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку сформулировать понятие «управляемое прецедентное право», выявить его особенности и сущность, проанализировать примеры формирования судебных прецедентов в разных государствах современного мира, а также анализирует специфическую правовую природу судебного прецедента в российском праве и законодательстве, выявляет место и роль высших судов в формировании единого вектора судебной практики, характеризует централизованно производимую и транслируемую систему правовых ориентиров, которые: возникают «сверху» (прежде всего, на уровне Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) и кодифицируются.

Ключевые слова: прецедентное право, управляемая прецедентность, конституционный суд, судебное решение, применение закона.

GRUDTSINA Ludmila Yu.,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Professional Education named after K.D. Ushinsky,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)”,
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences,
Scopus Author ID: 57224262554, Scopus Author ID: 55886571500

“MANAGED” CASE LAW

Annotation. In the article, the author attempts to formulate the concept of “managed case law,” to identify its features and essence, to analyze examples of the formation of judicial precedents in different states of the modern world, and also analyzes the specific legal nature of judicial precedent in Russian law and legislation, reveals the place and role of higher courts in the formation of a single vector of judicial practice, characterizes a centrally produced and broadcast system of legal guidelines that: arise “from above” (primarily at the level of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation) and are codified.

Key words: case law, managed precedent, constitutional court, judgment, application of law.

В российской судебной практике Верховный Суд РФ обеспечивает единообразное применение законодательства, в

том числе, через разъяснения по вопросам судебной практики (Пленум, обзоры и т.п.). Это прямо вытекает из федерально-конституционного регу-

лирования и полномочий Верховного Суда РФ. На практике это дает эффект «квази-нормативного прецедента», когда анализ и обобщение Верховным Судом РФ большого количества однотипных дел, рассмотренных судами разных уровней, дает ориентир для последующих рассмотрений аналогичных дел нижестоящими судами, которые, в свою очередь, ориентируются на имеющуюся практику вышестоящих судов: нижестоящий суд формально применяет статью закона, но фактически применяет ее «прочтение», институционально сформированное сверху.

Конституционные суды в континентальных системах почти неизбежно создают самый сильный уровень прецедентности: их решения обладают особой юридической силой и задают обязательные конституционно-правовые позиции для национальной судебной практики. В сравнительном праве это обычно фиксируется прямо и четко в законе: например, в Германии решения Федерального конституционного суда обязательны для всех судов и органов.

Это важно для понимания общего принципа: конституционный прецедент – достаточно «жесткий» даже в системах, которые не признают прецедент источником права. Управляемость проявляется не только в текстах обзоров и разъяснений, но и в том, какие судебные дела становятся «носителями стандарта». Чем жестче фильтры на уровне кассационного пересмотра судебных решений, тем больше система рассмотрения и пересмотра судебных решений смещается к модели: «меньше судебных дел → выше доля стандартообразующих судебных решений → больше единообразие судебной практики (а значит, система более предсказуема и управляема)». Именно это, на наш взгляд, отличает управляемую прецедентность от «естественной» повторяемости судебной практики.

Под «управляемым» прецедентным правом в настоящей статье понимается централизованная система правовых ориентиров, которые: формируются «сверху» (прежде всего, - на уровне Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, судебные акты которых обязательны для нижестоящих судов), распространяются вертикально через процедуры пересмотра судебных решений, поддерживаются фильтрами допустимости (вплоть до того, «какие дела станут носителями стандарта» (Например, судебное дело Долиной-Лурье)), при этом догматически сохраняется формула «источник - закон, суд лишь толкует норму закона».

Проанализируем зарубежное законодательство и судебные системы государств, в которых присутствует именно управляемое (централизо-

ванное) прецедентное право: когда верховные/конституционные юрисдикции создают и продвигают стандарты специальными механизмами.

В Латинской Америке существует формализованная обязательная «юриспруденция», когда судебный прецедент управляется через формулы и/или режим обязательности применения судебных решений вышестоящих судов.

Конституция Бразилии прямо предусматривает механизм связывающих «сумул» Федерального верховного суда Бразилии (который выполняет, в том числе, роль Конституционного суда). Это классический пример управляемого «судебного прецедента», созданного для стандартизации и управляемости судебной системы Бразилии. В бразильской правовой системе «связывающая сумула» (*súmula vinculante*) - это инструмент, который превращает повторяющуюся конституционную позицию Федерального верховного суда Бразилии (порт. *Supremo Tribunal Federal, STF*) в четкий и понятный нормативный тезис, обязательный для всей судебной системы и публичной администрации. По существу, это не накопление большого и подчас разрозненного массива судебных решений, а управленческое «тиражирование» определенного правила, рассчитанное на уменьшение расхождений в принятии бразильскими судами решений по похожим делам и снижение транзакционных издержек [1].

С точки зрения управляемости правопорядка *súmula vinculante* интереснее классического *stare decisis*: в общем праве (*common law*) правило выводится из *ratio decidendi* (*Ratio decidendi* - это юридически обязательное основание судебного решения: та правовая норма/правило (в формулировке суда) и тот ключевой юридический вывод, без которого итоговый результат по делу был бы иным) конкретного дела и воспроизводится через аргументацию, а в Бразилии высший суд получает конституционно-легальный канал «вывода позиции в норму», дополняемый процедурами исполнения, пересмотра и даже модификации эффекта во времени.

Статья 103-А Конституции Бразилии закрепляет данный правовой механизм: Федеральный верховный суд Бразилии может по собственной инициативе утвердить связывающую сумулу решением не менее 2/3 судей, но только после повторяющихся решений по конституционному вопросу. Далее, сумула должна быть направлена на толкование или анализ эффективности конкретных норм при отсутствии однозначности толкования между судами либо между судами и администрацией, если сумула создает «правовую неопределенность». Наконец, Конституция Бразилии предусматривает специальный правовой

механизм принуждения к соблюдению: при противоречии сумуле или ее неправильном применении допускается обращение с *reclamação* в Федеральный верховный суд Бразилии, который вправе аннулировать акт администрации или отменить судебное решение и предписать новое рассмотрение [2].

Таким образом, встроенные в конституционную формулу правовые фильтры - «повторяемость» позиции, квалифицированное большинство, привязка к конституционной материи и к эффектам в виде правовой неопределенности - делают *súmula vinculante* не просто источником права, а механизмом управления повесткой унификации. STF получает право не реагировать на каждое расхождение, а вмешиваться там, где расхождение становится системным риском для порядка.

Закон Бразилии № 11.417 от 19 декабря 2006 г. детализирует конституционную конструкцию и делает ее прикладной. Во-первых, он повторяет ключевые критерии: сумула утверждается после повторяющихся решений по конституционной материи и приобретает связывающую силу после официальной публикации. Во-вторых, закон устанавливает квалифицированное большинство 2/3 и перечисляет субъектов, уполномоченных инициировать принятие, пересмотр или отмену сумулы (включая Президента Бразилии, руководства палат Конгресса, Генпрокурора, политические партии с представительством, губернаторов и широкий круг высших судов) [3].

Ключевой «управленческий» элемент закона - возможность управлять действием нормы во времени. STF вправе, по тому же правилу квалифицированного большинства, ограничивать связывающий эффект сумулы или устанавливать отложенное вступление в силу, если того требуют соображения правовой безопасности или исключительного публичного интереса. Это прямой аналог «модуляции последствий» (*modulação*) [3].

В-третьих, Закон Бразилии № 11.417 от 19 декабря 2006 г. переводит «обязательность» из декларации в режим дисциплины: если судебное решение или административный акт противоречат сумуле, отрицают ее действие или применяют ее неправильно, допускается *reclamação* в STF; при удовлетворении жалобы суд аннулирует акт администрации или отменяет судебное решение, предписывая новое рассмотрение с применением или без применения сумулы, в зависимости от характера ошибки. Дополнительно закон встраивает сумулу в административную процедуру: при ссылке заявителя на нарушение сумулы орган власти обязан мотивировать применимость/неприменимость, а при удовлетворении

reclamação - корректировать будущие решения по аналогичным случаям под угрозой персональной ответственности [3].

Súmula vinculante — это институциональный ответ на типичную проблему континентальной юстиции: в условиях массового судопроизводства и сложной федеративной архитектуры расхождения практики быстро превращаются в «поток одинаковых дел» и подрывают доверие к праву. Бразильская модель не просто признает авторитет высшей инстанции, а конструирует канал централизованного выбора «правообразующих» вопросов и их последующей стандартизации.

Хрестоматийный пример - *Súmula Vinculante* № 13 (непотизм). Сумула в нормативной формуле фиксирует конституционный запрет назначения супругов и родственников до третьей степени (включая «взаимные назначения» - *nepotismo cruzado*) на должности доверия, комиссионные должности и функции с надбавкой в публичной администрации на всех уровнях и во всех ветвях власти. Практический эффект - перевод этического и антикоррупционного стандарта в режим обязательного правоприменения: после публикации сумулы нарушение может быть атаковано напрямую в STF через *reclamação*, что резко повышает предсказуемость и снижает стимул к «локальным исключениям» [4].

Не менее важен кейс *Súmula Vinculante* № 11 (использование наручников). Текст SV 11 (по сути - обязательное правило STF) сводится к трем блокам:

- Наручники допустимы только как исключение (а не «по умолчанию») при наличии следующих условий (угроз): сопротивление, обоснованный риск побега и/или реальная опасность физической целостности (самого задержанного/обвиняемого или третьих лиц).
- Исключительность должна быть письменно мотивирована (*justificada por escrito*). Важно, что такой «компактный стандарт» немедленно распространяется на практику полиции, судов и пенитенциарной системы, а ключевой канал коррекции - *reclamação* в STF, что превращает единичные злоупотребления в управляемую категорию правоприменительного контроля [5].
- Санкции за нарушение: дисциплинарная/гражданская/уголовная ответственность должностного лица и возможная гражданская ответственность государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бразильская *súmula vinculante* - это «управляемый прецедент» в строгом смысле слова: она институционально отделяет этап «выработки

позиции» (повторяющиеся решения по конституционному вопросу) от этапа «массовой имплементации» (*enunciado* с обязательной силой и механизмом принуждения) правовых норм и решений судов. В результате в Бразилии судебный прецедент перестает быть исключительно техникой судейского рассуждения и превращается в управленческий инструмент: высшая инстанция не просто убеждает, а директивно стандартизирует, при этом сохраняя инструменты адаптации (пересмотр, отмена, модификация эффекта).

Конституция Мексики закрепляет рамочную модель: обязательная сила судебных решений допускается и признается, но ее пределы и механизм задаются законом. В ст. 94 Конституции Мексики прямо установлено, что именно закон определяет, в каких случаях судебные решения федеральных судов будут обязательными [6].

Мексиканская модель «юриспруденции» (*jurisprudencia*) демонстрирует, как континентальная по происхождению система может встроить судебную прецедентность не через неформальную силу авторитета (вышестоящих судов по отношению к нижестоящим), а через т.н. правовой «режим производства обязательности». Здесь судебный прецедент выступает не столько как массив судебной практики, сколько как управляемый институт, когда законодатель задает условия, при которых судебный критерий превращается в обязательный стандарт для судов, и одновременно задает процедуру его «обновления» и прекращения обязательной силы [7].

Законодательная реализация статьи 94 концентрируется в Законе об ампаро (*Ley de Amparo*) (Процедура защиты конституционных прав, закрепленная в конституционном законодательстве Мексики). В Титуле IV закон прямо кодифицирует способы формирования прецедентной системы в Мексике: (1) через обязательные прецеденты (*precedentes obligatorios*), (2) через повторяемость позиции высших судов и (3) через разрешение противоречий в критериях (*contradicción de criterios*). Таким образом, обязательность не является «встроенным свойством» любого судебного решения: она возникает по заранее установленным процедурам и привязана к определенным органам (например, к Верховному суду или к коллегияльным судам округа) [8].

Важный управленческий эффект дает «разделение труда»: законодательство Мексики не только перечисляет режимы, но и закрепляет, какие инстанции вправе производить соответствующую судебную практику. Параллельно определяется и масштаб обязательности: позиции Верховного суда Мексики обязательны для всех юрисдикционных органов федерации и субъектов (за

исключением самого Верховного суда Мексики), позиции региональных пленумов - для судов соответствующего региона, а позиции коллегияльных судов округа - для судов соответствующего округа.

Режим *reiteración* - один из самых «показательных» для управляемой прецедентности в современной Мексике. Закон задает количественный и качественный порог: коллегияльный суд округа формирует обязательную *jurisprudencia*, если он единогласно выдерживает один и тот же критерий в пяти решениях подряд, не прерванных противоположной позицией. Конструкция напоминает сертификацию стандарта: единичное решение еще не создает обязательного правила, но повторяемость, согласованность и отсутствие конкурирующего критерия переводят позицию в режим обязательности.

Режим *contradicción de criterios* институционализирован переработку расхождений (*Contradicción de criterios* (исторически — *contradicción de tesis*) — это особая, «не-контенциозная» процедура унификации судебной практики в Мексике. Ее задача — снять расхождения в правовых позициях (критериях) разных федеральных судов и установить обязательное для них решение. Правовой режим закреплён в Законе об ампаро, Титуло IV, Capítulo IV). Если различные суды (например, коллегияльные суды округа) вырабатывают несовместимые критерии, закон предусматривает процедуру «сведения» противоречия к единому стандарту: конфликт рассматривается либо Верховным судом Мексики, либо региональным Пленумом - в зависимости от того, между какими судами возникло расхождение. Так обеспечивается баланс между единством практики и стабильностью завершённых дел.

Мексиканское прецедентное право «управляется» не только «порогами обязательности», но и форматом представления правовой позиции. Закон требует, чтобы при формировании релевантного критерия оформлялась теза (*tesis*), фиксирующая факты, юридический критерий и краткую аргументацию. Далее предусматривается централизованная публикация этих *tesis* в *Semanario Judicial de la Federación*. По сути, это превращает *ratio decidendi* из объемного судебного текста в стандартизированный, индексируемый и операционально удобный «носитель правила», пригодный для массового применения судами и для комплаенса участников оборота.

Ключевой элемент управляемого прецедентного права - контролируемая возможность отхода. Закон прямо закрепляет, что суды не обязаны следовать собственным прежним *jurisprudencias*; однако отход допустим лишь при наличии достаточной аргументации. В таком слу-

чае прежняя *jurisprudencia* прерывается и утрачивает обязательный характер, а новая формируется по тем же правилам, что и первоначальная. Это дисциплинирует «эволюцию» критериев: смена стандарта становится процедурно осмысленным событием, которое должно быть обосновано и встроено в понятную схему. Тем самым, мексиканская *jurisprudencia* показывает модель прецедентности, принципиально отличную от *common law*. Обязательность здесь не следует из общего принципа *stare decisis*, а конструируется как «режим» с заранее заданными порогами (сколько решений и при каких голосах), процедурами унификации (*contradicción*), каналами распространения и механизмами прекращения обязательной силы (*interrupción*). В терминах управляемого прецедента это означает, что система не ожидает, пока практика «естественно» устоится, а институционально проектирует момент, форму и масштаб правообразования судебной практикой [9].

Прецедентность в КНР устроена принципиально иначе, чем в общем праве (*common law*): она не «вырастает» из практики через конкуренцию аргументов и постепенное накопление *ratio decidendi*, а проектируется и администрируется центром. Система *Guiding Cases* - это не «судебное право» в англо-саксонском смысле, а управленческий контур унификации: Верховный народный суд (SPC) выбирает дела, извлекает из них «правовые ядра» и превращает их в стандартизированный ориентир для похожих споров [10].

Руководящие дела, опубликованные SPC, подлежат учету судами всех уровней при рассмотрении аналогичных дел. В «Положениях о работе по руководящим делам» (Нормативный акт Верховного народного суда КНР 2010 г. — «Положения о работе по руководящим делам»). Он учредил систему т.н. «руководящих дел» (*guiding cases*) и задал ее базовые правила. Суды должны ссылочно учитывать руководящие дела при рассмотрении аналогичных дел. Это не «источник права» в узком смысле: в мотивировке можно цитировать руководящее дело, но не указывать его как правовое основание решения) (2010) это выражено следующим образом: «суды всех уровней при рассмотрении сходных дел должны руководствоваться (следовать как ориентиру)». Но одновременно система сохраняет континентальную идеологию «закон - единственная основа решения»: уже в *Implementing Rules* (2015) проведена граница между референсным использованием и нормативным основанием. Суд вправе ссылаться на *Guiding Case* как на элемент мотивировки, однако не вправе использовать его как правовое основание. Это центральный конструкт модели:

обязательность ориентирования и запрет превращать кейс в «норму». В результате достигается эффект судебного прецедента (единообразие и предсказуемость), но не меняется формальная доктрина источников права.

В системе общего права (*common law*) «ведущими» становятся дела, которые суды «поднимают» через цитирование и практику. В КНР - наоборот: ведущими становятся только те, которые центр назначил ведущими. Механика отбора и легитимации устроена как административно-процессуальный конвейер: создается специализированный офис, отвечающий за отбор, проверку и внесение дел на утверждение; кандидаты могут исходить от судов разных уровней, но проходят многоступенчатый отбор; финальная легитимация происходит через обсуждение и решение судейского комитета SPC.

В англо-саксонской модели «правило» формируется из текста решения через спор о том, где *ratio*, а где *obiter*. В китайской модели правило предварительно выделяется и стандартизируется: *Guiding Case* имеет унифицированную структуру (ключевые слова, «основные пункты/Highlights», релевантные нормы, фабула, мотивировка и т. п.). Отсюда появляется управленческий эффект: снижается вариативность интерпретации. Суд на местах уже не «угадывает», что было решающим - ему дают готовый «смысл нормы», который должен быть воспроизведен в конкретном судебном решении. Отметим, что с 2024 г. КНР усиливает «управляемую прецедентность» инфраструктурно: вводится *People's Court Case Database* как единая база, куда включаются *Guiding Cases* и прошедшие проверку «референсные» дела.

Суды при рассмотрении дел обязаны осуществлять поиск по базе, строго следовать закону и судебным толкованиям и учитывать сходные «включенные» кейсы; «включённые» кейсы могут использоваться как мотивировочные ориентиры, но не как правовое основание; при представлении сторонами «включённых кейсов» суд обязан отвечать в мотивировке [11].

Если поставить рядом три модели «управляемой прецедентности» Японии, Тайваня и КНР, различия между этими моделями становятся концептуально ясными:

Во-первых, Япония добивается единообразия главным образом через де-факто следование позициям Верховного суда и процессуальные барьеры для смены линии (расширенные составы и т. п.). Это «иерархическая привычка» плюс процедурная стабилизация.

Во-вторых, Тайвань институционализирует разрешение расхождений через *Grand Chamber*: конфликт толкований не «терпят», а перерабаты-

вают в единый подход через специальную процедуру. Это управляемость через механизм унификации внутри финальной инстанции.

В-третьих, КНР действует жестче и технологичнее: центр не просто «фиксирует» линию, а назначает ведущие дела, «упаковывает» их в стандарт, обеспечивает обязательный поиск и принуждает к мотивированному ответу. Это управляемость через централизованную селекцию + инфраструктуру обнаружения и применения.

Сильная сторона китайской модели, на наш взгляд, - это скорость и управляемость: она способна быстро «собирать стандарт» в новых сферах (цифровая экономика, комплаенс-контуры, массовые типовые споры), не дожидаясь полной законодательной детализации. Слабая сторона - риск «административизации» судебного развития: когда стандарт задаётся сверху, конкуренция аргументов и «медленная эволюция» могут уступать место политике унификации.

Немецкая модель «прецедентности» работает не через формулу *stare decisis*, а через фильтр допуска ревизии (*Revision*): в ФРГ судебная система заранее решает, какие дела должны стать правообразующими, потому что они (а) развивают право (*Fortbildung des Rechts*), либо (б) восстанавливают/удерживают единство практики (*Sicherung einer einheitlichen Rechtsprechung*) [12]. Это и есть «управляемый судебный прецедент»: не любое решение высшей инстанции «делает право», а только то, которое институционально отобрано для этой функции [13].

Почему это именно «управление правотворчеством», а не просто процессуальная техника? В классической логике континентального права апелляция - это преимущественно коррекция конкретной ошибки. Ревизия в Германии - иной инструмент: она концептуально «публична» по цели. Условие допуска «вшито» в закон: ревизия допускается, когда дело требует решения высшей инстанции ради развития права или ради единообразия (и, отдельно, при фундаментальной значимости вопроса). Отсюда практический эффект: снижается случайность того, какие споры определяют будущую практику; верховные суды получают управляемую «повестку правовых вопросов», а не бесконечный поток частных ошибок; нижестоящие инстанции дисциплинируются: им важно писать решения так, чтобы они были совместимы с линией высших судов и не провоцировали допуск ревизии по основанию «расхождения/подрыва единства». В немецкой доктрине и законопроектных материалах это обычно описывается как смещение акцента к «общественным целям ревизии» (прояснение, развитие, единообразие).

Японское право обычно относят к континентальной традиции: источником «первого порядка»

выступает закон, а судебное решение мыслится как акт применения, а не самостоятельного нормотворчества. В Японии отсутствует формальная доктрина *stare decisis* (*Stare decisis* (лат. «стоять на решенном»)) - это базовая доктрина общего права, по которой суды следуют правовым позициям, уже сформулированным в ранее решенных делах при аналогичных фактах и вопросах права. Обязательная сила распространяется на *ratio decidendi* (существенную правовую основу решения), а не на *obiter dicta* (попутные соображения)) в англо-американском смысле. Однако на уровне реального правоприменения судебные позиции Верховного суда Японии обладают выраженной «де-факто связывающей силой»: Верховный суд Японии, как правило, следует собственной линии, а нижестоящие суды обычно ориентируются на неё как на стандарт разрешения аналогичных вопросов. Тем самым возникает режим управляемой прецедентности, где предсказуемость обеспечивается не «догматикой источников», а сочетанием профессиональной практики и процессуальных барьеров для отклонений.

Тезис о «необязательности» прецедента в Японии корректен лишь на уровне формальной теории: судебные решения не объявлены законом как универсально обязательные нормы для всех будущих дел. В то же время в реальной системе координат отклонение от позиции Верховного суда является институционально дорогим. Суды нижестоящих инстанций понимают, что расхождение с устоявшимся *hanrei* повышает вероятность отмены/изменения решения в последующих инстанциях и создаёт риск признания правовой позиции «нестандартной» в условиях ориентации системы на единообразие. Доктрина прямо фиксирует: хотя прецеденты «не юридически обязательны», они обладают *de facto binding power*, причем это проявляется как в привычке Верховного суда сохранять собственную линию «в нормальных ситуациях», так и в практике нижестоящих судов «обычно следовать» решениям Верховного суда Японии.² Для исследования принципиально важно, что эта де-факто обязательность не сводится к уважению «авторитета» высшей инстанции. Она укоренена в управленческой логике судебной системы: предсказуемость и единообразие рассматриваются как ценность, которая оправдывает «самоограничение» судов и стандартизацию аргументации.

Япония демонстрирует принципиальный тезис для сравнительного правоведения: прецедентность может быть не доктриной «источников права», а инженерией институтов [14]. Отсутствие формального *stare decisis* не устраняет прецедентный эффект; он возникает как: де-факто обязательность позиций Верховного суда в силу ори-

ентации системы на единообразие и стабильность;² процедурный барьер для отклонения от собственной линии Верховного суда (ст. 10 Court Act) [15]; жесткая связывающая сила по конкретному делу через реманд (ст. 325(3) Code of Civil Procedure). В результате участники оборота получают ключевой «прецедентный» продукт - предсказуемость и сниженные транзакционные издержки правовой неопределённости - даже при формальном сохранении континентальной риторики о первичности закона [16].

В Тайване создана система Grand Chamber в судах высшей инстанции для выработки единого подхода (стандарта судебного толкования) при расхождениях в судебном толковании. Grand Chamber создана в Верховном суде - это отдельные Civil Grand Chamber и Criminal Grand Chamber; в Верховном административном суде - Grand Chamber. Состав фиксирован (11 судей в гражданской и уголовной, 9 - в административной), с комбинацией назначаемых/избираемых судей и двухлетним сроком для избранных. Ключевая функция сформулирована предельно прямо: унификация толкования статута.

В common law конфликт практики часто «растворяется» через постепенную стабилизацию прецедента (или через точечный overruling). В континентальных системах - через разъяснения/пленумы или вмешательство законодателя. Тайвань выбрал третий путь: институциональную переработку конфликта внутри самой судебной процедуры финальной инстанции. Если коллегия видит, что ее толкование расходится с ранее сложившейся позицией (или если вопрос принципиально значим), в Тайване предусмотрен механизм направления вопроса в Grand Chamber; при этом модель построена так, чтобы сам суд не мог «тихо» уехать в сторону - запускается процедура согласования/сопоставления позиций между дивизионами и далее - формализованное вынесение на Grand Chamber. Важно отметить, что Grand Chamber не ограничивается внутренним «совещанием судей». Подчеркивается обязательность (или, по меньшей мере, институциональная заданность) устных слушаний, возможность участия представителей сторон и даже привлечение экспертов/учёных для мнений по вопросам толкования. Формально постановление Grand Chamber обязательно для дела, из которого вопрос был передан: коллегия-заявитель должна затем вынести финальное решение в соответствии с позицией Grand Chamber.

Отмечается, что Grand Chamber пришла на смену более старому механизму отбора “precedents/resolutions”, который критиковали за отрыв от фактической основы дел и недостаток прозрачности/участия сторон. Новая система,

напротив, стремится «привязать» унификацию к конкретному спору и обеспечить открытость процесса. Таким образом, Grand Chamber на Тайване - это встроенный в финальную инстанцию механизм унификации толкования, который превращает расхождение практики из «естественного шума» судебной системы в управляемую процедуру выработки стандарта: конфликт выявляется, процессуально поднимается на уровень «большой скамьи», обсуждается в более прозрачном и состязательном формате и возвращается в дело как обязательная правовая позиция, фактически задавая ориентир для всей последующей практики.

Южная Корея. Как и в других континентальных системах, решения Конституционного суда Южной Кореи обладают обязательной силой для судов и государственных органов - сильный уровень управляемой прецедентности на конституционном контуре. В южнокорейской правовой системе (в целом относимой к континентальной традиции) «прецедентность» не является универсальным принципом уровня stare decisis. Однако на конституционном контуре она возникает в очень сильной, институционально закреплённой форме: решения Конституционного суда Республики Корея не просто «убеждают», а обязуют. Именно это и позволяет говорить о «управляемой прецедентности» в конституционном слое.

В континентальной модели базовая логика такова: нормы создает законодатель, суд применяет. Поэтому обычные судебные решения, даже авторитетные, чаще функционируют как ориентир, а не как формально обязательное правило. Конституционный контроль - исключение: здесь суд не просто «применяет», а устанавливает границы допустимого для законодателя и администрации. Южная Корея прямо закрепляет эту роль через юридическую силу решений Конституционного суда.

Согласно ст. 47 Закона Республики Корея «О Конституционном суде» (Constitutional Court Act) [17] решение о неконституционности закона обязывает обычные суды, другие государственные органы и органы местного самоуправления. Это принципиально: обязательность вытекает не из «авторитета высшего суда», а из прямой нормы, которая превращает решение Конституционного суда Республики Корея в юридический якорь всей правоприменительной системы. Дополнительно: по спорам о компетенции Конституционный суд также выносит решения, обязательные для всех государственных органов и местного самоуправления (ст. 67). Когда норма признана неконституционной, обычные суды и органы власти не вправе продолжать ее применять. Конституционный суд Республики Корея тем самым закрывает опреде-

ленную правовую позицию для дальнейшего использования и снимает пространство дискретности: нельзя «иначе истолковать и сохранить».

Статья 47 Закона Республики Корея «О Конституционном суде» предусматривает, что признанная неконституционной норма утрачивает силу со дня решения, а для уголовно-правовых норм предусмотрена ретроактивность (с возможностью пересмотра приговоров). Это уже не абстрактная «высшая юридическая сила Конституции», а конкретный управленческий инструмент: система заранее знает, когда и как меняется нормативная среда.

В конституционной жалобе (constitutional complaint) удовлетворение требований связывает государственные органы: при признании неконституционного бездействия адресат должен совершить новое действие/вынести новое решение в соответствии с позицией суда. Это фактически превращает решение в обязательный «шаблон корректного поведения» для власти. Потому что возникает типичная для прецедента функция: есть сформулированное судом правило, оно обязательно для повторяемого применения другими судебными органами, и оно структурирует аргументацию: чтобы действовать иначе, нужно не «поспорить», а именно изменить нормативный контекст (например, принять новую редакцию закона, отвечающую требованиям суда). Иначе говоря, Конституционный суд Южной Кореи создает «конституционные реперные точки» - набор решений, которые работают как обязательные ориентиры поведения для правоприменителей.

Характерная черта управляемой прецедентности - решения, которые не просто «отменяют», но задают рамку для дальнейшего регулирования (например, признание нормы неконституционной/несоответствующей Конституции с установлением срока на исправление). В публичной дискуссии показательным стало решение Конституционного суда Южной Кореи по климатическому законодательству (август 2024 г.) [18], где суд признал проблемной часть регулирования и указал законодателю устранить пробелы в долгосрочных целях в установленный срок (до конца февраля 2026 г.). Это типичное проявление конституционного «управления неопределённостью»: суд закрепляет обязательный стандарт, но оставляет законодателю пространство для выбора конкретной модели исполнения. Эта обязанность относится прежде всего к конституционному контру (конституционность законов, компетенции, конституционные жалобы). Она не превращает всю систему Южной Кореи в common law, но создает предсказуемость и стабильность действующих законов.

Россия в настоящее время, на наш взгляд, находится не на траектории «общего права», а в

логике управления сложной структурой системы российского законодательства (его применения и интерпретации судами) через обзоры и разъяснения высших судов (Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ): когда правовая система перегружена объемом норм и количеством рассматриваемых судебным делом, государство почти неизбежно усиливает стандарты применения закона, производимые высшими судебными инстанциями. Однако движение в сторону «общего права» можно проследить, с учетом российской специфики и появлением нового, обсуждаемого в российской науке, понятия «управляемая прецедентность». Это режим, в котором повторяемость судебных решений возникает не естественным образом из практики (как в англо-саксонских странах), а производится и распространяется институционально: верховные/конституционные инстанции отбирают правовые вопросы, формируют «стандарты» (обзоры, разъяснения и т.д.) и обеспечивают их тиражирование через фильтры пересмотра и инфраструктуру распространения в структуре судебной системы России.

Список литературы:

- [1] Brasil. Emenda Constitucional nº 45, de 2004 (введение механизма súmula vinculante) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/emendas/emc/emc45.htm (дата обращения: 30.12.2025).
- [2] Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. (текст, компилированный до Конституционной поправки № 132/2023) [Электронный ресурс]. Бразилия: Senado Federal, 2023. Ст. 103-A. URL: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/645769/CF88_EC132_livro.pdf (дата обращения: 04.01.2026).
- [3] Бразилия. Закон № 11.417 от 19 декабря 2006 г. «Regulamenta o art. 103-A da Constituição Federal...» [Электронный ресурс] // Portal da Câmara dos Deputados. Art. 1–3. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/2006/lei-11417-19-dezembro-2006-548408-publicacaooriginal-63540-pl.html> (дата обращения: 04.01.2026).
- [4] Conselho Federal da OAB. STF edita súmula que veda nepotismo. Contratações cruzadas também proibidas: notícia de 21.08.2008 [Электронный ресурс]. Текст enunciado Súmula Vinculante nº 13 приведён в материале. URL: <https://www.oab.org.br/noticia/14406/stf-edita-sumula-que-veda-nepotismo-contratacoes-cruzadas-tambem-proibidas> (дата обращения: 04.01.2026).
- [5] FUDOLI, Rodrigo de Abreu. Uso de algebras: a Súmula Vinculante nº 11, do STF: статья (MPDFT), 19.08.2008 [Электронный ресурс]. В статье приведён текст Súmula Vinculante nº 11 и перечислены основные прецеденты (в т. ч. НС

91.952). URL: <https://www.mpdft.mp.br/portal/index.php/comunicacao-menu/sala-de-imprensa/artigos-menu/682-uso-de-algemas-a-sumula-vinculante-n-11-do-stf> (дата обращения: 04.01.2026).

[6] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Art. 94 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scjn.gob.mx/sites/default/files/cpeum/documento/CPEUM-094.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[7] México. Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (ст. 215: способы установления jurisprudencia) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

[8] Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: текст по состоянию на 16.10.2025 (Última Reforma DOF 16-10-2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[9] Hernández Montes de Oca, R. La jurisprudencia en la reforma judicial mexicana de 2021 // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucional (UNAM). Последняя модификация: ноябрь 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18589/19926> (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Supreme People's Court. Guiding Opinions on Strengthening Searches for Similar Cases to Unify the Application of Law (Provisional) [Электронный ресурс] / пер. (англ.) China Law Translate. — 27.07.2020. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/case-review/> (дата обращения: 04.01.2026).

[11] Finder S. The Supreme People's Court's New Case Database [Электронный ресурс]. — 05.03.2024. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/the-supreme-peoples-courts-new-case-database/> (дата обращения: 04.01.2026).

[12] Deutschland. Bundesverfassungsgericht: Wirkung der Entscheidungen (связующая сила решений; отсылка к § 31 BVerfGG) [Elektronische Ressource]. — URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Entscheidungen/Wirkung-DerEntscheidungen/wirkungDerEntscheidungen_node.html (дата обращения: 30.12.2025).

[13] Bundesgerichtshof. Beschluss des II. Zivilsenats vom 17.11.2020 – II ZR 182/19 (электронный ресурс). Доступ из базы juris (дата обращения: 04.01.2026).

[14] Code of Civil Procedure (Act No. 109 of 1996) [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation. — Article 325(3). — URL: <https://www.japanese-lawtranslation.go.jp/en/laws/view/2053/en> (дата

обращения: 04.01.2026). (Японский перевод закона).

[15] Court Act (Act No. 59 of 1947) [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation. — Article 10. — URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3225/en> (дата обращения: 04.01.2026). (Японский перевод закона).

[16] The Japanese Judicial System [Электронный ресурс] // Prime Minister of Japan and His Cabinet (Kantei). — URL: <https://japan.kantei.go.jp/judiciary/0620system.html> (дата обращения: 04.01.2026). (Prime Minister's Office of Japan).

[17] Официальная публикация (Электронный вестник, Gwanbo): <https://www.gwanbo.go.kr/> (gwanbo.go.kr). Национальный правовой портал MOLEG — Закон «О Конституционном суде» (корейский текст, консолидация): <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=202763> (law.go.kr).

[18] Полный текст решения (англ., PDF): https://isearch.ccourt.go.kr/download.do?filePath=%2Fst_xml%2Fsddata3%2Fccourt%2FxmlData_new%2FxmlFile%2F0%2F010400%2F2024%2Fpdf%2Fe20m389_1.pdf (isearch.ccourt.go.kr).

References:

[1] Brasil. Emenda Constitucional nº 45, de 2004 (introduction of the súmula vinculante mechanism) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/emendas/emc/emc45.htm (access date: 30.12.2025).

[2] Constitution of the Federative Republic of Brazil of October 5, 1988 (text compiled before Constitutional Amendment No. 132/2023) [Electronic Resource]. Brasília: Senado Federal, 2023. Art. 103-A. URL: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/645769/CF88_EC132_livro.pdf (access date: 04.01.2026).

[3] Brazil. Law No. 11.417 of December 19, 2006 "Regulamenta o art. 103-A da Constituição Federal..." [Electronic resource] // Portal da Câmara dos Deputados. Art. 1–3. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/2006/lei-11417-19-dezembro-2006-548408-publicacaooriginal-63540-pl.html> (access date: 04.01.2026).

[4] Conselho Federal da OAB. STF edita súmula que veda nepotismo. Contratações cruzadas também proibidas: notícia de 21.08.2008 [Электронный ресурс]. The text enunciado Súmula Vinculante nº 13 is given in the material. URL: <https://www.oab.org.br/noticia/14406/stf-edita-sumula-que-veda-nepotismo-contratacoes-cruzadas-tambem-proibidas> (дата обращения: 04.01.2026).

[5] FUDOLI, Rodrigo de Abreu. Uso de algemas: a Súmula Vinculante nº 11, do STF: article (MPDFT), 19.08.2008 [Electronic resource]. The article contains the text Súmula Vinculante nº 11 and

lists the main precedents (including HC 91.952). URL: <https://www.mpdf.mp.br/portal/index.php/comunicacao-menu/sala-de-imprensa/artigos-menu/682-uso-de-algemas-a-sumula-vinculante-n-11-do-stf> (дата обращения: 04.01.2026).

[6] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Art. 94 [Electronic resource]. URL: <https://www.scjn.gob.mx/sites/default/files/cpeum/documento/CPEUM-094.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[7] México. Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (ст. 215: способы установления jurisprudencia) [Электронный ресурс]. - Access mode: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (access date: 30.12.2025).

[8] Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: текст по состоянию на 16.10.2025 (Última Reforma DOF 16-10-2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[9] Hernández Montes de Oca, R. La jurisprudencia en la reforma judicial mexicana de 2021 // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucional (UNAM). Last modification: November 2025 [Electronic resource]. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18589/19926> (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Supreme People's Court. Guiding Opinions on Strengthening Searches for Similar Cases to Unify the Application of Law (Provisional) [Электронный ресурс] / пер. (англ.) China Law Translate. - 27.07.2020. - URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/case-review/> (access date: 04.01.2026).

[11] Finder S. The Supreme People's Court's New Case Database [Электронный ресурс]. —

05.03.2024. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/the-supreme-peoples-courts-new-case-database/> (дата обращения: 04.01.2026).

[12] Deutschland. Bundesverfassungsgericht: Wirkung der Entscheidungen (связующая сила решений; отсылка к § 31 BVerfGG) [Elektronische Ressource]. — URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Entscheidungen/WirkungDerEntscheidungen/wirkungDerEntscheidungen_node.html (дата обращения: 30.12.2025).

[13] Bundesgerichtshof. Beschluss des II. Zivilsenats vom 17.11.2020 - II ZR 182/19 (electronic resource). Access from juris database (accessed on: 04.01.2026).

[14] Code of Civil Procedure (Act No. 109 of 1996) [Electronic Resource] // Japanese Law Translation. — Article 325(3). - URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2053/en> (access date: 04.01.2026). (Japanese translation of the law).

[15] Court Act (Act No. 59 of 1947) [Electronic resource] // Japanese Law Translation. — Article 10. - URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3225/en> (access date: 04.01.2026). (Japanese translation of the law).

[16] The Japanese Judicial System [Электронный ресурс] // Prime Minister of Japan and His Cabinet (Kantei). - URL: <https://japan.kantei.go.jp/judiciary/0620system.html> (access date: 04.01.2026). (Prime Minister's Office of Japan).

[17] Official publication (Electronic Bulletin, Gwanbo): <https://www.gwanbo.go.kr/> (gwanbo.go.kr). National legal portal MOLEG - Law "On the Constitutional Court" (Korean text, consolidation): <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=202763> (law.go.kr).

[18] Полный текст решения (англ., PDF): https://isearch.ccourt.go.kr/download.do?-filePath=%2Fst_xml%2Fsdata3%2Fccourt%2Fxml-Data_new%2FxmlFile%2F0%2F010400%2F2024%2Fpdf%2Fe2020m389_1.pdf (isearch.ccourt.go.kr).

СОКОЛОВ Вадим Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент, Сенатор Российской Федерации,
Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЯ АДАПТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу факторов трансформации правовой системы в условиях современных вызовов, с особым акцентом на российский опыт. Автор рассматривает правовую систему как открытую, самореферентную и гетерономную систему, находящуюся в постоянном диалоге с динамичной социальной метасистемой. В исследовании выделяются эндогенные и экзогенные факторы изменений: к первым относятся имманентная диалектика права и научно-доктринальное осмысление правовой реальности, ко вторым – технологическая цифровая трансформация, социокультурные сдвиги, экономические изменения, а также политико-идеологические и геополитические процессы. На примере России показано, как конституционные поправки, судебный активизм, развитие цифрового законодательства и антисанкционные меры способствуют переходу правовой системы от реактивной к проактивной модели, основанной на национальных ценностях и стратегическом проектировании. Делается вывод о способности российской правовой системы к адаптивному развитию, сочетающему преемственность и инновации, суверенность и открытость к международному опыту, технологическую смелость и опору на традиционные устои.

Ключевые слова: трансформация правовой системы, адаптивное развитие, факторы изменения права, судебный активизм, конституционализм, цифровизация права, социокультурные изменения, экономический суверенитет, геополитический фактор, российское право, проактивное правовое проектирование.

SOKOLOV Vadim Vyacheslavovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Senator of the Russian Federation
The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation

FACTORS OF LEGAL SYSTEM TRANSFORMATION: MODERN CHALLENGES AND ADAPTIVE DEVELOPMENT STRATEGY

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the factors that transform the legal system in the face of modern challenges, with a particular focus on the Russian experience. The author views the legal system as an open, self-referential, and heteronomous system that is in constant dialogue with a dynamic social meta-system. The study identifies endogenous and exogenous factors of change: the former include the immanent dialectics of law and the scientific and doctrinal understanding of legal reality, while the latter include technological digital transformation, sociocultural shifts, economic changes, and political, ideological, and geopolitical processes. The article uses the example of Russia to demonstrate how constitutional amendments, judicial activism, the development of digital legislation, and anti-sanctions measures contribute to the transition of the legal system from a reactive to a proactive model based on national values and strategic design. The article concludes that the Russian legal system is capable of adaptive development that combines continuity and innovation, sovereignty and openness to international experience, technological boldness, and reliance on traditional foundations.

Key words: transformation of the legal system, adaptive development, factors of legal change, judicial activism, constitutionalism, digitalization of law, sociocultural changes, economic sovereignty, geopolitical factor, Russian law, proactive legal design.

Исследование детерминант, инициирующих и направляющих процессы реконфигурации правовых систем, в современной теоретико-правовой парадигме выходит за пределы анализа сугубо нормативных модификаций, предполагая многоуровневый синтез достижений философии права, исторической юриспруденции, социологии, политэкономии и когнитивных наук.

Правовая система, концептуализируемая как открытая, сложноорганизованная, самореферентная и одновременно гетерономная система, существует в режиме постоянного диалога с динамичной социальной метасистемой, что предопределяет неустранимый трансформационный потенциал, актуализируемый под воздействием констелляции взаимосвязанных факторов.

Важнейшим методологическим положением является отказ от линейных моделей причинности в пользу сетевых и синергетических, признающих способность системы к бифуркациям, эмерджентным свойствам и нелинейному развитию, где слабые сигналы из внешней среды могут при определенных условиях вызвать кардинальную перестройку внутренней структуры. В этой оптике факторы трансформации выступают не как простые «причины», а как системные «вызовы» или «импульсы», на которые правовая система реагирует в соответствии с присущими ей паттернами устойчивости, адаптивности и идентичности.

Фундаментальным эндогенным фактором выступает имманентная диалектика самого права, проявляющаяся в противоречии между его консервативной, стабилизирующей функцией и необходимостью регулирования постоянно меняющихся общественных отношений. Этот конфликт разрешается через механизмы интерпретации, конкретизации и развития права изнутри. Ключевым агентом такой внутренней трансформации является судебная власть, особенно в ее конституционной и верховной ипостасях [1].

Судебный активизм, основанный на принципиальном толковании, ведет к формированию «живого конституционализма», когда буква нормы наполняется новым содержанием в свете меняющихся социальных ожиданий и ценностных ориентиров [2].

Российская практика в данном аспекте является иллюстративной: Конституционный Суд РФ, действуя в рамках своей компетенции, сформировал целый корпус доктринальных положений, которые *de facto* трансформировали правовую систему, не меняя текст главного нормативного акта страны. К ним относятся доктрина «конституционно-правового смысла» закона, требующая от правоприменителя игнорировать его буквальное толкование, если оно ведет к неконституционному

результату; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, ограничивающий возможность ретроактивного ухудшения правового положения; концепция «реализации прав в их системной связи», подчеркивающая взаимозависимость социальных, экономических и личных прав.

Обозначенные правовые позиции стали внутренним каркасом для модернизации отраслевого законодательства, задав вектор на гуманизацию уголовного и административного права, усиление защиты социальных прав и собственности. Особенно показательным является формирование в российской правовой системе института «установленных правовых позиций Конституционного Суда РФ», которые обладают нормативной силой и обязательны для всех правоприменителей, что создает уникальную среду для постепенной, но глубокой эволюции правопорядка.

Параллельно мощным внутренним фактором является научно-доктринальное осмысление правовой реальности.

Юридическая наука, выступая как «лаборатория идей», генерирует новые концепции, догматические конструкции и прогностические модели, которые, будучи восприняты законодателем и судебной практикой, становятся материальной силой. Так, развитие в российской цивилистике учения о цифровых правах и активах, теорий регулирования больших данных и искусственного интеллекта предшествовало и подготовило почву для соответствующих законодательных новаций в Гражданском кодексе РФ и специальных федеральных законах. Теоретические разработки в области публичного права, касающиеся баланса между национальным суверенитетом и интеграционными процессами, принципов федерализма в условиях цифровизации, напрямую влияют на конституционно-правовое проектирование.

Среди экзогенных факторов макросоциального порядка доминирующую роль продолжает играть технологическая революция, носящая сегодня характер тотальной цифровой трансформации [3]. Ее влияние на правовую систему носит не инструментальный, а парадигмальный характер.

Во-первых, возникают принципиально новые объекты регулирования: цифровые следы, нейросети, автономные системы (дроны, роботы), токенизированные активы, виртуальные личности. Их правовая квалификация требует пересмотра классических категорий субъекта, объекта, сделки, ответственности. Российский законодатель демонстрирует здесь опережающий и системный подход [4]. Принятие в 2019-2021 гг. пакета законов о «цифровых финансовых активах», «цифровой валюте», «цифровых правах» и

экспериментальных правовых режимах (регулятивных «песочницах») создало одну из первых в мире комплексных правовых рамок для цифровой экономики [5]. Важно, что подобная работа ведется не методом хаотичных точечных изменений, а в рамках утвержденной стратегии «Цифровая трансформация отраслей», что обеспечивает согласованность и предсказуемость правовых нововведений [6].

Во-вторых, цифровизация трансформирует правовые процедуры: электронное правосудие (с использованием систем «ГАС Правосудие» и «Мой арбитр»), цифровые нотариальные акты, блокчейн-реестры прав на имущество, автоматизированное принятие административных решений становятся новой нормальностью, радикально повышая скорость, доступность и прозрачность юридических процессов [7]. Это свидетельствует о способности российской правовой системы не только реагировать на технологические тренды, но и активно использовать их для повышения собственной эффективности и легитимности.

Социокультурные и ценностные трансформации выступают другим мощным экзогенным фактором. Эволюция общественного сознания, связанная с ростом значимости экологической безопасности, здоровья, личной и информационной приватности, достоинства личности, формирует устойчивый социальный запрос на соответствующее правовое закрепление этих ценностей.

Российский опыт последнего десятилетия отражает глубокую правовую интеграцию этих запросов. Конституционные поправки 2020 года, закрепившие приоритет защиты семьи, детей, института брака как союза мужчины и женщины, уважение к труду, историческую правду и социальные гарантии, стали актом легитимного оформления сложившегося национального ценностного консенсуса [8]. Это не просто декларация, а мощный правовой вектор, уже повлиявший на развитие семейного, трудового, образовательного и социального законодательства. Аналогично, усиление экологического законодательства, ужесточение ответственности за нарушения в этой сфере, закрепление в Конституции обязанности государства принимать меры к сохранению природного богатства для будущих поколений, демонстрируют чуткость правовой системы к экологическому императиву.

Экономический фактор в условиях глобальной турбулентности и санкционного давления трансформируется из фактора глобализационной гармонизации в фактор обеспечения экономического суверенитета и устойчивости. Это требует от правовой системы формирования адекватных защитных и стимулирующих механизмов [9]. Рос-

сийское законодательство демонстрирует в этом отношении высокую адаптивность. Быстрое развитие антисанкционного законодательства, создание правовых основ для импортозамещения в критически важных отраслях (ИТ, промышленность, медицина), институционализация специальных инвестиционных контрактов для привлечения капитала в несырьевой сектор, совершенствование корпоративного и банкротного права для защиты добросовестных собственников – все это примеры целенаправленной правовой трансформации в ответ на внешние экономические вызовы [10]. Правовая система становится инструментом экономической политики нового типа, ориентированной на внутренний рынок, технологическую независимость и социальную справедливость.

Политико-идеологический и геополитический факторы в современном мире тесно переплетены. Укрепление государственного суверенитета и национальной идентичности в условиях усиливающейся глобальной конкуренции становится конституирующим принципом для правовых систем многих стран. В России этот фактор получил свое концентрированное выражение в уже упомянутых конституционных поправках, которые юридически оформили обновленные основы конституционного строя [11]. Этот процесс можно оценить как уникальный пример глубокой, но легитимной и стабилизирующей трансформации правовой системы на высшем правовом уровне. Он закрепил приоритет национального права над решениями межгосударственных органов в случае их противоречия Конституции, укрепил статус и единство публичной власти, обозначил цивилизационные и исторические основы российской государственности. Данная трансформация не является изоляционистской; она создает более четкие и прочные рамки для международного сотрудничества, основанного на взаимном уважении и учете национальных интересов [12]. Развитие права Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где Россия играет активную роль, показывает, как суверенные правовые системы могут гармонизироваться для создания общего интеграционного правового пространства без ущерба для своей идентичности.

Таким образом, анализ факторов трансформации российской правовой системы позволяет сделать вывод о ее переходе в качественно новое состояние: от системы, преимущественно реагирующей на внешние вызовы и занимающейся догоняющей модернизацией, к системе, способной к проактивному стратегическому проектированию, основанному на собственных конституционных ценностях и национальных интересах.

Позитивный характер этого опыта заключается в сочетании преемственности и новаторства, суверенности и открытости к релевантному международному опыту, технологической смелости и опоры на традиционные социальные устои. Российская правовая система демонстрирует высокий уровень рефлексивности, способности к самоорганизации в условиях неопределенности и к выработке комплексных ответов на системные вызовы времени – будь то цифровая революция, ценностные сдвиги или геополитическая переконфигурация. Ее дальнейшая эволюция, вероятно, будет определяться усилением роли прогностической функции права, развитием кибернетических моделей правового регулирования (смарт-контракты, алгоритмическое управление [13]) и углублением интеграции этических императивов в правовую материю, что в совокупности формирует контуры современной правовой системы, адекватной требованиям постиндустриальной эпохи и утверждающей право как действенный инструмент обеспечения достойной жизни человека, устойчивого развития общества и суверенной государственности.

Список литературы:

- [1] Ланг, П. П. Функции правосудия: прошлое и настоящее / П. П. Ланг // Российский судья. – 2022. – № 12. – С. 41-46. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-12-41-46. – EDN KKFMER.
- [2] Ланг, П. П. Аксиологические начала права / П. П. Ланг // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 2-4. – EDN XUXMCL.
- [3] Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровизации / Т. Я. Хабриева // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013-2023) : Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 888-900. – EDN CTCXBB.
- [4] Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E. N. Churakova, P. P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815-821. – DOI 10.1007/978-3-030-60929-0_105. – EDN IMNJUX.
- [5] Хабриева, Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины / Т. Я. Хабриева // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013-2023) : Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 957-964. – EDN ETEAOA.
- [6] Габов, А. В. Специальные меры в сфере экономики: цели, структура и содержание регулирования / А. В. Габов // Право и экономика. – 2024. – № 7(437). – С. 5-16. – EDN IJHJOMW.
- [7] Ценность права в условиях цифровой реальности / О. Ю. Рыбаков, М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
- [8] Реализация новелл Конституции России : вызовы и образ будущего / А. Н. Аринин, С. Н. Бабурин, О. И. Баженова [и др.]. – Москва-Берлин : ООО «Директ-Медиа», 2021. – 492 с. – ISBN 978-5-4499-2611-1. – EDN CQPPPC.
- [9] Право на жизнь, здоровье, собственность : монография. / Л. А. Андреева, В. В. Батин, К. В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск : НП «СибАК», 2013. – 160 с. – EDN TZNUDT.
- [10] Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И. С. Барзилова, М. А. Беляев, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – 298 с. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.
- [11] Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 6-12. – DOI 10.12737/jfcl.2021.001. – EDN YQAIOO.
- [12] Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права : Электронное издание / С. Ф. Афанасьев, Е. В. Богатова, В. Е. Бондаренко [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
- [13] Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G. E. Ageeva, P. P. Lang, A. V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland : Springer Nature, 2019. – P. 545-552. – DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. – EDN YUFZUQ

References:

- [1] Lang, P.P. Functions of justice: past and present/P.P. Lang//Russian judge. – 2022. – № 12. – S. 41-46. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-12-41-46. – EDN KKFMER.
- [2] Lang, P.P. Axiological principles of law/P.P. Lang//Russian Justice. – 2018. – № 8. – S. 2-4. – EDN XUXMCL.
- [3] Khabrieva, T. Ya. Law in the context of digitalization/T. Ya. Khabrieva//Lectures and reports of members of the Russian Academy of Sciences at St. Petersburg State Unitary Enterprise (2013-2023): Collection of articles. To the 300th anniversary of the

Russian Academy of Sciences. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. - S. 888-900. – EDN CTCXBB.

[4] Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E. N. Churakova, P. P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815-821. – DOI 10.1007/978-3-030-60929-0_105. – EDN IMNJUX.

[5] Khabrieva, T. Ya. Technological plots of global development in the focus of legal doctrine/T. Ya. Khabrieva//Lectures and reports of members of the Russian Academy of Sciences at St. Petersburg State Unitary Enterprise (2013-2023): Collection of articles. To the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. - S. 957-964. – EDN ETEAOA.

[6] Gabov, A.V. Special measures in the field of economics: goals, structure and content of regulation/A.V. Gabov//Law and economics. – 2024. – № 7(437). - S. 5-16. – EDN IHJOMW.

[7] The value of law in a digital reality/O. Yu. Rybakov, M. A. Belyaev, Yu. Yu. Vetyutnev [and others]. - Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024. - 312 p. - ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.

[8] Implementation of short stories of the Constitution of Russia: challenges and the image of the

future/A. N. Arinin, S. N. Baburin, O. I. Bazhenova [and others]. - Moscow-Berlin: Direct-Media LLC, 2021. - 492 p. - ISBN 978-5-4499-2611-1. – EDN CQPPPC.

[9] The right to life, health, property: monograph /L. A. Andreeva, V. V. Batin, K. V. Dyadyun [and others]. - Novosibirsk: NP SibAK, 2013. – 160 c. – EDN TZNUDT.

[10] Law-making: axiological foundations and strategic priorities/I. S. Barzilov, M. A. Belyaev, A. A. Golovin [and others]. - Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2024. - 298 p. - ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.

[11] Khabrieva, T. Ya. Constitutional reform in Russia in the coordinates of universal and national/T. Ya. Khabrieva//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2021. - T. 17, NO. 1. - S. 6-12. – DOI 10.12737/jfcl.2021.001. – EDN YQAIOO.

[12] Public power: the ratio of judicial and extrajudicial methods of protecting the right: Electronic publication/S.F. Afanasyev, E.V. Bogatova, V.E. Bondarenko [et al.]. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.

[13] Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G. E. Ageeva, P. P. Lang, A. V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland : Springer Nature, 2019. – P. 545-552. – DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. – EDN YUFZUQ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-189-194

ТРОФИМОВ Фёдор Иванович,
магистр,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», юрист АЛРУД,
e-mail: fedor15112002@yandex.ru

ЗАВЕРЕНИЯ НА БУДУЩЕЕ: ДОПУСТИМОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу вопроса допустимости так называемых заверений на будущее в российском гражданском праве, возможность использования которых остается дискуссионной – как на уровне доктрины, так и на уровне правоприменения. На основе судебной практики российских арбитражных судов исследуются правовая природа заверений и пределы применимости конструкции заверений в отношении будущих обстоятельств.

Анализируется два ключевых подхода, выработанных правоприменителем: 1) непризнание заверений на будущее и квалификация их в качестве не имеющих обязательственного характера договорных положений, фактически не имеющих какого-либо юридического значения (в частности, в качестве не имеющих юридической силы прогнозов и прочее); и 2) переквалификация судом заверений на будущее в обязательство обеспечить их достоверность в будущем (обеспечить наступление определенного результата в будущем).

Приводится аргументированная критика первого из указанных подходов, который, по существу, представляется формалистским и нередко не учитывающим действительную волю сторон в момент предоставления заверений на будущее.

С учетом необходимости выяснения действительной воли сторон при толковании соответствующих заверений на будущее, а также принимая во внимание доктринальное выделение отдельного типа гарантийных обязательств, делается вывод о методологической оправданности второго из указанных подходов. Так, подход, в соответствии с которым суды допускают переквалификацию заверений на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующих результатов представляется более функциональным и гибким – поскольку в рамках указанного подхода первоочередное значение обретает исследование судами действительной воли сторон, а не оценка судами того, насколько подходящий правовой механизм для оформления своих договоренностей избрали стороны.

Ключевые слова: заверения на будущее, переквалификация заверений, обязательство обеспечить достоверность заверений.

TROFIMOV Fedor Ivanovich,
Master's in Law,
the National Research University
Higher School of Economics, Associate ALRUD

WARRANTIES RELATING TO FUTURE FACTS: ADMISSIBILITY UNDER RUSSIAN LAW

Annotation. This article analyzes the admissibility of so-called warranties relating to future facts in Russian civil law, an issue that remains contentious both in legal doctrine and in law enforcement practice. Based on the case law of Russian commercial (arbitrazh) courts, the article examines the legal nature of warranties and the limits of applying the warranty construct to future circumstances.

Two key approaches developed in law enforcement practice are analyzed: 1) the non-recognition of warranties relating to future facts and their qualification as non-binding contractual provisions

devoid of any legal significance (e.g., as legally ineffective forecasts, etc.); and 2) the judicial reclassification of such warranties into an obligation to ensure their future accuracy (to ensure the occurrence of a specific result in the future).

The article provides reasoned criticism of the first of these approaches, which appears to be formalistic and often fails to account for the parties' actual intent at the time the warranties relating to future facts were provided.

Considering the need to ascertain the parties' actual intent when interpreting such warranties, and taking into account the doctrinal identification of a distinct type of guarantee obligations, the article concludes that the second approach is methodologically justified. Thus, the approach whereby courts allow the reclassification of warranties relating to future facts into obligations to ensure the occurrence of the corresponding results appears more functional and flexible. This is because, within this framework, primary importance is given to the courts' investigation of the parties' actual intent, rather than to the courts' assessment of how suitable a legal mechanism the parties chose to formalize their agreements.

Key words: *warranties relating to future facts, reclassification of warranties, obligation to ensure the accuracy of warranties.*

Введение

Введение в отечественное гражданское законодательство института заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ [9]) стало одним из наиболее дискуссионных этапов реформы обязательственного права 2015 года [10]. Несмотря на это, уже сейчас, спустя 10 лет после реформы, не будет преувеличением сказать, что заверения об обстоятельствах представляют собой ключевой инструмент распределения рисков в M&A-сделках, проектом финансировании и иных сложных коммерческих сделках, структурируемых по российскому праву.

В то же время, даже при такой «популярности» института заверений об обстоятельствах в российском праве, целый ряд вопросов практического применения заверений остается без ответа. Одним из таких вопросов является возможность (или невозможность) предоставления заверений относительно будущих обстоятельств (далее также – «заверения на будущее»).

В отсутствие законодательного регулирования по вопросу существуют как сторонники допущения заверений на будущее [1], [2], так и противники подобной концепции [3, с. 601]; [4, с. 203].

Цель настоящей статьи — на основе актуальной судебной практики выявить ключевые тенденции развития практики в отношении признания и допущения законодателем такой категории как заверения на будущее, определив правовые границы и методологические ориентиры для применения указанного инструмента в российском праве, в частности, посредством перекалфикации заверений на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующего результата в будущем.

Основная часть

Традиционно, под заверениями об обстоятельствах следует понимать утверждение об обстоятельствах (фактах), которые существуют в

определенный момент времени (какого-либо момента прошлого либо на дату предоставления соответствующих заверений) [5, с. 47]; [6, с. 451]; [7, с. 19]; [8, с. 95].

Соответственно, заверитель утверждает («обещает») заверяемому, что те или иные обстоятельства (факты) по состоянию на соответствующий момент времени существуют (или наоборот – не существуют). Если такое утверждение оказывается ложным, у заверяемого появляются предусмотренные законом средства защиты, в первую очередь – права требования о возмещении убытков заверяемого, понесенных в связи с ложностью такого утверждения.

В то же время иногда на практике заверения об обстоятельствах могут рассматриваться не только как утверждение об обстоятельствах (фактах) прошлого либо настоящего, но и как гарантия результата в будущем. Иначе говоря, на практике можно видеть попытки сторон использовать заверения об обстоятельствах в качестве договорного механизма перераспределения коммерческих рисков несения одной из сторон убытков вследствие наступления обстоятельств, которые еще не материализовались (но могут материализоваться в будущем).

К примеру, продавец, при заключении договора купли-продажи с покупателем, может предоставить покупателю заверение о том, что к обществу (доля которого является предметом купли-продажи) после перехода доли не будут предъявлены какие-либо требования третьих лиц.

При этом до конца не ясно, как при возникновении подобной ситуации поведет себя правоприменитель, в частности:

(А) будет ли суд признавать подобное заверение на будущее имеющим юридическую силу, а права требования реципиента по заверению в связи с его недостоверностью подлежащими судебной защите;

(В) будет ли суд, руководствуясь действительной волей сторон, искать возможности переqualифицировать соответствующее заверение на будущее (и связанное с его предоставлением обязательство) в обязательства иного характера.

Далее рассмотрим и проанализируем ключевые из встречающихся в судебной практике позиций российского правоприменителя

Непризнание заверений на будущее

Вероятно, наиболее распространенной и относительно устоявшейся позицией в судебной практике является позиция, в принципе не признающая возможность предоставления заверений на будущее.

Так, в Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2021 N 20АП-893/2021 по делу N А54-10985/2019 [11] прямо указывается: «Заверения об обстоятельствах могут касаться лишь тех фактов, которые имели место в прошлом или есть в настоящее время, заверения на будущее должны, восприниматься или как прогноз (но не заверение), или как обычное договорное условие». Иногда суды также обоснуют невозможность предоставления заверений на будущее тем, что «сторона не может знать, что случится в будущем, а следовательно, не может и заверять другую сторону в отношении таких сведений» [12].

Аналогичной позиции придерживаются суды и в ряде других судебных актов [13].

В части из этих актов можно встретить также и следующий тезис: «Заверения об обстоятельствах не входят в состав договорных условий и не порождают обязательств. В отличие от обычных обязательств, когда должник обязуется совершить определенное действие, при заверениях лишь сообщается об известном факте (обстоятельстве), т.е. происходит передача определенной информации» [14].

Таким образом, по мнению большинства судов, заверения на будущее, сами по себе не порождающие как таковых обязательств у предоставляющего их лица, должны признаваться лишь в качестве не имеющих обязательственного характера договорных положений, фактически не имеющих какого-либо юридического значения и не позволяющих реципиенту требовать возмещения убытков (или использовать иные средства защиты) в связи с недостоверностью таких заверений.

С одной стороны, мы можем согласиться с тем, что проверяемость факта и его существование (в настоящем либо в прошлом) в момент предоставления заверения – конститутивные элементы конструкции заверений об обстоятельствах.

С другой стороны, мы не можем согласиться с таким строгим и весьма формалистским подходом в отсутствие исследования судами действительной воли сторон – особенно воли реципиента, который мог полагаться на получаемые им заверения на будущее, в том числе рассчитывая на выполнение фиксируемого в договоре прогноза. Особенно видна эта проблема на практике – не привлекая профессиональных юристов, стороны в большинстве случаев не осведомлены о проблемах, связанных с предоставлением заверений на будущее; да и некоторые юристы иногда могут по незнанию вводить своих доверителей в заблуждение – тем более с учетом того, что напрямую из ст. 431.2 ГК РФ вывод о невозможности предоставления заверений на будущее никак не следует.

Переqualификация заверений на будущее в обязательство обеспечить наступление результата

Некоторые суды, однако, идут дальше – придерживаясь, на наш взгляд, более верного и справедливого подхода. Признавая положения ст. 431.2 ГК РФ неприменимыми к отношениям сторон, они тем не менее переqualифицируют заверения на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующего результата (прогноза).

Так, к примеру, в Постановлении Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2021 N 05АП-1494/2021 по делу N А51-397/2020 [15] указано, что «...само по себе признание судом положений статьи 431.2 ГК РФ неприменимыми к заверениям об обстоятельствах от [...] не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании убытков». Далее судом после исследования фактической воли сторон делается вывод: «ответчики в [...] заверений от [...] фактически приняли на себя обязательство возместить убытки, возникшие в случае несовершения ими действий, перечисленных в [...] заверений».

На наш взгляд, такой подход следует поддерживать. Речь в подобных ситуациях (когда суды сталкиваются с заверениями на будущее) должна идти именно об исследовании судами действительной воли сторон.

Так, как закреплено, к примеру, в абз. 3 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 [16]: «Толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду».

Представляется, что у суда в большинстве случаев будет достаточно правовых инструментов, позволяющих ему установить эту самую действительную волю сторон. Так, реципиент по заве-

рениям в соответствии со ст. 431 ГК РФ может ссылаться на предшествующую заключению договора переписку сторон, приводить соответствующие показания [17] и так далее.

Если из предшествующего заключению договора поведения сторон суду становится ясно, что стороны, фиксируя в договоре заверения на будущее, не имели в виду фиксирование прогноза (или иного не имеющего обязательственный характер условия), фактически не имеющего самостоятельного юридического значения и не позволяющего реципиенту требовать возмещения убытков (или использовать иные средства защиты) в связи с недостоверностью таких заверений, то суд должен иметь возможность осуществить переквалификацию таких заверений на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующих результатов (прогнозов), чтобы достичь того правового эффекта (в частности, возможности реципиента взыскать с другой стороны убытки), который изначально имели в виду стороны (Следует также отметить, что поскольку в большинстве случаев стороны не фиксируют в договоре то, что не должно иметь самостоятельного юридического значения (в виде прогнозов, недостижение которых не является основанием для привлечения предоставившей их стороны к гражданско-правовой ответственности, и прочих аналогичных не имеющих обязательственный характер договорных условий) – постольку судебной практикой, на наш взгляд, в будущем должна быть выработана презумпция, в силу которой бремя ответственности по доказыванию обратного должно перекладываться на лицо, предоставившее соответствующие заверения на будущее).

К аналогичному выводу о праве суда прибегнуть к переквалификации заверений на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующих результатов (прогнозов) нас может подталкивать также и рассмотрение некоторыми учеными отношений из предоставления одной из сторон заверения об обстоятельствах в качестве самостоятельного гарантийного обязательства [1]. Несмотря на то, что сама по себе концепция возникновения отдельных гарантийных обязательств (которые могут включать в себя обязательства обеспечить достоверность предоставленных заверений в будущем, обязательства митигировать негативные последствия их недостоверности и прочее) лишь в силу предоставления соответствующих заверений об обстоятельствах выглядит спорной и не находит широкой популярности в правоприменительной практике, мы тем не менее с очевидностью можем утверждать, что в некоторых случаях стороны, договариваясь о предоставлении заверений на будущее, в действительности преследуют цель возникновения уже упомянутых

гарантийных обязательств, с учетом п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 [18].

Это, как представляется, дает российским судам дополнительные основания прибегать к исследованию в каждом конкретном случае возможности переквалифицировать заверения на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующих результатов (прогнозов) – если в этом заключалась действительная воля сторон при предоставлении заверений на будущее.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в российском праве вопрос допустимости заверений на будущее по-прежнему остается дискуссионным и не имеет однозначного разрешения ни на уровне законодательства, ни на уровне судебной практики.

Доминирующий подход правоприменителя исходит из традиционного понимания заверений об обстоятельствах как утверждений о фактах прошлого или настоящего, что приводит к фактическому отрицанию какого-либо юридического значения и правового эффекта заверений на будущее и квалификации их в качестве не имеющих обязательственного характера прогноза либо иного договорного условия, не предоставляющих реципиенту права требовать возмещения убытков (или использовать иные средства защиты) в связи с недостоверностью таких заверений.

Вместе с тем анализ некоторых альтернативных судебных решений позволяет выявить формирующуюся тенденцию к более гибкому и функциональному подходу, ориентированному на установление действительной воли сторон, в рамках которого суды могут переквалифицировать заверения на будущее в обязательства обеспечить наступление соответствующих результатов (прогнозов) – как обязательства гарантийного типа.

Представляется, что именно последний подход в наибольшей степени соответствует целям гражданско-правового регулирования, принципам справедливости, а также экономической функции заверений об обстоятельствах как инструмента перераспределения коммерческих рисков. Игнорирование действительной воли сторон и сведение заверений на будущее к юридически нейтральному прогнозу способно демотивировать участников оборота к добросовестному осуществлению своих прав и увеличивать транзакционные издержки (в том числе посредством создания дополнительных расходов, необходимых для юридического сопровождения) при совершении участниками оборота коммерческих сделок.

Список литературы:

- [1] Церковников М.А. О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к Определению Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. N 305-ЭС22-17862 // Вестник гражданского права. — 2023. — № 6. — С. 198–213.
- [2] Соскиева А.А. Предоставление заверений об обстоятельствах на будущее время // Законодательство. — 2024. — № 8. — С. 40–46.
- [3] Договорное право (общая часть): постановительный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — 1425 с.
- [4] Воронин Е.М. Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 6 — С. 193–208.
- [5] Аладько А.И., Ерофеев Д.В. Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике // Нотариальный вестник. — 2022. — № 3. — С. 40–53.
- [6] Глухов Е.В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. — М.: М-Логос, 2019. — 1208 с.
- [7] Сегалова Е.А. Ограничения заверений, гарантий и обязательств по возмещению потерь в договоре купли-продажи акций (долей) по английскому праву // Гражданское право. — 2015. — № 6. — С. 19–21.
- [8] Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 11. — С. 91–111.
- [9] Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [10] Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. — 2015. — 6 апр. — № 71.
- [11] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2021 N 20АП-893/2021 по делу N А54-10985/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
- [12] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.12.2023 N Ф04-6592/2023 по делу N А70-29/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
- [13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2022 N 09АП-7749/2022 по делу N А40-227945/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2022 N 10АП-19757/2022, 10АП-19760/2022 по делу N А41-962/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2024 N 09АП-12570/2024 по делу N А40-207048/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2024 N Ф05-21594/2024 по делу N А40-254771/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
- [14] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2021 N 20АП-893/2021 по делу N А54-10985/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
- [15] Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2021 N 05АП-1494/2021 по делу N А51-397/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
- [16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 // СПС «КонсультантПлюс».
- [17] Пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
- [18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

- [1] Tserkovnikov M.A. On the warranty obligation from the assurance of the future circumstance: commentary to the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2023 N 305-ES22-17862//Bulletin of Civil Law. — 2023. — № 6. - S. 198-213.
- [2] Soskiewa A.A. Provision of assurances about future circumstances//Legislation. — 2024. — № 8. - S. 40-46.
- [3] Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]/hole ed. A.G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2020. - 1425 s.
- [4] Voronin E.M. Practice of applying the institution of assurances about circumstances under Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation// Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2019. - NO. 6 - S. 193-208.

[5] Aladko A.I., Erofeev D.V. Application of the norms of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation in judicial practice//Notarial Bulletin. — 2022. — № 3. - S. 40-53.

[6] E.V. Glukhov. Transactions of purchase and sale of shares and shares in the authorized capital of business entities: preparation and sale. - M.: M-Logos, 2019. - 1208 s.

[7] Segalova E.A. Limitations of Representations, Warranties and Indemnities in English Share Purchase Agreement//Civil Law. — 2015. — № 6. - S. 19-21.

[8] Tomsinov A.V. Assurances about the circumstances and compensation for losses in Russian law in comparison with representations, warrants and indemnity in the law of England and the USA//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2015. — № 11. - S. 91-111.

[9] Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 30.11.1994 dated 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — № 32. - Art. 3301.

[10] Federal Law of 30.03.2015 No. 67-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Ensuring the Reliability of Information Provided during State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" //Rossiyskaya Gazeta. — 2015. - April 6 - No. 71.

[11] Decision of the Twentieth Arbitration Court of Appeal of 24.03.2021 No. 20АП-893/2021 in case No. A54-10985/2019//SPS "ConsultantPlus."

[12] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 18.12.2023 N Ф04-6592/2023 in case N A70-29/2023//SPS "ConsultantPlus."

[13] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 18.03.2022 No. 09АП-7749/2022 in case No. A40-227945/2021//SPS "ConsultantPlus"; Ruling of the Tenth Arbitration Court of Appeal of 20.10.2022 N 10АП-19757/2022, 10АП-19760/2022 in case N A41-962/2022//SPS "ConsultantPlus"; Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 22.04.2024 N 09АП-12570/2024 in case N A40-207048/2023//SPS "ConsultantPlus"; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 14.10.2024 N F05-21594/2024 in case N A40-254771/2023//SPS "ConsultantPlus."

[14] Decision of the Twentieth Arbitration Court of Appeal of 24.03.2021 No. 20АП-893/2021 in case No. A54-10985/2019//SPS "ConsultantPlus."

[15] Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal of 19.05.2021 No. 05АП-1494/2021 in case No. A51-397/2020//SPS "ConsultantPlus."

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 N 49//SPS "ConsultantPlus."

[17] Clause 6 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 27.11.2019) //SPS "ConsultantPlus."

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.11.2016 N 54//SPS "ConsultantPlus."

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-195-200

ШАШКОВА Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-5463-5421,
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград),
доцент кафедры общеправовых дисциплин, доцент,
e-mail: Nellkaliningrad@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УЯСНЕНИЮ СУЩНОСТИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются религиозные, философские и социологические подходы к уяснению сущности брачно-семейных отношений. Опираясь на диалектический метод научного познания, а также методы анализа, синтеза, индукции и обобщения, автор приходит к выводу о том, что сущностной основой брачно-семейных отношений является совокупность внутренних и внешних признаков, характеризующих возникновение и функционирование семьи как социального института.

Ключевые слова: Брак, семья, брачно-семейные отношения, религиозные подходы к уяснению сущности брачно-семейных отношений, философские подходы к уяснению сущности брачно-семейных отношений, социологические подходы к уяснению сущности брачно-семейных отношений.

SHASHKOVA Anna N.,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0001-5463-5421,
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines,
Associate Professor

RELIGIOUS, PHILOSOPHICAL, AND SOCIOLOGICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

Annotation. The article explores religious, philosophical, and sociological approaches to understanding the essence of marriage and family relations. Drawing on the dialectical method of scientific cognition, as well as the methods of analysis, synthesis, induction, and generalization, the author concludes that the essential basis of marriage and family relations is a combination of internal and external characteristics that define the emergence and functioning of the family as a social institution.

Key words: Marriage, family, marital and family relations, religious approaches to understanding the essence of marital and family relations, philosophical approaches to understanding the essence of marital and family relations, and sociological approaches to understanding the essence of marital and family relations.

Проблемы демографии в современном мире актуальны для многих государств, включая Россию, как представляется, во многом они являются следствием усугубляющегося кризиса брачно-семейных отношений. Агрессивный современный либерализм, поддерживающий и активно способствующий развитию запрещенного в России движения ЛГБТ,

не только ставит под сомнение, но и отвергает традиционные семейные ценности, а также пытается изменить саму человеческую природу, настаивая на отказе от пола, замены отца и матери родителем 1 и родителем 2. Многочисленные отечественные социологические исследования, несомненно, показывают, что и в современном российском обществе происходит изменение статуса

семьи и брака, семья становится более автономной ячейкой общества, независимой от общества и государства [1, С. 63].

С позиций христианства, у брачно-семейных отношений не только глубокие исторические корни, но и божественное происхождение. Согласно Библии, появление человечества берет свое начало из первой семьи, созданной Богом. В священном писании сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» (Быт.1, 27–28). Из чего следует, что семья в христианстве представляет собой естественный, моногамный союз, одной из основных целей которого, является продолжение рода. О прочности и особенностях связи членов семейного союза мужчины и женщины говорят следующие положения Бытия 2, 24: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [двое] одна плоть». Исходя из этого, мужчина и женщина в онтологическом смысле представляют собой единое целое; ни одна из этих половинок не обладает абсолютной полнотой, пока при содействии благодати Божией единство их не будет достигнуто. И мужской, и женский пол (половинки единого целого) как божественное творение имеют равное достоинство [2, С. 87].

В идеологии католицизма институт семьи теснейшим образом связан с человеческой способностью к генерации. Семья определяется как специфическая реляционная организация, занятая драматической и полной вызовов работой по поддержанию связей, в основе которых лежат различия полов, поколений и происхождения. Цель этих связей – генерация, порождение [3].

В мусульманском священном писании брак и семья также занимают важное место и рассматриваются как духовная ценность. В Коране содержатся установления относительно семейной жизни, взаимных обязанностях супругов. Например, мужьям рекомендуется достойно и заботливо обращаться с женами: «Живите с ними достойно, и даже если они неприятны вам, то ведь вам может быть неприятно то, в чем Аллах заложил много добра». (Сура ан-Ниса 4:19). Допуская многоженство, ислам в то же время требует: «Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной... Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости». (Сура ан-Ниса 4:3). Из этих и других заветов Корана следует, что главным в семейной жизни являются взаимная любовь, милосердие, уважение и внимание

к друг другу. Если новая женитьба ставит под угрозу отношения с первой женой, то нужно от нее отказаться.

Брак в буддизме рассматривается как светское дело, в связи с чем здесь отсутствуют четкие религиозные установления для заключения брачных союзов и семейной жизни. Супружество рассматривается в контексте сангхи (сообщества практикующих), является общественным соглашением или институтом, созданным людьми для собственного благополучия и счастья. Этот институт служит для поддержания порядка и гармонии в процессе продолжения рода. Семья не является конечной целью, а носит скорее инструментальный характер, рассматривается как средство для взаимного духовного роста, ведущего к состоянию просветления. Семейные отношения предполагают совместную жизнь на основе доверия и «дающей любви», когда «благо другого становится важнее личного успеха». В основе партнерства лежит ответственность за самого себя, а целью является взаимное развитие [4, С. 677].

Анализ буддийских текстов также позволяет прийти к выводу о предпочтении моногамии в семейных отношениях. Лучше и мудрее – быть верным одной супруге или супругу, не злоупотреблять чувствами и не ухаживать за другими партнерами. Согласно учению Будды одна из основных причин падения мужчины – любовные отношения с другими женщинами (Парабхава сутта, Сутта Нипата 1.6).

Семья в буддизме сравнивается с цветущим садом, где происходит общение душ. По священному учению, муж и жена должны совершенствовать свои души. Духовный рост основывается на принципе взаимодополняемости, в первую очередь, мужского и женского начал. Мужчины – это доблестные воины, защитники, они рациональны, целеустремлены, настроены на решение проблем, обладают запасом устойчивости, пробивной мощью и вдохновением. Женщины, напротив, нуждаются в защите и во внимании, они мягки, но обладают выносливостью и выдержкой, им более свойственно понимание, интуиция, мудрость. Четкое разделение свойств представителей двух полов закрепляет гендерную асимметрию на уровне вероучения и определяет ее в повседневной сфере партнерства [5]. Однако, если нарушится гармония душ, семья обречена на разрушение. Поэтому для того чтобы сохранить семью, мужчина и женщина должны думать не только о духовном развитии, но также выполнять семейные обязанности.

Получение целостного представления о подходах к уяснению сущности брака и семейной жизни невозможно в отсутствие анализа философских воззрений. Одни из первых попыток

философского осмысления семьи можно найти в трудах Платона [6] и Аристотеля [7], которые являющихся сторонниками морально-этического или патриархального подхода, согласно которому семья находится под властью мужчины и выступает исходной микромоделью всего общества.

В последствии Гоббс [8], Ф. Бэкон [9], Ж. Руссо [10] исследовали сущность семьи и брака и пришли к выводу, что основой семьи является нравственность и любовь, а добровольность заключения брака следует рассматривать в рамках категории свободы, которая вытекает из природы человека.

Брак и семья в рамках теории естественного права изучалась И. Кантом [11], также И.Г. Фихте [12], согласно исследованиям которых семья рассматривается как договор, предполагающий моногамное сожитие мужчины и женщины, в основе которого лежат верность, долг и забота.

С позиции диалектического подхода семью рассматривал Г.В.Ф. Гегель [13, 14], указывая на связь формы семьи и социального устройства, подчеркивая роль семьи в общественном развитии. Семья у Г.В.Ф. Гегеля позиционируется как непосредственная нравственная субстанция, в которой человек, испытывая чувство принадлежности, способен отложить эгоистические желания в интересах общего блага, именно в семье человек формирует первоначальное представление о добре и зле. По мнению философа только моногамная семья соответствует нравственным ценностям общества.

Л.Г. Морган, являясь сторонником эволюционного подхода, через установление основных этапов прогрессивного развития человечества сформулировал теорию единого пути развития общества и универсальности материнского рода, которая основывается на первоначальности материнского рода, эволюционно предшествующего отцовскому роду. Переход к патриархальной моногамной семье в теории Моргана связывается с накоплением собственности и стремлением ее передачи по наследству [15].

Институциональный подход предполагает исследование семьи как социального института. Один из выдающихся трудов, посвященных развитию института семьи, принадлежит Ф. Энгельсу [16], который не связывает брак и семью с божественными установлениями, видя в них результат естественного исторического развития общества, который предопределяется его экономической основой. По мнению ученого моногамная семья является следствием появления частной собственности. Патриархальная форма семьи отождествляется с буржуазной семьей и подвергается критике.

С.В. Троицкий в своей работе «Христианская философия брака» отмечает, что в истории

человеческой мысли встречаются две главные теории в учении о браке, красной нитью проходящие по всему ее течению. Одну можно назвать реалистической, другую – идеалистической. Первая смысл брака видит в размножении, в потомстве, а вторая в более высоком стремлении органического мира – стремлении к развитию, совершенствованию, к полноте бытия. Согласно позиции ученого «главная цель брака заключается в самих брачующихся, а не вне их и состоит в достижении «плюромии», блаженной полноты бытия, тогда как рождение имеет в нем второстепенное значение... метафизическое единение мужчины и женщины есть таинство, поскольку оно превышает категории нашего разума и может быть пояснено лишь сопоставлением этого таинства с таинством Церкви, а психологически это единение является источником таких чувств брачующихся, которые по самому своему характеру исключают вопрос о целях брака вне его самого, ибо эти чувства есть чувства удовлетворенной любви, а потому полноты и блаженства...»[17].

Выдающийся русский философ и публицист В.В. Розанов ценностное олицетворение семьи видит в единстве мужского и женского начал, указывая на сакральность союза мужчины и женщины, где две половины составляют единое целое, семья рассматривается как фундаментальный закон бытия, укорененный в самой природе человека[18].

Известный российский философ И.А. Ильин, развивая идею о взаимозависимости семьи и государства отмечает, что брак создается из внутренней потребности в любви и единстве, формируя впоследствии у его членов любовь к родине и государству [19].

Для отечественной социологии семьи более привычным является выделение двух основных подходов, микросоциологического, изучающего семью как малую социальную группу; и макросоциологического, с позиций которого объектом анализа является семья как социальный институт [20, С. 337].

Как малая социальная группа семья чаще всего рассматривалась в тех случаях, когда изучались отношения между индивидами, составляющими семью, или внутренние связи семьи. Данный подход позволяет установить динамику супружеских отношений, характер отношений между родителями и детьми, между родственниками и свойственниками, а также мотивы и причины разводов. Являясь малой группой, семья соединяет личные потребности с общественными интересами, приспосабливается к социальным отношениям, нормам, ценностям, принятым в обществе [21].

А.Я. Варга развивая идеи Людвиг Фона Бергаланфи, основоположника теории систем, под-

черкивает, «семья – это социальная система, то есть комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом» [22]. Таким образом, семья представляет собой сложную систему, которая находится в постоянной динамике, взаимодействии и развитии.

При этом семья как система обладает качеством дуальности, поскольку с одной стороны стремится к изменению и развитию, а с другой – к стабильности и сохранению. Как справедливо подмечает Семина М.В. фактором, определяющим устойчивость семейной системы, является сознательное стремление супругов взаимодействовать в режиме постоянного развития [23].

Харчев А.Г. определяет семью, как «исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малую группу, члены которой связаны брачными и/или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [24].

По мнению Антонова А.И. Медкова В.М. семья – это общность людей, основанная на единой общесемейной деятельности, связанных узами супружества-родительства-родства, направленной на осуществление воспроизводства населения, социализацию детей, поддержание существования членов семьи [25, С. 66].

М.Н. Римашевская определяет семью как первичную ячейку общества, изначальный элемент социальной структуры, в процессе функционирования и развития которой отчетливо преломляются основные социально-экономические отношения. В рамках семьи сосредоточивается существенная часть человеческой деятельности, преимущественно лежащей вне общественного производства и связанной с удовлетворением многообразных материальных и духовных потребностей людей [26].

Рассмотренные дефиниции позволяют выделить следующие основные признаки семьи, как малой группы: первичная ячейка общества, которую отличают тесные социальные связи, брачные узы или кровное родство, общность быта, взаимная поддержка и ответственность, а также наличие определенных функций. Тесные социальные связи проявляются совокупностью взаимных прав и обязанностей, их четким распределением, а также присутствием особой чувственно-эмоциональной составляющей в отношениях между членами семьи.

Брачное родство подразумевает официальное юридическое закрепление супружеских отношений на договорной условной или безусловной

основе с фиксацией в соответствующих государственных или религиозных структурах, либо вытекающее из фактического совместного проживания и (или) ведения совместного хозяйства, которое именуется гражданским браком или сожительством. Кровное родство основано на наличии общего предка и бывает прямым, то есть между предком и потомком (родители и дети, дедушки или бабушки и внуки), или боковым, то есть между лицами, имеющими общего предка, но не являющимися прямыми потомками друг друга (братья, сестры, кузены).

Взаимная ответственность включает заботу о здоровье и долголетию членов семьи, взаимоуважение и экономическую (имущественную, финансовую) поддержку, создание комфортных, в том числе и психоэмоциональных условий совместного проживания и проведения досуга.

По обоснованному мнению А.Г. Харчева, М.С. Мацковского к основным функциям семьи относятся: 1) воспроизводство непосредственной жизни; 2) хозяйственно-экономическая; 3) рекреативная (поддержание здоровья, организация досуга и отдыха); 4) коммуникативная; 5) воспитательная; 6) регулятивная [27].

Наконец, семья является безусловно важной составляющей любой более объемной социальной общности и не может рассматриваться изолированно от тех политических, экономических, социальных, религиозных, идеологических и прочих процессов, которые свойственны современному обществу.

Следует также отметить, что в современной социологии семьи выделяют две основные исследовательские парадигмы, «прогрессистскую» и «кризисную». С позиции первой происходящие в современной семье изменения в целом оцениваются положительно, с позиции второй трансформация семьи и ее роли оцениваются негативно и объясняются ослаблением семейного института и кризисом в современном обществе.

Подводя итоги и резюмируя обозначенные выше религиозные, философские и социологические подходы к пониманию сущности брачно-семейных отношений, можно сделать следующие выводы.

Общеизвестно, что человек есть природно-социальное явление, субъект общественно-исторической деятельности и культуры, органическое сочетание биологического и общественного. Биологическое в нем выражается в анатомо-физиологических, генетических, нервно-мозговых, электрохимических и других процессах организма, проявляющихся через его рождение, состояние здоровья, долголетие, а также через его сознание, мышление, речь, память, волю, характер, темперамент и так далее. Социальное в человеке озна-

чает, что он – субъект общественных отношений, возникающих порой еще до его рождения и не прекращающихся в связи с его смертью, вне которых он не способен формироваться, существовать и развиваться как полноправный член общества (многочисленные примеры так называемых «маугли» и «тарзанов» являются ярчайшим тому подтверждением).

Поскольку семья представляет собой объединение нескольких (как минимум, двух) людей, ей так или иначе присущи те же признаки, что и отдельному человеку. Биологическую составляющую этого союза образуют эмоции, чувства, влечения, которые испытывают члены семьи по отношению друг к другу. Порой они настолько сильные, что давно замечено как с течением совместно прожитого в браке времени супруги не только образом мышления, увлечениями, темпераментом, но даже внешне становятся похожи друг на друга. Социальной же основой семьи выступает прежде всего та совокупность прав и обязанностей, возникающих как внутри этого объединения, так и по отношению к посторонним людям, государственным, политическим, экономическим, религиозным и иным структурам и общественным формированиям.

Гегель, утверждал, что «явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы»[28]. Таким образом, явление традиционно рассматривается как внешняя сторона действительности, а сущность как ее глубинная сторона, свойственная для всех разновидностей исследуемого явления. В связи с чем познание сущности возможно лишь через анализ внешних проявлений изучаемого объекта.

Поскольку эмоции, чувства и влечения имеют, как правило, ограниченный временной период существования, биологическая составляющая семьи и брака представляется, на наш взгляд, не обязательной константой. Поэтому сущностной основой брачно-семейных отношений, без которой они не способны на существование, считаем совокупность внутренних и внешних признаков, характеризующих возникновение и функционирование семьи как социального института.

Список литературы:

[1] Ульяновская Ю. С. Актуальные вопросы изучения семьи как малой группы с позиций аксиологического подхода // Управление в современных системах. 2017. №2 (13). С.63-72.
[2] Дмитрийчук, А. Ю. Представление о семье в русской философско-культурологической мысли / А. Ю. Дмитрийчук // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – № 1(25). – С. 85-100.

[3] Цибилова, И. М. Некоторые аспекты современной католической философии и теологии : Аналитический обзор / И. М. Цибилова. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – 83 с. – (Проблемы философии).

[4] Дарбаа О. О., Монгуш Ч. Н. Влияние буддизма на семейные отношения // Вестник науки. 2025. №11 (92). С. 675-680.

[5] Ярошенко С., Исаева В., Дивисенко К. Семья и партнерство на пути к «постоянному счастью»: трансформация гендерной идеологии в процессе религиозной конверсии в западный буддизм в России // Laboratorium: журнал социальных исследований, 2022, №1(14). – С.4-29.

[6] Платон. Государство. Законы. Политика. М.: Мысль, 1998. 798 с.

[7] Аристотель. Политика. М.: Мысль, 1976. 550 с.

[8] Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. М., 1964. 625 с.

[9] Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. М.: Мысль, 1972. 589 с.

[10] Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. Избранные сочинения в 3-х т. М.: Гослитиздат, 1961. 851 с.

[11] Кант И. Метафизика нравов в 2 частях // под ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1965. Т. 4. ч. 2. 478 с.

[12] Фихте И.Г. Основоположения естественного права, согласно принципам наукоучения // Философские науки. 1972. № 2. С. 121-123.

[13] Гегель Г.В.Ф. Система нравственности. Сочинения в 8 тт. М., 1954. Т. 4. 443 с.

[14] Гегель Г.В.Ф. Философия права: Пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

[15] Морган Л.Г. Древнее общество. М.: Наука, 1983. 301 с.

[16] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. – 1964. С. 23-178.

[17] Троицкий С. В. Христианская философия брака. Клин: Христианская жизнь, 2001. 224 с.

[18] Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. 461 с. – С.123.

[19] Ильин И.А. Путь к очевидности. - М., 1993. 431 с. – С.199.

[20] Бухалова Н.А. Синергетический подход к исследованию трансформации семьи // АНИ: педагогика и психология, 2016. Т.5. №3 (16). – С.336-339.

[21] Кравченко, Ю. В. Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи / Ю. В. Кравченко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социоло-

гия, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 4(108). – С. 142-147.

[22] Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. с. 60.

[23] Сёмина М.В. Семья с позиций системно-синергетического подхода // Вестник бурятского государственного университета, 2011, №6. – С. 30-35.

[24] Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. С. 75.

[25] Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 304с.

[26] Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003, с. 158.

[27] Харчев, А. Г. Современная семья и ее проблемы / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. – М.: Финансы и статистика, 1978. – С. 35.

[28] Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т.1. – С.307.

References:

[1] Ulyanovskaya Yu. S. Topical issues of studying the family as a small group from the standpoint of the axiological approach//Management in modern systems. 2017. №2 (13). S.63-72.

[2] Dmitriy chuk, A. Yu. Idea of a family in Russian philosophical and cultural thought/A. Yu. Dmitriy chuk//Humanitarian statements of TSPU named after L.N. Tolstoy. – 2018. – № 1(25). – S. 85-100.

[3] Tsibizova, I. M. Some aspects of modern Catholic philosophy and theology: Analytical review//I. M. Tsibizova. - Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 83 p. - (Problems of philosophy).

[4] Darbaa O.O., Mongush Ch. N. The influence of Buddhism on family relations//Bulletin of Science. 2025. NO. 11 (92). S. 675-680.

[5] Yaroshenko S., Isaeva V., Divisenko K. Family and partnership on the path to “permanent happiness”: the transformation of gender ideology in the process of religious conversion to Western Buddhism in Russia//Laboratory: Journal of Social Research, 2022, No. 1 (14). – S.4-29.

[6] Plato. State. Laws. Politics. M.: Thought, 1998. 798 p.

[7] Aristotle. Politics. M.: Thought, 1976. 550 s.

[8] Hobbes T. Leviathan//Selected Works. M., 1964. 625 p.

[9] Bacon F. Experiences or instructions are moral and political. M.: Thought, 1972. 589 p.

[10] Rousseau J.-J. Emil, or On upbringing. Selected works in 3 volumes. M.: Goslitizdat, 1961. 851 pp.

[11] Kant I. Metaphysics of morals in 2 parts//ed. V.F. Asmus. M.: Thought, 1965. VOL. 4. part 2. 478 s.

[12] Fichte I.G. The foundations of natural law, according to the principles of science//Philosophical sciences. 1972. № 2. S. 121-123.

[13] Hegel G.V.F. Morality system. Works in 8 vols. M., 1954. VOL. 4. 443 p.

[14] Hegel G.V.F. Philosophy of Law: Per. with him. – M.: Thought, 1990. – 524 s.

[15] Morgan L.G. Ancient Society. M.: Science, 1983. 301 pp.

[16] Engels F. Origin of family, private property and state. Writings. 2nd ed. VOL. 21. – 1964. S. 23-178.

[17] Troitsky S.V. Christian philosophy of marriage. Wedge: Christian Life, 2001. 224 pp.

[18] Rozanov V.V. In the world of unclear and unresolved/under the general. ed. A.N. Nikolyukin. M., 1995. 461 p. – S.123.

[19] Ilyin I.A. The path to obviousness. – M., 1993. 431 p. – S.199.

[20] N.A. Bukhalova. Synergistic approach to the study of family transformation//API: pedagogy and psychology, 2016. T.5. №3 (16). – P.336-339.

[21] Kravchenko, Yu. V. The main sociological concepts of understanding the stability of a young family/Yu. V. Kravchenko//Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – 2012. – № 4(108). – S. 142-147.

[22] Varga A.Y. Systemic family psychotherapy. St. Petersburg: Speech, 2001. from. 60.

[23] Semina M.V. Family from the standpoint of a system-synergistic approach//Bulletin of the Buryat State University, 2011, No. 6. – S. 30-35.

[24] Kharchev A.G. Marriage and family in the USSR: experience in sociological research. M.: Thought, 1964. S. 75.

[25] Antonov A.I., Medkov V.M. Sociology of the family. M.: Publishing House of Moscow State University: Publishing House of the International University of Business and Management (“Brothers Karich”), 1996. – 304s.

[26] Rimashevskaya N.M. Man and Reforms: Secrets of Survival. M.: ISEPN RAS, 2003, p. 158.

[27] Kharchev, A. G. Modern family and its problems/A. G. Kharchev, M. S. Matskovsky. – M.: Finance and Statistics, 1978. – S. 35.

[28] Hegel G. Encyclopedia of Philosophical Sciences. – M., 1974. – Т.1. – С.307.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-201-205

ДАУД Руслан Баширович,
соискатель кафедры теории государства и права
федерального государственного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская государственная
юридическая академия»,
e-mail: RusSud@bk.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ГРАЖДАНСТВА В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. Обозначается проблемный характер исследования феномена гражданства в отечественной юридической науке. Констатируется недостаточное внимание со стороны теоретиков права к общим вопросам понятия, содержания и структуры междотраслевого института гражданства в системе права и системе законодательства, а также к проблемам форм и процедур реализации субъективного права на гражданство. В статье определяются наиболее общие закономерности формирования, функционирования и развития феномена гражданства в праве, составляющие предмет исследования науки общей теории государства и права. Автором дается обобщение накопленного в отраслевой юридической литературе знания о трансформации института гражданства в российском законодательстве и в практике его реализации. Делается вывод о многогранной юридической природе феномена гражданства и необходимости дополнения и развития понятийного ряда общей теории права, системно отражающего все основные формы его проявления в правовой действительности.

Ключевые слова: институт гражданства в праве, правовое положение личности, правовой статус, субъективное право на гражданство.

DAUD Ruslan Bashirovich,
Applicant of the Department of Theory of State and Law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education
“Saratov State Law Academy”

Scientific supervisor:
BELOUSOV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Law, Professor

TO THE QUESTION OF THE INSTITUTE OF CITIZENSHIP AS AN OBJECT AND SUBJECT OF RESEARCH GENERAL THEORY OF STATE AND LAW SCIENCES

Annotation. The article highlights the problematic nature of the study of the phenomenon of citizenship in Russian legal science. It notes the insufficient attention paid by legal theorists to the general issues of the concept, content, and structure of the interdisciplinary institution of citizenship in the legal system and the system of legislation, as well as to the problems of the forms and procedures for the implementation of the subjective right to citizenship. The article identifies the most general patterns of the formation, functioning, and development of the phenomenon of citizenship in law, which constitute the subject of research in the science of general theory of state and law. The

author summarizes the knowledge accumulated in the sectoral legal literature on the transformation of the institution of citizenship in Russian legislation and in the practice of its implementation. The author concludes that the phenomenon of citizenship has a multifaceted legal nature and that it is necessary to supplement and develop the conceptual framework of the general theory of law, which systemically reflects all the main forms of its manifestation in legal reality.

Key words: *institution of citizenship in law, legal status of an individual, legal status, subjective right to citizenship.*

Государственная политика Российской Федерации в сфере нормативной правовой регламентации института гражданства и практики его реализации требует своего дальнейшего совершенствования и развития в условиях осложнившейся геополитической обстановки, проведения специальной военной операции, необходимости решения задач по народосбережению, по обеспечению должного контроля за миграционными процессами и в ситуации угрозы роста преступности среди лиц, пребывающих с территории иностранных государств и приобретающих российское гражданство. Актуальной в практическом плане остается задача по нахождению баланса между политикой восполнения численности населения страны за счет мигрантов посредством приобретения ими российского гражданства и политикой обеспечения национальной безопасности и минимизации уровня преступности.

В современных условиях продолжает оставаться актуальной проблема разрыва между установленным на законодательном и подзаконном уровне нормативной регламентацией института российского гражданства и реальной практикой реализации субъективного права на гражданство субъектами в конкретных правоотношениях. Виною тому не только несовершенство нормативной правовой основы, излишнее усмотрение правоприменителя, но и пробелы, неполнота в научном осмыслении наиболее значимых общетеоретических вопросов гражданства. Именно юридическая наука призвана предоставить обоснованные, четко выверенные ориентиры для формирования и реализации правовой политики государства в обозначенной сфере, учитывающей современные реалии и потребности российского общества.

В последние годы наблюдается неравномерный рост числа иностранных лиц, приобретающих российское гражданство. Например, по данным МВД Российской Федерации гражданство России приняли в 2024 году 209 тыс. граждан, что на 44,8% ниже показателя 2023 года [7]. Рост количества иностранцев, получивших российское гражданство, наблюдался с 2018 по 2021 год: в 2018 году паспорт получили примерно 269 тыс. человек, в 2019 году — почти 498 тыс., в 2020-м — 656 тыс., в 2021 — 735 тыс., а в 2022 произошло сниже-

ние на 6,4% по сравнению с 2021 годом до 691 тыс. человек [8]. Однако в любом случае проблема увеличения числа собственных граждан в Российской Федерации в результате стимулирования миграционных процессов остается в повестке государственной политики, а нехватка трудовых ресурсов в сфере строительства, оказания услуг, производства порождает дисбаланс в экономике.

Следует обратить внимание на общесоциальный характер феномена гражданства, охватывающего не только сферу права, но и экономики, политики и культуры. В.Н. Калинин, раскрывая социальную основу гражданства, приходит к обоснованному утверждению следующего содержания: «Гражданство как целостное явление шире юридического института гражданства и включает в себя также социальные, политические, нравственные и психологические аспекты. При этом, если в правовом качестве гражданство представляет собой связь лица с государством, то в социальном аспекте гражданство олицетворяет, прежде всего, связь лица с обществом, образующим государство и представленным в виде народа (нации)» [1, с. 6]. Уже исходя из данного обстоятельства можно с уверенностью полагать, что государственно-правовое исследование гражданства не может обойтись без общетеоретического обобщения и обращения к междисциплинарному подходу, поскольку юридическое знание в этом вопросе должно быть системно увязано с теоретическими воззрениями таких отраслей научного знания как философия, социология, экономическая теория, политология, психология, культурология и рядом других. Подобная задача в системе юридических наук может быть решена именно в рамках предмета исследования общей теории государства и права.

Современная отечественная юридическая литература изобилует работами специально-отраслевой направленности по целому ряду вопросов, например, в отношении понятия, содержания, особенностей реализации института гражданства в праве, его связей с иными элементами правового положения личности. Накапливаемый отраслевыми юридическими науками теоретический и практический материал в сфере правовой регламентации отношений гражданства, к сожалению, в последние годы не получает должного общетеоретического обобщения, не встраивается в общую

теорию правового положения личности, в общее учение о правовом статусе, а понятие «гражданство» зачастую остается вне поле зрения теоретиков права и не соотносится зачастую с общетеоретическими категориями «правосубъектность», «правоотношение», «субъективное право», «правовое состояние» и др.

В этой связи по-прежнему справедливо звучат слова Н.В. Витрука в отношении диспропорции в развитии общетеоретического и отраслевого правового знания по рассматриваемой проблематике: «Внимание ученых долгие годы, на наш взгляд, в основном было сосредоточено на проблемах теории субъективного права, ее понятийного аппарата. В их исследованиях есть существенные достижения. В то же время было ослаблено внимание к категориям, отражающим различные (и специфические) стороны правового положения личности в системе общественных отношений. Речь идет, в частности, о правах, обязанностях, законных интересах, взятых в системе, об их гарантиях, о гражданстве, правосубъектности личности. Эти явления и выражающие их категории изучаются под углом зрения соотношения их с субъективным правом. К тому же многие из них исследуются в основном отраслевыми науками как институты конституционного (государственного), гражданского, трудового, административного и других отраслей права» [2, с. 14-15]. Недостаток общетеоретического видения системных связей института гражданства с иными элементами правового положения личности не позволяет порой решить частные, специально-отраслевые вопросы, а научные дискуссии по ним в отраслевой юридической литературе нередко заходят в тупик.

Односторонний подход в познания природы и сущности института гражданства в праве не способствует раскрытию всех граней столь сложного политико-правового феномена, его богатого содержания и полифункционального назначения в структуре правового положения личности, в механизме регулирования отношений между личностью и государством.

Отмеченные моменты в государственно-правовых исследованиях актуализируют необходимость в дальнейшем дополнении и развитии понятия «гражданство» в статусе категории общей теории права, в более точном определении ее места и роли в понятийных рядах общетеоретической правовой науки с опорой на новейшие данные из области специальных отраслевых юридических теорий.

Думается, что в качестве предмета науки общей теории государства и права должны выступать не только само понятие «гражданство», но и общие закономерности формирования, функционирования и развития межотраслевого института

гражданства, а также коренные вопросы, касающиеся: его структуры и содержания; принципов, форм и процедур реализации права на гражданство; места и роли данного института в структуре правового положения личности и др.

В практическом плане институт гражданства в российском праве претерпевает очередной этап реформирования, о чем свидетельствует относительно недавнее принятие федерального закона от 28 апреля 2023 г. «О гражданстве Российской Федерации» [9]. Одновременно существенно меняется содержание подзаконного нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере, включая основания приобретения и прекращения гражданства. Ряд новшеств упомянутого закона уже стал предметом пристального внимания со стороны специалистов отраслевых правовых наук, получив оценку и критические комментарии [3; 4]. Однако подобные изменения в законодательной регламентации гражданства подлежат анализу и на уровне общетеоретического осмысления рассматриваемого феномена в целях уточнения его содержания и структуры, форм и процедур реализации. Также специалисты уже фиксируют накопление дефектов правоприменительной практики в области реализации субъективных прав на приобретение, изменение и прекращение гражданства, создающих препятствия на пути их осуществления ввиду ряда расхождений между новой законодательной основой и подзаконными актами в данной сфере.

В настоящий момент наблюдаются две отчасти противоположные друг другу тенденции в развитии российского законодательства о гражданстве в виде, с одной стороны, устранения барьеров для доступа иностранных граждан к приобретению российского гражданства, а, с другой стороны, ужесточения контроля за миграционными процессами в целях обеспечения национальной безопасности и противодействия росту преступности среди лиц, претендующих на получение гражданства. Поиск баланса между указанными тенденциями в формировании и совершенствовании нормативной основы института гражданства продолжается на практике, что вызывает необходимость проведения и соответствующих научно-теоретических изысканий междисциплинарного характера, не ограничивая их лишь предметом юридической науки.

Достаточно активно дискутируется в отраслевой юридической литературе проблема трансформации института гражданства в результате интенсивного воздействия на него цифровых технологий и инноваций. В частности, в теории конституционного права предлагается внедрять идею «алгоритмического общества» и «цифрового гражданства». Например, И.А. Кравиц полагает возможным и перспективным расширение приме-

нения института цифрового гражданства и рассмотрение его «в контексте «структурных трансформаций политического процесса» в качестве формы «гражданской интернет-активности»», а также его институционализацию в виде относительно самостоятельного института конституционного и публичного права [5, с. 93-94]. На наш взгляд, подобный шаг заслуживает внимания и дальнейшего обсуждения, но вызывает определенные опасения используемая терминология в виде «цифрового гражданства». Думается, что точнее вести речь на настоящем этапе лишь о цифровых формах и процедурах реализации отдельных субъективных прав граждан в рамках института российского гражданства – посредством использования интернет-сети, специализированных цифровых платформ и использования сложных алгоритмов, включая ИИ и т.п. Потенциальное же создание в перспективе в рамках Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) цифрового профиля гражданина и переход на электронный паспорт гражданина Российской Федерации вкупне с электронной картой трудового мигранта (ЭКТМ, id-карта) не должно кардинально изменить природу и сущность гражданства как такового, но потребует дополнительных правовых гарантий и мер юридической защиты для реализации права на гражданство. В целом в механизме правового регулирования наблюдается существенное увеличение числа технико-юридических норм, сопровождающих использование технологических новаций в праве, что затрагивает и столь значимый межотраслевой институт как гражданство. В свою очередь, в теории государства и права данная тенденция также должна найти свое отражение в предмете ее исследования.

Наряду с изложенным вызывает интерес и актуальная в современных условиях проблема институирования гражданства как особой социальной ценности. В частности, Н.А. Трусов в плане гипотезу рассуждает о начале процесса «институирования ценности российского гражданства» в отечественной конституционной практике. В целях обоснования выдвинутой гипотезы автор приводит следующее суждение о двуединой направленности государственной политики в рассматриваемой сфере: «Соответствующий процесс выгоден современному российскому государству, поскольку, с одной стороны, восприятие иностранными гражданами и апатридами российского гражданства как ценности приведет не только к росту юридического населения страны, но и к росту его качества (субъективная ответственность, образование, квалификация и пр.). С другой стороны, восприятие российского гражданства как ценности собственно гражданами Российской Федерации приведет не только к минимизации случаев выхода из гражданства, но и через отказ от правонарушающего поведения будет способ-

ствовать упрочению режима законности, а также повышению эффективности реализации проводимой государством политики» [6, с. 18]. В анализируемой ситуации общая теория права может предложить аксиологический подход в исследовании проблем гражданства и повышения его социальной ценности. Накопленные общей теорией права знания в области аксиологии права и методологии проведения государственно-правовых исследований могут выступить надежной отправной основой для продолжения подобных исследований на отраслевом уровне и для уточнения собственного понятийного аппарата, раскрывающего место и роль феномена гражданства в правовой политике государства.

В общетеоретическом плане надлежит рассматривать проблему баланса законодательного и подзаконного уровней нормативной правовой регламентации института российского гражданства, взаимосвязи материальных и процедурных (процессуальных) нормативных предписаний в его содержании.

На уровне теории права предпочтительно разрешить и вопрос о соотношении конституционных основ института гражданства и административных организационно-правовых норм, направленных на процедурное обеспечение реализации субъективного права на гражданство. Предмет общетеоретического исследования также может составлять проблема мер защиты и ответственности в сфере реализации отношений гражданства. В частности, в связи последними законодательными новеллами активизировалась научная дискуссия вокруг санкции прекращения гражданства за совершение лицом преступления. Обобщение отраслевого юридического знания требуется по направлению установления четких и научно обоснованных пределов ограничения права на гражданство, поскольку лишь в ходе сопоставления данных наук конституционного, международного, уголовного и административного права, а также наложения знаний социологии, экономической теории и политологии может дать требуемый результат в данной области. В противном случае юридическое знание о феномене гражданства будет оставаться неполным, неподтвержденным данными иных гуманитарных наук, не учитывающим насущных потребностей экономики, политики и иных сфер общественной жизни.

Значимым общетеоретическим ракурсом рассмотрения феномена гражданства в праве выступает определение соотношения и взаимосвязи в нем объективного и субъективного содержания. Диалектику указанных двух сторон его сущности весьма точно охарактеризовал Н.В. Витрук: «С юридической точки зрения гражданство выступает, с одной стороны, как явление объективного права и, с другой – как явление субъективного права. В первом случае гражданство

представляет собой институт права. Во втором случае речь идет о гражданстве как о признанной (закрепленной) законом принадлежности лица к конкретному государству. В этом качестве гражданство опосредствуется правами личности по поводу гражданства (его приобретения, прекращения и т.д.)» [2, с. 125].

На общетеоретическом уровне особенно отчетливо просматривается проблема недостаточности одного единственного родо-видового определения понятия гражданства в силу множественности форм его проявления. Вряд ли возможно вместить в одну формально-логическую дефиницию следующий ряд ипостасей феномена гражданства в праве, выделенный и рассмотренный В.Н. Калининым в диссертационном исследовании теоретико-правового характера, в котором он убедительно обосновывает с опорой на предшественников необходимость общетеоретического взгляда на центральные вопросы института гражданства: «Многогранность юридической природы гражданства проявляется в том, что оно выступает и как самостоятельный межотраслевой комплексный институт права, и как субъективное право по поводу гражданства, и как особого рода длящееся правоотношение, существующее в общей, и конкретной формах, и как правовое состояние, составляющее часть правового положения (правового статуса) гражданина» [1, с. 6]. В этой связи, на наш взгляд, требуется использование системного и диалектического подходов в формировании целого понятийного ряда, раскрывающего различные стороны гражданства в механизме правового регулирования. Представляется необходимым добавить, что данная цепь форм проявления гражданства может быть дополнена и рассмотрением его с позиции теории юридических фактов, поскольку приобретение и прекращение гражданства выступают весьма значимыми обстоятельствами, вызывающими специфические юридические последствия.

Таким образом, накопленный отраслевыми юридическими науками на современном этапе обширный материал о многогранности и сложной юридической природе феномена гражданства свидетельствует о необходимости более пристального внимания к нему со стороны науки теории государства и права, а его наиболее общие закономерности формирования, функционирования и развития, а равно и его общетеоретическое понятие составляют значимую часть предмета исследования данной правовой науки.

Список литературы

[1] Калинин В.Н. Институт гражданства в российском праве (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 225 с.

[2] Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности М.: Норма, 2008. 447 с.

[3] Колпак А.А. Институт гражданства в Российской Федерации: тенденции развития в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 22 с.

[4] Таева Н.Е. Законодательство о гражданстве Российской Федерации - современный этап развития // Закон. 2024. № 3. С. 48 - 58.

[5] Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 93 - 123.

[6] Трусов Н.А. Институирование ценности гражданства как правовое последствие современной отечественной конституционной практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 18 - 22.

[7] Сайт: <https://www.vesti.ru/article/4427270?ysclid=mj61zoibze704639912> (обращение на дату 14.12.2025 г.)

[8] Сайт: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2023/63d8ed0b9a7947715f002efa?ysclid=mj91u7g4a3785669118> (обращение на дату 14.12.2025 г.)

[9] См.: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. № 5. 03.05.2023.

References

[1] Kalinin V.N. Institute of Citizenship in Russian Law (general theoretical aspect): dis.... cand. jurid. sciences. M., 2002. 225 s.

[2] Vitruk N.V. General theory of the legal status of a person M.: Norma, 2008. 447 pp.

[3] Kolpak A.A. Institute of Citizenship in the Russian Federation: development trends in modern conditions: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2024. 22 pp.

[4] Taeva N.E. The legislation on citizenship of the Russian Federation is a modern stage of development//Law. 2024. № 3. S. 48-58.

[5] Kravets I.A. Digital Citizenship and Constitutional Challenges in an Information and Algorithmic Society//Comparative Constitutional Review. 2023. № 2. S. 93-123.

[6] Trusov N.A. Institution of the value of citizenship as a legal consequence of modern domestic constitutional practice//State power and local self-government. 2024. № 1. S. 18-22.

[7] Site: <https://www.vesti.ru/article/4427270?ysclid=mj61zoibze704639912> (accessed 14.12.2025)

[8] Site: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2023/63d8ed0b9a7947715f002efa?ysclid=mj91u7g4a3785669118> (accessed 14.12.2025)

[9] See: Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" //Rossiyskaya Gazeta. № 5. 03.05.2023.

БОЧАРОВ Николай Сергеевич,
Ассистент академического департамента Школы права и управления,
Тюменский государственный университет,
e-mail: n.s.bocharov@utmn.ru

СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СООБЩЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения и систематизации юридически значимых сообщений в современном гражданском праве России. Автор отмечает, что действующее регулирование, в частности ст. 165.1 ГК РФ, не содержит четких критериев данного понятия, что препятствует построению непротиворечивой системы. Критикуя распространенный в науке информационный подход, автор обосновывает необходимость поведенческой интерпретации, позволяющей рассматривать сообщение как действие, обладающее рядом специфических функций.

Исследование основано на применении таких методов научного исследования как анализ, синтез, индукция и дедукция. Значимое место отведено методам систематизации и правового моделирования. Для построения системы юридически значимых сообщений использован системно-функциональный метод, а основные выводы основаны на делении юридических фактов по критерию источника их происхождения.

За основу классификации берутся правовые последствия сообщения. Выделяются две фундаментальные категории: сообщения, влекущие правовые последствия юридического факта (сообщения-способы совершения сделок и иных действий); сообщения, влекущие иные правовые последствия. Ко второй группе отнесены сообщения-условия реализации права (связанные и не связанные со сделкой), сообщения-способы определения срока исполнения обязательства, а также сообщения как проявление стандарта добросовестного поведения.

Выстроенная система юридически значимых сообщений позволяет разрешить проблему определения объема юридически значимого сообщения, а также позволяет обеспечить единство понимания тех или иных сообщений и их правовых последствий.

Ключевые слова: юридически значимые сообщения, уведомления, требования, извещения, сообщения, система юридически значимых сообщений, сообщения-способы, сообщения-условия, сообщения-стандарты.

BOCHAROV Nikolay Sergeevich,
Assistant of the Academic Department School of Law and Governance
Tyumen State University

THE SYSTEM OF LEGAL SIGNIFICANT MESSAGES IN CIVIL LAW

Annotation. The article addresses the problems of defining and systematizing legally significant communications in modern Russian civil law. The author notes that the current regulation, particularly Article 165.1 of the Russian Civil Code, lacks clear criteria for this concept, which hinders the construction of a consistent system. Criticizing the informational approach prevalent in legal scholarship, the author substantiates the need for a behavioral interpretation, which allows considering a communication as an action possessing a number of specific functions.

The research is based on the application of scientific methods such as analysis, synthesis, induction, and deduction. Significant emphasis is placed on the methods of systematization and legal modeling. A systems-functional method is used to construct the system of legally significant communications, and the main conclusions are based on the classification of juridical facts according to the criterion of their source of origin.

Legal consequences serve as the basis for the classification. Two fundamental categories are distinguished: communications that produce the legal effects of a juridical fact (communications as methods of concluding transactions and performing other actions); and communications that produce other legal consequences. The second group includes communications as conditions for the exercise of a right (both related and unrelated to a transaction), communications as methods for determining the term of performance of an obligation, as well as communications as manifestations of the standard of good faith conduct.

The constructed system of legally significant communications allows for resolving the problem of defining the scope of a legally significant communication and ensures a unified understanding of various communications and their legal consequences.

Key words: *Legally significant messages, notifications, demands, notices, communications, legally significant messaging system, messages-as-manner, messages-as-conditions, messages-as-standards.*

В современном гражданском праве юридически значимые сообщения остаются жизненно необходимым, хотя и недостаточно изученным правовым явлением. Противоречивое содержание статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не позволяет с достоверностью разрешить вопрос об объеме понятия юридически значимое сообщение, а уж тем более выстроить стройную и непротиворечивую систему сообщений.

Одной из проблем на пути к этому выступает действующее нормативно-правовое регулирование. Из статьи 165.1 ГК РФ следует, что к числу сообщений относятся заявления, уведомления, требования, а также иные сообщения. В то же время, с другой стороны, статья не дает ответа на вопрос о том, что такое юридически значимое сообщение и по каким признакам следует отделять сообщения от прочих правовых явлений.

Мы полагаем, что вопрос определения места юридически значимых сообщений в системе правовых институтов ГК РФ может быть решен при ответе на вопрос лишь об одном из признаков сообщения – правовых последствиях, к которым оно приводит.

За основу предлагается использовать поведенческий подход к интерпретации содержания юридически значимого сообщения. О.М. Родионова при анализе правовой категории «юридически значимое сообщение» указывает на то, что юридически значимая воля содержится в информации, которая доставляется адресату, и является предметом сообщения как действия [1, с. 7]. Такую позицию поддерживает В.Г. Куранов, который считает, что информация – это содержание юридически значимого сообщения [2, с. 58]. В.В. Долинская считала информационное содержание одним из критериев деления сообщений на виды [3, с. 8]. Е.С. Сергеева идет дальше и высказывает мнение о том, что юридически значимые сообщения приводят к возникновению режимных организационных правоотношений [4, с. 67]. Однако дан-

ные позиции, основанные на выделении информационной составляющей, представляются нам неверными.

Смена парадигмы с информационной на поведенческую необходима прежде всего для того, чтобы рассмотреть в сообщении свойство действия, и на основе этого отыскать признаки, характеризующие это действие. На самом деле, давняя мысль о том, что юридически значимое сообщение находится в рамках системы юридических фактов основана именно на его поведенческой интерпретации, поскольку информационный носитель никаким образом с юридическим фактом не связан. Это противоречило бы теории юридических фактов, в основу которой положено деление юридических фактов на действия и события в зависимости от того, наступают ли данные факты по воле или помимо воли участников гражданского оборота (по волевому признаку) [5, с. 98-99].

По убеждению О.А. Красавчикова существуют два вида правовых последствий, а именно: движение гражданского правоотношения и последствия, наступающие в связи с осуществлением гражданского правоотношения [6, с. 75-76]. Это справедливо и для юридически значимых сообщений. Сообщения следует подразделять на две фундаментальных категории: влекущие правовые последствия юридического факта и не влекущие его.

Чаше все правовые последствия сделки влекут сообщения-способы. Первыми такие сообщения выделили С.К. Соломин и Н.Г. Соломина, отметив, что применительно к односторонним сделкам под сообщениями понимается ничто иное как способ их совершения [7]. Некоторые авторы так или иначе были близки к выделению данной разновидности сообщений. Например, А.Я. Курбатов указывает, что сообщения представляют собой способ передачи информации [8, с. 87].

Сообщение как способ совершения сделки (проявления юридического факта) служит необходимым инструментом совершения сделки. Проявления указанного сообщения существуют на про-

тяжении всей динамики гражданского правоотношения. Для возникновения договорного правоотношения участникам гражданского оборота необходимо прийти к соглашению, соответственно направить оферту и получить акцепт. Совершение акцепта (статья 438 ГК РФ) и направление оферты (статьи 435 ГК РФ) как односторонних сделок возможно посредством направления юридически значимого сообщения, что в конечном итоге повлечет заключение договора.

Посредством юридически значимого сообщения договор может быть изменен. Например, из пункта 3 статьи 715 ГК РФ следует возможность изменения условий договора подряда, а именно назначение нового срока для устранения недостатков работ. В равно мере такое сообщение может привести к прекращению договорного правоотношения. Например, статьей 450.1 ГК РФ предусмотрен порядок реализации права на односторонний отказ от договора. В частности, необходимо направить уведомление об одностороннем отказе другой стороне договора.

Сообщение как способ совершения сделки не обладает самостоятельной формой и всегда совершается одновременно со сделкой, поэтому отсутствие такого сообщения — это отсутствие сделки. При этом сам по себе формы такого сообщения разрешается в законе применительно к форме той сделки, которая совершается посредством сообщения.

Указанные вид сообщения находит свое отражение не только лишь при совершении сделок. Как известно, гражданские правоотношения не исчерпываются лишь совершением сделок. Сделка является наиболее распространенным, но отнюдь не единственным в своем роде поведенческим актом, влекущим правовые последствия.

Нами обнаружено, что юридически значимые сообщения могут применяться при даче согласия третьего лица на совершение сделки. Запрос на совершение согласия может быть произведен исключительно посредством юридически значимого сообщения, поскольку в ином случае необходимость в согласии остается неочевидной для лица, не являющегося стороной сделки. При этом, и выражение согласия также производится посредством сообщения. Закон не разъясняет того, каким образом согласие должно быть выражено. Из пункта 55 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что согласие на совершение сделки может быть выражено любым способом, хотя это кажется несколько неточным. В частности, закон прямо указывает, что молчание не является согласием на совершение сделки, кроме случаев, прямо установленных законом (пункт 4 статьи 157.1 ГК РФ).

Заверения об обстоятельствах также даются посредством сообщения. Природе заверений об обстоятельствах не ясна окончательно, отмечается, что заверения имеют смешанную правовую природу, включающую элементы сделок, обязательств, а также юридических поступков [9, с. 291]. Мы не поддерживаем идею о смешанной правовой природе заверений, но отметим, что заверение — это явно действие участника гражданских правоотношений и такое действие должно совершаться определенным, подходящим для этого способом. Единственным возможным способом в данном случае является сообщение, поскольку цели заверений нельзя достичь посредством фактических действий, а согласование многих условий, установленных законом, осуществляется не в силу дачи заверений, а ввиду прямо установленной обязанности стороны по договору.

Сообщения, влекущие правовые последствия юридического факта, не исчерпывают весь объем правовой категории юридически значимого сообщения. Мы склонны выделять обширную категорию сообщений, влекущих иные правовые последствия. Такие правовые последствия не представляется возможным объединить под одним наименованием, а сами упоминаемые сообщения имеют существенные отличия друг от друга.

Юридически значимые сообщения могут выполнять обобщенную функцию условия реализации гражданского права. При этом реализация гражданских прав возможна, как посредством сделки, так и в ином виде, поэтому мы разделяем данный вид на два соответствующих подвида: связанный и не связанный со сделкой.

Существование условий как обстоятельств, предшествующих юридическому факту органично следует из существующей доктрины. М.А. Рожкова полагает, что существуют вспомогательные сделки, которые не ведут к движению гражданского правоотношения сами по себе, но создают необходимый промежуточный юридический факт [10]. Условия как обстоятельства, влекущие динамику гражданского правоотношения, выделялись Л.А. Чеговадзе [11, с. 75]. Вне зависимости от того как квалифицировать условия в системе юридических фактов их назначение заключается в создании основы для дальнейшего совершения сделки.

Например, обращение взыскания на предмет залога (статья 349 ГК РФ) осуществляется только после уведомления об этом. В отсутствие указанного уведомления обращение взыскания будет неправомерным. Следовательно, в отсутствие такого уведомления сделка как правомерное действие не будет совершена. Однако, рассматриваемый вид сообщений связан не только лишь со сделкой, но также и реализацией гражданских прав в целом.

В частности, право на судебную защиту гражданских прав в ряде случаев может быть реализовано только после направления досудебной претензии. Несоблюдение досудебного порядка влечет возвращение искового заявления, в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Помимо прочего, расторжение договора в судебном порядке допускается лишь после направления соответствующего предложения. В случае если в ответ на указанное предложение направлен отказ, либо ответа в установленный срок не последовало, возникает право на расторжение договора в суде (пункт 2 статьи 452 ГК РФ).

Правовые последствия в виде прекращения договорного правоотношения возникают в таком случае не в связи с совершением сделки, а на основании публичного акта – решения суда. При этом будет несколько неверным говорить, что сообщение и решение суда связаны непосредственно и одно выступает условием другого. По этой причине мы склонны утверждать о сообщении именно как об условии реализации права.

Заслуживает выделения в отдельную категорию требование по смыслу статьи 314 ГК РФ. Из указанной нормы следует, что в случае, если срок исполнения обязательства не определен, либо определен моментом востребования, то обязательство должно быть исполнено в течение 7 дней со дня предъявления кредитором требования об исполнении. Правовые последствия такого сообщения не похожи на последствия сообщений-способов или сообщений-условий. Забегая вперед, отметим, что и с обязанностью по добросовестному поведению направление такого требования не связано.

При этом, такое сообщение явно несвязано с донесением какой-либо информации, а соответствующие обязательства возникли у сторон в момент заключения договора, поэтому будет неверным утверждать, что такое сообщение направлено на реализацию каких-либо прав. Полагаем, что правовые последствия указанного юридически значимого сообщения можно выявить при системном анализе положений статьи 314 ГК РФ и положений ГК РФ о начале течения срока.

С одной стороны, требование об исполнении обязательства запускает течение срока исполнения, поскольку в ином случае должник никогда не будет просрочившим исполнение. С другой стороны, такое требование служит отправной точкой для исчисления срока, срок будет исчисляться именно с момента, когда такое требование направлено. Такие правовые последствия существуют в неразрывной связи и не могут быть отделены друг от друга.

При этом в пункте 2 статьи 314 ГК РФ имеется также упоминание о том, что должник может потребовать от кредитора принять исполнение, в случае если кредитор не предъявляет такое требование в разумный срок. В данном случае, мы полагаем необходимым обратить внимание на то, что является надлежащим исполнением обязательства в современной цивилистической доктрине. С.В. Сарбаш выделяет общий принцип надлежащего исполнения обязательства и принципы, входящие в его состав. К таким принципам относятся: принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства; принцип реального исполнения обязательства; принцип экономичности исполнения; принцип содействия сторон в исполнении; принцип разумности и добросовестности [12, с. 57-68]. Так, соблюдение сроков относится к надлежащему исполнению обязательства, что коррелирует с положениями статьи 309 ГК РФ и распространенным диспозитивным установлением сроков.

Указанные сообщения-способы установления срока как сообщения-условия отличаются самостоятельностью формы и выступают отдельным действием, что не характерно для сообщений-способов совершения сделки (проявления факта).

Последний из видов сообщений, которые нам хотелось бы выделить также тесно связан с исполнением обязательства. В своем диссертационном исследовании О.Н. Еремич указывает, что главным назначением юридически значимого сообщения выступает гарантия интересов участников гражданского оборота [13] и с этим достаточно трудно поспорить. Между тем неизбежно возникает вопрос о механизме воздействия сообщения.

Мы полагаем, что юридически значимые сообщения могут выступать проявлением стандарта добросовестного поведения участников гражданского правоотношения. Из положений пункта 3 статьи 307 ГК РФ следуют такие проявления добросовестного поведения как содействие для достижения цели обязательства и предоставление необходимой информации. Полагаем, что сообщения в равной мере связаны с каждым из названных проявлений. Обязанности по уведомлению о тех или иных обстоятельствах широко представлены в действующем законодательстве. Следует обратить внимание на то, что в содержательном плане данные сообщения в большей мере учитывают информацию. Это подтверждается и тем, что закон обязывает предоставлять необходимую информацию, а не направлять сообщения сами по себе.

В некотором роде это вступает в противоречие с заявленной предпосылкой о поведенческом подходе к сообщениям, хотя в общем виде речь

идет именно об оценке поведения стороны как добросовестной, и здесь важно именно совершение действий, которые должны соответствовать изложенным проявлениям добросовестности.

К числу названных уведомлений могут быть отнесены уведомления о перемене имени (статья 19 ГК РФ), о передаче полномочий по доверенности (статья 187 ГК РФ), о переходе прав кредитора (статья 385 ГК РФ), о нарушении условий договора купли-продажа (статья 483 ГК РФ) и иные. Мотивы направления такого уведомления могут быть самыми различными и преследовать цели уменьшения рисков, идентификации сторон, контроля за исполнением обязательства, но все они охватываются установленной законом обязанностью по добросовестному поведению.

С учетом ранее высказанных идей, полагаем, что систему юридически значимых сообщений составляют с одной стороны сообщения влекущие правовые последствия сделки (юридического факта), а с другой сообщения, влекущие иные правовые последствия. К первой категории относятся сообщения-способы совершения сделки и сообщения-способы проявления иных действий. Ко второй категории относятся сообщения-условия реализации права, представленные сообщениями-условиями совершения сделки и сообщениями-условиями возникновения субъективного права; сообщения-способы определения срока и сообщения-стандарты добросовестного поведения.

Список литературы:

- [1] Родионова О.М. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимого сообщения // Юрист. 2015. № 14. С. 4-8.
- [2] Куранов В.Г. Юридически значимые сообщения в Российском гражданском праве: дисс. к.ю.н. Пермь. 2020.
- [3] Долинская В.В. Правовая природа юридически значимых сообщений / В.В. Долинская, Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 10-19.
- [4] Сергеева Е.С., Алексанова Т.В. Особенности организационных отношений в гражданском праве // Вестник ННГУ. 2016. № 3. С. 166-170.
- [5] Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I Введение и общая часть. СПб. 1894. 169 с.
- [6] Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. 184 с.
- [7] Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография /С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2022. 168 с.
- [8] Данилова Л.Я., Князев Д.В. Юридически значимые сообщения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3 (56). С. 86-92.
- [9] Белокурова Д.В. Заверения об обстоятельствах: особенности использования в Российском договорном праве. Образование и право № 2. 2025. С. 291.
- [10] Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве // М.А. Рожкова, приложение к журналу «Хозяйство и право». 2006. № 7. 80 с.
- [11] Чеговадзе Л.А. Система гражданского правоотношения: проблемы теории и практики. – Н. Новгород, 2004.
- [12] Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
- [13] Еремич О.Н. Юридическое уведомление: теория, практика, техника. Дис. к.ю.н. Нижний Новгород. 2022.

References:

- [1] Rodionova O.M. On the question of the civil nature of a legally significant message//Lawyer. 2015. № 14. S. 4-8.
- [2] Kuranov V.G. Legally significant messages in Russian civil law: diss. Ph.D. Perm. 2020.
- [3] Dolinskaya V.V. Legal nature of legally significant messages/V.V. Dolinskaya, Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. № 6. S. 10-19.
- [4] Sergeeva E.S., Aleksanova T.V. Features of organizational relations in civil law//Bulletin of the NSU. 2016. № 3. S. 166-170.
- [5] Vaskovsky E.V. Textbook of civil law. No. I Introduction and general part. St. Petersburg. 1894. 169 pp.
- [6] Krasavchikov O.A. Legal facts in Soviet civil law. 184 pp.
- [7] Solomin S.K., Solomina N.G. Legal facts and other life circumstances: civilistic essay: monograph/S.K. Solomin, N.G. Solomina. - M.: Justicinform, 2022. 168 pp.
- [8] Danilova L.Ya., Knyazev D.V. Legally significant messages//West Nick of Omsk University. "Right" series. 2018. № 3 (56). S. 86-92.
- [9] Belokurova D.V. Assurances of circumstances: features of use in Russian contract law. Education and Law No. 2. 2025. P. 291.
- [10] Rozhkova M.A. Legal facts in civil law//M.A. Rozhkova, appendix to the journal "Economy and Law." 2006. № 7. 80 s.
- [11] Chegovadze L.A. Civil law system: problems of theory and practice. - N. Novgorod, 2004.
- [12] Sarbash S.V. Performance of the contractual obligation. M.: Statute, 2005. 636 pp.
- [13] Eremich O.N. Legal notice: theory, practice, technique. Dis. Ph.D. Nizhny Novgorod. 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-211-213

НАУМОВА Виктория Евгеньевна,
Аспирант, УВО Университет Управления ТИСБИ,
г. Казань,
e-mail: vika98vika@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ КОЛЛИЗИИ В ВОПРОСАХ ПОДСУДНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Подсудность является одним из ключевых институтов гражданского процесса, определяющим компетентный суд, уполномоченный рассматривать дело. Несмотря на кажущуюся простоту вопроса распределения компетенции судов, практика показывает наличие ряда серьезных проблем и противоречий, негативно влияющих на эффективность правосудия. Настоящая статья посвящена исследованию основных вопросов подсудности гражданских дел, выявлению трудностей и предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, подсудность, судебная система, судебная защита, юрисдикция, правоприменение.

NAUMOVA Victoria Evgenieva,
Graduate student, UVO University of Management TISBI,
Kazan

SOME COLLISIONS IN MATTERS OF JURISDICTION IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. Jurisdiction is one of the key institutions of civil proceedings, which determines the competent court authorized to consider the case. Despite the apparent simplicity of the issue of distribution of court competence, practice shows a number of serious problems and contradictions, which negatively affect the efficiency of justice. This article is devoted to the study of the main issues of jurisdiction of civil cases, the identification of difficulties and proposals for improvement of the current legislation.

Key words: civil procedure, jurisdiction, judicial system, judicial protection, jurisdiction, law enforcement.

Институт подсудности является одним из важнейших аспектов всей судебной системы. Подсудность определяется как совокупность правовых норм, регулирующих распределение полномочий судебных органов по рассмотрению и разрешению споров. Соблюдение принципа справедливости судебного разбирательства, а также и прав участников процесса, непосредственно зависит от эффективности функционирования механизма подсудности.

Однако существуют ряд проблем, которые возникают в связи с недостаточной ясностью законодательных положений, то есть отсутствием четких критериев разграничения компетенции судов различного уровня, что сопровождается коллизийными ситуациями и возможностью употребления правом выбора суда со стороны участников. Все это приводит к росту количества процессуаль-

ных ошибок, затягивание срока рассмотрения дел, соответственно и снижает уровень доверия граждан к судебному порядку и нарушению защиты их прав.

Цель настоящей работы определена анализом современного состояния института подсудности в российском гражданском процессе, а также в выявлении наиболее значимых проблем и разработки рекомендаций по совершенствованию института подсудности.

Как мы отметили выше, подсудность представляет собой юридический институт, при котором закрепляется компетенции судов по делам определенной категории. Данный институт обеспечивает правильное распределение дел между судами различного уровня. Гражданско-правовая теория выделяется два вида подсудности: родовая и территориальная.

Родовая подсудность определяет уровень суда компетентного рассматривать дело, включающий в себя полномочия мировых судей, районных судов и арбитражных судов. Дело, в зависимости от характера спора и юридической природы, соотносится с определённой инстанцией.

Территориальная подсудность обусловлена территориальными границами юрисдикции конкретного суда, и охватывает общую, альтернативную, договорную и исключительную подсудность. Таким образом, данный вид подсудности направлен на обеспечение удобства для участников процесса.

Эти виды подсудности взаимосвязаны и дополняют друг друга, обеспечивают оптимальное распределение нагрузки между судами различных уровней и территорий.

Одной из правовых проблем заключается в сложности определения родовой подсудности. Законодательно установленные критерии дают возможность различных интерпретаций и разночтений. При этом заинтересованные стороны и используют данную неопределённость при выборе подходящего судебного органа. Статья 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающий компетенцию мировых судей, является одним из примеров данной ситуации [2]. Её формулировка допускает различные толкования относительно отнесения дел к компетенции мирового судьи или районного суда.

Также существуют проблемы, связанные с коллизиями общей и альтернативной подсудности. При практическом применении альтернативной подсудности часто истцы выбирают наиболее выгодные для себя суд, основываясь на особенностях дела. Это приводит к созданию спорных ситуаций, а также увеличению времени на рассмотрение и разрешение спора. Альтернативная подсудность предоставляет право истцам самостоятельного выбора суда, однако отсутствие строгих ограничений количества возможных вариантов осложняет положение ответчиков, вынужденных тратить значительные усилия на обжалование выбранного суда [5, с. 23].

Также в рамках данной статьи необходимо отметить недостаточную определённость оснований изменения подсудности. Действующий механизм смены подсудности носит расплывчатый характер, позволяя произвольно переносить дело из одного суда в другой. Такая практика способствует необоснованным задержкам в ходе разбирательства и нарушает принцип правовой определённости. К примеру, проблема несогласованной передачи дел Верховным Судом Российской Федерации, то есть возврат дела в нижестоящую инстанцию без учёта ранее вынесенных по нему

решений или без достаточных оснований для пересмотра. Конституционный Суд РФ подчёркивал, что решение, принятое с нарушением правил подсудности, нарушает право на рассмотрение дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ). Однако на практике иногда происходит обратное: вышестоящие инстанции не всегда последовательно применяют этот принцип, что ведёт к неопределённости и возможным злоупотреблениям [1].

И ещё одна правовая коллизия связана с неэффективностью использования электронной подачи документов. Хотя современные технологии предоставляют широкие возможности для упрощения процедуры подачи документов, однако в рамках судебно-правовой системы возникают как технические ограничения, так и ошибки обработки входящей документации со стороны суда. Таким образом, современные правовые нормы требуют совершенствования механизмов реализации права на доступ к правосудию через электронный средства связи [7, с. 56].

Для совершенствования института подсудности, исходя из указанных проблем, возможно введение ряда нововведений. Во-первых, законодательно необходимо установить чёткий принцип разграничения компетенции между разными уровнями судебных органов. На сегодняшний день отсутствует единый критерий позволяющий однозначно определить какой суд вправе рассматривать конкретное дело. Чёткое разделение функций обеспечит прозрачность института подсудности, а также повысит скорость рассмотрения дел.

Во-вторых, необходимо определить основания позволяющее выбрать альтернативную подсудность. Нынешние нормы предоставляют истцу свободу выбора, поэтому необходимо ограничить данные права лишь в особых случаях, при этом закрепить их на законодательном уровне [3].

В-третьих, необходимо повысить прозрачность процедур переноса дел между судами подсудности, то есть необходимо разработать механизм контроля и отчётности, обеспечивающие обоснованность принимаемых решений [4].

И наконец, более детально изучить возможности цифровой инфраструктуры, создать удобный онлайн сервисы, взаимодействующие с судами. Данная мера позволит сократить бюрократические проволочки и облегчить доступ граждан к правосудию. Использование информационно-коммуникационных технологий должно стать приоритетом в модернизации судебной системы, повышая её доступность и эффективность.

Анализируя современное состояние института подсудности в гражданском процессе, можно

сделать вывод о наличии пробелов и неопределённостей в действующем законодательстве. Совершенствование института подсудности требует комплексного подхода, включающего внесение поправок в нормативные акты, а также развития цифровых сервисов.

Решение обозначенных проблем создаст необходимые предпосылки для повышения качества и эффективности судебной власти, укрепления гарантии соблюдения конституционного права каждого гражданина на доступ к правосудию.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации / Федеральный конституционный закон от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14.03.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. – 2002. – N 220. – 20 ноября.
- [3] Федеральный закон № 119-ФЗ от 2 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. – 2010. – N 168. – 30 июля.
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 N 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Российская газета. – 2003. – N 150. – 29 июля.
- [5] Алексеев А.С., Скворцова Т.В. Ошибки подсудности в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 23-35.
- [6] Коновалова Н.Н. Актуальные проблемы определения подсудности дел в гражданском процессе // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 15-20.

- [7] Хохлов Е.Б. Некоторые проблемы реализации принципа подсудности в современной судебной практике // Юридический вестник Поволжского университета управления и экономики. – 2022. – № 2. – С. 56-63.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation/Federal Constitutional Law of December 12, 1993 (as amended by 14.03.2020) //Rossiyskaya Gazeta. – 1993. - December 25.
- [2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended by 31.07.2025) //Rossiyskaya Gazeta. – 2002. - N 220. - November 20.
- [3] Federal Law No. 119-FZ of July 2, 2010 “On an alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure) “//Rossiyskaya Gazeta. – 2010. - N 168. - July 30.
- [4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2003 N 13-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 115 and 231 of the Code of Civil Procedure of the RSFSR, Articles 26, 251 and 253 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, Articles 1, 21 and 22 of the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” in connection with the requests of the State Assembly - Kurultay of the Republic of Bashkortostan, the State Council of the Republic of Tatarstan and the Supreme Court of the Republic of Tatarstan “//Rossiyskaya Gazeta. – 2003. – N 150. - July 29.
- [5] Alekseev A.S., Skvortsova T.V. Errors of jurisdiction in civil proceedings//Bulletin of civil proceedings. 2020. № 3. S. 23-35.
- [6] N.N. Konovalova. Actual problems of determining the jurisdiction of cases in civil proceedings// Russian judge. – 2021. – № 1. - S. 15-20.
- [7] Khokhlov E.B. Some problems of the implementation of the principle of jurisdiction in modern judicial practice//Legal Bulletin of the Volga University of Management and Economics. – 2022. – № 2. - S. 56-63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-214-218

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук,
заместитель начальника ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Военной академии РВСН имени Петра Великого,
г. Балашиха, Российская Федерация,
e-mail: mavlad67@mail.ru

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
доцент ВИПК МВД России,
г. Домодедово, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
кандидат психологических наук,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АГРЕССИВНОСТИ В РАМКАХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье представлен анализ агрессивности несовершеннолетних осужденных в рамках пенитенциарной психологии. С наступлением психической и физической зависимости заметно меняется общее психическое состояние и направленность ценностно-нормативной системы людей, связанная с переплетением нравственно-психологической деградации, психических девиаций и соматических изменений.

Ключевые слова: пенитенциарная психология, агрессивное поведение, деградация, аддиктивное поведение, эмоциональное возбуждение, мотивация, адаптация.

VILKOVA A.V.,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Deputy Head, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
Associate Professor of the Higher Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Domodedovo, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

APPROACHES TO THE STUDY OF AGGRESSIVENESS WITHIN THE FRAMEWORK OF PENITENTIARY PSYCHOLOGY

Annotation. *The article presents an analysis of the aggressiveness of juvenile convicts within the framework of penitentiary psychology. With the onset of mental and physical dependence, the general mental state and the direction of the value-normative system of people change markedly, associated with the intertwining of moral and psychological degradation, mental deviations and somatic changes.*

Key words: *penitentiary psychology, aggressive behavior, degradation, addictive behavior, emotional arousal, motivation, and adaptation.*

В юридической психологии агрессивное поведение часто связано с аддитивным и противоправным поведением. С наступлением психической и физической зависимости заметно меняется общее психическое состояние и направленность ценностно-нормативной системы людей, связанная с переплетением нравственно-психологической деградации, психических девиаций и соматических изменений. Ярче проявляется лживость и безответственность, все, что мешает им вести избранный образ жизни, вызывает раздражение, поступки свои они контролируют хуже, обнаруживая склонность к конфликтам, неприятию авторитетов, враждебно относятся к окружающим, установка на лечение отсутствует. В основе их поведения стоит агрессия. И в данной проблеме имеются существенные различия в их проявлении у мужчин и женщин. Наиболее полную картину сущности агрессивного поведения людей дает анализ их мотивации. Заметную роль в этой мотивации играют чувства и эмоции негативного характера: гнев, страх, месть, враждебность и т.п. Агрессивное поведение, связанное с этими негативными эмоциями, выражается в драках, побоях, оскорблениях, телесных повреждениях, убийствах, отчасти в изнасиловании, в повреждении либо уничтожении имущества. Развитие мотивации агрессивного поведения является следствием эмоционального возбуждения, подкрепляемого уровнем агрессивности.

В исследовании, проведенном Е.Н. Казаковой [19], обоснована модель агрессивного поведения женщин-осужденных и основные мотивы, составляющие структуру мотивации их агрессивного поведения:

- мотивы, связанные с демонстрацией своего «Я»;
- мотивы, связанные с адаптацией к режимно-оперативным нормам;
- мотивы, связанные с реализацией социальной роли;
- мотивы, обусловленные потребностью в самоутверждении;
- мотивы актуализации агрессивных побуждений.

Специфику поведения несовершеннолетних женщин-осужденных определяют особенности их личности.

В.П. Михайловой и Н.И. Корытченковой разработана модель уровней агрессивности несовершеннолетних в зависимости от характера поведенческой регуляции и способов переработки информации [20].

Первый уровень – уровень генерализованной агрессии (агрессия против «всех и вся»); второй – уровень избирательной, локальной агрессии; третий – уровень адаптивной агрессии; четвертый – уровень творческой агрессии. Эти уровни могут переходить друг в друга, однако их необходимо учитывать при построении психокоррекционной работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Яницкий М.С. [21] связывал рассмотренные выше уровни агрессии несовершеннолетних осужденных с основными ценностными ориентациями. Высшему уровню структурной организации системы соответствует уровень творческой агрессии (самореализация ради счастья других). Средний уровень характерен несовершеннолетним с ситуативной и адаптивной агрессией и соответствует социально одобряемым ценностям. Низший уровень ценностной ориентации обусловлен фрустрацией ценностей, связанных с потребностью в собственной экономической и физической безопасности, и соответствует генерализованной агрессии.

А.Б. Петровой [22] при изучении психологических особенностей поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции была предложена классификация правонарушителей по критерию их агрессивного поведения. Согласно полученным данным А.Б. Петровой, установка на реализацию формально-ролевой функции личности, формирование агрессивного поведения, деструктивного и криминального отношения к будущему формируется в раннем детстве.

В юридической психологии существуют специфические нормы и критерии оценок агрессивных действий, определяющих, что запрещается, что разрешается, а что и поощряется. Часть

запретительных норм собрана в уголовных кодексах. Например, убийство из низменных побуждений сурово наказывается, а убийство в ходе самозащиты, напротив, может не наказываться совсем. В отличие от запретных разрешенные или даже положительно оцениваемые формы агрессии модифицированы слабо; примером могут служить проявления агрессивности в определенных видах спорта [H. Gabler, 1976] или же оскорбительная едкость «убийственных острот». Кроме того, агрессия может различным образом оплачиваться. Так, А. Басс говорит о существовании в капиталистическом обществе обильной и весьма знаменательной оплаты за агрессию в виде денег, престижа и социального статуса [A.H. Buss, 1971].

Х. Хеввит и Джекинс обследовали 500 несовершеннолетних, находящихся в Мичиганском воспитательном учреждении для детей, и выявили три четко выраженных типа криминального поведения:

- 1) несоциализированное агрессивное – 10,4% (свойственно нелюбимым детям);
- 2) социализированное делинквентное – 14% (в детстве были окружены заботой);
- 3) сверхзаторможенное – 14,6% (например, в связи с тем, что условия в семье отличались суровостью).

Эта классификация оказалась полезной при сопоставительном анализе преступлений против личности и собственности, насильственных преступлений и преступлений, совершенных в одиночку [23].

А. Бандура и Р. Уолтерс [A. Bandura, R.H. Walters, 1959] отмечают, что отцами сверхагрессивных и оказавшихся в исправительных учреждениях подростков из относительно благополучных семей среднего класса являются люди, не терпящие проявлений агрессии дома, но, несмотря на это, за его пределами поощряющие и даже подстрекающие своих детей провоцировать других и нападать на них и позитивно подкрепляющие такого рода поведение. Родители могут также сами служить образцом агрессивности. Так, С. и Э. Глюки установили, что у подростков с отклонениями в поведении родители в прошлом с относительно высокой вероятностью имели судимость [S. Glueck, E. Glueck, 1950; см. также: L.B. Silver, C. C. Dublin, R. S. Lourie, 1969].

Таким образом, авторы показывают, что агрессия и моральные нормы зримо переплетаются между собой.

Способность и готовность к сопереживанию оказывают на агрессивную деятельность, как и на деятельность помощи, просоциальное влияние. Проникновение во внутреннее состояние жертвы агрессии, в ее страдания, которые субъект наме-

рен вызвать (или уже вызвал), противоборствует желанию причинить вред этому человеку и в итоге тормозит агрессию. Обратное соотношение способности к сопереживанию и агрессивности неоднократно подтверждалось экспериментально [N. Feshbach, S. Feshbach, 1969; A. Mehrabian, N. Epstein, 1972].

Таким образом, из вышеупомянутых теорий, объясняющих природу агрессивности, можно сделать следующие выводы:

1. Проявление агрессивности объясняют с позиции биологических и социальных факторов;
2. Агрессивность может быть не только жестокой, но и нормальной реакцией индивидуума в ходе борьбы за выживание;
3. Агрессивные действия могут быть ослаблены или направлены в социально приемлемые рамки с помощью положительного подкрепления неагрессивного поведения, ориентации человека на позитивную модель поведения, изменение условий, способствующих проявлению агрессивности;
4. Агрессия является неотъемлемой частью личностной динамики. Согласно устоявшемуся мнению, понятие агрессии связано со всем негативным и враждебным. Отчасти это верно. Агрессия связана с негативными эмоциями, негативными мотивами разрушительными действиями. Однако не нужно забывать, что в норме агрессия носит оборонительный характер и служит выживанию. Она также выступает источником активности индивида, его творческого потенциала и стремления к достижениям.
5. В клинической психологии агрессивность рассматривается как патологическая черта личности.
6. В юридической психологии агрессивное поведение приравнено к аморальному и противоправному поведению, причиной которого могут являться аддиктивные состояния, патологические черты личности, воспитательно-слабое окружение и др.

Анализ научных источников по проблеме формирования агрессивного поведения осужденных позволяет сделать вывод важности проведения исследования в рамках данной тематики.

Список литературы:

- [1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропология. 2025. № 3(19). С. 8-16.
- [2] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная проба-

ция: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[4] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[6] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[7] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[8] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. № 10. С. 374-379.

[9] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. № 10. С. 325-328.

[11] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропология. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[14] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[15] Колесов В. И. Роль целостного процесса в дошкольных образовательных организациях / В. И. Колесов // Педагогическое искусство. 2022. № 2. С. 78-86.

[16] Смородинская И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинская, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[17] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-35.

[18] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[19] Казакова Е.Н. Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы. – Рязань, 1999 г.

[20] Корытченкова Н.И. Влияние стилей семейных отношений на агрессивность личности подростка: Дис. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2000. – 181 с.

[21] Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

[22] Петрова А.Б. Психологические аспекты агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции. – Рязань, 2003 г.

[23] Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенициарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003 г.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[2] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the

PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[4] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[6] Vilkova A. V., Kovtunen L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education//Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[7] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means//International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[8] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing//International Scientific Bulletin. № 10. S. 374-379.

[9] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science//International Scientific Bulletin. № 10. S. 325-328.

[11] Vilkova A.V. Khairutdinova I.V., Yakupov F.A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies//A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko//Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system

of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[14] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment//A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[15] Kolesov V.I. The role of the holistic process in preschool educational organizations//V.I. Kolesov//Pedagogical art. 2022. № 2. S. 78-86.

[16] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation//A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[17] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants//A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-35.

[18] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime//A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva//Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[19] E.N. Kazakova. Psychological aspects of studying the motivation of aggressive behavior of women sentenced to imprisonment. - Ryazan, 1999

[20] Korytchenkova N.I. The influence of family relationship styles on the aggressiveness of a teenager's personality: Dis.... cand. psycho. sciences. Novosibirsk, 2000. - 181 s.

[21] Yanitsky M.S. Value orientations of personality as a dynamic system. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. - 204 s.

[22] A.B. Petrova. Psychological aspects of aggressive behavior of juvenile offenders in isolation. - Ryazan, 2003

[23] Ushatkov A.I., Kazak B.B. Penicitic Psychology: Study. 2nd ed., Revised. and add. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2003

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-219-226

ЧЕБОТАРЕВА Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Правовое обеспечение
государственного управления и экономики»
Российский университет транспорта (МИИТ),
г. Москва, Россия,
e-mail: a.a.tchebotareva@gmail.com

ПРАВКИН Сергей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение
государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
г. Москва, Россия,
e-mail: Pravkin@bk.ru

ЧЕБОТАРЕВ Владимир Евгеньевич,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Морское право и международное право»
Российский университет транспорта (МИИТ),
г. Москва, Россия,
e-mail: v.tchebotarev@mail.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК МОДЕЛИ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСУРСОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ ПРИ СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В работе рассматриваются инвестиционные отношения в транспортной сфере, которые опосредуют многообразные гражданско-правовые договоры, среди которых наибольшее распространение получили различные модели государственно-частного партнерства. Правовое регулирование данного института связано с установлением форм партнерства и условий участия в проектах. Государство должно обеспечить благоприятные условия инвестиционной деятельности, создавая при этом особый правовой режим инвестирования объектов капитального строительства на основе ГЧП. ГЧП-проекты должны соответствовать целевым показателям государственных транспортных программ, например, «Развитие транспортной системы», национального проекта «Эффективная транспортная система». Капиталоемкость таких проектов диктует необходимость привлечения средств частных инвесторов. Выбор модели инвестирования – это выбор источника средств. В транспортной сфере реализуется большая часть проектов концессионного типа. Соглашения ГЧП являются механизмом распределения рисков и ответственности, моделями достижения баланса интересов, поэтому предлагается их использовать в больших объемах для строительства и модернизации объектов транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестиции, концессия, проектное финансирование, транспортный комплекс.

CHEBOTAREVA Anna,
Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department
“Legal Support for Public Administration and Economics”
of the Russian University of Transport,
Moscow, Russian Federation

PRAVKIN Sergey,
Cand.Sc. (Law), Associate Professor,
Associate Professor of the Department "Legal Support for Public
Administration and Economics" of the Russian University of Transport,
Moscow, Russian Federation.

CHEBOTAREV Vladimir,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department
"Maritime Law and International Law" of the Russian University

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP INVESTMENT PROJECTS AS A MODEL OF RESOURCE POOLING AND RISK SHARING IN CREATING AN EFFICIENT TRANSPORT SYSTEM

Annotation. *The paper discusses investment relations in the transport sector, which mediate various civil law agreements, among which various models of public-private partnership are most widespread. The legal regulation of this institution is associated with the establishment of forms of partnership and conditions for participation in projects. The state should provide favorable conditions for investment activities, while creating a special legal regime for investing capital construction projects on the basis of PPP. PPP projects must meet the targets of state transport programs, for example, "Development of the transport system," the national project "Effective transport system." The capital intensity of such projects dictates the need to attract funds from private investors. The choice of investment model is the choice of source of funds. Most of the concession-type projects are being implemented in the transport sector. PPP agreements are a mechanism for distributing risks and responsibilities, models for achieving a balance of interests, therefore it is proposed to use them in large volumes for the construction and modernization of transport infrastructure facilities.*

Key words: *public-private partnership, investments, concession, project financing, transport complex.*

Определение инвестиций содержится в ст. 1 ФЗ от 25. 02.1999 г. №39 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон №39-ФЗ), которая акцентирует внимание на том, что вложения связаны с закреплением прав на них. Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ (далее – Закон №160-ФЗ) определяет иностранные инвестиции как объект гражданских прав, который принадлежит инвестору, но вкладывается в объект, принадлежащий заказчику. Для инвестора во всех случаях важен доход, получаемый от объекта вложения.

Отношения, в которые вступают заказчик и инвестор, как правило, связаны с административно-правовыми, финансово-правовыми, гражданско-правовыми и иными правовыми аспектами. Соответственно, это – государственные гарантии и обязательства; заключение договоров лизинга, концессии, подряда и др. Создание проектной компании предполагает участие инвестора в доли ее уставного капитала. Речь идет о том, когда часть функций по строительству, эксплуатации, управлению или все сразу - передаются под определенный объем финансирования.

«Законы-спутники» в сфере инвестиционного или государственно-частного партнерства - Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ (далее – Закон №115-ФЗ) и Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ (далее – Закон №224-ФЗ) - предоставляют инвесторам гарантии прав возврата средств на основе модели владения и пользования объектом инфраструктуры в течение срока окупаемости проекта. Закон №224-ФЗ, по сути, предлагает гибкую инвестиционную концепцию, построенную на партнерском соглашении, в котором реализуются инвестиционные контракты на основе достижения баланса интересов [1, С. 147].

Партнерские соглашения могут предусматривать длительные сроки эксплуатации имущества. Надежность кредитования соглашения обеспечивается залогом. В соглашении должны быть соответственно определены основные функции, которые оно исполняет: строительство, реконструкция; эксплуатация. Право собственности частного партнера удостоверяется с обременением [10, С. 153]. В партнерские проекты зало-

жены целевые критерии эффективности реализации инфраструктурных проектов на транспорте, в частности, таких как «Развитие транспортной системы», национального проекта «Эффективная транспортная система». Капиталоемкость таких проектов диктует необходимость привлечения средств частных инвесторов. Выбор модели инвестирования – это выбор источника средств. Например, использование моделей ГЧП означает использование значительной доли привлеченных средств. Концессионная схема в отличие от ГЧП не связана с полным возмещением затрат концессионера. Плата концедента может быть связана только с ситуацией, когда расходы инвестора не возмещаются в полном объеме на стадии эксплуатации.

Проекты ГЧП в основном направлены на строительство новых объектов, а концессии направлены на модернизацию и эксплуатацию существующих комплексов. Но количественно концессии, как давно зарекомендовавшая себя практика, преобладают над схемами ГЧП. Хотя, в последнее время, специалисты относят концессии к подвиду ГЧП. Например, в автодорожной сфере наибольшее количество проектов концессионного типа приходится на Центральный федеральный округ, на втором месте – Приволжский федеральный округ, третье место занимает – Дальневосточный федеральный округ [11]. Проекты концессионного типа построены по схеме «строительство-передача-эксплуатация» и в принципе строятся по конструкции смешанного договора, чаще всего, на основе аренды с инвестиционными условиями. Досрочное расторжение договора связано с компенсационными выплатами концессионеру. Право владения и пользования концессионера является единственным обременением права собственности концедента.

Концессионер получает гарантии соблюдения своих прав, часть рисков по соглашению может быть передана концеденту, публичная сторона, как правило, софинансирует проект и может предоставить на первоначальном этапе реализации соглашения капитальный грант на принципе софинансирования расходов на проект. На этапе эксплуатации объекта плата концедента выступает формой софинансирования эксплуатационных расходов концессионера. Под реализацию проекта концессионер получает участок от концедента. В задачи концедента входит обеспечение концессионера минимальным гарантированным доходом в случае неполучения запланированных доходов в проекте. При этом риски распределяются между сторонами соглашения по принципу распределения зон ответственности партнеров. Соглашения о ГЧП являются проверенной и рас-

пространенной схемой бюджетного финансирования инфраструктурных проектов с длительными сроками окупаемости. Юридическими характеристиками партнерского соглашения являются следующие: консенсуальный, возмездный, взаимный, двусторонний, срочный договор. Когда публичный партнер заключает соглашение с проектной компанией необходимо определиться сразу с формой ГЧП.

Федеральный закон «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 254-ФЗ (далее – Закон №254-ФЗ) связан с реализацией схем по инвестиционному партнерству сторон, в которых должна сохраняться их имущественная самостоятельность [7, С. 57]. Так как определенная часть проектов в транспортной сфере основывается на полном бюджетном финансировании на основе Федерального закона от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон №44-ФЗ), в них часто проявляются «квази-формы ГЧП», основанные на реализации проектов по типу гражданско-правового договора на принципах ГЧП, например, арендно-подрядные отношения, связанные с инвестиционными условиями. На объектах Восточного полигона в планах до 2032 года наряду с концессионными соглашениями будет применяться схема ЕРСФ-контракта, где подрядчик не участвует в эксплуатации, принимая участие лишь в строительстве объекта. Даже не во всех моделях ГЧП предусматривается фаза эксплуатации объекта соглашения, что напоминает черты сходства этих моделей со схемой ЕРСФ-контракта. Корпоративные схемы партнерства основаны на продаже акций проектной компании публичным партнером с последующим их выкупом. Для проектов Восточного полигона предусмотрены и схемы партнерств.

ГЧП с юридической стороны проявляется как сделка, направленная на вложения в капитал и инфраструктуру. Под проект может быть создан акционерный инвестиционный фонд. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее – Закон №156-ФЗ) главной целью такого фонда является инвестирование имущества в ценные бумаги.

Правовыми формами инвестирования являются договорные обязательства. Инвестор приобретает специальные права по распоряжению объектом инвестиционной деятельности на длитель-

ный период. В инвестиционном законодательстве определено, что вложение средств дает право на эквивалентную долю в капитале и в правах, связанных с управлением объектом.

В ст. 79 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) предусмотрено, что в отношении объектов капитального строительства публичные инвестиции на основе субсидий имеют форму концессии. Инфраструктурный бюджетный кредит также является способом предоставления гарантий частному инвестору. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры до 2030 года (далее – Стратегия) предусматривает применение концессионных схем при строительстве и модернизации транспортных перегрузочных комплексов (портов-хабов). Требуется модернизация подходов к морским портам, так как недостаточная их пропускная способность снижает уровень функционирования морского порта. Для чего Стратегией предусматривается внедрение новых методов управления портом на принципах логистики.

Важным организационным механизмом реализации инфраструктурных проектов является проектная компания, которая и привлекает инвестора, и обеспечивает проектирование, строительство и реконструкцию. Затем на объект, введенный в эксплуатацию, регистрируется право собственности. Объект соглашения находится в собственности компании на период окупаемости инвестиций. При этом в задачи публичного партнера входит обеспечение заказами проектной компании.

По окончании этапа возврата вложений публичный партнер выкупает акции у проектной компании, цена покупки должна как минимум покрывать инвестиционные затраты. Допускается модель, когда выкуп акций происходит не единовременно, а постепенно, за период эксплуатации. Концессионные схемы на транспорте достаточно распространены. «В топ-5 крупнейших концессий входит: Центральная кольцевая автодорога (ЦКАД) в Московской области; автодорога «Альметьевск-Алексеевское» как часть автомагистрали «Шали-Бавлы» в республике Татарстан; в Ленинградской области – Широтная магистраль скоростного движения (ШМСД); в Самарской области – обход Тольятти с мостом через Волгу; в Московской области – Южно-Лыткаринская автодорога [11]. Одним из инновационных методов финансирования подобных инфраструктурных проектов выступает ГЧП. «ГЧП тем не менее не является универсальным средством для решения всех задач. В некоторых случаях, напротив, ГЧП имеет меньше преимуществ, чем, к примеру, традиционные государственные закупки или частные инвестиции» [8, С. 23]. Но, в целом, разрабатыва-

ются и иные правовые модели инвестирования в транспортную отрасль: транспортные облигации, инфраструктурные бюджетные кредиты, ЕРСF-контракты и др. При этом в запланированные периоды надо еще обеспечить его окупаемость и востребованность. Каждый участник проекта несет определенные риски. Осуществляя инвестиционные проекты в транспортной сфере необходимо создавать прогнозы (планы-графики) по их окупаемости, т.е., прогноз пассажиропотока, грузопотока, открытия месторождений минерально-сырьевой базы и пр.

Задачи инвестирования связаны с характеристиками объекта; объект инвестирования должен представлять собой определенные параметры качества инфраструктуры, подвижного состава и пр. Осуществление инвестиционных проектов в транспортной сфере создает условия для создания модели управления рисками и надежностью, какой и является ГЧП. ОАО «РЖД», например, имеет собственную платформу управления рисками, проектами, надежностью на стадии жизненного цикла (ЕКП УРРАН). Эта платформа позволяет обрабатывать данные о состоянии объектов инфраструктуры, подвижного состава; создает представление о достижении необходимых показателей эксплуатации, надежности, безопасности. В холдинге применяется система управления рисками и внутреннего контроля (СУРiBK). Система управления рисками входит в зону ответственности Центра по координации управления рисками ОАО «РЖД»; отчетность по рискам представляется Комитету по аудиту и рискам и совету директоров холдинга, который устанавливает допустимую планку рисков (риск-аппетит). Управление рисками, их анализ и отчетность не ограничиваются определенными периодами, а осуществляются в постоянном режиме.

ГЧП-концессии являются моделями распределения рисков, достижения баланса интересов и ответственности публичного и частного партнеров. Одним из существенных рисков является риск устаревания нормативно-правовой базы. Инвестиционная привлекательность вложений в объекты инфраструктуры связана с качеством и непротиворечивостью инвестиционного и транспортного законодательства. Существенным условием подобных соглашений является объем финансирования частного партнера – не менее 15%. Данное дополнение устраняет первоначально определенное правило профильного закона (Закон №224-ФЗ), согласно которому инициатива проекта исходила лишь от публичного партнера. Теперь и частный инвестор в соответствии с № 302-ФЗ «О внесении изменений в Феде-

ральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон №302-ФЗ) получает право предлагать свой вариант соглашения, если инициатива в данной сфере не исходит от публичной стороны.

Инвестиционные ГЧП-проекты являются эффективным инструментом монополизации рынка транспортных услуг. Так как проекты должны окупаться, то в грузовые тарифы закладывается модель возврата вложенных средств. Тарифная составляющая должна быть создана с учетом оказания услуги в современном формате. Схемы ГЧП в транспортной отрасли развиваются параллельно развитию транспортно-логистических комплексов. В соглашениях ГЧП сочетаются финансово-бюджетное и гражданско-правовое регулирование. ГЧП и концессии являются так называемыми контрактными методами регулирования, которые с юридической стороны «составляют условия гражданско-правового договора (ст. 421 ГК РФ)» [9, С. 168-174].

Финансовая модель ГЧП устроена так, что частное финансирование практически всегда в приоритете. Формат ГЧП все чаще на практике и в научных исследованиях рассматривается как качественная альтернатива системе публичных закупок в отношении объектов капитального строительства [2].

Частный партнер приобретает инфраструктурный объект, например, железнодорожные пути необщего пользования, или участок под строительство, в собственность под реализацию проекта. Этот объект будет находиться в его собственности до окупаемости вложений, до окончания срока действия соглашения. Но естественно подобные проекты ориентированы на окупаемость грузового и пассажирского потока. Для чего требуется не только строительство путей-подходов к ним, но и организация комплексного обслуживания сопутствующей инфраструктуры на перспективу силами частных партнеров.

В задачи государственных структур, например, Минэкономразвития, Минфина, Федерального казначейства, Минтранса России и иных структур, входит выдача специальных финансовых разрешений публичному партнеру, лицензий частному партнеру, регистрация эмиссии ценных бумаг, бюджетное субсидирование и кредитование, создание благоприятных режимов инвестирования. Инвестор, участвуя в финансировании, участвует в доле уставного капитала проектной компании. Транспортная сфера лидирует по объему затрат на реализацию транспортных концес-

сионных соглашений, на которые в данной отрасли приходится до 70% общего объема инвестиций» [2].

В рамках реализации инфраструктурных проектов происходит не только передача доли частного финансирования, но и передача самих функций строительства, модернизации, эксплуатации, управления государственными инфраструктурными объектами частному бизнесу. Т.е. с точки зрения управления активами транспортной отрасли ГЧП является гибким финансовым механизмом и механизмом управления ресурсами, рисками и надежностью. Морозова Н.И., Назаров Д.А. предлагают для совершенствования финансовых основ института ГЧП использовать информационные платформы, в частности, краудфандинговые [5, С. 79]. Необходимо учитывать, что исходным элементом в системе подготовки решения участия в проекте является оценка эффективности со стороны Минэкономразвития, это определено в ст. 9 Закона № 224-ФЗ [4, С. 94].

Закон № 39-ФЗ определяет необходимость разработки базиса финансовых основ капиталовложений. При вовлечении в объект соглашения госимущества сделки с таким объектом осуществляются с согласия органа управляющего имуществом в соответствующей сфере. Кроме того, эти объекты должны пройти обязательную оценку стоимости с привлечением независимого оценщика. Например, если происходит передача под проект базовых имущественных активов в сфере железных дорог, то требуется соответствующее решение Росжелдора, согласованное с Правительством РФ, так как акции ОАО «РЖД» находятся в федеральной собственности и сделки с ним осуществляются с согласия Правительства РФ. Но речь идет в данном случае лишь об имуществе, внесенном в уставный капитал холдинга, и данный порядок не распространяется на иное имущество холдинга.

Реализация проектов по типу ГЧП-концессий в транспортной сфере предполагает учет существующей нормативно-правовой базы, разработку организационно-правовых основ, включая конкурсную документацию для проведения торгов. Необходима оценка рисков (правовых, финансовых, технических) на всех этапах реализации проекта. Важно учитывать смежные юридические вопросы в сфере земельного, градостроительного, налогового, антимонопольного и иного законодательства. Требуется представлять интересы «клиентов в суде по спорам, связанным с реализацией проектов; иные вопросы, связанные с реализацией проекта ГЧП» [3, С. 88]. Для этого могут успешно применяться как проверенные схемы концессии, так и ГЧП, генерального под-

ряда и пр. Главный критерий предоставления бюджетных средств со стороны государства – это доказанная эффективность вложений, т.е., проекты на начальной стадии уже должны быть рассчитаны как модели, обладающие финансовой устойчивостью.

Направления капитальных вложений определяются не только на основе договорных условий, но и программными, плановыми документами. Например, реформами на железнодорожном транспорте предусмотрено создание новых объектов в секторе Восточного полигона, обеспечения инфраструктуры Северного морского пути, подхода к морским терминалам «Север-Юг» и пр. Частные инвестиции дают большой прирост финансирования при реализации программ с большой стоимостью. Например, снижаются издержки государства не только на стадии строительства, но и на содержание инфраструктуры, так как это входит в обязанности частного партнера, концессионера. Необходимо помнить, что частный партнер приобретает по условиям инвестиционных соглашений ГЧП инфраструктурные объекты в частную собственность.

Эксплуатация объекта соглашения со стороны частного партнера означает не только модель возврата вложенных средств, но и оказание функций по использованию инфраструктуры, т.е. публичных в своей основе услуг, которые оказывает частный (не публичный) партнер.

ГЧП-проекты дают возможность создавать современную «умную» транспортную инфраструктуру, основанную на внедрении программ по цифровизации. Например, в рамках реализации национального проекта «Эффективная транспортная система» осуществляется направление «Цифровая трансформация транспортной отрасли», предусматривающее создание Национальной цифровой транспортно-логистической платформы и государственной информационной системы «Транспортно-экономический баланс Российской Федерации». Устаревшая инфраструктура снижает темпы внедрения цифровых сервисов в транспортной сфере. ГЧП-концессии как правило на стабильной основе являются устойчивыми схемами модернизации транспортной сферы [6, С. 182]. В каждом конкретном проекте надо сопоставлять уровень публичных доходов и расходов. Частные инвестиции привлекаются в проекты, но под контролем публичной администрации. Предоставляемые меры публичной поддержки (гарантии, субсидии) носят не только ограничительный характер, но и стимулирующий.

Как известно, схемы использования ГЧП в сфере капитального строительства выступают в качестве альтернативы закупкам. Они позволяют

в различных пропорциях сочетать меры юридического плана, бюджетного регулирования и контроля, налогового стимулирования. Наиболее применяемыми моделями в экономике являются концессионные соглашения, в том числе, по созданию экологически чистых видов транспорта. Внедрение современных ГЧП-проектов на транспорте создает основы формирования опорной сети дорог, которые являются программными целями национального проекта «Эффективная транспортная система».

Публичный партнер по условиям соглашения все риски содержания передаваемой транспортной инфраструктуры относит на частного партнера. Инвестиционная составляющая ГЧП и концессий с последующей поэтапной эксплуатацией объекта соглашения дает возможность реализации проектов за счет привлечения частных средств с обязанностью длительные сроки содержать и модернизировать транспортную инфраструктуру. В концессию и ГЧП часто передают то, что нельзя приватизировать и реализовывать по модели закупок.

Федеральным законом № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в Закон №115-ФЗ. Капитальный грант в части финансирования доли концедента должен составлять не более 80% расходов от стоимости объекта; предусмотрена плата концедента как возмещение расходов концессионера на этапе эксплуатации и технического обслуживания (допускается выплата поэтапно); определен механизм возмещения недополученных доходов концессионера, включающий в себя теперь условие возмещения расходов концессионера в размере, не большем минимального гарантированного его дохода по использованию объекта. Законодательно установлена необходимость определения размера и условий финансового участия концедента; уточнен перечень обстоятельств, которые позволяют концессионеру не в полной мере исполнять обязательства; закреплены единые требования к концессионерам, например, не нахождение в любой стадии банкротства, отсутствие регистрации юридического лица в офшорной зоне и др. Установлено, что концессионер обязан осуществлять техническое обслуживание объекта соглашения, если иное не установлено в нем. Установлены и детализированы конкурсные процедуры участия концессионера на электронной площадке.

ГЧП-проекты создают благоприятные условия по привлечению бюджетных средств в транспортную отрасль. Цифровые технологии дают возможность упрощения технологических процессов при реализации ГЧП-соглашений на транспорте. Как правило, выбор модели ГЧП связан с

функцией, которую реализует соглашение: владение, строительство, реконструкция, эксплуатация, техническое обслуживание. Если не планируется передача объекта соглашения в частную собственность, заключается концессия, для реализации концессионных соглашений создается управляющая компания.

Текущее состояние и динамика развития российского рынка ГЧП анализируется в выпусках ежеквартального информационно-аналитического дайджеста «Государственно-частное партнерство в России», где отмечается, что по данной модели инвестирования объекты быстрее дают финансовую отдачу [12]. ГЧП решает проблему транспортной доступности в городах России. Например, регионы активно модернизируют общественный транспорт с помощью концессионных соглашений. По модели ГЧП в 2024 году реализовывалась программа комплексного развития городского электрического транспорта в 10 российских регионах. Программа финансировалась из трех источников: федеральные безвозвратные субсидии - 30%; льготное финансирование от ВЭБ РФ - 62,5 %; средства частных инвесторов - 7,5 % [13].

Предполагаемое Минтрансом России снижение уровня логистических издержек к 2030-2035 гг. означает, что отечественные компании пока имеют по факту повышенные логистические издержки по сравнению с иностранными конкурентами. Применение механизма софинансирования на основе партнерств позволит в более короткие сроки решить эти задачи. В тройку лидеров по уровню развития ГЧП в 2024 году вошли: Москва — 85,3 балла; Санкт-Петербург — 72,5 балла; Самарская область — 62,1 балла [14]. В планах - увеличить пропускную способность Восточного полигона до 255 млн. тонн грузов ежегодно с 2025 по 2032 год [15]. Вполне осуществимо в соответствии с задачей Транспортной Стратегии строительство на принципах ГЧП мультимодальных транспортно-логистических центров во всех макрорегионах страны.

Реализация проектов должна быть взаимосвязана с методами проектного финансирования. Востребованы и доказаны эффективностью сроков и качества ввода объектов в эксплуатацию методы прямого участия государства в соглашениях ГЧП-концессии с максимальной долей финансирования, но не более 80 % от стоимости проекта, включая направление бюджетных инвестиций в уставные капиталы, предоставление бюджетных кредитов и др.

Закон №224-ФЗ дает возможность осуществления долгосрочных капиталовложений, позволяя осуществлять контракты по моделям BOOT (от англ. build — own — operate — transfer — «стро-

ительство — владение на праве собственности — эксплуатация — передача») и BOO (от англ. build — own — operate — «строительство — владение на праве собственности — эксплуатация»). Объектами соглашения в рамках ГЧП выступают и объекты информационной инфраструктуры. Новые информационные технологии на транспорте, безопасность и качество перевозки, могут быть успешно внедрены и обеспечены только при условии синхронного обновления транспортной инфраструктуры, что во многом достижимо на основе заключения партнерских соглашений.

Список литературы:

- [1] Белицкая А.В. Реализация инвестиционной политики государства через механизмы государственно-частного партнерства // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 145-151.
- [2] Винницкий А.В., Соловьев М.С. Публичные закупки и государственно-частное партнерство как способы удовлетворения публичных нужд: проблемы конкуренции // Российский юридический журнал. 2021. № 6. // КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2025).
- [3] Ключ А.А., Сычева Е.Г. Российская практика применения механизма государственно-частного партнерства в области аэропортовой деятельности // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 32-2. С. 85-89.
- [4] Куделич М.И. Финансовое участие публичных партнеров в государственно-частном партнерстве // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 6. С. 87-99.
- [5] Морозова Н.И., Назаров Д.А. Использование краудфандинга для реализации механизма государственно-частного партнерства // Первый экономический журнал. 2023. № 7 (337). С. 74-81.
- [6] Правкин С.А. Механизм реализации инвестиций в соответствии с целями и задачами Транспортной Стратегии Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2024. № 1 (49). С. 167-190. С. 182.
- [7] Сергеев А.Л., Шарапов И.Р. Административно-правовое регулирование государственно-частного партнерства и практики его реализации. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-3 (78). С. 56-58.
- [8] Соколов, М. Ю. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / М. Ю. Соколов, С. В. Маслова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 212 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14351-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/519439> (дата обращения: 04.01.2024).
- [9] Фроловский Н.Г. Нормативное и договорное регулирование государственно-частного пар-

тнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации // В сборнике: Проблемы теории и юридической практики в России. Материалы 13-й международной научно-практической конференции молодых ученых, специалистов и студентов. 2016. С. 168-174.

[10] Чакхкиев Г.Г. Особенности развития государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства в Российской Федерации // В сборнике: Современные корпоративные стратегии и технологии в России. Сборник научных статей. Москва. 2017. С. 148-159.

[11] ФАУ «РОСДОРОНИИ»: отраслевая аналитика // URL: <https://dorinfo.ru/stat/analitika/stroitelstvo-dorog-po-gchp/>.

[12] Росконгресс: материалы // URL: <https://roscongress.org/materials/k-pmef-2024-podgotovlen-informatsionno-analiticheskiy-daydzhest-o-sostoyanii-gchp-v-rossii/>; <https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf>.

[13] Ведомости: ГЧП решает проблему транспортной доступности в городах // URL: <https://roscongress.org/materials/k-pmef-2024-podgotovlen-informatsionno-analiticheskiy-daydzhest-o-sostoyanii-gchp-v-rossii/>; <https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf>.

[14] В Минэкономразвития определили лидеров по развитию ГЧП среди регионов // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_opredelili_liderov_po_razvitiyu_gchp_sredi_regionov.html?ysclid=mhmghdrjkx464956885.

[15] ГЧП и налоговые льготы для транспортной инфраструктуры // URL: <https://delret.ru/reviews/public-private-partnership-news/tpost/zefdiz2r01-gchp-i-nalogovie-lgoti-dlya-transportnoi>.

References:

[1] Belitskaya A.V. Implementation of the investment policy of the state through public-private partnership mechanisms//Petersburg lawyer. 2016. № 1. S. 145-151.

[2] Vinnitsky A.V., Soloviev M.S. Public procurement and public-private partnership as ways to meet public needs: competition problems//Russian Law Journal. 2021. No. 6. //ConsultantPlus (contact date: 11.11.2025).

[3] Klyus A.A., Sycheva E.G. Russian practice of applying the mechanism of public-private partnership in the field of airport activities//Priority scientific areas: from theory to practice. 2016. № 32-2. S. 85-89.

[4] Kudelich M.I. Financial participation of public partners in public-private partnerships//Financial Journal. 2020. VOL. 12. № 6. S. 87-99.

[5] Morozova N.I., Nazarov D.A. Using crowdfunding to implement the mechanism of public-private

partnership//First Economic Journal. 2023. № 7 (337). S. 74-81.

[6] S.A. Pravkin. Mechanism of investment implementation in accordance with the goals and objectives of the Transport Strategy of the Russian Federation//Transport Law and Safety. 2024. № 1 (49). S. 167-190. S. 182.

[7] Sergeev A.L., Shagapov I.R. Administrative and legal regulation of public-private partnership and its implementation practices. International Journal of Humanities and Sciences. 2023. № 3-3 (78). S. 56-58.

[8] Sokolov, M. Yu. Public-Private Partnership: a textbook for universities/M. Yu. Sokolov, S. V. Maslova. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. - 212 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-14351-5. - Text: electronic//Educational platform Yurayt [site]. - URL: <https://urait.ru/bcode/519439> (access date: 04.01.2024).

[9] Frolovsky N.G. Normative and contractual regulation of public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation//In the collection: Problems of theory and legal practice in Russia. Materials of the 13th international scientific-practical conference of young scientists, specialists and students. 2016. S. 168-174.

[10] Chakhkiev G.G. Features of the development of public-private partnership and municipal-private partnership in the Russian Federation//In the collection: Modern corporate strategies and technologies in Russia. Collection of scientific articles. Moscow. 2017. S. 148-159.

[11] FAA ROSDORNI: industry analytics//URL: <https://dorinfo.ru/stat/analitika/stroitelstvo-dorog-po-gchp/>.

[12] Росконгресс: материалы // URL: <https://roscongress.org/materials/k-pmef-2024-podgotovlen-informatsionno-analiticheskiy-daydzhest-o-sostoyanii-gchp-v-rossii/>; <https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf>.

[13] Ведомости: ГЧП решает проблему транспортной доступности в городах // URL: <https://roscongress.org/materials/k-pmef-2024-podgotovlen-informatsionno-analiticheskiy-daydzhest-o-sostoyanii-gchp-v-rossii/>; <https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf>.

[14] В Минэкономразвития определили лидеров по развитию ГЧП среди регионов // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_opredelili_liderov_po_razvitiyu_gchp_sredi_regionov.html?ysclid=mhmghdrjkx464956885.

[15] ГЧП и налоговые льготы для транспортной инфраструктуры // URL: <https://delret.ru/reviews/public-private-partnership-news/tpost/zefdiz2r01-gchp-i-nalogovie-lgoti-dlya-transportnoi>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-227-233

МЕТЕЛЬКОВ Александр Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прикладной математики и
безопасности информационных технологий,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
e-mail: metelkov5178@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Целью статьи является углубление понимания социального и правового взаимодействия субъектов права. Анализ законодательства и научной литературы показывает, что правовое взаимодействие возникает и реализуется между субъектами права как напрямую, так и через опосредованные механизмы с осмысленным использованием совокупности юридических средств. Воздействие социального и правового пространств детерминирует поведенческие модели субъектов права, формируя их конкретные действия и решения в складывающихся фактических обстоятельствах. В сложной системе микро- и макроструктурных системных взаимодействий автором выделяются правовые режимы, устанавливающие нормативно обусловленные границы поведения и задающие систему юридических дозволений, ограничений и запретов для участников правоотношений. В результате анализа теоретических взглядов автором установлен многомерный характер процесса взаимодействия управомоченных лиц, который разворачивается в одних взаимосвязанных физико-географических, социальных, психологических, правовых пространствах.

Ключевые слова: взаимодействие, субъект права, социальное пространство, правовое пространство, правовой режим.

METELKOV Alexander Nikolaevich,
candidate of law, Associate Professor
of the Department of Applied Mathematics and Information Technology Security,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

SPATIAL ASPECTS OF SOCIAL AND LEGAL INTERACTION

Annotation. The purpose of this article is to deepen our understanding of the social and legal interactions between legal entities. An analysis of legislation and scientific literature demonstrates that legal interactions arise and are realized between legal entities both directly and through indirect mechanisms, with the deliberate use of a range of legal tools. The influence of social and legal spaces determines the behavioral patterns of legal entities, shaping their specific actions and decisions in evolving factual circumstances. Within the complex system of micro- and macrostructural systemic interactions, the author identifies legal regimes that establish normatively determined boundaries of behavior and define a system of legal permissions, restrictions, and prohibitions for participants in legal relations. Through an analysis of theoretical perspectives, the author establishes the multidimensional nature of the interaction process between authorized persons, which unfolds within interconnected physical, geographical, social, psychological, and legal spaces.

Key words: interaction, subject of law, social space, legal space, legal regime.

Взаимодействия между субъектами и объектами в различном их сочетании происходят в пространстве и времени. И. Кант определил пространство как «возможность быть вместе» [1, с. 545]. Научные представления о пространстве, включая социальное и правовое, постоянно развиваются. При инкорпорации в пра-

вовую доктрину термин «пространство», обладающий общефилософской семантикой, охватывает содержательные элементы, обуславливающие необходимость многоаспектного осмысления правовых феноменов.

Субъекты, вступая во взаимодействие, «образуют в социальном пространстве и его полях

системы социальных связей, которые и создают «каркас» полей»[2, с.63-64] в этом пространстве. Поле, согласно идеям П.Бурдье, представляет собой относительно замкнутую и автономную подсистему социальных отношений[3, с.391] между агентами, сеть или конфигурацию связей. В работе «О телевидении и журналистике» наряду с полем журналистики П.Бурдье выделяет «юридическое, литературное, артистическое, научное»[4, с.91] поля.

Социальное пространство как юридически значимая среда сосуществования людей и социальное взаимодействие как процесс осуществления в этой среде субъективных прав и юридических обязанностей находятся в отношениях взаимной детерминации и образуют неразрывное единство. В условиях непрерывного изменения социального взаимодействия актуализируется проблема установления юридических границ между субъектами правоотношений, что предполагает определение объема правоспособности и дееспособности каждого субъекта, правовых рамок осуществления субъективных прав, сферы юридической ответственности, пространственных и функциональных рамок компетенции участников взаимодействия. Данная проблематика соединена с правовыми категориями «правовое пространство», «правовой статус субъекта», «юридическая граница», «пределы осуществления права», «правовой режим», выступающими инструментами упорядочения социальных взаимодействий и предотвращения коллизий интересов.

Для уяснения понятийного ряда категории «правовое пространство» исходным является дефиниция «правовой режим»[5, с.47]. При описании правового пространства из многочисленных связей и взаимодействий нами выделяется исследование правовых режимов в их совместном функционировании и в правовом регулировании. Особый интерес в этом аспекте представляет теоретическая проблема взаимодействия субъектов права, наделенных полномочиями вводить тот или иной правовой режим. Например, на одной и той же территории одновременно могут быть установлены правовой режим контртеррористической операции и режим чрезвычайной ситуации. Объективно возникают основания для взаимодействия в правовой форме непосредственно субъектов права (руководителей контртеррористической операции и ликвидации чрезвычайной ситуации) на основе правовых норм и опосредованно через осмысление взаимодействующих правовых норм в сознании субъектов этих социальных отношений. В другом гипотетическом примере, в случае введения на территории всего государства режима чрезвычайного положения, все остальные много-

численные разноотраслевые режимы будут действовать как бы внутри этого режима и безусловно испытывать на себе его воздействие или влияние этого конституционного режима. В результате возникает взаимодействие между правовыми режимами. В конечном счете это взаимодействие осознается и реализуется людьми – субъектами права с использованием определенного набора юридических средств. Лица, уполномоченные законодателем вводить такие режимы, объективно не могут не взаимодействовать между собой, согласуя конкретные правовые решения в части применения правовых средств: ограничений, запретов и т.п.

Существующее в обществе в определенное время единое социальное пространство объединяет правовое, политическое, экономическое, культурное, информационное и другие социальные поля, отношения между которыми формируют его структуру. Каждое социальное поле, как компонент социального пространства, охватывает ряд элементов, например, таких как: – иерархически упорядоченное множество социальных позиций, паттерны деятельности, поведения и мышления, вкрапленные в каждую позицию; – субъекты, действующие на соответствующих позициях и реализующие необходимые образцы поведения; – нормы, регламентирующие взаимодействия акторов в данном поле; – общественные процессы. Материальные и нематериальные блага и услуги, возникшие в результате поведенческих и деятельностных моделей, со временем способны перемещаться между различными сферами (полями) социального пространства, трансформируясь и меняя свой правовой режим. В ходе взаимодействия объекты гражданских прав могут переходить из одной категории в другую, модифицировать сферу правового регулирования, приобретать новые юридические свойства в зависимости от ситуации их использования в различных социальных полях. Такая динамика отражает гибкость правовой системы, способной адаптироваться к трансформации социальных практик и пересмотру ценностных фокусов в общественной жизни.

Социальное пространство исследовали Р. Декарт, Т. Гоббс, Г. Зиммель, Ф. Ратцель, Р. Парк, Э. Дюркгейм, Л. Фон Визе, Э. Богардус, Б. Верлен, П. Сорокин, П. Бурдье, Е. Спекторский и другие ученые. В минувшие годы онтологические взгляды о нем значительно углубились на базе многостороннего и междисциплинарного подходов. В литературе акцентируется внимание на субстанциальной и реляционной теоретических позициях. Р. Декарт интерпретирует пространство как сущность телесной субстанции. Реляционная парадигма, наоборот, отрицает субстанциальность

пространства, трактуя его исключительно как эмерджентное свойство взаимодействующей материи. С позиции реляционной концепции пространство интерпретируется в виде системы отношений, формируемой посредством взаимодействия материальных объектов. При этом пространство вне взаимодействий не обладает самостоятельным существованием. П. Сорокин, сравнивая трехмерное евклидово пространство с социальным, отмечает, что «социальное пространство обладает множеством измерений, и чем больше дифференцировано население, тем больше этих измерений» [6, с.6]. П. Бурдьё представляет социальное пространство в широком и узком значении. В широком значении под ним понимается наиболее общая форма и способ организации совместной жизнедеятельности людей, упорядоченное множество социально-экономических позиций, содержание которых обусловлено исторически сложившимся общественным разделением труда. При этом социальные дистанции и взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на объективно существующих позициях относительно друг друга определяются в зависимости от удельного веса их экономического и других капиталов, а также от уровня развития их человеческих потенциалов.

Идеи Зиммеля, сосредоточенные на моделировании социального взаимодействия, повлияли на взгляды представителей североамериканского раннего символического интеракционизма: Мида, Колли, Пирса, Томаса и Парка. Немецкий социолог и ученые Чикагской школы полагают, что взаимодействия между людьми могут возникать и происходить только в пространстве. В представлении социологов пространство приобретает социологическое значение в процессе взаимодействия людей и различных связей между ними. Зиммель концептуализирует феномен социального пространства посредством анализа категорий границ и социальной дистанции.

Существование социального взаимодействия неизбежно ставит вопрос о границах в социологическом смысле между отдельными лицами или группами людей. Формирование таких границ начинается с социального взаимодействия. Граница, по Зиммелю, это не пространственный факт с социологическими последствиями, а «формируемая в пространстве социологическая реальность» [1, с.551]. Зиммель считает, что границы устанавливают люди, «совершающие взаимное действие» [1, с. 551]. Понятие границы имеет приоритетное значение в человеческих делах, хотя его смысл не всегда носит социологический и правовой характер. Оно может указывать на нахождение личностью предела влияния своих

силы или интеллекта без установления сферы влияния другого человека на этом пределе и без точного установления своей собственной границы. В этом случае социологическая граница подразумевает уникальное взаимодействие. Каждый из двух элементов влияет на другой, поскольку один устанавливает границу для другого. При этом правовая, социологическая и физическая границы могут не совпадать и соотноситься по-разному. Эта модель взаимодействия подходит для анализа взаимодействия субъектов правовых режимов.

Изучение форм социального пространства как абстрактных понятий в правовой науке не является самостоятельной логической концепцией без учета социально-правовых реалий, в которых функционируют социальные и правовые нормы, институты и практики. Физическое, психологическое, социальное и правовые пространства связаны. Поэтому исследователи наблюдают и анализируют взаимодействия между людьми в определенных пространствах и их эволюцию с течением времени.

Зиммель приходит к мысли, что при проживании нескольких человек на изолированной друг от друга территории, каждый из них «наполняет своё непосредственное окружение своей сущностью и своей деятельностью, а между этим пространством и пространством рядом с ним находится незаполненное пространство» [1, с.545]. Развивая эту мысль применительно к правовым режимам, можно утверждать, что в условиях территориальной обособленности субъектов правоотношений, локализованных в индивидуально определенных пространственных границах действия правовых режимов, каждый из таких субъектов мыслит и реализует свою правосубъектность по отношению к субъектам права взаимодействующих правовых режимов в рамках принадлежащей ему сферы правового воздействия. Эта сфера ограничивается установленными законодателем территориально-временными ограничениями и набором юридических средств. В рассматриваемом случае межграницное пространство, разделяющее смежные территориальные сферы действия правовых режимов и присутствия данных субъектов, не подвергается правовому освоению и остаётся в течение определенного промежутка времени вне сферы фактической реализации субъективных прав и юридических обязанностей, то есть представляет собой юридически неоформленную пространственную зону.

Взаимодействия между индивидами могут происходить только в пространстве, которое через взаимодействие приобретает социологическое измерение. Различные связи и взаимодействия между людьми, по мнению Зиммеля, позволяют

им объединяться, что предопределяет взаимозависимость и неразделимость социального пространства и социального взаимодействия. Из повседневного взаимодействия между индивидами возникает общество. Формы такого взаимодействия становятся предметом изучения социологии. В теории анализа социального взаимодействия все формы социального взаимодействия Зиммелем разделяются на социальные процессы, социальные типы и модели развития. В зависимости от характера конкретной ситуации им выделяется пять типов социального взаимодействия, включающих обмен, сотрудничество, конфликт, принуждение и конкуренцию.

Уникальный подход Зиммеля существенно отличается от подходов Маркса, Дюркгейма и Вебера, он фокусируется на описании основных форм социальной жизни и процессов их изменения. Социальные формы являются абстрактными понятиями, они возникают и развиваются посредством социальных взаимодействий. Социальное пространство Зиммеля характеризуется внутренней логикой, поскольку оно основано на общественных взаимодействиях и тесно связано с человеческими эмоциями. Ограничения в социальном пространстве, с которыми сталкиваются субъекты права, носят пространственно-временной характер. Только в ограниченных пределах наблюдатель может всесторонне понять процессы межсубъектного взаимодействия. В этом смысле изучение форм социального пространства невозможно оторвать от социального контекста, что предполагает наблюдение и анализ взаимодействия между людьми в определённых физических пространствах и его эволюцию. Полноценная интерпретация процессов социального взаимодействия между субъектами возможна в определённых пространственно-временных и правовых границах. Важно подчеркнуть, что, хотя правовое, социальное и физическое пространства находятся во взаимосвязи, их категориальное отождествление методологически некорректно. Данные феномены требуют дифференцированного аналитического подхода.

Пространство приобретает социологическое значение только посредством процессов взаимодействия. Различные связи и взаимодействия между людьми позволяют им собираться вместе. Следовательно, социальное пространство и социальное взаимодействие взаимозависимы и неразделимы.

Социальные формы в работах Зиммеля имеют три взаимосвязанные значения: геометрическое, трансцендентальное и виталистическое. Социолог в своих взглядах придает большое внимание форме предметов и явлений, геометриче-

скому значению. Главной задачей социологии он полагает изучение различных форм общества, основанных на абстрагировании от конкретной реальности. Получившая известность метафора «ваза и жидкость» иллюстрирует принципы приоритета формы над содержанием, независимости структуры и реляционного фокуса, которые можно считать главными в его трудах. Социологические воззрения Зиммеля, подобно тому, как геометрия изучает формы независимо от материала, из которого изготовлены те или иные фигуры, фокусируются на форме — повторяющихся структурах взаимодействия, таких как конкуренция, конфликт или подчинение [7, с.225]. В работе [8] метафорически утверждается, что классическая позиция по отношению к Зиммелю заключается в том, что его социология изучает форму вазы, а не жидкость внутри неё, и, что более важно, форму, которую принимает находящаяся в вазе жидкость. Это подчёркивает сосредоточенность Зиммеля на социальных формах и на механизме формирования человеческого взаимодействия и его содержании, раскрывает методологический подход, в котором различается форма и содержание социального взаимодействия. Зиммель утверждает, что общество — это не фиксированная субстанция, а текучий процесс. Форма вазы не определяется содержащейся в ней жидкостью. Одна и та же социальная форма может вмещать различное содержимое, и одно и то же содержимое может наполнять разные формы. Сам образ гипотетической вазы состоит из взаимных отношений, связывающих людей вместе, создавая модели, существующие независимо от любого человека.

Социальные взаимодействия разделяют на виды: по поводу различного рода благ, основанные на неравенстве и зависимости одного субъекта от воли другого, на ограничении и подавлении свободы воли с использованием широкого спектра различных средств, на причинении вреда взаимодействующему субъекту; на присвоении продуктов чужой деятельности без адекватного встречного предоставления, на противоречащих общеобязательности исключениях и преимуществах [9, с.43].

Социальные и правовые взаимодействия происходят в пространстве, подверженном изменениям и трансформации. Под трансформацией нами понимается изменение организационных процессов, интеграции, дезинтеграции и других параметров социального пространства через подвижность его элементов и связей между ними, а также его коммуникацию с внешней природной и социальной средой. Структуру социального пространства и каждого социального поля образуют и устойчивые отношения между социальными акто-

рами, занимающими определенные позиции в конкретных полях этого пространства. В этой структуре правовое поле занимает свое место наряду с экономическим, образовательным, культурным, политическим, информационным. Социальное пространство включает в себя множество систем социальных отношений, индивидуальных и коллективных акторов по поводу удовлетворения их жизненных потребностей, реализации интересов и законных прав в процессе жизнедеятельности, являющейся основой системы социальных отношений и каждого поля. Социальные поля характеризуются степенью открытости и доступности, способами включения и исключения из поля, рекрутирования в поле новых акторов, их мотивирования, поддержания социального порядка в поле и др.

Социальное пространство во взглядах П. Бурдьё представляется как структура социальных позиций. Понятие интерпретируется как специфическая форма, выражающая систему социально-правовых отношений, которые проявляются как способы координации между различными состояниями объектов, в том числе правового исследования. Содержательную основу этой формы составляют изучаемые социально-правовые явления и процессы, чья специфика определяет свойства социального пространства. Такая структура может быть одномерной или многомерной (с произвольным числом измерений) и используется для описания взаимосвязей между различными социологическими и правовыми величинами, характеризующими социально-правовые явления и процессы. В результате в правовом контексте социальное пространство предстаёт как динамическая система взаимосвязанных правовых статусов и ролей, формирующая контекст юридически значимого поведения агентов социума.

Бурдьё разработал модель социального действия, главным элементом которой выступает концепт «габитус». В данной теории постулируется, что совокупность нормативных ориентаций, сформированных в процессе социализации, констатирует когнитивно-практические диспозиции социальных агентов. Эти диспозиции детерминируют выбор и реализацию стратегий поведения субъектов, а также адаптированы к структурным требованиям социального пространства и функционируют на имплицитном уровне, то есть без рефлексивного осмысления правовых норм и принципов.

Разновидностью социологического пространства является правовое пространство, которое в научной литературе описывается как признанная и регулируемая правом сфера «жизнеде-

ятельности людей, организаций и государств» [10, с.5], «где субъекты взаимодействуют для достижения общих целей» [5, с.43]. Категория «правовое пространство», имея высокую степень обобщения, консолидирует междисциплинарные связи теории права, философии, социологии, других наук и содействует «формированию правового поля в современном обществе» [12, с.32]. В процессе ее исследования подлежат анализу «вопросы правовых связей, складывающихся в государстве, вопросы правового режима и механизмов осуществления государственной власти» [5, с.47]. Правовое пространство как ключевое условие существования правовой реальности расширяет представление о социально-правовой действительности, актуализирует «социально-философский и философско-правовой подходы к действительности посредством опоры на всеобщую категорию «пространство»» [12, с.32].

Правовое пространство появляется «в результате правовой позитивации социальной реальности и определяет границы правового и неправового в социальной среде» [10, с.31]. К основным признакам единого правового пространства А.В. Малько относит разновидность социального пространства в границах государства. Социальное пространство приобретает статус правового в силу упорядочения его нормативными правовыми актами. В результате определенного состояния согласованности нормативных правовых актов, действующих на территории государства правовое пространство становится единым в силу его обусловленности принципом верховенства закона [12, с.42]. В научной литературе конкретизируют признаки такого пространства, трактуемые как «1) часть социального пространства, форма организации общественных отношений; 2) принцип суверенитета государства; 3) территориальная ограниченность; 4) внутреннее и внешнее единство; 5) целостность и однородность; 6) пределы правовой регламентации; 7) системно-структурный характер; 8) преемственность при его формировании и развитии, 9) неотвратимость юридической ответственности» [13, с.43].

В правовом пространстве исследователи выделяют различные аспекты. И.Н. Барциц правовое пространство мыслит узко как «сферу регламентации юридическими нормами моделей правомерного поведения» [5, с.48] субъектов права в границах государственной территории в определенный исторический период. Однако эта сфера не охватывает, например, модели неправомерного поведения, установленные уголовным законом. Е.Г. Зинков отмечает наличие взаимоотношений «между субъектами и объектами право-

отношений, правоприменения и правотворчества, взаимоувязывающие в единое целое все многообразие социальной жизнедеятельности» [14, с.19]. А.В. Скоробогатов представляет «правовое пространство как многоуровневое правовое явление» [15, с.30], существующее территориально-географически, социокультурно и исторически.

Формирование правового пространства предполагает наличие устойчивой и сбалансированной правовой системы общества, выполняющей функцию нормативно-регулятивного упорядочения общественных отношений. В условиях динамичного развития социальных связей обеспечение единства правового пространства и укрепление его фундаментальных основ приобретает характер приоритетной задачи. В её реализации ключевая роль отводится правовой системе как совокупности взаимосвязанных юридических норм, институтов и механизмов, а также сопряжённой с ней правовой политике как целенаправленной деятельности государства по формированию, совершенствованию и реализации правовых регуляторов. В числе таких механизмов нами выделяются находящиеся во взаимодействии правовые режимы.

Решение проблем обеспечения единого правового пространства в правовой жизни общества сводится к выработке и реализации системных мер путем «выстраивания правовой политики государства» [16, с.7].

В рамках теоретико-правовой парадигмы понятие «правовое поле» возможно рассматривать в качестве семантически близкого коррелята категории «правовое пространство», не отождествляя содержание этих терминов. В доктринальном осмыслении правовое поле может интерпретироваться через призму его соответствия определённому механизму правового регулирования. В таком ракурсе правовое поле предстаёт как системная категория, отражающая структурно-функциональную взаимосвязь элементов механизма правового регулирования в пределах определённой юрисдикции или нормативной системы. Данный механизм складывается на основе совокупности возникших правовых отношений, юридических норм, правоприменительных актов, иных релевантных правовых феноменов, обеспечивающих функциональную целостность правового регулирования. Значимой чертой правового поля является обеспечение правового единства государства, которое раскрывается в системе нормативных актов, действующих на территории государства, единой законотворческой и правоприменительной практике.

Многомерность правового пространства позволяет глубже понять и уяснить динамику сложных процессов, характеризующих взаимодействие

компонентов системы права, включая правовые режимы как микросистемы в отраслях права и системе права в целом. Такое взаимодействие непосредственно или опосредованно инициируется и осуществляется между субъектами права, в том числе при помощи взаимодействия правовых текстов. Взаимодействие субъектов права протекает в определённом физическом, социальном, психологическом и правовом пространствах, влияние которых отражается в конкретном поведении субъектов в различных условиях обстановки, включая действующие правовые режимы.

Список литературы:

- [1] Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
- [2] Иванов О. И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №2. С.49-64.
- [3] Шматко, Н. А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4. СПб.: РХГИ, 2000. С. 386–403
- [4] Пьер Бурдьё. О телевидении и журналистике/пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Москва: Прагматика культуры: Ин-т эксперимент. социологии, 2002. 159 с.
- [5] Барциц, И. Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки// Политическая наука, 2003. №3. С.40 - 62.
- [6] Сорокин П.А. Социальная мобильность /Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
- [7] Erikson, E. (2013). Formalist and relationalist theory in social network analysis. *Sociological Theory*, 31(3), pp. 219-242.
- [8] *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice*. Edited by Roger Friedland and John Mohr. Cambridge University Press. 2004. 408 p.
- [9] Панченко В. Ю. О правовой культуре и правовом нигилизме в контексте типов социального взаимодействия // Правовая культура 2023. №2. С. 43-44.
- [10] Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17.
- [11] Терентьев И. А. Правовое пространство как форма социальной реальности: к постановке проблемы // Общество: философия, история, культура. 2015. №6. С.30-32.
- [12] Малько А.В. Единство правового пространства в России: понятие и признаки// Правовая культура. №2. 2023. С.41-42.

[13] Верещак С.Б., Абрамова Л.А. Понятие, признаки и структура правового пространства // *Oeconomia et Jus*. 2022. №3. С. 40-46.

[14] Зинков Е.Г. Термин «пространство» в теории права // *Общество и право*. 2011. № 4. С. 14-19.

[15] Скоробогатов А.В. Человек в правовом пространстве // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2017. Т. 8, № 4. С. 20 - 25.

[16] Малько А. В. Правовая жизнь общества, anomia и проблемы единства правового пространства в современной России // *Государство и право*. 2023. №3. С. 7-18.

References:

[1] Zimmel G. Favorites. Sociology problems/Comp. S.Y. Levit. St. Petersburg: University Book, Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 416 p.

[2] Ivanov O. I. Social space as an object of scientific study and guided transformation//*Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013. №2. С.49-64.

[3] Shmatko, N. A. Genetic structuralism of Pierre Bourdieu/ed. ed. and comp. Yu. N. Davydov// *History of theoretical sociology*. In 4 t. T. 4. St. Petersburg: RHGI, 2000. P. 386-403

[4] Pierre Bourdieu. About television and journalism/per. with fr. T.V. Anisimova and Yu.V. Markova. Moscow: Pragmatics of culture: In-t experiment. sociology, 2002. 159 pp.

[5] Bartsits, I. N. The legal space of Russia: concept, resources, signs//*Political Science*, 2003. №3. S.40 - 62.

[6] Sorokin P.A. Social mobility/P er. from English M.V. Sokolova. Under the general ed. V.V. Sapova. M.: Academia; LVS, 2005. 588 p.

[7] Erikson, E. (2013). Formalist and relationalist theory in social network analysis. *Sociological Theory*, 31(3), pp. 219-242.

[8] *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice*. Edited by Roger Friedland and John Mohr. Cambridge University Press. 2004. 408 p.

[9] Panchenko V. Yu. On legal culture and legal nihilism in the context of types of social interaction// *Legal culture* 2023. №2. С. 43-44.

[10] Tikhomirov Yu.A. Legal space: equilibrium and deviations//*Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017. № 4. S. 4-17.

[11] Terentyev I. A. Legal space as a form of social reality: to the formulation of a problem//*Society: philosophy, history, culture*. 2015. №6. S.30-32.

[12] Malko A.V. Unity of the legal space in Russia: concept and signs//*Legal culture*. №2. 2023. S.41-42.

[13] Vereshchak S.B., Abramova L.A. Concept, features and structure of the legal space//*Oeconomia et Jus*. 2022. №3. S. 40-46.

[14] Zinkov E.G. The term "space" in the theory of law//*Society and law*. 2011. № 4. S. 14-19.

[15] Skorobogatov A.V. Person in the legal space//*Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. Т. 8, NO. 4. С. 20 - 25.

[16] Malko A. V. The legal life of society, anomie and problems of the unity of the legal space in modern Russia//*State and law*. 2023. №3. С. 7-18.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-234-245

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

КОСЬМИН Анатолий Данилович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Государственное,
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
академик Российской академии естественных наук,
e-mail: Kosmin.39@mail.ru.

ГУСАРСКАЯ Елена Николаевна,
доцент кафедры «Государственное,
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается Россия в зеркале международных рейтингов по основополагающим макроэкономическим показателям, таких как уровень диверсификации в экономике в целом и её экспорта, конкурентоспособность, инновационность и степень вовлеченности экономики в глобальные производственные цепочки создания добавочной стоимости. Выявляется очень высокая доля «восходящего участия» в указанной цепочке, означающая, что в экспорте преобладают минеральные ресурсы, промежуточные товары и услуги, которые используются другими странами для создания продукции с высокой добавленной стоимостью для последующего экспорта в другие страны (в т.ч. и Россию) главная уязвимость России, как участника современных цепочек поставок – разрыв традиционных путей, каналов, замена которых очень сложна и долговременна. Это большая российская беда, с которой не просто управиться. Что же касается российского основного товарного партнёра – Китая, напротив в его экспорте преобладают товары конечного спроса, т.е. с высокой добавленной стоимостью, что позволяет именовать Китай самой удачной страной в мире. Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа структуры и масштабов российского и китайского несырьевого неэнергетического экспорта, в выявлении особенностей динамики и структуры российского экспорта, выявлении основных факторов, сдерживающих процесс экспортной диверсификации.

Ключевые слова: диверсификация экономики, диверсификация экспорта, глобальные цепочки создания добавленной стоимости, несырьевой неэнергетический экспорт, волатильность, «мягкая сила».

KOSMIN Anatoly Danilovich,
Doctor of Economics, Professor, Professor,
Department of State, Municipal Administration and Customs,
Omsk State Technical University, Academician
of the Russian Academy of Natural Sciences

GUSARSKAYA Elena Nikolaevna,
Associate Professor, Department of State,
Municipal Administration and Customs,
Omsk State Technical University

PROBLEMS OF INCREASING THE LEVEL OF DIVERSIFICATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Annotation. *The article considers Russia in the mirror of international ratings on fundamental macroeconomic indicators, such as the level of diversification in the economy as a whole and its exports, competitiveness, innovation and the degree of involvement of the economy in global production value chains. A very high proportion of "bottom-up participation" in this chain is identified, meaning that exports are dominated by mineral resources, intermediate goods and services that are used by other countries to create high value-added products for subsequent export to other countries (including Russia) the main vulnerability of Russia, as a participant in modern supply chains, is the rupture of traditional paths, channels, the replacement of which is very difficult and long-term. This is a big Russian misfortune that cannot be easily dealt with. As for the Russian main commodity partner - China, on the contrary, its exports are dominated by goods of final demand, i.e. with high added value, which allows us to call China the most successful country in the world. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the structure and scale of Russian and Chinese non-resource non-energy exports, to identify the features of the dynamics and structure of Russian exports, to identify the main factors hindering the process of export diversification.*

Key words: *economic diversification, export diversification, global value chains, non-resource non-energy exports, volatility, "soft power".*

Бедствия бывают двух
видов: наша беда и удача других.

А. Бурс

Введение

Актуальность темы исследования обуславливается признанием необходимости диверсификации российской экономики и снижение чрезмерной зависимости от добычи сырья («ресурсного проклятия»), зависимости от доходов от экспорта природных ресурсов. Зависимость от сырьевых товаров делает экономику уязвимой к колебаниям мировых цен и внешним шокам, что может привести к резким спадам, экономическим кризисам и социальной нестабильности. Диверсификация экспорта, повышение конкурентоспособности российских товаров и услуг, а так же развитие экспортной инфраструктуры являются ключевыми факторами обеспечения устойчивого экономического роста и повышения благосостояния населения.

Президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию в 2015 году отметил, что диверсификация экономики является приоритетом для страны и предложил меры по поддержке малого и среднего бизнеса, а так же экспорт ориентированных производств [8].

В начале октября 2025 года на Волдайском форуме Президент РФ заявил о том, что главной задачей для российской экономики является дальнейшая диверсификация, а также повышение производительности труда «Главный из них (вопросов), - отметил он, – дальнейшая диверсификация нашей экономики. Мы должны сделать её более современной, ещё более высокотехнологичной» [18].

Материалы и методы

Впервые принципы диверсификации экономической мысли были заложены в Древней Греции, Аристотелем, который выступал за разделение труда и усиление среднего класса, что является одной из форм диверсификации. Позже, в эпоху меркантилизма, так же стали развиваться идеи, способствующие разностороннему развитию производства и торговли.

Диверсификация – это стратегия расширения ресурсов с целью минимизации рисков. Диверсифицировать можно производство, бизнес, инвестиционный портфель, цены и т.д. Диверсификация может быть как связана, так и не связана с текущими направлениями деятельности предприятия. Можно выпустить новую линейку продукции или услуг, выйти на новые рынки [20].

Цель диверсификации – создать устойчивую экономическую систему, способную справляться с внешними шоками, изменениями в спросе или ценами на мировых рынках.

Ключевыми аспектами диверсификации внешнеторговой деятельности России являются, прежде всего, экспортное разнообразие товарной структуры и географическая вариативность торговых связей.

Экспорт товаров, которому А. Смит придавал огромное значение, играет ключевую роль в экономике, способствуя экономическому росту, укреплению национальной валюты и повышению конкурентоспособности страны за счёт расширения рынков сбыта и притока валютных средств [3].

Активный высокотехнологичный экспорт способствует укреплению позиций страны на мировом рынке. Экспорт можно рассматривать

как спрос на блага, производимые в данной стране, предъявляемый за границей. Увеличение экспорта приводит к росту совокупного спроса, повышая национальный доход на некоторую величину.

В ряде исследований для стран СНГ выявлены коэффициенты влияния экспорта на ВВП – 0,97 и 2,68, это означает, что рост экспорта на 1% провоцирует рост ВВП на 0,97% для одних стран и на 2,68% - для других стран [15].

В контексте, изложенном выше, довольно-таки странным выглядит новоявленный рейтинг крупнейших экономик по степени зависимости* от экспорта. Лидерами признаны страны с наименьшей зависимостью, а аутсайдерами – с высокой зависимостью (табл. 1).

Такая ранжировка стран, выполненная специалистами РИА Новости является аберрацией, поскольку страны с высокой т.н. зависимостью от экспорта, являются странами высоких позиций внешнего спроса на производимые ими товары, странами, уверенно наращиваемыми свой совокупный экономический потенциал за счёт увеличения объёма экспорта (за счёт высокого экспортного мультипликатора).

Результаты и обсуждение

Сокращение экспорта – это, скорее всего, плохо, является негативным явлением для экономики, так как приводит к уменьшению доходов от продажи товаров за рубеж, снижению конкурентоспособности отечественных товаров и возможному падению производства.

В результате исследования авторы выявили коэффициенты влияния экспорта на ВВП трех стран, по данным специалистов РИА Новости, наименее зависимых от экспорта – Россия, Китай и США. Для России – это 2,1, для Китая – 0,42 и для США – 0,56. Россия незаслуженно оказалась в списке стран, с меньшей степенью зависимости от экспорта. Приращенный российский экспорт на один процент обуславливает приращение ВВП на 2%.

Специалисты РИА Новости проанализировали данные по отношению экспорта товаров и услуг в 2024 году к ВВП у 25 стран с наибольшим номинальным размером экономики.

В среднем их зависимость составляет 40,7% к ВВП. В таблице 1 приведены данные по 9 странам, в меньшей степени зависящих от экспорта, и по 6 странам, превышающих средний показатель зависимости от экспорта [14].

Доля экспорта в ВВП России по итогам 2024 года снизилась до рекордно низкого показателя в 21,9% (в 2021 – 28,1%, в 2022 – 27,7%, в 2023 – 23,3%). Эксперты связывают это с ростом номи-

нального ВВП и переориентацией экономики на внутренний рынок. Экономика России становится более самодостаточной и фокусируется на внутренних ресурсах, что отчасти вызвано сохраняющимися западными санкциями.[18].

Но является ли исторический минимум доли экспорта России в ВВП действительно разумным и необходимым, отражающим самодостаточность и устойчивость российской экономики, как об этом официально заявляется в средствах массовой информации? Не «пригнетается ли истина ложным направлением» [2], признающим это событие необходимым, новым и жизнеспособным, действительным и разумным?

«Действительность,- отмечал Ф. Энгельс, раскрывается в своём развёртывании как необходимость» [7, с. 274].

И стало быть, социально - экономическое развитие страны, наращивание экспортного потенциала является исторически необходимым и объективно обусловленным, но зависящим от «пускового механизма» - случайной первопричины (лежащей на стороне правящей элиты и различного рода обстоятельств эндогенного и экзогенного происхождения), выбора «локомотива» экономического роста, модели экономики, соответствующей (адекватной) образу мышления, определённому запасу знаний, ума и образованности экономических менеджеров (Е. Гайдара и его единомышленников), которые ошиблись «при выборе дороги» (модели), «уводящей их прочь от цели каждый час» (В. Брюсов).

Вторая случайность свойства неэкономического, а социально - политического - ошибка в конструкторе и его реализации, имя которому стратегия миролюбия (уровень насилия внутри государства и уровень агрессии во внешней политике). Финальная оценка степени миролюбия в России составляет более 3-х баллов (из пяти) - это очень низкая оценка миролюбия.

Обозначенные выше случайности - рукотворные, являются продуктом труда «мягкой силы», «творческого меньшинства» («творческой элиты»), оказавшейся не способной отвечать на различные исторические «вызовы» и превратившейся в господствующее меньшинство, навязывающее свою власть силой, а не авторитетом, не находя ответа на вызовы [20].

Современная российская макроэкономическая действительность является, несомненно, необходимостью, но очень жёстко детерминированной рукотворными случайностями (в содержании действительности превалирует случайность).

Незавидная Российская действительность является функцией основополагающего аргумента - качества элит, долженствующих обеспечи-

вать критически важный потенциал для координации ресурсов экономики – человеческих, финансовых, материальных и иных, основанных на знаниях.

Выявляемый ежегодно Всемирной организацией интеллектуальной собственности индекс качеств элит отражает степень совокупного влияния национальных элит на общество, оценивая политические и экономические властные и ценностные показатели, включая общеэкономические показатели и деловую активность. Чем ниже качество элит, тем сильнее они тормозят развитие своей страны.

В рейтинге стран мира по индексу качества элит в 2024 Россия заняла 103-ю позицию (из 151) со значением в 45,1 балла, - и расположилась между Мозамбиком и Гондурасом. Россию обошли все бывшие республики СССР (кроме Украины) [16].

Поскольку рассматриваемому показателю придаётся статус очень грубой (ложной) аппроксимация экономической самодостаточности и устойчивости, постольку его надо «принимать» в сопровождении эскорта показателей, разработанных Р. Хаусманном и С.Идальго, характеризующих сложность и диверсифицированность экспортируемых товаров страны, а также показателей глобальных инноваций и процветания, индикаторы которых являются дополняющими показателем экспорта в ВВП «приправой».

Самой минимизированной «приправой» к рассматриваемому минимальному значению доли экспорта в ВВП является индекс экономической сложности (как ключевой показатель уровня диверсификации экономики) [ECI], с помощью которого измеряется сложность производственной структуры путем объединения информации о разнообразии экспорта страны (количество экспортируемой ею продуктов) и повсеместности её продуктов (количество стран, экспортирующих эти продукты). Индекс рассчитывается на основе индекса сравнительных преимуществ (RCA), где в числителе доля продукта в экспорте страны, а в знаменателе - доля всего экспорта продукта в мировом экспорте.

По этому показателю Россия занимает 64 место из 133-х возможных. Это выше медианного показателя на 9 позиций.

Индекс учитывает только экспорт товаров, его отрицательное значение (в РФ - минус 0,04 и ещё ниже в 60-и странах мира) означает, что страна в основном импортирует простые и широко распространенные товары, а не сложные и технологичные (в Украине ECI=0,37, в Белоруссии – 0,89. Значения положительные).

По индексу глобальных инноваций Россия занимает 59-е место (из 133 стран мира), а по индексу процветания – 77-е место из 167 возможных [16].

Таблица 1. Крупнейшие по номинальному ВВП страны в рейтинге зависимости от экспорта и диверсификации в экономике (диверсификации рисков), 2024г

Страны крупнейших экономик	Доля экспорта в ВВП		Показатели диверсификации					
			Индекс экономической сложности		Индекс глобальных инноваций		Индекс процветания	
	Ранг	Значение (%)	Ранг	Значение	Ранг	Значение	Ранг	Значение
А.В меньшей степени зависящие от экспорта (<40.7%)	...	...	...	...	...	...	...	...
США	1	10.9	11	1.55	3	62.4	19	77.44
Аргентина	2	15.3	73	-0.21	76	26.4	58	61.38
Бразилия	3	17.9	49	0.21	50	32.7	66	60.07

Индия	4	21.0	42	0.54	39	38.3	103	53.66
Китай	5	21.1	18	1.34	11	56.3	54	62.15
Россия	6	21.9	64	-0.04	59	29.7	77	58.50
Индонезия	7	22.2	61	0.02	54	30.6	63	60.88
Япония	8	22.8	1	2.43	13	54.1	16	78.22
Австралия	9	23.7	87	-0.53	28	48.1	15	79.36
Б.В большей степени зависящие от экспорта (>40.7%)	...	...	...	...	...	...	...	...
Германия	20	41.8	4	2.09	9	58.1	9	80.81
Республика Корея	21	44.6	3	2.11	6	60.09	29	74.07
Польша	22	52.7	23	1.10	40	37.0	37	70.15
Швейцария	23	72.2	2	2.17	1	67.5	5	83.42
Нидерланды	24	84.2	27	0.98	8	58.8	6	82.32
Ирландия	25	147.6	17	1.36	19	50.0	11	80.31

Источник: [11; 12; 13; 14; 15]

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о том, что самой диверсифицированной экономикой в мире является Япония, благодаря сложности ее экспорта и сосредоточении на производстве высокотехнологичных и сложных товаров (робототехника, оптоволокно, биохимическая продукция и гибридные автомобили).

Второе место в мире и первое место в Европе занимает Швейцария, основную часть экспорта которой составляют машины, часы и химикаты.

Третьей экономикой в мире по диверсификации является Германия, основную часть экспорта которой составляют фармацевтические препараты, химикаты, машины, электронная и компьютерная продукция, а также автомобили.

В ТОП - 10 стран с высоким уровнем диверсификации своей экономики так же входит Южная

Корея, Швеция, Сингапур, Австрия, Великобритания, США, Чешская Республика. А Россия занимает 64 позицию (из 133 стран). Россия лишь в начале пути диверсификации своего экспорта. Ее ННЭ остается зависимым от конъюнктуры сырьевых рынков, что требует серьезных усилий по повышению глубины переработки и развитию высокотехнологичных несырьевых отраслей.

Понятие несырьевого неэнергетического экспорта впервые было закреплено в декабре 2022 года и подразумевает экспорт несырьевых неэнергетических товаров, перечень кодов которых утверждается Правительством Российской Федерации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза[10].

Таблица 2. Динамика экспорта товаров РФ (в млрд. долл. США)

Экспорт	Годы								2024г. в % к 2012
	2012 (рекорд- ный)	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Общий экспорт	526	449	423	332	496	579	429	434	82.5
Несырьевой неэнергетический- (ННЭ)	156	150	154.5	160	194.2	190.4	148	145	99.3
Доля ННЭ в общем экспорте (%)	29.6	33.4	36.5	46.5	41.7	30.4	34.98	33.4	112.8

Источник: [10]

Объем несырьевого неэнергетического экспорта России за период с 2001 по 2023 год увеличился с 36 млрд. долларов до 148 млрд., продемонстрировав четырёхкратный рост. Об этом осенью 2024 года сообщил президент России В. Путин на заседании Госсовета [8].

Динамика ННЭ России; приведенная в таблице 2, характеризуется высокой волатильностью и зависимостью от внешнеполитических факторов.

В 2021 году объем ННЭ был рекордным. Основной вклад был внесен металлургией, химической промышленностью и машиностроением. Экспорт металлургии вырос на 37,5%, машиностроения на 16,0%, химической промышленности на 40,6%, лесопромышленного комплекса на 23%, продовольствия на 9,8%. Основными импортерами российской продукции выступил Китай (15,6 млрд. долларов), Казахстан (14,4 млрд. долларов), Белоруссия (11,4 млрд. долларов), Турция (10,9 млрд) и США (7,9 млрд) [10].

За последние семь лет достигнутый объем экспорта ННЭ в 2024 году характеризуется минимальным значением. Снижение этого показателя продолжается третий год подряд. Особенно заметное снижение наблюдается в категории «машины и оборудование». Высокотехнологичный экспорт этой группы товаров в 2024 году оказался на 43% ниже, чем в 2021 году, что связывается с влиянием санкций и запретами на поставки технологий в России.

С 2022 года сформировалась новая экономическая география всего российского экспорта, в том числе и ННЭ с доминированием азиатского направления. Однако эта переориентации, происходящая скорее всего по политическим, чем по экономическим причинам, пока еще не смогла полностью компенсировать потери европейского рынка.

Таблица 3. Динамика ННЭ России по товарным группам, млрд. долл.

Группы товаров	Годы				
	2012	2020	2021	2023	2023 к 2012 (%)
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильных) – ТН ВЭД ЕАЭС – 01-24	16.8	28.8	31.4	27.8	165.5
Продукция химической промышленности – ТН ВЭД ЕАЭС – 28 – 40	32.3	23.4	32.9	16.1	49.8
Древесина и целлюлозно – бумажные изделия – ТН ВЭД ЕАЭС – 44 - 49	12.4	12.0	14.8	8.9	71.8
Металлы и изделия из них – ТН ВЭД ЕАЭС – 72 - 83	42.6	33.9	46.6	45.0	105.6
Машины, оборудование и транспортные средства – ТН ВЭД ЕАЭС - 84 - 90	29.5	24.5	28.4	28.3 (в 2024 - 12.1)	95.9
Продукция легкой промышленности- ТН ВЭД ЕАЭС – 50 - 67	1.6	1.6	1.7	1.5	93.7
Драгоценные камни и металлы, изделия из них – ТН ВЭД ЕАЭС - 71	14.9	29.6	27.6	14.8	99.3
Другие товары – ТН ВЭД ЕАЭС – 68 – 70, 91 - 97	6.9	6.2	7.0	5.6	81.1
Итого	156.0	160.0	190.4	148.0	94.9

Источники: [9;10]

Таблица 4. Отраслевая структура несырьевого неэнергетического экспорта РФ, %

Товары	2012 г.	2020 г.	2021 г.	2023 г.	2023 к 2012 г. (%)
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	14.8	18.0	16.5	18.8	174.0
Продукция химической промышленности	20.7	14.6	17.3	10.9	52.6

Древесина и целлюлозно – бумажные изделия	7.3	7.5	7.8	6.0	82.2
Металлы и изделия из них	27.3	21.2	24.5	30.4	111.3
Машины, оборудование и транспортные средства	18.9	15.3	14.9	19.1	101.0
Продукция мягкой промышленности	1.0	1.0	0.9	1.0	100.0
Драгоценные камни и металлы и изделия из них	9.6	18.5	14.5	10.0	104.2
Прочие	4.4	3.9	3.7	3.8	86.3
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0	94.9

Источники: [9; 10]

Основную долю в структуре ННЭ занимают металлы и изделия из них – более 30% общего объёма экспорта. Второе место по доле в структуре экспорта в 2021 занимала продукция химической продукции, а в 2022 она снизилась почти на 7 п.п, уступив машиностроительной продукции. На третьем месте по величине удельного веса разместились продовольственные товары и

сельскохозяйственное сырье. В 2023 по сравнению с 2012 годом их удельный вес в структуре экспорта возрос в 1.7 раза – с 10.8% до 18.8%. Далее следуют драгоценные камни и металлы и изделия из них, древесина и целлюлозно-бумажные изделия.

В приведенной ниже таблице 5 представлена структура ННЭ по переделам.

Таблица 5. Структура ННЭ России по переделам, 2024 г.

Уровень передела		
	Продукция	Доля (от 100% уровня передела)
НИЖНИЙ ПЕРЕДЕЛ (~46% от общего ННЭ +/- \$53,8 млрд)	1) зерновые культуры	1) 24,8 %
	2) овощи, фрукты	2) 12,8 %
	3) химическая продукция (аммиак, кислоты, сода и др)	3) 17 %
	4) удобрения	4) 12,59 %
	5) обработанный камень	5) 2,17 %
	6) черные металлы (чугун, сталь)	6) 22,17 %
	7) цветные металлы	7) 5,43 %
	8) драгоценные металлы.	8) 3,04 %

СРЕДНИЙ ПЕРЕДЕЛ (~32% от общего ННЭ +/- \$43,5 млрд)	1) мясо 2) целлюлоза 3) стальной прокат 4) мука 5) крупы 6) растительные масла 7) сахар 8) мыло 9) строительные изделия	1) 9,37 % 2) 15,62 % 3) 31,27 % 4) 6,25 % 5) 4,68 % 6) 15,623% 7) 6,25 % 8) 3,125 % 9) 7,812 %
ВЕРХНИЙ ПЕРЕДЕЛ (~22% от общего ННЭ +/- \$21,75 млрд)	1) продукция машиностроения 2) фармацевтическая продукция 3) бытовая химия 4) одежда, обувь 5) игрушки 6) продукты питания 7)высокотехнологичные матери- алы 8) радиоактивные соединения	1) 25 % 2) 10 % 3) 5 % 4) 15 % 5) 2 % 6) 20 % 7) 15 % 8) 8 %

Источники: [17; 18

Таблица 6. Критериальные характеристики ННЭ России и Китая.

Критерии сравнения	Россия	Китай
Ключевые товарные группы	1.Металлы и изделия 2.Химическая продукция 3.Машины, оборудование и транспортные средства	1. Текстиль и одежда 2. Мебель, игрушки, пластмассы 3.Высокотехнологичная продукция 4. Машины, оборудования и транспортные средства
«Локомотивы роста» 2023-2024	Зерно, растительное масло, удобрения, алюминий, древесина	«Новая тройка»: электромобили, солнечные и литевые батареи, автомобили в целом
Уровень передела и добавленной стоимости	Преобладают товары первичного, низкого передела (полуфабрикаты, базовые материалы)	Преобладают товары среднего и высокого передела (готовая техника, сложная электроника , высокотехнологичные изделия)
Позиция в глобальных цепочках	Поставщик базовых компонентов и материалов	Ключевой хаб сборки и производства, интегратор глобальных цепочек

Влияние внешней конъюнктуры	Высокая зависимость от цен на сырье (металлы, зерно)	Зависимость от глобального спроса на готовую продукцию и логистики
Основные драйверы роста	Импортозамещение, господдержка, переориентация логистики	Технологические инновации, глубокая интеграция в мировую экономику, масштаб производства

Источники: [10; 18; 19]

Китай остается крупнейшим в мире экспортером высокотехнологичных товаров. Доля Китая в мировом экспорте этих товаров составляет 15%. В 2024 году наибольший рост экспорта наблюдался в США - и составил 9,6% мирового экспорта. На третьем месте Германия – 8,0% мирового экспорта. Далее следует Республика Корея, Япония, Нидерланды [15].

Заключение

Для возвращения на свою дорогу, к реальному равновесию в широком смысле слова, для достижения обозначенных в программных документах национальных целей необходимо осознание нынешней элитой того непреложного факта, согласно которому альтернативой «устойчивой деградации» общества может быть только экономика, основанная на использовании уникального опыта прошлого советского общества и нынешнего китайского [5].

Надо спасать всё, что достойно спасения из богатства старого мира (социализма). Новый порядок должен «являться не только мечом рубящим, но силой хранительной», и «иные вещи несравненно более жалко терять, нежели иных людей» [1].

Почему бы России не использовать принципы эффективного хозяйствования Китая? Быть может потому это и не происходит, что, перефразируя Н. М. Карамзина «всякие учреждения должны быть сообразены с характером народа», добавим, с характером правящей элиты и, следовательно, что хорошо в Китае, то будет дурно в России. И это потому, что любой экономический рывок – это серьезные нарушения достигнутого прежнего равновесия и риск подрыва политической стабильности. К тому же и нарушение принципа Карамзина, обрекающего несостоятельных чиновников верхних эшелонов власти на продвижение в «вечные титульные советники» главы государства.

Активная и высокоэффективная деятельность управленческой элиты является функцией их ума и образованности, высокого профессионализма, способности уловить действительные и простые нужды народа и страны и действовать в их интересах, их умение ставить на первое место не красоту идеи самой по себе, а согласие её с действительностью, с необходимыми ресурсами для её реализации.

Вот именно такой образованности потребовал Президент в 2019-м году в своем традиционном Послании Федеральному Собранию.

Неуверенные в своих знаниях, способностях, не наделённые элитарными качествами (не причастные ни к неконформистам, ни к людям адреналинового типа) и не замеченные в каких – либо достижениях по роду своей службы, должны уступить свои высокооплачиваемые рабочие места высоко одарённым патриотам страны, для которых преобладающей страстью является общественное благо, забота о человеческом благополучии и развитии для всех и каждого.

Реализация упомянутой выше царствующей мысли, обозначенной в Послании Президента, является основным условием повышения эффективности системы государственного управления – главной, основной проблемы, генерирующей нисходящей тренд в развитии событий экономического, политического, социального, демографического и иного свойства.

Список литературы:

[1] Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. С того берега, Статьи. Долг прежде всего (1847 – 1851) – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1955 – 554с.

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах / Т.1. – СПб : ТОО «Диамант» - 1996 – 800с.

[3] Косьмин А.Д. Проблемы повышения экспортного потенциала стран Евразийского эконо-

мического союза как важнейшего приоритета их социально-экономического развития.: монография А. Д. Косьмин, Е. А. Космина, Н. В. Черноножкина – Москва: Креативная экономика, 2019 – 228с.

[4] Косьмин А. Д., Кузнецова О. П., Космина Е. А. Проблемы повышения экспортного потенциала России (или о повышении степени её вовлечённости в мирохозяйственный оборот) // Экономические отношения, 2019. – Т.9. – №2. – С. 1021-1060.- doi: 10/18334/eo.9.2.40593.

[5] Косьмин А. Д., Кузнецова О. П., Космина Е.А. Разумная социально-экономическая действительность как равнодействующее двух контрастных полюсов естественного света разума - глупости и мудрости // Креативная экономика. 2017. -№11. - С. 1255 - 1302.-doi:10.18334/ce.11.38493.

[6] Косьмин А.Д., Молчанов К.В О степени интенсивности развития двух дружественных цивилизаций – России и КНР // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. – Т.12. – №12 А. - С. 123-137- doi:10.34670/AR.2023.10.14.014.

[7] Энгельс, В. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс - Сот. -2-е изд.-Т. 21. - С. 269-317.

[8] Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс].URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 12.10.2025г.).

[9] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 12.10.2025г.).

[10] Официальный сайт Российского экспортного центра [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exportcenter.ru> (дата обращения 12.10.2025г.).

[11] Официальный сайт Федеральной таможенной службы России [Электронный ресурс]. URL:<https://custom.gov.ru/folder/512> (дата обращения 20.10.2025г.).

[12] Официальный сайт Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 20.10.2025г.).

[13] Официальный сайт Центра гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL:<https://gtmarket.ru/ratinge/global-innovation.life-expectancy-index> (дата обращения 20.10.2025г.).

[14] Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс] URL:<http://ria.ru/docs/about/sohtocts.html> (дата обращения 20.10.2025г.)

[15] Официальный сайт STATDATA [Электронный ресурс] URL:<http://www.statdata.ru> (дата обращения 25.10.2025г.).

[16] Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности - World Intellectual Property Organization (WIPO) [Электронный ресурс]. URL:<http://www.wipo.int> (дата обращения 25.10.2025г.).

[17] Официальный сайт международного валютного фонда (МВФ) [Электронный ресурс]. <https://www.imf.org/external> (дата обращения 25.10.2025г.).

[18] Официальный сайт РБК. 2024.. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.rbc.ru/industries/news/676047749a79478b0b2c7f5e>. (дата обращения 18.10.2025г.).

[19] Официальный сайт Всемирной торговой организации (ВТО). Доклад о положении внешней торговли Китая за 2024 год. Женева, 2025. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_elstatis_e/wtr24_e.htm (дата обращения 19.10.2025г.).

[20] Porter M. The Competitive Advantage of Nation. – New York: Free Press, 1990. – 900 p.

References:

[1] Herzen A.I. Collected works in thirty volumes. Volume 6. From that shore, Articles. Debt first of all (1847-1851) - M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. - 1955-554s.

[2] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language in four volumes/ T.1. - St. Petersburg: Diamant LLP - 1996-800s.

[3] Kosmin A.D. Problems of increasing the export potential of the countries of the Eurasian Economic Union as the most important priority of their socio-economic development.: monograph by A.D. Kosmin, E.A. Kosmina, N.V. Chernonozhkina - Moscow: Creative economy, 2019 - 228s.

[4] Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kosmina E.A. Problems of increasing Russia's export potential (or increasing its involvement in world economic turnover) //Economic Relations, 2019. - Т.9. - №2. - S. 1021-1060.- doi: 10/18334/eo.9.2.40593.

[5] Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kosmina E.A. Reasonable socio-economic reality as a result of two contrasting poles of the natural light of reason - stupidity and wisdom//Creative economy. 2017. -№11. - С. 1255 - 1302.-doi:10.18334/ce.11.38493.

[6] Kosmin A.D., Molchanov K.V. On the degree of intensity of development of two friendly civilizations - Russia and China\\Economy: yesterday, today, tomorrow. 2022. - Т.12. - No. 12 А. - S. 123-137- doi: 10.34670/AR.2023.10.14.014.

[7] Engels, V. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy//K. Marx, F. Engels - Sot. -2nd edition - Т. 21. - S. 269-317.

[8] Official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource] .URL: <http://www.kremlin.ru> (circulation date 12.10.2025).

[9] Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 12/10/2025).

[10] Official website of the Russian Export Center [Electronic resource]. URL: <http://www.export-center.ru> (accessed 12.10.2025).

[11] Official website of the Federal Customs Service of Russia [Electronic resource]. URL: <https://custom.gov.ru/folder/512> (accessed 20.10.2025).

[12] Official site Wikipedia [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (accessed 20.10.2025).

[13] Official website of the Center for Humanitarian Technology [Electronic Resource]. URL: <https://gtmarket.ru/ratinge/global-innovation.life-expectancy-index> (дата обращения 20.10.2025г.).

[14] Official website of RIA Novosti [Electronic resource] URL: <http://ria.ru/docs/about/cohtocts.html> (accessed 20.10.2025)

[15] Official website of STATDATA [Electronic resource] URL: <http://www.statdata.ru> (accessed on 25.10.2025).

[16] Official website of the World Intellectual Property Organization - World Intellectual Property Organization (WIPO) [Electronic Resource]. URL: <http://www.wipo.int> (accessed 25.10.2025).

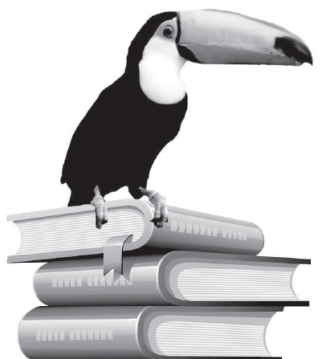
[17] Official website of the International Monetary Fund (IMF) [Electronic Resource]. <https://www.imf.org/external> (accessed 25.10.2025).

[18] RBC's official website. 2024.. [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/676047749a79478b0b2c7f5e>. (accessed 18.10.2025).

[19] Official website of the World Trade Organization (WTO). State of China's Foreign Trade Report 2024. Geneva, 2025. - [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_elstatis_e/wtr24e.htm (accessed 19.10.2025).

[20] Porter M. The Competitive Advantage of Nation. – New York: Free Press, 1990. – 900 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-246-251

СОКОЛОВ Вадим Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент,
Сенатор Российской Федерации, Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу фундаментальной трансформации правового регулирования экономической деятельности в условиях цифровизации и глобальных технологических изменений. Цель работы заключается в выявлении и осмыслении ключевых методологических и институциональных аспектов этого перехода, который характеризуется как революционный, сопоставимый со сменой исторических право порядков. Методология исследования основана на анализе современных тенденций в праве, включая дематериализацию правовых форм, переход от нормативизма к регуляторизму, и изучение конкретных институциональных новаций в российской правовой системе как репрезентативного кейса. В результате автор приходит к выводу, что формируется новая, постдогматическая парадигма права, отличительными чертами которой являются процессуальность, полицентричность и технологическая детерминированность. В статье детально исследуются такие проявления трансформации, как формирование законодательства о цифровых активах и цифровой валюте, развитие систем цифровой идентичности, а также стратегический курс на обеспечение технологического суверенитета. Основные результаты исследования демонстрируют, что российский опыт, отражая общемировые тренды, представляет собой комплексную модель «гибкого конституционализма», балансирующую между стимулированием инноваций через адаптивные механизмы (правовые эксперименты, мягкое право) и защитой публичных интересов в цифровой среде. В заключение обосновывается необходимость разработки юридической наукой новой теоретической онтологии для осмысления алгоритмических систем и сетевых институтов при сохранении ключевых правовых ценностей.

Ключевые слова: трансформация правового регулирования, цифровая экономика, экономическая деятельность, адаптивное регулирование, цифровые финансовые активы, цифровой суверенитет, сетевая архитектура право порядка, постдогматическое право.

SOKOLOV Vadim Vyacheslavovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Senator of the Russian Federation
The Federation Council of the Federal Assembly
of the Russian Federation

TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES: METHODOLOGICAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Annotation. This study focuses on analyzing the fundamental transformation of legal regulation of economic activity in the context of digitalization and global technological changes. The goal of the study is to identify and comprehend the key methodological and institutional aspects of this transition, which is characterized as revolutionary and comparable to the shift in historical legal orders. The research methodology is based on analyzing current trends in law, including the dematerialization of legal forms, the transition from legal positivism to regulatory positivism, and the study of specific institutional innovations in the Russian legal system as a representative case. As a result, the author concludes that a new, post-dogmatic paradigm of law is emerging, characterized by its proce-

dural nature, polycentricity, and technological determinism. The article delves into the manifestations of this transformation, such as the development of legislation on digital assets and digital currency, the evolution of digital identity systems, and the strategic focus on ensuring technological sovereignty. The main findings of the study demonstrate that the Russian experience, reflecting global trends, represents a comprehensive model of "flexible constitutionalism" that balances between promoting innovation through adaptive mechanisms (legal experiments, soft law) and protecting public interests in the digital environment. The study concludes by emphasizing the need for legal science to develop a new theoretical ontology to comprehend algorithmic systems and network institutions while preserving key legal values.

Key words: *transformation of legal regulation, digital economy, economic activity, adaptive regulation, digital financial assets, digital sovereignty, network architecture of the rule of law, post-dogmatic law.*

В контексте глобальных социально-экономических процессов, характеризующихся ускорением технологических изменений, формированием цифровых экосистем и перераспределением глобальных производственных цепочек, правовое регулирование экономической деятельности претерпевает фундаментальную трансформацию, носящую не эволюционный, а революционный характер, сопоставимый по масштабу с переходом от феодального к индустриальному правопорядку. Данный процесс не может быть сведен к простой модернизации нормативного массива; речь идет о смене парадигмы, затрагивающей онтологические основы права как социального регулятора, что требует переосмысления классических теорий правового государства и хозяйственного порядка в свете постглобализационных трендов.

Центральным тезисом настоящего исследования является утверждение, что наблюдаемая трансформация движется по векторам дематериализации правовых форм, перехода от статического нормативизма к динамическому регулированию и кристаллизации новой, сетевой архитектуры правопорядка, в котором государство, утрачивая монополию на производство легитимных норм, приобретает роль стратегического архитектора и интегратора сложных нормативных систем, что особенно ярко проявляется в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности национальной экономики.

Особый научный интерес представляет анализ адаптационных механизмов, разрабатываемых в рамках национальных правовых систем, где российский опыт последнего десятилетия демонстрирует ряд уникальных институциональных решений, формирующих комплексную, многоуровневую модель «гибкого конституционализма» в экономической сфере, направленную на синхронизацию традиционных правовых институтов с требованиями цифровой экономики, что находит

отражение в системной модернизации гражданского, административного и финансового законодательства [1].

Традиционная модель правового регулирования экономики, укорененная в классической либеральной доктрине и веберовской концепции государства, базировалась на презумпции стабильности, материальности объектов регулирования и иерархической субординации, где публичная власть выступала верховным арбитром, устанавливающим универсальные и абстрактные правила игры.

Норма права (закон, подзаконный акт) выступала первичным и верховным инструментом, устанавливающим формализованные правила, универсальные и долгосрочные рамки для экономических агентов, а правоприменение носило преимущественно реактивный характер, активируясь в момент нарушения установленных границ. Ключевыми регулятивными функциями были запрет, дозволение и обязывание, реализуемые через механизмы юридической ответственности, имеющие преимущественно ретроспективный и компенсационный характер, что соответствовало логике индустриального производства с его длинными циклами и предсказуемыми рисками. Однако экспансия цифровых платформ, возникновение распределенных реестров (blockchain), алгоритмизация управления и формирования так называемой «экономики данных» (data-driven economy) выявили системную несостоятельность данной модели, породив феномен «регуляторного лага», когда правовые нормы устаревают быстрее, чем завершается законодательный процесс их принятия [2].

Норма права, обладающая значительным временным лагом между принятием и применением, неспособна оперативно реагировать на возникающие гибридные формы экономических отношений, такие как смарт-контракты, микрогранты краудфандинга, феномен децентрализованных автономных организаций (DAO) или дина-

мическое ценообразование, управляемое искусственным интеллектом. Ответом на этот вызов стало формирование в ряде юрисдикций, включая Российскую Федерацию, концепции «адаптивного регулирования», нашедшей свое первое масштабное воплощение в механизме «регуляторных песочниц», который можно рассматривать как правовую лабораторию будущего.

В российском правовом поле данный институт был закреплен Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Его методологическая ценность заключается в легализации временного, территориально или субъектно ограниченного отступления от общих норм права в целях тестирования инновационных продуктов, услуг и бизнес-моделей, что трансформирует регулятора из контролера в партнера-исследователя. Режимы, внедренные в рамках данной конструкции (например, в сфере беспилотного транспорта, телемедицины, применения цифровых финансовых активов, удаленной идентификации), позволили не только аккумулировать эмпирические данные для последующего точечного нормотворчества, но и сформировать новую культуру диалога между регулятором (Банк России, Роскомнадзор, Минцифры) и регулируемыми субъектами, основанную на принципах итеративности. Более того, Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и последующая «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» закрепили принципы этичного и ответственного ИИ, стимулируя создание отраслевых стандартов и этических кодексов, что является примером превентивного формирования «мягкого права» вокруг критически значимой технологии.

В этой связи на передний план выдвигается феномен дематериализации правового регулирования, который радикально меняет онтологию объектов экономического оборота [3]. Если прежде объектом регулирования были материальные активы, денежные средства и физические действия, то сегодня центральным объектом становятся данные, алгоритмы, цифровые идентификаторы и репутационные метрики, что приводит к размыванию границ между классическими отраслями права.

Другими словами, обозначенное влечет за собой сдвиг от регулирования результатов экономической деятельности к регулированию процессов доступа к данным, их обработки и передачи, что требует создания новых правовых конструкций, способных опосредовать динамические потоки информации.

Российское законодательство продемонстрировало прогрессивный и комплексный подход в этой области, последовательно выстраивая систему регулирования оборота цифровых активов, что стало ответом на вызовы децентрализованных финансов. Принятие пакета законов о цифровых финансовых активах (ЦФА) и цифровой валюте (Федеральные законы № 258-ФЗ и № 259-ФЗ от 31.07.2020) создало базовые цивилистические конструкции для квалификации токенизированных прав и криптовалют, определив их правовой режим через обязательственно-правовую, а не вещно-правовую природу, что является взвешенным ответом на дематериализацию актива и позволяет интегрировать новые инструменты в традиционную систему расчетов и залога.

Более того, введение в Гражданский кодекс РФ понятия «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ) стало важной доктринальной новацией, позволившей включить в правовое поле новые объекты экономического оборота и заложить основу для будущего регулирования токенов утилиты и NFT (невзаимозаменяемых токенов) [4].

Параллельно развитие Единой биометрической системы и системы электронной идентификации (ЕСИА) в рамках Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сформировало технологическую инфраструктуру для доверенного цифрового взаимодействия, что является необходимым условием для переноса в цифровую среду полноценных юридически значимых действий, таких как заключение договоров, голосование на собраниях акционеров или обращение в государственные органы. Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»», легализовавший технологию распределенных реестров для целей хранения данных о заключении договоров с операторами связи, что открывает путь для более широкого использования блокчейна в публичном управлении и частном праве. При этом сам правовой инструментарий начинает заимствовать логику регулируемой среды: наблюдаются попытки создания «правовых алгоритмов» (legaltech) и «регулятивных сэндбоксов», которые функционируют по принципам, близким к программному коду — детерминировано, автоматически и с возможностью постоянных итеративных обновлений.

Параллельно происходит переход от нормативистской модели к регуляторной модели, что отражает общую тенденцию к децентрализации производства норм. Государство более не является единственным «законодателем» для эконо-

мики. Значительный объем регулятивных функций делегируется саморегулируемым организациям, отраслевым ассоциациям, техническим стандартизирующим органам и даже частным платформам, чьи пользовательские соглашения формируют детализированные микроправовые порядки.

В данном контексте показателен опыт построения в России цифровой экосистемы государственных и муниципальных услуг, где регулятивная роль государства трансформировалась в роль архитектора платформенных решений, устанавливающего технические и организационные стандарты взаимодействия (например, регламенты использования API между ведомственными информационными системами и порталом «Госуслуги» в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 17.12.2019 № 3082-р). Еще одним примером эффективного полицентричного регулирования является сфера финансовых технологий, где Банк России активно использует инструменты мягкого права (рекомендации, разъяснения, предварительные заключения), создавая гибкую нормативную среду для FinTech-компаний, одновременно развивая институт СРО на финансовом рынке, которые участвуют в установлении стандартов деятельности и осуществлении предварительного контроля, как это предусмотрено Федеральным законом от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в финансовом рынке». Это порождает плюралистический, полицентричный правовой порядок, где классический закон взаимодействует с «мягким правом», техническими стандартами и корпоративными нормами. При этом, задача публичной власти трансформируется из всеобъемлющего регулятора в функцию «регулирования регуляторов», обеспечения совместимости различных нормативных систем, предотвращения злоупотреблений в частных порядках и защиты фундаментальных публичных благ в цифровой среде [5].

Представляется, что отечественный подход в рассматриваемой сфере можно охарактеризовать как стратегически ориентированный на цифровой суверенитет и импортозамещение в IT-сфере, что выражается в принятии пакета законов, включающего Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»» (о суверенном Рунете) и Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», которые, с одной стороны, создают механизмы обеспечения устойчивости национального цифрового пространства, а с другой — стимулируют локализацию данных и развитие отечествен-

ных технологических решений, формируя таким образом защищенную среду для дальнейших инноваций, что подтверждается активным развитием российских операционных систем (Astra Linux, «РЕД ОС»), СУБД и офисного программного обеспечения.

Наконец, трансформация проявляется в изменении темпорального режима права, что требует от законодателя работы в режиме опережающего реагирования. Долговременная стабильность правовых норм, бывшая незыблемой ценностью индустриальной эпохи, вступает в противоречие с необходимостью гибкой адаптации к быстро меняющимся условиям [6].

Российская правовая система ответила на этот вызов внедрением практики «правового эксперимента» и «пилотных проектов» в масштабах целых регионов или отраслей, что позволяет апробировать комплексные нормативные новеллы до их повсеместного внедрения [7]. Ярким примером является создание особого правового режима в Инновационном центре «Сколково» на основе Федерального закона от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»», где был реализован пакет льгот и специальных правил, охватывающих налоговую, таможенную, градостроительную и миграционную сферы, что привело к формированию уникальной исследовательской и предпринимательской экосистемы.

Более того, в рамках реализации национальных проектов «Цифровая экономика», «Малое и среднее предпринимательство» и «Международная кооперация и экспорт» широко применяется программно-целевой метод регулирования, при котором рамочные цели, установленные стратегическими документами (например, «Цифровая трансформация отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления»), реализуются через пакеты взаимосвязанных нормативных актов, имеющих четкие контрольные точки и показатели результативности, что придает динамизм всему регуляторному циклу и переводит его на рельсы управления по результатам [8].

Следовательно, право начинает восприниматься не как застывший свод правил, а как открытая, обучающаяся система, постоянно тестирующая гипотезы и корректирующая свои параметры на основе обратной связи от регулируемой среды, что находит выражение в концепции «регуляторной гильотины» — масштабной работе по отмене устаревших и избыточных обязательных требований к бизнесу, инициированной Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».

В заключение необходимо констатировать, что трансформация правового регулирования экономической деятельности представляет собой многомерный процесс преодоления методологических и институциональных границ, установленных модернистской правовой традицией, и вхождения в эпоху «постдогматического права», где ценность быстрой адаптации соперничает с ценностью стабильности.

Формирующаяся парадигма характеризуется процессуальностью, полицентричностью и глубокой технологической детерминированностью, ставящей перед юриспруденцией задачу осмысления алгоритмической справедливости, цифрового контракта и виртуальной правосубъектности.

Опыт Российской Федерации, отражающий общемировые тренды, демонстрирует одновременно и прагматическую адаптивность, и стратегическую волю к формированию целостной национальной модели цифрового правопорядка, балансирующей между стимулированием инноваций и защитой публичных интересов. Ключевыми достижениями этой модели, подкрепленными солидной нормативной базой, являются: создание опережающей законодательной базы для цифровых активов и данных; внедрение институциональных «инкубаторов» нового права в виде особых экономических зон и тому подобных институтов; построение масштабируемой инфраструктуры цифровой идентичности и доверенной цифровой среды; взвешенное сочетание мер по стимулированию инноваций (через налоговые льготы, гранты, венчурное финансирование) с мерами по обеспечению технологической устойчивости, безопасности и суверенитета.

Представляется, что перед юридической наукой встает вызов разработки новой теоретической онтологии, способной концептуализировать правовую природу алгоритмических систем, данных и сетевых институтов, а также создания адекватного догматического инструментария для обеспечения в новых условиях ключевых правовых ценностей: предсказуемости, справедливости, ответственности и защиты прав человека [9]. Успех данной трансформации будет определяться способностью правовой системы сохранять свою нормативную сущность, не становясь при этом архаичным атавизмом в цифровой экономике, а российский опыт, несмотря на свою специфику, предоставляет богатый эмпирический материал для дальнейших сравнительно-правовых и теоретических исследований в этой области, демонстрируя возможность конструктивного синтеза традиционных правовых принципов и вызовов современного мира.

Список литературы:

[1] Ланг, П. П. Эволюция разрешения споров в сфере профессионального киберспорта: от государственного правосудия к альтернативным способам урегулирования правовых конфликтов / П. П. Ланг, Д. Х. Валеев // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 244-262. – DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-4-244-262. – EDN BNUZKO.

[2] Ценность права в условиях цифровой реальности / О. Ю. Рыбаков, М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.

[3] Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И. С. Барзилова, М. А. Беляев, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – 298 с. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.

[4] Правовое регулирование экономической деятельности : Учебник / Г. Ф. Ручкина, С. В. Нарутто, Н. Ф. Попова [и др.]. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 398 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15967-7. – EDN ONSZPN.

[5] Ланг, П. П. Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета / П. П. Ланг // Юридическая наука. – 2021. – № 2. – С. 64-69. – EDN GUUCMR.

[6] Ручкина, Г. Ф. Правовое обеспечение развития финансовых технологий в Российской Федерации / Г. Ф. Ручкина // Банковское право. – 2025. – № 1. – С. 7-16. – DOI 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16. – EDN YWFJZK.

[7] Публично-правовые средства цифровизации экономики и финансов / Г. Ф. Ручкина, М. А. Лапина, С. С. Агеев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025. – 200 с. – ISBN 978-5-466-08582-2. – EDN UTUBYN.

[8] Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E. N. Churakova, P. P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815-821. – DOI 10.1007/978-3-030-60929-0_105. – EDN IMNJUX.

[9] Ланг, П. П. Аксиологические начала права / П. П. Ланг // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 2-4. – EDN XUXMCL.

References:

[1] Lang, P. P. Evolution of dispute resolution in the field of professional e-sports: from state justice to alternative methods of resolving legal conflicts/P. P. Lang, D. Kh. Valeev//Bulletin of Civil Procedure. –

2025. - Т. 15, NO. 4. - С. 244-262. – DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-4-244-262. – EDN BNUZKO.

[2] The value of law in a digital reality/O. Yu. Rybakov, M. A. Belyaev, Yu. Yu. Vetyutnev [and others]. - Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024. - 312 p. - ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.

[3] Law-making: axiological foundations and strategic priorities/I. S. Barzilov, M. A. Belyaev, A. A. Golovin [and others]. - Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2024. - 298 p. - ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.

[4] Legal regulation of economic activity: Textbook/G. F. Ruchkin, S. V. Narutto, N. F. Popova [and others]. - 2nd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. - 398 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-15967-7. – EDN ONSZPN.

[5] Lang, P. P. Legal Values and Digital Technologies: The Problem of Parity/P. P. Lang//Legal Science. – 2021. – № 2. - С. 64-69. – EDN GUUCMR.

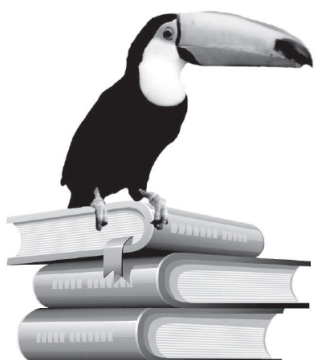
[6] Ruchkina, G.F. Legal Support for the Development of Financial Technologies in the Russian Federation/G.F. Ruchkina//Banking Law. – 2025. – № 1. - С. 7-16. – DOI 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16. – EDN YWFJZK.

[7] Public legal means of digitalization of the economy and finance/G. F. Ruchkin, M. A. Lapin, S. S. Ageev [et al.]. - Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2025. - 200 p. - ISBN 978-5-466-08582-2. – EDN UTUBYN.

[8] Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E. N. Churakova, P. P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815-821. – DOI 10.1007/978-3-030-60929-0_105. – EDN IMNJUX.

[9] Lang, P.P. Axiological principles of law/P.P. Lang//Russian Justice. – 2018. – № 8. - С. 2-4. – EDN XUXMCL.

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-252-260

МАЛКИН Олег Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева, доцент,
e-mail: malkin80@mail.ru

ЩУКИНА Анна Алексеевна,
студентка 4 курса факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: hurikann@mail.ru

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В Российской Федерации установлен ряд ограничений в отношении иностранных юридических лиц в сфере земельных правоотношений, что обусловлено важностью земли как основы жизнедеятельности российского народа. Однако единого понимания иностранного юридического лица в законодательных актах, регулирующих земельные отношения, а также судебной практике на настоящий момент не сложилось. В одних случаях принимается во внимание страна учреждения юридического лица, а в других – обращается внимание на национальность участников юридического лица. Одновременное применение нескольких подходов к пониманию иностранного юридического лица снижает эффективность установленных ограничений в отношении данных лиц. На основе сопоставления отечественного законодательства с зарубежным авторы приходят к выводу о необходимости определения в отечественном законодательстве в сфере земельных отношений понятия иностранного юридического лица.

Ключевые слова: земельные отношения, иностранные юридические лица, личный закон, национальность участников, снятие корпоративной вуали, эффективность правового регулирования.

MALKIN Oleg Yurievich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice, Associate Professor

SHCHUKINA Anna Alekseevna,
4th year student at the Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Faculty of Law) Northwest Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice

ON THE EFFECTIVENESS OF RESTRICTIONS ON FOREIGN LEGAL ENTITIES IN THE FIELD OF LAND RELATIONS

Annotation. The Russian Federation has established a number of restrictions on foreign legal entities in the field of land relations, due to the importance of land as the basis of the life of the Russian people. However, there is currently no common understanding of a foreign legal entity in the

legislative acts regulating land relations, as well as judicial practice. In some cases, the country of establishment of the legal entity is taken into account, while in others, attention is paid to the nationality of the participants in the legal entity. The simultaneous application of several approaches to understanding a foreign legal entity reduces the effectiveness of the established restrictions in relation to them. Based on a comparison of domestic legislation with foreign legislation, the authors come to the conclusion that it is necessary to define the concept of a foreign legal entity in domestic legislation in the field of land relations.

Key words: *land relations, foreign legal entities, personal law, nationality of participants, lifting the corporate veil, effectiveness of legal regulation.*

Законодательство всех стран в наиболее важных сферах общественных отношений устанавливает ограничения в отношении иностранных лиц, допуская к участию в соответствующих отношениях в первоочередном порядке собственных граждан и юридических лиц.

В Российской Федерации, в соответствии с п. 2 ст. 35 Конституции РФ, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и

совместно с другими лицами. Употребляя термин «каждый», законодатель подразумевает не только граждан Российской Федерации, но и иных лиц, в том числе иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц [1, с. 49].

В то же время обращение к отдельным актам земельного законодательства показывает, что в отношении иностранных юридических лиц установлены существенные ограничения (см. таблицу 1).

Таблица 1. Ограничения в отношении иностранных юридических лиц в сфере земельных правоотношений на территории Российской Федерации.

Номер п/п	Наименование нормативного правового акта, статья	Суть изъятия
1	ЗК РФ, ч. 3 ст. 15	иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством о Государственной границе Российской Федерации, и на иных установленных особо территориях Российской Федерации в соответствии с федеральными законами [7].
2	ЗК РФ, ч. 4 ст. 39.4	иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются в собственность исключительно за плату.
3	Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», ст. 3	иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов, могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом [8].

4	Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 1 ст. 11	не допускается заключение договоров купли-продажи, дарения, аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, совершение иных сделок, предусматривающих переход прав собственности, владения и (или) пользования, в отношении земельных участков, предоставленных гражданам в соответствии с настоящим Федеральным законом, и образованных из них земельных участков, в том числе и при совершении последующих сделок, если стороной такого договора, сделки является иностранное государство, международная организация, иностранный гражданин, лицо без гражданства, иностранное юридическое лицо или юридическое лицо, в уставном (складочном) капитале которого имеется доля иностранного государства, международной организации, иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства [9].
5	Федеральный закон «О морских портах в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ч. 2 ст. 28	земельные участки в границах морского порта не могут находиться в собственности иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций [10].

Применительно к сфере земельных отношений Конституционный Суд РФ в одном из своих Постановлений отметил, что установление ограничений в отношении иностранных лиц преследует цель обеспечения суверенных прав Российской Федерации на все ее природные богатства и ресурсы, защиты интересов российской экономики в переходный период, предоставления гарантий российским гражданам и юридическим лицам в виде равных условий конкуренции с иностранным капиталом и тем самым – реализации таким образом ими своего конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [11].

Поэтому следует согласиться с тем, что существующие изъятия в целом не подрывают стабильность гражданского оборота и не лишают полностью иностранных юридических лиц возможности приобрести землю в России [2, с. 66].

Однако из таблицы № 1 следует, что ограничения в сфере земельных отношений в отношении иностранных юридических лиц установлены в различных законодательных актах по-разному: в одних случаях они установлены собственно в отношении иностранных юридических лиц (организаций) (3 акта), а в других – также в отношении юридических лиц, в уставном (складочном) капитале которых имеется определенная доля ино-

странных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства (2 акта).

Одновременное применение законодателем различных подходов к формулированию ограничений в отношении иностранных юридических лиц в сфере земельных отношений ставит вопросы об эффективности правового регулирования и правоприменения, возможности расширительного толкования понятия иностранного юридического лица (организации), причисления к нему также юридического лица, в уставном (складочном) капитале которого имеется определенная доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства, необходимости раскрытия национальности участников таких лиц вплоть до конечного владельца.

Поскольку в самих актах земельного законодательства не раскрываются употребляемые в них понятия иностранного юридического лица, их смысл устанавливается правоприменителем (исполнительными органами власти, судебными органами) при разрешении конкретных ситуаций. При этом возможны два основных подхода к толкованию понятия иностранного юридического лица (организации).

Первый подход состоит в буквальном понимании иностранного юридического лица, через призму его личного закона. В соответствии с п. 1 ст. 1202 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) личный закон юридического лица

определяется в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо учреждено [12]. Соответственно, иностранным юридическим лицом следует признать юридическое лицо, личным законом которого выступает право иностранного государства.

Возможность применения такого подхода подтверждается также обращением к иным законодательным актам.

Так, из ст. 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» следует, что иностранным юридическим лицом является лицо, гражданская правоспособность которого определяется в соответствии с законодательством государства, в котором оно учреждено [13].

В силу абз. 10 ст. 1 Федерального закона «Об экспортном контроле» иностранными лицами являются юридические лица и организации в иной организационно-правовой форме, гражданская правоспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором они учреждены [14].

В соответствии с данным подходом суды отмечают, что «из буквального толкования п. 3 ст. 15 ЗК РФ не следует, что ее диспозиция подлежит расширительному применению по отношению к определению состава учредителей юридического лица, который имеет долю участия в составе хозяйствующего субъекта, имеющего намерение (или реализовавшего его) приобрести в собственность земельный участок, находящийся на приграничных территориях» [15]. Соответствующую статью Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» суды толкуют аналогично: «из буквального толкования статьи 3 Закона № 101-ФЗ не следует, что ее диспозиция говорит о необходимости оценки состава учредителей юридического лица, в свою очередь, учредившего другое юридическое лицо» [16]. Аналогичная позиция высказывается и в иных судебных актах [17].

В другом деле суд мотивировал правомерность предоставления участка сельскохозяйственного назначения истцу-организации, единственным участником которой является российское ООО, учредителями (участниками) которого являются только юридические лица стран происхождения Тайланд, Виргинские острова и Бельгия, следующим образом. Суд отметил, что по смыслу Закона № 101-ФЗ имеет значение именно доля прямого, не косвенного участия иностранных организаций в капитале ООО: «доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью» является «более узким понятием и соответствует только одной из двух составляющих понятия «доля участия одной организации в другой

организации», то есть: «доля прямого участия одной организации в другой организации» [18].

Второй подход состоит в том, что страна учреждения юридического лица не является определяющим признаком. Так, в одном из дел была рассмотрена следующая ситуация. Организация, учрежденная в России, оспорила отказ в предоставлении земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения. При этом из сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, следовало, что ее единственным участником является другое ООО. В свою очередь, это ООО имело двух участников: иное ООО с долей участия - 0,1 %, а также компанию с ограниченной ответственностью с долей участия - 99,9 %. Компания с ограниченной ответственностью являлась иностранной компанией, учрежденной в Республике Кипр, представительство которой включено в государственный реестр аккредитованных филиалов, представительств иностранных юридических лиц. На основе этих данных суд сделал вывод, что удовлетворение заявленных требований фактически означает приобретение иностранным юридическим лицом через истца земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, что не допускается в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [19]. В другом деле истцу также было отказано, поскольку участниками истца являются два российских ООО, которые, в свою очередь, являются юридическими лицами с долей 100% участия иностранного юридического лица - частной компании с ограниченной ответственностью, зарегистрированной и находящейся в Швеции [20].

В деле, касающемся применения ч. 2 ст. 28 Федерального закона «О морских портах в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», суд отказал истцу в признании незаконным решения Росморречфлота, отказавшим ему в предоставлении земельного участка в границах морского порта, поскольку акции АО, являющегося единственным акционером истца, принадлежали иностранной организации, которая имеет право влиять на решения истца [21]. В последующем судом кассационной инстанции это решение было отменено [22], однако нельзя не отметить, что и суд первой, и апелляционной инстанции последовательно развивали идею об иностранном юридическом лице как о лице, влияющем на российское лицо.

Таким образом, при применении второго подхода суды реализуют доктрину «снятия корпоративной вуали». Иначе указанная доктрина именуется «прокалыванием корпоративной завесы», «проникновением под корпоративный покров», «срыванием корпоративной маски» [3, с. 80]. Ее

сущность заключается в возложении ответственности на материнскую компанию за действия ее дочерней компании или отдельных акционеров, директоров и других заинтересованных лиц за действия компании [4, с. 47]. Эта концепция происходит из общего права и применяется в случаях, когда корпоративная личность используется для целей мошенничества, различного рода неправомерного поведения [5, с. 840].

В рассмотренных выше решениях суды отождествляли действия дочерних организаций с их материнскими, усматривая в них признаки неправомерного поведения.

Стоит отметить, что количественно в судебной практике всё же преобладает первый подход, в то время как в практике органов исполнительной власти – второй подход, органы исполнительной власти стремятся снимать корпоративную вуаль юридических лиц и выяснять национальность их конечных владельцев.

Оценка эффективности правового регулирования ограничений в отношении иностранных юридических лиц в сфере земельных отношений невозможна без обращения к зарубежному опыту установления соответствующих ограничений, поэтому далее авторы приводят краткий обзор подходов в зарубежных странах.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что законодательство зарубежных стран избегает неясных формулировок и более конкретно устанавливает ограничения в отношении иностранных юридических лиц.

В Бразилии согласно ст. 1 Закона № 5.709 от 07.10.1971 г. иностранные юридические лица, которым разрешено осуществлять деятельность в Бразилии, могут приобретать сельскую недвижимость только в порядке, предусмотренном настоящим законом. При этом под действие закона попадают бразильские юридические лица, в которых, независимо от основания, участвуют физические или юридические лица-иностранцы, владеющие большинством уставного капитала и проживающие или имеющие штаб-квартиру за границей [23].

В соответствии с подп. 2 п. 7 ст. 3 Закона о собственности и использовании земель сельскохозяйственного назначения Болгарии, не могут приобретать и иметь право на собственность на сельскохозяйственные земли: коммерческие общества, в которых участниками или акционерами являются иностранцы, за исключением физических лиц, указанных в пунктах 4 и 5, или иностранные юридические лица, за исключением лиц, указанных в пунктах 4 и 6, а также индивидуальные коммерческие предприятия, учрежденные такими физическими или юридическими лицами

[24]. При этом по смыслу Закона о торговле Болгарии, «индивидуальными торговыми компаниями» являются хозяйственные общества или товарищества, в которых состоит один участник [25].

Учитывается доля иностранного влияния и в законодательных актах стран англосаксонской правовой семьи. Так, согласно § 55-103 (2); (3) (B) Кодекса штата Айдахо Соединённых Штатов Америки 2024 г. иностранным правительствам и контролируемым иностранными государствами предприятиям запрещается приобретать, получать или владеть контрольным пакетом долей в сельскохозяйственных землях, правах на воду, горнодобывающих участках или правах на полезные ископаемые штата Айдахо. При этом под контрольным пакетом долей понимается или доля владения в организации, превышающая 50%, или доля владения в организации, составляющая 50% или менее, но иностранное правительство руководит бизнесом и делами организации без требования или согласия какой-либо другой стороны [26].

Также в Индии под иностранным юридическим лицом понимается любая компания или юридическое лицо, зарегистрированное за пределами Индии, которое: (а) имеет коммерческое предприятие в Индии самостоятельно или через агента, физически или с помощью электронного способа; и (б) осуществляет любую деловую деятельность в Индии любым другим способом [27]. Под юридическим лицом с прямыми иностранными инвестициями, в свою очередь, подразумевается, участие через инструменты управления капиталом лицом, проживающим за пределами Индии, в индийской компании, не зарегистрированной на бирже; или владение лицом акциями индийской компании, зарегистрированной на бирже. При этом лицам с иностранными инвестициями запрещено осуществлять прямые иностранные инвестиции в организации, занимающиеся бизнесом в сфере недвижимости, под которым в т.ч. подразумеваются совершение сделок с землей [28].

В иных государствах существует прямое указание на применение доктрины «снятия корпоративной вуали» и определение национальности участников юридических лиц. Согласно законодательству Турецкой Республики Северного Кипра, Закону № 52/2008 «Приобретение недвижимого имущества и долгосрочная аренда иностранцами», иностранное юридическое лицо это: а) компания, в которой иностранцы составляют более половины ее директоров и/или акционеров; б) учреждение, организация, общество, фонд, клуб или другое подобное негосударственное образование, в котором большинство голосов принадлежит иностранцам, или которое в той или иной степени контролируется иностранцами [29].

В Республике Сингапур регулирование сформулировано «от обратного». Так, по смыслу Закона о жилой собственности 1976 г. (по его смыслу под жилой собственностью в том числе понимаются земельные участки), иностранным юридическим лицом, в частности, является такое, которое не является:

б) сингапурской компанией: под этим понимается компания, отвечающая следующим требованиям:

- компания зарегистрирована в Сингапуре, и все ее директора и участники являются гражданами Сингапура;
- если какой-либо участник компании является другой компанией, эта другая компания зарегистрирована в Сингапуре, и все ее директора и участники являются гражданами Сингапура;
- если упомянутая в пункте (ii) другая компания имеет участника, который является компанией, у которой, в свою очередь, есть участник, который также является компанией, и так далее, то все участники каждой такой компании состоят исключительно из следующих лиц или их комбинации: а) граждане Сингапура; и б) компании, отвечающие требованиям пунктов (i) и (ii) и т.д. [6]. В приведенном законе также приведены критерии для определения национального товарищества и общества.

В некоторых государствах разделяются понятия иностранного юридического лица и лица с иностранным участием в капитале, и при этом в отношении этих организаций устанавливаются различные правила. Такое регулирование установлено, например, в Китайской Народной Республике. Так, исходя из «Мнений о регулировании привлечения иностранных инвестиций на рынок недвижимости и управлении ими» 2006 г., под иностранными юридическими лицами понимаются организации, зарегистрированные в ином государстве. Нельзя не отметить, что Китаю в данном контексте адаптирована позиция, закреплённая в ГК РФ. Таким организациям запрещено приобретать всякого рода недвижимость. В то же время юридическим лицам со 100% иностранным капиталом, но зарегистрированным в Китае, разрешается это делать (правда, с существенными ограничениями) [30].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В отечественном законодательстве в сфере земельных отношений ограничения в отношении иностранных юридических лиц сформулированы абстрактно, без разъяснения того, какие лица следует понимать иностран-

ными, что вызывает многочисленные споры в правоприменительной практике и не способствует их эффективному применению.

2. В целях повышения эффективности правового регулирования и правоприменения следует перенять опыт зарубежного законодателя и определить в отечественном законодательстве понятие иностранного юридического лица. Предпочтительно раскрыть соответствующее понятие в главном отраслевом акте – ЗК РФ с оговоркой о том, что оно применяется, если специальными законами в сфере земельных отношений не предусмотрено иное.
3. При отнесении юридического лица к иностранному следует применять подход, в соответствии с которым должен приниматься во внимание не только факт учреждения юридического лица за границей, но и должна применяться доктрина «срывания корпоративной вуали» и учитываться национальность участников юридического лица, вплоть до конечных владельцев. Такой подход позволит исключить случаи обхода закона, когда фактически иностранные юридические лица через учреждение на территории России других юридических лиц могут легко обойти установленные в законодательстве запреты.

Список литературы:

- [1] Дихтяр А.И., Селифонова С.Ю. Ограничения прав иностранных лиц на земли сельскохозяйственного назначения: сравнительный анализ законодательства стран - участниц СНГ и ЕврАзЭС // Юридический мир. – 2012. – № 1. – С. 49-51.
- [2] Елисеева И.А. О Реализации иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами права собственности на земельные участки в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2019. - № 8. - С. 65-68.
- [3] Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7. – С. 80-125.
- [4] Alanazi, Badar. (2020). Piercing the corporate veil in various jurisdictions – Principled or unprincipled? – Corporate Board: Role, Duties and Composition. – 16. – 47-53.
- [5] Dobson, J. M. (1986). «Lifting the Veil» in Four Countries: The Law of Argentina, England, France and the United States. –The International and Comparative Law Quarterly 35(4). – 839–863.

[6] Refinements to the Meaning of «Residential Property» under The Residential Property Act // Rajah & Tann Asia. – Client Update: Singapore. – Corporate Real Estate. – July 2023.

[7] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkQoM> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[8] Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkR5i> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[9] Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3QdEir> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[10] Федеральный закон от 08.11.2007 № 261-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkRAG> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3QdDCf> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkQsX> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[13] Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkPwt> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[14] Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об экспортном контроле». – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PkQD2> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[15] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.12.2021 по делу №

A51-18882/2020. – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3Pg9x4> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[16] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.06.2022 по делу № A52-2153/2021. – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PgAAD> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[17] См., например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.05.2021 по делу № A51-3778/2020. – СПС «КонсультантПлюс». – <https://clck.ru/3PgAMf> (дата обращения: 10.01.2026 г.); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.11.2021 по делу № A44-1826/2021. – СПС «КонсультантПлюс». – <https://clck.ru/3PgGhp> (дата обращения: 10.01.2026 г.); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.08.2018 по делу № A56-113145/2017. – СПС «КонсультантПлюс». – <https://clck.ru/3PgGtN> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[18] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.11.2017 по делу № A41-24941/2017. – СПС «КонсультантПлюс». – <https://clck.ru/3PgC4M> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[19] Решение Арбитражного суда Московской области от 22.07.2025 по делу № A41-3714/2025. – PravoTech, 2024. – <https://clck.ru/3PgAqN> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[20] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.04.2019 по делу № A57-30148/2017. – СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3PgBRx> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[21] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2022 г. по делу № A40-58316/19. – PravoTech, 2024. – <https://clck.ru/3PkPFL> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[22] Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2022 г. по делу № A40-58316/2019. – PravoTech, 2024. – <https://clck.ru/3PkPFL> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[23] Lei nº 5.709 de 07/10/1971 URL: <https://www.legisweb.com.br/legislacao/?id=81060> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[24] Закон за собствеността и ползването на земеделските земи (загл. изм. - дв, бр. 14 от 2015 г.) URL: <https://clck.ru/3PfBxZ> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[25] Търговски Закон (обн., ДВ, бр. 48 от 18.06.1991 г., в сила от 1.07.1991 г., изм. и доп., бр. 66 от 1.08.2023 г.) URL: <https://clck.ru/3PfC9i> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[26] Idaho Code § 55-103 (2024) Justia 2025 URL: <https://clck.ru/3PfMNz> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[27] The companies act, 2013. URL: <https://clck.ru/3PpDAv> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[28] Consolidated FDI Policy Circular of 2020. DPIIT File Number 5(2)/2020-FDI. Policy dated October 15, 2020. URL: <https://clck.ru/3PpDGD> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[29] Taşınmaz mal edinme ve uzun vadeli kiralama (yabancılar) yasası içdüzeni (10 Kasım 2008) URL: <https://clck.ru/3Pfv2Y> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[30] Regulations and Restrictions on Foreign Real Estate Property Purchases in China. China Briefing. 04.09.2013. Dezan Shira & Associates. URL: <https://clck.ru/3Pp7Ft> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

References:

[1] Dikhtyar A.I., Selifonova S.Yu. Restrictions on the rights of foreign persons to agricultural land: a comparative analysis of the legislation of the CIS and EurAsEC member countries//Legal world. – 2012. – № 1. – S. 49-51.

[2] Eliseeva I.A. On the Exercise by Foreign Citizens and Foreign Legal Entities of Ownership of Land Plots in the Russian Federation//Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2019. – № 8. – S. 65-68.

[3] Budylin S.L., Ivanets Yu.L. Tearing off the covers. The doctrine of removing the corporate veil in foreign countries and in Russia//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. – № 7. – S. 80-125.

[4] Alanazi, Badar. (2020). Piercing the corporate veil in various jurisdictions – Principled or unprincipled? – Corporate Board: Role, Duties and Composition. – 16. – 47-53.

[5] Dobson, J. M. (1986). «Lifting the Veil» in Four Countries: The Law of Argentina, England, France and the United States. –The International and Comparative Law Quarterly 35(4). – 839–863.

[6] Refinements to the Meaning of «Residential Property» under The Residential Property Act // Rajah & Tann Asia. – Client Update: Singapore. – Corporate Real Estate. – July 2023.

[7] Land Code of the Russian Federation No. 25.10.2001 dated 136-FZ (as amended 31.07.2025). – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PkQoM> (accessed 10.01.2026).

[8] Federal Law No. 24.07.2002 of 101-FZ (as amended 26.12.2024) “ On the Turnover of Agricultural Land.” – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PkR5i> (accessed 10.01.2026).

[9] Federal Law No. 01.05.2016 of 119-FZ (as amended 31.07.2025) “ On the Specifics of Granting Land Plots to Citizens in State or Municipal Ownership and Located in the Arctic Zone of the Russian Federation and in Other Territories of the North, Sibe-

ria and the Far East of the Russian Federation, and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3QdEir> (accessed 10.01.2026).

[10] Federal Law No. 261-FZ of 08.11.2007 (as amended 23.05.2025) “ On Seaports in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PkRAG> (accessed 10.01.2026).

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.04.2004 No. 8-P “In the case of checking the constitutionality of the Land Code of the Russian Federation in connection with the request of the Murmansk Regional Duma.” – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3QdDCf> (accessed 10.01.2026).

[12] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended 08.08.2024). – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PkQsX> (accessed 10.01.2026).

[13] Federal Law No. 09.07.1999 of 160-FZ (as amended 08.08.2024) “ On Foreign Investments in the Russian Federation.” – ConsultantPlus. – URL: <https://clck.ru/3PkPwt> (accessed 10.01.2026).

[14] Federal Law No. 18.07.1999 of 183-FZ (as amended 26.03.2022) “ On Export Control.” – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PkQD2> (accessed 10.01.2026).

[15] Decision of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 14.12.2021 in case No. A51-18882/2020. – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3Pg9x4> (accessed 10.01.2026).

[16] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District dated 09.06.2022 in case No. A52-2153/2021. – SPS “ConsultantPlus.” – URL: <https://clck.ru/3PgAAD> (accessed 10.01.2026).

[17] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 04.05.2021 in case No. A51-3778/2020. – SPS “ConsultantPlus.” – <https://clck.ru/3PgAMf> (accessed: 10.01.2026); Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 22.11.2021 in case No. A44-1826/2021. – SPS “ConsultantPlus.” – <https://clck.ru/3PgGhp> (accessed: 10.01.2026); Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 16.08.2018 in case No. A56-113145/2017. – SPS “ConsultantPlus.” – <https://clck.ru/3PgGtN> (accessed 10.01.2026).

[18] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 08.11.2017 in case No. A41-24941/2017. – SPS “ConsultantPlus.” – <https://clck.ru/3PgC4M> (accessed 10.01.2026).

[19] Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region of 22.07.2025 in case No. A41-3714/2025. – PravoTech, 2024. – <https://clck.ru/3PgAqN> (accessed 10.01.2026).

[20] Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 01.04.2019 in case No. A57-

30148/2017-SPS "ConsultantPlus." - URL: <https://clck.ru/3PgBRx> (accessed 10.01.2026).

[21] Judgment of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 18.07.2022 in case No. A40-58316/19. – PravoTech, 2024. -<https://clck.ru/3PkPFL> (accessed 10.01.2026).

[22] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 25.10.2022 in case No. A40-58316/2019. – PravoTech, 2024. -<https://clck.ru/3PkPFL> (accessed 10.01.2026).

[23] Lei nº 5.709 de 07/10/1971 URL: <https://www.legisweb.com.br/legislacao/?id=81060> (accessed 10.01.2026).

[24] The law is for property and is half-called on the zemstvo zemstvo (zdel. rev. - dv, br. 14 dated 2015) URL: <https://clck.ru/3PfBxZ> (accessed: 10.01.2026).

[25] Targovsky Law (Obn., DV, br. 48 dated 18.06.1991, valid from 1.07.1991, rev. and additional,

br. 66 dated 1.08.2023) URL: <https://clck.ru/3PfC9i> (accessed date: 10.01.2026).

[26] Idaho Code § 55-103 (2024) Justia 2025 URL: <https://clck.ru/3PfMNz> (accessed 10.01.2026).

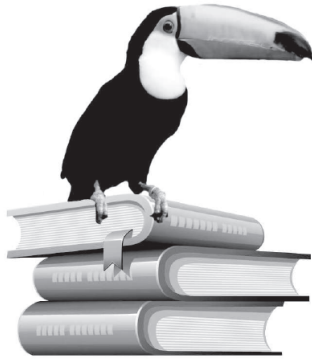
[27] The companies act, 2013. URL: <https://clck.ru/3PpDAv> (accessed 10.01.2026).

[28] Consolidated FDI Policy Circular of 2020. DPIIT File Number 5(2)/2020-FDI. Policy dated October 15, 2020. URL: <https://clck.ru/3PpDGD> (accessed 10.01.2026).

[29] Taşınmaz mal edinme ve uzun vadeli kiralama (yabancılar) yasası içdüzeni (10 Kasım 2008) URL: <https://clck.ru/3PfV2Y> (дата обращения: 10.01.2026 г.).

[30] Regulations and Restrictions on Foreign Real Estate Property Purchases in China. China Briefing. 04.09.2013. Dezan Shira & Associates. URL: <https://clck.ru/3Pp7Ft> (accessed 10.01.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-261-266

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЕГОРОВ Геннадий Геннадьевич,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции и психологии
Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»,
e-mail: egorov@vgi.volsu.ru

ИГНАТОВА Каринэ Эдуардовна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции и психологии
Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»,
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волжского филиала ОЧУ ВО «Московский юридический институт»,
e-mail: ignatova.ke@vgi.volsu.ru

МЕДИАПЛАТФОРМЫ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ МИГРАНТАМ

Аннотация. В рамках реализации миграционной политики создаются специализированные медиагруппы и медиасообщества, объединяющие людей по этническому, национальному, религиозному или иному признаку, что существенно способствует налаживанию социальных связей. Данные медиаплатформы служат каналом для обеспечения доступа к правовой и социальной помощи, а социальная сеть выступает посредником между мигрантом и юристом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь. В качестве примера стоит выделить сервис «СберПраво», который активно использует публичные каналы в Telegram или «ВКонтакте» для информирования широкой аудитории о возможностях получения платной юридической поддержки, включая вопросы, релевантные для иностранных граждан.

Ключевые слова: миграционная политика, иностранный гражданин, мигрант, правовая помощь, медиаплатформы.

EGOROV Gennady Gennadievich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Law and Psychology Volga Branch of the Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education
Volograd State University

IGNATOVA Karine Eduardovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Law and Psychology Volga Branch of the Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education Volgograd State University,
Associate Professor of the Department of Theory of Law and State and
Legal Disciplines Volga Branch of the Moscow Law Institute

MEDIA PLATFORMS AS A WAY TO PROVIDE ACCESS TO LEGAL AID FOR MIGRANTS

Annotation. As part of the implementation of migration policy, specialized media groups and media communities are being created, bringing together people based on their ethnicity, nationality, religion, or other characteristics, which significantly contributes to the establishment of social connections. These media platforms serve as a channel for providing access to legal and social assis-

tance, and the social network acts as an intermediary between the migrant and a lawyer who provides qualified legal assistance. As an example, it is worth highlighting the «SberPravo» service, which actively uses public channels in Telegram or VKontakte to inform a wide audience about the possibilities of obtaining paid legal support, including issues relevant to foreign citizens

Key words: migration policy, foreign citizen, migrant, legal assistance, media platforms.

Для урегулирования правового статуса иностранцев в России разработана достаточно полная законодательная база, основу ее составляет Конституция Российской Федерации, которая устанавливает, что каждый иностранный гражданин, законно находящийся на территории государства, имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства и место пребывания. Практика показывает, что разработка оптимальных механизмов регулирования и прогнозирования миграционных процессов требует не только постоянного мониторинга количественного состава въезжающих в нашу страну мигрантов, но и контроля законности их въезда, пребывания (проживания) и трудоустройства [1].

На наш взгляд, необходимо сосредоточиться и на практике совершенствовании мер в сфере использования цифровых коммуникационных механизмов взаимодействия мигрантов, в первую очередь, с целью предоставления им правовой информацией и правовой помощи. Медиаплатформы выступают универсальным средством оказания помощи иностранным гражданам, находящимся на территории Российской Федерации. В этих целях создаются специально направленные группы и сообщества, которые объединяют людей по этническому, национальному, религиозному, профессиональному или иному признаку. Деятельность данных объединений существенно способствует налаживанию социальных связей и организации взаимовыручки. В рамках сообществ осуществляется поиск возможностей трудоустройства и жилья, а также предоставляются консультативные сведения, касающиеся легализации пребывания.

Одно из направлений социальных медиаплатформ – служение в качестве канала, обеспечивающего доступ к социальной и правовой помощи. Через них распространяются контактные данные квалифицированных юристов и некоммерческих организаций, специализирующихся на оказании содействия мигрантам.

С юридической точки зрения, данные отношения подпадают под регулирование норм гражданского права и Федерального закона «О некоммерческих организациях». Примером правоотношений, где социальная сеть выступает посредником между мигрантом и лицом, оказывающим юриди-

ческую помощь, является практика предоставления юридических консультаций в коммерческом секторе. Ряд крупных банковских и технологических структур, как, например, сервисы «СберПраво», активно используют публичные каналы в Telegram или «ВКонтакте» для информирования широкой аудитории о возможностях получения платной юридической поддержки, включая вопросы, релевантные для иностранных граждан. Данные цифровые платформы выступают крупными игроками в сфере медиакommunikации, которые имеют свой функционал, оказывающий прямое и косвенное социальное влияние [1].

Приведем пример деятельности международных некоммерческих организаций, которые используют социальные платформы для распространения правовой информации о процедурах интеграции. Например, чешские интеграционные центры и аналогичные европейские структуры активно используют Facebook и другие доступные платформы для публикации официальных инструкций, бланков и контактов для мигрантов, демонстрируя транснациональный характер цифровой поддержки. (Ссылка на конкретную НКО, использующую социальные сети для мигрантов: информация о работе подобных центров, например, организаций в Чехии или Германии, регулярно публикуется в новостных источниках и отчетах о миграции). Таким образом, социальные сети выступают саморегулируемым механизмом, компенсирующим формализм государственных сервисов.

Несмотря на бесспорные преимущества, которые предоставляет неформальная цифровая среда для самоорганизующейся адаптации, функционирование указанных платформ сопряжено со значительным комплексом юридических и социальных рисков. Одной из наиболее серьезных проблем, возникающих в данном контексте, является неконтролируемое распространение недостоверной информации, получившей общее наименование «фейки».

В условиях, когда иностранные граждане находятся в состоянии информационного дефицита и остро нуждаются в получении оперативных и актуальных сведений, они становятся исключительно уязвимыми перед воздействием дезинформации. Подобная уязвимость может инициировать совершение правовых нарушений, стать причиной попадания в схемы мошенничества, или

спровоцировать ошибочные действия, которые в итоге существенно осложняют процесс их легализации и успешной адаптации в принимающем обществе.

Предполагаемое достижение высокого уровня доступности широкополосного интернета (согласно стратегическим планам, планируется достичь 97% домохозяйств к 2030 году) не выступает в качестве абсолютной гарантии наличия у мигрантов необходимых навыков критической оценки и верификации получаемой информации. Вследствие этого, цифровое неравенство приобретает более сложную форму и проявляется не столько в физическом отсутствии доступа к технологиям, сколько в недостаточном уровне цифровой грамотности. Данный дефицит знаний делает мигрантов легкой мишенью для манипуляций и злоупотреблений.

В юридическом аспекте, правоотношения, возникающие в результате дезинформации, могут быть связаны с уголовной ответственностью за мошенничество (статья 159 Уголовного кодекса РФ) или с административной ответственностью за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений (статья 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Примером правового регулирования, направленного на борьбу с фейками в неформальной среде, является Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ, внесший изменения в закон об информации и КоАП, установив ответственность за распространение ложных сведе-

ний. Необходимость повышения цифровой грамотности мигрантов, таким образом, становится юридически значимым условием для обеспечения их безопасного пребывания.

Существует фундаментальный разрыв между формальной адаптацией, которая осуществляется через централизованные и контролируемые государственные платформы, и реальной социальной адаптацией, которая происходит в децентрализованных и неформальных каналах. Государство, в рамках своей стратегии, предоставляет официальную, проверенную, но часто ограниченную по функционалу информацию. Социальные сети, напротив, предлагают живую, актуальную и доверительную информацию, которая, однако, не всегда достоверна.

Этот разрыв представляет собой серьезный вызов для эффективной интеграционной политики. Государственные органы, ориентированные на контроль и порядок, создают инфраструктуру, которая, несмотря на свою технологичность, может быть воспринята мигрантами как отчужденная и недоверительная. В то же время мигранты, осуществляя поиск социальной поддержки, обращаются к каналам, которые не гарантируют достоверности информации. Таким образом, эффективная политика адаптации должна учитывать этот разрыв и искать пути его сокращения, а не просто игнорировать или бороться с неформальной средой, к примеру сравнительная популярность социальных сервисов представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Популярность и использование социальных сетей и мессенджеров в России (на основе данных 2022 г.)

Платформа	Доля пользователей (%)	Частота использования (практически ежедневно)	Динамика с 2021 г.
WhatsApp	87%	67%	Рост
YouTube	75%	43%	Рост
«ВКонтакте»	62%	35%	Рост
Telegram	55%	35%	Значительный рост
«Одноклассники»	42%	15%	Стабильно
Instagram*	25%	9%	Сокращение вдвое

Facebook*	11%	2%	Сокращение вдвое
*Запрещены в России			

Концептуальная модель, реализуемая Российской Федерацией в отношении цифровизации миграционных процессов, определяется доминирующим централизованным и государственно-ориентированным управлением. Основные стратегические инициативы, включающие формирование единой цифровой платформы «ГосТех» и разработку комплексного «цифрового профиля мигранта», отражают приоритетный акцент на обеспечении государственного контроля над миграционными потоками и достижении стратегической технологической независимости.

Указанный подход к цифровизации вступает в резкий контраст с децентрализованными, гражданско-ориентированными моделями, которые применяются в ряде иностранных юрисдикций. В последних ключевая роль в обеспечении цифровой адаптации принадлежит некоммерческим и общественным организациям.

Для иллюстрации альтернативной модели можно привести пример Чешской Республики. Там Некоммерческие организации (НКО), а именно Centrum pro integraci cizinců (CIC) и Sdružení pro integraci a migraci (SIMI), активно используют открытые цифровые платформы (включая официальные веб-сайты и социальные медиа, как, например, Facebook) для предоставления всесторонней юридической, социальной и языковой помощи иностранным гражданам. Данные организации осуществляют распространение актуальной информации, организуют просветительские и интеграционные мероприятия и содействуют созданию сообществ взаимопомощи, позиционируя цифровые каналы как первичный инструмент поддержки и интеграции, а не как механизм государственного контроля и надзора.

Российская модель базируется на публично-правовом регулировании и административном контроле (как показано в предыдущих разделах), тогда как чешская модель акцентирует внимание на гражданско-правовых отношениях и роли институтов гражданского общества.

Правоотношения в рамках чешской модели строятся на принципах негосударственной поддержки. Деятельность НКО в Чехии, направленная на цифровую адаптацию, регулируется их уставами и законодательством о некоммерческих организациях (например, чешский Гражданский кодекс и закон о социальных услугах), а также европейским законодательством о защите персо-

нальных данных (GDPR). Примером таких отношений является публикация CIC или SIMI на своих веб-сайтах и страницах в социальных сетях инструкций по получению вида на жительство, трудоустройству или медицинскому страхованию. Данные материалы часто содержат ссылки на официальные чешские органы власти, но распространяются и интерпретируются третьей стороной, действующей в интересах мигранта. Таким образом, различие проявляется в субъектном составе и целеполагании регулирующих правоотношений: контроль со стороны государства в РФ против содействие со стороны НКО в Чехии.

Российская Федерация использует гибридную модель цифровой адаптации мигрантов, которая не является примером «чистого» централизованного контроля. В рамках этой модели происходит сосуществование двух функционально различных сред: официальной, государственной инфраструктуры, созданной для обеспечения упрощения административных процедур и одновременного усиления надзорной деятельности, и неформальной, самоорганизующейся среды, представленной социальными медиаплатформами и мессенджерами.

Государственные цифровые платформы фокусируют свое действие исключительно на формальной стороне адаптации, что включает получение необходимых документов и обеспечение легализации пребывания иностранного гражданина. В то же время, социальные сети выполняют функцию удовлетворения потребностей в неформальной, повседневной интеграции — поиске социальных контактов, обмене практическим опытом и получении неформальных консультаций.

С.В. Рзаева характеризует процесс медиа-адаптации мигранта через восприятие сетевого этнонационального сообщества как сложившуюся совокупность информационно-коммуникационных практик взаимодействия, которая основывается на взаимном доверии и обусловлена этнонациональными корнями, родством, соседством, дружбой или землячеством, что делает процесс социальной адаптации мигранта комфортным и безопасным [3].

Будущее эффективной цифровой адаптации критически зависит от способности государственного аппарата выстроить эффективное взаимодействие с указанной неформальной средой.

Потенциальные векторы включают установление партнерских отношений с некоммерческими организациями (НКО), а также адаптацию механизмов предоставления официальной и достоверной информации для размещения в популярных мессенджерах. В противном случае, при стремлении к исключительному тотальному контролю, существует значительный риск отторжения пользователей от официальных каналов и, как следствие, подрыва доверия к государственным источникам сведений.

Сотрудничество государства с НКО в сфере информирования мигрантов регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», который создает правовую основу для государственного финансирования и поддержки деятельности НКО, занимающихся социальными услугами.

Однако, в части использования мессенджеров для официального информирования, российское законодательство устанавливает жесткие ограничения. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ (и соответствующие изменения в КоАП РФ) прямо запрещает ряду субъектов, включая государственные органы и госкомпании, использовать иностранные мессенджеры для передачи персональных данных граждан и информирования о платежах, что создает серьезный правовой барьер для полноценного использования популярной среди мигрантов платформ (например, WhatsApp, Telegram) в официальных целях.

Примером правоотношений, демонстрирующих попытку контроля за информированием, является именно указанный Закон № 41-ФЗ, который ограничивает возможности органов государственной власти по доступу к широкой аудитории мигрантов в неформальной среде, тем самым сужая гибридную модель и подчеркивая приоритет технологического суверенитета над удобством коммуникации. В результате, потенциал эффективного взаимодействия с неформальной средой через мессенджеры юридически ограничен.

На основании всестороннего анализа взаимодействия государственных цифровых сервисов и неформальной коммуникативной среды в контексте адаптации мигрантов, представляется возможным формулирование ряда стратегических рекомендаций, имеющих юридическую и управленческую значимость.

Прежде всего, возникает необходимость в разработке государственной стратегии по взаимодействию с неформальными цифровыми сообществами иностранных граждан. Официальное признание их роли в процессе социальной и культур-

ной адаптации является критическим условием для построения эффективной гибридной модели. Признание должно выражаться в создании правовых механизмов партнерства между государственными органами и общественными структурами, активно работающими в цифровой среде.

Во-вторых, императивом является повышение прозрачности функционирования официальных государственных сервисов. Необходимо обеспечить предоставление четких, исчерпывающих и понятных объяснений относительно процедур сбора, хранения и использования персональных данных пользователей. Только за счет такой открытости возможно развеять опасения мигрантов касательно установления тотального государственного контроля и восстановить необходимое доверие к официальным источникам информации.

В-третьих, требуется существенное улучшение юзабилити и расширение многоязычности официальных мобильных приложений, включая сервисы, подобные «ruID». Эти приложения должны стать интуитивно понятными для широкого круга пользователей, имеющих различный уровень цифровой грамотности, что является условием для обеспечения равного доступа к государственным услугам.

В-четвертых, необходимо расширение функционального наполнения цифровых платформ. Сервисы должны включать в себя не только административные функции (учет, легализация), но и аспекты социально-культурной адаптации. Функционал следует дополнить информационными модулями о курсах русского языка, культурных и образовательных мероприятиях, общественных центрах и возможностях получения дополнительного образования и профессиональной подготовки.

Необходимость прозрачности сбора данных является конституционным требованием и закреплена в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», который обязывает оператора предоставлять субъекту ясные сведения о целях и способах обработки его данных.

Примером правоотношений, демонстрирующих возможность государственного взаимодействия с неформальной средой, является практика предоставления государственных грантов социально ориентированным некоммерческим организациям (СО НКО). Указ Президента РФ от 8 августа 2024 г. № 570 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций до 2030 года» подчеркивает важность поддержки НКО, которые, в свою очередь, могут использовать цифровые каналы для оказания услуг мигрантам.

В частности, НКО, получившие гранты, могут создавать официальные чат-боты или группы в популярных мессенджерах для распространения достоверной правовой информации и проведения цифрового обучения, что позволит государству косвенно влиять на неформальную среду, не нарушая при этом запрет на прямое использование иностранных мессенджеров для госорганов. (Источник: Указ Президента РФ от 08.08.2024 N 570 - информация доступна в справочно-правовых системах). Реализация многоязычности в официальных сервисах, в свою очередь, является прямым требованием к обеспечению доступности правосудия и государственных услуг для лиц, не владеющих русским языком.

Интеграция цифровых сервисов и социальных медиаплатформ в сферу миграции демонстрирует двойственную природу их воздействия на процесс адаптации иностранных граждан в Российской Федерации. С одной стороны, функционирование государственных электронных платформ обеспечивает преимущественно формальную, административную адаптацию, что выражается в существенном упрощении бюрократических процедур и одновременной реализации стратегического курса на усиление государственного контроля над миграционными потоками. С другой стороны, социальные сети и мессенджеры поддерживают неформальную, социальную адаптацию, способствуя самоорганизации миграционных сообществ и развитию механизмов взаимопомощи.

Следует подчеркнуть, что адаптация представляет собой не только административно-правовой, но и глубоко социальный, многоаспектный процесс. Следовательно, для обеспечения его успешности, эффективная цифровая среда должна обеспечивать адекватную поддержку обеим составляющим. Дальнейшее развитие цифровых технологий, ориентированных на контингент мигрантов, будет прямо зависеть от успешного достижения правового и технического баланса между целями государственного контроля и задачами поддержки социальной интеграции.

Асимметрия, где государство фокусируется на контроле, используя такие инструменты, как «цифровой профиль мигранта», а общество – на поддержке, используя Telegram-каналы для юридических консультаций, отражает существующий разрыв между публичным и частным интересами. Для обеспечения юридически и социально устойчивой модели требуется интегративный подход.

Успешная государственная политика в данной области должна основываться на принципах конвергенции усилий государства, частного сектора и гражданского общества. Конечная цель заключается в создании гибридной модели, в

которой официальные сервисы будут органично дополнены гибкими и, что критически важно, доверительными неформальными каналами коммуникации. Примером правоотношений, реализующих подобное объединение, может служить опыт Санкт-Петербурга или Москвы, где НКО (например, центры по работе с мигрантами, получающие государственные гранты) создают официальные информационные ресурсы в сети «ВКонтакте», верифицированные как государством, так и сообществом. Это позволяет доносить достоверную правовую информацию (например, о порядке получения патента или регистрации) до мигрантов в привычной для них цифровой среде, используя доверие к общественным структурам. Реализация взаимодействия через гибридные каналы является ключевым условием для трансформации адаптации в полноценный интеграционный процесс.

Список литературы:

[1] Мельникова, С. В. О трансформации документов стратегического планирования в сфере предупреждения преступлений, связанных с организацией незаконной миграции / С. В. Мельникова // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 124-128. – DOI 10.24412/2414-3995-2023-2-124-128. – EDN LLIHTP.

[2] Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты / Д. П. Гавра, Е. В. Акимович, В. А. Ачкасова [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. – 384 с. – ISBN 978-5-7422-9071-1. – DOI 10.18720/SPBPU/2/id25-258. – EDN YXFKZJ.

[3] Рзаева С.В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптация мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. №395. С. 60–66.

References:

[1] Melnikova, S.V. On the transformation of strategic planning documents in the field of preventing crimes related to the organization of illegal migration/S.V. Melnikova//Bulletin of Economic Security. – 2023. – № 2. - S. 124-128. – DOI 10.24412/2414-3995-2023-2-124-128. – EDN LLIHTP.

[2] Mediatization of sociality in a platform society: processes and effects/D. P. Gavra, E. V. Akimovich, V. A. Achkasova [et al.]. - St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025. - 384 p. - ISBN 978-5-7422-9071-1. – DOI 10.18720/SPBPU/2/id25-258. – EDN YXFKZJ.

[3] Rzaeva S.V. Ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society: on the concept and structure//Bulletin of Tomsk State University. 2015. №395. S. 60-66.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-267-271

ШИПИЛО Константин Владимирович,
Аспирант 3 – го курса очной формы обучения
кафедры гражданского права и процесса АТусО,
e-mail: kvsh76@yandex.ru

Научный руководитель:
ШАГИЕВ Булат Васильевич,
к.ю.н., доцент, профессор кафедры
гражданского права и процесса АТусО,
e-mail: la150762@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ СДЕЛОК СУБЪЕКТАМИ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В последнее десятилетие в России неуклонно растет количество некоммерческих корпоративных организаций. Применяемая сегодня в России система организационно-правовых форм хозяйственной деятельности, введенная в основном Гражданским кодексом Российской Федерации, включает 4 формы предпринимательства без образования юридического лица, 7 видов коммерческих организаций и 14 видов некоммерческих организаций. Высшим органом таких корпоративных НКО является съезд, конференция или общее собрание. В них могут быть сформированы другие руководящие органы такие как президент, совет директоров, директор, председатель, контрольно – ревизионный орган. В корпоративных НКО, с момента их создания возникают особые корпоративные отношения по поводу природы которых до сих пор ведутся научные споры. Каждый участник (член) таких корпораций наделен правами и обязанностями, закрепленными в общем виде в статье 65.2 ГК РФ и конкретизированными в других подзаконных актах, например уставах, кодексах профессиональной этики. Эти права и обязанности не связаны с выполнением участником корпорации трудовых функций и носят организационно – правовой, имущественный, обязательственный характер. Комплексный характер корпоративных отношений участников НКО предполагает возникновение различных разногласий, конфликтов по поводу совместного принятия решений. В науке, юридической литературе и судебной практике такие разногласия принято называть корпоративными спорами, т.е. спорами о субъективных правах и об обязанностях корпоративного юридического лица и (или) ее учредителей (членов). В данном исследовании автор остановился на оспаривании сделок, совершенных некоммерческими корпорациями, а именно крупных сделок и сделок с заинтересованностью. В заключении предложены пути преодоления таких корпоративных споров.

Ключевые слова: корпоративные некоммерческие организации, крупные сделки, сделки с заинтересованностью, высший коллегиальный орган, кворум, участник корпорации, оспаривание сделки, недействительность сделки, одобрение сделки, юридические лица, коммерческие, некоммерческие организации, судебные решения, предпринимательская деятельность, ассоциации (союзы), устав НКО.

SHIPILO Konstantin Vladimirovich,
Third-year full-time postgraduate student,
Department of Civil Law and Procedure, ATiSO

Scientific supervisor:
SHAGIEV Bulat Vasilovich,
PhD in Law, Associate Professor, Professor,
Department of Civil Law and Procedure, ATiSO

CHALLENGING CERTAIN TYPES OF TRANSACTIONS BY ENTITIES IN CORPORATE RELATIONS IN NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Annotation. Over the past decade, the number of non-profit corporate organizations has been steadily growing in Russia. The current system of organizational and legal forms of business activity in Russia, introduced primarily by the Civil Code of the Russian Federation, includes four types of entrepreneurship without forming a legal entity, seven types of commercial organizations, and 14 types of non-profit organizations. The highest body of such corporate NPOs is a congress, conference, or general meeting. They may also have other governing bodies, such as a president, board of directors, director, chairman, and an audit body. From the moment of their creation, special corporate relationships have emerged in corporate non-profit organizations, the nature of which continues to be the subject of scholarly debate. Each participant (member) of such corporations is endowed with rights and obligations, generally enshrined in Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation and specified in other bylaws, such as charters and codes of professional ethics. These rights and obligations are not related to the performance of the corporation's member's labor functions and are organizational, legal, property, and obligation-based. The complex nature of corporate relationships between NPO participants presupposes the emergence of various disagreements and conflicts over joint decision-making. In scholarship, legal literature, and judicial practice, such disagreements are commonly referred to as corporate disputes, i.e., disputes over the subjective rights and obligations of a corporate legal entity and/or its founders (members). In this study, the author focuses on challenging transactions concluded by non-profit corporations, specifically major transactions and related-party transactions. The conclusion offers suggestions for overcoming such corporate disputes.

Key words: corporate non-profit organizations, major transactions, interested-party transactions, supreme collegial body, quorum, corporation participant, challenging a transaction, invalidity of a transaction, approval of a transaction, legal entities, commercial, non-profit organizations, court decisions, entrepreneurial activity, associations (unions), NPO charter.

Конституционные принципы экономического развития России в настоящее время предполагают свободу предпринимательской деятельности всеми субъектами права. Основным субъектом укрепления экономики являются юридические лица. Несмотря на их законодательное разнообразие, закрепленное в ГК РФ и других законах, организационно – правовые формы юридических лиц (организаций) постоянно совершенствуются и расширяются в связи с возникновением новых направлений деятельности гражданского общества и государства в целом. Основные критерии классификации юридических лиц заложены в статьях 50, 65.1 ГК РФ, которые предполагают деление на коммерческие, некоммерческие, корпоративные и унитарные юридические лица. Несмотря на цели, формы, направления деятельности все юридические лица и организации без образования юридического лица могут заниматься предпринимательской деятельностью определенных видов.

В последнее десятилетие в России неуклонно растет количество некоммерческих корпоративных организаций: «...Применяемая сегодня в России система организационно-правовых форм хозяйственной деятельности, введенная в основном Гражданским кодексом Российской Федерации, включает 4 формы предпринимательства без образования юридического лица, 7 видов коммер-

ческих организаций и 14 видов некоммерческих организаций...» [1, с. 62]. Это неудивительно, потому что социальная направленность и свобода предпринимательской деятельности должны учитывать публично – правовые и частно – правовые интересы нашего общества. Значительная часть некоммерческих организаций (далее НКО) являются корпоративными. А это значит, что учредители (участники) обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с законом или уставом организации. Как правило высшим органом таких корпоративных НКО является съезд, конференция или общее собрание. В них могут быть сформированы другие руководящие органы такие как президент, совет директоров, директор, председатель, контрольно – ревизионный орган. В корпоративных НКО, с момента их создания возникают особые корпоративные отношения по поводу природы которых до сих пор ведутся научные споры. Каждый участник (член) таких корпораций наделен правами и обязанностями, закрепленными в общем виде в статье 65.2 ГК РФ и конкретизированными в других подзаконных актах, например уставах, кодексах профессиональной этики. Эти права и обязанности не связаны с выполнением участником корпорации трудовых функций и носят организационно – правовой, имущественный, обязательственный характер. Комплексный характер

корпоративных отношений участников НКО предполагает возникновение различных разногласий, конфликтов по поводу совместного принятия решений. Потому что все наиболее важные организационно – правовые, функциональные, имущественные и решения наиболее важного для корпорации характера принимает общее собрание или другой высший коллегиальный орган.

В науке, юридической литературе и судебной практике такие разногласия принято называть корпоративными спорами, т.е. спорами о субъективных правах и об обязанностях корпоративного юридического лица и (или) ее учредителей (членов) [2, 535]. Более узкое определение корпоративных споров предлагают и другие авторы, например: «...под корпоративными спорами следует понимать те корпоративные конфликты, споры, которые:

- возникают вследствие создания юридического лица;
- связаны с управлением юридическим лицом организацией;
- проявляются в связи с участием в коммерческом корпоративном юридическом лице, а также некоммерческой организацией, связывающей субъекты малого и среднего, крупного предпринимательства;
- обусловлены созданием, управлением или участием в других некоммерческих корпорациях и наиболее часто рассматриваются в арбитражных судах...» [3, 370]. Этим перечнем корпоративные споры не ограничиваются, но по данным статистики Верховного Суда РФ, приведенной на его официальном сайте с 2022 по 2025 годы на первом месте по количеству рассмотренных дел стоят споры, связанные с принадлежностью акций и долей участия, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав. На втором месте рассмотренные дела о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу и на третьем споры о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом.

В данном исследовании необходимо остановиться на оспаривании сделок, совершенных некоммерческими корпорациями. в России неуклонно идет укрупнение корпоративных НО и собрать на съезд, конференцию или общее собрание всех членов корпорации практически невозможно. Выход из положения, закрепленный в уставах многих НО – это кворум, т.е. необходимое количество присутствующих. Кворум как правило достигается, когда присутствуют 50 % плюс один член высшего коллегиального органа. Если кворума нет принимать решение об одобрении крупной сделки нельзя. Если кворум все - таки достиг-

нут, то происходит голосование, при котором три четверти голосов присутствующих на собрании должны быть за одобрение сделки. Но это в прошлом, а с появлением информационных технологий (дистанционные электронные платформы, электронные подписи, другие технологические приспособления) этот процент надо увеличивать с целью исключения оспаривания. Закон не устанавливает количество отсутствующих, но допускает проведение голосования в заочной форме, путем опроса. И тут опять возникает особенность решения на одобрение крупных сделок. Потому что существует так называемое прямое одобрение, т.е. перед совершением сделки последующее одобрение, когда сделка уже совершена. ГК РФ не запрещает заключать договоры и совершать сделки фактически с последующим оформлением (статьи 10, 166, 157.1, 173.1 ГК РФ). Такие ситуации возникают чаще всего, конечно, в коммерческих корпорациях, но и в корпоративных НО их тоже много, потому что некоторые из них действуют через коммерческие юридические лица (ассоциации(союзы)). В указанных статьях нет четких критериев признания сделки недействительной (ничтожной или оспоримой) и все отдается на откуп судебной системы. Как правило такие организации в рамках своей функциональной направленности не предназначены для коммерческой деятельности, но вынуждены в некоторых случаях ей заниматься. Например, приобретать или отчуждать недвижимое и движимое имущество. В рамках обычной хозяйственной деятельности оказывать услуги, совершать работы, производить товары. Некоторые некоммерческие НКО не имеют права совершать любые сделки, например, ассоциации(союзы), но они могут одобрять совершение сделок, созданными ими другими юридическими лицами коммерческой и некоммерческой направленности. Одобрение коллегиальным органом на совершение таких действий требуют, как правило крупные сделки и сделки с заинтересованностью. Крупные сделки – это сделки, по аналогии с коммерческими корпорациями и их законодательством, балансовая стоимость активов (далее БСА) которых превышает от 10 до 25 процентов активов корпорации. Но здесь обычно корпоративных споров и оспариваний не возникает, потому что механизм их совершения закреплен в законах и уставах организаций. И если возникает такой спор, то только в рамках нарушения процедур проведения общего собрания, оповещения участников, подсчета голосов, наличия кворума (более 50 процентов участников корпорации). Такой спор и оспаривание крупной сделки может возникнуть и по поводу получения одобрения на ее совершение. Так как такое одобрение может быть предварительным,

перед совершением сделки, но последующим, полученным уже после ее совершения. Здесь представляет интерес крупные сделки, совершенные путем заключения нескольких взаимосвязанных, не выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности. Их характеризует однородность и взаимосвязь, которую иногда трудно проследить. «...определение понятия «взаимосвязанные сделки», не имеет своего закрепления в законе и не содержится ни в одном из нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу правоотношений... законодатель не дает четкого определения понятия «обычная хозяйственная деятельность организации», поэтому зачастую возникает вопрос: сделка, которая была совершена без согласия общего собрания организации, характерна ли для осуществления обычной хозяйственной деятельности и осуществлена ли в ее рамках?...» [4, 180].

В корпоративных НКО сделки обычной хозяйственной деятельности совершает руководитель единолично в рамках своих обязанностей и усмотреть какую – либо связь и последовательность в перерастании череды обычных сделок в одну крупную довольно трудно. В последнее время, несмотря на конституционный правовой уклон нашего государства, решение всех спорных вопросов возлагается на суды. Существующие правовые нормы подлежат судебному толкованию на основании Пленумов Верховного Суда РФ с целью единообразного их применения. Но это негативная практика, потому что если суды применяют норму права по своему усмотрению, то она не совершенна и надо ее дорабатывать. В параграфе 2 «Недействительность сделок» ГК РФ почти все нормы содержат только описание недействительных сделок, а признание их недействительными все равно возлагается на суды. По корпоративным спорам и оспариванию сделок существует Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 года, в котором общими фразами разъясняются положения касающиеся недействительности сделок, совершенных без необходимого согласия (одобрения) корпорации. Обязанность по доказыванию недействительности сделки ложиться на истца, оспаривающего сделку. И если оно знало или должно было знать о принятии решения на одобрение сделки в последующем, а сделка была уже совершена, то суды признают сделку состоявшейся и действительной. В этом же документе разъясняется о том, что суды должны проверить и исследовать были ли нарушены интересы корпоративного НКО, и если не нарушены, то сделка тоже признается действительной даже при наличии незначительных нарушений.

В главе 28.1 АПК РФ указан порядок рассмотрения корпоративных споров и приводится их перечень, но он далек от совершенства. В нем не упоминаются отношения, возникающие в некоммерческих корпорациях, а например, в приведенном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 к корпоративным спорам были отнесены споры, вытекающие из деятельности государственных и муниципальных унитарных предприятий. Такая неразбериха не способствует правосудию, а увеличивает число безнаказанных судебных ошибок и судебному делопроизводству. Например, по делу № А13-3405/200 судами первой, апелляционной и кассационной инстанций был неправильно квалифицирован спор. Суть дела заключалась в том, что заявителем было физическое лицо – участник корпоративной организации, который обратился с требованием к самой организации, о признании сделки с продажей недвижимого имущества организации недействительной и об исключении его из списка участников. Суды трех инстанций отказывали заявителю на основании того, что данный спор не может квалифицироваться как корпоративный и должен быть рассмотрен в суде общей юрисдикции. На что Президиум тогда еще существовавшего Высшего Арбитражного суда, сказал, что так как спор возник из корпоративных отношений между субъектами корпоративных правоотношений, то и рассматриваться они должны в Арбитражном суде по правилам рассмотрения корпоративных споров, отправив дело на новое рассмотрение [5, 20].

Сделки с заинтересованностью в законодательстве и на практике характеризуются по - разному. Потому что сама по себе сделка и совершается, потому что в ней кто - то заинтересован. Но одно дело, когда заинтересована вся или большая часть корпорации и другое, когда заинтересован руководитель, контролирующий орган, член органа управления (его родственник). Такие сделки выделяются в отдельную группу, потому что они могут вызвать конфликт интересов. Здесь должен соблюдаться особый порядок принятия решения одобрения такой сделки. Но в этом случае должна предварительно уведомить всех незаинтересованных членов корпорации, профсоюза о предстоящей сделке. После этого решение принимается высшим органом управления корпорации или контролирующим органом (попечительским советом, исполнительным комитетом, генеральным советом, общим собранием) состоящим только из незаинтересованных членов корпорации. Решение принимается большинством голосов незаинтересованных членов. Одобрение может быть предварительным или последующим, т.е. отличие от одобрения на совершение крупных

сделок отличается тем, что в данном случае не учитывается величина (БСА). Также такая сделка должна иметь отличие от обычной хозяйственной, повседневной сделки, соответствующей целям и задачам данной корпорации.

В заключении необходимо отметить, что корпоративные отношения имеют значительные особенности и отличаются от просто коллективных трудовых отношений, гражданско – правовых, хотя возникают одновременно. ГК РФ в статье 63.2 прописывает общие права и обязанности участника корпорации, хотя их можно дополнить и конкретизировать другими подзаконными актами (уставом, кодексом профессиональной этики). Член корпорации обязан участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений. В корпоративных НО участники не получают прибыли от совершенных сделок, но обязаны коллективно принимать решения по их одобрению. Этот процесс достаточно урегулирован подзаконными актами, но требует доработки в связи с постоянно возникающими прецедентами в судебной практике. В связи с появлением новых средств связи, информационных технологий необходимо пересмотреть устоявшуюся практику организационно – процедурных вопросов принятия решений по одобрению сделок (кворум, большинство голосов и другие формальности) в сторону увеличения и активности. Например, увеличение процентного состава кворума общего собрания до 80 процентов за счет дистанционных технологий, из них решение одобряется не тремя четвертями проголосовавших, а 90 процентов голосов.

Список литературы:

- [1] Колдаев Д.Г. Коммерческие и некоммерческие организации: особенности, критерии классификации / Д.Г. Колдаев // Журнал: Научные записки молодых исследователей. – 2015. - № 5. С. 61 – 64.
- [2] Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник / 8-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. – 752 с.
- [3] Валиуллина Э.Р. Особенности рассмотрения отдельных категорий корпоративных споров.

Материалы XXIII Всероссийской ежегодной научно-практической конференции студентов, посвященной Году научно-технологического развития в Республике Татарстан: Право и суд в современном мире. – Казань: Издательство: Отечество. - 2024г. - С. 369 – 374.

[4] Демин П.М. К вопросу об особенностях совершения крупных сделок. IV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция. Российский государственный гуманитарный университет: Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: От теории к практике. – М.: Издательство: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». – 2021. – С. 176 -183.

[5] Сулейманова Е.Ю. Понятие корпоративных споров и место обеспечительных мер в их системе / Ю.Е. Сулейманова // Журнал: Юридический факт. – 2021. - № 152. – С. 16 -22.

References:

- [1] Koldaev D.G. Commercial and non-profit organizations: features, classification criteria/D.G. Koldaev//Journal: Scientific notes of young researchers. – 2015. - № 5. S. 61-64.
- [2] V.V. Yarkov. Arbitration process: textbook/8th ed., revised. and add. M.: Statute, 2021. - 752 s.
- [3] E.R. Valiullina. Peculiarities of consideration of certain categories of corporate disputes. Materials of the XXIII Annual Scientific and Practical Conference of Students dedicated to the Year of Scientific and Technological Development in the Republic of Tatarstan: Law and Court in the Modern World. - Kazan: Publishing house: Fatherland. - 2024 - S. 369-374.
- [4] Demin P.M. On the issue of features of major transactions. IV All-Russian student scientific and practical conference. Russian State University for the Humanities: Youth Scientific Potential in 21st Century Jurisprudence: From Theory to Practice. - M.: Publishing house: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State University for the Humanities." – 2021. - S. 176 -183.
- [5] Suleymanova E.Yu. The concept of corporate disputes and the place of interim measures in their system/Yu.E. Suleymanova//Journal: Legal fact. – 2021. - № 152. - S. 16 -22.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-272-278

ВЕРБИЦКИЙ Богдан Александрович,
Аспирант (ИЗуСП),
магистр частного права (РШЧП),
e-mail: Bogdanverbitskoy@mail.ru

ТОВАРОРАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Автором данного исследования посредством следования от категориальных истоков обозначенного правового института к частным проявлениям его использования участниками гражданских правовых отношений путем выявления первичных и вторичных квалифицирующих признаков товарораспорядительных ценных бумаг, установления выполняемых последними функций и проведения их соотношения со смежными правовыми институтами, установления состава удостоверяемых исследуемым институтом имущественных ценностей осуществляется установление общих положений товарораспорядительных ценных бумаг.

Ключевые слова: товарораспорядительные ценные бумаги, коносамент, складское свидетельство, видимость права, абстрактность ценных бумаг, каузальность ценных бумаг.

VERBITSKII Bogdan Aleksandrovich,
PhD student (The Institute of Legislation and Comparative Law),
MA (Russian School of Private Law)

COMMODITY SECURITIES: GENERAL PART

Annotation. The author of this article, by following from the origins of the designated legal institution to the particular manifestations of its use by participants in civil legal relations, by identifying the primary and secondary characteristics of commodity securities, their functions and relationships with related legal tools, and by establishing the composition of the property values certified by the instrument under study, carries out a reduction of the general provisions of securities of title.

Key words: commodity securities, bill of lading, warehouse receipts, prima facie, abstractness of securities, causality of securities.

Введение

На заре генезиса товарораспорядительных ценных бумаг господствовала их квалификация в качестве разновидности ценных бумаг в узком смысле (далее – ЦБ) как в зарубежном, так и отечественном гражданском праве, то в настоящее время имеют место также и иные (отличные от приведенной) вариации квалификации таких документов. Между тем от разрешения вопроса о правовой природе последних зависит приоритетный для защиты правопорядком интерес (должника либо кредитора), например, в случае исполнения формально легитимированному документом лицу, не являющемуся действительным обладателем удостоверяемого им права, должником: если такой документ является ценной бумагой, то посредством исполнения владельцу документа должник освобождается от обязательства, а если не является – тогда обязательство должника

перед действительным обладателем удостоверяемого документом имущественного права не считается прекращенным. Также не получил должного освещения в отечественной доктрине состав удостоверяемых товарораспорядительными ценными бумагами имущественных ценностей, от определения которого зависит ответ на вопрос о правовом положении формально легитимированного данным документом лица, в частности в случае необходимости противопоставления последним своего имущественного притязания на представляемую документом вещь иным посягающим на нее лицам. Таким образом, проблема определения правовой природы товарораспорядительных ценных бумаг и проблема установления количественного и качественного состава удостоверяемых ими имущественных ценностей представляют собой две ключевые проблемы правовой квалификации данных документов.

Основная часть исследования.

Термин «товарораспорядительные ценные бумаги» не упоминается в действующем российском гражданском законодательстве и используется в доктрине для обозначения так называемых «товарораспорядительных документов» (далее по тексту – «ТРЦБ»). Последние в таком именовании закреплены в положениях ст. 224 ГК РФ, приравняющей «к передаче вещи передачу коносамента или иного товарораспорядительного документа на него». Так, посредством несложной логической операции, применив правила о системном и буквальном толковании гражданского законодательства, в частности произведя соотношение п. 2 ст. 147 ГК РФ, определяющего коносамент ценной бумагой, и п. 3 ст. 224 ГК РФ, содержащего указание коносамента как одного из возможных ТРЦБ, можно прийти к выводу о принадлежности коносамента к ЦБ и ТРЦБ, и, как следствие, о соотношении первых и последних как родового и видового правовых институтов. Приведенная квалификация поддерживается преобладающим большинством (за редким исключением [1, с. 8-9]) отечественных правоведов [2; 3; 4], останавливающихся на совокупном прочтении и буквальном толковании приведенных выше положений ГК РФ. Помимо коносамента, ГК РФ закрепляет еще два товарных документа, которые признает ЦБ, а равно простое и двойное складское свидетельство (вместе именуемые – «складские свидетельства»). Другие товарные документы, способные быть ЦБ, аналогично другим континентальным правовым порядкам, современное российское позитивное право не знает.

Вместе с тем далеко не все именуемые законодателем ЦБ документы надлежит полагать ЦБ в их истинной инструментальной семантике (ЦБ в узком смысле), а лишь те, которые обладают соответствующими признаками и, как следствие, выполняют доказательственную, легитимационную, распорядительную функции, посредством чего достигается генеральная функция – достаточность обладания данными документами для осуществления и передачи удостоверяемых ими имущественных прав. Между тем прежде проведения правовой квалификации ТРЦБ на предмет их относимости к ЦБ (в узком смысле) надлежит отграничить их от других товарных документов, в частности посредством выделения микро-функций, выполняемых ТРЦБ в имущественном обороте. Указанные функции не имеют явной артикуляции в позитивном праве, а выводятся из признаков, с наличием которых закон связывает признание того или иного документа ценной бумагой. В связи с этим обратимся к доктрине.

Первые попытки формулирования инструментальной телеологии в отечественном право-

вом поле были предприняты М. М. Агарковым, концептуально определившим: «[ТРЦБ] называется такой документ, передача которого приравнивается к передаче представляемого им товара» [5].

Схожим образом определяли назначение ТРЦБ и зарубежные современники правоведа, однако факт отождествления передачи бумаги с передачей вещи объясняли по-разному. Например, Ч. Виванте видел в передаче ТРЦБ один из возможных способов передачи владения вещью, указывая на производный (опосредованный) характер такого владения относительно фактического господства лица над вещью (непосредственного владения) и справедливо квалифицируя его в качестве *constitutum possessorium* (соглашение об установлении владения, далее – СР) со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями в контексте экстраординарных ситуаций, в том числе двойной продажи товара, на который выдана ТРЦБ: так, если А заключил договор купли-продажи с В и С, передав В ТРЦБ на товар, а С вручив сам товар, то притязание С получит приоритет и он станет собственником, а В останется довольствоваться взысканием убытков с А [6]. Вывод Виванте в полной мере соответствует одному из правил защиты участника оборота (применительно к приобретению движимой вещи), полагавшегося на видимость права, в соответствии с которым осуществляющее непосредственное владение вещью лицо получает защиту преимущественно над осуществляющим опосредованное владение лицом, а также большую степень резистентности (в сравнении с последним) к эвентуальным виндикационным требованиям. И коль скоро принцип защиты видимости права, получивший весьма широкое распространение во всей континентальной Европе и полную содержательную реализацию, при конкуренции двух индивидуально-определенных обязательств всегда отдает предпочтение обретшему фактическое господство над вещью лицу, то и воспринятая модель купли-продажи тем или иным правовым порядком не будет иметь определяющего значения при выборе правовым порядком лица, чьим интересам он отдаст приоритет.

В этой связи крайне любопытным представляется разрешение данного вопроса в рамках воплощенного французским правовым порядком принципа соглашения постольку, поскольку в соответствии с положениями Art. 1138 ФГК «обязательство продавца по передаче вещи считается состоявшимся, коль скоро выражено согласие договаривающихся сторон». Первое приближение приведенных положений французского позитивного права дает основания полагать, что переход права собственности совпадает с моментом

достижения соглашения, что лишь отчасти является корректным суждением. Право собственности, действительно, возникает на стороне покупателя, однако имеет относительный эффект до момента оглашения [7; 8] такого перехода, в частности для движимых вещей посредством передачи непосредственного владения. Так, договор купли-продажи вбирает в себя как обязывающую, так и распорядительную сделки, но последняя есть не что иное, как растворенное в обязательственной сделке СР, в связи с чем в момент достижения соглашения владение покупателя есть опосредованное владение и, как следствие, имеет исключительно относительный эффект. Следовательно, даже в рамках принципа соглашения, воплощенного французским правовым порядком, при заключении продавцом договора купли-продажи с двумя лицами право собственности возникнет у лица, получившего фактическое господство над вещью. Данный вывод подтверждается и А. Ваке [9].

Таким образом, как договор купли-продажи без фактической передачи вещи, так и передача ТРЦБ на нее есть основания для опосредованного владения, а равно имеющего лишь для сторон соответствующих обязательств юридическое значение, лишенное при отсутствии оглашения абсолютного эффекта (в данном случае – вещного).

Таким образом, наличие ТРЦБ на товар без фактического обладания последним не представляет приоритет в защите позитивного интереса формально легитимированному бумагой лицу относительно притязаний других лиц на товар в экстраординарных ситуациях, в том числе при многократной продаже такой вещи имеющим распорядительную власть лицом приоритет получит фактически завладевший добросовестный покупатель или пусть и не получивший непосредственное владение, однако достигший консенсуса с продавцом прежде покупателя, либо при приобретении от не имеющего распорядительной власти лица защиту получит интерес собственника, обратившегося в суд с виндикационным иском.

Непротивопоставимость ТРЦБ в экстраординарных ситуациях обнажает их меньшую эффективность в сравнении правовыми инструментами, удостоверяющими родовые обязательства, в частности документарными денежными ЦБ, в которых удалось наиболее полно воплотить следование удостоверяемого ценной бумагой права (посредством его материализации) юридической судьбе самого документа. В последних позитивный интерес формально легитимированного добросовестного лица получает абсолютный приоритет над притязаниями иных лиц, посягающих на удостоверяемое документом имуществен-

ное право. В том числе по этой причине французский цивилист М. Таллер не относил ТРЦБ к числу ЦБ [10].

Между тем конкуренция притязаний на один объект нескольких участников оборота есть аберрация для имущественного оборота, а ординарным является обладание и обмен существующими объектами гражданских прав на основании транслятивного и/или конститутивного правопреемства добросовестными участниками имущественного оборота, в связи с чем противопоставимость как одна из функций публичного характера ЦБ не является ключевой.

В первую очередь ЦБ (в узком смысле) есть форма жизни имущественного права, а) позволяющая в упрощенном относительно иных способов уступки имущественного права, в частности цессии, порядке распоряжаться последними, и, как следствие, б) обеспечивающая высокую динамику оборота объектов гражданских прав. И коль скоро функционально эталонным образцом основоположниками классической теории ЦБ был выбран вексель как инструментально наиболее эффективный с точки зрения придания имущественному праву и, как следствие, его объекту оборачиваемости институт, то и иные документы, удостоверяющие имущественные права, потребность в высокой динамике обмена которыми наличествовала в гражданско-правовом обороте, получали именованное «ценные бумаги» и наделялись известными признаками. В свою очередь, инструментальное редуцирование документов, опосредующих распоряжение имеющими овеществленное выражение объектами имущественных прав, до функционала классических ЦБ требовало от того или иного правового порядка наделения таких документов дополнительными признаками, способными нивелировать невозможность выполнения всего фактического состава, в том числе передачи непосредственного владения вещью, требуемой позитивным правом для осуществления передачи права собственности. А поскольку объем фактического состава, выполнение которого необходимо для полного перехода права собственности, а равно имеющего абсолютный эффект, зависит от воспринятой тем или иным правовым порядком модели купли-продажи, то и количественный состав наполняющих ТРЦБ имущественных прав имеет прямую корреляцию с последней.

В рамках правовых порядков, избравших принцип соглашения, достаточным для выполнения документом распорядительной функции является наделение его способностью удостоверить опосредованное владение вещью, что подтверждается и показанным нами выше пониманием содержания ТРЦБ Ч. Виванте. Аналогичным образом определяет содержание ТРЦБ и французская док-

трина [11]. В свою очередь, удостоверение ТРЦБ лишь опосредованного владения не является достаточным для придерживающихся принципа разъединения правовых систем: наряду с договором купли-продажи как обязывающей сделкой требуется совершение распорядительной сделки в форме передачи непосредственного владения вещью.

Вместе с тем абсолютность обретает значение лишь в случаях, когда покупатель намеревается осуществить распорядительную власть в отношении вещи в правоотношениях с третьими относительно его обязательства с продавцом лицами, а также при необходимости противопоставить свои притязания на приобретаемую вещь притязаниям третьих лиц. При этом крайне важной в ординарных ситуациях является возможность сторон договора купли-продажи признать переход права собственности состоявшимся, пусть такое правопреемство и будет иметь лишь относительный эффект до момента оглашения, что позволит сконструировать обязательство, учитывающее интересы обеих сторон (договориться о распределении рисков, в частности при объективной невозможности исполнения обязательства продавцом в связи со случайной гибелью вещи). И если в рамках принципа соглашения такая возможность создается самим позитивным правом, то участникам правопорядков, придерживающихся принципа разъединения, приходится прибегать к суррогату распорядительной сделки - СР. Последнее в момент его совершения (по смыслу § 930 ГГУ, § 924 ШГУ) требует наличия у продавца непосредственного владения отчуждаемой вещью, в связи с чем для установления производного владения покупателя посредством документа необходимо удостоверение им не только опосредованного владения вещью, но также и создание фикции непосредственного владения вещью у формально-легитимированного ТРЦБ лица. Следовательно, придание документу распорядительной функции в отношении вещи в рамках придерживающихся принципа разъединения правопорядков возможно исключительно при приравнивании передачи такого документа к передаче фактического владения вещью, что в Германии достигается с помощью формулы: «[ТРЦБ] удостоверяет как опосредованное, так и непосредственное владение вещью», в Швейцарии – ТРЦБ удостоверяет не только непосредственное и опосредованное владение вещью, но и права собственности на последнюю. Таким образом, количественный состав удостоверяемых ТРЦБ имущественных правомочий имеет прямую корреляцию с воспринятой тем или иным правопорядком моделью купли-продажи. В свою очередь, каждый отдельный элемент состава имущественных пра-

вомочий, удостоверяемых ТРЦБ, а именно: 1) опосредованное владение, 2) непосредственное владение и 3) право собственности именуются в доктрине «имущественной ценностью» [13].

Между тем в зависимости от количества последних, заключенных позитивным правом в один распорядительный документ, принято говорить о следовании правопорядком I) строго относительной (ТРЦБ удостоверяет опосредованное владение), II) умеренно относительной (ТРЦБ удостоверяет а) опосредованное и б) непосредственное владение) либо III) абсолютной теории (ТРЦБ удостоверяет а) опосредованное и б) непосредственное владение, с) право собственности). Каждая теория посредством наделения документа приведенными имущественными ценностями стремится создать прочную связь между юридическими судьбами распорядительного документа и удостоверяемого ТРЦБ имущественного притязания, пытаясь добиться наиболее полного их симбиоза, в качестве эталонного образца используя классические ЦБ, в которых слияние документа и заключенного в него имущественного права абсолютно, что обеспечивается невозможностью передачи и осуществления последнего без обладания первым, что, однако, (применительно к ТРЦБ) осложняется особенностями установления, осуществления и отчуждения прав на вещи как объекты гражданских прав.

Отдельное внимание следует обратить на основные доктринальные подходы к определению функционального количественного и качественного состава ТРЦБ. Признание примата значимости распорядительной функции и отсутствие детальной разработки (применительно к распорядительным документам) доказательственной и легитимационной функций сохраняли актуальность до середины XX века, с которой совпала разработка международных нормативно-правовых актов, закрепляющих правила применения в коммерческом обороте ТРЦБ, импульсом для чего послужила достигшая высокой динамики международная торговля. Однако международные и гармонизированные с ними национальные нормативно-правовые акты допускали категориальную диффузию: ТРЦБ стали наделяться позитивным теми функциями, которые не соответствуют телеологии ценных бумаг, что привело к затруднительности их правовой квалификации, снижению правовой определенности и, как следствие, затруднительности квалификации формально легитимированным лицом содержания принадлежащего ему притязания и снижению вероятности достижения позитивного интереса, коррелирующего с осуществлением удостоверяемого такой бумагой права.

Западные цивилисты (преимущественно немецкие) выводили из положений позитивного права следующие функции: доказательственную, информационную, распорядительную, расписки в получении товара, блокировочную, легитимационную [15], последнюю, между тем, полагая единственной функцией ТРЦБ, роднящей его с классической ценной бумагой. Однако последняя, как было показано нами ранее, выполняет также доказательственную и распорядительную функции, поэтому и проведение дистинкции между ценными бумагами и ТРЦБ в связи с принадлежностью последним обозначенных функций не представляется корректным. Кроме того, ряд функций в рамках приведенного выше перечня надлежит соотносить друг с другом как род и вид, например, доказательственную и информационную, доказательственную и расписки в получении товара (о соотношении указ. категор. далее). По причине отмеченного нами крайне точным догматически видится сведение функционала ТРЦБ к аналогичной для классических ценных бумаг инструментальной телеологии, что и было впервые в отечественной доктрине произведено А. С. Кокиным. Однако далеко не все правоведы солидарны с последним.

Например, О. Г. Неверов отмечает: «товарораспорядительные документы (в отлич. от ценных бумаг) содействуют ускорению торгового оборота и упрощению кредитных и расчетных операций» [12]. Данный аргумент представляется неубедительным, коль скоро указанный правовед при формулировании признаков товарораспорядительных документов привел все те, что характеризуют и классическую ценную бумагу, например, удостоверение документом имущественного права, возможность распоряжаться последним посредством распоряжения документом. Кроме того, О. Г. Неверов отождествляет ТРЦБ с договором, указывая на отсутствие «абстрактности» первого относительно договорных отношений, в рамках которых он выдается. Однако абстрактность не является квалифицирующим признаком ЦБ. Последние лишь создают публичную достоверность договорных правоотношений как основания для возникновения удостоверяемого ими имущественного права и, как следствие, видимость последнего, которое при передаче ценной бумаги следует юридической судьбе последней и переходит к добросовестному ее приобретателю в том объеме, который вытекает из ее (ценной бумаги) содержания. Переход либо возникновение права у добросовестного приобретателя в большем объеме, нежели существующий в рамках служащего основанием для выдачи ценной бумаги договора, связаны с защитой правопорядком добросовестных участников оборота, разумно

полагающихся на видимость права (его наличие и полноту) и получающих его в соответствующем (содержанию документа) объеме, а не с так называемой «абстрактностью». Кроме того, ТРЦБ (подобно классическим ЦБ) являются хотя и приоритетной, однако не единственной формой осуществления удостоверяемого ими имущественного права. Также противопоставление ценной бумаги и ТРЦБ можно обнаружить в трудах А. Г. Калпина. Такое соотношение является некорректным и может проистекать из отождествления его авторами ТРЦБ с товарными документами. В свою очередь, надлежащей является квалификация ТРЦБ как одной из разновидностей товарных документов.

Товарно-транспортные документы не используются для осуществления распорядительной власти в отношении товара, на который они выданы, и из присущих ТРЦБ функций могут выполнять лишь доказательственную. Обеспечение видимости права в рамках института ТРЦБ не исчерпывается 1) приданием последними публичного характера определенному договорному правоотношению, в частности (применительно к консументу) посредством признания данного документа достаточным доказательством заключения договора морской перевозки груза, а проявляется еще и в 2) оглашении таким документом факта приемки перевозчиком товара.

Приемка перевозчиком товара является в индивидуально-определенных обязательствах одним из ключевых юридических фактов, в частности позволяющих установить принадлежность риска случайной гибели или повреждения объекта той или иной стороне правоотношения, во исполнения которого вещь передается (в данном случае – доставляется) от ее предыдущего правообладателя к его правопреемнику посредством перевозчика: так, в большинстве европейских правопорядков, в частности в отечественном – передачей признается (в том числе и) «сдача перевозчику для отправки приобретателю или сдача в организацию связи для пересылки приобретателю вещей, отчужденных и без обязательства доставки». Аналогичное правило содержится и в Венской конвенции 1980 г. Кроме того, помимо перераспределения риска случайной гибели или повреждения объекта известного индивидуально-определенного обязательства, факт приемки товара перевозчиком выполняет еще две функции: А) Приемка товара зачастую знаменует собой возникновение юридического эффекта договора перевозки, коль скоро последний (по общему правилу) по своей правовой природе является реальным договором, в связи с чем наступление его обязывающего действия связано с моментом полного выполнения следующего юридического

состава: согласованных волеизъявлений его сторон (консенсуса) и передачи вещи;

Б) Приемка товара перевозчиком есть односторонняя правоустанавливающая сделка, образующая в совокупности с другой односторонней сделкой - передачей товара грузоотправителем – СР. Последний имеет юридическую силу изначально для перевозчика и грузоотправителя и далее, если удостоверяющая такое опосредованное владение ТРЦБ была передана грузоотправителем другому лицу, между последним и перевозчиком. И поскольку фактический состав СР включает в себя не только консенсус, но и достижение непосредственного владения вещью одной стороны (применительно к коносаменту – перевозчика), которая в соответствии с условиями такой распорядительной сделки будет осуществлять владение для другой стороны (опосредованного владельца (грузоотправителя либо последующих формально легитимированных коносаментом лиц), то при действительности данного вещного договора наличие вещи как объекта известного индивидуально-определенного обязательственного правоотношения презюмируется. Такая презумпция, находя отражение в ТРЦБ, создает видимость (для ознакомившихся с содержанием последнего лиц) валидности объекта прав (вещи) и распорядительной власти на него у формально легитимированного данным документом лица, что и позволяет редуцировать доказательственный потенциал ТРЦБ к классической ценной бумаге. В складских свидетельствах доказательственная функция раскрывается подобным образом. Последняя имманентно присуща инструментальной телеологии всех ЦБ (в том числе и распорядительных), в первую очередь, создающих видимость объекта прав, а равно его публичность (в чем и проявляется собственно доказательственная функция), во вторую очередь, позволяющих посредством легитимационной функции осуществлять притязание на такой объект прав любому (формально легитимированному) обладающему данной формой его (объекта прав) жизни (ценной бумагой) лицу, в третью очередь, осуществлять распорядительную власть в отношении объекта прав, определяя юридическую судьбу такого документа (распорядительная функция).

Легитимационная функция раскрывается (подобно классическим ЦБ) в активной и пассивной функциях. Данная функция (применительно к коносаменту как ТРЦБ) нашла позитивно-правовое закрепление в положениях ст. 158 КТМ. Между тем (подобно классическим ЦБ) коносамент должен отвечать требованиям формальной легитимации, в том числе способу легитимации обладателя документа. Из приведенных в положениях ст. 148 КТМ коносаментов к ЦБ (в узком смысле) над-

лежит отнести 1) коносамент на предъявителя, 2) ордерный коносамент, 3) именной коносамент, передаваемый по именным передаточным надписям. В свою очередь, именной коносамент, передаваемый по правилам об уступке права требования (цессии), есть ректа-бумага, в связи с чем его отнесение к ЦБ (в узком смысле) и, как следствие, к ТРЦБ некорректно. В свою очередь, простое складское свидетельство и двойное складское свидетельство являются предъявительской и ордерной товарораспорядительными ценными бумагами соответственно.

Заключение

ТРЦБ выполняют аналогичные ЦБ (в узком смысле) функции – доказательственную, легитимационную, распорядительную. Несостоятельным представляется любое функциональное противопоставление ЦБ товарораспорядительных документов. В связи с чем надлежит поставить знак равенства между ценными бумагами и товарораспорядительными документами, а также корректно именовать последние «товарораспорядительными ценными бумагами».

Список литературы:

- [1] Калпин А.Г. Роль коносамента при перевозке груза морем // Актуальные вопросы международно-гомерского права и торгового мореплавания. М., 1984. - 340 с.
- [2] Иванов Г.Г. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации. М.: Юрайт, 2008. – 890 с.
- [3] Кокин А.С. Международная морская перевозка груза: право и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 765 с.
- [4] Белов В.А. Передача права собственности на товар путем передачи товарораспорядительного документа // Законодательство. 1998. № 3. С. 23 – 47.
- [5] Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. / М. М. Агарков – Москва: Финанс. изд-во НКФ СССР, 1927. – 166 с.
- [6] С. Vivante. Trattato di diritto commerciale // v.iii, 1924 – С. 102-114;
- [7] Aynes L., Crocq P. Op.cit. P. 282 – 298.
- [8] Zenati-Castaing F., Revet T. Les biens. 4-e ed. Paris, 2008 P. 456.
- [9] Вакс А. Приобретение права собственности покупателем в силу простого соглашения или лишь вследствие передачи вещи? О расхождении путей рецепции и его возможном преодолении // Цивилистические исследования. Сборник научных трудов памяти профессора И.Н. Федорова. - М.: Статут, 2004, Вып. 1. С. 133 – 147.
- [10] Thaller M.E. De la nature juridique du titre de credit. Contribution a une etude generale sur le

droit des obligations (Dette abstraite, acteunilateral, delegation) 1907 (Extrait les Annales de Droit commercial, étrangeret international, 1906-1907).

[11] Thaller Percerou, Traite de droit commercial, 1925.

[12] Неверов О.Г. товарораспорядительные документы в торговом обороте: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 210 с.

References:

[1] Kalpin A.G. The role of the bill of lading in the carriage of goods by sea//Current issues of international Homorean law and merchant shipping. M., 1984. – 340 s.

[2] Ivanov G.G. Commentary to the Merchant Shipping Code of the Russian Federation. M.: Yurayt, 2008. – 890 с.

[3] Kokin A.S. International carriage of goods by sea: law and practice. 2nd ed., Revised and add. M.: Infotropic Media, 2012. – 765 с.

[4] Belov V.A. Transfer of ownership of goods by transfer of a document of title//Legislation. 1998. № 3. С. 23 – 47.

[5] Agarkov M. M. The Doctrine of Securities /M. M. Agarkov - Moscow: Finance. Publishing House of the NKF USSR, 1927. – 166 с.

[6] C. Vivante. Trattato di diritto commerciale // v.iii, 1924 – С. 102-114;

[7] Aynes L., Crocq P. Op.cit. P. 282 – 298.

[8] Zenati-Castaing F., Revet T. Les biens. 4-e ed. Paris, 2008 P. 456.

[9] Wake A. The acquisition of ownership by the buyer by mere agreement or by mere transfer of a thing? On the divergence of reception paths and its possible overcoming//Civil studies. Collection of scientific works in memory of Professor I.N. Fedorov. - M.: Statute, 2004, Vol. 1. С. 133 – 147.

[10] Thaller M.E. De la nature juridique du titre de credit. Contribution aune etude generale sur le droit des obligations (Dette abstraite, acteunilateral, delegation) 1907 (Extrait les Annales de Droit commercial, étrangeret international, 1906-1907).

[11] Thaller Percerou, Traite de droit commercial, 1925.

[12] Neverov O.G. documents of title in trade: Diss.... cand. jurid. sciences. - M., 2001. - 210 с.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-279-288

ГОЛУБЦОВА Оксана Анатольевна,
кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2428-3642,
e-mail: gragov777@mail.ru

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу сложной и динамично развивающейся правовой среды, регулирующей трансграничные потоки данных (ТПД) в контексте глобальной цифровой экономики. Отмечается, что, несмотря на критическую роль ТПД в международной торговле, их перемещение сталкивается с растущими ограничениями, обусловленными конкуренцией стандартов и экстерриториальным применением законодательства, что приводит к ужесточению требований локализации данных. Исследование рассматривает ключевые аспекты правового регулирования, включая защиту персональных данных (на примере GDPR), безопасность, прозрачность и ответственность. Выделяются три основных подхода к контролю ТПД: полный запрет, ограничения (например, необходимость получения разрешений или соответствия «адекватному» уровню защиты) и наличие исключений. Проводится компаративный анализ четырех типологических моделей регулирования ТПД: либеральной (США, Сингапур), условной (ЕС, Япония), ограничительной/локализационной (Китай, РФ) и гибридной. Анализ опыта Азии показывает, как регуляторы стимулируют развитие цифровых экосистем через стандартизацию (SGFinDex) или государственно-рыночный симбиоз (China BigTech). Особое внимание уделено политике либерализации, закреплённой в таких соглашениях, как CPTPP и USMCA, и ее положительному экономическому влиянию (повышение объемов цифровой торговли, снижение издержек). Однако либерализация сталкивается с серьезными препятствиями, в частности, с конфликтом конституционных основ защиты прав, ярко проиллюстрированным серией судебных дел Schrems (ЕС против США). Этот конфликт между фундаментальным правом на конфиденциальность в ЕС и требованиями национальной безопасности в США создает хроническую правовую неопределенность. Для оценки регуляторного давления используется методология Индекса ограничений цифровой торговли (DTRI) от ECIPE, которая выявляет значительную внутреннюю гетерогенность даже в рамках условной модели ЕС, где ключевые страны (Германия, Франция) применяют более жесткие меры. Доминирующей тенденцией является усиление государственного контроля над ТПД. Регуляторные различия, особенно между либеральными и локализационными режимами, формируют фрагментированную глобальную архитектуру, которая препятствует полной гармонизации цифровой торговли.

Ключевые слова: трансграничные потоки данных, регулирование, модель, цифровая экономика, международная торговля, законодательство о защите данных.

GOLUBTSOVA Oksana Anatolyevna,
Candidate of economic sciences, associate professor,
ORCID 0000-0003-2428-3642

MODELS OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER DATA FLOWS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. This article is dedicated to analyzing the complex and dynamically evolving legal environment governing Cross-Border Data Flows (CBDF) within the global digital economy. It is noted that, despite the critical role of CBDF in international trade, their movement faces growing restrictions stemming from competing standards and the extraterritorial application of legislation, leading to stricter data localization requirements. The study examines key aspects of legal regulation, including

personal data protection (using the GDPR as an example), security, transparency, and accountability. Three main approaches to controlling CBDF are highlighted: outright prohibition, restrictions (such as the need to obtain permits or conform to an “adequate” level of protection), and the existence of exceptions. A comparative analysis is conducted on four typological models of CBDF regulation: the liberal model (US, Singapore), the conditional model (EU, Japan), the restrictive/localization model (China, RF), and the hybrid model. An analysis of the Asian experience demonstrates how regulators stimulate the development of digital ecosystems through standardization (SGFinDex) or a state-market symbiosis (China BigTech). Special attention is paid to liberalization policies enshrined in agreements like CPTPP and USMCA, and their positive economic impact (increased digital trade volumes, reduced costs). However, liberalization confronts significant obstacles, particularly the conflict between constitutional foundations of rights protection, vividly illustrated by the Schrems case series (EU vs. US). This conflict between the fundamental right to privacy in the EU and national security requirements in the US creates chronic legal uncertainty. To assess regulatory pressure, the methodology of the Digital Trade Restriction Index (DTRI) from ECIPE is employed. This reveals significant internal heterogeneity even within the EU’s conditional model, where key countries (Germany, France) apply stricter measures. The dominant trend is the intensification of state control over CBDF. Regulatory divergences, especially between liberal and localization regimes, form a fragmented global architecture that hinders the full harmonization of digital trade.

Key words: cross-border data flows, regulation, model, digital economy, international trade, data protection legislation.

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется стремительным распространением цифровых технологий, активно трансформирующих финансовую систему, изменяя как ее инструменты, так и механизмы регулирования. Цифровая трансформация включает различные аспекты – от электронных платежных систем и цифровой идентификации до использования блокчейн-технологий, искусственного интеллекта и финансовых технологий. Цифровизация экономики привела к беспрецедентному росту трансграничных потоков данных, которые являются ценным экономическим активом. Это порождает сложные правовые вопросы, касающиеся суверенитета над данными, защиты конфиденциальности, предотвращения дискриминации по месту происхождения данных, а также регулирования доступа к данным для целей экономического развития и обеспечения конкуренции. Отсутствие единых международных стандартов создает правовую неопределенность и потенциальные барьеры для международной торговли и инвестиций.

Такое динамичное развитие требует соответствующего правового обеспечения, гарантирующего эффективность и безопасность функционирования трансграничных потоков данных.

Цель статьи – исследование моделей правового регулирования трансграничных потоков данных в контексте цифровой экономики.

Задачи исследования:

- рассмотреть основные аспекты правового регулирования трансграничных потоков данных;

- исследовать основные подходы к контролю трансграничных потоков данных;
- провести анализ типологических моделей регулирования трансграничных потоков данных;
- оценить влияние регулирования трансграничных потоков данных на существующие ограничения цифровой торговли.

Материалы и методы

Исследование основано на смешанном подходе, сочетающем доктринальный юридический анализ с компаративным обзором политики. Основными материалами послужил анализ нормативно-правовой базы, регулирующей трансграничные потоки данных. Кроме того, исследование включает сравнительный обзор конкретных положений, касающихся электронной коммерции и трансграничных потоков данных (ТПД), зафиксированных в преференциальных соглашениях. Для обеспечения всестороннего понимания развивающейся терминологической базы были использованы вторичные данные: аналитические материалы и экспертные публикации международных организаций.

Трансграничные потоки данных, будучи неотъемлемой частью международной торговли и фундаментом для множества цифровых сервисов, сталкиваются с растущими ограничениями. Это обусловлено сосуществованием конкурирующих стандартов и экстерриториальным применением законодательства, что приводит к ужесточению требований к локализации данных и ограничению их международной передачи [1, с. 58].

Правовое регулирование трансграничных потоков данных в контексте цифровой экономики

включает национальное законодательство, международные соглашения и рекомендации международных организаций. Цель – обеспечить защиту конфиденциальности и безопасности данных при трансграничной передаче, при этом, не препятствуя развитию цифровой экономики. Основными аспектами правового регулирования трансграничных потоков данных являются:

Во-первых, защита персональных данных, в частности законодательство, такое как Общий регламент о защите данных (GDPR), устанавливает строгие правила сбора, обработки и передачи персональных данных граждан Европейского Союза, даже если данные передаются за пределы ЕС. Это включает требования к согласию субъекта данных, прав на доступ, исправление и удаление данных [2].

Во-вторых, трансграничная передача данных, поскольку регулирование определяет условия, при которых персональные данные могут быть переданы странам, не имеющим аналогичного уровня защиты данных. Это может включать в себя использование стандартных договорных положений (Standard Contractual Clauses) или других механизмов, обеспечивающих надлежащую защиту данных [3, с. 83].

В-третьих, безопасность и конфиденциальность. Законодательство требует осуществлять соответствующие технические и организационные меры по защите данных от несанкционированного доступа, потери или кражи.

В-четвертых, прозрачность. Компании должны четко информировать пользователей о том, какие данные собираются, как они используются и с кем они передаются.

И, в-пятых, ответственность. Определяется ответственность субъектов, обрабатывающих данные (контролеры и обработчики) за соблюдение законодательства и принятие мер по защите данных [4, с. 56].

В практике уже сформировались определенные подходы к регулированию трансграничной передачи персональных и других категорий «чувствительных» данных, в частности, можно выделить следующие:

- первый, это полный запрет на передачу данных – применяется лишь небольшим числом стран. Например, в Саудовской Аравии конфиденциальные данные государственных органов и потребительские данные частных фирм не могут передаваться за пределы страны [5, с. 161];
- второй, ограничения на трансграничную передачу – могут быть связаны с необходимостью получения разрешения ответственных органов власти или согласия субъекта персональных данных, например в ЕС дей-

ствуют ограничения на трансграничную передачу персональных данных (регламент GDPR) [2]. В отдельных случаях передача данных возможна лишь в страны с «адекватным» уровнем защиты;

- третий, исключения, в частности во многих странах существует обширный список исключений, обеспечивающих свободу передачи данных, например, согласно условиям контракта или в случае обеспечения жизненно важных интересов субъекта персональных данных при невозможности получения его согласия.

Трансграничные потоки данных сегодня являются важным компонентом международной торговли и основой многих моделей цифровых услуг. Однако по разным причинам в условиях «конкурирующих стандартов» и «пересечения норм» экстерриториальных законов усилились ограничения на передачу персональных данных и требования по локализации данных.

Результаты и обсуждение

Рассматривавшая мировую практику можно выделить опыт Азии, которая выступает в роли динамичного полигона для разработки и внедрения инновационных моделей цифровых финансовых экосистем, с акцентом на развитие концепций «open banking» и «open finance». Анализ кейсов Китая, Сингапура и Индии позволяет сформулировать следующие ключевые выводы, касающиеся следующего: во-первых, в Китае наблюдается симбиоз рыночных сил (BigTech-платформ) и регуляторного вмешательства. Изначально созданные частными компаниями суперапы стали катализатором для внедрения «open finance», а последующие действия регулятора (ПБОС) институционализировали этот процесс, обеспечив государственный контроль и стандартизацию [6, с. 55]; во-вторых, децентрализованные и централизованные подходы, в частности Сингапур представляет модель, где регулятор (MAS) активно формирует среду для «open banking» посредством стандартизации (API Playbook), создания платформ для взаимодействия (APIX) и интеграции данных (SGFinDex) [5, с. 165]. Индия, напротив, демонстрирует архитектуру, основанную на унифицированной государственной цифровой инфраструктуре (India Stack) и специализированных лицензированных посредниках (Account Aggregator), что обеспечивает децентрализованное, но контролируемое движение данных [5, с. 165].

Таким образом, регуляторы играют критически важную роль в формировании правовой базы, стандартов безопасности, а также в обеспечении прозрачности и защиты прав потребителей. Их

действия либо напрямую стимулируют развитие (Сингапур, Индия), либо институционализируют уже существующие рыночные тренды (Китай).

В России принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» от 21.07.2014 № 242-ФЗ, требующий, чтобы все базы, в которых хранятся персональные данные российских граждан, физически находились в России. Он предусматривает следующее. При сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации, за исключением случаев, указанных в пунктах 2, 3, 4, 8 части 1 статьи 6.

Политика регулирования трансграничных потоков данных играет ключевую роль в цифровой торговле и определяет всеобщий вектор ее регулирования в отдельных странах мира. Для регулирования трансграничных потоков данных используются два вида политик: политика либерализации и политика локализации движения трансграничных потоков данных.

Политика либерализации трансграничных потоков данных – это совокупность регуляторных и политических мер, направленных на содействие свободному, безопасному и неограниченному перемещению данных через государственные границы в контексте цифровой экономики [8, с. 23]. Целями политики либерализации трансграничных потоков данных являются:

- обеспечение бесперебойного обмена данными для поддержки электронной коммерции, облачных вычислений, искусственного интеллекта и других цифровых технологий;
- уменьшение затрат для компаний, особенно МСП, путем устранения необходимости создавать локальные центры данных;
- предоставление доступа к глобальным данным для развития технологий, таких как ИИ, зависящие от больших объемов информации;
- содействие гармонизации стандартов для обеспечения совместимости цифровых систем между странами.

Следовательно, политика либерализации трансграничных потоков данных достигает своих целей путем уменьшения барьеров, таких как требования локализации данных для облегчения электронной коммерции, цифровых услуг и гло-

бальных цепей поставок, обеспечивая при этом защиту конфиденциальности, кибербезопасность и соответствие национальным интересам. Она является ключевым элементом цифровой торговой политики, способствующей экономическому росту, инновациям и глобальной интеграции.

Можно выделить следующие основные инструменты политики либерализации трансграничных потоков данных:

- запрет локализации данных в региональных торговых соглашениях. В частности, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП) запрещает требования хранить данные исключительно в пределах страны (статья 14.13) [10]. Подписантами Соглашения являются Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Перу, Новая Зеландия, Сингапур и Вьетнам. Настоящее Соглашение является первым многосторонним соглашением, специально рассматривающим экономические и торговые вопросы, связанные с Интернетом, и включает в себя новаторские положения относительно онлайн-конфиденциальности, кибербезопасности, содействия трансграничным потокам данных и политики конкуренции. При этом СРТПП поддерживает более широкое использование ИКТ в экономике региона с целью преодоления вызовов цифрового разрыва [9]. Соглашение USMCA также запрещает ограничения на трансграничные потоки данных для коммерческих целей, за исключением законных соображений безопасности (статья 19.11);
- мораторий на таможенные пошлины. Декларация по глобальной электронной коммерции ВТО, принятая в 1998 г., содержит так называемый мораторий на использование таможенных пошлин в электронной коммерции;
- стандарты защиты данных. Установление минимальных стандартов защиты данных, позволяющих передачу данных в страны с соответствующим уровнем защиты (например, Общий регламент о защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR)) ЕС, устанавливающий правила по защите персональных данных физических лиц [2];
- международные соглашения по цифровой экономике (Digital Economy Agreements (DEAs)). Целью соглашения о цифровой экономике является создание и установка международных правил, способствующих цифровой торговле, а также облегчение взаимодействия путем согласования стандартов, способствующие свободному движению

данных. Примерами международных соглашений в области цифровой экономики являются Инициатива совместного заявления по электронной коммерции ВТО (The Joint Statement Initiative (JSI)²¹) и Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики (Digital Economy Partnership Agreement (DEPA)).

В июле 2024 года Сингапур, Австралия и Япония как соорганизаторы JSI объявили, что участники достигли договоренности, что стало важной вехой после пяти лет переговоров. По состоянию на 25 июня 2024 г. в этих обсуждениях принимает участие 91 член ВТО.

DEPA – это первое соглашение, которое устанавливает новые подходы и сотрудничество в вопросах цифровой торговли, способствует взаимодействию между разными режимами данных и решает новые проблемы цифровых технологий [9]. DEPA была подписана в июне 2020 г. между Сингапуром, Чили и Новой Зеландией. Соглашение устанавливает правила для свободного движения данных, включая положения о доверии к цифровым системам и кибербезопасности. В мае 2024 к соглашению присоединилась Республика Корея и семь стран-претендентов подали заявки на присоединение к DEPA, это Китай, Канада, Коста-Рика, Перу, Соединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Сальвадор.

Анализ влияния политики либерализации трансграничных потоков данных на цифровую торговлю показал, что либерализация трансграничных потоков данных приводит к следующим положительным эффектам:

- либерализация трансграничных потоков данных уменьшает административные и логистические расходы благодаря автоматизации процессов таможенного оформления через блокчейн и электронные документы;
- по оценкам OECD, либерализация трансграничных потоков данных может увеличить объемы цифровой торговли на 2-4% в секторах, зависимых от данных, таких как программное обеспечение, облачные вычисления;
- МСП получают возможность конкурировать на глобальном уровне, используя цифровые платформы;
- свободный доступ к данным способствует развитию ИИ, аналитики обширных данных и финтех;
- по оценкам ВТО, либерализация цифровой торговли может добавить в глобальный ВВП 0,1-0,3% ежегодно за счет повышения производительности, внедрения инноваций и снижения барьеров доступа к рынкам;

- по оценкам OECD, либерализация потоков данных может удвоить экономические выгоды от торговых сделок. МВФ подчеркивает, что поддержка открытых потоков данных оказывает минимальное влияние на потерю таможенных доходов (0,01-0,33% доходов правительств), но значительно способствует экономической эффективности [12].

Вместе с тем, либерализация трансграничных потоков данных создает определенные вызовы, а сам процесс либерализации сталкивается с определенными препятствиями. Препятствия на пути к полной либерализации трансграничных потоков данных носят многоуровневый характер и коренятся в конфликте приоритетов между экономическими интересами и суверенными требованиями.

Фрагментация регуляторной среды является центральным препятствием для формирования единого глобального цифрового рынка. Этот феномен проявляется в несогласованности законодательных режимов, что фактически ингибирует беспрепятственное перемещение информации.

Одним из наиболее значимых барьеров выступает институционализированный принцип эквивалентности, применяемый в условных моделях регулирования, в частности, в Европейском Союзе. GDPR устанавливает, что передача персональных данных за пределы юрисдикции ЕС допустима только в те юрисдикции, которые обеспечивают сопоставимый (адекватный) уровень правовой защиты [2].

Правовая неопределенность, порожденная этим требованием, была усугублена прецедентным правом Европейского Суда (ЕСС), в частности решением по делу Schrems II (Июль 2020 г.). Данное постановление дезактивировало механизм Privacy Shield, который регулировал трансфер данных между ЕС и США. Это решение не только поставило под сомнение легитимность массовой передачи данных в США, но и ввело дополнительные операционные требования ко всем трансферам в юрисдикции, не обладающие формальным признаком адекватности [14]. Это фактически повысило транзакционные издержки для трансграничных операций, требуя от субъектов имплементации дополнительных гарантий (например, SCCs).

Проблема достижения оптимального регуляторного баланса при трансграничной передаче данных наиболее наглядно демонстрируется эволюцией судебной практики в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом. Данный тандем юрисдикций, представ-

ляющий собой, с одной стороны, либерально-ориентированную модель (США), а с другой — условно-сбалансированную (ЕС), служит эмпирическим полигоном для анализа фундаментальных импедиментов гармонизации в сфере защиты персональных данных.

Серия судебных разбирательств, известная как дела Schrems, служит мощным прецедентным маркером, иллюстрирующим неспособность даже формализованных двусторонних соглашений по трансферу данных обеспечить стабильное и оптимальное равновесие интересов сторон.

Последовательные решения Европейского Суда (ЕСС) в рамках этой серии дел выявили глубокую методологическую и конституционную несовместимость подходов к защите прав субъектов данных в двух юрисдикциях:

Дело Schrems I (2015) привело к аннулированию Рамочного соглашения Safe Harbour. Это решение акцентировало внимание на рисках, связанных с доступом государственных органов США к переданным данным, что было признано несовместимым с принципом соразмерности, закрепленным в Хартии ЕС об основных правах.

Дело Schrems II (2020) послужило более радикальным шагом, аннулируя механизм Privacy Shield. Решение закрепило жесткое требование экстерриториальной эквивалентности защиты данных. ЕСС постановил, что сам по себе закон США, предоставляющий государственным органам широкие возможности доступа к данным граждан ЕС, девальвирует уровень защиты, обеспечиваемый GDPR.

Дело Schrems III (потенциальное развитие) продолжение дискуссий (в частности, относительно нового механизма Data Privacy Framework) свидетельствует о персистентном характере конфликта, который не может быть полностью урегулирован на уровне межправительственных соглашений без структурной реформы законодательства о доступе к данным в юрисдикции-реципиенте (США).

Эволюция Schrems демонстрирует, что основные препятствия к гармонизации лежат не в технической или торговой плоскости, а в конституционно-правовой доктрине двух регионов. Во-первых, концептуальный разрыв в понимании неприкосновенности частной жизни. В ЕС права на конфиденциальность рассматриваются как абсолютные фундаментальные права, требующие защиты от избыточного государственного вмешательства. В США доминирует подход, который, хотя и признает конфиденциальность, часто подчиняет ее требованиям национальной безопасности и правоохранительной деятельности. Во-вторых, проблема имплементации экстерриториальных стан-

дартов. ЕС обязывает компании применять стандарты GDPR ко всем передаваемым данным, независимо от местоположения конечного получателя. США, в свою очередь, обладают внутренним законодательством, которое зачастую вступает в конфликт с этими экстерриториальными требованиями, ставя операторов в неразрешимую дилемму (legal trap).

Таким образом, опыт США и ЕС доказывает, что либерализация трансграничной передачи данных в условиях диаметрально противоположных конституционных основ защиты прав граждан неизбежно ведет к правовой нестабильности и регуляторным кризисам, которые могут быть разрешены только через глубокую реформу одной из сторон или создание беспрецедентно сильных механизмов пересмотра двусторонних договоров.

Анализ судебной траектории Schrems I, II (и потенциала Schrems III) позволяет сделать вывод о том, что конфликт между регуляторными режимами США и ЕС в области трансграничной передачи данных является фундаментальным и структурным, а не поверхностным.

Либерализация трансграничных потоков данных вступает в прямое противоречие с императивами национальной кибербезопасности и цифрового суверенитета. Ряд государств (включая Китай и Российскую Федерацию) применяют стратегию цифрового протекционизма, ограничивая исходящие потоки данных. Такая политика обусловлена необходимостью обеспечения государственного контроля над критически важной информацией и персональными данными граждан. Данный протекционизм, хотя и легитимен с точки зрения национального права, структурно препятствует достижению глобальной гармонизации и либерализации цифровой торговли, создавая дихотомию между открытыми и закрытыми юрисдикциями.

Более того, сама по себе либерализация цифровой торговли (в смысле устранения тарифных барьеров) может усугублять феномен цифрового неравенства. Страны, не обладающие развитой цифровой инфраструктурой и высококвалифицированными кадрами, могут оказаться неспособными эффективно интегрироваться в либерализованные потоки, что приводит к углублению разрыва между технологически развитыми и развивающимися экономиками.

Политика локализации трансграничных потоков данных (data localization policies) предусматривает требования, согласно которым данные, собранные в одной стране, должны храниться, обрабатываться или оставаться в пределах ее юрисдикции. Политика локализации данных требует, чтобы компании хранили данные на серверах

рах внутри страны, где они были собраны, или ограничивает их передачу за границу. Соответствующие политики регулируются нормами законов о защите персональных данных, требованиях к локальным серверам или об ограничениях на трансграничное движение данных. Например, в Китае политика локализации трансграничных потоков данных регулируется Законом о кибербезопасности (2017), нормы которого требуют хранения «критических данных» в пределах страны, что способствует развитию местных компаний, таких как Alibaba, но ограничивает доступ иностранных компаний, снижая их конкурентоспособность [15].

Целью политики локализации трансграничных потоков данных является национальная и кибербезопасность, обеспечение конфиденциальности данных граждан, стимулирование развития местной цифровой инфраструктуры, контроль над экономическими выгодами от данных.

По результатам исследования научных публикаций [9, 11] и публикаций международных организаций можно выделить подходы к регулированию трансграничных потоков данных систематизированные в четыре типологические модели, отражающие сложный компромисс между стимулированием цифровой экономики, обеспечением конфиденциальности персональных данных и требованиями национальной кибербезопасности. Идентификация моделей осуществляется на основе анализа степени вмешательства государства в процесс передачи информации за юрисдикционные пределы.

Либеральная (открытая) модель характеризуется минимальным уровнем регуляторного вмешательства, что максимизирует экономический потенциал цифровой торговли. Данный подход доминирует в юрисдикциях, ориентированных на стимулирование инноваций, таких как США и Сингапур. Однако эта модель имплицитно сопряжена с повышенными рисками в сфере защиты субъективных прав на конфиденциальность.

Условная (сбалансированная) модель представляет собой регуляторный гибрид, нацеленный на синтез принципов свободной торговли и адекватной защиты данных. Наиболее ярким примером выступает Европейский Союз (ЕС) и Япония. Регулирование здесь усложнено необходимостью соблюдения условий эквивалентности (принцип «должного уровня защиты»).

В основе ограничительной (закрытой) модели приоритет обеспечения суверенитета и национальной безопасности. Для таких юрисдикций, как Китайская Народная Республика и Российская Федерация, характерен жесткий локали-

зационный режим, требующий обязательного хранения данных в пределах национальной территории, что создает существенные барьеры для транснациональных цифровых операций.

Гибридная (компромиссная) модель применяется странами, находящимися на этапе ускоренного цифрового развития (Бразилия, Южная Корея). Она характеризуется стремлением к сбалансированности, однако ее реализация часто требует значительных капиталовложений в национальную цифровую инфраструктуру.

Для эмпирического исследования и сопоставления данных моделей исследователи применяют многофакторные методологии, основанные на компаративном анализе, из которых можно выделить следующие:

- анализ международных соглашений, включающий в себя оценку положений, касающихся цифровой торговли, в рамках многосторонних и двусторонних соглашений (например, DEPA, CPTPP, RCEP) [11].
- таксономия ограничений (ECIPE) методология, разработанная Европейским центром международной политической экономии (ECIPE) [16], фокусируется на классификации регуляторных мер по их степени строгости: строгие ограничения (требование локального хранения) и условные ограничения (передача данных при соблюдении условий, как в GDPR). Согласно методологии ECIPE, ограничения на трансграничные потоки данных классифицируют как «строгие», когда они специально требуют хранения данных локально, или как «условные», когда они устанавливают определенные условия для передачи данных через границу.

Европейский режим защиты данных GDPR является обычным примером условного режима. Согласно законодательству ЕС условия применяются как к стране-получателю, так и к субъекту, передающему данные. В первом случае компания может передавать данные за границу странам с «должным уровнем защиты». Во втором случае, даже если страна-получатель не считается имеющей «должный уровень защиты», данные могут быть переданы и обрабатываться за границей, если получатель отвечает определенным условиям.

Индекс DTRI (Digital Trade Restriction Index), разработанный ECIPE, является количественным инструментом, оценивающим регуляторное давление через анализ более ста категорий политик в 64 юрисдикциях. Анализ DTRI выявляет внутрирегиональную гетерогенность даже в рамках условной модели (ЕС).

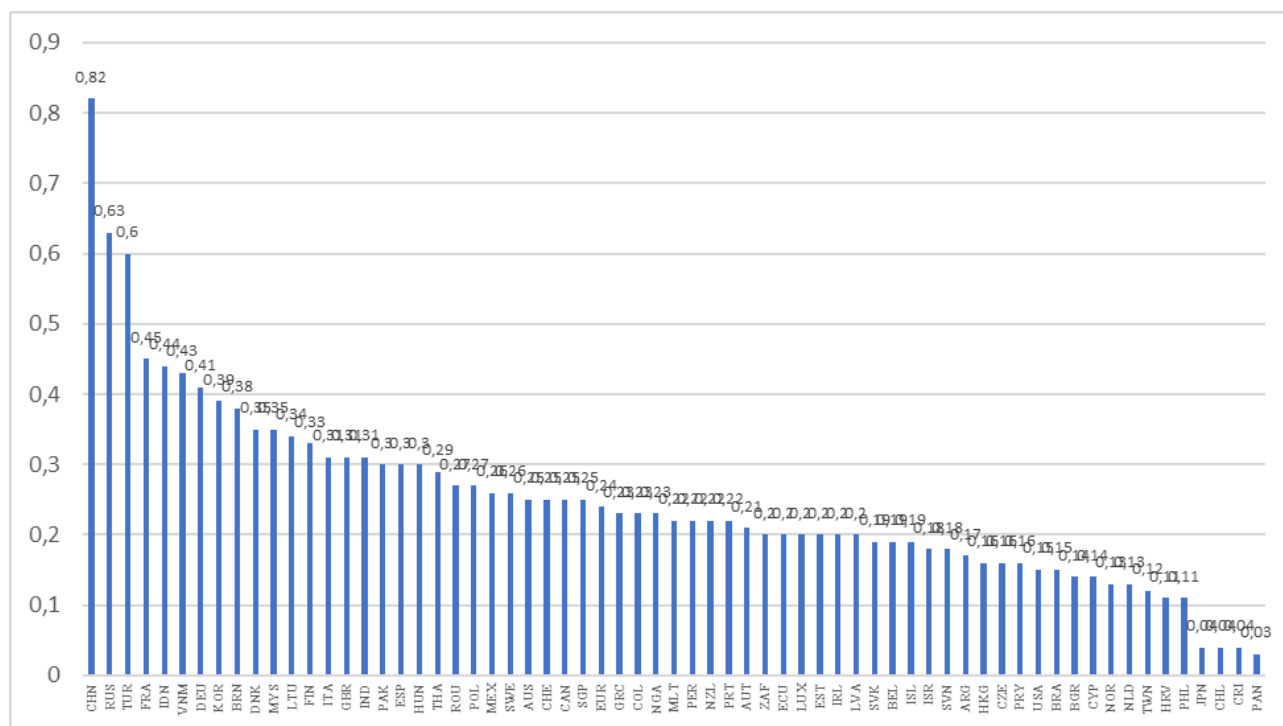

Рисунок 1. Индекс DTRI

Общий агрегированный рейтинг ЕС в индексе DTRI помещает его на средние позиции (21-е место). Однако отдельные государства-члены демонстрируют значительно более жесткие режимы. Например, Германия (13-е место), Франция (9-е место), и ряд стран Северной Европы (Дания, Финляндия) занимают топовые позиции по жесткости ограничений ТПД, превышая средний уровень ЕС.

Критическим наблюдением является наличие жестких локализационных мер, разрешающих правительственный доступ к корпоративным данным без санкции суда, что характерно для Франции и сопоставимо по строгости с режимами Китая, РФ, Турции и Вьетнама. И наоборот, наименьшие ограничения в ЕС наблюдаются в юрисдикциях с высокоразвитым сектором услуг (Ирландия, Мальта, Нидерланды).

Таким образом, анализ парадигм регулирования трансграничных потоков данных демонстрирует, что глобальная регуляторная архитектура не является унифицированной, а представляет собой сочетание из четырех фундаментальных моделей (либеральная, условная, ограничительная, гибридная), каждая из которых устанавливает различный баланс между экономическими стимулами и защитой суверенных/конфиденциальных интересов.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ключевые методологические и эмпирические заключения. Оценка регуляторного давления базируется на компаративных методологиях, в частности, таксономии ECIPE (DTRI), которая позволяет количественно измерить строгость ограничений, включая требование локализации данных. Европейский подход, несмотря на статус GDPR как эталона условного регулирования, демонстрирует значительную внутреннюю гетерогенность. Ряд ключевых стран-членов ЕС (Франция, Германия) проводят более жесткую политику, приближаясь по уровню некоторых ограничений к ограничительной модели, что говорит о неоднородности условной модели.

Прецедентная практика ЕСС показала, что дипломатически согласованные механизмы (как Privacy Shield) не обладают достаточной устойчивостью при столкновении с незыблемыми конституционными ценностями, особенно в части ограничения государственного доступа к данным. Корень проблемы лежит в различном иерархическом положении права на конфиденциальность относительно интересов национальной безопасности в правовых системах США и ЕС. Отмена ключевых механизмов трансфера данных создает хроническую неопределенность для бизнеса,

вынуждая операторов данных действовать в условиях постоянного риска правовой нелегитимности их транзакций, что тормозит полную либерализацию цифровой торговли между этими крупнейшими экономическими блоками.

Таким образом, тенденция к усилению государственного контроля над трансграничной передачей данных является доминирующей, даже в тех юрисдикциях, которые формально придерживаются либеральных или условных принципов.

Список литературы:

[1] Восс, У.Г. Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными / У.Г. Восс // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 56–95 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-03

[2] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR)

[3] Лю Ц. Роль трансграничных потоков данных в развитии цифровой экономики и мировой торговли / Ц. Лю // Инновации и инвестиции. 2025. № 3. С. 81–84. EDN: NUQMAN

[4] Асадуллина, А.В. Проблемы регулирования трансграничных потоков данных в мировой экономике / А.В. Асадуллина // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 1. С. 51–59. EDN: DWJWPM

[5] Исмагилова, О.Д., Хаджи, К.Р. Мировой опыт регулирования защиты, передачи и хранения данных / О.Д. Исмагилова, К.Р. Хаджи // Экономическая политика. 2020 Т. 15 № 3 С. 152–175 DOI: 10.18288/1994-5124-2020-3-152-175

[6] Чжао, Л. Основные модели режимов трансграничной передачи данных: ЕС, США и КНР / Л. Чжао // Право и политика. 2024. № 4. С. 50–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.70797

[7] Ларионова, М.В. Возможно ли лидерство «группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов? / М.В., Шелепов А.В. Ларионова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18. № 1. – С. 7–32. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-01

[8] Смирнов, Е.Н. Вызовы глобального регулирования международной цифровой торговли / Е.Н. Смирнов // Торговая политика. 2020. №1/21. С. 25–33 doi:10.17323/2499-9415-2020-25-33

[9] Peters M. Digital trade, digital economy and the digital economy partnership agreement (DEPA) Educational Philosophy and Theory. 2022. Vol. 55(7), pp. 747–755, URL: <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2041413>

[10] Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском парт-нерстве : текст соглашения // Центр для ВТО и международной торговли Министерства коммерции и промышленности Вьетнама. [Электронный ресурс]. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/12782-full-text-of-cptpp> (дата обращения: 30.06.2023).

[11] Aaronson S. A., Leblond P. Another Digital Divide: The Rise of Data Realms and its Implications for the WTO. Journal of International Economic Law. 2018. Vol. 21(2), pp. 245–272. URL: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy019>

[12] OECD/WTO (2025), Economic Implications of Data Regulation: Balancing Openness and Trust, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/aa285504-en>.

[13] Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2024.Международный доклад НИУ ВШЭ / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), Д. Г. Абуова, С. С. Аветисян, Д. Н. Ахвердян и др. ; Нац. исслед. ун-т«Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 350 с.

[14] Решение суда ЕС от 06.10.2015 по делу № C-362/14 (Максимиллиан Шремс против Уполномоченного по защите данных)

[15] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on August 20, 2021)

[16] Ferracane M. F., Lee-Makiyama H., van der Marel E. Digital Trade Restrictiveness Index. European Centre for International Political Economy (ECIPE). 2018. URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2018/05/DTRI_FINAL.pdf

References:

[1] Voss, U.G. Cross-Border Data Flows, General Regulation on the Protection of Personal Data and Data Management/U.G. Voss//Bulletin of International Organizations. 2022. VOL. 17. № 1. S. 56–95 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-03

[2] European Parliament and Council Regulation 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of natural persons in the processing of personal data and on the free circulation of such data, and on the repeal of Directive 95/46/Yes (General Data Protection Regulation/GDPR)

[3] Liu C. The role of cross-border data flows in the development of the dig-ital economy and world trade/C. Liu//Innovation and investment. 2025. № 3. S. 81-84. EDN: NUQMAH

[4] Asadullina, A.V. Problems of regulation of cross-border data flows in the global economy/A.V. Asadullina//Russian Foreign Economic Bulletin. 2021. № 1. S. 51-59. EDN: DWJWPM

[5] Ismagilova, O.D., Hadji, K.R. World experience in regulating protection, transmission and data storage/O.D. Ismagilova, K.R. Hadji//Economic poli-cy. 2020 VOL. 15 NO. 3 S. 152-175 DOI: 10.18288/1994-5124-2020-3-152-175

[6] Zhao, L. Main models of cross-border data transfer regimes: EU, USA and PRC/L. Zhao//Law and policy. 2024. № 4. S. 50-60. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.70797

[7] Larionova, M.V. Is G20 Leadership on Data Management Possible? Is there a chance for rapprochement of approaches ?/M.V., Shelepov A.V. La-ri-onova//Bulletin of international organizations: education, science, new economy. – 2023. - VOL. 18. № 1. - S. 7-32. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-01

[8] Smirnov, E.N. Challenges of global regulation of international digital trade/E.N. Smirnov//Trade policy. 2020. №1/21. P. 25-33 doi: 10.17323/ 2499-9415-2020-25-33

[9] Peters M. Digital trade, digital economy and the digital economy part-nership agreement (DEPA) Educational Philosophy and Theory. 2022. Vol. 55(7), pp. 747–755, URL: <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2041413>

[10] Comprehensive and progressive agreement on Trans-Pacific Partner-ship: text of the agreement//Center for WTO and International Trade of the Ministry of Commerce and Industry of Vietnam. [Electronic resource]. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/12782-full-text-of-cptpp> (access date: 30.06.2023).

[11] Aaronson S. A., Leblond P. Another Digital Divide: The Rise of Data Realms and its Implications for the WTO. Journal of International Eco-nomic Law. 2018. Vol. 21(2), pp. 245–272. URL: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy019>

[12] OECD/WTO (2025), Economic Implications of Data Regulation: Bal-ancing Openness and Trust, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/aa285504-en>.

[13] Assessment of the EAEU integration processes in the field of trade: 2024. International report of the Higher School of Economics/M. K. Glaza-tov (hand. aut. col.), D. G. Abuova, S. S. Avetisyan, D. N. Akhverdyan and others; Nat. †. University “Higher School of Economics.” - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2024. - 350 s.

[14] EU Court of 06.10.2015 Decision in Case No. C-362/14 (Maximillian Schrems v. Data Protection Commissioner)

[15] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on August 20, 2021)

[16] Ferracane M. F., Lee-Makiyama H., van der Marel E. Digital Trade Restrictiveness Index. European Centre for International Political Economy (ECIPE). 2018. URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2018/05/DTRI_FINAL.pdf

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-289-293

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: e.s.kulikova@mail.ru

СБИТНЕВ Николай Анатольевич,
кандидат технических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: n.sbitnev@mail.ru

СОПЕГИНА Вера Терентьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: sopegina_01@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНЕДРЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ ВЫСОКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. Актуальность данной статьи заключается в том, что сегодня инновационные технологии играют огромную роль в развитии производства, так как они способствуют не только разработке новых видов продукции, совершенствованию организации рабочего процесса, технического оснащения, но и росту производительности труда и стабильности доходов. По мнению многих ученых современное промышленное производство характеризуется глубокой интеграцией цифровых технологий, что позволяет определить лидеров рынка на ближайшую перспективу. В настоящее время в условиях трансформации промышленного производства, инновационные технологии становятся драйверами конкурентоспособности. В статье авторы на примере крупного промышленного предприятия Урала показали значение внедрения в производство новой технологии, что способствовало приросту производительности труда, снижению издержек и повышению эффективности производства. В результате исследования авторы пришли к выводу, что, внедрение новых технологий, направленных на повышение энергоэффективности, позволят предприятию добиться экономических преимуществ на современном рынке.

Ключевые слова: инновации, технологии, штамповка, индукционный подогрев, энергоэффективность.

RUSHCHITSKAYA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University

SBITNEV Nikolai Anatolyevich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University

SOPEGINA Vera Terentyevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University

ON SOME ASPECTS OF IMPLEMENTING HIGH-TECH PRODUCTS IN PRODUCTION

Annotation. *The relevance of this article lies in the fact that innovative technologies play a vital role in manufacturing development today, as they contribute not only to the development of new products, improved workflow organization, and technical equipment, but also to increased labor productivity and income stability. According to many scholars, modern industrial production is characterized by the deep integration of digital technologies, which allows us to identify market leaders in the near future. Currently, in the context of industrial transformation, innovative technologies are becoming drivers of competitiveness. In this article, the authors, using the example of a large industrial enterprise in the Urals, demonstrate the importance of implementing new technology in production, which contributed to increased labor productivity, reduced costs, and improved production efficiency. As a result of their study, the authors concluded that the introduction of new technologies aimed at improving energy efficiency will enable the enterprise to achieve economic advantages in today's market.*

Key words: *innovation, technology, stamping, induction heating, energy efficiency.*

В современных условиях для развития металлургического производства большое значение имеет применение технологии индукционного подогрева штампового инструмента. Данная технология способствует решению нескольких задач:

- 1) уменьшение трудоемкости процесса штамповки с 9 чел.-час до 3 чел.-час за рабочую 8 часовую смену;
- 2) увеличение выпуска продукции за счет увеличения времени непрерывной работы оборудования, минимум до 6 часов за смену;
- 3) повышение качества производимой продукции за счет поддержания постоянной температуры штамповой оснастки, необходимой для получения штамповок с однородной волокнистой структурой;
- 4) улучшение санитарно-гигиенических условий производства за счет уменьшения

теплового излучения от штамповой оснастки путем применения энергоэффективного теплового кожуха.

- 5) снижение энергозатрат на 6,5%, необходимых на постоянный разогрев штампового инструмента в электрических печах сопротивления шахтного типа.

Это во многом инновационная технология, не используемая сегодня ни на одном предприятии мира. Технология индукционного подогрева штампового инструмента позволяет в значительной мере отказаться от постоянного применения электрических печей сопротивления, шахтного типа, снижая себестоимость получаемой продукции.

Инновационность технологии в целом обеспечивает качественно новый уровень функционирования производства ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод» и характеризуется

снижением себестоимости и повышением качества получаемой продукции, а также улучшением санитарно-гигиенических условий производства.

Первичные исследования по возможности применения технологии индукционного подогрева штампового инструмента подтверждают возможность реализации этой технологии, в том числе в масштабах производства. В процессе выполнения планируемых работ по этой технологии будет проведен расчет основного технологического оборудования, разработана вся необходимая конструкторская документация для изготовления основного оборудования технологии, определены подрядчики по изготовлению оборудования и монтажу опытно-промышленной установки, произведен монтаж оборудования, проведены пуско-наладочные работы и разработаны программа и регламент проведения опытно-промышленных испытаний.

Внедрение указанной технологии подогрева штамповой оснастки должно обеспечить суще-

ственное повышение эффективности использования существующего прессового оборудования, снизить себестоимость основной продукции, увеличить энергоэффективность технологии изготовления штампованных изделий. Увеличение производительности производства позволит увеличить долю отечественной продукции на мировом рынке и повысить ее конкурентоспособность.

В настоящее время не существует принципиальных препятствий для внедрения предлагаемой технологии после соответствующей корректировки и на промышленных предприятиях, связанных с применением прессового оборудования как в России, так и за рубежом.

Одним из крупных промышленных предприятий Урала, заинтересованных в применении данной технологии, является ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод». Информация о внедрении предлагаемой технологии подогрева штамповой оснастки представлена в *Таблице 1*.

Таблица 1. Информация о конечных продуктах производства ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод» до и после внедрения предлагаемой технологии

Категория продукта	До внедрения комплексной технологии	После внедрения комплексной технологии	Примечания
Крупногабаритные авиационные штамповки	Авиационные лопасти, барабан колеса, реборды, боковины	Авиационные лопасти, барабан колеса, реборды, боковины	Увеличение объемов производства Снижение себестоимости продукции Повышение качества

Из таблицы видно, что в результате применения данной технологии наблюдается улучшение качества и объемов производства по всем видам существующих сегодня конечных продуктов.

Потребителей авиационных штамповок можно условно разделить на три группы:

- 1) Производители колес и тормозных систем;
- 2) Производители шасси или деталей шасси;
- 3) Производители самолетов.

На современном экономическом рынке присутствуют следующие крупные игроки: Aircraft Wheels and Brakes Division, Goodrich Corporation (USA), Meggitt Aircraft Braking Systems (USA, UK, Singapore), Messier-Bugatti, Safran Group (France), Honeywell International (Global). Но, кроме вышеперечисленных, есть несколько компаний, выпускающих аналогичные продукты, но не имеющих значительную долю на рынке. К ним можно отнести Parker Wheel and Brake (USA), Hydrep (France),

Glennis Aircraft (USA) и др. В настоящее время предприятие Урала поставляет штамповки только для Aircraft Wheels and Brakes Division, Goodrich Corporation, США.

На российском рынке основными потребителями являются компании, занимающиеся выпуском авиационных колес, такие как ОАО «Авиационная корпорация «Рубин», Акционерное общество «Каменск-Уральский литейный завод».

Увеличение производства самолетов на мировом рынке влечет за собой рост потребления алюминиевых штамповок для различных применений в авиации. Поэтому многие предприятия заинтересованы в сотрудничестве в области кузнечно-штамповочного производства.

Представленная технология подогрева штампового инструмента не имеет аналогов в мировой практике производства крупногабаритных штамповок из алюминиевых и магниевых сплавов для авиационной промышленности, обе-

спечивая качественное изменение характеристик кузнечно-штамповочного производства с точки зрения показателей энергоэффективности, безопасности производства, а также уникальности, качества и количества продукции.

Особенность предлагаемой технологии заключается в разработке не имеющего аналогов оборудования индукционного подогрева штамповой оснастки к уникальному вертикальному гидравлическому прессу усилием 300МН, предназначенного для штамповки крупногабаритных авиационных изделий. Предлагаемая технология позволяет увеличить производительность уникального вертикального гидравлического прессы усилием 300МН в 2 раза по сравнению с производительностью прессы в настоящий момент на ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод».

«Ноу-хау» в области создания оборудования индукционного подогрева штампового инструмента находится в конструкции индукционного нагревателя, специальных материалах, применяемых в тепловом экране и электрической изоляции индукторов. Уникальное оборудование смоделировано в 3D постановке при помощи специализированных математических пакетов.

Основные направления развития подогрева штампового инструмента для возможности штамповки в изотермических условиях условно можно разделить на три группы:

- 1) Газовый подогрев штампового инструмента;
- 2) Электрический нагрев сопротивлением, штампового инструмента;
- 3) Индукционный нагрев штампового инструмента.

Изотермические штамповые блоки, использующие нагрев электрическим сопротивлением – трудоемкая и дорогостоящая оснастка, затраты на их изготовление, ремонт и эксплуатацию существенно влияют на себестоимость штампуемых поковок. Серийное производство блоков отсутствует, изготовление их собственными силами достаточно трудоемко и связано с использованием ряда дорогостоящих дефицитных материалов, а также невозможно применить данный тип подогрева к широкой номенклатуре штампового инструмента.

Недостатками блоков газового нагрева являются их повышенная пожаро- и взрывоопасность. Они в большей мере загрязняют окружающую среду и непригодны для изотермической штамповки при температурах ниже 800 °С. Наличие дополнительной камеры предварительной подготовки горючей смеси затрудняет транспортные операции по подвозу заготовок и удалению поковок с участка изотермической штамповки.

К преимуществам индукционного нагрева относятся их надежность в работе, удобство

ремонтных и наладочных работ, увеличенные габариты штамповых вставок для одного и того же прессы.

По ключевым характеристикам предлагаемая технология индукционного подогрева штампового инструмента для изготовления крупногабаритных изделий авиационной промышленности из алюминиевых и магниевых сплавов не имеет аналогов в мире.

В настоящее время на основных заводах по производству крупногабаритных штамповок лопастей и барабанов колес из алюминиевых и магниевых сплавов используется технология разогрева штампового инструмента в электрических печах сопротивления, без последующего подогрева инструмента. Данная технология используется на таких предприятиях как ЗАО «Алкоа СМЗ» (Самарский металлургический завод), ООО «Красноярский металлургический завод» и имеет следующие недостатки:

- низкая производительность, вызванная ограниченным временем работы штампового инструмента, порядка 1,5 часа на один кузнечный переход;
- низкая энергоэффективность производства, постоянная работа электрических печей сопротивления повышает себестоимость продукции;
- не рациональное использование прессового оборудования. В связи с невозможностью постоянного подогрева штампового инструмента приходится выполнять за смену несколько операций по замене инструмента, что приводит к снижению производительности и невозможности выполнения крупных заказов;

Таким образом, основные результаты проекта показывают, что прямые конкуренты предлагаемой технологии, особенно по себестоимости продукции и производительности, в мировой технологической практике отсутствуют. Многие из полученных в ходе выполнения проекта технических решений характеризуются технической реализуемостью и полезностью, в связи, с чем смогут быть защищены патентами РФ.

Список литературы:

- [1] Генкин Е.В. Влияние перехода к постиндустриальной экономики на стратегические вопросы развития инновационного менеджмента // Инновации в управлении социально-экономическими системами (RCIMSS-2020). – Москва, 2020. – С. 32-35.
- [2] Емельянов А.П. Bitrix24 как инструмент оптимизации бизнес-процессов: влияние CRM и проектного управления на взаимодействие внутри компании // Вестник Белгородского университета

кооперации, экономики и права. - 2025. - № 4(113). - С. 191-202. - DOI 10.21295/2223-5639-2025-4-191-202.

[3] Исаев Э.А. Управление рисками проектного управления в государственном секторе // Управленческий учет. -2022. - № 9-1.- С. 27-34.

[4] Капустина Н.В. Формирование комплексной системы оценки эффективности проектного управления на основе интеграции количественных и качественных методов в условиях ресурсных ограничений // Вестник евразийской науки. - 2025. -Т. 17. № 1. -URL: <https://esj.today/PDF/91ECVN125.pdf> (дата обращения 15.01.2026).

[5] Ланская Д.В. Практика выполнения проектов в компании: группы актуальных проблем, их причины и способы разрешения // Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний. KSEM-2024: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–18 мая 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. -С. 288-307.

[6] Ланчаков А.Б. Методы решения проблем управления инновационными проектами // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2022. -Т. 2, № 10(130). - С. 145-151.

[7] Переходова А.В. Разработка систем интеграции контроллинговых инструментов в проектное управление для повышения устойчивости организационного развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. -2024-. Т. 14, № 9-1. -С. 202-209.- DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.10.02.012.

[8] Тельнов Ю.Ф., Казаков В.А., Данилов А.В., Брызгалов А.А. Разработка моделей производственных и бизнес-процессов сетевых предприятий на основе многоагентных систем // Программные продукты и системы. -2023. -Т. 36. № 4. - С. 632-643.- DOI: 10.15827/0236-235X.144.632-643.

[9] Третьякова З.В. Анализ и сравнение традиционных и гибких методов управления проектами // Актуальные проблемы экономики и управления в строительстве: Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2024.- С. 298-302.

[10] Фоменко Н.М. Проектное управление и управление проектами: опыт, отличия, тенденции и перспективы развития // Лидерство и менеджмент.-2024. - Т. 11, № 3. - С. 1215-1232.

References:

[1] Genkin E.V. The Impact of the Transition to a Post-Industrial Economy on Strategic Issues of Inno-

vative Management Development // Innovations in the Management of Socio-Economic Systems (RCIMSS-2020). - Moscow, 2020. - Pp. 32-35.

[2] Emelianov A.P. Bitrix24 as a Tool for Optimizing Business Processes: The Impact of CRM and Project Management on Interaction Within the Company // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. - 2025. - No. 4 (113). - Pp. 191-202. - DOI 10.21295/2223-5639-2025-4-191-202.

[3] Isaev E.A. Project Management Risk Management in the Public Sector // Management Accounting. -2022. - No. 9-1.- Pp. 27-34.

[4] Kapustina N.V. Formation of a Comprehensive System for Assessing the Effectiveness of Project Management Based on the Integration of Quantitative and Qualitative Methods in the Context of Resource Constraints // Bulletin of Eurasian Science. - 2025. -Vol. 17. No. 1. -URL: <https://esj.today/PDF/91ECVN125.pdf> (accessed 15.01.2026).

[5] Lanskaya D.V. Project Implementation Practice in a Company: Groups of Actual Problems, Their Causes and Solutions // Society and Knowledge Economy, Capital Management: Digital Knowledge Economy. KSEM-2024: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 17-18, 2024. Krasnodar: Kuban State University, 2024. - P. 288-307.

[6] Lanchakov A.B. Methods for solving problems of managing innovative projects // Economics and Management: Problems, Solutions. - 2022. - V. 2, No. 10 (130). - P. 145-151.

[7] Perekhodova A.V. Development of systems for integrating controlling tools into project management to improve the sustainability of organizational development // Economy: yesterday, today, tomorrow. -2024-. Vol. 14, No. 9-1. -P. 202-209.- DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.10.02.012.

[8] Telnov Yu.F., Kazakov V.A., Danilov A.V., Bryzgalov A.A. Development of models of production and business processes of network enterprises based on multi-agent systems // Software products and systems. -2023. -V. 36. No. 4. - P. 632-643.- DOI: 10.15827/0236-235X.144.632-643.

[9] Tretyakova Z.V. Analysis and comparison of traditional and flexible project management methods // Actual problems of economics and management in construction: Proceedings of the II National (All-Russian) scientific and practical conference, St. Petersburg, April 18–19, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2024.- Pp. 298–302.

[10] Fomenko N.M. Project management and project management: experience, differences, trends and development prospects // Leadership and management.-2024. - Vol. 11, No. 3. - Pp. 1215–1232

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-294-301

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ДЕНИКАЕВА Разела Несюровна,

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры
административного и финансового права*

Юридического института ФГАОУ ВО

«Северо-Кавказский федеральный университет»,

e-mail: razela_denikaeva@mail.ru

ЖИДКОВА Ангелина Витальевна,

*Студент, кафедра административного и финансового права
ФГАОУ ВО «Северо-кавказский федеральный университет»,*

e-mail: zhidkova05@mail.ru

КОНДРИН Игорь Денисович,

*Студент, кафедра административного и финансового права
ФГАОУ ВО «Северо-кавказский федеральный университет»,*

e-mail: kondrin005@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ИНФЛЯЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ СТАВКИ НДС КАК ИНСТРУМЕНТА ФИСКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу правовых основ и прогнозируемых макроэкономических последствий, связанных с увеличением ставки налога на добавленную стоимость (НДС) в Российской Федерации, рассматриваемого в качестве ключевого инструмента фискального регулирования. Актуальность работы определяется повышением базовой ставки НДС, что инициирует необходимость глубокого изучения не только нормативно-правового оформления данной реформы, но и её потенциального воздействия на инфляционные процессы, потребительский спрос и финансовое состояние хозяйствующих субъектов, особенно малого и среднего предпринимательства. В качестве методологической базы использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы для анализа эволюции законодательства о НДС, историко-экономический подход для оценки последствий предыдущего повышения ставки в 2019 году, а также метод экономического прогнозирования на основе анализа официальной статистики и экспертных оценок. Особое внимание уделяется двойственной роли НДС: с одной стороны, как стабильного источника доходов федерального бюджета (фискальная функция), а с другой — как инструмента косвенного влияния на экономическую активность и структуру потребления (регулирующая функция). Результаты исследования позволяют систематизировать правовые и экономические риски налоговой реформы и сформулировать практические рекомендации для законодателей и регуляторов, направленные на смягчение негативных инфляционных последствий и поддержку адаптации бизнеса к новым фискальным условиям. Материалы статьи представляют интерес для учёных, специалистов в области налогового права и финансов, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость (НДС), фискальная политика, инфляционные последствия, ставка налога, налоговое законодательство, налоговые реформы, малый и средний бизнес, экономическое прогнозирование.

DENIKAEVA Razela Nesyurovna,

Candidate of Economic Sciences,

*Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law
of the Law Institute North Caucasus Federal University*

ZHIDKOVA Angelina Vitalievna,
Student, Department of Administrative and Financial Law
North Caucasus Federal University

KONDRIN Igor Denisovich,
Student, Department of Administrative and Financial Law
North Caucasus Federal University

LEGAL ASPECTS AND PROJECTED INFLATIONARY CONSEQUENCES OF THE VAT RATE INCREASE AS AN INSTRUMENT OF FISCAL REGULATION

Annotation. *This study provides a comprehensive analysis of the legal foundations and projected macroeconomic consequences associated with the increase of the Value Added Tax (VAT) rate in the Russian Federation, considered as a key instrument of fiscal regulation. The relevance of the work is determined by the upcoming increase of the standard VAT rate, which necessitates an in-depth examination not only of the regulatory framework for this reform but also of its potential impact on inflationary processes, consumer demand, and the financial condition of economic entities, especially small and medium-sized enterprises. The methodological basis of the study includes the comparative legal and formal legal methods for analyzing the evolution of VAT legislation, the historical-economic approach for assessing the consequences of the previous rate increase in 2019, as well as the method of economic forecasting based on the analysis of official statistics and expert assessments. Particular attention is paid to the dual role of VAT: on the one hand, as a stable source of federal budget revenue (fiscal function), and on the other, as an instrument of indirect influence on economic activity and consumption patterns (regulatory function). The results of the study allow for the systematization of legal and economic risks of the tax reform and the formulation of practical recommendations for legislators and regulators aimed at mitigating negative inflationary consequences and supporting business adaptation to new fiscal conditions. The materials of the article are of interest to researchers, specialists in the field of tax law and finance and can also be used in the educational process.*

Key words: Value Added Tax (VAT), fiscal policy, inflationary consequences, tax rate, tax legislation, tax reforms, small and medium-sized business, economic forecasting.

Введение

Актуальность исследования повышения ставки налога на добавленную стоимость (НДС) как фискального инструмента обусловлена его центральной ролью в формировании доходной части государственного бюджета и прямым влиянием на макроэкономическую стабильность. НДС является ключевым источником доходов федерального бюджета России, обеспечивая финансирование социальных программ и государственных нужд, а его регулирующая функция позволяет государству воздействовать на экономическую активность и структуру потребления. В условиях усиления фискальной нагрузки, вызванной внешнеполитическими вызовами и необходимостью реализации масштабных национальных проектов, вопрос оптимизации налоговой политики приобретает особую значимость. Повышение с 1 января 2026 года базовой ставки НДС с 20% до 22% представляет собой важнейший элемент текущей налоговой реформы, требующий всестороннего анализа как с точки зрения правового оформле-

ния, так и с позиций прогнозирования его экономических, в первую очередь, инфляционных, последствий.

Несмотря на наличие ряда научных работ, посвящённых фискальной и регулирующей функциям НДС, анализу его доли в бюджетных доходах и изменениям в законодательстве для малого бизнеса, комплексное исследование, совмещающее правовой анализ повышения ставки с оценкой его прогнозируемого инфляционного эффекта на основе ретроспективного опыта 2019 года, остаётся актуальной научной задачей.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых аспектов и прогнозирование инфляционных последствий повышения ставки НДС как инструмента фискального регулирования в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать эволюцию ставок НДС в России и правовые основания повышения в 2026 г.;

2. Раскрыть фискальную и регулирующую роль НДС в современной налоговой системе и его значение для формирования доходов бюджета;
3. Оценить инфляционные последствия предыдущего повышения ставки НДС в 2019 году на основе ретроспективного анализа;
4. Спрогнозировать потенциальные инфляционные риски и макроэкономические эффекты повышения ставки НДС до 22% в 2026 году;
5. Сформулировать практические рекомендации для законодателей и регуляторов, направленные на смягчение негативных последствий реформы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере правового регулирования налога на добавленную стоимость и его применения в качестве инструмента фискальной политики государства.

Предметом исследования являются нормы налогового законодательства Российской Федерации, регулирующие порядок исчисления и уплаты НДС, а также статистические данные, экономические модели и научные публикации, касающиеся фискальной эффективности и инфляционного воздействия данного налога.

Материалы и методы. Данное исследование основывается на применении совокупности общенаучных и специальных методов, адаптированных к целям анализа фискального регулирования и его экономических последствий. В качестве ключевого был использован сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить нормы налогового законодательства, регулирующие порядок исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) на различных этапах налоговых реформ, в частности при изменениях 2019 года и планируемых на 2026 год. Историко-экономический метод применялся для ретроспективного анализа динамики поступлений НДС и оценки инфляционных последствий предыдущего повышения ставки. Формально-юридический метод обеспечил догматический анализ положений Налогового кодекса Российской Федерации и сопутствующих нормативных актов. Для прогнозирования экономических эффектов был применен метод экономико-статистического анализа на основе официальных данных Федеральной налоговой службы, Росстата и прогнозов ключевых финансовых институтов (Центрального банка РФ, Минфина России). Эмпирическую базу исследования составили тексты нормативных правовых актов, регулирующих НДС в Российской Федерации, статистические отчеты о налоговых поступлениях, а также научные публикации, посвященные фискальной и регулирующей функциям данного налога.

Литературный обзор. Теоретическим аспектам роли налога на добавленную стоимость в бюджетной системе и налоговом регулировании посвящено значительное количество работ отечественных исследователей. Так, Э.Р. Нарбикова в своей работе подчеркивает ключевую роль НДС как основы косвенного налогообложения и его влияние на государственное регулирование производства. Автор акцентирует внимание на двойственной функции налога: фискальной, направленной на формирование доходной базы консолидированного бюджета, и регулирующей, позволяющей стимулировать или сдерживать определенные экономические процессы через льготы и дифференциацию ставок. Исследование подтверждает высокую фискальную значимость НДС, демонстрируя, что в 2024 году за счет его поступлений формировалось 19,1% бюджета РФ, а также отмечает положительную динамику роста налоговых поступлений от НДС, в том числе в условиях изменения логистических цепочек. [2, с. 103]

Соболева А.А. в своей статье, посвященной сущности налога на добавленную стоимость в России, акцентирует внимание на ключевых организационно-правовых аспектах данного налога. Автор подчёркивает его роль как основного федерального налога и важнейшего источника формирования доходов государственного бюджета. Особое внимание уделяется механизму функционирования НДС как косвенного налога, где юридическим плательщиком выступает продавец, а фактическое бремя ложится на конечного потребителя через включение налога в цену. Соболева подробно рассматривает условия признания налогоплательщиком, объекты налогообложения, налоговую базу, ставки и, что особенно важно, — порядок применения налоговых вычетов как центрального элемента возмещения НДС. В заключительной части автор указывает на проблемные вопросы администрирования НДС, такие как уклонение от уплаты через занижение цен, фиктивные операции и незаконное возмещение, что свидетельствует о высоких рисках и сложностях, связанных с этим налогом. [5, с. 177-179]

Тихонова А.В. и Засько В.Н., анализируя экономические эффекты повышения ставки НДС в России с 18 до 20% в 2019 году, выделяют несколько ключевых последствий. Основное внимание авторы уделяют значительному инфляционному всплеску, особенно по продовольственным товарам, и сопутствующему сокращению покупательской способности и объемов потребления населения в краткосрочном периоде. При этом они отмечают выраженный позитивный бюджетный эффект - рост налоговых поступлений

опередил общие доходы консолидированного бюджета. Важным выводом исследования является опровержение гипотезы о существенном негативном влиянии повышения ставки НДС на инвестиционную активность в масштабах всей экономики. В итоге авторы подчёркивают, что основное бремя реформы легло на население из-за регрессивного характера НДС, и предлагают в качестве компенсирующей меры увеличение социальных трансфертов при аналогичных налоговых изменениях в будущем. [6, с. 42-45]

Наконец, Ионова А.П. фокусируется на перспективной налоговой реформе в 2026 году, ключевыми элементами которой являются дальнейшее повышение основной ставки НДС с 20% до 22% и радикальное сокращение лимита доходов для освобождения от НДС при УСН — с 60 до 10 млн рублей, что приведет к значительному расширению круга плательщиков налога, росту налоговой нагрузки и усложнению администрирования для малого бизнеса. [1, с. 218]

Результатом проведенного исследования была проанализирована правовая база и экономические аспекты повышения ставки налога на добавленную стоимость. Систематизированы исторические изменения ставок НДС и детально рассмотрены предстоящие реформы, включая повышение базовой ставки. Подтверждена ключевая фискальная роль НДС как основного источника доходов федерального бюджета и раскрыта его двойственная фискально-регулирующая функция. На основе ретроспективного анализа последствий повышения 2019 года оценен его инфляционный эффект, что позволило сформировать прогноз одноразового ценового шока, с максимальным воздействием на сектор непродовольственных товаров и услуг.

Налог на добавленную стоимость (НДС) представляет собой форму изъятия в бюджет части прироста (добавленной) стоимости, которая создаётся на всех стадиях процесса производства и реализации товаров, работ, услуг и вносится в бюджет по мере их реализации. [3, гл. 21]

Согласно Налоговому кодексу РФ, НДС является федеральным налогом и обязателен к применению на всей территории страны (гл. 21 НК РФ). Правовой основой его взимания выступает вторая часть НК РФ, вступившая в силу с 1 января 2001 года.

Налогоплательщиками, согласно ст. 143 НК РФ, являются организации и индивидуальные предприниматели, за исключением лиц, применяющих специальные налоговые режимы (например, УСН, ЕСХН), если иное не предусмотрено законом.

Объектом налогообложения признаются операции по реализации товаров (работ, услуг) на территории РФ, передача имущественных прав, выполнение строительно-монтажных работ для собственного потребления, а также ввоз товаров на таможенную территорию РФ (ст. 146 НК РФ).

История ставок НДС в России отражает динамику налоговой политики государства. С момента введения НДС в 1992 году базовая ставка была установлена на уровне 28%. [11, с. 121] Уже с 1 января 1993 года она была дифференцирована: установлены ставки 10% для льготных категорий товаров (продовольствие, товары для детей) и 20% для всех остальных товаров, работ, услуг. В 2004 году общая ставка была снижена до 18%, сохранив пониженную ставку в 10%. На протяжении долгого периода данная модель оставалась неизменной, обеспечивая стабильные фискальные поступления.

Знаковым изменением стало повышение основной ставки НДС с 18% до 20%, вступившее в силу с 1 января 2019 года. Как отмечают исследователи, данная мера была направлена прежде всего на увеличение доходов федерального бюджета, что и было достигнуто. Правовым основанием для данного повышения выступил Федеральный закон от 03.08.2018 № 303-ФЗ, которым были внесены соответствующие поправки в главу 21 НК РФ.

Уже с 1 января 2026 года произошло новое повышение основной ставки НДС — с 20% до 22%. Правовым основанием для этого служит законопроект № 1026190-8 «О внесении изменений в части первую и вторую НК РФ...», внесённый в Государственную Думу РФ. Это изменение является частью масштабной налоговой реформы, направленной на поиск дополнительных бюджетных доходов в условиях существующего дефицита.

Помимо повышения ставки, реформа предполагает кардинальное сокращение лимита доходов, дающего право на освобождение от НДС для субъектов на упрощённой системе налогообложения (УСН). Планируется снижение порога с 60 млн. рублей до 10 млн. рублей, что существенно расширит круг плательщиков НДС. Для пользователей «упрощенки» вводится переходный период с пониженными ставками (5% и 7%) без права на налоговые вычеты.

Таким образом, эволюция ставок НДС демонстрирует явную тенденцию к их повышению в ключевые периоды необходимости пополнения бюджета, что подчёркивает фискальный приоритет данного налога. Каждое изменение закрепля-

ется через внесение поправок в Налоговый кодекс РФ, что обеспечивает его легитимность и обязательность применения.

В этом аспекте стоит отметить, что НДС играет двойственную роль в налоговой системе, выступая одновременно как мощный фискальный инструмент и инструмент государственного регулирования экономики.

Регулирующая функция проявляется в целенаправленном влиянии на экономические процессы, а именно: в стимулировании или сдерживании определенных видов деятельности, в поддержании тех или иных отраслей хозяйствования, в регулировании внешней торговли, в сбалансировании спроса и предложения. [12, с. 149-152] Фискальная функция налога на добавленную стоимость заключается в обеспечении стабильных и существенных поступлений денежных средств в государственный бюджет за счёт изъятия части добавленной стоимости на всех этапах производства и реализации товаров, работ или услуг. [9, с. 223] Суть функции заключается в том, что она является надежным, устойчивым и эффективным источником доходов для государства.

Фискальная роль НДС по большей части зависит от обстоятельств, в которых существует налог, а именно:

1. Законодательная база, регулирующая порядок исчисления и изъятия НДС;
2. Особенности функционирования налоговой системы;
3. Доля теневого сектора;
4. Общеэкономические условия;
5. Административные и поведенческие факторы налогоплательщиков.

Немаловажную роль для фискального потенциала играет и политическая обстановка, в которой реализуется налог. Факторами, влияющими на НДС в рассматриваемом аспекте, могут быть как факторы давления бюджетных нужд, в частности, вызванные внешнеполитическими процессами, которые приводят к усилению налогового администрирования, так и лоббистские исключения, международные ограничения (санкции), что провоцируют уклонения от уплаты и сужение налоговой базы, в конечном счете снижают реальные поступления, что в итоге позволяет нам говорить об отрицательном или положительном потенциале. Это отражает влияние на активность и результативность хозяйствующих субъектов, объемы производства и продаж.

Не можем пройти мимо влияния финансового аспекта на фискальный потенциал НДС. Во-первых, он проявляется в макроэкономической ситуации, роста ВВП, объемов производства и

потребления, напрямую влияет на расширение налоговой базы, а также в качестве налогового администрирования, а точнее, в борьбе с уклонением от уплаты и цифровизации процесса, которые, в частности, снижают недобор и увеличивают собираемость налога. Во-вторых, хочется выделить точку зрения Харченко В.И., приведенную в научной статье, в которой анализируется фискальная роль НДС о том, что «Кадровые факторы влияния на фискальный потенциал НДС связаны с финансовыми». Мы считаем, что они проявляются в двух основных сторонах налоговых отношений: налогоплательщиках и налоговых органов. [10, с. 27] Проявление данных факторов прослеживается в оплате труда, степени реализованности социальной политики, уровне подготовки кадров.

Предлагаем рассмотреть НДС как инструмент фискального регулирования, прежде всего, через призму налоговой политики, которая справедливо отнесена многими учеными в состав методов государственного налогового регулирования. «Налоговая политика – это конечная цель управления налогообложением, конкретный результат. Налоговая политика представляет собой совокупность государственных мероприятий в области налогообложения, направленных на достижение определенных целей. В качестве целей налоговой политики выступают фискальная, социальная, международная, экономическая, экологическая» [7, с. 24].

В контексте данного исследования наибольший интерес проявляет фискальная цель, которая заключается в максимальном наполнении бюджета за счет собираемости налогов.

В целом, фискальная политика государства — это комплекс мер, предпринимаемых правительством для воздействия на экономику путём изменения государственных расходов и налогообложения. [8, с. 57]

Фискальное регулирование через НДС подразумевает использование налоговых льгот, ставок и вычетов для стабилизации бюджета, стимулирования экономического роста и перераспределения доходов. По нашему мнению, их можно объединить в категорию «фискальные механизмы НДС», которые в совокупности значительно влияют на развитие отношений между хозяйствующими субъектами.

Регулирующая функция НДС тесно связана с фискальной: устанавливая льготы для приоритетных отраслей, государство может стимулировать их развитие, но при этом осознанно ограничивает фискальный эффект на этих направлениях. В то же время, повышение общей ставки служит в первую очередь фискальной цели, ока-

зывая при этом регулирующее (зачастую сдерживающее) влияние на потребительский спрос и инфляцию.

Ретроспективный анализ повышения базовой ставки НДС с 18% до 20%, вступившего в силу 1 января 2019 года, позволяет выявить ключевые инфляционные последствия данной меры. Как отмечают исследователи Тихонова А.В. и Засько В.Н., основным негативным эффектом реформы стало ускорение темпов инфляции, особенно выраженное по продовольственным товарам, что наиболее сильно сказалось на сокращении покупательской способности населения. Согласно их данным, инфляция в 2019 году резко выросла, причем по продовольственным товарам — практически в два раза. Это подтверждается динамикой индекса потребительских цен (ИПЦ): если в IV квартале 2018 года ИПЦ по всем товарам и услугам составлял 103,87%, то в I квартале 2019 года он подскочил до 105,16%, достигнув пика по продовольственным товарам.

Однако важно отметить, что инфляционный шок носил относительно краткосрочный характер. Оценка Банка России, заложенная в прогноз, составляла около 1 процентного пункта, и в целом этот прогноз оправдался. Уже ко второй половине 2019 года наблюдалось постепенное замедление инфляции. Так, в секторе продовольственных товаров в отдельные месяцы отмечалась дефляция, а к декабрю 2019 года годовой темп прироста цен на продовольствие снизился до 2,6%. Это указывает на то, что экономика, включая потребителей и бизнес, в определенной степени адаптировалась к новым условиям.

Таким образом, повышение НДС в 2019 году выполнило свою фискальную задачу, обеспечив значительный прирост бюджетных доходов, но одновременно выступило в роли мощного инфляционного фактора, ударившего по реальным доходам граждан.

Обсуждение

Проведенный ретроспективный анализ позволяет провести аналогии и выявить закономерности, которые могут проявиться при повышении ставки НДС в 2026 г. Опыт 2019 года демонстрирует, что рост НДС, будучи косвенным налогом, напрямую транслируется в рост потребительских цен, запуская инфляционную спираль. [4, с. 299] С одной стороны, государство достигает фискальной цели, существенно пополняя бюджет. С другой стороны, регрессивная природа НДС (поскольку он составляет большую долю в расходах низкодоходных групп) делает основное бремя реформы социально несправедливым, перекладывая его на конечного потребителя.

Повышение базовой ставки НДС с 20% до 22% с 1 января 2026 года, закрепленное в законопроекте № 1026190-8, с высокой долей вероятности повторит и, возможно, усилит негативные сценарии 2019 года. Основным каналом воздействия станет прямой рост издержек для бизнеса, который, в условиях ограниченной возможности поглощения затрат, будет перенесен на конечные цены. Как справедливо отмечает Президент РФ В.В. Путин, обсуждая подобные меры в широком контексте, «мы надеемся, что это временная мера», подчеркивая вынужденный характер таких решений в ответ на текущие бюджетные вызовы и их потенциально ограниченный по времени эффект.

Прогнозы ключевых финансовых институтов варьируются, но сходятся в оценке значительного инфляционного давления. Центральный банк РФ ожидает вклад повышения НДС в инфляцию на уровне 0,6–0,8 процентных пункта, при этом основной скачок цен прогнозируется в январе 2026 года. Помимо разового ценового шока, следует ожидать вторичных макроэкономических эффектов, а именно снижение потребительского спроса, замедление экономического роста и усиление регрессивности налоговой системы.

Заключение

Проведенный анализ эволюции ставок НДС, их фискальной роли и инфляционных последствий позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций для законодателей и регуляторов, направленных на смягчение негативных социально-экономических эффектов от повышения ставки.

Во-первых, учитывая регрессивный характер НДС и основной удар по благосостоянию населения, критически важной становится синхронная реализация компенсационных социальных мер. Целесообразно предусмотреть опережающую индексацию ключевых социальных трансфертов (пенсий, пособий, стипендий) сверх обычного уровня инфляции.

Во-вторых, в отношении малого и среднего бизнеса, для которого новые правила означают резкое усложнение администрирования и рост нагрузки, необходим не просто переходный период со специальными ставками, но и комплекс мер поддержки. Следует рассмотреть возможность введения расширенных налоговых каникул, субсидирования затрат на цифровизацию учетных процессов и предоставления консультационной поддержки для адаптации к новым требованиям.

В-третьих, для контроля за инфляционными процессами и недопущения необоснованного

роста цен необходима активизация инструментов мониторинга и контроля. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) должна усилить надзор за ценообразованием в ключевых потребительских сегментах, а Минэкономразвития и ЦБ РФ — вести постоянный мониторинг инфляционных ожиданий и оперативно корректировать прогнозы.

Таким образом, успех предстоящей реформы НДС будет зависеть не только от достижения фискальных целей, но и от способности государства комплексно управлять сопутствующими социальными и инфляционными рисками. Учет уроков 2019 года и реализация упреждающих стабилизационных мер позволят минимизировать издержки перехода и сохранить социально-экономическую стабильность.

Список литературы:

[1] Ионова А.П. Эволюция налогового законодательства в 2026 году: анализ изменений в системе налога на добавленную стоимость (НДС) // Трансформация институциональной среды агропродовольственного комплекса в рамках парадигмы устойчивого развития: Секция 3. — 2025. — С. 217–220.

[2] Нарбикова Э.Р. Роль налога на добавленную стоимость в налоговой системе РФ и в формировании доходной части бюджета страны // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2025. — № 6 (87). — Т. 5. — Ч. 1. — С. 101–106.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.11.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

[4] Ряжена М. А. Анализ изменений налогового законодательства по налогу на добавленную стоимость // Актуальные вопросы экономики предприятий и отраслей: поиск и выбор решений. — 2024. — С. 297–300.

[5] Соболева А.А. Сущность налога на добавленную стоимость в России // Территория науки. — 2018. — № 3. — С. 175–181.

[6] Тихонова А.В., Засько В.Н. Экономические эффекты изменения ставок НДС в России // Налоги и налогообложение. — 2023. — № 4. — С. 39–53.

[7] Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики : учебник / Н. А. Истомина, Е. А. Смородина, Т. Д. Одинокова, Ю. С. Долганова и др. ; под общ. ред. Н. А. Истоминой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. — Екатеринбург :

Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 302 с. : ил. — Библиогр.: в конце глав. — экз. — ISBN 978-5-7996-3157-4. — Текст : непосредственный.

[8] Фискальная политика: краткий курс лекций для студентов 3 курса направления подготовки 38.03.01 Экономика / сост. Котар О.К. // ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ». — Саратов, 2016. — 125 с.

[9] Халилова М. Э. Фискальная и регулирующая роль НДС в современной налоговой системе РФ // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: материалы IX Международной научно-практической конференции. — 2023. — С. 222–226.

[10] Харченко В. И. Фискальная роль налога на добавленную стоимость в налоговой политике государства // Научные записки молодых исследователей. — 2019. — № 3. — С. 24–30.

[11] Хлопонина В.С., Вольная С.А., Акова С.В. и др. НДС на текущем этапе развития Российской Федерации: состояние и методы его совершенствования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 12. Т. 9. С. 119–127.

[12] Зотиков Н.З. Функции НДС, актуальные проблемы администрирования // Вестник университета. 2023. № 2. С. 146–155.

References:

[1] Ionova A.P. Evolution of tax legislation in 2026: analysis of changes in the value added tax (VAT) system//Transformation of the institutional environment of the agri-food complex within the framework of the sustainable development paradigm: Section 3. — 2025. - S. 217–220.

[2] E.R. Narbikova. The role of value added tax in the tax system of the Russian Federation and in the formation of the revenue side of the country's budget// International scientific journal "Vestnik Nauki." — 2025. — № 6 (87). - VOL. 5. - PART 1. - S. 101–106.

[3] Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ (rev. dated 28.11.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

[4] Ryazhen M. A. Analysis of changes in tax legislation on value added tax//Current issues of the economy of enterprises and industries: search and choice of solutions. — 2024. - S. 297–300.

[5] Soboleva A.A. Essence of value added tax in Russia//Territory of science. — 2018. — № 3. - S. 175–181.

[6] Tikhonova A.V., Zasko V.N. Economic effects of changes in VAT rates in Russia//Taxes and taxation. — 2023. — № 4. - S. 39–53.

[7] Financial and monetary methods of regulating the economy: textbook/N. A. Istomina, E. A. Smorodina, T. D. Odinkova, Yu. S. Dolganova and oth-

ers; under the general. ed. N. A. Istomina; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State Economic University. - Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2020. - 302 p.: Ill. - Bibliography: at the end of chapters. - copy - ISBN 978-5-7996-3157-4. - Text: direct.

[8] Fiscal policy: a short course of lectures for students of the 3rd year of training 38.03.01 Economics/comp. Kotar O.K./FSBEI HE "Saratov GAU." - Saratov, 2016. - 125 s.

[9] Khalilova M.E. Fiscal and regulatory role of VAT in the modern tax system of the Russian Federation//Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: materials of the IX

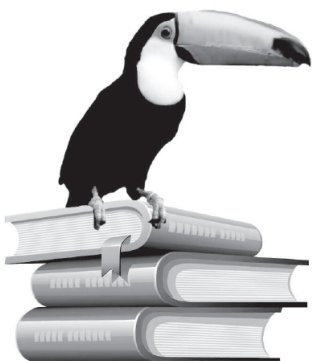
International Scientific and Practical Conference. — 2023. - S. 222-226.

[10] Kharchenko V.I. The fiscal role of value added tax in the tax policy of the state//Scientific notes of young researchers. — 2019. — № 3. - S. 24-30.

[11] Khloponina V.S., Volnaya S.A., Akoeva S.V. and others. VAT at the current stage of development of the Russian Federation: the state and methods of its improvement//Economics and management: problems, solutions. 2024. № 12. VOL. 9. S. 119-127.

[12] Zotikov N.Z. VAT functions, current problems of administration//University Bulletin. 2023. № 2. S. 146-155.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-302-305

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ВАСИЛЬЕВА Евгения Николаевна,
доктор искусствоведения, кандидат юридических наук,
почетный член Российской академии художеств,
член Творческого союза художников России,
юрист коллегии адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗНАЧЕНИЕ АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. Апокалиптическая мысль приобрела широкое освещение в книгах Откровение Иоанна Богослова и Книге пророка Даниила. Наиболее явной причиной формирования подобной мысли, то есть предзнаменования апокалипсиса, стали процессы гонения против христиан. Апокалипсис становился итогом того, что люди начали отворачиваться от Бога, в частности, в области права. В книге «Даниил» отмечалось, что правители городов зачастую стремились посредством права не выявить истину и уладить спор, а наоборот, защитить свои меркантильные интересы. То есть сама концепция справедливости была переключена в пользу властителей. Данное исследование ставит своей целью выявить то, каким значением обладает апокалиптическая мысль для современного гражданского права, выяснить, что послужило причинами апокалипсиса согласно христианским книгам, а также проанализировать тенденции современного мира, к которым может быть применена апокалиптическая мысль.

Ключевые слова: апокалипсис, правотворчество, гражданское право, Христианство, справедливость.

VASILYEVA Evgeniya Nikolaevna,
Doctor of Art History, PhD in Law, Honorary Member
of the Russian Academy of Arts, member of the Creative
Union of Artists of Russia, lawyer at the Gridnev,
Kharitonov and Partners Bar Association

THE SIGNIFICANCE OF APOCALYPTIC THOUGHT FOR CIVIL LAW

Annotation. Apocalyptic thought has gained wide coverage in the books «The Revelation of John the Theologian» and «Daniel». The most obvious reason for the formation of such a thought, that is, the omens of the apocalypse, were the processes of persecution against Christians. The apocalypse was the result of the fact that people began to turn away from God, in particular, in the field of law. In the book «Daniel» it was noted that the rulers of cities often sought through the law not to reveal the truth and settle the dispute, but on the contrary, to protect their mercantile interests. That is, the very concept of justice was redrawn in favor of the rulers. This study aims to identify the significance of apocalyptic thought for modern civil law, to find out what caused the apocalypse according to Christian books, as well as to analyze the trends of the modern world to which apocalyptic thought can be applied.

Key words: apocalypse, law-making, civil law, Christianity, justice.

Введение

Библия завершается Откровением Иоанна Богослова, роль этого откровения для современности оспаривается. Современные исследователи задаются вопросом: «Какое отношение многоголовые звери и воины в залитых кровью оде-

ждах имеют к современному состоянию церкви или мира?» [9]. Аналогичные вопросы можно задать и ветхозаветной Книге Даниила, содержащей собственные апокалиптические образы, влияние которых прослеживается в книге «Откровение».

Цель данной статьи – прояснить, чему учат нас книги Даниила и Откровения Иоанна Богослова в отношении принципов гражданского права. На первый взгляд, это может показаться сложной задачей, поскольку, в отличие от Исхода и Второзакония, эти две книги не содержат обширного перечня Божьих законов для Израиля или четкого применения этих законов. Однако, если рассматривать главы Даниила и Откровения в контексте того, что Библия в целом учит о Законе, можно сделать несколько важных выводов о том, как Закон может отвечать на необоснованные эсхатологические аргументы, утверждающие, что определенные действия приведут к «концу света». Книги Даниила и Откровения также показывают, как жестокие лидеры манипулируют Законом в своих целях и как христианская община, тем не менее, может выстоять.

Для того чтобы понять, какой вклад Даниил и Откровение могут внести в наше понимание гражданского права, полезно разобраться в отношениях между Законом и пророками в целом. Бог открыл Закон Израилю через Моисея. Завет Моисея – это предоставление Богом своему народу Закона, который он уже пересмотрел на основе своего предыдущего завета с Авраамом (Исх. 20:2). Закон Моисея содержал обещания благословений за послушание и предупреждения о наказании за непослушание (например, Лев. 26; Втор. 28). Израильский народ будет коллективно благословен, если будет соблюдать Божий закон, и наказан, если отвергнет его. В случае непослушания окончательное наказание – изгнание из земли (например, Втор. 28:64).

Действие Книги Даниила происходит в период изгнания в VI веке. Первые шесть глав повествуют о событиях с 605 года (год изгнания Даниила) по 536 год до н.э. Эти главы можно охарактеризовать как судебные повествования, в которых подробно описывается взаимодействие Даниила с иностранными дворами. Пророчества в последних шести главах посвящены событиям, выходящим за рамки времени изгнания.

В главе 3 описано неповиновение Даниила и его друзей приказу царя поклониться идолам (явный акт гражданского неповиновения). Главы 4 и 5 Книги Даниила описывают Божий суд над высокомерным царем-человеком. Последнее видение в главе 6 – самое сложное в Библии. Глава 7 Даниила, как и глава 2 Даниила, описывает установление Божьего царства после четырех человеческих царств. Глава 8 Даниила – это видение о Мидо-Персидской и Греческой империях. В главе 11 Даниила также описывается нечестие Антиоха Епифана и другого такого же нечестивого царя.

Прежде чем перейти к описанию того, какой вклад внесли книги Даниила и Откровение в дискуссию о гражданском праве, важно отметить, что у них есть общие черты. Во-первых, и это наиболее очевидно, обе книги содержат обширные описания символических ссылок на злое, звериное человеческое царство. В первый год царствования Велсара у Даниила было видение, описанное в книге Даниила 7 (Дан. 7:1): он увидел небесные ветры, поднимающие море (Дан. 7:2), из которого выходили четыре огромных зверя.

В обеих книгах отказ верующих от участия в идолопоклонстве приводит к жестоким гонениям. Отказавшись грешить и не подчинившись Навуходоносору, Даниил и его спутники были брошены в огненную печь (Дан. 3:19-23). В Откровении зверь ведет войну против святых (Откр. 13:7). Откровение наполнено упоминаниями о гонениях и мученической смерти. Так письмо в Смирну призывает верующих быть верными до самой смерти (Откр. 2:10), а в главе, описывающей суд за пятой печатью, Иоанн видит «души тех, кто был убит за слово Божье и за свидетельство, которое они принесли» (Откр. 6:9). Вавилон великий описывается как «опьяненный кровью святых, кровью мучеников Иисуса» (Откр. 17:6). Таким образом, Даниил и Откровение имеют схожий акцент на гонениях верующих и призыв оставаться верными до конца.

На основе книг Даниила и Откровения рассматриваются две темы, имеющие особое значение для гражданского права в XXI веке: (1) как закон должен реагировать на апокалиптические заявления о том, что действия человека могут уничтожить мир, и (2) как реагировать на несправедливые государства, требующие от своих подданных полной преданности и даже поклонения.

Апокалиптический характер книг Даниила и Откровения призван раскрыть действия Бога в прошлом, настоящем и будущем. Как утверждает один библейский ученый: «Суть апокалиптики заключается в прямом доступе к небесному миру и его божественным истинам» [8, р. 25].

Рассмотрим теперь значение апокалиптической мысли для гражданского права: три утверждения о будущем формировали право с начала XX века. Разрушительные последствия двух мировых войн и последующее развитие ядерного оружия привели к широкому распространению опасений относительно того, что конец света, по-видимому, неминуем. Ядерное и другие виды оружия массового поражения впервые создали угрозу разрушений в глобальном масштабе. Избежать подобных последствий пытались многочисленные международные и внутригосударственные институты, были подписаны договоры о создании Лиги Наций после Первой мировой войны и Организации Объ-

единенных Наций после Второй мировой войны, а также договоры о контроле над вооружениями и нераспространении ядерного оружия, заключенные во время и после холодной войны.

К 1970-м годам экологические угрозы замечали ядерную войну как наиболее вероятную причину глобального вымирания всего живого, многие пророки предупреждали, что человечество не выживет, если природные ресурсы Земли будут исчерпаны; в 1972 г. Римский клуб представил доклад о пределах роста, сделав вывод о том, что в случае сохранения текущих тенденций, пределы роста будут достигнуты в течение следующих ста лет и наиболее вероятным результатом этого станет внезапный и неконтролируемый спад промышленного потенциала и численности населения [5, р. 29].

В книге «Замыкающийся круг» Барри Коммонера предсказывалось, что нынешние тенденции могут разрушить способность окружающей среды поддерживать цивилизованное человеческое общество, оставив лишь «разновидность неоварваризма» с крайне неопределенным будущим [2]. Избежать такой участи, по мнению этих авторов, можно только с помощью жестких законов, ограничивающих рост численности населения, регулирующих эксплуатацию природных ресурсов и запрещающих распространение загрязнений.

Изменение климата пришло на смену более общим предупреждениям о влиянии экономического роста на окружающую среду в качестве причины надвигающегося экологического апокалипсиса. Известные ученые в области экологического права утверждают, что изменение климата сопровождается «заявлениями об апокалипсисе» [6, р. 1122] и что наихудшие сценарии, прогнозируемые научным сообществом, в определенной степени соответствуют Библии.

Ученые и экологи обеспокоены тем, что продолжающиеся выбросы парниковых газов коренным образом изменят климат Земли и сделают ее непригодной для жизни. Майк Халм описывает эти заявления, как «катастрофическое изменение климата» (в отличие от обычного изменения климата) [3, р. 345].

И вновь утверждается, что законодательство сыграет ключевую роль в том, чтобы помочь миру избежать подобной участи. В ходе международных дебатов о новом климатическом соглашении не раз звучали заявления о том, что судьба мира находится в руках мировых лидеров, собравшихся в Копенгагене в 2009 году.

Ни в Книге Даниила, ни в Откровении гражданское право не является силой добра. Напротив, в обеих книгах государство не обращает вни-

мания на библейские принципы справедливости и использует закон в своих целях. Государство присваивает себе все полномочия и стремится их использовать.

Преследование верующих светскими властями – еще одна повторяющаяся тема Откровения. Все семь церквей, получивших послания в главах 2 и 3 Откровения, подвергаются гонениям со стороны римского правительства. Образ зверя в Откровении 13 дает еще одно представление о разрушительной силе государства. Как и царь в книге Даниила, зверь – это символ постоянного обожествления светской власти [7, р. 337]. Исторический период, изображенный в Откровении, был временем поклонения императорам, когда государство было готово наказать тех, кто не подчинялся его приказам.

Это объясняется тем, что книги Даниила и Откровения дают нам представление о том, что представляет собой жизнь под властью злого тирана, и призывают нас к упорству. Если в Пятикнижии Закон описывает жизнь Израиля под властью Бога, то Даниил и Откровение дают нам представление о жизни под властью зверя. Упомянутые выше книги описывают гражданское право, пришедшее в упадок под властью безбожных тиранов и тираний. В них изображено человеческое царство, в котором правит антизакон Антихриста, поклоняющийся тем, кто творит зло, и преследующий тех, кто творит добро.

Апокалипсис Иоанна Богослова представляет собой исчерпывающую пророческую критику римской системы власти. Этот критический анализ делает Откровение самым мощным произведением литературы политического сопротивления ранней Римской империи. Христиане должны сопротивляться Риму не только потому, что Рим преследует христиан. Скорее, потому что христиане должны отделять себя от зла римской системы и, вероятнее всего, будут преследоваться [1, р. 38].

Или, как объясняет Стивен Смолли, ключевым политическим вопросом в Откровении является власть; и в определенном смысле книга посвящена главным образом этому вопросу. Более того, видение Апокалипсиса бросает вызов церкви и обществу, дабы использовать свою власть справедливо [8, р. 25].

Требования такого государства представляют дилемму для тех, кто отрицает высшую власть. С одной стороны, Х.А. Айронсайд писал, что отстранение христиан от власти было бы подобно прорыву дамбы, позволив стремительным водам анархии захлестнуть все земли. Подумайте, как зло тогда будет усиливаться, если

Сохраняющая сила праведности уйдет, и массы людей предадутся коррупции и насилию [4, р. 147]. И здесь стоит вспомнить, что Даниил и его соратники служили при царе Вавилона.

Но участие в несправедливом государстве также сопряжено с опасностями. Бен Уизерингтон отмечает, что одна из главных функций, которую Откровение может выполнять для христианской общины сегодня, – это предостережение от чрезмерной ассимиляции в доминирующую нехристианскую культуру. Он также добавляет, что «апокалиптическая литература по самой своей природе является литературой сопротивления» [9].

Книги Даниила и Откровения содержат в себе предупреждение о том, что государство не всегда использует закон в своих интересах, и необходимо осуществлять регулирование общественной деятельности в рамках добра и справедливости во избежание упадка и деградации.

Список литературы:

- [1] Bauckham R. The Theology of the Book of Revelation, New Testament Theology. New York, 1993.
- [2] Commoner B. The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. New York, 1971.
- [3] Hulme M. Why We Disagree About Climate Change. Cambridge, 2009.
- [4] Ironside H.A. Revelation. New Jersey, 1996.
- [5] Meadows D. Et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, 1972.

[6] Purdy J. The Politics of Nature: Climate Change, Environmental Law, and Democracy. Yale Law Journal. №119. 2010.

[7] Smalley S. The Revelation to John: A Commentary on the Greek Text of the Apocalypse. Downers Grove, 2005.

[8] Smalley S. Thunder and Love: John's Revelation and John's Community. Eugene, 2013.

[9] Witherington B. Revelation. New York, 2003.

References:

[1] Bauckham R. The Theology of the Book of Revelation, New Testament Theology. New York, 1993.

[2] Commoner B. The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. New York, 1971.

[3] Hulme M. Why We Disagree About Climate Change. Cambridge, 2009.

[4] Ironside H.A. Revelation. New Jersey, 1996.

[5] Meadows D. Et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, 1972.

[6] Purdy J. The Politics of Nature: Climate Change, Environmental Law, and Democracy. Yale Law Journal. №119. 2010.

[7] Smalley S. The Revelation to John: A Commentary on the Greek Text of the Apocalypse. Downers Grove, 2005.

[8] Smalley S. Thunder and Love: John's Revelation and John's Community. Eugene, 2013.

[9] Witherington B. Revelation. New York, 2003.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-306-313

ЦЕЛОВАЛЬНИКОВА Ирина Юрьевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
OPCID - 0000-0003-1061-1393, Москва,
e-mail: youlaw@rambler.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Рассматривая вопросы правового регулирования, принято говорить о системе права и о дифференциации отраслей права. Вместе с тем, в рамках существующей правовой системы и сложившихся норм правового регулирования можно констатировать наличие системной взаимосвязи, позволяющей субъектам различных правоотношений обеспечить полноценную защиту своих прав. На это так же обращает внимание Конституционный Суд РФ, указывая на необходимость применения действующего законодательства в системной взаимосвязи норм частного и публичного права. Данное правило отражено и в нормативно-правовых актах, регулирующих общественные отношения по поводу противодействия коррупционным правонарушениям. Законодатель стремится осуществить комплексное правовое регулирование в сфере противодействия коррупции, создавая приемы и способы защиты прав как публично-правовой, так и частноправовой направленности. Соответственно, создание и применение действующей системы законодательства направлено на защиту конституционных прав и свобод участников правоотношений и основывается на связи норм частного и публичного права.

Основная цель и задачи представленного исследования заключаются в изучении и проведении анализа действующего законодательства, направленного на упорядочивание общественных отношений и противодействие коррупции в сфере гражданского-правового регулирования и правоприменительной практике.

В процессе подготовки настоящей статьи и проведения исследования, автором использовались следующие подходы и методы исследования: эмпирические, теоретические, общелогические методы и специальные юридические методы. В рамках общенаучного метода были использованы диалектический и исторический материализм, формальная логика, системный анализ и моделирование.

В работе сделан вывод о том, что, несмотря на публично-правовой характер коррупционных преступлений, в частноправовой сфере так же закреплены нормы, направленные на противодействие коррупции в рамках оснований прекращения права собственности на имущество, приобретенное на незаконные доходы. Отмечается, что противодействуя коррупции в частноправовой сфере судебная практика исходит из необходимости системного применения действующего законодательства, указывая на недопустимость смешения различных видов юридической ответственности.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупционным правонарушениям, гражданско-правовые способы защиты, основания прекращения права собственности.

TSELOVALNIKOVA Irina Yu.,
associate professor of the department of civil law
of the Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
associate professor, PhD in Law (Moscow)

COMBATING CORRUPTION IN THE PRIVATE LAW SECTOR

Annotation. When considering issues of legal regulation, it is customary to talk about the legal system and the differentiation of branches of law. At the same time, within the framework of the existing legal system and the established norms of legal regulation, it is possible to state the existence

of a systemic relationship that allows subjects of various legal relations to ensure full protection of their rights. The Constitutional Court of the Russian Federation also draws attention to this, pointing out the need to apply the current legislation in the systemic relationship of the norms of private and public law. This rule is also reflected in the legal acts regulating public relations regarding combating corruption offenses. The legislator seeks to implement comprehensive regulation in the field of combating corruption, creating techniques and methods for protecting rights in public and private law orientations. Accordingly, the creation and application of the current system of legislation is aimed at protecting the constitutional rights and freedoms of participants in legal relations and is based on the relationship between the norms of private and public law. The main goal and objectives of the presented research are to study and analyze the current legislation aimed at streamlining public relations and combating corruption in the sphere of civil turnover and law enforcement practice.

In the process of preparing this article and conducting the research, the author used the following approaches and research methods: empirical, theoretical, general logical methods and special legal methods. Within the framework of the general scientific method, dialectical and historical materialism, formal logic, systems analysis and modeling were used.

The paper concludes that, despite the public-law nature of corruption crimes, in the private law sphere there are also norms aimed at combating corruption within the framework of the grounds for terminating the right of ownership of property acquired with illegal income. It is noted that in combating corruption in the private law sphere, judicial practice is based on the need for a systematic application of current legislation, indicating the inadmissibility of mixing different types of legal liability.

Key words: *corruption, counteraction to corruption offenses, civil law methods of protection, and grounds for termination of ownership rights.*

Обращение к данной теме связано с особым значением коррупционных преступлений и их последствий для любого общества и государства, стремящихся к установлению и поддержанию правопорядка, а также в связи с научной дискуссией, возникшей по поводу решения Конституционного Суда РФ, изложенного в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второй статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» [9].

Как отмечается в научной литературе: «коррупция современности - масштабное многофакторное явление, носящее сугубо негативный социально-правовой характер. Она в той или иной степени затрагивает практически все сферы общественных отношений, в том числе связанные с осуществлением прав и свобод человека и гражданина, провоцируя возникновение многопрофильного комплекса явных и скрытых последствий, при определении видов и размеров которых не следует ограничиваться рассмотрением только того вреда, который наносится совершением преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, попавших в официальную статистическую отчетность» [3, р. 58].

Несмотря на очевидность публичного характера норм, направленных на правовое регулирование противодействия коррупции, при их совершении могут возникнуть правовые последствия, которые по своей правовой природе относятся к

предмету частноправового регулирования. А именно: возникающие в результате совершения коррупционного преступления юридические факты могут являться основаниями возникновения обязательств в сфере гражданского права, в том числе возникновение последствий в виде гражданско-правовой ответственности субъектов преступления. Соответственно, несмотря на публично-правовой характер правоотношений, связанных с коррупционными деяниями, гражданским правом также выработаны приемы и способы, направленные на реализацию карательных функций охранительных норм, призванных сбалансировать права и интересы субъектов от последствий незаконных действий или бездействия в рамках гражданского правоотношения.

Как было отмечено в информации Конституционного Суда Российской Федерации: «Коррупция - особенно опасное социальное явление. Она разрушает и угнетает сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, подрывает веру граждан в законность и является существенным препятствием для развития страны. Это тем более актуально для России, социально-экономическая, политическая и правовая системы которой прошли с начала 90-х годов прошлого века сложный период трансформации. Государство, таким образом, обязано противодействовать коррупции, принимать достаточные и эффективные меры, которые делали бы попытку незаконного обогащения бессмысленной и бесперспективной, предотвращали бы риски неправомерного влияния, сращивания власти, бизнеса и криминала [10].»

Обращаясь к исследованию данной темы, необходимо отметить, что на современном этапе развития общества действующее гражданское законодательство содержит достаточное количество правовых средств противодействия коррупции. Вместе с тем, одна из основных функций права, в сфере обеспечения правопорядка в государстве, - превентивная, в том числе, и в рамках гражданско-правовых отношений. В связи с постоянным совершенствованием моделей «коррупционных схем» и инертностью процедуры законодательного реагирования на изменчивость процессов, происходящих в обществе, на наш взгляд, целесообразнее осуществлять меры по повышению ответственности и расширению видов юридической ответственности за коррупционные правонарушения, а также принятие ряда мер системного характера [2, р. 14; 5, р. 135; 6, р. 104; 7, р. 36;]. При этом, системность права в сфере противодействия коррупции, на наш взгляд, может и должна носить и междисциплинарный характер, так как комплексность, взаимосвязанность и структурированность правовых норм и институтов права повысят эффективность регулирования общественных отношений.

Коррупционные деяния имеют тесную правовую связь с вопросами собственности, которые на протяжении веков остаются животрепещущей темой, в том числе в части защиты указанного права (и в рамках римского частного права, и на сегодняшний день). При этом, традиционно происходит нивелирование интересов государства и муниципалитета в вопросах защиты различных форм государственной и муниципальной собственности. Данные тенденции, на наш взгляд, уходят корнями в советский период нашей истории и связаны с отрицанием частной собственности и монополией собственности государственной. Однако, в настоящее время развитие и усложнение процессов обособления форм собственности и в материальном, и в процедурном плане, привели к проведению дифференциации и обособлению объектов различных форм собственности, и разграничению прав на них.

В связи с этим, традиционно на первый план выходят вопросы защиты частной собственности, субъекты которой занимают более активную позицию по недопущению нарушения и защите их прав и законных интересов, по сравнению с субъектами отношений, в которых осуществляется управление и использование государственной или муниципальной собственности. И особое значение в этой сфере приобретают вопросы, связанные с пользованием землями сельскохозяйственного назначения - это является спецификой всех аграрных территорий нашего государства. Данная категория земель имеет стратегическое

значение, их целевое использование направлено на решение основной задачи любого государства – обеспечение продовольственной безопасности, не говоря уже о доходах, полученных от их эксплуатации при производстве и осуществлению деятельности по реализации сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках [11].

Соответственно, государственные органы осуществляют постоянную работу по формированию условий, направленных на активизацию частной инициативы и предпринимательской деятельности в аграрном секторе экономики, ввиду чего, осуществляется разработка, создание и реализация целевых программы (на всех уровнях бюджетной системы) поддержки, лиц, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность [12]. Очевидно, что деятельность, основанная на государственной поддержке и связанная с постоянным получением дохода не могла не заинтересовать криминальные структуры. Получившие широкое распространение «рейдерские захваты» сопровождалось использованием различных форм нарушения действующего законодательства, а именно: различной отраслевой принадлежности и различных видов юридической ответственности [13].

Основной массив нормативно-правовых актов в рамках защиты исследуемых правоотношений это, конечно же, нормы публичного права, но гражданское законодательство также постоянно совершенствуется в этом направлении. Ввиду чего, за последние десятилетия произошла значительная трансформация правового регулирования и в публичной, и в частной сферах по вопросам защиты права собственности и недопущения совершения коррупционных правонарушений. Это и появление новых составов в уголовном законодательстве Российской Федерации и новых положений гражданского законодательства о последствиях совершения коррупционных преступлений, а именно: расширение круга юридических фактов, с которыми законодатель связывает возможность прекращения права собственности.

В гражданском законодательстве закреплён перечень оснований прекращения права собственности, а также нормы устанавливающие случаи и порядок прекращения права собственности, в частности, в статье 235 ГК РФ закреплены основания прекращения права собственности среди которых обращение в доход Российской Федерации по решению суда имущества, собственник которого не смог доказать законность его приобретения и то, что это имущество не было получено в результате совершения коррупционных действий. При этом, в ст.235 ГК РФ закрепляется, что принудительное лишение собственности может быть реализовано только в случаях указанных в законе.

Как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года N 26-П, предусмотренная Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» система контроля за соблюдением государственным (муниципальным) служащим возложенных на него запретов и ограничений обусловлена презумпцией незаконности доходов, на которые было приобретено перечисленное в части 1 статьи 4 и статье 17 этого Федерального закона имущество, если стоимость такого имущества превышает общий доход служащего и его супруги (супруга) за три года, предшествующих отчетному периоду [14].

Указанная система направлена на проверку достоверности и полноты информации, которая отражается государственными служащими по любым видам и формам доходов, полученных ими в отчетном периоде (деньги, имущество или имущественные права). В случае превышения суммы сделок по приобретению имущественных прав над доходом служащего и его супруги (супруга) за три года, предшествующие отчетному периоду, на него возлагается обязанность представить сведения о расходах. Вместе с тем, Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что процедура обращения в доход государства имущества и имущественных прав в отношении которого субъектом правоотношения не доказана законность его приобретения не лишает это лицо права предоставлять любые доказательства (с учетом принципа относимости и допустимости) имеющие отношения к существу рассматриваемого спора и доказывающие законность прав на приобретение имущества, то есть правомерность получения средств, за счет которых было приобретено материальное благо, даже в случае, если эти средства не были указаны в отраженных государственными (муниципальными) служащими сведениях о доходах (Постановление от 29 ноября 2016 года N 26-П; определения от 6 июня 2017 года N 1163-О, от 18 июля 2017 года N 1736-О и др.) [15].

Юридическое содержание законности приобретения имущества, в случае противодействия коррупции имеет несколько аспектов. Законность приобретения имущества как факт правомерности прав на него, в данном случае акцент должен быть сделан на том, что речь идет о разных юридических фактах: первый из них это основания приобретения материальных благ на которые впоследствии был приобретен сам материальный объект и, соответственно, правомерность указанного определяет законность прав на него. Собственно это иметься в виду в пп.8 п.2 ст.235 ГК РФ под законностью доходов на которые было приобретено имущество:

« ... 8) обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы; ...» (пп.8 п.2 ст.235 ГК РФ).

Содержание пп.8 п.2 ст.235 ГК РФ опирается на нормы Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» и Федерального закона от 03.12.2012 N 230-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», устанавливающие требования к лицам, замещающим должности государственных служащих и должности, замещение которых связано с коррупционными рисками, о предоставлении сведений об их доходах и расходах и их близких, в том числе сведения об источниках получения средств, за счет которых было приобретено имущество и обязательства имущественного характера.

Примечательной является реакция Центрального Банка РФ на практику применения указанных положений, подготовившего Информационное письмо Банка России от 27.12.2023 N ИН-01-31-3/70 «О минимизации рисков возникновения потерь по кредитам [16]». В данном документе отмечается распространение практики «обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (подпункт 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [17]. В связи с этим, были даны рекомендации банкам в случаях предоставления кредитов должностным лицам, указанным в Федеральном законе «О противодействии коррупции», либо связанным с ними лицами.

В целях «минимизации рисков возникновения потерь по кредитам, в том числе рисков, связанных с утратой обеспечения, Банк России дал рекомендации кредитным организациям разработать и применять при принятии решения о выдаче кредитов механизм контроля, предусматривающий принятие обоснованных и доступных мер, направленных:

- на получение кредитной организацией информации о заемщике (залогодателе), в том числе о том, является ли заемщик (залогодатель) должностным лицом, указанным в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (связанным с ним лицом), а также информации, свидетельствующей о приобретении таким лицом имущества,

передаваемого в залог, на законные доходы (источниках их происхождения) вне зависимости от степени (уровня) риска;

- на оценку рисков, которые могут возникнуть в связи со связанностью должностного лица, указанного в Федеральном законе «О противодействии коррупции», и заемщика (залогодателя) [17].»

В целом, существо законодательного регулирования указанных выше норм направлено на создание, введение и реализацию механизма «обращения в доход государства имущества и денежных средств, в отношении которых не была опровергнута презумпция незаконности происхождения либо же установлена незаконность происхождения. Своей целью эта мера имеет реализацию публичного интереса в сфере противодействия коррупции, а не восстановление положения участников гражданского оборота, она не носит компенсаторного характера и направлена на восполнение нарушения принципов справедливости и равенства, защиту демократического строя. [18]»

Однако, помимо указанного, необходимо отметить, что коррупционные преступления имеют своей особенностью предоставление определенных преимуществ лицам, приобретающим имущественные (материальные) блага в силу своего положения (должностного или сговора с должностными лицами) по отношению к остальным участникам гражданского оборота. Это является нарушением не только публичных начал действующей системы и права и законодательства, но и специфики гражданско-правового регулирования направленного на обеспечение юридического равенства всех участников частноправовой сферы, а, соответственно, предоставления юридического равенства в возможности реализации прав и исполнении обязанностей с учетом недопущения преимущественного положения одного субъекта гражданского оборота над другим.

Таким образом, и с точки зрения гражданского права коррупционные деяния это результат незаконных действий или бездействия, которые дают возможность участникам коррупционного сговора получать (извлекать) необоснованные выгоды из своего положения, что представляет одну из форм нарушения гражданских прав и в ряде случаев может быть квалифицирована как злоупотребление правом. Как отмечается в научной литературе, направленность коррупционных деяний напрямую связана с использованием в личных интересах тех служебных преимуществ которые предоставляет должностное положение правонарушителю, что позволяет ему извлекать и получать различные материальные и имущественные блага. Данная ситуация является след-

ствием существования пробелов в действующей системе правового регулирования относительно необходимости введения порядка реализации внутреннего контроля, обеспечения прозрачности и усиления ответственности наделенных властными полномочиями лиц [1, р. 107; 4, р. 3]. Следовательно, основания и условия преступлений данной категории, да и сама возможность данного нарушения связана с должностным положением и властными полномочиями нарушителя, что осложняет не только выявление данных фактов и обстоятельств, но и процесс доказывания и привлечения лица к ответственности.

Помимо рассмотренного выше основания прекращения права собственности по «коррупционным основаниям», гражданское законодательство содержит необходимый инструментарий для возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления, а также компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Так, в статье 16 Гражданского Кодекса Российской Федерации закреплено право физического или юридического лица на возмещение убытков, причиненных незаконными действиями или бездействиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также убытков причиненных в результате принятия акта государственного органа (органа местного самоуправления) нарушающего действующее законодательство. Примечательно, что соразмерная компенсация понесенных убытков осуществляется за счет бюджетов соответствующего уровня публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования). Аналогичный механизм закреплен в положениях ст.1069 ГК РФ, в соответствии с которой также зафиксировано право на возмещение причиненного вреда в полном объеме в случае нарушения прав и законных интересов физических или юридических лиц незаконными действиями (или бездействиями) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления [8, р. 63].

Вместе с тем, как указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 04.07.2022 N 27-П «обращение имущества в доход Российской Федерации по основанию, закрепленному подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации в его взаимосвязи со статьей 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должност-

сти, и иных лиц их доходам», имеет назначением именно противодействие коррупции и подлежит применению в специальной процедуре искового производства, которая существенно отличается как от административно-деликтного и уголовного судопроизводства, так и от производства по искам о возмещении вреда [19]».

При этом, специфика процессуального рассмотрения подобных категорий дел и принятия решения по ним связана с проблемой «смещения юридической ответственности». Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих актов обратил внимание на то, что «смещение ... различных видов юридической ответственности может приводить к нарушению вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности» [20]. Соответственно, используя различные нормативно установленные приемы и способы защиты своих прав необходимо учитывать дифференциацию оснований и условий наступления различных видов юридической ответственности.

Помимо указанного, в рамках правовых последствий от коррупционных преступлений принято говорить об интересах всего общества и государства в целом, а это, на наш взгляд, необоснованно «выводит» последствия от коррупционных преступлений за пределы частноправовой сферы, однако, характер и направленность действий лиц, осуществивших данные противоправные деяния, обращены (посягают) и на нарушение частных интересов субъектов гражданского права, которые, в силу возникших преимуществ у правонарушителей, не смогли реализовать свои частные интересы в гражданско-правовой сфере, что, в свою очередь, нарушает и положения конституционных норм и норм гражданского законодательства, направленных на реализацию приемов и способов, обеспечивающих равные условия участия в гражданских правоотношениях, приобретения и исполнения субъективных прав и обязанностей. Например, в рамках вопросов поставленных и рассмотренных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П – это проблема равного участия в отношениях по приобретению права собственности, а так же ведения бизнеса и недопущения незаконного ограничения конкуренции, с учетом целого комплекса законодательных мер направленных на это – антимонопольное законодательство. А так же реализации мер защиты права собственности с учетом положений о добросовестности участников гражданско-правового оборота и недопущении злоупотребления правом.

Таким образом, коррупционные деяния создают предпосылки и могут быть связаны с про-

блемой нарушения прав равенства субъектов гражданских правоотношений: в виду реализации коррупционной деятельности и невозможности, соответственно, стать участником тех или иных отношений при прочих равных (то есть если лицами были проведены и реализованы фактические действия однозначно свидетельствующие об их потенциальном желании и наличии возможности участия в отношениях (торги, конкурс, аукцион и другие случаи в которых возможно осуществление коррупционных схем) и тогда может возникнуть вопрос о защите частноправового интереса не только в виде убытков, но и в виде - упущенной выгоды которая возникла в результате фактической невозможности реализации добросовестного поведения участниками гражданского оборота.

Небезучастность гражданско-правового регулирования связана еще с тем, что гражданское право направлено не только на удовлетворение частных интересов – данная трактовка существенно сужала бы цель, задачи и функции как гражданско-правовой науки, так и гражданского законодательства, так как, осуществляя правотворческую деятельность и воплощая конституционные положения в каждой из отраслей действующей системы права в целом, и в гражданском праве, в частности, законодатель реализует общую цель – правовую направленность – выражающуюся в обеспечении стабильности и справедливости не только в рамках гражданского оборота, но и любого взаимодействия субъектов общества. И именно эти базовые начала правовой системы являются основой построения всех правовых институтов как в рамках системы права так и в рамках системы законодательства, с учетом как вопросов оценки правомерности действий связанных с приобретением имущественных права так и обоснованности реализации способов их защиты. Соответственно, в рамках всей правовой системы нашего государства и гражданского права, в частности, осуществляется реализация системного подхода в противодействии коррупционным преступлениям и нивелировании последствий совершения коррупционных деяний. Вместе с тем, заложенные в законодательстве институциональные предпосылки дают возможность для дальнейшего совершенствования правовой системы в направлении повышения гражданско-правовой ответственности и расширения видов юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Список литературы:

- [1] Алферовская Е.О. О значении понятия «преступление коррупционной направленности» / Е.О. Алферовская // Закон и право. 2021. N 2. С. 106 - 110.

- [2] Кулаков В.В., Арямов А.А. Финансовый контроль как превенция терроризма и коррупции // Российское правосудие. 2025. №6. С.13-23.
- [3] Решняк М.Г. Коррупционные преступления: взгляд через призму социальных последствий в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина // Безопасность бизнеса. 2022. N 1. С. 56 - 64.
- [4] Сафонова М.Ф., Фельде Е.М. Организация внутреннего контроля противодействия коррупции и коррупционных рисков в коммерческих организациях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2024. N 3. С. 2 - 12.
- [5] Целовальникова И.Ю. Международный и национальный аспект противодействия коррупции в инвестиционных отношениях // Аграрное и земельное право. 2012. № 1 (85). С. 130-136.
- [6] Целовальникова И.Ю. Гражданско-правовые механизмы борьбы с коррупцией в инвестиционных отношениях // Право и государство: теория и практика. 2011. № 11 (83). С. 102-108.
- [7] Целовальникова И.Ю. К вопросу об инвестициях, гарантиях и защите инвестиционного процесса от проявлений коррупции // Аграрное и земельное право. 2011. № 12 (84). С. 34-40.
- [8] Целовальникова И.Ю. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции в гражданско-правовой сфере // Современный юрист. 2019. № 3 (28). С. 61-71.
- [9] Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.11.2024.
- [10] Информация Конституционного Суда Российской Федерации О Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П по делу о проверке конституционности статей 195, 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского Кодекса РФ. // СПС Консультант Плюс.
- [11] Агро как актив: сколько приносит гектар в цифрах // <https://czss.ru/tpost/2l95u3br61-agro-kak-aktiv-skolko-prinosit-gektar-v>.
- [12] Рентабельность в АПК // <https://поле.рф/journal/publication/rentabelnost-v-apk-sostavit-148-v-2025-godu-minselkhoz>.
- [13] Рейдерство в АПК: специфика проявления и особенности противодействия // <https://cyberleninka.ru/article/n/reyderstvo-v-apk-spetsifika-proyavleniya-i-osobennosti-protivodeystviya>
- [14] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 N 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС Консультант Плюс
- [15] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 N 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС Консультант Плюс
- [16] Информационное письмо Банка России от 27.12.2023 N ИН-01-31-3/70 «О минимизации рисков возникновения потерь по кредитам» // СПС Консультант Плюс
- [17] СПС Консультант Плюс
- [18] Информация Конституционного Суда Российской Федерации О Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П по делу о проверке конституционности статей 195, 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского Кодекса РФ. // СПС Консультант Плюс
- [19] Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 N 27-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой» // СПС Консультант Плюс
- [20] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 N 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // СПС Консультант Плюс

References:

- [1] Alferovskaya E.O. On the meaning of the concept of "corruption crime" / E.O. Alferovskaya // Law and law. 2021. N 2. S. 106-110.
- [2] Kulakov V.V., Aryamov A.A. Financial control as a prevention of terrorism and corruption // Russian justice. 2025. №6. S.13-23.
- [3] Reshnyak M.G. Corruption crimes: a view through the prism of social consequences in the field of the implementation of human and civil rights and freedoms // Business security. 2022. N 1. S. 56-64.
- [4] Safonova M.F., Felde E.M. Organization of internal control of combating corruption and corrup-

tion risks in commercial organizations//Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2024. N 3. S. 2-12.

[5] Tselovalnikova I.Yu. International and national aspect of combating corruption in investment relations//Agrarian and land law. 2012. № 1 (85). S. 130-136.

[6] Tselovalnikova I.Yu. Civil legal mechanisms for combating corruption in investment relations//Law and state: theory and practice. 2011. № 11 (83). S. 102-108.

[7] Tselovalnikova I.Yu. On the issue of investments, guarantees and protection of the investment process from manifestations of corruption//Agrarian and land law. 2011. № 12 (84). S. 34-40.

[8] Tselovalnikova I.Yu. Constitutional and legal foundations of combating corruption in the civil law sphere//Modern lawyer. 2019. № 3 (28). S. 61-71.

[9] Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 01.11.2024.

[10] Information of the Constitutional Court of the Russian Federation On the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 N 49-P on the case on verification of the constitutionality of articles 195, 196, paragraph 1 of article 197, paragraph 1 and paragraph two of paragraph 2 of article 200, paragraph two of article 208 of the Civil Code of the Russian Federation. //SPS Consultant Plus.

[11] Agro as an asset: how much a hectare brings in numbers// <https://czss.ru/tpost/2l95u3br61-agro-kak-aktiv-skolko-prinosit-gektar-v>.

[12] Рентабельность в АПК // <https://поле.рф/journal/publication/rentabelnost-v-apk-sostavit-148-v-2025-godu-minselkhoz>.

[13] Raiding in the agro-industrial complex: specifics of manifestation and features of counteraction// <https://cyberleninka.ru/article/n/reyderstvo-v-apk-spetsifika-proyavleniya-i-osobennosti-prотивodeystviya>

[14] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2016 N 26-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other

Persons with their Income" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan " //SPS Consultant Plus

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2016 N 26-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan " //SPS Consultant Plus

[16] Bank of Russia Information Letter No. IN-01-31-3/70, dated 27.12.2023, "On Minimizing Risks of Loan Losses " //SPS Consultant Plus

[17] ATP Consultant Plus

[18] Information of the Constitutional Court of the Russian Federation On the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 N 49-P on the case on checking the constitutionality of articles 195, 196, paragraph 1 of article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of article 200, paragraph 2 of article 208 of the Civil Code of the Russian Federation. //SPS Consultant Plus

[19] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.07.2022 N 27-P "In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On control over compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income, "clause 5 of article 4 of the Federal Law "On personal subsidiary plots" and paragraph 1 of Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.I. Korovitskaya " //SPS Consultant Plus

[20] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.12.2017 N 39-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, subparagraph 14 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and part one of Article 54 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeeva " //ATP Consultant Plus

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ И РАБОТНИКОВ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Материалы публикации посвящены одному из самых насущных проблемных вопросов в профессиональной деятельности сотрудников и работников социальной службы уголовно-исполнительной системы, а конкретно сотрудникам группы социальной защиты и сотрудникам – социальным работникам. В частности, рассматривается значимый вопрос состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы в направлении ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям. Указанная значимость обозначенного вопроса состояния методической продукции определяется исходя из позиций ряда исследователей вопроса, констатирующих недостаточность системы методического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников и работников социальной службы.

Цель статьи – это определение характеристик методического обеспечения функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социальной защиты.

Задачами публикации являются: определение значимости вопроса состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы в направлении ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям; изучение характеристик состояния систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий; исследовать влияние характеристик состояния систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий на качественные характеристики состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы; рассмотреть вопрос одной из основных черт компетентности работников социальной службы ФСИН России, выступающей в роли их способность эффективно использовать рассматриваемую методическую продукцию в социальной работе с осужденными в целом, так и их отдельными категориями.

Рабочие гипотезы исследования:

вопрос состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы, является значимым для направления ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям; практика функционирования социальной службы пенитенциарной системы характеризуется недостаточностью систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий; недостаточность систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий обуславливает определяет качественные характеристики состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы; одной из основных черт компетентности работников социальной службы ФСИН России определяется их способность эффективно использовать рассматриваемую методическую продукцию в социальной работе с осужденными в целом, так и их отдельными категориями.

Результаты исследования. Материалы статьи раскрывают вопрос методических аспектов функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социальной защиты.

Значимость рассматриваемого вопроса подчеркивается точкой зрения ряда исследователей, определяющих недостаточность существующего на данный момент системы методического обеспечения регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы. Этот и ряд других вопросов в отношении методического обеспечения социальной работы рассмотрены в статье.

Ключевые слова: Методические аспекты, пенитенциарные работники, методическое обеспечение, группа социальной защиты, методическая продукция, индивидуальный подход, отдельные категории осужденных, профессиональная деятельность, типологические характеристики.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF PENITENTIARY SOCIAL WORKERS AND SOCIAL PROTECTION WORKERS

Annotation. The publication's materials are devoted to one of the most pressing issues in the professional activities of social service employees and workers in the penal system, specifically social protection staff and social workers. Specifically, it examines the significant issue of the state of methodological products regulating the professional activities of social service employees in the penal system in the area of resocialization of convicted persons belonging to various categories.

The significance of this issue of the state of methodological products is determined based on the positions of a number of researchers on this issue, who have noted the inadequacy of the system of methodological support for the professional activities of social service employees and workers.

The purpose of the article is to determine the characteristics of the methodological support for the functioning of penitentiary social workers and social protection staff.

The objectives of the publication are: to determine the significance of the issue of the state of methodological products regulating the professional activities of social service employees in the area of resocialization of convicted persons belonging to various categories; to study the characteristics of the current systematic study of general typological and individual characteristics of both convicted persons in general and their individual categories; To investigate the impact of the systematic study of general typological and individual characteristics of both convicts in general and their individual categories on the qualitative characteristics of the methodological products regulating the professional activities of social service workers;

To examine one of the key competency characteristics of social service workers of the Federal Penitentiary Service of Russia, which reflects their ability to effectively use the methodological products in question in social work with convicts in general and their individual categories. Working hypotheses of the study: The state of methodological products regulating the professional activities of social service workers in the penal system is significant for the direction of the resocialization of convicts belonging to various categories; the functioning of social services in the penitentiary system is characterized by an insufficient systematic study of general typological and individual characteristics of both convicts in general and their individual categories; the insufficient systematic study of general typological and individual characteristics of both convicts in general and their individual categories determines the qualitative characteristics of the methodological products regulating the professional activities of social service workers; One of the key competency characteristics of social service workers in the Federal Penitentiary Service of Russia is their ability to effectively use the methodological tools in question in social work with both inmates in general and specific categories.

Research Results. The article explores the methodological aspects of the work of penitentiary social workers and social protection workers. The significance of this issue is emphasized by a number of researchers who have identified the inadequacy of the current system of methodological support regulating the professional activities of social service workers in the penal system. This and a number of other issues related to methodological support for social work are discussed in the article.

Key words: Methodological aspects, penitentiary workers, methodological support, social protection group, methodological products, individual approach, certain categories of convicts, professional activity, typological characteristics.

Введение. В статье рассматривается значимый вопрос состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы в направлении ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям. Значимость вопроса состояния рассматриваемой нами методической продукции подчеркивается точкой зрения ряда исследователей, определяющих недостаточность существующего на данный момент системы методического обеспечения регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы [4, с. 277; 5, с. 183].

Исследователями определяется, что на практике недостаточно представлено систематическое изучение ряда общих характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий. То же относится и к отдельным характеристикам осужденных: социально-демографическим, социально-психологическим, воспитательным, образовательным, профессиональным [1, с. 21; 3, с. 77]. Результатов исследования указанных выше характеристик осужденных, представлено явно недостаточно на сегодняшний день. Практически отсутствуют исследования рассматриваемого вопроса, носящие лонгитюдный, системный характер. Аспекты разработки методической продукции, не учитывающий весь объем указанных выше общих и отдельных характеристик, собственных осужденным в целом и их отдельных категориям, имеют под собой мало смысла.

Гипотезы исследования:

вопрос состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы, является значимым для направления ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям;

практика функционирования социальной службы пенитенциарной системы характеризуется недостаточностью систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий;

недостаточность систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий обуславливает определяет качественные характеристики состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы;

одной из основных черт компетентности работников социальной службы ФСИН России

определяется их способность эффективно использовать рассматриваемую методическую продукцию в социальной работе с осужденными в целом, так и их отдельными категориями.

Цель статьи – определение характеристик методического обеспечения функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социальной защиты.

Задачи исследования: определение значимости вопроса состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы в направлении ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям;

изучение характеристик состояния систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий;

исследовать влияние характеристик состояния систематического изучения общих типологических и индивидуальных характеристик как осужденных в целом, так и их отдельных категорий на качественные характеристики состояния методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы;

рассмотреть вопрос одной из основных черт компетентности работников социальной службы ФСИН России, выступающей в роли их способность эффективно использовать рассматриваемую методическую продукцию в социальной работе с осужденными в целом, так и их отдельными категориями.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования. В публикации раскрывается вопрос содержания имеющейся на практике функционирования уголовно-исполнительной системы методической продукции, регламентирующей профессиональную деятельность работников ведомственной социальной службы. Способность эффективно использовать рассматриваемую методическую продукцию в социальной работе с осужденными в целом, так и их отдельными категориями, определяется как одна из основных черт компетентности работников социальной службы. Эта способность имеет значимую роль и в эффективности воспитательного воздействия работников группы социальной защиты на осужденных в целом. Отметим и важность того, что методическая продукция, реализуемая в профессиональной деятельности социальных работников и работников группы социальной защиты, должна носить как типологический харак-

тер, то есть должна быть методически основана на выявленных путем исследований общих характеристик осужденных и отдельных характеристик осужденных (социально-демографических, социально-психологических, воспитательных, образовательных, профессиональных), так и индивидуальный характер, учитывающий особенности личности каждого из осужденных [2, с. 112].

Одновременно с этим методическая продукция, реализуемая в профессиональной деятельности социальных работников и работников группы социальной защиты, не должна исключать возможность реализацию мероприятий группового характера с осужденными, не взирая на в целом индивидуальный характер проводимой с осужденными работы.

Одним из образцов, реализуемой социальными работниками и работниками группы социальной защиты методической продукции выступает Программа организации и проведения социальной работы с осужденными (далее – социальная программа). Социальная программа имеет следующую структуру своего содержания. В первом разделе социальной программы «Социальные характеристики осужденного по результатам первичной диагностики» содержит в себе криминологические и социально-демографические характеристики, к которым относятся: фамилия, имя, отчество; год и дата рождения; уголовные статьи и срок наказания; что конкретно совершил; начало и конец срока; дата прибытия в исправительное учреждение; наличие предыдущих судимостей; национальность; гражданство; наличие паспорта; образование; специальность; религиозная принадлежность; трудовой стаж; служба в вооруженных силах; место рождения; место жительства; наличие жилья; с кем проживал; материальное благополучие, источники дохода; семейное положение; сведения о родственниках; отношения с близкими людьми; внешний вид; поведение в ходе беседы и тестирования.

Второй раздел социальной программы посвящен аспектам правопослушности индивида до момента осуждения и в целом, а также поведенческим факторам социального риска осужденного. В данный раздел помещаются сведения, посвященные анамнезу осужденного: характеристики протекания детского возраста осужденного с анализом его возможного влияния на характеристики личности взрослого человека; отношение к криминальной субкультуре близких и родственников (наличие судимости); наличие факторов, способствовавших деструктивному и противоправному поведению; наличие негативных привычек, проявление аддиктивного поведения (наркотики, алкоголь); присутствие психических аномалий у

осужденного и его близких родственников; проявление признаков криминальной зараженности до осуждения; факты привлечения к уголовной и административной ответственности.

Третий раздел социальной программы «Отношение осужденного к преступлению и наказанию» содержит в себе следующие данные, отражающие отношение осужденного к содеянному: считает ли наказание в целом справедливым; наиболее достоверные мотивы преступления, каким образом осужденный объясняет их; осознает ли он, что причинил моральный, физический и (или) экономический вред жертве, и ее родственникам; принимает ли свою вину за совершенное преступление; совершив преступление в группе, какую роль в ней определяет для себя (подстрекатель, организатор, исполнитель, др.); в случае наличия иска, проявляет ли стремление его погасить.

Четвертый раздел социальной программы «Поведение осужденного в исправительном учреждении» раскрывает уголовно-исполнительные характеристики осужденного, в частности: его поведение в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; наличие нарушений: их количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений; отношения осужденного с другими осужденными, представителями администрации учреждения; отношение к проявлениям криминальной субкультуры; отношение к труду, в том числе к работам по благоустройству пенитенциарного учреждения; отношение к повышению образовательного уровня; в каких условиях осужденный отбывает наказание (обычные, облегченные, строгие).

Пятый раздел социальной программы «Характеристики личности осужденного» посвящен состоянию личностных характеристик осужденного: социально-психологическому статусу осужденного; уровню его интеллекта, особенностям мышления, волевым качествам, самостоятельности, развитию эмоциональной сферы, способности, общительности, организованности, работоспособности; доминирующим свойствам личности; отклонениям от принятых в обществе ценностных ориентаций; низкому уровню психологической устойчивости, импульсивности; высокой агрессивности, враждебности; неадекватной самооценке; акцентуациям характера.

Выводы, заключение. Завершая анализ проблематики методических аспектов функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социальной защиты целесообразно определить следующие выводы. Вопрос состояния методической продукции, регламенти-

рующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы в направлении ресоциализации осужденных, относящихся к различным категориям, определяется нами как значимый, нуждающийся в рассмотрении. Эта значимость подчеркивается точкой зрения ряда исследователей, определяющих недостаточность существующего на данный момент системы методического обеспечения регламентирующей профессиональную деятельность работников социальной службы уголовно-исполнительной системы. Этот и ряд других вопросов в отношении методического обеспечения социальной работы рассмотрены в статье.

Список литературы:

- [1] Вилкова А.В., Фадеева С.А. Профилактика асоциального поведения несовершеннолетних: о влиянии воспитательной системы на характер и динамику правонарушений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 21–23.
- [2] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.
- [3] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.
- [4] Майстренко Г.А. Воспитательный процесс с осужденными в уголовно-исполнительной

системе с учетом общественного фактора // Право и управление. 2023. – № 12. – С. 277-280.

- [5] Савинова Е.А. Воспитательная работа как средство исправления осужденных // Правовые, организационные и психологические направления государственной политики в правоохранительной сфере. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 183-187.

References:

- [1] Vilkova A.V., Fadeeva S.A. Prevention of asocial behavior of minors: on the influence of the educational system on the nature and dynamics of offenses//Penal system: law, economics, management. 2020. № 2. S. 21-23.
- [2] Davydova N.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty//Law and education. – 2019. – № 2. - S. 111-116.
- [3] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the criminal executive system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention// Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, young scientists specializing in the field of education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.
- [4] Maistrenko G.A. Educational process with convicts in the penal system, taking into account the social factor//Law and management. 2023. – № 12. - S. 277-280.
- [5] Savinova E.A. Educational work as a means of correcting convicts//Legal, organizational and psychological directions of state policy in the law enforcement sphere. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – 2018. - S. 183-187.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-319-322

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
Аспирант Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, КАК КЛЮЧЕВОГО ЭЛЕМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕСПЕРЕБОЙНОГО ГРУЗОПОТОКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Автором в рамках представленной научной статьи осуществляется комплексный анализ договорных конструкций, регулирующих прямые смешанные перевозки, с учетом положений Гражданского кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется идентификации проблемных аспектов правового регулирования и разработке научно обоснованных рекомендаций по их минимизации в контексте эффективного взаимодействия различных видов транспорта для обеспечения непрерывного потока грузов между российскими регионами.

Ключевые слова: логистика, смешанная перевозка, торговля, транспорт, гражданский кодекс РФ, деловые отношения, товар, стороны договора, ответственность, риск, транспортно-правовая инфраструктура.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate Student,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

LEGAL ASPECTS OF THE APPLICATION AND REGULATION OF MULTIMODAL LOGISTICS SYSTEMS AS A KEY ELEMENT IN ENSURING UNINTERRUPTED FREIGHT FLOW IN A GLOBALIZED WORLD

Annotation. In this research article, the author provides a comprehensive analysis of contractual structures governing direct multimodal transport, taking into account the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to identifying problematic aspects of legal regulation and developing scientifically based recommendations for their mitigation in the context of effective interaction between various modes of transport to ensure uninterrupted freight flow between Russian regions.

Key words: logistics, multimodal transport, trade, transport, Civil Code of the Russian Federation, business relations, goods, parties to a contract, liability, risk, transport and legal infrastructure.

Глобализация экономики и рост международных деловых связей способствует образованию спроса со стороны потребителей как одного из сторон договора смешанных прямых перевозок и как следствие, потребность в мультимодальных логистических системах.

Эти системы способствуют обеспечению бесперебойной транспортировки и доставки грузов и различных товаров между разными точками назначения как по всей территории Российской Федерации, так и во всем мире, применяя логи-

стические услуги различных крупных транспортных компаний и различные виды транспорта в рамках единого сообщения.

В этом контексте прямые смешанные перевозки, где груз перевозится несколькими видами транспорта по одному документу, становятся важным и эффективным способом транспортировки товаров и грузов через транспортно-правовую инфраструктуру.

Однако, как и в любой сфере услуг, в мультимодальной логистике существуют дилеммные ситуации правового регулирования.

Они связаны с необходимостью усовершенствования норм, управляющих различными логистическими системами, и обеспечением баланса интересов всех участников правоотношений, имеющих разный деловой статус.

Существенная роль данного исследования, касающегося договорного регулирования прямых смешанных сообщений в сфере гражданского права Российской Федерации, связана со следующими неотъемлемыми предпосылками в рассматриваемой сфере логистических услуг:

1. Необходимость в детализации и конкретике правовой базы регулирования, то есть несмотря на то, что основные правила закреплены в Гражданском кодексе РФ, многие вопросы прямых смешанных перевозок регулируются различными отраслевыми законами и международными договорами, что в последствии может привести трудности обоснования и уяснения в сфере применения действующего законодательства Российской Федерации, что может способствовать необходимости совершения определенных действий направленных на разрешение таких ситуаций.
2. Дилеммные ситуации в реализации, а именно увеличение количества судебных разбирательств по поводу распределения ответственности между разными перевозчиками указывает на необходимость более точного толкования положений Гражданского кодекса РФ, касающихся смешанных перевозок, что упрощает осуществление и предоставление услуг компаниями.
3. Экономическая значимость, заключающаяся в правовом регулировании прямых смешанных перевозок, которая напрямую влияет на то, насколько конкурентоспособна российская логистика в международной торговле, на фоне других государств осуществляющих логистические услуги.
4. Преимущества определения, при условии чего необходимо четко определить, что представляет собой договор прямой смешанной перевозки с юридической точки зрения и какое место он занимает среди других транспортных обязательств и условий ее реализации на современном этапе.
5. Целесообразность проведения анализа и в последствии необходимость выделения актуальности детального изучения, как распределяется ответственность между участниками перевозки, оговоренные в сторонах договора, в соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ.
6. Важность выявления и устранения различных коллизий между общими нормами граждан-

данского права и специальными правилами, установленными в транспортных уставах, определяющих условия и порядок реализации мультимодальных логистических услуг в сфере транспортировки товаров и грузов.

Для формирования предложений по совершенствованию правового режима прямых смешанных перевозок представляется необходимым проведение комплексного исследования правоотношений возникающих между грузоотправителем и грузополучателем, как участников договора прямых смешанных перевозок.

Также необходимо отметить, что в рамках договора на осуществление услуг по транспортировке товаров и иных грузов допускается привлечение нескольких организаций к исполнению обязательств.

При этом организация, выполняющая функцию перевозчика, должна отвечать установленным требованиям и обладать правовым статусом, аналогичным статусу грузоотправителя.

Грузоотправителем признается физическое или юридическое лицо, которое действует от собственного имени или является уполномоченным представителем собственника груза, что должно быть отражено в договоре перевозки.

Данное исследование предполагает анализ общественных отношений, возникающих в процессе организации и осуществления прямых смешанных перевозок, а также действующего гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующего договорные обязательства в сфере логистики.

Кроме того, будет осуществлен анализ доктринальных подходов и судебной практики. Методологическая основа исследования будет включать:

Формально-юридический метод, предполагающий анализ структуры статей 785, 796–800 Гражданского кодекса РФ.

Сравнительно-правовой метод, заключающийся в сопоставлении норм ГК РФ с положениями Устава железнодорожного транспорта и Воздушного кодекса Российской Федерации.

Системный подход, рассматривающий ПСМ как элемент транспортной системы.

Анализ судебной практики, включая изучение постановлений Высшего Арбитражного Суда РФ и арбитражных дел, касающихся споров о возмещении ущерба при мультимодальных перевозках.

Ответственность сторон в мультимодальных услугах основывается на следующих основных принципах:

- 1) принцип солидарности, представленный в статье 799 ГК РФ

- 2) принцип презумпции вины ответчика в лица перевозчика оказывающего мультимодальные услуги представленный в статье 796 ГК РФ

Вместе с тем, ограничение размера возмещения материального ущерба в качестве стоимости за поврежденный товар, указанной в накладной, зачастую не во всех случаях покрывает реальные убытки заказчиков логистических услуг в лице владельцев перевозимого груза, в виду чего имеет место быть возможного возникновения финансовых потерь в виде непокрытых расходов и образование убытков, иначе говоря вероятны экономические риски.

Главная особенность договора перевозки грузов заключается в необходимости обеспечения точного определения этапа транспортировки, на котором произошло деформирование перевозимого товара.

На самом деле, данный факт имеет существенное значение потому как ответственность возлагается на конкретного перевозчика, ответственного за транспортировку вверенного груза и обеспечение его целостности и сохранности в первоначальном виде на этапе осуществления непосредственно им перевозки товаров и грузов.

В случае, если груз поврежден при перегрузке с железнодорожного на автомобильный транспорт, виновным будет считаться перевозчик, осуществлявший эту его перевозку на своем транспорте согласно п. 3 ст. 799 Гражданского кодекса РФ.

Для того чтобы привлечь к ответственности лицо, осуществляющее транспортировку груза и признать его виновным в нанесении ущерба именно на этапе его ответственности, при перевозке груза необходимо наличие трех основных обстоятельств:

- 1) Факт причинения ущерба, которая может выражаться в утрате, причинении порчи или повреждении товара или превышение оговоренных в договоре перевозки сроков транспортировки товара в конечный пункт назначения;
- 2) Наличие прямой причинно-следственной связи между действиями перевозчика и возникшим ущербом, что подтверждает несомненно его вину.
- 3) Предполагаемая вина перевозчика, которая считается доказанной, если он не сможет опровергнуть ее, при этом определенная процедура по доказыванию невиновности лежит на транспортной компании.

Действующий в Гражданском кодексе Российской Федерации институт ответственности в области транспортной логистики, перевозок гру-

зов и мультимодальных услуг в том числе благодаря механизму солидарной ответственности, призван защищать интересы владельцев товаров и грузов.

В виду чего для его усовершенствования необходимы следующие действия:

- 1) Согласованность правил расчета возмещения причиненных убытков в соответствии с международными стандартами и правилами регулирующие такие обстоятельства и ситуации.
- 2) Установление четких правил взаимодействия между нормами Гражданского кодекса РФ и отраслевыми уставами.
- 3) Интеграция информационных технологий, таких как системы отслеживания грузов и электронные накладные, для упрощения процедуры доказательства.

Различные правовые коллизии между Гражданским кодексом Российской Федерации и специальными законами в области мультимодальной логистики образуют неясности в правовом регулировании.

В частности, различия в методах и способах определения размера причиненного ущерба транспортными компаниями и владельцам товаров и грузов установленных Воздушным кодексом и Гражданским кодексом Российской Федерации, усложняют выработку и применение в практической деятельности единого подхода по привлечению ответственных за перевозки грузов транспортных компаний, к определенной ответственности.

В связи с этим, вопросы ответственности при смешанных перевозках остаются предметом активных дискуссий в транспортном праве и требуют дальнейшей проработки как на законодательном уровне, так и в научных исследованиях.

Для решения указанных проблемных обстоятельств и ситуаций предлагаются следующие способы решения:

- 1) Ввести в Гражданский кодекс РФ определение «оператора смешанной перевозки» и установить для него обязательное страхование рисков;
- 2) Уточнить положения статьи 799 ГК РФ, касающиеся порядка предъявления регрессных требований между различными перевозчиками, участвующими в мультимодальной логистике;
- 3) Разработать методические рекомендации по установлению виновного этапа перевозки при смешанных перевозках, с привлечением к этой работе Роспотребнадзора и отраслевых транспортных объединений.

Договор смешанной перевозки обладает признаками публичного, реального и возмездного

договора, но отличается особой сложностью, обусловленной участием большого числа сторон и использованием различных видов транспорта.

В ходе анализа были обнаружены следующие существенные недостатки:

- 1) Недостаточное правовое регулирование роли оператора мультимодальных перевозок, поскольку отсутствует четкого законодательного регулирования статуса оператора прямых смешанных перевозок препятствует его способности централизованно управлять всеми этапами перевозки и выступать единым ответственным лицом перед заказчиком.
- 2) Трудности в установлении ответственности перевозчика, к примеру: непрозрачность процедур передачи груза между различными видами транспорта затрудняет точное определение виновника в случае возникновения проблем или ущерба.

Договор мультимодальной перевозки характеризуется как сложное обязательство, в котором переплетаются элементы публичного права и множественность субъектов.

Его правовая природа обуславливает необходимость унификации норм Гражданского кодекса Российской Федерации и транспортных уставов, а также четкого определения правового статуса оператора перевозки.

Судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию единства данного обязательства, что коррелирует с потребностями современной логистической деятельности.

В заключение следует отметить, что проведенное исследование способствует не только систематизации теоретических знаний о договорных аспектах прямых мультимодальных перевозок, но и формированию практических предложений, направленных на минимизацию рисков в транспортно-логистической сфере.

Следовательно, договорное регулирование мультимодальных перевозок в Российской Федерации, оставаясь динамично развивающейся областью правоприменения, требует системного подхода к устранению выявленных пробелов.

Достижение баланса интересов всех сторон и обеспечение устойчивого развития транспортной инфраструктуры возможно исключительно через интеграцию законодательных, технологических и практических механизмов.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (Статьи 785, 788, 796–800, 1047, 1050, 1053, регулирующие общие положения о перевозках, ответственности и соглашениях)
- [2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (Вступает в силу с 01.09.2025. Устанавливает правила оформления единого транспортного документа, порядок заключения договоров и ответственность сторон)
- [3] Проект Федерального закона «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (подготовлен Минтрансом России 03.07.2017)
- [4] Приказ Минтранса России от 13.01.2025 № 4 «Об установлении Перечня допускаемых для перевозок в прямом смешанном сообщении...»
- [5] Устав железнодорожного транспорта РФ (ФЗ № 18-ФЗ от 10.01.2003)
- [6] Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (ФЗ № 24-ФЗ от 07.03.2001)
- [7] Егiazаров В.А. Транспортное право. — М.: Юстицинформ, 2020.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) (Articles 785, 788, 796-800, 1047, 1050, 1053 governing general provisions on transportation, liability and agreements)
- [2] Federal Law of 08.08.2024 No. 288-FZ "On Direct Mixed (Combined) Transportation" (Enters into force on 01.09.2025. Establishes the rules for drawing up a single transport document, the procedure for concluding contracts and the liability of the parties)
- [3] Draft Federal Law "On Direct Mixed (Combined) Transportation" (prepared by the Ministry of Transport of Russia 03.07.2017)
- [4] Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated 13.01.2025 No. 4 "On the establishment of the List of permissible for transportation in direct mixed traffic..."
- [5] Charter of Railway Transport of the Russian Federation (Federal Law No. 18-FZ dated 10.01.2003)
- [6] Code of Inland Water Transport of the Russian Federation (Federal Law No. 24-FZ dated 07.03.2001)
- [7] Egiazarov V.A. Transport law. - M.: Justicinform, 2020.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-323-326

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию правовых и общественных отношений, возникающих при взаимодействии полицейских служб, отвечающих за поддержание общественного порядка и безопасности в период проведения массовых культурных, зрелищных и иных мероприятий.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, общество, массовые мероприятия, гражданин, участник, зритель, правонарушитель, законодательство, ответственность, профилактика, правовая основа, органы власти, полиция, взаимодействие, предупреждение.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department
of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization
of Law Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Police Lieutenant Colonel

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR MAINTAINING PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY DURING MASS EVENTS

Annotation. *This article examines the legal and social relationships that arise during the interactions between police services responsible for maintaining public order and safety during mass cultural, entertainment, and other events.*

Key words: *public order, public safety, society, mass events, citizen, participant, spectator, offender, legislation, liability, prevention, legal framework, authorities, police, interaction, warning.*

Проведение культурных, зрелищных и других массовых мероприятий является неотъемлемой частью современной общественной жизни, способствуя развитию культуры, спорта, укреплению социальных связей и формированию позитивного настроения.

Вместе с тем, такие события сопряжены с потенциальными угрозами общественному порядку и безопасности участников. В связи с этим, обеспечение должного уровня порядка и безопасности во время массовых мероприятий приобретает первостепенное значение.

Ключевым фактором для достижения эффективной охраны общественного порядка и надежного обеспечения общественной безопасности является четко организованная, научно обоснованная деятельность полиции, осуществляемая во взаимодействии со всеми уровнями государственной и муниципальной власти.

Высокое качество организации достигается за счет скоординированных усилий всех участников процесса.

Актуальность такого объединения усилий обусловлена необходимостью комплексного подхода к решению задач охраны порядка и безопасности, учитывая разграничение полномочий органов власти и возможную нехватку ресурсов у отдельных ведомств.

Вышеуказанное определяет основные формы взаимодействия, связанные, как правило, с обменом информацией, совместным планированием каких-либо мероприятий и их осуществлением.

Важным аспектом основополагающего конституционного принципа свободы выражения мыслей, мнений, слов является право каждого гражданина на проведение мирных публичных мероприятий. Такое право является неотъемлемой частью формирования и развития демократического общества. Правовое демократическое государство акцентирует внимание на обеспечении свободы мирных собраний и поддержании общественного порядка и безопасности при проведении массовых публичных мероприятий.

Основным положением всех международных стандартов является ценность личности; гуманное отношение к человеку, незаблестимости его прав и свобод; исключении пыток и действий, унижающих человеческое достоинство; уважительном обращении с правонарушителями.

Согласно части 1 статьи 20 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на участие в мирных собраниях. Конкретизация этого положения нашло свое отражение в статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, где отражено, что право на мирные собрания может быть ограничено только на основании закона и лишь в интересах национальной или общественной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, защиты прав и свобод человека и граждан.

Глава 2 Федерального закона от 07 февраля 2011г. № 3-ФЗ, содержащая принципы деятельности полиции инкорпорирует положения многих международных актов, которые определяют стандарты деятельности полиции в исследуемой сфере деятельности, а именно:

- 1) Каракасское соглашение;
- 2) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка
- 3) Международный кодекс поведения государственных должностных лиц;
- 4) Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка;
- 5) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка.
- 6) Право создавать и вступать в общественные объединения способствует развитию гражданского общества и участию граждан в общественной жизни зафиксировано в статье 30 Конституции РФ.

Вместе с тем, при реализации закрепленных прав необходимо учитывать, что они не должны нарушать права и свободы других лиц и должно происходить в рамках правового поля с учетом интересов общества в целом (статья 17 Конституции РФ)

На уровне субъектов РФ и муниципальных образований принимаются акты, регулирующие особенности охраны порядка в конкретных регионах, например, постановления о проведении массовых мероприятий, правила охраны общественного порядка.

Таким образом, одним из ключевых направлений является модернизация нормативно-правовой базы. В условиях быстрого технологического прогресса и усложнения инфраструктуры массовых мероприятий появляется необходимость в дополнении существующих нормативных актов

положениями, регулирующими использование современных средств видеонаблюдения, систем искусственного интеллекта и автоматизированных систем мониторинга.

Такие технологические решения позволяют не только своевременно выявлять потенциальные угрозы, но и обеспечивать оперативное реагирование на инциденты.

Важной задачей становится создание единого федерального стандарта по организации охраны общественного порядка на массовых мероприятиях, что поможет повысить согласованность действий различных правоохранительных и контролирующих органов, а также организаторов.

Система организации и поддержания общественного порядка и общественной безопасности в период проведения массовых мероприятий должна быть построена на принципах интеграции, гибкости и постоянного совершенствования.

Одним из важных аспектов должно стать создание единой информационной среды, которая объединит все компоненты системы, обеспечит обмен данными и позволит принимать обоснованные управленческие решения.

Именно такой подход сможет обеспечить высокий уровень безопасности, предотвратить возможные угрозы и создать условия для успешно, безопасного и комфортного проведения культурных, зрелищных и иных массовых мероприятий.

Развитие организационных основ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых и иных культурно-зрелищных мероприятий должна включать в себя совершенствование системы нормативных требований, обеспечивающих законность, безопасность и порядок, совершенствование межведомственного взаимодействия и усиления профилактических мер, мер правовой ответственности участников и организаторов мероприятий.

Важным аспектом будет являться разработка программ правового просвещения и обучения персонала, что поможет уменьшить число правонарушений и предотвратить возможные инциденты.

В перспективе необходимо внедрение системы поощрений за добросовестную организацию и соблюдение нормативных требований, а также создание механизмов для своевременного выявления и пресечения нарушений.

Обеспечение общественной безопасности должно быть системным и комплексным, интегрированным, гибким и постоянно совершенствоваться.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной

Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения 24.01.2025г.)

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966г.) // ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения 24.01.2025г.)

[3] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // ИПО «Гарант». – URL: <http://study.garant.ru/#/document/12182530> (дата обращения 26.01.2025г.)

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1980г. № 35/171 « Доклад шестого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями» // ИПО «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12123823/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 23.01.2025г.)

[5] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года. A/RES/34/169 «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» - URL: https://www.un.org/rdocuments/decl_conv/conventions/cod_e_of_conduct.shtml (дата обращения 25.04.2025г.)

[6] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1996 года. A/RES/51/59 «Международный кодекс поведения государственных должностных лиц» - Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1996 года. A/RES/51/59. – URL: https://www.un.org/rdocuments/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения 28.04.2025г.)

[7] Принципы, принятые на Восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа — 7 сентября 1990 года – URL: https://www.un.org/rdocuments/decl_conv/conventions/fire_arms.shtml (дата обращения 28.04.2025г.)

References:

[1] Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948)//IPO “Guarantor.” URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (accessed 24.01.2025)

[2] International Covenant on Civil and Political Rights (New York, December 16, 1966)//IPO “Guarantor.” URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (accessed 24.01.2025)

[3] About the police: feder. Law of 07.02.2011 No. 3-FZ//IPO “Garant.” - URL: <http://study.garant.ru/#/document/12182530> (accessed 26.01.2025).

[4] UN General Assembly Resolution of December 15, 1980 No. 35/171 “Report of the Sixth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders “//IPO” Guarantor. “ - URL: <https://base.garant.ru/12123823/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed 23.01.2025)

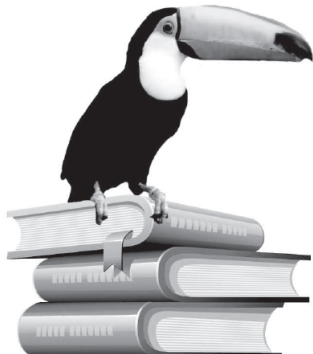
[5] Resolution adopted by the UN General Assembly on December 17, 1979. A/RES/34/169 "Code of Conduct for Law Enforcement Officials" - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (accessed 25.04.2025)

[6] Resolution adopted by the UN General Assembly on December 12, 1996. A/RES/51/59 "International Code of Conduct for Public Officials" - UN General Assembly December 12, 1996. A/

RES/51/59. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения 28.04.2025г.)

[7] Principles adopted at the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, 27 August-7 September 1990 - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/fire_arms.shtml (accessed 28.04.2025)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-327-330

ЗАЗИЙ Абрек Асланович,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
ОВД Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕЖИНА Татьяна Петровна,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск,
доцент, кандидат социологических наук,
e-mail: waage1973@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию специфики организации и обеспечения общественной безопасности в условиях проведения массовых мероприятий. Автор предлагает методические рекомендации для органов внутренних дел, направленные на адаптацию к современным вызовам и угрозам, а также на противодействие динамично меняющемуся противоправному поведению граждан.

Ключевые слова: общественный порядок, безопасность, органы внутренних дел, комплексный анализ, профилактика, механизм, предупреждение, пресечение, административно-правовой механизм, общество

ZAZIY Abrek Aslanovich,
Senior Lecturer, Department of Administrative Activities,
Internal Affairs Department Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

DEZHINA Tatyana Petrovna,
Pacific State University Khabarovsk
Associate Professor,
PhD in Sociology

MODERN CHALLENGES AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE ADMINISTRATIVE-LEGAL MECHANISM FOR ENSURING PUBLIC SAFETY

Annotation. This article is devoted to a comprehensive study of the specifics of organizing and ensuring public safety during mass events. The author offers methodological recommendations for law enforcement agencies aimed at adapting to modern challenges and threats, as well as counteracting the dynamically changing unlawful behavior of citizens.

Key words: public order, security, internal affairs agencies, comprehensive analysis, prevention, mechanism, warning, suppression, administrative-legal mechanism, society

Российская Федерация сталкивается с усиливающимися угрозами общественной безопасности, обусловленными переплетением геополитических, социально-эко-

номических и организационно-правовых факторов. Часть этих факторов, способствующих развитию незаконной деятельности, является объективной, но требует незамедлительных мер для

предотвращения их деструктивного влияния. В то же время, современные государственные и общественные процессы создают специфические условия для эволюции противоправных взглядов и практик, что диктует необходимость глубокого и комплексного анализа данной сферы.

Для эффективного обеспечения общественной безопасности критически важен административно-правовой механизм, который регламентирует применение мер административного пресечения и принуждения компетентными правоохранительными органами, учитывая при этом специфику современных обстоятельств.

Несмотря на пристальное внимание многих государственных органов к обеспечению общественной безопасности, в этой сфере существует ряд серьезных проблем в организации и осуществлении деятельности.

Эти проблемы, с одной стороны, вызваны динамикой преступности, а с другой – усугубляются игнорированием актуальных тенденций ее формирования и развития.

Такое упущение не позволяет своевременно и эффективно реагировать на противоправное поведение.

Современная литература активно исследует эту проблематику.

Часть авторов рассматривает проблемы общественной безопасности через призму конкретных, широко распространенных в российском обществе деяний (например, распространение экстремистских материалов, публичные призывы к дискредитации Вооруженных Сил РФ), тогда как другие фокусируются на оценке эффективности административной и уголовной ответственности за правонарушения и преступления в данной сфере.

Несмотря на неоспоримую практическую значимость всех вышеупомянутых аспектов, исследования во многих научных работах не полностью принимают во внимание имеющие место быть дилеммные моменты во внешней и внутренней политики нашего государства.

В виду чего, необходимо отметить, что следует подчеркнуть, что за частую многие факторы, проявляющиеся в государстве и обществе, могут в некоторой степени повлиять на развитие угроз общественной безопасности.

В связи с этим, исследование актуальных тенденций трансформации противоправной деятельности приобретает особое практическое значение для совершенствования механизмов обеспечения общественной безопасности.

Анализируя правовые основы заявленной проблематики, важно отметить, что помимо отрас-

левых нормативных актов, особое значение в данном контексте приобретают положения Конституции Российской Федерации.

Основной закон Российской Федерации содержит ряд прямых и косвенных упоминаний общественной безопасности.

Согласно Конституции Российской Федерации, органы внутренних дел правомочны использовать в обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных, в целях реализации предназначения в частности полиции, что непосредственно указано в статье 1 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 года.

Данное положение, введенное в результате изменений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 году, наглядно демонстрирует актуальность обеспечения общественной безопасности в контексте повсеместных процессов информатизации и цифровизации.

В результате конституционных поправок 2020 года, в Основной закон РФ было включено положение, регламентирующее полномочия Президента по назначению и освобождению от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти, чья деятельность связана с обеспечением обороны, государственной безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, а также с предотвращением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций и поддержанием общественной безопасности (п. «д.1» ст. 83).

Учитывая прямую корреляцию указанных сфер с государственной и национальной безопасностью, а также их импликацию на состояние общества, закрепление понятия общественной безопасности представляется своевременным и обоснованным.

Президент РФ, как глава государства, определяет ключевые направления развития, включая формирование руководящего состава органов, ответственных за обеспечение государственной и общественной безопасности.

Таким образом, конституционные нормы, затрагивающие вопросы безопасности общества, напрямую связаны с актуальным разделением компетенций и власти между Президентом Российской Федерации и Советом Федерации.

Однако, важность Конституции не исчерпывается только этими аспектами.

Законодательная база для поддержания общественной безопасности охватывает широкий спектр нормативных правовых актов разных уровней.

В современных реалиях, законодательное регулирование данной области, касающееся дея-

тельности органов внутренних дел (полиции), должно соответствовать требованиям юридической техники, быть четким и понятным.

Необходимо конкретно определять права и обязанности всех участников правоотношений, исключая субъективное толкование в процессе применения закона.

Законодательство, регулирующее вопросы общественной безопасности, представлено множеством нормативных актов разного уровня.

Эффективное регулирование деятельности правоохранительных органов, в частности полиции, в настоящее время требует неукоснительного соблюдения правил юридической техники. Данный подход предполагает разработку законов, отличающихся ясностью формулировок, четким определением прав и обязанностей всех субъектов правоотношений, а также исключая возможность их произвольного толкования в процессе применения норм права.

В рамках настоящего исследования акцентируется значение института административной ответственности как инструмента обеспечения общественной безопасности.

С одной стороны, посредством применения соответствующих правовых норм определяется объем негативных правовых последствий для лиц, совершивших правонарушения в рассматриваемой сфере общественных отношений.

С другой стороны, административная ответственность обладает выраженным профилактико-предупредительным потенциалом.

Это проявляется, в частности, в распространении норм с административной преюдицией, когда первичное совершение деяния влечет за собой привлечение виновного лица к административной ответственности, а повторное или неоднократное его совершение квалифицируется как уголовно наказуемое деяние.

В таком контексте, после наступления последствий в виде административных наказаний, у лица формируется выбор между сохранением противоправного поведения и его исключением в дальнейшем.

Вышеизложенные трудности неразрывно сопряжены с повседневной работой правоохранительных органов в области охраны общественного порядка, и их присутствие отрицательно сказывается на эффективности этой работы.

Оперативное разрешение обозначенных проблем даст возможность существенно увеличить продуктивность обеспечения защиты прав и свобод личности, а также материального и культурного наследия общества.

По итогам исследования были выявлены ключевые направления для улучшения системы

управления и правового регулирования, направленной на поддержание общественной безопасности в условиях современных вызовов:

- 1) Усиление методической и организационной поддержки мероприятий по обеспечению общественной безопасности.
- 2) Совершенствование аналитической работы правоохранительных органов для непрерывного отслеживания и анализа новых форм и методов противоправной деятельности, угрожающей общественной безопасности.
- 3) Исключение формализма при проведении проверок и надзорных мероприятий, направленных на обеспечение общественной безопасности, с целью повышения их эффективности.
- 4) Расширение сотрудничества государственных органов с учебными заведениями и другими организациями для профилактики и предотвращения противоправного поведения среди молодежи и несовершеннолетних.
- 5) Активизация взаимодействия правоохранительных органов с добровольческими движениями для совместной работы по обеспечению общественной безопасности и противодействию актуальным угрозам, поскольку актуально рассматривать угрозы общественной безопасности как неотъемлемые компоненты системы ее обеспечения.

Понятие общественной безопасности является многогранным и постоянно меняющимся, что подтверждается новыми вызовами, возникающими в последние годы.

В связи с этим, необходимо продолжать изучение данной категории, учитывая современные угрозы, для разработки всеобъемлющей правовой концепции обеспечения безопасности.

Подводя итоги проведенного исследования, становится необходимым проведение более глубокого осмысления современных угроз и вызовов, а также определение перспективных направлений совместной работы компетентных органов и институтов гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237, 25 декабря.
- [2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[3] Герфанова М.Р. Экономическая безопасность как одна из основных составляющих безопасности государства // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 апреля 2022 года / Сост. Н.В. Мячин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 316.

[4] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[5] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 25.04.2024).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 237, December 25.

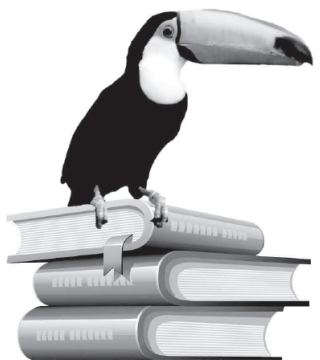
[2] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Art. 5351.

[3] Gerfanova M.R. Economic security as one of the main components of state security // Economic security of the individual, society, state: problems and ways of ensuring: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, April 08, 2022 / Comp. N.V. Myachin. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. S. 316.

[4] Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ "On Security" (as amended by 10.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.

[5] The state of crime in the Russian Federation in January - December 2022. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (access date: 25.04.2024).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-331-335

ГОНЕЖУК Бамбет Мугдинович,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: gbm210973@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры информатики и математики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя г.
Москва, подполковник полиции,
e-mail: emelianova84@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В своей исследовательской работе автор подвергает анализу актуальные проблемы, существующие в современной действительности.

Производится исследование ключевых аспектов организационно-правового обеспечения работы патрульно-постовой службы полиции, включая изучение законодательной базы Российской Федерации, регулирующей охрану правопорядка этими службами.

В рамках анализа рассматриваются потенциальные методы урегулирования и решения выявленных проблем в работе патрульно-постовой службы полиции.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба, правопорядок, безопасность, взаимодействие, законодательство, наряд, дилемма, эффективность, население, государственная власть, финансирование, ресурс.

GONEZHUK Bambet Mugdinovich,
Senior Lecturer, Department of Administrative Activities
of the Internal Affairs Directorate Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Lieutenant Colonel

YEMELYANOVA Olga Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of Computer Science and Mathematics
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow
Police Lieutenant Colonel

MODERN METHODS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF PATROL AND POST UNITS OF THE POLICE IN RUSSIA: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. In this research, the author analyzes current issues that exist in the modern world. This paper examines key aspects of the organizational and legal framework for the work of patrol police, including an examination of the Russian Federation's legislative framework governing the maintenance of law and order by these services.

This analysis examines potential methods for resolving the identified problems in the work of patrol police.

Key words: patrol police, law and order, security, interaction, legislation, patrol, dilemma, efficiency, population, government, funding, resources.

В условиях современных вызовов, все подразделения МВД России вынуждены искать пути повышения своей результативности.

Это продиктовано стремлением оптимизировать затраты ресурсов (финансовых и временных) для достижения наилучших результатов.

Такая работа по повышению эффективности напрямую связана с задачами, определенными законодательством для каждого подразделения.

Нормативная база, регулирующая деятельность патрульно-постовой службы полиции, диктует необходимость многоплановой работы.

Приоритетными направлениями являются: формирование кадрового состава ППСП из высококласных специалистов, интеграция новейших научных и технических достижений в повседневную практику, а также совершенствование методической базы подразделений.

Важно осознавать, что повышение эффективности – это всегда ресурсоемкий процесс.

Поэтому преобразования должны охватывать не только внутреннюю структуру ППСП, но и налаживание продуктивного взаимодействия с другими полицейскими подразделениями.

Кроме того, необходимо активно работать над установлением прочного взаимодействия посредством регулирующих данное сотрудничество ведомственных приказов и иных нормативно-правовых актов с различными органами государственной власти и муниципалитетом дислоцирующимся на территории обслуживания органов внутренних дел Российской Федерации, а также целесообразно обеспечить взаимодействие и с общественными объединениями правоохранительной направленности, таких как:

- 1) Добровольные народные дружины реализующую функции по оказанию содействия органам внутренних дел по обеспечению правопорядка на улицах, объектах транспорта и других общественных местах и несущих службу согласно утвержденных графиков несения службы совместно с нарядами ППСП на постах и маршрутах патрулирования в особенности в пешем порядке в соответствии с Федеральным законом №44 от 02.04.2014 года «Об участии граждан в охране общественного порядка»;
- 2) казацки войска, также оказывающие весомую поддержку патрульно-постовой службе полиции при несении службы на вверенных им постах и маршрутах патрулирования на территории обслуживания территориаль-

ного орган внутренних дел, по вопросам связанным с обеспечением охраны общественного порядка и общественной безопасности;

- 3) гражданами, поскольку без поддержки и доверия со стороны граждан эффективность деятельности сотрудников ППС не может быть достигнута в полной мере и иными представителями общественных объединений правоохранительной направленности осуществляющими совместную работу с подразделениями патрульно-постовой службы полиции в сфере реализации профилактики правонарушений и обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Наряду с вышеизложенным необходимо уделять особое внимание повышению доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов и обеспечивать тесное взаимодействие, в том числе и с внештатными сотрудниками полиции реализующими свои функциональные обязанности в соответствии с приказом МВД России № 8 от 10.01.2010 года, применение возможностей которых оказывает эффективное влияние на повышение качества взаимодействия сотрудниками патрульно-постовой службы полиции.

Вышеуказанные факты являются первоочередной причиной необходимости обеспечения взаимодействия населения с правоохранительными органами, в том числе с нарядами патрульно-постовой службы полиции, в особенности при получении информации о различных преступлениях, правонарушениях и иных происшествиях, что способствует обеспечению оперативного реагирования на пресечение различных противоправных действий и помогает укреплению охраны общественного порядка и общественной безопасности граждан, оказывая эффективное влияние на реализацию на высоком уровне в деятельность полиции принципа общественного доверия и поддержки граждан.

При осуществлении своих оперативно-служебных задач наряды патрульно-постовой службы полиции действуют исключительно в пределах своих полномочий и ответственности, четко определенных законодательством.

Соблюдение этих правовых рамок является обязательным для каждого сотрудника ППСП, независимо от сложности ситуации.

Эффективность работы сотрудников патрульно-постовой службы полиции напрямую зависит от адекватного материально-технического обеспечения.

Нехватка транспорта, оргтехники или канцелярских принадлежностей, даже будучи незначительными на первый взгляд, может серьезно подорвать результативность их труда.

Последствия такой неэффективности ощущаются на уровне безопасности граждан и стабильности функционирования всего государства.

Для обеспечения более эффективной защиты прав граждан России необходимо начать с улучшения работы подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Это требует, прежде всего, внесения изменений в нормативно-правовые акты непосредственно регламентирующие их служебную деятельность.

Стоит обратить внимание, в частности на Федеральный закон «О полиции» №3 от 07.02.2011 года, в который целесообразно внести поправки в части касающихся обеспечения и реализации взаимодействия нарядов полиции с государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и образовательными учреждениями.

Вместе с тем, повышению результатов работы нарядов полиции способствовало бы и разрешение существующих и по сей день проблемных вопросов связанных с усовершенствованием материально-технической базы и оснащения данного структурного подразделения по нормам положенности всеми необходимыми для выполнения как оперативно-служебных задач при различных ситуациях, так и при выполнении служебных обязанностей в повседневной деятельности, техническими средствами и финансированием.

Обеспечение правоохранительных органов необходимыми ресурсами представляет собой критически важную государственную задачу, поскольку именно они осуществляют защиту прав и свобод граждан, гарантируют безопасность государственных интересов и обеспечивают соблюдение законодательства.

В контексте защиты прав и интересов граждан и государства, патрульно-постовая служба непосредственно выполняет функции по охране правопорядка и общественной безопасности, противодействуя преступным проявлениям.

Вместе с тем, законодательное регулирование взаимодействия патрульно-постовой службы с гражданами в части условий осуществления данной деятельности является недостаточно проработанным.

Данное обстоятельство требует внимания как с точки зрения защиты прав граждан, так и с точки зрения реализации служебных обязанностей патрульно-постовой службы полиции по обеспечению этих прав.

Деятельность сотрудников патрульно-постовой службы полиции выходит за рамки простого обеспечения правопорядка.

Помимо этого, они занимаются учетом административных правонарушений, контролем за исполнением назначенных наказаний и возбуждением дел по соответствующим нарушениям.

Проблема заключается в том, что многие региональные нормативные акты расширяют круг обязанностей патрульно-постовых нарядов полиции, включая в него задачи, которые изначально не входят в компетенцию полиции.

Примерами могут служить правила выпаса скота, содержания домашних животных или благоустройства территорий. МВД стремится решить эту проблему, поскольку выполнение несвойственных функций негативно сказывается на способности сотрудников полиции эффективно выполнять свои основные служебные задачи.

Таким образом, зачастую нормативные акты, перегружая ППС несвойственными ей обязанностями, снижают ее оперативность и результативность.

Вместе с тем, существуют определенные направления, которые позволят повысить эффективность патрульно-постовой службы в современной России.

Федеральный закон Российской Федерации «О полиции» №3 от 07.02.2011 года непосредственно устанавливает основные направления деятельности правоохранительных органов, акцентируя внимание на необходимости формирования доверия со стороны граждан и поддержания позитивного имиджа.

Следовательно, деятельность, направленная на создание положительного образа сотрудника, должна стать ключевым фактором в повышении эффективности работы подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Принимая во внимание значимость выполняемых структурными подразделениями патрульно-постовой службы полиции задач, ее положение в структуре МВД России и наличие соответствующей нормативно-правовой базы, вопрос об актуальности повышения эффективности ее деятельности не подлежит сомнению.

Эффективность работы сотрудников патрульно-постовой службы (ППС) снижается из-за трудностей, возникающих при документировании нарушений закона. Зачастую оформление задержанных лиц осложняется отказом в принятии из-за нехватки мест содержания.

Некоторые сотрудники полиции, проявляя недостаточную активность, создают неоправданную пассивность, препятствуя выполнению прямых обязанностей сотрудниками патрульно-постовой службы полиции.

Существующий на постоянной основе и особенно в современных реалиях сохраняющийся на постоянной основе дефицит личного состава оказывает негативное влияние как на работу сотрудников полиции, занимающихся оформлением правонарушений, так и на деятельность патрульно-постовых служб в целом.

Нехватка кадров на замещение вакантных должностей в структурных подразделениях патрульно-постовой службы полиции приводит к увеличению нагрузки по выполнению непосредственных служебных обязанностей на имеющийся действующий личный состав данного подразделения полиции.

Подразделения ППСП постоянно сталкиваются с проблемой нехватки кадров, обусловленной рядом факторов. Основным из них является невысокий уровень заработной платы.

Одна из проблем нехватки кадров в патрульно-постовой службе полиции заключается в комплексном и многоаспектном характере их работы.

Полицейские патрульно-постовой службы полиции обязаны не только владеть приемами самообороны, но и обладать обширными знаниями в области законодательства, регулирующего их деятельность.

По сравнению с другими отделами полиции, сотрудникам ППСП крайне необходим надежный автотранспорт для оперативного реагирования на происшествия. Своевременный выезд на место преступления или правонарушения – залог успешной работы.

Дополнительной причиной, влияющей на продуктивность работы сотрудников ППС, является недостаток доверия со стороны населения и, как следствие, нежелание оказывать содействие. Значительная часть людей, становясь свидетелями нарушений закона, предпочитает оставаться в стороне.

Прибыв на место вызова, полицейский ППСП часто сталкивается с отказом граждан давать показания или помогать в розыске преступника.

Отсутствие взаимодействия между гражданами и полицией усложняет процесс задержания преступников и предотвращения новых правонарушений.

Это лишает сотрудников полиции возможности оперативно пресекать незаконные действия.

Существует и еще один негативный аспект в отношениях между полицией и обществом. Некоторые сотрудники, опасаясь жалоб и дисциплинарных взысканий, воздерживаются от задержания правонарушителей, если для этого требуется применение силы.

Во взаимодействии граждан и сотрудников полиции негативную роль играют средства массо-

вой информации, которые часто представляют сотрудников полиции в негативном ключе и подрывая доверие граждан к ним.

В связи с широким распространением видеотехники, в последнее время наблюдается тенденция, когда люди активно снимают и публикуют в интернете видеоролики, представляющие работников полиции в невыгодном свете. Зачастую, полицейские, заметив процесс видеосъемки, прекращают исполнение своих обязанностей по выяснению обстоятельств происшествия, даже если очевидно нарушение закона.

Подобные возможности осуществления функций видеосъемки со стороны граждан, сложно оспорить, и общественное мнение чаще склоняется в пользу человека, проявляющего неуважение к полицейскому, без учета того, что сотрудник правопорядка выполняет свою работу по предотвращению преступлений.

В итоге, существует множество препятствий для улучшения эффективности работы патрульно-постовой службы. Основным из них является «человеческий фактор» – взаимодействие полицейских с населением и предвзятое отношение граждан ко всем сотрудникам полиции в целом.

В законодательной базе присутствуют недостатки: регламентация деятельности патрульно-постовой службы полиции не охватывает все аспекты, алгоритмы действий в критических ситуациях недостаточно детализированы, как и процедуры взаимодействия с общественностью, органами управления, учебными заведениями и гражданскими объединениями.

Недостаточное финансирование материально-технического оснащения данного структурного подразделения, включая обеспечение техникой и средствами коммуникации, затрудняет деятельность полиции.

Низкий уровень оплаты труда сотрудников, также выступает негативным фактором влияющим на деятельность данного структурного подразделения и способствует образованию дефицита кадров и негативно сказывается на их результативности.

Предвзятое освещение работы полиции в СМИ препятствует установлению эффективного диалога и сотрудничества между сотрудниками и населением.

В целях укрепления доверия населения к деятельности полиции и повышения взаимодействия с правоохранительными органами целесообразно информировать граждан о количестве преступлений и нарушениях, раскрытых полицией, о мерах, принимаемых для предотвращения правонарушений, а также о помощи, оказанной населению.

Нельзя упускать из виду и недостаточную правовую грамотность населения, а также игнорирование законов многими людьми. Зачастую граждане, совершая административные проступки, не осознают их противозаконность.

Их основной задачей становится избежание наказания, а не предотвращение повторных нарушений.

Деятельность патрульно-постовой службы оказывает непосредственное влияние на эффективность результатов работы иных служб органов внутренних дел, в том числе и сотрудников криминальной полиции, осуществляющих розыскные и следственные действия.

Вышеуказанное свидетельствует о необходимости устранения существующих проблем в деятельности структурного подразделения патрульно-постовой службы полиции, для дальнейшего обеспечения взаимодействия на должном уровне и повышения эффективности взаимодействия оказываемой помощи в исполнении служебных обязанностей вышеуказанным подразделениям в пределах своей компетенции нарядами патрульно-постовой службой полиции.

Список литературы:

[1] Барышников М.В. Отдельные аспекты административно-правового регулирования обеспечения правопорядка патрульно-постовой службой полиции. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2. С. 11-14.

[2] Бельский А.Е. О некоторых особенностях несения службы сотрудниками патрульно-постовой службы. // ЮваUm. № 9. С. 133-136.

[3] Бражников С.А. Деятельность патрульно-постовой службы полиции: теория и практика. // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1. С. 39-44.

[4] Быкова Е.А. Сравнительный анализ коммуникативной компетентности сотрудников патрульно-постовой службы и вневедомственной охраны. // Психология и право. 2012. № 3. С. 1-10.

[5] Карнаухов О.П. Сравнительный анализ основного нормативного правового акта, регла-

ментирующего деятельность патрульно-постовой службы полиции. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. // 2022. № 22. С. 177-179.

[6] Ковалев Д.В., Фидель П.М. Обеспечение взаимодействия патрульно-постовой службы полиции с представителями других подразделений ОВД. // Аллея науки. 2018. № 3. С. 353-356.

[7] Люкшина Д.С., Моисеева А.И. Мотивация профессиональной деятельности у сотрудников патрульно-постовой службы. // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. // 2017. № 7. С. 171-176.

References:

[1] Baryshnikov M.V. Certain aspects of administrative and legal regulation of law enforcement by the patrol and guard police service. //Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2019. № 2. S. 11-14.

[2] A.E. Belsky. About some features of service by patrol officers. //No. OvaUm. № 9. S. 133-136.

[3] Brazhnikov S.A. Activities of the police patrol service: theory and practice. //Police and society: problems and prospects of interaction. 2019. № 1. S. 39-44.

[4] Bykova E.A. Comparative analysis of the communicative competence of employees of the patrol service and private security. //Psychology and law. 2012. № 3. S. 1-10.

[5] Karnaukhov O.P. Comparative analysis of the main regulatory legal act regulating the activities of the police patrol service. //Actual problems of combating crimes and other offenses. //2022. № 22. S. 177-179.

[6] Kovalev D.V., Fidel P.M. Ensuring the interaction of the police patrol service with representatives of other police departments. //Alley of Science. 2018. № 3. S. 353-356.

[7] Lyukshina D.S., Moiseeva A.I. Motivation of professional activities among patrol officers. //Personality in extreme conditions and crisis situations of life. //2017. № 7. S. 171-176.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-336-342

МАТВЕЕВА Анна Дмитриевна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
e-mail: anna.chernoskutova.01@bk.ru

Научный руководитель:
МАТИЕНКО Татьяна Львовна,
профессор кафедры истории государства и права
Московского ордена Почета университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Аннотация. Сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации при исполнении государственных задач по охране общественного порядка подвергают свою жизнь и здоровье опасности, в обстановке действия особых режимов служебные риски служащих органов правопорядка возрастают. Повышенные служебные и социальные риски сотрудников органов исполнительной власти должны коррелироваться с правовыми льготами и гарантиями. Расширенный объем преференций способен компенсировать сотрудникам существующие профессиональные риски. Помимо этого, социальное обеспечение нивелирует запреты и ограничения служащих, создавая законодательный баланс. Социальная политика органов внутренних дел в условиях действия специальных административных-правовых режимов должна изменяться с учетом оперативной обстановки. Социальные права, являясь одним из элементов специального правового статуса сотрудника, обеспечивают социальную дифференциацию между служащими и лицами, наделенными общеправовым статусом. Историко-правовой опыт эволюции социальной политики в отношении сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период позволяет прийти к продуктивным выводам о том, что советской власти удалось компенсировать служебные риски не только правоохранителям, но и членам их семей. Выявлено, что несмотря на тяжелые экономические условия военного и послевоенного времени законодатель не игнорировал вопрос о социальной защищенности сотрудников и их иждивенцев, а посредством ведомственного нормотворчества увеличивал объем льгот и гарантий, понимая, что грамотная социальная политика напрямую влияет на уровень правопорядка в обществе. Обращение к историческому опыту может послужить опорой для действующей системы права, а также обеспечить правопреемственность.

Ключевые слова: правовые преимущества, Великая Отечественная война, послевоенный период, специальный административно-правовой режим, НКВД СССР, кадровый дефицит, социальные льготы и гарантии, служебные риски, запреты и ограничения.

MATVEEVA Anna Dmitrievna,
adjunct (graduate student)
at the Faculty of Training of Scientific,
Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow Order
of Honor University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

Scientific supervisor:
MATYENKO Tatyana Lvovna,
 Professor, Department of State History and Law,
 Moscow Order of Honor, University of the Ministry of Internal Affairs
 of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
 Doctor of Law, Associate Professor

SOCIAL SECURITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS IN THE CONDITIONS OF SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES: HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE

Annotation. *Employees of internal affairs bodies of the Russian Federation, when performing state tasks on the protection of public order, put their lives and health at risk, in the situation of the action of special regimes, the service risks of employees of law enforcement agencies increase. Increased service and social risks of employees of executive authorities should be correlated with legal benefits and guarantees. Expanded benefits can compensate employees for existing professional risks. In addition, social security mitigates the prohibitions and restrictions imposed on employees, creating a legislative balance. The social policy of internal affairs agencies under special administrative and legal regimes should be adjusted to the current operational situation. Social rights, being one of the elements of a special legal status of an employee, ensure social differentiation between employees and individuals with general legal status. The historical and legal experience of the evolution of social policy in relation to employees of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War and in the post-war period allows us to draw productive conclusions about the fact that the Soviet government managed to compensate for the risks of service not only for law enforcement officers, but also for their family members. It has been revealed that despite the difficult economic conditions of the war and post-war period, the legislator did not ignore the issue of social protection for employees and their dependents, but rather developed legal regulation, understanding that increased benefits and guarantees directly affect the level of law and order in society. Drawing on historical experience can serve as a foundation for the current legal system and ensure continuity.*

Key words: *legal advantages, the Great Patriotic War, the post-war period, special administrative and legal regime, the NKVD of the USSR, personnel shortage, social benefits and guarantees, official risks, prohibitions, and restrictions.*

Российская Федерация на данном историческом этапе своего развития претерпевает геополитические изменения вследствие противостояния с коллективным Западом. Важное место в этом процессе занимают органы исполнительной власти, которые в силу специального правового статуса обязаны реализовывать государственные задачи не только по охране общественного порядка, но и по защите суверенитета государства, в том числе и в условиях проведения Специальной военной операции. В целях реализации стратегически важных для страны задач, сотрудники органов внутренних дел наделяются дополнительными служебными полномочиями. Расширенный объем обязанностей сотрудников должен соответствовать их социальным правам. Полномочия, как и социальное обеспечение являются элементами специального правового статуса сотрудника, изменения одного компонента влечет за собой преобразование другого. Анализ социальных гарантий и выявления ее механизмов является шагом для рассмотрения общей проблемы специального правового ста-

туса. Проблема соотношения социальных предпочтений с полномочиями сотрудников органов внутренних дел рассматривалась в большинстве случаев учеными-административистами (Н. Д. Кочеткова [1], З. З. Маздогова [2], А. А. Набока [3] и др.). В специальной юридической литературе распространено мнение о скудном объеме действующих социальных льгот, который не соотносим с существующим объемом полномочий.

Вместе с тем, факторы риска сотрудников возрастают при выполнении ими служебных обязанностей в условиях действия специальных административно-правовых режимов [14]. Социальная политика обеспечивает компенсацию за опасность службы, а также является гарантом обеспечительных мер для членов семей сотрудника.

Особого внимания заслуживают работы С. П. Матвеева, который одним из первых ввел в научный оборот тезис о том, что социальная защита сотрудников – это не только стимулирующий компонент, но и фактор, регулирующий всю систему органов внутренних дел. Исследователь

указывает на необходимость увеличения социальной защиты сотрудников правоохранительных органов в связи со взаимосвязью с совершенствованием системы органов в целом [4, с. 47]. Т. Л. Матиенко приходит к конструктивному выводу о прямой зависимости качественного состояния правопорядка от количественного уровня материального обеспечения служащих на определенном историческом этапе [5, с. 106]. Также она отмечает, что социальные гарантии должны быть адекватны текущим экономическим условиям [5, с. 103].

Не представляется возможным исследовать социальные льготы сотрудников органов НКВД СССР в годы войны и в послевоенный период без четко выработанной теоретической базы. Проблема социальной защиты сотрудников органов внутренних дел носит комплексный и межотраслевой характер, поэтому ее целостный анализ возможен только в рамках общей теории права и государства [6, с. 5]. В теории права сформировался подход к пониманию социальных гарантий через обращение к дефиниции «правовые преимущества». Сотрудник органов внутренних дел, являясь субъектом специального правового статуса, обладает преимущественным правом по реализации своих законных интересов. Правовые преимущества как компонент специального правового статуса сотрудников органов внутренних дел, рассматривали такие теоретики права, как С. С. Алексеев [7], А. А. Дергунов [8], А. В. Малько и И. С. Морозова [9] и др. Большинство ученых приходят к пониманию правовых преимуществ через призму реализации субъектом своих законных интересов, а также обеспечения справедливости и равенства, вследствие существующих правовых ограничений. Однако, вполне справедливо, правоведы относят к правовым преимуществам и расширенные полномочия сотрудников, так как преимуществом является и объем специальных законодательных прав служащих, который не присущ остальным субъектам. Правовые преимущества предоставляются субъектам со специальным правовым статусом для реализации приоритетных обязанностей, посредством наделения дополнительными правами и гарантиями, неподверженностью запретам и ограничениям [10, с. 126]. В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение преимущественного права сотрудников в целом, а только лишь анализируются социальные гарантии как самостоятельный элемент специального правового статуса. Автор исходит из того, что использование такой терминологии, как «социальная защита», «социальные преимущества», «преференции», «социальные льготы и гарантии», при-

менительно к данной проблеме является обоснованным и достоверным, вполне вписываясь в рамки существующих научных подходов.

Действующие в современном российском праве социальные гарантии не способны компенсировать служебные риски сотрудников при выполнении ими государственных задач по обеспечению правопорядка. Как справедливо отмечает историк права Н. К. Коршунова, социальные льготы являются своего рода «прибавкой» к денежному довольствию, и, вследствие этого, способны решить проблему дефицита кадров и искоренить существующие в правоприменительной практике коллизии при реализации права правоохранителей на предоставление и получение действующих преференций [11, с. 3]. Увеличенная служебная нагрузка правоохранителей и возросшие служебные риски сотрудников сигнализируют обществу и государству о необходимости изменения подхода правоприменителя к объему социальных гарантий служащих и в дальнейшем их пересмотра в сторону увеличения. Российская Федерация, являясь социальным государством, обязана защищать граждан от неравенства, а также распределять материальные блага между субъектами права. Сотрудник органов внутренних дел не отделяется от гражданского общества и не теряет связь с ним в силу специального правового статуса.

Обозначенная концепция является продуктом правопреемственности от советской модели права. Провозглашенный в Конституции 1936 г. [15] социализм – это система имущественного равенства всех советских граждан. Социализм являлся одной из причин увеличенного объема социальных льгот и гарантий, который в полной мере способствовал компенсации служебных рисков сотрудников и членов их семей. Анализ историографии темы настоящего исследования позволяет сделать вывод об успешности опыта советского права и грамотности управленческих решений руководства аппарата НКВД СССР в части социальной защиты служащих и членов их семей. В критических экономических условиях военного и послевоенного времени, государство не игнорировало проблему социальной защиты сотрудников и членов их семей. Наоборот, правотворчество и правоприменение эволюционировали и подстраивались под быстро меняющиеся оперативную обстановку.

Переходя к анализу эволюции института социальных преференций сотрудников органов правоохраны в исследуемый период, невозможно оставить без внимания юридические изменения в регулировании материального обеспечения слу-

жащих накануне вторжения немецких захватчиков и их сателлитов. Так, в 1938 г. заработная ставка сотрудников НКВД СССР была пересмотрена и увеличена на основании выписки из протокола № 65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) [16]. Нормативная деятельность не ограничилась лишь изменением денежного довольствия. Уже менее, чем через год, в 1939 г. военнослужащие войск НКВД СССР были приравнены по статусу к бойцам Красной армии. Исходя из правовой регламентации, на сотрудников войск НКВД стали распространяться не только социальные льготы и гарантии красноармейцев, но и ставки денежного довольствия (материальное обеспечение), на которые они ранее не могли претендовать.

Руководство страны было осведомлено о планах фашистских захватчиков относительно нападения на СССР. Переустройство и подготовка к приближающейся войне велась повсеместно, органы правоохраны не стали исключением. Исходя из этого, был перераспределен государственный план на военные нужды и упразднены некоторые социальные льготы и гарантии в целях экономии бюджета. В соответствии с Приказом НКО СССР № 145 от 9 апреля 1941 г., многие нормативные правовые акты НКВД СССР, регламентирующие социальные выплаты были прекращены или приостановлены. В том числе, было решено:

1. выплата вторых окладов денежного содержания в течение первых трех месяцев службы в отдаленных местностях – приостановить;
2. выплату единовременного вознаграждения за окончание учебных заведений НКВД – прекратить;
3. выплату пособий при рождении ребенка производить только в случаях, если месячный заработок родителей, обратившихся за пособием, не превышает к первому числу месяца рождения ребенка 300 рублей в месяц [17].

Отмена и/или приостановление действий некоторых гарантий не обозначали уменьшения объема социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел СССР, так как взамен упраздненных льгот были приняты иные преференции, которые предотвращали ухудшение материального благосостояния сотрудников в условиях оккупации.

Так, при откомандировании сотрудника выплачивались повышенные суточные надбавки, на основании положения ст. 3 Приказа НКВД СССР № 676 от 1941 г [18]. Сохранялись и социальные льготы при гибели сотрудника, которые

включали в себя не только единовременную выплату, но и назначение персональной пенсии иждивенцам.

Существовавшая в довоенной ведомственной практике система премирования сотрудников также не была отменена, а наоборот получила свое развитие в военное время, как и льгота по транспортировке семьи служащего за счет государства при назначении, переводе или откомандировании более чем на шесть месяцев.

Так же за сотрудниками органов правоохраны была сохранена льгота по оплате коммунальных услуг по себестоимости, на основании Циркуляра № 75 от 10 апреля 1941 г. «О порядке оплаты и представления жилой площади и коммунальных услуг» [19]. Оснащение сотрудников и членов их семей жилищной площадью являлось насущной проблемой, которая стояла перед советскими органами государственной власти еще в довоенное время. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) п. 65/12 «О квартирах для работников НКВД», отмечалось, что существующий жилищный фонд не способен обеспечить всех сотрудников органов правоохраны квартирами, исходя из этого, партийное руководство постановило передать жилые помещения репрессированных советских граждан в хозяйственное управление НКВД. В этом же Постановлении отмечалось, что «прибывшие и прибывающие для работы в Москве с периферии в свое подавляющем большинстве не имеют никакой мебели. Поэтому просим передать в распоряжение НКВД мебель, подлежащую, при наличии судебных решений о конфискации, сдаче в госфонд и находящейся в опечатанных квартирах, переходящих в жилищный фонд НКВД» [20].

Ведомственное нормотворчество способствовало улучшению жилищных условий личного состава правоохранительных органов. Например, для улучшения жилищно-бытовых условий сотрудникам НКВД Карело-финского округа было передано в ведение 22 квартиры и 6 квартир в новом доме (Приказ НКВД СССР № 37 от 2 мая 1941 г. [21]).

Данная правоприменительная практика была распространена по всему Советскому Союзу, выдача квартир в полной мере обеспечивала стабильное благосостояние сотрудников органов правоохранительной системы и являлась мотиватором для служебной деятельности. Обеспечение сотрудников и членов их семей квартирами являлось одной из мер социальной поддержки, которое в дальнейшем способствовало снижению уровня кадрового дефицита. Вследствие агрессивных действий фашистов и их при-

спешников, большинство домов из жилищного фонда НКВД были повреждены или вовсе разрушены. Партийное руководство не оставило без внимания проблему оснащения сотрудников жилищной площадью, поэтому в 1944 г., по приказу Мосгорисполкома, первоочередной задачей объявлялась немедленная организация работ по ремонту и строительству жилого помещения для военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел [22]. Тип и качество выделяемого жилья определялись социальным статусом жильцов, их заслугами перед Отечеством. Жилье для сотрудников зачастую изымалось у прежних владельцев по причинам «выгодного месторасположения и близости к месту службы будущих владельцев» [12, с. 22].

Новеллой военного права стала норма, регулирующая положение семей сотрудников: государство брало на себя не только ответственность за сохранность жизни членов семьи и создание безопасных условий для них, но и обеспечивало финансовую стабильность иждивенцам. Так, в п. 3 Приказа НКВД СССР № 102/к от 27 ноября 1941 г. «Об обслуживании семей сотрудников НКВД СССР эвакуированных в совхозы НКВД», отмечалось, что директорам совхозов необходимо обеспечить эвакуированных семей хлебом и другими продуктами питания из запасов совхозов, а также организовать бытовое и коммунальное обслуживание, произведя необходимый ремонт жилых помещений (остекление, ремонт печей и пр.), принять меры к обеспечению семей топливом [23].

Данная практика не являлась исключением, например, в соответствии с Приказом НКВД СССР № 1-к от 28 июля 1941 г. «По обеспечению обслуживания членов семей сотрудников, размещенных в городах и колхозах Куйбышевской области», было принято решение: «...Обязать комендантов прописать членов семей по домовым книгам в райотделении милиции. На обязанности поселковых комендантов лежит проявление исключительной заботы и чуткости к проживающим членам семей сотрудников. Коменданты обязаны быть инициативными в налаживании питания и снабжения обслуживаемого населения продуктами, мылом, керосином и дровами, для чего необходимо использовать отделения Спецоргана и местные торгующие организации...» [24]. Между тем, эвакуированные иждивенцы сотрудников органов правоохраны зачислялись на денежное довольствие, в соответствии с Приказом НКВД СССР № 176 от 26 июля 1941 г. На основании данного Приказа, на каждого члена семьи сотрудника, прибывшего из прифронтовой зоны, выплачивалось подъемное пособие в размере $\frac{1}{4}$ должностного оклада (без выслуги лет). Если оклад, в силу определенных обстоятельств, не был известен, то обя-

зывалось руководствоваться следующими окладами: для жен без детей – 200 рублей, при наличии одного ребенка – 250, при наличии двух детей – 300, от трех и более детей – 400 [25].

Обеспечительные меры для поддержания жизнедеятельности членов семьи сотрудников являлись одной из важных задач органов государственной власти в советском праве. Бремя ответственности во время войны за сохранность членов семьи сотрудников взяло на себя партийное руководство и руководство НКВД СССР.

Еще одним социальным преимуществом сотрудников в условиях военного времени являлось их освобождение от налогового обложения, а именно, в соответствии со ст. 3 п. «а» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», сотрудники органов внутренних дел СССР и военнослужащих войск НКВД СССР и/или их жены освобождаются от уплаты налога [26]. Советские граждане, наделенные лишь общеправовым статусом, не имели такой привилегии, данный нормативный правовой акт отражает социальную дифференциацию, продиктованную занимаемым положением сотрудников в обществе.

Важно упомянуть, что после окончания войны ситуация с социальной поддержкой резко изменилась, были значительно сокращены предоставленные льготы. Согласно сентябрьскому указу 1947 г., принятому Президиумом Верховного Совета СССР, отменялись почти все денежные выплаты, которые полагались гражданам СССР, награжденным советскими орденами и медалями [27] (сотрудники не стали исключением в силу общеправового статуса). Одновременно, обладатели наград повсеместно лишались права бесплатного проезда на железнодорожном, трамвайном и водном транспорте, а также льгот по оплате коммунальных услуг. Однако социальные гарантии, в силу специального правового статуса, не были отменены, в части назначения повышенной пенсии, улучшения жилищно-бытовых условий, льгот на оплату коммунальных услуг, бесплатного проезда, санитарно-курортного лечения и др. Необходимо отметить, что должностной оклад сотрудников органов НКВД СССР в финансовом эквиваленте не превышал заработной платы среднего советского рабочего, но расширенные льготы и гарантии способствовали материальной стабильности, а также давали ощущение социальной справедливости [13, с. 43], и, вместе с тем, компенсировали служебные риски служащих и членам их семей.

Социальные преференции в обстановке военного времени способствовали не только мотивации личного состава, но и в должной мере

компенсировали служебные риски сотрудников. Такой элемент специального правового статуса, как социальные льготы и гарантии, является регулятором, который способен обеспечить эффективное функционирование всей правоохранительной системы. Сложившиеся в послевоенное время социально-экономические условия не отразились на материальном и социальном благосостоянии сотрудников и членов их семей. Отмена некоторых социальных льгот в послевоенное время обуславливалась объективными экономическими причинами. Вместе с тем, законодатель нивелировал отмену ряда социальных преференций посредством введения иных способов материальной и социальной поддержки. На современном историческом этапе действующие льготы и гарантии не способны компенсировать правоохранителям их увеличенные служебные риски в условиях проведения Специальной военной операции.

Список литературы:

- [1] Кочеткова Н. Д. Административно-правовое обеспечение социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
- [2] Маздогова З. З. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников полиции на современном этапе // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 213–215.
- [3] Набока А. А. Особенности социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 4. С. 54–58.
- [4] Матвеев С. П. Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы административно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2011. 618 с.
- [5] Матиенко Т. Л. Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 101–108. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-101-108.
- [6] Анохина С. Ю. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: вопросы теории: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.
- [7] Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература. 1989. 288 с.
- [8] Дергунов А. А. Преимущественное право: общетеоретическое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 30 с.
- [9] Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве (проблемы теории и практики). Саратов: Саратовская государственная академия права. 2004. 198 с.
- [10] Репьев А. Г., Хрони Н. Н. Приоритет в содержании правоотношений. М.: Юрлитинформ. 2024. 208 с.
- [11] Коршунова Н. К. Организационно-правовые основы оплаты труда и материального стимулирования служебной деятельности работников милиции РСФСР: 1917–1930 гг.: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
- [12] Хлынина Т. П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 17–38.
- [13] Кистанов С. В. Финансовые аспекты деятельности органов внутренних дел СССР в 1930-х гг. // Экономическая история. 2022. Т. 18. № 1 (56). С. 34–44. DOI: 10.15507/2409-630x.056.018.202201.034-044.
- [14] Подполковник и капитан российской полиции погибли в зоне проведения СВО // Лента. 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/05/05/dead_heroes/ (дата обращения: 21.10.2025).
- [15] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Москва, Кремль, 5 декабря 1936 г. // Электронная библиотека исторических документов. UPL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes> (дата обращения: 21.10.2025).
- [16] Выписка из протокола № 65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) о ставках заработной платы в НКВД. 20 ноября 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. UPL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78408> (дата обращения: 21.10.2025).
- [17] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 623. Л. 112–114.
- [18] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 624. Л. 117.
- [19] ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 1. Д. 629. Л. 41.
- [20] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГА-СПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 593. Л. 7–10.
- [21] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 630. Л. 176.
- [22] Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАГМ). Ф. 2852. Оп. 5. Д. 9. Л. 42.
- [23] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 631. Л. 5–7.
- [24] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 632. Л. 62.
- [25] ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 1. Д. 629. Л. 32–35.

[26] ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 1. Д. 629. Л. 41.

[27] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. С. 300–303.

References:

[1] N.D. Kochetkova Administrative and legal support of social protection of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: abstract dis.... cand. jurid. sciences. M., 2006. 27 pp.

[2] Mazdogova Z.Z. Problems of the implementation of social protection of police officers at the present stage//Gaps in Russian legislation. 2016. № 3. S. 213-215.

[3] Naboka A. A. Features of social protection of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2020. № 4. S. 54-58.

[4] Matveev S.P. Social protection of civil servants: theoretical foundations of building a system, implementation practice and problems of administrative and legal regulation: dis.... Dr. Jurid. sciences. Voronezh, 2011. 618 pp.

[5] Matienko T. L. The problem of police staffing: the ratio of the material support of the ranks of the detective police and the quality of law and order in the Russian Empire at the beginning of the 20th century //Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 5. S. 101-108. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-101-108.

[6] Anokhina S. Yu. Social and legal protection of employees of internal affairs bodies: questions of theory: abstract dis.... cand. jurid. sciences. M., 2006. 29 pp.

[7] Alekseev S. S. General permissions and general prohibitions in Soviet law. M.: Legal literature. 1989. 288 pp.

[8] Dergunov A. A. Preemptive right: general theoretical research: abstract dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2025. 30 s.

[9] Malko A.V., Morozova I.S. Benefits in Russian law (problems of theory and practice). Saratov: Saratov State Academy of Law. 2004. 198 pp.

[10] Repiev A. G., Khroni N. N. Priority in the content of legal relations. M.: Yurlitinform. 2024. 208 pp.

[11] Korshunova N.K. The organizational and legal basis for remuneration and material incentives for the performance of police officers of the RSFSR: 1917-1930: abstract dis.... cand. jurid. sciences. M., 2005. 24 pp.

[12] Khlynina T.P. Housing issue and the practice of its resolution during the Great Patriotic War//Scientific dialogue. 2014. № 5 (29). S. 17-38.

[13] Kistanov S.V. Financial aspects of the activities of the internal affairs bodies of the USSR in the 1930s//Economic history. 2022. T. 18. № 1 (56). S. 34-44. DOI: 10.15507/2409-630x.056.018.202201.034-044.

[14] A lieutenant colonel and a captain of the Russian police died in the area of the RWT//Lenta. 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/05/05/dead_heroes/ (access date: 21.10.2025).

[15] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow, Kremlin, December 5, 1936//Electronic Library of Historical Documents. UPL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes> (accessed on: 21.10.2025).

[16] Extract from minutes No. 65 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on wage rates in the NKVD. November 20, 1938//Electronic Library of Historical Documents. UPL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78408> (accessed on: 21.10.2025).

[17] State Archive of the Russian Federation (hereinafter - GARF). F. 9401. Op. 1. D. 623. L. 112-114.

[18] GARF. F. 9401. Op. 1. D. 624. L. 117.

[19] GARF. F. R-9401ch. Op. 1. D. 629. L. 41.

[20] Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter - RGASPI). F. 17. Op. 166. D. 593. L. 7-10.

[21] GARF. F. 9401. Op. 1. D. 630. L. 176.

[22] Central State Archive of Moscow (hereinafter - TsGAGM). F. 2852. Op. 5. D. 9. L. 42.

[23] GARF. F. 9401. Op. 1. D. 631. L. 5-7.

[24] GARF. F. 9401. Op. 1. D. 632. L. 62.

[25] GARF. F. R-9401ch. Op. 1. D. 629. L. 32-35.

[26] GARF. F. R-9401ch. Op. 1. D. 629. L. 41.

[27] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 10, 1947 "On the benefits and advantages provided to those awarded orders and medals of the USSR" //Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR 1938 - July 1956 Moscow: Gosyurizdat, 1956. S. 300-303.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-343-345

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Автор статьи анализирует современные методы и подходы к обеспечению общественного порядка и безопасности в условиях проведения культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий.

Подчеркивается важность совершенствования правовой базы и организационных структур, регулирующих проведение таких событий, а также налаживания эффективного взаимодействия между всеми субъектами для гарантирования безопасности, а также фокусируется на повышении результативности мер по предупреждению противоправных действий и обеспечению безопасности граждан.

Ключевые слова: массовые мероприятия, общественная безопасность, правопорядок, профилактика, взаимодействие субъектов, правовое регулирование, органы правопорядка, государство, общество, участники мероприятий, зрители, законность.

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Training
of Ministry of Internal Affairs Officers (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Police Lieutenant Colonel

CURRENT ISSUES OF ORGANIZING SECURITY DURING MASS EVENTS: LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS.

Annotation. The author of the article analyzes modern methods and approaches to ensuring public order and security in the context of cultural, entertainment and other mass events. The importance of improving the legal framework and organizational structures governing such events is emphasized, as well as establishing effective interaction between all actors to ensure security, and also focuses on improving the effectiveness of measures to prevent illegal actions and ensure the safety of citizens.

Key words: mass events, public safety, law and order, prevention, interaction of subjects, legal regulation, law enforcement agencies, the state, society, participants in events, spectators, legality.

В условиях современного динамичного общества, с ростом числа и масштабов массовых мероприятий, возникает необходимость четкого определения правовых основ, а также механизмов их реализации. В совокупности обозначенная проблематика обуславли-

вает актуальность научно-исследовательской работы.

В современном обществе проведение культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий является важной составляющей общественной жизни, способствующей развитию культуры,

спорта, укреплению межличностных связей и формированию позитивного общественного настроения.

Однако такие мероприятия также сопряжены с определенными рисками для общественного порядка и безопасности участников и зрителей.

В связи с этим обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности в период проведения массовых мероприятий приобретает особое значение.

В виду вышеизложенного, отметим, что право создавать и вступать в общественные объединения способствует развитию гражданского общества и участию граждан в общественной жизни зафиксировано в статье 30 Конституции РФ.

Вместе с тем, при реализации закрепленных прав необходимо учитывать, что они не должны нарушать права и свободы других лиц и должно происходить в рамках правового поля с учетом интересов общества в целом (статья 17 Конституции РФ).

На уровне субъектов РФ и муниципальных образований принимаются акты, регулирующие особенности охраны порядка в конкретных регионах, например, постановления о проведении массовых мероприятий, правила охраны общественного порядка.

Таким образом, одним из ключевых направлений является модернизация нормативно-правовой базы.

В условиях быстрого технологического прогресса и усложнения инфраструктуры массовых мероприятий появляется необходимость в дополнении существующих нормативных актов положениями, регулирующими использование современных средств видеонаблюдения, систем искусственного интеллекта и автоматизированных систем мониторинга.

Такие технологические решения позволяют не только своевременно выявлять потенциальные угрозы, но и обеспечивать оперативное реагирование на инциденты.

Важной задачей становится создание единого федерального стандарта по организации охраны общественного порядка на массовых мероприятиях, что поможет повысить согласованность действий различных правоохранительных и контролирующих органов, а также организаторов.

Система организации и обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий должна быть построена на принципах интеграции, гибкости и постоянного совершенствования.

Одним из важных аспектов должно стать создание единой информационной среды, кото-

рая объединит все компоненты системы, обеспечит обмен данными и позволит принимать обоснованные управленческие решения.

Именно такой подход сможет обеспечить высокий уровень безопасности, предотвратить возможные угрозы и создать условия для успешно, безопасного и комфортного проведения культурных, зрелищных и иных массовых мероприятий.

Развитие организационных основ охраны общественного порядка и общественной безопасности в период проведения культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий должно включать в себя совершенствование системы нормативных требований, обеспечивающих законность, безопасность и порядок, совершенствование межведомственного взаимодействия и усиления профилактических мер, мер правовой ответственности участников и организаторов мероприятий.

Важным аспектом будет являться разработка программ правового просвещения и обучения персонала, что поможет уменьшить число правонарушений и предотвратить возможные инциденты. В перспективе необходимо внедрение системы поощрений за добросовестную организацию и соблюдение нормативных требований, а также создание механизмов для своевременного выявления и пресечения нарушений.

Обеспечение общественной безопасности должно быть системным и комплексным, интегрированным, гибким и постоянно совершенствоваться, в особенности на данном этапе, когда растущее число массовых мероприятий и увеличение угроз, связанных с их проведением приводит к увеличению числа правонарушений, связанных с нарушением общественного порядка.

Наряду с вышеуказанным в деятельности сотрудников полиции при оказании содействия организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий является повышение профессионального уровня кадров.

Для этого рекомендуется создать специализированные центры подготовки и переподготовки для сотрудников правоохранительных органов, служб охраны и организаторов, что обеспечит высокий уровень компетентности и оперативности в условиях возникновения угроз.

Также необходимо обеспечить постоянный мониторинг и оценку эффективности принятых мер, а также регулярное обновление нормативных актов и технологий в соответствии с развитием новых угроз и вызовов.

В этом контексте важным является создание системы обратной связи и проведения аналитических исследований для выявления слабых мест и своевременного их устранения.

Предлагаемые меры по совершенствованию такой деятельности должны стать системной основой для формирования единой, эффективной и современной системы обеспечения общественного порядка и безопасности во время массовых мероприятий, способной адаптироваться к динамичным изменениям и новым вызовам современного общества.

В рамках обеспечения общественного порядка и общественной безопасности во время проведения массовых мероприятий немаловажное значение играет и привлечение нарушителей правопорядка согласно действующему законодательству Российской Федерации, за противоправные действия, связанные с массовыми беспорядками.

Полиция не только обеспечивает безопасность при проведении таких мероприятий, но и выступает связующим звеном между организаторами и участниками.

Эффективное взаимодействие позволяет выявить риски и разработать меры по их минимизации.

Успешная работа по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка полиции при оказании содействия организаторам публичных мероприятий полицией зависит от планирования и четкой стратегии взаимодействия.

Обозначенное, в свою очередь, подчеркивает важность эффективного взаимодействия между полицией и организаторами спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий.

Подводя итоги проведенного исследования отметим, что для обеспечения эффективной работы по обеспечению правопорядка, сотрудники полиции должны: иметь необходимые знания, опыт и навыки, которые помогут им правильно ориентироваться в соответствующих экстремальных условиях и ситуациях; профессионально выполнять возложенные на них должностные обязанности, на высоком профессиональном уровне выполнять служебные задачи по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Список литературы:

[1] О безопасности: федеральный закон от 28 декаб. 2010 г. № 390-ФЗ (послед. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[3] Герфанова М.Р. Экономическая безопасность как одна из основных составляющих безопасности государства // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 апреля 2022 года / Сост. Н.В. Мячин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 316.

[4] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685). Документ опубликован не был. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2025).

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237, 25 декабря.

[6] Терещенко Л.К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 104.

References:

[1] On safety: federal law of 28 ". 2010 No. 390-FZ (last Ed.)//Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.

[2] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400//Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Art. 5351.

[3] Gerfanova M.R. Economic security as one of the main components of state security//Economic security of the individual, society, state: problems and ways of ensuring: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, April 08, 2022/Comp. N.V. Myachin. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. S. 316.

[4] The concept of public safety in the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation 14.11.2013 No. Pr-2685). The document was not published. //SPS "ConsultantPlus" (accessed on: 15.06.2025).

[5] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. No. 237, December 25.

[6] Tereshchenko L.K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization/L.K. Tereshchenko//Journal of Russian Law. 2022. № 12. S. 104.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-346-349

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит исследование различных проявлений преступлений террористического характера возникающие в обществе по различным причинам и мотивам, различные способы и средства противодействия этим проявлениям, акцентирует внимание на конституционные права граждан и принципы, подлежащие охране государством.

Ключевые слова: Конституция, общество, государство, преступление, противодействие, терроризм, принципы, органы внутренних дел, профилактика, законодательство, полиция.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department
of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization
of Law Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences,
Police Lieutenant Colonel.

THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND PRINCIPLES OF THE WORK OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN COMBATING TERRORISM AND EXTREMISM

Annotation. In his scientific article, the author conducts a study of various manifestations of terrorist crimes that arise in society for various reasons and motives, various ways and means of countering these manifestations, focuses on the constitutional rights of citizens and the principles to be protected by the state.

Key words: Constitution, society, state, crime, counteraction, terrorism, principles, internal affairs bodies, prevention, legislation, police.

Конституция Российской Федерации, обладая высшей юридической силой, закладывает основу для противодействия экстремизму.

Она прямо запрещает создание и деятельность общественных объединений, направленных на разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни и иные способы проявления не равного отношения к людям или представителям определенных слоев населения и общества по вышеуказанным признакам.

Кроме того, Конституция запрещает пропаганду такого превосходства.

Следовательно, именно Конституция является отправной точкой для формирования и развития законодательства, направленного на пресечение экстремистской деятельности.

Деятельность по противодействию экстремизму осуществляется на основе следующих основополагающих принципов:

- 1) Правовая основа: Строгое соблюдение норм Конституции РФ, ратифицированных международных соглашений, федеральных законов и иных нормативных актов.
- 2) Системный подход: Объединение усилий всех ключевых субъектов, занимающихся профилактикой экстремизма.
- 3) Рациональность: Достижение максимальных результатов при оптимальном использовании материальных, финансовых и иных ресурсов.
- 4) Оперативность реагирования: Своевременное принятие профилактических мер, адекватных сложившейся криминогенной ситуации.

Противодействие экстремизму включает в себя два основных аспекта:

- 1) Предупреждение: активные меры, направленные на недопущение экстремистских действий, включая выявление и устранение их первопричин и благоприятствующих условий.
- 2) Реагирование: обнаружение, предотвращение и прекращение экстремистской деятельности, независимо от того, кто ее осуществляет – общественные или религиозные объединения, другие организации или частные лица.

Эффективность борьбы с экстремизмом во многом определяется уровнем координации между правоохранительными органами.

Эта координация должна быть более структурированной и требовательной в процессе выработки и реализации согласованных действий.

Важно четко определить роли каждого участника, а также использовать соответствующие силы, средства и методы, адекватные существующим угрозам и их динамике.

Продуманное взаимодействие призвано минимизировать экстремистскую преступность.

Фундаментом системы противодействия экстремизму служат принципы законности, комплексности, оптимальности и оперативности. Тем не менее, научные исследования указывают на необходимость дальнейшего совершенствования как нормативной базы, так и практических подходов.

Особое внимание уделяется важности скоординированной работы правоохранительных органов и налаживанию диалога с институтами гражданского общества.

Проведенное исследование подводит к выводу, что противодействие экстремизму в Российской Федерации требует комплексного подхода.

Помимо доработки существующих нормативных актов и практических руководств, необходимо разработать новые, более гибкие и результативные механизмы, способные оперативно реагировать на динамично меняющуюся ситуацию.

Успешное противодействие экстремизму невозможно без синергии усилий всех уровней власти и гражданского общества, а также без активного вовлечения России в международные инициативы по укреплению глобальной безопасности.

В настоящее время первостепенное значение имеет сбор и анализ информации.

Для эффективного предотвращения террористической деятельности критически важно внедрение передовых информационных технологий.

Аналитические подразделения, используя данные из различных источников, могут прогнозировать и моделировать потенциальные террористические угрозы, что позволяет принимать упреждающие меры для снижения рисков и минимизации ущерба.

Деятельность органов внутренних дел в оперативной сфере предполагает применение современных технических средств для наблюдения и перехвата информации, что значительно повышает вероятность своевременного предотвращения преступных замыслов.

Важную роль играет сотрудничество между ведомствами и на международном уровне, которое обеспечивает обмен оперативными данными и совместную разработку методов противодействия преступлениям террористического характера.

В соответствии с действующим законодательством Министерство внутренних дел Российской Федерации проводит работу направленную на противодействие исследуемым видам преступлений посредством различных действенных мер, в том числе профилактики искоренения общественно опасных делинквентных проявлений и соответствующих правонарушений.

Согласно Федеральному закону «О борьбе с терроризмом», МВД России принимает участие в мероприятиях, направленных на предотвращение, выявление и пресечение преступлений террористической направленности, совершённых с целью личной выгоды. Главные управления МВД по федеральным округам выполняют функции центров координации и управления силами и средствами органов внутренних дел в своих регионах.

Разыскная деятельность полиции в сфере противодействия терроризму и экстремизму осуществляется в двух основных направлениях:

- 1) непосредственный поиск лиц, относящихся к данной категории;
- 2) организация и координация таких поисковых мероприятий.

В рамках своей деятельности, в том числе направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом, полиция Российской Федерации обладает следующими основными полномочиями:

- 1) Обеспечение защиты личности, общества и государства от противоправных угроз.
- 2) Профилактика и пресечение преступлений и административных правонарушений, включая те, что связаны с терроризмом и экстремизмом.
- 3) Выявление, раскрытие и расследование преступлений, включая дознание по уголовным делам.
- 4) Розыск лиц, представляющих опасность или скрывающихся от правосудия.
- 5) Ведение дел об административных правонарушениях и исполнение соответствующих наказаний.
- 6) Поддержание общественного порядка, в том числе в условиях повышенной угрозы.
- 7) Обеспечение безопасности дорожного движения.
- 8) Контроль за законностью оборота оружия и частной детективной/охранной деятельности.
- 9) Охрана объектов и имущества, в том числе от террористических угроз.
- 10) Предоставление государственной защиты лицам, вовлеченным в уголовный процесс, а также должностным лицам, подвергающимся риску.

- 11) Проведение экспертно-криминалистических мероприятий для установления обстоятельств преступлений.

Изучение компетенций и основных функций органов внутренних дел в контексте противодействия терроризму и экстремизму подчеркивает многоуровневый и многоаспектный характер их работы по решению этой актуальной проблемы.

Исследование деятельности МВД РФ демонстрирует, что применение комплекса предупредительных и оперативно-розыскных мер оправдано стремлением обеспечить как безопасность граждан, так и стабильность общественного порядка.

В заключение следует отметить, что сформированная система противодействия терроризму и экстремизму, основанная на слаженной работе подразделений МВД, демонстрирует высокий потенциал в достижении поставленных целей. Тем не менее, научные изыскания указывают на пути повышения ее эффективности, такие как улучшение межведомственного взаимодействия и расширение международного обмена опытом и информацией, что позволит в дальнейшем достигать еще более значимых результатов в обеспечении общественной и государственной безопасности.

Список литературы:

- [1] Сундиев И.Ю. Введение в оперативно-розыскную терминологию: монография. М.: НИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 191.
- [2] Ефремов М.И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Социология и социальная работа Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2010. № 2 (18). С. 23-29.
- [3] Сайт Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/241> (дата обращения 07.04.2024).
- [4] Петрянин А.В., Коннов И.А., Кузнецов М.В. Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 35-54.
- [5] Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2024).
- [6] Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: Дис. ... к.ю.н. Специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Н. Новгород, 2013. С. 9, 22.

[7] Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: Автореф. дисс. ... д.социол.н. Специальность 22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы. Краснодар, 2016.- С. 16.

References:

[1] Sundiev I.Yu. Introduction to operational-search terrorology: monograph. M.: NITI-DANA: Law and Law, 2012. S. 191.

[2] Efremov M.I. Political terrorism as a form of ethnic and religious extremism//Sociology and social work Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences Series, 2010. № 2 (18). S. 23-29.

[3] Website of the Anti-Terrorism Center of the Member States of the Commonwealth of Independ-

ent States. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/241> (date of contact 07.04.2024).

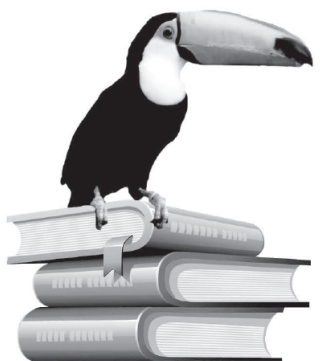
[4] Petryanin A.V., Konnov I.A., Kuznetsov M.V. Concept, signs and types of extremism: a textbook. N. Novgorod: NRU RANEPa, 2019. S. 35-54.

[5] Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 "On Countering Extremist Activities" //SPS Consultant-Plus "(date of appeal: 07.04.2024).

[6] O.A. Zubalova. Criminal law measures to combat the organization of an extremist community: Dis.... Ph.D. in 12.00.08 - criminal law and criminology; penal law. N. Novgorod, 2013. S. 9, 22.

[7] V.V. Plotnikov. Extremism as a phenomenon of modern social reality: institutional, systemic and sociostructural factors: Autoref. diss.... Doctor of Social Sciences Specialty 22.00.04 - social structure, social institutions and processes. Krasnodar, 2016.- S. 16.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-350-353

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЕРЕМИН Владислав Владимирович,
Государственный эксперт по интеллектуальной собственности
Федерального института промышленной собственности,
Аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
e-mail: eryomin.vladik@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ: ГРАЖДАНЕ, ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА

Аннотация. В статье исследуется соотношение субъектов исключительных прав на товарные знаки, включая граждан, индивидуальных предпринимателей и юридические лица, с акцентом на правовые механизмы регистрации и защиты этих прав. Анализируются основные проблемные аспекты, возникающие в процессе перехода прав на товарные знаки, а также предлагаются рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: товарные знаки, исключительные права, граждане, индивидуальные предприниматели, юридические лица, правопреемство, коммерческая концессия, защита прав, интеллектуальная собственность, законодательство.

EREMIN Vladislav Vladimirovich,
State Expert on Intellectual Property Federal Institute
of Industrial Property Graduate student Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russia

LEGAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTS OF EXCLUSIVE RIGHTS TO TRADEMARKS: INDIVIDUALS, SOLE ENTREPRENEURS, AND LEGAL ENTITIES

Annotation. The article examines the relationship between subjects of exclusive rights to trademarks, including individuals, sole entrepreneurs, and legal entities, with a focus on the legal mechanisms for registration and protection of these rights. Key issues arising in the process of succession and commercial exploitation of trademarks are analyzed, and recommendations for improving legislation in this area are proposed.

Key words: trademarks, exclusive rights, individuals, sole entrepreneurs, legal entities, succession, commercial concession, rights protection, intellectual property, legislation.

Современное законодательство об интеллектуальной собственности представляет собой сложную и многогранную систему норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с созданием, использованием и распоряжением объектов интеллектуальной собственности. Одним из наиболее значимых объектов в этой сфере являются товарные знаки, которые выполняют ключевую функцию в обеспечении правовой охраны и возможности

защиты правообладателями своего бизнеса и поддержании честной конкуренции на рынке. Исключительные права на товарные знаки предоставляют их владельцам возможность контролировать использование своих знаков, предотвращая несанкционированное их использование другими лицами.

Для получения исключительного права на товарный знак необходимо зарегистрировать обозначение, следуя установленным национальным

и международным регистрационным процедурам [6], которое будет индивидуализировать продаваемые товары или услуги. На сегодняшний день, в соответствии со ст. 1492 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], зарегистрировать товарный знак могут юридические лица и граждане. Граждане могут регистрировать товарные знаки как на свое имя, так и в статусе индивидуального предпринимателя, при наличии последнего. Для успешной регистрации необходимо учитывать все тонкости национального законодательства [7]. При регистрации становится особенно актуальным вопрос соотношения субъектов, которые могут обладать исключительными правами на товарные знаки.

В ст. 1484 ГК РФ [7] раскрываются правомочия правообладателей товарных знаков, они одинаковы для любых субъектов, получивших такие права. Исходя из нормы статьи в том числе следует возможность распоряжения исключительными правами на товарные знаки. Для возможности регистрации заключенных договоров по отчуждению исключительных прав, передаче прав по лицензии, залогу исключительных прав ограничений в субъектном составе нормами законодательства не предусматривается. Однако для сторон по договору коммерческой концессии есть ограничения, пунктом 3 ст. 1027 ГК РФ [7] закрепляется определенный перечень субъектов:

- 1) Коммерческие организации;
- 2) Индивидуальные предприниматели.

В соответствии со ст. 23 ГК РФ [7], граждане могут осуществлять некоторую закрепленную законом предпринимательскую деятельность без получения статуса индивидуального предпринимателя. Однако, у граждан не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей нет возможности быть стороной договора коммерческой концессии.

К существенным отличиям между субъектами исключительных прав также можно отнести переход права при универсальном правопреемстве. Для граждан это наследование прав, а для юридических лиц правопреемство ввиду реорганизации. Важно отметить, что регистрация в Федеральной службе по интеллектуальной собственности перехода исключительных прав ввиду универсального правопреемства носит правоподтверждающий характер [8], и необходима для закрепления прав на товарный знак за правопреемником.

К особенностям данных процессов можно отнести сроки осуществления переходов прав без заключения договора.

Наследникам необходимо вступить в наследство в течение 6 месяцев со дня его откры-

тия (ст. 1154 ГК РФ) [1]. При этом, наследников может быть несколько, если в результате принятия наследства не установлен конкретный наследник исключительного права на товарный знак, то такой переход права зарегистрировать не удастся ввиду того, что правообладателем может быть только одно лицо. Для преодоления такой ситуации у наследников есть возможность заключить соглашение о разделе наследуемого имущества.

Для юридических лиц ситуация ограничивается только сроком действия товарного знака. Для регистрации перехода права на товарный знак при реорганизации необходимо предоставить соответствующее подтверждение правопреемства.

В.Н. Белоусов отмечает, что как такового закрепления срока для регистрации перехода исключительных прав на товарные знаки в рамках универсального правопреемства законодательно не предусматривается, в связи с чем автором предлагается установление обязательно годичного срока для перерегистрации исключительных прав [1]. Однако, как отмечалось ранее, если в наследство вступило несколько лиц и получили право на один и тот же товарный знак, то для регистрации им необходимо заключить соглашение о разделе наследуемого имущества. Товарный знак действует в течение 10 лет и продлевать его срок можно каждые 10 лет, при этом количество раз не ограничено (п.2 ст. 1491 ГК РФ) [1], в связи с чем ограничивать срок представляется нецелесообразным.

Законодательно уже установлено косвенное ограничение. Если наследники не спешат и в течение трех летнего периода не зарегистрировали на переход права и при этом не фактически не использовали товарный знак, то у любого лица, в соответствии со статьями 1486, 1514 ГК РФ есть возможность воспользоваться механизмом досрочного прекращения правовой охраны товарного знака ввиду его неиспользования или в связи с прекращением юридического лица - правообладателя или со смертью гражданина-правообладателя.

Неочевидное преимущество имеют граждане, которые обладают правами на товарные знаки без статуса индивидуального предпринимателя, даже если они и зарегистрированы как таковые. В открытом доступе в Едином государственном реестре юридических лиц/индивидуальных предпринимателей находятся сведения о том, прекращена ли их деятельность. Такая информация позволяет поддерживать здоровую конкуренцию, на основании п. 4 ст. 1514 ГК РФ [1] любое лицо может подать заявление о досрочном прекращении действия товарного знака, ввиду смерти

гражданина – правообладателя или прекращения юридического лица – правообладателя. Однако, если товарный знак зарегистрирован на гражданина без статуса индивидуального предпринимателя, то таких сведений о его прекращении деятельности не найти. В связи с чем также предлагается введение отдельного реестра для граждан-правообладателей исключительными правами на товарные знаки без статуса индивидуального предпринимателя.

В отношении «граждан» как субъекта исключительного права на товарный знак можно отметить не только законодательные и практические особенности, но и некоторые теоретические вопросы. В соответствии со ст. 1232 ГК РФ [1] правообладатель обязан уведомлять Роспатент об изменениях в наименовании (имени), месте нахождения (месте жительства), адресе для переписки, в противном случае риск неблагоприятных последствий несет обладатель исключительного права. Юридические лица в случае реорганизации вправе осуществить переход исключительных прав пользуясь нормами закона об универсальном правопреемстве. Если Индивидуальный предприниматель, обладающий исключительным правом на товарный знак, прекратил свою деятельность, то ему также необходимо зарегистрировать переход прав на свое имя. Научная литература пока не предусматривает специального термина для такого рода изменений. На сегодняшний день, данный процесс рассматривается Роспатентом как изменения сведений о правообладателе ввиду изменения статуса гражданина-правообладателя.

Также возникает вопрос о статусе индивидуального предпринимателя как правообладателя товарного знака. По законодательству он является правообладателем как гражданин или юридическое лицо. В случае отчуждения исключительных прав он должен выступать как лицо, которое указано как правообладатель, а именно индивидуальный предприниматель. Если в случае перехода права он указывает себя как физическое лицо, например, подписывает договор по отчуждению своих прав не как индивидуальный предприниматель, то это послужит препятствием в регистрации такого перехода права, на основании несвоевременного уведомления об изменениях в наименовании (имени) правообладателя ст. 1232 ГК РФ [1]. Также, как отмечалось ранее, статус индивидуального предпринимателя может быть прекращен, что также служит основанием для внесения соответствующих изменений в сведения о правообладателе товарного знака. Такие особенности также подчеркивают некоторые преимущества регистрации обозначения на физическое лицо.

Таким образом можно отметить наличие некоторых преимуществ у различных субъектов, обладающих исключительными правами на товарные знаки. Необходимо подчеркнуть целесообразность уравнивания прав субъектов правообладателей исключительными правами на товарные знаки, и совершенствования законодательства, а также введения соответствующих информационных реестров для всех типов правообладателей. Такие нововведения необходимы для обеспечения равных и благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности и создания сбалансированной конкурентоспособной среды. Для надлежащего развития института наследования исключительных прав на товарные знаки требуется его дальнейшее совершенствование, в том числе с учетом сделанных предложений.

Список литературы:

- [1] Белоусов В. Н. Наследование исключительного права на товарный знак (знак обслуживания): актуальные проблемы и пути их решения // Хозяйство и право. — 2023. — № 5. — С. 59-68.
- [2] Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2012. N 9. С. 22 - 32.
- [3] Гаврилов Э.П. Интеллектуальная собственность в России: проблемы теории и практики, М.: Норма, 2019. С 32.
- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
- [5] Зубов Ю.С. Перспективные направления исследований и регулирования института товарных знаков в Российской Федерации / Ю. С. Зубов, С. А. Ренжин, М. И. Евдокимова // Вестник ФИПС. — 2024. — Т. 3, № 4. — С. 364–372. (дата обращения 20.08.2025)
- [6] Ивлиев Г.П., Терещенко О.И. Виды процедур регистрации товарных знаков в странах Евразийской патентной организации // Вестник ФИПС. 2023. Т. 2. №1 (3). С. 12–16. (дата обращения 20.08.2025)
- [7] Терещенко О.И. Новые подходы к рассмотрению заявок на товарные знаки и правоприменительная практика // Актуальные вопросы правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации: сборник материалов Региональной научно-практической конференции для специалистов Южного федерального округа Российской

Федерации, Волгоград, 6 июня 2017 г./ под ред. В. Е. Ткаченко; ВолгГТУ. – Волгоград, 2017. – 64 с. (дата обращения 20.08.2025)

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2018 г. N 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] V. N. Belousov. Inheritance of the exclusive right to a trademark (service mark): actual problems and ways to solve them//Economy and law. — 2023. — № 5. - S. 59-68.

[2] Gavrilov E.P. Inheritance of intellectual rights in the light of the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 N 9/E.P. Gavrilov//Patents and licenses. Intellectual rights. 2012. N 9. S. 22-32.

[3] Gavrilov E.P. Intellectual property in Russia: problems of theory and practice, M.: Norma, 2019. FROM 32.

[4] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 30.04.2021) //Collected Legislation of the Russian Federation, 25.12.2006, No. 52 (1 part), Art. 5496.

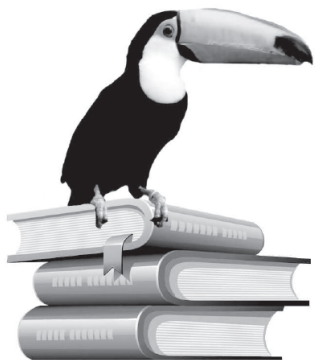
[5] Zubov Yu.S. Promising areas of research and regulation of the Institute of Trademarks in the Russian Federation/Yu. S. Zubov, S. A. Renzhin, M. I. Evdokimova//FIPS Bulletin. – 2024. - Т. 3, NO. 4. - S. 364-372. (date of application 20.08.2025)

[6] Ivliev G.P., Tereshchenko O.I. Types of trademark registration procedures in the countries of the Eurasian Patent Organization//FIPS Bulletin. 2023. VOL. 2. №1 (3). S. 12-16. (date of application 20.08.2025)

[7] Tereshchenko O.I. New approaches to the consideration of applications for trademarks and law enforcement practice//Topical issues of legal protection and use of the results of intellectual activity and means of individualization: collection of materials of the Regional Scientific and Practical Conference for specialists of the Southern Federal District of the Russian Federation, Volgograd, June 6, 2017/ed. V.E. Tkachenko; VolgaGTU. - Volgograd, 2017. - 64 s. (date of circulation 20.08.2025)

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2018 N 28-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 6 of Article 1232 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Intellectual Property Rights Court “//SPS” Consultant-Plus. «

Юрическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-354-358

БЕКИШИЕВ Вагид Абдулкеримович,
аспирант Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»,
e-mail: bekishiev1998@gmail.com

ГРАНИЦЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОХРАНЯЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых коллизий, возникающих при использовании охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в процессе обучения систем искусственного интеллекта. В условиях отсутствия в российском законодательстве специальных норм, регулирующих данную сферу, существует риск нарушения исключительных прав правообладателей. Рассматриваются международные подходы, включая доктрину «fair use» в США и исключения для text and data mining в Европейском союзе. Обосновывается необходимость введения в российское правовое поле специальных исключений, обеспечивающих баланс интересов разработчиков ИИ и правообладателей, с учётом принципов добросовестности и законного доступа.

Ключевые слова: интеллектуальное право, интеллектуальная собственность, исключительное право, системы искусственного интеллекта, добросовестное использование, генеративные модели, машинное обучение, правообладатели, цитирование, зарубежное интеллектуальное право.

BEKISHIEV Vagid Abdulkarimovich,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev»

THE BOUNDARIES OF FAIR USE OF PROTECTED INTELLECTUAL PROPERTY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING

Annotation. The article is devoted to the analysis of legal conflicts arising from the use of protected results of intellectual activity in the process of training artificial intelligence systems. In the absence of special rules in Russian legislation regulating this area, there is a risk of violating the exclusive rights of copyright holders. International approaches are considered, including the “fair use” doctrine in the United States and exceptions for text and data mining in the European Union. The need to introduce special exceptions into the Russian legal field that ensure a balance of interests between AI developers and copyright holders, taking into account the principles of good faith and legal access, is substantiated.

Key words: intellectual law, intellectual property, exclusive right, artificial intelligence systems, fair use, generative models, machine learning, copyright holders, citation, foreign intellectual law.

Современные технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) достигли уровня, при котором их обучение требует обработки огромных объемов данных, включая тексты, изображения, аудиозаписи, видеоматериалы, программный код и иные объекты интеллектуальной собственности. Указанные объекты интеллектуальной собственности зачастую являются объектами исключительных, смежных, авторских прав, что приводит к правовым колли-

зиям: с одной стороны, разработчики ИИ стремятся использовать доступные информационные ресурсы для совершенствования алгоритмов, с другой – правообладатели опасаются несанкционированного копирования и использования их контента в коммерческих целях без выплаты вознаграждения.

В целях урегулирования правоотношений в быстрорастущей отрасли использования искусственного интеллекта в 2019 году был принят Указ

Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором и дано понятие набора данных [2]. Данный акт определяет его как состав данных, которые структурированы или сгруппированы по определённым признакам, соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации и необходимы для разработки программ для электронных вычислительных машин на основе искусственного интеллекта.

В настоящее время наибольшее распространение получили так называемые «генеративные модели» искусственного интеллекта, использующие указанные наборы данных. Сам по себе процесс машинного обучения искусственного интеллекта включает в себя несколько этапов, связанных с использованием данных, которые могут являться объектами охраняемых законом прав на интеллектуальную собственность.

Во-первых, системы искусственного интеллекта собирают набор данных из открытых источников – происходит загрузка текстовых корпусов (книги, статьи, веб-страницы), изображений (фотографии, иллюстрации), аудио и видеозаписей. Далее следует предварительная обработка, включающая очистку, нормализацию данных, в ходе которой произведения могут временно копироваться и фрагментироваться. На основании таких данных искусственный интеллект выявляет закономерности, стили и семантические связи без прямого воспроизведения оригиналов, но с возможным сохранением «отпечатков» исходных данных в параметрах нейросети. Завершающим этапом является генерация новых объектов, при этом происходит создание производных произведений (например, текстов, изображений, аудио и видеозаписей), которые потенциально могут конкурировать с оригиналами.

Актуальность вопроса использования данных системами ИИ для своего обучения состоит с одной стороны в действительной необходимости в развитии технологий ИИ, с другой – в защите законных прав создателей объектов интеллектуальной собственности.

Одним из ярких примеров правовой коллизии при использовании охраняемых законом объектов интеллектуальной собственности для обучения систем ИИ является судебный процесс компаний «Getty Images» против «Stability AI», рассматривающийся в судебных органах Великобритании и США. По мнению зарубежных юристов, исход процесса станет важным шагом в формировании правовых рамок для искусственного интеллекта [8].

Компания «Getty Images», которая является одним из крупнейших в мире поставщиков лицензионных фотографий, в 2023 году подала исковое

заявление против разработчиков нейросети «Stable Diffusion», заявив, что «Stability AI» незаконно использовала миллионы изображений из базы «Getty Images» для обучения своей модели генерации изображений. Согласно доводам истца, такое использование изображений без получения разрешения правообладателя нарушает исключительные права, учитывая коммерческую направленность итогового продукта компании. Истец обратил внимание на тот факт, что обучающая выборка ИИ включала изображения, на которых даже сохранялись водяные знаки «Getty Images», что, по мнению последнего, подтверждает факт недобросовестного использования.

Ответчик, в свою очередь, считает, что изображения истца использовались на основе права на добросовестное использование (в американской юрисдикции – fair use), а также заявляет, что итоговые изображения, генерируемые ИИ, не являются копиями исходных работ и не воспроизводят охраняемые элементы в узнаваемом виде.

В настоящее время дело не получило окончательного разрешения, однако уже стало ключевым прецедентом, наглядно иллюстрирующим правовую неопределённость в вопросе допустимости машинного обучения на охраняемом контенте и демонстрирующим необходимость формализации правовых подходов к использованию таких данных в процессе развития генеративных ИИ-систем.

Результат рассмотрения иска Getty против Stability и других подобных дел будет иметь далеко идущие последствия. Правовые границы, связанные с генеративным ИИ, постоянно устанавливаются, особенно по мере того, как суд рассматривает новые вопросы и устанавливает новые прецеденты [10].

Зарубежное законодательство, в частности стран англо-саксонской правовой системы, применительно к разрешению указанных судебных споров использует концепцию «fair use», которая позволяет применять существующие правовые нормы, регулирующие отношения в области интеллектуальных прав, к вопросам использования и обучения систем искусственного интеллекта. При применении указанной концепции, как отмечают исследователи, судьи самостоятельно определяют, когда действия по использованию произведения подпадают под справедливое использование [3, с. 82].

Указанный механизм добросовестного использования представляет собой ключевой механизм баланса интересов между правообладателями и пользователями произведений. Эта доктрина позволяет использовать охраняемые авторским правом произведения без согласия правообладателя при соблюдении ряда условий,

с учётом которых суд может признать такое использование законным. К числу этих условий относятся: цель и характер использования (например, некоммерческое, научное, критическое, образовательное и т.п.), характер самого произведения (опубликовано оно или нет, носит ли творческий характер), объём и существенность используемой части по отношению к целому, а также влияние использования на потенциальный рынок произведения или его стоимость.

Таким образом, указанный принцип позволяет применять уже существующие нормы права интеллектуальной собственности к новым правоотношениям, но при этом в каждом отдельном случае сильно полагаясь на судебское усмотрение в случае возникновения споров.

В Европейском союзе правовое регулирование использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (в том числе произведений, охраняемых исключительным и авторским правом) при обучении систем ИИ основывается на сочетании общих норм права интеллектуальной собственности и специальных исключений, принятых в Директиве (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года «Об авторском праве и смежных правах в цифровом едином рынке» (далее — Директива 2019/790). Наиболее значимыми в контексте обучения ИИ являются статьи 3 и 4 данного нормативно-правового акта, посвящённые исключениям и ограничениям для осуществления текстового и дата-майнинга (text and data mining, далее — TDM).

В соответствии со ст. 3 Директивы 2019/790, государства ЕС обязаны установить исключение из национального права, позволяющее воспроизведение и извлечение информации из произведений и иных объектов охраны исключительно для целей научного исследования, при условии, что доступ к таким произведениям законный (например, на основе лицензии или в открытом доступе). Это исключение императивное и не может быть ограничено волей правообладателя (§3(3)), что существенно облегчает использование защищённых данных научными учреждениями и некоммерческими исследовательскими организациями, в том числе при разработке и обучении моделей искусственного интеллекта [5].

В то же время статья 4 Директивы вводит дополнительное, но диспозитивное исключение для TDM, не ограниченное рамками научных исследований. Оно распространяется на все виды пользователей, включая частные компании, при условии, что использование осуществляется в рамках законного доступа. Однако в отличие от статьи 3, здесь правообладатель может запретить такое использование, прямо выразив это, например, в условиях лицензионного соглашения или

метаданных ресурса (§4(3)). При этом, из текста Директивы не вполне ясно, могут ли правообладатели взимать плату за использование объектов интеллектуальной собственности при майнинге данных в коммерческих целях, пункт 17 преамбулы к Директиве напрямую исключает взимание платы только для случаев использования данных в научных (исследовательских) целях [6, с. 10].

Следует отметить, что положения Директивы 2019/790 подлежат включению в национальные законодательства государств-членов ЕС. Например, Германия имплементировала данные исключения с рядом дополнительных разъяснений и технических условий. В частности, немецкий Закон об авторском праве (Urheberrechtsgesetz), в редакции от 7 июня 2021 года, включает параграф 44b, детализирующий применение TDM-исключений и разграничивающий «неавтоматическое копирование» и «автоматический майнинг» [9].

Рассматривая в целом создание результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, следует отметить, что данная проблематика не оказывается в зоне правового вакуума, а попадает в сферу достаточно развитого регулирования [7, с. 6]. В российском законодательстве использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности при обучении систем искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время не получило специального нормативного регулирования. Отношения, возникающие в данной сфере, регулируются общими положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности частью четвёртой, посвящённой интеллектуальной собственности. На основании положений пунктов 1, 2 статьи 1270 ГК РФ, использование произведения, включая его воспроизведение, допускается только с согласия правообладателя, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Следовательно, обучение ИИ на защищённых правами данных, как правило, требует получения разрешения, если такое использование не подпадает под предусмотренные законом исключения.

Кроме того, в российском законодательстве как объект охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования материалов используются базы данных, которые относятся к числу объектов интеллектуальных прав, смежных с авторскими.

Согласно п. 1 ст. 1334 ГК РФ базой данных, создание которой требует существенных затрат, признается база данных, содержащая не менее 10 тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов), составляющих содержание базы данных [1].

Следует иметь в виду, что при создании таких объектов не требуется творческого вклада их создателей. Для этого достаточно вложения существенных финансовых, материальных, организационных и иных затрат. Под информационными элементами (материалами), составляющих содержание базы данных, понимаются номера, адреса (для телефонных, адресных баз), нормативные правовые акты, любые иные документы (для информационных правовых систем) и др. [4, с. 666].

При этом наиболее подходящим исключением при применении машинного обучения могут выступать положения пункта 1 статьи 1274 ГК РФ, допускающее цитирование в научных, полемических, критических и информационных целях в объёме, оправданном целью цитирования. Однако обучение ИИ редко соответствует этим целям и, как правило, включает массовое воспроизведение и анализ больших массивов данных, что выходит за пределы допустимого цитирования, предусмотренного указанной правовой нормой.

Таким образом, в российском законодательстве использование результатов интеллектуальной деятельности для обучения ИИ, в большинстве случаев, без согласия правообладателя будет рассматриваться как нарушение исключительного права.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и отсутствия в российском праве специальных норм, регулирующих использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для целей обучения ИИ, сохраняется правовая неопределённость и риск нарушения исключительных прав правообладателей. Действующее законодательство, основанное на общем разрешительном порядке использования произведений, не учитывает особенности процессов машинного обучения и не содержит гибких механизмов, аналогичных концепции «fair use» или исключениям для «text and data mining», предусмотренным правом Европейского союза. В целях правовой определённости и сбалансированного развития как сферы интеллектуальной собственности, так и ИИ-технологий, представляется необходимым нормативное закрепление специальных исключений, предусматривающих возможность использования охраняемых объектов для обучения ИИ при соблюдении условий добросовестности, законного доступа и отсутствия вреда интересам правообладателей.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[2] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] Васильева А.С. Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 80-84.

[4] Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». В 2 томах. Том II. /под о. щ. ред. В.П. Камышанского. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. 895 с.

[5] Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года «Об авторском праве и смежных правах в цифровом едином рынке» // https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0245-AM-271-271_EN.pdf (дата обращения - 05.06.2025)

[6] Использование объектов интеллектуальной собственности (базы данных и ее элементов) в машинном обучении // Общероссийская общественно-государственная организация Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности (РЦИС). 2022. 18 с.

[7] Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. // Издательский дом Высшей школы экономики. Москва. 2021. 28 с.

[8] Судебное разбирательство Getty Images против Stability AI может создать прецедент в сфере авторских прав и ИИ // <https://incruasia.ru/news/sudebnoe-razbiratelstvo-getty-images-protiv-stability-ai-mozhet-sozdat-pretседent-v-sfere-avtorskih-prav-i-ii/> (дата обращения – 10.06.2025).

[9] Act on Copyright and Related Rights (Urheberrechtsgesetz – UrhG) // https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/en/de/de293en_1.pdf (дата обращения – 07.06.2025).

[10] Generative AI in the courts: Getty images v Stability AI // <https://www.penningtonslaw.com/news-publications/latest-news/2024/generative-ai-in-the-courts-getty-images-v-stability-ai>. (дата обращения – 10.06.2025)

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 N 230-FZ//SZ RF. 2006. No. 52 (1 hour). Art. 5496.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//NW RF. 2019. № 41. Art. 5700.

[3] Vasilyeva A.S. Use of copyright objects for training artificial intelligence//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2024. Dec. № 4 (46). S. 80-84.

[4] Civil law: a textbook for university students studying in the field of "Jurisprudence." In 2 volumes. Volume II. ed. V.P. Kamyshansky. - 2nd ed., Revised and add. - M.: UNITY-DANA, Law and Law, 2024. 895 pp.

[5] Directive (EC) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 "On Copyright and Related Rights in the Digital Single Market" // [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0245-AM-271-271](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0245-AM-271-271_EN.pdf) — EN.pdf (accessed on 05.06.2025)

[6] The use of intellectual property (database and its elements) in machine learning//All-Russian public-state organization Russian Center for the Cir-

culatation of Rights to the Results of Creative Activity (RCIS). 2022. 18 pp.

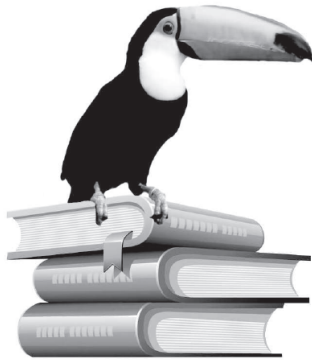
[7] The problem of machine creativity in the legal system: regulation of the creation and use of the results of intellectual activity using artificial intelligence, foreign experience and Russian prospects .// Publishing House of the Higher School of Economics. Moscow. 2021. 28 pp.

[8] Getty Images litigation against Stability AI could set a precedent in copyright and AI// <https://incrussia.ru/news/sudebnoe-razbiratelstvo-getty-images-protiv-stability-ai-mozhet-sozdat-pretседent-v-sfere-avtorskih-prav-i-ii/> (accessed June 10, 2025).

[9] Act on Copyright and Related Rights (Urheberrechtsgesetz – UrhG) // https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/en/de/de293en_1.pdf (дата обращения – 07.06.2025).

[10] Generative AI in the courts: Getty images v Stability AI // <https://www.penningtonslaw.com/news-publications/latest-news/2024/generative-ai-in-the-courts-getty-images-v-stability-ai>. (circulation date - 10.06.2025)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-359-364

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и
ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,
Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и
ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и
ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАЩИТОЙ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых и организационных проблем, ограничивающих эффективность прокурорского надзора за защитой прав интеллектуальной собственности в глобальной сети Интернет. Цель исследования заключается в выявлении системных дисфункций в нормативном регулировании и административных процедурах, а также в разработке научно обоснованных предложений по адаптации надзорной деятельности к вызовам цифровой среды. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-функциональный методы, позволившие проанализировать законодательство, ведомственные инструкции и тенденции правоприменения. В результате проведенного исследования установлено, что ключевыми правовыми барьерами являются архаичная, централизованная модель инициирования блокировок, создающая неприемлемые временные задержки, и коллизия между национальным характером надзорных полномочий и трансграничной природой нарушений. К числу основных организационных проблем отнесены дефицит цифровых компетенций у прокурорских работников, отсутствие в органах прокуратуры штатных подразделений технического профиля и слабая интеграция с правообладателями и операторами связи на уровне обмена данными. Основной вывод и научная новизна работы заключаются в обосновании необходимости сдвига от реактивного надзора к превентивному, технологически осна-

ценному контролю. Авторами предложен комплекс мер, включающий законодательную децентрализацию полномочий по требованию блокировок до уровня прокуроров субъектов РФ, создание специализированных межрегиональных прокурорских отделов по защите ИС в цифровой среде, внедрение автоматизированных систем мониторинга на основе искусственного интеллекта и формирование ускоренных процедур международного взаимодействия. Реализация данных предложений позволит повысить эффективность прокурорского надзора, что является необходимым условием для обеспечения конкурентных преимуществ национальной инновационной экономики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, интеллектуальная собственность, сеть Интернет, защита прав, киберпространство, правоприменительная практика.

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,

*Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural
Disasters named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg*

PETROV Artem Antonovich,

*Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural
Disasters named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg*

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Administrative Law and Procedure and Law
Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry
of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination
of Consequences of Natural Disasters named after the Hero
of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev,
Russia, Saint Petersburg*

LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of legal and organizational problems that limit the effectiveness of prosecutorial supervision of the protection of intellectual property rights on the global Internet. The purpose of the study is to identify systemic dysfunctions in regulatory and administrative procedures, as well as to develop scientifically based proposals for adapting supervisory activities to the challenges of the digital environment. The study is based on formal legal, comparative legal, and systemic-functional methods, which allowed the author to analyze legislation, departmental instructions, and trends in law enforcement. The study found that the key legal barriers are the archaic, centralized model of initiating blocks, which creates unacceptable time delays, and the conflict between the national nature of supervisory powers and the cross-border nature of violations. The main organizational challenges include the lack of digital competencies among prosecutors, the absence of technical departments in prosecutor's offices, and the weak integration with rights holders and telecom operators at the data exchange level. The main conclusion and scientific novelty of the work are the justification of the need to shift from reactive supervision to preventive, technologically equipped control. The authors propose a set of measures, including legislative decentralization of blocking powers to the level of prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation, the creation of specialized interregional prosecutor's offices for the protection of intellectual property in the digital environment, the introduction of automated monitoring systems based on artificial intelligence, and the formation of accelerated procedures for international cooper-*

ation. The implementation of these proposals will enhance the effectiveness of prosecutorial supervision, which is essential for ensuring the competitive advantages of the national innovative economy.

Key words: *prosecutorial supervision, intellectual property, the Internet, protection of rights, cyberspace, law enforcement practice.*

В современную эпоху повсеместной цифровизации защита интеллектуальной собственности (далее, ИС) трансформировалась в одну из наиболее сложных и многогранных задач для правовой системы. Конституционно-правовые основы защиты интеллектуальной собственности закреплены в статье 44 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также охрану интеллектуальной собственности. Правовое регулирование в этой сфере осуществляется через развитую систему законодательства, включающую часть четвертую Гражданского кодекса РФ. В условиях роста киберпреступности актуальной задачей становится криминализация серьезных нарушений в данной области. Принятые в 2025 году законодательные инициативы, направленные на борьбу с мошенничеством, демонстрируют общую тенденцию к усилению ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что создает предпосылки для более эффективного противодействия и нарушениям прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. Глобальная сеть Интернет, характеризуясь анонимностью, трансграничностью и высокой скоростью распространения информации, создала беспрецедентные риски для правообладателей. Как верно отмечает Э. Ф. Талачева, «эпоха цифровизации создает уникальные риски для владельцев интеллектуальной собственности» [1, с. 180]. В этих условиях роль прокурорского надзора как гаранта законности и защитника нарушенных прав существенно возрастает. Однако сама природа цифрового пространства бросает вызов традиционным надзорным механизмам. Актуальность темы обусловлена тем, что «уровень защищённости интеллектуальной собственности становится в настоящее время важнейшим фактором, определяющим включенность нашей страны в мировое сообщество» [2, с. 36]. Целью данной статьи является анализ ключевых правовых и организационных проблем прокурорского надзора за защитой прав ИС в сети Интернет и выработка системных предложений по повышению его эффективности. Стоит подчеркнуть, что актуальность вопроса многократно возросла в свете формирования глобального правового механизма борьбы с транснациональными киберугрозами, о чём сви-

детельствует принятие в 2025 году Ханойской конвенции ООН против киберпреступности, которая создаёт универсальные правила сбора и обмена электронными доказательствами. Это прямо затрагивает и сферу защиты ИС, поскольку контрафакт и пиратство в сети носят ярко выраженный трансграничный характер.

Правовая основа прокурорского надзора в исследуемой сфере представляется достаточно обширной, включая Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» N 2202-I, Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) N 230-ФЗ, а также Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» N 149-ФЗ. Центральным полномочием прокурора является возможность инициирования ограничения доступа к интернет-ресурсам, распространяющим контрафактную продукцию. Однако именно в реализации этого полномочия кроются серьезные системные проблемы.

Существенным правовым недостатком является крайне громоздкая, многоуровневая процедура прокурорского реагирования. Согласно внутренним инструкциям Генпрокуратуры, прокурор на местах, выявивший нарушение, не может оперативно отреагировать. Он обязан направить материалы в прокуратуру субъекта Федерации, которая, в свою очередь, готовит представление для Генеральной прокуратуры. И лишь Генеральный прокурор или его заместитель наделены правом направить в Роскомнадзор официальное требование о блокировке. Весь этот бюрократический цикл может занимать недели, что в условиях цифрового пространства, где контрафактный контент множится с огромной скоростью, сводит эффективность надзора к минимуму. При этом ключевое значение в судебном разрешении споров имеет процесс доказывания. «Одним из важнейших элементов любого вида судопроизводства, в том числе и гражданского, является доказывание» [3, с. 70]. Эта проблема наглядно иллюстрирует тезис Н. Б. Ельчаниновой о том, что «механизмы правовой защиты авторского права, которые были заложены в аналоговую эру, показали малую эффективность в отношении современных телекоммуникационных технологий» [4, с. 118]. Данная архаичная процедура не соответствует логике «цифровой трансформации органов прокуратуры», которая закреплена в действующей Концепции и конкретизирована, например, в Приказе Генпрокуратуры от 27.05.2024 N 382, направлен-

ном на внедрение юридически значимого электронного документооборота и интеграцию информационных систем. Таким образом, возникает внутреннее противоречие между декларируемым курсом на цифровизацию и сохраняющимися крайне бюрократизированными, бумажными процессами в одной из ключевых надзорных сфер.

Другой фундаментальной проблемой является трансграничный характер нарушений. Значительное количество сайтов-нарушителей используют хостинг-провайдеров и доменные зоны других государств, что делает российские блокировки неэффективными и требует сложных, затяжных процедур международного правового сотрудничества. Это порождает чувство безнаказанности у правонарушителей и наносит ущерб экономике и инновационному развитию, ведь «если продукт интеллектуального труда не охраняется государством по специальному закону, в отличие от обычных товаров, то он не может дать ожидаемого результата собственнику» [5, с. 147]. Присоединение России к упомянутой Ханойской конвенции ООН могло бы стать частью решения, создав правовую основу для ускоренного получения цифровых доказательств и взаимодействия с иностранными правоохранительными органами. Однако даже в этом случае сохранится проблема коллизии материально-правовых норм об интеллектуальной собственности в разных странах, что требует от прокуратуры не только надзорных, но и глубоких аналитических функций по гармонизации правоприменительных подходов на международном уровне.

Организационные проблемы неразрывно связаны с правовыми и зачастую имеют даже большее значение. Ключевой из них является недостаточный уровень технической грамотности и специальной подготовки многих прокурорских работников. Эффективный надзор в цифровой среде требует не только глубоких познаний в области интеллектуального права, но и понимания основ информационных технологий, сетевых протоколов, принципов работы анонимизаторов и VPN-сервисов, а также умения работать с цифровыми следами и доказательствами. Вопросы уголовной ответственности за онлайн-преступления в сфере интеллектуальной собственности требуют от прокуроров, осуществляющих надзор за органами, ведущими оперативно-розыскную деятельность и предварительное следствие, глубоких специальных знаний, в том числе в цифровой сфере. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, эффективный надзор в цифровую эпоху требует формирования у прокурорских работников универсальных компетенций,

сочетающих юридическую квалификацию с цифровой грамотностью. Текущие программы повышения квалификации зачастую носят фрагментарный характер и не обеспечивают формирования таких комплексных навыков.

Отсутствие специализированных технических средств мониторинга и анализа интернет-контента в арсенале многих прокуратур приводит к тому, что выявление нарушений зачастую носит случайный, а не системный и упреждающий характер. Это подтверждает необходимость комплексного подхода, поскольку, по словам Б. Мыратгельдиева, «защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху требует комплексного подхода, сочетающего правовые, технические и организационные меры» [6, с. 80]. Концепция цифровой трансформации прокуратуры предполагает разработку и внедрение специализированного программного обеспечения, включая системы на основе искусственного интеллекта для анализа больших данных. Однако на практике эти планы слабо коррелируют с нуждами конкретного надзора за ИС. Отсутствие единой платформы для сбора, анализа и обмена информацией о нарушениях прав ИС между прокуратурами, правообладателями и регуляторами (Роскомнадзор, Минцифры) является критическим организационным пробелом.

К организационным проблемам можно отнести и отсутствие четко выстроенной системы взаимодействия между самими органами прокуратуры, правообладателями и операторами связи. Зачастую информация о новых видах нарушений и способах их маскировки не систематизирована и не доводится до сведения всех надзорных органов оперативно. Кроме того, как отмечает Е. В. Соломонов, «имеются аргументы для признания интеллектуальной собственности особой категорией, не подлежащей рассмотрению в качестве составной части более общей категории собственности» [7, с. 124], что требует выработки специальных, адаптированных подходов к ее защите, в том числе и в надзорной деятельности прокуратуры. Этот тезис нуждается в развитии применительно к цифровой среде: специфика объектов ИС в интернете (цифровые копии, потоковые трансляции, NFT-токены) требует от прокуроров понимания не только правовой, но и технологической природы нарушений, что невозможно без налаживания постоянного диалога с IT-специалистами, криптографами и представителями цифровых индустрий.

Для преодоления обозначенных вызовов необходим системный и многоплановый подход. В первую очередь, требуется децентрализация пол-

номочий по направлению требований о блокировке. Представляется целесообразным предоставить это право прокурорам субъектов Российской Федерации, что позволит в разы ускорить процедуру пресечения нарушений. При этом децентрализация должна быть не механической, а сопровождаться созданием единого федерального электронного реестра таких требований и их результатов, чтобы избежать разночтений и обеспечить единство надзорной практики. Такой реестр мог бы стать частью создаваемой в рамках цифровой трансформации «платформы для внедрения интерактивного помощника», функционируя в автоматизированном режиме.

Вторым ключевым направлением является глубокая специализация и технологизация органов прокуратуры. Необходимо создание специализированных подразделений или назначение ответственных прокуроров, сфокусированных исключительно на защите ИС в цифровой среде. Параллельно требуется кардинальное усиление программы повышения квалификации, включив в нее не только теоретические аспекты интеллектуального права, но и практические курсы по цифровой грамотности, киберкриминалистике и работе со специализированным программным обеспечением для мониторинга сети. Более того, учитывая трансграничный характер нарушений, целесообразно создать не просто подразделения, а межрегиональные прокурорские отделы по защите ИС, наделенные полномочиями координировать действия на уровне федеральных округов и выступать центрами компетенции. Их задачами должны стать не только реактивное пресечение, но и стратегический анализ тенденций, выработка методических рекомендаций и апробация пилотных проектов с использованием AI-технологий для выявления ресурсов-нарушителей.

Важнейшей задачей является развитие международного сотрудничества. Необходима активизация работы по заключению двусторонних соглашений с ключевыми странами, упрощающих процедуры взаимодействия по быстрому пресечению трансграничных нарушений прав ИС. При этом, как справедливо подчеркивает М. А. Закиматов, обеспечение прав и интересов авторов достигается «путем формирования сбалансированного правового регулирования объектов интеллектуальной собственности» [8, с. 88], что в полной мере относится и к международно-правовому регулированию. В свете этого ратификация и имплементация Ханойской конвенции ООН против киберпреступности должна стать одним из приоритетов для органов прокуратуры, так как она предоставляет готовый международно-правовой

инструментарий для запросов электронных доказательств и совместных расследований. Прокуратуре, в рамках своих надзорных полномочий за соблюдением международных договоров РФ, следует инициировать внутренние ведомственные инструкции, детализирующие порядок использования механизмов Конвенции для защиты прав ИС.

В заключение необходимо отметить, что проблемы совершенствования надзорной деятельности в условиях цифровой трансформации как объективная необходимость важна для защиты интеллектуальной собственности. Но сегодня прокурорский надзор за защитой прав интеллектуальной собственности в сети Интернет сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем. Правовые пробелы, выраженные в усложненных процедурах блокировки, и организационные трудности, такие как дефицит технических знаний и медлительность реакции на трансграничные угрозы, существенно снижают эффективность надзорной деятельности. Для кардинального улучшения ситуации необходим последовательный набор мер: оптимизация законодательства для ускорения процедур пресечения, глубокая специализация и техническое перевооружение органов прокуратуры, а также активное развитие международного сотрудничества. Только такой целостный подход позволит обеспечить надежную защиту прав на объекты ИС в глобальном информационном пространстве, что является неременным условием для развития инновационной экономики и укрепления правопорядка в цифровую эпоху. Таким образом, преодоление выявленных дисфункций лежит не в фрагментарных изменениях, а в стратегическом переосмыслении прокурорского надзора за ИС как вида деятельности, органично встроенного в процессы цифровой трансформации государства. Это предполагает переход от модели «надзора за фактом нарушения» к модели «управления цифровыми рисками для ИС», основанной на данных, технологиях и межведомственной/международной кооперации. Реализация предложенного комплекса мер, синхронизированного с общегосударственными цифровыми инициативами, позволит не только повысить эффективность защиты прав конкретных правообладателей, но и внести вклад в формирование безопасной и предсказуемой цифровой среды для российской экономики знаний.

Список литературы:

- [1] Талачева Э.Ф. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Символ науки. 2025. №4-2.

[2] Третьякова Ю.Д. Безопасность интеллектуальной собственности в РФ // Научные исследования. 2016. №4 (5).

[3] Юдин И.В. К вопросу о доказательствах в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин, А. Б. Гавкалюк // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 69-72.

[4] Ельчанинова Н.Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2016. №12.

[5] Чарыева О.А. Интеллектуальная собственность // IN SITU. 2022. №12.

[6] Мыратгельдиев Б. Способы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Инновационная наука. 2025. №3-2-2.

[7] Соломонов Е.В. Развитие права интеллектуальной собственности в условиях цифровизации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2025. №2.

[8] Закиматов М.А. Гражданско-правовая характеристика объектов интеллектуальной собственности // Вопросы права. 2025. №2.

References:

[1] Talacheva E.F. Problems of intellectual property protection in the digital age//Symbol of science. 2025. №4-2.

[2] Yu. Tretyakova. Security of intellectual property in the Russian Federation//Scientific research. 2016. №4 (5).

[3] Yudin I.V. On the issue of evidence in civil proceedings/I.V. Yudin, A. B. Gavkalyuk//Law. Security. Emergencies. – 2025. – № 1(66). - S. 69-72.

[4] Yelchaninova N.B. Problems of legal protection of intellectual property on the Internet//Society: politics, economics, law. 2016. №12.

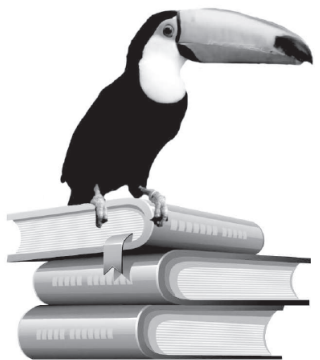
[5] Charyeva O.A. Intellectual Property//IN SITU. 2022. №12.

[6] Myratgeldiyev B. Ways to protect intellectual property in the digital age//Innovative science. 2025. №3-2-2.

[7] Solomonov E.V. Development of intellectual property rights in the context of digitalization//Bulletin of Omsk State University. Series. Right. 2025. №2.

[8] Zakimatov M.A. Civil law characteristics of intellectual property//Legal issues. 2025. №2.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-365-368

ВАГИЗОВА Динара Талгатовна,
Аспирант Учреждения высшего образования
«Университет управления «ТИСБИ», г.Казань,
e-mail: onlian24@gmail.com

ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье рассматривается право на судебную защиту, как конституционное право, которое представляется по своей природе абсолютным не может быть ограничено. Вместе с тем анализируются существующие в современном российском праве факторы, которые по своей сущности не преследуют цель запретить реализовывать право на судебную защиту, однако рассматриваются как ограничительные барьеры для обращения в суд. Необходимость уплаты государственной пошлины, обязательное наличие высшего юридического образования для представления интересов в ряде производств, а также мероприятия, введенные в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) создают определенные сложности в доступности правосудия. В статье исследована процедура и причины принятия таких ограничений, их соответствие действующему законодательству.

Ключевые слова: право на судебную защиту, ограничения, доступность, государственная пошлина, пандемия, коронавирусные ограничения, судебные заседания, упрощенное производство, федеральный закон, гласность.

VAGIZOVA Dinara Talgatovna,
Postgraduate University of Management «TISBI»,
Kazan

FACTORS LIMITING THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION

Annotation. This article examines the right to judicial protection as a constitutional right, which is by its very nature absolute and cannot be limited. It also analyzes factors in contemporary Russian law that, while not inherently intended to prohibit the exercise of the right to judicial protection, are viewed as restrictive barriers to accessing the court. The requirement to pay a state fee, the mandatory requirement to have a law degree for representation in certain proceedings, and measures introduced to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of the novel coronavirus infection (COVID-19) create certain difficulties in access to justice. The article examines the procedure and reasons for the adoption of such restrictions and their compliance with current legislation.

Key words: right to judicial protection, restrictions, accessibility, state fees, pandemic, coronavirus restrictions, court hearings, simplified proceedings, federal law, publicity.

Субъективное право, которое рассматривается как мера возможного поведения, не способно функционировать в отсутствие субъекта, которое обеспечивает его эффективную реализацию. В современном правовом порядке такую роль на себя берёт государство, функции которого должны быть четко направлены

на разграничение правового регулирования, обеспечивающее существование субъективного права, и ограничений в уже установленном праве в конституционно значимых целях.

Ограничение права рассматривается как невозможность реализации права, связанное с изъятием его отдельной составляющей [1]. Оно не

затрагивает само существо субъективного права, а лишь создаёт отдельные преодолимые препятствия в его реализации.

Осуществляя правовое регулирование, законодатель определяет внешние границы субъективного права, т.е. его пределы, в рамках которых право может быть конкретизировано или ограничено.

Право на судебную защиту гарантирует каждому доступ к судебной власти, не определяя конкретный тип судебной подсистемы. Законодатель, устанавливая формы и процедуры судебной защиты, определяет параметры их разграничения, соответствующие конституционным установкам, содержащим основные формы судопроизводства, а также исходит из особенностей материальных правоотношений, которые лежат в основе предмета рассмотрения в форме судопроизводства [2].

Законодатель, осуществляя свою регуляторную функцию по обеспечению права на судебную защиту, устанавливает ряд требований к форме реализации права на судебную защиту.

Одним из конституционных прав, закреплённое в ст.46 Конституции РФ, является право на судебную защиту. Государство в свою очередь обеспечивает доступ к правосудию, признавая суд в России в качестве органа государственной власти по защите прав и свобод, осуществляющей правосудие, посредством рассмотрения споров различных категорий.

Право на судебную защиту подразумевает под собой в том числе право на доступ к правосудию. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе и установление его в качестве принципа права, признаки, гарантирующие доступ к правосудию, вытекают из множества норм российского права, что даёт возможность сформулировать его определение.

Под доступом к правосудию следует понимать обеспеченное и охраняемое законом право беспрепятственного обращения в суд за защитой нарушенных прав и свобод в установленной процедуре и форме. Оно включает в себя и возможность подачи заявлений (в том числе иска) в суд, право на справедливое разрешение спора и возможность исполнения решения суда.

Ч.3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается.

Право на судебную защиту не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения. Данной позиции придерживаются большинство правоведов, в частности, Самович Ю.В. [3], Набока А.С. [4].

Грось Л. указывает на отсутствие в целом возможности возникновения ситуации, при которых право на судебную защиту может стать причиной, изложенных в ч.3 ст. 55 Конституции РФ, последствий. [5]

Вместе с тем, также обоснованной представляется позиция Белявской О.Я., согласно которой абсолютизация права на судебную защиту приводит к противоречию его сущности и злоупотреблению этим правом, абсолютным может быть только право на обращение в суд. [6]

Указанная позиция представляется целесообразной, поскольку каждый гражданин, очевидно, может обратиться в суд, но это не гарантирует ему разрешение спора в его интересах. [7]

Конституционный Суд высказывался относительно вопроса ограничения права на судебную защиту еще в 1995 и 1999 годах. По мнению высшей инстанции, право на судебную защиту не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, в том числе и при введении чрезвычайного положения в стране. Ограничения, перечисленные в ч.3 ст.55 Конституции, могут быть введены только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Само по себе право на судебную защиту не может вступать в противоречие с данными целями и подлежать в связи с этим ограничению.

В настоящее время, обращается внимание на существование косвенных ограничений. В основном это касается физических препятствий, связанных, например, с отдаленным расположением судов (особенно кассационных инстанций). Некоторые правоведы рассматривают низкий уровень правосознания граждан также как фактор, ограничивающий реализацию права на судебную защиту.

Вместе с тем, в современном российском праве неоднократно принимались и другие меры, которые были восприняты как ограничивающие доступ к правосудию. В частности, это касалось повышение размера государственной пошлины, которое в последний раз произошло в 2024 году. Учитывая, что последнее повышение происхо-

дило около 10 лет назад, такой исход был вполне ожидаем и даже необходим, учитывая изменения, происходящие в экономике.

Законодателем также было введено правило об обязательном наличии высшего юридического образования для представителей в ряде производств.

Нормы Кодекса административного судопроизводства РФ, согласно которой представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование (ч. 1 ст. 55), и норма, предусматривающая, что при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в Верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным статьей 55 Кодекса (ч. 9 ст. 208) стали предметом жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации оспаривающего конституционность указанных положений.

Конституционный Суд в принятии к рассмотрению жалобы отказал, указав что необходимость ведения дел посредством лица, имеющего высшее юридическое образование учитывает гарантированное каждому право на доступ к суду при рассмотрении конкретных дел, а оспариваемые нормы не выходят за пределы дискреции федерального законодателя и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан.

Вышеуказанные нововведения были приняты рядом федеральных законов: «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» от 08.08.2024 №259-ФЗ, «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 №451-ФЗ и др.

Однако, не всегда ограничения к правосудию принимались законами. В связи с угрозой распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции Президиум Верховного Суда РФ и Президиум Совета судей РФ ограничили доступ в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов путём принятия Постановления от 18.03.2020 г. №808 «О приостановлении личного приема граждан в судах».

В период с 19 марта 2020 года по 10 апреля 2020 года рассматривались только категории дел безотлагательного характера (об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и другие), а также дела в порядке приказного, упрощенного производства.

Затем ограничения были продлены до 11 мая 2020 г. также путём принятия Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. №821.

После установленного периода, письмом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07.05.2020 №СД-АГ/667 «О деятельности судов и органов Судебного департамента в полном объеме с 12 мая 2020 года» были даны дальнейшие рекомендации по организации работы в судах.

Установленные ограничения были введены не принятием новых федеральных законов, хотя и в целях обеспечения соблюдения положений федеральных законов «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», а также постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV», «О дополнительных мерах по снижению рисков завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)».

Однако Конституцией РФ прямо предусмотрена возможность ограничения прав только федеральным законом.

Ограничения, введенные в период пандемии, хоть напрямую и не устанавливали запрет на защиту нарушенного права путем обращения в суд, но предписывалась подача заявлений в электронном виде, в связи с невозможностью личного посещения зданий судов, а также ограничениями работ почтовых служб. Данные меры создали трудности в реализации права на судебную защиту лицам, не обладающим возможностями пользования сетью Интернет.

Судебная практика в целом демонстрирует положительный подход при принятии доказательств, связанных с введенными ограничительными мерами.

В частности, суды признают уважительными причины пропуска срока для подачи заявлений, жалоб. Заявители в обоснование указывали также на невозможность подачи жалобы посредством системы «Мой арбитр» в связи с отсутствием электронной цифровой подписи и возможности ее изготовить.

При введенных ограничениях существенным образом нарушался принцип гласности судебного разбирательства ввиду отсутствия проведения открытых судебных заседаний. Неоднократное отложение судебных заседаний ввиду невозможности их проведения сказывалось на разумном сроке судопроизводства.

Анализ сущности права на судебную защиту предопределяет его статус в качестве основополагающей гарантии конституционного статуса личности, его абсолютный характер и невозможность его ограничения.

Принятые во время пандемии ограничения, безусловно, сказались на осуществлении правосудия, но не ограничивали само по себе право каждого на судебную защиту. Введенные меры преследовали цель охраны здоровья населения, что соответствует конституционно установленным целям и соответствовало мировой практике.

Список литературы:

- [1] Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. Москва: Норма; 2007. 752 с.
- [2] Кряжкова О.Н. Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные. Конституционное и муниципальное право. 2014; 41–51
- [3] Самович Ю.В. К вопросу об ограничении права индивида на судебную защиту (практика

Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ) // Право и политика. 2006. № 1. С. 103-109.

[4] Набока А.С. Процессуальная правоспособность по делам, возникающим из налоговых правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. - М.: Юрист, 2003, № 4. - С. 8-12.

[5] Грось Л.А. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 4.

[6] Белявская О.Я. Пределы реализации права граждан на судебную защиту // Мировой судья. – 2006 - №5.

[7] Варламова В. Л. Об ограничении конституционного права личности на судебную защиту // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. №2-1.

References:

- [1] Kruss V.I. Theory of Constitutional Usage. Moscow: Norma; 2007. 752 pp.
- [2] Kryazhkova O.N. Changes in Russian constitutional justice: expected, expected, unexpected. Constitutional and municipal law. 2014; 41–51
- [3] Samovich Yu.V. On the issue of restricting the right of an individual to judicial protection (practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation) // Law and Politics. 2006. № 1. S. 103-109.
- [4] Naboka A.S. Procedural capacity in cases arising from tax relations//Arbitration and civil proceedings. - M.: Lawyer, 2003, No. 4. - S. 8-12.
- [5] Gros L.A. Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the right to judicial protection//Russian justice. 1998. № 11. P. 4.
- [6] Belyavskaya O.Ya. The limits of the realization of the right of citizens to judicial protection//Magistrate. – 2006 - №5.
- [7] Varlamova V. L. On the restriction of the constitutional right of an individual to judicial protection// Law and order in modern society. 2010. №2-1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-369-374

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

МОРОЗОВ Андрей Александрович,
Кандидат юридических наук,
Доцент кафедры гражданского права,
Северо-Западный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербург),
e-mail: 9126543@mail.ru

БОЕНКО Даниил Вадимович,
студент 4 курса специалитета факультета
подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет) Северо-Западного филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: daniilneizvestny@gmail.com

КОРНИЛОВ Кирилл Александрович,
студент 4 курса специалитета факультета
подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет) Северо-Западного филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: i@kirillkornilov.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация. В статье проводится разбор актуальных проблем, связанных с использованием электронных доказательств в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Авторы исследуют несоответствие между необходимостью судебной системы использовать цифровые данные и несовершенством их процессуальной регламентации в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Рассматриваются вопросы отнесения электронных доказательств к традиционным видам средств доказывания, критериев их допустимости и достоверности, а также противоречий сложившихся в судебной практике. Особое внимание уделяется проблеме идентификации источника цифровых данных и обеспечения их целостности. На основе проведенного исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства в части формирования правовой базы для регулирования электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, допустимость доказательств, достоверность доказательств, ГПК РФ, электронный документ, цифровизация правосудия, средства доказывания.

MOROZOV Andrey Alexandrovich,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department
of Civil Law, Northwest Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lebedev Russian State University of Justice”
(Saint Petersburg)

BOENKO Daniil Vadimovich,
4th year student of the Faculty of Specialists
for the Judicial System (Law Faculty) of the North-Western Branch
of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

KORNILOV Kirill Aleksandrovich,
4th year student of the Faculty of Specialists
for the Judicial System (Law Faculty) of the North-Western Branch
of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Annotation. *The article analyzes the current problems related to the use of electronic evidence in civil proceedings in the Russian Federation. The authors investigate the discrepancy between the need for the judicial system to use digital data and the imperfection of their procedural regulation in the Civil Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF). The issues of attributing electronic evidence to traditional types of means of proof, criteria for their admissibility and reliability, as well as contradictions in established judicial practice are considered. Special attention is paid to the problem of identifying the source of digital data and ensuring their integrity. Based on the conducted research, specific proposals have been formulated to improve civil procedure legislation in terms of forming a legal framework for electronic evidence.*

Key words: *electronic evidence, civil procedure, admissibility of evidence, reliability of evidence, Civil Procedure Code of the Russian Federation, electronic document, digitalization of justice, means of proof.*

Цифровизация всех сфер общественной жизни приводит и к изменению таких институтов, как судебная власть и правосудие. Коммуникация, деловая переписка, заключение сделок, ведение документооборота — все эти процессы сегодня в значительной мере осуществляются в электронной среде. Как следствие, обстоятельства, имеющие значение для разрешения гражданско-правовых споров, все чаще фиксируются и существуют именно в цифровой форме: в виде электронных писем, сообщений в мессенджерах, записей с камер видеонаблюдения, данных, автоматически формируемых информационными системами. Внедрение электронных документов в судопроизводство позволяет: сократить сроки рассмотрения дел, снизить судебные издержки, повысить доступность правосудия, оптимизировать работу судов [1, с. 57].

Однако отечественное гражданское процессуальное законодательство, демонстрирует заметное отставание от технологических и социальных реалий. ГПК РФ, закрепляя в статье 55 классический перечень средств доказывания (объяснения сторон, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов), не оперирует понятием «электронные доказательства» [2, с. 19]. Анализ статьи 71 ГПК указывает на то, что электронные документы относятся к письменным доказательствам, при этом к ним предъ-

является единственное требование — они должны быть выполнены способом, позволяющим установить их достоверность [2, с. 20]. Отсюда вытекают две проблемы, требующие разрешения: форма представления электронных доказательств в суд и проверка подлинности представленных доказательств [3, с. 18]. Данный пробел вынуждает участников процесса и сотрудников судебного аппарата адаптировать электронные документы под доступные процессуальные формы, что порождает правовую неопределенность, возникновению противоречий в судебной практике и, как следствие, создает риски для обеспечения принципа состязательности и вынесения обоснованных решений [4, с. 199]. Говоря об электронных доказательствах, не стоит ограничивать их перечень только электронными документами. К их перечню относятся значительный пласт и других объектов, например, записи камер видеонаблюдения, видеорегистратора или мобильного телефона.

В научной доктрине проблема электронных доказательств также является предметом дискуссии. А.Т. Боннер указывает на то, что де-факто электронные документы уже относительно давно используются в судебной практике, но правила использования данного средства доказывания не установлены.

Формально-юридический анализ статьи 55 ГПК РФ позволяет констатировать, что законода-

тель не выделяет электронные доказательства в самостоятельный вид. Такой подход, с одной стороны, порождает отсутствие специальной правовой доктрины для цифровой среды, что создает смысловой пробел, а с другой — вынуждает правоприменителя использовать аналогию формы, подводя цифровые доказательства под традиционные категории. Чаще всего электронные доказательства пытаются представить в виде письменных доказательств посредством их предоставления в печатном читаемом виде или как вещественное доказательство, если ценность представляет сам электронный носитель как объект материального мира. Иные доказательства, такие как цифровые аудио- и видеозаписи, логично вписываются в соответствующий пункт статьи 55 ГПК РФ.

На сегодняшний день практические проблемы, затрудняющие использование электронных доказательств в судебном разбирательстве, в первую очередь, связаны с их достоверностью и допустимостью, включая идентификацию лица, предоставившего их в качестве участника процесса, кроме того, необходимо обеспечить безопасность и защиту персональных данных и другой ценной документации, передаваемой пользователем через телекоммуникационный канал связи. Важным этапом стало введение в статью 71 ГПК РФ положения о том, что в суд могут быть представлены исковое заявление, ходатайство, жалоба и иные сведения в качестве электронного документа. Также статья была дополнена информацией, которая относит к содержанию письменных доказательств, в том числе, доказательственный материал, полученный через «Интернет» и подписанный электронной подписью. Благодаря этому норма стала результативно регулировать электронный документооборот в судах, однако в ее рамки не попадает огромный массив иных цифровых данных, таких как переписка в мессенджерах и социальных сетях, скриншоты, данные с публичных сайтов, логи систем, не подписанные ЭП [5, с. 74]. Для всестороннего рассмотрения данной темы нельзя оставить без внимания Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 57 от 26 декабря 2017 года.

Таким образом, в настоящее время, механизм правового регулирования электронных доказательств носит точечный характер и не дает ответа на вопрос об их процессуальной природе как такового, а лишь создает исключения для наиболее формализованной его части, приравнивая его к письменному доказательству. Однако подобный подход не учитывает специфику электронных доказательств, главной особенностью которых

является их зависимость от технических средств воспроизведения, уязвимость к модификации и сложность установления авторства.

Существенной проблемой применения электронных доказательств на практике строится вокруг двух фундаментальных процессуальных категорий, закрепленных в части 3 статьи 67 ГПК РФ, а именно на принципах допустимости и достоверности. Допустимость доказательства в судебном процессе связана с соблюдением предписанной законом формы и процедуры его получения (часть 2 статьи 55 ГПК РФ). Для электронных доказательств это порождает ряд неразрешенных вопросов.

Законодательство предусматривает различные формы предоставления доказательств: на материальном носителе (статья 71 ГПК РФ), направление через системы электронного правосудия (ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Электронный страж») или портал Госуслуг (в соответствии с последними изменениями, внесенными ФЗ от 30.12.2021 № 440-ФЗ), а также указание на интернет-ресурс для непосредственного ознакомления суда. Тем не менее, отсутствуют общие технические требования к форматам файлов, методам их архивирования или обеспечению читаемости, что может вызвать трудности при приобщении к материалам дела. В судебной практике электронные доказательства принято классифицировать на несколько ключевых групп по их происхождению и форме. Первую группу составляют данные, возникающие в процессе цифровых коммуникаций: это метаданные и содержимое переписки, включая логи интернет-провайдеров, отчеты поисковых систем, электронную почту, SMS/MMS, а также сообщения из мессенджеров. Вторую группу образуют электронные документы, среди которых выделяются формализованные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), самые убедительные, и иные договоры или акты, изначально созданные в электронном виде и представленные суду на физическом носителе. Третью обширную категорию представляют цифровые мультимедийные материалы — аудио- и видеозаписи, фотографии и скриншоты, которые могут быть зафиксированы как на материальных носителях, так и размещены в сети «Интернет», хотя и их монтаж так же возможен, особенно в эпоху нейросетевых технологий. Вопрос соответствия представленных доказательств их свойствам является центральным и наиболее сложным для цифровых данных и включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, идентификация отправителя (подтверждение отправителя) — это основное слабое место большинства видов электронного

обмена информацией. Как точно подметил А.Т. Боннер, «любой желающий может отправлять информацию по электронной почте под чужим адресом» [6, с. 137]. Данная проблема в полной мере проявляется в отношении SMS-сообщений и переписки в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Max). Суды справедливо требуют доказательств, причастности номера телефона или аккаунта в момент переписки к конкретной стороне спора. В противном случае, такие доказательства не могут служить основанием для установления юридически значимых обстоятельств. В настоящее время значительно усилен контроль за закреплением телефонного номера за конкретным абонентом. Однако, этих мер не достаточно в полной мере [12].

Во-вторых, цифровой файл, в отличие от бумажного документа, может быть изменен незаметно. Простое нотариальное удостоверение скриншота или печатного документа не устраняет эту проблему, так как нотариус может не обладать экспертными знаниями в области компьютерных технологий, тем самым пропустив возможную подмену. Он лишь фиксирует наличие информации на экране в определённый момент времени, но не гарантирует её подлинность или неизменность с того момента, как она была создана.

В-третьих, в гражданском процессе сложился подход, при котором электронное доказательство, формально отвечающее требованиям допустимости, считается достоверным, если противная сторона не представит обоснованных и конкретных возражений относительно его фальсификации. Однако, такой подход возлагает на сторону, оспаривающую доказательство, непосильное бремя — доказывать технически сложный факт модификации данных, что зачастую требует проведения дорогостоящей судебной компьютерно-технической экспертизы.

Особую проблему в судебном процессе представляют такие доказательства, как скриншоты и распечатки веб-страниц. Суды последовательно занимают позицию, что они не могут рассматриваться как надлежащие доказательства, поскольку не являются официальными документами, а достоверность представленных в них сведений не имеет самостоятельного подтверждения. Схожие сложности возникают с использованием переписки из мессенджеров. Для ее признания допустимым доказательством судебная практика устанавливает ряд условий. К ним относятся: прямое указание в договоре способа обмена информацией как допустимым для взаимодействия сторон, системного и взаимосвязанного характера самой переписки, отсутствие возражений противоположной стороны против ее достоверности, а также подкрепление обстоя-

тельств, изложенных в переписке иными материалами дела [6, с. 138]. Электронная почта в данной классификации занимает промежуточное положение. Если переписка велась с корпоративных адресов, указанных в договоре или на официальном сайте, суды чаще склонны считать ее допустимой. В случае использования личных почтовых ящиков требования к идентификации отправителя резко возрастают [7, с. 177].

Исходя из вышесказанного, судебная практика, пытаясь компенсировать законодательные пробелы, создает собственные, зачастую неписанные правила оценки электронных доказательств [8, с. 121]. Это приводит к непредсказуемости, когда исход дела может зависеть от субъективного восприятия судьей надежности того или иного цифрового канала связи, говорить о справедливом и полном решении невозможно.

Проведенный анализ демонстрирует, что регулирование электронных доказательств в российском гражданском процессе находится в стадии системной неопределенности. Ее причина — конфликт между динамичным развитием цифровых технологий и консерватизмом процессуального законодательства [9, с. 17]. Стремление воспринимать электронные доказательства и цифровые данные как традиционные виды доказательств не учитывая такие их уникальные свойства как зависимость от техники, уязвимость к изменениям, сложности с установлением автора и подтверждением неизменности является отражением не объективной оценки данного правового явления.

Наличие неурегулированных в действующем законодательстве вопросов по поводу использования электронных доказательств и определения их достоверности решается автоматически относит их разрешение к функционалу органов судопроизводства. Это ведет к непредсказуемости решений, субъективности оценок и может стать причиной нарушения принципа равенства сторон в судебном процессе.

Активное внедрение механизмов электронного взаимодействия граждан с судом (подача исков онлайн, получение решений) безусловно является положительным явлением. Однако, внутренняя «кухня» судопроизводства — этап исследования и оценки доказательств по-прежнему остаются в рамках аналоговой эпохи. Цифровизация не должна сводиться только к электронной переписке; она требует фундаментального обновления механизма правового регулирования доказательственного права в Российской Федерации [10, с. 295].

С учетом вышеизложенного представляется вполне допустимым включить в содержание ста-

тьи 55 ГПК РФ дефиницию понятия «электронные доказательства», определив их как сведения об обстоятельствах дела, полученные из цифровых источников (информационных систем, сетей связи, с носителей данных и т.д.) для восприятия которых требуются соответствующие технические средства.

Кроме того, необходимо законодательно закрепить основной перечень требований к предоставлению электронных доказательств. Например: указание способа и даты их получения, представление в форме, позволяющей проверить их неизменность, предоставление данных для идентификации источника (метаданные, сведения об аккаунте, IP-адресе), особые условия для доказательств из интернета (нотариальный протокол осмотра сайта или его заверенная копия, созданная с помощью специального ПО, фиксирующего метаданные).

Последовательная реализация указанных мер позволит устранить разрыв между цифровой действительностью (сложившимися общественными отношениями) и положениями действующих норм процессуального права. Создание адекватной, технологически нейтральной и процессуально защищенной системы доказывания — это не просто техническое улучшение, а необходимое условие для поддержания эффективности, доступности и справедливости гражданского судопроизводства в цифровую эпоху [11, с. 26].

Список литературы:

- [1] Мироедова О.В. Использование электронных документов в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве // Холодная наука. 2025. №23, С. 57-65
- [2] Заиграева, В. И. Электронный документ как электронное доказательство в гражданском судопроизводстве / В. И. Заиграева // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 26–27 марта 2020 года. — Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2020. — С. 18-22.
- [3] Боннер, А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом / А. Т. Боннер // Закон. — 2016. — № 7. — С. 24-51.
- [4] Морозов, А. А. Теория и практика толкования понятия и содержания юридической ответственности за экологические правонарушения / А. А. Морозов // Образование и право. — 2025. — № 3. — С. 197-201.
- [5] Морозов, А. А. Правовая культура и экологическое право: формирование ответственного поведения граждан в условиях экологических кризисов / А. А. Морозов // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2025: материалы XII международной научно-практической конференции, Гатчина, 29–30 мая 2025 года. — Гатчина: Гатчинский государственный университет, 2025. — С. 73-76.
- [6] Морозов, А. А. Медиация при урегулировании споров в сфере строительства / А. А. Морозов // Примирильные процедуры в гражданском праве и судопроизводстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Под общей редакцией В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. Том Часть 2. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. — С. 135-138.
- [7] Морозов, А. А. Правовая характеристика товарищества собственников жилья как формы управления многоквартирным домом / А. А. Морозов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 года. Том 1. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. — С. 176-178.
- [8] Морозов, А. А. Гражданско-правовое регулирование механизма защиты прав предпринимателей в саморегулируемых организациях в сфере строительства / А. А. Морозов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 11-2(37). — С. 120-122.
- [9] Морозов, А. А. Теория и практика реализации прав собственников в многоквартирном доме на проведение перепланировки и переустройства жилого помещения / А. А. Морозов // Теория и практика применения и толкования в частном праве: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2024 года. — Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. — С. 15-18.
- [10] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. — М.: Проспект, 2017. — 304 с.
- [11] Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Электронный гражданский процесс: современное состояние и перспективы развития // Российский судья. — 2022. — № 3. — С. 22–26.

[12] Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ 14.07.2003, № 28, ст. 2895

References:

[1] O.V. Miroedova. Use of electronic documents in criminal, civil and administrative proceedings//Cold Science. 2025. NO. 23, P. 57-65

[2] Zaigraeva, V.I. Electronic document as electronic evidence in civil proceedings/V.I. Zaigraeva// Modern problems of the theory and practice of law through the eyes of young researchers: materials of the XIV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, March 26-27, 2020. - Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2020. - S. 18-22.

[3] Bonner, A. T. Administrative proceedings in the Russian Federation: myth or reality, or Dispute between a proceduralist and an administrator/A. T. Bonner//Law. – 2016. – № 7. - S. 24-51.

[4] Morozov, A. A. Theory and practice of interpretation of the concept and content of legal responsibility for environmental offenses/A. A. Morozov// Education and law. – 2025. – № 3. - S. 197-201.

[5] Morozov, A. A. Legal culture and environmental law: the formation of responsible behavior of citizens in environmental crises/A. A. Morozov//Actual problems of science and practice: Gatchina readings - 2025: materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 29-30, 2025. - Gatchina: Gatchina State University, 2025. - S. 73-76.

[6] Morozov, A. A. Mediation in the settlement of disputes in the field of construction/A. A. Morozov// Conciliation procedures in civil law and legal proceedings: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 26-27, 2019/Edited by V. P. Zavetko, A. N. Kuzbagarova, S. Yu. Katukova. Volume Part 2. - St.

Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion," 2019. - S. 135-138.

[7] Morozov, A. A. Legal characteristics of a homeowners' association as a form of management of an apartment building/A. A. Morozov//Actual problems of legal science and practice: Gatchina readings-2018: Collection of scientific works based on materials from the International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 25, 2018. Volume 1. - Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2018. - S. 176-178.

[8] Morozov, A. A. Civil regulation of the mechanism for protecting the rights of entrepreneurs in self-regulatory organizations in the field of construction/A. A. Morozov//Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2013. – № 11-2(37). - S. 120-122.

[9] Morozov, A. A. Theory and practice of exercising the rights of owners in an apartment building to carry out redevelopment and reconstruction of residential premises/A. A. Morozov//Theory and practice of application and interpretation in private law: Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 15-16, 2024. - St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies Asterion LLC, 2025. - S. 15-18.

[10] Bonner A.T. Traditional and non-traditional means of proof in civil and arbitration proceedings. - M.: Prospect, 2017. - 304 s.

[11] Afanasyev S.F., Zaitsev A.I. Electronic civil process: current state and development prospects// Russian judge. – 2022. – № 3. - S. 22-26.

[12] Federal Law Federal Law dated 07.07.2003 N 126-FZ (rev. dated 31.07.2025) "On Communications" (with amendments and additions, entry by virtue of 01.01.2026) //NW RF 14.07.2003, No. 28, Art. 2895

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-375-379

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
И.о. заведующего кафедрой конкурентного и
предпринимательского права ЮШ ДВФУ,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ ПО РАЗДЕЛУ СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОДНОГО ИЗ НИХ

Аннотация. Статья посвящена комплексной проблеме определения подсудности споров о разделе совместно нажитого имущества супругов при банкротстве одного из них – актуальной и противоречивой коллизии на стыке семейного, гражданского и банкротного права. Авторы анализируют конфликт между частным интересом супруга в защите своей доли в общей собственности и публичным интересом кредиторов в максимальном пополнении конкурсной массы в рамках процедуры банкротства. Делается вывод о необходимости соблюдения баланса между интересами супругов и кредиторов.

Ключевые слова: раздел имущества; супруг-банкрот; подсудность; конкурсная масса; семейный спор; суд общей юрисдикции.

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
And about. Head of the Department
of Competitive and Entrepreneurial Law
of the Far Eastern Federal University,
Candidate of Law, Associate Professor

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Master's student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Master's student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

DETERMINATION OF JURISDICTION IN DISPUTES OVER THE DIVISION OF JOINT PROPERTY OF SPOUSES IN THE EVENT OF BANKRUPTCY OF ONE OF THEM

Annotation. The article is devoted to the complex problem of determining the jurisdiction of disputes over the division of jointly acquired property of spouses in the bankruptcy of one of them - an actual and contradictory conflict at the junction of family, civil and bankruptcy law. The authors analyze the conflict between the spouse's private interest in protecting his share in common ownership

and the public interest of creditors in maximizing the bankruptcy estate as part of the bankruptcy procedure. It is concluded that it is necessary to maintain a balance between the interests of spouses and creditors.

Key words: *division of property; bankrupt spouse; jurisdiction; competitive mass; a family dispute; court of general jurisdiction.*

Проблема определения подсудности споров о разделе совместно нажитого имущества супругов в условиях банкротства одного из них является одной из сложных и противоречивых в современном российском правоприменении. Она находится на стыке нескольких правовых режимов: семейного, гражданского, процессуального и конкурсного, каждое из которых имеет собственную логику регулирования, цели и задачи. Коллизия возникает тогда, когда семейно-правовое требование о разделе имущества пересекается с публично-правовым режимом банкротства, ориентированным в первую очередь на защиту интересов кредиторов и обеспечение равенства их требований. В условиях постоянного роста числа банкротств граждан ситуация, когда супруги вынуждены одновременно взаимодействовать с двумя судебными системами – становится массовой, что делает анализ вопроса о подсудности не просто теоретическим, а остро практическим.

С точки зрения традиционной конструкции права семья рассматривается как особое социальное и правовое объединение, обладающее внутренней автономией, включая автономию в сфере собственности. Режим совместной собственности супругов основан на принципе равенства, общности имущества и необходимости защиты интересов каждого члена семьи [1].

Исходя из буквального толкования п. 7 ст. 213.26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – ФЗ-127) можно сделать вывод о том, что в делах о банкротстве общее имущество супругов продается вне зависимости от возможности или невозможности выдела доли должника в натуре, что, ущемляет права собственников.

Вместе с тем споры о разделе совместно нажитого имущества супругов подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции. Это следует из установленных законом правил о подведомственности. Во-первых, законодательный перечень категорий дел с участием граждан, которые могут рассматриваться арбитражными судами (включая дела о банкротстве, согласно пункту 1 части 6 статьи 27 АПК РФ), не содержит споров о разделе супружеского имущества. Во-вторых, специальные положения закона о банкротстве также не относят данные споры к компетенции арбитражных судов, что обязывает применять общие процессуальные нормы. В соответствии с

этими общими правилами, закрепленными в пункте 1 части 1 статьи 22 ГПК РФ, все споры, возникающие из гражданских и семейных правоотношений, относятся к ведению судов общей юрисдикции.

Также специальными нормами ФЗ-127 прямо не предусмотрено рассмотрение арбитражными судами споров, связанных с разделом общего имущества супругов, при разрешении вопроса о том, в каком суде должно рассматриваться гражданское дело, следует руководствоваться общими нормами гражданского процессуального права, в частности п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, в соответствии с которым к компетенции судов общей юрисдикции относятся, в том числе исковые дела по спорам, возникающим из семейных правоотношений.

Банкротство же основывается на совершенно иных принципах: публичности, универсальности, приоритета интересов кредиторов и процедуры ликвидации имущества для удовлетворения требований третьих лиц [2]. Пересечение этих режимов неизбежно вызывает конфликты: для кредиторов супруг должника выступает как собственник объекта, который подлежит реализации, для супругов же – как участник семейных правоотношений, защищающий свою долю.

К тому же процедура банкротства связана с коммерческой деятельностью, что относится к компетенции арбитражных судов, а сами брачно-семейные отношения, в том числе раздел имущества между супругами являются компетенцией судов общей юрисдикции.

Возбуждение процедуры банкротства гражданина не означает, что все споры, связанные с формированием конкурсной массы, подлежат рассмотрению арбитражными судами. Таким образом, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» относит к компетенции суда общей юрисдикции раздел совместно нажитого имущества супругов после признания одного из них банкротом [13].

Ярким примером такой коллизии является дело рязанской гражданки, чья попытка добиться раздела имущества вызвала последовательный отказ двух судебных систем. Районный суд прекратил дело, сославшись на неподсудность, и указал, что жена может защищать свои интересы только через участие в банкротстве в качестве кредитора. Арбитражный суд отказал по зеркальной причине: раздел имущества супругов не отно-

сится к компетенции, а участвовать в деле она не может, поскольку не является кредитором. Эта ситуация не исключение, а типичное следствие отсутствия четких разъяснений до вмешательства Верховного Суда РФ.

Подобные казусы встречались в различных регионах, о чем свидетельствуют обширная судебная практика арбитражных судов [3].

Верховный Суд, рассматривая жалобу гражданки, пришёл к выводу о том, что нижестоящие суды нарушили фундаментальные принципы определения подсудности. Верховный Суд указал, что характер требований супруги не связан с конкурсными правоотношениями и не предполагает участия в деле о банкротстве в качестве кредитора [4]. Она требует признания за собой доли в общем имуществе, а не удовлетворения денежного обязательства. Следовательно, спор должен рассматриваться не в арбитражном суде, а в суде общей юрисдикции, поскольку он возникает из семейных правоотношений.

Данное разъяснение ВС РФ логично вписывается в общую концепцию разделения компетенции между судами. Арбитражные суды рассматривают споры, связанные с предпринимательской деятельностью, экономическими отношениями. Семейные отношения, в свою очередь, не являются экономическими. Они регулируются нормами семейного и гражданского законодательства, которые ориентированы на обеспечение справедливости между супругами, защиту семьи как социальной ячейки, баланс интересов детей и супругов. Данное положение видится обоснованным и не вызывает сомнений, а ГПК РФ прямо относит семейно-правовые споры к компетенции судов общей юрисдикции [5].

Особую значимость вывод Верховного Суда приобретает в контексте принципа универсальности конкурсного процесса. Данный принцип предполагает, что все имущественные требования к должнику должны быть рассмотрены в рамках дела о банкротстве, чтобы обеспечить равное распределение средств между кредиторами [2].

Вместе с тем анализ отдельной судебной практики указывает на то, что раздел имущества супругов также должен быть включён в эту одно арбитражное разбирательство, поскольку он влияет на размер конкурсной массы [8].

Однако такое расширительное толкование универсальности вступает в прямое противоречие с правовой природой семейных отношений. Доля супруга в совместном имуществе не является денежным требованием к должнику и не носит обязательственного характера – это вещное, а не обязательственное притязание. Так, супруг не может быть превращён в кредитора, поскольку он не предъявляет требования к должнику, а требует

признания собственных прав на объект, который ошибочно или временно включён в конкурсную массу в полном объёме. По этой причине Верховный Суд разъяснил, что универсальность не поглощает семейные споры, а банкротное производство не создаёт иную подсудность по семейным конфликтам в этой части.

В зарубежной практике аналогичные споры решаются в пользу сохранения подсудности судов общей юрисдикции. Так, в Германии суды общей юрисдикции рассматривают споры о разделе имущества супругов независимо от наличия *Insolvenzverfahren* (конкурсного производства), а конкурсный управляющий лишь учитывает решение семейного суда при распределении конкурсной массы должника-супруга [6]. Во Франции суды общей юрисдикции также сохраняют исключительную компетенцию по вопросам режима имущества супругов, и даже введение процедуры *faillite* (несостоятельности/банкротства) не лишает их этой компетенции [7].

В этой связи российский подход, сформулированный Верховным Судом, полностью соответствует этой международной тенденции.

Отдельным аспектом в спорном вопросе подсудности подобных споров является содержание п. 5 ст. 213.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель изначально не исходит из безусловного включения всего имущества гражданина в конкурсную массу и допускает существование имущественных объектов, судьба которых определяется с учетом семейных и жилищных интересов, а не исключительно интересов кредиторов.

Так, указанная норма предусматривает возможность удовлетворения требований ипотечного кредитора третьим лицом с последующим исключением жилого помещения из конкурсной массы, если оно является единственным пригодным для проживания для должника и членов его семьи. В результате жилое помещение и земельный участок под ним не подлежат реализации и не включаются в состав имущества, реализуемого в процедуре банкротства.

По своей правовой природе данный механизм демонстрирует, что даже в рамках публично-правового режима банкротства приоритет может быть отдан не конкурсным целям, а защите семейных и жилищных прав. Тем самым законодатель прямо признаёт наличие имущественных отношений, которые, несмотря на формальную связь с делом о банкротстве, не подлежат разрешению исключительно в логике конкурсного производства.

В этом контексте требования супруга о разделе совместно нажитого имущества обладают

схожей правовой природой. Как и в случае с единственным жильём, речь идёт не о взыскании задолженности и не о конкуренции требований кредиторов, а об определении объёма принадлежащих лицу вещных прав.

Важным также является и вопрос защиты конституционных прав супругов. Конституция РФ гарантирует каждому право собственности, а также судебную защиту его имущественных прав [9]. Если супруг лишён возможности обращаться в суд общей юрисдикции за защитой своего имущественного права в отношении доли в общей совместной собственности, а арбитражный суд не компетентен рассматривать данные споры, то возникает ситуация, при которой супруг полностью лишён доступа к правосудию, что является недопустимым ограничением конституционного права на судебную защиту.

Вместе с тем следует отметить и то, что раздел имущества супругов не нарушает интересов кредиторов, если осуществляется в соответствии с действующим законодательством РФ.

Так, суд общей юрисдикции определяет состав общего имущества и доли супругов. Арбитражный суд при введении стадии реализации имущества учитывает ранее вынесенное решение суда общей юрисдикции. Доля должника, определённая судом общей юрисдикции, включается в конкурсную массу, и кредиторы удовлетворяют свои требования именно за счёт неё. При этом доля второго супруга в конкурсную массу не входит.

Именно такой алгоритм обеспечивает баланс между интересами супругов и кредиторов, предотвращает злоупотребления и не создает нарушений принципа равенства кредиторов. Даже в ситуации, когда имущество подлежит продаже, супруг вправе получить компенсацию за свою долю. Так, Верховный Суд отметил, что выдел доли в натуре не всегда возможен, однако это не устраняет право супруга на часть стоимости имущества [4].

Вместе с тем при возникновении подобных споров важно учесть еще один аспект – период времени, в который предъявляется иск. В некоторых случаях супруги подают иск после введения процедуры банкротства, и часть судов отказывает им, считая, что они пытаются «обойти» конкурсный порядок. В данной ситуации ВС РФ и здесь разъяснил, что само по себе время обращения в суд не влияет на подсудность. Так, супруг не может быть ограничен в своей возможности предъявить иск о разделе имущества, даже если процедура банкротства уже началась, поскольку его правовая позиция является самостоятельной и не зависит от хода банкротства.

Однако в такой ситуации существуют и злоупотребления – супруги иногда пытаются разделить имущество для уменьшения конкурсной массы. В этих случаях закон предусматривает специальные механизмы: арбитражный управляющий вправе оспаривать сделки, проводимые в ущерб кредиторам, в том числе брачные договоры и соглашения о разделе имущества [3]. Это, в свою очередь, позволяет обеспечить надлежащий уровень защиты кредиторов без чрезмерного расширения компетенции арбитражных судов.

Таким образом, современная правовая позиция Верховного Суда РФ, подтвержденная последующей судебной практикой, основана на глубоком понимании сущности семейного и конкурсного права и необходимости соблюдения баланса интересов. Раздел имущества супругов — это не экономический спор и не обязательственное требование. Это вопрос личной имущественной сферы супругов, который должен решаться судами общей юрисдикции. Арбитражные суды рассматривают только вопросы реализации имущества и формирования конкурсной массы, но не определяют семейные доли.

Признание такой компетенции за судами общей юрисдикции позволяет избежать лишения супругов собственности, устранить процессуальные пробелы и обеспечить единообразие практики. Нормы ГПК РФ, СК РФ и ФЗ «О банкротстве» в совокупности подтверждают правильность именно такого подхода, который соответствует международной практике, конституционным принципам, доктрине и здравому смыслу.

Список литературы:

- [1] Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
- [2] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
- [3] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.06.2017 № Ф04-6934/2016 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
- [4] Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 6-КГ18-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.
- [5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
- [6] Insolvenzordnung (InsO) [Закон о несостоятельности (Германия)]. – Berlin : Bundesministerium der Justiz, 2020. – 320 s.

[7] Code civil [Гражданский кодекс Франции]. – Paris : Legifrance, 2023. – 1456 p.

[8] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2017 № 13АП-7978/2017 по делу № А56-36453/2016/тр.6 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 21.06.2017 по делу № 33-12859/2017 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.06.2017 № Ф04-6873/2016 по делу № А03-22218/2015 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[10] Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. Г. А. Гаджиева. – М. : Проспект, 2021. – 560 с.

[11] Белов В. А. Конкурсное право : учебник. – М. : Юрайт, 2022. – 780 с.

[12] Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. – М. : Норма, 2020. – 640 с.

[13] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 6-КГ18-1// СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

[14] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2017 № 20АП-3934/2017// СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.06.2017 № Ф04-6934/2016 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. – Art. 16.

[2] Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”: Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. – Art. 4190.

[3] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 22.06.2017 No. F04-6934/2016//SPS “ConsultantPlus.” - Text: electronic.

[4] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.03.2018 No. 6-KG18-1//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 7.

[5] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. – Art. 4532.

[6] Insolvenzordnung (InsO) [Insolvency Law (Germany)]. – Berlin : Bundesministerium der Justiz, 2020. – 320 s.

[7] Code civil. – Paris : Legifrance, 2023. – 1456 p.

[8] Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of 22.05.2017 No. 13AP-7978/2017 in case No. A56-36453/2016/t.6//SPS “ConsultantPlus.” - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 21.06.2017 in case No. 33-12859/2017//SPS “ConsultantPlus.” - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic. Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 14.06.2017 No. F04-6873/2016 in case No. A03-22218/2015//SPS “ConsultantPlus.” - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic.

[9] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. – Art. 4398.

[10] Commentary to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” /ed. G. A. Hajiyeu. - M.: Prospekt, 2021. - 560 s.

[11] Belov V. A. Competition law: textbook. - M.: Yurayt, 2022. - 780 s.

[12] Pchelintseva L. M. Commentary on the Family Code of the Russian Federation. - M.: Norma, 2020. - 640 s.

[13] Determination of the Investigative Committee for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.03.2018 No. 6-KG18-1//SPS ConsultantPlus. - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic.

[14] Decision of the Twentieth Arbitration Court of Appeal dated 01.08.2017 No. 20AP-3934/2017//SPS ConsultantPlus. - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic.

[15] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 22.06.2017 No. F04-6934/2016//SPS “ConsultantPlus.” - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 12.12.2025). - Text: electronic.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-380-384

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
конституционного и административного права
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНГХуГС, Санкт-Петербурга),
e-mail: mail@law-books.ru

ТИПОЛОГИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ДОМИНАНТЫ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются типологические особенности и процессуальные и правовые доминанты телевизионных новостей, как жанра массовой информации; проведен анализ структуры, содержания и форматов новостных материалов, выявлены ключевые производственные, визуальные, коммуникативные и технологические факторы, определяющие специфику их создания и восприятия аудиторией. На основе проведенного исследования предложена систематизация типологии телевизионных новостей, проанализированы их функциональные и нарративные особенности. Результаты исследования представлены в форме практических рекомендаций по оптимизации структуры выпуска, усилению визуальной выразительности, совершенствованию коммуникативных стратегий и интеграции цифровых технологий.

Ключевые слова: телевизионные новости, типология, процессуальные доминанты, медиатекст, визуальные и коммуникативные стратегии, журналистика, новостной выпуск; медиааналитика.

FURMAN Tatyana Gennadyevna,
PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law at the North-West Institute of Management -
a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA, St. Petersburg)

TYPOLOGY AND PROCEDURAL AND LEGAL DOMINANTS OF TELEVISION NEWS

Annotation. The article examines the typological features and procedural dominants of television news as a genre of mass media; an analysis of the structure, content and formats of news materials was carried out, key production, visual, communicative and technological factors were identified that determine the specifics of their creation and perception by the audience. Based on the study, a systematization of the typology of television news was proposed, their functional and narrative features were analyzed. The results of the study are presented in the form of practical recommendations for optimizing the structure of the release, increasing visual expressiveness, improving communication strategies and integrating digital technologies.

Key words: television news, typology, procedural dominants, media text, visual and communication strategies, journalism, news release; media analytics.

Введение. Телевизионные новости сохраняют позицию ключевого источника информации, существенно влияя на общественное сознание и интерпретацию политико-социальных событий. В контексте стремительного развития цифровых и социальных медиа, новостные продукты должны адаптироваться к запросам аудитории и новым

технологическим возможностям. Актуальность исследования заключается в необходимости систематического анализа типологии новостей и выявления их процессуальных доминант. Такой анализ позволяет осмыслить механизмы конструирования медиакарты дня, повысить эффективность журналистских практик и обосновать

применение инновационных технологий. Кроме того, результаты работы обладают практическим потенциалом для редакций в целях оптимизации структуры новостных выпусков и совершенствования методов презентации материалов.

Целью настоящего исследования является выявление типологических особенностей телевизионных новостей и анализ процессуальных доминант, определяющих специфику их производства и функционирования в современных медиа-условиях.

Объектом исследования выступают телевизионные новости как жанровый и технологический продукт массовой коммуникации.

Предметом исследования являются типологические характеристики и процессуальные доминанты, влияющие на структуру, форму подачи и восприятие телевизионных новостей.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе телевизионных новостей как медиатекста, объединяющем типологические и процессуальные аспекты, что позволяет выявить новые закономерности формирования новостного продукта, ранее недостаточно освещенные в отечественных и зарубежных исследованиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и систематизации существующих классификаций телевизионных новостей, выявлении новых закономерностей их производства и восприятия. Результаты работы углубляют научное понимание процессов создания и распространения медиаконтента, позволяют дополнить современные теории журналистики и медиаанализа.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования ее результатов для совершенствования редакционной практики телеканалов, оптимизации структуры новостных выпусков, разработки методических рекомендаций по визуальной и коммуникативной подаче информации, а также повышения профессионального уровня журналистов и медиаменеджеров.

В исследовании применялись следующие методы: анализ и систематизация литературных источников, сравнительный и классификационный подход, структурно-функциональный анализ медиатекстов.

Основной материал. Телевизионные новости, безусловно, представляют собой ключевой элемент современного медиапространства и, следовательно, занимают центральное место в системе массовой коммуникации. При этом они выполняют не только информационную функцию, но и, что существенно, формируют общественное мнение, а также оказывают значительное влияние на социальные ориентиры и поведенческие

модели аудитории. В целом, телевизионные новости традиционно рассматриваются как особый жанр журналистики, который, как правило, характеризуется специфической структурой, повышенной визуальной выразительностью и комплексными процессуальными особенностями создания.

Телевизионные новости - специфический медиатекст, предназначенный для оперативного информирования широкой аудитории о значимых событиях (политических, экономических, социальных) в сжатой аудиовизуальной форме. В отличие от других медиа, они комплексно воздействуют на когнитивное и эмоциональное восприятие зрителей. В целом, новостные сообщения характеризуются актуальностью, новизной, общественной значимостью, достоверностью и высокой наглядностью. Их создание представляет собой высокопрофессиональный процесс, включающий сбор, тщательную верификацию, монтаж и адекватную нарративную/визуальную упаковку, ориентированную на формат телевизионного эфира [1].

Телевизионные новости выполняют несколько ключевых функций, которые определяют их значимость как медиатекста:

1. Информативная функция - предоставление актуальной информации о событиях различного масштаба.
2. Интерпретационная функция - объяснение причин и последствий событий, формирование аналитического контекста.
3. Социально-ориентирующая функция - выработка общественных ориентиров и норм поведения, воздействие на общественное мнение.
4. Мобилизационная функция - привлечение внимания к проблемам общества и стимулирование активной гражданской позиции.
5. Развлекательная функция (инфотейнмент) - повышение эмоциональной вовлеченности зрителя через визуальные и нарративные средства, что особенно важно для удержания аудитории в условиях высокой конкуренции между медиа.

Журналисты квалифицируют события как телевизионные новости, используя критерии новостности. Ключевыми из них являются актуальность (соответствие текущей повестке) и конфликтность (наличие противоречий), которые привлекают внимание. Не менее важны значимость и важность, определяемые общественной ценностью. Также учитываются эмоциональная выразительность и визуальная привлекательность (наличие качественных материалов). В совокупности эти критерии обеспечивают новостям высокую информативность, убедительность и успешное привлечение широкой аудитории [2].

Телевизионные новости, по своей сути, представляют собой комплексный медиатекст, который характеризуется значительным разнообразием, обнаруживаемым не только в тематической и содержательной плоскости, но и в аспектах формы изложения, специфики источников информации, а также композиционной структуры выпуска. Следовательно, проведение типологического анализа является фундаментально значимым для систематизации данных различий и выявления закономерностей, которые, по сути, детерминируют жанровую специфику телевизионных новостей.

Ключевым основанием для типологизации выступает содержательный аспект:

1. Политические новости - материалы о деятельности власти, политических процессах и международных отношениях, формирующие общественную повестку.
2. Социальные новости - события, касающиеся жизни общества, включая здравоохранение, образование и социальную политику.
3. Экономические новости - информация о финансовых рынках, макроэкономике, инвестициях и бизнесе.
4. Культурные новости - освещение событий в сфере искусства, литературы, театра и кинематографа.
5. Международные новости - события за пределами страны, конфликты и международные инициативы.
6. Новости происшествий: информация о катастрофах - авариях, криминале и чрезвычайных ситуациях.
7. «Мягкие» новости - материалы с необычным или трогательным сюжетом, направленные на эмоциональное вовлечение аудитории [3].

Данный подход позволяет четко определить функциональные ориентиры каждой категории и специфику их воздействия на зрителей.

При этом телевизионные новости дифференцируются не только по содержанию, но и по структурно-композиционным характеристикам. Ключевые формы подачи включают: а) ленты новостей - структурированные блоки, объединяющие материалы по хронологии или тематике; б) сюжетные материалы - детальные форматы (репортажи, обзоры, интервью), подробно освещающие событие; в) тематические подборки - группы материалов, сфокусированные вокруг конкретной темы (например, экономическая хроника); аналитические блоки - содержащие экспертные комментарии, прогнозы и оценку событий [4]. Как видно, каждая форма определяет специфику монтажа, общую длительность выпуска и выбор визуальных средств для оптимизации зрительского восприятия.

Кроме того, критерий источников информации также является значимым основанием для типологизации новостей. Выделяют следующие основные типы: а) официальные источники (государственные структуры, пресс-службы, официальные агентства): характеризуются высокой достоверностью, но могут быть ограничены в оперативности; б) неофициальные источники (очевидцы, социальные сети, независимые наблюдатели): обеспечивают оперативность, но требуют тщательной верификации сведений; в) собственные корреспондентские материалы (журналистские расследования, репортажи штатных сотрудников): обеспечивают уникальность контента; г) агентские новости (полученные от информационных агентств): подлежат адаптации редакцией [5].

Непосредственный анализ этих источников позволяет оценить достоверность, оперативность и влияние редакционной политики на итоговое содержание новостного контента. В контексте развития цифровизации и мультимедийных технологий актуализируется типология новостей по формату подачи. Выделяют: «классические» (стандартные выпуски со студийным ведущим), инфотейнмент (сочетание информации и развлечения для вовлечения), и дигитализированные новости (интеграция с онлайн-платформами и интерактивными элементами). Существенной является также дихотомия длинных репортажей против коротких «нарезок», отражающая разницу в детализации и длительности [6].

Комплексное осмысление этих типологических аспектов позволяет сформировать целостное представление о феномене телевизионных новостей, определить их роль и влияние в современном медиапространстве и на аудиторию.

Процессуальные доминанты телевизионных новостей - это фундаментальные элементы, определяющие специфику их производства, структурной организации и восприятия аудиторией, которые включают производственные, визуальные, коммуникативные и технологические аспекты.

Процесс создания новостей комплексен и включает первостепенные этапы: сбор, отбор и тщательная верификация актуальных фактов для обеспечения достоверности; монтаж и визуальная упаковка с учетом хронометража; работа ведущего и корреспондента (текстовое и интонационное сопровождение, интервью); а также обязательный редакционный контроль соответствия политике и этическим нормам. Каждый этап непосредственно влияет на качество конечного продукта. Визуальная составляющая является ключевой доминантой, определяющей привлекательность и эффективность новостей. Она включает оптимальную кадровку, инфографику и визуальные иллюстрации (карты, диаграммы), использование релевантных видео- и архивных материа-

лов, а также титры и маркеры, обеспечивающие дополнительную смысловую нагрузку. Грамотное сочетание этих средств позволяет передать информацию значительно быстрее и нагляднее, чем только текст.

Со своей стороны коммуникативные элементы являются ключевыми факторами, определяющими подачу и восприятие информации. Среди доминант выделяются темпоритм (скорость смены сюжетов, влияющая на внимание), интонация и стилистика речи (обеспечивающие эмоциональную окраску), нарративная структура (регулирующая последовательность событий) и фрейминг/манипулятивные техники (для акцентирования значимости и формирования управляемого контекста). Таким образом, коммуникативные доминанты не просто передают факты, но и формируют оценочное восприятие, создавая целостный информационный нарратив.

Развитие цифровых технологий и мультимедийных платформ существенно влияет на создание и распространение новостей. Ключевые технологические доминанты включают цифровизацию производства, интеграцию с онлайн-платформами (синхронная публикация в интернете и соцсетях), автоматизацию/применение ИИ (подбор контента, анализ аудитории) и мультиплатформенное распространение. Эти факторы обеспечивают оперативность, высокое качество и привлекательность новостей, расширяя аудиторию. Можно объективно констатировать, что доминанты телевизионных новостей — это комплекс факторов, формирующих создание, подачу и восприятие медиатекста. Их изучение позволяет выявить закономерности производственного процесса, подходы к оформлению и оценить ключевую роль технологий в современном телевидении [7].

Результаты исследования. Производственные доминанты сосредоточены на строгой организации этапов создания новостей: сбор, верификация, монтаж, работа ведущего и редакционный контроль, что, наряду с эффективным управлением временными ресурсами, определяет качество контента. Визуальные доминанты включают инфографику, карты и диаграммы для объяснения сложной информации, а также чередование планов и использование видеоматериалов с мест событий для обеспечения наглядности и эмоционального вовлечения аудитории.

Следует отметить, что коммуникативные доминанты определяются адаптацией интонации и стилистики речи ведущих под целевую аудиторию, использованием классического нарратива для облегчения восприятия и активным применением фрейминга для расстановки акцентов и эмоционального оформления. Технологические доминанты охватывают применение специализирован-

ного ПО для монтажа и автоматизации, а также критически важную интеграцию с онлайн-платформами и социальными сетями. Мультиплатформенный подход обеспечивает максимальную оперативность и расширение аудитории. Можно объективно констатировать, что проведенный в исследовании анализ приводит к следующим ключевым выводам: типологическая структура новостей устойчива к цифровым изменениям; производственные, визуальные, коммуникативные и технологические доминанты неразрывно связаны, критически влияя на восприятие. Интеграция традиционных и цифровых форматов, а также инфографики и нарративных приемов, повышает эффективность продукта.

На основании проведенного исследования сформулирован комплекс научно обоснованных рекомендаций, направленных на повышение объективного качества телевизионных новостей и усиление эффективности их рецепции аудиторией.

1. Оптимизация структуры и контента: рекомендуется четкое разграничение тематических сегментов (политика, экономика, социум) с одновременным увеличением удельного веса аналитических и глубоких сюжетных материалов. Принципиально важно обеспечить релевантный баланс между информационным и развлекательным контентом, учитывая интересы ключевых демографических групп.
2. Усиление визуальной экспрессивности: необходимо активное задействование инфографики, верифицированных диаграмм и карт для наглядной экспликации комплексной информации. Целесообразно применять разнообразные планы и аутентичные архивные материалы для формирования динамического нарратива, а также разработать унифицированный визуальный стиль для повышения идентифицируемости бренда.
3. Совершенствование коммуникативных стратегий: рекомендована разработка четкой нарративной архитектуры сюжетов (введение, часть, заключение) и использование адаптированной интонационной модальности ведущих, сбалансированных комментариев и компетентных экспертных заключений. Следует методично применять фрейминг для акцентирования событий, строго избегая манипуляции.
4. Интеграция цифровых технологий: ключевым аспектом является обязательное внедрение мультиплатформенного распространения контента (соцсети, приложения, онлайн-версии). Полезно использовать автоматизацию процессов монтажа и титрования для повышения оперативности, а также раз-

рабатывать короткие видеонарезки и интерактивные материалы для вовлечения цифровой аудитории.

5. Повышение профессионализма персонала: предполагается систематическое обучение журналистов и редакторов передовым технологиям визуализации, фактчекинга и эффективного нарративного построения. Необходимо внедрение методик анализа аудиторских предпочтений для своевременной корректировки подачи.
6. Мониторинг и оценка эффективности: требуется систематический анализ рейтинговых показателей, уровня вовлеченности и структурированной обратной связи. На основе полученных аналитических данных необходима оперативная корректировка структуры и доминант, а также разработка эффективной системы внутреннего контроля качества. Внедрение представленных рекомендаций позволит существенно повысить информативность, визуальную и коммуникативную привлекательность новостных выпусков, оптимизировать производственные процессы и значительно расширить охват аудитории.

Выводы. В данной статье проведен всесторонний анализ телевизионных новостей как медиатекста, определивший их типологические особенности и процессуальные доминанты, формирующие специфику производства и восприятия. Были установлены ключевые категории новостей (политические, социальные, экономические и др.) и структура их презентации (ленты, сюжеты, аналитика), обеспечивающие комплексное информирование.

Определены основные этапы производства (сбор, верификация, монтаж, контроль) и проанализирован комплекс визуальных, коммуникативных и технологических доминант (включая цифровизацию), способствующих высокой информативности и вовлечению аудитории.

В результате проведенного исследования, можно объективно констатировать, что телевизионные новости - это динамичный и комплексный медиатекст, функциональность которого обусловлена его типологией и процессуальными доминантами, что имеет теоретическую и практическую значимость для совершенствования вещания.

Список литературы:

[1] Лапук Е.В. Характеристики содержания и формы телевизионных новостей в условиях циф-

ровизации: дис. ...канд. филол. наук. М. 2024. 180 с.

[2] Быков Д.В. Телевизионные новости: от информации к развлечению // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т.11. № 3. С. 528-544.

[3] Проскурнова Е.Л. Методы повышения популярности новостного телевидения в условиях дигитализации: дис. ...канд. филол. наук. М. 2021. 263 с.

[4] Громова Е.Б., Ершов Ю.М. Смысловые структуры телевизионных новостей // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 280-297.

[5] Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С.157-170.

[6] Никольская Э.С., Макеенко М.И. Формы подачи информации в новостном вещании: практики российских телеканалов // Медиаальманах. 2020. № 2. С. 48-59.

[7] Алиева М.М. Современные тенденции и перспективы развития круглосуточной новостной телевизионной журналистики: на примере телеканала «Россия 24»: дис. ...канд. филол. наук. М. 2015. 165 с.

References:

[1] Lapuk E.V. Characteristics of the content and form of television news in the context of digitalization: dis.... cand. philol. sciences. M. 2024. 180 s.

[2] Bykov D.V. Television news: from information to entertainment//Questions of the theory and practice of journalism. 2022. T.11. № 3. S. 528-544.

[3] Proskurnova E.L. Methods of increasing the popularity of news television broadcasting in conditions of digitalization: dis.... cand. philol. sciences. M. 2021. 263 pp.

[4] Gromova E.B., Ershov Yu.M. Semantic structures of television news//Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2020. №. 68. S. 280-297.

[5] Volkova I.I., Proskurnova E.L., Chan T.T.Z. On the prospects of news television: materials of in-depth interviews//Scientific dialogue. 2021. № 3. P.157-170.

[6] Nikolskaya E.S., Makeenko M.I. Forms of information presentation in news broadcasting: practices of Russian TV channels//Medialmanakh. 2020. № 2. S. 48-59.

[7] Aliyev M.M. Current trends and prospects for the development of round-the-clock news television journalism: on the example of the TV channel "Russia 24": dis.... Cand. philol. sciences. M. 2015. 165 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-385-391

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

БАШИРОВА Анастасия Руслановна,
аспирант кафедры международного частного права
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», адвокат,
e-mail: Patronova.anastasian@gmail.com

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ СПОРА О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ, ПЕРЕДАННОГО В ИНОСТРАННЫЙ ТРАСТ

Аннотация. Определение применимого права является одной из ключевых задач при рассмотрении споров, осложненных иностранным элементом. Актуальность темы исследования обусловлена неизвестностью российской правовой системе понятий траст и бенефициарная собственность, а также отсутствием самостоятельной коллизионной привязки, позволяющей суду однозначным образом разрешить имеющуюся коллизию. По мнению, автора статьи при разрешении споров о разделе имущества, переданного в иностранный траст, происходит расщепление статута – а именно, правила определения права к имущественным отношениям супругов, предусмотренные п. 1 ст. 161 Семейного Кодекса Российской Федерации, не подлежат распространению на статус имущества, находящегося в иностранном трасте.

Ключевые слова: траст, бенефициарная собственность, раздел общего имущества супругов, иностранный элемент, применимое право, конфликт квалификаций, Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам, и признании трастов 1985 года.

BASHIROVA Anastasia Ruslanovna,
graduate student of the Department of International
Private Law, FSAEI HE “O. E. Kutafin Moscow State
Law University (MSLA),” lawyer

THE PROBLEM OF DETERMINING THE APPLICABLE LAW IN A COURT’S CONSIDERATION OF A DISPUTE REGARDING THE DIVISION OF MARITAL PROPERTY TRANSFERRED TO A FOREIGN TRUST

Annotation. Determining the applicable law is one of the key tasks when considering disputes complicated by a foreign element. The relevance of this research topic stems from the unfamiliarity of the concepts of trust and beneficial ownership in the Russian legal system, as well as the lack of a separate conflict-of-laws framework that would allow the court to unambiguously resolve the conflict. According to the author, when resolving disputes regarding the division of property transferred to a foreign trust, the statute is fragmented—specifically, the rules for determining the right to property relations between spouses, as stipulated by paragraph 1 of Article 161 of the Family Code of the Russian Federation, do not apply to the status of property held in a foreign trust. The author believes it is reasonable to use the provisions of paragraph 2 of Article 1186 of the Civil Code of the Russian Federation on the closest connection as a guiding principle in choosing the applicable law when determining the status of property held in a foreign trust.

Key words: trust, beneficial ownership, division of marital property, foreign element, applicable law, conflict of qualifications, The Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and the Recognition of Trusts, 1985.

Рассмотрение споров, осложненных иностранным элементом, связано с необходимостью разрешения такого вопроса как выбор применимого права к правоотношениям, являющимся предметом судебного разбирательства. Г.К. Дмитриева пишет: «Иностранный элемент — это не только фактическое обстоятельство, но и юридическое понятие, формирующее состав правоотношения. Как таковой он является элементом права того государства, которому принадлежит. В результате разные элементы одного правоотношения находятся в сфере действия права разных государств» [2].

Понятие иностранного элемента применительно к имущественным отношениям супругов включает в себя три составляющих, а именно: субъект (супруги либо один из них являются иностранными гражданами); объект (общее имущество супругов находится за пределами Российской Федерации); юридический факт (спорные правоотношения возникли за пределами Российской Федерации). Непосредственно в судебных спорах о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст, являющихся предметом настоящего исследования, в качестве иностранного элемента подлежит квалификации нахождение имущества в иностранной правовой структуре — трасте, неизвестной отечественному правопорядку.

Траст представляет собой правовую фидуциарную конструкцию [9], характерную для стран общего права [13], суть которой заключается в передаче учредителем принадлежащего ему имущества доверительному собственнику (трасти), который в соответствии с условиями договора о создании траста осуществляет владение и пользование имуществом в интересах выгодоприобретателей, которые в свою очередь имеют бенефициарные права на переданное в траст имущество.

Согласно пункту 1 статьи 1186 третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и пункту 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» суды общей юрисдикции и арбитражные суды определяют право, применимое к правоотношению, на основании норм международного частного права в случае, когда участником гражданско-правового отношения является иностранное лицо либо гражданско-правовое отношение осложнено иным иностранным элементом, в том числе когда объект гражданских прав находится за границей [14].

Таким образом, задача по определению права, применимого к разделу общего имущества супругов, находящегося в иностранном трасте, возложена на суд. В отсутствие выбора примени-

мого права сторонами правоотношения и унифицированных материальных и коллизионных норм, содержащихся в международных договорах (конвенциях), суд определяет применимое право на основании внутренних коллизионных норм.

Нельзя не согласиться с мнением Галины Юрьевны Федосеевой о том, что брачно-семейные отношения международного характера, имеющие частноправовую природу, являются объектом регулирования специальной системы национальных коллизионных норм Российской Федерации [12]. Основной коллизионной нормой, определяющей выбор применимого права к правоотношениям супругов, являются положения статьи 161 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ).

Так, в соответствии с указанной нормой личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства (статут имущественных и личных неимущественных правоотношений супругов). В литературе авторы обращают внимание на то, что СК РФ не прибегает к общему понятию личного закона, то есть основываясь на законах страны гражданства физического лица, а определяет подлежащее применению право по каждому виду семейных отношений [6].

Предположим, супруг в период брака передал принадлежащие ему корпоративные активы (доли в хозяйственных обществах, ценные бумаги) в траст, созданный в соответствии с правом Республики Кипр, по которому супруг является одним из основных выгодоприобретателей. Обычным местом жительства супругов в период брака являлась Российская Федерация. В связи с невозможностью примирения и сохранения семьи супруга обратилась в российский суд с исковым заявлением о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества, включая имущество, находящееся в трасте. По правилу, установленному п. 1 ст. 161 СК РФ, суд определит в качестве права, применимого к имущественным правоотношениям супругов, право Российской Федерации, так как последним известным совместным местом жительства супругов является Российская Федерация.

Указанный подход нашел свое отражение в судебных постановлениях по делу о разделе имущества супругов Потаниных. Суды первой (Пресненский районный суд г. Москвы) и апелляционной инстанций (Московский городской суд), рассматривая спор о разделе общего имущества

супругов, находящегося в иностранном трасте, бенефициаром которого является ответчик (супруг), пришли к выводу о невозможности раздела бенефициарной собственности, так как «права бенефициаров на общие корпоративные активы супругов не могут быть отнесены к имуществу как в гражданско-правовом смысле (ст. 128 ГК РФ), так и в семейно-правовом смысле (п. 2 ст. 34 СК РФ)» [15].

Как следует из приведенных судебных постановлений к имущественным отношениям супругов при рассмотрении спора применялось законодательство Российской Федерации. Суд первой инстанции, с которым впоследствии согласился суд апелляционной инстанции, определил в качестве применимого именно его, руководствуясь тем, что: «бывшие супруги Потанины являются гражданами Российской Федерации и имеют место жительства на территории России. Из содержания нормы п. 1 ст. 161 СК РФ следует, что она подлежит применению вне зависимости от места нахождения имущества, которое истец просит признать общим имуществом супругов, то есть распространяется как на имущество, находящееся на территории РФ (акции ПАО «ГМК «Норильский никель»), так и на имущество, находящееся за рубежом (акции кипрской компании «INTERROS INTERNATIONAL INVESTMENTS LIMITED»)» [15].

Таким образом, рассматривая настоящий спор суды применили расширительное толкование положений п. 1 ст. 161 СК РФ, распространив их действие не только на имущественные отношения супругов, но и на режим имущества, находящегося в иностранном трасте. Полагаем, что решения судов по делу Потаниных приняты с нарушением закона, в том числе выбора применимого права к предмету судебного разбирательства.

Для ответа на вопрос о том, каким правом должен регулироваться вопрос раздела общего имущества супругов, переданного в иностранный траст, следует определить круг вопросов, подпадающих под регулирование п. 1 ст. 161 СК РФ, то есть определить статут имущественных правоотношений супругов. Термин статут является одним из ключевых терминов международного частного права, означающий круг правоотношений, регулируемых избранным правопорядком. Как отмечает профессор Оксана Викторовна Луткова, для отношений, регулируемых международным частным правом, типичной является ситуация, когда для разных «частей» отношения приходится выбирать применимое право, руководствуясь подходящими (специально предназначенными) для каждой такой «части» самостоятельными правовыми механизмами [5].

Понятие «статут» также встречается и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации – через понятие «вещный статут» раскрывается порядок выбора применимого правопорядка к праву собственности и иным вещным правам на недвижимое и движимое имущество [16].

Законодательство Российской Федерации не содержит прямого определения понятия «имущественные отношения супругов», упомянутого в ст. 161 СК РФ. Поэтому для его квалификации необходимо учитывать общие положения семейного законодательства Российской Федерации. В частности, согласно ст. 2 СК РФ семейное законодательство устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признание его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи. Обычно понятие «имущественные отношения супругов» принято распространять на отношения, охватываемые нормами главы 7 СК РФ «Законный режим имущества супругов».

По мнению И.Г. Медведева, для определения материальной сферы действия статута имущественных отношений супругов служат два фактора: «во-первых, предметом спора является имущество и, во-вторых, спорные правоотношения складываются между супругами, что согласуется с предметом регулирования СК РФ. Соответственно, в имущественных спорах между супругами следует всякий раз, когда обстоятельства дела к этому призывают, задаваться вопросом, идет ли речь о сложившихся непосредственно между супругами отношениях по поводу имущества, относящихся к семейным, или же об иных, не связанных с брачными, имущественных отношениях супругов с третьими лицами» [8].

Ученый выделяет круг вопросов, входящих в объем ст. 161 СК РФ: определение режима имущества супругов (общий, раздельный и проч.), правомочия супругов относительно этого имущества; ограничения прав супругов по распоряжению имуществом; ответственность супругов по долгам; определение долей супругов при разделе; основания прекращения и изменения режима имущества супругов, в частности допустимость заключения брачного договора [7]. Как отмечает О.Ю. Ситкова, обращает на себя внимание тот факт, что в данном перечне не называются вопросы, которые относятся к сфере действия вещного статута, указанные в ст. 1205.1 ГК РФ [10]. Таким образом, по мнению автора настоящего исследования, в п. 1 ст. 161 СК РФ, речь идет об организации имущественных отношений между супругами, то есть о возникающем режиме на имущество, приобретенное в период брака.

В.П. Звеков и Н.И. Марышева справедливо указывают на то, что «процесс преодоления коллизионной проблемы носит далеко не механический характер, сами же коллизионные нормы – и в этом одна из важнейших особенностей современного коллизионного права – перестают быть «нейтральными», «безразличными» по отношению к выбору с их помощью применимого права, подчиняя его выбор «запрограммированным» в коллизионных нормах, их содержанию и структуре приоритета» [6]. Тем самым, распространение действия статута имущественных отношений супругов, определенного в п. 1 ст. 161 СК РФ, на статус имущества, находящегося в иностранном трасте (То есть определять относится такое имущество или нет к составу совместно нажитого и является ли имуществом), является неправильным и не соответствует принципам выбора применимого права, предусмотренным Главой 66 ГК РФ. Тот факт, что «имущественные отношения между супругами» регулируются «законодательством их совместного места жительства» не означает, что режим всего общего имущества супругов должен подчиняться законодательству страны их последнего места жительства.

Имущественные правоотношения, возникающие у каждого из супругов по отдельности или у них совместно с третьими лицами, например с доверительным собственником – трасти (первичные отношения), не являются семейными, а носят самостоятельный характер, так как являются в широком смысле гражданско-правовыми, имеют собственное правовое и фактическое содержание, обусловленное их правовой природой. Из этого, в частности, следует, что право, применимое к основаниям возникновения имущественных прав у супругов или одного из них, должно определяться на основе иных коллизионных норм, отличных от правил пункта 1 статьи 161 СК РФ. Таким образом, использование коллизионной привязки, предусмотренной статьей 161 СК РФ, при регулировании раздела общего имущества супругов, переданного в иностранный траст, является неточным.

Тем самым, при определении применимого права в спорах о разделе совместно нажитого имущества супругов, переданного в иностранный траст, происходит расщепление статута: (1) к режиму имущества, приобретенного в период брака, подлежат применению положения п. 1 ст. 161 СК РФ: по справедливому мнению В.А. Канашевского «российское право, применимое к имущественным отношениям супругов, должно регулировать лишь следующие вопросы: саму концепцию «совместно нажитое имущество», правовой режим этого имущества (режим общей совмест-

ной собственности), механизм раздела этого имущества между супругами; (2) правовой режим находящегося в трасте имущества, должен определяться в соответствии с правом государства, применимым к трасту.

Несомненно, отсутствие в международном частном праве Российской Федерации специальной коллизионной привязки для траста приводит к принятию, как минимум, несправедливых судебных постановлений и необходимости обращения к замещающим критериям определения применимого права. При этом траст представляет собой комплексный правовой институт, сочетающий в себе признаки как вещно-правовых элементов, так и обязательственных, что приводит к неоднозначному выбору применимой к нему коллизионной привязки, существующей в российском международном частном праве. Рассмотрим наиболее релевантные варианты определения применимого права при рассмотрении в суде споров о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст:

- 1) Самым оптимальным решением, по мнению автора настоящего исследования, при выборе применимого права к отношениям, возникающим в связи с передачей имущества в иностранный траст, является определение такого права учредителем траста (супругами) в документах, учреждающих траст, а именно, в договоре об его создании (trust deed). Согласно ст. 1210 третьей части ГК РФ, предусматривающей автономный статут, стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Как отмечает И.Г. Медведев в пользу такого подхода свидетельствует договорная основа траста, возникающего из специфического соглашения, заключаемого между учредителем траста и доверительным управляющим в пользу бенефициара(-ов), хотя бы и порождающего вещно-правовые последствия [8]. Такой принцип, основанный на автономии воли лица, учреждающего траст, используется в качестве основного критерия определения применимого права и в универсальной Гаагской конвенции 1985 г. (ч. 1 ст. 6): «Траст должен действовать на основании права, избранного его учредителем (A trust shall be governed by the law chosen by the settlor)». При наличии у сторон судебного процесса или в случае возможности истребования судом документов, учреждающих траст (которые являются конфиденциаль-

ными) проблему выбора применимого права и дальнейшего рассмотрения спора удастся преодолеть.

Схожей позиции придерживается Д.В. Тариканов, по мнению которого в силу того, что соглашение об учреждении траста отвечает понятию договора в смысле российского коллизионного права, то применимой является коллизионная норма о договорном статуте, статья 1210 ГК РФ. При этом автор отмечает, что такое правило действительна до тех пор, пока соглашение об учреждении траста по тем или иным причинам не окажется в сфере действия иных коллизионных норм [11].

2) В.А. Канашевский, анализируя дело Владимира Слуцкера против Хэрон инвестментс лимитед, Саммит Трастиис лимитед, приходит к выводу о том, что для определения прав супругов «на активы таких компаний и трастов должно применяться право соответствующей страны, в которой учреждена компания или создан траст» [3]. Согласно статуту юридического лица, предусмотренному в ст. 1202 третьей части ГК РФ, личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо.

3) Как отмечалось ранее, траст сочетает в себе элементы обязательственного статута (управление доверительным собственником имуществом в интересах бенефициара) и вещного права (отчуждение учредителем траста собственности, передача ее в траст, наделение доверительного собственника вещными правами). Данный факт может приводить к использованию смежных коллизионных привязок, отражающих, например, связи траста с организационной структурой доверительного собственника (элементы обязательственного права) или самих активов (элементы вещного права). При такой расширительной квалификации траст может рассматриваться в качестве квазюридического образования, что позволяет обратиться для целей определения применимого права к личному статуту организаций, не обладающих правами юридического лица. Согласно ст. 1203 ГК РФ, под иностранной организацией понимается не только всякое организованное объединение лиц, но и всякий организованный имущественный комплекс, в том числе траст [1]. Личным законом иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, считается право страны,

где эта организация учреждена. При этом следует отметить, что по своей правовой природе траст не является организацией.

4) Согласно п. 2 ст. 1186 ГК РФ в случае невозможности определения права, подлежащего применению, необходимо обратиться к закону наиболее тесной связи (*proper law*). Данная коллизионная привязка относит конечный выбор применимого права на усмотрение суда, который на основе фактических обстоятельств дела и должен сделать вывод о существенности связей траста с конкретным правовым порядком для определения его материального права в качестве применимого.

Ученые отмечают, что в новейшем российском законодательстве, регулирующем отношения в сфере международного частного права, особую роль занимает концепция «наиболее тесной связи», которая подразумевает определение применимого права не на основе жестких правил, а индивидуально в каждом деле с учетом того, к какому правовому порядку спорное правоотношение «тяготеет» [17].

В отсутствие подходящей коллизионной привязки право, применимое к трасту и бенефициарной собственности, может, в частности, определяться на основании анализа всех относимых обстоятельств, связанных с учреждением и управлением трастом: где, когда, как и для чего учрежден траст, какого вида, кем и откуда управляется. В качестве дополнительного ориентира для определения критериев тесной связи, может использоваться инструментарий Гаагской конвенции 1985 года указавшей в ст. 7 на конкретные обстоятельства, с установлением которых связывается определение применимого права в отсутствие явного или подразумеваемого выбора учредителя траста, а именно: «а) место управления трастом, выбранное его учредителем; б) место нахождения траста; с) место жительства или место нахождения управляющего; д) задачи траста и места, где они должны быть выполнены» [18].

Нельзя не согласиться с мнением И.Г. Медведева о том, что «применимость критерия тесной связи зависит от отсутствия сведений о явном или следующем из обстановки выборе применимого права самим учредителем траста или невозможности выбора права с помощью иной коллизионной привязки. Переданное в траст одним из супругов имущество не может быть разделено между супругами только лишь в соответствии с правилами российского законодательства, поскольку российскому праву институт траста неизвестен и в России отсутствует право справедливости

(equity) как самостоятельная правовая система, регулирующая отношения между субъектами траста» [8].

Таким образом, законодательство Российской Федерации не содержит однозначного ответа на вопрос о праве, применимом к трасту при рассмотрении споров о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст. Считаем, что справедливым является исключение вопросов, непосредственно связанных с квалификацией траста и, как следствие, имущественных последствий в связи с его созданием из-под действия коллизионной привязки, предусмотренной ст. 161 СК РФ (право страны совместного места жительства супругов). В случае отсутствия выбора права учредителем траста при его создании, считаем наиболее эффективным использование принципа наиболее тесной связи. В качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правовым порядком российские суды могут использовать положения Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов 1985 года. Хотя Россия не участвует в Гаагской конвенции, её положения о выборе применимого к трастам права в определенном смысле могут рассматриваться в качестве обычая, о котором идет речь в п. 1 ст. 1186 ГК РФ.

Список литературы:

- [1] Абова Т. Е., Богуславский М. М., Светлана А. Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) – М. : Юрайт, 2004.
- [2] Дмитриева Г. К. Международное частное право (часть третья ГК РФ) : учеб. пособие. – М. : Юрист, 2002.
- [3] Канашевский В. А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование. – 2-е изд., доп. – М. : Международные отношения, 2019.
- [4] Лебедев С., Кабатова Е.В. Международное частное право : учебник : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / отв. ред. Е. В. Кабатова. – М. : Статут, 2015.
- [5] Луткова О. В. Расщепление статута в международном частном праве // Журнал российского права. – 2016. – № 4.
- [6] Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. – М. : Волтерс Клувер, 2007.
- [7] Медведев И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность. – 2-е изд. – М. : Волтерс Клувер, 2005.
- [8] Медведев И. Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. 2016. – № 8.

[9] Моисеев С. В. Эволюция производного иска в Великобритании // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 3.

[10] Ситкова О. Ю. Некоторые проблемные аспекты коллизионного регулирования имущественных отношений супругов // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 5.

[11] Тариканов Д. В. Конфликты квалификаций в международном частном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. – М., 2024.

[12] Федосеева Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2007.

[13] Smith L. Re-imagining the Trust. Trusts in Civil Law. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета, № 154, 17.07.2019 г.

[15] Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2016 по делу № 33-2311/2016 (№ 2-4315/15) // СПС Консультант-Плюс.

[16] Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

[17] Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова М.: Статут, 2015, С. 123.

[18] Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам, и признании трастов (HCCH 1985 Trusts Convention), принята Гаагской конференцией по международному частному праву 01.07.1985 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialisedsections/trusts> (дата обращения: 18.12.2025 г.)

References:

- [1] Abova TE, Boguslavsky M. M., Svetlanova A. G. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part three (itemized) - M.: Yurayt, 2004.
- [2] Dmitrieva G.K. International private law (part three of the Civil Code of the Russian Federation): study. manual. - M.: Lawyer, 2002.
- [3] Kanashevsky V. A. Offshore companies and trusts. Anti-offshore regulation. - 2nd ed., Add. - M.: International Relations, 2019.
- [4] Lebedev S., Kabatova E.V. International private law: textbook: in 2 vols. T. 2: Special part/rev. ed. E.V. Kabatova. - M.: Statute, 2015.

[5] Lutkova O. V. Splitting the statute in private international law//Journal of Russian Law. – 2016. – № 4.

[6] Marysheva N.I. Family relations with the participation of foreigners: legal regulation in Russia. - M.: Wolters Kluwer, 2007.

[7] Medvedev I. G. International private law and notarial activity. - 2nd ed. - M.: Wolters Kluwer, 2005.

[8] Medvedev I. G. Matrimonial property: testing by a trust (conflict of laws issues)//Law. 2016. – № 8.

[9] Moiseev S.V. Evolution of a derivative claim in the UK//Bulletin of the civil process. – 2025. – № 3.

[10] Sitkova O. Yu. Some problematic aspects of conflict of laws regulation of property relations of spouses//Family and housing law. – 2025. – № 5.

[11] Tarikanov D.V. Conflicts of qualifications in private international law: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.03. - M., 2024.

[12] Fedoseeva G. Yu. Marriage and family relations as an object of private international law of the Russian Federation: author. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. - M., 2007.

[13] Smith L. Re-imagining the Trust. Trusts in Civil Law. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2019 No. 24 "On the Application of Private International Law by the Courts of the Russian Federation" //Rossiyskaya Gazeta, No. 154, 17.07.2019

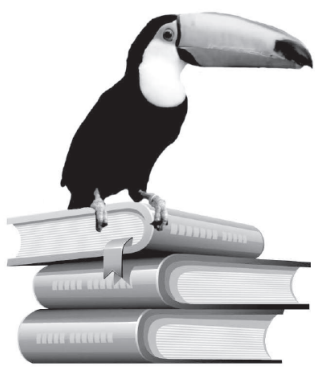
[15] Appellate ruling of the Moscow City Court of 22.01.2016 in case No. 33-2311/2016 (No. 2-4315/15)//SPS Consultant Plus.

[16] Clause 18 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2019 No. 24 "On the Application of Private International Law by the Courts of the Russian Federation."

[17] Private international law: Textbook. In 2 vols. T. 2: Special part/Rev. ed. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova M.: Statute, 2015, S. 123.

[18] The Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and the Recognition of Trusts (HCCH 1985 Trusts Convention), adopted by the Hague Conference on Private International Law 01.07.1985 [Electronic Resource]//URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialisedsections/trusts> (accessed 18.12.2025);

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-392-396

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova@gmail.com@yandex.ru

ИНСТИТУТ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса Федеральной службы судебных приставов России, изучению задач и целей федерального органа принудительного исполнения, рассмотрению комплексного подхода к выполнению требований исполнительного документа. Автор проводит глубокий анализ нормативной базы, определяющей порядок принудительного исполнения, изучены механизмы воздействия на должников, нацеленные на стимулирование исполнения требований исполнительного документа. Основной акцент сделан на раскрытии понятия института Федеральной службы судебных приставов России, выявляя его значимость в системе правосудия. Поднимается вопрос исторического развития института принудительного исполнения, начиная с периода правления русских князей и заканчивая современным периодом формирования службы судебных приставов после распада Советского Союза. Особое внимание уделено действующему законодательству, регулирующему данную сферу, таким как Федеральный закон №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон №118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Раскрывается понятие и различие меры принудительного исполнения и исполнительного действия. Анализируется комплекс мер, которые судебный пристав-исполнитель применяет при принудительном исполнении требований исполнительного документа. Приводится анализ правового основания окончания и прекращения исполнительного производства. Дается толкование понятия исполнительного производства, а также делается вывод об институте Федеральной службы судебных приставов России. Делается вывод о главных задачах и целях Федеральной службы судебных приставов России, отмечается важность работы ФССП России для правосудия современной России. Раскрываются принципы Федеральной службы судебных приставов России. Автор настоящей статьи делает вывод о месте Федеральной службы судебных приставов в современном российском праве, а также приводится понятие самостоятельного правового института – института Федеральной службы судебных приставов России.

Ключевые слова: ФССП России, семейное право, административное право, принудительное исполнение, исполнительный документ.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,
Professor, Doctor of Law,
Professor in the Department of Civil Law
at the Saint Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA IN ENFORCEMENT OF ENFORCEMENT DOCUMENTS

Annotation. This article examines the legal status of the Federal Bailiff Service of Russia, explores the objectives and goals of the federal enforcement agency, and considers a comprehensive approach to enforcing enforcement documents. The authors conduct an in-depth analysis of the

regulatory framework governing enforcement procedures and examine mechanisms for influencing debtors to encourage compliance with enforcement documents. The primary focus is on the conceptual framework of the Federal Bailiff Service of Russia, highlighting its significance in the justice system. The article explores the historical development of enforcement, from the reign of the Russian princes to the modern period of the bailiff service's development after the collapse of the Soviet Union. Particular attention is paid to current legislation regulating this area, such as Federal Law No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings" and Federal Law No. 118-FZ "On Enforcement Agencies of the Russian Federation." The article also explores the concept and distinction between enforcement measures and enforcement actions. This article analyzes the range of measures used by bailiffs to enforce the requirements of a writ of execution. It also analyzes the legal basis for terminating and terminating enforcement proceedings. It also defines the concept of enforcement proceedings and draws conclusions about the institution of the Federal Bailiff Service of Russia. It also discusses the main tasks and goals of the Federal Bailiff Service of Russia, noting the importance of its work for the justice system in modern Russia. The principles of the Federal Bailiff Service of Russia are also explored. This article considers the place of the Federal Bailiff Service in modern Russian law and introduces the concept of the independent institution of the Federal Bailiff Service of Russia.

Key words: Federal Bailiff Service of Russia, family law, administrative law, enforcement, writ of execution.

Целями настоящей статьи являются раскрытие правового статуса Федеральной службы судебных приставов России, изучение задач и целей федеральной службы принудительного исполнения, исследуется комплексный подход к исполнению требований исполнительного документа.

Анализируется нормативная база, регулирующая порядок принудительного исполнения, а также механизм воздействия на должников с целью побуждения их к исполнению требований исполнительного документа.

Основные задачи настоящей статьи заключаются в раскрытии правового статуса института Федеральной службы судебных приставов России.

Методологическую основу составили общенаучные методы познания: диалектический метод, исторический, логический; и частно-научные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие.

Первые упоминания о зарождении института принудительного исполнения относятся к периоду правления князей и допетровской России. Роль судебного пристава-исполнителя выполняли дружинники или иные чиновники княжеских земель, они собирали подать и налоги с населения, отнесенного к княжеству того князя, которому они служили.

Современная служба судебных приставов начала формироваться после распада СССР. В 1997 году был принят Федеральный закон «О судебных приставах», который определил статус, права и обязанности судебных приставов. В этом же году был принят федеральный закон № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве», который на законодательном уровне сформировал и опреде-

лил полномочия, а также порядок принудительного исполнения судебным приставом исполнительных документов. [2, С. 279-283].

Основополагающим федеральным законом для ФССП России является ФЗ №229 «Об исполнительном производстве»: именно этот закон регулирует основные направления и сферы принудительного исполнения, осуществляемые ФССП России.

Если федеральный закон №229 «Об исполнительном производстве» регулирует сферу ведения и исполнения исполнительных производств и связанных с ними вопросов, то федеральный закон №118 «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» рассматривает и регулирует порядок службы и осуществление службы органов принудительного исполнения.

Для правильного и всестороннего определения понятия института Федеральной службы судебных приставов России, следует рассматривать два приведенных выше закона, поскольку именно связь двух федеральных законов создает единый «механизм принудительного исполнения».

Ст. 2 ФЗ №229 Федерального закона «Об исполнительном производстве» определяет следующие задачи исполнительного производства. Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Анализируя приведенную статью федерального закона, можно сделать вывод и сформулировать понятие, что такое исполнительное производство.

Исполнительное производство – это комплекс мер и исполнительных действий, совершаемых судебным приставом-исполнителем при принудительном исполнении требований исполнительного документа. Исполнительное производство направлено на восстановление нарушенной справедливости, установлению порядка и защиты нарушенных прав граждан, юридических лиц, а также государственных органов.

Принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц возлагается на Федеральную службу судебных приставов, а также ее территориальные органы.

Исполнительный документ в общем понимании является документом, на основании которого происходит принудительное исполнение, то есть исполнение, не зависящее от воли и желания лица, которое должно совершить те или иные действия, содержащиеся в исполнительном документе.

Исполнительные документы могут быть следующих видов: исполнительный лист, выдаваемый судами РФ, судебный приказ, нотариальная надпись, постановления уполномоченных должностных лиц, и т.д.

Когда исполнительный лист поступает на принудительное исполнение в службу судебных приставов России, он подлежит анализу и изучению должностным лицом, к которому он попадает, а именно: судебный пристав-исполнитель должен установить, соответствует ли поступивший исполнительный документ требованиям, установленным ФЗ №229 «Об исполнительном производстве». Исполнительный документ должен содержать подпись и печать органа, его выдавшего, быть предъявленным без нарушений сроков для предъявления (по общим правилам срок предъявления исполнительного документа к исполнению 3 года с даты его выдачи, в отдельных случаях в течение года), дату принятия решения, сведения о должнике, взыскателе, дату выдачи исполнительного документа, и. т. д.

Если исполнительный документ отвечает всем требованиям, установленным ст. 13 ФЗ №229 «Об исполнительном производстве», судебный пристав-исполнитель выносит постановление о возбуждении исполнительного производства.

Судебный пристав-исполнитель также может вынести постановление об отказе в возбуждении исполнительного производства в случае, если: исполнительный документ предъявлен без заявления взыскателя, или указанное заявление не

подписано взыскателем (его представителем), за исключением случаев, когда исполнительное производство подлежит возбуждению без заявления взыскателя; исполнительный документ предъявлен не по месту совершения исполнительных действий; истек и не восстановлен судом срок предъявления исполнительного документа к исполнению и т. д.

При вынесении постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель направляет оригинал исполнительного документа с постановлением об отказе в возбуждении исполнительного производства в адрес взыскателя.

Федеральная служба судебных приставов России исполняет различные предметы исполнения, среди них: требования, содержащие имущественный характер (взыскание задолженности, штрафов, налогов, алиментных платежей и т. д.), требования неимущественного характера (выселение, вселение, установление порядка общения с ребенком, obligation совершения тех или иных действий, обращение взыскания на заложенное имущество, конфискация имущества в доход государства и т. д.).

Алиментные платежи на содержание несовершеннолетних детей подлежат взысканию с родителей на основании решения суда в случаях, когда брак заключался, или при отсутствии брачных правоотношений.

В начале XVIII в. Петр 1 установил новый брачный возраст: для юноши 20 лет, для девушки – 17 лет. [1, С. 167-169]. В современной России брачный возраст установлен ст. 13 Семейного кодекса РФ.

Совершенствование семейного права в силу того, что оно является социальной отраслью права, то есть отраслью права, в которой часть отношений регулируется нормами общественной морали и нравственности, необходимо производить с учетом данной специфики и с соблюдением баланса личных неимущественных отношений супругов и их имущественных отношений. [3, С. 117-127].

После возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель направляет запросы в регистрирующие органы на предмет получения сведений о должнике, по исполнительным производствам имущественного характера это сведения о доходах, имуществе, месте работы должника; для исполнительных производств неимущественного характера это -сведения о регистрации, сведения о выданных паспортах, актовые записи и т. д.

После поступления соответствующих ответов в рамках возбужденного исполнительного про-

изводства, судебный пристав-исполнитель применяет комплекс мер, направленных на принудительное исполнение. К ним относятся меры принудительного характера и исполнительные действия. Два этих механизма принудительного исполнения отличаются по своей правовой природе и регулируются разными статьями закона.

Ст. 68 ФЗ №229 «Об исполнительном производстве» определяет, что мерами принудительного исполнения являются действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащих взысканию по исполнительному документу.

Мерами принудительного исполнения согласно названной статьи являются:

- обращение взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги; обращение взыскания на периодические выплаты, получаемые должником в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений; изъятие у должника имущества, присужденного взыскателю; наложение ареста на имущество должника, находящегося у должника или у третьих лиц, во исполнение судебного акта об аресте имущества; принудительное вселение взыскателя в жилое помещение; принудительное выселение должника из жилого помещения и т. д.

Ст. 64 ФЗ №229 «Об исполнительном производстве» определяет, что исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с Федеральным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

К исполнительным действиям судебного пристава-исполнителя можно отнести следующие действия: вызов сторон исполнительного производства для дачи объяснений в рамках возбужденного исполнительного производства; запрашивание необходимых сведений в рамках исполнительного производства; производить розыск должника и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мера принудительного исполнения - это определенные действия, указанные в исполнительном документе, направленные на получение с должника имущества. Исполнительное действие - это комплекс мер, направленных на побуждение должника к исполнению требований исполнительного документа.

При применении комплекса мер (действий) принудительного исполнения судебный пристав-исполнитель также совершает следующие действия: выносит постановление о запрете на регистрационные действия в отношении транспортного средства, объектов недвижимости; постановление об объявлении исполнительного розыска должника (его имущества); постановление о временном ограничении на выезд должника за пределы РФ; постановление о временном ограничении на пользование специальным правом (пользование водительским удостоверением); обращение взыскания на доходы должника; вынесение постановления о взыскании исполнительского сбора и т. д.

При возбуждении исполнительного производства должнику отводится срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа. В соответствии с ФЗ №229 «Об исполнительном производстве» срок для добровольного исполнения по общим правилам устанавливается в течение 5 рабочих дней с момента получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, в случае немедленного исполнения исполнительного документа срок для добровольного исполнения не устанавливается.

В случае нарушения должником срока для добровольного исполнения судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора. Исполнительский сбор – это штрафная санкция, налагаемая на должника в случае неисполнения требований в установленный законом срок. Сумма исполнительского сбора по исполнительным производствам имущественного характера исчисляется от суммы долга, в размере семи процентов от суммы взыскания, но не менее одной тысячи рублей с должника-гражданина или должника - индивидуального предпринимателя, и десяти тысяч рублей - с должника-организации. В случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера исполнительский сбор с должника-гражданина или должника - индивидуального предпринимателя устанавливается в размере пяти тысяч рублей, с должника-организации - пятидесяти тысяч рублей.

Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет Российской Федерации.

Исполнительное производство может быть окончено или прекращено в зависимости от обстоятельств, послуживших для завершения исполнительного производства.

Исполнительное производство оканчивается, когда требования исполнительного документа исполнены в полном объеме; в случаях невозможности взыскания; возвращения испол-

нительного документа по требованию суда или иного органа, выдавшего исполнительный документ; в случаях признания должника банкротом и т. д.

Исполнительное производство прекращается в следующих случаях: смерти должника (взыскателя); утраты возможности исполнения требований исполнительного документа; отмены судебного акта, на основании которого был выдан исполнительный документ; внесения записи об исключении юридического лица (взыскателя-организации или должника-организации) из единого государственного реестра юридических лиц и т. д.

Прекращение исполнительного производства производится на основании решения суда, а также по инициативе судебного пристава-исполнителя. Исполнительный документ, по которому исполнительное производство прекращено, остается в материалах прекращенного исполнительного производства и не может быть повторно предъявлен к исполнению.

Федеральная служба судебных приставов России играет важную роль в системе правосудия и является завершающим этапом в восстановлении нарушенной справедливости и законности. Именно ФССП России восстанавливает нарушенную справедливость, поскольку главное – это исполнение выданных документов.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт Федеральной службы судебных приставов России – это государственный институт РФ, осуществляющий функции по принудительному исполнению требований исполнительного документа, восстановлению нарушенной справедливости. Институт ФССП России входит в отрасль административного права России.

Список литературы:

[1] Кириллова Т.К. История отечественного государства и права. Краткий курс. - СПб.: Питер, 2008. - С. 167-169

[2] Историческое развитие и становление службы судебных приставов России / Т. К. Кириллова, И. А. Беланов, Н. Н. Великая [и др.] // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2025. – С. 279-283. – EDN IJVOKB.

[3] Мазовка, Е. Н. Морально-этические аспекты долговых правоотношений супругов / Е. Н. Мазовка, В. И. Смирнов, Т. К. Кириллова // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 3(65). – С. 117-127. – DOI 10.35231/18136230_2021_3_117. – EDN YTSMXE.

References:

[1] Kirillova T.K. History of the domestic state and law. Short course. - St. Petersburg: Peter, 2008. - S. 167-169

[2] The historical development and formation of the service of bailiffs of Russia/T. K. Kirillova, I. A. Belanov, N. N. Velikaya [et al.]//Human rights activities in modern Russia: problems and their solutions: Collection of scientific works of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2025. - Samara: Volga Scientific Corporation LLC, 2025. - S. 279-283. – EDN IJVOKB.

[3] Mazovka, E. N. Moral and ethical aspects of spouse debt relations/E. N. Mazovka, V. I. Smirnov, T. K. Kirillova//Leningrad Law Journal. – 2021. – № 3(65). - S. 117-127. – DOI 10.35231/18136230_2021_3_117. – EDN YTSMXE.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-397-403

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

РАФИКОВ Роман Разитович,

Аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ro.rafikov@mail.ru

Научный руководитель:

КОСТЮК Николай Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Университет при МПА ЕврАзЭС,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНОСТРАННЫЕ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ПРОДАЖА БИЗНЕСА РОССИЙСКОМУ ЛИЦУ ИЛИ РЕДОМИЦИЛЯЦИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, возникающие при осуществлении сделок купли-продажи с участием резидентов «недружественных» государств и российских лиц. Исследованы законодательные акты по правовому регулированию таких сделок и редомициляции иностранных компаний в Российскую Федерацию. Осуществлена попытка систематизировать общую практику по вопросам редомициляции и сделкам купли-продажи с иностранным участием «недружественных» государств.

Ключевые слова: контрсанкции, «недружественные» государства; разрешение Правительственной комиссии; сделки купли-продажи; редомициляция.

RAFIKOV Roman Razitovich,

Graduate student of the Department
of Civil Law and Procedure, Saint-Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
Saint-Petersburg

Scientific supervisor:

KOSTYUK Nikolay Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
University under the IPA EurAsEC

FOREIGN COMPANIES UNDER SANCTIONS: SALE OF A BUSINESS TO A RUSSIAN ENTITY OR REDOMICILIATION

Annotation. This article examines the issues that arise when conducting sales and purchase transactions involving residents of “unfriendly” states and Russian entities. Legislative acts regulating such transactions and the redomiciliation of foreign companies to the Russian Federation are examined. An attempt is made to systematize common practices regarding redomiciliation and sales and purchase transactions involving foreign participation of “unfriendly” states.

Key words: counter-sanctions, “unfriendly” states; Government Commission approval; sales and purchase transactions; redomiciliation.

Современная геэкономическая ситуация в России характеризуется беспрецедентным двойным давлением. С одной стороны, западные страны во главе с США и ЕС последовательно ужесточают санкционный режим, вводя ограничения не только на торговлю и финансы, но и на все ключевые услуги и поставки. С другой — российские власти в качестве контрмеры вводят сложные регуляторные барьеры для операций с «недружественными» государствами, включая ограничения на вывод денежных средств и необходимость получения разрешений Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее – Правительственная комиссия) почти для всех видов сделок с «недружественными» государствами.

Таким образом, иностранные компании, которые осуществляют свою деятельность или планируют продолжать работать в России, стоят перед дилеммой: либо полностью уйти с рынка через продажу или ликвидацию, либо интегрироваться в российскую правовую систему, через институт редомициляции.

Выбор стратегии определяет не только судьбу активов, но и долгосрочные перспективы ведения дел в стране, поскольку он происходит в условиях «правовой битвы юрисдикций».

Так, санкции Запада и контрсанкции РФ создали беспрецедентную коллизию правовых систем, где классические корпоративные модели «теории определения личного закона юридического лица» перестали работать.

Доктрина выделяет четыре основные теории определения личного закона юридического лица:

1. Контрольная теория (теория контроля), в которой принадлежность (национальность) юридического лица тесно связана и определяется принадлежностью (национальностью) его учредителя (собственника). Применяется в США, где американское юридическое лицо означает, что его учредителем является американский гражданин.
2. Теория места деятельности, в которой национальность компании определяется преимущественным местом ее деятельности. Это одна из основных теорий определения личного закона юридического лица в Индии. В случае, если иностранная компания работает в Индии, то она должна соответствовать требованиям индийского законодательства в части ее, например, наименования, требований к учредителям.
3. Теория инкорпорации, где национальность компании определяется правом страны, в которой она зарегистрирована. Это в основном применимо для стран англосаксонской системы права и России.

4. Теория оседлости или реального офиса, в которой национальность организации определяется местом нахождения ее административного центра или органов управления. Данная теория определения личного закона используется в континентальной системе права.

Санкционный кризис обнажил уязвимость в теории инкорпорации, когда формальная регистрация в «дружественной» юрисдикции перестала быть гарантией функционирования, и актуализировал четвертый подход – теорию оседлости, лежащий в основе политики РФ по возвращению корпоративного контроля, после введения РФ антисанкционных мер.

Тем самым, наблюдаемый процесс знаменует собой сдвиг от теории инкорпорации к доминированию теории оседлости или реального офиса в ее жесткой, принудительной форме. Государство через санкции и контрсанкции деформирует классические корпоративные конструкции, требуя физического и юридического присутствия капитала на своей территории.

Таким образом, путь иностранных компаний в России ведет не к простому выбору между «уйти» или «остаться», а к фундаментальному решению о смене корпоративной юрисдикции и, как следствие, — политико-правовой идентичности. Эпоха глобализованных, «неприкасаемых» транснациональных структур в российском правовом поле завершилась, уступив место национализированного корпоративного резидентства.

Под контрсанкциями или антисанкциями понимают комплекс мер (или отдельных, не связанных между собой мер), принятые в форме нормативно-правовых актов, вводящих запреты и ограничения (или, наоборот, устанавливающих послабления и дающих отдельные льготы), правила, целью которых является купирование негативных последствий иностранных рестрикций [1].

Российский Центр стратегических разработок (ЦСР) в октябре 2022 г. выпустил отчет, в котором было изучено 5000 иностранных компаний [6].

Как отмечается исследователями из ЦСР, на начало сентября 2022 г. 34% крупнейших иностранных компаний, оперировавших в России, сократили деятельность в стране, 15% прекратили работу путем передачи своих бизнесов новым владельцам, а 7% объявили о полном уходе. Согласно результатам исследования, среди компаний, которые решили продать свой бизнес в России, 33% уже передали его новым собственникам, 34% находятся в процессе передачи, а 33% ищут покупателя [2].

Также согласно исследованиям Дувакина Н., можно увидеть, что продажа юридического лица иностранными компаниями «недружественных»

государств местному покупателю в большей степени характерна для сферы консалтинга; приостановка деятельности иностранными компаниями «недружественных» государств – для фармацевтических компаний и торговых компаний; выход иностранных компаний «недружественных» государств из совместных предприятий с российскими юридическими лицами – для автомобильных, нефтегазовых и нефтесервисных компаний; модель «мягкого» или выборочного выхода, при которой компании сохраняют участие в наиболее значимых стратегических активах, характерна для торговых и финансовых компаний; а ликвидация, как и продажа местному менеджменту, предпочтительна для производителей потребительских товаров и продовольственных компаний.

Совершение сделок купли-продажи с иностранным участием, в частности с лицами «недружественных» иностранных государств, в условиях действующего санкционного регулирования обуславливает возникновение ряда специфических проблем.

Ключевым препятствием становятся регуляторные и административные ограничения, установленные указами Президента РФ, которые приняты в рамках антисанкционных мер.

Так, Указом Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» установлено ограничение свободы договора в сделках с участием иностранных компаний «недружественных» государств.

Происхождение ограничения свободы договора лежит не в плоскости доктринального развития права, а является ситуативным ответом на принудительный вывод иностранных инвестиций под давлением санкций.

Данному ограничению, несмотря на отсутствие в Указе № 618 фиксированного срока, присуща временная природа. Его действие носит условный характер и поставлено в зависимость от сохранения обуславливающих его экстраординарных обстоятельств — режима внешнего санкционного давления.

Главной особенностью такого механизма является его высокая степень нормативной адаптивности и оперативной гибкости, которая обеспечивается динамичным изменением критериев и имеет гибкую форму правового регулирования (указ Президента).

Таким образом, установление ограничения в форме указа Президента РФ, а не федерального закона, изначально предоставляет регулятору возможность для быстрого изменения, уточнения или отмены данного режима в ответ на изменение внешнеэкономической конъюнктуры.

Кроме того, согласно другому Указу Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» был введен особый порядок проведения сделок с резидентами «недружественных» стран. Теперь такие сделки требуют обязательного получения разрешения от Правительственной комиссии.

Порядок выдачи разрешений Правительственной комиссией и перечень сделок, для которых требовалось такое разрешение, устанавливается постановлением Правительства РФ от 6 марта 2022 года № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации».

Вместе с тем, сами условия совершения сделок с иностранными лицами недружественных государств устанавливаются не федеральным законом или указом Президента РФ, а протоколами Заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Так, например, в соответствии с выпиской из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 15 октября 2024 г. № 268/1 установлены следующие обязательные условия совершения таких сделок: продажа активов с дисконтом в размере не менее 60 % от рыночной стоимости; наличие обязательства по осуществлению добровольного направления в федеральный бюджет денежных средств в размере не менее 35 % от рыночной стоимости соответствующих активов.

Сами протоколы заседания Правительственной комиссии, как правило, не публикуются и являются конфиденциальными. Официально публикуются только выписки из протоколов заседания Правительственной комиссии на официальном сайте Минфина РФ (<https://minfin.gov.ru/ru/permission/>).

Таким образом, действующее законодательство не содержит нормативно установленного срока проведения процедуры согласования подобных сделок. Срок действия самого выдаваемого

мого разрешения Правительственной комиссии также не регламентирован на законодательном уровне.

Ключевой особенностью процесса совершения и заключения таких сделок, является гибкое и ситуативное административное правовое реагирование, которое подстраивается под конкретные введенные РФ антисанкционные меры.

В то время как институт редомициляции в российском праве демонстрирует более эффективное сочетание продуманного законодательства, либерального налогового режима и стратегического позиционирования в стимулировании возврата под российскую юрисдикцию бизнеса, находящегося под иностранной юрисдикцией, но имеющего российское происхождение.

Таким образом, основными бенефициарами редомициляции в РФ выступают компании с российскими активами, чья экономическая деятельность объективно подвержена рискам в связи с действующими или потенциальными ограничительными мерами, что обуславливает их потребность в репатриации и защите юрисдикционного суверенитета в рамках национального правового поля.

Возвращение бизнеса в Россию повышает устойчивость к санкциям, но имеет свои трудности. Например, обратная редомициляция из Российской Федерации международной компании в другую иностранную юрисдикцию требует специального разрешения российских властей, критерии получения которого не разглашаются и действующим законодательством не установлены.

Современная правовая политика в области редомициляции характеризуется существенной либерализацией, что выражается в принятии ряда поправок и временных регуляторных решений, направленных на упрощение процедуры смены корпоративной юрисдикции. Однако на фоне этого наблюдается сдерживающий эффект, обусловленный правовыми рисками ретроспективного характера. Крупные корпорации, завершившие процесс редомициляции, сталкиваются с угрозой принудительного изъятия активов в пользу государства вследствие правонарушений, совершенных до их перерегистрации в российской юрисдикции.

В качестве примера можно привести прецеденты с компаниями «Русагро» и аэропортом «Домодедово». Ключевым сдерживающим фактором выступает расширительное толкование норм о сроках исковой давности и пресекательных сроках, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации, что порождает правовую неопределенность и повышает риски применения мер государственного принуждения даже в случаях редомициляции.

Также стоит обратить внимание на исключительный пример, когда продовольственная компания O'KEY Group S.A. параллельно с процессом редомициляции заключила сделку купли-продажи своих активов российскому менеджменту сети гипермаркетов «ОКЕЙ», а именно: ООО «РБФ Ритейл».

В предмет сделки купли-продажи включена вся операционная инфраструктура гипермаркетов «ОКЕЙ», включая стационарные торговые объекты, цифровую торговую платформу, исключительные права на товарные знаки, логистические мощности, а также иные материальные и нематериальные активы, непосредственно связанные с деятельностью данного бизнес-направления.

Вместе с тем, в рамках сделки купли-продажи активов O'KEY Group S.A., находящейся на территории Великого Княжества Люксембург, помимо одобрения сделки Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации, получила соответствующее одобрение и от Правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями в Российской Федерации.

Сделки купли-продажи между российскими компаниями и иностранными компаниями «недружественных» государств, могут осуществляться на основании разрешений, выдаваемых Правительственной комиссией, а в некоторых исключительных случаях – только с согласия Президента РФ, когда как сделки купли-продажи, приводящие к установлению контроля иностранного инвестора (независимо от юрисдикции) над хозяйственным обществом, осуществляющим стратегическую деятельность, требуют получения предварительного согласия Правительственной комиссии.

Тут нужно отметить, что предварительные согласия и разрешения Правительственной комиссии имеют разную правовую природу, цели и условия применения.

Разрешение Правительственной комиссии требуется и устанавливается согласно указов Президента РФ, включая Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления отдельных видов сделок между некоторыми лицами», если одна из сторон сделки является лицом из «недружественной» юрисдикции или находится под контролем указанных иностранных лиц, и имеет ряд особенностей, в том числе и от согласия на совершении сделок по статье 157.1 ГК РФ.

Согласия на совершение сделки согласно ст.157.1 ГК РФ, куда также относится предварительное согласие Правительственной комиссии, представляют собой правовой механизм, направленный на защиту публичных интересов, и установленных федеральными законами в качестве элемента специальных разрешительных проце-

дур, в то время как разрешения Правительственной комиссии установлены подзаконными актами.

Например, для совершения ряда сделок слияний или присоединений коммерческих организаций требуется предварительное согласие антимонопольного органа (ст. 27–29 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Аналогично, ст. 4, 7 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», которые устанавливают необходимость получения предварительного согласия специально созданной Правительственной комиссии.

С точки зрения гражданского права на первый взгляд, как представляется, разрешение Правительственной комиссии возможно было бы квалифицировать в качестве согласия на совершение сделки [3].

Вместе с тем возникает правовая коллизия: требование о получении согласия по смыслу п. 2 ст. 157.1 ГК РФ может быть введено исключительно законом. Так, в силу ст. 71 Конституции РФ и п. 2 ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство относится к федеральному уровню и состоит из ГК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов [4].

Однако необходимость разрешения Правительственной комиссией установлена подзаконными актами – указами Президента РФ согласно п. 6 ст. 3 ГК РФ. Таким образом, при буквальном толковании закона, разрешение указанного органа не может быть квалифицировано как согласие на сделку в значении указанной нормы гражданского законодательства.

Следовательно, разрешение Правительственной комиссией целесообразно квалифицировать как исключительный административно-дисcretionный механизм, чуждый классической конструкции гражданско-правовых действий. Ключевое отличие заключается в отсутствии для него нормативной регламентации условий и предмета предварительного или последующего согласования, что характерно для стандартного института.

Получение предварительного согласия Правительственной комиссии по сделкам купли-продажи с иностранным элементом связано с целью контроля иностранных инвестиций в стратегические общества для обеспечения обороны и безопасности государства и направлено на любого иностранного инвестора независимо от юрисдикции, в то время как получение разрешения Прави-

тельственной комиссии по сделкам купли-продажи, где одна из сторон сделки является лицом из «недружественной» юрисдикции, связано с целью ограничение сделок с «недружественными» иностранными государствами в ответ на санкции (контрсанкционные меры).

Таким образом, разрешение Правительственной комиссии на сделки с долями и/или акциями является административно-правовым по форме, но частно-правовым по последствиям актом. Его выдача или отказ создают для сторон особое юридическое состояние, выступающее необходимым предварительным условием действительности будущей гражданско-правовой сделки, что формирует уникальный смешанный публично-частный правовой режим оборота иностранных активов.

Кроме того, необходимо обратить внимание, что сделки с активами компаний, принадлежащих резидентам «недружественных» иностранных государств, рыночная стоимость которых превышает 50 млрд рублей, требуют обязательного согласия Президента Российской Федерации в соответствии с выпиской из протокола заседания Подкомиссии Правительственной комиссии от 15 октября 2024 г. N 268/1.

Вместе с тем, текст опубликованного документа не содержит порядка, срока и форму такого согласия. Это создаёт правовую неопределённость в части реализации данного положения, не устанавливая ни механизм получения одобрения, ни его документального оформления. Подобный пробел в регулировании может привести к затруднениям в правоприменительной практике, поэтому для корректного исполнения данного указа требуется дальнейшее нормативное уточнение соответствующих процедур со стороны законодательных органов.

В этой связи необходимо обратить внимание на ситуации с компанией АО «Данон Россия», где Президент РФ отменил действие положения о временной передаче под управление Росимущества доли иностранного владельца в российской дочерней структуре французской молочной группы Danone путем подписания соответствующего указа Президента Российской Федерации от 13.03.2024 № 186 «О признании утратившими силу отдельных положений актов Президента Российской Федерации».

Таким образом, предполагается, что соответствующее согласие Президента Российской Федерации по сделкам с активами компаний, принадлежащих резидентам «недружественных» иностранных государств, в которых рыночная стоимость превысит 50 млрд рублей, будут также оформляться в соответствии с указом Президента РФ с применением аналогии закона.

Пункт 2 ст. 157.1 ГК РФ предусматривает, что субъектом, уполномоченным предоставить согласие, могут быть в зависимости от конкретных обстоятельств: третье лицо (например, арендодатель, дающий согласие на субаренду); орган юридического лица (например, согласие общего собрания участников общества на совершение крупной сделки); государственный орган или орган местного самоуправления (например, согласие государственного органа, как собственника имущества, на его отчуждение или согласие антимонопольного органа на осуществление сделки, влекущей экономическую концентрацию).

В ст. 157.1 ГК РФ, равно как и в ст. 173.1 ГК РФ, к числу субъектов, уполномоченных на предоставление согласия, относится в том числе государственный орган. При этом названные нормы охватывают любое согласие государственного органа, необходимое в силу закона для совершения сделки.

Однако, крайне важно не упускать принципиальное отличие двух видов согласий государственных органов: органа, который в силу закона дает согласие на совершение сделки как орган управления, реализуя свои функции публичной власти, так и органа, как участника гражданско-правовых отношений, который дает согласия в качестве сделок, а не административных актов.

В качестве основного критерия разграничения используется характер отношений сторон. Так, если частные отношения строятся на началах децентрализации, равенства субъектов и автономии воли, то в рамках публичного права правоотношения предполагают субординацию участников и основаны на властном подчинении одной стороны другой. Кроме того, в рамках гражданско-правовых отношений факт изъятия или отказа в предоставлении согласия затрагивает интересы соответствующего публичного правового образования как участника гражданско-правовых отношений и нередко связан с распоряжением принадлежащим ему имуществом [4].

Однако несмотря на то, что, реализуя компетенцию, государственный орган всегда действует от имени государства, нельзя отрицать наличия самостоятельной правосубъектности государственных органов [5].

По мнению В.В. Эмих, ценность категории правосубъектности заключается в том, что только при ее наличии возможно вступление государственного органа в правоотношения и возникновение конкретных субъективных прав и обязанностей [5].

В данном случае, Правительственная комиссия выступает как государственный орган управления, реализуя свои функции публичной власти

как в силу федерального закона, так и в соответствии с подзаконными актами – указами Президента РФ.

Согласно п. 73 Постановления Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» образование, реорганизация и упразднение правительственных комиссий и советов, определение их компетенции, утверждение их руководителей и персонального состава осуществляются Правительством.

Первоначально, Правительственная комиссия образована в соответствии с Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» для контроля.

Тем самым, к компетенции Правительственной комиссии относилось рассмотрение сделок с участием иностранных инвесторов, оценка соответствия инвестиционных проектов национальным интересам, так и принятия решения по вопросам продления срока исключения из иностранного реестра компании, переехавшей в специальный административный район в рамках редомициляции.

Впоследствии, к компетенции Правительственной комиссии были также отнесены полномочия по «конъюнктурному» регулированию отношений между участниками правового оборота сделок купли-продажи с иностранными лицами.

Под «конъюнктурным» регулированием понимается регулирование, которым определяется порядок совершения сделок между отдельными лицами и причины введения которого поставлены в зависимость от внешнего экономического фона.

Таким образом, правосубъектность Правительственной комиссии носит специальный характер, обусловленный её функциональным назначением: обеспечением национальной безопасности в сфере иностранных инвестиций и регулированием сделок с иностранным участием, поэтому необходимо закрепить за Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации статус как отдельного уполномоченного государственного органа РФ по соблюдению антисанкционного законодательства, включая формирование редомициляционно-репатриционной политики в рамках редомициляции компаний в Российскую Федерацию.

Также необходимо закрепить правовой статус и порядок обжалования решений Правительственной комиссии по контролю за осуществле-

нием иностранных инвестиций в Российской Федерации, выдаваемых в рамках получения разрешения по сделкам купли-продажи с иностранным участием, в том числе лиц из «недружественных» государств, поскольку в действующем законодательстве такой статус и порядок обжалования отсутствует.

«Конъюнктурное» регулирование отношений при совершении сделок купли-продажи с иностранным участием, в том числе лиц из «недружественных» государств, а также при редомициляции иностранных компаний в Российскую Федерацию, приводит трансформации такого правового регулирования от частно-правового к публично-правовому, в силу смены вектора регулирующего воздействия государства в пользу обеспечения публичных интересов.

Таким образом, происходит сдвиг от теории инкорпорации к доминированию теории оседлости: формальная регистрация более не гарантирует защиту, а физическое и юридическое присутствие капитала на территории Российской Федерации становится ключевым фактором для продолжения деятельности на территории России.

Иностранные компании, функционирующие в условиях действующего правового режима, сталкиваются с ограниченным набором стратегических альтернатив. В случае принятия решения о прекращении операционной деятельности их ожидает капиталоемкий и организационно сложный процесс отчуждения активов, что влечет за собой безвозвратную утрату конкурентных позиций и рыночной доли. Если же выбрана стратегия продолжения деятельности, ключевым инструментом становится редомициляция, выступающая в качестве механизма правовой интеграции и придания компаниям статуса, аналогичного национальным юридическим лицам. Однако данный путь обусловлен необходимостью полного соблюдения российских нормативных требований и несет в себе значительные риски как правового, так и репутационного характера.

Список литературы:

- [1] Зараев, П. А. Контрсанкционные ограничения свободы договора / П. А. Зараев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2024. – Т. 34, № 5. – С. 913-920.
- [2] Дувакин, Н. Выход иностранного бизнеса из России: анализ стратегий и оценка результатов / Н. Дувакин, Л. А. Исагалиева, А. Пантелеев // Корпоративные финансы. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 93-115.
- [3] Андреева, А. М. Правовые риски отсутствия разрешения Правительственной комиссии и

несоблюдения предусмотренных им условий осуществления сделок с акциями и долями в уставном капитале хозяйственного общества / А. М. Андреева // Юрист. – 2024. – № 10. – С. 15-21.

[4] Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации» (отв. ред. А.Г. Карапетов) («М-Логос», 2018).

[5] Эмих, В. В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение / В. В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – № 9. – С. 423-432.

[6] Prokudina E., Pleshakova E., Kitaev A. The picture of foreign business: you can't leave, you can't stay. [Kartina inostrannogo biznesa: uiti nel'zya ostat'sya]. [Internet]. Fond «Tsentr strategicheskikh razrabotok», 2022. (In Russ.) URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/7d7/sftonn_urobki28bulojpq8bufmb7gd3.pdf

References:

- [1] Zarayev, P. A. Counter-sanction restrictions on freedom of contract / P. A. Zarayev // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. - 2024. - Vol. 34, No. 5. - Pp. 913-920.
- [2] Duvakin, N. Exit of foreign business from Russia: analysis of strategies and assessment of results / N. Duvakin, L. A. Isagalieva, A. Panteleev // Corporate finance. - 2023. - Vol. 17, No. 3. - Pp. 93-115.
- [3] Andreeva, A. M. Legal risks of the absence of permission from the Government Commission and non-compliance with the conditions provided for by it for the implementation of transactions with shares and stakes in the authorized capital of a business entity / A. M. Andreeva // Jurist. – 2024. – No. 10. – P. 15-21.
- [4] Transactions, Representation, and Limitation Period: Article-by-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation” (ed. by A.G. Karapetyan) (“M-Logos”, 2018).
- [5] Emikh, V.V. Legal Capacity and Competence of State Bodies: the Content of Concepts and Their Relationships / V.V. Emikh // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2009. – No. 9. – P. 423–432.
- [6] Prokudina E., Pleshakova E., Kitaev A. The Picture of Foreign Business: You Can't Leave, You Can't Stay. [Internet]. Foundation “Center for Strategic Development”, 2022. (In Russ.) URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/7d7/sftonn_urobki28bulojpq8bufmb7gd3.pdf

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-404-408

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ДАУД Руслан Баширович,
соискатель кафедры теории государства и права
федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: RusSud@bk.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Аннотация. В статье привлекается внимание к проблеме содержания и структурной организации института гражданства с учетом законодательных новелл последних лет в российской правотворческой практике. Отстаивается идея о межотраслевом характере института гражданства в современном российском законодательстве. В структуре данного института предлагается выделять три относительно самостоятельные составляющие: конституционно-правовую, административно-правовую и уголовно-правовую. Доказывается единство и взаимодействие выделенных компонентов института гражданства посредством раскрытия их системных связей. Предлагается вывод проблемы понимания института гражданства в качестве межотраслевого массива российского законодательства на уровень общей теории права, поскольку отраслевой подход в исследовании гражданства имеет объективные ограничения и нуждается в общетеоретическом обобщении.

Ключевые слова: гражданство, межотраслевой институт законодательства, право на приобретение и прекращение гражданства, конституционное право на гражданство, административно-правовое регулирование отношений гражданства, санкция прекращения гражданства.

DAUD Ruslan Bashirovich,
Applicant of the Department of Theory of State and Law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education
“Saratov State Law Academy”

Scientific supervisor:
BELOUSOV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Law, Professor

INTERDISCIPLINARY CONTENT AND STRUCTURE OF THE INSTITUTE OF CITIZENSHIP IN RUSSIAN LEGISLATION: GENERAL THEORETICAL VIEW ON THE PROBLEM

Annotation. The article draws attention to the problem of the content and structural organization of the institution of citizenship, taking into account the legislative innovations of recent years in Russian law-making practice. The author argues for the interdisciplinary nature of the institution of citizenship in modern Russian legislation. The article proposes to distinguish three relatively independent components in the structure of this institution: constitutional law, administrative law, and criminal law. The author proves the unity and interaction of these components through the disclosure of their systemic connections. The article suggests that the problem of understanding the institution

of citizenship as an intersectoral array of Russian legislation should be addressed at the level of general legal theory, as the sectoral approach to the study of citizenship has objective limitations and requires general theoretical generalization.

Key words: *citizenship, intersectoral institute of legislation, right to acquire and renounce citizenship, constitutional right to citizenship, administrative and legal regulation of citizenship relations, sanction for the termination of citizenship.*

По проблеме определения отраслевой принадлежности института гражданства, его содержания и структурной организации не найдено однозначного и общепризнанного решения в отечественной юридической литературе. Сложность решения данной задачи и разнообразие теоретических позиций обусловлена объективной сложной природой и многоаспектной сущностью рассматриваемого правового феномена, различными методологическими подходами применяемыми исследователями, перманентным развитием и трансформацией института гражданства, его разнообразными системными связями с иными структурными частями российского законодательства и нормами международного права.

В советский период теории конституционного права критически оценивали позицию о межотраслевом характере содержания института гражданства, отмечая признавая одновременно наличие ряда норм иной отраслевой принадлежности [1, с. 15]. В современных условиях можно констатировать факт существенного увеличения числа норм административного права, обеспечивающих организационно и процедурно реализацию конституционных норм приобретения, изменения и прекращения гражданства, что требует учета не только в отраслевых правовых науках, но и надлежащего осмысления в общей теории права. На наш взгляд, последняя не уделяет должного внимания вопросам понятия, природы, содержания и структуры, а также места и роли института гражданства в системе российского законодательства. Думается, что системные связи между нормами конституционного и административного права за последние годы претерпели и продолжают претерпевать значительные качественные и количественные изменения, оживляя с новой силой интерес к дискуссии о межотраслевом строении института гражданства в российском праве.

Все большее число исследователей науки конституционного права признает содержательную и структурную неоднородность анализируемого института. В частности, Е.А. Дрогавцева в своем диссертационном исследовании, обращаясь к проблеме неоднородности нормативных предписаний института гражданства, делает вывод о его межотраслевом характере с указанием на преобладание и ведущую роль норм кон-

ституционного права в его структуре [2, с. 34-35]. Одновременно представители науки конституционного права обращают внимание на структурное строение данного института, выделяя в нем субинституты в виде, например: приобретения гражданства; прекращения гражданства; двойного гражданства; гражданства детей и иные [3, с. 137-141]. Однако вопрос о межотраслевых связях норм и субинститутов гражданства во многих работах по теории конституционного права остается не раскрытым либо ему не уделяется должного внимания. По нашему мнению, указание на то, что нормы конституционного права составляют ядро института гражданства, является излишне абстрактным и не позволяет решить проблему о межотраслевом балансе нормативных предписаний в рамках отмеченного сложного комплексного института. Представляет интерес возможное выделение в теории относительно обособленных субинститутов административно-правового содержания в общей структуре института гражданства и их связь с субинститутами конституционно-правового характера. С позиции общей теории права следует уделять внимание и связи общих конституционных норм со специальными отраслевыми нормативными предписаниями, регулирующими отношения гражданства.

В качестве межотраслевого сложного компонента российского законодательства в общетеоретическом ракурсе гражданство рассматривается в трудах Н.В. Витрука и В.Н. Калинина, что дополнительно свидетельствует о недостаточности узкоотраслевого взгляда на данный правовой феномен [4, с. 125; 5, с. 6].

Возвращаясь к воззрениям доктрины конституционного права, следует отметить понимание исследователями необходимости формирования более точного представления о гражданстве в качестве обособленного структурного образования в системе законодательства, но развернутая дефиниция ими зачастую так и не дается [6, с. 232]. Дискуссионным остается вопрос и о связи российских норм о гражданстве с предписаниями международного права. Так, Е.А. Дрогавцева следующим образом характеризует упомянутую связь: «особенности сущности института гражданства не могут определять нормы международного права, задачей которого в вопросах регулирования сферы гражданства является установление общих принципов и правовых границ действий

государств по соблюдению, защите и способов обеспечения гарантированности фактического действия регламентированных принципов» [2, с. 33]. Однако в условиях осложнения геополитической обстановки в мире роль и значение международного права в регулировании межгосударственных отношений подвергается пересмотру, что отражается и на практике реализации прав на гражданство в отдельных государствах, вовлеченных в вооруженные конфликты и (или) испытывающих проблемы в вопросах миграционной политики. Геополитический и миграционные факторы оказывают существенное воздействие на процесс трансформации содержания и структуры института гражданства во внутринациональном праве. Открытым остается вопрос о включении норм международного права во внутреннее содержание российского института гражданства.

В советский период предпринималась попытка обоснования включения норм о гражданстве в качестве субинститута конституционно-правового института общего правового статуса гражданина [7, с. 145], что в последующем не приобрело должной поддержки в отечественной юридической литературе, в которой возобладала точка зрения о самостоятельном характере института гражданства.

Отдельного рассмотрения заслуживает связь норм конституционного и административного права, регламентирующих отношения гражданства, поскольку без их взаимодействия полноценная реализация субъективных прав граждан на приобретение, изменение и прекращение гражданства не представляется возможной. Именно системное взаимодействие конституционных и административных нормативных предписаний и их совместная реализация составляют важнейшую часть механизма правового регулирования общественных отношений, связанных с гражданством.

В литературе высказано мнение, согласно которому конституционная составляющая института гражданства определяется преимущественно «институциональным» подходом и правоустанавливающим методом самого конституционного права как базовой отрасли в целом. В Конституции РФ закрепляются общие принципы гражданства, базовые права на приобретение, изменение и прекращение гражданства, а также юридические гарантии их реализации. При этом теоретики конституционного права справедливо отмечают необходимость в конкретизации и обеспечении конституционных положений нормами административного права, которые дополняют и организационно-процедурно содействуют реализации конституционных прав, а также предусматривают административные меры их охраны от возможных нарушений. Нельзя не согласиться со следующим

утверждением: «Однако следует учитывать тот факт, что отдельные отношения в сфере гражданства методологически обоснованно регулируются нормами административного права, что объясняется необходимостью оптимального соотношения предмета, целей, задач и методов конституционно-правового и административно-правового регулирования. Конституционное и административное право методологически взаимосвязаны друг с другом. Одно из магистральных направлений этой взаимосвязи – конкретизация конституционных норм в административном законодательстве, обеспечение эффективности публичного управления в сферах, очерчиваемых конституционным правом на уровне общерегулирующего подхода» [2, с. 48].

На наш взгляд, в рамках института гражданства весьма наглядно прослеживается межотраслевое взаимодействие норм конституционного и административного права, что требует внимания и дополнительного осмысления на уровне общей теории права. Установление границ предметов правового регулирования отраслей права и законодательства весьма проблематично без выхода на общетеоретический уровень рассмотрения вопроса. Следует признать, что материал для подобного рода обобщений достаточно активно нарабатывается именно представителями отраслевых наук в областях именно межотраслевого правового регулирования, примером которых выступают и отношения гражданства [8, с. 66; 9, с. 23; 10, с. 51].

Интересную и достаточно обоснованную теоретическую модель разграничения отношений гражданства, подпадающих под действие конституционного и административного права, предлагает Е.А. Дрогавцева. По ее мнению, предмет института гражданства в конституционном праве составляют такие компоненты, как: основополагающие принципы гражданства, понимаемого в аспекте устойчивой юридической связи гражданина и конкретного государства; конституционное право на гражданство, включающее в себя ряд правомочий и гарантии его реализации; конституционные средства обеспечения соответствия административных правовых норм, регламентирующих организацию и осуществление публичного управления в области отношений гражданства, предписаниям Конституции РФ. Все иные вопросы регулирования гражданства, с точки зрения автора, должны быть отнесены к предмету административного права [2, с. 49]. При этом исследователь стремится к четкому разграничению предметов двух указанных отраслей российского законодательства, что во многом оправданно.

Нам же представляется целесообразным вести речь о наличии в структуре межотраслевого

института гражданства двух важнейших субинститутов: 1) конституционно-правового содержания, устанавливающего общие принципы и нормы права на гражданство и его гарантии; 2) административно-правового содержания, включающего в себя управленческие и организационно-процедурные нормы, конкретизирующие и обеспечивающие реализацию конституционного субинститута гражданства. Тесное взаимодействие обозначенных субинститутов на практике образует единый механизм правового регулирования отношений гражданства, который разделить и отграничить на части полностью можно лишь в теоретической модели. Административно-правовая составляющая межотраслевого института гражданства призвана регламентировать статус и компетенцию федерального органа исполнительной власти, на которого возложены полномочия по управлению отношениями приобретения, изменения и прекращения гражданства. В настоящее время такими полномочиями наделено Министерство внутренних дел Российской Федерации.

В этой связи встает вопрос об отраслевой принадлежности Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [14], который оправданно разрешается рядом авторов посредством указания на тот факт, что он выступает одновременно источником и конституционного, и административного права. Как справедливо отмечает Е.А. Дрогавцева, «нормы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» было бы нецелесообразно делить «механически» на нормы конституционного или административного права» [2, с. 50]. Следовательно, единство норм административного и конституционного права не должно иметь искусственного разделения в теории, а для этого и необходима идея единого межотраслевого института гражданства в российском законодательстве, что подтверждает и содержание соответствующего закона о гражданстве.

В последнее время рассматриваемый нами межотраслевой институт гражданства помимо конституционно-правовой и административно-правовой составляющей предлагается отдельными авторами дополнить мерами уголовно-правовой охраны. В частности, сторонники подобного подхода в ряде случаев рассматривают санкцию прекращения гражданства в качестве меры уголовно-правовой ответственности [11, с. 49 - 53]. Другие же исследователи полагают необходимым трактовать прекращение гражданства в принудительном порядке как меру конституционно-правовой ответственности личности [12, с. 120 - 132]. Н.Е. Пирязева отмечает, что прекращение гражданства не является уголовным наказанием, но выступает в качестве особой меры, направленной на исключение из числа граждан натурализован-

ных лиц, совершивших уголовное преступление, с целью их дальнейшего выдворения за пределы государства [13, с. 111 - 121]. Эту позицию отражает и мнение А. Клишаса, который указывает, что такое прекращение применяется «после установления факта того, что целью приобретения гражданства являлось осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя России, а также когда заявитель сообщил заведомо ложные сведения в отношении обязательства соблюдать российское законодательство, что является мерой защиты суверенитета и правопорядка» [15].

Сторонники прекращения гражданства в качестве меры уголовной ответственности приводят в доказательство своей позиции законодательную практику ряда зарубежных стран, в которых подобная санкция применяется как крайняя мера за совершение отдельных категорий особо тяжких преступлений, например, против основ конституционного строя, национальной безопасности, в случаях государственной измены, а также за осуществление террористической деятельности. Одновременно исследователи ссылаются на нормы международного права. Так, авторы указывают: Венецианская комиссия, признала тот факт, что лишение гражданства лиц, причастных к террористической деятельности, не противоречит международным стандартам. Санкция принудительного прекращения гражданства как уголовно-правовая мера может назначаться в судебном порядке по уголовным делам [11, с. 50]. Думается, что рассмотрение проблемы уголовно-правовой охраны норм института гражданства требует своего дальнейшего исследования, в том числе и с позиции общей теории права, а практика ряда зарубежных стран по данному вопросу нуждается в дальнейшем критическом анализе.

С учетом изложенного, полагаем обоснованным и актуальным в современных условиях рассматривать институт гражданства в качестве сложного комплексного относительно самостоятельного массива норм в российском законодательстве, представляющего по своему содержанию и структуре межотраслевое образование, объединяющее в себе нормы конституционного, административного и отчасти уголовного права. Отдельного внимания также заслуживает проблема выделения миграционного права в качестве самостоятельной отрасли российского законодательства и его соотношения с межотраслевым институтом гражданства. В этой связи представляется необходимым выведение рассматриваемых проблемных вопросов на уровень общетеоретического исследования в юриспруденции, поскольку именно общая теория права призвана осуществлять обобщение отрас-

левого юридического знания, имеющего междисциплинарный характер для всей системы правовых наук.

Список литературы:

- [1] Баяки В. Социалистическое гражданство: актуальные теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1977.
- [2] Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и право на реализацию: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 273 с.
- [3] Российское гражданство / Под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
- [4] Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности М.: Норма, 2008. 447 с.
- [5] Калинин В.Н. Институт гражданства в российском праве (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 225 с.
- [6] Мещеряков А. В. Роль института гражданства в обеспечении конституционных прав и свобод личности (с позиции научных взглядов профессора И.Е. Фарбера) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (93). С. .
- [7] Михалева Н. А. Социалистическая Конституция (проблемы теории). М.: Юридическая литература, 1981. С. 145.
- [8] Кузнецов И.А. Гражданство Российской Федерации: понятие, сущность и юридическая природа // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2017. № 2. С. 66.
- [9] Лукьянова П.П. Еще раз о границе между предметами исследования наук конституционного права и административного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 23-28.
- [10] Резникова А.В. Административно-правовое регулирование гражданства РФ // Colloquium Journal. 2019. № 25. С. 51.
- [11] Багаутдинов Ф.Н. Новый вид преступности и вопросы российского гражданства // Законность. 2016. № 12. С. 49 – 53.
- [12] Коновалов Д.Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 3. С. 120-132.
- [13] Пирязева Н.Е. Дискуссионные вопросы применения института прекращения гражданства в качестве уголовного наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. № 2. С. 111-121
- [14] См.: Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. № 5. 03 мая 2023 г.
- [15] Клишас А. К вопросу о правовой природе механизма прекращения гражданства // Парламентская газета. 13 января 2023 г. URL: <https://www.pnp.ru/politics/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-mekhanizma-prekrashheniya-grazhdanstva.html> (дата обращения: 22.12.2025 г.).

www.pnp.ru/politics/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-mekhanizma-prekrashheniya-grazhdanstva.html (дата обращения: 22.12.2025 г.).

References:

- [1] Bayaki V. Socialist citizenship: actual theoretical and practical problems: abstract. dis.... doc. jurid. sciences. M., 1977.
- [2] Drogavtseva E.A. The right to citizenship: constitutional guarantees and the right to exercise: dis.... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2023. 273 pp.
- [3] Russian citizenship/Ed. V.Ya. Kikotya. M.: UNITY-DANA, 2009.
- [4] Vitruk N.V. General theory of the legal status of a person M.: Norma, 2008. 447 pp.
- [5] Kalinin V.N. Institute of Citizenship in Russian Law (general theoretical aspect): dis.... cand. jurid. sciences. M., 2002. 225 s.
- [6] Meshcheryakov A. V. The role of the institution of citizenship in ensuring constitutional rights and freedoms of the individual (from the standpoint of the scientific views of Professor I.E. Farber)//Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 4 (93). S.
- [7] Mikhaleva N. A. Socialist Constitution (problems of theory). M.: Legal literature, 1981. S. 145.
- [8] Kuznetsov I.A. Citizenship of the Russian Federation: concept, essence and legal nature//Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies. 2017. № 2. S. 66.
- [9] Lukyanova P.P. Once again about the border between the subjects of research of the sciences of constitutional law and administrative law//Constitutional and municipal law. 2022. № 2. S. 23-28.
- [10] A.V. Reznikova. Administrative and Legal Regulation of Citizenship of the Russian Federation// Colloquium Journal. 2019. № 25. S. 51.
- [11] Bagautdinov F.N. New type of crime and issues of Russian citizenship//Legality. 2016. № 12. S. 49-53.
- [12] Konovalov D.D. Termination of citizenship as a measure of constitutional and legal responsibility//Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. 2024. № 3. S. 120-132.
- [13] Piryazeva N.E. Discussion issues of the application of the institution of termination of citizenship as a criminal punishment//Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2025. № 2. P. 111-121
- [14] See: Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. № 5. 03 May 2023
- [15] Klishas A. On the legal nature of the mechanism for the termination of citizenship//Parliamentary newspaper. 13 января 2023 г. URL: <https://www.pnp.ru/politics/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-mekhanizma-prekrashheniya-grazhdanstva.html> (дата обращения: 22.12.2025 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-409-413

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЗАДОРЖНАЯ Евгения Владимировна,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса
АНО ВО «Московский Международный Университет» к.ю.н.,
e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

РОМАНОВА Галина Владимировна,

доцент департамента права института экономики, управления и права
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного
права и процесса АНО ВО «Московский Международный Университет»
к.ю.н., доцент,
e-mail: g_romanova@bk.ru

ТАРЗУМАНОВА Фатима Осман кызы,

студентка 2 курса ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина», Москва, Россия,
e-mail: i.tarzumanova@mmu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрен основополагающий институт гражданского права – корпоративное право. Законодательство в сфере корпоративного права должно иметь эффективные механизмы для исполнения обязанностей и реализации прав, а также защиты интересов прав акционеров и собственников. В настоящее время отсутствует эффективная система защиты интересов и прав участников корпоративных правовых отношений, которые были нарушены.

Ключевые слова: корпоративные правовые отношения, корпоративное законодательство, предпринимательская деятельность.

ZADOROZHNYA Evgeniya Vladimirovna,

Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure
ANO VO "Moscow International University", PhD in Law

ROMANOVA Galina Vladimirovna,

Associate Professor, Department of Law, Institute of Economics,
Management, and Law State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Moscow City Pedagogical University", PhD in Law, Associate Professor
Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure
ANO VO "Moscow International University", PhD in Law, Associate Professor

TARZUMANOVA Fatima Osman kyzy,

2nd year student Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University», Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF CORPORATE LEGISLATION IN RUSSIA

Annotation. This article examines corporate law, a fundamental institution of civil law. Legislation in the area of corporate law must provide effective mechanisms for fulfilling obligations and exercising rights, as well as protecting the interests of shareholders and owners. Currently, there is no effective system for protecting the interests and rights of participants in corporate legal relations that have been violated.

Key words: corporate legal relations, corporate legislation, entrepreneurial activity.

Корпоративное законодательство, действующее на современном этапе, основывается на проведенной реформе Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ), реализованной в 2014 году [1]. Принятые изменения определили базовые тенденции формирования корпоративного права. Их основой стала постановка задач приведения в соответствие законодательных требований, действующих на тот период, и норм ГК РФ. Можно согласиться с позицией О.В. Гутникова, который отмечает, что несмотря на принятые нормы, существенной модернизации корпоративного права не произошло [5; с. 60].

По своему содержанию корпоративное право направлено на аккумуляцию финансов для реализации предпринимательской деятельности. Кроме этого, могут решаться различные хозяйственные задачи, в том числе и масштабные, что оказывает свое влияние на экономическое развитие. Корпоративное право находится в центре государственного внимания. Предпринимаются попытки развития данной сферы. Серьезные изменения произошли в 2025 году.

Россия стремится модернизировать развитие своей экономики и удерживать лидирующие позиции на международном уровне. В то же время в период Советского союза корпоративному праву не уделялось должного внимания, а на сегодняшний день имеет место заимствование опыта иностранных государств. О необходимости совершенствования законодательных норм корпоративного права отмечал в своих работах И.Т. Тарасов [12; с. 130]. Проблемы имелись уже в начале 20 века, которые не разрешались длительный период. Подчеркивается, что в корпоративном праве долгое время не происходило существенных изменений.

Детализируя существующие сложности, стоит отметить наметившиеся тенденции к улучшению данной сферы. Например, редакция ГК РФ 2012 года [15] предусмотрела понятие корпоративных отношений, к которым причисляются отношения, связанные с управлением и участием в корпоративных организациях. Верную позицию по данным законодательным нормам высказал В.Ф. Яковлев, который отметил, что введение терминологии является основой для дальнейшей систематизации корпоративного права [17; с. 15]. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит подчеркнуть, что благодаря нововведению было определено место корпоративного права в гражданском праве. Оно приобрело статус подотрасли.

Обладает существенным значением для корпоративного права норма, вступившая в силу в 2015 году, предусмотренная в п. 3 ст. 307 ГК РФ [14]. Статья включала возможность использовать

общие требования, посвященные обязательствам, к корпоративным правовым отношениям. Однако перечисленные направления нельзя отнести к существенно новым. Они являются технико-юридическими, которые позволяют реализовать нормы ГК РФ, исключая возможные противоречия. В то же время требуется выработка подходов к решению задач по эффективному становлению корпоративного права Российской Федерации, отвечающего потребностям современного общества.

По мнению О.В. Гутникова, проведенная ранее реформа ГК РФ сформировала дальнейшее направление модернизации законодательства, посвященного корпоративному праву. В качестве тенденции к дальнейшему развитию стоит отнести детализацию способов защиты прав лиц, которые участвуют в корпорации. Действующие специальные законодательные нормы не должны противоречить требованиям ГК РФ [5; с. 70], который постоянно претерпевает изменения.

Так, например, новеллами 2025 года скорректированы правила, касающиеся хозяйственных обществ. С 1 августа 2025 года вступили в силу федеральный закон от 24.06.2025 № 178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» и федеральный закон от 07.07.2025 № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», скорректировавший соответственно, статьи в профильных законах.

Предыдущая редакция ГК РФ содержала прямой запрет для хозяйственных обществ становиться единственным участником хозяйственного общества, которое также состоит из одного лица. Такой запрет, имевший место несколько десятилетий, затруднял для юридических лиц возможность оптимизировать и приуменьшать суммы налоговых отчислений, побуждая предпринимателей включать в число участников общества лиц, номинально включенных в бизнес-процессы. Кроме того, возникали сложности в области налогообложения.

В действующей редакции ГК РФ скорректированы статьи 66 и 98, предусматривающие возможность для хозяйственного общества (АО или ООО) иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица, но с оговоркой: «... если иное не установлено законом».

Данное изменение не только не носит характер технической поправки, но имеет значение кардинальной трансформации правового регулирования в сфере развития корпоративного права. Исходной точкой трансформации в данной сфере стало предложение Российского союза промышленников и предпринимателей, озвученное еще в 2022 году, об отмене запрета на формирование так называемых «матрешечных» структур [18].

Таким образом, либерализация законодательства в данной сфере дает заинтересованным лицам гибкий инструментарий управления активами, структурирования бизнеса, снижения предпринимательских рисков. Все это особенно значимо в условиях санкций, когда преодоление трудностей становится возможным при принятии нестандартных решений.

По мнению председателя комитета Госдумы РФ по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям Сергея Гаврилова, ожидаемым эффектом является легализация гибких и эффективных механизмов управления крупными корпорациями, юридическое структурирование направлений деятельности юридического лица в целях упрощения корпоративного управления и минимизации издержек [19].

Предложим в качестве основной причины снятия запрета рассмотреть появление эффективного инструментария для установления контроля со стороны государства. Формирование многоуровневой структуры управления и собственности, с одной стороны, упрощает деятельность руководителей юридического лица по защите активов и управлению рисками. Это особенно актуально для проведения сделок по поглощению и слиянию, а также для привлечения инвестиций. В условиях санкций организация многоуровневых цепочек владения усложняет идентификацию конечного бенефициара иностранными регуляторами. Технологическое развитие российских контролирующих органов, между тем, позволяет минимизировать риск использования предпринимателями схем по незаконной оптимизации налогообложения [20].

При создании такой сложной структуры из нескольких хозяйственных обществ, состоящих из одного лица следует учитывать условие, которое сформулировано законодателем как запрет для руководителя общества-учредителя занимать аналогичную должность в подчиненном обществе. Кроме того, ст. 47 Федерального закона «Об акционерных обществах» была дополнена положением, упрощающим принятие решений в компаниях с единственным акционером. В таких случаях не потребуются нотариальное удостоверение решений, если иное не прописано в уставе.

Права акционеров не всегда надежно защищены в связи с законодательной неопределенностью корпоративного права. Данное положение дел компенсируется судебным порядком разрешения споров, однако, в этом случае существенно растягиваются сроки решения проблемы. Например, Обзор судебной практики Верховного Суда № 3 (2025), утвержденный 8 октября Президиумом Верховного Суда РФ, содержит положение о том, что «ничтожность решения общего собрания участников общества, совершенного в отсутствие нотариального удостоверения, не может быть определена судом, если оно исполнялось и отсутствуют обоснованные сомнения относительно факта принятия такого решения всеми участниками общества и его содержания» [21]. Как следует из Определения № 304-ЭС24-23525, рассматривалось дело по иску в арбитражный суд участника общества к обществу о взыскании задолженности по выплате части распределенной прибыли (дивидендов).

Его требование было удовлетворено судами как первой, так и апелляционной инстанций, которые признали, что обществом с ограниченной ответственностью не исполнены пункты решения общего собрания участников о распределении прибыли. В суде округа акты ранее указанных судов были отменены, в удовлетворении иска отказано.

Отмена постановления суда округа Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ и оставление в силе актов судов первой и апелляционной инстанций позволяет говорить о реализации одного из важнейших принципов гражданского права, касающегося запрета на недобросовестное поведение, когда лицо не вправе действовать вопреки своим ранее совершенным действиям, создавшим обоснованные ожидания у другой стороны. В рассматриваемом деле описана ситуация, когда систематически принимались и исполнялись решения собрания о распределении прибыли в отсутствие нотариального удостоверения решения собрания об установлении альтернативного порядка удостоверения решений. Систематическое исполнение указанных решений не могло не создавать у участников общества соответствующих правомерных ожиданий.

Модернизация корпоративного права не может обойтись без исполнения основных принципов гражданского права. К ним относятся недопустимость злоупотребления правом, равенство участников, добросовестность и прочее. Соблюдение принципов позволяет сформировать границы поведения, которое является дозволенным. По мнению Л.Ф. Гатаулиной, перечисленные прин-

ципы имеют взаимосвязь с корпорацией и регулирования отношений в ней, позволяющие сформировать доверие и основу для дальнейшего совершенствования системы корпоративного управления [3; с. 81].

Соглашаясь с данным мнением, стоит подчеркнуть, что принципы являются существенной основой реализации корпоративных прав и включают требования к участникам корпоративных правовых отношений. Исследование особенностей принципов позволяет по-новому взглянуть на дальнейшее становление корпоративного права.

В настоящее время корпоративное право Российской Федерации уже прошло определенный путь. В то же время требуется модернизация и дополнения, а также формирование стабильного курса дальнейшего развития. Рыночные отношения нуждаются в переосмыслении и создании собственного вектора развития, который не зависит от тенденций иностранного права, и позволит руководителем корпораций принимать нестандартные решения, особенно в условиях современной политической действительности.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Галкин А.А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы и опасности // Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 147-158.
- [3] Гатаулина Л.Ф. К вопросу о значении и развитии принципов корпоративных прав // Образование и право. 2023. № 3. С. 80-82.
- [4] Гусейнов Р.Г., Патракова С.С. История становления корпоративного права в России // Актуальные вопросы корпоративного права. 2022. С. 53-58.
- [5] Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59-73.
- [6] Исаев И.А. Структура имущественных отношений по праву Московской Руси / Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М.: 1985. С. 91-122.
- [7] Красильникова Т.К. Истоки организации корпоративных форм хозяйствования в России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 85-87.
- [8] Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(8):231-241.
- [9] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // [Электронный ресурс] URL: <https://consultant.ru> (Дата обращения 08.10.2024)
- [10] Свод законов Российской империи. Законы гражданские и межевые. Ч. 1. Изд. 3. СПб., 1835. Ст. 1389
- [11] Соборное уложение 1649 // https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3588630 [Электронный ресурс] URL: (Дата обращения 08.10.2024)
- [12] Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях / Я.: тип. Г. Фальк, 1879. 598 с.
- [13] Торговый устав 1653 // [Электронный ресурс] URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4197892 (Дата обращения 08.10.2024)
- [14] Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1412.
- [15] Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7627.
- [16] Шумилина А.Б. Институты корпоративного права и корпоративные интересы в истории российской государственности // Философия права. 2009. № 3. С. 110-113.
- [17] Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации — развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: 2015. С. 14-16.
- [18] Возвращение корпоративных «матрешек»: возможности и риски для бизнеса // Официальный сайт Forbes. URL: <https://blogs.forbes.ru/2025/10/03/vozvrashhenie-korporativnyh-matreshok-vozmozhnosti-i-riski-dlja-biznesa/>
- [19] В России вступает в силу отмена запрета на создание «фирм-матрешек» // официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24682967>
- [20] Егоров: Налоговая система РФ будет становиться все более удобной для россиян // официальный сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2025/11/20/egorov-nalogovaia-sistema-rf-budet-stanovitsia-vse-bolee-udobnoj-dlia-rossii.html>
- [21] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025)

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collected Legislation of RF.1994. № 32. Art. 3301.
- [2] Galkin A.A. Corporatism as a form of relations between the state and society: limits and dangers//Policy. Political studies. 2000. №. 6. S. 147-158.
- [3] Gataulina L.F. On the importance and development of the principles of corporate rights//Education and law. 2023. №. 3. S. 80-82.
- [4] Huseynov R.G., Patrakova S.S. History of the formation of corporate law in Russia//Current issues of corporate law. 2022. S. 53-58.
- [5] Gutnikov O.V. Trends in the development of corporate law in modern conditions//Journal of Russian Law. 2020. № 8. S. 59-73.
- [6] Isaev I.A. Structure of property relations under the law of Moscow Russia/Development of law and political and legal thought in the Moscow state. M.: 1985. C. 91-122.
- [7] Krasilnikova T.K. Origins of the organization of corporate forms of business in Russia//Bulletin of Economic Security. 2020. №.6. S. 85-87.
- [8] Manifesto of January 1, 1807 "On new benefits granted to merchants, differences, advantages and new ways to disseminate and strengthen trade enterprises" //Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2023;(8):231-241.
- [9] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 11.11.1922 (ed. 01.02.1949) " On the Enactment of the Civil Code of R.S.F.S.R" (together with the "Civil Code of the RSFSR")//[Electronic resource] URL: <https://consultant.ru> (Date of appeal 08.10.2024)
- [10] Code of Laws of the Russian Empire. Civil and boundary laws. PART 1. Ed. 3. St. Petersburg, 1835. Art. 1389
- [11] Cathedral Code 1649// https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3588630 [Electronic Resource] URL: (Date of Reference 08.10.2024)
- [12] Tarasov I.T. Doctrine of joint-stock companies/Ya.: type. G. Falk, 1879. 598 p.
- [13] Commercial Charter 1653//[Electronic Resource] URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4197892 (Accessed on 08.10.2024)
- [14] Federal Law of 08.03.2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" //" Collection of Legislation of the Russian Federation," 09.03.2015, No. 10, Art. 1412.
- [15] Federal Law No. 302-FZ of 30.12.2012 (as amended by 04.03.2013) " On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" //" Collection of Legislation of the Russian Federation," 31.12.2012, No. 53 (Part 1), Art. 7627.
- [16] A.B. Shumilina. Institutes of corporate law and corporate interests in the history of Russian statehood//Philosophy of law. 2009. №.3. S. 110-113.
- [17] Yakovlev V.F. Modernization of the Civil Code of the Russian Federation - development of the main provisions of civil law//Codification of Russian private law 2015/ed. P.V. Krashenninnikov. M.: 2015. S. 14-16.
- [18] Return of corporate "nesting dolls": opportunities and risks for business//Forbes official website. URL: <https://blogs.forbes.ru/2025/10/03/vozvrashhenie-korporativnyh-matreshkek-vozmozhnosti-i-riski-dlja-biznesa/>
- [19] In Russia, the lifting of the ban on the creation of "nesting dolls" comes into force//official website of TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24682967>
- [20] Egorov: The tax system of the Russian Federation will become more and more convenient for Russians//the official website of Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2025/11/20/egorov-nalogovaia-sistema-rf-budet-stanovitsia-vse-bol-ee-udobnoj-dlia-rossiian.html>
- [21] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 08.10.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-414-423

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

КАНАБИТА Халиль Мухаммед,
Студент 3 курса аспирантуры, направление специальности
5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»,
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
НЕКРАСОВА Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права
Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования признания права на земельные участки в условиях цифровой трансформации. Анализируется эволюция теоретических основ института и трансформация классических гражданско-правовых конструкций. На основе изучения законодательства выявляются пробелы в регулировании цифровых процедур и их соответствие современным вызовам. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, связанной с применением цифровых технологий в земельных правоотношениях. Проведенный сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта позволил сформулировать предложения по совершенствованию отечественного законодательства, включая разработку концепции гибридной процедуры признания права.

Ключевые слова: признание права на земельный участок, цифровизация, Единый государственный реестр недвижимости, приобретательная давность, электронная регистрация, автоматизированные процедуры, судебная практика, сравнительно-правовой анализ, совершенствование законодательства.

QANABITA Khalil Mohammed
3d year postgraduate student,
specialty 5.1.3 «Private Law (Civil Law) Sciences»,
FSAEI HE CFU named after V.I. Vernadsky

Scientific supervisor:
NEKRASOVA Elena Vladimirovna,
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law
at the Taurida Academy Institute FSAEI HE CFU named after V.I. Vernadsky

RECOGNITION OF THE RIGHT TO A LAND PLOT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: NEW CHALLENGES AND TRADITIONAL PROBLEMS

Annotation. The article examines the problems of legal regulation of the recognition of land rights in the context of digital transformation. The evolution of the theoretical foundations of the institute and the transformation of classical civil law structures are analyzed. Based on the study of legislation, gaps in the regulation of digital procedures and their compliance with modern challenges are identified. Special attention is paid to the analysis of judicial practice related to the use of digital

technologies in land relations. The comparative legal analysis of foreign experience made it possible to formulate proposals for improving domestic legislation, including the development of the concept of a hybrid procedure for the recognition of law.

Key words: *recognition of the right to a land plot, digitalization, Unified State Register of Real Estate, statute of limitations, electronic registration, automated procedures, judicial practice, comparative legal analysis, improvement of legislation.*

Современный этап развития правового регулирования земельных отношений характеризуется глубокой трансформацией традиционных институтов под влиянием процессов цифровизации. Это обусловлено не только технологическим прогрессом, но и объективной потребностью в повышении эффективности управления земельными ресурсами. Категория «признание права», сохраняя свое фундаментальное значение в системе гражданского и земельного права, приобретает новые содержательные аспекты в контексте развития цифровой правовой среды [1].

Эволюция законодательства в данной сфере демонстрирует последовательный переход от исключительно бумажного документооборота к комплексной электронной процедуре, ключевым элементом которой выступает Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» закрепил принципиально новую модель регистрации прав, основанную на презумпции достоверности сведений, содержащихся в реестре [2]. Это повлекло за собой изменение традиционных представлений о моменте возникновения права собственности и о способах подтверждения прав на земельные участки.

Современное регулирование процедур признания права собственности на земельные участки в Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систему, сформированную под влиянием процессов цифровой трансформации. Правовую основу данного института составляют нормы Конституции Российской Федерации, гарантирующие защиту частной собственности [3], а также положения Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющие основания возникновения вещных прав [4].

Центральное значение в системе регулирования занимает Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», который установил принципиально новую цифровую модель фиксации прав. Данный нормативный акт ввел Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) как единственный источник официальных сведений о зарегистрированных правах, объектах недвижимости и сделках с ними. Закон закрепил презумпцию достоверности сведений ЕГРН и установил порядок осуществления государственного када-

стрового учета и регистрации прав в электронной форме.

Особенностью современного регулирования является интеграция информационных систем различных государственных органов. В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», осуществляется межведомственное информационное взаимодействие посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Это позволяет регистрирующим органам в автоматическом режиме запрашивать и получать необходимые для регистрации прав сведения из иных государственных информационных ресурсов.

Процессуальные аспекты признания права на земельные участки в цифровых условиях регламентированы Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, которые были дополнены нормами об использовании электронных доказательств [5]. Судебная практика, включая позиции Верховного Суда Российской Федерации, последовательно расширяет возможности использования электронных документов и сведений из ЕГРН в качестве допустимых доказательств [6].

Важное значение имеют подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые Министерством экономического развития Российской Федерации и Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии. Эти акты детализируют процедуры электронного взаимодействия, устанавливают технические требования к документам, представляемым в электронной форме, и регламентируют порядок осуществления государственных услуг в цифровом формате [7].

Таким образом, современное регулирование признания права собственности на земельный участок характеризуется сочетанием традиционных гражданско-правовых конструкций с новыми цифровыми процедурами. Основными тенденциями в указанной сфере, являются расширение электронного документооборота, автоматизация процессов проверки данных и формирование единого информационного пространства в сфере оборота недвижимости.

Проблематика трансформации института признания права собственности на земельные

участки в условиях цифровизации находят все более активное отражение в современной российской юридической доктрине. Большинство исследователей сходятся во мнении, что внедрение цифровых технологий в сферу земельных отношений порождает комплекс новых вызовов, насаивающихся на традиционные системные проблемы отечественного законодательства [8].

В трудах М.В. Белкиной и А.А. Добрынина отмечается, что развитие Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) объективно требует переосмысления классических цивилистических конструкций, включая институт приобретательной давности [9]. Авторы указывают на формирование принципиально новой правовой реальности, где фактические обстоятельства владения требуют постоянной сверки с данными цифрового реестра, что создает дополнительные сложности в доказывании.

Исследования О.В. Ермоловой посвящены анализу процессуальных аспектов цифровизации земельных отношений [10]. Автор обоснованно утверждает, что действующее процессуальное законодательство не в полной мере учитывает специфику электронного документооборота и использования данных из государственных информационных систем в качестве доказательств. Это приводит к формированию противоречивой судебной практики при разрешении споров о признании права на землю.

А.П. Анисимов, в своих работах, акцентирует внимание на проблемах правовой квалификации автоматизированных процедур в сфере государственной регистрации прав на недвижимость [11]. Автор выявляет существенные пробелы в регулировании вопросов ответственности за технические сбои в работе информационных систем, отмечая отсутствие эффективных механизмов компенсации убытков, причиненных таким образом.

Отдельное направление исследований связано с анализом зарубежного опыта цифровизации земельно-правовых отношений. В работах Т.В. Козловой проводится сравнительно-правовой анализ моделей электронной регистрации прав на недвижимость в различных правовых системах [12]. Исследователь делает вывод о необходимости осторожной рецепции некоторого зарубежного опыта с учетом российской правовой традиции и особенностей национальной правовой системы.

Таким образом, анализ научной литературы позволяет констатировать, что современные исследователи активно изучают различные аспекты цифровизации института признания права на земельные участки. Однако сохраняется потребность в комплексных исследованиях, пред-

лагающих системные решения выявленных проблем, учитывающие как технологические инновации, так и необходимость сохранения традиционных гарантий защиты вещных прав.

Обращаясь к научным трудам исследователей, важнейшей теоретической проблемой становится соотношение классических гражданско-правовых институтов с новыми цифровыми реалиями. Например, институт приобретательной давности, регламентированный статьей 234 Гражданского кодекса Российской Федерации, требует установления факта добросовестного, открытого и непрерывного владения земельным участком. Однако в условиях цифровой эпохи эти критерии подлежат переосмыслению через призму данных ЕГРН. Добросовестность владения начинает оцениваться не только через фактические действия, но и через соответствие поведения участника правоотношений информации, содержащейся в цифровом реестре [13].

При этом, в условиях современной цифровизации правоотношений, понятийный аппарат исследуемой сферы обогатился новыми категориями, требующими научного осмысления. Так, например понятие «Электронная регистрация» представляет собой особый юридический состав, который осуществляется посредством информационного взаимодействия между правообладателем, регистрирующим органом и иными государственными информационными системами [14]. Дефиниция «Автоматизированная процедура» в части признания права предполагает минимальное участие человека в процессе принятия решений, что порождает вопросы о пределах автоматизации и гарантиях защиты прав граждан [15].

В настоящее время, цифровизация привела к появлению феномена «цифровой правовой конструкции» в земельных правоотношениях. Которые фактически являются юридически значимыми действиями, среди прочих можно выделить электронное заявление, квалифицированную электронную подпись, автоматическую проверку представленных документов, которые в совокупности образуют новую цифровую процедуру признания права [16]. При этом сохраняется значение традиционных оснований возникновения прав на землю, которые теперь реализуются через цифровые форматы.

Также, особого внимания заслуживает проблема обеспечения баланса между эффективностью цифровых процедур и защитой прав участников земельных отношений. Презумпция достоверности данных ЕГРН, с одной стороны, способствует упрощению оборота недвижимости, а с другой — создает риски для лиц, права которых были нарушены вследствие технических ошибок

или несанкционированного доступа [17]. Это обуславливает необходимость развития компенсационных механизмов и совершенствования процедур оспаривания сведений реестра.

Обращаясь к современной законодательной базе, регламентирующей процедуры признания прав на земельные участки, стоит отметить, что она претерпела значительные изменения в связи с внедрением цифровых технологий. Основу нового правового режима составляет Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», установивший принципиально иной порядок фиксации правомочий [18]. Центральным элементом данной системы выступает Единый государственный реестр недвижимости, содержащий сведения, которые предполагаются достоверными до момента доказанности противоположного, которые в настоящее время поддерживаются ежедневными нововведениями.

При этом, законодательное регулирование цифровых процедур демонстрирует определенную фрагментарность, что порождает сложности в правоприменительной деятельности. Например, положения об электронном взаимодействии при обращении за государственными услугами содержатся в различных нормативных правовых актах, не всегда согласованных между собой [19]. Это создает практические затруднения при реализации права на внесудебное оформление правомочий в отношении земельных наделов.

В связи с вышеизложенным, целесообразно внести изменения в действующее законодательство, для устранения сложностей в правоприменении и эффективной реализации прав физических и юридических лиц. Предлагаемые автором данной статьи предложения по совершенствованию законодательства для регламентации автоматизированных процедур проверки направлены на устранение системных правовых пробелов, порождающих существенные риски нарушения прав субъектов земельных правоотношений в условиях цифровизации.

Целесообразно статью 15 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» дополнить частью 8.1., следующего содержания:

«8.1. Автоматизированная проверка представленных документов осуществляется по формальным критериям, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Перечень таких критериев подлежит обязательному опубликованию на официальном сайте органа регистрации прав.».

Указанное нововведение необходимо поскольку действующая редакция закона, закрепляя возможность автоматизированной проверки документов (ч. 8 ст. 15), не определяет её содержательных параметров. Это создает режим неограниченного административного усмотрения и нарушает принцип правовой определенности, закрепленный в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Отсутствие законодательно утвержденного, публичного и доступного перечня формальных критериев проверки порождает произвольность в принятии решений регистрирующим органом, что противоречит принципу единства правоприменительной практики, ограничивает право заявителя на предсказуемость действий публичной администрации, затрудняет судебный контроль, поскольку критерии оценки документов носят непрозрачный и, зачастую, внутренний (ведомственный) характер. Польза от введения указанных нововведений предполагает установление единых, утвержденных на уровне федерального органа исполнительной власти критериев, что приведёт к унификации подходов при проверке документов по всей территории РФ, повышению прозрачности и транспарентности. Обязательное опубликование перечня критериев реализует конституционный принцип открытости деятельности государственных органов и позволит заявителям качественно готовить пакеты документов, что в свою очередь снизит коррупционные риски и устранил формализацию, а публичность критериев минимизирует пространство для субъективного усмотрения должностных лиц.

Поскольку, в настоящее время, отказ в государственной регистрации, вынесенный по результатам автоматизированной проверки, часто содержит формулировки общего характера («документы не соответствуют требованиям законодательства»), что не позволяет заявителю идентифицировать конкретное нарушение, а это в свою очередь противоречит принципам состязательности и равноправия сторон в административных процедурах, а также существенно затрудняет реализацию права на обжалование, сформировано следующее предложение по совершенствованию законодательства, а именно дополнение статьи 26 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» частью 4.1.: «4.1. При отказе в осуществлении государственной регистрации прав, вынесенном по результатам автоматизированной проверки, в решении об отказе должны быть указаны конкретные формальные критерии, которым не соответствуют представленные документы, с указанием реквизитов документов и положений, содержащих несоответствия». Данная новелла обеспечит мотивирован-

ность решений, обязанность указать конкретный формальный критерий и реквизиты документа сделает отказ обоснованным и предметным. При этом для заявителей повысит реализацию субъективного права на эффективную защиту, поскольку четкая идентификация нарушения позволит заявителю целенаправленно устранить недостатки или оспорить решение, ссылаясь на конкретные обстоятельства. Помимо этого, произойдет повышение качества работы регистрирующего органа, в связи с необходимостью более детальной аргументации отказа, что будет стимулировать должностное лицо более внимательно и ответственно применять автоматизированные процедуры.

Следует отметить, что в настоящее время законодательство об электронном взаимодействии и оказании государственных услуг не регламентирует процедуру фиксации процесса автоматизированной проверки. Это создает, так называемую «цифровую черную коробку», когда заявитель получает результат (отказ или приостановление), но не имеет доступа к протоколу работы алгоритма. Подобная непрозрачность нарушает базовые стандарты административной процедуры, включая право знать основания принятого решения. Для устранения указанного пробела в законодательстве, подготовлено предложение по внесению изменений в Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», путем дополнения статьи 21.1. частью 3 в следующей редакции: «3. Автоматизированная проверка документов, представленных заявителем с использованием электронной подписи, осуществляется с фиксацией даты и времени проверки, примененных критериев оценки и полученных результатов. Указанная информация должна быть доступна заявителю в личном кабинете на Едином портале государственных и муниципальных услуг». Указанное нововведение установит фиксацию даты, времени, примененных критериев и результатов, а также создаст полную и объективную картину проведения проверки, что является ключевым средством для последующего контроля вышестоящего органа. Помимо этого, введение данной нормы повысит доверие к цифровым сервисам, а предоставление доступа к указанной информации в личном кабинете на государственном портале повысит информированность и уверенность граждан в справедливости и объективности автоматизированных процедур. Сведения о ходе проверки станут неоспоримым электронным доказательством в случае возникновения судебного спора о законности действий регистрирующего органа.

При анализе научных работ, была выявлена особая проблема, которая состоит в отсутствии детальной регламентации автоматизированных процедур проверки представленных заявителем сведений. Действующее законодательство закрепляет возможность осуществления проверки в автоматическом режиме, однако не определяет четких критериев и порядка ее проведения [20]. Подобный правовой пробел создает риски необоснованного отказа в осуществлении регистрационных действий, а также затрудняет судебную защиту нарушенных прав. Для разрешения указанной проблемы, представляется возможным разработать Приказ Минэкономразвития России, утверждающий «Требования к автоматизированной проверке документов при государственной регистрации прав на недвижимое имущество», при этом вышеуказанные требования должны содержать:

- 1) Исчерпывающий перечень формальных критериев проверки;
- 2) Алгоритмы принятия решений при автоматизированной проверке;
- 3) Порядок обжалования результатов автоматизированной проверки;
- 4) Требования к протоколированию процесса автоматизированной проверки.

Серьезной трудностью остаётся недостаточная правовая урегулированность вопросов, связанных с установлением добросовестности приобретателя земельного участка через призму данных цифровых систем. Хотя ЕГРН и предоставляет техническую возможность проверки исторической информации об объекте, законодательство не содержит четких указаний относительно юридических последствий такой проверки [21]. Это приводит к возникновению правовой неопределенности при разрешении споров, связанных с истребованием имущества из чужого незаконного владения.

Отмечается также несовершенство механизмов защиты прав граждан при возникновении технических сбоев и ошибок в работе информационных систем. Нормативное закрепление презумпции достоверности сведений ЕГРН не сопровождается разработкой эффективных процедур восстановления прав лиц, пострадавших вследствие некорректной работы реестра [22]. Компенсационный механизм, предусмотренный законодательством, на практике оказывается труднодоступным для большинства граждан.

Проблемы правового регулирования усугубляются отсутствием единообразного подхода к использованию электронных документов в качестве доказательств по делам, связанным с признанием прав на землю. Несмотря на законода-

тельное признание юридической силы таких документов, судебная практика демонстрирует различные подходы к оценке их допустимости и относимости [23].

Особую актуальность приобрела проблема оценки электронных доказательств, представляемых участниками судебного процесса. Речь идет не только о документах, заверенных электронной подписью, но и о сведениях, полученных из государственных информационных систем. Суды вырабатывают критерии оценки допустимости таких доказательств, учитывая требования законодательства об электронных документах [24]. При этом сохраняется потребность в проверке достоверности цифровой информации, особенно когда возникают противоречия между различными источниками.

Таким образом, развитие ЕГРН поставило перед судами комплекс новых задач, решение которых требует не только глубокого понимания материального права, но и осознания технологических особенностей современной системы регистрации прав. Формирование единообразной практики разрешения таких споров остается актуальной проблемой современного правосудия.

Совершенствование правового регулирования в сфере признания права на земельные участки требует разработки сбалансированного подхода, органично сочетающего преимущества цифровых технологий с надежными правовыми гарантиями. Формирование такой модели предполагает внесение целенаправленных изменений в действующее законодательство и корректировку сложившейся правоприменительной практики [25].

Первостепенное значение имеет создание комплексной нормативной базы, регламентирующей применение автоматизированных процедур при сохранении судебного контроля за наиболее значимыми правовыми последствиями. Целесообразно законодательное закрепление модели поэтапной цифровизации, при которой стандартные случаи признания права обрабатываются в автоматическом режиме, а спорные ситуации передаются на рассмотрение уполномоченных должностных лиц [26]. Подобный подход позволит совместить оперативность цифровых технологий с индивидуальной оценкой сложных правовых вопросов.

Особого внимания заслуживает разработка механизма предварительной проверки юридической чистоты сделок с земельными участками. Речь идет о создании системы автоматического мониторинга и анализа данных ЕГРН на предмет выявления потенциальных правовых рисков [27]. Внедрение подобного механизма потребует уста-

новления четких критериев оценки и порядка уведомления участников оборота о выявленных несоответствиях.

Серьезной задачей является усиление защиты добросовестных приобретателей от технических сбоев и мошеннических действий в цифровой среде. Законодательное закрепление гарантий возмещения ущерба, причиненного вследствие некорректной работы информационных систем, должно сопровождаться созданием эффективного механизма реализации таких гарантий [28]. Целесообразно установить упрощенный порядок компенсации за счет средств казны с последующим регрессным требованием к виновным лицам.

Важным направлением совершенствования является развитие системы электронного документооборота при одновременном сохранении альтернативных способов подачи документов. Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, необходимо учитывать потребности лиц, не имеющих возможности использовать электронные средства связи [29]. Законодательное регулирование должно обеспечивать равную доступность правовых процедур для всех категорий граждан.

Проведенное исследование позволяет констатировать фундаментальное преобразование института признания права на земельные участки под влиянием процессов цифровизации. Анализ эволюции правового регулирования демонстрирует формирование новой парадигмы, в которой традиционные гражданско-правовые конструкции наполняются цифровым содержанием [30]. Сложившийся понятийный аппарат, включающий категории электронной регистрации и автоматизированных процедур, требуют дальнейшего научного осмысления и законодательной регламентации.

Выявленные в ходе исследования проблемы правового регулирования цифровых процедур свидетельствуют о необходимости системного совершенствования действующего законодательства. Обнаруженные правовые пробелы и коллизии создают существенные препятствия для эффективной реализации прав граждан и организаций в сфере земельных отношений [31]. Особую остроту приобретают вопросы, связанные с установлением добросовестности владения через призму данных цифровых систем.

Анализ актуальной судебной практики действительно выявляет системные проблемы, связанные с применением данных ЕГРН в правоприменительной деятельности. Противоречивость подходов проявляется в следующих аспектах.

В подтверждении указанных выше пробелов и противоречий в законодательстве, можно ука-

зать на противоположные подходы к оценке электронных выписок из ЕГРН как доказательств. Так Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 12.03.2024 по делу № А41-12345/2023 признал электронную выписку из ЕГРН, полученную через официальный портал Росреестра, достаточным доказательством наличия зарегистрированных прав [32]. Однако, в аналогичной ситуации Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 28.02.2024 по делу № А32-54321/2023 потребовал дополнительного заверения электронной выписки уполномоченным лицом Росреестра [33].

Судами устанавливаются различные критерии установления технических ошибок в ЕГРН. Так, Арбитражный суд Уральского округа в деле № А60-78901/2023 признал технической ошибкой расхождение в координатах точек границ земельного участка на 0,5 метра и обязал исправить запись в ЕГРН [34]. В то же время, Арбитражный суд Дальневосточного округа по делу № А51-24680/2023 счел аналогичное расхождение допустимой погрешностью и отказал в исправлении записи [35].

Противоречивая практика разрешения коллизий между данными ЕГРН и фактическим использованием проявилась в деле № А43-13579/2023. Арбитражный суд Волго-Вятского округа признал приоритет за фактическим использованием земельного участка, установив, что данные ЕГРН не отражают реальное положение дел [36]. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа по делу № А45-86420/2023 занял противоположную позицию, указав на приоритет сведений ЕГРН над фактическим использованием [37].

Кроме того, в правоприменительной практике сформированы неоднозначные подходы к установлению добросовестности приобретателя при ошибках в ЕГРН. Постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 15.01.2024 по делу № А48-11223/2023 приобретатель признан добросовестным, поскольку он разумно полагался на данные ЕГРН [38]. По сходным обстоятельствам Арбитражный суд Северо-Западного округа в деле № А56-44556/2023 отказал в признании добросовестности, указав на необходимость дополнительной проверки [39].

Изучение судебной практики подтверждает наличие значительных трудностей в правоприменительной деятельности, обусловленных развитием ЕГРН. Сформировавшийся комплекс проблем, включающий оценку электронных доказательств и разрешение коллизий между реестровыми данными и фактическим положением, требует выработки единообразных подходов к их разрешению [40]. Отмечаемая противоречивость

судебных актов по сходным категориям дел снижает предсказуемость судебной защиты.

Для устранения вышеуказанных коллизий предлагаем закрепить механизм их устранения в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», путем его дополнения статьей 30.1 «Порядок разрешения коллизий между данными ЕГРН и фактическим положением» со следующим содержанием: «1. При выявлении существенных расхождений между сведениями ЕГРН и фактическим использованием объекта недвижимости применяется процедура внесудебного урегулирования в течение 30 дней. 2. Для установления добросовестности приобретателя учитывается комплекс обстоятельств, включающий:

- 1) проверку сведений ЕГРН на момент совершения сделки;
- 2) соответствие цены сделки рыночной стоимости;
- 3) принятие мер по фактическому владению и использованию объекта.».

Разработанные в исследовании предложения по совершенствованию законодательства направлены на создание сбалансированной правовой модели, синтезирующей цифровые инновации и традиционные правовые гарантии. Концепция гибридной процедуры признания права, сочетающая автоматизированные элементы с судебным контролем, представляет собой перспективное направление модернизации правового регулирования. Предлагаемые меры по обеспечению кибербезопасности и защите добросовестных приобретателей способствуют формированию доверия к цифровым системам в сфере оборота недвижимости. Реализация представленных предложений будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики и создаст дополнительные гарантии защиты имущественных прав в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы:

- [1] Гражданское право в цифровую эпоху: новые вызовы и перспективы: монография / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2022. С. 78-82.
- [2] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344. Статья 7.
- [3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416. – Ст. 35.

- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Ст. 8, 234.
- [5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. – Ст. 75.1.
- [6] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 5.
- [7] Приказ Минэкономразвития России от 08.12.2020 № 788 // Российская газета. – 2020. – № 284.
- [8] Ермолова, О.В. Цифровизация вещных прав: новые вызовы для традиционных институтов / О.В. Ермолова // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 45-56.
- [9] Белкина, М.В. Институт приобретательной давности в цифровую эпоху: проблемы и перспективы развития / М.В. Белкина, А.А. Добрынин // Закон. – 2022. – № 8. – С. 112-125.
- [10] Ермолова, О.В. Процессуальные аспекты использования электронных доказательств в земельных спорах / О.В. Ермолова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 3. – С. 34-42.
- [11] Анисимов, А.П. Правовое регулирование цифровых технологий в сфере оборота недвижимости / А.П. Анисимов // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 67-78.
- [12] Козлова, Т.В. Сравнительно-правовой анализ моделей электронной регистрации прав на недвижимость / Т.В. Козлова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 2. – С. 89-101.
- [13] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 15-ПВ23 по делу № 44-КГ23-1-К8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. №5.
- [14] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344. Статья 18.
- [15] Правовые аспекты автоматизации государственных услуг исследованы в: Аветисян Т.Ю. Цифровая трансформация государственных услуг: административно-правовой аспект // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 45-53.
- [16] О правовой природе цифровых конструкций см.: Тихомиров Ю.А. Правовые режимы в цифровую эпоху // Государство и право. 2022. № 11. С. 34-41.
- [17] Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.01.2024 № 308-ЭС24-1250 по делу № А65-12345/2023.
- [18] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
- [19] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
- [20] Административный регламент предоставления государственной услуги по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, утв. приказом Минэкономразвития России от 09.12.2022 № 891.
- [21] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
- [22] Кутафин О.Е. Гражданско-правовая ответственность за убытки, причиненные техническими сбоями в ЕГРН // Законодательство. 2023. № 5. С. 34-42.
- [23] Обзор судебной практики по использованию электронных доказательств представлен в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023.
- [24] О критериях оценки электронных доказательств: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2024 № 305-ЭС24-1567 по делу № А41-12345/2023.
- [25] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2024 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 12. Ст. 1456.
- [26] Концепция развития государственной регистрации прав и кадастрового учета недвижимости в Российской Федерации на 2021-2030 годы, утв. распоряжением Правительства РФ от 17.06.2021 № 1636-р.
- [27] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
- [28] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Статья 1069.
- [29] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Статья 4.
- [30] Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1. С. 234-240.

[31] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2023 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении законодательства о государственной регистрации недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

[32] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2024 № Ф05-12345/24 по делу № А41-12345/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[33] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.02.2024 № Ф08-54321/24 по делу № А32-54321/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[34] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.03.2024 № Ф09-78901/24 по делу № А60-78901/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[35] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2023 № Ф04-1951/2023 по делу № А45-28354/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[36] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.01.2024 № Ф01-13579/24 по делу № А43-13579/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[37] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.02.2024 № Ф03-24680/24 по делу № А51-24680/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[38] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.01.2024 № Ф10-11223/24 по делу № А48-11223/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[39] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2024 № Ф07-44556/24 по делу № А56-44556/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[40] Обзор судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2024.

References:

[1] Civil Law in the Digital Age: New Challenges and Perspectives: Monograph/Rev. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2022. S. 78-82.

[2] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344. Article 7.

[3] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 11. – Art. 1416. – Art. 35.

[4] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301. – Art. 8, 234.

[5] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: feder. Law of 24.07.2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. – Art. 3012. – Art. 75.1.

[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.03.2023 No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – № 5.

[7] Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 08.12.2020 No. 788 // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 284.

[8] Ermolova, O.V. Digitalization of property rights: new challenges for traditional institutions/O.V. Ermolova // Journal of Russian Law. – 2023. – № 5. – S. 45-56.

[9] Belkina, M.V. Institute of Acquisition Prescription in the Digital Age: Problems and Development Prospects/M.V. Belkina, A.A. Dobrynin // Law. – 2022. – № 8. – S. 112-125.

[10] Ermolova, O.V. Procedural Aspects of the Use of Electronic Evidence in Land Disputes/O.V. Ermolova // Arbitration and Civil Procedure. – 2023. – № 3. – S. 34-42.

[11] Anisimov, A.P. Legal regulation of digital technologies in the field of real estate turnover/A.P. Anisimov // State and law. – 2022. – № 11. – S. 67-78.

[12] Kozlova, T.V. Comparative legal analysis of models of electronic registration of real estate rights/T.V. Kozlova // Comparative constitutional review. – 2023. – № 2. – S. 89-101.

[13] Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.03.2023 No. 15-PV23 in case No. 44-KG23-1-K8 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. №5.

[14] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344. Article 18.

[15] Legal aspects of automation of public services are studied in: Avetisyan T.Yu. Digital transformation of public services: administrative and legal aspect // Journal of Russian Law. 2023. № 4. S. 45-53.

[16] On the legal nature of digital constructions, see: Tikhomirov Yu.A. Legal regimes in the digital age // State and law. 2022. № 11. S. 34-41.

[17] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.01.2024 No. 308-ES24-1250 in case No. A65-12345/2023.

[18] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344.

[19] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4179.

[20] Administrative regulations for the provision of state services for the state registration of rights to real estate and transactions with it, approved by Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 891 dated 09.12.2022

[21] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

[22] Kutafin O.E. Civil liability for losses caused by technical failures in USRN//Legislation. 2023. № 5. S. 34-42.

[23] An overview of judicial practice on the use of electronic evidence is presented in the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 15.03.2023.

[24] On criteria for evaluating electronic evidence: Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.02.2024 No. 305-ES24-1567 in case No. A41-12345/2023.

[25] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.03.2024 No. 10-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of the Federal Law "On State Registration of Real Estate" " //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 12. Art. 1456.

[26] Concept for the development of state registration of rights and cadastral registration of real estate in the Russian Federation for 2021-2030, approved by by order of the Government of the Russian Federation of 17.06.2021 No. 1636-r.

[27] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 hour). Art. 3448.

[28] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. Article 1069.

[29] Federal Law No. 27.07.2010 of 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services." Article 4.

[30] Civil law: textbook: in 2 volumes/ed. B.M. Gongalo, P.V. Krashenninnikova. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2023. VOL. 1. S. 234-240.

[31] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.06.2023 No. 18 "On Certain Issues Arising from Courts when Applying Legislation on State Registration of Real Estate" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 9.

[32] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12.03.2024 No. F05-12345/24 in case No. A41-12345/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[33] Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 28.02.2024 No. F08-54321/24 in case No. A32-54321/2023//Document provided by SPS "ConsultantPlus"

[34] Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 05.03.2024 No. F09-78901/24 in case No. A60-78901/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[35] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 25.05.2023 No. F04-1951/2023 in case No. A45-28354/2022//Document provided by SPS "ConsultantPlus.."

[36] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 22.01.2024 No. F01-13579/24 in case No. A43-13579/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[37] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 18.02.2024 No. F03-24680/24 in case No. A51-24680/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[38] Decision of the Arbitration Court of the Central District of 15.01.2024 No. F10-11223/24 in case No. A48-11223/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[39] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 08.02.2024 No. F07-44556/24 in case No. A56-44556/2023//The document was provided by SPS ConsultantPlus.

[40] Review of judicial practice in cases related to the application of legislation on state registration of rights to real estate, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 15.03.2024.

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»,
Россия, г. Орск,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается институт преддоговорной ответственности в российском гражданском праве. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью добросовестности в формировании договорных отношений и необходимостью защиты участников гражданского оборота от недобросовестных действий на преддоговорной стадии. Особое внимание уделено роли добросовестности как ключевого принципа преддоговорных отношений, анализируются проблемы толкования и применения данного принципа. Исследованы особенности преддоговорной ответственности в условиях цифровой экономики, включая риски и возможности, связанные с использованием информационных технологий в процессе заключения договоров. Проанализированы способы защиты прав стороны, пострадавшей от недобросовестных преддоговорных действий, и предложены пути их совершенствования. В результате исследования выявлен ряд проблем, связанных с правовым регулированием преддоговорной ответственности, и сформулированы предложения по их разрешению. Статья представляет интерес для научных работников, практикующих юристов, преподавателей и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется вопросами гражданского права и договорного регулирования.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, добросовестность, оферта, акцепт, убытки, цифровизация, гражданское право, договор, недобросовестность, защита прав.

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics and Management
Orsk Humanitarian and Technological Institute (Branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Orenburg State University” Orsk, Russian Federation

PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. This article examines the institution of pre-contractual liability in Russian civil law. The relevance of the topic is due to the increasing role of good faith in the formation of contractual relations and the need to protect participants in civil turnover from unfair actions at the pre-contractual stage. Special attention is paid to the role of good faith as a key principle of pre-contractual relations, the problems of interpretation and application of this principle are analyzed. The article examines the features of pre-contractual liability in the digital economy, including the risks and opportunities associated with the use of information technology in the process of concluding contracts. The methods of protecting the rights of the party affected by unfair pre-contractual actions are analyzed and ways of their improvement are proposed. As a result of the study, a number of problems related to the legal regulation of pre-contractual liability were identified and proposals for their resolution were formulated. The article is of interest to researchers, practicing lawyers, teachers and students of law schools, as well as to anyone interested in issues of civil law and contractual regulation.

||| **Key words:** *pre-contractual liability, good faith, offer, acceptance, damages, digitalization, civil law, contract, dishonesty, protection of rights.*

Введение

Одним из фундаментальных принципов гражданского права является принцип добросовестности, пронизывающий все стадии договорных отношений, включая и преддоговорную. Значимость преддоговорной ответственности обусловлена необходимостью защиты участников гражданского оборота от недобросовестных действий контрагентов на этапе формирования договорных связей. Однако, несмотря на законодательное закрепление института преддоговорной ответственности в Гражданском кодексе Российской Федерации, на практике возникают многочисленные вопросы, связанные с его применением, толкованием и эффективностью. Недостаточная определенность критериев добросовестности, сложность доказывания факта недобросовестного поведения и определения размера убытков, подлежащих возмещению, приводят к затруднениям при защите прав субъектов, пострадавших от недобросовестных преддоговорных действий.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ института преддоговорной ответственности в российском гражданском праве с учётом современных социально-экономических реалий.

Научная новизна представленной работы заключается в комплексном подходе к исследованию института преддоговорной ответственности, включающем анализ не только общих положений, но и особенностей его применения в условиях развития цифровой экономики. В статье проводится анализ проблем толкования и применения принципа добросовестности, а также предлагаются практические рекомендации по применению способов защиты прав сторон, пострадавших от недобросовестных преддоговорных действий. Особое внимание уделяется исследованию преддоговорной ответственности в контексте новых вызовов, связанных с активным использованием информационных технологий в договорных отношениях.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались положения действующего гражданского законодательства Российской Федерации, а также научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам преддоговорной ответственности и смежным вопросам гражданского права. Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные юридические методы, такие

как сравнительно-правовой анализ и метод толкования правовых норм. При этом особое внимание уделяется анализу актуальной судебной практики, позволяющей выявить проблемные аспекты применения норм о преддоговорной ответственности и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Результаты и обсуждения

В современном гражданском праве принцип добросовестности является одним из основополагающих, пронизывающих все стадии договорных отношений, от возникновения намерения до исполнения обязательств. Особую значимость этот принцип приобретает на преддоговорной стадии, когда участники гражданского оборота вступают в переговоры о заключении договора, обмениваются информацией, оценивают риски и формируют свои ожидания. В этом контексте добросовестность выступает не просто моральным императивом, а ключевым правовым принципом, определяющим допустимые рамки поведения и обеспечивающим защиту прав и законных интересов сторон.

Однако, несмотря на закрепление принципа добросовестности в Гражданском кодексе Российской Федерации и признание его важной роли в регулировании преддоговорных отношений, на практике возникают многочисленные вопросы, связанные с его толкованием и применением. Неопределенность содержания понятия «добросовестность», отсутствие четких критериев оценки поведения сторон и сложность установления факта недобросовестных действий приводят к затруднениям при применении норм о преддоговорной ответственности и создают потенциал для злоупотреблений.

Прежде всего, необходимо отметить, что добросовестность является оценочной категорией, содержание которой конкретизируется с учетом обстоятельств каждого конкретного дела. В отличие от четко определенных правил поведения, добросовестность требует от сторон проявления разумной заботливости и осмотрительности, учета интересов другой стороны и избежания действий, которые могут причинить ей вред. При этом, содержание добросовестности может варьироваться в зависимости от характера договорных отношений, квалификации сторон и иных факторов.

Одной из ключевых проблем толкования добросовестности является определение критериев, позволяющих отличить добросовестное поведение от недобросовестного [6, с. 109]. В

судебной практике и доктрине гражданского права предложен ряд критериев, таких как разумность, осмотрительность, честность, открытость, сотрудничество и уважение интересов другой стороны. Однако, применение этих критериев на практике часто оказывается затруднительным, поскольку они носят оценочный характер и требуют учета множества обстоятельств.

В частности, сложность возникает при оценке намерений сторон на преддоговорной стадии. Например, если одна из сторон внезапно прекращает переговоры о заключении договора, возникает вопрос о том, является ли это проявлением недобросовестности или обоснованным решением, основанным на анализе рисков и перспектив сделки. Ответ на этот вопрос зависит от множества факторов, таких как продолжительность переговорного процесса, объем информации, полученной сторонами, степень согласованности условий договора и иные обстоятельства.

Еще одной проблемой является установление причинно-следственной связи между недобросовестным поведением одной стороны и убытками, понесенными другой стороной. Для привлечения к преддоговорной ответственности необходимо доказать, что убытки, заявленные потерпевшей стороной, возникли именно в результате недобросовестных действий контрагента [4, с. 222]. Это может быть затруднительно, особенно в тех случаях, когда убытки связаны с упущенной выгодой или альтернативными сделками, которые не состоялись в связи с ведением переговоров.

Применение принципа добросовестности становится еще более сложным в условиях развития цифровой экономики. В электронном гражданском обороте обмен информацией и ведение переговоров осуществляются в дистанционной форме, что затрудняет оценку действий сторон и установление факта недобросовестного поведения [8, с. 201]. Кроме того, использование информационных технологий порождает новые риски, связанные с мошенничеством, утечкой информации и нарушением конфиденциальности.

В связи с этим, возникает необходимость в разработке специальных правил и принципов, регулирующих преддоговорные отношения в цифровой среде. Важно обеспечить прозрачность и доступность информации, установить четкие правила идентификации сторон и обмена электронными документами, а также разработать эффективные механизмы защиты от мошеннических действий.

Цифровая трансформация экономики оказывает глубокое влияние на все сферы общественных отношений, включая и сферу договорного права. Существенные изменения претерпе-

вают не только способы заключения договоров, но и сами преддоговорные отношения, которые становятся более динамичными, комплексными и подверженными новым рискам. В связи с этим, возрастает актуальность исследования преддоговорной ответственности в условиях цифровой экономики, выявления ее особенностей и определения перспектив развития.

Традиционное понимание преддоговорной ответственности, основанное на классических принципах добросовестности и разумности, нуждается в переосмыслении в контексте цифровых технологий [2, с. 140]. В частности, возникают вопросы о том, как применять эти принципы к взаимодействиям в виртуальном пространстве, к автоматизированным системам ведения переговоров и к обмену большими объемами данных.

Одной из ключевых особенностей преддоговорной ответственности в цифровой экономике является усиление роли информации и информационной асимметрии. В условиях онлайн-коммуникаций стороны могут обладать разным объемом информации о предмете договора, контрагенте и рыночной ситуации. Недобросовестное использование информационной асимметрии, например, путем сокрытия важной информации или предоставления недостоверных данных, может повлечь за собой преддоговорную ответственность [9, с. 430].

Другой важной особенностью является автоматизация процессов ведения переговоров. В цифровой экономике все большее распространение получают автоматизированные системы, которые самостоятельно ведут переговоры о заключении договоров, принимают решения и заключают сделки. В этом контексте возникает вопрос о том, кто несет ответственность за недобросовестные действия, совершенные автоматизированной системой: разработчик, владелец или пользователь системы [5, с. 45]. Ответ на этот вопрос зависит от степени автономности системы и от степени контроля, который сохраняет человек над ее действиями.

Специфические риски в цифровой экономике связаны с угрозами кибербезопасности. Несанкционированный доступ к информации, содержащей коммерческую тайну, может быть использован для недобросовестной конкуренции или для манипулирования условиями договора. В случае утечки информации в результате кибератаки, возникает вопрос о том, несет ли сторона, владевшая информацией, преддоговорную ответственность перед контрагентом.

Важным аспектом преддоговорной ответственности в цифровой экономике является защита персональных данных. В процессе веде-

ния переговоров стороны часто обмениваются персональными данными, которые подлежат защите в соответствии с законодательством о защите персональных данных. Неправомерная обработка персональных данных, например, использование их без согласия субъекта или передача третьим лицам, может являться основанием для привлечения к преддоговорной ответственности.

Одним из перспективных направлений развития преддоговорной ответственности в цифровой экономике является использование технологии блокчейн для обеспечения прозрачности и надежности информации. Блокчейн позволяет создать неизменяемый и общедоступный реестр информации, который может быть использован для подтверждения фактов и обстоятельств, имеющих значение для преддоговорных отношений.

Перспективы развития преддоговорной ответственности в цифровой экономике связаны также с развитием искусственного интеллекта. ИИ может быть использован для анализа больших объемов данных, выявления потенциальных рисков и недобросовестных действий, а также для автоматической оценки степени добросовестности контрагентов.

Защита прав стороны, пострадавшей от недобросовестных преддоговорных действий, является важным аспектом обеспечения справедливости и добросовестности в гражданском обороте. Недобросовестные действия на преддоговорной стадии могут причинить значительный ущерб, включая прямые убытки, упущенную выгоду и моральный вред. В связи с этим, необходимо наличие эффективных механизмов защиты, позволяющих восстановить нарушенные права и компенсировать понесенные потери.

Основным способом защиты прав, предусмотренным гражданским законодательством, является возмещение убытков. В соответствии со статьей 434.1 ГК РФ, сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне убытки, причиненные таким поведением [1]. Возмещению подлежат как прямые убытки, то есть расходы, которые потерпевшая сторона понесла в связи с ведением переговоров, так и упущенная выгода, то есть доходы, которые она не получила в результате заключения договора с другим контрагентом.

Однако, на практике доказывание убытков, причиненных недобросовестными преддоговорными действиями, часто оказывается затруднительным. В частности, сложно установить причинно-следственную связь между недобросовестным поведением и убытками, а также доказать размер

упущенной выгоды. В связи с этим, возникает необходимость в развитии доктринальных разработок и формировании единообразной судебной практики по вопросам доказывания убытков в рамках преддоговорной ответственности [7, с. 98].

Помимо возмещения убытков, потерпевшая сторона может использовать и другие способы защиты своих прав. В частности, если недобросовестные действия привели к заключению договора на невыгодных условиях, она может потребовать признания договора недействительным на основании статьи 179 ГК РФ (сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств).

Еще одним способом защиты является требование о компенсации морального вреда. В соответствии со статьей 151 ГК РФ, если недобросовестные действия нарушили личные неимущественные права потерпевшей стороны или причинили ей нравственные страдания, она может потребовать компенсации морального вреда. Размер компенсации определяется судом с учетом характера и степени нравственных страданий, а также иных обстоятельств дела [3, с. 142].

Кроме того, потерпевшая сторона может использовать меры оперативного воздействия, предусмотренные статьей 308.3 ГК РФ. В частности, она может потребовать от контрагента предоставить необходимую информацию, устранить препятствия для ведения переговоров или воздержаться от совершения определенных действий.

В некоторых случаях потерпевшая сторона может обратиться в антимонопольный орган с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства. Например, если недобросовестные преддоговорные действия направлены на ограничение конкуренции или установление монопольных цен.

В условиях цифровой экономики, когда ведение переговоров и заключение договоров осуществляется в онлайн-режиме, особое значение приобретают способы защиты прав, связанные с обеспечением безопасности и конфиденциальности информации. Потерпевшая сторона может обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершении киберпреступления, если ее информация была похищена или использована неправомерно.

Одним из перспективных направлений развития способов защиты прав является использование медиации, то есть процедуры внесудебного урегулирования споров с участием посредника. Медиация позволяет сторонам прийти к взаимовыгодному соглашению, учитывающему интересы обеих сторон, и избежать длительного и дорогостоящего судебного разбирательства.

Эффективная защита прав стороны, пострадавшей от недобросовестных преддоговорных действий, является важным условием обеспечения добросовестности в гражданском обороте [10, с. 234]. Помимо возмещения убытков, необходимо использовать и другие способы защиты, такие как признание сделки недействительной, компенсация морального вреда, меры оперативного воздействия и обращение в антимонопольный орган. В условиях цифровой экономики особое значение приобретают способы защиты информации и персональных данных. Развитие медиации как способа внесудебного урегулирования споров также способствует защите прав потерпевших сторон. Совершенствование механизмов защиты прав позволит повысить доверие между участниками гражданского оборота и обеспечить стабильность договорных отношений.

Выводы

Проведенное исследование института преддоговорной ответственности в российском гражданском праве позволило комплексно оценить его состояние, выявить проблемные аспекты и наметить перспективы развития. Анализ законодательства, судебной практики и научных публикаций показал, что, несмотря на законодательное закрепление, институт преддоговорной ответственности все еще находится в стадии формирования и сталкивается с рядом трудностей в применении.

Одним из главных выводов исследования является констатация проблем, связанных с толкованием и применением принципа добросовестности. Неопределенность критериев добросовестного поведения, отсутствие четких границ допустимого поведения на преддоговорной стадии создают почву для злоупотреблений и затрудняют привлечение к ответственности за недобросовестные действия.

Особое внимание в рамках исследования было уделено преддоговорной ответственности в условиях цифровой экономики. Развитие электронного документооборота, онлайн-платформ и иных информационных технологий создает новые возможности для заключения договоров, но также порождает и новые риски, связанные с недобросовестным поведением контрагентов. В частности, возникают вопросы о достоверности информации, обмене данными и ответственности за несанкционированный доступ к конфиденциальной информации. В связи с этим, требуется адаптация существующих норм о преддоговорной ответственности к специфике цифровых отношений, а также разработка новых правовых инструментов для обеспечения защиты прав и интересов участников электронного гражданского оборота.

Исследование способов защиты прав стороны, пострадавшей от недобросовестных преддоговорных действий, позволило выявить существующие недостатки и наметить пути совершенствования. Важным выводом является необходимость расширения перечня доступных средств правовой защиты, включая не только возмещение убытков, но и иные способы компенсации причиненного вреда, такие как возмещение морального вреда, признание сделки недействительной или применение мер оперативного воздействия.

Подводя итог, можно констатировать, что институт преддоговорной ответственности играет важную роль в обеспечении стабильности и справедливости гражданского оборота. Однако для повышения его эффективности необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, развитие доктринальных подходов и формирование единообразной судебной практики. Особое внимание следует уделить вопросам толкования и применения принципа добросовестности, а также адаптации норм о преддоговорной ответственности к специфике цифровой экономики. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, в процессе преподавания гражданского права, а также в практической деятельности юристов, осуществляющих защиту прав и интересов участников договорных отношений.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс, 2025 г.
- [2] Аламова С. М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139-143.
- [3] Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex Russica, 2017 г. С. 136-147.
- [4] Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. С. 222.
- [5] Минаков, А.В. Концепция цифрового маркетинга: новые подходы к использованию маркетинга в цифровой экономике / А. В. Минаков, А. Е. Суглобов // Вопросы региональной экономики. – 2023. – № 1(54). – С. 41-48.
- [6] Новохацкая И.П., Попов С.В. Преддоговорная ответственность и её применение в контексте осуществленного реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации. / И.П. Новохацкая, С.В. Попов // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. N 1 (4). С. 102-111.

[7] Саркисян В.В. Формы гражданско-правовой ответственности и порядок их применения к субъектам преддоговорных отношений. / В.В. Саркисян. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. N 7 (98). С. 95-99.

[8] Чешин, А. В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки / А. В. Чешин // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 197-206.

[9] Чешин, А. В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики / А. В. Чешин // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024. – С. 426-433.

[10] Шохова В. А. Правовая природа преддоговорной ответственности в гражданском праве // Юридическая наука, 2023 г. С. 232-234.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) "dated 30.11.1994 N 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.11.2025) (amended and supplemented, entry effective from 01.08.2025) // ConsultantPlus, 2025

[2] Alamoza S. M. Basic principles of protection of intellectual rights in the digital environment//Legal science. 2025. № 5. S. 139-143.

[3] Ayusheeva I.Z. Pre-contractual liability: novels of civil law and judicial practice//Lex Russica, 2017 pp. 136-147.

[4] Kucher A.N. Theory and practice of the pre-contractual stage: legal aspect. M.: Statute, 2005. S. 222.

[5] Minakov, A.V. The concept of digital marketing: new approaches to the use of marketing in the digital economy/A.V. Minakov, A.E. Suglobov//Issues of regional economy. – 2023. – № 1(54). - S. 41-48.

[6] Novokhatskaya I.P., Popov S.V. Pre-contractual liability and its application in the context of the reform of the Civil Code of the Russian Federation .I.P. Novokhatskaya, S.V. Popov//Modern problems of law, economics and management. 2017. N 1 (4). S. 102-111.

[7] V.V. Sargsyan. Forms of civil liability and the procedure for their application to subjects of pre-contractual relations ./V.V. Sargsyan .//Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and governance. 2018. N 7 (98). S. 95-99.

[8] Cheshin, A. V. The use of fictions in civil law: advantages and disadvantages/A. V. Cheshin//The power of the Law. – 2023. – № 3(55). - S. 197-206.

[9] Cheshin, A. V. Economic and legal aspects of innovative activities of enterprises in the digital economy/A. V. Cheshin//Innovative development of the Russian economy: challenges and solutions: Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 20, 2023. - Moscow: Russian State University of Justice, 2024. - S. 426-433.

[10] Shokhova V. A. The legal nature of pre-contractual liability in civil law//Legal Science, 2023 P. 232-234.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-430-434

УРУСОВ Максим Сергеевич,
аспирант, Учреждение высшего образования
«Университет управления «ТИСБИ»,
e-mail: urusov-m@mail.ru

Научный руководитель:
САЛИЕВА Рида Наилевна,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: pandora610@yandex.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Аннотация. В данной работе автор уделяет особое внимание комплексному анализу правового института прекращения деятельности индивидуального предпринимателя в российской правовой системе.

Рассматриваются основания прекращения деятельности, включая добровольный порядок и принудительные механизмы, а также их юридические последствия. Последовательно излагаются нормативные основания, причины прекращения предпринимательской деятельности, раскрывается содержание подготовительного и регистрационного этапов, поэтапно и структурированно рассматривается процедура прекращения деятельности индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: прекращение деятельности, индивидуальный предприниматель, реализация права, осуществление деятельности, государственная регистрация, добровольное прекращение.

URUSOV Maksim Sergeevich,
postgraduate student, Institution of higher education
University of Management "TISBI"

Scientific supervisor:
SALIEVA Rida Nailevna,
doctor of Law, Associate Professor

TERMINATION OF THE ACTIVITY OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS IN RUSSIA

Annotation. In this work, the author pays special attention to a comprehensive analysis of the legal institution of termination of the activity of an individual entrepreneur in the Russian legal system. The reasons for termination of activities, including voluntary procedures and coercive mechanisms, as well as their legal consequences, are considered. The regulatory grounds and reasons for the termination of entrepreneurial activity are consistently outlined, the content of the preparatory and registration stages is disclosed, and the procedure for terminating the activity of an individual entrepreneur is considered in a step-by-step and structured manner.

Key words: termination of activity, individual entrepreneur, realization of the right, implementation of activity, state registration, voluntary termination.

Одним из видов выражения правомочия субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности, связанной с реализацией своего права, является воз-

можность прекратить ее осуществление в любой момент времени исходя из своего собственного усмотрения. Однако, в отличие от реализации права на государственную регистрацию гражда-

нина в качестве субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности, возможность прекращения такой деятельности, которая одновременно связана с прекращением государственной регистрации гражданина в качестве субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности, обуславливает возможность прекращения существования указанных правоотношений и помимо воли самого индивидуального предпринимателя, в том числе в связи с наступлением независимых как от его воли, так и от воли иных заинтересованных лиц обстоятельств.

По общему правилу, в силу действующих положений Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», индивидуальный предприниматель вправе в любой момент прекратить осуществление своей деятельности путем снятия себя с учета в этом качестве с исключением себя из ЕГРИП, что, в свою очередь, приводит к утрате гражданином права на осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности по причине утраты им соответствующего набора правомочий, являвшихся составными компонентами статуса индивидуального предпринимателя.

Процедура прекращения осуществления предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя предполагает выполнение ряда обязательных действий для достижения искомого результата. В отличие от процедуры государственной регистрации гражданина в качестве субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности, которая начинается со сбора необходимого для этого пакета документов и подачи соответствующего заявления, прекращение ведения индивидуальной предпринимательской деятельности заключается в необходимости первоначального исполнения индивидуальным предпринимателем всех имеющих на момент принятия такого решения обязательств. В первую очередь речь идет об уплате налогов, сборов и иных страховых взносов, поскольку именно эти данные в первую очередь проверяются регистрирующими органами при принятии соответствующего решения о прекращении государственной регистрации субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности.

Остальные обязательства со стороны индивидуального предпринимателя также предполагаются к исполнению до принятия им соответствующего решения о прекращении деятельности с подачей соответствующего заявления, однако к числу обязательных условий, несоблюдение которых препятствует прекращению государственной регистрации в качестве индивидуального пред-

принимателя, не входят. В частности, к числу таких обязательств могут быть отнесены гражданско-правовые обязательства в рамках исполнения гражданско-правовых соглашений, наличие которых не является препятствием к прекращению государственной регистрации, однако прекращение государственной регистрации гражданина в качестве субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности не рассматривается в качестве основания для освобождения такого гражданина от исполнения ранее принятых на себя обязательств гражданско-правового характера.

После того, как все действия, направленные на исполнение принятых индивидуальным предпринимателем обязательств, необходимых в силу закона, были приняты, а сами обязательства были исполнены в полном объеме с наличием всех подтверждающих документов, начинается второй этап процедуры прекращения деятельности индивидуального предпринимателя как субъекта экономической деятельности, на котором осуществляется оформление всех необходимых документов для их подачи в регистрационный орган.

В представляемый пакет документов входят:

- подписанное индивидуальным предпринимателем-заявителем заявление о государственной регистрации прекращения деятельности по установленной ФНС России форме;
- документ, подтверждающий представление в территориальный орган Социального фонда РФ сведений, необходимых для закрытия лицевого счета индивидуального предпринимателя: фамилия, имя, отчество (при наличии), дата рождения, место рождения, пол, адрес постоянного места жительства (адрес места пребывания), сведения о документе, удостоверяющем личность, гражданство), своих работников (фамилию, имя и отчество, периоды работы (деятельности), а также иные необходимые сведения;
- документ об оплате государственной пошлины за процедуру государственной регистрации прекращения статуса индивидуального предпринимателя.

В течении пяти рабочих дней регистрирующий орган обязан проверить все необходимые документы и принять соответствующее решение. В первом случае, при условии, что индивидуальным предпринимателем были соблюдены все установленные законом требования, а также при отсутствии иных потенциально возможных правовых препятствий, принимается решение об исключении индивидуального предпринимателя из ЕГРИП с последующей утратой им права на осу-

ществование предпринимательской деятельности. Этот же юридический факт приводит к наступлению и иных потенциально возможных последствий.

Если же индивидуальный предприниматель не выполнил всех предусмотренных законом условий при подаче соответствующего заявления, что было обнаружено в ходе проверки регистрирующим органом, то последний принимает решение об отказе в государственной регистрации прекращения деятельности в качестве индивидуального предпринимателя с его последующим уведомлением через имеющиеся у регистрирующего органа контактные данные. В свою очередь, сам субъект индивидуальной предпринимательской деятельности в таком случае имеет право либо устранить причины, которые послужили препятствием к прекращению деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, либо обжаловать действия регистрирующего органа. Последнее предполагает подачу жалобы сперва в вышестоящий налоговый орган (управление налоговой службы по субъекту РФ) а позднее – в арбитражный суд субъекта РФ, если досудебная жалоба не была удовлетворена или не была удовлетворена в полной мере.

Что касается характеристики случаев принудительного прекращения индивидуальным предпринимателем своей деятельности, то первоначально следует обратить внимание на то, что указанные случаи сами по себе также предполагают исключение записи о гражданине как субъекте индивидуальной предпринимательской деятельности из ЕГРИП. Но основания для этого могут иметь различный по своей правовой природе характер. Ст. 22.3 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» устанавливает следующие случаи, при котором деятельность индивидуального предпринимателя прекращается в принудительном порядке.

1. Несостоятельность (банкротство) индивидуального предпринимателя. Наступление данного обстоятельства свидетельствует о том, что индивидуальный предприниматель оказался неспособен организовать ведение своей деятельности таким образом, чтобы иметь возможность в срок и в полном объеме рассчитываться со своими обязательствами финансового характера. Последствия несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя, помимо того, что последний лишается всего имущества и иных активов, на которые может быть обращено взыскание в силу действующего

законодательства, также подразумевают и прекращение статуса гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, что рассматривается в качестве некой меры ответственности за неспособность организации своего «предприятия» в широком смысле этого слова. В рамках складывающейся судебной практики решения арбитражных судов, которыми признается несостоятельность (банкротство) индивидуального предпринимателя, дается указание на соответствующие нормы Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которым устанавливается факт прекращения регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя.

Кроме того, следует отметить, что в будущем такой субъект в течении определенного срока (5 лет) не сможет вновь приобрести статус индивидуального предпринимателя.

2. Запрет на осуществление предпринимательской деятельности. В данном случае речь идет о применении к субъекту индивидуальной предпринимательской деятельности соответствующего уголовного наказания за совершенное им преступление. Преимущественно данная уголовно-правовая мера имеет дополнительный характер к основному виду наказания, однако ее применение в дальнейшем лишает лица, совершившего соответствующее преступление, вновь заниматься преступной деятельностью, в том числе с использованием статуса индивидуального предпринимателя, что характерно для области преступлений экономической и налоговой направленности, а также иных противоправных деяний преступной направленности, совершение которых предполагает наличие, в том числе, статуса индивидуального предпринимателя как субъекта экономической деятельности (в частности, в рамках преступных деяний коррупционной направленности).

Дополнительно можно отметить, что рассматриваемая уголовно-правовая мера также нацелена на осуществление общей превенции совершения отдельных категорий преступлений. С помощью лишения признанного виновным в совершении определенного преступления субъекта индивидуальной предпринимательской деятельности, государство в лице судебного органа, постановившего соответствующий приговор, исключает для преступника-предпринимателя возможность и далее осуществлять свою противоправную деятельность, тем самым причиняя

или создавая условия для потенциально возможного причинения вреда правам и законным интересам личности, общества и государства вне зависимости от степени и тяжести такого вреда.

[2]

3. Совершение предпринимателем иного преступления, факт судимости за которое препятствует дальнейшему осуществлению предпринимательской деятельности. Ранее нами было указано, что в процессе оформления пакета документов для государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, если гражданин нацелен осуществлять отдельные виды деятельности (например, непосредственно связанной с управлением легковыми такси при осуществлении перевозок пассажиров и багажа, а также деятельности в области образования, спорта, культурно-просветительской и иной деятельности с участием несовершеннолетних) не допускаются лица, имеющие судимость за совершение ряда преступлений.
4. Аннулирование документа-основания на пребывание иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ. Указанное основание по принудительному прекращению предпринимательской деятельности по инициативе публично-властных органов связано с утратой права иностранного гражданина или лица без гражданства легально пребывать на территории РФ.
5. Исключение индивидуального предпринимателя из ЕГРИП в связи с фактическим прекращением деятельности. Действующая политика ФНС России в настоящее время направлена на исключение из государственных реестров, имеющих в себе информацию о субъектах предпринимательской и иной экономической деятельности, в частности, индивидуальных предпринимателей, которые фактически не осуществляют ведение предпринимательской и иной экономической деятельности, не представляют в налоговые органы бухгалтерскую и иную финансовую отчетность, а также имеют задолженность перед бюджетом по налогам, сборам и страховым взносам. Причем, такая ситуация в силу закона должна сохраняться на протяжении 15 месяцев с даты представления последней отчетности как свидетельства фактического осуществления предпринимателем деятельности.

Выполнение представленной процедуры предполагает осуществление действий следующего характера:

- 1) Публикация в «Вестнике государственной регистрации» данных о предстоящем исключении индивидуального предпринимателя из ЕГРИП;
- 2) Ожидание один месяц с целью получения потенциальных возражений от соответствующего индивидуального предпринимателя относительно его исключения из ЕГРИП;
- 3) При неполучении таких возражений, регистрирующий орган ожидает 15 календарных дней с момента истечения месячного срока и принимает соответствующее решение, после чего запись о государственной регистрации гражданина как об индивидуальном предпринимателе исключается из ЕГРИП. [5]

Подводя итог, необходимо отметить, что государство предоставляет систему нормативно правового регулирования, которая определяет возможность в любой момент на добровольной основе прекратить осуществление индивидуальным предпринимателем своей деятельности с прекращением указанного статуса, а также возможность прекращения такой деятельности в принудительном порядке. Тем не менее, процедура прекращения деятельности индивидуального предпринимателя не сводится лишь к единовременному акту подачи заявления в регистрирующий орган, а представляет собой четко структурированную юридическую процедуру, состоящую из комплекса различных правовых действий, необходимых для прекращения деятельности индивидуального предпринимателя, при котором будут учтены интересы всех сторон ранее задействованных в процессе осуществления непосредственной деятельности индивидуального предпринимателя.

Список литературы:

- [1] Григорянц С.А., Григорьева К.В. О некоторых аспектах гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя //Legal Bulletin. 2023.
- [2] Красильникова М.С., Ласточкин А.Н. О некоторых вопросах правового регулирования и практики исполнения уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Кузбасского института. 2024. №. 2. С. 33–45.
- [3] Куницкая Е.В. Различия инвестиционной и предпринимательской деятельности через категорию интереса и риска // Юридическая наука. 2021. №1.
- [4] Милосердов А.С. Защита прав потребителей. // Издательская группа «Юрист». 2021.

[5] Павлова А.Д. Особенности процедуры исключения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей из ЕГРЮЛ/ЕГРИП и тенденции развития данного института права //Актуальные исследования. 2022. №. 35. С. 37-40.

References:

[1] Grigoryants S.A., Grigorieva K.V. On some aspects of civil liability of an individual entrepreneur// Legal Bulletin. 2023.

[2] Krasilnikova M.S., Lastochkin A.N. On some issues of legal regulation and the practice of executing criminal punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain

activities//Bulletin of the Kuzbass Institute. 2024. №. 2. S. 33-45.

[3] E.V. Kunitskaya. Differences between investment and entrepreneurial activities through the category of interest and risk//Legal science. 2021. №1.

[4] Miloserdov A.S. Protection of consumer rights //Publishing group "Lawyer." 2021.

[5] A.D. Pavlova. Peculiarities of the procedure for the exclusion of legal entities and individual entrepreneurs from the Unified State Register of Legal Entities/Unified State Register of Legal Entities and the development trends of this Institute of Law//Actual research. 2022. №. 35. S. 37-40.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-435-438

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: chigrineczv@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор анализирует существующие доктринальные подходы к интерпретации общих признаков субъекта, а также исследуется специфика квалификации лиц, подлежащих уголовной ответственности за данное деяние. В работе рассматриваются вопросы, связанные с толкованием понятия «лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля», и выявляются правовые пробелы, касающиеся ответственности квалифицированных медицинских работников. По итогам исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики для обеспечения единообразия квалификации и повышения эффективности защиты жизни и здоровья граждан.

Ключевые слова: субъект преступления; беременная женщина; лицо, имеющее высшее медицинское образование; порядок и условия проведения процедуры; специальный субъект.

CHIGRINETSV Vladislava Sergeevna,
Lecturer of the Department of Criminal Law
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF ILLEGAL ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY

Annotation. This article addresses the pressing issue of determining the subject of a crime under Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes existing doctrinal approaches to interpreting the general characteristics of a subject and examines the specific qualifications of individuals subject to criminal liability for this act. The paper examines issues related to the interpretation of the concept of “an individual without a higher medical education in the relevant field” and identifies legal gaps regarding the liability of qualified medical professionals. Based on the research findings, specific proposals are formulated for improving criminal legislation and law enforcement practices to ensure uniformity of qualifications and increase the effectiveness of protecting the life and health of citizens.

Key words: subject of the crime; pregnant woman; person with higher medical education; procedure and conditions for conducting the procedure; special subject.

Введение

Защита жизни и здоровья человека является одним из фундаментальных конституционных принципов Российской Федерации, который свое воплощение в системе уголовно-правовых норм. Так, особое место занимает преступление, предусмотренное ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], которое устанавливает ответственность за незаконное производство искусственного прерывания беременно-

сти. Данный состав преступления обладает сложной юридической природой, обусловленной пересечением медицинских, этических, социальных и правовых аспектов, что традиционно вызывает обширные дискуссии в правовой доктрине и правоприменительной практике.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами:

- во-первых, несмотря на существующее правовое регулирование и строгую регламента-

цию процедуры искусственного прерывания беременности Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], практика незаконных аборт сохраняет свою актуальность. Это явление сопряжено с повышенными рисками для жизни и здоровья женщины, а также с нарушением установленного государством порядка оказания медицинских услуг;

- во-вторых, специфика субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, вызывает вопросы относительно определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности. Дискуссионным остается объем понятия «лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля», а также возможность привлечения к ответственности иных участников данного противоправного акта;
- недостаточная четкость в определении субъекта может приводить к ошибкам в правоприменении, снижению эффективности уголовно-правового воздействия и нарушению принципов справедливости и неотвратимости наказания.

Цель и задачи

Целью настоящего исследования является комплексный анализ субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, с учетом доктринальных подходов и современных вызовов.

Для достижения поставленной цели в работе будут решены следующие задачи: дать характеристику общим признакам субъекта преступления в уголовном праве Российской Федерации; определить признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в части определения субъекта преступления.

Методология исследования

В статье используются общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод изучения судебной практики).

Результаты

А.Н. Попов отмечает, что субъект преступления – это «физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее во вменяемом состоянии общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ» [3, с. 17]. А Е.В. Шаназарова со своим соавтором полагают, что: «субъектом преступления является то лицо, которым непосредственно осуществлялись

действия или бездействие, запрещенное УК РФ» [4, с. 193]. Ученый-правовед Г.А. Агаев отмечает, что «субъект преступления – обязательный элемент состава преступления» [5, с. 104]. Исследование доктринальных подходов касательно интерпретации субъекта преступления позволяет сделать вывод, что субъект преступления – это один из обязательных элементов состава преступления, который характеризуется набором признаков: физическое лицо, возраст, вменяемость.

Важно отметить, что принятие решения о медицинском вмешательстве в форме прерывания беременности женщиной, обусловлено ее информированным добровольным согласием на потенциальное причинение вреда собственному здоровью, которое осуществляется с целью минимизации рисков возникновения фетальных патологий или иных неблагоприятных исходов для плода [6, с. 47]. Государство, в рамках регулирования медицинской деятельности, ограничивает проведение подобных процедур исключительно квалифицированными специалистами – врачами акушерами-гинекологами, что подчеркивает необходимость наличия специализированных компетенций. Но, действующее уголовное законодательство предусматривает прямой запрет на искусственное прерывание беременности лицами, не обладающими надлежащей профессиональной подготовкой и разрешением, с установлением уголовной ответственности за нарушение данного положения.

Из указанного выше, а также из анализа диспозиции нормы следует, что субъект преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ – специальный, то есть, помимо общих признаков наделен и дополнительными [7, с. 102]. Так, это лицо, которое на момент совершения преступления достигло шестнадцатилетнего возраста и не имело высшего медицинского образования соответствующего профиля. В частности, такое лицо не должно иметь высшее медицинское образование по специальности 31.05.01 «Лечебное дело», а также не должно иметь сертификата специалиста по специальности «акушерство и гинекология».

Несмотря на это, в науке уголовного права вопрос специального субъекта применительно к анализируемой норме не лишен дискуссий. Это обусловлено тем, что законодатель не учел иных лиц, которые могут представлять не меньшую опасность для жизни и здоровья беременной женщины. По данному вопросу В.В. Власенко отмечает: «лицо, обладающее высшим медицинским образованием соответствующего профиля, то есть является специалистом в соответствии с программой подготовки «Лечебное дело», но не имеющее сертификат специалиста по специальности «акушерство и гинекология», нельзя признать

субъектом преступления» [8, с. 164]. Автор полагает, что отсутствие сертификата по специальности «акушерство и гинекология» не позволяет признать такое лицо субъектом, поскольку у него имеется высшее медицинское образование.

Тем не менее, в отечественной уголовно-правовой доктрине доминирует позиция, согласно которой вопрос о круге субъектов указанного деяния не является предметом широкой полемики. Большинство правоведов традиционно относят к субъектам незаконного прерывания беременности следующие категории лиц:

1. Субъекты, обладающие высшим медицинским образованием, но профиль подготовки, которых не соответствует требованиям проведения таких процедур (например, врач-кардиолог);
2. Лица, имеющие неполное высшее медицинское образование по соответствующему профилю (например, студенты медицинских учебных заведений);
3. Средний медицинский персонал (например, акушерки и медицинские сестры);
4. Иные лица, не обладающие специальным медицинским образованием, необходимым для осуществления данных манипуляций.

Из приведенного перечня, по нашему мнению, выпадает лицо, имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля, осуществляющее проведение процедуры аборта в ненадлежащих условиях. В качестве иллюстрации такого сценария можно рассмотреть ситуацию, когда пациентка, не имеющая медицинских или социальных показаний для прерывания беременности, обращается к врачу акушеру-гинекологу с запросом на проведение процедуры в условиях полной конфиденциальности и сокрытия факта вмешательства. В данном случае, врач, обладающий соответствующей квалификацией, осуществляет искусственное прерывание беременности вне рабочего времени, а также вне аккредитованного медицинского учреждения (например, на дому). По нашему мнению, подобные действия, несмотря на профессиональную подготовку лица, представляет собой не меньшую общественную опасность, чем выполнение такой процедуры лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Исходя из анализа диспозиции анализируемой нормы, врач акушер-гинеколог может совершать незаконное проведение искусственного прерывания беременности на любых сроках, как в специализированных медицинских учреждениях, так и нет. По нашему мнению, этот правовой пробел способствует развитию криминального бизнеса. В этой связи, считаем необходимым внести

изменения в действующее законодательство положения, устанавливающие дополнительные условия проведения процедуры незаконного аборта.

Заключение

Проведенный анализ доктринальных подходов и законодательных положений относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, демонстрирует сложность и неоднозначность его определения. Традиционное понимание субъекта как физического, вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности, дополняется в данном составе специальным признаком — отсутствием высшего медицинского образования соответствующего профиля. Однако, именно эта формулировка создает ряд проблем, снижающих эффективность уголовно-правовой защиты.

Основным недостатком действующей диспозиции ст. 123 УК РФ является её сосредоточенность исключительно на статусе образования субъекта, что оставляет за рамками уголовной ответственности случаи, когда незаконное проведение искусственного прерывания беременности совершается лицом, обладающим необходимым высшим медицинским образованием (например, врач-гинеколог), но действующим вне рамок лицензированной медицинской организации, в антисанитарных условиях, без соблюдения протоколов безопасности или с нарушением сроков, установленных законом. Такие деяния, будучи не менее общественно опасными и способными причинить тяжкий вред здоровью или смерть женщине, не охватываются в полной мере диспозицией ст. 123 УК РФ, что порождает квалификационные сложности.

В целях совершенствования действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики в части определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, предлагается:

Внести изменение в диспозицию ч. 1 ст. 123 УК РФ, переформулировав её таким образом, чтобы охватить не только отсутствие профильного образования, но и нарушение установленного законом порядка и условий проведения искусственного прерывания беременности. Предлагается следующая формулировка:

«Проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, либо лицом, имеющим такое образование, но осуществившим процедуру вне медицинской организации, имеющей соответствующую лицензию, или с грубым нарушением порядка и условий ее проведения, установленных законодатель-

ством в сфере охраны здоровья». По нашему мнению, такое изменение позволит единообразно квалифицировать деяния, совершенные как лицами без профильного образования, так и квалифицированными врачами, но в обход установленных государством процедур и требований безопасности.

Для правоприменительной практики рекомендовать судам и следственным органам при квалификации деяний по ст. 123 УК РФ не ограничиваться формальным наличием или отсутствием диплома о высшем медицинском образовании, но всегда исследовать фактические обстоятельства проведения процедуры, включая место, условия и соблюдение медицинских стандартов. Это позволит полностью оценить общественную опасность деяния и виновность субъекта.

Реализация указанных предложений будет способствовать укреплению правовой определенности в сфере охраны здоровья граждан, повышению эффективности уголовно-правовых мер по борьбе с незаконным проведением искусственного прерывания беременности и обеспечению принципов справедливости и законности.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. № 63. Ст. 2954.
- [2] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 17.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. N 48 ст. 6724.
- [3] Уголовное право. Общая часть: учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шаронов; под ред. А. Н. Попова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. — 76 с.
- [4] Шаназарова Е.В., Борисова Д.А. Субъект преступления по российскому законодательству: его сущность и правовая характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №9. — С. 192-195.
- [5] Агаев Г. А. Субъект преступления и его правовое значение / Г. А. Агаев, В. С. Чигринцев // Закон. Право. Государство. — 2025. — № 3(47). — С. 104-106.
- [6] Горбатова М.А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство аборт // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2013. №4. — С. 44-48.
- [7] Воробьева М. О., Голышева П. Д. Специальный субъект незаконного проведения искусственного прерывания беременности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-3. — С. 99-104.
- [8] Власенко В.В., Маркина И.Н., Фохер-Дедеурваердер Э. Преступления, связанные с незаконным проведением искусственного прерывания беременности (аборт), в законодательстве зарубежных стран // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №1. С. 164. — С. 154-172.

References:

- [1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 31.10.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. № 63. Art. 2954.
- [2] Federal Law No. 323-FZ dated November 21, 2011 "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation" (as amended on November 17, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 48 Art. 6724 dated November 28, 2011.
- [3] Criminal law. General part: textbook in tables/D. A. Bezborodov, A. V. Zarubin, R. M. Kravchenko, D. Yu. Kraev, M. A. Lyubavina, Yu. V. Morozova, A. N. Popov, P. V. Fedyshina, R. D. Sharapov; ed. A. N. Popova. - 2nd ed., Revised and add. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. - 76 s.
- [4] Shanazarova E.V., Borisova D.A. Subject of crime under Russian law: its essence and legal characteristics//Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. №9. - S. 192-195.
- [5] Agaev G. A. The subject of the crime and its legal significance/G. A. Agaev, V. S. Chigrinets//Law. Right. State. — 2025. — № 3(47). - S. 104-106.
- [6] Gorbatoва M.A. Some problems of criminal liability for illegal abortion//Bulletin SUSU. Series: Right. 2013. №4. - S. 44-48.
- [7] Vorobyova M.O., Golyшева P.D. Special subject of illegal artificial termination of pregnancy// International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. №11-3. - S. 99-104.
- [8] Vlasenko V.V., Markina I.N., Fochrer-De-deurvaerder E. Crimes related to illegal artificial abortion (abortion) in the legislation of foreign countries// Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2020. №1. S. 164. - S. 154-172.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-439-445

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЛЕОНОВ Михаил Романович,
ассистент кафедры
гражданского права и процесса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: leonov.mr@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. В работе исследуется правовая природа самовольной постройки как объекта недвижимости. Анализируется противоречие между «физической» и «юридической» теориями в контексте изменений ст. 222 ГК РФ. На основе судебной практики и позиции Верховного Суда РФ доказывается, что режим самовольной постройки применяется исключительно к объектам недвижимости. Определяется круг таких объектов, включая результаты реконструкции, в отношении которых выявляется законодательный пробел. В заключение предлагается дополнение ст. 130 ГК РФ для устранения правовой неопределённости.

Ключевые слова: самовольная постройка; недвижимое имущество; объект незавершённого строительства; реконструкция; «физическая» теория недвижимости.

LEONOV Mikhail Romanovich,
Assistant of the Department of Civil Law and Process
of the Law School of the Far Eastern Federal University

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Master's student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Master's student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

UNAUTHORIZED CONSTRUCTION OF REAL ESTATE OBJECTS IN THE SYSTEM

Annotation. The work explores the legal nature of unauthorized construction as a real estate object. The contradiction between “physical” and “legal” theories is analyzed in the context of changes in Art. 222 of the Civil Code of the Russian Federation. On the basis of judicial practice and the position of the Supreme Court of the Russian Federation, it is proved that the regime of unauthorized construction is applied exclusively to real estate. The range of such objects is determined, including the results of reconstruction, in respect of which a legislative gap is revealed. In conclusion, an addition to Art. 130 of the Civil Code of the Russian Federation to eliminate legal uncertainty.

Key words: unauthorized construction; immovable property; construction in progress; reconstruction; “physical” real estate theory.

Вопрос о правовой природе самовольной постройки и круге объектов, подпадающих под её режим, остаётся дискуссионным. Отсутствие чётких законодательных критериев порождает противоречия в судебной практике, особенно в отношении объектов незавершённого строительства, реконструкции и иных объектов, перечисленных в ст. 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Следует отметить, что в одной из ранних редакций п. 1 ст. 222 ГК РФ содержалась формулировка «иное недвижимое имущество» в качестве объекта, на который распространяется правовой режим самовольной постройки. Однако в редакции 2015 года законодатель изменил данный подход [1], исключив указанную категорию из числа объектов, к которым применяются соответствующие нормы, в соответствии с чем в настоящее время не дан однозначный ответ на вопрос о том, является ли объект самовольного строительства недвижимостью.

Вместе с тем, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что ст. 222 ГК РФ, применяется исключительно к недвижимым объектам [2]. Так, в п. 2 Обзора Судебной Практики 2022 года указано, что в отношении объектов, не обладающих признаками недвижимости, положения указанной статьи не подлежат применению [3].

Вышесказанное подтверждается также п. 5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» (далее – ПП ВС № 44), в котором указано, что правовое регулирование ст. 222 ГК РФ распространяется на отношения, складывающиеся по поводу объектов, соответствующих такому признаку недвижимости, как прочная связь с землей, не допускающая их перемещение без причинения им несоразмерного ущерба [4], что соответствует признакам недвижимости, указанным в ст. 130 ГК РФ.

Прежде чем перейти к перечню объектов недвижимости, подпадающих под критерий самовольности, необходимо затронуть вопрос о правах на такие объекты.

В РФ по общему правилу действует правоустанавливающий режим прав на недвижимое имущество [5]. Основанием возникновения права на объект недвижимости является государственная регистрация права (перехода права на объект недвижимости). Такой вывод делается из системного анализа положений ст. 8.1, 223, 224 ГК РФ в силу которых права на недвижимое имущество возникают с момента их государственной регистрации.

Получается, что только если права на объект недвижимости зарегистрированы в ЕГРН, то они с точки зрения гражданского права считаются возникшими. Из этого следует, что необходимо определиться с тем, чем будет являться самовольная постройка с точки зрения подходов к недвижимому имуществу.

Применение правового режима самовольной постройки, исключительно к объектам недвижимости соответствует «физической» теории, представленной в юридической доктрине. В рамках указанного подхода отнесение объекта строительства к недвижимому имуществу обуславливается его природными и физическими свойствами [6].

Однако, ряд исследователей, высказывают сомнение в допустимости отнесения самовольной постройки к числу объектов лишь недвижимого имущества [7]. В частности, А. Н. Левушкин и В. В. Измаилов в своей работе пишут о том, что «... исходя из положений закона, самовольная постройка не является объектом гражданских прав и не является недвижимой вещью» [8].

Свою точку зрения авторы основывают на «юридической» теории недвижимости, согласно которой критерием признания объекта недвижимым имуществом является факт государственной регистрации права на объект. Сторонниками указанной точки зрения являются такие ученые цивилисты как О.М. Козырь [9], В.С. Жабреев [10], а также Е.А. Суханов, который считает, что в современных условиях решающим фактором, определяющим недвижимость, является не её неотделимость от земли, а установленный законом порядок регистрации вещных прав [11].

Критикуя данную позицию, стоит отметить слова О. Ю. Скворцова, который в своих работах писал о том, что «государственная регистрация представляет собой лишь фиксацию прав на недвижимое имущество, а не первоначальный способ их приобретения» [12]. Следует также подчеркнуть, что ст. 130 ГК РФ не рассматривает наличие государственной регистрации в качестве обязательного критерия для отнесения объекта к недвижимому имуществу.

На это указывает и п. 38 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором определено, что «государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания её объектом недвижимости» [13].

Из изложенного, однако, можно сделать ошибочный вывод, что поскольку самовольная постройка является объектом недвижимости в

силу «физической теории», то на неё возможно зарегистрировать гражданские права, в т.ч. право собственности.

Однако современная редакция ст. 128, 129 ГК РФ указывают, что к категории недвижимых вещей относятся только те вещи, которые либо не ограничены в обороте, либо в обороте ограничены. Изъятые из оборота вещи не являются объектами гражданских прав.

Этот же вывод поддерживается судебной практикой, которая указывает, что даже если права на объект недвижимости зарегистрированы, но установлено, что он возведен с нарушениями, указанным в п. 1 ст. 222 ГК РФ, то снос такого объекта и как следствие исключение его из ЕГРН допустимы [14].

По нашему мнению, государственная регистрация не формирует правовую природу вещи, а является её следствием.

Можно ли при этом сказать, что на самовольную постройку не распространяются гражданские права вообще? Полагаем, что на указанный вопрос следует ответить отрицательно с одним отступлением. До момента регистрации права на самовольную постройку, как на объект недвижимости не возникают. Вместе с этим такое право может предполагаться. В отношении объектов недвижимости, подпадающих под критерий самовольной постройки действует правило о регистрации права собственности при условии, что такие объекты пусть и нарушают установленные правила землепользования и застройки, но при этом не нарушают права и законные интересы третьих лиц (п. 3 ст. 222 ГК РФ). Исходя из анализа ст. 12 ГК РФ следует, что у лица, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, возникает право на признание права собственности на самовольную постройку. В последствии эта самовольная постройка в силу ст. 8 ГК РФ преобразуется в «законный» объект недвижимости, на который в силу ст. 8 ГК РФ возникает право собственности.

Также представляется обоснованным вывод о том, что правовой режим самовольной постройки распространяется исключительно на объекты недвижимости, а изменения, внесённые в п. 1 ст. 222 ГК РФ в 2015 году, не повлияли принципиальным образом на правовую природу объектов, подпадающих под её регулирование. Однако права на них не могут быть зарегистрированы в силу указания закона. Поэтому вполне логичной выглядит точка зрения О.В. Гумилевской, характеризующей самовольные постройки как особую катего-

рию недвижимых объектов, созданных с отступлением от требований законодательства [15], на что также указывал Конституционный Суд [16].

Исходя из того, что ст. 222 ГК РФ распространяется исключительно на недвижимое имущество, возникает вопрос о том какие объекты, перечисленные в ст. 130 ГК РФ могут стать самовольной постройкой?

Начнем со зданий, сооружений (за исключением некапитальных), и строений, которые легально закреплены в дефиниции самовольной постройки. Определение понятий «здание» и «сооружение» дается в Федеральном законе от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [17]. Также указанные объекты закреплены в абз. 1 п.1 ст.130 ГК РФ и в дефиниции объекта капитального строительства в п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [18].

Следовательно, указанные объекты безусловно обладают признаками недвижимого имущества и, соответственно, могут квалифицироваться как самовольные постройки.

Однако понятие «строение» легально нигде не закреплено. В доктрине по данному вопросу сформировались две точки зрения. Во-первых, понятие «строение» рассматривается как «... родовое по отношению к понятиям здания и сооружения и означает результат строительной деятельности, имеющий определенную степень законченности» [19]. Тем не менее, по не вполне ясным причинам законодатель включил данный объект в понятие самовольной постройки, наряду со зданиями и сооружениями, поэтому с такой точкой зрения согласиться нельзя.

Единственным правомерным объяснением присутствия в п. 1 ст. 222 ГК РФ формулировки «другое строение» является необходимость законодательного решения вопроса о признании объектов незавершенного строительства (на основании абз. 1 п. 1 ст. 130 ГК РФ) самовольными постройками.

Первоначально, в ходе строительных работ возникает объект незавершенного строительства, который согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ относится к категории недвижимости. И если создание этого объекта осуществляется с нарушением требований законодательства, то его вполне можно отнести к самовольной постройке. Стоит согласиться с данной точкой зрения.

Анализ судебных актов свидетельствует о правомерности признания указанных объектов самовольными постройками [20]. Кроме того, абз. 2 п. 5 ПП ВС № 44 прямо указывает на возможность квалификации объекта в качестве само-

вольной постройки на любой стадии его создания, начиная с возведения фундамента, что свидетельствует о применимости положений ст. 222 ГК РФ к объектам незавершённого строительства. Указанный подход находит поддержку и в научной литературе, в частности, его придерживается Р.А. Валеев [21].

В то же время в доктрине представлена и противоположная точка зрения [22]. Так, например, О. Мананников полагает, что «... понятие самовольного строительства не распространяет свое действие на объекты незавершенного строительства, т.к. последние находятся в процессе создания, а не являются уже «созданными»» [23], а также отмечает, что допущенные нарушения строительных норм и правил могут быть устранены до завершения строительства.

С данной позицией следует согласиться, т.к. до регистрации права на объект недвижимости на земельном участке, в частности до регистрации права на объект незавершенного строительства, такой объект является «продолжением» земельного участка. Учитывая, что субъекты гражданского права приобретают права на основании своего волеизъявления, а объект незавершенного строительства возникает только при условии его регистрации, то объекты незавершенного строительства, не зарегистрированные, но существующие, не могут автоматически признаваться самовольными постройками.

Как следует из теоретических положений и судебных решений, в круг объектов, подпадающих под регулирование ст. 222 ГК РФ, входят также искусственные земельные участки и обособленные части зданий и сооружений, которые могут функционировать автономно от других частей, самостоятельно вводиться в эксплуатацию, быть самостоятельными объектами реконструкции и сноса [24].

Ещё одним объектом, который может быть признан самовольной постройкой является единый недвижимый комплекс (далее – ЕНК). Вместе с тем, как следует из судебной практики, с учётом применения к ЕНК положений о неделимых вещах, его составные элементы не обладают самостоятельной правовой судьбой, и следовательно, не могут признаваться самовольными постройками по-отдельности [25]. Следовательно, самовольной постройкой может быть признан лишь ЕНК в целом, и как отмечал А. В. Ахмедов

«... только в том случае, если признаки самовольной постройки имеются у всех объектов, входящих в состав единого недвижимого комплекса» [26].

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии исков, предметом которых выступают

объекты самовольной реконструкции [27]. Для того, чтобы правовой режим самовольной постройки распространялся на реконструкцию, она должна носить существенный характер и фактически приводить к формированию нового объекта недвижимости [28].

Пункт 5 ПП ВС № 44 говорит о том, что объект может быть признан самовольной постройкой после реконструкции, если проведенные работы привели к изменению его ключевых параметров: высоты, количества этажей, площади или объёма.

Существующая законодательная неопределенность в отношении правового статуса объектов, возникающих после реконструкции, ведет к противоречиям в судебных решениях [29]. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 130 ГК РФ положением, четко определяющим понятие нового недвижимого имущества, образующегося в результате реконструкции: «новым объектом недвижимости, созданным в результате реконструкции, признаётся объект, созданный в результате существенного изменения ранее существующего недвижимого имущества, повлёкшего изменение его индивидуально-определяющих характеристик, включая высоту, площадь, объём, этажность, в том числе надстройка, пристройка». Такая потребность объясняется тем, что в судебных спорах о признании реконструированного объекта самовольной постройкой ключевым элементом доказывания выступает установление факта образования нового объекта недвижимости вследствие проведенных преобразований.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что, несмотря на редакционные изменения 2015 года, самовольная постройка сохраняет свою правовую природу как объект недвижимости. Это подтверждается судебной практикой и доктриной, отдающей приоритет «физической теории», согласно которой ключевым критерием является прочная связь с землёй, а не факт государственной регистрации. Режим ст. 222 ГК РФ распространяется на широкий круг объектов: здания, сооружения, объекты незавершённого строительства, а также на результаты существенной реконструкции, ведущей к созданию нового объекта. Однако именно в отношении реконструированных объектов наблюдается значительная правовая неопределённость из-за отсутствия чётких законодательных критериев отличия реконструкции от создания новой вещи. Данный пробел порождает противоречия в судебных решениях и затрудняет защиту прав. В целях унификации практики представляется обоснованным и необходимым закрепление в ст. 130 ГК РФ легального определения нового объекта недвижимости, возникающего в

результате реконструкции. Таким образом, совершенствование законодательных дефиниций является ключевым условием для обеспечения стабильности оборота и эффективной защиты нарушенных прав.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 13.07.2015 N 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2022 N Ф06-21065/2022 по делу N А65-11883/2021. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [3] Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.02.2025).
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.02.2025).
- [5] Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия. 2019. №11, 12.
- [6] Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. С. 130.
- [7] Пхалагов Т. С. Гражданско-правовой режим объектов капитального строительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 30.
- [8] Левушкин А. Н., Измайлов В. В. Самовольная постройка: правовые проблемы легитимации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 99.
- [9] Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. С. 276.
- [10] Жабреев В. С. Возникновение вещных прав на недвижимое имущество. Дис... к. ю. н. Екатеринбург, 2005. С. 16.
- [11] Суханов Е.А. Вещное право: научно-популярный очерк. М.: Статут, 2017. С. 97.
- [12] Скворцов О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте: учеб.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 66.
- [13] Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [14] Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 16.11.2022.
- [15] Гумилевская О.В. Основания признания права собственности на самовольную постройку. Дис... к. ю. н. Краснодар, 2008. С. 52.
- [16] Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 N 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Желябовского Николая Ивановича, Миненко Дениса Евгеньевича и других на нарушение их конституционных прав положениями статьи 222 Гражданского кодекса РФ». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [17] Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 N 384-ФЗ (ред. от 25.12.2023). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [18] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [19] Бетхер В.А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект): дис. ... к. ю. н. Омск, 2016. С. 46.
- [20] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.10.2024 N Ф03-4447/2024 по делу № А04-2313/2024. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).
- [21] Валеев Р.А. Правовой режим объектов незавершенного строительства: Дис... к. ю. н. Уфа, 2007. С. 8.
- [22] Григорян А. А. Самовольные постройки: особенности изменений в правовом регулировании, последствия создания, легализация // Вестник науки. 2020. № 1. С. 82
- [23] Мананников О. Дамоклов меч самовольного строительства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 15.03.2025).
- [24] Алексеев В.А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 278.

[25] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.07.2016 N 18-КГ16-61. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).

[26] Ахмедов А.В. Виды объектов иска по делам о признании постройки самовольной // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41, № 1. С. 98.

[27] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 24-КГ15-6. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.03.2025).

[28] Волков С.В., Булычев В.В. Право собственности на объект недвижимости как вновь созданную вещь : теория и практика // Законодательство. – 2003. – № 5. – С. 14.

[29] Жаркова О. А. Создание нового объекта недвижимости: публичное и гражданское законодательство // Закон. 2022. № 4. С. 178.

References:

[1] Federal Law of 13.07.2015 N 258-FZ “On Amendments to Article 222 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” and Federal Law “On Enactment of Part One of the Civil Code of the Russian Federation.” [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[2] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 08.08.2022 N Ф06-21065/2022 in case N A65-11883/2021. [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[3] Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 16.11.2022). [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.02.2025).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.12.2023 No. 44 “On some issues arising in judicial practice when applying the rules on unauthorized construction.” [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.02.2025).

[5] Bevzenko R.S. Commentary to Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation//Bulletin of Economic Justice. 2019. №11, 12.

[6] Shershenevich G.F. Favorites. T. 5: Text-book of Russian civil law/Entry. word, comp.: P.V. Krashenninnikov. - M.: Statute, 2017. S. 130.

[7] Phalagov T. S. Civil law regime of capital construction projects: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2012. S. 30.

[8] Levushkin A.N., Izmailov V.V. Unauthorized building: legal problems of legitimation//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2022. № 1. S. 99.

[9] Kozyr O.M. Real estate in the new Civil Code of Russia//Civil Code of Russia: Problems. Theory. Practice. M., 1998. S. 276.

[10] Zhabreev V. S. Emergence of real estate rights. Dees... to. Yu. N. Yekaterinburg, 2005. S. 16.

[11] Sukhanov E.A. Property law: scientific and educational essay. M.: Statute, 2017. S. 97.

[12] Skvortsov O.Yu. Real estate transactions in commercial circulation: training-practice. allowance. M.: Wolters Kluwer, 2006. S. 66.

[13] Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the application by the courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation.” [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[14] Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.11.2022.

[15] Gumilevskaya O.V. Grounds for recognition of ownership of unauthorized construction. Dees... to. Yu. N. Krasnodar, 2008. S. 52.

[16] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.09.2016 N 1873-O “On refusal to accept for consideration the complaints of citizens of Zhelyabovskiy Nikolai Ivanovich, Minenko Denis Evgenievich and others about violation of their constitutional rights by the provisions of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation.” [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[17] Federal Law “Technical Regulations on Safety of Buildings and Structures” dated 30.12.2009 N 384-FZ (rev. from 25.12.2023). [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[18] Town Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 26.12.2024). [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[19] Bether V.A. Unauthorized creation and (or) change of real estate in the Russian Federation (civil aspect): dis.... to. Yu. N. Omsk, 2016. S. 46.

[20] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 03.10.2024 N Ф03-4447/2024 in case No. A04-2313/2024. [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[21] Valeev R.A. Legal regime of construction in progress: Dis... to. Yu. N. Ufa, 2007. P. 8.

[22] Grigoryan A. A. Unauthorized buildings: features of changes in legal regulation, consequences of creation, legalization//Bulletin of Science. 2020. № 1. S. 82

[23] Manannikov O. Damoklov sword of unauthorized construction//Electronic scientific journal

“Science. Society. State.” 2017. Т. 5, NO. 3. [Electronic resource]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (access date: 15.03.2025).

[24] Alekseev V.A. Real Estate Law of the Russian Federation. Concept and types of real estate: a textbook for universities. M.: Yuright Publishing House, 2023. S. 278.

[25] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.07.2016 N 18-KG16-61. [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

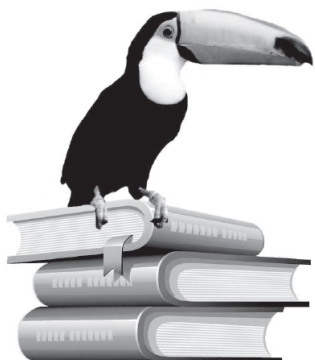
[26] Akhmedov A.V. Types of objects of claim in cases of recognition of the construction as unauthorized//Legal Bulletin of DSU. 2022. Т. 41, NO. 1. S. 98.

[27] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 24-KG15-6. [Electronic resource]. SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 15.03.2025).

[28] Volkov S.V., Bulychev V.V. Ownership of real estate as a newly created thing: theory and practice//Legislation. – 2003. – № 5. - S. 14.

[29] Zharkova O. A. Creation of a new property: public and civil legislation//Law. 2022. № 4. S. 178.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-446-450

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ПРОГРАММА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА К РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Проблемный вопрос эффективного методического обеспечения воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, основанного не на гипотетических предположениях, а на базе проведенной научно-исследовательской работы сотрудников ведомственных научно-исследовательских подразделений, никогда не терял своей актуальности. Весьма актуальным вариантом решения подобных методических вопросов является разработка единых методических продуктов, как, например, созданная работниками НИИ ФСИН России программа по организации и проведению воспитательной и социальной работы с лицами осужденными, за совершение экономических преступлений. Материалы данной публикации посвящены вопросу эффективности возможности использования данной программы, имеющей явные достоинства в аспекте применения ее на практике.

Цель статьи – это раскрытие цели, задач Программы, а также ее структурного содержания, а также возможностей ее эффективной реализации.

Задачами публикации являются: раскрытие актуальности Программы посредством анализа основных проблемных аспектов воспитательной и социальной работы в отношении различных категорий осужденных, а также характеристик методического обеспечения системного характера этой работы; определить конструктивный характер возможности использования Программы, сформированной на базе исследовательской работы работников научно-исследовательского института ФСИН России, в силу чего отличающуюся системным характером, методического воздействия; разрешить вопрос посредством анализа материалов Программы по их ориентированию на все существующие этапы отбывания осужденным уголовного наказания в пенитенциарном учреждении, для обеспечения системного характера исправительного воздействия; осуществить анализ содержательной структуры Программы, ее соответствующих разделов, с целью определения вопроса решения содержания Программы вопроса одновременной реализации учета типологических характеристик рассматриваемой категории осужденных, а также их индивидуальных характеристик.

Рабочие гипотезы исследования: основным проблемным аспектом воспитательной и социальной работы в отношении различных категорий осужденных, выступают не столько сложности объективной реализации воздействия исправления, сколько недостатки характеристик в методическом обеспечении системного характера этой работы; в числе ряда имеющихся методических продуктов, регламентирующих воспитательную и социальную работу с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, именно системным, методическим характером реализации выделяется программа по организации и проведению воспитательной и социальной работы с лицами осужденными, за совершение экономических преступлений (Программа), сформированная на базе исследовательской работы работников научно-исследовательского института ФСИН России; материалы Программы ориентированы на все существующие этапы отбывания осужденным уголовного наказания в пенитенциарном учреждении, что обеспечивает системный характер исправительного воздействия; содержательная структура Программы включает в себя семь соответствующих больших разделов обеспечивая тем самым одновременную реализацию учета типологических характеристик рассматриваемой категории осужденных, а также их индивидуальных характеристик.

Результаты исследования. Материалы публикации раскрывают аспекты реализации методического обеспечения воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений посредством реализации соответствующей программы, основанной на использовании, прежде всего, индивидуального подхода в воспитательной и социальной работе. В материалах детально изложены характеристики методического обеспечения работников воспитательной и социальной службы УИС.

Ключевые слова: индивидуальный подход, воспитательная и социальная работа, пенитенциарные работники, исправление, осужденные, личностные характеристики, этапы коррекционного воздействия.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

A PROGRAM FOR AN INDIVIDUALIZED APPROACH TO THE IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL AND SOCIAL WORK WITH INDIVIDUALS SERVING CRIMINAL SENTENCES FOR COMMITTING ECONOMIC CRIMES

Annotation. *The problem of effective methodological support for educational and social work with individuals serving criminal sentences for economic crimes, based not on hypothetical assumptions, but on the research conducted by staff at departmental research units, has never lost its relevance. A highly relevant solution to such methodological issues is the development of unified methodological products, such as the program for organizing and conducting educational and social work with individuals convicted of economic crimes, created by staff at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. The materials of this publication are devoted to the effectiveness of this program, which has clear advantages in terms of its practical application.*

The purpose of this article is to disclose the purpose and objectives of the Program, as well as its structural content, and the possibilities for its effective implementation. The objectives of this publication are: to reveal the relevance of the Program by analyzing the main problematic aspects of educational and social work with various categories of prisoners, as well as the characteristics of the methodological support for the systemic nature of this work; To determine the feasibility of using the Program, developed based on the research work of staff at the Federal Penitentiary Service Research Institute, and therefore characterized by its systemic nature and methodological impact; to resolve this issue by analyzing the Program materials and aligning them with all existing stages of a convict's criminal sentence in a penitentiary institution, to ensure the systemic nature of the correctional impact; to analyze the substantive structure of the Program and its relevant sections, with the aim of determining whether the Program's content simultaneously takes into account the typological characteristics of the category of convicts in question, as well as their individual characteristics. Working hypotheses of the study: the main problematic aspect of educational and social work in relation to various categories of convicts is not so much the difficulties in the objective implementation of the correctional impact, but rather the shortcomings in the characteristics of the methodological support for the systemic nature of this work; Among a number of existing methodological products regulating educational and social work with individuals serving criminal sentences for committing economic crimes, the Program for Organizing and Conducting Educational and Social Work with Individuals Convicted of Economic Crimes (the Program) stands out for its systematic, methodological implementation. This Program is based on research conducted by staff at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. The Program's materials address all existing stages of a convict's criminal sentence in a penitentiary institution, ensuring a systemic nature of correctional interventions. The Program's substantive structure includes seven corresponding major sections, thereby ensuring the simultaneous consideration of the typological characteristics of this category of convicts, as well as their individual characteristics.

Research Results. *The publication's materials reveal aspects of the implementation of methodological support for educational and social work with individuals serving criminal sentences for committing economic crimes through the implementation of a corresponding program based primarily on*

the use of an individual approach to educational and social work. The materials set out in detail the characteristics of the methodological support for employees of the educational and social services of the penal system.

Key words: *individual approach, educational and social work, penitentiary workers, correction, convicts, personal characteristics, stages of correctional intervention.*

Введение. Среди самых сложных направлений воспитательной и социальной работы в отношении различных категорий осужденных, не зря выступает именно работа с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений. Трудность этого направления воспитательной работы характеризуется не столько сложностями объективной реализации воздействия исправления, сколько недостатками характеристик в методическом обеспечении системного характера этой работы [1, с. 23; 2, с. 95].

Среди ряда остальных методических продуктов, регламентирующих воспитательную работу с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, именно системным, методическим характером реализации выделяется программа по организации и проведению воспитательной и социальной работы с лицами осужденными, за совершение экономических преступлений (Программа), сформированная на базе исследовательской работы работников научно-исследовательского института ФСИН России [3, с. 77].

Очевидным достоинством Программы, благодаря результатам проведенной работниками научно-исследовательского института ФСИН России исследовательской работы, служит возможность индивидуального подхода к реализации воспитательной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, в силу выявления типологических личностных характеристик осужденных рассматриваемой категории, а также соответственно и персональных средств исправления указанных выше лиц.

Гипотезы исследования: основным проблемным аспектом воспитательной и социальной работы в отношении различных категорий осужденных, выступают не столько сложности объективной реализации воздействия исправления, сколько недостатки характеристик в методическом обеспечении системного характера этой работы;

в числе ряда имеющихся методических продуктов, регламентирующих воспитательную и социальную работу с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, именно системным, методическим характером реализации выделяется программа по организации и проведению воспитательной и

социальной работы с лицами осужденными, за совершение экономических преступлений (Программа), сформированная на базе исследовательской работы работников научно-исследовательского института ФСИН России;

материалы Программы ориентированы на все существующие этапы отбывания осужденным уголовного наказания в пенитенциарном учреждении, что обеспечивает системный характер исправительного воздействия;

содержательная структура Программы включает в себя семь соответствующих больших разделов обеспечивая тем самым одновременную реализацию учета типологических характеристик рассматриваемой категории осужденных, а также их индивидуальных характеристик.

Цель статьи – раскрытие цели, задач Программы, а также ее структурного содержания, а также возможностей ее эффективной реализации.

Задачи исследования: раскрытие актуальности Программы посредством анализа основных проблемных аспектов воспитательной и социальной работы в отношении различных категорий осужденных, а также характеристик методического обеспечения системного характера этой работы;

определить конструктивный характер возможности использования Программы, сформированной на базе исследовательской работы работников научно-исследовательского института ФСИН России, в силу чего отличающуюся системным характером, методического воздействия;

разрешить вопрос посредством анализа материалов Программы по их ориентированию на все существующие этапы отбывания осужденным уголовного наказания в пенитенциарном учреждении, для обеспечения системного характера исправительного воздействия;

осуществить анализ содержательной структуры Программы, ее соответствующих разделов, с целью определения вопроса решения содержания Программы вопроса одновременной реализации учета типологических характеристик рассматриваемой категории осужденных, а также их индивидуальных характеристик.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования. Рассматриваемая в нашей публикации Программа раскрывает содержательные аспекты реализации направлений воспитательной, социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений согласно статей с 169 по 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, входящих в состав главы 22 данного кодекса. Программа в основном ориентирована на индивидуальный характер воспитательной и социальной работы и соответственно адресована сотрудникам воспитательной и социальной служб исправительных учреждений и органов пенитенциарной системы. Тем не менее, индивидуальный характер воспитательной и социальной работы с осужденными рассматриваемой категории не исключает реализацию мероприятий группового характера, что усиливает воздействие исправительного характера посредством группового воздействия на личность осужденного [4, с. 17; 5, с. 101].

В своем содержании материалы Программы ориентированы на все существующие этапы отбывания уголовного наказания в пенитенциарном учреждении: этап прибытия в карантинное отделение; этап перевода осужденного в отряд, либо в камеру; этап участия осужденного в Школе подготовки к освобождению. Соответственно указанным этапам организуется воспитательная и социальная работа с осужденными рассматриваемой категории, а с определенной периодичностью и в частности по причине изменения режима отбывания наказания осужденному, реализуется проверка исполнения содержания Программы с соответствующими выводами и рекомендациями.

Содержательная структура Программы включает в себя семь соответствующих больших разделов, к которым относятся следующие: результаты первоначального диагностирования личностных характеристик; раздел, раскрывающий цели, задачи рассматриваемой работы; раздел, посвященный основным направлениям, методам, формам воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений; раздел, раскрывающий результаты проведенного анализа выполнения Программы. Указанные разделы в основном подходят ко всем лицам, отбывающим уголовное наказание за совершение экономических преступлений, с которыми реализуется Программа индивидуального подхода к реализации воспитательной работы. Тем не менее, имеющаяся специфика с различными осужденными может отражаться в полном объеме в разделе, посвященном основным направлениям, методам, формам воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное нака-

зание за совершение экономических преступлений. В качестве такой специфики можно указать в основном тематику спектра проводимых воспитательных действий, таких как: диспуты, беседы, просмотр воспитательных кинофильмов, просмотр воспитательных радиопередач. В свою очередь, тематика спектра проводимых воспитательных действий напрямую зависит от общественной опасности, тяжести и вида совершенного осужденным преступления.

В отличие от индивидуального подхода к реализации воспитательной работы, реализация социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений, носит, скорее, универсальный характер и в нем практически нет специфики социальной работы с различными осужденными. Содержание разделов социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений одинаково для всех таких осужденных. Но специфика социальной работы с рассматриваемой категорией осужденных может иметь место по результатам проведенного первоначального диагностирования личностных характеристик этих осужденных.

Часть рассматриваемой Программы по реализации индивидуальной социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений предназначена для ее выполнения работниками группы социальной защиты указанных лиц, отбывающих наказание в пенитенциарном учреждении. Программу рекомендуется применять в случае заполнения социальной карты осужденного. Часть Программы, посвященная социальной работе, также состоит из разделов, которые содержат данные по социальной работе со всеми осужденными, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений. Эта часть Программы используется по необходимости, но работникам группы социальной защиты, как и всем остальным пенитенциарным работникам необходимо понимать, что только в ситуации социальной защищенности происходит конструктивное восприятие осужденным исправительного воздействия, к которому относится все проводимая коррекционная воспитательная, социальная и психологическая работа.

Содержательная структура части Программы, посвященной социальной работе, также состоит из разделов, которые содержат данные по социальной работе со всеми осужденными, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений. Так, например, раздел один определяется как «Личностные, социальные характеристики по итогам первичной диа-

гностики». К личностным характеристикам, в данном случае, относится блок, прежде всего, криминологических и социально-демографических данных об осужденном: Ф.И.О., данные по дате рождения, информация о месте рождения и о месте жительства, данные по сроку отбывания наказания, срок прибытия в пенитенциарное учреждение, информация о предыдущих судимостях, данные гражданства, данные по национальности, паспортные данные, образовательные характеристики, данные по профессии и специальности, отношение к религии, информация по трудовому стажу и службе в армии, сведения о материальном благополучии и о социально-полезных связях, данные по поведению в ходе беседы и диагностики.

Выводы, заключение. Заканчивая рассмотрение проблемного вопроса содержания программы индивидуального подхода к реализации воспитательной и социальной работы с лицами, отбывающими уголовное наказание за совершение экономических преступлений необходимо отметить, прежде всего, что проблемность этого направления воспитательной и социальной работы характеризуется не столько сложностями объективной реализации воздействия исправления, сколько недостатками характеристик в методическом обеспечении системного характера этой работы. Данная проблемность достаточно успешно решается программой по организации и проведению воспитательной и социальной работы с лицами осужденными, за совершение экономических преступлений, анализ содержания которой реализован в данной статье.

Список литературы:

- [1] Вилкова А.В., Фадеева С.А. Профилактика асоциального поведения несовершеннолетних: о влиянии воспитательной системы на характер и динамику правонарушений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 21–23. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-2-21-23.
- [2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.

[3] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[4] Селье Г. Стресс без дистресса – Москва: Речь 1979, – С. 17.

[5] Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.

References:

- [1] Vilkova A.V., Fadeeva S.A. Prevention of asocial behavior of minors: on the influence of the educational system on the nature and dynamics of offenses//Penal system: law, economics, management. 2020. № 2. S. 21-23. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-2-21-23.
- [2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). - S. 95-97.
- [3] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the criminal executive system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention// Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, young scientists specializing in the field of education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.
- [4] Selye G. Stress without distress - Moscow: Speech 1979, - S. 17.
- [5] Uznadze D.N. Experimental fundamentals of installation psychology. Tbilisi: Akad Publishing House. Sciences Cargo. SSR, 1961. 210 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-451-456

КАРИМУЛЛИНА Алсу Эриковна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Казанского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»,
доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: aekarimullina@mail.ru

ШАВАЛИЕВА Дилъра Рашидовна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Казанского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»,
e-mail: shavaliyeva-dr@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО СОДЕРЖАНИЮ НА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ИЖДИВЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа института иждивения, в основе которого лежит закрепленная в семейном законодательстве обязанность по предоставлению содержания. Анализ содержания судебных дел по спорам различной отраслевой принадлежности позволил выявить тенденции правоприменительной практики в решении проблем иждивения. Исходя из круга иждивенцев в различных отраслях права, проводится классификация иждивенческих отношений на законные и добровольные.

Ключевые слова: иждивение, обязанность по содержанию, нуждаемость в помощи, иждивенец, кормилец.

KARIMULLINA Alsu Erikovna,
Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Civil Law
of the Kazan branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the of the Department of Environmental Law,
Labor Law and Civil Process of Kazan Federal University

SHAVALIEVA Dilyara Rashidovna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

INFLUENCE OF FAMILY-LEGAL RESPONSIBILITY FOR MAINTENANCE ON THE INTER-SECTORAL INSTITUTE OF DEPENDENCE

Annotation. The article deals with the legal nature of the institution of dependency, which is based on the obligation of family law to provide maintenance. Based on the range of dependents in various areas of law, dependent relationships are classified into legal and voluntary.

Key words: dependency, maintenance obligation, need for help, dependent, breadwinner.

Возникновение отдельных видов имущественных отношений в различных отраслях права подчас обуславливается необходимостью обоснования иждивения лица. Между тем, в праве отсутствует единое и однозначное определение, которое исчерпывающе раскрывало бы данное понятие. В социологии проблемы иждивенчества рассматриваются в

основном с точки зрения его причин и факторов существования [1, 2, 3]. В юридической литературе явление иждивения исследуются в рамках отдельных видов правоотношений с учетом их отраслевой принадлежности. При этом основной акцент в исследованиях делается на особенностях иждивения в наследственном праве и праве социального обеспечения [4, 5, 6]. Действительно,

сложность рассмотрения явления иждивения состоит в том, что закрепленные в гражданском праве иждивенческие отношения основываются на терминологии иждивения, наиболее подробно разработанной в публично-правовой сфере права (в пенсионном законодательстве). Поэтому иждивение необходимо исследовать как межотраслевой правовой институт. Так, проблема иждивения особо остро стоит для следующих групп правоотношений:

- пенсионные правоотношения по случаю потери кормильца;
- наследственные правоотношения в части регулирования наследственных прав нетрудоспособных иждивенцев наследодателя, а также закрепления права на обязательную долю;
- правоотношения вследствие причинения вреда жизни потерпевшего;
- страховые правоотношения, возникающие при причинении вреда жизни потерпевшего.

При этом необходимо учитывать, что в основе иждивенчества изначально лежит правоотношение по предоставлению содержания, которое может возникать как на основе закрепленной в семейном законодательстве обязанности, так и при добровольном предоставлении помощи самим кормильцем.

Так, обязанность по предоставлению содержания наиболее подробно описана в рамках семейно-правового института алиментных обязательств в отношении участников семейных отношений (супруги, родственники первой и второй степени родства, пасынок или падчерица, фактические воспитанники). Исходя из основания возникновения семейных отношений, плательщики алиментов делятся на две группы по очередности предоставления содержания. К первой очереди относятся родители, дети, супруги, в отношении которых закреплена обязанность по содержанию друг друга. Плательщики второй очереди (родственники второй степени родства, воспитанники, пасынки, падчерицы) обязаны предоставить содержание только, если отсутствует возможность получить содержание от плательщиков первой очереди. Необходимо отметить, что невозможность получения содержания от трудоспособных совершеннолетних лиц первой очереди должна быть обусловлена исключительно наличием уважительной и объективной причины, по которой отсутствует возможность предоставлять содержание: нетрудоспособность алиментно-обязанных лиц первой очереди, нуждаемость их в помощи либо недостаточность предоставляемого ими содержания, отбывание наказания в виде лишения свободы [7] и др.

Даже при наличии надлежащего субъектного состава обязанность по содержанию возникает лишь при наличии двух обстоятельств: нетрудоспособность; нуждаемость в помощи слабой стороны.

Нетрудоспособность – общеправовое понятие, которое обуславливается либо возрастом, либо наличием инвалидности, либо необходимостью осуществления ухода за нетрудоспособными иждивенцами кормильца. Возрастная нетрудоспособность связывается со следующими законодательными презумпциями:

- нетрудоспособность несовершеннолетних (в данном случае нуждаемость в помощи также предполагается);
- нетрудоспособность совершеннолетних лиц при достижении ими возраста выхода на пенсию по старости. При этом с учетом повышения возраста выхода на страховую пенсию по старости на 5 лет с 2019 года п. 8 ст. 169 Семейного кодекса РФ предусматривает, что право нетрудоспособных совершеннолетних лиц на алименты возникает с достижением женщин возраста 55 лет, мужчин – 60 лет.

В отношении совершеннолетних лиц-получателей алиментов помимо нетрудоспособности необходимо установить и нуждаемость в помощи. Нуждаемость в помощи – оценочное понятие, которое в каждом отдельном случае рассматривается индивидуально. Для обоснования нуждаемости учитываются такие обстоятельства, как состояние здоровья (инвалидность, наличие тяжелых хронических заболеваний), жизненная ситуация совершеннолетнего нетрудоспособного лица (прохождение платного обучения), его расходы (на обследование, лечение, учебу), недостаточность его собственных доходов для удовлетворения основных потребностей, и др. При этом получение личного дохода в виде пенсии, пособия или стипендии, наличие определенного имущества не лишает его права на получения содержания от алиментно-обязанных лиц, если имеющихся средств недостаточно для удовлетворения потребностей, в частности, если имеется необходимость в обеспечении дополнительного лечения, питания, ухода [8].

Понятие нуждаемости в помощи имеет значительное сходство с понятием иждивения с той разницей, что нуждаемость в помощи оценивается с точки зрения потребностей лица, претендующего на получение содержания, а иждивение – это термин, который предполагает оценку фактически сложившихся отношений сторон при жизни кормильца.

Анализ круга субъектов алиментных обязательств и сравнение его с получателями страхо-

вых пенсий по случаю потери кормильца позволяет сделать вывод, что обязанность участников семейных отношений по содержанию друг друга служит основой построения отношений по выплате страховых пенсий по случаю потери кормильца. При этом понятие кормильца в пенсионных отношениях во многом совпадает с фигурой плательщика алиментов в семейных отношениях.

Много аналогий обнаруживается в круге получателей алиментов и получателей страховых пенсий по потере кормильца с той разницей, что для алиментных отношений говорится об отсутствии возможности получать содержание от обязанных лиц (плательщиков алиментов первой очереди), а в пенсионном законодательстве — об отсутствии лиц, которые в соответствии с законом должны предоставлять содержание. Кроме того, к кругу получателей страховой пенсии по потере кормильца нельзя относить фактических воспитателей, что обосновывается отсутствием в данном случае отношений родства либо свойства между субъектами. И по семейному законодательству отсутствует обязанность по предоставлению содержания в отношении совершеннолетних трудоспособных лиц, пока последние продолжают свое обучение по очной форме, но не дольше достижения ими возраста 23 лет.

Законодатель синхронизирует институты алиментных обязательств и страховых пенсий по случаю потери кормильца, основываясь на едином подходе к пониманию обязанности участников семейных отношений по содержанию, поскольку в основе обеих отраслей (семейного права и права социального обеспечения) лежит принцип государственной защиты института семьи. И если в семейном праве данный принцип выражается в виде закрепления взаимных прав и обязанностей участников семейных отношений, то в рамках пенсионного законодательства обязанность плательщика алиментов по предоставлению содержания в силу смерти (безвестного отсутствия) последнего трансформируется в публично-правовую обязанность органов пенсионного обеспечения по выплате пенсии по случаю потери кормильца.

Поэтому для иждивенческих отношений в семейном праве и праве социального обеспечения обязательное значение имеют наличие связей, обусловленных браком либо родством (усыновлением). Между тем, для гражданско-правовых отношений (наследственные отношения и деликтные отношения из причинения вреда жизни) наличие брачно-родственных связей необязательно.

Одним из основных принципов организации гражданских правоотношений является автономия воли их участников, поэтому сущность ижди-

венческих отношений в гражданском праве не ограничивается закрепленной в законе обязанностью членов семьи содержать друг друга, а также предполагает добровольное желание гражданина оказывать материальную поддержку лицам, с которыми у него отсутствуют отношения брака или родства (усыновления).

Так, в рамках отношений из причинения вреда жизни основополагающими юридическими фактами для возникновения права на возмещение вреда по случаю потери кормильца являются факт состояния на иждивении и факт нетрудоспособности [9]. Правила ст. 1088 Гражданского кодекса РФ распространяются также на страховые отношения. Так, в силу п. 6 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» при наступлении смерти потерпевшего страховое возмещение либо компенсационную выплату, в первую очередь, получают лица, у которых в силу п. 1 ст. 1088 ГК РФ возникло право на возмещение вреда в случае смерти кормильца (иждивенцы). При отсутствии иждивенцев страховую выплату должны получить супруг, родители, дети потерпевшего, а также граждане, на иждивении которых состоял сам потерпевший. Таким образом, круг получателей страховой выплаты значительно шире перечня, закрепленного гражданским законодательством. При этом родители, супруг и дети потерпевшего могут выступить получателями страховой выплаты по ОСАГО даже, если потерпевший не состоял на их иждивении [10].

В наследственном праве также имеются два вида иждивенцев:

- граждане, относящиеся к наследникам по закону (учитываются родство и свойство), но не входящие в круг наследников той очереди, которая призывается к наследованию (далее — родственники), — при установлении факта нетрудоспособности и факта нахождения на иждивении не менее года до смерти наследодателя;
- граждане, которые не входят в круг наследников (отсутствуют отношения брака, родства и свойства), при наличии одновременно нескольких обстоятельств: нетрудоспособность ко дню открытия наследства; нахождение на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти; совместное проживание с наследодателем не менее одного года до его смерти. В последнем случае на статус иждивенца подчас претендует сожитель наследника.

Анализ судебной практики дел различной отраслевой принадлежности, возникающих по поводу назначения выплат в связи с потерей кор-

милыца (как в сфере пенсионных, так и гражданско-правовых отношений), показывает, что наиболее часто проблема возникает именно с доказыванием иждивения, определение которого в гражданском законодательстве отсутствует. Однако понятие иждивения закреплено в пенсионном законодательстве (ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях») (Согласно ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» под иждивением понимается состояние одного лица на полном содержании другого лица (кормильца) или получение такой помощи, которая является постоянным и основным источником средств к существованию), а в правоприменительной практике это понятие имеет межотраслевое значение.

Камнем преткновения для установления иждивения является необходимость обоснования того, что при жизни кормилец оказывал другому лицу постоянную материальную поддержку, которая была для последнего основным доходом. Анализ судебной практики позволяет вывести общие подходы правоприменителя для решения данной проблемы:

1. понятие основного источника дохода иждивенца не тождественно единственному источнику дохода, то есть у иждивенца мог быть и самостоятельный доход в виде заработной платы, пенсии, стипендии и других выплат. Одним из способов установления иждивения является соотношение собственных доходов лица с размером помощи, предоставляемой умершим [11, 12];
2. факт получения алиментов можно рассматривать в качестве подтверждения постоянного и основного источника средств к существованию [13];
3. иждивение супруга может подтверждаться разницей в доходах супругов, так как доходы каждого из супругов в силу п. 2 ст. 34 СК РФ представляют собой общее супружеское имущество, а расходы каждого из них не ограничиваются только личными нуждами. Наличие трудоспособных детей не влечет отказа в удовлетворении требования об установлении факта нахождения на иждивении умершего супруга [14];
4. факт превышения размера собственных доходов иждивенца (в частности, размер пенсии) над величиной прожиточного минимума не опровергает довод о том, что помощь со стороны умершего выступала основным источником средств к существованию. Требуется оценки соотношения общих доходов и расходов супругов [15].

Таким образом, иждивение- межотраслевое понятие, под которым понимается состояние одного лица (иждивенца) на полном содержании другого лица (кормильца) или получение такой помощи, которая является постоянным и основным источником средств к существованию.

Наличие отношений брака и родства (усыновления) для установления статуса иждивенца имеет определяющее значение только для семейного права и права социального обеспечения (в части правового регулирования пенсий по случаю потери кормильца), что обосновывается реализацией общего для обеих отраслей системообразующего начала - принципа защиты государством института семьи. Поэтому обязательство по содержанию, разработанное в нормах семейного права, легло в основу формирования института страховых пенсий по случаю потери кормильца.

В рамках гражданско-правовых отношений (обязательств из причинения вреда жизни, наследственных и страховых правоотношений) к иждивенцам можно относить и иных лиц, не связанных родственными или брачными отношениями, так как одним из основополагающих принципов организации гражданских правоотношений выступает автономия воли. Поэтому кормилец как участник гражданского оборота мог предоставлять содержание любому лицу по своему усмотрению, и данный факт должен учитываться при решении имущественных вопросов после его смерти.

Иждивенческие отношения нужно подразделять на два вида:

- законные иждивенческие отношения- отношения иждивения, основанные на законодательно- установленной субъективной обязанности по предоставлению содержания (таковым всегда является иждивение в семейном праве и праве социального обеспечения, а также ряд иждивенческих отношений в гражданском праве). Иждивенчество, основанное на законе, заложено в семейном праве в виде алиментных обязательств. Оценка факта нуждаемости в помощи, закрепленного в семейном праве, во многом совпадает в правоприменительной практике с оценкой факта нахождения на иждивении;
- добровольные иждивенческие отношения, основанные на желании кормильца оказывать помощь определенному лицу. Добровольное иждивенчество возникает при жизни кормильца по его воле, но доказывать его нужно для возникновения прав и обязанностей после смерти кормильца.

Поэтому межотраслевые связи иждивения в семейном праве и праве социального обеспече-

ния обуславливаются исключительно правилами законного иждивения. В гражданском праве иждивенческие отношения могут быть как основанными на законе, так и добровольными.

Список литературы:

[1] Симоянов А.В. Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 1. С. 66-75.

[2] Карпикова И.С., Зимина Е.В., Соломеин А.А. // Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 1. С. 123-130.

[3] Седых О.Г. Социальное иждивенчество: причины возникновения и историческая ретроспектива // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. С. 172-176.

[4] Гусева Т. С., Низамова Е. А. Иждивение через призму межотраслевых правовых связей: универсальный подход или учет отраслевой специфики? // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 11. С. 111—123.

[5] Галаева Л.А., Пятинина А.В., Слугина Е.И. Значение иждивения в пенсионном законодательстве Российской Федерации // Экономика. Социология. Право. 2023. № 2 (30). С. 79-88.

[6] Алеева С.С. Судебная практика по вопросам иждивения в наследственном праве // Право и управление. 2022. № 12. С. 48-51.

[7] Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15146/> свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[8] Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/files/14911/> свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2010/02/05/sud-dok.html> свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утверж-

денный Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/practice/27769/> свободный (дата обращения: 10.11.2025)

[11] Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2010 г. № 1260-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кругловой Ангелины Семеновны на нарушение ее конституционных прав абзацем первого пункта 1 статьи 1088 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44998.pdf> свободный (дата обращения: 10.11.2025);

[12] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/8296/> свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[13] См.: п. 11 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа <https://vsrf.ru/documents/practice/29143/> свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[14] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 9-КГ20-13 от 31 августа 2020г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1910230 свободный (дата обращения: 10.11.2025).

[15] Определения Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2021 г. по делу № 5-КГ20-125-К2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1968452 свободный (дата обращения: 10.11.2025).

References:

[1] A.V. Simoyanov. Social dependents: political myth and scientific reality//Science. Culture. Society. 2022. T. 28. № 1. S. 66-75.

[2] Karpikova I.S., Zimina E.V., Solomein A.A.// Social dependency and social parasitism in modern Russia: expert assessment of the causes and factors of existence//Izvestia of Baikal State University. 2018. T. 28, NO. 1. S. 123-130.

[3] Sedykh O.G. Social dependency: causes and historical retrospective//Historical and socio-educational thought. 2018. S. 172-176.

[4] Guseva T. S., Nizamova E. A. Dependence through the prism of intersectoral legal ties: a universal approach or taking into account industry specifics ?//Journal of Russian Law. 2024. T. 28. № 11. PP. 111 - 123.

[5] Galaeva L.A., Pyatina A.V., Slugina E.I. The importance of dependency in the pension legislation of the Russian Federation//Economics. Sociology. Right. 2023. № 2 (30). S. 79-88.

[6] Aleeva S.S. Judicial practice on issues of dependency in hereditary law//Law and management. 2022. № 12. S. 48-51.

[7] Review of judicial practice in cases related to the recovery of alimony for minor children, as well as for disabled adult children, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 13, 2015 [Electronic resource]. - Access mode: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15146/> free (access date: 10.11.2025).

[8] Review of judicial practice in cases related to the recovery of alimony for minor children, as well as for disabled adult children, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 13.05.2015) [Electronic resource]. - Access mode: <https://vsrf.ru/files/14911/> free (access date: 10.11.2025).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010 No. 1 "On the application by the courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen" [Electronic resource]. - Access mode: <https://rg.ru/documents/2010/02/05/sud-dok.html> free (access date: 10.11.2025).

[10] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 24, 2019 [Electronic resource]. - Access mode: <https://vsrf.ru/documents/practice/27769/> free (access date: 10.11.2025).

[11] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 30, 2010 No. 1260-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kruglova Angelina Semenovna about violation of her constitutional rights by the first paragraph of paragraph 1 of Article 1088 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 1 of Article 12 of the Federal Law "On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners" [Electronic resource]. - Access mode: free <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44998.pdf> (access date: 10.11.2025);

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 "On judicial practice in inheritance cases" [Electronic resource]. - Access mode: <https://vsrf.ru/documents/own/8296/> free (access date: 10.11.2025).

[13] See: paragraph 11 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020 [Electronic resource]. - Access mode <https://vsrf.ru/documents/practice/29143/> free (access date: 10.11.2025).

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9-KG20-13 dated August 31, 2020 [Electronic resource]. - Access mode: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1910230 free (access date: 10.11.2025).

[15] Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation of February 8, 2021 in case No. 5-KG20-125-K2 [Electronic resource]. - Access mode: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1968452 free (access date: 10.11.2025).

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-457-463

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИКВИДАЦИИ ЧС ПРИРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В данной статье проведен анализ статистических показателей торфяных пожаров в России, факторов их обуславливающих, а также пути оптимизации борьбы с ними.

Ключевые слова: торфяной пожар, мониторинг, ликвидация горения.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia,
Yekaterinburg

CURRENT ISSUES OF NATURAL DISASTER RESPONSE

Annotation. This article analyzes the statistical indicators of peat fires in Russia, the factors that cause them, as well as ways to optimize their control.

Key words: peat fire, monitoring, elimination of burning. gorenje.

Торфяные пожары представляют собой серьезную угрозу как для экосистем, так и для здоровья человека. Понимание их особенностей, причин возникновения и потенциальных опасностей позволяет более эффективно разрабатывать стратегии их предотвращения и тушения.

Торфяной пожар - это вид пожара, при котором горит слой торфа. Этот вид пожара отличается распространением в глубину до полутора метров. Торф может тлеть под землей на протяжении нескольких месяцев, выделяя ядовитый дым, что делает его особенно коварным. Возгорания могут происходить в любое время года, даже зимой, под слоем снега, что затрудняет их обнаружение.

Торфяные пожары отличает высокая температура горения: Это может привести к быстрому распространению возгораний и созданию опасных условий с выделением токсичного дыма. Из-за скрытого характера торфяных пожаров существует риск, что люди могут не заметить очаг и провалиться в очаг горения. Кроме того, корни деревьев и растений могут прогорать, что увеличивает риск падения деревьев и создает дополнительные риски в зоне пожара.

Хотя торфяные пожары иногда причисляют к лесным, у них есть несколько существенных различий. Во-первых, это- глубина возгорания. Лесные пожары охватывают надпочвенный покров и повреждают корни растений. Во-вторых, отмечается высокая скорость выгорания торфяных пожаров. Лесные пожары распространяются быстро, в то время как торфяные могут оставаться незамеченными на протяжении месяцев.

Лесные пожары могут быть вызваны природными факторами, такими как гроза (молния), в то время как торфяные пожары обычно являются следствием человеческой неосторожности, а также в результате самовозгорания [1].

В зависимости от количества очагов возгорания, торфяные пожары бывают: одно очаговые, когда наблюдается один очаг горения, который уходит вглубь торфяного пласта; многоочаговые, когда имеется несколько очагов горения.

В зависимости от глубины распространения огня, торфяные пожары классифицируются на: слабые- до 25 см, средние-до 50 см и сильные-свыше 50 см.

Торф никогда не загорается самостоятельно; основными причинами его возгорания являются:

– неправомерное выжигание сухой травы;

- костры, разводимые на торфяниках;
- непотушенная сигарета;
- искры от двигателей автомобилей;
- сжигание мусора.

В редких случаях может происходить самовозгорание торфа, но только у уже добытого, при его влажности около 35%. Самовозгорание под землёй не наблюдается.

Анализ статистики торфяных пожаров в России и изучение факторов, способствующих их воз-

никновению, приводит к выводу, что борьба с такими возгорания сталкивается со значительными трудностями. В РФ ежегодно возникает от 10 до 35 тыс. ландшафтных пожаров на площади до 2,5 млн. гектаров. К пожароопасным регионам страны относятся Поволжье, Сибирь, Забайкалье, Дальневосточный и Уральский регионы [2].

В *таблице 1* отражены основные показатели статистики торфяных пожаров в России за прошедшие годы.

Таблица 1: Статистика торфяных пожаров в России

Год	Количество пожаров	Площадь (га)	Основные причины
2020	1245	8500	Сухая трава, засуха, грозы
2021	980	6200	Неосторожное обращение с огнём
2022	1510	11500	Человеческий фактор, сельскохозяйственные палы
2023	1300	9800	Лесные пожары, переходящие на торфяники
2024	1350	12000	Лесные пожары, переходящие на торфяники

Одной из основных проблем является географическая специфика торфяных пожаров, которые часто возникают в удаленных болотистых или лесных районах. Это создает серьезные препятствия для быстрой доставки пожарных подразделений и техники, что увеличивает время реакции и, соответственно, способствует большему распространению огня. Усложняет передвижение также специфический рельеф местности, наличие многочисленных водоемов и сыпучесть торфяного грунта, который может скрывать глубокие ямы и водоносные горизонты, что представляет серьезную угрозу для сотрудников. К технике поисково-спасательных отрядов МЧС России предъявляются требования, соответствующие поставленным задачам. На первом месте по важности стоит возможность доставки их в район чрезвычайных ситуаций. Робототехнические средства могут доставляться всеми видами транспорта или своим ходом на базе серийных шасси [3].

Оперативность действий, критически важная для успешного тушения торфяных пожаров, тесно связана с системой мониторинга и оповещения. Недостатки в раннем выявлении очагов возгорания, вызванные, например, нехваткой наблюдательных пунктов или современного обо-

рудования для дистанционного зондирования, приводят к тому, что пожар успевает разгореться и перейти в стадию «подземного» горения. В этом состоянии огонь распространяется под слоем торфа, что затрудняет его обнаружение и локализацию. Ресурсное обеспечение также представляет собой важную задачу. Для ликвидации торфяных пожаров требуется огромное количество воды, а также специализированная техника, включая насосные станции, мотопомпы, бульдозеры для создания минерализованных полос и вездеходы для транспортировки персонала и оборудования. Нехватка этих ресурсов, особенно в удаленных районах, замедляет процесс тушения и снижает его эффективность.

Не менее значительной проблемой является координация действий различных служб. В борьбе с торфяными пожарами участвуют не только лесничества, МЧС России, волонтерские организации и порой военные подразделения. Отсутствие четкого плана взаимодействия, единого командного центра и ясного распределения ответственности может привести к дублированию усилий, неэффективному использованию ресурсов и замедлению процесса ликвидации. Основные проблемы и вызовы, возникающие при ликвидации торфяных пожаров в России отображены в *таблице 2*.

Таблица 2. Основные проблемы, возникающие при ликвидации торфяных пожаров в России

Проблема	Суть проблемы	Последствия
Доступность территорий	Значительная часть торфяников расположена в удаленных и труднопроходимых районах, что затрудняет оперативное прибытие пожарных расчетов и техники.	Задержка в начале тушения, увеличение площади пожара, повышенный риск перехода огня на лесные массивы.
Особенности торфяных пожаров	Горение торфа происходит на глубину, часто скрыто под слоем дыма или растительности, что затрудняет обнаружение и оценку масштаба возгорания.	Сложность полного тушения, риск повторного возгорания после ликвидации видимых очагов, долгий период тления.
Недостаточное ресурсное обеспечение	Ограниченность специализированной техники, средств индивидуальной защиты и гидрации для тушения глубинных торфяных пожаров.	Снижение эффективности тушения, увеличение риска для здоровья и жизни пожарных, повышение затрат на ликвидацию.
Координация действий служб	Сложности во взаимодействии между различными ведомствами (МЧС, лесоохрана, местные власти) при ликвидации крупных пожаров.	Раздробленность усилий, дублирование функций, задержки в принятии решений, неэффективное использование ресурсов

Важно отметить, что проблемы, описанные выше, тесно связаны с методами тушения, которые будут рассмотрены далее. Эффективность любого метода напрямую зависит от возможностей его своевременного применения, что, в свою очередь, ограничивается вышеупомянутыми вызовами.

Оптимизация стратегий борьбы с торфяными пожарами является многогранной задачей, требующей комплексного подхода. Одним из основных направлений в этом процессе является улучшение системы профилактики.

Понимание масштабов проблемы, ее региональных особенностей и сезонных пиков служит основой для разработки эффективных стратегий. Собранные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к профилактике и тушению, который учитывает уникальные условия каждого региона. Пути оптимизации стратегий борьбы с торфяными пожарами представлены на *рисунке 1*.

Оптимизация стратегий борьбы с торфяными пожарами является многогранной задачей, требующей комплексного подхода. Одним из основных направлений в этом процессе является улучшение системы профилактики.

Понимание масштабов проблемы, ее региональных особенностей и сезонных пиков служит

основой для разработки эффективных стратегий. Собранные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к профилактике и тушению, который учитывает уникальные условия каждого региона. Ландшафтный пожар протекает на обширной территории, которая требует постоянного наблюдения и контроля, и представляет собой природное явление, сопровождающееся неисчислимыми материальными, экологическими потерями. Ландшафтный пожар – неконтролируемый процесс горения, стихийно возникающий и распространяющийся в природной среде, охватывающий различные компоненты природного ландшафта [4].

Это включает в себя не только ужесточение контроля за соблюдением правил пожарной безопасности в природных экосистемах, но и превентивные меры, направленные на снижение пожарной опасности самих торфяников. К таким мерам можно отнести:

- регулирование гидрологического режима торфяных месторождений, направленное на поддержание оптимального уровня влажности, что существенно снижает вероятность самовозгорания и распространения огня;
- проведение мероприятий по санитарной очистке лесов и болот от горючих материа-

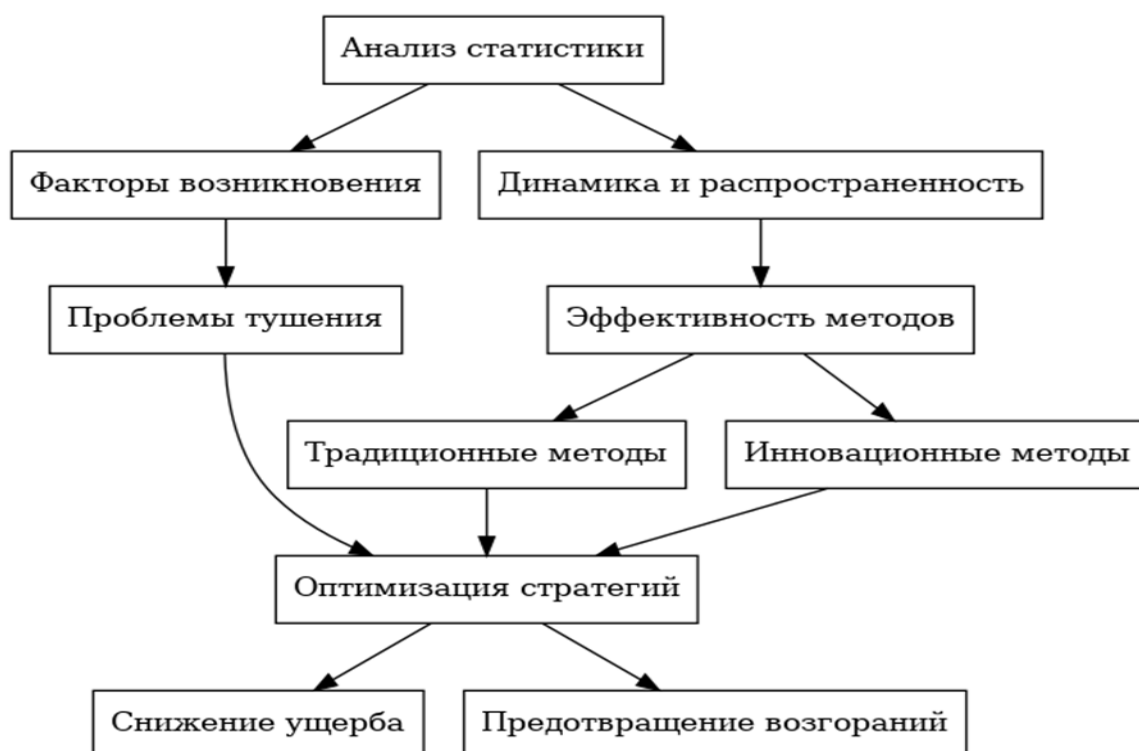

Рис. 1. Пути оптимизации стратегий борьбы с торфяными пожарами.

лов, особенно вблизи населенных пунктов и объектов инфраструктуры;

- создание и поддержание противопожарных разрывов и минерализованных полос, которые служат барьерами для распространения низовых пожаров;

Следующий важный аспект – это мониторинг. Эффективное тушение любого пожара начинается с его своевременного обнаружения. В контексте торфяных пожаров, учитывая их специфику (скрытое тление, труднодоступность), критически важна модернизация систем мониторинга [5]. Рекомендации здесь включают:

- внедрение и расширение использования современных технологий дистанционного зондирования Земли, таких как спутниковый мониторинг, тепловизионные камеры, дроны, оснащенные мультиспектральными датчиками, способные выявлять очаги возгорания даже на ранних стадиях;
- создание единых информационных платформ для оперативного сбора и анализа данных с различных источников мониторинга;
- развитие систем раннего оповещения, интегрированных с оперативными службами.

Ключевым элементом оптимизации является ликвидация пожаров. Здесь важны как совершенствование применяемых методов, так и повышение оперативности реагирования.

Помимо традиционных методов, следует активно осваивать и применять более современные и эффективные подходы. Это может включать использование компактных автономных пожарных систем, применение специальных огнетушащих составов, разработку и применение беспилотных летательных аппаратов для локального тушения или доставки огнетушащих средств в труднодоступные участки. Тушение пожаров на торфяниках с помощью роботизированного комплекса «КЕДР» применяется с подпиткой рукавной линии насосом производительностью не менее 60 л/с. С помощью данного комплекса можно потушить и пролить площадь около 10 гектаров торфяника [6].

Также важно совершенствовать тактику применения существующих технологий, например, путем более точного распределения водяных струй или создание платин (перемычек) с использованием современных инженерных решений [7].

Для эффективной ликвидации торфяных пожаров необходимо улучшение ресурсного обеспечения и логистики, требуются достаточные людские ресурсы, современная специализированная техника (болотоходы, вездеходы, пожар-

ные машины повышенной проходимости), а также постоянное наличие необходимых расходных материалов. Оптимизация логистики поставок техники, воды и персонала на место пожара, особенно в удаленные районы, является критически важной.

Не менее важным направлением оптимизации является улучшение законодательной базы. Это может включать:

- пересмотр и актуализацию нормативных актов, регулирующих вопросы пожарной

безопасности в лесах и на торфяниках, с учетом современных реалий и новых угроз;

- усиление ответственности за нарушения правил пожарной безопасности, приводящие к торфяным пожарам;
- регламентацию деятельности органов власти и других заинтересованных сторон в области профилактики и тушения торфяных пожаров. Предлагаемые меры по оптимизации стратегий пожаротушения торфяных пожаров представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Предлагаемые меры по оптимизации стратегий пожаротушения торфяных пожаров

Направление	Конкретные меры	Ожидаемый эффект	Ответственные стороны
Профилактика	Создание и поддержание минерализованных полос,	Контроль за сельскохозяйственными палами. Снижение числа первичных возгораний.	Лесные хозяйства, МЧС, органы местного самоуправления
Мониторинг	Развитие сети автоматизированных систем обнаружения пожаров (датчики, спутниковый мониторинг), использование БПЛА.	Оперативное выявление очагов возгорания на ранних стадиях.	МЧС, Рослесхоз, научные организации.
Технологии	Разработка и применение новых средств пожаротушения, дронов для доставки воды и мониторинга.	Улучшение технической оснащенности и повышение безопасности при работе в труднодоступных зонах.	Научно-исследовательские институты, производители противопожарного оборудования.
Ликвидация	Внедрение современных методов тушения	Повышение эффективности и скорости тушения, минимизация ущерба	МЧС, пожарные службы, добровольцы.
Законодательство и информирование	Актуализация норм и правил, ужесточение ответственности за нарушения, проведение информационных кампаний для населения.	Повышение уровня культуры безопасности, снижение рисков провоцирования пожаров.	Законодательные органы, МЧС, СМИ, образовательные учреждения.

Наконец, критически важным аспектом является повышение осведомленности населения. Информирование граждан о правилах поведения в пожароопасный период, о причинах возникнове-

ния торфяных пожаров и о мерах, которые каждый может предпринять для предотвращения таких чрезвычайных ситуаций, является фундаментальным.

Проведение информационных кампаний, включая размещение социальной рекламы, публикацию материалов в СМИ, проведение лекций и семинаров. Активное привлечение добровольцев к профилактическим мероприятиям и мониторингу. Обучение населения навыкам первичного пожаротушения. Представленный анализ статистики торфяных пожаров в России, рассмотрение путей оптимизации их предотвращения позволил выявить ряд закономерностей в динамике и географическом распределении возгораний, а также выделить главные факторы, способствующие их возникновению, включая как природные условия, так и антропогенное воздействие, усиленное климатическими изменениями.

Список литературы:

[1] Природные пожары и экологические последствия от них / В. Ф. Дьяков, А. А. Карапузилов, М. В. Дьяков, А. Н. Иванов // Управление экономикой, системами, процессами : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 октября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 152-156. – EDN NXMKSG.

[2] Опарин, Д. Е. Актуальность использования беспилотных летательных аппаратов для мониторинга пожароопасной обстановки в уральском регионе / Д. Е. Опарин // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей LVII Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 15 июня 2022 года. Том 1. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 39-41. – EDN PWQVHC.

[3] Опарин, Д. Е. Вопросы эксплуатации специальной пожарной и аварийно-спасательной техники в подразделениях МЧС / Д. Е. Опарин // наука в современном мире: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 января 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 45-47. – EDN ERYJXK.

[4] Опарин, Д. Е. Актуальные вопросы применения беспилотных летательных аппаратов при тушении ландшафтных пожаров / Д. Е. Опарин, Д. И. Сидоренко, А. Р. Шакиров // Экология и безопасность жизнедеятельности : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 11–12 декабря 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 320-323. – EDN QHFYTB.

[5] Мониторинг природных пожаров / Н. П. Мураев, А. А. Карапузилов, Д. С. Белкин, С. М. Башаев // Информационно-вычислительные тех-

нологии и их приложения : Сборник статей XXVIII Международной научно-технической конференции, Пенза, 26–27 августа 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 195-198. – EDN CGSSSC.

[6] Лосев, М. А. Современные технические средства, используемые при тушении лесных или ландшафтных пожаров / М. А. Лосев, Л. В. Найверт // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Мониторинг, предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 354-358. – EDN PABMOT.

[7] К вопросу об управлении силами и средствами при тушении лесных пожаров / А. А. Карапузилов, В. Ф. Дьяков, А. В. Кокшаров [и др.] // Техносферная безопасность. – 2020. – № 2(27). – С. 16-27. – EDN URZSEG.

References:

[1] Natural fires and environmental consequences from them/V.F. Dyakov, A.A. Karapuzikov, M.V. Dyakov, A.N. Ivanov//Management of economics, systems, processes: Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, October 14-15, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 152-156. – EDN NXMKSG.

[2] Oparin, D. E. Relevance of the use of unmanned aerial vehicles for monitoring the fire hazard situation in the Ural region/D. E. Oparin//Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: a collection of articles from the LVII International Scientific and Practical Conference. At 2 a.m., Penza, June 15, 2022. Volume 1. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. - S. 39-41. – EDN PWQVHC.

[3] Oparin, D. E. Issues of operation of special fire and emergency rescue equipment in EMERCOM divisions/D. E. Oparin//science in the modern world: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, January 15, 2023. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G. Yu.), 2023. - S. 45-47. – EDN ERYJXK.

[4] Oparin, D. E. Topical issues of the use of unmanned aerial vehicles in extinguishing landscape fires/D. E. Oparin, D. I. Sidorenko, A. R. Shakirov// Ecology and life safety: Collection of articles of the

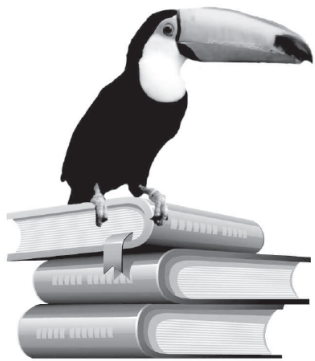
XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, December 11-12, 2023. - Penza: Penza State Agrarian University, 2023. - S. 320-323. – EDN QHFYTB.

[5] Monitoring of natural fires/N.P. Muraev, A.A. Karapuzikov, D.S. Belkin, S.M. Bashaev//Information and computing technologies and their applications: Collection of articles of the XXVIII International Scientific and Technical Conference, Penza, August 26-27, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 195-198. – EDN CGSSSC.

[6] Losev, M.A. Modern technical means used in extinguishing forest or landscape fires/M.A. Losev, L.V. Naivert//Security service in Russia: experience,

problems, prospects. Monitoring, prevention and elimination of natural and man-made emergencies: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2021. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2021. - S. 354-358. – EDN PABMOT.

[7] On the issue of managing forces and means in extinguishing forest fires/A. A. Karapuzikov, V. F. Dyakov, A. V. Koksharov [et al.]//Technosphere safety. – 2020. – № 2(27). - S. 16-27. – EDN URZSEG.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-464-470

БАРЫШНИКОВА Ксения Евгеньевна,
студент, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова
Минздрава России (Сеченовский Университет),
e-mail: mineavettiinsta@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья представляет собой комплексный этико-правовой анализ эволюции и современного состояния системы оказания психиатрической помощи в Российской Федерации за период с 1992 по 2025 год. Цель исследования заключается в выявлении глубинных противоречий между формально прогрессивной законодательной моделью, берущей начало в Законе РФ 1992 года и развитой позднейшими реформами (ФЗ № 464-ФЗ, 465-ФЗ, 195-ФЗ), и реальной правоприменительной практикой, в которой сохраняются системные риски и нарушения.

Методологическую основу составили историко-правовой и сравнительно-правовой анализ, а также изучение актуальной судебной практики и конкретных случаев (кейсов) из новостной повестки 2024–2025 гг. В работе прослежена преемственность ключевых институтов советского периода (модель невменяемости, судебная монополия на назначение ПММХ) и доказана устойчивость ряда системных дисфункций. К ним отнесены формализм судебного контроля за недобровольной госпитализацией, факты физического насилия и финансовых злоупотреблений в стационарах и ПНИ, неразрешённый конфликт между врачебной тайной и общественной безопасностью, а также хронические сбои в межведомственном взаимодействии.

По результатам анализа автор приходит к выводу о необходимости не частичных корректировок, а глубокой институциональной реформы. В качестве приоритетных мер предлагается создание независимого федерального надзорного органа, введение обязательной внерегиональной судебно-медицинской экспертизы по тяжким инцидентам, цифровизация контроля за исполнением решений и ужесточение уголовной ответственности за преступления против пациентов. Исследование адресовано специалистам в сферах медицинского права, психиатрии, судебной экспертизы, а также законодателям и правозащитникам.

Ключевые слова: Психиатрическая помощь, правовое регулирование, этико-правовой аспект, недобровольная госпитализация, судебный контроль, нарушения прав пациентов, реформа психиатрической службы, историческая преемственность, межведомственное взаимодействие.

BARYSHNIKOVA Kseniya Evgenyevna,
student, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of
the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenovskiy University)

FEATURES OF REGULATION OF PSYCHIATRIC CARE PROVISION IN MODERN RUSSIA: AN ETHICAL AND LEGAL PERSPECTIVE

Annotation. This article presents a comprehensive ethical and legal analysis of the evolution and current state of the psychiatric care system in the Russian Federation from 1992 to 2025. The aim of the study is to identify the fundamental contradictions between a formally progressive legislative model, originating from the 1992 Law of the Russian Federation and developed through subsequent reforms, and real law enforcement practice, where systemic risks and violations persist.

The methodological framework is based on historical-legal and comparative-legal analysis, as well as the examination of current judicial practice and specific cases from the 2024–2025 news cycle.

cle. The work traces the continuity of key institutions from the Soviet period (the model of insanity, judicial monopoly on ordering compulsory medical measures) and demonstrates the persistence of a number of systemic dysfunctions. These include the formalism of judicial oversight over involuntary hospitalization, instances of physical abuse and financial malpractice in inpatient facilities and psychoneurological boarding homes, the unresolved conflict between medical confidentiality and public safety, as well as chronic failures in inter-agency coordination.

Based on the analysis, the author concludes that profound institutional reform is necessary, rather than partial adjustments. As priority measures, the study proposes the establishment of an independent federal oversight body, the introduction of mandatory extra-regional forensic medical examination for severe incidents, the digitalization of control over the execution of decisions, and the strengthening of criminal liability for offenses against patients. The research is addressed to specialists in the fields of medical law, psychiatry, forensic examination, as well as legislators and human rights advocates.

Key words: *Psychiatric care, legal regulation, ethical and legal aspect, involuntary hospitalization, judicial control, patient rights violations, mental health service reform, historical continuity, inter-agency cooperation.*

I. Введение

Современный российский подход к правовому статусу лиц с психическими расстройствами сформировался в постсоветский период, начиная с 1990-х годов. Центральным нормативным актом стал Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 [1], закрепивший приоритет добровольности, судебный контроль за недобровольной госпитализацией и необходимость строгого соблюдения прав пациентов. Данный Закон претерпел существенные изменения, последние из которых внесены Федеральными законами от 04.08.2023 № 464-ФЗ, № 465-ФЗ [2] и от 22.07.2024 № 195-ФЗ [3] (вступили в силу с 1 сентября 2024 г. и 1 марта 2025 г. соответственно).

Однако российская правоприменительная практика далека от идеальной модели. Отечественные исследователи указывают на риск злоупотреблений, порождаемый пробелами законодательства: неопределённость правовой природы помещения в стационар по ст. 435 УПК РФ, отсутствие регламентации статуса лица, в отношении которого ведётся производство о ПММХ, несогласованность норм УПК и Закона о психиатрической помощи [4].

II. Преемственность советского и российского законодательства о психиатрической помощи

Современное регулирование психиатрической помощи в Российской Федерации сформировалось в логике институциональной преемственности советской модели [5]. Несмотря на радикальную гуманизацию законодательства после 1992 года, ключевые конструктивные элементы — судебная монополия на применение принудительного лечения, двухкритериальная модель невменяемости, система принудительных мер медицинского характера и институт судебно-пси-

хиатрической экспертизы — имеют прямое происхождение в советском праве [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Анализ эволюции позволяет выявить устойчивые структурные дефекты, сохранившиеся и в современной практике: формализм судебного контроля, зависимость от экспертного заключения, смешение лечебной и изоляционной функций [4; 8].

Ключевые этапы формирования института принудительных мер медицинского характера в советском праве [5]

1920-е годы: Законодательное закрепление обязательности судебно-психиатрической экспертизы для установления невменяемости [6; 7].

1930-е годы: Утверждение суда как единственного органа, уполномоченного назначать и отменять ПММХ; создание сети специализированных психиатрических больниц [8; 16].

Послевоенный период: Введение дифференциации стационаров по степени строгости наблюдения в зависимости от опасности пациента [9; 10].

1960 год: Кодификация института ПММХ в Уголовном кодексе РСФСР как самостоятельного уголовно-правового института [13].

Конец 1960-х годов: Закрепление принципа обязательного регулярного переосвидетельствования лиц, к которым применены ПММХ [6; 7].

Элементы советской модели, унаследованные российским правом

Модель невменяемости: Двухкритериальная формула («не осознавать фактический характер и общественную опасность действий» и/или «не руководить ими») закреплена в ст. 21 УК РФ [6; 7].

Судебная прерогатива: Исключительное право суда на назначение ПММХ (ст. 97–104 УК РФ) [10].

Процедура экспертизы: Порядок производства судебно-психиатрической экспертизы (ст. 196–203 УПК РФ) [6; 11].

Система принудительного лечения: Дифференциация видов принудительного лечения (амбулаторное наблюдение и три типа стационара), установленная ст. 99–101 УК РФ, воспроизводит советскую градацию по строгости режима [9; 10].

Принципиальное отличие современной модели от советской заключается не в институциональной архитектуре, а в переориентации целей: от патерналистского контроля к приоритету автономии личности и процессуальных гарантий. Закон РФ «О психиатрической помощи» 1992 года впервые закрепил добровольность оказания помощи, судебный контроль за недобровольной госпитализацией и детальную регламентацию прав пациентов [1; 2; 3].

Вместе с тем ряд системных проблем советского периода оказался устойчивым. Прежде

всего, это формализация судебного контроля и фактическое доминирование экспертного заключения над состязательностью сторон. Данная особенность воспроизводится в современной практике применения ст. 435 УПК РФ, что подтверждается статистикой почти поголовного удовлетворения ходатайств о помещении в стационар [4; 16].

Таким образом, советское наследие проявляется не в нормах как таковых, а в правоприменительной инерции, что напрямую предопределяет выявленные в VI разделе системные разрывы [2; 4].

III. Эволюция законодательства о психиатрической помощи (1992–2025)

III.1. Закон РФ «О психиатрической помощи» 1992 г. и его трансформация

Ключевые этапы развития законодательства:

Период	Основные изменения	Нормативный акт
1992	Принятие базового закона [1]	Закон РФ № 3185-1
1998	Уточнение полномочий органов	ФЗ от 21.07.1998 № 117-ФЗ
2004	Разграничение полномочий Федерации и субъектов	ФЗ от 22.08.2004 № 122-ФЗ
2011	Институт государственных юридических бюро	ФЗ от 21.11.2011 № 326-ФЗ
2013	Понятие информированного добровольного согласия	ФЗ от 25.11.2013 № 317-ФЗ
2018	Совершенствование судебного контроля	ФЗ от 19.07.2018 № 213-ФЗ
2020	Приоритет Конституции над международными решениями	ФЗ от 08.12.2020 № 429-ФЗ
2021	Введение ст. 13.1 об уведомлении родственников	ФЗ от 30.12.2021 № 491-ФЗ
2023	Масштабная реформа прав пациентов и процедур освидетельствования [2]	ФЗ от 04.08.2023 № 464-ФЗ, № 465-ФЗ
2024	Регулирование видеосвязи и телемедицины [3]	ФЗ от 22.07.2024 № 195-ФЗ

III.2. Ключевые положения реформ 2023–2024 гг.

Федеральные законы № 464-ФЗ и 465-ФЗ (вступили в силу в 2024 г.) представляют наиболее масштабную реформу законодательства о психиатрической помощи за последние 15 лет [2].

Основные изменения:

Ограничения в профессиональной деятельности (ст. 6): Максимальный срок — 5 лет с правом на переосвидетельствование по месту жительства. Решение может быть обжаловано в суде [1; 2; 3; 12].

Расширение прав пациентов в стационаре (ст. 37): Закреплено право на прямой контакт с

главным врачом, подачу жалоб без цензуры, конфиденциальное общение с адвокатом и получение общего образования [2].

Гарантии при ограничении прав (ст. 37): Решение об ограничении должно быть конкретным. Установлен исчерпывающий перечень допустимых ограничений (удержание почты, ограничение связи и посетителей). Порядок ограничения определяется Правительством РФ [1; 2; 3].

Обязанности медицинской организации (ст. 39): Введена обязанность уведомить законного представителя о поступлении пациента в течение 24 часов, обеспечивать его безопасность и информировать об изменениях в состоянии. [1; 2; 3]

Новая статья 40.1: Регламентирует учёт судебных актов о признании недобровольных мер необоснованными. Такая документация не может использоваться для дальнейших заключений и подлежит отдельному хранению [2].

Диспансерное наблюдение и телемедицина (ФЗ № 195-ФЗ): Уточнён порядок диспансерного наблюдения и введено регулирование применения телемедицинских технологий (видеоконсультаций) в психиатрии [1; 2; 3].

IV. Уголовно-процессуальное законодательство:

статья 435 УПК РФ

IV.1. Правовая неопределённость (до 2018 г.)

Статья 435 УПК РФ [11] в первоначальной редакции регулировала временное помещение в психиатрический стационар обвиняемого, содержащегося под стражей, у которого выявлено психическое расстройство. Недостатки этой нормы:

Отсутствие чётких сроков помещения [15];

Неясность правовой природы [4]: мера пресечения, обеспечительная мера или форма процессуального принуждения?

Отсутствие судебного контроля за сроками [16];

Риск бессрочного содержания под видом лечения [9; 10].

IV.2. Реформа статьи 435 УПК РФ под влиянием Постановления КС РФ № 20-П

Проблема и решение Конституционного Суда: В 2018 г. КС РФ в Постановлении № 20-П признал, что отсутствие четких сроков и процедуры для временного помещения в психиатрический стационар в рамках уголовного дела нарушает право на свободу (ст. 22 Конституции). Суд указал, что такой режим схож с домашним арестом и требует судебного контроля, и обязал законодателя установить: 1) предельный срок с календарной датой; 2) порядок его обоснованного продления; 3) механизм немедленного освобождения при отпадении медицинских показаний [15].

Исполнение решения законодателем: Требования КС РФ были реализованы Федеральным законом от 30.12.2021 № 500-ФЗ, который полностью изложил ст. 435 УПК РФ в новой редакции «Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях». Ключевые нововведения, напрямую отвечающие правовой позиции КС:

Четкий срок: Помещение возможно только по судебному решению на срок не более 6 месяцев с указанием точной календарной даты окончания (ч. 1) [12].

Порядок продления: Срок может быть продлен судом по медзаключению многократно, но в пределах общих сроков содержания под стражей или домашнего ареста (ч. 2). Ходатайство подается за 7 суток до окончания срока [8; 10].

Судебные гарантии: Рассмотрение ходатайства происходит в порядке, аналогичном избранию меры пресечения (ст. 108 УПК), с обязательным участием защитника (ч. 3, 4) [12].

Контроль и ограничения: Суд вправе установить конкретные запреты (на общение с определенными лицами, использование связи), контроль за исполнением которых возложен на администрацию медучреждения (ч. 5-7) [1; 2; 3].

Таким образом, новая редакция ст. 435 УПК РФ является прямым законодательным ответом на правовые пробелы, выявленные Конституционным Судом, и вводит детальную процедуру, обеспечивающую соразмерность и судебный контроль за этой принудительной мерой [4; 12; 15].

V. Порядок оказания психиатрической помощи: Приказ Минздрава № 668н (2022 г.)

С 1 июля 2023 года вступил в силу Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 октября 2022 г. № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» [16]. Данный приказ заменил ранее действовавший Приказ Минздравсоцразвития от 17.05.2012 № 566н.

Виды помощи: первичная специализированная, специализированная, скорая специализированная, паллиативная [16].

Условия: амбулаторно, в дневном стационаре, стационарно, вне медорганизации [1; 2; 3].

Формы: экстренная, неотложная, плановая [16].

VI. Несоответствие нормативной модели и правоприменительной практики

Несмотря на последовательное расширение гарантий прав пациентов и усиление судебного контроля в 2021–2024 гг., правоприменительная практика демонстрирует устойчивый разрыв

между нормативной моделью и фактическим функционированием системы психиатрической помощи. Указанные нарушения носят системный характер и воспроизводятся на ключевых этапах оказания помощи [4].

VI.1. Стационарное содержание

Нормативная модель предполагает применение мер стеснения исключительно по медицинским показаниям, обязанность медицинской организации обеспечивать безопасность пациентов и информировать законных представителей о чрезвычайных происшествиях [4].

Фактическая практика свидетельствует о сохранении тяжёлых нарушений, включая применение ненадлежащих методов фиксации и сокрытие инцидентов. Резонансные случаи причинения тяжкого вреда здоровью пациентов вследствие неправомерных мер стеснения, а также смерти в стационарах указывают на формальный характер внутреннего контроля и корпоративную замкнутость учреждений [4].

Дополнительной проблемой остаётся неисполнение учреждением функций по защите имущественных прав недееспособных лиц, что выражается в хищениях и нецелевом расходовании денежных средств [4; 8].

VI.2. Амбулаторное наблюдение и диагностика

Нормативная модель требует обоснованной диагностики, соблюдения врачебной тайны и ограниченности дисквалифицирующих решений по сроку и объёму [1; 2; 3]. Однако на практике сохраняются случаи необоснованного установления диагнозов с тяжёлыми правовыми последствиями для граждан, включая ограничение профессиональной деятельности и специальных прав.

Судебная практика подтверждает уязвимость амбулаторной диагностики к субъективизму и недостаточному контролю, а также факты незаконной передачи сведений о психическом здоровье и коррупционные практики в сфере рецептурного отпуска [2].

VI.3. Межведомственное взаимодействие

Законодательство не содержит чётких механизмов взаимодействия психиатрической службы с органами опеки и правоохранительными органами в ситуациях потенциальной угрозы жизни третьих лиц. Это приводит к конфликту между обязанностью соблюдения врачебной тайны [1; 17] и необходимостью превентивной защиты уязвимых лиц, последствиями которого становятся тяжкие социально значимые инциденты [2].

VI.4. Уголовный процесс и принудительные меры медицинского характера

Несмотря на реформирование статьи 435 УПК РФ во исполнение правовой позиции Консти-

туционного Суда РФ, судебная практика сохраняет признаки формального контроля. В подавляющем большинстве случаев суды удовлетворяют ходатайства о временном помещении в психиатрический стационар, при этом меры пресечения продолжают действовать параллельно, а исполнение судебных решений нередко затягивается [4; 16].

VI.5. Сводный вывод

Таким образом, при формально развитой нормативной модели фактическое функционирование системы психиатрической помощи характеризуется устойчивыми системными дефектами: насилием и халатностью в стационарах, уязвимостью амбулаторной диагностики, отсутствием эффективного межведомственного взаимодействия и формализацией судебного контроля [2; 4; 6; 7; 8; 16].

VII. Основные направления реформирования

Выявленные несоответствия обусловлены преимущественно дефектами институционального контроля и исполнения норм, а не отсутствием правового регулирования. В этой связи приоритетными направлениями реформирования являются [8; 16]:

Усиление независимого контроля за стационарным содержанием, включая обязательную фиксацию и внешнюю проверку всех тяжких инцидентов [1; 2; 3].

Обеспечение реальной проверяемости психиатрических заключений, в том числе путём расширения доступа к повторной независимой экспертизе [6; 7].

Формирование чётких межведомственных протоколов взаимодействия психиатрической службы, органов опеки и правоохранительных органов при угрозе жизни и здоровью третьих лиц.

Повышение эффективности судебного контроля за применением мер, предусмотренных статьёй 435 УПК РФ, с устранением формального подхода к их санкционированию [4].

Ужесточение ответственности медицинских и должностных лиц за причинение вреда пациентам, незаконную госпитализацию и злоупотребления в отношении недееспособных [1; 2; 3].

Цифровизация контроля исполнения решений, включая отслеживание цепочки «суд — изолятор — медицинская организация» [16].

VIII. Заключение

Российская система правового регулирования психиатрической помощи, сформированная Законом 1992 года и обновлённая реформами 2023–2024 гг., формально соответствует совре-

менным стандартам защиты прав человека. Вместе с тем анализ правоприменительной практики 2024–2025 гг. выявляет устойчивый и воспроизводимый разрыв между нормативной моделью и фактическим функционированием системы [1; 2; 3].

Основные проявления данного разрыва заключаются в следующем:

- сохранение насилия, халатности и сокрытия инцидентов в психиатрических стационарах при формальном соблюдении процедурных требований;
- уязвимость амбулаторной диагностики к субъективизму и коррупционным практикам, влекущим тяжёлые правовые последствия для пациентов [6; 7];
- отсутствие чётких межведомственных механизмов взаимодействия, что приводит к конфликту врачебной тайны и задач превентивной защиты третьих лиц [4];
- формализация судебного контроля при применении недобровольных мер, включая временное помещение в стационар по статье 435 УПК РФ [4; 16].

Выявленные проблемы носят системный характер и не могут быть устранены посредством точечных нормативных изменений. В этой связи приоритетными направлениями реформирования являются [8; 16]:

- создание независимого надзорного органа в сфере психиатрической помощи;
- введение обязательной внерегиональной экспертизы тяжких инцидентов;
- цифровизация контроля за исполнением судебных решений и маршрутизацией пациентов;
- ужесточение ответственности за причинение вреда пациентам и незаконную госпитализацию.

Реализация указанных мер позволит преодолеть разрыв между законом и практикой и обеспечить реальное, а не декларативное соблюдение прав лиц с психическими расстройствами.

Список литературы:

- [1] Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»;
- [2] Федеральный закон от 04.08.2023 № 464-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»»;
- [3] Федеральный закон от 04.08.2023 № 465-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»»;
- [4] Макушкин, Е. В. Применение статьи 435 УПК РФ: проблемы и пути их решения / Е. В. Макушкин, С. Н. Шишков // Российский психиатрический журнал. — 2019. — № 4. — С. 4–15.
- [5] Васеловская, А. В. Организационно-правовая модель применения принудительных мер медицинского характера в советский период / А. В. Васеловская, Н. В. Ольховик, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2025. — № 55. — С. 17–34.
- [6] Щукина, Е. Я. К истокам судебно-психиатрической экспертизы / Е. Я. Щукина, О. А. Русаковская // Российский психиатрический журнал. — 2017. — № 1. — С. 61–68.
- [7] Фетяева, М. А. Исторический опыт развития российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера: тенденции и перспективы / М. А. Фетяева // Новое слово в науке и практике. — 2016. — № 23-2. — С. 131–138.
- [8] Калинина, Т. М. Принудительные меры медицинского характера: меры государственного принуждения или меры безопасности? / Т. М. Калинина // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 342–348.
- [9] Горшков, М. М. Исторический обзор формирования в России института принудительных мер медицинского характера / М. М. Горшков, О. И. Гутникова, Е. А. Едомский // Омский психиатрический журнал. — 2020. — № 1 (23). — С. 13–17.
- [10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.);
- [11] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025);
- [12] Федеральный закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»;
- [13] Рагулина, А. В. Уголовно-правовые основы противодействия незаконной госпитализации в психиатрический стационар / А. В. Рагулина // Медицинское право. — 2018. — № 5. — С. 42–49.
- [14] Кисляков, А. В. Некоторые проблемы исполнения судебного решения о назначении принудительных мер медицинского характера / А. В. Кисляков, Н. Г. Позднякова // Российский следователь. — 2020. — № 7. — С. 29–33.
- [15] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и С.»;
- [16] Приказ Минздрава России от 14.10.2022 № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения»;

[17] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 2025 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

References:

[1] Law of the Russian Federation of 02.07.1992 No. 3185-1 (as amended by 22.07.2024) "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision";

[2] Federal Law of 04.08.2023 No. 464-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of the Rights of Citizens in Its Provision";

[3] Federal Law No. 04.08.2023 of 465-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of the Rights of Citizens in Its Provision";

[4] Makushkin, E. V. Application of Article 435 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: problems and ways to solve them/E. V. Makushkin, S. N. Shishkov//Russian Psychiatric Journal. — 2019. — № 4. - S. 4-15.

[5] Vaselovskaya, A.V. Organizational and legal model for the application of compulsory medical measures in the Soviet period/A.V. Vaselovskaya, N.V. Olkhovik, A.V. Shesler//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2025. — № 55. - S. 17-34.

[6] Shchukina, E. Ya. To the origins of forensic psychiatric examination/E. Ya. Shchukina, O. A. Rusakovskaya//Russian Psychiatric Journal. — 2017. — № 1. - S. 61-68.

[7] Fetyaeva, M. A. Historical experience in the development of Russian legislation on compulsory medical measures: trends and prospects/M. A. Fetyaeva//A new word in science and practice. — 2016. — № 23-2. - S. 131-138.

[8] Kalinina, T. M. Compulsory medical measures: measures of state coercion or security measures ?/T. M. Kalinina//Actual problems of Russian law. — 2009. — № 1. - S. 342-348.

[9] Gorshkov, M. M. Historical review of the formation of the institute of compulsory medical measures in Russia/M. M. Gorshkov, O. I. Gutnikova, E. A. Edomsky//Omsk Psychiatric Journal. — 2020. — № 1 (23). - S. 13-17.

[10] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 2025);

[11] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 27.10.2025);

[12] Federal Law No. 30.12.2021 of 500-FZ "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation";

[13] Ragulina, A. V. Criminal Legal Framework for Countering Illegal Hospitalization in a Psychiatric Hospital/A. V. Ragulina//Medical Law. — 2018. — № 5. - S. 42-49.

[14] Kislyakov, A. V. Some problems of the execution of a court decision on the appointment of compulsory medical measures/A. V. Kislyakov, N. G. Pozdnyakova//Russian investigator. — 2020. — № 7. - S. 29-33.

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.05.2018 No. 20-P "In the case of checking the constitutionality of Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens D. and S. ";

[16] Order of the Ministry of Health of Russia of 14.10.2022 No. 668n "On approval of the Procedure for the provision of medical care for mental disorders and behavioral disorders";

[17] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended in 2025) "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation."

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-471-476

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,
Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru

ЛОЗОВАЯ Марина Александровна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия,
e-mail: lozmarin@inbox.ru

ЛОГИНОВ Денис Васильевич,
Старший преподаватель кафедры методики
преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева. Красноярск, Россия,
Старший преподаватель кафедры физической культуры,
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия,
e-mail: deniska-loginov-1900@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МАССОВОГО СПОРТА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуется многоуровневое влияние массового спорта на социальное здоровье общества, понимаемое как состояние социального организма, характеризующееся высоким уровнем сплоченности, низкими показателями девиантного поведения, развитым гражданским участием и устойчивой системой коллективных ценностей. На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего социологию, психологию, экономику и теорию управления, автор анализирует ключевые социогенные функции массового спорта: интегративную, социализирующую, аксиологическую, рекреационную и профилактическую. В работе доказывается, что систематическая физическая активность населения выступает не только инструментом улучшения индивидуального физического здоровья, но и мощным социальным стабилизатором, ресурсом развития человеческого капитала и фактором укрепления национальной идентичности. Особое внимание уделено институциональным аспектам: роли государства, бизнеса и некоммерческого сектора в формировании спортивной инфраструктуры.

Ключевые слова: массовый спорт, социальное здоровье, физическая культура, социальная интеграция, социализация, гражданское общество, человеческий капитал, государственная политика, общественное благо.

LOZOVOI Alexander Alexandrovich,
Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev. Krasnoyarsk, Russia

LOZOVAYA Marina Alexandrovna,
Associate Professor, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev. Krasnoyarsk, Russia

LOGINOV Denis Vasilievich,
Senior Lecturer, Department of Teaching
Methods of Sports Disciplines and National Sports,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.
Krasnoyarsk, Russia, Senior Lecturer, Department of Physical Culture,
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
Krasnoyarsk, Russia

THE IMPACT OF MASS SPORT ON THE SOCIAL HEALTH OF SOCIETY

Annotation. *The article explores the multilevel influence of mass sports on the social health of society, understood as a state of the social organism characterized by a high level of cohesion, low indicators of deviant behavior, developed civic participation and a stable system of collective values. Based on an interdisciplinary approach that integrates sociology, psychology, economics and management theory, the author analyzes the key sociogenic functions of mass sports: integrative, socializing, axiological, recreational and preventive. The work proves that the systematic physical activity of the population is not only an instrument for improving individual physical health, but also a powerful social stabilizer, a resource for the development of human capital and a factor in strengthening national identity. Particular attention is paid to institutional aspects: the role of the state, business and the non-profit sector in the formation of sports infrastructure.*

Key words: *mass sports, social health, physical culture, social integration, socialization, civil society, human capital, public policy, public good.*

В контексте глобальных вызовов XXI века – от роста социального неравенства и атомизации общества до психологических пандемий одиночества и депрессии – проблема сохранения и укрепления социального здоровья нации выходит на первый план. Социальное здоровье, в отличие от индивидуального, представляет собой мета-категорию, описывающую жизнеспособность общества как целостной системы. Его индикаторами служат уровень социального доверия, прочность социальных связей, легитимность институтов, готовность к кооперации и низкий уровень аномии. В поиске доступных и эффективных инструментов воздействия на эти параметры все большее внимание исследователей и политиков привлекает сфера массового спорта и физической культуры.

Массовый спорт, определяемый как регулярная, организованная или самостоятельная физическая активность, доступная широким слоям населения вне зависимости от возраста, пола, достатка и способностей, перестает восприниматься как периферийная социальная практика. Сегодня он осмысливается как комплексный социальный институт, оказывающий прямое и косвенное влияние на ключевые аспекты общественной жизни. Однако, несмотря на очевидность положительной корреляции, причинно-следственные механизмы и структурное влияние массового спорта на социальное здоровье требуют глубокого научного осмысления. Существующие исследования часто фрагментарны, фокусируясь либо

на экономических выгодах (снижение затрат на здравоохранение), либо на узких психологических аспектах.

Цель данной статьи – осуществить интегративный анализ роли массового спорта как системного фактора укрепления социального здоровья общества. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) раскрыть содержание понятия «социальное здоровье» в его взаимосвязи со смежными категориями; 2) проанализировать ключевые социогенные функции массового спорта; 3) выявить институциональные условия для реализации его социального потенциала; 4) обозначить современные вызовы и риски, снижающие эффективность спорта как социального инструмента. В этом контексте массовый спорт (физическая культура) перестает восприниматься как сугубо личное дело или сфера профессиональных достижений. Он возникает как мощный социокультурный институт, оказывающий системное воздействие на все аспекты жизни общества. От состояния массового спорта напрямую зависят не только физическое, но и морально-психологическое состояние населения, его социальный оптимизм и жизненная энергия.

Проблематика влияния спорта на общество исследуется в трудах многих отечественных и зарубежных социологов. Однако в условиях современных вызовов – цифровизации, роста социального неравенства, информационного стресса – необходимо обновленное осмысление функций массового спорта.

Понятие «социальное здоровье» в научной литературе трактуется неоднозначно. В наиболее широком смысле, вслед за Э. Дюркгеймом, его можно определить, как состояние общества с минимальными проявлениями аномии – ценностно-нормативного вакуума, ведущего к дезинтеграции. Современные операционализации включают в это понятие следующие индикаторы: уровень межличностного и институционального доверия (Ф. Фукуяма); степень развития социального капитала (Р. Патнам) в его связующей и мостовой формах; интенсивность гражданского участия и волонтерства; воспринимаемая социальная справедливость и инклюзивность; устойчивость и адаптивность социальных институтов.

Таким образом, социально здоровое общество – это общество связанное, кооперативное, справедливое и адаптивное. Деградация социального здоровья проявляется в росте подозрительности, ксенофобии, социальной пассивности, правового нигилизма и девиантного поведения. Массовый спорт в данной парадигме рассматривается не как панацея, а как один из мощных каналов формирования и поддержания этих позитивных социальных характеристик. Методология исследования базируется на системном и функциональном подходах, позволяющих рассмотреть спорт как подсистему общества, выполняющую ряд латентных (помимо явной – развития физических качеств) и крайне важных для социума функций.

Ключевые социогенные функции массового спорта:

1. Интегративная и консолидирующая функция. Это базовая социальная функция спорта. Спортивные мероприятия, от локальных турниров дворовых команд до общенациональных чемпионатов, создают мощные «фокусы» коллективной идентификации. Болельщики, объединенные поддержкой одной команды или спортсмена, временно стирают социальные границы – экономические, профессиональные, возрастные. Это переживание «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон) на основе спортивной принадлежности является школой гражданственности в широком смысле. Более того, массовое участие в таких акциях, как «Лыжня России» или общегородские забеги, формирует опыт позитивной солидарности, основанной не на противостоянии «другому», а на совместном достижении личных целей в рамках общего события. Это способствует формированию мостового социального капитала, связывающего разнородные группы;
2. Функция социализации и формирования. Спортивная секция или фитнес-клуб высту-

пают классическими агентами вторичной социализации. Здесь в неформальной, но структурированной обстановке индивиды, особенно дети и подростки, усваивают фундаментальные социальные нормы: уважение к правилам (даже если судья не прав), дисциплину, ценность регулярного труда для достижения цели, уважение к сопернику и командное взаимодействие. Спорт учит управлять эмоциями (эмоциональный интеллект), достойно принимать поражения и адекватно реагировать на успех – навыки, критически важные для взрослой жизни в современном обществе. Командные виды спорта являются полигоном для отработки навыков коммуникации, делегирования, лидерства и разрешения конфликтов;

3. Аксиологическая (ценностно-формирующая) функция. Массовый спорт транслирует и закрепляет в общественном сознании набор позитивных ценностей, составляющих основу социального здоровья. К ним относятся: культ справедливой конкуренции («fair play»); ценности равенства возможностей (на старте все равны); культ усилия и заслуги (результат зависит от труда, а не от происхождения); уважение к человеческому телу и здоровью; патриотизм, понимаемый не как агрессивный национализм, а как гордость за достижения соотечественников. Эти ценности, интериоризируемые через личный опыт и медийные нарративы, формируют этический каркас общества;
4. Рекреационная и психотерапевтическая функция. В условиях ускоряющегося ритма жизни и роста психоземotionalных нагрузок массовый спорт выступает легитимным и социально одобряемым механизмом снятия стресса и психической разгрузки. Регулярная физическая активность доказано снижает уровень тревожности и депрессии. С точки зрения социального здоровья, это означает снижение общего уровня социальной фрустрации и агрессии, которые в противном случае могут находить выход в деструктивных формах – от бытового хамства до роста преступности. Спорт предоставляет канал для сублимации агрессивной энергии в конструктивное, регулируемое правилами русло;
5. Профилактическая и адаптивная функция. Эта функция имеет прямое отношение к социальному здоровью через призму общественной безопасности и экономической устойчивости. Систематические занятия спортом являются доказанной профилактикой асоциального поведения, особенно в молодежной среде. Подростки, вовлеченные

в спортивные секции, статистически реже употребляют психоактивные вещества, совершают правонарушения или присоединяются к маргинальным группам. Спорт структурирует свободное время, заполняя опасный вакуум «ничего неделания». Кроме того, адаптивный спорт (спорт для лиц с ограниченными возможностями здоровья) выполняет уникальную функцию социальной инклюзии, ломая барьеры стигматизации и демонстрируя обществу модель преодоления и равных возможностей, что напрямую укрепляет ценности справедливости и солидарности.

Потенциал массового спорта не реализуется автоматически. Для его трансформации в инструмент социального здоровья необходима зрелая институциональная среда. Роль государства заключается в создании инфраструктуры доступности: строительство и содержание муниципальных спорткомплексов, бассейнов, стадионов, дворовых площадок; поддержка системы школьного и вузовского спорта; финансирование программ для социально уязвимых групп. Ключевая задача государства – обеспечить принцип территориальной и финансовой доступности, предотвращая превращение спорта в элитарную практику. Также в зоне ответственности государства – нормативно-правовое регулирование, борьба с допингом, коррупцией и насилием на спортивных аренах, что напрямую влияет на доверие к институту спорта. Частные фитнес-клубы, спортивные франшизы и корпоративные спортивные программы расширяют выбор и повышают качество услуг. Корпоративный спорт укрепляет командный дух, снижает заболеваемость сотрудников, формирует позитивный имидж компании. НКО и спортивные федерации на местном уровне являются драйверами низовых инициатив, организуют любительские лиги, вовлекают волонтеров, работают с локальными сообществами. Идеальная модель – государственно-частное-общественное партнерство, где каждый сектор компенсирует слабости другого.

Несмотря на оптимистичный потенциал, массовый спорт сталкивается с серьезными вызовами, которые могут нивелировать его положительное влияние на социальное здоровье:

1. Коммерциализация и социальное неравенство. Тренд на коммодификацию (превращение в товар) спортивных услуг ведет к их удорожанию. Качественные тренировки, экипировка, участие в соревнованиях становятся малодоступными для низкодоходных групп, что воспроизводит и усиливает существующее социальное расслоение. Возникает риск формирования «спортивной бед-

ности», когда спорт из инструмента интеграции превращается в маркер социального статуса;

2. Кризис доверия к институтам спорта высших достижений. Допинговые скандалы, коррупция в международных федерациях, непрозрачность судейства на крупнейших турнирах подрывают базовую ценность «fair play». Это имеет эффект «просачивания» в массовый спорт, порождая цинизм, недоверие к правилам и оправдание собственных нарушений («они все там такие»);
3. Цифровизация и индивидуализация. С одной стороны, фитнес-приложения и онлайн-тренировки повышают доступность. С другой – они способствуют атомизации, заменяя живое общение в секции на виртуального тренера. Исчезает важнейший социальный компонент – прямое взаимодействие, взаимопомощь, формирование локальных сообществ;
4. Гипертрофия соревновательного начала. Давление на результат с раннего возраста, агрессия тренеров и родителей на детских турнирах искажает воспитательную функцию спорта. Вместо формирования характера и радости от процесса это порождает неврозы, страх неудачи и этический релятивизм («победа любой ценой»).

Спортивные площадки, стадионы, фитнес-клубы и парки становятся уникальными социальными лифтами и площадками для горизонтальной коммуникации. В процессе совместной тренировки или участия в спортивном празднике стираются или теряют свою значимость различия в социальном статусе, профессии, уровне дохода и возрасте. Банкир и студент, оказавшись в одной команде по волейболу или на старте городского марафона, взаимодействуют на равных, руководствуясь общими правилами и целью.

Это способствует формированию «социального капитала» – сети доверительных отношений и норм взаимности, которые повышают эффективность общества. Исследования Р. Патнэма показали, что сообщества с высоким уровнем социального капитала характеризуются лучшим экономическим развитием и более высоким качеством управления. Массовый спорт является одним из наиболее эффективных генераторов такого капитала, создавая «слабые связи», которые, как доказано, часто бывают более полезными для социальной мобильности, чем тесные круги общения.

Спорт является не только физической практикой, но и мощным инструментом социализации. Он инкультурирует в своих участников систему ценностей, крайне важную для стабильного функ-

ционирования любого общества. Спорт учит, что успех достигается в рамках установленных норм, что является прямой аналогией соблюдения законов. В спорте учатся уважать того, кто сильнее, и признавать его победу, что формирует культуру конструктивной конкуренции. Игровые виды спорта воспитывают умение ставить общие интересы выше личных, договариваться, поддерживать и доверять. Спорт учит не сдаваться после поражений, а анализировать ошибки и продолжать движение вперед. Эти ценности, усвоенные на спортивной площадке, транслируются индивидом в другие сферы жизни – профессиональную деятельность, семейные отношения, гражданскую активность. Успехи местной футбольной или хоккейной команды, проведение масштабных спортивных событий (например, «Зеленого марафона» или «Лыжни России») становятся мощными катализаторами локального патриотизма. Жители города начинают ощущать себя частью единого целого, испытывая коллективную гордость за свою «малую родину».

Это чувство общности является фундаментом для более широкой гражданской идентичности. Осознавая свою принадлежность к локальному сообществу, человек легче идентифицирует себя и с национальным сообществом. Таким образом, массовый спорт вносит вклад в укрепление национального единства.

Для молодежи, находящейся в активной фазе поиска себя и своего места в мире, массовый спорт представляет собой одну из наиболее эффективных и конструктивных альтернатив. Свободное, ничем не занятое время подростка и молодого человека является потенциально опасным ресурсом, который может быть заполнен деструктивными формами досуга: употреблением психоактивных веществ, участием в неформальных группировках, кибербуллинг и т.д. Регулярные тренировки, подготовка к соревнованиям, участие в жизни спортивной секции структурируют время молодого человека, требуют соблюдения определенного режима дня и дисциплины. Это оставляет меньше возможностей для попадания в асоциальную среду. Тренер в этом контексте становится не только спортивным наставником, но и значимым взрослым, чье мнение и авторитет часто перевешивают влияние уличной компании.

Спортивная команда – это микромодель общества. В ней молодой человек на практике осваивает сложнейшие социальные навыки:

- иерархия и субординация: Умение подчиняться тренеру и признавать лидерство более опытных товарищей;
- конфликтология: Научиться разрешать спорные ситуации внутри команды, не переходя границы;

- кооперация и распределение ролей: Понимание, что общий успех зависит от слаженной работы каждого, выполняющего свою, пусть и небольшую, роль.

Этот опыт бесценен для последующей интеграции молодого человека в трудовой коллектив, учебную группу в вузе и другие социальные институты.

Многочисленные эмпирические исследования, проводимые в разных странах, демонстрируют устойчивую корреляцию между развитой спортивной инфраструктурой и низким уровнем молодежной преступности. Это не означает, что спорт является панацеей, но он выполняет ряд профилактических функций:

- спорт предоставляет легитимный и социально одобряемый канал для выплеска накопившейся энергии и агрессии;
- приобщение к физической культуре снижает вероятность вовлечения в употребление алкоголя, табака и наркотиков;
- для подростков из неблагополучных семей или мигрантов спортивная секция может стать тем местом, где они обретают чувство принадлежности и социальной защищенности, которого им не хватает в других сферах жизни. Социальное здоровье неразрывно связано с психологическим состоянием отдельных граждан. Здоровый и психологически устойчивый индивид – основа стабильного и позитивного социального фона.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что массовый спорт является неотъемлемым элементом экосистемы социального здоровья. Он работает как мультифункциональный социальный стабилизатор, способствующий интеграции, социализации, формированию позитивных ценностей, психической разрядке и профилактике девиаций. Однако его позитивное влияние не является автоматическим или безусловным. Оно целиком зависит от качества институциональной среды, которая либо раскрывает, либо блокирует социальный потенциал спортивной деятельности.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие практические рекомендации для политики в сфере массового спорта, ориентированной на укрепление социального здоровья:

1. Приоритет доступности над медальными амбициями. Государственное финансирование должно быть решительно перераспределено в пользу инфраструктуры массового, а не только элитного спорта. Критерием успеха спортивной политики должен стать не только счет медалей, но и процент систематически занимающегося населения из всех социальных групп.

2. Стимулирование низовых инициатив и волонтерства. Необходимо создать упрощенные механизмы поддержки (гранты, доступ к инфраструктуре) для дворовых лиг, любительских клубов, спортивных НКО. Именно они создают ту самую ткань локальных сообществ, в которой рождается социальный капитал.
3. Строгая этическая и антидопинговая политика. Восстановление доверия к спорту требует бескомпромиссной борьбы с коррупцией, допингом и неправомерным судейством на всех уровнях – от международного до муниципального. Прозрачность и честность должны стать абсолютными приоритетами.
4. Продвижение ценностей «спорта для всех». В публичном дискурсе и образовательных программах необходимо сместить акцент с культу чемпионов и ранней специализации на ценность регулярной активности на протяжении всей жизни, радости движения, здоровья и общения.
5. Развитие адаптивного и инклюзивного спорта. Инвестиции в эту сферу имеют высочайшую социальную отдачу, демонстрируя на практике принципы равенства, солидарности и преодоления барьеров, что напрямую способствует оздоровлению общественного климата.

Таким образом, превращение массового спорта из сферы досуга в стратегический ресурс социального здоровья общества требует осознанных, системных и долгосрочных усилий со стороны государства, гражданского общества и бизнеса. В условиях нарастающей социальной сложности и фрагментации такая инвестиция представляется не просто целесообразной, а необходимой для обеспечения устойчивого будущего.

Политика, направленная на популяризацию и развитие массового спорта, создание доступной спортивной инфраструктуры, поддержку спортивных инициатив снизу, должна рассматриваться как одна из ключевых стратегий долгосрочного и устойчивого социально-экономического развития. Инвестируя в массовый спорт, государство и общество инвестируют в свое будущее – в здоровое, сплоченное, продуктивное и социально благополучное будущее.

Список литературы:

- [1] Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. – Москва: Мысль, 1994. – 399 с.
- [2] Паутов, В. Н. Массовый спорт как фактор социального здоровья и консолидации современного российского общества: дис. ... д-ра социол.

наук: 22.00.04 / Паутов Виктор Николаевич. – Москва, 2018. – 412 с.

[3] Пономарев, Н. И. Социальные функции физической культуры и спорта / Н. И. Пономарев. – Москва: Физкультура и спорт, 1974. – 310 с.

[4] Столяров, В. И. Социология физической культуры и спорта: учебник / В. И. Столяров. – Москва: Физическая культура, 2013. – 800 с.

[5] Гостева, С. Р. Физическая культура и спорт как инструмент государственной социальной политики / С. Р. Гостева // Вестник спортивной науки. – 2020. – № 6. – С. 54–58.

[6] Информационно-аналитический бюллетень «Развитие массового спорта в Российской Федерации» / Министерство спорта Российской Федерации. – 2022. – № 4 (27). – 45 с.

[7] Мардахаев, Л. В. Социальная педагогика: учебник / Л. В. Мардахаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021. – 376 с.

[8] Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие / Л. И. Лубышева. – 4-е изд., стер. – Москва: Академия, 2016. – 272 с.

[9] Социальный капитал и физическая активность: коллективная монография / под ред. А. В. Понеделкова, С. И. Самыгина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2019. – 212 с.

References:

[1] Durkheim, E. Suicide: Sociological Study/E. Durkheim; per. From Fr. A.N. Ilyinsky; ed. V. A. Bazarov. - Moscow: Thought, 1994. - 399 s.

[2] Pautov, V. N. Mass sports as a factor of social health and consolidation of modern Russian society: dis.... Dr. Sociol. Sciences: 22.00.04/Pautov Viktor Nikolaevich. - Moscow, 2018. - 412 s.

[3] Ponomarev, N.I. Social functions of physical culture and sports/N.I. Ponomarev. - Moscow: Physical education and sports, 1974. - 310 s.

[4] Stolyarov, V. I. Sociology of physical culture and sports: textbook/V. I. Stolyarov. - Moscow: Physical culture, 2013. - 800 p.

[5] Gosteva, S. R. Physical culture and sports as an instrument of state social policy/S. R. Gosteva// Bulletin of sports science. – 2020. – № 6. - S. 54-58.

[6] Information and analytical bulletin "Development of mass sports in the Russian Federation" /Ministry of Sports of the Russian Federation. – 2022. – № 4 (27). - 45 s.

[7] Mardakhaev, L.V. Social pedagogy: textbook/L.V. Mardakhaev. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt, 2021. - 376 p.

[8] Lubyшева, L. I. Sociology of physical culture and sports: a textbook/L. I. Lubyшева. - 4th ed., Erased - Moscow: Academy, 2016. - 272 p.

[9] Social capital and physical activity: collective monograph/ed. A. V. Ponedelkova, S. I. Samygina. - Rostov-on-Don: Publishing House of SFU, 2019. - 212 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-477-483

ИБРАГИМОВ Ильдар Фаисович,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры «Физическое воспитание»,
Казанский государственный энергетический университет,
доцент кафедры «Гуманитарные и специальные дисциплины»,
Казанский институт (филиал) «Всероссийский государственный
университет юстиции,
e-mail: ibraildar@yandex.ru

ТАЗИЕВА Зарина Наильевна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
«Физическое воспитание и спорт»,
Казанский государственный архитектурно-строительный
университет; Доцент кафедры физвоспитания и спорта,
Университет Управления «ТИСБИ»,
e-mail: ZT89297263435@mail.ru

АЛЯШЕВА Лилия Эдуардовна,
преподаватель кафедры «Физическое воспитание и здоровье»,
Казанский государственный медицинский университет,
e-mail: Lilya-91g@mail.ru

ИБРАГИМОВ Булат Ильдарович,
студент кафедры «Цифровые системы и модели»,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: ibrabulat2018@yandex.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной научной статье проводится комплексный анализ экономической функции физической культуры и спорта в современной России. Цель работы заключается в системной оценке прямого и опосредованного вклада этой сферы в национальное хозяйство. Исследование фокусируется на выявлении конкретных каналов влияния. К прямым эффектам отнесены: формирование рынка строительства и модернизации спортивных объектов, стимулирующего смежные отрасли; динамичное развитие индустрии производства и розничной торговли спортивными товарами и экипировкой; рост сектора платных физкультурно-оздоровительных услуг. Особое внимание уделяется косвенным, но стратегически важным результатам. Это, прежде всего, укрепление здоровья населения, ведущее к снижению экономических потерь от нетрудоспособности и уменьшению нагрузки на систему здравоохранения. Повышение производительности труда и улучшение качества человеческого капитала рассматриваются как ключевые производные факторы. Отдельно изучена роль крупных спортивных мероприятий в качестве драйвера для развития туристической инфраструктуры, гостиничного бизнеса, транспортной логистики и повышения инвестиционной привлекательности регионов. На основании анализа статистических данных и отраслевых показателей делается вывод о том, что физическая культура и спорт представляют собой многогранный ресурс экономического развития. Их последовательное развитие оказывает мультипликативное воздействие на широкий спектр секторов, способствуя структурной диверсификации и созданию новых точек роста российской экономики.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, экономическое развитие, трудоспособность, туризм, конкурентоспособность, экономика, стратегия.

IBRAGIMOV Ildar Faisovich,
candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department of Physical Education,
Kazan State Power Engineering University,
associate Professor of the Department of Humanities and Special Disciplines,
Kazan Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

TAZIEVA Zarina Nailevna,
candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Physical Education and Sports,
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;
associate Professor of the Department of Physical Education and Sports,
University of Management «TISBI»

ALYASHEVA Lilia Eduardovna,
lecturer of the Department of Physical Education and Health,
Kazan State Medical University

IBRAGIMOV Bulat Ildarovich,
student of the Department of Digital Systems and Models,
Kazan State Power Engineering University

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The presented scientific article provides a comprehensive analysis of the economic function of physical culture and sports in modern Russia. The purpose of the work is to systematically assess the direct and indirect contribution of this sector to the national economy. The research focuses on identifying specific channels of influence. The direct effects include: the formation of a market for the construction and modernization of sports facilities, stimulating related industries; the dynamic development of the sports goods and equipment manufacturing and retail industry; the growth of the paid sports and recreation services sector. Special attention is paid to indirect but strategically important results. This is, first of all, improving the health of the population, leading to a reduction in economic losses from disability and reducing the burden on the healthcare system. Increasing labor productivity and improving the quality of human capital are considered as key derivative factors. The role of major sporting events as a driver for the development of tourism infrastructure, the hotel business, transport logistics and increasing the investment attractiveness of the regions has been studied separately. Based on the analysis of statistical data and industry indicators, it is concluded that physical culture and sport represent a multifaceted resource for economic development. Their consistent development has a multiplier effect on a wide range of sectors, contributing to structural diversification and the creation of new growth points for the Russian economy.*

Key words: *physical culture, sport, economic development, employability, tourism, competitiveness, economy, strategy.*

Экономика Российской Федерации одна из ведущих во всем мире, ее формируют различные отрасли от сельскохозяйственного сектора до нефтеперерабатывающего производства. Также в данную подборку входят физическая культура и спорт, ранее спорт и экономика рассматривались как отдельные области, не имеющие отношения друг к другу, однако теперь современной экономической реальности они трансформировались из социально значимой сферы в полноценный фактор экономического развития. Физическая культура и спорт являются

важными составляющими развития любого современного государства. Физическая культура и спорт, как сектор экономики РФ включает в себя самые разнообразные виды деятельности, его продукция – это не только проведение зрелищных соревнований и производство спортивного инвентаря и экипировки для всех уровней, но и разработка спортивного медиа-контента, организация досуга, а также оказание специализированных услуг. Последние могут варьироваться от спортивной подготовки до консультационных услуг, включая IT и даже беттинг.

В условиях современных вызовов и стратегических задач, стоящих перед Российской Федерацией, необходимо понять влияние физической культуры и спорта на различные экономические показатели: от производительности труда и увеличения трудоспособного возраста населения до стимулирования инвестиций, развития туристической отрасли и регионального развития.

Цели и задачи исследования. В целях выполнения работы была поставлена цель – провести комплексный анализ того, как спорт и физкультура влияют на разные экономические показатели, со всех возможных сторон.

Для достижения поставленной цели, были выявлены ряд задач:

- 1) Узнать долю деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений в структуре ВВП в течение нескольких лет;
- 2) Выявить и систематизировать прямые и косвенные экономические эффекты от развития физической культуры и спорта в Российской Федерации;

3) Оценить вклад физической культуры и спорта в развитие человеческого капитала и повышение конкурентоспособности рабочей силы в России;

4) Исследовать роль физической культуры и спорта в и развитии сопутствующих отраслей экономики;

5) Проанализировать объемы производств спортивных товаров и спрос в разные годы в России.

Методы и материалы исследования. Методами исследования послужили анализ и синтез, сравнение, анализ документов и статистики, обобщение.

Материалами для исследования стали статистические данные Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы, научные журналы и публикации.

Результаты исследования и их обсуждение. Отрасль физической культуры и спорта положительно влияет на динамику ВВП.

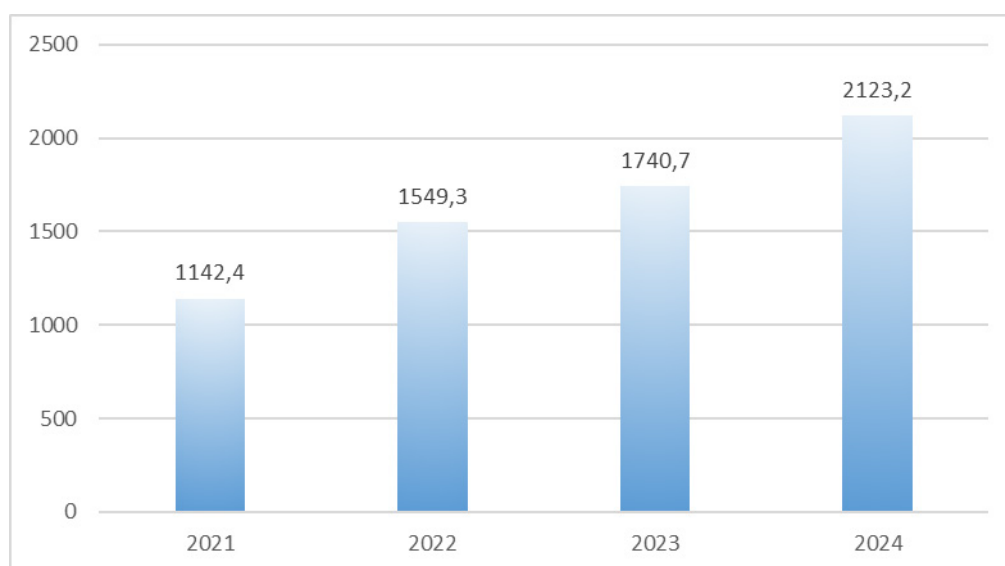

Рис.1. Динамика валовой добавленной стоимости отрасли культуры, спорта, организации досуга и развлечений 2021-2024 г. (млрд. руб.).

На рисунке 1 представлена динамика валовой добавленной стоимости деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений [5]. Как видно, наблюдается положительная тенденция из года в год. В 2021 и 2022 году валовая добавленная стоимость составила 1142,4 и 1549,3 млрд. руб. соответственно, что в общей структуре ВВП доля данной отрасли составляло 0,9% на протяжении двух лет. В 2023 году показатель достиг 1740,7 млрд. руб. (1% доли

в структуре ВВП), а в 2024 году – 2123,2 млрд. руб. (1,2% доли в структуре ВВП). Многие отрасли экономики положительно влияют на рост ВВП, но стоит отметить, что на положительную динамику ВВП в 2024 году повлияла и отрасль культуры и спорта, индекс физического объема добавленной стоимости увеличился на 8,3% по сравнению с 2023 годом. Если рассматривать 2025 год, то за 2 квартала валовая добавленная стоимость данной отрасли составила 1092,1 млрд. руб., что на 167,3

млрд. руб. больше чем за 2 квартала 2024 года (в этом году за 2 квартала вышло 924,8 млрд. руб.).

Влияние физической культуры на экономику многогранно: оно проявляется в изменении соотношения спроса и предложения, улучшении характеристик рабочей силы, формировании новых потребительских моделей и, конечно, затрагивает ряд других важных экономических факторов. Рассмотрим каждое из них:

Спорт напрямую влияет на туризм, что сказывается на состоянии экономики РФ. Благодаря

спортивным мероприятиям, особенно мирового уровня, появляется интерес и желание посетить страну или регион, где проходят соревнования.

Рассмотрим конкретный пример, в 2024 году Россия проводила игры БРИКС, которые прошли в Республике Татарстан, в городе Казань. Игры БРИКС — ежегодные мультиспортивные соревнования между странами БРИКС. В соревнованиях участвовали спортсмены из 90 стран, к тому же от каждой страны были свои делегации и просто болельщики.

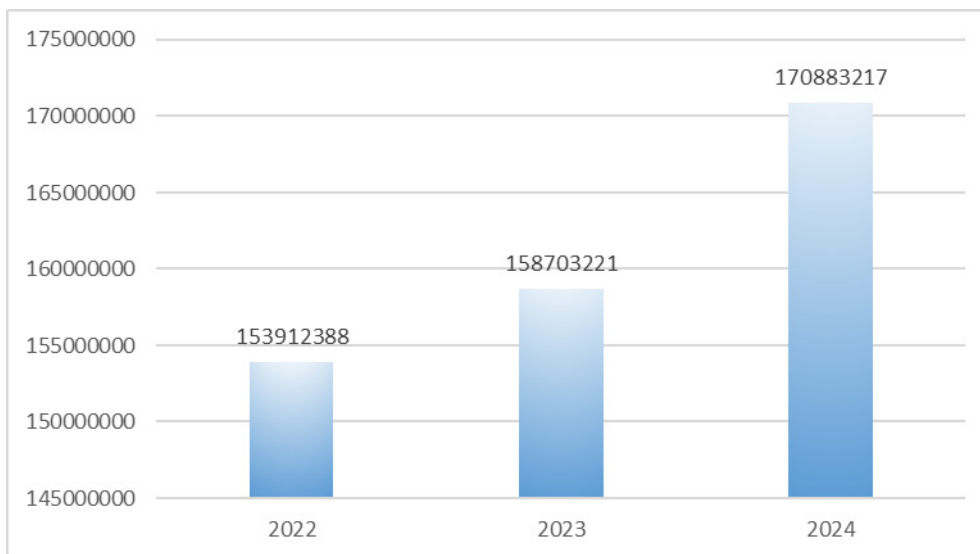

Рис.2. Динамика туристического потока в РФ 2022-2024 г. (по количеству поездок).

Стоит подчеркнуть, что туристский поток (по числу туристских поездок) — общее количество туристских поездок на определенную территорию за определенный промежуток времени [6]. На турпоток могут влиять разные факторы, начиная с политической ситуации в мире и заканчивая экологической обстановкой. Как видно по рисунку 2, динамика туристического потока (турпоток) в России также растет с каждым годом. В 2022 году было совершено 153 912 388 поездок, в 2023 году — 158 703 221 поездок, а в 2024 — 170 883 217 поездок. Не трудно заметить, что резкий скачок пришелся на 2024 год, по сравнению с 2023 турпоток увеличился на 7,6%. Для сравнения с 2022 по 2023 год рост составил 3,1%. Одним из факторов прироста турпотока в 2024 году как раз послужили Игры БРИКС, благодаря которым отрасль туризма принесла большой вклад в экономическое развитие страны, показав иностранным туристам привлекательность России. Об этом говорят также статистические данные, если рассматривать статистические данные, то в период январь-сентябрь

2025 года турпоток составил 138 595 070 поездок, в 2024 году в аналогичный период данный показатель составил 134 188 323 поездок.

Кроме того, аналогичная ситуация была в 2018 году, тогда в России проходил Чемпионат Мира по футболу. Внутренний туристический поток в России по итогам 2018 года составил порядка 60 млн человек, въездной — свыше 24 млн., по сравнению с прошлым годом рост составил 15%.

Благодаря спортивным мероприятиям повышается уровень привлекательности как страны, так и регионов. Организуя крупный спортивный турнир, страна приступает к строительству новых спортивных комплексов и соответствующей инфраструктуры для участников соревнований и многочисленных туристов, возведение новых спортивных объектов, олимпийских деревень, гостиничных комплексов и транспортных развязок становится катализатором экономического развития. Ключевые аспекты этого процесса включают:

- 1) Стимулирование строительной отрасли и смежных секторов экономики;

- 2) Создание временных и постоянных рабочих мест;
- 3) Модернизацию транспортной и городской инфраструктуры;
- 4) Развитие туристического кластера и сервисных услуг.

В рамках подготовки к Олимпиаде построили одиннадцать новых спортивных сооружений, общая вместимость которых составила 200 тысяч зрительских мест. Среди них появились такие известные объекты, как стадион «Фишт», Ледовый дворец «Айсберг», Большая и Малая ледовые арены для хоккея, конькобежный стадион «Адлер-Арена», биатлонный комплекс «Лаура», санно-бобслейная трасса «Санки», сноуборд-центр и множество других. При этом центральным и самым крупным объектом Игр-2014 выступил «Роза Хутор» – единый комплекс для проведения всех горнолыжных дисциплин. Олимпийская «стройка» стала одной из мощнейших антикризисных мер для страны во время кризиса. В проекте участвовали около 300 компаний из трети регионов, обеспечив создание 560 тысяч новых рабочих мест.

А благодаря подготовке и проведению чемпионата мира по футболу в 2018 году в стране появлялось и поддерживалось до 315 тысяч рабочих мест в год, в основном в строительной и туристической областях.

Соответственно, развивая туризм в стране, физическая культура и спорт значительно повышают уровень экономики страны и ее имидж на международной арене. Только в 2024 году прямой и косвенный вклад индустрии путешествий в валовой внутренний продукт (ВВП) России в 2024 году — 7,5 трлн российских рублей.

- Как известно, экономический рост национального хозяйства осуществляется двумя путями: экстенсивным и интенсивным. Первый путь подразумевает рост экономики путем увеличения масштабов производства, увеличение рабочих площадей, количества сотрудников и объема производства продукции. Что касается второго варианта, то он влияет на рост с помощью улучшения факторов производства, например, научно-технический прогресс, повышение квалификации работников, повышение качества продукции и так далее. В этом типе экономического роста одну из главных ролей играют работники и их труд, а производительность труда, в свою очередь, напрямую связана с интеллектом, энергичностью, физической формой и творческим потенциалом работников. Физическая культура и спорт являются основополагающим фактором повышения качества трудовых ресурсов для народного

хозяйства [1]. Научно установлено: благодаря физической активности человек дольше сохраняет свою трудоспособность и при этом его умственная деятельность остается на высоком уровне. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, регулярные физические нагрузки способствуют снижению стресса и улучшению общего состояния. Сотрудники, уделяющие время спорту, легче переносят стрессовые ситуации: у них больше жизненной энергии и позитивный настрой, что, естественно, отражается на их работоспособности.

Как показало исследование, опубликованное в *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, люди, придерживающиеся активного образа жизни, пропускают работу из-за болезней на 25% реже и показывают рост производительности примерно на 15%.

Согласно опросу на портале hh.ru и проекту «Бегом по Золотому кольцу», 72% опрошенных отметили, что спорт помогает сохранять концентрацию и справляться с большим количеством задач.

Следовательно, работник, который занимается физкультурой, реже болеет, быстрее включается в работу и более целеустремлен. Эти качества, повышая его конкурентоспособность, независимо от отрасли, в конечном итоге ведут к ускорению экономического роста.

- Растущий интерес к спорту соответственно рождает спрос на товары для спорта. На это оперативно откликаются производители, выпуская соответствующие продукты. Рассмотрим статистику производства основных видов продукции по категории «спортивные товары» в тысячах рублей [4].

Как видно (рисунок 3), начиная с 2022 года рост производства спортивных товаров стабильно растет, и на 2024 год объем продукции, выработанной организациями, составил 26102719,77 рублей, показывая, что спрос на спортивную продукцию есть и он постоянно увеличивается.

Так выстраивается устойчивая экономическая связь: увлечение людей спортом стимулирует развитие производства, а доступность качественного снаряжения, в свою очередь, поддерживает и усиливает этот интерес.

Выводы и заключение. Таким образом, физическая культура и спорт являются наиважнейшими факторами экономического развития России. Это показывают и статистические данные, доля области культуры, спорта, организации досуга и развлечений в структуре ВВП находится в последние годы растет и на момент 2024 г. составляет 1,2%.

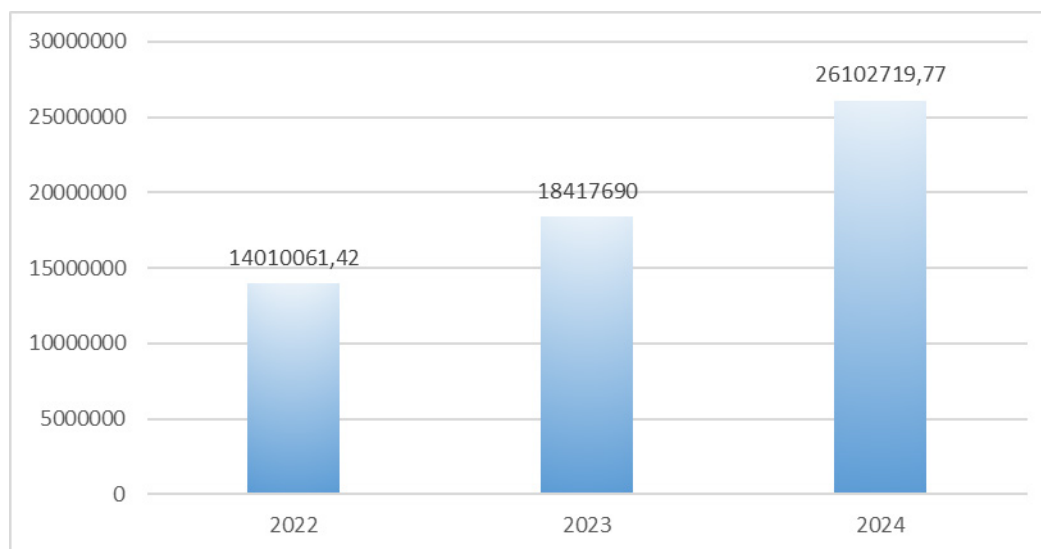

Рис.3. Динамика производства основных видов продукции по категории «спортивные товары» 2022-2024 г. (тыс.руб.).

Более того, физическая культура и спорт стимулируют туристическую активность в Российской Федерации, турпоток достигает своего пика в периоды проведения спортивных игр и соревнований. Повышая туристическую привлекательность, Россия привлекает дополнительный приток средств из других государств и закрепляет лидерские позиции на международной арене.

На товары спортивного назначения есть свои покупатели и спрос, что повышает объемы производства продукции и тем самым, обеспечивая экономический рост страны.

Также спорт косвенно влияет на экономический рост, обеспечивая устойчивость трудовых ресурсов. Как стало известно, физическая активность благоприятно отражается на самочувствии работников, повышая их трудоспособность, нормализуя психологическое состояние и эмоциональный фон. Это, в свою очередь, обеспечивает конкурентоспособность предприятий и общее социально-экономическую обстановку в Российской Федерации.

В заключение подчеркнем, что физическая культура и спорт являются ключевыми двигателями экономического развития России, проявляя свое влияние во множестве разнообразных аспектов экономики. Физическая культура способствует не только физическому, но и экономическому процветанию общества [3].

Список литературы:

[1] Болотин, К. А. Физическая культура и спорт как факторы экономического развития Российской Федерации / К. А. Болотин, З. Х. Низамет-

динова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 5(219). – С. 92-94. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.05.p92-95. – EDN JWZHХО.

[2] Гаделшина, Л. Ф. Экономика спорта: теоретический аспект и перспективы развития / Л. Ф. Гаделшина, Д. Д. Карамова // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Казань, 23–24 сентября 2022 года. – Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2022. – С. 342-345. – EDN WBUGQP.

[3] Илюшин О. В. Влияние физической культуры и спорта на экономику и общество / Н. И. Абзалов, Т. П. Илюшина, П. О. Илюшина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5, № 6(147). – С. 286-289. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.05.038. – EDN IBYSVK.

[4] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : официальный сайт. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

[5] Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 01.12.2025).

[6] Туризм // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 20.12.2025).

References:

[1] Bolotin, K. A. Physical culture and sports as factors of economic development of the Russian Fed-

eration/K. A. Bolotin, Z. Kh. Nizametdinov//Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2023. – № 5(219). – S. 92-94. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.05.p92-95. – EDN JWZHXO.

[2] Gadelshina, L. F. Economics of Sports: Theoretical Aspect and Development Prospects/L. F. Gadelshina, D. D. Karamova//Physical Education and Student Sports through the Eyes of Students: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Kazan, September 23-24, 2022. – Kazan: Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev, 2022. – S. 342-345. – EDN WBUGQP.

[3] Ilyushin O. V. The influence of physical culture and sports on the economy and society/N. I. Abz-

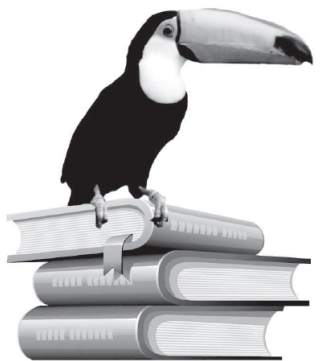
alov, T. P. Ilyushina, P. O. Ilyushina//Economics and management: problems, solutions. – 2024. – T. 5, NO. 6 (147). – S. 286-289. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.05.038. – EDN IBYSVK.

[4] Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS): official website. – URL: <http://government.ru> (accessed on: 01.12.2025).

[5] National Accounts//Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed on: 01.12.2025).

[6] Tourism//Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (accessed on: 20.12.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-484-485

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ПЛАВАНИЕМ НА СОСТОЯНИЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ У ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматривается влияние систематических занятий плаванием на показатели сердечно-сосудистой системы у подростков в возрасте 12–16 лет. На основе анализа научных данных и результатов экспериментальных исследований показано, что плавание способствует улучшению адаптационных возможностей организма, снижению уровня артериального давления, повышению вариабельности сердечного ритма и укреплению миокарда. Полученные результаты подтверждают целесообразность включения плавания в программы физического воспитания подростков как эффективного средства профилактики сердечно-сосудистых заболеваний.

Ключевые слова: Плавание, сердечно-сосудистая система, подростки, физическая активность, профилактика, адаптация.

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science and Technology named after
Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

EFFECT OF SWIMMING ON THE CARDIOVASCULAR SYSTEM IN ADOLESCENTS

Annotation. The article examines the impact of regular swimming on cardiovascular system parameters in adolescents aged 12–16 years. Based on an analysis of scientific literature and experimental research findings, it is demonstrated that swimming enhances the body's adaptive capacity, reduces blood pressure, increases heart rate variability, and strengthens the myocardium. The obtained results confirm the appropriateness of incorporating swimming into adolescent physical education programs as an effective preventive measure against cardiovascular diseases.

Key words: swimming, cardiovascular system, adolescents, physical activity, prevention, adaptation.

Актуальность. Современный образ жизни подростков всё чаще характеризуется гиподинамией, связанной с увеличением времени, проводимого за экранами устройств, и снижением уровня физической активности. Это приводит к росту рисков развития сердечно-сосудистых нарушений уже в юном возрасте. В то же время физические упражнения признаны эффективным нефармакологическим методом профилактики и коррекции функциональных отклонений в работе сердечно-сосудистой системы. Среди видов физической активности плавание занимает особое место благодаря своей физиологичности, минимальной нагрузке на опорно-двигательный аппарат и выраженному кардиопротекторному эффекту.

Цель исследования. Целью настоящей статьи является анализ научных данных о влиянии регулярных занятий плаванием на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы у подростков, а также обоснование рекомендаций по внедрению плавания в программы школьной физической культуры.

Материал и методы исследования. Плавание — это циклический вид двигательной активности, сочетающий аэробную нагрузку с гидростатическим давлением воды. Гидродинамические условия способствуют равномерному распределению нагрузки на все группы мышц, при этом снижается ударная нагрузка на суставы и позвоночник, что особенно важно в период активного роста подростков.

Исследования показывают, что у подростков, занимающихся плаванием 2–3 раза в неделю в течение 8 месяцев, наблюдается достоверное снижение частоты сердечных сокращений в покое (на 8–12 % по сравнению с контрольной группой), повышение индекса Кердо (показатель вегетативного баланса), а также улучшение показателей центральной гемодинамики: снижение систолического и диастолического артериального давления на 5–7 мм рт. ст.

Кроме того, плавание способствует развитию дыхательной мускулатуры и увеличению жизненной ёмкости лёгких, что косвенно положительно влияет на насыщение крови кислородом и снижает нагрузку на сердце. Регулярные тренировки активируют парасимпатическую нервную систему, что проявляется в повышении вариабельности сердечного ритма — важного маркера адаптационных резервов организма.

Важно отметить, что плавание также оказывает позитивное психоэмоциональное воздействие: снижает уровень тревожности и стресса, что дополнительно способствует нормализации функций сердечно-сосудистой системы. Таким образом, плавание выступает не только как средство физической подготовки, но и как инструмент комплексного оздоровления подростков.

Заключение. Регулярные занятия плаванием оказывают многостороннее положительное влияние на сердечно-сосудистую систему подростков. Улучшение гемодинамических показателей, повышение вегетативной устойчивости и снижение психоэмоционального напряжения делают плавание одним из наиболее эффективных и безопасных видов физической активности в подростковом возрасте. Рекомендуется расширять доступ к бассейнам и интегрировать занятия плаванием в школьные программы физического воспитания для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний и формирования здорового образа жизни.

Список литературы:

- [1] Губа В. П., Чесноков Н. Н. Физиология физической культуры и спорта. — М.: Академия, 2020.
- [2] Макарова Г. А., Смирнов В. М. Влияние плавания на вегетативную регуляцию сердца у подростков // Теория и практика физической культуры. — 2019. — № 5. — С. 22–25.
- [3] Армстронг Н., Велсман Дж. Аэробная выносливость и тренировки у детей и подростков // Международный журнал спортивной медицины. — 2021. — Т. 42. — С. 345–353.
- [4] Баранов В. И. Система оздоровительного плавания для подростков. — СПб.: Лань, 2018.
- [5] Козлов В. И., Михайлова Е. С. Кардиореспираторные адаптации у юных пловцов // Валеология. — 2022. — № 2. — С. 45–50.

References:

- [1] Guba V.P., Chesnokov N.N. Physiology of physical culture and sports. - M.: Academy, 2020.
- [2] Makarova G. A., Smirnov V. M. The influence of swimming on autonomic regulation of the heart in adolescents//Theory and practice of physical culture. — 2019. — № 5. - S. 22-25.
- [3] Armstrong N, Welsman J. Aerobic endurance and training in children and adolescents//International Journal of Sports Medicine. — 2021. - T. 42. - S. 345-353.
- [4] Baranov V.I. Health swimming system for adolescents. - St. Petersburg: Doe, 2018.
- [5] Kozlov V.I., Mikhailova E.S. Cardiorespiratory adaptations in young swimmers//Valeology. — 2022. — № 2. - S. 45-50.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-486-490

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,

*Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru*

ЛОЗОВАЯ Марина Александровна,

*Доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия,
e-mail: lozmarin@inbox.ru*

ШЕВЧУК Юлия Валентиновна,

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия,
e-mail: shevjulia@mail.ru*

РОЛЬ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ СИНДРОМА УЧЕБНОГО ВЫГОРАНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуется роль систематических занятий физической культурой в профилактике синдрома учебного выгорания среди студентов высших учебных заведений. Анализируются механизмы влияния физической активности на ключевые компоненты выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижение учебной эффективности. На основе данных современных отечественных исследований демонстрируется, как различные формы физических нагрузок (аэробные, силовые, релаксационные) способствуют повышению стрессоустойчивости, восстановлению психоэмоциональных ресурсов и поддержанию когнитивных функций в условиях интенсивной учебной нагрузки. Статья содержит практические рекомендации по интеграции оптимальных режимов физической активности в образовательный процесс для минимизации рисков выгорания.

Ключевые слова: учебное выгорание, физическая активность, стрессоустойчивость, когнитивная работоспособность, психоэмоциональное состояние, профилактика, студенты.

LOZOVOI Alexander Alexandrovich,

*Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia*

LOZOVAYA Marina Alexandrovna,

*Associate Professor, Department of Physical Culture and Health,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia*

SHEVCHUK Yulia Valentinovna,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Teaching Methods
of Sports Disciplines and National Sports,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia*

THE ROLE OF SYSTEMATIC PHYSICAL EDUCATION IN THE PREVENTION OF EDUCATIONAL BURNOUT SYNDROME AMONG STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *The article explores the role of systematic physical education in the prevention of educational burnout syndrome among higher education students. The mechanisms of the influence of physical activity on the key components of burnout are analyzed: emotional exhaustion, depersonalization and reduced learning efficiency. Based on the data of modern domestic studies, it is demonstrated how various forms of physical activity (aerobic, strength, relaxation) contribute to increasing stress resistance, restoring psychoemotional resources and maintaining cognitive functions in conditions of intense educational load. The article contains practical recommendations for integrating optimal physical activity regimes into the educational process to minimize the risks of burnout.*

Key words: *educational burnout, physical activity, stress resistance, cognitive performance, psycho-emotional state, prevention, students.*

Синдром учебного выгорания представляет собой серьезную угрозу для академической успеваемости и психологического благополучия студентов, проявляясь в виде хронической усталости, апатии, снижения мотивации и продуктивности в учебе. В условиях возрастающих академических требований и информационной перегрузки поиск эффективных средств профилактики данного состояния становится приоритетной задачей. Физическая культура, обладая доказанным мультифакторным позитивным воздействием на организм, рассматривается как один из ключевых инструментов противодействия выгоранию. Целью данной статьи является анализ механизмов и эффективности влияния регулярной физической активности на основные проявления учебного выгорания у студентов. Следует подчеркнуть, что подобные выводы подтверждаются результатами отечественных и зарубежных работ.

Современная система высшего образования, функционирующая в условиях цифровой трансформации и ускоренного темпа жизни, предъявляет к студентам повышенные, многокомпонентные требования. Помимо интенсивной интеллектуальной нагрузки и необходимости усвоения большого объема информации, студенты сталкиваются с высокой конкуренцией, давлением социальных ожиданий, частой необходимостью совмещения учебы с работой, а также с вызовами самостоятельной жизни и социальной адаптации в новой среде. Длительное воздействие этих хронических стрессогенных факторов, особенно в условиях дефицита восстановительных ресурсов, зачастую приводит к развитию синдрома учебного выгорания (СУВ). СУВ представляет собой негативное психофизиологическое состояние, являющееся адаптацией классической триады профессионального выгорания к образовательному контексту: эмоциональное истощение (чувство опустошенности, усталости от учебы),

цинизм/деперсонализация (безразличное, отстраненно-негативное отношение к учебе, преподавателям, однокурсникам) и редукция академических достижений (снижение чувства компетентности, успешности в учебной деятельности).

Распространенность СУВ среди студентов, по данным различных лонгитюдных и кросс-секционных исследований, достигает тревожных показателей в 30-70% в зависимости от курса, специальности и методологии оценки. Пиковые точки риска часто приходится на период сессии, написание дипломных работ и адаптационный первый год обучения. Это превращает СУВ из индивидуальной проблемы в системный вызов для высшей школы, угрожающий не только академической успеваемости и качеству профессиональной подготовки, но и психическому, а также соматическому здоровью будущих специалистов, формируя риски долгосрочных последствий для их карьеры и благополучия.

В этом контексте поиск доступных, массовых, неинвазивных и экономически эффективных средств первичной и вторичной профилактики становится приоритетной задачей для системы высшего образования и политики в области общественного здоровья. Одним из таких средств, обладающим доказанным мультифакторным положительным воздействием и заложенным в учебные планы большинства вузов, выступает физическая культура. Однако ее огромный профилактический потенциал зачастую реализуется фрагментарно и несистемно, сводясь к формальному выполнению нормативных требований ГТО или посещению обязательных учебных занятий, а не к формированию осознанной, систематической практики, интегрированной в образ жизни. Целью данной статьи является комплексный теоретико-аналитический обзор и обоснование роли именно систематических занятий физической культурой как ключевого, структурного элемента в целостной системе профилактики синдрома учеб-

ного выгорания у студентов. Для достижения цели поставлены задачи: 1) проанализировать структуру и предикторы СУВ; 2) детализировать психофизиологические механизмы влияния регулярной физической активности; 3) разработать практико-ориентированную модель интеграции физкультурно-оздоровительной деятельности в образовательную среду вуза.

Учебное выгорание — это состояние физического, эмоционального и умственного истощения, вызванное длительным воздействием стрессогенных факторов образовательной среды. Его структура включает три основных компонента: Кроме того, это имеет важное значение в контексте сохранения психоэмоционального баланса.

Эмоциональное истощение: Чувство опустошенности, усталости, отсутствия энергии для учебы и общения. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Деперсонализация (цинизм): Развитие негативного, безразличного или циничного отношения к учебе, преподавателям, сокурсникам. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке программ профилактики выгорания.

Снижение учебной эффективности: Ощущение некомпетентности, снижение успеваемости, утрата веры в собственные способности. Это подтверждается как практическими наблюдениями, так и данными ряда исследований.

Основными факторами риска выступают чрезмерная учебная нагрузка, дефицит времени, высокие ожидания (как собственные, так и внешние), недостаток отдыха и восстановления. В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Ключевые предикторы и факторы риска развития СУВ у студентов можно классифицировать по нескольким уровням:

1) Академические (учебно-организационные) факторы:

- количественная и качественная перегруженность: перенасыщенность учебных планов, большой объем самостоятельной работы, одновременное выполнение нескольких сложных проектов;
- неясность учебных целей и критериев оценки: расплывчатые формулировки заданий, субъективность оценивания, отсутствие обратной связи;
- низкий уровень академического контроля и автономии: жесткая регламентация процесса, отсутствие возможности выбора курсов или тем;
- конфликт «работа-учеба»: необходимость трудоустройства для финансового обеспечения ведет к дефициту времени и когнитивных ресурсов;

- цифровая усталость: Длительное время, проводимое за экранами в ходе онлайн-обучения, выполнения заданий и поиска информации.

2) Интрапсихические (личностные) факторы:

- перфекционизм дезадаптивного типа: установка на безупречность, болезненная реакция на ошибки, завышенные, часто недостижимые стандарты;
- низкая самооффективность в учебной деятельности: неуверенность в своих способностях освоить материал и справиться с требованиями;
- нейротизм как черта личности (склонность к переживанию негативных эмоций);
- неразвитые навыки саморегуляции: неумение управлять временем (тайм-менеджмент), распознавать и регулировать эмоциональные состояния, применять эффективные стратегии преодоления стресса;
- внешний локус контроля: склонность приписывать успехи и неудачи внешним обстоятельствам, а не собственным усилиям.

3) Социально-средовые и институциональные факторы:

- дефицит социальной поддержки: отсутствие понимания и помощи со стороны преподавателей («токсичная» академическая среда), холодные или конфликтные отношения с одногруппниками, отсутствие чувства принадлежности;
- конкурентная, а не кооперативная атмосфера в учебном коллективе.
- финансовые трудности и бытовая неустроенность, особенно для иногородних студентов;
- несовершенство организационной культуры вуза, игнорирующей вопросы психического здоровья студентов.

Последствия СУВ носят каскадный и системный характер. На когнитивном уровне наблюдается снижение концентрации внимания, ухудшение оперативной памяти, трудности с усвоением нового материала и креативным мышлением. Эмоционально-мотивационная сфера характеризуется ростом тревожности, раздражительности, апатии, ангедонии (потеря способности получать удовольствие от учебы и хобби), вплоть до развития клинически значимой депрессии. Физиологический уровень проявляется в соматизации стресса: нарушения сна (инсомния), частые головные боли, снижение иммунитета, обострение хронических заболеваний. В конечном итоге это ведет к академическим последствиям: прогулам, снижению успеваемости, прокрастинации, увеличению риска академической задолженности и отчисления. Таким образом, профилактика СУВ — это ком-

плексная, междисциплинарная задача, лежащая на стыке педагогики, психологии, медицины и социального управления.

Систематические занятия физической культурой (рекомендуется не менее 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной аэробной нагрузки в неделю согласно глобальным рекомендациям ВОЗ) оказывают мощное модулирующее воздействие на основные компоненты выгорания через ряд взаимосвязанных и доказанных механизмов, которые можно структурировать на нейробиологическом, психологическом и социально-соматическом уровнях.

Систематические занятия физической культурой воздействуют на все компоненты выгорания через комплекс физиологических и психологических механизмов.

Нейроэндокринная регуляция стресса: физическая активность умеренной интенсивности (аэробные нагрузки: бег, плавание, велоспорт) снижает уровень кортизола («гормона стресса») и стимулирует выработку эндорфинов, серотонина и дофамина. Это приводит к улучшению настроения, снижению тревожности и повышению устойчивости к стрессовым воздействиям, напрямую противодействуя эмоциональному истощению. В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Восстановление когнитивных функций: регулярные физические нагрузки улучшают мозговое кровообращение, стимулируют нейрогенез (особенно в гиппокампе) и синтез нейротрофического фактора мозга. Это способствует улучшению концентрации внимания, оперативной памяти, скорости обработки информации и креативности, что является основой для преодоления снижения учебной эффективности. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке программ профилактики выгорания.

Повышение самооффективности и улучшение социального взаимодействия: Достижение целей в тренировочном процессе (улучшение результатов, освоение новых навыков) повышает самооценку и чувство самооффективности. Командные виды спорта или групповые занятия (фитнес, игровые виды) предоставляют возможности для позитивного социального взаимодействия, поддержки и снижения чувства изоляции, что является антагонистом деперсонализации. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Нормализация сна и восстановление энергии: Физическая активность способствует регуляции циркадных ритмов и улучшению качества сна. Качественный сон — фундаментальное условие восстановления энергетических ресурсов организма и психики, дефицит которых лежит в основе

выгорания. В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Рекомендации по использованию физической культуры для профилактики выгорания. Следует подчеркнуть, что подобные выводы подтверждаются результатами отечественных и зарубежных работ.

На основе анализа литературных данных предлагаются следующие практические рекомендации: В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Наиболее эффективны систематические занятия (3-5 раз в неделю) продолжительностью 30-60 минут. Предпочтение следует отдавать умеренным аэробным нагрузкам, обладающим наиболее выраженным антистрессовым и восстанавливающим эффектом. Интенсивные нагрузки без должного восстановления могут усугубить состояние истощения. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Сочетание аэробных тренировок (ходьба, бег трусцой, плавание), силовых упражнений (для повышения общего тонуса) и релаксационных практик (йога, стретчинг, цигун) обеспечивает комплексное воздействие на организм и психику. В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Оптимизировать расписание, избегая перегрузок и обеспечивая время для физической активности. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Расширять сеть доступных спортивных секций, фитнес-групп, организовывать «спортивные часы». Кроме того, это имеет важное значение в контексте сохранения психосоциального баланса.

Внедрять краткие комплексы физических упражнений (физкультминутки) во время длительных аудиторных занятий для снятия умственного утомления. Это подтверждается как практическими наблюдениями, так и данными ряда исследований.

Проводить просветительскую работу о роли ФК в профилактике выгорания. В реальной образовательной среде подобные явления наблюдаются достаточно часто.

Выбор вида активности должен учитывать интересы, физическую подготовленность и состояние здоровья студента. Главное — получение удовольствия от процесса. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Проведенный комплексный анализ позволяет утверждать, что систематические занятия физической культурой представляют собой не

вспомогательный, а фундаментальный, научно обоснованный и экономически эффективный инструмент первичной и вторичной профилактики синдрома учебного выгорания среди студентов. Их воздействие носит глубокий и комплексный характер, оказывая положительное влияние на все три компонента выгорания: снижая эмоциональное истощение через нейрорхимические и эндокринные механизмы, смягчая цинизм за счет развития самоэффективности и позитивного социального опыта, и противодействуя редукции достижений путем усиления когнитивных функций и мотивации.

Физическая культура является мощным, научно обоснованным средством профилактики синдрома учебного выгорания среди студентов. Ее позитивное влияние реализуется через нормализацию нейроэндокринного ответа на стресс, улучшение когнитивных функций и мозговой пластичности, повышение самоэффективности и качества социальных взаимодействий, а также оптимизацию процессов восстановления, включая сон. Регулярная умеренная физическая активность должна рассматриваться как неотъемлемая часть здорового образа жизни студента и важный компонент стратегий поддержания психического здоровья и академической успешности в условиях современного высшего образования. Включение физической культуры в повседневную жизнь и образовательный процесс – эффективная инвестиция в благополучие и профессиональное будущее студентов. Таким образом, рассматриваемый аспект приобретает еще большую актуальность.

Список литературы:

[1] Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – 3-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2019. – 336 с.

[2] Лукьянова, М.И., Калинина, Н.В. Психологические факторы академической успешности студентов в условиях цифровизации образования // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 61–73.

[3] Динейка, К.В. 10 уроков психофизической тренировки. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 63 с.

[4] Ильин, Е.П. Психология воли. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с.

[5] Апанасенко, Г.Л. Эволюция биоэнергетики и здоровье человека. – СПб.: Медицинская пресса, 2006. – 143 с.

[6] Дубровский, В.И. Спортивная медицина: учебник для вузов. – 3-е изд., доп. – М.: Владос, 2005. – 528 с.

References:

[1] Vodopyanova, N.E., Starchenkova, E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. - 3rd ed., Add. - St. Petersburg: Peter, 2019. - 336 p.

[2] Lukyanova, M.I., Kalinina, N.V. Psychological factors of academic success of students in the context of digitalization of education//Psychological science and education. – 2021. - T. 26, NO. 2. - S. 61-73.

[3] Dyneyka, K.V. 10 lessons in psychophysical training. - M.: Physical education and sports, 1987. - 63 s.

[4] Ilyin, E.P. Psychology of will. - 2nd ed. - St. Petersburg: Peter, 2009. - 368 p.

[5] Apanasenko, G.L. Evolution of bioenergy and human health. - St. Petersburg: Medical Press, 2006. - 143 s.

[6] Dubrovsky, V.I. Sports medicine: a textbook for universities. - 3rd ed., Add. - M.: Vlados, 2005. - 528 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович,
доцент Кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербурга, Россия,
e-mail: i.vasilev@spbu.ru

ПРАВОВОСТАНОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ В СПОРТИВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье продолжается исследование мер защиты, закрепленных в регламентирующих нормах общероссийских спортивных федераций. Одним из видов мер защиты являются правовосстановительные меры. Целями таких мер в сфере спорта, по мнению автора, альтернативно являются признание или присуждение права; устранение препятствия к осуществлению права; исполнение ранее невыполненной обязанности. Однако сложившийся стереотип рассмотрения мер защиты в пределах регулятивных правоотношений в сфере спорта необходимо расширить до регулятивных и охранительных правоотношений. Применение этих мер не всегда связано с осуществлением квази-судебной процессуальной деятельности (юрисдикционными органами нормами общероссийских спортивных федераций по обязательному досудебному разрешению споров), а сами меры могут включаться как в диспозицию, так и в санкцию соответствующих регламентирующих норм. При этом сегодня общероссийские спортивные федерации не выделяют термин «правовосстановительные меры» в качестве вида меры защиты в своих регламентирующих нормах, а также не используют единообразный подход к их нормативному закреплению.

Ключевые слова: правовое принуждение, меры защиты, правовосстановительные меры, регламентирующие нормы в спорте, спортивные федерации, субъекты спорта.

VASILYEV Ilya Alexandrovich,
Candidate of law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Saint Petersburg State University

REMEDIAL PROTECTIVE MEASURES IN SPORTS LAW

Annotation. The article continues the research of protective measures at the regulations of the All-Russian sports federations. One of the types of protection measures are remedial measures. The objectives of such measures in the field of sports, according to the author, are alternatively recognition or award of the right; removal of obstacles to the exercise of the right; fulfillment of previously unfulfilled obligations. However, the established stereotype of considering protective measures within regulatory legal relations in the field of sports should be expanded to regulatory and protective legal relations. This measures is not always associated with the quasi-judicial procedural activities (the rules of the All-Russian sports federations on mandatory pre-trial dispute resolution by the jurisdictional bodies), and the measures could be included both in the disposition and in the sanction of the relevant regulations. At the same time, today the All-Russian sports federations do not use the term "remedial measures" as a type of protection measure at their regulations, nor do they use a uniform approach to their regulatory unification.

Key words: legal coercion, protective measures, remedial measures, regulatory norms in sports, sports federations, sports subjects.

1. Меры защиты в регулятивных и охранительных правоотношениях в сфере спорта.

В качестве основной методологической предпосылки для исследования заявленной проблематики, мы разделяем мнения профессоров А. П. Вершинина и С. С. Алексеева, считавших, что меры защиты являются разновидностью признания или присуждения [4, с. 59], а значит принуждение при мерах защиты ограничивается исполнением невыполненной обязанности или устранением препятствий на пути осуществления субъективных прав и не сопровождается «воздействием штрафного характера» [1, с. 283].

Отдельные исследователи сомневаются в наличие какого-либо иного признака для разграничения мер защиты и ответственности в гражданском праве, кроме учета вины в составе правонарушения и называют само деление условным, зависящим от законодателя [7, с. 98]. С приведенным тезисом можно согласиться, если признавать, что основанием для применения мер защиты и мер ответственности всегда выступает правонарушение: меры защиты установлены для ситуаций, когда у субъекта права отсутствует вина, меры ответственности нуждаются в виновном поведении [7, с. 102]. Очевидно, меры защиты, к примеру, в гражданском праве не должны являться мерами ответственности поскольку не обладают признаками гражданско-правовой ответственности [16, с. 125–126] и могут иметь предупредительную либо правовосстановительную направленность [5, с. 11]. Методологически это соответствует нашему пониманию мер защиты (предупредительных и правовосстановительных мер) и мер спортивной ответственности (практически всегда называемых сегодня спортивным праве «спортивными санкциями») в качестве разновидностей спортивных санкций [2, с. 40]. При этом последние, в зависимости от вида, могут быть использованы как в регулятивных, так и в охранительных правоотношениях.

Регулятивный способ защиты рассматривается в контексте одноименных правоотношений, в отличие от охранительного способа [6, с. 146]. Первым в гражданском праве соответствуют меры защиты, тогда как вторым – меры юридической ответственности. В целом, использование мер защиты в охранительных правоотношениях с точки зрения теории права остается дискуссионным, поскольку таковые должны а priori являться альтернативной «государственно-принудительным» мерам. Считаем, что необходимо пересмотреть этот классический подход. Правовое принуждение на примере сферы спорта не является деятельностью, которая «всегда протекает в рамках правоприменительных отношений охранительного вида, носящих характер властеотнесе-

ния» и выражается в «применении государственно-принудительных мер» [8, с. 111–112]. Наряду с буквально «государственно-принудительными мерами» в спорте существуют легитимированные государством (в частности, п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о спорте)) и применяемые спортивными организациями «квази-государственно-принудительные» спортивные санкции (меры защиты и меры спортивной ответственности). При рассмотрении правового принуждения за пределами правоприменительной деятельности государственной власти, препятствий для использования предупредительных и правовосстановительных мер в охранительных правоотношениях, кажется, не остается.

Потребность в защитных мерах в охранительных правоотношениях может возникать при наличии нарушения обязывающей нормы, которому в актах спортивной организации нормативно не корреспондирует мера спортивной ответственности (то самое «воздействие штрафного характера»), заменяемая иным видом спортивной санкции как правового принуждения спортивной организации. В качестве таковых, в зависимости от особенностей правоотношения, могут закрепляться и предупредительные, и правовосстановительные меры. Примеры первых мы приводили в нашей предшествующей публикации по рассматриваемой проблематике [3, с. 75–77]. Правовосстановительные меры составляют предмет нашего текущего исследования.

В научной литературе сегодня выделяются следующие шесть признаков мер защиты [8, с. 111]:

- 1) Являются юридическими средствами.
- 2) Основаны на государственном принуждении, обеспечиваются или гарантируются им.
- 3) Могут быть закреплены как в санкции, так и в диспозиции нормы права.
- 4) Реализуются как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах.
- 5) Основанием их применения выступают разнообразные юридические факты, которые могут быть как правомерными, так и противоправными.
- 6) Осуществляются в рамках охранительных правоотношений.

Используя названные в научной литературе признаки мер защиты [1, с. 283; 4, с. 59], правовосстановительные меры направлены на достижение одной или нескольких из следующих целей:

- 1) Признание или присуждение права.
- 2) Устранение препятствия к осуществлению права.
- 3) Исполнение ранее невыполненной обязанности.

Проанализировав регламентирующие нормы ряда общероссийских спортивных федераций по командным игровым видам спорта с точки зрения преследования вышеназванных трёх целей, мы выделили несколько примеров закрепления праввосстановительных мер и проанализировали их на предмет соответствия шести признакам мер защиты.

2. Праввосстановительные меры принуждения как меры защиты.

Пример № 1. Определение спортивной организацией специального статуса спортсмена – целью меры является признание права.

Определение специального статуса «профессионал» или «любитель» футболиста [14, ст. 3] осуществляется юрисдикционным органом Российского футбольного союза (далее – РФС): Комитетом РФС по статусу игроков [13, п. 2 ст. 19]. Для футбольного клуба в юрисдикции РФС установление действительного статуса спортсмена может позволить восстановить нарушенное право на получение компенсации за подготовку данного игрока [14, ст. 23]. Профессиональный статус футболиста влечет обязанность клуба по выплате компенсации, в случае «любителей» такие финансовые гарантии в отношении клубов, ранее участвовавших в развитии спортсмена, не применяются. Рассмотренная мера направлена на поддержание отраслевого принципа целостности спорта (integrity), а значит против маскировки фактического статуса футболиста. Этот принцип в рассматриваемом контексте требует стимулирования клубов на постоянный процесс подготовки игроков через право получения вознаграждения за произведенные инвестиции в человеческий капитал.

В рассмотренной мере присутствуют шесть ранее приведенных признаков мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФС. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в Законе о спорте [15]. В-третьих, мера представлена в диспозиции нормы права регламентирующего акта РФС. В-четвертых, реализуется в процессуальной форме: рассмотрение спора, включающего определение статуса футболиста, в обязательном досудебном порядке юрисдикционным органом РФС. В-пятых, основанием применения меры выступает противоправный юридический факт: несоблюдение двух признаков наличия статуса «профессионал» у футболиста согласно регламентирующим нормам РФС. В-шестых, мера осу-

ществляется в рамках охранительных правоотношений – изменение статуса игрока в случае нарушения регламентирующих норм РФС.

Пример № 2. Подтверждение спортивной организацией спортивного правопреемства клуба – целью меры является признание права.

Спортивное правопреемство в российском волейболе регулируется ст. 48 Регламента Всероссийской федерации волейбола (далее – ВФВ) [10]. Согласно п. 48.3 Регламента ВФВ для подтверждения спортивного правопреемства, новый клуб предоставляет в ВФВ соглашение о передаче прав и обязанностей на команду, подписанное им и клубом, от которого данная команда заявлялась на соревнования ВФВ ранее. Тем самым ВФВ уполномочена подтверждать или отказывать в признании спортивного правопреемства между клубами. При наличии разногласий между субъектами волейбола (самое очевидное – между старым и новым клубами, вследствие чего отсутствует соглашение о передаче прав и обязанностей на команду) разрешение спора об установлении этого юридического факта, как указано в п. 48.4 Регламента ВФВ, осуществляется в юрисдикционном порядке Арбитражем при ВФВ. Вне зависимости от используемой для определения правопреемства процедуры, праввосстановительное содержание меры подтверждается её направленностью на признание за новым клубом прав предыдущего клуба-участника соревнования.

Эта мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ВФВ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется как в процессуальной (рассмотрение Арбитражем ВФВ в порядке разрешения спора при наличии разногласий заявления клуба о правопреемстве), так и в непроцессуальной (рассмотрение ВФВ в неюрисдикционном порядке при отсутствии разногласий заявления клуба о правопреемстве) формах. В-пятых, основанием применения выступает правомерный юридический факт: наличие закрепленных в регламентирующих нормах ВФВ обязательных признаков для правопреемства клуба. В-шестых, мера осуществляется в рамках регулятивных правоотношений по определению спортивного правопреемника клуба.

Пример № 3. Утверждение или отказ в утверждении спортивной организацией перехода

игрока в спортивный клуб – целью меры является присуждение права либо исполнение ранее невыполненной обязанности.

Ст. 28 Регламента ВФВ регулирует условия переходов волейболистов [10]. Отличительный признак института переходов игроков в волейболе между спортивными клубами заключается в утверждении ВФВ любого перехода. Так, согласно п. 28.1 Регламента ВФВ, если волейболист не имеет действующего срочного трудового договора с клубом, его переход в клуб должен быть утвержден Комиссией ВФВ по переходам, являющейся структурным подразделением ВФВ. ВФВ присуждает игроку право на заключение трудового договора с новым клубом либо отказывает в присуждении в случае наличия конфликта с предыдущим работодателем. Последний существует при досрочном расторжении волейболистом трудового договора по своей инициативе и требовании клуба выплатить компенсацию. Правовосстановительный характер меры заключается в присуждении права на заключение трудового договора с новым клубом (если принятое решение положительное – целью является присуждение права) или в негативном воздействии на карьеру игрока в правомерном интересе соблюдения им своей обязанности по выплате компенсации предыдущему клубу (если принятое решение отрицательное – целью является исполнение ранее невыполненной обязанности).

В этой мере присутствуют шесть признаков мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ВФВ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: решение принимается Комиссией ВФВ по переходам в неюрисдикционном порядке. В-пятых, основанием меры выступают правомерный (отсутствие задолженности перед предыдущим клубом) или противоправный (наличие задолженности перед предыдущим клубом) юридические факты. В-шестых, мера осуществляется в рамках регулятивных (утверждение Комиссией ВФВ перехода спортсмена при отсутствии задолженности перед предыдущим клубом) или охранительных (отказ в утверждении Комиссией ВФВ перехода игрока при наличии задолженности перед предыдущим клубом) правоотношений.

В российском гандболе решение о разрешении «аренды» (временного перехода игрока-ра-

ботника между спортивными клубами) спортсмена-профессионала принимает Комиссия Федерации гандбола России (далее – ФГР) по организации и проведению соревнований, являющаяся подразделением ФГР [9, п. 6.3]. При этом Комиссия ФГР обладает правом усмотрения и вправе отказать в «аренде». В рассматриваемом случае правосстановительный характер меры подтверждается тем, что таковая направлена на присуждение клубу-«арендатору» права заявить гандболиста для участия в соревнованиях, а игроку – права на смену работодателя.

Эта мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ФГР. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: решение принимается Комиссией ФГР по организации и проведению соревнований в неюрисдикционном порядке. В-пятых, основанием меры выступают правомерный (временная смена игроком работодателя в отсутствие нарушения регламентирующих норм ФГР) или противоправный (отказ во временной смене игроком работодателя при наличии нарушения регламентирующих норм ФГР) юридические факты. В-шестых, мера осуществляется в рамках регулятивных (при разрешении Комиссией ФГР «аренды» спортсмена в силу отсутствия нарушения регламентирующих норм ФГР) или охранительных (при отказе в разрешении Комиссией ФГР «аренды» игрока вследствие нарушения регламентирующих норм ФГР) правоотношений.

Пример № 4. Обязывание спортивной организацией клуба предоставить игрокам право на безусловный переход (временный перевод) в другой клуб – целью меры является устранение препятствия к осуществлению права.

В ситуации, когда клуб или команда не заявляется для участия в соревнованиях под эгидой Российской федерации баскетбола (далее – РФБ), отказывается от участия в соревнованиях или отстраняется от участия в них по решению РФБ, данный клуб обязан предоставить всем желающим игрокам право на переход (временный перевод) в другой клуб без возникновения обязанности таких баскетболистов по выплате компенсации [12, п. 4.2.11]. Тем самым принудительно устраняется препятствие для реализации спортсменом права на постоянный переход (трансфер) или

временный перевод в другой клуб, несмотря на отсутствие иной уважительной причины для досрочного расторжения трудового договора с прежним клубом.

В рассмотренной мере присутствуют шесть признаков мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФБ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в санкции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: через исполнение клубом обязанности. В-пятых, основанием меры выступает неправомерный юридический факт: не участие клуба в соревнованиях вследствие наличия одной причины из закрытого перечня. В-шестых, мера осуществляется в рамках регулятивных правоотношений: предоставление игрокам права на безусловный переход (временный перевод) в другой клуб.

Пример № 5. Разрешение спортивной организацией международного перехода игрока в отсутствие ответа от его предыдущего клуба – целью меры является устранение препятствия к осуществлению права.

В ситуации если российский клуб, с которым у баскетболиста зарегистрирован последний трудовой договор, не отвечает на запрос РФБ в установленный запросом срок, РФБ вправе выдать открепительное письмо (Letter Of Clearance) самостоятельно для перехода игрока [12, п. 4.5.6]. Названное письмо является аналогом международного трансферного сертификата (International Transfer Certificate) в футболе, выдаваемого национальной федерацией футбола предыдущего клуба спортсмена. Регламентирующая норма РФБ направлена на устранение препятствия к реализации баскетболистом своего права международного перехода в другой клуб в ситуации, когда его предыдущий клуб действует недобросовестно и не исполнил свою обязанность по ответу в установленный в запросе РФБ срок, препятствуя переходу игрока.

Мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФБ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в санкции нормы права. В-четвертых, реализуется в

непроцессуальной форме: разрешение РФБ выдается в неюрисдикционном порядке без разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: отсутствие ответа клуба на запрос РФБ в установленный запросом срок. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: разрешение РФБ выдается для защиты прав клуба и баскетболиста от нарушающего регламентирующие нормы РФБ бездействия предыдущего клуба игрока.

Пример № 6. Ограничение спортивной организацией переходов игроков из клубов – целью меры является исполнение ранее невыполненной обязанности.

Рассмотрение Исполкомом ВФВ переходов из клуба в индивидуальном порядке осуществляется в случае отстранения клуба от соревнований вследствие не оплаты в течение пяти рабочих дней наложенного штрафа [11, п. 3.28]. Отстранение в терминологии ВФВ представляет собой меру спортивной ответственности («спортивную санкцию» [10, приложение № 3]). Уполномоченным органом по рассмотрению переходов в индивидуальном порядке выступает Исполком ВФВ, а не Комиссия ВФВ по переходам, как в отношении переходов для не отстраненных от соревнований клубов. Процедура принятия решений Исполкомом ВФВ не регламентирована нормами ВФВ и потому осуществляется в порядке неограниченного усмотрения. Такое особое регулирование ВФВ представляет собой ограничение прав на переход игроков и клубов в целях исполнения ранее невыполненной обязанности. Обратим внимание, что рассматриваемой мерой оказывается воздействие не только на право клуба, но и на права включенных в его заявки для участия в соревнованиях под эгидой ВФВ игроков, желающих сменить своего работодателя на другой клуб. Исполнение ранее невыполненной обязанности осуществляется не только через ограничение права клуба на переход игроков (то есть лишения клуба права извлечения прибыли от досрочного прекращения трудового договора со спортсменом), но и при помощи ограничения права волейболистов этого клуба на продолжение спортивной карьеры в другом клубе.

В данной мере присутствуют шесть признаков мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ВФВ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера

отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: во неюрисдикционном порядке, без разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает правомерный юридический факт: решение ВФВ об отстранении клуба от участия в соревнованиях. В-шестых, мера осуществляется в рамках регулятивных правоотношений: определения особенностей переходов волейболистов из клуба, отстраненного от участия в соревнованиях.

Пример № 7. Не допуск спортивной организацией клуба к участию в соревновании или игрока к участию в матче – целью меры является исполнение ранее невыполненной обязанности.

Клуб не допускается к участию в соревнованиях под эгидой РФБ в случае наличия у клуба неисполненных финансовых обязательств перед игроками, тренерами и другими лицами, имеющими с клубом трудовой договор и внесёнными в паспорт команды текущего или предыдущих сезонов, а также перед аккредитованными РФБ агентами на основании агентского договора с клубом [12, п. 4.1.9]. Правовосстановительный характер меры обуславливается её направленностью на исполнение клубом ранее невыполненной обязанности перед своими работниками, являющимися субъектами баскетбола.

Рассмотренная мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФБ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: РФБ не допускает клуб в неюрисдикционном порядке, без процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: неисполненных финансовых обязательств перед игроками, тренерами и другими лицами, имеющими с клубом трудовой договор и внесёнными в паспорт команды. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: клуб не допускается к участию в соревновании вследствие совершенного нарушения норм трудового права.

В Чемпионате и Кубке России по волейболу 2026 г. при повторном отсутствии фамилии или игрового имени игрока на футболке таковой не допускается к участию в матче [11, п. 4.31]. Аналогично не допускается либеро при совпадении сочетания цветов его футболки с формой основных игроков [11, п. 4.31]. В обоих случаях мера направлена на исполнение клубом ранее невы-

полненной обязанности по идентификации игроков его команд в соответствии с регламентирующими нормами ВФВ.

Эта мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ВФВ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: организатор соревнования не допускает волейболиста в неюрисдикционном порядке, без процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: неисполнение волейболистом обязанности, возложенной на него регламентирующими нормами ВФВ. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: в ответ на нарушение игроками обязанности.

Пример № 8. Применение спортивной организацией запрета допуска игрока к участию в соревнованиях за другой клуб и сохранение за таким спортсменом специального статуса до момента достижения определенного возраста – целью мер является исполнение ранее невыполненных обязанностей.

В п. 3.2.17.1 Регламента «Статус игрока» РФБ [12] представлена мера о запрете допуска игрока к участию в соревнованиях под эгидой РФБ за любой другой клуб до достижения возраста тридцати трех лет, а также сохранения статуса «Ограниченно свободный агент» в течение этого периода. Мера обеспечивает соблюдение другой нормы упомянутого регламента – п. 3.2.16 об отзывании игрока, имеющего статус «Ограниченно свободный агент», которому не поступило ни одного квалификационного предложения, либо который не принял ни одно квалификационное предложение, а равно если с ним не был заключен трудовой договор на условиях квалификационного предложения, заключить трудовой договор с прежним клубом на предложенных им условиях для допуска к соревнованию [12]. В названном возрасте у игрока возникает статус «Свободный агент», вследствие которого он может заключить трудовой договор с любым клубом и быть допущен к участию в соревнованиях РФБ. До этого момента запрет допуска игрока в совокупности с сохранением статуса «Ограниченно свободного агента» оставляет для него единственный вариант выступления в соревнованиях РФБ – заключение трудового договора с предыдущим клубом на ранее предложенных условиях. Следовательно,

мера направлена на исполнение баскетболистом ранее невыполненной обязанности по вступлению в трудовые отношения с определенным клубом.

Рассмотренная мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФБ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: запрет допуска и сохранение статуса баскетболиста применяются в неюрисдикционном порядке, вне процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: неисполнение баскетболистом обязанности заключения трудового договора. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: на основании невыполненной игроком обязанности по вступлению в трудовые отношения с определенным клубом.

Запрет допуска спортсмена-профессионала к участию в соревнованиях за другой клуб без закрепления за ним специального статуса используется ФГР [9, п. 4.3] в случаях, когда гандболист нарушает обязанность произвести своему предыдущему клубу компенсационную выплату за расторжение трудового в одностороннем порядке по собственному желанию. Лишение права выступать в соревнованиях имеет праввосстановительную направленность – должно стимулировать игрока к исполнению ранее невыполненной им перед клубом обязанности.

Эта мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах ФГР. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: в неюрисдикционном порядке, вне процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: неисполнение гандболистом обязанности произвести компенсационную выплату клубу за расторжение трудового в одностороннем порядке по собственному желанию. В-шестых, мера осуществляется в рамках

охранительных правоотношений: на основании невыполненной игроком обязанности по выплате компенсации.

Пример № 9. Удовлетворение спортивной организацией протеста клуба и назначение переигровки матча – целью меры является устранение препятствия к осуществлению права.

Регламент ВФВ в положениях ст.ст. 55–58 регулирует институт протеста на результат матча в соревнованиях по волейболу [10]. Протест подается руководством одной из команд после матча в Директорат ВФВ (структурное подразделение ВФВ, осуществляющее организацию, контроль и оперативное управление Соревнованиями ВФВ) при наличии совокупности оснований: существенное нарушение Регламента, Положения о соревнованиях, Регламента проведения и/или Правил волейбола. Праввосстановительной мерой в результате удовлетворения протеста является назначение переигровки матча, что устраняет препятствие к осуществлению вторым клубом своего права на участие в справедливом матче (fair play) – то есть в отсутствие нарушения первым клубом перечисленных регламентирующих актов ВФВ.

Рассмотренная мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – представлена в регламентирующих нормах ВФВ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, мера отражена в санкции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: в неюрисдикционном порядке, вне процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: существенное нарушение регламентирующих норм ВФВ либо Правил волейбола. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: на основании нарушения приведенных выше норм.

Пример № 10. Мера по выплате в спортивную организацию клубом, превышающим лимит заработных плат в спортивном сезоне соревнования, целевого взноса на развитие клубов-участников этого соревнования – целью меры является исполнение ранее невыполненной обязанности.

Мера, закрепленная в п. 3.4.8 Регламента РФБ «Статус игрока» [12], направлена на соблюдение клубами лимита заработной платы в спортивном сезоне, при нарушении которого они будут обязаны выплатить в РФБ целевой взнос в размере 10 % от суммы превышения лимита. Этот

взнос распределяется между клубами-участниками соревнования, соблюдавшими лимит. Правовосстановительный характер меры заключается в получении другими клубами выплат в качестве компенсации нарушенного принципа равных спортивных возможностей (level playing field).

Данная мера соответствует шести признакам мер защиты. Во-первых, мера является юридическим средством – отражена в регламентирующих нормах РФБ. Во-вторых, мера гарантирована государственным принуждением: право общероссийских спортивных федераций по утверждению норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции закреплено в п. 5 ч. 1 ст. 16 Закона о спорте [15]. В-третьих, отражена в диспозиции нормы права. В-четвертых, реализуется в непроцессуальной форме: в неюрисдикционном порядке, вне процедуры разрешения спора. В-пятых, основанием меры выступает противоправный юридический факт: нарушение установленного лимита заработной платы. В-шестых, мера осуществляется в рамках охранительных правоотношений: на основании нарушения клубом обязанности соблюдения лимита.

3. Заключение.

Проанализированные регламентирующие нормы общероссийских спортивных федераций указывают на распространенность закрепления правосстановительных мер для охранительных правоотношений. При этом содержание таких мер, в силу преследуемых целей, отличается от мер спортивной ответственности. Как следствие, подтверждается выход в сфере спорта за пределы распространенного в доктрине гражданского права соответствия «мера защиты–регулятивные правоотношения». Вне зависимости от цели, любая правосстановительная мера обеспечивает такие результаты как восстановление формально равных условий для субъектов спорта (level playing field) и обеспечение справедливости соревнований (включая справедливость их результатов) (fair play).

Сегодня общероссийские спортивные федерации не используют термин «правосстановительные меры» (и «меры защиты» в целом) в качестве вида меры защиты в регламентирующих нормах и, как следствие, не провели их систематизацию и закрепление ключевых особенностей. Последние связаны, прежде всего, с характеристиками меры с позиции наличия выделяемых в научной литературе признаков мер защиты. Во-первых, применение меры осуществляется в рамках регулятивных или охранительных правоотношений. Во-вторых, основанием для меры выступает правомерный либо противоправный факт. В-третьих, мера реализуется в процессуальной или в непроцессуальной форме.

Список литературы:

- [1] Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 283. 359 с.
- [2] Васильев И. А. Классификация мер приращения в спортивном праве // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 3 (55). С. 37–47.
- [3] Васильев И. А. Предупредительные меры защиты в спортивном праве // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 4 (60). С. 68–81.
- [4] Вершинин А. П. Меры защиты субъективных прав по гражданскому законодательству. Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 54–59.
- [5] Евдокимов С. В. Правовосстановительные меры в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999. – 218 с.
- [6] Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
- [7] Кравченко А. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 94–104.
- [8] Липинский Д. А., Бессолицын А. Г. О мерах защиты и юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. №3(3). 2010. С. 109–114.
- [9] Положение Федерации гандбола России о переходах. <https://rushandball.ru/documents/get/18>. Дата обращения 18.01.2026.
- [10] Регламент Всероссийской федерации волейбола <https://volley.ru//assets/files/documents/5374/%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%92%D0%A4%D0%92%20%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%2026%20%D0%B8%D%8E%D0%BD%D1%8F%202025%20%D0%B3.pdf>. Дата обращения 18.01.2026.
- [11] Регламент проведения Открытого чемпионата России по волейболу 2026 г.
- [12] Регламент Российской федерации баскетбола «Статус игрока». <https://files.russiabasket.org/docs/2025/255b3f8c-1db0-d503-a42e-3a1d4cb7c08e.pdf>. Дата обращения 18.01.2026.
- [13] Регламент Российского футбольного союза по разрешению споров. <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1989>. Дата обращения 18.01.2026.
- [14] Регламент Российского футбольного союза по статусу и переходам (трансферу) футбо-

листов. <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1984>. Дата обращения 18.01.2026.

[15] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[16] Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. – 212 с.

References:

[1] Alekseev S. S. General theory of law. Vol. 1. Moscow: Jurid. lit., 1981. pp. 283. 359 p.

[2] Vasiliev I. A. Classification of coercive measures in sports law // Vestnik of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2024. No. 3 (55). pp. 37-47.

[3] Vasiliev I. A. Preventive protective measures in sports law // Vestnik of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2025. No. 4 (60). pp. 68-81.

[4] Vershinin A. P. Measures of protection of subjective rights under civil legislation. Problems of improving legislation on the protection of subjective civil rights: collection of scientific papers – Yaroslavl: Publishing House of Yaroslav University, 1988. pp. 54-59.

[5] Evdokimov S. V. Legal restoration measures in Russian law: dis. ... kand. jurid. Sciences. – N. Novgorod, 1999. – 218 p.

[6] Karkhalev D. N. Correlation of protection measures and liability measures in Russian civil law: Dissertation of the cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2003.

[7] Kravchenko A. A. Correlation of protection measures and liability measures as ways of protecting subjective civil rights // Russian Law Journal. 2015. № 2 (101). pp. 94-104.

[8] Lipinsky D. A., Bessolitsyn A. G. On measures of protection and legal responsibility // Vector of Science TSU. №3 (3). 2010. pp. 109-114.

[9] Regulations of the Russian Handball Federation on Transfer. <https://rushandball.ru/documents/get/18>. Accessed: 18.01.2026.

[10] Regulations of the All-Russian Volleyball Federation <https://volley.ru//assets/files/documents/5374/%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%92%D0%A4%D0%92%20%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%2026%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%202025%20%D0%B3.pdf>. Accessed: 18.01.2026.

[11] Regulations for the 2026 Russian Open Volleyball Championship

[12] Regulations of the Russian Basketball Federation "Player status". <https://files.russiabasket.org/docs/2025/255b3f8c-1db0-d503-a42e-3a1d-4cb7c08e.pdf>. Accessed: 18.01.2026.

[13] Regulations of the Russian Football Union for Dispute Resolution. <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1989>. Accessed: 18.01.2026.

[14] Regulations of the Russian Football Union on the status and transfers of football players. <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1984>. Accessed: 18.01.2026.

[15] Federal Law No. 329-FZ dated 04.12.2007 "On Physical Culture and Sport in the Russian Federation". – Access from the SPS ConsultantPlus.

[16] Yakovlev V. F. The civil law method of regulating public relations. Sverdlovsk, 1972. 212 p.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-500-505

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,

Старший преподаватель кафедры методики преподавания методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 89235731323@mail.ru

ТКАЧЕВА Татьяна Викторовна,

Доцент кафедры физического воспитания и спорта, Сибирский Государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: tanechka.tkacheva.1961@mail.ru

ЛИСОВИК Алла Николаевна,

Доцент кафедры физического воспитания и спорта, Сибирский Государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: lissa0407@mail.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ОТ КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ К ДРАЙВЕРУ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТА

Аннотация. В статье представлен комплексный междисциплинарный анализ роли физической культуры в жизни современного студенчества. Рассматривается эволюция её функций от оздоровительной к интегральной, включающей нейробиологическое, психоэмоциональное и социальное измерения. Детально проанализированы системные барьеры, ограничивающие физическую активность студентов в условиях цифровизации и высокой академической нагрузки. На основе синтеза данных спортивной физиологии, когнитивных наук, социологии образования и менеджмента здравоохранения предложена концепция трансформации университетской среды для формирования экосистемы, поддерживающей осознанную двигательную активность как ключевой компонент академического успеха и долгосрочного благополучия.

Ключевые слова: физическая культура студентов, гиподинамия, когнитивные функции, академический стресс, социальная интеграция, университетская среда, здоровьесберегающие технологии, мотивация, персонализация, экосистема здоровья.

LOZOV Alexander Alexandrovich,

Senior Lecturer, Department of Teaching Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia,

TKACHEVA Tatyana Viktorovna,

Associate Professor, Department of Physical Education and Sports, Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

LISOVIK Alla Nikolaevna,

Associate Professor, Department of Physical Education and Sports, Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

PHYSICAL EDUCATION IN THE ACADEMIC ENVIRONMENT: FROM THE COMPENSATORY FUNCTION TO THE DRIVER OF A STUDENT'S INTEGRATED DEVELOPMENT

Annotation. *The article presents a comprehensive interdisciplinary analysis of the role of physical culture in the life of modern students. The evolution of its functions from health-improving to integral, including neurobiological, psychoemotional and social dimensions, is considered. System barriers limiting the physical activity of students in conditions of digitalization and high academic load were analyzed in detail. Based on the synthesis of data from sports physiology, cognitive sciences, educational sociology and health management, the concept of transforming the university environment to form an ecosystem that supports conscious motor activity as a key component of academic success and long-term well-being has been proposed.*

Key words: *physical education of students, physical inactivity, cognitive functions, academic stress, social integration, university environment, health-preserving technologies, motivation, personalization, health ecosystem.*

Эволюция отношения к телу и физическим упражнениям прошла сложный путь от синкретичного единства в античной культуре до современной инструментальной концепции. В античных гимназиях и палестрах физическое развитие было неотделимо от умственного и духовного. Аристотель рассматривал гимнастику как средство воспитания мужества и воли, необходимых для свободного гражданина полиса. В эпоху Средневековья тело стало восприниматься как источник греха, а аскеза — как путь к спасению, что привело к маргинализации физических практик, сохранившихся лишь в форме рыцарской подготовки или народных игр.

Перелом наступил в эпоху Просвещения и Нового времени с трудами Яна Амоса Коменского, Жан-Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталоцци, которые вновь связали физическое воспитание с педагогикой, видя в нем основу для гармоничного развития. Однако индустриальная революция породила утилитарный подход: тело рабочего должно было быть выносливым и производительным, что нашло отражение в системах Фридриха Людвиг Яна и шведской гимнастике Пера Хенрика Линга, акцентирующих дисциплину и коллективное выполнение движений.

Советская система ГТО (1931) стала апофеозом этатистского подхода, подчинив физическую культуру задачам мобилизационной готовности и идеологического воспитания «нового человека». Тело здесь было инструментом государства для труда и обороны. В противовес этому, современный Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс (ВФСК) ГТО, возрожденный в 2014 г., отражает тренд неолиберальной эпохи: смещение акцента на личную ответственность, здоровье как капитал и самооптимизацию. Он символизирует переход от дисциплинарной власти (формирование тела государством) к технологиям самоуправления, где индивид самостоятельно инвести-

рует в свой «телесный капитал» для повышения конкурентоспособности и качества жизни.

Современная ФК представляет собой сложноорганизованную полиструктурную систему, компоненты которой находятся в динамическом взаимодействии:

- мотивационно-ценностный компонент: Формирует внутреннюю картину здоровья, установки и смыслы, связанные с двигательной активностью. Это не только знание о пользе, но и эмоционально-образное отношение к телу, сформированное культурой, медиа и личным опытом. Кризис этого компонента — когда спорт ассоциируется только с принуждением или недостижимым идеалом, а не с удовольствием и самореализацией;
- содержательно-смысловой компонент: Конкретные виды и формы деятельности, их смысловое наполнение. Сегодня он стремительно диверсифицируется: от киберспорта (где физическая активность минимальна, но требуются высочайшие психомоторные навыки) до экстремальных видов (скалолазание, кроссфит) и практик осознанности (цигун, йога), сочетающих движение с ментальным контролем. Ключевой тренд — гибридизация и персонализация контента;
- операционно-деятельностный компонент: Методы, технологии, методики. На первый план выходят цифровые технологии: фитнес-трекеры, мобильные приложения с персональными тренировками, онлайн-платформы для йоги или кроссфита. Традиционная методика, основанная на прямом указании тренера, дополняется или заменяется data-driven подходами, где программа корректируется на основе биометрических данных;
- рефлексивно-оценочный компонент: Способность индивида оценивать свое состоя-

ние, прогресс, эффективность выбранных практик. Развивается через ведение дневников активности, анализ данных с гаджетов, консультации со специалистами. Формирует физическую грамотность — умение «читать» сигналы собственного тела и принимать осознанные решения.

Студенческий возраст в контексте физической культуры представляет собой окно уникальных возможностей и рисков. С биологической точки зрения, это период завершения созревания префронтальной коры головного мозга, отвечающей за самоконтроль, планирование и долгосрочные цели. Физическая активность в этот период способствует окончательному «дошлифовыванию» нейронных связей, повышая когнитивный резерв на всю оставшуюся жизнь. С психосоциальной позиции (по Эриксону), это стадия «идентичности vs ролевого смещения». Студент активно экспериментирует с социальными ролями, и его тело становится полем для этого эксперимента. Стилль физической активности (бодибилдинг, бег, йога, паркур) становится частью формирующегося «Я-образа» и способом коммуникации с референтными группами. Однако именно в этот период обостряются рискованные поведенческие паттерны: нерегулярное и несбалансированное питание, нарушения сна, прокрастинация, высокий уровень стресса и тревожности. Гиподинамия усугубляет эти риски, создавая порочный круг. Таким образом, ФК для студента — это не просто оздоровительная практика, а ключевой фактор успешного прохождения нормативного кризиса возраста, способствующий формированию устойчивой, ответственной и эффективной идентичности.

Современные нейронауки предоставляют убедительные доказательства того, что физическая активность — это мощный когнитивный энхансер. Механизмы воздействия носят многоуровневый характер. Аэробные упражнения повышают эластичность сосудов и стимулируют ангиогенез (образование новых капилляров) в мозге, улучшая перфузию и доставку кислорода и глюкозы — основного «топлива» для нейронов. Золотым стандартом считается стимуляция выработки нейротрофического фактора мозга (BDNF). BDNF — это белок, который поддерживает жизнеспособность существующих нейронов, стимулирует рост новых (нейрогенез в зубчатой извилине гиппокампа) и способствует формированию синаптических связей. Уровень BDNF напрямую коррелирует с объемом гиппокампа и показателями вербальной и пространственной памяти. Физическая нагрузка модулирует уровни дофамина, норадреналина и серотонина, которые критически важны

для внимания, мотивации, настроения и скорости обработки информации. МРТ-исследования показывают, что у физически активных людей наблюдается больший объем серого вещества в префронтальной коре и гиппокампе, а также более эффективная организация белого вещества (проводящих путей). Это приводит к улучшению исполнительных функций — набора высших когнитивных процессов, включающих рабочую память, когнитивную гибкость и inhibitory control (способность подавлять нерелевантные стимулы). Именно эти функции являются предиктором академической успеваемости.

В условиях хронического академического стресса, когда студент находится под постоянным давлением дедлайнов и оценок, физическая культура выполняет функцию психобиологического буфера. Короткие интенсивные нагрузки могут временно повысить кортизол, но регулярные умеренные аэробные упражнения приводят к гипореактивности оси HPA, то есть снижают выброс кортизола в ответ на психологический стресс. Это делает организм более устойчивым. Помимо эндорфинов, при нагрузке высвобождаются эндоканнабиноиды (например, анандамид), которые вызывают чувство покоя, эйфории («эйфория бегуна») и снижают болевую чувствительность. Поведенческая активация и когнитивно-поведенческий эффект: Регулярные тренировки выступают как поведенческая активация, прерывающая цикл пассивности и негативного мышления, характерный для депрессивных состояний. Достижение маленьких целей в спорте формирует поведенческий паттерн успеха, который может быть перенесен на учебную деятельность, повышая общее чувство самоэффективности (убежденности в своей способности достигать цели). Сам факт наличия тренировки в расписании создает смысловой якорь и ритм дня, что особенно важно в период сессии или при дистанционном обучении, когда границы между учебой и отдыхом размываются. Участие в физической культуре создает уникальные социальные контексты, недостижимые в чисто академической или цифровой среде. В отличие от близкого круга друзей, знакомства в спортивной секции или на групповой тренировке — это так называемые «слабые связи», которые, согласно теории, Марка Грановеттера, являются ключевыми для доступа к новой информации и возможностям. Такие связи расширяют социальный капитал студента. Командные виды спорта и особенно приключенческие активности (альпинизм, водные походы) моделируют ситуации, где необходимы взаимное доверие, четкая коммуникация и распределение ролей в условиях неопределенности и легкого стресса. Физическая актив-

ность в группе создает общее телесное переживание — усталость, усилие, радость победы. Это переживание является глубоко аналоговым и способствует эмпатии и сплочению на докогнитивном уровне, компенсируя фрагментарность онлайн-общения. Спортивные сообщества транслируют ценности дисциплины, уважения к правилам, fair play, настойчивости. Для студентов-первокурсников включение в такое сообщество может стать важным каналом аккультурации в университетскую среду.

Расписание «пары-окно-пары» разбивает день на фрагменты, не оставляя непрерывного блока времени, достаточного для поездки в спортзал, тренировки и душа. Лекционные аудитории, рассчитанные на статичное сидение в течение 1,5 часов, не учитывают естественной потребности в микродвижениях для поддержания концентрации. Даже при наличии инфраструктуры часто действует скрытая экономическая фильтрация. Абонемент в современный фитнес-клуб, специальная экипировка для занятий (например, для скалолазания) или оплата услуг тренера могут быть финансово недоступны для значительной части студентов, особенно из регионов. Бесплатные же университетские секции часто страдают от устаревшей материальной базы и перегруженности. Спортивные залы и раздевалки могут восприниматься как небезопасные или некомфортные пространства для девушек, студентов с неконвенциональной телесностью или представителей консервативных культур. Отсутствие частных зон, гендерно-нейтральных раздевалок или программ, учитывающих религиозные ограничения (например, время для молитвы), исключает целые группы из активного участия.

Внутренние (субъективные) барьеры связаны с личностными установками, психологией и сформировавшимися привычками. Студент, перегруженный умственной работой, испытывает не физическую, а ментальную усталость, которая субъективно воспринимается как неспособность к любой активности. Преодоление этого барьера требует первоначального волевого усилия, которое не подкреплено немедленным позитивным подкреплением. Синдром самозванца в спорте (Exercise Imposter Syndrome): Страх выглядеть неумелым, слабым или неловким в окружении более подготовленных людей. Особенно характерен для тех, у кого не было позитивного опыта занятий спортом в школе. Этот страх приводит к избеганию групповых форматов.

Диссонанс между «идеальным» и «реальным» телом в медиа: Реклама фитнес-индустрии и соцсети формируют образ «идеального тренирующегося» — молодого, мотивированного, с про-

грессирующими результатами. Сравнение с этим недостижимым эталоном порождает чувство неадекватности и обесценивает небольшие, но реальные личные достижения, снижая мотивацию.

В результате многолетнего сидячего обучения и досуга у многих студентов слабо развито кинестетическое чувство — осознанное восприятие положения и движения собственного тела в пространстве. Это приводит к неуверенности, скованности движений и повышенному риску травм даже при простых упражнениях, что также является демотивирующим фактором.

Требуется переход от управления спортивными услугами к проектированию целостной среды, делающей здоровый выбор легким, привлекательным и социально поддерживаемым (среда, способствующая здоровью). Элементы такой экосистемы:

- политический уровень: Принятие университетской «Хартии здоровья», где физическая активность признается ключевым приоритетом наравне с академическими достижениями. Интеграция показателей здоровья студентов (на основе анонимных опросов и объективных данных) в систему KPI факультетов и ректората;
- физический уровень: Активный дизайн кампуса: центральная лестница как доминанта, а не лифт; пешеходные и велосипедные маршруты, безопасные и эстетически привлекательные; outdoor-лектории и зоны для неформального общения с элементами для легкой активности;
- цифровой уровень: Создание университетской цифровой платформы-агрегатора, которая объединяет расписание всех спортивных мероприятий, позволяет записываться в секции, формировать команды для челленджей, получать персональные рекомендации на основе данных из университетской медицинской службы и фитнес-трекеров.

Внедрение системы персональных «спортивных тьюторов» или «навигаторов здоровья»: Это не тренеры, а консультанты, которые помогают студенту на основе входного тестирования (физического и психологического) и его личных целей («хочу лучше спать», «хочу справляться со стрессом на сессии», «хочу найти друзей») подобрать оптимальный вид активности и составить индивидуальную дорожную карту. Использование иммерсивных технологий: Виртуальная реальность для обучения сложным двигательным навыкам (например, техники плавания или горнолыжные спуски) или для проведения захватывающих групповых тренировок в любом помещении.

Дополненная реальность для создания интерактивных беговых или веломаршрутов по территории кампуса. Геймификация на основе больших данных: Создание общеуниверситетских челленджей, где факультеты соревнуются не в количестве сданных нормативов ГТО, а в совокупном улучшении объективных показателей благополучия своих студентов (среднее количество шагов, баллы за сон в трекере, снижение уровня тревожности по опросам). Награды — не грамоты, а, например, инвестиции в инфраструктуру факультета.

Внедрение коротких (5-7 минут) комплексов функциональных или дыхательных упражнений в середине длительной лекции или практического занятия для перезагрузки внимания. Обучение профессорско-преподавательского состава простым методикам таких «активных пауз». Разработка элективных междисциплинарных курсов: Например, «Нейробиология спорта и эффективности», «История тела и физических практик», «Экономика здоровья: как инвестиции в ФК влияют на карьерный доход». Это поднимает ФК до уровня серьезной академической дисциплины.

Мотивация через признание и карьерный капитал: Внедрение системы цифровых бейджей, которые студент может получить за освоение определенных компетенций (например, «Основатели спортивного сообщества», «Амбассадор здорового образа жизни») и встроить в свое цифровое портфолио. Эти бейджи должны цениться партнерами университета — потенциальными работодателями. Вместо специализированных залов для тяжелой атлетики или аэробики — трансформируемые пространства, которые с помощью мобильного оборудования за 15 минут могут быть превращены из зоны для йоги в площадку для функционального тренинга или воркаута. Это повышает эффективность использования площади. Партнерство с внешними провайдерами (краудсорсинг инфраструктуры): Университет заключает соглашения с городскими фитнес-клубами, бассейнами, скалодромами о льготном доступе для студентов по единой карте. Это расширяет выбор и снижает нагрузку на собственную инфраструктуру. Преподаватели должны получить дополнительные компетенции в области нутрициологии, основах когнитивно-поведенческой терапии для работы с мотивацией, digital-грамотности для работы с данными. Их роль смещается от инструктора, который показывает упражнение, к коучу/фасилитатору, который помогает студенту выстроить его персональную систему здоровых привычек, интегрированную в жизненный контекст.

Таким образом, расширение данных разделов демонстрирует, что превращение физической культуры из периферийной дисциплины в стержневой элемент университетской экосистемы требует не эволюционных, а радикальных, проектных решений, затрагивающих все аспекты жизни вуза — от архитектуры до корпоративной культуры и цифровой стратегии.

Список литературы:

- [1] Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 49–79.
- [2] Бабенкова, Е. А. Физическая культура и спорт в вузе: от традиционных форм к инновационным практикам / Е. А. Бабенкова, В. И. Грачев // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 5. – С. 15–18.
- [3] Лишук, В. А. Цифровая диета: как гиподинамия и экранное время влияют на когнитивные способности студентов / В. А. Лишук // Вопросы психологии. – 2021. – № 3. – С. 78–89.
- [4] Сидоров, П. И. Академический стресс и двигательная активность: поиск баланса в образовательной среде университета / П. И. Сидоров, А. П. Мошкин // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2020. – Т. 52, № 4. – С. 23–35.
- [5] Щербаков, А. С. Мотивационные профили студентов к занятиям физической культурой: диагностика и пути коррекции / А. С. Щербаков // Педагогика и психология образования. – 2022. – № 1. – С. 112–125.
- [6] Тихомирова, Л. Ф. Нейробиологические основы влияния аэробных нагрузок на успешность обучения студентов технических специальностей / Л. Ф. Тихомирова, Д. Н. Волков // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 2. – С. 45–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-45-57.
- [7] Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО): постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 540 (ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 24, ст. 3066.

References:

- [1] Granovetter, M. The power of weak ties/M. Granovetter//Economic sociology. – 2009. - T. 10, NO. 4. - S. 49-79.
- [2] Babenkova, E. A. Physical culture and sports at the university: from traditional forms to innovative practices/E. A. Babenkova, V. I. Grachev//Theory and practice of physical culture. – 2019. – № 5. - S. 15-18.

[3] Lishchuk, V. A. Digital diet: how physical inactivity and screen time affect the cognitive abilities of students/V. A. Lishchuk//Questions of psychology. – 2021. – № 3. – S. 78-89.

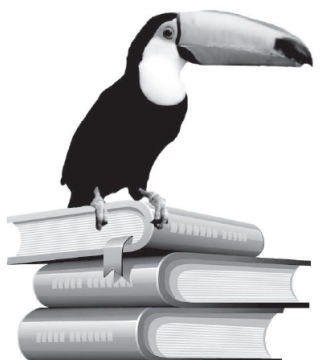
[4] Sidorov, P.I. Academic stress and motor activity: finding a balance in the educational environment of the university/P.I. Sidorov, A.P. Moshkin//Psychology of education in a multicultural space. – 2020. – T. 52, NO. 4. – S. 23-35.

[5] Shcherbakov, A. S. Motivational profiles of students to physical education: diagnostics and ways of correction/A. S. Shcherbakov//Pedagogy and psychology of education. – 2022. – № 1. – S. 112-125.

[6] Tikhomirova, L. F. Neurobiological foundations of the influence of aerobic loads on the success of training students of technical specialties/L. F. Tikhomirova, D. N. Volkov//Higher education in Russia. – 2023. – T. 32, NO. 2. – S. 45-57. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-45-57.

[7] On approval of the Regulation on the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (TRP): Decree of the Government of the Russian Federation of June 11, 2014 No. 540 (ed. 30.12.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 24, Art. 3066.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-506-507

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В СПОРТЕ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен психологической устойчивости в спорте высших достижений. Анализируются ключевые компоненты, составляющие это качество, его влияние на результативность атлета и практические методы развития. Материал предназначен для широкого круга читателей, интересующихся спортивной психологией и саморазвитием.

Ключевые слова: Психологическая устойчивость, ментальная подготовка, спорт высших достижений, стрессоустойчивость, концентрация внимания, саморегуляция.

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk

PSYCHOLOGICAL RESISTANCE IN HIGH-ACHIEVEMENT SPORTS

Annotation. The article examines the phenomenon of psychological stability in high-performance sports. The key components of this quality, its impact on the athlete's performance and practical development methods are analyzed. The material is intended for a wide range of readers interested in sports psychology and self-development.

Key words: psychological stability, mental preparation, high-performance sports, stress tolerance, concentration of attention, self-regulation.

Введение: Современный спорт высших достижений характеризуется не только высочайшим уровнем физической и технической подготовки, но и жесткой конкуренцией, где разница в мастерстве зачастую минимальна. В таких условиях решающую роль начинает играть психологический фактор. Способность спортсмена сохранять ясность мышления, контролировать эмоции и действовать эффективно под давлением обстоятельств часто становится ключом к победе или поражению. Эта способность известна как психологическая устойчивость.

Цель статьи: Изучить природу психологической устойчивости в спорте, определить ее основные структурные компоненты и описать практические методы ее развития для повышения соревновательной надежности атлета.

Психологическая устойчивость – это не врожденная черта, а комплекс навыков, которые можно и нужно целенаправленно развивать. Она

является динамическим процессом, позволяющим спортсмену адаптироваться к стрессовым факторам соревновательной среды.

Основными компонентами психологической устойчивости являются:

1. Эмоциональная саморегуляция. Умение управлять уровнем нервно-психического напряжения, гасить негативные эмоции (страх, гнев, разочарование) и активизировать позитивные (уверенность, решительность). Техники глубокого дыхания, использование ключевых слов (аффирмаций) и идеомоторная тренировка являются эффективными инструментами.
2. Концентрация и переключение внимания. Способность фокусироваться на выполняемой задаче, игнорируя отвлекающие факторы (шум трибун, поведение соперника), а также гибко менять фокус внимания по ходу состязания. Тренируется через упражнения

на избирательное внимание и разработку индивидуальных ритуалов (предстартовых, внутриигровых).

3. Установка на рост. Восприятие неудач и ошибок не как провалов, а как ценного опыта и обратной связи для дальнейшего совершенствования. Атлет с такой установкой не боится сложных задач и рассматривает вызов как возможность развития.
4. Высокий уровень самомотивации и четкая постановка целей. Осознание личных причин занятий спортом (внутренняя мотивация) и умение ставить конкретные, измеримые, достижимые, релевантные и ограниченные по времени (SMART) цели поддерживают активность даже в период спадов.

Развитие этих качеств требует систематической работы, часто совместно со спортивным психологом. Регулярное использование методов ментальной тренировки (визуализация успешного выступления, диалог с собой) наравне с физическими упражнениями делает психику спортсмена таким же тренированным «органом», как и мышцы.

Заключение: Таким образом, психологическая устойчивость выступает критически важным элементом подготовки спортсмена высокого класса. Она интегрирует в себе навыки саморегуляции, контроля внимания, правильные мыслительные установки и мотивацию. В современном спорте, где физические возможности атлетов близки к пределу, ментальное превосходство становится решающим конкурентным преимуществом. Интеграция психологического тренинга в ежедневную практику является не дополнительной опцией, а обязательным условием для стабильных выступлений и достижения максимального результата.

Список литературы:

- [1] Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта. — М.: Советский спорт, 2007. — Gorbunov G.D. Psychopedagogics of sports, Moscow: Sovetskiy Sport Publ., 2007. — <https://klex.ru/l5c>
- [2] Ильин Е.П. Психология спорта. — СПб.: Питер, 2016. — Ilyin E.P. Psychology of sports. — St. Petersburg: Peter, 2016.
- [3] Родионов А.В. Психология физического воспитания и спорта. — М.: Академия, 2010. — Rodionov A.V. Psychology of physical education and sports, Moscow: Akademiya Publ., 2010.
- [4] Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. — Краснодар: КГУФКСТ, 2008. — Gorskaya G.B. Psychological support of long-term training of athletes. Krasnodar: KGUFKST, 2008. — <https://studfile.net/preview/9807969/>

References:

- [1] Gorbunov G.D. Psychopedagogy of sports. - M.: Soviet Sport, 2007. — Gorbunov G.D. Psychopedagogics of sports, Moscow: Sovetskiy Sport Publ., 2007. — <https://klex.ru/l5c>
- [2] Ilyin E.P. Psychology of sports. - St. Petersburg: Peter, 2016. — Ilyin E.P. Psychology of sports. — St. Petersburg: Peter, 2016.
- [3] Rodionov A.V. Psychology of physical education and sports. - M.: Academy, 2010. — Rodionov A.V. Psychology of physical education and sports, Moscow: Akademiya Publ., 2010.
- [4] Gorskaya G.B. Psychological support of long-term training of athletes. - Krasnodar: KGUFKST, 2008. — Gorskaya G.B. Psychological support of long-term training of athletes. Krasnodar: KGUFKST, 2008. — <https://studfile.net/preview/9807969/>

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-508-515

ЕГИНА Людмила Георгиевна,
независимый исследователь, Москва,
e-mail: lgegina@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ В РОССИИ: ОТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ К СОВРЕМЕННОМУ ДИРЕКТОРУ – ГАРАНТУ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. Автор в статье поднимает актуальную тему создания правопримени-
тельного пространства школы в соответствии с целями и задачами российского правового
государства. Необходимость совершенствования правовой деятельности директора
школы на современном этапе вызвала потребность обратиться к историческому опыту
российского государства в области правового регулирования деятельности руководи-
телей учреждений общего образования в предшествующие периоды. Познание данного опыта
является полезным для владения целостной картиной и выработанных правовых тради-
ций предшествующими поколениями по данному вопросу. Метод историко-правового ана-
лиза для понимания современных правовых институтов имеет особую ценность для изуче-
ния обозначенной темы. Целью статьи является изучение вопроса правового статуса
директора школы и содержания правовой культуры директора школы как гаранта ее пра-
воприменительного пространства. В основу статьи положены нормативные правовые до-
кументы становления системы российского образования и правового статуса руководи-
теля школы, а также исследовательские работы по данной теме. В статье рассматривают-
ся вопросы необходимости создания в общеобразовательных учреждениях правопримени-
тельного пространства и влияния правовой культуры директора школы как гаранта леги-
тимного правоприменительного пространства. В статье сделан вывод о необходимости
комплексного изучения данной проблемы. Рассмотрение данного вопроса в ракурсе право-
вой деятельности директора школы как гаранта правоприменительного пространства в
школе открывает новые возможности в научных исследованиях. Это исследование будет
полезно разработчикам современного законодательства и локального нормотворчества в
области образования, учредителям общеобразовательных учреждений, органам управле-
ния образованием, организациям, осуществляющим повышение квалификации и професси-
ональную переподготовку кадров в области образования, директорам школ.

Ключевые слова: правовая культура директора школы, правоприменительное про-
странство школы, правовое пространство школы, локальные нормативные акты.

EGINA Lyudmila Georgievna,
Independent Researcher, Moscow

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF THE SCHOOL DIRECTOR IN RUSSIA: FROM THE PRE-REVOLUTIONARY CARETAKER TO THE MODERN DIRECTOR - GUARANTOR OF THE INSTITUTION'S LAW ENFORCEMENT SPACE

Annotation. The author in the article raises the topical topic of creating a school's law enforce-
ment space in accordance with the goals and objectives of the Russian rule of law. The need to im-
prove the legal activities of the school principal at the present stage has caused the need to refer to

the historical experience of the Russian state in the field of legal regulation of the activities of heads of general education institutions in previous periods. Knowledge of this experience is useful for mastering a holistic picture and developed legal traditions by previous generations on this issue. The method of historical and legal analysis for understanding modern legal institutions is of particular value for the study of the designated topic. The purpose of the article is to study the issue of the legal status of the school principal and the content of the school principal's legal culture as a guarantor of its law enforcement space. The article is based on regulatory legal documents of the formation of the Russian education system and the legal status of the head of the school, as well as research work on this topic. The article discusses the need to create a law enforcement space in general education institutions and the influence of the school principal's legal culture as a guarantor of a legitimate law enforcement space. The article concluded that a comprehensive study of this problem is necessary. Consideration of this issue in terms of the legal activities of the school principal as a guarantor of the law enforcement space in the school opens up new opportunities in scientific research. This study will be useful to developers of modern legislation and local rule-making in the field of education, founders of educational institutions, educational authorities, organizations engaged in advanced training and professional retraining of personnel in the field of education, school principals.

Key words: legal culture of the school principal, law enforcement space of the school, legal space of the school, local regulations.

Современная общеобразовательная организация (школа) представляет собой сложный социально-правовой институт, который функционирует в условиях интенсивного нормативного правового регулирования. Директор школы становится центральным звеном в создании правоприменительного пространства школы, которое должно быть легитимным (соответствовать действующему законодательству в области образования, локальным нормативным актам, которые не должны ему противоречить) и обеспечивать баланс прав всех участников образовательных отношений.

Цель данной статьи как части исследования актуальной темы: роли правовой культуры директора школы как гаранта создания легитимного правоприменительного пространства учреждения, - это анализ эволюции руководителя учреждения общего образования как ключевого элемента в реализации государственной образовательной политики - от «смотрителя-контролера» до его современного особого правового статуса, а также содержания правовой культуры директора школы и обоснование ее определяющего влияния на правоприменительное пространство школы. В рамках статьи поставлены следующие задачи: раскрыть особенности периодов становления статуса директора школы в российской системе образования, акцентировать ключевые компоненты правовой культуры современного директора школы; определить особенности правоприменительного пространства школы; выявить механизмы влияния правовой культуры директора школы на правоприменительное пространство.

В науке представлены исследования различных классификаций ключевых периодов системы российского образования (Биюшкина Н. И., Т. Б Земляная, О. Н. Павлычева, В. Е. Усанов,

Хаминов Д. В. и др.), и в основу большинства из них положена следующая хронология:

- доимперский период (X - XVIII века)
- дореволюционный период (XVIII век – 1917 год)
- советский период (1917 – 1991 годы)
- современный период (1992 год по настоящее время). [1; 2; 3;]

Вопросы организации и правового регулирования образования в Руси и в России X - XVIII веков представлены в исследовании Биюшкиной Н. И., этому способствовал проведенный автором исследования контент-анализ Повести временных лет, Стоглава 1551 г., указов об открытии образовательных учреждений, их уставов, а также проведена реконструкция модели правового регулирования и организации образовательной сферы в Российском государстве доимперского периода. Автор установлено, что в данный период неотъемлемой составляющей процесса организации и правового регулирования и регламентации являлась церковь, которая через своих представителей осуществляла как контрольно-надзорные функции, так и образовательную деятельность. Автор обращает внимание на тот факт, что уже в этом периоде в Московском государстве осуществлялись первые попытки законодательной регламентации образовательных отношений. И к началу XVIII века законодательная сфера образования начала активно развиваться, сочетая в себе противоположные тенденции всеобщности и элитарности. [1]

Анализ системы общего образования в Российской империи «дореволюционного периода» через исследование историко-правового аспекта принципов и направлений государственной политики, нормативного регулирования и деятельность органов управления, образовательных учрежде-

ний представлен в статье Хаминова Д. В. [3]. В статье подчеркивается, что первая комплексная реформа по организации и управлению образованием была проведена Александром I в соответствии с Указом от 24.01.1803 «Об устройстве училищ», в результате которой построена единая система учреждений всех уровней и управления ими. В статье подчеркивается, что историко-правовой анализ документов российских законодательных актов об образовании XVIII – начала XX веков: уставов, положений о народных училищах, Свода законов Российской Империи по вопросам образования, циркуляров и распоряжений Министерства народного просвещения, свидетельствует о ключевых функциях статуса «директора – смотрителя» как соблюдение формальных предписаний, надзор и благонадежность.

Кадровый состав руководящего состава народных училищ проанализирован в исследовании Голиковой О. А., где особую роль в формировании этой категории работников училищ играло решение Государственного совета от 06.12.1899. В Положении 1899 года указывалось на создание с 1 января 1900 года должности директора народных училищ с присвоением ему всех должностных обязанностей и привилегий, предусмотренных положением 1874 года. Кроме того, этим же положением был определен порядок назначения на должность: директора представлялись к должности на основании рекомендации попечителя учебного округа и утверждались в Министерстве народного просвещения. [4]

Ряд исследователей (Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.) акцентировали внимание на том факте, что законодательство того периода относилось к руководителям учреждений просвещения к гражданским служащим: смотрители училищ имели чин IX класса, а директор гимназии – VII класса (надворный советник), что являлось свидетельством «первых попыток» придания директору школы особого статуса. [5]

Однако в этот период, как отмечает другая группа современных исследователей (Е. П. Колпак, А. А. Леонтьев), минимальная автономия образовательного учреждения и его руководителя была обусловлена тем, что «правоприменительное пространство» школы было представлено пространством исполнения предписаний сверху без права правотворческой деятельности как важного элемента правоприменительного пространства учреждения. [6; 7].

В то же время ряд исследователей (Петьков В. А., Шкуропий К. В.) установили, что, первоначально, после принятия «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. и «Положения о начальных народных училищах» 1874 г.,

инспектора и директора начальных училищ самостоятельно составляли программы второго типа, и только более чем через два десятилетия земские школы получили от министерства первый план с программами. [8]. Это иллюстрирует относительную автономность директоров земских школ в исполнении своих полномочий.

Важно отметить и точку зрения просветителей того периода, которые считали, что в России в организации школьной администрации, несмотря на гнет централистических шаблонов, в этой области уже были зачатки правовых взглядов на цели школьной администрации. Например, Чарнолуцкий В. И. в 1909 году отмечал, что, с одной стороны, исследователи полагали, что администрация «должна быть исполнительным органом, проводящим в жизнь постановления по народному образованию, принимаемыми учреждениями общественного управления. С другой стороны, она должна заниматься разработкой очередных вопросов в области общественной организации и подготовкой материалов для дальнейшего развития школьного законодательства» [9]. И это были первые подходы к локальному нормативному правотворчеству, которые не получили дальнейшего развития в дореволюционный период.

В «советский период» в большинстве научных исследований (Перовский Е. И., Новиков И. К., Шамова Т. И., Кричевский В. Ю. и др.) директор школы представлен, в основном, как идеологический и административно-хозяйственный руководитель. [10; 11; 12; 13]. Вместе с тем, опыт ведущих руководителей системы общего образования этого периода (Асеева Георгия Леонидовича, Астафьева Ильи Ивановича, Караковского Владимира Абрамовича, Сухомлинского Василия Александровича и др.) свидетельствовал о возможностях существующего законодательства и в этот период для создания правоприменительного пространства школы, основанного на принципах единоначалия и коллективного управления через созданные органы самоуправления.

Материалы «советского периода» (Декреты советской власти об образовании, устав единой трудовой школы (1918, 1923 годы), Постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома (Совета министров) СССР, Министерства просвещения РСФСР об образовании, Сборники приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР, комментирующие и разъясняющие основополагающие правовые нормы. Должна отметить (как директор средней общеобразовательной школы с 1984 по 1990 годы) конструктивную роль именно этих сборников в исполнении законодательства в данный период. Материалы, представленные в них, оперативно разъясняли (толковали) действующее

законодательство в области образования, что для директоров школ служило базой для самообразования в вопросах права.

Особо выделим в этом периоде годы после принятия Устава средней общеобразовательной школы 1970 года (Постановление Совета Министров СССР от 08. 09. 1970 года №749) «Об Уставе средней общеобразовательной школе»). В соответствии с уставом директор школы нес ответственность перед государством за организацию и качество учебно-воспитательной работы с учащимися, а также за хозяйственно-финансовое состояние школы. Вместе с тем, он осуществлял руководство педагогическим коллективом, создавал необходимые условия для повышений идейно-теоретического уровня и квалификации работников, устанавливал в соответствии с трудовым законодательством, правилами внутреннего трудового распорядка и уставом круг обязанностей работников школы и пр. Расширение круга обязанностей и ответственности директора требовало повышения уровня правовых знаний, а также навыков их применения.

В «современный период» с 1992 года и продолжающийся в наше время целесообразно выделить период с 29 декабря 2012 года по настоящее время, так как с принятием Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», впервые был закреплён особый правовой статус директора школы. Первые попытки научных исследований в данной области были предприняты практически одновременно с принятием закона (Кац А. М., Ломов А. И., Феклин С. И., Валежанина К. В. и др.). [14; 15; 16; 17]. В настоящее время эти исследования получили дальнейшее развитие (Вифлеемский А. Б., Поташник М. М., Шкатулла В. И. и др.) [18; 19] и являются основой для совершенствования как федерального законодательства, так и локального нормотворчества, а также формирования правовой культуры директора школы и правового пространства школы.

Использование в данном исследовании понятия «правоприменительного пространства школы» играет важную роль в его раскрытии как важного элемента «правового пространства школы», которое фокусируется на деятельности субъектов образовательных отношений, но в первую очередь, директора школы, по реализации норм права. Ключевыми компонентами правоприменительного пространства школы выделяем 1) директора школы, как субъекта правоприменения; 2) правоприменительные акты (федеральное и региональное законодательство, муниципальные правовые акты, локальные нормативные акты школы), порождающие юридические последствия;

3) процедуры (положения, порядки, алгоритмы) создания и реализации правоприменительных актов.

Считаем понимание этого различия критически важным для правовой деятельности директора школы. Нелегитимное правоприменительное пространство – это ведущий фактор деградации правового пространства школы, который приводит к несоблюдению правовых норм в области образования как директором школы, так и другими участниками образовательных отношений, что ведет к росту конфликтов, судебным искам, правовому нигилизму.

Важность легитимного правоприменительного пространства в школе обусловлена в первую очередь «формированием мотивов к исполнению и соблюдению правовых норм как одной из ключевых проблем реализации права» (Соловьева Л. Л., Зимина А. О.). [20]

В условиях создания системы российского законодательства в области образования и соблюдения прав участников образовательных отношений правовая культура директора школы становится ключевым фактором создания правоприменительного пространства в общеобразовательном учреждении. В обществе возрастает значимость общей правовой культуры руководителя учреждения образования, в том числе и в первую очередь, директора школы, так как участниками образовательных отношений являются в том числе и несовершеннолетние граждане.

Вопросы сущности правовой культуры руководителей рассматривались активно с 50-х годов XX века в трудах классиков и современных ученых (С. С. Алексеева, А. В. Малько, В. П. Сальникова, А. П. Семитко, Е. А. Певцовой и др.) [21; 22; 23; 24; 25], а также вопросы правоприменительной деятельности (в трудах В. М. Горшенева, Е. А. Певцовой, Н. Я. Соколова и др.) [26; 27].

В специальной литературе по управлению образованием исследовались особенности правового статуса общеобразовательных организаций, в том числе и их руководителей (В. И. Звонников, А. А. Пинский и др.). [28; 29].

Множественность определений «правовая культура» в научной и правовой литературе — это закономерное отражение сложности и многогранности самого феномена. Правовая культура как понятие в рамках этого исследования рассматривается через определение правовой культуры, предложенное доктором юридических наук Алексеем Павловичем Семитко, который считает, что «под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в

достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека». [24].

Применение этого определения «правовой культуры» к директору школы, как конкретному субъекту профессиональной деятельности, позволяет рассматривать его роль в формировании легитимного правоприменительного пространства учреждения. Данное определение трансформирует анализ правовой культуры директора школы из простой проверки на знание законов в комплексную оценку качества управленческой деятельности через призму права, что расширяет поле исследования темы статьи.

Какие ключевые компоненты правовой культуры директора школы выделяются из данного определения? Во-первых, создание и поддержание правоприменительного пространства внутри школы (предсказуемость правовых решений директора школы, основанных на нормах права; разрешение конфликтных ситуаций на основе норм права; соблюдение прав участников образовательных отношений). Во-вторых, совершенствование правоприменительной деятельности директора школы (выполнение норм действующего законодательства в сфере организации и осуществления образовательной деятельности). В-третьих, совершенствование правотворческой деятельности, где правовая культура проявляется в правотворчестве (разработке локальных нормативных актов (приказов, распоряжений, положений и пр.), во владении юридической техникой; в легитимности (непротиворечивости локальных нормативных норм федеральному и региональному законодательству), а также целесообразности и справедливости. В-четвертых, правосознание и правовое развитие директора школы как главного правоприменителя в школе, что является ядром его правовой культуры. В-пятых, степень свободы и взаимной ответственности, в которой раскрывается суть правового статуса директора школы.

В условиях развития системы российского законодательства в области образования правовая культура директора школы как гаранта создания легитимного правоприменительного пространства школы становится ключевым фактором в соблюдении действующего законодательства и нормативного правотворчества. Отсутствие сформированной правовой культуры у директора школы приводит к правовому нигилизму, нарушениям прав участников образовательного процесса и неэффективному управлению.

Проанализированные в открытом доступе информации органов, исполняющих надзорные и контрольные функции в области образования, а также судебные решения по спорам в системе образования фиксируют нарушения, показывающие «болевы точки» в деятельности, в первую очередь, директоров школ. Это свидетельство необходимости комплексной работы по созданию в школах легитимного правоприменительного пространства, в первую очередь, - через повышение правовой культуры директора учреждения. Формирование правоприменительного пространства является результатом целенаправленной деятельности директора школы через реализацию правовых норм при принятии административно-правовых решений директора школы и решений по защите прав и законных интересов участников образовательных отношений, основанной на его правовой и профессиональной компетентности, центральным элементом которой выступает правовая культура.

Выводы

Правовой статус директора школы в России прошел путь от «директора-смотрителя» через административного руководителя к специальному статусу директора школы, закреплённому в действующем федеральном законодательстве.

Источник легитимности власти директора изменился от «величайшего указа» через согласование кандидатуры с партийным руководством к правовому договору с учредителем и «правового сознания и правового развития» руководителя как центральных элементов его правовой культуры.

В настоящее время директор школы не только объект внешнего правового регулирования (федеральное и муниципальное регулирование), но и субъект, активно формирующий правоприменительное пространство школы через локальные нормативные акты. Это свидетельство «сквозной» функции директора школы как посредника государства, с качественно изменившимся инструментом его работы – это правовые механизмы его деятельности: правоприменение, правотворчество, правовая культура (правомерное поведение, правовые знания, юридическая техника).

Современный правовой статус директора школы, сформированный в ходе эволюции, объективно требует от него уровня правовой культуры, включающей все ее компоненты, без которого он не может выполнить свою ключевую роль гаранта легитимного правоприменительного пространства школы. Директор школы настоящего времени с сформированной правовой культурой создает легитимное правоприменительное пространство школы с учетом соблюдения прав и законных

интересов всех участников образовательных отношений, принимает решения в правовом поле, соблюдая нормы права, обладает развитым правосознанием, где право – это инструмент развития, а не ограничения, а также осознает меру своей свободы и несет ответственность за последствия своих решений.

Историко-правовой анализ подтверждает, что с принятием Федерального закона РФ от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» современный статус директора школы впервые в истории российского образования делает акцент на его личной ответственности за легитимность правоприменительного пространства школы, что служит исторически сложившейся предпосылкой для формирования его правовой культуры как профессиональной императивной необходимости.

Список литературы:

[1] Биюшкина Н. А. Образование на Руси и в России в X - XVIII вв.: вопросы организации и правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 91. Doi:10.21685/2072-3016-2021-4-9)

[2] Государственное и правовое регулирование образования в России : Монография / Земляная Т. Б., Павлычева О.Н. Усанов В. Е. – М.: ИНИМ РАО, 2010. – 448 с.

[3] Хаминев Д. В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. №474. С.285-299. Doi:10.17223/15617793/474 /31).

[4] Голикова О. А. Кадровый состав дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. - №74

[5] Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «Полезный класс государственных служащих»: к истории формирования российского учительства (По материалам Русского Севера) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 69. DOI 10/15393/uchz.art.2023.976)

[6] Колпак. Е. П. Эволюция системы образования в России (IX – XIX вв.) : учебное пособие / Е. П. Колпак, М. В. Столбовая. – Казань : Бук. 22019. – 222 с.

[7] Леонтьев А. А. История образования в России от Древней Руси до конца XX века // «Первое сентября. Русский язык». – 2001. - № 33

[8] Петьков В. А., Шкуропий К. В. Генезис содержания образования земских училищ конца

XIX – начала XX веков // «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология». – 2013

[9] Чарнолуский В. И. «Основные вопросы организации школы в России» // Типография М. А. Александрова (Надеждинская, 43). – 1909. – С. 50

[10] Перовский Е. И. Организация работы директора школы: В помощь начинающим руководителям школы. – 1936

[11] Новиков И. К. Организация учебно-воспитательной работы в школе: Из опыта работы 110-й мужской сред. Школы Москвы. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. – 1950. – 464 с.

[12] Шамова Т. И. Избранное. – Москва : Центральное издательство. – 2004. – 320 с.

[13] Кричевский В. Ю. Демократизация школьной жизни. – Москва : О-во «Знание» РСФСР. - 1991. – 38 с.

[14] Кац А. М. Правовой статус руководителя школы // «Народное образование» 2/2013. – С. 45 - 51

[15] Ломов А. И. Статус директора общеобразовательной организации в новом законе «Об образовании» // «Журнал руководителя управления образованием». - №4. - Май 2013)

[16] Феклин С. И. Правовой статус директора школы в связи с введением Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: правовой комментарий // «Профильная школа». - Том 4. - №1. – 2016. – С. 33-47

[17] Валежанина К. В. Теоретико-практические условия развития правовой компетенции руководителя общеобразовательного учреждения //«Молодой ученый». – 2021. - №19 (361). – С. 278-281.

[18] Вифлеемский А. Б., Поташник М. М. Дамоклов меч над головой директора школы // «Народное образование» - 2022. - №1. – С. 113 – 124

[19] Шкатулла В. И. Развитие образовательного законодательства и образовательного права на период до 2050 года // «Народное образование». - 2017. - № 8. – С. 7 - 11

[20] Соловьева Л. Л., Зимина А. О. Правопонимание и судебное правоприменение: теоретическое исследование // «Тенденции развития науки и образования». - 2023. - № 4. С. 63. Doi:10.18411/trnio-04-2023-301

[21] Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций [Книга]. - Москва : Статут. - 2010. - Т. 3 : 10 : 781 с.

[22] Правоприменительная политика в Современной России: курс лекций / коллектив авторов; под ред. А.В. Малько [Книга]. - Москва : КНОРУС, 2024. – 336 с.

[23] Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук [Книга]. - Ленинград : [б.н.], 1990. - 402 с.

[24] Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Проблемы теории и методологии: дис. ... д-ра юрид. наук [Книга]. - Екатеринбург : [б.н.], 1996.

[25] Певцова Е.А. Особенности развития правовой культуры общества как правовой среды планирования правотворческой деятельности [Статья] // Право и государство: теория и практика. - 2017 г. - №7 (151). - стр. 36 - 40.

[26] Горшнев В. М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса / под ред. В. М. Горшнева. - Харьков : Изд-во Харьков юрид. ун-та. - 1985

[27] Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2018. - №1. - С. 19-32

[28] Звонников В. И., Челышкова М. Б. Оценка компетентности менеджеров // Высшее образование сегодня. 2013. - №4. - С. 14-19

[29] Пинский А. А. Новое образовательное законодательство, или конец прекрасной эпохи // Образование в документах. - 2005. - №1 (104). - С. 8-23

References:

[1] Biyushkina N. A. Education in Russia and in Russia in the 10th - 18th centuries: issues of organization and legal regulation//News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2021. № 4. S. 91. Doi:10.21685/2072-3016-2021-4-9)

[2] State and legal regulation of education in Russia: Monograph/Zemlyanaya T. B., Pavlycheva O.N. Usanov V. E. - M.: INIM RAO, 2010. - 448 s.

[3] Khaminov D.V. The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of state policy, regulatory regulation and governing bodies (historical and legal aspect)// Bulletin of Tomsk State University. 2022. №474. P.285-299. Doi:10.17223/15617793/474 /31).

[4] Golikova O. A. Personnel of the Directorate of Public Schools of the West Siberian School District//Bulletin of Tomsk State University. History. - 2021. - №74

[5] Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A. "Useful class of civil servants": to the history of the formation of Russian teaching (based on materials from the Russian North)//Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2023. T. 45, NO. 8. S. 69. DOI 10/15393/uchz.art.2023.976)

[6] Cap. E.P. Evolution of the education system in Russia (IX-XIX centuries): textbook/E.P. Kolpak, M.V. Stolbovaya. - Kazan: Beech. 22019. - 222 s.

[7] Leontiev A. A. History of education in Russia from Ancient Russia to the end of the twentieth century// "First of September. Russian». - 2001. - № 33

[8] Petkov V. A., Shkuropiy K. V. Genesis of the content of the formation of zemstvo schools of the late XIX - early XX centuries// " Bulletin of Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology." - 2013

[9] Charnolusky V. I. "The main issues of school organization in Russia " //Printing house of M. A. Alexandrov (Nadezhdinskaya, 43). - 1909. - S. 50

[10] Perovsky E.I. Organization of the work of the school principal: To help novice school leaders. - 1936

[11] Novikov I.K. Organization of educational work at school: From the experience of the 110th male environment. Moscow schools. - 2nd ed., Rev. And add. - Moscow: Publishing House Acad. ped. Sciences of the RSFSR. - 1950. - 464 s.

[12] Shamova T.I. Favorites. - Moscow: Central Publishing House. - 2004. - 320 s.

[13] Krichevsky V. Yu. Democratization of school life. - Moscow: Knowledge Island of the RSFSR. - 1991. - 38 s.

[14] Katz A.M. Legal status of the head of the school// "Public Education "2/2013. - S. 45 - 51

[15] A. I. Lomov. Status of the director of a general educational organization in the new law "On Education " // "Journal of the head of the education department." - №4. - May 2013)

[16] Feklin S. I. Legal status of the school principal in connection with the introduction of the Federal Law "On Education in the Russian Federation": legal commentary// "Profile School. " - Volume 4. - №1. - 2016. - S. 33-47

[17] Valezhanina K. V. Theoretical and practical conditions for the development of legal competence of the head of a general educational institution// "Young scientist. " - 2021. - №19 (361). - S. 278-281.

[18] Bethlehem A. B., Potashnik M. M. Damoklov sword over the head of the school principal// "Public Education " - 2022. - №1. - S. 113 - 124

[19] Shkatulla V. I. Development of educational legislation and educational law for the period up to 2050// "Public education. " - 2017. - № 8. - S. 7 - 11

[20] Solovyova L. L., Zimina A. O. Legal understanding and judicial enforcement: theoretical research// "Trends in the development of science and education. " - 2023. - № 4. S. 63. Doi:10.18411/trnio-04-2023-301

[21] Alekseev S. S. Problems of the theory of law: a course of lectures [Book]. - Moscow: Statute. - 2010. - T. 3:10:781 p.

[22] Law enforcement policy in Modern Russia: lecture course/team of authors; ed. A.V. Malko [Book]. - Moscow: KNORUS, 2024. - 336 p.

[23] Salnikov V.P. Legal culture: theoretical and methodological aspect: dis.... Dr. Jurid. sciences [Book]. - Leningrad: [bp], 1990. - 402 s.

[24] Semitko A.P. Development of legal culture as legal progress: Problems of theory and methodology: dis.... Dr. Jurid. sciences [Book]. - Yekaterinburg: [bn], 1996.

[25] E.A. Pevtsova. Peculiarities of the development of the legal culture of society as a legal environment for planning law-making activities [Article]//Law and the state: theory and practice. - 2017 r. - №7 (151). - pp. 36-40.

[26] Gorshnev V. M. On the varieties of the legal process//Actual problems of the legal process/ed. V. M. Gorshnev. - Kharkov: Publishing house Kharkov Jurid. University. - 1985

[27] Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya. Professional judgment of lawyers on the problems of law enforcement//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. - 2018. - №1. - S. 19-32

[28] Zvonnikov V.I., Chelyshkova M.B. Assessment of the competence of managers//Higher education today. 2013. - №4. - S. 14-19

[29] Pinsky A. A. New educational legislation, or the end of a beautiful era//Education in documents. - 2005. - №1 (104). - S. 8-23

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-516-521

БУДАГОВ Артур Суренович,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой бизнес-информатики и менеджмента,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: dean8@guap.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается стратегия управления высшими учебными заведениями в процессе их цифровой трансформации. Предлагается подход, основанный на анализе данных, с внедрением систем управления обучением, планирования ресурсов предприятия, ключевых показателей эффективности, ролей руководителя по цифровой трансформации и руководителя по данным. Выделены ключевые направления трансформации вузов и определены этапы разработки стратегии трансформации. Предложена многокритериальная методика оценки готовности вуза к цифровой трансформации и разработана дорожная карта реализации данной методики. Рассмотрены кадровые и организационные изменения высшего учебного заведения, включающие формирование специализированных команд цифровой трансформации, обеспечение цифровой компетентности 100% профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала, перестройку структуры управления с введением новых ролей и подразделений, разработку и внедрение единой цифровой стратегии университета, обеспечивающей интеграцию образовательных, научных и бизнес-процессов, необходимые для проведения цифровой трансформации и внедрения модели цифрового университета. Определены также ключевые показатели, отражающие успех реализации стратегии и совокупность метрик для мониторинга цифровой трансформации вуза, такие как доля автоматизированных процессов, удовлетворенность студентов, ROI цифровых инвестиций, цифровая зрелость.

Ключевые слова: цифровая трансформация, учреждения высшего образования, стратегия управления, ключевые показатели и метрики.

BUDAGOV Artur Surenovich
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Business Informatics and Management,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

IMPROVING THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THEIR DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. The article discusses the management strategy of higher education institutions in the process of their digital transformation. An approach based on data analysis is proposed, with the introduction of learning management systems, enterprise resource planning, key performance indicators, and the roles of digital transformation manager and data manager. The key directions of the universities' transformation have been specified and the stages of developing a transformation strategy have been identified. A multi-criteria methodology for assessing the university's readiness for digital transformation has been proposed and a roadmap for the implementation of this methodology has been developed. The article considers personnel and organizational changes in higher education institutions, including the formation of specialized digital transformation teams, ensuring the

digital competence of 100% of the teaching staff and administrative staff, restructuring the management structure with the introduction of new roles and departments, the development and implementation of a unified digital strategy of the university, ensuring the integration of educational, scientific and business processes, necessary to carry out digital transformation and implementation of the digital university model. Key indicators reflecting the success of the strategy's implementation and a set of metrics for monitoring the university's digital transformation, such as the share of automated processes, student satisfaction, ROI of digital investments, and digital maturity, have also been identified.

Key words: digital transformation, institutions of higher education, management strategy, key indicators and metrics.

Цифровая трансформация учреждения высшего образования представляет собой стратегическое переосмысление бизнес-модели и парадигмы образования с использованием цифровых технологий для создания новых моделей поведения участников образовательного процесса, включая студентов и преподавателей. В отличие от организационной трансформации с цифровыми технологиями, которая фокусируется на оптимизации существующих процессов через цифровизацию и электронные сервисы, цифровая трансформация затрагивает фундаментальные изменения в стратегии вуза, включая перестройку научно-образовательного процесса и формирование индивидуальных траекторий обучения. Это позволяет перейти от точечных решений к системным изменениям, где технологии выступают катализатором инноваций, а не просто инструментом [1].

Цифровая трансформация вузов обусловлена запросом новой реальности на качественные изменения в образовательной экосистеме, ускоренными пандемией вызовами и необходимостью адаптации к динамичному рынку труда. Она обеспечивает доступ к разнообразным ресурсам, индивидуализацию обучения и оперативное взаимодействие, повышая самостоятельность студентов и эффективность вуза в создании знаний. В российском контексте это поддерживается национальными планами, включая финансовую помощь инфраструктуре и развитие платформ вроде «Цифровой университет» для восстановления занятости и структурных сдвигов в экономике.

Основные цели цифровой трансформации включают повышение уровня цифровизации вузов, создание цифровых сервисов для всех бизнес-процессов и формирование индивидуальных образовательных траекторий. Дополнительно ставятся задачи по сбору данных в реальном времени, развитию цифровых компетенций сотрудников и студентов, а также интеграции ИИ для аналитики и обмена опытом. В итоге достигается модернизация управления, выход на международный рынок дистанционного образования и формирование цифрового мышления [2,3]

Стратегическое управление учреждением высшего образования в условиях цифровой трансформации характеризуется переходом к data-driven принятию решений, интеграцией сквозных технологий (ИИ, большие данные, IoT) и фокусом на цифровой зрелости для технологического лидерства. Ключевые черты включают формирование цифрового профиля студента для персонализации траекторий, автоматизацию бизнес-процессов (управление обучением, кампус-сервисы) и создание институтов цифрового образования как стратегических единиц. Это обеспечивает конкурентоспособность через оптимизацию процессов и обмен практиками с бизнесом и обществом [4].

Приоритетные направления цифровой трансформации вузов определяются Распоряжением Правительства РФ №1805-р от 05.07.2025: достижение высокой цифровой зрелости через российское ПО, сквозные технологии (ИИ, большие данные) и унифицированные сервисы для оптимизации процессов. Это включает автоматизацию научных исследований, подготовки кадров и управление данными для технологического лидерства [5].

Ключевыми направлениями цифровой трансформации вузов являются:

- цифровые сервисы и ИИ: создание сервисов на базе ИИ для персонализации обучения, цифровых двойников студента и предиктивной аналитики траекторий.;
- инфраструктура и облака: модернизация Wi-Fi, мультимедиа в аудиториях, турникеты, облачные вычисления с высоким уровнем информационной безопасности;
- управление данными: единые стандарты обмена, общие информационные модели, data-driven анализ метрик (внутренних/внешних);
- информационные системы: интеграция LMS/ERP, мобильные сервисы, автоматизация учебных/административных процессов;
- кадры и управление изменениями: непрерывное развитие персонала, новые роли (CDO), поддержка разработчиков сквозных технологий.

Ряд российских университетов успешно приступил к реализации стратегии цифровой трансформации в 2025 году. Так Южно-Уральский государственный университет утвердил стратегию по шести направлениям: цифровые сервисы, ИС, инфраструктура, данные, кадры, межузовский кампус. Московский городской педагогический университет фокусируется на умных аудиториях, системах управления обучением и НИР на данных. Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова интегрирует искусственный интеллект в предпринимательское образование.

Разработка стратегии цифровой трансформации вуза начинается с создания карты верхнеуровневых процессов и проведения customer development для анализа сервисов. Далее следует оценка цифровой зрелости, формирование аналитических отчетов и реинжиниринг процессов с внедрением ИИ-аналитики и гибридных облаков. Завершающими этапами становятся пилотные проекты, мониторинг рисков и масштабирование, включая интеграцию с национальными платформами вроде «Датахаб» и «Единая сервисная платформа науки». Этапы разработки стратегии приведены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Этапы разработки стратегии.

Этап	Описание
1. Диагностика	Карта процессов, CustDev, оценка зрелости
2. Планирование	Стратегия, реинжиниринг, ИТ-инфраструктура
3. Внедрение	Пилоты, обучение, интеграция сервисов
4. Мониторинг	Аналитика данных, корректировка

Оценка готовности вуза к цифровой трансформации проводится по многокритериальным методикам, включающим анализ ИТ-инфраструктуры, бизнес-процессов, кадрового потенциала и финансовых инструментов с использованием экспертных оценок и приборных панелей. Процесс разбивается на последовательные шаги для выявления сильных и слабых сторон, расчета индекса готовности и разработки дорожной карты трансформации.

Шаг 1: Формирование рабочей группы и выбор методики

Создается межфункциональная группа из руководителей, ИТ-специалистов, преподавателей и внешних экспертов для объективности. Выбирается методика, например, многокритериальная с четырьмя субиндексами (стратегическая, кадровая, технологическая, организационная готовность) или по аспектам архитектуры вуза. Определяются критерии на основе лучших практик: наличие стратегии цифровизации, уровень цифровых компетенций, состояние инфраструктуры.

Шаг 2: Сбор данных и самооценка

Проводятся опросы, интервью и аудит: оцениваются наличие цифровой стратегии, компетенции персонала (цифровая грамотность ППС), технологическая база (ERP, облака, ИИ) и финансовые ресурсы. Используется балльная шкала (0–1) для каждого критерия, нормализуя данные методом экспертных оценок или самооценки. Собираются количественные данные: доля автоматизированных процессов, покрытие LMS, бюджет на ИТ.

Шаг 3: Расчет индекса готовности

Рассчитываются субиндексы как среднеарифметическое по компонентам, затем общий индекс (I_{г.т}) от 0 до 1: высокий (>0.8), средний (0.5–0.8), низкий (<0.5). Применяется визуализация в виде приборной панели для анализа (например, в Power BI или аналогах). Оценивается и отображается в *Таблице 2* степень готовности: отсутствие, низкая, средняя, высокая, связав с концепциями трансформации.

Таблица 2. Расчет индекса готовности

Компонент	Примеры критериев	Метрика расчета
Стратегический	Наличие стратегии ЦТ	Суммарные баллы / max баллы
Кадровый	Цифровые компетенции	Нормировка 0–1
Технологический	Инфраструктура, ИИ	Среднеарифметическое субиндекса
Организационный	Бизнес-процессы	Общий индекс Iг.ц.т

Шаг 4: Анализ результатов и дорожная карта
Интерпретируются данные: выявляются узкие места (например, низкая кадровая готовность) и приоритизируются процессы для трансформации. Разрабатывается дорожная карта с задачами, сроками и KPI, интегрируя с программами развития вуза. Проводится ежеквартальный мониторинг для корректировки [6].

Для поддержки трансформации требуется переход к data-driven модели с созданием автономных органов вроде проректора по трансформации (не совмещенного с IT-директором) и сетевым структурам вместо иерархий. Внедряются MDM-системы, интеграционные шины и этические аудиты алгоритмов для управления мастер-данными и процессами. Это обеспечивает автономность, финансирование и вовлеченность в реинжиниринг.

Для проведения цифровой трансформации и внедрения модели цифрового университета требуются значительные кадровые и организационные изменения. К числу кадровых изменений относятся:

- формирование специализированных команд цифровой трансформации, включая позиции CDTO (Chief Digital Transformation Officer), CDO (Chief Data Officer), CTO (Chief Technology Officer) и главного IT-архитектора для стратегического управления цифровыми проектами и данными.;
- обеспечение цифровой компетентности 100% профессорско-преподавательского состава (ППС) и административно-управленческого персонала (АУП) через программы повышения квалификации и переподготовки с акцентом на работу с цифровыми сервисами и ИИ-инструментами;

- развитие кадрового резерва и привлечение IT-специалистов для обеспечения поддержки и развития цифровой инфраструктуры университета;
- создание культуры цифровой трансформации через обучение, вовлечение сотрудников и формирование мотивации к изменениям.

К организационным изменениям следует отнести:

- перестройку структуры управления с введением новых ролей и подразделений, ответственных за цифровую трансформацию и управление данными, с выделением автономных функций и сетевых структур для гибкого реагирования;
- совершенствование процессов принятия решений на основе анализа больших данных и предиктивной аналитики, что требует создания систем аналитики и управления качеством данных;
- разработку и внедрение единой цифровой стратегии университета, обеспечивающей интеграцию образовательных, научных и бизнес-процессов.;
- обеспечение финансовой и административной поддержки цифровых инициатив, в том числе через обновление кадровой политики и механизмов стимулирования за инновации.

Эти изменения позволяют повысить гибкость университета, качество образовательных услуг и конкурентоспособность на национальном и международном уровнях [7].

Приступая к реализации стратегии цифровой трансформации университета, следует быть готовым к определенному сопротивлению профессорско-преподавательского состава (ППС) и

сотрудников, которое вызвано отсутствием мотивации, непониманием пользы (например, цифровой подписи) и давлением нововведений, достигая 45% среди администраторов. Преодоление этого сопротивления достигается через повышение квалификации в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта, объяснение личной выгоды и создание программ адаптации. Когнитивные и социальные риски минимизируются последовательной стратегией и вовлечением [1].

Успех реализации стратегии измеряется KPI вроде процента активных пользователей цифровых систем, удовлетворенности студентов академической поддержкой и повторяющихся проблем. К дополнительным метрикам можно отнести уровень цифровизации (92% ERP-систем, 24% ИИ-аналитики), вовлеченность в исследования и снижение издержек. Оценка включает паспорт цифровой зрелости и аналитику данных для управленческих решений.

Разработка KPI и метрик для мониторинга цифровой трансформации вуза начинается с анализа стратегии вуза, выявления ключевых процессов (обучение, управление, исследования) и привязки показателей к целям трансформации,

таким как цифровизация процессов и рост вовлеченности. Процесс включает выбор SMART-метрики (конкретных, измеримых, достижимых, релевантных, ограниченных по времени), автоматизацию сбора данных через ERP/LMS и ежеквартальный мониторинг с дашбордами. Весь процесс может быть разбит на несколько шагов.

Шаг 1: Определение категорий и целей KPI

KPI делятся на категории: операционные (внедрение технологий), финансовые (ROI), пользовательские (удовлетворенность), инновационные (цифровая зрелость) и связываются с целями вуза — например, 100% покрытие LMS для студентов или 80% автоматизации административных процессов. Собираются данные от стейкхолдеров (руководство, ППС, студенты) через опросы для приоритизации.

Шаг 2: Выбор и формулировка метрик

Выбираются 10–15 ключевых метрик на основе лучших практик: ежедневные активные пользователи платформ, коэффициент конверсии задач, уровень цифровой зрелости (0–1). Устанавливаются и отображаются в *Таблице 3* базовые значения, цели и пороги (красный/желтый/зеленый), которые интегрируются с университетскими системами для реального времени.

Таблица 3. Целевые значения ключевых метрик.

Категория	KPI	Формула расчета	Целевое значение
Операционные	% автоматизированных процессов	$(\text{Автоматизированные} / \text{Все}) \times 100$	>90%
Пользовательские	Удовлетворенность студентов (NPS)	$(\% \text{ промоутеров} - \% \text{ детракторов})$	>70
Финансовые	ROI цифровых инвестиций	$(\text{Выгода} - \text{Затраты}) / \text{Затраты} \times 100$	>20%
Инновационные	Цифровая зрелость	Средний субиндекс (технологии, кадры)	>0.8
Исследовательские	Публикации/сотрудник с ИИ-поддержкой	Кол-во / FTE	+15% год к году

Шаг 3: Внедрение мониторинга и автоматизация

Настраиваются дашборды (Power BI, Tableau) для визуализации KPI с drill-down по подразделениям. Автоматизируется сбор из LMS, ERP и аналитики (Google Analytics для платформ). Проводятся ежеквартальные ревью с корректировкой целей на основе отклонений.

Шаг 4: Оценка и корректировка

Анализируются тренды: если NPS <50, усиливается обучение ППС; если ROI низкий, оптимизируются затраты на облака. KPI связываются с бонусами руководителей и ежегодным аудитом для устойчивости трансформации.

В заключение следует отметить, что совершенствование управления вузами в условиях

цифровой трансформации требует комплексного внедрения data-driven подходов, интеграции LMS и ERP-систем, а также введения ролей CDO и CDTO. Предложенные рекомендации по KPI (NPS >70, ROI >100%, зрелость IT-инфраструктуры 0.8–1.0) обеспечивают устойчивый рост эффективности и конкурентоспособности образовательных учреждений.

Список литературы:

- [1] Шелепаева А.Х. Цифровая трансформация системы высшего образования: направления и риски. Открытое образование. 2023; № 27(4) - С. 42-51. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-4-42-51>
- [2] Егорова Л.Е., Сандлер Д.Г. Готовность университетов к цифровой трансформации: управленческий аспект. Университетское управление: практика и анализ. 2024; №28(3). - С. 17-31. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.022>
- [2] Ларионов В.Г., Шереметьева Е.Н., Горшкова Л.А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика, 2021; №2. - С. 61-69 <https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/44514/view>
- [4] Петров В.И. Цифровизация высшего образования: вызовы и решения // Высшее образование в России. 2023. № 5. - С. 45-60.
- [5] Верещака А.А., Хоменко Е.Б. Цифровая трансформация управления вузами: эволюция, вызовы и перспективы. Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Том 35 № 5 (2025). - С. 784-790 <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/10086>
- [6] Долганова О.И., Мирзоян М.В. Многокритериальная оценка готовности вуза к цифровой трансформации // Креативная экономика. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 811-826. – DOI 10.18334/ce.13.4.40560 <https://1economic.ru/lib/40560>
- [7] Носырева И.Г., Белобородова Н.А. Цифровизация кадровых процессов как ключевой эле-

мент цифровой трансформации организации // Известия Байкальского государственного университета. — 2024. — Т. 34, № 1. — С. 61–70. — DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).61-70. <https://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=26421>

References:

- [1] Shelepaeva A.Kh. Digital transformation of the higher education system: directions and risks. Open education. 2023; № 27(4) - С. 42-51. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-4-42-51>
- [2] Egorova LE, Sandler DG University readiness for digital transformation: management aspect. University Governance: Practice and Analysis. 2024; №28(3). - S. 17-31. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.022>
- [2] Larionov V.G., Sheremetyeva E.N., Gorshkova L.A. Digital transformation of higher education: technologies and digital competencies. Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economy, 2021; No. 2. - С. 61-69 <https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/44514/view>
- [4] Petrov V.I. Digitalization of higher education: challenges and solutions//Higher education in Russia. 2023. № 5. - S. 45-60.
- [5] Vereshchaka A.A., Khomenko E.B. Digital transformation of university management: evolution, challenges and prospects. Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. Volume 35 No. 5 (2025). - С. 784-790 <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/10086>
- [6] Dolganova O.I., Mirzoyan M.V. Multi-criteria assessment of the university's readiness for digital transformation//Creative economy. – 2019. - Т. 13, NO. 4. - S. 811-826. – DOI 10.18334/ce.13.4.40560 <https://1economic.ru/lib/40560>
- [7] Nosyreva I.G., Beloborodova N.A. Digitalization of personnel processes as a key element of the digital transformation of the organization//Izvestia of Baikal State University. — 2024. - Т. 34, NO. 1. - S. 61-70. — DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).61-70. <https://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=26421>

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-522-527

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОВЛАДЕНИЯ КУРСАНТАМИ ВУЗОВ МЧС РОССИИ ПРИЕМАМИ СЕРДЕЧНО-ЛЕГОЧНОЙ РЕАНИМАЦИИ НА ЭТАПЕ ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В данной статье представлены педагогические аспекты овладения курсантами вузов МЧС России приемами сердечно-легочной реанимации на этапе оказания первой помощи пострадавшим.

Ключевые слова: подготовка курсантов, мотивация, оказание первой помощи, сердечно-легочная реанимация.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

PEDAGOGICAL ASPECTS OF MASTERING CARDIOPULMONARY RESUSCITATION TECHNIQUES AT THE FIRST AID STAGE BY CADETS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Annotation. This article presents the pedagogical aspects of cadets mastering cardiopulmonary resuscitation techniques at the stage of providing first aid to victims.

Key words: cadet training, motivation, first aid, cardiopulmonary resuscitation.

Введение

В современном мире чрезвычайные ситуации, включая остановку сердца, представляют серьезную угрозу жизни, что делает актуальным формирование у курсантов вузов МЧС России надежных навыков сердечно-легочной реанимации (СЛР) на этапе первой помощи. Высокая смертность от внезапной остановки сердца подчеркивает необходимость эффективного обучения практическим приемам спасения жизни в экстренных условиях [1,2]. Исследования показывают, что успешное овладение навыками СЛР зависит от специализированных педагогических подходов, учитывающих специфику подготовки спасателей. В педагогической науке проблема обучения практическим навыкам реанимации освещена фрагментарно: преобладают работы по общим методам первой помощи и мотивации обучения, однако комплексный анализ для вузов МЧС России отсутствует. Разработанные модели интерактивного и симуляционного обучения и их адаптация к требованиям экстренной медицины требует дальнейшего изучения. Цель исследова-

ния — изучить и проанализировать педагогические аспекты овладения курсантами вузов МЧС России приемами СЛР на этапе оказания первой помощи, выявить особенности образовательного процесса и предложить рекомендации для повышения эффективности обучения и качества подготовки специалистов.

Основная часть

Сердечно-легочная реанимация (СЛР) представляет собой комплекс неотложных мер, направленных на восстановление жизненно важных функций организма при внезапной остановке сердца и дыхания [3,4]. Это базовый метод оказания первой помощи, включающий наружный массаж сердца, искусственное дыхание и дефибрилляцию при необходимости, выполняемый до прибытия специализированной бригады или восстановления самостоятельного кровообращения. Основная цель СЛР — поддержание церебрального и коронарного кровотока, предотвращение необратимых ишемических повреждений мозга и миокарда, что критически важно для повышения

шансов на выживание пострадавшего. В контексте подготовки курсантов вузов МЧС России СЛР приобретает особое значение как ключевой навык в системе экстренной помощи при чрезвычайных ситуациях, где спасатели часто выступают первыми. Цели СЛР можно систематизировать следующим образом:

1. Восстановление спонтанного кровообращения и дыхания.
2. Минимизация вторичных повреждений органов за счет гипоксии.
3. Создание условий для дальнейшей интенсивной терапии.

Эффективность СЛР напрямую зависит от качества выполнения компрессий грудной клетки (глубина 5-6 см, частота 100-120 в минуту), правильности вентиляционных циклов и минимизации перерывов.

Этапы оказания первой помощи представляют собой последовательность действий, направленных на спасение жизни пострадавшего и предотвращение ухудшения его состояния до прибытия профессиональных медиков. В контексте подготовки курсантов вузов МЧС данная структура приобретает особую значимость, поскольку определяет ключевые навыки, включая сердечно-легочную реанимацию (СЛР), необходимые для эффективного реагирования в чрезвычайных ситуациях.

Первая помощь делится на три основных этапа, адаптированных к условиям экстренных ситуаций, типичным для деятельности спасателей:

- Первый этап - обеспечение безопасности. Курсант обязан оценить обстановку, исключить угрозу для себя, пострадавшего и окружающих: отключить источники опасности, эвакуировать из зоны риска. Это базовый принцип, без которого дальнейшие действия невозможны и могут привести к дополнительным жертвам.
- Второй этап - оценка состояния пострадавшего. Проводится быстрая визуальная и тактильная проверка: проверка сознания (позыв «эй!» или легкий толчок в плечо), дыхания (наблюдение за грудной клеткой), пульса на сонной артерии. Отсутствие признаков жизнедеятельности мотивирует к немедленному началу СЛР.
- Третий этап - выполнение базовых реанимационных мероприятий.

Роль сердечно-легочной реанимации в экстренных ситуациях. Сердечно-легочная реанимация (СЛР) представляет собой ключевой метод восстановления жизненно важных функций организма при внезапной остановке сердца и дыхания в экстренных ситуациях. В условиях чрезвычай-

ных происшествий, характерных для деятельности спасателей МЧС, СЛР выступает фундаментальным элементом первой помощи, позволяющим поддерживать кровообращение и оксигенацию тканей до прибытия профессиональной бригады. Эффективность СЛР напрямую определяет шансы на выживание пострадавшего: своевременное начало компрессий грудной клетки и искусственной вентиляции легких может увеличить вероятность успешного исхода в 2-3 раза в первые минуты остановки сердца. В педагогическом контексте подготовки курсантов вузов МЧС России, роль СЛР подчеркивается ее интеграцией в систему базовых компетенций спасателя, где навыки должны формироваться с учетом высоких психоэмоциональных нагрузок и ограниченного времени на реакцию. Экстренные ситуации, такие как техногенные аварии, природные катастрофы или массовые происшествия, требуют от курсантов автоматизма действий: правильная глубина компрессий (5-6 см), частота (100-120 в минуту) и минимальные паузы обеспечивают гемодинамическую стабильность. Анализ типичных сценариев показывает, что задержка в начале СЛР на каждую минуту снижает выживаемость на 7-10%, что актуализирует необходимость глубокого освоения приемов на этапе обучения.

Педагогический процесс в вузах МЧС России обладает рядом специфических особенностей, обусловленных профессиональной направленностью подготовки курсантов на выполнение задач в условиях чрезвычайных ситуаций. В отличие от гражданских вузов, здесь акцент делается на формировании практико-ориентированных компетенций, сочетающих теоретические знания с навыками оперативного реагирования [5]. Образовательная среда ориентирована на симуляцию реальных сценариев спасательных операций, где курсанты осваивают приемы сердечно-легочной реанимации (СЛР) в контексте первой помощи.

Ключевой особенностью является интеграция физической, психологической и тактической подготовки, поскольку деятельность спасателей требует устойчивости к стрессу и быстрого принятия решений. Особое внимание уделяется формированию психологически устойчивых кадров, готовых эффективно действовать даже в экстремальных условиях, когда стрессовые факторы оказывают сильное влияние на психику человека [6].

Учебные планы построены по модульному принципу, с преобладанием практических занятий на тренажерах и полигонах, имитирующих пожары, обвалы и другие ЧС. Преподаватели сочетают роли инструкторов и наставников, применяя методы бизнес-игр и ситуационных задач для развития рефлексии и командной работы. Важным

аспектом выступает опережающее обучение, когда курсанты заранее осваивают передовые техники СЛР, адаптированные к специфике МЧС, включая работу в средствах индивидуальной защиты.

Методы и средства обучения практическим навыкам реанимации играют ключевую роль в подготовке курсантов вузов МЧС России, обеспечивая формирование устойчивых умений оказания сердечно-легочной реанимации (СЛР) в условиях чрезвычайных ситуаций. В педагогическом процессе акцент делается на симуляционных технологиях, позволяющих моделировать реальные сценарии без риска для пациентов. Использование манекенов высокого реализма, оснащенных датчиками для обратной связи по глубине компрессий и частоте вентилляций, способствует автоматизации навыков. Четырехступенчатая методика Пейтона (демонстрация, разбор, выполнение под контролем, самостоятельное выполнение) доказала эффективность в освоении комплексных действий по СЛР. Деловые игры с распределением ролей (спасатель, пострадавший, координатор) развивают командное взаимодействие и принятие решений под стрессом. Средства обучения включают мультимедийные тренажеры с виртуальной реальностью (VR), где курсанты отрабатывают алгоритмы BLS и ALS в иммерсивной среде. Тактильная обратная связь от VR-систем повышает точность массажа сердца до 95% на этапе контроля. В вузах МЧС России целесообразно интегрировать модульное обучение: теоретический блок чередуется с практикой на этапах «знания–умения–навыки». Практико-ориентированные рабочие тетради с алгоритмами и чек-листами фиксируют прогресс.

Эффективность усвоения навыков сердечно-легочной реанимации курсантами вузов МЧС России определяется рядом проблем и факторов, препятствующих формированию устойчивых практических умений. Основная трудность заключается в недостаточной практической отработке на манекенах, что приводит к низкому уровню автоматизма движений в стрессовых условиях. Курсанты часто демонстрируют теоретические знания, но испытывают сложности при их реализации в реальном времени из-за отсутствия достаточного количества тренировочных циклов. Кроме того, психологический барьер, связанный со страхом навредить пострадавшему или неудачи, снижает готовность к действию. В вузах МЧС специфика подготовки спасателей предполагает высокий уровень физической нагрузки, однако несоответствие объема теоретической и практической частей учебного плана усугубляет проблему.

Факторами влияния выступают мотивация курсантов, зависящая от демонстрации реальной ценности навыков для спасательных операций, и квалификация преподавателей, обладающих необходимым опытом оказания помощи [7]. Также мотивация выступает ключевым фактором в освоении курсантами вузов МЧС навыков сердечно-легочной реанимации (СЛР), определяя уровень вовлеченности и устойчивость к стрессам в экстренных ситуациях. Общественное признание важности работы пожарных также играет роль в формировании устойчивой мотивации. Подчеркивание значимости труда спасателей, освещение положительных примеров служения Родине формирует чувство гордости за свою профессию. Высокая внутренняя мотивация способствует формированию стойких практических умений, поскольку связана с осознанием личной ответственности за спасение жизни, что особенно актуально для будущих спасателей [8].

При проведении практических занятий с использованием тренажеров для курсантов контролируемым образом создаются стрессовые факторы, такие как работа в стесненных условиях с временными ограничениями, а недостаток современных тренажеров и симуляторов ограничивает моделирование чрезвычайных ситуаций, что приводит к пробелам в формировании командной работы. Организационные аспекты, такие как ограниченное время на занятия и отсутствие интеграции с другими дисциплинами первой помощи, также снижают усвояемость [9].

Структура учебного процесса по обучению курсантов вузов МЧС России приемам сердечно-легочной реанимации (СЛР) строится с учетом специфики профессиональной подготовки спасателей и требований к оказанию первой помощи в экстренных условиях. Она представляет собой многоуровневую систему, интегрирующую теоретическую, практическую и контрольную компоненты, адаптированные к ведомственным стандартам. Основу составляет модульный подход, позволяющий последовательно осваивать навыки от базовых знаний до автоматизированных действий. Учебный процесс делится на четыре ключевых этапа. Первый этап — подготовительный (ознакомительный), длительностью 2–4 академических часа, включает лекционные занятия по анатомо-физиологическим основам сердца и легких, алгоритмам СЛР согласно рекомендациям международных и национальных протоколов. Цель — формирование теоретической базы и мотивации. Второй этап — основной учебный (формирующий), занимает 8–12 часов, сочетает демонстрацию приемов на тренажерах и манекенах с первичными попытками курсантов под руководством инструктора. Акцент на отработку ком-

прессий грудной клетки, искусственного дыхания и использовании дефибриллятора в симулированных сценариях ЧС.

Методы контроля и оценка умений курсантов по приемам сердечно-легочной реанимации (СЛР) в вузах МЧС России представляют собой ключевой этап педагогического процесса, обеспечивающий объективную диагностику уровня освоения практических навыков, необходимых для оказания первой помощи в экстренных условиях. Контроль должен быть многоуровневым и полифункциональным, сочетая теоретическую проверку знаний с оценкой моторных умений и поведенческих компетенций. На начальном этапе применяются тестовые задания для оценки понимания алгоритмов СЛР, включая распознавание признаков остановки сердца, последовательность действий и показания к дефибрилляции. Практическая оценка проводится на тренажерах и манекенах с использованием стандартизированных сценариев, имитирующих реальные чрезвычайные ситуации, такие как пожары или техногенные аварии. Критерии оценки включают глубину компрессий (5-6 см), частоту (100-120 в минуту), полноту вентиляций и время реакции. Важным элементом является ассессмент-центр подход, позволяющий моделировать групповые взаимодействия и оценивать командную работу спасателей. Для объективности вводятся чек-листы и видеоанализ выполнений, фиксирующие отклонения от протокола. Оценка эффективности подтверждается динамикой показателей: рост правильных действий с 60% до 95% после цикла обучения.

Для совершенствования методики преподавания приемам сердечно-легочной реанимации (СЛР) курсантам вузов МЧС России предлагается комплекс рекомендаций, учитывающий специфику их профессиональной подготовки и требования экстренной помощи. Во-первых, необходимо внедрить симуляционные технологии как основу практического обучения. Использование манекенов высокого реализма и виртуальной реальности позволит моделировать реальные чрезвычайные ситуации, способствуя формированию автоматизированных навыков без риска для пациентов. Занятия должны строиться по модифицированной четырехступенчатой модели Пейтона: демонстрация, разбор, практика и обратная связь, что повышает эффективность усвоения сложных алгоритмов СЛР. Во-вторых, оптимизировать структуру учебного процесса: увеличить объем практических часов до 70% от общего времени, интегрируя теоретический блок в симуляционные сценарии. Рекомендуется разработка модульных программ с поэтапным контролем: начальный – базовые приемы массажа сердца и вентиляции легких; продвинутый – полный алгоритм СЛР с дефибрилля-

цией и обращением пострадавшего в устойчивое боковое положение. Третье направление – привлечение инструкторов-студентов старших курсов, прошедших сертификацию, для создания доверительной атмосферы и снижения психологического барьера.

Корреляция между уровнем подготовки курсантов и результатами первой помощи проявляется в прямой зависимости качества выполнения сердечно-легочной реанимации (СЛР) от глубины освоенных навыков. Курсанты вузов МЧС, демонстрирующие высокий уровень подготовки, способны эффективно проводить компрессии грудной клетки с правильной частотой (100–120 в минуту) и глубиной (5–6 см), обеспечивая адекватный церебральный и коронарный кровоток, что критично для выживания пациента в первые минуты остановки сердца. Низкий уровень подготовки приводит к ошибкам: недостаточной глубине компрессий, прерыванию ритма или неправильному положению рук, снижая шансы на успешную реанимацию до 50 % и более. Эмпирические данные подтверждают, что регулярные практические тренировки на манекенах повышают точность выполнения СЛР на 30–40 %, коррелируя с ростом выживаемости в реальных сценариях экстренной помощи. В контексте МЧС такая корреляция усугубляется факторами стресса: неопытные курсанты теряют эффективность в 70 % случаев из-за психоэмоционального напряжения, в то время как подготовленные сохраняют работоспособность. Анализ показывает, что интеграция симуляционных технологий в обучение усиливает эту связь, формируя мышечную память и алгоритмическое мышление.

Психологическая подготовка усиливает этот эффект, развивая эмоциональную устойчивость и способность действовать в условиях неопределенности и высокого давления. В педагогическом процессе мотивацию целесообразно стимулировать через создание ситуаций успеха на тренировках, где курсанты переживают положительный опыт эффективного выполнения реанимационных приемов. Такие ситуации повышают уверенность и интерес к обучению, способствуя переходу от теоретических знаний к автоматизированным навыкам. Психологическая подготовка включает тренинги по саморегуляции, управлению страхом и стрессом, что необходимо для сохранения хладнокровия при оказании первой помощи. Отсутствие мотивации приводит к поверхностному усвоению навыков, снижая их воспроизводимость в реальных ЧС. Рекомендуется интегрировать мотивационные техники в структуру занятий: постановка достижимых целей, обратная связь, моделирование сценариев спасательных операций.

Одной из важнейших педагогических задач является целенаправленное, последовательное и планомерное практическое воплощение заблаговременно смоделированного педагогического процесса. Именно такой подход к педагогической технологии позволяет разработать различные варианты педагогических технологий [10]. Перспективы развития образовательных программ в вузах МЧС связаны с интеграцией современных педагогических технологий, ориентированных на формирование практических навыков курсантов в условиях экстренных ситуаций. В контексте подготовки специалистов по сердечно-легочной реанимации (СЛР) ключевым направлением становится внедрение дуального обучения, сочетающего теоретическую подготовку с практикой на базе учебно-тренировочных комплексов. Это позволит повысить готовность выпускников к реальным чрезвычайным ситуациям, минимизируя разрыв между учебой и профессиональной деятельностью. Необходима модернизация учебных планов через цифровизацию: разработка виртуальных симуляторов СЛР с использованием VR-технологий для отработки алгоритмов реанимации в различных сценариях ЧС. Такие платформы обеспечат индивидуализацию обучения, контроль компетенций в реальном времени и повышение мотивации курсантов за счет геймификации процесса. Важным аспектом является междисциплинарный подход, интегрирующий медицину, психологию и спасательные дисциплины, что способствует комплексному развитию профессионализма. Рекомендуется создание сетевых программ с предприятиями МЧС и медицинскими центрами для обмена опытом и стажировок. Кроме того, следует усилить психологическую подготовку, вводя модули по управлению стрессом во время реанимационных мероприятий.

Заключение

В заключение можно констатировать, что поставленная цель исследования — изучить и проанализировать педагогические аспекты овладения курсантами вузов МЧС приемами сердечно-легочной реанимации на этапе оказания первой помощи, выявить особенности образовательного процесса и предложить рекомендации для повышения эффективности обучения — достигнута в полном объеме. Проведенный анализ теоретических основ сердечно-легочной реанимации показал ее критическую роль в системе экстренной помощи спасателям, где своевременное применение навыков может спасти жизнь в условиях ограниченного времени и ресурсов. Исследование педагогических подходов выявило, что эффективность усвоения навыков напрямую зависит от

интеграции интерактивных методов, таких как симуляционные тренировки и ситуация успеха, адаптированных к специфике подготовки в вузах МЧС. Особенности образовательного процесса включают акцент на практико-ориентированные умения, формирование мотивации и психологической устойчивости курсантов, что подтверждается анализом проблем мотивации и факторов влияния. Практическая организация обучения предполагает структурированные этапы с использованием тренажеров, методов контроля и оценки, а также рекомендации по внедрению модульных программ и игрофикации для повышения качества подготовки.

Список литературы:

- [1] Танишина, Е. Н. Дифференцированная оценка исходного уровня теоретических знаний стандартов сердечно-легочной реанимации у врачей - курсантов центра симуляционного обучения РязГМУ и влияние на качество медицинской помощи / Е. Н. Танишина, Г. Б. Артемьева // Наука молодых (Eruditio Juvenium). – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 66-71. – DOI 10.23888/HMJ20197166-71. – EDN ZAHGJN.
- [2] Перепелица, С. А. Лидер реанимационной команды - ключевая фигура во время проведения сердечно-лёгочной реанимации / С. А. Перепелица // Виртуальные технологии в медицине. – 2021. – № 3(29). – С. 116-117. – EDN KDSXIB.
- [3] Набиев, Н. И. Сердечно-легочная реанимация: новые перспективы и методы в реанимации / Н. И. Набиев, Ш. М. Нумонов // Экономика и социум. – 2023. – № 2(105). – С. 922-933. – EDN QPAJZV.
- [4] Сердечно-легочная и мозговая реанимация: все ли мы делаем правильно? / И. Н. Пасечник, В. В. Бояринцев, Е. И. Скобелев [и др.] // Кремлевская медицина. Клинический вестник. – 2019. – № 3. – С. 50-56. – EDN WXWEFF.
- [5] Мотивация курсантов вузов МЧС России к профессиональной деятельности / А. А. Карапузи-ков, В. Ф. Дьяков, Д. Е. Опарин, С. В. Попова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3(96). – С. 182-185. – EDN HZCGLC.
- [6] Карапузи-ков, А. А. Интеграция инновационных технологий в систему профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России / А. А. Карапузи-ков, Н. П. Мураев // Мониторинг правоприменения. – 2025. – № 4(57). – С. 119-123. – DOI 10.24412/2226-0692-2025-4-119-123. – EDN TGYAND.
- [7] Карапузи-ков, А. А. Мотивационное обеспечение подготовки курсантов МЧС России к про-

фессиональной деятельности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев, А. Д. Низяков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 4(101). – С. 313-316. – DOI 10.33979/1998-2720-2023-101-4-313-316. – EDN KMRPWT.

[7] Опарин, Д. Е. Мотивация курсантов к обучению в вузах МЧС России / Д. Е. Опарин, А. А. Карапузиков // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 468-472. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-8-468-472. – EDN YOQSCI.

[9] Опарин, Д. Е. Психологическая устойчивость курсантов МЧС в процессе тренажерной подготовки: теоретические основания, методические решения и практические эффекты / Д. Е. Опарин // Право и управление. – 2025. – № 9. – С. 101-105. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-9-101-105. – EDN PLMCEY.

[10] Опарин, Д. Е. Педагогические задачи и технологии процесса обучения курсантов в вузах МЧС России / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Право и образование. – 2025. – № 6. – С. 46-54. – EDN USCEGF.

References:

[1] Tanishina, E. N. Differentiated assessment of the initial level of theoretical knowledge of cardiopulmonary resuscitation standards in doctors - cadets of the RyazGMU simulation training center and the impact on the quality of medical care/E. N. Tanishina, G. B. Artemyeva//Science of the young (Eruditio Juvenile). – 2019. - Т. 7, NO. 1. - S. 66-71. – DOI 10.23888/HMJ20197166-71. – EDN ZAHGJN.

[2] Perepelitsa, S. A. The leader of the resuscitation team is a key figure during cardiopulmonary resuscitation/S. A. Perepelitsa//Virtual technologies in medicine. – 2021. – № 3(29). - S. 116-117. – EDN KDSXIB.

[3] Nabiev, N.I. Cardiopulmonary resuscitation: new perspectives and methods in resuscitation/N.I. Nabiev, Sh. M. Numonov//Economics and Society. – 2023. – № 2(105). - S. 922-933. – EDN QPAJZV.

[4] Cardiopulmonary and brain resuscitation: are we doing everything right ?/I.N. Pasechnik, V.V. Boyarintsev, E.I. Skobelev [et al.]//Kremlin medicine. Clinical Bulletin. – 2019. – № 3. - S. 50-56. – EDN WXWEFF.

[5] Motivation of cadets of EMERCOM of Russia universities to professional activities/A. A. Karapuzikov, V. F. Dyakov, D. E. Oparin, S. V. Popova//Scientific notes of Oryol State University. – 2022. – № 3(96). - S. 182-185. – EDN HZCGLC.

[6] Karapuzikov, A. A. Integration of innovative technologies into the system of professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//Monitoring of law enforcement. – 2025. – № 4(57). - S. 119-123. – DOI 10.24412/2226-0692-2025-4-119-123. – EDN TGYAND.

[7] Karapuzikov, A. A. Motivational support for the training of cadets of the EMERCOM of Russia for professional activities/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev, A. D. Nizyakov//Scientific notes of the Oryol State University. – 2023. – № 4(101). - S. 313-316. – DOI 10.33979/1998-2720-2023-101-4-313-316. – EDN KMRPWT.

[7] Oparin, D. E. Motivation of cadets to study at universities of the Ministry of Emergencies of Russia/D. E. Oparin, A. A. Karapuzikov//Education and Law. – 2025. – № 8. - S. 468-472. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-8-468-472. – EDN YOQSCI.

[9] Oparin, D. E. Psychological stability of EMERCOM cadets in the process of simulator training: theoretical foundations, methodological solutions and practical effects/D. E. Oparin//Law and management. – 2025. – № 9. - S. 101-105. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-9-101-105. – EDN PLMCEY.

[10] Oparin, D. E. Pedagogical tasks and technologies of the process of training cadets in universities of the Ministry of Emergencies of Russia/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Law and Education. – 2025. – № 6. - S. 46-54. – EDN USCEGF.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-528-531

КАНУННИКОВ Роман Игоревич,
кандидат психологических наук,
доцент Уральского юридического института МВД России,
e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрена возможность оптимизации процесса адаптации к условиям высших образовательных учреждений системы МВД России, раскрыта сущность понятия процесса адаптации в учебно-служебной деятельности. Курсанты, обучающиеся в вузах МВД России испытывают трудности с выполнением учебно- служебной деятельности. Именно в период обучения в вузе курсанты переживают этап формирования основных профессиональных характеристик, проходят процесс адаптации к условиям образовательной среды высших учебных заведений МВД России. Вместе с тем выделение наиболее существенных условий образовательной среды вузов МВД, позволило уточнить критерии оценки эффективности мер по оптимизации процесса адаптации курсантов к этим условиям. В связи с этим автором предлагается ряд мер по оптимизации процесса адаптации, которые будут способствовать повышению эффективности овладения служебно-учебной деятельностью.

Ключевые слова: курсанты, процесс адаптации, образовательная среда, оптимизация, условия образовательной среды, учебно-служебная деятельность.

KANUNNIKOV Roman Igorevich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

OPTIMIZATION OF THE PROCESS OF ADAPTATION OF CADETS TO THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. This article examines the possibility of optimizing the adaptation process to the conditions of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia and reveals the essence of the concept of adaptation to academic and service activities. Cadets studying at higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia experience difficulties in performing academic and service activities. During their studies, cadets develop their core professional characteristics and adapt to the educational environment of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Furthermore, identifying the most significant conditions of the educational environment of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs allowed us to refine the criteria for evaluating the effectiveness of measures to optimize cadets' adaptation to these conditions. In this regard, the author proposes a number of measures to optimize the adaptation process, which will contribute to increased effectiveness in mastering academic and service activities.

Key words: cadets, adaptation process, educational environment, optimization, conditions of the educational environment, educational and service activities.

На сегодняшний день важной проблемой, связанной с выбором профессии и получения профессионального образования, являются трудности, заключающиеся в

требованиях, которые вузы предъявляют к обучающимся. Абитуриентам после поступления в вуз приходится сталкиваться со сложностями процесса адаптации, вызванными условиями образо-

вательных организаций. Наиболее насущной задачей для вуза в этот момент становится создание психологического комфорта, положительной учебной мотивации, условий необходимых для раскрытия творческого потенциала личности [7].

Вузы системы МВД России также пытаются в своей образовательной деятельности использовать весь накопленный положительный опыт, направленный на успешную адаптацию курсантов к условиям учебно-служебной деятельности. В этой связи представляется актуальной задача оптимизации процесса адаптации курсантов к образовательной среде вузов системы МВД России.

При этом важно понимать, что процесс адаптации к обучению это период привыкания к новым условиям образовательной организации. Сюда входит усвоение роли курсанта, требования, предъявляемые к распорядку дня, выстраивание межличностных отношений в коллективе и т.д. Такие изменения, как правило, носят комплексный характер, что в свою очередь приводит к кардинальным изменениям личности обучающегося.

Процесс адаптации к учебно-служебной деятельности - это достаточно сложное динамическое образование, включающие в себя не только приспособление к новым требованиям учебы, но и приспособление к новым условиям быта, жизни в коллективе, понимание значимости профессии в ходе выполнения службы [3].

В исследованиях Н.А. Алексеева, Б.А. Клименко, А.В. Апалькова обосновывается применение разработанной ими программы профессиональной адаптации обучающихся в образовательных организациях МВД России. По их мнению, оптимизация процесса адаптации обучающихся в учебных заведениях МВД России должна быть направлена на повышение эффективности вхождения курсантов и слушателей в новую среду, формирование профессиональных и личностных качеств будущего специалиста. Это требует комплексного подхода, учёта индивидуальных особенностей обучающихся и специфики вуза (совмещение обучения, воспитания и службы) [1].

Особенно значимым является процесс адаптации при обучении в высших учебных заведениях МВД России, так как их образовательная система резко отличается от других. Пожалуй, одним из самых сложных моментов в процессе адаптации становится приспособление к условиям образовательной среды вузов МВД России, в связи с чем, возникает необходимость в оптимизации данного процесса.

Для более успешного освоения учебно-служебной деятельности еще со школьной скамьи, необходимо проводить информирование об усло-

виях образовательной среды вузов МВД России. Школьников нужно своевременно информировать о жесткой регламентации учебно-служебной деятельности, знакомить с особенностями образовательного и воспитательного процесса, реализуемого в вузах МВД России.

Е.Ю. Иванов акцентирует внимание на том, что абитуриенты должны иметь четкие представления о специфике образовательной среды, ее автономности и закрытости, что отличает ее от гражданских вузов. Будущим обучающимся, необходимо понимать и четко осознавать условия не только обучения и воспитания, но и особенности быта курсантов, уметь выстраивать взаимоотношения [4].

Формирование таких представлений лучше всего реализовывать через создание профильных классов в школах. При этом необходимо усилить отбор в такие классы, через выявление способностей обучающихся, диагностики их личностных особенностей и уровня правосознания.

Курсантам первого курса, необходимо оказывать поддержку на первоначальном этапе вхождения в образовательный процесс, проводить с ними консультационную и профилактическую работу, направленную на снижение конфликтности.

Поступившим на первый курс в образовательные организации МВД России, нужно организовать переходный период, необходимый для адаптации к новым требованиям, назначить наставников из курсантов старших курсов.

В процессе адаптации применение различных педагогических технологий, например, личностно-ориентированной, также будет способствовать повышению эффективности учебного процесса курсантов

Формирование мотивации к обучению. Можно вводить в образовательный процесс не только общегуманитарные предметы, но и специализированные, в том числе ознакомительную практику.

Следует учитывать и мотивационный потенциал адаптации курсантов, направленный на стремление овладения знаниями, умениями и навыками, необходимыми для выполнения будущей профессиональной деятельности.

Диагностика учебной мотивации позволяет оценить насколько успешным будет процесс адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности. Ориентированные на понимание смысла профессии полицейского, понимающие ее значимость, такие курсанты более мотивированы на овладение учебно-служебной деятельностью. При этом следует обращать внимание и на чрезмерную мотивацию курсантов, так как такая моти-

вация в случае локальных неудач может привести к быстрой потере интереса, способствует возникновению сложностей в дальнейшем процессе адаптации [2].

В вузах МВД России важно создавать комфортные условия, необходимые для успешного выполнения учебно-служебной деятельности. Создание комфортных условий. Профессорско-преподавательский состав и курсовые офицеры должны делать всё возможное, чтобы курсанты быстрее научились регулировать своё эмоциональное состояние в новых для себя условиях.

Также для оптимизации процесса адаптации курсантов к образовательной среде вузов МВД России можно организовывать проведение мероприятий направленных на сплочение учебных групп. Реализация таких мероприятий может включать в себя проведение социально-психологических тренингов, проведение совместных выездных мероприятий и т.п. Кроме этого в целях наиболее эффективной адаптации образовательные учреждения МВД России, могут создавать кружки по интересам, спортивные секции, клубы самодетельности и другие «ниши», где курсант может найти то, что отвечает его душевным запросам.

Необходимо организовать взаимодействие профессорско-преподавательского состава с психологом курса. Это поможет выявлять курсантов с низким уровнем адаптации и оказывать им информационную и психологическую помощь.

В рамках процесса адаптации к образовательным условиям вузов МВД России следует учитывать и личностный адаптационный потенциал курсантов. Личностный адаптационный потенциал курсантов чаще всего рассматривается как комплексная характеристика личностных качеств, определяющих успешность адаптации

При оценке личностного адаптационного потенциала курсантов следует учитывать:

- 1) нервно-психическую устойчивость;
- 2) конфликтность;
- 3) сформированность морально-нравственных и коммуникативных качеств;
- 4) ориентированность на существующие нормы поведения.

Личностный адаптационный потенциал играет важную роль в адаптации курсантов к новым условиям вуза, в формировании профессионально важных навыков, влияет на успешность в личной и профессиональной самореализации [5].

В.С. Симонова выделяет также факторы, которые содействуют быстрой и успешной адаптации курсантов к образовательной среде вузов МВД России:

- осознание необходимости выполнения служебных обязанностей;
- выстраивание правильной системы взаимоотношений с коллективом;
- принятие себя как части нового мира и умение к нему приспосабливаться;
- стремление к всестороннему развитию себя как личности.

В целом оценка эффективности мер по оптимизации процесса адаптации курсантов к условиям образовательной среды вузов МВД России должна включать в себя:

- 1) оценку психологического климата в коллективе;
- 2) уровень развития межличностных отношений;
- 3) соблюдение дисциплины субординации, режима учёбы, распорядка дня.
- 4) готовность выполнения служебной деятельности [6].

Таким образом, оптимизация процесса адаптации курсантов к условиям образовательной среды в вузах МВД России будет эффективным, если

- 1) Будут созданы условия для преемственности процесса обучения первокурсников в течении первого семестра. Это позволит преодолеть разницу в требованиях школы и вуза, так как требования в этих образовательных учреждениях резко различаются. Важно объяснять их смысл и значение, чтобы курсанты не считали их необоснованными и не апеллировали к прежнему опыту.
- 2) Созданы комфортные условия для курсантов, которые позволили бы им раскрыть свой личностный адаптационный потенциал, стимулировали бы повышение уровня мотивации к более эффективному выполнению учебно-служебной деятельности.
- 3) Организовано системное обеспечение психологического сопровождения процесса адаптации. Такое обеспечение должно обеспечивать психологическое сопровождение курсантов в течении всего периода обучения, включать в себя прогностическую и оценочную функцию психологической помощи, необходимой в процессе адаптации.

Оно должно быть основано на прогнозе особенностей этого процесса и оказании обучающимся необходимой психологической помощи.

Список литературы:

- [1] Алексеев Н.А., Клименко Б.А., Апальков А.В. О положительном опыте реализации программы профессиональной адаптации слушате-

лей образовательных организаций МВД России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №8 (158). – URL: <https://research-journal.org/archiv/8-158-2025august/10.60797/IRJ.2025.158.34> (дата обращения 15.09.2025). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.158.34

[2] Бантюков И.Б., Трабо В.Н. Вовлечённость курсантов в профессию в период обучения – основной резерв повышения эффективности деятельности современной полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2(98). – С. 170 – 175. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-170-175>

[3] Жигалова Е.А., Маланов И.А. Пороговый этап в адаптации для дальнейшего прохождения службы в правоохранительных органах // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). – 2020. – № 6 (34). – С. 214 –219. DOI:10.23951/2307–6127-2020-6-214-219

[4] Иванов Е.Ю. Исследование профессиональной адаптации как компонента профессионализации курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2024. –№3(67). – С. 100 – 110. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-3/09>

[5] Кузнецова И.А. Личностные факторы, влияющие на адаптированность курсантов к условиям обучения в образовательной организации МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – № 4(95). – С. 378 – 384. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-495-378-384>

[6] Симонова В.С. Особенности профессиональной идентичности курсантов вузов МВД России в зависимости от уровня профессиональной адаптации // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 640-643. – URL: <https://moluch.ru/archive/109/26630/>.

[7] Турмасова А.А., Юдеева Т.В. Особенности адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 456–460. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46110.htm>.

References:

[1] Alekseev N.A., Klimenko B.A., Apalkov A.V. On the positive experience of implementing the program of professional adaptation of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//International Research Journal. – 2025. – №8 (158). - URL: <https://research-journal.org/archiv/8-158-2025august/10.60797/IRJ.2025.158.34> (access date 15.09.2025). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.158.34

[2] Bantyukov I.B., Trabo V.N. The involvement of cadets in the profession during the training period is the main reserve for increasing the efficiency of modern police//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2(98). - S. 170-175. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-170-175>

[3] Zhigalova E.A., Malanov I.A. Threshold stage in adaptation for further service in law enforcement agencies//Pedagogical Review. – 2020. – № 6 (34). - S. 214 -219. DOI:10.23951/2307–6127-2020-6-214-219

[4] Ivanov E.Yu. Study of professional adaptation as a component of the professionalization of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of Nizhnevartovsk State University. – 2024. –№3(67). - S. 100-110. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-3/09>

[5] Kuznetsova I.A. Personal factors affecting the adaptation of cadets to the conditions of training in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2023. – № 4(95). - S. 378-384. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-495-378-384>

[6] Simonova V.S. Features of the professional identity of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia depending on the level of professional adaptation//Young scientist. – 2016. – № 5 (109). - S. 640-643. – URL: <https://moluch.ru/archive/109/26630/>.

[7] Turmasova A.A., Yudeeva T.V. Features of adaptation of first-year students to study at the university//Scientific and methodological electronic journal "Concept." – 2016. - VOL. 2. - S. 456-460. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46110.htm>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-532-537

КАТУНИНА Наталья Павловна,
Декан факультета физической культуры
ФГБОУ ВО доктор биологических наук,
доцент Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского,
e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕВ Павел Сергеевич,
Старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ХРОМЕНКОВ Сергей Михайлович,
Старший преподаватель кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки
Брянского филиала Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

БАЖАНОВ Валерий Николаевич,
преподаватель кафедры физической подготовки
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОЦЕНКА И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается современное обучение, его принципы и методы, объединяющие профессиональные навыки, связанные с будущей профессией.

Обсуждаемые идеи новаторства направлены на подготовку молодежи к самостоятельной жизни и труду. Конкретизировано содержание физического воспитания, отражающего преемственность и изменения в образовательном процессе. Обусловлены ценности и задачи дисциплины. Определен статус обучающегося, выведены новые формы активизации процесса обучения. Проведено исследование с привлечением педагогических работников в сфере физического образования. Проанализированы результаты тестирования, касающиеся включения в программу обучения беговых упражнений, направленных на развитие выносливости. Раскрывается сущность преподавания и организация комбинированных приемов воздействия во время группового обучения. Особое внимание сосредоточено на условиях правильного выполнения обучающимися заданий связанных с физической нагрузкой. В соответствии с этим определена степень значимости физических упражнений и их влияние на развитие организма в целом.

Ключевые слова: физическая культура, педагогическое образование, обучающийся, структура, принципы воздействия, двигательная активность, бег, выносливость, воспитание, многофункциональность.

KATUNINA Natalia Pavlovna,
Dean of the Faculty of Physical Education,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

KOSHELEV Pavel Sergeevich,

Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training,
Stavropol Branch, Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

KHROMENKOV Sergey Mikhailovich,

Senior Lecturer, Department of Firearms and
Tactical and Special Training, Bryansk Branch,
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.V. Lukyanov

BAZHANOV Valery Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Training,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ASSESSMENT AND DEVELOPMENT OF PRACTICAL SKILLS IN TEACHING

Annotation. *This article examines modern education, its principles, and methods, integrating professional skills related to future professions. These innovative ideas are aimed at preparing young people for independent life and work. The content of physical education, reflecting both continuity and change in the educational process, is specified. The values and objectives of the discipline are defined. The status of the student is defined, and new forms of activating the learning process are developed. A study was conducted involving teachers in the field of physical education. Test results regarding the inclusion of running exercises aimed at developing endurance in the curriculum are analyzed. The essence of teaching and the organization of combined methods of influence during group training are revealed. Particular attention is focused on the conditions for the correct completion of tasks related to physical activity by students. Accordingly, the degree of importance of physical exercise and its impact on the development of the body as a whole are determined.*

Key words: *physical education, pedagogical education, student, structure, principles of influence, motor activity, running, endurance, education, versatility.*

В настоящее время насчитываются десятки тысяч профессий, которые различаются по отраслям деятельности, по уровню профессиональных качеств, по степени квалификации и т.п. Наибольшую популярность приобрела классификация профессий по предмету труда, особое место в которой отводится профессиям спортивной направленности. Они характеризуются тесными контактами различных категорий людей, многофункциональностью обязанностей, разнообразием социальных отношений.

Примером принадлежности к таким профессиям являются специалисты в области физической культуры. Их деятельность отличается рядом особенностей: высокой социальной ответственностью; сложностью профессиональных задач, требующих высокой устойчивости, внимания и наблюдательности; наличием ситуаций, при которых большое значение имеют временные ограничения для принятия решений.

Преподавательская направленность в области физического обучения требует высокого

уровня профессиональных навыков. Все обучающиеся должны получать полноценные знания, иметь возможность развиваться в отведенный для этого физиологический период роста организма, особенно в рамках школьной программы [1].

Конкретизированное содержание физического воспитания отражает преемственность и изменения: преемственность целей, ценностей и задач дисциплины, изменение статуса обучающегося, который становится активным участником процесса обучения.

Определение обучающегося в центр образовательных процессов привело нас к трансформации профессиональной деятельности: созданию педагогических проектов, дидактическому подходу к искусству, физической культуре и спорту, переосмыслению содержания обучения и методов оценки, внедрению новых педагогических процедур. Такой эволюционный прогресс не возможен без активного вовлечения в него педагогического состава.

Не для кого, не секрет, что физическая культура и спорт занимают важное место, в системе образования, начиная с детского сада и заканчивая университетом. Наряду с другими учебными дисциплинами, занятия физической культурой основаны на физической активности и занятиях спортом, которые способствуют формированию личности учащихся, помогая им развиваться физически, интеллектуально и нравственно. Кроме того, физическая культура на всех уровнях образования направлена на развитие каждого обучающегося, способствуя его обучению, воспитанию и развитию.

Современное обучение заключается в принципах объединения с будущими профессиональными навыками, такой курс синхронизации идет на подготовку молодежи к самостоятельной жизни и труду, воспитание сознательных строителей нового общества [2].

Нельзя не признавать, что результаты действия «механизма торможения», устаревших подходов, отрицательным образом сказываются на развитии любого образовательного процесса. Вместо постоянной, целенаправленной работы по совершенствованию наблюдается торможение развития.

Реформа в образовании - это двигатель прогресса, который способствует зарождению новых принципов и методов обучения. Поощрение творческого поиска педагогических работников, внедрение апробированных технологий, способны сдвинуть с места устоявшиеся застои [3].

В педагогике не может быть монополии на абсолютную истину, здесь необходимы творческие дискуссии, стимулирующие дальнейшее развитие педагогической мысли. Педагог в области физической культуры должен интересоваться концепцией представлений, чтобы лучше выявлять препятствия, которые могут мешать обучению. Это необходимо для того, чтобы знать и понимать проблему и находить пути их решения [4].

В рамках нашей исследовательской работы, нам стал любопытен один факт применения двигательной активности на занятиях по дисциплине физическая культура, конкретно касающийся беговых заданий для развития общей выносливости.

Насколько часто и в какой форме, обучающимся по программе среднего, среднего профессионального и высшего образования, ставятся задания для развития общей выносливости с использованием обычного гладкого бега на длинные дистанции.

Наше исследование, связано с представлениями педагогических работников в области физической культуры о преподавании и изучении бега на выносливость, оно учитывает: отношение

педагогов к биологическим, экологическим и дидактическим аспектам. Также были изучены следующие переменные: 1) зависимые переменные: составление программы обучения; наличие учебного блока, посвященного бегу на выносливость; теоретическое содержание; наличие практического материала; 2) независимые переменные: наличие беговой дорожки или открытого пространства; выбор специализации в конце обучения [5].

Такое внимание к бегу на длинные дистанции связано с его эффективным методом развития выносливости, указанный вид двигательной активности, используемый на занятиях по физической культуре, давно зарекомендовал себя с положительной стороны. Однако наблюдения за практикой преподавания показывают, данный вид двигательной активности не имеет программного постоянства и повсеместно не используется на занятиях. В связи, с чем целью данного исследования стало определить и проанализировать предоставленные результаты проведенных исследований из нескольких образовательных организаций, связанных с преподаванием физической культуры базового уровня [6].

Период длительности исследования составил одиннадцать месяцев с февраля по декабрь 2025 года, 85 отобранных педагогов по физической культуре ответили на вопросы нашей анкеты, посвященной обучению бегу на выносливость. Упор шел на: определение методов, используемых в обучении, принципах цикличности и многоповторности, а также на факторах и формах их применения в еженедельном планировании общеобразовательного процесса.

В исследование приняли участие только те педагоги, которые соответствовали следующим критериям: это действующие преподаватели, работающее по специальности не менее двух лет, имеющее образование по специальности не ниже средне специального, проходившие обучение по очной форме.

В Экспериментальной части проводилось два сбора информации это анкетирование и индивидуальная беседа. Вопросы имели свободную форму ответа, не ограничивая респондента.

Статистический анализ данных проводился с помощью аналитической программы SPSS Statistics V.24.0. Для установления взаимосвязей между переменными, в исследовании, использовался критерий Хикквadrat (χ^2). Для сравнения двух или более процентов использовался S-критерий Зигеля. Во время оценивания разговорного опроса с преподавателями, мы использовали индуктивный анализ данных, полученную информацию распределяли на концептуальные категории. Пункты категорий отражали представления,

ожидания, интересы и т. д., то есть совокупность взаимодействующих явлений. После проведения этой категоризации мы попытались сформулировать объяснительную гипотезу и реконструировать процессы, возникающие в результате этих взаимодействий, на основе интерпретационной и спекулятивной работы. Уровень значимости тестов был установлен на $p < 0,05$ [7].

В момент проведения беседы испытуемый сохранял максимальную инициативу, а интервьюер ограничивался тем, что помогал испытуемому прояснить свои мысли и не отклоняться от темы, выходящей за рамки опроса. Изначально вмешательства интервьюера в ответы не имело запланированного подтекста, беседа велась в произвольном ключе. Такая форма общения позволила собрать информацию о мнениях преподавателей связанных с обучением бегу на выносливость, тем самым определить трудности, с которыми они сталкиваются при обучении бегу на выносливость, и понять их причины. Оценить учебную программу, ее доступность для обучающихся. В разговоре с некоторыми испытуемыми выяснилось что, 10 педагогических работников оказались опытными тренерами по легкой атлетике, они были детально опрошены в ходе проведения эксперимента.

Результаты предварительного анализа показывают, что при обучении бегу на выносливость используются разрозненные стратегии преподавания, это объясняется неопределённостью их представлений о «беге на выносливость», «беге на длинные дистанции». Следовательно, необходимо улучшить практику преподавания и укрепить связи между дидактическими, эпистемологическими и экологическими характеристиками и различными компонентами деятельности при обучении в неблагоприятных условиях.

Для определения точности исследования нами проводилось предварительное анкетирование, которое позволило апробировать анкету, чтобы проверить ее точность и работоспособность, а также оценить содержание с точки зрения понимания, степени приемлемости и простоты интерпретации респондентами. Согласованность вопросника была проверена с помощью индекса (α) Кронбаха, (коэффициент альфа Кронбаха показывает внутреннюю согласованность характеристик, описывающих один объект, но не является показателем гомогенности объекта). Такая форма тестирования часто используется в общественных науках, например в психологии для проверки их надёжности, он составил 0,83% [8].

Во время проведения анкетирования всем опрошенным сообщили, что анонимность и конфиденциальность их ответов гарантированы. Для

этого была подготовлена и отправлена форма согласия. Респондентов попросили вернуть заполненные анкеты через неделю.

Интересным фактом стало, что из 85 опрошенных респондентов 20 участников эксперимента выбрали легкую атлетику в качестве своей индивидуальной спортивной специализации на последнем году обучения. 60 опрошенных углублялись в знания и опыт в легкой атлетике уже, будучи в профессии.

Что касается ответов педагогов о том, какие методические пособия по обучению бегу на выносливость у них есть, то многие ограничивались лишь учебной программой учреждения. Лишь у 30% были учебники по лёгкой атлетике, у 4,7% — имелось методическое пособие, характер которого не уточнялся.

По факту планирования, использования длительного бега многие по циклу планирования игнорировали данный вид активности. Некоторые педагоги сообщают, что работают, основываясь на опыте и привычках, без какого-либо планирования, своего рода на опыте прошлых лет, прямо заявляя, что они не планируют, а скорее работают на основе способностей учеников и спонтанных идей.

В противоположном соотношении определились те, кто тщательно планирует цикл обучения, планирует изучаемый материал и педагогические средства для его освоения.

Педагогические работники, которые составляют подробные краткосрочные планы, говорят, что они учитывают ряд факторов, которые могут повлиять на обучение. Чаще всего обучению бега на выносливость, планирование реализуется с учётом сильных и слабых сторон учащихся, а также с учётом диагностированных нарушений в планах коррекционной работы. Эти факторы используются для планирования содержания занятий.

Анализируя показатели результатов, мы составили некоторые выводы, которые говорят о том, что во многих образовательных учреждениях бег на выносливость не преподаётся и не включён в программу подготовки. Таким образом, мы предлагаем охарактеризовать эти практики, которые, как предполагается, способствуют возникновению индивидуальных и контекстуальных трудностей, связанных с представлениями об обучении этому виду двигательной активности.

В процессе своей профессиональной деятельности педагогический состав сталкивается с одними и теми же трудностями, независимо от того, работают они давно или недавно. Наши результаты совпадают с выводами некоторых авторов, которые ставят под сомнение критерий

стажа работы как фактор эффективности или опыта в преподавании физической культуры в частности. На самом деле, наименее опытные, недавно окончившие учебные заведения, испытывают те же трудности, что и проработавшие в этой сфере немало лет, в то время как знания последних могут казаться устаревшими. Таким образом, наши данные согласуются с результатами в отношении навыков диагностики и восприятия. Результаты показывают, что между опытными педагогами и теми, кто только начинает работать, есть лишь несколько различий. Эти наблюдения могут быть объяснены двумя факторами, профессиональный опыт приобретается в ходе повседневной практики, однако он не способствует развитию педагогических навыков.

Из подмеченного опыта известных педагогов идет формальное распределение педагогов по пяти различным уровням профессионализма это - новичок, продвинутый новичок, компетентный педагог, успешный педагог и эксперт. Которые включают в себя различные аспекты: профессиональный опыт, академическую подготовку и знания в предметной области, когнитивные способности и другие, менее очевидные критерии профессионализма в преподавании.

Некоторые из опрошенных преподавателей испытывают трудности с передачей знаний, полученных в ходе обучения. Эти недостатки могут быть связаны с ограничениями в действиях педагога, основная цель которых — довести всех обучающихся до заранее установленного стандарта в соответствии с общепринятой нормой, воплощённой в обучении, которое должно быть сокращено в рамках программы обучения в установленные сроки. Однако на данный момент не существует чёткого плана по корректировке требований к выполняемым заданиям и компенсации наблюдаемых трудностей. В результате используемые педагогические стратегии больше не основываются на глубоком знании и на обоснованном выборе методов, которые считаются подходящими для поддержки обучения и достижения успеха каждым обучающимся в группе.

Возвращаясь к нашим результатам, большинство опрошенных педагогов во время обучения выбирали лёгкую атлетику в качестве своей специализации. Однако эти результаты противоречат их представлениям и практике преподавания бега на выносливость. У этих респондентов, выбравших лёгкую атлетику в качестве своей специализации, нет опыта преподавания этой дисциплины. Действительно, теоретические знания в сочетании с практикой, подтверждённой сертификацией, и спортивным опытом оправдывают квалификацию специалиста, чего нельзя сказать об учителях в школе.

В проведенном опросе, практически у всех респондентов прослеживается некоторая связующая линия, личные знания опрошенных педагогов формировались с юности, когда они занимались спортом, или в процессе поступления на факультет физической культуры и спорта, где они совершенствовали свои знания.

Многие педагоги считают, что компетенции — это сложные навыки, которые должны завершать цикл обучения, объединяя полученные знания. Таким образом, быть компетентным в области физической культуры — значит уметь соответствующим образом адаптироваться к различным ситуациям, связанным с физическими упражнениями.

Анализируя полученные данные, относящиеся к наблюдаемым практикам, позволил нам подтвердить и квалифицировать некоторые теоретические положения, представленные в этой статье. Кроме того, углублённая оценка каждого случая позволила нам выявить связи между эпистемологическими взглядами и характеристиками практик, применяемых при обучении бегу на выносливость в образовательных организациях.

Список литературы:

[1] Гайдаш, А. И. Реализация современного подхода в образовании / А. И. Гайдаш // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : Сборник статей XXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы, Белгород-Москва-Чирчик, 23–24 апреля 2025 года. — Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. — С. 134-137.

[2] Ашихмина, Т. А. Способы повышения эффективности развития общей выносливости у курсантов образовательных организаций МВД России / Т. А. Ашихмина, А. И. Гайдаш // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : Сборник научных трудов Региональной научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 26 мая 2023 года / Под редакцией А.Д. Котеневой, Н.Н. Крыжевской, О.В. Терещенко, Ю.В. Жикривецкой. — Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2023. — С. 26-29.

[3] Гайдаш, А. И. Продолжительный бег и его положительное воздействие на организм человека / А. И. Гайдаш // Физическая культура и спорт. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 9-13.

[4] Гайдаш, А. И. Особенности обучения и совершенствования двигательных качеств на занятиях по легкой атлетике в образовательных организациях МВД России / А. И. Гайдаш, Д. Д. Казьмина // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : материалы регио-

нальной научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 29 мая 2020 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ставропольский филиал. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2020. – С. 104-107. – EDN UAGRSG.

[5] Гайдаш, А. И. Преподаватель как часть культуры физической подготовки как область знаний в образовательном процессе / А. И. Гайдаш // Культура физическая и здоровье современной молодежи : Материалы III Международной научно-практической конференции, Воронеж, 15 сентября 2020 года / Редколлегия: Н.И. Бугаков [и др.], под редакцией А.И. Бугакова, С.А. Бортниковой. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2020. – С. 26-29.

[6] Моделирование и установка педагогических подходов развития физических качеств у студенческой молодежи / А. И. Гайдаш, Е. А. Алешин, Д. В. Кучумов, Э. Р. Хакимов // Обзор педагогических исследований. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 168-171. – EDN YAUNBG.

[7] Гайдаш, А. И. Кейс-технологии в процессе обучения / А. И. Гайдаш // Неделя российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 03–07 февраля 2025 года. – Рязань: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», 2025. – С. 562-565.

[8] Гайдаш, А. И. Формирование профессионального интереса будущего сотрудника органов внутренних дел к ценностным аспектам физической культуры / А. И. Гайдаш // Современный взгляд на науку и образование : Сборник научных статей. Том Ч. V. – Москва : Издательство “Перо”, 2020. – С. 47-50.

References:

[1] Gaidash, A.I. Implementation of the modern approach in education/A.I. Gaidash//Physical education and sports in higher educational institutions: Collection of articles of the XXI International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory, Belgorod-Moscow-Chirchik, April 23-24, 2025. - Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2025. - S. 134-137.

[2] Ashikhmina, T. A. Ways to increase the effectiveness of the development of general endurance among cadets of educational organizations of

the Ministry of Internal Affairs of Russia/T. A. Ashikhmina, A. I. Gaidash//Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: Collection of scientific works of the Regional Scientific and Practical Conference of cadets, students and students, Stavropol, May 26, 2023/Edited by A.D. Kotenev, N.N. Kryzhevskaya, O.V. Tereshchenko, Yu.V. Zhikrivetskaya. - Stavropol: Limited Liability Company “SEQUOIA,” 2023. - S. 26-29.

[3] Gaidash, A.I. Long running and its positive effect on the human body/A.I. Gaidash//Physical culture and sports. – 2023. - T. 1, NO. 1. - S. 9-13.

[4] Gaidash, A. I. Peculiarities of training and improvement of motor qualities in athletics classes in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia/A. I. Gaidash, D. D. Kazmina// Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: materials of the regional scientific and practical conference of cadets, students and students, Stavropol, May 29, 2020/Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Stavropol branch. - Stavropol: Limited Liability Company “SEQUOIA,” 2020. - S. 104-107. – EDN UAGRSG.

[5] Gaidash, A.I. Teacher as part of the culture of physical training as a field of knowledge in the educational process/A.I. Gaidash//Physical culture and health of modern youth: Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Voronezh, September 15, 2020/Editorial Board: N.I. Bugakov [et al.], edited by A.I. Bugakova, S.A. Bortov nick. - Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2020. - S. 26-29.

[6] Modeling and installation of pedagogical approaches to the development of physical qualities in student youth/A. I. Gaidash, E. A. Aleshin, D. V. Kuchumov, E. R. Khakimov//Review of pedagogical research. – 2023. - T. 5, NO. 3. - S. 168-171. – EDN YAUNBG.

[7] Gaidash, A.I. Case Technologies in the Learning Process/A.I. Gaidash//Week of Russian Science at the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Ryazan, February 03-07, 2025. - Ryazan: Federal State Educational Institution of Higher Education “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya,” 2025. - S. 562-565.

[8] Gaidash, A.I. Formation of the professional interest of the future employee of the internal affairs bodies in the value aspects of physical culture/A.I. Gaidash//Modern view of science and education: Collection of scientific articles. Volume Ch. V. - Moscow: Pero Publishing House, 2020. - S. 47-50.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-538-542

ГРАЧЁВА Ольга Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: letsik91@mail.ru

АВДОНИНА Татьяна Михайловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: avdonina-t@bk.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАСИЛИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации прокурорского надзора в сфере предупреждения насилия в образовательной среде, включая физическое насилие, буллинг и кибербуллинг. Анализируются нормативно-правовые основы, организационные и методические аспекты деятельности органов прокуратуры, выявляются ключевые проблемы межведомственного взаимодействия и профилактической работы в школах, формулируются предложения по совершенствованию надзорной и координационной функции прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, несовершеннолетние, насилие в школе, буллинг, кибербуллинг, профилактика, образовательная среда.

GRACHEVA Olga Alekseevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial
Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy

AVDONINA Tatyana Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy

THE ROLE OF PROSECUTORIAL AUTHORITIES IN COUNTERING VIOLENCE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Annotation. The article examines the problems of implementing prosecutorial supervision in the field of preventing violence in the educational environment, including physical violence, bullying, and cyberbullying. The article analyzes the legal and regulatory framework, organizational and methodological aspects of the activities of the prosecutor's office, identifies key issues of interagency cooperation and preventive work in schools, and formulates proposals for improving the supervisory and coordinating functions of the prosecutor's office.

Key words: prosecutor's office, prosecutorial supervision, minors, school violence, bullying, cyberbullying, prevention, educational environment.

За последние годы проблема насилия в школах России приобрела особую остроту в связи с резонансными инцидентами, ростом проявлений агрессии и распространением кибербуллинга среди обучающихся. Генеральная прокуратура РФ констатирует случаи замалчивания фактов травли и преступлений в отношении детей со стороны педагогов и администрации образовательных организаций, что ведёт к запоздалому реагированию и усугублению последствий. В этих условиях прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и обеспечением безопасной образовательной среды приобретает характер самостоятельного и приоритетного направления деятельности органов прокуратуры [1].

Правовую базу деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой сфере составляют Конституция РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» и законодательство об образовании. Приказ Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 года «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» № 744 [9] возлагает на прокуроров обязанность обеспечивать реальное исполнение норм, направленных на защиту детей от всех форм физического и психического насилия, в том числе в образовательных организациях на постоянной и действенной основе, проводя периодические проверки, поскольку несовершеннолетние не всегда могут самостоятельно обратиться за защитой своих прав и законных интересов в силу своего статуса.

Важное значение имеют недавние изменения, внесенные в Закон об образовании, направленные на защиту педагогов и обучающихся от насилия и оскорблений, а также разработки Минпросвещения России и Госдумы РФ по специальным антибуллинговым механизмам внутри школ [2].

Прокуратура РФ осуществляет надзор за соблюдением образовательными организациями требований законодательства об обеспечении безопасных условий обучения, защите достоинства личности и недопустимости насилия. В рамках проверок анализируются локальные акты школ, работа психологической службы, наличие служб медиации, а также механизм реагирования на обращения детей, родителей и педагогов о фактах травли, угроз и жестокого обращения [3]. Публикуемая Генеральной прокуратурой РФ статистика, а также информационные обзоры свидетельствуют о выявлении случаев сокрытия адми-

нистрацией школ преступлений и правонарушений в отношении обучающихся, что требует усиления мер прокурорского реагирования и персонализации ответственности должностных лиц [10].

Так, типичными нарушениями, выявляемыми органами прокуратуры в данной сфере являются:

- 1) отсутствие или формальное проведение инструктажей по безопасности, отсутствие систематической работы по профилактике правонарушений и насилия среди обучающихся;
- 2) несоответствие локальных актов школы требованиям законодательства об охране жизни и здоровья детей (нет порядка реагирования на факты насилия, не урегулированы действия педагога при выявлении буллинга, кибербуллинга, жестокого обращения);
- 3) несвоевременная регистрация и рассмотрение обращений обучающихся и родителей о фактах травли, угроз, вымогательства, а также сокрытие информации об инцидентах, представляющих общественную опасность;
- 4) несвоевременное уведомление либо несвоевременное уведомление органов внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и органа опеки при наличии сведений о преступлениях или иных правонарушениях в отношении ребёнка;
- 5) отсутствие в образовательной организации утверждённых программ профилактики правонарушений, буллинга и кибербуллинга либо их сугубо декларативный характер без конкретных мероприятий, сроков и ответственных лиц;

Так, обзор судебной практики по буллингу обобщает несколько дел, где ответственность несут как родители агрессоров, так и школы, указывая на возможные составы: оскорбление и клевета (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128.1 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни и угрозы (ст. 137 и 119 УК РФ), а также гражданская ответственность за моральный вред [11]. Судами дается комментарий, что «буллинг» следует признавать как совокупность противоправных действий (словесная травля, изоляция, издевательства в сети) и привязывать к нему как деликтную, так и административную или уголовную ответственность в зависимости от характера противоправного деяния [4].

- 6) необеспечение функционирования служб школьной медиации, неорганизованная работа психолога, формальный характер

педагогических советов и комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений;

- 7) использование педагогами уничижительных высказываний, публичного «выведения» ребёнка на посмешище, практики «наказаний» в уничижительной форме, что противоречит законодательству о защите чести и достоинства несовершеннолетних;
- 8) применение дисциплинарных взысканий без соблюдения установленной процедуры: отсутствие письменного объяснения ребёнка, несоблюдение сроков, игнорирование мнения родителей (законных представителей), подмена дисциплинарных мер практикой фактического отчисления или принуждения к переводу;
- 9) отсутствие системной работы по профилактике кибербуллинга, неурегулированный порядок реагирования на распространение в сети оскорбляющих, порочащих или угрожающих материалов в отношении обучающихся и педагогов;
- 10) нарушение требований к защите персональных данных детей (свободное размещение в открытом доступе списков классов, телефонов, иной идентифицирующей информации без надлежащего согласия, что повышает риск виктимизации);
- 11) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по направлению информации в органы системы профилактики, формальное участие администрации школы в заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних;
- 12) искажение отчётности о состоянии правонарушений и конфликтных ситуаций в школе (занижение количества инцидентов, отсутствие реальной аналитики по причинам и условиям, способствующим насилию) [12].

Однако, существует ряд проблем, оказывающих влияние на эффективность деятельности органов прокуратуры по противодействию насилию в образовательных учреждениях, среди которых:

- 1) фрагментарность межведомственного взаимодействия, поскольку на сегодняшний день отсутствует единый механизм учёта фактов насилия и буллинга в школах и обмена информацией между образовательными организациями, органами внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних, что снижает оперативность прокурорского реагирования;
- 2) неопределённость правовой категории «насилие в образовательной среде» и бул-

линга, поскольку в законодательстве об образовании и о защите прав ребёнка пока не содержится детально разработанной дефиниции буллинга и кибербуллинга, что затрудняет квалификацию и раннее вмешательство правоохранительных органов;

К примеру, в 2025 году активно обсуждались законопроекты о введении специальной статьи КоАП РФ с крупными штрафами (до 500 000 руб. для организаций) за систематический буллинг, включая кибербуллинг. Так, разъяснения прокуратур субъектов РФ подчёркивают, что в действующем законодательстве пока нет отдельного состава «буллинг», но на основании норм ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ возможно привлечение виновных, в том числе взыскивая компенсацию морального вреда при доказанности систематической травли [13].

- 3) недостаточная профилактическая направленность деятельности, так как практика прокурорского надзора всё ещё во многом ориентирована на выявление нарушений «post factum», тогда как задачи раннего предупреждения конфликтов и агрессии требуют более тесного участия прокуратуры в разработке и оценке профилактических программ школ [5];

С учётом выявленных проблем представляются целесообразными следующие меры:

- 1) нормативное уточнение понятий и процедур, путем закрепления в федеральном законодательстве легальной дефиниции насилия в образовательной среде, буллинга и кибербуллинга, а также базовых требований к школьным механизмам их профилактики и учёта.
- 2) создание единой цифровой системы мониторинга, формируя межведомственные информационные платформы (реестра) регистрации случаев травли и насилия в школах с доступом для прокуратуры, Минпросвещения России, МВД России и комиссий по делам несовершеннолетних, что позволит переходить к аналитическому и риск-ориентированному надзору.
- 3) усиление научно-методической и междисциплинарной составляющей, посредством включения в проверки специалистов в области детской и школьной психологии, кибербезопасности, социальных педагогов, а также использование разработанных программ противодействия буллингу в качестве критериев оценки профилактической работы школ.
- 4) развитие просветительской деятельности прокуратуры: организация совместных семинаров, классных часов и родительских

собраний с участием прокуроров по вопросам ответственности за насилие, буллинг и распространение вредной информации, что повышает правовую культуру всех участников образовательных отношений.

- 5) создание постоянных координационных советов при прокуратуре субъектов РФ по вопросам безопасности в школах с участием представителей органов образования, внутренних дел, здравоохранения и общественных организаций [6].

Предлагаемая модель усиления прокурорского участия в профилактике насилия в школах ориентирована на переход от реактивного к превентивному и аналитическому типу надзора. Интеграция цифрового мониторинга, уточнение правовых категорий и междисциплинарный подход позволяют более полно реализовать конституционную функцию прокуратуры по защите прав несовершеннолетних и снизить латентность школьного насилия [7]. Обсуждение этих результатов свидетельствует о необходимости дальнейших научных исследований в области оценки эффективности прокурорских мер реагирования и разработки единых критериев безопасности образовательной среды на федеральном уровне.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры по предотвращению насилия в школах находится на этапе трансформации от преимущественно карательной модели реагирования к комплексной системе профилактики, включающей правовой, организационный и просветительский компоненты [8]. Решение выявленных проблем требует, как совершенствования правового регулирования и цифровой инфраструктуры, так и повышения уровня межведомственной координации и правовой культуры участников образовательных отношений.

Список литературы:

- [1] Криминология : учебник / К. И. Богомолова, С. Ю. Бытко, А. Н. Варыгин [и др.]. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2024. – 540 с.
- [2] Михайлова Т.Н., Михайлов Е.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolnieniem-zakonodatelstva-o-profilaktike-beznadzornosti-i-pravonarusheniy-nesovershennoletnih> (дата обращения: 12.01.2026).
- [3] Прокурорский надзор : учебник / Т. М. Авдоница, С. Б. Аникин, Е. Н. Асташкина [и др.]. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2025. – 652 с.
- [4] Левушкин А. Н. Деятельность органов прокуратуры по предотвращению насилия в отношении несовершеннолетних: анализ теории и судебная практика (на примере Ульяновской области) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organov-prokuratury-po-predotvrascheniyu-nasiliya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-analiz-teorii-i-sudebnaya-praktika-na> (дата обращения: 16.01.2026).
- [5] Степанюк Т. С., Кудинов В. В. Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере выявления и пресечения правонарушений на территориях общеобразовательных организаций, в целях избежание совершений преступлений, направленных в отношении обучающихся (на примере прокуратуры Иркутской области) // АВБСП. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prokurorskogo-nadzora-v-sfere-vyyavleniya-i-presecheniya-pravonarusheniy-na-territoriyah-obscheobrazovatelnyh> (дата обращения: 22.01.2026).
- [6] Грачева О. А. К вопросу об оценке эффективности координационной деятельности органов прокуратуры по противодействию преступным проявлениям / О. А. Грачева, А. А. Титова // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2. – С. 33-37.
- [7] Криминологические основы координационной деятельности органов прокуратуры по борьбе с преступностью / Е. Н. Асташкина, С. Ю. Бытко, А. Н. Варыгин [и др.]. – Саратов : ИЦ «Наука», 2025. – 195 с.
- [8] Грачева, О. А. К вопросу о функциях прокуратуры РФ в современных условиях / О. А. Грачева, Е. Г. Лиходаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 163-168.
- [9] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов” // Законность. 2022. №2.
- [10] Основные результаты деятельности органов прокуратуры за 2025 год // <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/>.
- [11] Апелляционное определение СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 31 июля 2025 г. по делу № 33-3595/2025 // <https://base.garant.ru/346986675/>.
- [12] Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета» // <https://psy.su/feed/12175/> (дата обращения 12.01.2026).
- [13] Обзор судебной практики // <https://xn--80ahcnrqoo.xn--p1ai/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bulling-obzor-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения 15.01.2026).

References:

- [1] Criminology: textbook/K. I. Bogomolova, S. Yu. Bytko, A. N. Varygin [and others]. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2024. - 540 s.
- [2] Mikhailova T.N., Mikhailov E.V. Prosecutorial supervision of the implementation of legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency// Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva-o-profilaktike-beznadzornosti-i-pravonarusheniy-nesovershennoletnih> (дата обращения: 12.01.2026).
- [3] Prosecutorial supervision: textbook/T. M. Avdonin, S. B. Anikin, E. N. Astashkina [and others]. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2025. - 652 p.
- [4] Levushkin A. N. Activities of the prosecutor's office to prevent violence against minors: theory analysis and judicial practice (on the example of the Ulyanovsk region)//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organov-prokuratury-po-predotvrascheniyu-nasiliya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-analiz-teorii-i-sudebnaya-praktika-na> (дата обращения: 16.01.2026).
- [5] Stepanyuk T.S., Kudinov V.V. Actual problems of prosecutorial supervision in the field of identifying and suppressing offenses in the territories of educational organizations, in order to avoid committing crimes against students (on the example of the prosecutor's office of the Irkutsk region)//AVBsP. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prokurorskogo-nadzora-v-sfere-vyyavleniya-i-presecheniya-pravonarusheniy-na-territoriyah-obshchego-obrazovatelnykh> (дата обращения: 22.01.2026).
- [6] Gracheva O. A. On the issue of assessing the effectiveness of the coordination activities of the prosecutor's office in countering criminal manifestations/O. A. Gracheva, A. A. Titova//Man and law - XXI century: almanac of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy. – 2023. – № 2. - S. 33-37.
- [7] Criminological foundations of the coordination activities of the prosecutor's office in the fight against crime/E. N. Astashkina, S. Yu. Bytko, A. N. Varygin [et al.]. - Saratov: IC "Science," 2025. - 195 s.
- [8] Gracheva, O. A. On the functions of the prosecutor's office of the Russian Federation in modern conditions/O. A. Gracheva, E. G. Likhodaev//Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2024. – № 4. - S. 163-168.
- [9] Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of December 13, 2021 No. 744 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests " // Legality. 2022. №2.
- [10] Main results of the activities of the prosecutor's office for 2025// <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/>.
- [11] Appeal ruling of the Investigative Committee on civil cases of the Khabarovsk Regional Court of July 31, 2025 in case No. 33-3595/2025// <https://base.garant.ru/346986675/>.
- [12] Professional online publication "Psychological newspaper " // <https://psy.su/feed/12175/> (date of appeal 12.01.2026).
- [13] Review of jurisprudence//<https://xn--80ah-cnqqoo.xn--p1ai/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bullying-obzor-sudebnoy-praktiki/>(date of appeal 15.01.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-543-548

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,
Старший преподаватель методики преподавания
спортивных дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru

БОРТНИКОВА Галина Николаевна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет
науки и технологий им. М.Ф. Решетнева,
Красноярск, Россия,
e-mail: bortnikov80@mail.ru

БЕРКО Елена Евгеньевна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и
технологий им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия,
e-mail: el-ew@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Современная система образования сталкивается с необходимостью компенсировать негативное влияние малоподвижного образа жизни и повышенных учебных нагрузок на здоровье школьников. Данная статья посвящена исследованию процесса интеграции здоровьесберегающих технологий как системообразующего компонента образовательного процесса по физической культуре. Здоровьесберегающие технологии, включающие методы функциональной тренировки, коррекции осанки и развития мобильности, рассматриваются не как дополнительный элемент, а как обязательная составляющая современного урока физической культуры. В работе раскрываются ключевые принципы внедрения таких технологий для различных школьных возрастных групп, предлагаются практические решения по их адаптации в урочную и внеурочную деятельность. Подчеркивается, что систематическое применение здоровьесберегающих технологий не только повышает уровень физической подготовленности, но и формирует основы двигательной культуры, улучшает осанку и физиологическую устойчивость организма, что в конечном итоге способствует укреплению здоровья и формированию устойчивой привычки к здоровому образу жизни у подрастающего поколения.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, интеграция, физическая культура, образовательный процесс, функциональная подготовка, инновационное оборудование, двигательная активность, оздоровительный эффект.

LOZOVOI Alexander Alexandrovich,
Senior Lecturer, Department of Teaching
Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia

BORTNIKOVA Galina Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk, Russia

BERKO Elena Evgenievna,
Associate Professor, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk, Russia

INTEGRATION OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES INTO THE EDUCATIONAL PROCESS OF PHYSICAL CULTURE

Annotation. *The modern education system is faced with the need to compensate for the negative impact of a sedentary lifestyle and increased academic workload on the health of schoolchildren. This article is devoted to the study of the integration of health-saving technologies as a system-forming component of the educational process in physical education. Health-saving technologies, including methods of functional training, posture correction and mobility development, are considered not as an additional element, but as an obligatory component of a modern physical education lesson. The paper reveals the key principles of introducing such technologies for various school age groups, and offers practical solutions for their adaptation to regular and extracurricular activities. It is emphasized that the systematic use of health-saving technologies not only increases the level of physical fitness, but also forms the foundations of physical culture, improves posture and physiological stability of the body, which ultimately contributes to the promotion of health and the formation of a stable habit of a healthy lifestyle among the younger generation.*

Key words: *health-saving technologies, integration, physical culture, educational process, functional training, innovative equipment, physical activity, wellness effect.*

Современная образовательная парадигма претерпевает кардинальные изменения, смещая фокус с узкопредметных знаний в сторону формирования целостной, гармонично развитой личности, способной к активной и продуктивной жизнедеятельности. В этом контексте ключевым приоритетом государственной политики и стратегией развития любого общества становится здоровье подрастающего поколения. Однако данные медицинской статистики и многочисленные научные исследования рисуют тревожную картину: наблюдается устойчивая тенденция к ухудшению состояния здоровья детей и молодежи. Гиподинамия, информационные перегрузки, психоэмоциональное напряжение, неблагоприятная экологическая обстановка – вот лишь краткий перечень вызовов, с которыми сталкивается современный школьник и студент.

Сложившаяся ситуация актуализирует вопрос о необходимости превращения образовательных учреждений в среду, не только дающую знания, но и активно формирующую культуру здоровья, ответственное и осознанное отношение к нему. В этой связи дисциплина «Физическая культура» перестает быть рядовым учебным предметом и приобретает стратегическое значение, выступая в роли естественного и мощного ресурса для компенсации деструктивных факторов и укрепления здоровья обучающихся.

Традиционный подход к преподаванию физической культуры, ориентированный в первую очередь на нормативные показатели и развитие

узкого набора физических качеств, сегодня во многом исчерпал свой потенциал. Он зачастую не учитывает индивидуальные особенности здоровья, уровень физической подготовленности и психологические особенности каждого учащегося, что может приводить к снижению мотивации, перегрузкам и, как ни парадоксально, к негативному отношению к занятиям спортом.

Преодоление этих противоречий видится в целенаправленной и системной интеграции здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс по физической культуре. Здоровьесберегающие технологии в данном случае – это не просто набор отдельных упражнений или приемов, а целостная, научно обоснованная система, направленная на сохранение, укрепление и формирование здоровья учащихся. Эта система включает в себя организационно-педагогические условия, психолого-педагогические методики, физкультурно-оздоровительные и лечебно-профилактические мероприятия.

Интеграция здоровьесберегающих технологий (ЗСТ) в практику физического воспитания представляет собой не механическое добавление отдельных элементов, а комплексную реорганизацию всего учебного процесса. Этот процесс должен быть системным, непрерывным и личностно-ориентированным. Его можно структурировать по нескольким ключевым направлениям.

Концептуальные основы и классификация здоровьесберегающих технологий в физической культуре

В основе интеграции ЗСТ лежит переход от парадигмы «тренировки» к парадигме «оздоровления и развития». Это предполагает, что главным результатом урока становится не столько выполнение норматива, сколько положительная динамика в состоянии здоровья и уровне физической активности учащегося.

Здоровьесберегающие технологии в физической культуре можно классифицировать следующим образом:

По объекту воздействия:

- технологии сохранения и укрепления физического здоровья: включают в себя корректирующую и оздоровительную гимнастику, занятия на развитие мышечного корсета, профилактику плоскостопия, дыхательные упражнения;
- технологии сохранения психического здоровья: направлены на снятие психоэмоционального напряжения, формирование стрессоустойчивости, создание благоприятного психологического климата на уроке (элементы игротерапии, релаксации, позитивной мотивации);
- технологии формирования валеологической культуры: учат учащихся оценивать свое состояние, знать основы самоконтроля, рационального питания и режима дня, то есть быть компетентным в вопросах собственного здоровья;

По характеру деятельности:

- организационно-педагогические технологии: определяют структуру учебного процесса для предотвращения переутомления (рациональная плотность урока, чередование видов деятельности, индивидуальный подход к дозированию нагрузки);
- психолого-педагогические технологии: связаны с работой преподавателя по созданию комфортной атмосферы, учету индивидуальных особенностей психики учащихся;
- учебно-воспитательные технологии: включают программы обучения здоровому образу жизни, интеграцию теоретических знаний о гигиене, физиологии и биомеханике;
- физкультурно-оздоровительные технологии: собственно, те самые методики и комплексы упражнений, которые направлены на решение конкретных оздоровительных задач (например, технологии «гимнастики мозга», круговая тренировка оздоровительной направленности).

Ключевые направления интеграции ЗСТ в учебный процесс

Это краеугольный камень здоровьесбережения. Работа должна выстраиваться с учетом меди-

цинской группы здоровья (основная, подготовительная, специальная), пола, возраста, уровня физического развития и интересов каждого ученика. Практическая реализация:

- деление на подгруппы: внутри класса формируются группы по уровню подготовленности или состоянию здоровья, для каждой из которых ставятся разные задачи и дозируется нагрузка;
- вариативность заданий: при выполнении упражнений учащимся предлагаются варианты разной сложности (например, отжимания от стены, от скамьи или от пола);
- использование индивидуальных карт здоровья, где фиксируются исходные данные, цели и динамика каждого ученика;
- внедрение современных физкультурно-оздоровительных методик.

Современный урок физической культуры должен быть разнообразным и включать элементы, доказавшие свою эффективность:

- функциональный тренинг: упражнения, направленные на развитие мышц-стабилизаторов, улучшение осанки и координации, что является профилактикой бытового травматизма;
- дыхательная гимнастика: техники из систем Стрельниковой, Бутейко или йоги, которые помогают оптимизировать работу сердечно-сосудистой системы, повысить оксигенацию крови и научить саморегуляции;
- кинезиологические упражнения («гимнастика мозга»): простые движения, способствующие синхронизации работы полушарий головного мозга, улучшению памяти, внимания и речи;
- оздоровительные виды гимнастики: включение элементов пилатеса, фитнес-йоги, калланетики, которые безопасно развивают гибкость и силу;
- технологии психофизической регуляции: короткие сеансы релаксации под руководством учителя, аутогенная тренировка, визуализация для снятия мышечного и эмоционального напряжения после интенсивной нагрузки.

Благоприятная среда – необходимое условие для достижения оздоровительного эффекта.

- Психологический климат: доминирование позитивных эмоций, поддержка со стороны учителя, создание ситуации успеха для каждого ученика, минимизация факторов стресса (боязнь неудачи, насмешек).
- Рациональная организация занятия: соблюдение санитарно-гигиенических норм (проветривание зала, освещение), построение

урока с учетом закономерностей динамики работоспособности (вводная часть, основная, заключительная), обязательное включение восстановительных пауз.

- Профилактика травматизма: тщательный инструктаж, качественная разминка, исправное оборудование и постоянный контроль за техникой выполнения упражнений.

Урок физической культуры должен не только «тренировать», но и «учить здоровью».

- Теоретический блок: интеграция в урок бесед о физиологии, гигиене, основах рационального питания, важности режима дня, вреде вредных привычек.
- Обучение самоконтролю: учащиеся учат отслеживать свое состояние по пульсу, артериальному давлению, субъективным ощущениям, вести дневник самоконтроля.
- Мотивационный компонент: формирование понимания, что физическая культура – это не школьный предмет, а неотъемлемая часть качества жизни, инвестиция в собственное будущее.
- Эффективная интеграция ЗСТ должна привести к следующим результатам:
- Медико-физиологические: снижение количества острых заболеваний среди учащихся, улучшение показателей физического развития (осанка, работа сердечно-сосудистой и дыхательной систем), положительная динамика в физической подготовленности.
- Психолого-педагогические: повышение интереса и мотивации к занятиям физической культурой, снижение уровня тревожности, формирование устойчивых навыков саморегуляции и ответственного отношения к своему здоровью.
- Социальные: формирование командного духа, толерантности, коммуникативных навыков.

Критериями эффективности служат не только нормативы, но и данные мониторинга здоровья, результаты анкетирования об удовлетворенности учащихся, уровень их валеологической грамотности и готовность к самостоятельным занятиям физической культурой вне школы.

Интеграция здоровьесберегающих технологий должна быть адаптирована к возрастным особенностям учащихся и выстраиваться как непрерывная вертикаль от начальной к старшей школе.

Начальная школа (1-4 классы): Акцент на формирование фундамента здоровья и положительной мотивации.

Технологии: Игровые технологии (оздоровительные игры, игры-эстафеты с корригирующими упражнениями), ритмическая гимнастика в форме «веселых зарядок», пальчиковая гимнастика для

развития мелкой моторики, простейшие дыхательные и звуковые упражнения (например, «дыхание цветка», «жужжание пчелы»).

Задачи: Профилактика нарушений осанки и плоскостопия, развитие координации, обучение основам самоконтроля (умение сказать «я устал»), формирование привычки к ежедневной физической активности.

Основная школа (5-9 классы): Углубление знаний о здоровье и освоение разнообразных физкультурно-оздоровительных практик.

Технологии: Введение основ функционального тренинга, обучение базовым навыкам самомассажа, комплексы упражнений для глаз для профилактики миопии, более сложные дыхательные техники, элементы командных спортивных игр с акцентом на тактику, а не на результат.

Задачи: Компенсация последствий гиподинамии, связанной с ростом учебной нагрузки, формирование осознанного отношения к своему телу, обучение основам безопасной тренировки.

Старшая школа (10-11 классы): Фокус на подготовку к самостоятельной жизни и формирование индивидуального стиля здорового поведения.

Технологии: Применение технологий проектной деятельности (разработка индивидуальной фитнес-программы), углубленное изучение основ физиологии питания и тренировочного процесса, занятия, моделирующие фитнес-форматы (HIIT-тренировки, функциональный тренинг, йога), техники ментальной тренировки и управления стрессом перед экзаменами.

Задачи: Закрепление потребности в систематических занятиях, формирование валеологической компетентности, позволяющей самостоятельно поддерживать здоровье во взрослой жизни.

Эффективность интеграции ЗСТ напрямую зависит от профессиональной и личностной подготовки учителя физической культуры. Его роль трансформируется из инструктора в фасилитатора здоровья.

1. Диагностическая компетенция: Умение проводить простейшую диагностику (оценка осанки, тесты на гибкость, координацию), анализировать медицинские карты и вести наблюдение за учащимися.
2. Коммуникативная компетенция: Владение техниками позитивной обратной связи, ненасильственного общения, создания атмосферы психологической безопасности.
3. Рефлексивная компетенция: Способность критически оценивать и адаптировать свой педагогический подход в зависимости от реакции класса и индивидуальных потребностей учеников.

4. Личный пример: Здоровый образ жизни педагога, его энтузиазм и искренняя увлеченность предметом являются мощнейшим мотивационным фактором.

Современные технологии открывают новые возможности для персонализации и повышения интереса к занятиям.

- Использование фитнес-трекеров и пульсометров: Позволяет наглядно демонстрировать реакцию организма на нагрузку, учит учащихся работать в целевых зонах пульса, делает процесс тренировки осознанным.
- Интерактивные приложения и онлайн-платформы: Приложения с видеороликами с техникой упражнений, программы для ведения дневника тренировок и питания, игровые платформы, поощряющие физическую активность.
- Технологии виртуальной реальности (VR): Могут использоваться для имитации безопасного освоения сложных двигательных действий (например, в гимнастике) или для проведения виртуальных экскурсий и походов, что особенно актуально для маломобильных групп.

Внедрение новых подходов неизбежно сталкивается с трудностями, которые необходимо прогнозировать и минимизировать.

Организационные барьеры: Недостаток времени в рамках учебной программы, большая наполняемость классов, нехватка современного оборудования.

Пути решения: Внедрение ЗСТ через урочную и внеурочную деятельность (секции, динамические паузы), привлечение родителей-волонтеров, использование нестандартного оборудования.

Кадровые барьеры: Консерватизм части педагогического сообщества, недостаточная подготовка учителей в области современных оздоровительных методик.

Пути решения: Организация курсов повышения квалификации, мастер-классов от фитнес-тренеров, создание профессиональных сообществ для обмена опытом.

Психологические барьеры: Соппротивление учащихся, привыкших к традиционным формам работы, и их родителей, которые могут скептически относиться к «новомодным» тенденциям.

Пути решения: Проведение открытых уроков, дней здоровья, просветительская работа с родителями, демонстрация положительных результатов и динамики детей.

В современных социокультурных и экологических условиях традиционная система физического воспитания, ориентированная в первую оче-

редь на нормативные показатели, перестает отвечать вызовам времени. Ухудшение здоровья подрастающего поколения требует пересмотра парадигмы учебной дисциплины «Физическая культура», смещения ее целевых акцентов в сторону укрепления здоровья, формирования жизненно важных компетенций и воспитания осознанной потребности в систематической физической активности.

Интеграция здоровьесберегающих технологий представляет собой не просто дополнение к существующей программе, а качественную трансформацию всего учебного процесса, в центре которого находится личность ученика с его индивидуальными особенностями, состоянием здоровья и психофизическими возможностями. Как показало исследование, эффективная интеграция возможна лишь при системном подходе, охватывающем несколько ключевых направлений:

1. Содержательное, предполагающее обогащение урока элементами функционального, дыхательного и кинезиологического тренинга, технологиями психофизической регуляции.
2. Организационно-методическое, основанное на принципах дифференциации и индивидуализации нагрузки, создании благоприятного психологического климата и рациональной структуры занятия.
3. Диагностическое, направленное на непрерывный мониторинг состояния учащихся и оценку эффективности применяемых методик не только по нормативным, но и по оздоровительным критериям.
4. Личностное, связанное с трансформацией роли педагога в фасилитатора здоровья, личным примером и профессиональной готовностью к реализации новых задач.

Реализация данной модели способна привести к значимым социально-педагогическим результатам: не только к улучшению конкретных физических кондиций и снижению заболеваемости, но и к росту мотивации учащихся, формированию их валеологической грамотности и, в конечном итоге, к становлению ответственного отношения к собственному здоровью как к высшей ценности.

Однако процесс интеграции сопряжен с рядом объективных трудностей, включая консерватизм педагогического мышления, недостаточную материально-техническую базу и высокую учебную нагрузку. Их преодоление требует консолидированных усилий на уровне образовательной политики, администрации учреждений и каждого конкретного учителя.

Таким образом, интеграция здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс

по физической культуре является не данью моде, а стратегической необходимостью и ключевым ресурсом для сохранения и приумножения человеческого капитала страны. Дальнейшее развитие этого направления видится в разработке конкретных методических комплексов для разных возрастных групп, активном внедрении цифровых инструментов мониторинга и расширении партнерства между образовательными учреждениями, медицинскими и фитнес-организациями. Только сделав заботу о здоровье непрерывной, системной и личностно-ориентированной, можно воспитать поколение, для которого физическая культура станет неотъемлемой частью полноценной и качественной жизни.

Список литературы:

- [1] Апанасенко, Г. Л. Здоровьесберегающие технологии в школе / Г. Л. Апанасенко, Л. А. Попова // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 5. – С. 12–15.
- [2] Бальсевич, В. К. Здоровьеформирующая функция образования и физическая культура / В. К. Бальсевич // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2019. – № 4. – С. 2–5.
- [3] Казаковцева, Т. С. Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе по физической культуре: учебно-методическое пособие / Т. С. Казаковцева, М. В. Чистякова. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2020. – 156 с.
- [4] Ковалько, В. И. Здоровьесберегающие технологии в школе: 1–4 классы / В. И. Ковалько. – Москва: Вако, 2019. – 295 с.

[5] Лях, В. И. Комплексная программа физического воспитания учащихся 1–11 классов / В. И. Лях, А. А. Зданевич. – Москва: Просвещение, 2021. – 127 с.

[6] Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе / Н. К. Смирнов. – Москва: АРКТИ, 2018. – 320 с.

References:

- [1] Apanasenko, G. L. Health-saving technologies at school/G. L. Apanasenko, L. A. Popova//Theory and practice of physical culture. – 2018. – № 5. – S. 12-15.
- [2] Balsevich, V.K. Health-forming function of education and physical education/V.K. Balsevich//Physical education: upbringing, education, training. – 2019. – № 4. – S. 2-5.
- [3] Kazakovtseva, T. S. Health-saving technologies in the educational process of physical education: educational and methodological manual/T. S. Kazakovtseva, M. V. Chistyakova. - Kirov: Publishing House of Vyatka State University, 2020. - 156 s.
- [4] Kovalko, V.I. Health-saving technologies at school: grades 1-4/V.I. Kovalko. - Moscow: Vako, 2019. - 295 p.
- [5] Lyakh, V. I. Comprehensive program of physical education for students in grades 1-11/V. I. Lyakh, A. A. Zdanevich. - Moscow: Enlightenment, 2021. - 127 s.
- [6] Smirnov, N.K. Health-saving educational technologies and psychology of health at school/N.K. Smirnov. - Moscow: ARCTI, 2018. - 320 s.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-549-554

БОБРОВСКАЯ Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры медицинского права,
Институт социальных наук ФГАОУ ВО
«Первый Московский государственный
университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России
(Сеченовский университет),
e-mail: bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru

ВАСИЛЬЕВА Сайжина Баторовна,
студент 2 курса,
Институт клинической медицины
им. Н.В. Склифосовского ФГАОУ ВО
«Первый Московский государственный
университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России
(Сеченовский университет),
e-mail: vasilyeva_s_b@student.sechenov.ru

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К ТРУДУ В ПЕРИОД ПОЛУЧЕНИЯ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Получение основного общего образования является важным этапом становления личности человека и включение в образовательную программу трудовых практик, направленных на развитие профессиональной ориентации ребёнка, представляет интерес как для него самого, так и для всего общества, получающего, в итоге, целеустремлённого и самостоятельного человека, способного жить и достигать духовных и материальных благ по своему выбору и в соответствии с законом.

Вместе с тем, любая трудовая практика, как предусмотренная, так и не предусмотренная образовательной программой должна соответствовать современным тенденциям общественного развития, принимать во внимание изменившиеся условия жизни, а также интересы детей, в процессе подготовки к взрослой жизни. Отсюда следует базовый ориентир направленности трудовых практик, исключающий возможность выполнения несовершеннолетними тяжёлого или опасного труда, напрямую запрещённого законом, а также создающего условия для понуждения к его выполнения детьми.

Представляется, что тяжёлый труд может выполняться только по трудовому договору работниками по найму и не может быть оправдан потребностями экономики, образовательной организации или коллективным единением для привлечения к его выполнению несовершеннолетних.

Ограничения, налагаемые законом, в отношении использования труда несовершеннолетних заслуживают дополнительного осмысления и учёта, как принципиальные компоненты, направленные на защиту здоровья детей.

Цель исследования состоит в анализе неправомερных подходов привлечения к труду несовершеннолетних в период их обучения в образовательной организации.

Ключевые слова: привлечение несовершеннолетних к труду, образовательная программа, уборка снега, тяжёлые работы.

BOBROVSKAYA Olga Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Medical Law at the Institute of Social Sciences
of the Sechenov First Moscow State University of the Ministry
of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

VASILEVA Saizhina Batorovna,
2nd year student, N.V. Sklifosovskiy Institute of Clinical Medicine
of the Sechenov First Moscow State University of the Ministry
of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

ON THE ISSUE OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS WHO ARE EMPLOYED DURING THE PERIOD OF BASIC GENERAL EDUCATION

Annotation. *Obtaining basic general education is an important stage in the formation of a person's personality, and the inclusion in the educational program of labor practices aimed at developing a child's professional orientation is of interest both to him and to the whole society, which, as a result, receives a purposeful and independent person capable of living and achieving spiritual and material benefits of his choice and in accordance with the law.*

At the same time, any work practice, both provided for and not provided for in the educational program, must comply with current trends in social development, take into account the changed living conditions, as well as the interests of children, in the process of preparing for adulthood. This leads to a basic guideline for the orientation of labor practices, which excludes the possibility of minors performing heavy or dangerous work that is directly prohibited by law, as well as creating conditions for forcing children to do it.

It seems that hard work can only be performed under an employment contract by employees and cannot be justified by the needs of the economy, an educational organization, or collective unity in order to involve minors in its performance.

The restrictions imposed by law on the use of underage labor deserve additional consideration and consideration as fundamental components aimed at protecting children's health.

The purpose of the study consists in analyzing illegal approaches to employing minors during their studies at an educational organization.

Key words: *involvement of minors in labor, educational program, snow removal, heavy work.*

Введение

Обращение к теме защиты интересов детей, в ситуациях привлечения к общественно-полезному труду, как предусмотренному, так и не предусмотренному образовательной программой обучения, обусловлено важностью стоящих перед школой задач, направленных на всестороннее развитие личности детей и не допущение злоупотребительных практик в силу незнания или неисполнения законов. Безусловно, взгляд авторов описывает гипотетическую ситуацию, а не частный случай, моделируя возможность наступления неблагоприятных последствий при привлечении несовершеннолетних для выполнения тяжёлого или опасного труда, на примере уборки снега в зимний период.

Цель исследования состоит в анализе неправомерных подходов привлечения к труду несовершеннолетних в период их обучения в образовательной организации.

Материалы и методы. В работе использованы: действующие нормативно-правовые акты, регулирующие условия привлечения к труду несовершеннолетних, научные источники, материалы судебной практики Верховного Суда РФ, коммен-

тарии специалистов. Методы исследования: анализ, моделирование, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод.

Обсуждение.

По общему правилу, понуждение несовершеннолетних учащихся общеобразовательных организаций к уборке снега, вместо привлечения городских служб или в качестве поддерживающих отрядов, а равно издание каких-либо распоряжений о привлечении учащихся к работам по уборке прилегающих территорий в зимний период, являются незаконными требованиями администрации, нарушающими права и законные интересы детей и создающими дополнительное напряжение среди родителей и замещающих их лиц, как представителей своих детей в отношениях с третьими лицами (ст. 32, ч. 1 ст. 34 Гражданского Кодекса РФ).

Прежде всего, исходя из положений ст. 43 Конституции РФ, Российская Федерация гарантирует получение детьми основного общего образования на основе общедоступности и бесплатности и образовательная организация (школа) рассматривается в контексте обеспечивающего меха-

низма предоставления таких гарантий (ст. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон «Об образовании»). Кроме того, из положений п. 8, 9, 10 ст. 41 «Охрана здоровья обучающихся» Закона «Об образовании» очевидно следует обязанность администрации образовательных организаций в обеспечении безопасности обучающихся в период нахождения в них детей, предупреждения несчастных случаев и пресечения иных ситуаций, противоречащих интересам детей.

Представляется, что участие детей в общественно полезном труде, направленном на формирование у обучающихся базовых трудовых навыков, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 43 Закона «Об образовании» не может включать какие-либо варианты привлечения несовершеннолетних для уборки территорий от снега в зимний период, поскольку такая работа является тяжёлым физическим трудом, выполняемым работниками по найму, в соответствии с трудовым законодательством РФ, требует прохождения последними обязательного медицинского осмотра для определения группы здоровья, обязательного оформления трудового договора с определением нормы выработки и установления гарантированного эквивалента оплаты труда, без которого такая работа невозможна (ст. 21 и 22 Трудового кодекса РФ; далее – ТК РФ). При этом средняя зарплата дворников в России, по данным директора категории «Рабочие и линейные профессии» Авито-работы А. Кучеренкова, по состоянию на 11 января 2026 года составляет 94 тыс. рублей и включает уборку снега в зимнее время.

Согласно ст. 212 ТК РФ для целей обеспечения гарантий охраны труда устанавливаются особые правила и нормативы (например, правила по охране труда и нормы выдачи средств индивидуальной защиты), направленные на сохранение

жизни и здоровья работников в процессе выполнения трудовых обязанностей.

Кроме того, даже при заключении трудового договора работник по найму вправе отказаться от выполнения работы, в случае возникновения непосредственной угрозы для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда, и при отсутствии средств индивидуальной защиты. Такие случаи признаются принудительным трудом, а любые мотивации работодателя, направленные на исполнение работниками обязанностей в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития - незаконными действиями, подлежащими отмене, возмещению и социальному порицанию (ст. 4 ТК РФ).

Относительно привлечения несовершеннолетних к выполнению тяжёлых работ, установлены категорические требования (см. Таблицу 1), несоблюдение которых влечёт юридическую ответственность администрации образовательных организаций. Так, согласно ст. 265 ТК РФ, переноска и передвижение тяжестей, превышающих установленные предельные нормы лицами, не достигшими 18 лет запрещены. До 1 марта 2026 года нормативы поднятия и переноски тяжестей для лиц, не достигших 18 лет определяются Постановлением Минтруда от 7 апреля 1999 № 7 «Об утверждении норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъёме и перемещении тяжестей вручную» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 01.07.1999 N 1817) и они идентичны нормативам, предусмотренным новым Приказом Минтруда России от 10 июня 2025 г № 369н «Об утверждении предельных норм переноски и передвижения тяжестей работниками в возрасте до восемнадцати лет» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2025 N 82800), вступающим в силу с 1 марта 2026 года.

Таблица 1. Предельные нормы переноски и передвижения тяжестей работниками в возрасте до восемнадцати лет.

Характер работы, показатели тяжести труда	Предельно допустимая масса груза, включая массу тары и упаковки (кг)							
	Юноши				Девушки			
	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
Подъём и перемещение вручную груза течение рабочей смены	3	3	4	4	2	2	3	3

Источник: Приказ Минтруда России № 369н.

Кроме того, запрет работ, связанных с подъёмом и перемещением тяжестей вручную, при превышении установленных нормативов предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет, прямо закреплён и Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня тяжёлых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет». Обновленный перечень работ, с установлением полного запрета для привлечения к их выполнению несовершеннолетних вступит в силу с 1 сентября 2026 года. Даже в случае заключения трудового договора с лицом, достигшим 14 лет по правилам ст. 63 ТК РФ, он может привлекаться лишь для выполнения лёгкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, с письменного согласия одного из родителей (попечителя).

В исследованиях социологов и юристов отмечается системная проблема нарушения прав несовершеннолетних при трудоустройстве, которые затрагивают и правила оформления, и соблюдения нормативов, и оплаты труда, а также касаются отсутствия информирования о предельно допустимых нормативах переноса тяжестей и ограничений, связанных с возрастными особенностями [1]. В проведённом анкетировании указывалось, что более 92% опрошенных не проходили медицинского осмотра, не получали документы о правилах внутреннего трудового распорядка, а также подвергались дисциплинарным взысканиям в виде штрафа за нарушения, не предусмотренные ТК РФ.

В исследованиях проблем трудоустройства несовершеннолетних отмечалось, что основным критерием допуска к выполнению определённых работ, поручаемых детям, выступает их безопасность, предполагающая: соответствие работы возрастным и физиологическим ограничениям; отсутствие неблагоприятного воздействия на состояние здоровья; исключение опасности травматизма для несовершеннолетнего и окружающих [2]. Такое положение соответствует Конвенции Международной организации труда № 182 (МОТ 182) «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», которую Россия, ратифицировала ещё в 1999 году. Согласно Рекомендации МОТ № 190 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», недопустимо привлекать детей для выполнения работ, связанных с переноской или перемещением тяжестей вручную.

В случаях, когда несовершеннолетних привлекают к тяжёлым работам вне связи с исполнением трудовых обязанностей, действия админи-

страции образовательной организации идут вразрез установленных правил и требуют внимания надзорных органов. Ошибочное представление администраций учебных организаций об отсутствии прямого запрета к привлечению несовершеннолетних к уборке снега в СанПиН 2.4.3648-20 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи», вытекающего из содержания статьи 2.10.2 устанавливающей недопустимость работ с вредными или опасными условиями труда... а также к уборке снега с крыш... лиц моложе 18 лет, влечёт и неправильное применение данной нормы, которая завершается полным запретом к подъёму и переносу тяжестей в отношении несовершеннолетних. В этой связи, апеллирование к табуированию труда детей, лишь в случае их привлечения к уборке снега с крыш и разрешению уборки снега на земле, является когнитивным искажением содержания нормы. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 34 Закона «Об образовании», привлечение обучающихся к труду, не предусмотренному образовательной программой, осуществляется в соответствии с требованиями трудового законодательства. Безусловно, в образовательную программу не включаются положения о привлечении несовершеннолетних к уборке снега на прилегающих к школе территориях, а положения ст. 265 ТК РФ категорически запрещают подъём и перенос тяжестей для подростков.

Согласно разъяснениям Минобрнауки РФ, содержащимся в письме от 30.03.2017 года №08-621 «О размещении методических рекомендаций на сайте» (вместе с Методическими рекомендациями для образовательных организаций в части определения видов трудовой деятельности обучающихся в рамках образовательной деятельности с учётом возрастных и психофизиологических особенностей обучающихся», участие обучающихся в труде, предусмотренном образовательной программой является обязательным, а привлечение к труду не требует согласия несовершеннолетнего и его родителей. При этом общественно полезный труд включает в себя такие виды работ, как: уборка классов и школьной территории, уход за насаждениями, летнюю работу полях во время школьных каникул, работу в школьных строительных отрядах, школьных лесничествах. Однако, в тексте документа организация и проведения таких работ возлагается не на администрацию образовательной организации, а на педагогов: классных руководителей, педагогов дополнительного образования и педагогов-психологов. При этом, проводимые педагогами мероприятия проводятся в виде консультаций, бесед, занятий и экскурсий. Вопрос о включении времени

организации и проведения общественно-полезного труда в объем проводимых педагогом консультаций, в рекомендациях не поясняется. Вместе с тем, поскольку общественно-полезные работы включены в перечень работ, предусмотренных образовательной программой, за отказ от участия в них может быть предусмотрено привлечение несовершеннолетнего к дисциплинарному взысканию по правилам изложенным в Приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 243 «Об утверждении Порядка применения к обучающимся по образовательным программам основного общего образования, образовательным программам среднего общего образования, ... мер дисциплинарного взыскания и снятия их с указанных обучающихся»

При этом, когда привлечение к общественно полезному труду не связано с реализацией образовательной программы, методические рекомендации требуют соблюдения двух правил: согласия самого несовершеннолетнего и согласия его законных представителей. Однако получение согласия нивелировано новым положением п. 4 ст. 34 Закона «Об образовании», которое для привлечения к труду вне связи с образовательной программой, требует соответствия требованиям трудового законодательства, но исключает какие-либо согласительные процедуры. Неукоснительное соблюдение правила о выявлении ограничений, связанных с возрастом и состоянием здоровья обучающихся корреспондируется с общим запретом принудительного труда и привлечения к ответственности лиц, из числа педагогических работников, виновных в его организации.

Факт отказа от привлечения несовершеннолетнего к труду, не предусмотренному образовательной программой, должен быть оформлен в письменной форме, за подписью надлежащих участников. В противном случае, отсутствие волеизъявления участников правоотношения (самого несовершеннолетнего и его законных представителей) на отказ будет расценено как согласие к привлекаемым работам. В этом случае, ответственность за организацию и проведение таких работ возлагается на классного руководителя и на заместителя директора по учебно-воспитательной работе. А отказ от выполнения работ, не предусмотренных образовательной программой, не сопровождается применением дисциплинарных взысканий к несовершеннолетнему.

Если в процессе выполнения труда, несовершеннолетний будет травмирован, или возникнет вред его жизни и здоровью, гражданским законодательством предусмотрены меры юридической ответственности, а судебной практикой опи-

саны критерии её применения. Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) указано, что во всех спорах, связанных с причинением вреда здоровью несовершеннолетнего, действует презумпция виновности образовательной организации за все время нахождения ребёнка под надзором указанной организации [3].

Согласно ч. 7 ст. 28 Закона «Об образовании», образовательная организация несёт ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесённых к её компетенции, а также за жизнь и здоровье обучающихся. Таким образом, образовательная организация будет выступать либо прямым ответчиком, либо соответчиком по требованиям законных представителей о возмещении вреда здоровью, причинённого несовершеннолетнему во время привлечения последнего к работам, например, связанным с уборкой снега, по правилам ст. 1068 ГК РФ. Кроме того, в соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 33 (22) на образовательную организацию, обязанную в силу закона осуществлять надзор над малолетним гражданином, судом может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, по требованию законных представителей ребёнка [4].

Результаты.

Проведённое исследование подчёркивает однозначность позиции законодателя, не допускающего отступления от правил привлечения несовершеннолетних к трудовым практикам в период получения основного общего образования. Тяжёлый физический труд, связанный с поднятием и перемещением тяжестей, таких как, например, уборка снега на прилегающей территории, может осуществляться только работниками по найму, с которыми администрация образовательной организации состоит в трудовых отношениях.

Заключение.

Исполнение трудовых обязанностей, предусмотренных образовательной программой в период получения основного общего образования несовершеннолетними, является важным этапом становления полноценной личности, понимающей значение и важность труда, осознающей себя частью социума, создающего общественное благо и нацеленной на развитие различных интересов. Поэтому, привлечение школьников к общественно-полезному труду имеет целью формирование специфических навыков взаимодействия и коллективной работы детей, проходящей в атмосфере заботливого участия педагогов и психологов, а также соблюдения требований, установленных законом.

В ситуациях, когда такие требования не соблюдаются, создаются условия наступления неблагоприятных последствий, в виде вреда здоровью детей, ответственность за который возлагается на образовательную организацию.

Трудовые практики, не включённые в образовательную программу, могут осуществляться лишь при соблюдении ограничений, установленных трудовым законодательством. Тем более важным становится уяснение сути таких ограничений при наступлении зимнего сезона, с обильными осадками в виде снега и льда, которые могут выполняться только лицами, заключившими трудовой договор и прошедшими медицинский осмотр.

Список литературы:

[1] Прайма А. Нарушения прав несовершеннолетних при осуществлении трудовой деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2 (9). С. 23-25.; Анисимов В. А. Труд несовершеннолетних: правовые и социальные ограничения // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 88-97.

[2] Мазина Г.П. Особенности регулирования труда несовершеннолетних в России. // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. №1. С. 187-202; Герасимова Е. С. Правовое регулирование труда несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Норма, 2020. 256 с.

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019). Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда // [электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/22d65a9c2adcb70211843246d75000cd65c0c42d/ (дата обращения 17.01.2026)

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // [электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения 17.01.2025)

References:

[1] Prime A. Violations of the rights of minors in the implementation of labor activities // Law and order: history, theory, practice. 2016. № 2 (9). S. 23-25.; Anisimov V. A. Labor of minors: legal and social restrictions // Journal of Russian Law. 2021. № 7. S. 88-97.

[2] Mazina G.P. Features of the regulation of labor of minors in Russia. // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. №1. S. 187-202; Gerasimova E. S. Legal regulation of the labor of minors in the Russian Federation. M.: Norma, 2020. 256 s.

[3] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019). Resolution of disputes arising from harm // [electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/22d65a9c2adcb70211843246d75000cd65c0c42d/ (date of appeal 17.01.2026)

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2022 No. 33 "On the Practice of Courts Applying Norms on Compensation for Moral Damage" // [electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (date of appeal 17.01.2025)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-555-559

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
конституционного и административного права
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНГХиГС, Санкт-Петербурга),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО И ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРАВОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается интегративный подход к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей в контексте современных требований юридического образования. Анализируются философско-методологические основания интеграции правовых знаний и коммуникативных навыков. Обосновывается необходимость междисциплинарного синтеза в процессе подготовки будущих юристов. Предлагается модель формирования коммуникативной компетентности, основанная на принципах диалогичности, контекстуальности и практикоориентированности.

Ключевые слова: право, интегративный подход, коммуникативная компетентность, юридическое образование, профессиональная подготовка, философия права.

FURMAN Tatyana Gennadyevna,
PhD in Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the North-West Institute of Management - a branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(RANEPA, St. Petersburg)

LAW AND AN INTEGRATIVE APPROACH TO DEVELOPING PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS MAJORING IN LAW

Annotation. The article considers an integrative approach to the formation of professional communicative competence of students of legal specialties in the context of modern requirements of legal education. The philosophical and methodological foundations of the integration of legal knowledge and communication skills are analyzed. The need for interdisciplinary synthesis in the process of training future lawyers is justified. A model for the formation of communicative competence based on the principles of dialogue, contextuality and practice orientation is proposed.

Key words: law, integrative approach, communicative competence, legal education, professional training, philosophy of law.

Введение

Современное юридическое образование переживает период существенной трансформации, обусловленной изменениями в социально-правовой сфере общества и возрастающими требованиями к профессиональной компетентно-

сти юристов. Как справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, «право как нормативная система неразрывно связано с коммуникативными процессами в обществе, выступая одновременно их регулятором и продуктом» [1, с. 45]. Данное положение приобретает особую актуальность в контексте

подготовки специалистов правовых специальностей, для которых коммуникативная компетентность становится неотъемлемым элементом профессионального мастерства.

Интегративный подход в образовании предполагает синтез различных областей знания для достижения целостного понимания изучаемых явлений и формирования комплексных компетенций. В сфере юридического образования данный подход приобретает особое значение, поскольку правовая деятельность по своей природе носит междисциплинарный характер. Исследователи Н.А. Власенко и А.В. Поляков подчёркивают, что «коммуникативная теория права рассматривает правовые нормы как результат социальной коммуникации, что требует от юриста владения не только правовыми знаниями, но и навыками эффективного общения» [2, с. 112].

Теоретико-методологические основания интегративного подхода.

Философское осмысление интегративного подхода в правовом образовании опирается на несколько ключевых концептуальных положений. Во-первых, это понимание права как коммуникативного феномена, разработанное в рамках коммуникативной теории права. Согласно данной концепции, правовые нормы возникают и функционируют в процессе социальной коммуникации, а их реализация неразрывно связана с коммуникативными практиками субъектов правоотношений. Во-вторых, это герменевтическая традиция в философии права, акцентирующая внимание на процессах понимания и интерпретации правовых текстов [3, с. 78].

Интеграция правовых и коммуникативных компетенций в образовательном процессе реализуется на нескольких уровнях. На содержательном уровне происходит взаимопроникновение правовых дисциплин и дисциплин коммуникативного цикла. Методологический уровень предполагает использование коммуникативных методов в преподавании правовых дисциплин. Практический уровень обеспечивает формирование навыков правовой коммуникации в ходе практико-ориентированной деятельности студентов. Е.В. Тимошина справедливо указывает, что «современная юриспруденция требует от специалиста не только знания норм права, но и умения их интерпретировать, объяснять и применять в конкретных коммуникативных ситуациях» [4, с. 156].

Структура профессиональной коммуникативной компетентности юриста. Профессиональная коммуникативная компетентность студентов правовых специальностей представляет собой сложное интегративное образование, включающее когнитивный, операциональный и личност-

ный компоненты. Когнитивный компонент охватывает систему знаний о правовой коммуникации, её видах, формах и особенностях. Операциональный компонент включает умения и навыки эффективного правового общения в различных профессиональных контекстах. Личностный компонент характеризует мотивационно-ценностные установки и индивидуально-психологические качества, необходимые для успешной правовой коммуникации.

Формирование указанных компонентов требует системного подхода, учитывающего специфику правовой деятельности. Как отмечают современные исследователи, «профессиональная коммуникация юриста отличается высокой степенью формализации, нормативности и ответственности, что обуславливает необходимость специальной подготовки к её осуществлению» [5, с. 89]. При этом важно понимать, что коммуникативная компетентность юриста не сводится к овладению техниками общения, но предполагает глубокое понимание социально-правового контекста коммуникации и способность к рефлексивному анализу собственной коммуникативной практики. Особое внимание уделяется анализу сложных форм общения, политика из которых предъявляет серьезные требования к коммуникативной компетентности юриста. Судебная коммуникация характеризуется высокой степенью формализации, строгой процессуальной регламентацией и публичным характером. Юрист, выступающий в судебном процессе, должен владеть навыками публичного выступления, уметь ясно и убедительно излагать свою позицию, оперативно реагировать на аргументы противоположной стороны и вопросы суда. При этом кадебная риторика отличается от иных форм публичного красноречия: она должна сочетать эмоциональную убедительность с логической строгостью и обороной.

Консультативная деятельность юриста представляет собой иную форму общения, требующую особенностей коммуникативных навыков. В процессе консультирования юрист выступает посредником между структурой мирового права и клиентом, зачастую не владеющим специальными юридическими правилами. Умение доступно объяснять правовые понятия, переводить юридический язык на язык повседневного общения, сохранять доверительные отношения с клиентом - все это составляет важнейшую часть профессиональной компетентности юриста-консультанта. Как отмечают выводы исследователя коммуникаций М.В. Горбунова, «Эффективное юридическое консультирование предполагает не только передачу информации, но и создание условий для ее понимания и практического применения клиентом» [8, с. 56].

Переговорная практика занимает особое место среди форм ограничения общения. Юрист, ведущий от имени своего клиента или организации, должен владеть широким спектром коммуникативных стратегий и тактик. Умение анализировать позицию партнёра в переговорах, находить взаимоприемлемые решения, управлять конфликтными ситуациями, условиями соглашений – все эти навыки строятся на основе глубокого понимания психологических и социальных аспектов общения в сочетании с твёрдым знанием правильных норм и процедур. Переговорная компетентность юриста включает также способность к стратегическому планированию коммуникативного взаимодействия и гибкую корректировку избранной стратегии в зависимости от развития переговорного процесса.

Медиативная практика как особая форма правовой коммуникации получает все большее распространение в современной юридической деятельности. Юрист-медиатор осуществляет функцию нейтрального посредника, содействующего урегулированию конфликта между городами. Данная роль требует особых коммуникативных навыков: навыков сохранения нейтральности, обеспечения взаимопонимания сторон, направления переговорного процесса к конструктивному результату. Медиативная компетентность предполагает также использование техники активного слушания, рефрейминга, фасилитации групповой дискуссии [9, с. 123].

Анализ различных форм рассмотрения коммуникаций показывает, что профессиональная коммуникативная компетентность юриста имеет сложную структуру и включает в себя как универсальные коммуникативные навыки, так и простые методы, связанные с особенностями видов юридической деятельности. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке учебных программ подготовки юристов, рассматривая как коммуникативную подготовку, а также специализированное обучение по отдельным формам общения.

Педагогические условия реализации интегративного подхода. Эффективная реализация интегративного подхода к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей предполагает создание совокупности педагогических условий. К числу основных условий относятся: разработка интегрированного содержания образования, объединяющего правовые и коммуникативные аспекты профессиональной деятельности юриста; использование активных и интерактивных методов обучения, моделирующих профессиональные коммуникативные ситуации; организация практико-ориентированной деятельности сту-

дентов в условиях реальной или имитируемой правовой практики; создание рефлексивной образовательной среды, способствующей осознанию студентами собственных коммуникативных стратегий и их совершенствованию.

Особое значение в контексте интегративного подхода приобретает метод кейс-стади, позволяющий моделировать сложные профессиональные ситуации, требующие одновременного применения правовых знаний и коммуникативных навыков. Анализ правовых казусов с позиций коммуникативного подхода способствует формированию у студентов целостного видения профессиональной деятельности и понимания неразрывной связи её правового и коммуникативного аспектов [6, с. 234]. Деловые игры, моделирующие судебные заседания, переговоры, консультирование клиентов и другие формы правовой коммуникации, также выступают эффективным средством интеграции правовых и коммуникативных компетенций.

Философско-правовые аспекты коммуникативной компетентности.

Рассмотрение коммуникативной компетентности юриста в философско-правовом контексте позволяет выявить её глубинные основания и ценностные ориентиры. Право как социальный институт выполняет важнейшую коммуникативную функцию, обеспечивая координацию действий субъектов социальных отношений и разрешение конфликтов. В этой связи профессиональная коммуникативная компетентность юриста выступает не просто инструментальным навыком, но сущностной характеристикой его профессиональной деятельности, связанной с реализацией фундаментальных правовых ценностей – справедливости, законности, защиты прав человека.

Философское осмысление коммуникативной компетентности юриста связано также с проблематикой юридической аргументации и риторики. Способность убедительно излагать правовую позицию, обосновывать юридические решения, вести конструктивный диалог с участниками правоотношений – всё это составляет неотъемлемую часть профессионализма юриста. При этом, как подчёркивает А.В. Поляков, «правовая аргументация должна опираться не только на формально-логические основания, но и на коммуникативную рациональность, учитывающую социокультурный контекст правового дискурса» [7, с. 167]. Этический аспект коммуникативной компетентности юриста требует особого внимания. Профессиональная коммуникация юриста подчиняется не только требованиям эффективности, но и этим нормам, закреплённым в кодексах профес-

сиональной этики и сформированным профессиональным сообществом. Принципы честности, добросовестности, конфиденциальности, приверженности к участникам правовых отношений определяют этические границы коммуникативной деятельности юриста. Формирование этических показателей коммуникативной компетентности предполагает не только знание соответствующих норм, но и развитие способностей к этической рефлексии, навыков распознавать и разрешать этические дилеммы, возникающие в профессиональном общении.

Проблема этих манипуляций в ходе общения представляет собой серьезный вопрос, требующий осмысления в процессе профессиональной подготовки юристов. Граница между убеждением и манипуляциями не всегда очевидна, и юрист должен осознанно выбирать этически обоснованную стратегию коммуникативного воздействия. Формы интегративного подхода к формированию коммуникативной компетентности включают развитие критического мышления и этического мышления, ответственные решения должностных лиц-юристов, которые впоследствии принимают коммуникативные стратегии.

Психологический аспект профессиональной коммуникативной компетентности юриста связан с пониманием психологических приемов общения и воспитанием соответствующих личностных качеств. Эмпатия, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, способность к саморегуляции - всё это составляет психологическую основу эффективного профессионального общения. Юридическая деятельность часто связана с высоким эмоциональным напряжением, конфликтными ситуациями, работой с людьми в трудных жизненных обстоятельствах. Психологическая устойчивость и развитые навыки эмоциональной саморегуляции позволяют юристу сохранять профессиональную эффективность в сложных коммуникативных установках [12, с. 89].

Развитие эмоционального интеллекта становится важным фактором подготовки юристов в рамках интегративного сотрудничества. Способность распознавать эмоции собеседника, понимать их поведение и учитывать в процессе общения повышение эффективности профессионального взаимодействия юриста с клиентами, коллегами, государственными органами. Эмоциональный интеллект особенно важен при консультировании и медиации, где эмоциональное состояние участников влияет на результаты общения.

Социолингвистический аспект профессиональной коммуникативной компетентности, связанный с пониманием социальных факторов, влияющих на коммуникацию. Юрист в своей профессиональной деятельности взаимодействует с

людьми постоянно, в сфере образования, культурной продукции. Способность адаптировать свой коммуникативный стиль к особенностям собеседника, учитывая социальный контекст общения, - важный элемент финансовой поддержки юриста. Социолингвистическая компетентность предполагает также понимание властных отношений, реализуемых в общении, и способность к их рефлексивному анализу.

Развитие критического мышления является существенным условием формирования профессиональной коммуникативной компетентности юриста. Способность анализировать аргументы, выявлять логические ошибки и манипулятивные приёмы, оценивать достоверность информации - всё это необходимо для эффективного участия в правовом дискурсе. Интегративный подход предполагает развитие критического мышления как сквозной компетенции, формируемой на материале как правовых, так и коммуникативных дисциплин [13, с. 201].

Заключение

Интегративный подход к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей представляет собой перспективное направление развития юридического образования. Данный подход позволяет преодолеть традиционную разобщённость правовых и коммуникативных дисциплин, обеспечивая целостную подготовку будущих юристов к профессиональной деятельности. Философско-методологическое обоснование интегративного подхода опирается на понимание права как коммуникативного феномена и признание неразрывной связи правовых знаний и коммуникативных навыков в структуре профессиональной компетентности юриста.

Реализация интегративного подхода требует системных преобразований в организации образовательного процесса, включающих разработку интегрированного содержания образования, использование активных методов обучения и создание практико-ориентированной образовательной среды. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку конкретных образовательных технологий интеграции правовых и коммуникативных компетенций, а также на изучение эффективности различных моделей интегративного обучения в юридическом образовании.

Список литературы:

- [1] Нерсисянц В.С. Философия права. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. - 848 с.

[2] Власенко Н.А. Теория государства и права. - 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 480 с.

[3] Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. - СПб.: Алеф-Пресс, 2022. - 368 с.

[4] Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2021. - Т. 12, № 1. - С. 149-173.

[5] Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2020. - 256 с.

[6] Третьякова О.В. Профессиональная коммуникативная компетентность юриста: структура и условия формирования // Образование и право. - 2023. - № 4. - С. 230-241.

[7] Поляков А.В. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. - СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2022. - 320 с.

[8] Горбунова М.В. Юридическое консультирование: коммуникативный аспект // Юридическое образование и наука. - 2022. - № 3. - С. 52-61.

[9] Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: монография. - М.: Инфотропик Медиа, 2021. - 304 с.

[10] Губаева Т.В. Язык и право: искусство владения словом в профессиональной адвокатской деятельности. - 3-е изд., перераб. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 176 с.

[11] Садиков О.Н. Правовая коммуникация в условиях глобализации // Российский журнал права. - 2022. - Т. 26, № 8. - С. 140-153.

[12] Романов В.В. Юридическая психология. - 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2023. - 537 с.

[13] Ивлев, Ю. В. Логика для юристов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2022. - 272 с.

References:

[1] Nersesyants V.S. Philosophy of Law. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Norm: INFRA-M, 2020. - 848 s.

[2] Vlasenko N.A. Theory of State and Law. - 3rd ed., Add. And revised. M.: Norm: INFRA-M, 2021. - 480 s.

[3] Chestnov I.L. Postclassic theory of law: monograph. - St. Petersburg: Alef-Press, 2022. - 368 p.

[4] Timoshina E.V. Methodology of judicial interpretation: instruments of weighing in a situation of competition of human rights//Bulletin of St. Petersburg University. Right. - 2021. - T. 12, NO. 1. - S. 149-173.

[5] Kartashov V.N. Legal activity: concept, structure, value. - Saratov: Publishing House of Saratov University, 2020. - 256 s.

[6] O.V. Tretyakova. Professional communicative competence of a lawyer: structure and conditions of formation//Education and law. - 2023. - № 4. - S. 230-241.

[7] Polyakov A.V. Communicative concept of law: questions of theory. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2022. - 320 s.

[8] Gorbunova M.V. Legal advice: communicative aspect//Legal education and science. - 2022. - № 3. - S. 52-61.

[9] Kalashnikova S.I. Mediation in the field of civil jurisdiction: monograph. - M.: Infotropic Media, 2021. - 304 s.

[10] T.V. Gubaeva. Language and law: the art of owning a word in professional advocacy. - 3rd ed., Revised - M.: Norm: INFRA-M, 2021. - 176 s.

[11] Sadikov O.N. Legal communication in the context of globalization//Russian Journal of Law. - 2022. - T. 26, NO. 8. - S. 140-153.

[12] Romanov V.V. Legal psychology. - 7th ed., Revised. and add. - M.: Yurayt, 2023. - 537 p.

[13] Ivlev, Yu. V. Logic for lawyers. - 6th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2022. - 272 p.

СПИРИДОНОВА Майя Егоровна,
старший преподаватель,
СВФУ им. М.К. Аммосова,
e-mail: mayaiza@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Аннотация. Статья посвящена формированию межкультурной компетенции у студентов неязыковых вузов. Для успешной коммуникации в поликультурном мире нужно не только знать язык, но и понимать культурные особенности, формирующие его употребление. В процессе исследования проведен анализ уровня межкультурной осведомленности у студентов уровня elementary на двух этапах (до и после курса). Целью исследования было выявить как формируется межкультурная компетенция у студентов неязыковых вузов на основе аутентичных материалов и межкультурных кейсов. Результаты исследования указывают о заметном улучшении знаний в области культурных различий, навыков культурного общения у обучающихся.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, коммуникативные навыки, межкультурные кейсы, аутентичные материалы.

SPIRIDONOVA Maya Egorovna,
Senior Lecturer,
M.K. Ammosov NEFU

FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE AMONG STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Annotation. The article is devoted to the formation of intercultural competence among students of non-linguistic universities. For successful communication in a multicultural world, you need not only to know the language, but also to understand the cultural characteristics that shape its use. The study analyzed the level of intercultural awareness among elementary students at two stages (before and after the course). The purpose of the study was to identify how intercultural competence is formed among students of non-linguistic universities based on authentic materials and intercultural cases. The results of the study indicate a noticeable improvement in knowledge in the field of cultural differences, cultural communication skills among students.

Key words: intercultural competence, communication skills, intercultural cases, authentic materials.

Введение

В современном мире важнейшим аспектом образовательного процесса является межкультурная компетенция. Мир становится всё более взаимосвязанным, что делает навыки общения между культурами необходимыми для успешного взаимодействия в различных сферах жизни. Возможность общения на разных языках расширяет возможности для международного сотрудничества и участия в межкультурном диалоге. Владение иностранным языком рассматривается как одно из важнейших средств, значительно облегчающих взаимопонимание в рамках межкультурной коммуникации. «Человек, изучающий иностранный язык, становится «медиатором» культур. Так как

приобретается способность понимать чужую культуру, в некоторых случаях перенимать некоторые ее аспекты, при этом все еще являясь носителем собственной культуры» [1].

В соответствии с Федеральным государственным стандартом третьего поколения 3++ УК направлены на освоение культурных, духовно-нравственных ценностей и норм отдельных народов, умение использовать иностранный язык для повышения качества межкультурного взаимодействия [2]. Это мотивирует обучающихся к изучению иностранного языка.

Актуальностью темы является формирование межкультурной компетенции как неотъемлемой части обучения иностранным языкам, спо-

собствующая эффективному межкультурному взаимодействию и адаптации студентов в глобальном обществе.

Обзор литературы

Обзор литературы в области межкультурной компетенции показывает, что эффективное изучение иностранного языка невозможно представить без осмысления культурных реалий, в которых иностранный язык применяется.

К.Кнарр трактует межкультурную компетенцию как «способность достигать взаимопонимания между представителями разных культур и сообщество общения, а также представителями собственной культуры». Модель предложенная К.Кнарр ориентирована на поведенческие аспекты при общении с представителями другой культуры и не подразумевает обмен культурными ценностями в ходе которого происходит понимание и познание культуры как умением [6].

По мнению Galaczi E., Taylor L., «важно не только владеть языком, но также важно уметь улавливать и интерпретировать социокультурные особенности, соблюдать правила вежливости и поведенческие нормы, а также грамотно реагировать в различных коммуникативных контекстах, которые являются одним из элементов современных коммуникативных навыков и играет важную роль в межличностных отношениях и в профессиональной сфере» [5].

Кроме того, существуют серьезные аргументы в пользу повышения междисциплинарных научных исследованиях: кросскультурные исследования, лингвистическая этнография, а также изучение поведенческих и языковых аспектов в профессиональной и организационной среде, которые способны оказать значительное влияние.

По мнению Fantini A.E., компоненты межкультурной компетенции включают в себя знания, навыки и отношения, и подчеркивает важность владения иностранным языком как условие межкультурной компетенции, так как иноязычная коммуникация позволяет взаимодействовать с альтернативными концепциями и способами мышления, закодированными в других языковых системах. Fantini A.E. акцентирует внимание на «взаимосвязи языка и культуры, что актуально для преподавателей иностранных языков стремящихся интегрировать межкультурный компонент в обучение» [4].

Stella Aririguzoh в своей работе «Communication competencies culture and the SDGs: effective processes to cross-cultural communication» рассматривает вопросы межкультурной коммуникации в контексте глобализации и устойчивого

развития и подчеркивает важность учета культурных различий в процессе общения и предлагает стратегии для улучшения межкультурного взаимодействия где эффективная межкультурная коммуникация требует изменения способов передачи информации людям с разным культурным образованием [3].

Таким образом, исследования подтверждают, что межкультурная компетенция включает в себя знание, навыки и отношения, необходимые для эффективного общения в поликультурной среде. Это требует от преподавателей готовности к культурной интеграции в учебный процесс.

Методология

Исследование направлено на выявление роли межкультурных компонентов в развитии языковой и культурной компетентности студентов. В исследовании принимали участие 48 студентов уровня Elementary 1 курса ИЯКН и ИФКиС СВФУ им.М.К.Аммосова. Используемые методы позволили получить как количественные, так и качественные данные о прогрессе студентов.

На первом этапе проведено анкетирование студентов до и после прохождения курса, что позволило оценить уровень межкультурной компетенции. Анкетирование было составлено с помощью ChatGPT, состояло из 6 блоков, включая самооценку языковой компетенции, осведомленность о культуре стран изучаемого языка, опыт межкультурного взаимодействия, восприятие межкультурных компонентов на занятиях: о знаниях студентов о культурных различиях, их опыте общения с носителями языка и готовности воспринимать и анализировать культурные особенности.

На втором этапе был сделан анализ письменных работ студентов, где они описывали свои впечатления от межкультурных кейсов (различия в приветствиях, особенности общения в англоговорящих странах и т.д.). Этот метод обеспечил качественные данные об изменениях в восприятии культурных реалий и уровне осведомленности.

В-третьих, было проведено наблюдение за студентами во время занятий, где использовались аутентичные материалы (видеоматериалы, тексты). Наблюдение дало возможность оценить практическое применение студентами полученных знаний на практике и степень вовлеченности в дискуссии и в обсуждениях.

Данные методы позволили получить полное представление о процессе формирования межкультурной компетенции, выявить сильные и слабые стороны обучения, а также понять, какие элементы наиболее эффективно способствуют развитию навыков межкультурной коммуникации.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования показали значительный рост уровня межкультурной осведомлённости студентов. Анкетирование до начала курса показало, что лишь 26% респондентов имели представление о культурных различиях между англоязычными странами. После завершения курса этот показатель возрос до 86%. Это свидетельствует о высокой эффективности внедрения межкультурных компонентов в процесс обучения.

Студенты отметили, что использование видеоматериалов, текстов и других материалов, посвящённых культурным особенностям англоязычных стран, значительно повысило понимание языка и социальных норм. Они осознали важность контекста в общении, что является ключевым аспектом межкультурной компетенции.

Пример 1: В ходе обсуждения стереотипов студенты анализировали видео, посвящённое восприятию британцев и американцев. Это задание помогло им не только лучше понять различия в поведении и восприятии, но и развить навыки аргументации.

Например, In England, people say "sorry" even when they're not offended. "Americans smile at strangers - it doesn't mean they're friends".

"Not sure all English people do that - maybe only in movies".

Пример 2: В другом задании студенты работали с кейсом о невербальном общении, обсуждая, как различается использование жестов в разных культурах. Это упражнение способствовало более глубокому пониманию невербальных сигналов и важности их интерпретации в межкультурном общении.

Например: Focus on behavioral rituals (greetings, gestures) rather than value settings.

"I thought everyone was talking straight, but the British use a lot of innuendo."

Пример 3. Сравнение со своей культурой. В этом задании студенты работали с кейсом о понимании культурной вариативности.

"It is customary for us to hug when we meet, and there is only a nod."

"In my country, questions about salary are normal, but in the USA it is taboo."

Таким образом, результаты подтверждают, что включение межкультурных элементов в обучение английскому языку не только увеличивает уровень языковой компетенции, но и развивает критическое мышление и адаптацию студентов в поликультурной среде.

Обсуждение результатов исследования выявляет ключевые моменты, которые подчеркивают важность межкультурной компетенции в процессе изучения английского языка. Включение

межкультурных компонентов способствует не только улучшению языковых навыков, но и развитию критического мышления.

Такой подход позволяет углубить понимание студентами культурных особенностей, что является критически важным для успешного общения. Важно отметить, что межкультурная компетенция не только повышает качество общения, но и способствует формированию более открытого и толерантного мировоззрения. Это особенно актуально в современном обществе, где межкультурное взаимодействие происходит на каждом шагу.

Кроме того, результаты показывают, что студенты, активно вовлеченные в процесс обучения, легче адаптируются к различным культурным контекстам. Они становятся более восприимчивыми к различиям и могут использовать эти знания для решения потенциальных конфликтов и недоразумений.

На основе полученных данных можно утверждать, что внедрение межкультурных компонентов в языковое обучение не только соответствует современным требованиям, но и является важным шагом к подготовке студентов к жизни в глобализованном мире.

Заключение

Развитие межкультурной компетенции необходимо рассматривать как необходимый компонент процесса обучения иностранным языкам.

Полученные результаты демонстрируют, что включение аутентичных материалов и межкультурных кейсов в учебный процесс способствуют не только углублению культурологических знаний обучающихся, но и совершенствованию их аналитического мышления и коммуникативных компетенций. «В условиях глобализации и стремительного развития поликультурного общения в сети Интернет, существует возможность осуществлять коммуникацию с представителями других стран на специальных порталах или приложениях, созданный для кросс-культурного обмена» [1].

Студенты, получившие опыт работы с межкультурными темами, демонстрируют большую уверенность в своих знаниях и навыках, что положительно сказывается на их способности адаптироваться в многонациональной среде.

Таким образом формирование межкультурной компетенции предполагает реализацию комплексного подхода, который объединяет работу с аутентичными материалами, интерактивные методы обучения и рефлекссию. Подобная модель способствует созданию такой образовательной среды в рамках которой обучающиеся развивают как языковые навыки, так и межкультурную осведомлённость.

Интеграция межкультурных компонентов в образовательный процесс способствует более эффективной адаптации обучающихся к реальным коммуникативным ситуациям. Тем самым повышая их готовность к межкультурному взаимодействию. Важнейшая функция в данном контексте отводится преподавателям, которые обеспечивают необходимую поддержку и координируют процесс освоения навыков межкультурного общения.

Список литературы:

- [1] Кабалина О.И., Королева М.В. Формирование межкультурной компетенции у студентов педагогического направления с двойным профилем подготовки (начальное образование и иностранный язык) / О.И. Кабалина, М.В.Королева. - Москва : Объединенная редакция, 2023 - № 11(179) часть 2 – с. 100-110.
- [2] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс] / Приказ от 22 февраля 2018 г. N 121 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/8/1583>.
- [3] Aririguzoh S. Communication competencies, culture and SDGs: effective processes to cross-cultural communication // Humanities and Social Sciences Communications. –2022. – Vol. 9. –No1. –P. 1–11
- [4] Fantini A.E. Language: An Essential component of Intercultural communicative competence. Jackson J. The Rutledge handbook of language and Intercultural communication. New York: Rutledge, 2020.
- [5] Galaczi E., Taylor L. Interactional Competence: Conceptualisations, operationalisations, and

outstanding questions // Language assessment quarterly. – 2018. – Vol. 15 (3). – P. 219–236.

[6] Knapp, Karlfried. Intercultural Communication in EESE // [Электронный ресурс] – режим доступа – URL: <http://www.cs.uu.nl/docs/vakken/bci/programma/intercult.html>.

References:

- [1] O.I. Kabalina, M.V. Koroleva. Formation of intercultural competence among students of the pedagogical direction with a double training profile (primary education and a foreign language)/O.I. Kabalina, M.V. Koroleva. - Moscow: United edition, 2023 - No. 11 (179) part 2 - p. 100-110.
- [2] Federal state educational standard of higher education in the direction of training 44.03.01 Pedagogical education (bachelor's level) [Electronic resource]/Order of February 22, 2018 N 121//Portal of Federal State Educational Standards of Higher Education. Access mode: <http://fgosvo.ru/news/8/1583>.
- [3] Aririguzoh S. Communication competencies, culture and SDGs: effective processes to cross-cultural communication // Humanities and Social Sciences Communications. –2022. – Vol. 9. –No1. –P. 1–11
- [4] Fantini A.E. Language: An Essential component of Intercultural communicative competence. Jackson J. The Rutledge handbook of language and Intercultural communication. New York: Rutledge, 2020.
- [5] Galaczi E., Taylor L. Interactional Competence: Conceptualisations, operationalisations, and outstanding questions // Language assessment quarterly. – 2018. – Vol. 15 (3). – P. 219–236.
- [6] Knapp, Karlfried. Intercultural Communication in EESE // [Электронный ресурс] – режим доступа – URL: <http://www.cs.uu.nl/docs/vakken/bci/programma/intercult.html>.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-564-575

ТАРАКАНОВ Александр Валериевич,
кандидат юридических наук, доцент,
ректор ЧУ ВО «ИГА»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРЛОВ Виталий Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин ЧУ ВО «ИГА»,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАТОЧЕНКО Александр Львович,
кандидат технических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин ЧУ ВО «ИГА»,
e-mail: mail@law-books.ru

УНИВЕРСИТЕТЫ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается опыт деятельности университетов первого поколения средневековой Европы, которые не являются первыми высшими учебными заведениями, аналогичные программы подготовки предлагали вузы древней Греции, Рима, Китая и Индии. Обязательность прохождения комплекса гуманитарных, естественных и точных наук на «младшем» факультете свободных искусств до изучения дисциплин специализации на «старших» факультетах (юридическом, богословском или медицинском) обеспечивала выпускникам университетов всестороннюю профессиональную подготовку. Результатом такого подхода стало формирование интеллектуальной элиты общества – ученых мужей, «благородных не по рождению, но по знанию». Проанализировав результаты научно-исследовательской деятельности университетов первого поколения и их роль в формировании «экономики знаний» авторы приходят к выводу об условности деления университетов на «обучающие», «исследовательские» и «предпринимательские». Организационные и педагогические практики университетов первого поколения могут вполне успешно применяться для эффективного управления современными вузами, в особенности – негосударственными.

Ключевые слова: университеты первого поколения, академические свободы, интеллектуальная элита, исследовательская деятельность, экономика знаний, управление вузом, конкурентоспособность.

TARAKANOV Alexander Valerievich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Rector of ChU VO "IGA"

ORLOV Vitaly Vladimirovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Social,
Humanitarian and Natural Sciences,
ChU HE "IGA"

TATOCHEENKO Alexander Lvovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
of the Department of Social humanitarian and natural
sciences disciplines ChU VO "IGA"

FIRST GENERATION UNIVERSITIES: HISTORY AND MODERNITY

Annotation. *This article examines the experience of first-generation universities in medieval Europe, which were not the first higher education institutions; similar training programs were offered by universities in ancient Greece, Rome, China, and India. The mandatory completion of a comprehensive set of humanities, natural sciences, and exact sciences in the “junior” liberal arts department before studying specialized disciplines in the “senior” faculties (law, theology, or medicine) ensured university graduates comprehensive professional training. This approach resulted in the formation of an intellectual elite of society—scholars “noble not by birth, but by knowledge.” Having analyzed the research results of first-generation universities and their role in shaping the “knowledge economy,” the authors conclude that the division of universities into “teaching,” “research,” and “entrepreneurial” is arbitrary. The organizational and pedagogical practices of first-generation universities can be successfully applied to the effective management of modern universities, particularly private ones.*

Key words: *first-generation universities, academic freedom, intellectual elite, research activity, knowledge economy, university management, competitiveness.*

Введение. В современном обществе изменения протекают с нарастающей скоростью, это относится и к сфере высшего образования. Так, если эпоха обучающих университетов (U1.0) продлилась 6 столетий (XIII-XVIII вв.), исследовательских (U2.0) – менее 2-х столетий (XIX-XX вв.), то предпринимательские университеты (U3.0), вышедшие на историческую сцену в последней четверти XX в., в настоящее время активно трансформируются в университеты 4-го поколения (U4.0) – инновационные, цифровые, глобальные. Происходящие трансформации в высшей школе требуют адекватного осмысления и оценки. Представляет научный интерес изучение наследия университетов первого поколения – колыбели европейского высшего образования в контексте перехода от U1.0 к U3.0.

Основные задачи исследования:

- 1) уточнение характерных особенностей университетов первого поколения и проверка проявления данных особенностей в вузах исторических эпох, предшествовавших Средневековью;
- 2) анализ отличий между университетами U1.0 и U2.0 по признаку научно-исследовательской деятельности и между университетами U1.0 и U3.0 по признаку экономической деятельности;
- 3) выявление педагогических, методических и организационных подходов, эффективно применявшихся университетами U1.0, сохраняющих актуальность в аспекте управления современным вузом.

Результаты исследования. Университетами первого поколения принято считать высшие учебные заведения средневековой Европы. До их появления образовательные учреждения существовали в виде церковных школ – приходских, монастырских и кафедральных, а также светских – гильдейских, муниципальных и частных городских. На рубеже XI-XII вв. начался процесс упоря-

дочения деятельности кафедральных школ в соответствии с указом Папы Григория VII (1079 г.). Следствием этого стала трансформация учебных заведений при епископских кафедрах в крупных городах в первые европейские университеты. Ранее всего они начали деятельность в Италии (Болонья, 1088 г.), Англии (Оксфорд, 1096 г.) и Франции (Париж, 1150 г.). Затем процесс создания вузов продолжился в последующих веках и охватил практически все европейские страны: Испанию (Саламанка, 1218 г.), Португалию (Коимбра, 1290 г.), Чехию (Прага, 1348 г.), Польшу (Краков, 1364 г.), Венгрию (Печ, 1367 г.), Германию (Гейдельберг, 1386 г.) и др. К началу XV в. на европейском континенте насчитывалось около 60 университетов, а к концу столетия их число достигло 86 [5, с. 36-48].

Как правило, университеты U1.0 имели 4 факультета – артистический, юридический, богословский и медицинский. В XII-XIII вв. преподавателей называли магистрами, а обучающихся – школярами (от лат. *schola* – школа), студентами их стали называть позднее. На артистическом факультете изучали семь «свободных искусств»: грамматику, логику и риторику (тривиум), а также арифметику, геометрию, астрономию и музыку (квадривиум). На латыни тривиум означает перекресток трех, а квадривиум – четырех дорог соответственно. Тривиум в Средневековье был общим названием гуманитарных, а квадривиум – точных наук, при этом музыка в нем изучалась не с точки зрения красивой последовательности звуков, но как математический инструмент создания гармонии. Дополнительно изучались философия Аристотеля (физика, метафизика и философия морали), а также логика. После прохождения курса тривиума и сдачи экзамена обучаемые получали степень бакалавра искусств, а после квадривиума – магистра. Особое значение придавалось овладению логикой, без которой полноценное освоение всех прочих дисциплин счита-

лось невозможным. В ряде университетов (Париж, Оксфорд и др.) факультет искусств считался базовым (подготовительным), поступление на «старшие» (высшие) факультеты было возможно только после его окончания. Студенты-теологи изучали догматику, литургику, церковную историю, Священное писание, святоотеческое наследие и др., юристы - римское и каноническое право, медики - анатомию и фармацею, а также труды Гиппократы, Авиценны, Галена и др.

Сроки обучения в университетах первого поколения были значительными – в среднем от 6 до 16 лет в зависимости от направления подготовки. Так, степень бакалавра искусств в некоторых университетах студент мог получить за 2 года. Для продолжения образования он должен был в течение 2-х лет ассистировать магистру, после чего получал статус лиценциата (лат. *licentio docendi* - право на преподавание). Полный курс обучения на магистра искусств занимал 5-7 лет, при этом степень не могли получить лица моложе 21 года. На медицинском факультете минимальный срок обучения составлял 5 лет плюс 1 год практики (Салерно), а на теологическом - 8 лет (Париж), в среднем же обучение на «старших» факультетах занимало 7-8 лет, после чего выпускники получали степень доктора. С учетом предварительного обучения на факультете искусств подготовка доктора права, медицины или богословия занимала не менее 12-14 лет, но могла продлиться и 20 лет. Если учитывать, что средняя продолжительность жизни в Европе в XIV в. составляла около 40 лет, то пословица «Век живи – век учись» очень точно отражала реалии времени. Студенты глубоко погружались в учебный процесс, занимавший практически весь день: ординарные (обязательные) лекции читались от рассвета и до 9 часов утра, экстраординарные (дополнительные) - с 6 до 10 часов вечера, время между ними заполнялось диспутами. Обучение - исключительно очное, ни очно-заочная, ни заочная, ни тем более дистанционная форма не применялись, поскольку наилучшее усвоение учебного материала обеспечивают аудиторные занятия [13, с. 99-103].

Во всех университетах Европы, имевших практически одинаковый набор факультетов, преподавание велось на латыни (в условиях современности ее заменил английский язык), форма занятий также была унифицирована - лекция и диспут (у медиков – еще и практические занятия). Это позволяло школярам свободно перемещаться из одного университета в другой, нередко – вслед за популярным профессором. Предоставление такой возможности студентам отечественных вузов было одной из целей вхождения России в Болонский процесс, однако на практике ее достижение оказалось нереалистичным. Смена

страны не создавала дискомфорта – в каждом университете формировались землячества, объединявшие студентов по национальному признаку. Так, по 4 землячества насчитывали университеты Парижа (французское, нормандское, пикардийское и английское) и Лейпцига (мейссенское, саксонское, франкское и польское). Студенты Болонского университета делились на цитрамонтанов (*citramontanes* - итальянцев) и ультрамонтанов (*ultramontanes* - иностранцев, прибывших из-за Альп). Фактически их обучение вели 2 самостоятельных университета – Цизальпийский и Трансальпийский (*Cisalpine* и *Transalpine*), насчитывавших 18 и 17 земляществ соответственно [6, с. 81-93].

Организационная структура университетов U1.0 отличалась от современной незначительно. Поскольку университеты сформировались из кафедральных школ, первоначально полнотой власти в них обладал канцлер, назначаемый епископом из числа клириков. Однако со временем должность канцлера становится выборной. Так Оксфордский университет с 1214 г. управлялся канцлером, избираемым на непродолжительный срок, и лишь с XV в. избрание стало пожизненным. В тех случаях, когда канцлер оставался назначаемой фигурой, его полномочия постепенно ограничивались, сводясь в итоге к функции посредника между университетом и церковной властью. Реально же управление университетом осуществлял ректор, избиравшийся из профессоров университета. Процедура выборов могла быть различной: чаще всего землячества избирали по одному представителю от каждой «нации». В свою очередь, представители выбирали 5 выборщиков, решавших вопрос о кандидатуре ректора (Париж). Однако ректор мог избираться и управляющим сенатом университета (Фрейбург, Тюбинген, Виттенберг), и даже общим собранием с голосованием по факультетам (Ингольштадт) - [16, с. 224-238]. Также ректор мог избираться главами студенческих «наций» (прокураторами) и руководством факультетов (деканами). Наиболее демократичной была процедура в Болонском университете - ректоров Цизальпины и Трансальпины избирали сами студенты. Землячества цитрамонтанов и ультрамонтанов выдвигали своих кандидатов, вели агитацию и проводили выборы путем голосования.

Требования к потенциальному ректору во всех европейских университетах были едины: кандидат должен быть не моложе 25 лет, холост, посвящен в клирики (но не в монашество) и вести добродетельную жизнь [3, с. 6-14]. Выбирали ректора первоначально на срок до трех месяцев, позднее срок пребывания в должности был продлен до 1-2 лет. При этом в ряде университетов

действовало правило, что однажды избранный ректор мог заступить на должность повторно лишь после 3-х летнего перерыва (Париж). При ректоре формировался совещательный орган - совет университета. Его члены (советники) избирались школярскими землячествами («нациями»), впоследствии их полномочия перешли к профессорам. В Парижском университете советники в количестве 16 человек назначались ректором из списка кандидатов, предложенных землячествами. Все важнейшие проблемы деятельности университета обсуждались на заседаниях совета. Поправки и дополнения в статут (устав) университета могли вноситься строго после рассмотрения компетентными по профилю предлагаемых изменений советниками и последующего обсуждения и утверждения советом.

Во главе факультетов стояли деканы, в их избирании участвовали только факультетские магистры, процедура избрания – открытое голосование, срок избрания – 1-2 года. Статус декана в факультетской иерархии разных университетов мог различаться. Так, в Париже новоизбранный декан приносил клятву верности старейшему из магистров (докторов), а в Праге магистры присягали декану [2, с.142-147]. Декан занимался администрированием и организацией учебного процесса, его помощником являлся нунций факультета (от лат. *nuntius* – вестник), доводивший решения декана до сведения всех преподавателей. Кроме того, в обязанности нунция входил контроль над процедурой избрания декана факультета. Как и при ректоре, при декане формировался совет - совещательный орган факультетского уровня. Обычно в его состав входили все магистры (на факультете искусств) или доктора (на «старших» факультетах). Также на факультетах имелись кафедры (от греч. *καθῆδρα* – место заседания), но в отличие от современных, они не являлись структурными подразделениями, а обозначали единицу финансирования, сохраняя это значение вплоть до XIX в. Так, в Парижском университете XIII в. теологию преподавали монахи различных орденов - цистерцианцы, премонстранты, тринитарии, братья проповедники (доминиканцы), меньшие братья (францисканцы). При этом каждый орден занимал собственную кафедру [8, с.31-48]. В современном представлении об организационной структуре университета все эти кафедры были бы объединены в общее структурное подразделение. Характерно, что представители двух первых орденов вели затворнический образ жизни, а остальных были странствующими проповедниками, посещавшими многие страны, причем не только европейские. Так, в XIII в. францисканцы имели миссии в Палестине, Монголии, Китае и пр. Таким образом, при преподавании богословских дисциплин гармонично сочетались аскетический опыт анахоретов и широта представлений странников о внешнем мире. В современных условиях процент привлеченных к преподаванию профессоров-иностранцев является важным критерием конкурентоспособности университета и существенно влияет на позицию, занимаемую вузом в авторитетных мировых рейтингах [17, с.1-282].

Университеты первого поколения: общее и особенное в историческом контексте развития высшей школы. Термин «университеты первого поколения» может восприниматься как косвенное указание на то, что до средневековой Европы подобные структуры в образовательной практике не встречались. Проверить это утверждение можно, рассмотрев высшие учебные заведения предшествующих исторических эпох. Наиболее известные из них представлены в табл.1, материалы которого позволяют сделать следующие выводы.

Университеты первого поколения: общее и особенное в историческом контексте развития высшей школы. Термин «университеты первого поколения» может восприниматься как косвенное указание на то, что до средневековой Европы подобные структуры в образовательной практике не встречались. Проверить это утверждение можно, рассмотрев высшие учебные заведения предшествующих исторических эпох. Наиболее известные из них представлены в табл.1, материалы которого позволяют сделать следующие выводы.

1. Программа обучения университетов первого поколения практически идентична применявшейся в учебных заведениях Древней Греции, Рима и Византии. Это закономерно, т.к. учебный процесс средневековых университетов строился в основном на классическом наследии ученых античности. Труды Аристотеля использовались при изучении философии, логики и физики, Птолемея и Евклида – математики и астрономии, Гиппократа и Галена - медицины и пр.
2. Программы высших школ Индии и Китая существенно шире: в дополнение к стандартному набору гуманитарных, естественных и точных наук они включают такие дисциплины как психология, государственное администрирование, экономика и пр. Тому есть объективные причины: население Китая в эпоху империи Хань (202 г. до н.э. - 220 г. н.э.) достигало 60 млн. чел. и проживало в 13 провинциях. Для сравнения: в то же время население Греции (материковой и островной) составляло 4,5-5 млн. чел., что примерно соответствует лишь одной китайской провинции. Очевидно, задача подготовки квалифицированных администраторов в Китае была очень актуальна и решалась в академиях Хундунмэньсюэ и Тайсюэ. Для культуры Индии характерно большее стремление к духовному, нежели к материальному, поэтому в программе высших учебных заведений изучались психология (Тантра), гносеология (Веды), искусство и пр.
3. На первый взгляд, иудейские высшие школы имели исключительно религиозный характер, и преподавались в них только богослов-

ские дисциплины. Однако при этом необходимо иметь в виду, что жизнь Избранного народа на протяжении всей его истории строилась на основе заповедей Торы, число которых доходило до 613: 248 предписательных – «делай» (по числу органов человеческого тела) и 365 запретительных – «не делай» (по числу дней в году). В комплексе они представляли собой развернутое руководство в сфере философии, нравственности, медицины, юриспруденции, экономики, социологии, политики и пр. Эта традиция сохранилась и в современности: после Второй мировой войны и Холокоста теолог и философ Э. Факенхайм (1916-2003 гг.) сформулировал 614-ю заповедь – «Не даровать посмертных побед Гитлеру». Комментарии к Торе наряду с рекомендациями нравственного и правового характера содержат также сведения из естественных и точных наук (о движении небесных тел, о порядке сельскохозяйственных работ, о системе мер и весов и пр.). Поэтому можно утверждать, что иудейские религиозные школы, работавшие как в Палестине, так и в рассеянии (Вавилония) вполне соответствовали уровню высших учебных заведений своего времени.

4. Разнообразие названий рассмотренных учебных заведений (школы, академии, университеты, коллегии и пр.) не являются признаком существенных различий в их организационной структуре и базовых принципах функционирования, а лишь следствием терминологической неопределенности в историографических трудах. Цель же всех перечисленных школ – подготовка интеллектуальной элиты, способной решать наиболее важные проблемы социума.

За счет формирования интеллектуальной элиты университеты первого поколения играли роль мощных «социальных лифтов» своего времени. В Средневековье благородные сословия (нобилитет) пользовались рядом привилегий: освобождались от уплаты налогов и телесных наказаний, имели право носить оружие, могли участвовать в управлении государством и пр. Традиционно к нобилитету относились дворянство и духовенство, при этом первое сословие характеризовалось «благородством по рождению», имевшим наследственный характер. Формально на духовенство «благородство по рождению» не распространялось, однако в священный сан посвящались чаще всего дети клириков благодаря большим возможностям получения необходимого образования. Кроме того, обычной стала практика передачи по наследству не только профессии служителя культа, но также и места служения, т.е.

церковного прихода. Для пресечения этого явления Папа Римский Григорий VII в 1074 г. установил безбрачие католического духовенства. Однако традиция сохранения за привилегированными семействами высоких церковных должностей сохранялась еще долго. Так, семья Ришелье владела правом на епископскую кафедру Люсона. С нее начинал в 1608 г. свою карьеру Первый министр при дворе Людовика XIII и фактический правитель Франции Арман Жан дю Плесси (герцог де Ришелье).

Как альтернатива родовой аристократии, в средневековых университетах формировался «нобилитет интеллекта» из людей благородных не по рождению, а по образованию и знаниям. Согласно представлениям того времени, магистры являлись людьми «благородными вдвойне», т.е. почитавшимися как светской, так и церковной властью. Церемония получения степени магистра предусматривала совершение символического омовения как и при посвящении в рыцари. Магистры освобождались от уплаты налогов, студенты – от несения военной службы [6, с.81-93]. Однако предпосылки формирования интеллектуальной элиты в университетах первого поколения и в античных высших школах кардинально отличались, поскольку последние создавались по указу императора и предназначались для обслуживания верховной власти и чиновничьего аппарата. Так, инициатором создания Афинской школы философии был Марк Аврелий, Магнавской высшей школы в Константинополе – Феодосий II, академии Тайсюэ – Хань Хань Гаоди и т.д. Напротив, университеты средневековой Европы появлялись в городах как одна из социально-необходимых и свободных форм, необходимых для обеспечения полноценной жизни муниципальных коммун [8, с.31-48].

Другой особенностью университетов первого поколения был цеховой принцип иерархии в них как естественное следствие формирования в городской среде. В жизни городских коммун средневековой Европы важную роль играли профессиональные объединения ремесленников – цеха. Они стали формироваться в Италии в IX-X вв., во Франции – в XI в., в Германии и Англии – в XII-XIII вв. В итоге, к XIV веку цеховые структуры достигли высшей точки развития и выполняли множество функций. Они защищали права и интересы своих членов (включая социальную защиту), регулировали производство (устанавливали стандарты качества, объемы выпуска, цены и пр.), вели профессиональное обучение, участвовали в городском самоуправлении, формировали военное ополчение, в мирное время занимавшееся поддержанием правопорядка и пр. Цеха занимали целые микрорайоны в городской застройке, о чем

свидетельствуют сохранившиеся до наших дней топонимы: площадь Ювелиров в Сантьяго-де-Компостела, квартал Ткачей в Париже, улица Оружейников в Милане, улица Скорняков в Лондоне и пр. Сообразно духу времени университеты представляли собой профессиональные объединения (цеха) ученых, имевших соответствующую иерархию: мастера - магистры, подмастерья - бакалавры и ученики - школяры. Цеховая иерархия распространялась и на факультеты - факультет свободных искусств считался «младшим» или подготовительным, поступление на «старшие» факультеты (медицинский, богословский и юридический) было возможно лишь после успешного его окончания [16, с. 224-238].

Научно-исследовательская деятельность университетов первого поколения. Принято считать университеты U1.0 «обучающими», а U2.0 - «исследовательскими». При этом подразумевается, что первые занимались исключительно передачей знания от учителя к ученику, а вторые - генерировали новые знания за счет совместной исследовательской работы профессоров и студентов. По мнению авторов, такой подход не вполне корректен. Бесспорно, средневековые университеты строили свои программы обучения в основном на классическом наследии античной науки, однако в них активно велись научные исследования [14, с. 143-147], в т.ч. и с привлечением студентов [12, с. 23-28]. В таблице 2 представлены лишь некоторые из значительных открытий в естественных и точных науках, сделанных в университетах первого поколения. Достижения в сфере теологии не приводятся в силу того, что РФ является светским государством, в котором сфера образования и религия разделены. Для более корректной оценки ситуации временной интервал ограничен рубежом XVI-XVII вв., т.к. уже к началу XVIII столетия в Европе начало активно развиваться индустриальное производство, послужившее стимулом к появлению U2.0. Поэтому авторами не включены в таблицу великие открытия Декарта, Ньютона, Лейбница, Гюйгенса, Бойля и пр.

Табличные материалы свидетельствуют о следующем:

1. На всем рассматриваемом временном интервале и практически во всех странах Западной Европы профессурой университетов совершались значимые научные открытия. Они охватывали самые различные области науки (медицина, физика, химия, математика, астрономия и пр.) и обеспечили на этих направлениях прорывы в области как фундаментального знания (представления об устройстве мира), так и прикладного (техника, технологии).
2. Результаты научных исследований послужили «точками роста» знания, иногда значительно опережая свое время. Так, Бэкон на основе своих оптических опытов создал концепцию телескопа, а реализовать его идею на практике смог Галилей спустя 300 лет. Коперник обосновал теорию всемирного тяготения, а аналитически описал соответствующий закон Ньютон через 200 лет. Открытая XIII в. последовательность Фибоначчи используется в современной криптографии для генерации псевдослучайных чисел и т.д. С другой стороны, теория треугольников и сферическая геометрия Региомонтана, а также его таблицы положения звезд быстро нашли практическое применение в мореходной астрономии. Его разработками для определения широты и долготы своего положения на море пользовались Бартоломеу Диаш, Васко да Гама, Христофор Колумб, Америго Веспуччи и другие герои эпохи Великих географических открытий.
3. Профессора того времени не ограничивались получением образования в одной научной школе, как правило, они заканчивали 2-3 университета в разных странах, а Коперник - даже 4. Такой подход существенно расширял круг научных представлений ученых. Аналогичная картина наблюдается и относительно преподавания - на протяжении профессиональной карьеры профессора работали в нескольких университетах и странах. Тем самым обеспечивалось разносторонность образования, получаемого студентами.
4. Университеты предъявляли очень высокие требования к уровню образования своих преподавателей. Так, знаменитый математик Виет работал как частный репетитор Катрин де Партене, у отца которой он состоял личным секретарем. Преподавать в университете ученый не мог, т.к. свое образование завершил получением степени бакалавра. Выше говорилось о том, что лицензию на право преподавания получали лиценциаты, а в аудиторию к студентам допускались лишь магистры и доктора.
5. Профессора эпохи U1.0 были универсальными учеными, компетентными в самых разных областях знания. Так, Бэкон известен в основном своими естественнонаучными открытиями, но высшей формой знания признавал теологию, считая необходимым освободить ее от схоластических представлений и опираться на данные Библии, тщательно изучая особенности языка первоисточников.

Коперник обучался свободным искусствам в Кракове, медицине – в Падуе, юриспруденции – в Болонье и Ферраре, где и получил степень доктора канонического права. Галилей начинал образование как медик, но позднее увлекся математикой и астрономией. Эта универсальность – следствие того, что теологи, юристы и медики прежде изучения специальных предметов получали серьезные познания по гуманитарным, естественнонаучным и точным дисциплинам на факультете свободных искусств. Гносеология того времени постулировала, что изучение метафизики позволяет познать природу вещей, после чего узкоспециализированные знания могут быть получены на основе представлений о целостной картине мира. В настоящее время сложно представить себе выпускника юридического, медицинского или философского факультета университета 3-го поколения, имеющего глубокие знания по физике, математике, географии, астрономии и пр., а жаль – широта кругозора облегчает решение сложных профессиональных задач [10, с.73-80].

Экономические аспекты деятельности университетов первого поколения. Вопрос совершенствования оплаты труда преподавателей, остро стоящий в современной высшей школе [15, с.531-538], был актуален и для университетов Средневековья. Механизм формирования фонда зарплаты в эпоху У1.0. был смешанным, поскольку профессор получали жалование как от светской и церковной власти, так и за счет платы, взимаемой со школяров. Так, в начале XV в. курсы метафизики и физики студенты Болонского университета могли прослушать за 25 болонских солидов (сольдо), метеорологии – за 15 сольдо, логики – за 15-20 сольдо т.д. Некоторые дисциплины могли стоить существенно дороже, например, курс «О животных» оценивался в 40 сольдо. Статутом университета не допускалось повторное взимание платы за обучение по одному и тому же предмету [2, с. 142-147]. Платные образовательные услуги не являются изобретением новейшего времени, их стоимость зависит от престижности вуза, говоря современным языком – от его позиции в университетском рейтинге. Однако порочная практика навязывания студентам дополнительных образовательных услуг (столь популярных в наше время ДОПов) пресекалась руководством университета. Если профессор не мог довести содержание дисциплины до школяров с первого прочтения лекционного курса, он «наказывался рублем», или вернее сольдо. Этот подход, практиковавшийся в «темном средневековье» неплохо

было бы практиковать и в «просвещенном постиндустриальном обществе», поскольку масштабы ДОПов в некоторых современных вузах просто неприличны [17, с.1-282].

Корректно сопоставить стоимость обучения XV в. в университете Болоньи и в вузах России в XXI в. затруднительно, однако в первом приближении можно исходить из того, что на один сольдо в Италии то время можно было приобрести один фунт говядины либо сливочного масла. В текущих отечественных потребительских ценах это соответствует примерно 300 рублям. Таким образом, границы стоимости одного лекционного курса (15-40 сольдо) лежат в пределах 4,5-12 тыс. руб. (в среднем порядка 8 тыс. руб.). Некоторое представление об общем числе лекционных курсов дает учебный план Болонского университета 1405 г. Студенты факультета «свободных искусств» на первом году обучения прослушивали лекции по «Физике» Аристотеля, а также по его трудам «О возникновении и уничтожении», «О сне и бодрствовании». Вместе с ними изучались «Физиогномия» Псевдоаристотеля, «Алгоритм» (арифметика) и «Геометрия» Евклида, астрономические таблицы Кастильского короля Альфонса Мудрого и теория планет. На втором году студенты продолжали изучать труды Аристотеля – «О дыхании», «О небе», «Метеорология», «Об ощущении и ощущаемом», а также Аверроэса – «О субстанции мира», «О памяти и воспоминании», «О дыхании». В рамках курса астрономии школяры продолжали знакомство с трудами Евклида, а также с «Трактатом о сферах Вселенной» Джона Голливуда и с «Правилами» Иоанна Линерия по работе с астрономическими таблицами. На третьем году изучались труды Аристотеля «Метафизика», «О душе», «Книга I» и «Книга II». Кроме того, читались лекции по «Введению в астрологию» Алькабитнуса, математическим трактатам «Сентилохиум» и «Тетрабиблос» Птолемея, «О бесплодности не видимого» Уильяма из Англии, а также по трудам Евклида [9, с.103-115]. Итого на первом году обучения – 8 лекционных курсов, на втором – 11 и на третьем – 9, всего 28 курсов, причем список может быть неполным. Заметим, что современные планы подготовки бакалавров предусматривают изучение примерно 10 предметов в год [17, с.1-282], что очень близко к показателю Болонского университета. При этих условиях оценка годовой стоимости обучения составит около 80 тыс. руб. в реалиях настоящего, причем данная сумма учитывает только плату за лекции. С учетом практических занятий и промежуточной аттестации она может увеличиться вдвое, т.е. до 160 тыс. руб. Для справки: средняя годовая стоимость обучения по очной форме в

отечественных вузах в 2025 г. составляла 200,8 тыс. руб. [19], т.е. показатель для России и Больни имеет примерно одинаковый порядок величины.

Корректно ли противопоставление университетов U1.0 и U3.0 как «обучающих» и «предпринимательских». Считается, что последние активно формируют инновационную «экономику знаний», обеспечивающую оперативную трансформацию результатов совместной работы профессуры и студентов в реальные бизнес-проекты. Анализ деятельности университетов первого поколения показывает, что новые знания, генерируемые в процессе научных исследований, очень быстро применялись в экономике и давали потрясающий финансовый результат. Известна активная роль в коммерческих отношениях с Востоком средиземноморских республик: Генуя и Венеция со времен Первого крестового похода (конец XI в.) экспортировали в Европу хлопок, шелк, специи, пряности, рис, сахар, кофе и пр. Дальние и длительные торговые экспедиции требовали значительных денежных средств и подвергались многочисленным рискам (кораблекрушение, пиратство, порча товара и пр.). Обеспечением морской торговли в Италии занимались банкирские дома Барди и Перуцци, Медичи, Фрескобальди и др. Хотя первый полноценный банк (Casa di San Giorgio) начал работать в Генуе в 1407 г., соответствующие финансовые операции активно осуществлялись как минимум за два столетия до этой даты. Финансисты обеспечивали купцов ссудами, при этом осуществлялось страхование сделок с учетом возможных рисков. Во избежание перевозки на дальние расстояния крупных партий золота наличность заменялась ценными бумагами – векселями. Проводились операции конвертации валюты, для упрощения расчетов в условиях, когда каждое герцогство чеканило собственные деньги, была введена условная денежная единица – «банковская монета» и пр. [7, с.95-97].

Все эти меры стали возможны в результате достижений в финансовой математике: получения формул сложных процентов, вычисления дробей и радикалов, расчета страховых сумм на покрытие рисков, бухгалтерской методологии ведения двойного учета «приход-расход» и т.д. Еще большие экономические последствия имели открытия в области тригонометрии и сферической геометрии, а также составление точных таблиц положения звезд и планет на небесной сфере. Они позволили точно определять координаты судов в открытом океане, прокладывать маршруты на дальние расстояния и составлять географические карты. Следствием успехов в картографии стала эпоха Великих географических открытий, сделавшая торговлю глобальной и принеся Европе нес-

метные богатства. Так, затраты на экспедицию Васко да Гамы в Индию (1497-1498) за счет доставленных в Европу пряностей окупались в 60-кратном размере. Даже провальная кругосветная экспедиция Магеллана (1519-1522 гг.), в которой было потеряно 4 из 5 кораблей и 87% экипажей, за счет доставленных заморских товаров (камфоры, корицы, жемчуга и др.) принесла прибыль в 4%. В середине XVI в. в Испанию доставлялось ежегодно до 300 тонн золота и серебра с американских рудников. Страна стала богатейшей империей мира, но не смогла правильно использовать открывшееся окно возможностей. Заметим, что ведущая роль в географических открытиях XV-XVI вв. принадлежит испанским и португальским мореплавателям. На их родине действовали многочисленные университеты: в Алькала-де-Энаресе, Валенсии, Вальядолиде, Паленсии, Саламанке, Сантьяго-де-Компостела (Испания), Коимбре (Португалия). Многие капитаны дальних экспедиций (Христофор Колумб, Бартоломеу Диаш и др.) имели университетское образование. Нельзя отрицать, что хотя университеты U1.0 не являлись «предпринимательскими», результаты их образовательной и научно-исследовательской деятельности давали быстрый и ощутимый коммерческий результат, т.е. «экономика знаний» появилась на исторической сцене задолго до эпохи U3.0.

Выводы. Университеты первого поколения наряду с учебной деятельностью активно занимались научно-исследовательской работой, результаты которой успешно монетизировались. В свете этого представляется условным деление поколений вузов на обучающие, исследовательские и предпринимательские. В категориях современности деятельность университетов первого поколения вполне соответствует критериям ведущего отечественного рейтинга «Три миссии университета» (качество образования, уровень научной работы, вклад в жизнь общества) [20]. Как центры формирования интеллектуальной элиты социума эти университеты могут служить примером современным вузам в части реализации академических свобод, логичной и последовательной организации учебного процесса, всесторонней подготовки специалистов, инициатив в проведении научных исследований и пр. Опыт университетов первого поколения, не утративший актуальности до настоящего времени, может быть использован в практике управления современными вузами.

Список литературы:

- [1] Акрамова Ш.М. Из истории образования в Китае // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social sciences*. 2023. Volume 3. Special Issue 21.

- [2] Башмакова Е.В., Гусева М.А. Средневековые университеты Европы: отдельные аспекты жизни // *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2023. № 3 (44).
- [3] Васильева Ю.С. Организационная структура университетов Европы XIII-XIV вв. // *Мир педагогики и психологии*. 2019. № 6 (35).
- [4] Десницкая Е.А. Образовательные практики в городах Древней Индии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. Т.37. Вып.3.
- [5] Джуринский А. Н. Зарождение высшего образования в Средневековом мире (научный обзор) // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2020. Т. 1, № 4 (69).
- [6] Душин О.Э. Средневековые университеты: формирование интеллектуальной элиты // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. 2015. № 1 (6).
- [7] Зурабян А.А. Банковское дело во Флоренции в XV-XVI веках // *«Международный журнал гуманитарных и естественных наук»*. 2024. № 5-6 (92).
- [8] Клецов А.А. Францисканцы и становление Парижского университета // *Парадигма: философско-культурологический альманах*. 2017. № 26.
- [9] Митрофанов В. П. Учебный процесс в средневековых университетах (на материалах Парижского, Болонского и Пражского университетов) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2024. № 2.
- [10] Орлов В.В., Тараканов А.В., Таточенко А.Л. Частные вузы России: этапы, проблемы и перспективы развития // *История и современное мировоззрение*. 2025. Т. 7. № 1.
- [11] Перфилова Т.Б.. «Университеты» Римской империи (историографические и методологические аспекты проблемы) // *Ярославский педагогический вестник*. 2003. № 3(36).
- [12] Погребняк Н.Н. Становление и развитие научно-исследовательской деятельности студентов в средневековом университете (XII–XVII вв.) // *Казанский педагогический журнал*. 2020. №5.
- [13] Позднякова А.И. К вопросу об эффективности восприятия учебной информации в рамках дистанционного формата обучения студентов // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 4-3 (106).
- [14] Сабирова Ф.М. Вклад средневековых университетов в развитие науки // *Наука и школа*. 2010. № 4.
- [15] Скрынченко Б.Л. Необходимость дальнейшего совершенствования оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов Российской Федерации // *Образование и право*. 2024. № 5.
- [16] Суворов Н. Устройство средневековых университетов // *Развитие личности*. 2007. № 3.
- [17] Высшее образование в России: основные этапы и перспективы развития: монография / А.В. Тараканов, В.В. Орлов, А.Л. Таточенко и др.; под ред. В.В. Орлова. Москва: Юстицинформ, 2024. 282 с.
- [18] Хецер К. Образование в Римской Палестине: Часть 4. Высшее образование среди евреев в Палестине // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2019. № 55.
- [19] Средняя стоимость обучения в вузах России 2025. Размещено на информационном портале «Абитуриент» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tabiturient.ru/vuzcost/> (дата обращения – 19.06.2025)
- [20] Рейтинг «Три миссии университета» - официальный сайт [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mosiur.org/ranking/?ysclid=mc3foj8wec260060315> (дата обращения – 19.06.2025)

References:

- [1] Акрамова Ш.М. Из истории образования в Китае // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social sciences*. 2023. Volume 3. Special Issue 21.
- [2] Bashmakova E.V., Guseva M.A. Medieval universities in Europe: certain aspects of life//*Agrarian Bulletin of the Upper Volga Region*. 2023. № 3 (44).
- [3] Vasilieva Yu.S. The organizational structure of European universities of the XIII-XIV centuries // *World of pedagogy and psychology*. 2019. № 6 (35).
- [4] Desnitskaya E.A. Educational practices in the cities of Ancient India//*Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2021. T.37. Issue 3.
- [5] Dzhurinsky A.N. The origin of higher education in the Medieval world (scientific review)//*Domestic and foreign pedagogy*. 2020. Т. 1, NO. 4 (69).
- [6] Dushin O.E. Medieval universities: the formation of the intellectual elite//*Philosophical education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments*. 2015. № 1 (6).
- [7] Zurabyan A.A., Banking in Florence in the XV-XVI centuries//” *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. “ 2024. № 5-6 (92).
- [8] Klestov A.A. Franciscans and the formation of the University of Paris//*Paradigm: philosophical and cultural almanac*. 2017. № 26.
- [9] Mitrofanov V.P. Educational process in medieval universities (based on materials from Paris,

Bologna and Prague universities)//News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2024. № 2.

[10] Orlov V.V., Tarakanov A.V., Tatochenko A.L. Private universities of Russia: stages, problems and development prospects//History and modern world-view. 2025. VOL. 7. № 1.

[11] Perfilova T.B. "Universities" of the Roman Empire (historiographic and methodological aspects of the problem)//Yaroslavl Pedagogical Bulletin 2003. № 3(36).

[12] Pogrebnyak N.N. The formation and development of research activities of students in a medieval university (XII-XVII centuries)//Kazan Pedagogical Journal. 2020. №5.

[13] Pozdnyakova A.I. On the issue of the effectiveness of the perception of educational information in the framework of the distance learning format for students//International Research Journal. 2021. № 4-3 (106).

[14] Sabirova FM. Contribution of medieval universities to the development of science//Science and school. 2010. № 4.

[15] Skrynchenko B.L. The need to further improve the remuneration of the teaching staff of universities in the Russian Federation//Education and law. 2024. № 5.

[16] Suvorov N. The device of medieval universities//Personality development. 2007. № 3.

[17] Higher education in Russia: main stages and development prospects: monograph/A.V. Tarakanov, V.V. Orlov, A.L. Tatochenko and others; ed. V.V. Orlova. Moscow: Justicinform, 2024. 282 pp.

[18] Hetzer K. Education in Roman Palestine: Part 4. Higher education among Jews in Palestine// Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2019. № 55.

[19] The average cost of education in Russian universities is 2025. Posted on the information portal "Applicant" [electronic resource]. Access mode: <https://tabiturient.ru/vuzcost/> (access date - 19.06.2025)

[20] Rating "Three missions of the university" - the official website [electronic resource]. Access mode: <https://mosiur.org/ranking/?ysclid=mc3foj8wec260060315> (access date - 19.06.2025)

См. таблицы 1 и 2 на страницах 574-575.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Таблица 1. Наиболее известные высшие учебные заведения, предшествовавшие университетам первого поколения

№ п/п	Учебное заведение	Страна	Время основания	Изучаемые дисциплины
1	Школа Исократы	Греция	393 г. до н.э.	Риторика, грамматика, история, литература, право, математика, этика, моральная философия
2	Академия Платона	Греция	387 г. до н.э.	Музыка, поэзия, математика, этика, диалектика, натурфилософия, метафизика, политика, физическая и военная подготовка
3	Школа Аттенеум	Рим	135 г. н.э.	Грамматика, риторика, философия, диалектика (логика), юриспруденция
4	Университет Аудиториум	Византия	425 г. н.э.	Грамматика (греческая и латинская), риторика, философия, математика, медицина, астрономия, богословие, история, этика, политика, юриспруденция, музыка
5	Явненская коллегия	Палестина	73 г. н.э.	Письменная Тора – Книги законоположительные (Моисеево Пятикнижие), исторические, учительные (книги мудрости), Устный Закон – практическое толкование Торы (Талмуд, Мишна, Гемара)
6	Сурская академия	Вавилония	225 г. н.э.	См. строку 5
7	Академия Пумбедита	Вавилония	297 г. н.э.	См. строку 5
8	Иешива Тивериады	Палестина	V в. н.э.	См. строку 5
9	Академия Хундуньсюэ	Китай	178 г. до н.э.	Комплекс дисциплин государственного управления
10	Академия Тайсюэ	Китай	124 г. до н.э.	Конфуцианское Пятикнижие (Книга перемен, Книга истории, Книга стихов и песен, Книга весны и осени, Книга этикета, церемоний и обрядов), литература, история
11	Академия Гоцзысюэ	Китай	276 г. н.э.	Математика, грамматика, каллиграфия, юриспруденция, философия (даосизм)
12	Университет Такшашила	Индия	VI в. до н.э.	Богословие, гносеология (Веды), грамматика, математика, философия, логика, астрономия, сельское хозяйство, медицина, политика, воинское искусство, торговля, музыка, театр, танец
13	Университет Пушпагири	Индия	III в. н.э.	Логика, философия (буддизм), священные тексты
14	Университет Одантапури	Индия	VIII в. н.э.	Богословие, философия (буддизм, джайнизм, индуизм), медицина
15	Университет Викрамашила.	Индия	VIII в. н.э.	Грамматика (санскрит), логика, философия, метафизика, психология (Тантра)

Составлено авторами с использованием материалов [1, с.557-563], [4, с.516-533], [11, с.1-10], [18, с. 72-93].

Таблица 2. Научные открытия, сделанные в университетах первого поколения (выборочно)

№ п/п	Наука	Ученый	Основные открытия	Где учился и преподавал
1	Математика	Леонардо Фибоначчи (1170-1250)	Позиционная система счисления, теория рядов, числа Фибоначчи, приближенные методы вычисления радикалов, отрицательные числа	Изучал математику у арабских учителей в Алжире и Египте. Преподавал в университете Неаполя
2	Физика, химия	Роджер Бэкон (1214-1292)	Лула и подзорная труба, телескоп (концепция). Объяснение работы глаза как оптической системы, явлений близорукости и дальновидности. Описание рецепта пороха	Обучался и преподавал в университетах Оксфорда и Парижа
3	Медицина, химия	Арнольд де Вилланова (1240-1311)	Составил «Салернский кодекс здоровья», разработал метод массажа мочевого пузыря, обосновал применение в медицинской практике солей ртути и цинка, изобрел перегонку спирта, лаковую бумагу	Обучался в университетах Парижа, Монпелье и Салерно. Преподавал в университете Монпелье
4	Математика, физика, музыка, экономика	Николай Орем (1320-1382)	Степени с дробными показателями, основы представлений о логарифмах, временные диаграммы для иллюстрации движения, равномерно темперированная музыкальная шкала (12 тонов в октаве), теория обращения денег	Учился и преподавал в Наваррской коллегии Парижского университета
5	Математика, астрономия	Регiomontan (1436-1476)	Теория треугольников, теорема синусов, теория квадратных уравнений, сферическая геометрия, метод расчета долготы и широты на море, точные таблицы синусов и тангенсов, таблицы координат звезд, слияний и затмений	Обучался в университетах Лейпцига и Вены. Преподавал в Венском университете
6	Финансовая математика	Лука Пачоли (1447-1517)	Разработка основ бухучета как самостоятельной науки, формулировка понятий «дебет» и «кредит», ведение двойной системы учетных записей «приход»-«расход», моделирование основных типовых задач бухучета на основах комбинаторики	Обучался в «университете культуры» Пьеро делла Франческа и в школе Риальто в Венеции. Преподавал в университете Перуджи
7	Астрономия	Николай Коперник (1473-1543)	Гелиоцентрическая система, гипотеза о всемирном тяготении, вычисление расстояний от планет до Солнца и периодов их обращений	Обучался в университетах Кракова, Болоньи, Падуи, Феррары. Преподавал в университетах Падуи, Болоньи и Кракова
8	Медицина, химия	Парацельс (1493-1541)	Исследование силикоза (болезни горняков), формулировка принципа подобия – основы современной гомеопатии. Создание химической теории функций организма и базиса современной фармакологии на основе объединения химии и медицины	Обучался в университетах Базеля, Вюрцбурга и Феррары. Преподавал в Базельском университете
9	Медицина	Андрей Везалий (1514-1564)	Исследовал и описал строение клапанов сердца, костей, суставов, мышц, кровеносной и периферической нервной систем, брюшной полости, лёгких, головного мозга и органов чувств человека. Создал анатомический атлас по результатам исследований.	Обучался в университетах Лёвена, Монпелье и Парижа. Преподавал в университетах Падуи, Болоньи и Пизы
10	Математика	Франсуа Виет (1540-1603)	Теория уравнений, теорема Виета, теорема косинусов, методы геометрического решения уравнений 3-й и 4-й степени	Обучался в университете Пуатье. К преподаванию в университетах не привлекался, т.к. имел только степень бакалавра
11	Астрономия, физика, математика	Галилео Галилей (1564-1642)	Слутники Юпитера, фазы Венеры, пятна на Солнце, законы движения падающих тел, теория колебаний маятника, концепция инерции, основы теории вероятностей. Изобретение телескопа, термометра, прибора для определения удельного веса тел	Обучался в Пизанском университете. Преподавал в университетах Пизы и Падуи

Составлено авторами на основании данных открытых интернет-источников.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-576-579

ТАШТИЕВ Ранис Ирекович,
старший преподаватель,
Казанский государственный энергетический университет,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
e-mail: mail@law-books.ru

АХМЕТШИН Айрат Фердинандович,
старший преподаватель,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯКБАРОВ Ринат Рафикович,
старший преподаватель,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
e-mail: mail@law-books.ru

ХУСНЕТДИНОВ Роберт Ильсурович,
старший преподаватель,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
e-mail: mail@law-books.ru

КИРЖАЦКИХ Елена Ринатовна,
Кандидат технических наук, доцент,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: Ranistashtiev@gmail.com

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ: РАБОТА С ТРЕВОЖНОСТЬЮ, ДЕПРЕССИЕЙ, PTSD ЧЕРЕЗ ДОЗИРОВАННУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема применения средств физической культуры в качестве немедикаментозного инструмента профилактики и коррекции распространенных ментальных расстройств: тревожности, депрессии и посттравматического стрессового расстройства (PTSD). Исследование направлено на анализ современных научных данных о влиянии дозированной физической активности на нейробиологические и психофизиологические механизмы, лежащие в основе указанных расстройств. В работе систематизированы и обобщены результаты эмпирических исследований, мета-анализов и систематических обзоров, подтверждающих терапевтический потенциал регулярных физических упражнений. Особое внимание уделено методологии дозирования нагрузок (интенсивность, продолжительность, периодичность, тип активности) в зависимости от нозологии и степени тяжести состояния. В статье представлен анализ ключевых механизмов воздействия, включая модуляцию уровня нейротрансмиттеров (серотонина, норадреналина, дофамина, эндорфинов), снижение активности оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники, стимуляцию нейрогенеза и повышение нейропластичности гиппокампа, а также отвлечение от негативных когнитивных паттернов. Рассмотрены практические аспекты интеграции программ адаптивной физической культуры в комплексные схемы психотерапевтической и психиатрической помощи. Результаты анализа свидетельствуют, что структурированные физические нагрузки являются эффективным, доступным и безопасным адъювантным методом, способствующим редукции симптоматики, улучшению качества жизни пациентов и снижению риска рецидивов.

Ключевые слова: физическая культура, ментальные расстройства, тревожность, депрессия, PTSD, физическая активность, нейробиология, психофизиология, адаптивная физкультура.

TASHTIEV Ranis Irekovich,
Senior Lecturer, Kazan State Power Engineering University,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova

AKHMETSHIN Airat Ferdinandovich,
Senior Lecturer,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova

YAKBAROV Rinat Rafikovich,
Senior Lecturer,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova

KHUSNETDINOV Robert IIsurovich,
Senior Lecturer,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova

KIRZHATSKIKH Elena Rinatovna,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University

PHYSICAL CULTURE FOR THE PREVENTION AND CORRECTION OF MENTAL DISORDERS: WORKING WITH ANXIETY, DEPRESSION, AND PTSD THROUGH DOSED PHYSICAL ACTIVITY

Annotation. This article discusses the current issue of using physical exercise as a non-drug tool for the prevention and correction of common mental disorders: anxiety, depression, and post-traumatic stress disorder (PTSD). The study is aimed at analyzing current scientific data on the impact of dosed physical activity on the neurobiological and psychophysiological mechanisms underlying these disorders. The paper systematizes and summarizes the results of empirical studies, meta-analyses, and systematic reviews confirming the therapeutic potential of regular physical exercise. Particular attention is paid to the methodology of dosing loads (intensity, duration, frequency, type of activity) depending on the nosology and severity of the condition. The article presents an analysis of key mechanisms of action, including modulation of neurotransmitter levels (serotonin, norepinephrine, dopamine, endorphins), a decrease in the activity of the hypothalamic-pituitary-adrenal axis, stimulation of neurogenesis and an increase in hippocampal neuroplasticity, as well as distraction from negative cognitive patterns. The practical aspects of integrating adaptive physical education programs into comprehensive psychotherapeutic and psychiatric care are examined. The analysis demonstrates that structured physical activity is an effective, accessible, and safe adjuvant method that helps reduce symptoms, improve patients' quality of life, and reduce the risk of relapse.

Key words: physical education, mental disorders, anxiety, depression, PTSD, physical activity, neurobiology, psychophysiology, adaptive physical education.

Современное общество сталкивается с ростом распространенности ментальных расстройств, среди которых тревожные и депрессивные расстройства, а также посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD) занимают ведущие позиции по нанесению ущерба здоровью населения и экономике. Традиционные методы лечения, включающие фармакотерапию и психотерапию, не всегда обладают достаточной эффективностью или доступностью,

что актуализирует поиск дополнительных, немедикаментозных стратегий вмешательства [1, с. 45]. В последние два десятилетия значительно увеличился объем научных данных, свидетельствующих о положительном влиянии регулярной физической активности на психическое здоровье. Физическая культура перестает рассматриваться исключительно как средство укрепления соматического здоровья, приобретая статус доказательного инструмента психопрофилактики и психокор-

рекции [2]. Нейробиологические исследования раскрывают сложные механизмы этого влияния, связывая его с нормализацией нейроэндокринных процессов, структурными изменениями в головном мозге и улучшением когнитивно-эмоциональной регуляции [3].

Целью данного исследования являлся комплексный анализ современных научных представлений о роли дозированной физической активности в профилактике и коррекции симптомов тревожности, депрессии и PTSD, а также систематизация данных о ключевых механизмах воздействия и методологических принципах построения соответствующих оздоровительных программ.

Методологической основой исследования выступили принципы системного анализа. В ходе исследования были проанализированы работы, посвященные изучению влияния аэробных упражнений (ходьба, бег, плавание), анаэробных нагрузок (силовые тренировки), а также практик осознанности в движении (йога, тай-чи) на психоэмоциональное состояние. Особое внимание уделялось параметрам дозирования: интенсивность (низкая, умеренная, высокая), продолжительность (мин/сессия), частота (сессии/неделю) и общая длительность программ (недели). Анализ механизмов воздействия базировался на данных нейровизуализационных и биохимических исследований.

Проведенный анализ подтвердил устойчивую положительную корреляцию между регулярной физической активностью и снижением выраженности симптомов изучаемых расстройств. Для депрессии умеренной и легкой степени тяжести доказана эффективность аэробных упражнений умеренной интенсивности (например, 30-45 минут быстрой ходьбы 3-5 раз в неделю) продолжительностью не менее 8-12 недель [4]. Установлено, что такой режим способствует повышению уровня мозгового нейротрофического фактора (BDNF), что стимулирует нейрогенез в гиппокампе – области, часто имеющей уменьшенный объем при депрессии [3, 5].

В работе с тревожностью, помимо аэробных нагрузок, высокой эффективностью обладают практики, сочетающие движение с когнитивным компонентом – йога, цигун. Они способствуют развитию навыков осознанности и регуляции вегетативного баланса, снижая базальный уровень кортизола и активность симпатической нервной системы [6]. Механизм «отвлечения» (distraction) также играет существенную роль, прерывая цикл навязчивых тревожных мыслей [2].

При PTSD физическая активность, особенно в групповом формате, выполняет несколько функций: помогает восстановить чувство контроля над

телом, регулирует гиперактивность нервной системы через утомление, способствует социальной реинтеграции. Важным является принцип постепенности и безопасности, исключающий повторную травматизацию [7].

Объединяющими механизмами для всех расстройств выступают: эндорфинная теория («эйфория бегуна»), катехоламиновая теория (нормализация уровня серотонина, норадреналина, дофамина), а также антиоксидантный и противовоспалительный эффекты регулярных нагрузок [8, 9]. Однако, как показывают исследования, успех вмешательства напрямую зависит от индивидуального подбора типа и дозы активности, а также мотивационной поддержки пациента [4].

Дозированная физическая активность является научно обоснованным и эффективным немедикаментозным средством профилактики и адъювантной коррекции тревожных, депрессивных расстройств и PTSD.

Терапевтический эффект реализуется через комплекс нейробиологических механизмов, включая повышение нейропластичности, нормализацию нейротрансмиттерного баланса, регуляцию гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и когнитивное отвлечение.

Ключевым условием эффективности является строгое дозирование параметров нагрузки (интенсивность, продолжительность, периодичность) с учетом нозологии, тяжести состояния и индивидуальных особенностей пациента.

Наиболее перспективным представляется интеграция структурированных программ адаптивной физической культуры в междисциплинарные схемы лечения, где они дополняют психотерапевтические и, при необходимости, фармакологические методы, повышая общую результативность терапии и улучшая качество жизни пациентов.

Список литературы:

- [1] Айвазян Т. А., Зайцева М. В., Степанов А. А. Физическая реабилитация в психиатрии: современный взгляд. // Вестник восстановительной медицины. – 2020. – № 2 (96). – С. 44-50.
- [2] Григорьев Д. Ю., Петрова М. А. Влияние физических упражнений на тревожность и депрессию: обзор механизмов и клинических рекомендаций. // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 5. – С. 23-26.
- [3] Ключников С. В., Белова А. Н. Нейробиологические основы влияния физической активности на когнитивные функции и аффективные расстройства. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2019. – Т. 119, № 10. – С. 118-125.

[4] Могунова М. А., Смирнов В. В. Методика применения оздоровительной аэробики для коррекции депрессивных состояний у лиц молодого возраста. // Адаптивная физическая культура. – 2018. – № 3 (75). – С. 34-37.

[5] Соколов А. В., Фролова И. Д. Роль BDNF в реализации антидепрессивного эффекта физических нагрузок: анализ экспериментальных данных. // Биологические науки. – 2022. – № 1. – С. 15-22.

[6] Федотова Е. В. Йога-терапия в комплексной реабилитации пациентов с тревожными расстройствами. // Психическое здоровье. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 56-62.

[7] Smith P. J., Merwin R. M. The Role of Exercise in Management of Mental Health Disorders: An Integrative Review. // Annual Review of Medicine. – 2021. – Vol. 72. – P. 45-62.

[8] Kandola A., Vancampfort D., Herring M., et al. Moving to Beat Anxiety: Epidemiology and Therapeutic Issues with Physical Activity for Anxiety. // Current Psychiatry Reports. – 2018. – Vol. 20, № 8. – P. 63.

[9] Mikkelsen K., Stojanovska L., Polenakovic M., et al. Exercise and mental health. // Maturitas. – 2017. – Vol. 106. – P. 48-56.

References:

[1] Ayvazyan T.A., Zaitseva M.V., Stepanov A.A. Physical rehabilitation in psychiatry: a modern view. // Bulletin of restorative medicine. – 2020. – № 2 (96). – S. 44-50.

[2] Grigoriev D. Yu., Petrova M. A. The effect of exercise on anxiety and depression: a review of

mechanisms and clinical guidelines. //Theory and practice of physical education. – 2021. – № 5. – S. 23-26.

[3] Klyuchnikov S.V., Belova A.N. Neurobiological foundations of the influence of physical activity on cognitive functions and affective disorders. //Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. – 2019. – T. 119, NO. 10. – S. 118-125.

[4] Mogunova M.A., Smirnov V.V. Methodology for the use of recreational aerobics for the correction of depressive states in young people. //Adaptive physical education. – 2018. – № 3 (75). – S. 34-37.

[5] Sokolov A.V., Frolova I.D. The role of BDNF in the implementation of the antidepressant effect of physical activity: analysis of experimental data. //Biological sciences. – 2022. – № 1. – S. 15-22.

[6] Fedotova E.V. Yoga therapy in the comprehensive rehabilitation of patients with anxiety disorders. //Mental health. – 2021. – T. 19, NO. 4. – S. 56-62.

[7] Smith P. J., Merwin R. M. The Role of Exercise in Management of Mental Health Disorders: An Integrative Review. // Annual Review of Medicine. – 2021. – Vol. 72. – P. 45-62.

[8] Kandola A., Vancampfort D., Herring M., et al. Moving to Beat Anxiety: Epidemiology and Therapeutic Issues with Physical Activity for Anxiety. // Current Psychiatry Reports. – 2018. – Vol. 20, № 8. – P. 63.

[9] Mikkelsen K., Stojanovska L., Polenakovic M., et al. Exercise and mental health. // Maturitas. – 2017. – Vol. 106. – P. 48-56.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-580-582

РОМАНОВА Галина Владимировна,
доцент департамента права института
экономики, управления и права ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,
к.ю.н., доцент,
e-mail: g_romanova@bk.ru

АМИРОВА Зарема Буттаевна,
старший преподаватель кафедры
гражданского и уголовного права и процесса
АНО ВО «Московский международный университет»,
e-mail: z.amirova@mmu.ru

ПАК Юлия Дмитриевна,
студентка 1 курса магистратуры института
экономики, управления и права ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,
e-mail: dmitrievayd497@mgpu.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРУДОВОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Целью данной статьи является анализ внедрения искусственного интеллекта в трудовые отношения, его перспективы и риски такого взаимодействия. Актуальность заключается в том, что в современном мире искусственный интеллект занимает большое место в жизни человека и трудовая сфера не исключение, здесь с помощью таких технологий проводится анализ данных, мониторинг и контроль деятельности сотрудников. Статья выявляет существующие пробелы в праве и на практике применения технологий искусственного интеллекта, а также приводит возможные пути решений возникающих проблем. Для качественного внедрения технологий необходим комплексный подход, который позволит эффективному развитию потенциала искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трудовое право, сотрудники, работодатель, законодательство.

ROMANOVA Galina Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Law,
Institute of Economics, Management, and Law State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Moscow City Pedagogical University” PhD in Law,
Associate Professor

AMIROVA Zarema Buttayevna,
Senior Lecturer, Department of Civil and
Criminal Law and Procedure, Moscow International University

PAK Yulia Dmitrievna,
first-year master’s student at the Institute
of Economics, Management,
and Law Moscow City Pedagogical University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LABOR LAW: NEW HORIZONS AND LEGAL CHALLENGES

Annotation. *The purpose of this article is to analyze the implementation of artificial intelligence in labor relations, its prospects, and the risks associated with such interactions. This is relevant because artificial intelligence plays a significant role in human life today, and the labor sphere is no exception. Here, such technologies are used to analyze data, monitor, and control employee activity. The article identifies existing gaps in the law and practice of applying artificial intelligence technologies and presents possible solutions to these problems. A comprehensive approach is essential for the effective development of artificial intelligence's potential, ensuring the successful implementation of these technologies.*

Key words: *artificial intelligence, labor law, employees, employer, legislation.*

В настоящее время все в больших сферах жизни внедряются технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ), мы привносим их не только в нашу повседневную деятельность, но и в рабочий процесс. Рынок труда не является исключением и в нем сейчас активно используются возможности ИИ технологий [2].

Государства вкладывают средства в просвещение и образовательные инициативы, чтобы граждане получали положительный опыт использования ИИ и лучше понимали, как он влияет на их жизнь. Нередко, для сокращения затрат по времени и трудовых ресурсов искусственный интеллект используется при отборе резюме кандидатов и их оценке. ИИ упрощает рутину, позволяя людям сосредоточиться на главном. Но такие средства могут нести не только положительный результат, а также отрицательный. ИИ при своем выборе может основываться на устаревших данных, например, если раньше на одну должность брали только мужчин, то в современных реалиях на них можно устраивать и женщин, поэтому ИИ может отказать кандидату и тот, в свою очередь, не узнает обоснованность такого выбора. Это может усложнить защиту прав человека.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года как документ не имеет силы закона, но служит базой для изменений в научной сфере и экономике. На его основе органы власти разрабатывают и реализуют стратегические направления цифровой трансформации, а компании и корпорации - программно-целевые документы.

Также при анализе данных при найме сотрудников искусственный интеллект может собирать данные о нем не только из резюме и информации напрямую предоставленную соискателем, но и использовать его социальные сети, что может, в какой-то мере, считаться нарушением неприкосновенности частной жизни. Определенные риски внедрения ИИ в трудовые отношения включает в себя этические вызовы. Прозрачность в контексте

ИИ остается насущей проблемой, так как пользователю может быть предоставлена только простая и безопасная информация. Если алгоритмы обучены на данных, которые содержат предвзятости, они могут перенести эти предвзятости в процесс отбора, например, отдавая предпочтение кандидатам определенного пола, возраста или опыта.

Кроме того, некоторые работодатели могут использовать в качестве помощника для определения эффективности сотрудника и принимать на основе анализа совокупности данных решение об увольнении такого работника. Но такая оценка может быть достаточно субъективной. ИИ закрывает пробелы там, где не хватает рабочих рук, например, в ритейле или логистике. Кроме того, такая прозрачность не должна приводить к раскрытию коммерческой тайны или давать пользователю возможность управлять системой. Например, по данным Института будущего [6], 85% профессий 2030 года еще не существуют. Востребованными будут специалисты в областях машинного обучения, аналитики данных, нейроиллюстраторы и другие.

Исходя из этого возникает необходимость сертификации ИИ-систем, которые используются в сфере найма и трудоустройства, чтобы исключить возможную предвзятость в тех или иных случаях. А также актуальным становится вопрос, связанный с законодательным закреплением такого права кандидатов, как объяснения решения об отказе в принятии на работу или увольнении, принятого ИИ, а также возможность его оспаривания [3].

Как уже говорилось выше, работодатели сейчас часто и активно начинают использовать искусственный интеллект для анализа эффективности сотрудников, например, сколько времени они проводят за работой на компьютере, если же в офисе или ином месте работы есть камеры, то они могут отслеживать регулярность перерывов или даже эмоциональную обстановку в коллективе [5]. Но такой подход к контролю персонала

может негативно сказываться на нем, может возрасти стресс работников, а также рост недоверия к работодателю. Также не всегда при внедрении таких технологий берется согласие сотрудников для сбора и анализа их биометрии и поведения. Кроме того, ИИ иногда может не понять контекст тех или иных действий человека, а также каких-либо внешних факторов и индивидуальных особенностей человека, что также является необъективной оценкой. Автоматизация многих процессов приводит к сокращению штатов и может затронуть права сотрудников.

В связи с этим возрастает потребность в установлении четких границ возможности такого мониторинга и открытости данных для работников, которые собраны искусственным интеллектом о нем. Возникает комплекс юридических проблем, связанный с ответственностью работодателя за принятые решения, которые он сам не может контролировать. В данном вопросе важно соблюдать Федеральный закон «О персональных данных», а также этические и моральные нормы.

Важным вопросом в данной сфере является ответственность искусственного интеллекта за допущенные им ошибки и тем более за причиненный им вред [4]. В настоящее время нормы гражданского и трудового права не всегда могут ответить на вопрос, кто будет нести ответственность за допущенные ИИ ошибки, это может быть как работодатель или сотрудник, так и сам разработчик такой ИИ программы. Поэтому требуется разработка норм, которые регулировали бы вопрос, связанный с действиями искусственного интеллекта.

Для того, чтобы искусственный интеллект был эффективно внедрен в сферу трудовых отношений стоит [1]:

- разработать новые нормы, которые будут регулировать те или иные действия ИИ;
- обеспечить защиту прав работников от неравенства и нарушения личных границ;
- стоит сформировать принципы, на которых основывалось бы использование ИИ в трудовой сфере;
- при анализе каких-либо сведений для принятия сотрудника на работу или увольнения с помощью ИИ, не стоит безоговорочно выносить решение опираясь только на данные такого анализа.

Несмотря на то, что интеграция искусственного интеллекта в трудовые отношения проходит все с большей скоростью, она имеет не только положительные, но и отрицательные стороны, они заключаются в правовых и этических рисках на основе принципа защиты прав и свобод человека

в ИИ, отраженного в Кодексе этики в сфере ИИ, где главным приоритетом развития технологий ИИ названа защита прав и интересов как всего человеческого общества, так и отдельных людей. Исключительно лишь всесторонний подход, в который будет входить технологическое развитие в правовом регулировании, а также этические и моральные нормы, сможет развить потенциал ИИ в трудовой сфере и не забывать о принципах, закрепленных в нашем законодательстве.

Список литературы:

- [1] Крылов И.В. Совершенствование трудового законодательства в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 1.
- [2] Лескина Э.И. Искусственный интеллект в сфере труда // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4.
- [3] Мусимович М.В. Правовые аспекты регулирования трудовых отношений в условиях использования искусственного интеллекта при подборе и высвобождении персонала // Экономика труда. 2024. № 10.
- [4] Новиков Д.А. Использование искусственного интеллекта при найме работников: проблемы и перспективы правового регулирования // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 3.
- [5] Новиков Д.А. Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения // Ежегодник трудового права. 2024. № 14.
- [6] Сайт: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/>

References:

- [1] Krylov I.V. Improvement of labor legislation in the context of the development of artificial intelligence technologies//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2024. № 1.
- [2] Leskina E.I. Artificial intelligence in the field of labor//Russian law: education, practice, science. 2020. № 4.
- [3] Musimovich M.V. Legal aspects of the regulation of labor relations in the context of the use of artificial intelligence in the selection and release of personnel//Labor Economics. 2024. № 10.
- [4] Novikov D.A. The use of artificial intelligence in hiring workers: problems and prospects of legal regulation//Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 3.
- [5] Novikov D.A. Labor Law and Artificial Intelligence: Points of Contact and Divergence//Yearbook of Labor Law. 2024. № 14.
- [6] Сайт: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-583-586

АРТЫШКО Кирилл Владимирович,

Студент 1-го курса магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: artyshko.kv@dvfu.ru

ОЗЕРОВ Олег Эдуардович,

Студент 1-го курса магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: ozerov.oe@dvfu.ru
Научный руководитель:

АНТОНЧЕНКО Вадим Викторович,

Доцент кафедры трудового и экологического права
Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
кандидат юридических наук,
e-mail: antonchenko.vvi@dvfu.ru

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОТНИКОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ БЕЖЕНЦАМИ И ЛИЦАМИ, ПОЛУЧИВШИМИ ВРЕМЕННОЕ УБЕЖИЩЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных особенностей правового положения и трудовых прав беженцев и лиц, получивших временное убежище, в Российской Федерации. Внимание уделено отличию данных работников от иных иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность. Поднята проблема отсутствия регуляторных количественных и отраслевых ограничений трудовых прав данных работников. Обозначено направление совершенствования законодательства в части устранения правовой неопределенности прекращения трудовых отношений при утрате статуса беженца или убежище.

Ключевые слова: Беженцы, временное убежище, правовое положение, трудовые права, иностранные работники.

ARTYSHKO Kirill Vladimirovich,

1st year Master's student, School of Law
Far Eastern Federal University

OZEROV Oleg Eduardovich,

1st year Master's student, School of Law,
Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:

ANTONCHENKO Vadim Viktorovich,

Associate Professor of the Department of Labor and
Environmental Law, School of Law, Far Eastern Federal University,
Candidate of Legal Sciences

ON THE LEGAL STATUS OF WORKERS WHO ARE REFUGEES AND PERSONS GRANTED TEMPORARY ASYLUM

Annotation. The article analyzes specific features of the legal status and labor rights of refugees and persons granted temporary asylum in the Russian Federation. Attention is paid to the distinction between these workers and other foreign nationals engaged in labor activities. The problem

of the lack of regulatory quantitative and sectoral restrictions on the labor rights of these workers is raised. A direction for improving legislation is outlined, focusing on eliminating the legal uncertainty surrounding the termination of employment relations upon the loss of refugee or asylum status.

Key words: *Refugees, temporary asylum, legal status, labor rights, foreign workers.*

Одельного внимания в свете актуальных событий внешней и внутренней политики Российской Федерации заслуживает рассмотрение вопроса о правовом положении работников, являющихся беженцами и лицами, получившими временное убежище. Несмотря на регулярные волны беженцев из различных регионов, в России их число сравнительно невелико: так в 2022 году статус беженца имели 331 человек, в 2023 – 277 человек, в 2024 – 244 [1]; статус лица, получившего временное убежище, в 2022 году имели 10581 человек, в 2023 – 67496, в 2024 – 17308 [2]. Для сравнения, в Казахстане на апрель 2025 года проживали 301 беженец и 265 лиц, ищущих убежище [3], а в Европейском Союзе на конец июня 2023 года со статусом лица, получившего временную защиту, находилось свыше 4 миллионов человек [4].

На наш взгляд, это противоречие и различие могут быть объяснены двумя обстоятельствами.

Во-первых, статус беженца или лица, получившего временное убежище, является промежуточным и необходим лишь на то время, пока лицо не примет решение о дальнейших своих действиях: постоянном проживании в государстве-убежище или переезде на другое место жительства. При этом, как отмечает Харитонов-Таневский А.Д., в деятельности законодательных органов наблюдается «тенденция к упрощению процедуры получения гражданства» [5]. И действительно, условия приёма в российское гражданство таких лиц являются весьма лояльными и льготными. В частности, для получения гражданства достаточно проживать на территории России один год, а не пять лет, как установлено по общему правилу (п. 1 ст. 15, п. 2 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»). Вполне поэтому закономерно, что оказавшиеся в бедственном положении иностранные граждане, прежде всего из сопредельных государств постсоветского пространства, стремясь урегулировать свой статус на длительное время, часто находят для себя удобным и простым процесс натурализации и не откладывают его надолго.

Во-вторых, нередко лица, которые могли бы получить статус беженца или политическое убежище, по различным причинам (например, в силу правовой неграмотности) не обращаются за его получением, предпочитая либо незаконную миграцию, либо иные процедуры легализации пребывания в стране (временный вид на жительство).

Так или иначе, соискатели статуса беженца или временного убежища – это особая категория мигрантов, выпадающая из привычной классификации работников на визовых и безвизовых. В отличие от последних, соискатели статуса могут прибыть в Россию любым доступным способом – с визой или без нее, уже после обратившись за убежищем. Получение этого статуса освобождает от необходимости оформления иных разрешительных документов.

Статус беженца присваивается тем лицам, которые были вынуждены покинуть свою страну из-за реальной угрозы преследований. Это понятие распространяется как на иностранных граждан, так и на лиц без гражданства, оказавшихся вне пределов своей страны гражданской принадлежности (или страны обычного проживания, если гражданства нет) и не способных или не желающих воспользоваться ее защитой. Такое понятие следует из пп. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 19.02.1993 №4528-1 «О беженцах» (далее – ФЗ «О беженцах»).

В свою очередь временное убежище предоставляется лицу в двух случаях, установленных п. 2 ст. 12 ФЗ «О беженцах»: 1) если лицо в своём заявлении ограничивается просьбой о предоставлении лишь права временного пребывания; 2) если отсутствуют основания признать лицо беженцем, но его выдворение противоречит принципу гуманизма.

В соответствии с положениями законодательства (пп. 11, 12 п. 4 ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»), право на осуществление трудовой деятельности у лиц, получивших статус беженца или временное убежище, сохраняется до момента утраты или лишения указанного статуса).

Разница между статусом беженца и временным убежищем существенна: она заключается в объеме обязанностей, которые государство берет на себя по отношению к этим людям. Временное убежище дает лишь право находиться в стране и работать без дополнительных разрешений. В отношении же беженца государство принимает обязанности по социальной защите, социальному обеспечению, обеспечению жильём, пропитанием, медицинской помощью, а также по содействию в трудоустройстве или в направлении на профессиональное обучение, что следует из пп. 4, 6, 7, 8 п. 1 ст. 8 ФЗ «О беженцах».

В том, что касается права на труд, существенные отличия между двумя категориями лиц

отсутствуют, а сам трудовправовой статус максимально приближен к статусу российского гражданина, за теми лишь исключениями, которые в целом устанавливаются для иностранных граждан.

Однако здесь наблюдается существенный пробел в регулировании трудоустройства беженцев и лиц, получивших временное убежище.

Действующее законодательство не предусматривает возможности установления каких-либо ограничений по трудоустройству данной категории лиц: ни количественных, ни отраслевых. Этот факт контрастирует с регулированием в отношении практически всех категорий визовых и безвизовых иностранных работников, для которых такие ограничения предусмотрены. Например, Постановлением Правительства РФ от 28.11.2025 №1920 утверждена квота на выдачу разрешений на работу для визовых иностранных работников, прибывающих в Россию, в размере 278 940 разрешений на 2026 год. В отношении иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность на основании патента, на региональном уровне допускается введение запрета на привлечение таких работников по отдельным видам экономической деятельности (п. 6 ст. 18.1 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»).

До сих пор остается актуальным вопрос, сформулированный Шуршаловой Е.С. на основе мнения Волгина Н.А. ещё в 2014 году в контексте прироста беженцев в Российскую Федерацию в связи с обострением ситуации на востоке Украины: смогут ли все беженцы найти себе работу? [6]. Вопрос стоит также дополнить: не пострадают ли интересы граждан России, а в частности – право на приоритетное трудоустройство и защиту от безработицы, гарантированное ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации, от внезапного, как всегда и бывает, притока беженцев и лиц, запрашивающих временное убежище. В нынешней ситуации, пока уровень безработицы является низким, проблем, возможно, и не возникнет, но законодательство в условиях современных вызовов должно быть заранее подготовлено к самым разным нестандартным и критическим ситуациям. Отсутствие такого регулирования можно обосновать гуманитарными соображениями, однако интересы российских граждан, как отмечалось ранее, являются для российского государства первостепенными по отношению к правам иных лиц, даже беженцев, в связи с этим установление разумных ограничений их трудовых прав вполне допустимо.

Кроме того, требует разъяснения вопрос о применимости главы 50.1 Трудового кодекса Российской Федерации по отношению к беженцам и лицам, получившим временное убежище. С одной

стороны, они формально остаются иностранцами, что, казалось бы, распространяет на них действие общих правил. С другой стороны, закон предписывает применять к ним правила, действующие для российских граждан. В главе 50.1 ТК РФ отсутствует специальное регулирование для этой категории субъектов, а в перечне оснований для отстранения от работы или увольнения иностранного работника (ст. 327.5, 327.6 ТК РФ) не упоминается утрата статуса беженца или временного убежища. Однако если у работника нет иных оснований для работы (патента, разрешения и т.п.), утрата статуса обязывает работодателя отстранить его и расторгнуть договор. В противном случае, работодатель может быть привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 18.15 КоАП за отсутствие контроля за законностью трудоустройства работника. Невыполнение данных действий работодателем образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.15 КоАП, причём вина работодателя будет выражаться в «неосуществлении контроля за привлекаемыми к выполнению трудовой деятельности, наличия у них соответствующих документов и разрешений» [7]. Имеющаяся «серая зона» может быть устранена изменением трудового законодательства и согласованием его положений, в том числе главы 50.1 ТК РФ, с нормами ФЗ «О беженцах».

Таким образом, правовое положение беженцев и лиц, получивших временное убежище, характеризуется, с одной стороны, максимальной свободой на рынке труда, с другой стороны – недостаточной нормативной проработанностью института в виду его низкой практической применимости, обусловленной относительно малым числом субъектов, имеющих данный статус. Для устранения правовой неопределенности, достижения понятности и прозрачности правовых предписаний для работников и работодателей необходимы дальнейшие исследования в этой области и закрепление их результатов посредством нормотворчества.

Список литературы:

- [1] Беженцы 1998-2024 г. : официальная статистика Росстата от 12.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.01.2026).
- [2] Численность лиц, получивших временное убежище 2007-2024 г. : официальная статистика Росстата от 12.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.01.2026).
- [3] 301 беженец получил убежище в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан : официальный сайт. – 25 апреля 2025. – [Электронный ресурс].

URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/983332?lang=ru> (дата обращения: 03.01.2026).

[4] 30 June 2023: 4.07 million with temporary protection // Eurostat : официальный сайт. – 9 августа 2023. – [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230809-1> (дата обращения: 03.01.2026).

[5] Харитонов-Таневский А.Д. Законодательство о гражданстве как фактор решения демографической проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 74.

[6] Шуршалова Елена Сергеевна Конституционно-правовые проблемы реализации права вынужденных мигрантов на труд в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2014. №3 (37). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-problemy-realizatsii-prava-vynuzhdennyh-migrantov-na-trud-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.01.2026).

[7] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2019 N 20АП-6140/2019 по делу № А09-7452/2019. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

References:

[1] Refugees 1998-2024: official statistics of Rosstat from 12.07.2024. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (access date: 02.01.2026).

[2] The number of persons who received temporary asylum 2007-2024: official statistics of Rosstat from 12.07.2024. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (access date: 02.01.2026).

[3] 301 refugees received asylum in Kazakhstan//Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Kazakhstan: official website. - April 25, 2025. - [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/983332?lang=ru> (дата обращения: 03.01.2026).

[4] 30 June 2023: 4.07 million with temporary protection//Eurostat: official website. - August 9, 2023. - [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230809-1> (access date: 03.01.2026).

[5] Kharitonov-Tanevsky A.D. Citizenship legislation as a factor in solving a demographic problem// Constitutional and municipal law. 2020. № 9. S. 74.

[6] Shurshalova Elena Sergeevna Constitutional and legal problems of exercising the right of forced migrants to work in the Russian Federation// Leningrad Law Journal. 2014. №3 (37). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-problemy-realizatsii-prava-vynuzhdennyh-migrantov-na-trud-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.01.2026).

[7] Decision of the Twentieth Arbitration Court of Appeal of 20.11.2019 No. 20АП-6140/2019 in case No. А09-7452/2019. // [Electronic resource]. Access from ConsultantPlus ATP (contact date: 12.01.2026).

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-587-590

ГЕРМАНЕНКО Дарья Данииловна,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
Юридический факультет, 3 курс,
e-mail: 230980@edu.fa.ru

ЗАВИСИМАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ КАК НОВАЯ ФОРМА ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Автор статьи на основании сопоставления и анализа условий сотрудничества самозанятых и цифровых платформ с условиями трудового и гражданско-правового сотрудничества рассуждает о зарождении новой формы занятости. Делается вывод о необходимости разработки соответствующей правовой категории.

Ключевые слова: трудовое право, гражданское право, самозанятость, цифровая экономика, онлайн платформы, Gig есопоту, зависимый исполнитель, формы занятости.

GERMANENKO Daria Daniilovna,
3-rd year student of the Law Faculty of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

DEPENDANT SELF-EMPLOYMENT AS THE NEW FORM OF EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN LAW

Annotation. The author of the article argues for the emergence of the new form of employment on the basis of analysis of the work conditions of self-employed platform workers and comparison of these relationships and those typical for employment and civil law. The conclusion of the author is that there is a need for legislative novels regarding the concerned problem.

Key words: employment law, civil law, self-employment, digital economy, online platforms, Gig economy, dependancy, forms of employment.

С развитием технологий мировой рынок труда стремительно меняется, ставя перед законодателями и учеными все новые и новые вопросы. Ускорение темпа жизни, ее возрастающая изменчивость привели к тому, что все больше людей предпочитают подработки с помощью онлайн-сервисов регулярной работе со стабильным заработком. Феномен “Gig есопоту” стал одним из серьезнейших вызовов для легальных определений трудовой деятельности в целом ряде стран. Дело в том, что наряду с цифровыми сервисами-посредниками, помогающими предпринимателю и клиенту найти друг друга, стали возникать и платформы, посредническая деятельность которых больше напоминает использование наемного труда в обход трудового законодательства. В рассмотренных научных работах примерами этого чаще всего служат известные сервисы такси и доставки. [7, с. 221]

В теории трудового права еще с XIX века основным критерием трудовых отношений считается несамостоятельность труда (его подчиненный / управляемый / зависимый характер). [6, с. 2] Соответственно, если лицо, предоставляющее услугу, не может самостоятельно определять конкретные условия своего труда: время, место, объем услуг, способ их выполнения и размер вознаграждения, оно является работником, а не участником гражданско-правовых отношений.

Рассмотрение конкретных условий труда могло бы быть самым простым способом определить, является ли сервис де-факто работодателем. Однако информацию можно интерпретировать в обе стороны: курьеры “Яндекс.Еды” могут выбирать время работы из предложенных сервисом слотов, в выбранное время он находится на складе, где самостоятельно принимает заказы за фиксированную плату. При этом сами алгоритмы сервиса могут в значительной степени влиять на

решение об оказании услуги: при отказе ограничивается доступ к другим заказам или сама возможность отказа предотвращается сокрытием ключевой для принятия решения информации (местоположение клиента). [1, с. 56] Так, если порядок выбора времени можно назвать договорным, то на размер оплаты курьер влияет даже меньше, чем стандартный работник, у которого есть возможность переговоров с работодателем (как при трудоустройстве, так и во время работы с помощью установленных законов способов защиты прав): курьер может только согласиться на заданные условия или покинуть приложение.

В такой ситуации можно пойти по пути Великобритании, Верховный суд которой постановил Uber оформить всех своих водителей в качестве работников. [5, с. 9] Однако такое решение может навредить не только работодателю (или потребителю), но и работнику, ради которого производилось такое решение: трудовые решения имеют более основательный характер и не имеют столь желаемой гибкости (невозможность периодического дополнительного заработка вместо постоянной занятости). Другим минусом такого подхода является индивидуальность: работникам каждой отдельно взятой компании необходимо подавать в суд для признания их отношений трудовыми.

Стоит также учитывать, что в России уже сложилась судебная практика, отрицающая трудовой характер рассматриваемых отношений. Обоснованием решений служит, например, отсутствие со стороны платформ обеспечения трудящихся инструментами, материалами и оборудованием для ведения деятельности. А то и вовсе непредоставление истцом в качестве доказательства наличия трудовых отношений трудовой книжки и документов о начислении заработной платы [3, с. 5-6] Хотя аргументация Верховного суда во многом опирается скорее на формальное толкование норм, из решений ясно вырисовывается отрицательное отношение правоприменителя к квалификации платформенной занятости в качестве трудовой.

В этом случае есть прямо противоположный вариант: не создавать никакого дополнительного регулирования. Однако в теории трудового права зависимый характер отношений работника и работодателя подчеркивается не просто так: в результате него возникает незащищенность подчиненной стороны. Сам характер работы предполагает невозможность выполнения трудовой функции даже в случае обычной простуды, не говоря уже о более продолжительной или тяжелой временной нетрудоспособности, выплаты по которой недо-

ступны для самозанятых или доступны исключительно в виде менее надежного частного страхования (в случае Яндекса это создает еще большую зависимость трудящихся, так как доступ к страхованию может быть ограничен из-за недостатка баллов, снимающихся в качестве штрафа за нарушения правил сервиса). Отпуск не гарантирован. Платформа (в отличие от работодателей, ограниченных в неосновательном увольнении) имеет право в любой момент ограничить доступ самозанятого к своим услугам, что для довольно значительной части населения может означать полную потерю заработка. Доступ ограничивается в том числе при отсутствии значительных нарушений (например, при рейтинге водителя ниже 4.5/5). Сервисы никак не ограничены в применении штрафов.

Важно отметить и тот факт, что платформы активно геймифицируют процесс взаимодействия с самозанятыми. Например, добавляют “достижения”, стимулирующие трудящихся меньше задумываться об отдыхе (“завершите 30 поездок за сутки” с наградой 360 рублей). Другим стимулом является изначальное обещание высоких доходов (в вакансиях или на сайте компании). К примеру, сайт “Самоката” содержит калькулятор гарантированного дохода с такими значениями по умолчанию: 16 часов работы в сутки, 25 дней в месяц.

Именно поэтому в юридической науке ряда стран, [2, с. 241] в том числе и России, возникло предложение разработать правовое оформление новой формы занятости: “зависимый исполнитель” [5] или “зависимый самозанятый”, [3, с. 9] на представителей которой будут распространены отдельные трудовые гарантии, но сама суть отношений останется неизменной, что позволит сохранить положительные стороны оформления трудящихся в качестве самозанятых и сгладить отрицательные. Распространяемые гарантии должны ограничиваться

Критерии такой занятости можно разделить на две группы. В первую входят те, которые позволяют разграничить платформы на простых посредников между заказчиком и исполнителем (в качестве примеров можно привести profi.ru, etxt.ru, fl.ru и многие другие - на контрасте с ними легче всего увидеть не гражданско-правовой характер сотрудничества с самозанятыми с обсуждаемыми платформами) и “квазиработодателей”. Последние вместо сторон определяют стоимость услуги, фактически устанавливает правила внутреннего распорядка, прямое или косвенное воздействие на принятие решения об оказании услуги, производит вместо конечного потребителя

выбор исполнителя. Все эти критерии - ряд конкретных проявлений того факта, что потребители обращаются за услугой именно к платформе (как к работодателю), а не тому или иному исполнителю, и этот ряд можно продолжать практически до бесконечности.

Также стоит отметить, что некоторые ученые предлагают включить в перечень признаков “квазитрудовых” отношений условия о премировании и иных бонусах для исполнителей, так как они совсем не характерны для гражданско-правовых отношений. С необходимостью введения такого критерия зависимости исполнителя можно поспорить, так как она, во-первых, не очень востребована: за словом “бонус” в условиях платформ чаще подразумевается не премия, а доплата за саму сущность оказанной услуги (более тяжелый товар, тип транспорта), а во-вторых, может оттолкнуть компании от предоставления трудящимся у них лицам более комфортных условий во избежание переквалификации существующих отношений.

Вторая группа критериев позволяет выделить “квазиработников” от лиц, использующих сервисы нерегулярно и не нуждающиеся в социальной защите. Главным образом это два признака: зависимые самозанятые должны использовать платформу для получения значительной части дохода и пользоваться ей регулярно. Для определения конкретных процентов дохода и частоты использования необходимо дальнейшее исследование темы, однако стоит избегать слишком радикальных формулировок (например, “основной источник заработка”): они могут закрыть доступ к льготам лиц, предоставляющих услуги нескольким однородным сервисам (и, соответственно, получающим 40% от “Самоката” и 60% от “Яндекса”).

Стоит обратить внимание не только на уже выделенные критерии зависимой самозанятости, но и на спорные моменты. Их необходимо проработать в соответствии с конкретными данными статистики. Так, важным опасением, высказываемым в науке, является возможное снижение привлекательности режима самозанятости в результате увеличения государственных сборов, вводимых для обеспечения занятым социального пакета. Его необходимо учитывать при определении размера и способа уплаты страховых взносов.

Большой вклад в востребованность того или иного механизма государственного регулирования у населения делает и сам порядок, в котором гражданам необходимо будет защищать собствен-

ные права. Практика показала, что работодатели неохотно применяют “невыгодные” режимы оформления: например, предпочитают заключение гражданского договора трудовому. Именно поэтому в Трудовой кодекс была введена норма, позволяющая суду переопределять “гражданские” отношения как трудовые при наличии соответствующих признаков. Однако работники не слишком охотно пользуются этой возможностью. Возможно, в случае с режимом зависимой самозанятости следует предусмотреть административный порядок, при котором работник мог бы ходатайствовать о переквалификации своих отношений с платформой без взаимодействия с последней.

Таким образом можно сделать вывод о необходимости дальнейшей доктринальной и законодательной разработки возможности оформления платформенной занятости в новую правовую категорию. Эта новелла даст возможность расширить социальную защищенность населения, не имеющего крупных финансовых сбережений, увеличить вклад отдельных категорий граждан в страхование различных вопросов, непосредственно связанных с их повседневной жизнью, предотвратить возможные злоупотребления трудом со стороны крупных онлайн-платформ.

Список литературы:

- [1] Васильев А. С. Особенности И Проблемы В Сфере Охраны Труда Работников Gig-Экономики // Вестник Института экономических исследований. 2023. №4 (32)
- [2] Зайцева Л. В., Митрясова А. С. Труд водителей такси на основе интернет-платформ: отдельные вопросы правового регулирования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №435
- [3] Коршунова Т. Ю. Проблемы достойного труда в условиях нетипичной занятости // “Журнал российского права”, 2020, №7
- [4] Мирзабалаева Ф. И., Забелина О. В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования // “Экономика труда”, 2022, №3
- [5] Мухина И. И., Миракян Д. Г. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития // “Социально-трудовые исследования”, 2021, №3
- [6] Цесарский, Ф. А. Учение Л. С. Таля о трудовом договоре как основе развития современных теорий трудового права // Проблемы законности, 2011
- [7] Liebman, W. B. Debating the Gig Economy, Crowdwork and New Forms of Work // Soziales Recht, Vol. 7, No. 6 (12.2017)

References:

[1] Vasiliev A. S. Features and Problems in the Field of Labor Protection of Gig-Economy Workers// Bulletin of the Institute for Economic Research. 2023. №4 (32)

[2] Zaitseva L.V., Mitryasova A.S. The work of taxi drivers based on Internet platforms: certain issues of legal regulation//Vestn. Volume. state university. 2018. №435

[3] Korshunova T. Yu. Problems of Decent Labor in Atypical Employment Conditions//Journal of Russian Law, 2020, No. 7

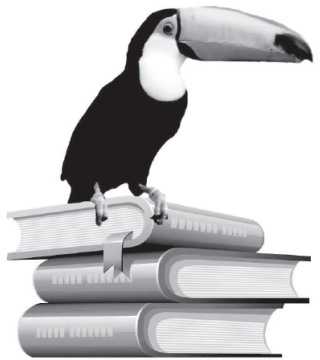
[4] Mirzabalaeva F. I., Zabelina O. V. Regulation of platform labor: a flexible balance of state guaran-

tees and self-regulation//” Labor Economy, “2022, No. 3

[5] Mukhina I. I., Mirakyan D. G. Self-employment in Russia: modern trends and development prospects//” Social and Labor Research, “2021, No. 3

[6] Tsesarsky, F. A. The doctrine of L. S. Tal on the employment contract as the basis for the development of modern theories of labor law//Problems of legality, 2011

[7] Liebman, W. B. Debating the Gig Economy, Crowdwork and New Forms of Work // Soziales Recht, Vol. 7, No. 6 (12.2017)

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-591-596

ВЕРБИЦКАЯ Наталья Олеговна,
доктор педагогических наук,
профессор Кафедры экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: n.o.verbitskaya@usue.ru

КОНОВ Алексей Александрович,
доктор исторических наук,
доцент Кафедры управления в социальных и
экономических системах, философия и история,
Уральский государственный университет путей сообщения,
e-mail: alek.konov2012@yandex.ru

ВЕРБИЦКАЯ Татьяна Владимировна,
кандидат политических наук,
преподаватель кафедры политологии
Уральского федерального университета,
e-mail: aquitania-17@yandex.com

ГИБКИЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Актуальность совершенствования трудового законодательства в отношении учета особенностей применения цифровых технологий обусловлена возможностью использования данных технологий в качестве ресурса сбережения кадров и одновременно защиты технологического суверенитета страны. При проведении исследования авторы опирались на комплекс методов на основе синергетического подхода, позволяющего сочетать научные инструменты разных научных областей, включая экономику, право и информационные технологии, а также на теорию систем, для того, чтобы охарактеризовать значение цифровых технологий в качестве инструмента обеспечения национальной кадровой безопасности. Установлено, что цифровые технологии позволяют сокращать трудовые затраты работников на выполнение рутинных задач, и содействуют эффективности выполнения профессиональных проблем в более сжатые сроки. Определено, что введение системы поощрений работников за выполнение одних и тех же рабочих процессов быстрее будет содействовать сбережению кадров, защиты работников от переутомления. Выявлено, что поступательное, постоянное интегрирование цифровых технологий в области труда и занятий, вплоть до введения унифицированных цифровых платформ, опосредующих трудовые и иные связанные с ними отношения (включая профессиональную подготовку), является основой для обеспечения национального кадрового суверенитета и достижения Россией лидирующих позиций в мире по вопросам технологического развития области труда и занятий. В результате проведения исследования авторы приходят к выводу о целесообразности дополнения трудового законодательства нормами, посвященными гибриднему режиму труда в качестве средства снижения трудозатрат работников, что является ресурсом сохранения национальной кадровой безопасности в перспективе ее развития.

Ключевые слова: выполнение профессиональных задач, режим труда, сокращение рабочего времени, эффективность работы, ресурсы кадрового сбережения, кадровый суверенитет, унифицированные цифровые платформы.

VERBITSKAYA Natalya Olegovna,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor at the Department of Labor Economics
and Human Resource Management,
Ural State University of Economics

KONOV Aleksey Alexandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of Management
in Social and Economic Systems, Philosophy and History,
Ural State University of Railway Transport

VERBITSKAYA Tatyana Vladimirovna,
Candidate of Political Sciences,
Lecturer at the Department of Political Science,
Ural Federal University

FLEXIBLE APPROACH TO REGULATING LABOR RELATIONS THROUGH THE USE OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES AS THE BASIS FOR ENSURING NATIONAL HUMAN RESOURCE SECURITY

Annotation. *The relevance of improving labor legislation regarding the specifics of using digital technologies stems from the potential of these technologies to serve as a resource for retaining personnel while simultaneously protecting the country's technological sovereignty. In conducting the study, the authors relied on a set of methods based on a synergistic approach, which allows combining scientific tools from various fields—including economics, law, and information technology—as well as on systems theory, in order to characterize the significance of digital technologies as a tool for ensuring national human resource security. It has been established that digital technologies help reduce employees' labor input in performing routine tasks and contribute to more efficient resolution of professional challenges within shorter timeframes. It has been determined that introducing a system of incentives for employees who complete the same work processes more quickly will help retain personnel and protect workers from fatigue. The study reveals that the gradual, continuous integration of digital technologies into the sphere of labor and employment—including the introduction of unified digital platforms mediating labor relations and related matters (such as professional training)—forms the foundation for ensuring national human resource sovereignty and enabling Russia to achieve leading global positions in the technological development of labor and employment. As a result of the study, the authors conclude that it is advisable to supplement labor legislation with norms addressing hybrid work arrangements as a means of reducing employees' labor input, which constitutes a resource for preserving national human resource security in the long term.*

Key words: *performance of professional tasks, work arrangements, reduction of working hours, work efficiency, personnel retention resources, human resource sovereignty, unified digital platforms.*

Введение

Цифровые технологии давно уже стали привычным инструментом работников, и выполнение профессиональных задач с применением указанных технологий является распространенной практикой трудовых отношений, что обуславливает значимость дополнения трудового законодательства правовыми нормами, учитывающими данную практику в отношении улучшения условий труда работников, таких, как сокращение рабочего времени, поощрения за стремление к повышению эффективности труда. Такое совершенствование норм трудового законодательства будет способ-

ствовать поддержанию национальной кадровой безопасности в отношении защиты работников от переутомления и одновременно содействовать защите технологического суверенитета в отношении адаптации имеющихся цифровых технологий под нужды разных профессиональных задач.

Цель исследования состоит в представлении целостной картины относительно функций, значения и перспектив применения цифровых технологий в качестве инструмента обеспечения национальной кадровой безопасности.

Методологическую базу исследования составляет концепция от «кадров для экономики»

к «экономике для кадров будущего», изложенная в национальном проекте «Кадры», запущенном с 1 января 2025 г. и делающая акцент на необходимость преодоления разрыва между запросами экономики и возможностями системы образования. Проект нацелен на подготовку специалистов, которые готовы эффективно работать в условиях стремительной цифровизации всех отраслей.

Авторы опираются на теорию систем при характеристике внутреннего строения национальной кадровой безопасности, средств ее обеспечения и значения цифровых технологий в качестве инструмента ее обеспечения. Телеологическое толкование правовых норм, посвященных полномочиям Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, а также Трудового кодекса Российской Федерации позволило сформулировать предложения о дополнении действующего законодательства в отношении применения цифровых технологий в области труда и занятий. Структурно-функциональный анализ позволил определить цифровые технологии в качестве средства укрепления национального кадрового суверенитета России, основы достижения Россией лидирующих позиций в мире по вопросам технологического развития в области труда и занятий.

Содержание и структура национальной кадровой безопасности

Национальную кадровую безопасность можно определить, как состояние защищенности трудовых ресурсов от внешних и внутренних угроз, включая безработицу, невостребованность, недостаточную квалификацию по итогам полученного образования для занятия профессиональной деятельностью, соответствующей профилю полученного образования. Национальная кадровая безопасность является составной частью человеческой безопасности – состояния защищенности личности от внутренних и внешних угроз, не позволяющих обеспечить возможность нормальной жизни человека, удовлетворение его потребностей. В свою очередь, человеческая безопасность является составной частью национальной безопасности, понимаемой, как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз (в первую очередь, сопряженных с применением силы) суверенитета народа.

Отметим, что вопросы понятия национальной кадровой безопасности, ее внутреннего строения постоянно находятся в поле зрения ученых: И. В. Мешковой [1, с. 910], Д. А. Шмелевой, Л. П.

Федоровой [2, с. 119]. В соответствии с позицией А. Г. Кузьменко, «кадровая политика является фактором обеспечения национальной безопасности в отношении способности отвечать потребностям государства в части квалифицированных специалистов, способных эффективно решать поставленные перед ними задачи» [3, с. 56]. А. А. Камалов обоснованно указывает, что «национальная кадровая безопасность страны представляет собой положение человеческого потенциала, при котором он надежно защищен от рисков и угроз извне. Кроме того, он представляет все кадровые ресурсы для достижения стратегических государственных целей» [4, с. 44]. Следует согласиться с Ш. З. Мехдиевым в том, что к числу элементов национальной кадровой безопасности можно отнести: активное вовлечение кадров в мировой образовательный процесс; вопросы системного развития человеческого капитала, создания среды, благоприятной для развития человека; разработку и реализацию комплексного подхода к совершенствованию кадровой политики, позволяющей расширить кадровые возможности России [5, с. 60].

Национальная кадровая безопасность представляет собой систему, составными элементами которой являются властные и невластные субъекты, инструменты и ресурсы защиты. Властные субъекты – органы государственной власти, должностные лица, в компетенцию которых входит обеспечение нормального функционирования рынка труда. Специальными полномочиями в указанной области обладает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, к числу полномочий которого в области безопасности труда относится [10]: установление общих требований к безопасности рабочего места (п. 5.2.18(1) Положения о Минтруде); формы (способы) и рекомендации по размещению работодателем информационных материалов в целях информирования работников об их трудовых правах, включая право на безопасные условия и охрану труда, а также примерный перечень таких информационных материалов (п. 5.2.19(1) Положения о Минтруде); информирование граждан и работодателей о положении на рынке труда в Российской Федерации, правах и гарантиях граждан в сфере занятости населения и защиты их от безработицы (п. 5.6.25 Положения о Минтруде). Кроме того, Минтруд во взаимодействии с Министерством образования и науки Российской Федерации, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и РАН вместе с ведущими корпорациями (в т.ч. госкомпаниями) обеспечивают формирование прогнозных карт относительно темпов интеграции

цифровых технологий в разные области труда и занятий на 5–15 лет (исходя из особенностей области, степени её готовности к постоянной интеграции цифровых технологий). Эти карты являются ориентиром для предприятий при принятии решения об использовании во всём большем объеме цифровых технологий.

Невластные субъекты – работодатели и работники, получающие режим защиты от угроз нарушения нормального порядка функционирования рынка труда.

Инструменты – средства, позволяющие властным субъектам предупреждать, устранять угрозы национальной кадровой безопасности и восстанавливать порядок на рынке труда. Можно выделить следующие инструменты защиты: технические (цифровые технологии в качестве средств оптимизации трудовых процессов, цифровизации документооборота, аналитики данных и подготовки кадров, и компьютерная техника в целом, средства мониторинга состояния рынка труда), информационно-аналитические (сбор и анализ данных о состоянии рынка труда, прогнозирование перспектив его развития), научно-образовательные (научные центры, осуществляющие мониторинг состояния рынка труда и перспектив его развития, образовательные центры, позволяющие осуществлять профессиональную подготовку и повышение квалификации).

От адаптации к опережению: единые цифровые платформы как основа обеспечения кадрового суверенитета в контексте национальной безопасности

В отношении цифровых технологий как инструментов обеспечения национальной кадровой безопасности отметим, что в настоящее время они становятся неотъемлемой частью не только трудовых, но и иных, непосредственно связанных с трудовыми, отношений, включая профессиональную подготовку и повышение квалификации. Благодаря цифровым технологиям можно обеспечить, чтобы не только рынок труда учитывал современные тренды в указанной области, но и достичь того, чтобы специалисты, постоянно совершенствующие свои компетенции в отношении работы с цифровыми технологиями, сами стали влиять на развитие рынка труда, появление новых профессий. Важную роль в этом процессе сыграет постепенное введение унифицированных цифровых платформ, позволяющих решать все ключевые вопросы трудовых и иных профессиональных отношений, начиная от получения образования, решения поставленных перед работниками задач, и заканчивая коммуникацией с коллегами.

Для введения и достижения все большей интеграции подобных цифровых платформ на предприятиях необходимо обеспечить их заинтересованность в указанном процессе в виде ряда стимулов, таких, как:

- Гранты и налоговые льготы за разработку курсов по профессиям из «дорожной карты будущего»;
- Введение коэффициента при оценке эффективности применения платформы на предприятии, учитывающего долю «опережающих» программ, направленных на укрепление технологического суверенитета России, обеспечение лидирующих позиций России в мире по технологическому развитию. Применение таких «опережающих» программ должно позволить получить верифицированный цифровой след для портфолио будущего профессионала от участия в проектах потенциального работодателя в процессе получения им образования.
- Обеспечения партнерства с научными институтами (Росатом, Сколтех, Курчатовский институт и т.д.) для создания контента на стыке науки и практики.

Какой результат можно ожидать от интеграции унифицированных цифровых платформ в область труда и занятий?

- применение гибких digital-форматов, сочетающих решение профессиональных задач с углубленной фундаментальной подготовкой (математика, теория систем). Профессионал будущего — не просто пользователь инструментов, а их создатель.
- симуляторы и цифровые двойники: в рамках таких платформ акцент должен быть сделан на создании профессиональных и образовательных сред, моделирующих реальные задачи будущего (управление сложными сетевыми системами, проектирование в виртуальной реальности).
- этика, безопасность: обязательные модули по кибербезопасности, этике искусственного интеллекта.

Ресурсы защиты – материальные и нематериальные блага, необходимые для обеспечения защиты невластных субъектов от угроз потрясений на рынке труда.

Отметим, что роль и значение цифровых технологий как инструмента трудовых отношений изучается учеными М. А. Демешко, О. В. Шпиговой [6, с. 132], Н. В. Летовой [7, с. 54]. П. А. Романова, В. М. Сайфутдинова обоснованно полагают, что «цифровизация труда подчеркивает важность достижения баланса между технологическими достижениями и защитой прав работников, под-

черкивается необходимость постоянной адаптации трудового законодательства для удовлетворения меняющихся требований цифровой эпохи» [8, с. 1229]. Е. И. Луговской справедливо отмечает, что «появление технологий и глобализация позволили компаниям внедрить модели удаленной работы. Эта система поощряет гибкий рабочий процесс, который дает сотрудникам автономию и контроль. Возможность работать удаленно также является преимуществом» [9, с. 32]. Однако отсутствовало комплексное исследование относительно возможности применения цифровых технологий в качестве ресурса для сокращения рабочего времени в случае досрочного выполнения работником поставленных перед ним задач и введения гибридного (очно-дистанционного) режима работы.

Проблемы правового регулирования применения цифровых технологий в области труда и занятий

В Трудовом кодексе Российской Федерации не содержится правовое регулирование вопросов использования цифровых технологий в трудовых отношениях как средства, позволяющего ввести гибридный (очно-дистанционный) формат работы или сокращения рабочего времени в случае, если работник выполняет поставленные перед ним задачи в более сжатые сроки на основе использования современных технологий. Глава 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации содержит положения, касающиеся особенностей регулирования труда дистанционного работника. В ст. 312.4 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению, если иное не предусмотрено локальными актами и трудовым договором. В соответствии со ст. 312.5 Трудового кодекса Российской Федерации выполнение работником трудовой функции дистанционно не может являться основанием для снижения ему заработной платы.

Изложенное обуславливает целесообразность дополнения главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации нормами относительно гибридного режима работы и возможности сокращения рабочего времени при досрочном выполнении работником поставленных задач. Гибридный режим работы – выполнение трудовых функций работником в дистанционном формате и на согласованном работником и работодателем рабочем месте с учетом соглашения сторон и исходя из особенностей порученной работнику трудовой функции в обусловленный трудовым договором промежуток времени. С учетом характера выпол-

няемых работником трудовой функции возможно сокращение времени рабочего дня работника с сохранением заработной платы в полном объеме и/или наделение его дополнительными задачами на условиях совмещения по согласованию сторон.

Выводы

Современные цифровые технологии являются действенным ресурсом кадрового сбережения в том, что позволяют решать рабочие задачи в автоматизированном формате, предлагать разные алгоритмы решений сложных проблем, и поощрение их применения работниками в виде предоставления возможности сокращенного рабочего дня, гибридного (очно-дистанционного) формата работы представляется действенным инструментом обеспечения национальной кадровой безопасности. Осуществляется защита работников от переутомления, профессионального выгорания в том, что работники будут заинтересованы в оптимизации и достижении эффективности своего труда. Одновременно создаются условия для поддержания и технологического суверенитета страны – имеющиеся цифровые технологии совершенствуются в том, что адаптируются под решение разных профессиональных задач и возникает возможность создания автоматизированного рабочего места нового формата. Изложенное обуславливает актуальность внесения дополнений в главу 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации в части установления гибридного режима работы и условий сокращения рабочего времени при выполнении рабочих задач в более короткие сроки.

Обеспечение кадровой безопасности на долгосрочную перспективу является важным ресурсом укрепления национального кадрового суверенитета России, позволяет ей не только гибко реагировать на современные тренды в области труда и занятий, включая профессиональную подготовку и повышение квалификации, но и быть страной, создающей тренды в указанной области. Постоянный и всё более масштабный процесс интеграции цифровых технологий как в трудовые, так и иные отношения, непосредственно связанные с трудовыми (профессиональная подготовка, повышение квалификации, наём работников, выполнение ими трудовых функций), вплоть до введения специальных унифицированных цифровых платформ для обучения, взаимодействия с работодателем и коллегами, решения профессиональных задач, является основой для дальнейшего укрепления кадрового суверенитета России и занятия ею лидирующих позиций в мире в указанной области.

Список литературы:

- [1] Мешкова И. В. Кадровая безопасность в системе национальной безопасности России // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 8 (57). С. 907–913.
- [2] Шмелева Д. А., Федорова Л. П. Теоретические основы экономической и социальной безопасности организации // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2 (40). С. 117–125.
- [3] Кузьменко А. Г. Особенности правового регулирования кадровой политики в контексте обеспечения национальной безопасности России // Либерально-демократические ценности. 2025. Т. 9. № 1. С. 55–59.
- [4] Камалов А. А. Национальная кадровая безопасность // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 9 (127). С. 43–47.
- [5] Мехдиев Ш. З. Государственная кадровая политика и национальная безопасность страны // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3. № 11 (107). С. 56–61.
- [6] Демешко М. А., Шпигова О. В. Трудовые отношения: вектор на цифровизацию // Вестник Академии. 2023. № 1. С. 131–141.
- [7] Летова Н. В. Правовой статус ученого в современных цифровых реалиях // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2020. № 3 (25). С. 50–55.
- [8] Романова П. А., Сайфутдинова В. М. Цифровые технологии в трудовых отношениях // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 6 (81). С. 1225–1229.
- [9] Луговской Е. И. Анализ существующих моделей управления в организациях, использующих цифровые технологии // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2024. Т. 23. № 3. С. 29–36.
- [10] Положение о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3528.

References:

- [1] Meshkova I.V. Personnel security in the national security system of Russia//Mission of confessions. 2021. T. 10. № 8 (57). S. 907-913.
- [2] Shmeleva D.A., Fedorova L.P. Theoretical foundations of the economic and social security of the organization//Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. № 2 (40). S. 117-125.
- [3] Kuzmenko A. G. Features of the legal regulation of personnel policy in the context of ensuring the national security of Russia//Liberal democratic values. 2025. VOL. 9. № 1. S. 55-59.
- [4] Kamalov A. A. National personnel security//Economics and business: theory and practice. 2025. № 9 (127). S. 43-47.
- [5] Mehdiyev Sh. Z. State personnel policy and national security of the country//Economy and management: problems, solutions. 2020. VOL. 3. № 11 (107). S. 56-61.
- [6] Demeshko M.A., Shpigova O.V. Labor relations: vector for digitalization//Bulletin of the Academy. 2023. № 1. S. 131-141.
- [7] Letova N.V. Legal status of a scientist in modern digital realities//Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2020. № 3 (25). S. 50-55.
- [8] Romanova P. A., Sayfutdinova V. M. Digital technologies in labor relations//Alley of Science. 2023. VOL. 1. № 6 (81). S. 1225-1229.
- [9] Lugovskaya E.I. Analysis of existing management models in organizations using digital technologies//Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2024. VOL. 23. № 3. S. 29-36.
- [10] Regulation on the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 19.06.2012 No. 610 "On approval of the Regulation on the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation" //Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. № 26. Art. 3528.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-597-601

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОГРАММЫ ПО МЕТОДИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАБОТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. Статья раскрывает вопросы содержания одного из основных методических документов, посвященных функционированию пенитенциарных социальных работников и работников группы социального обеспечения, а именно, Программе организации и проведения социальной работы с осужденными. Эта социальная программа разрабатывалась работниками ФКУ НИИ ФСИН России исходя из тезиса о том, что «лишь социально защищенный человек, а в данном случае лицо, осужденное к отбыванию уголовного наказания, способен к адекватному восприятию весьма суггестивных мер со стороны администрации пенитенциарного учреждения по исправлению, то есть комплексному психолого-воспитательному воздействию мер» [2, с. 77; 3, с. 111].

Социальная программа имеет важное значение для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также соответствующую содержательную структуру. О содержании этой структуры идет речь в публикации.

Цель статьи – это раскрытие содержательной структуры программы по методическому обеспечению работы пенитенциарных социальных работников.

Задачи публикации:

определение значимости социальной программы для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также ее значимой и соответствующей содержательной структуры, играющей важную роль в работе пенитенциарных работников; установление значимости раздела социальной программы «Характеристика личности осужденного по результатам первичного обследования», содержащие значимые социально-демографические и криминологические данные, необходимые для успешной социальной работы с осужденными; раскрытие раздела номер два социальной программы «Факторы социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения», где указаны значимые данные об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению; определение в разделе социальной программы «Поведение осужденного в местах лишения свободы» аспектов, характеризующих соблюдение режима и дисциплинарной практики осужденным: аспекты поведения в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; характер нарушений, их количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений.

Рабочие гипотезы исследования:

социальная программа имеет важное значение для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также значимую и соответствующую содержательную структуру, играющую важную роль в работе пенитенциарных работников; раздел социальной программы «Характеристика личности осужденного по результатам первичного обследования» содержит значимые социально-демографические и криминологические данные, необходимые для успешной социальной работы с осужденными; в разделе номер два социальной программы «Факторы социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения» указаны значимые данные об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ

жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению; раздел социальной программы «Поведение осужденного в местах лишения свободы» оптимально характеризует соблюдение режима и дисциплинарной практики осужденным: аспекты поведения в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; характер нарушений, их количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений.

Результаты исследования. Материалы статьи раскрывают аспекты вопроса содержательной структуры программы по методическому обеспечению работы пенитенциарных социальных работников. В статье отмечается, что социальному работнику необходимо иметь представление о факторах социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения, а также иметь представление об отношении осужденного к преступлению и наказанию, и о поведении осужденного в местах лишения свободы.

Ключевые слова: Содержательная структура, социальная программа, методическое обеспечение, пенитенциарные социальные работники, разделы программы, отношение осужденного, факторы социального риска, анамнез, правопослушность осужденного.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE SUBSTANTIVE STRUCTURE OF THE PROGRAM FOR METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE WORK OF PENITENTIARY SOCIAL WORKERS

Annotation. This article explores the content of one of the key methodological documents dedicated to the work of penitentiary social workers and social welfare staff, namely, the Program for Organizing and Conducting Social Work with Convicts. This social program was developed by staff at the Federal Penitentiary Service Research Institute based on the premise that "only a socially protected individual, and in this case, an individual sentenced to serve a criminal sentence, is capable of adequately responding to highly suggestive correctional measures from the penitentiary administration, i.e., to the comprehensive psychological and educational impact of these measures."

The social program is essential for social workers and social welfare staff, as is its corresponding substantive structure. The publication discusses the content of this structure. The purpose of this article is to reveal the substantive structure of the program for methodological support of penitentiary social workers.

The objectives of the publication: to determine the significance of the social program for social workers and social security staff, as well as its significant and appropriate substantive structure, which plays a vital role in the work of penitentiary workers; to establish the significance of the social program section "Characteristics of the convict's personality based on the results of the initial examination", containing significant socio-demographic and criminological data necessary for successful social work with convicts; to disclose section number two of the social program "Social risk factors in the anamnesis and law-abidingness of a person before conviction", which indicates significant data on the convict: a brief analysis of childhood and its impact on personality development; the presence of criminal records among relatives and friends; lifestyle, forms of leisure that contributed to unlawful behavior; to determine in the social program section "Behavior of a convict in places of deprivation of liberty" aspects characterizing the compliance with the regime and disciplinary practices by the convict: aspects of behavior in a pre-trial detention center and in a correctional institution; The nature of the violations, their number, disciplinary measures, the convicted person's response to them, the grounds for rewards, and the number of rewards.

Working hypotheses of the study: The social program is essential for social workers and social welfare staff, and a meaningful and appropriate substantive structure plays a significant role in the work of penitentiary staff. The section of the social program, "Characteristics of the convicted person's personality based on the results of the initial examination," contains significant socio-demographic and criminological data necessary for successful social work with convicted persons. Section two of the social program, "Social risk factors in the anamnesis and the law-abidingness of a person

before conviction,” provides relevant data about the convicted person: a brief analysis of childhood and its impact on personality development; the presence of criminal records among relatives and friends; lifestyle and leisure activities that contributed to unlawful behavior. The section of the social program, “Behavior of a convicted person in places of imprisonment,” optimally characterizes the convicted person’s compliance with the regime and disciplinary practices: aspects of behavior in a pre-trial detention center and in a correctional facility. The nature of the violations, their number, disciplinary measures, the convicted person’s response to them, the grounds for rewards, and the number of rewards.

Research Results. The article explores aspects of the substantive structure of a program for methodological support of the work of penitentiary social workers. The article notes that social workers must be aware of social risk factors in the individual’s medical history and law-abidingness prior to conviction, as well as have an understanding of the convicted person’s attitude toward crime and punishment, and their behavior in prison.

Key words: *Substantive structure, social program, methodological support, penitentiary social workers, program sections, attitude of the convicted person, social risk factors, medical history, law-abidingness of the convicted person.*

Введение. В публикации рассмотрен вопрос содержания одного из основных методических документов, посвященных функционированию пенитенциарных социальных работников и работников группы социального обеспечения, а именно, Программе организации и проведения социальной работы с осужденными [1, с. 15].

Социальная программа имеет важное значение для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также соответствующую содержательную структуру. О содержании этой структуры идет речь в публикации.

Гипотезы исследования:

социальная программа имеет важное значение для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также значимую и соответствующую содержательную структуру, играющую важную роль в работе пенитенциарных работников;

раздел социальной программы «Характеристика личности осужденного по результатам первичного обследования» содержит значимые социально-демографические и криминологические данные, необходимые для успешной социальной работы с осужденными;

в разделе номер два социальной программы «Факторы социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения» указаны значимые данные об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению;

раздел социальной программы «Поведение осужденного в местах лишения свободы» оптимально характеризует соблюдение режима и дисциплинарной практики осужденным: аспекты поведения в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; характер нарушений, их

количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений.

Цель статьи – определение содержательной структуры программы по методическому обеспечению работы пенитенциарных социальных работников.

Задачи исследования:

определение значимости социальной программы для социальных работников и работников группы социального обеспечения, а также ее значимой и соответствующей содержательной структуры, играющей важную роль в работе пенитенциарных работников;

установление значимости раздела социальной программы «Характеристика личности осужденного по результатам первичного обследования», содержащие значимые социально-демографические и криминологические данные, необходимые для успешной социальной работы с осужденными;

раскрытие раздела номер два социальной программы «Факторы социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения», где указаны значимые данные об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению;

определение в разделе социальной программы «Поведение осужденного в местах лишения свободы» аспектов, характеризующих соблюдение режима и дисциплинарной практики осужденным: аспекты поведения в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; характер нарушений, их количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

В материалах публикации содержательному анализу подвержен, прежде всего, такой образец методической продукции в направлении обеспечения функционирования пенитенциарных социальных работников и работников группы социального обеспечения как Программа организации и проведения социальной работы с осужденными (далее – социальная программа). Социальная программа разрабатывалась работниками ФКУ НИИ ФСИН России исходя из тезиса о том, что «лишь социально защищенный человек, а в данном случае лицо, осужденное к отбыванию уголовного наказания, способен к адекватному восприятию весьма суггестивных мер со стороны администрации пенитенциарного учреждения по исправлению, то есть комплексному психолого-воспитательному воздействию мер» [4, с. 277; 5, с. 11].

Соответственно, раздел номер один социальной программы «Характеристика личности осужденного по результатам первичного обследования», посвящен следующим социально-демографическим и криминологическим данным: фамилия, имя, отчество; год и дата рождения; уголовные статьи и срок наказания; что конкретно совершил; начало и конец срока; дата прибытия в исправительное учреждение; наличие предыдущих судимостей; национальность; гражданство; наличие паспорта; образование; специальность; религиозная принадлежность; трудовой стаж; служба в вооруженных силах; место рождения; место жительства; наличие жилья; с кем проживал; материальное благополучие, источники дохода; семейное положение; сведения о родственниках; отношения с близкими людьми; внешний вид; поведение в ходе беседы и тестирования.

Раздел номер два социальной программы «Факторы социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения» посвящен следующим данным об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению; употребление спиртных напитков и наркотических средств; состояние здоровья, наличие психических отклонений; наличие контактов с криминальными элементами [5, с. 143]; привлечение к административной ответственности и за что.

Раздел третий социальной программы «Отношение осужденного к преступлению и наказанию» содержит в себе сведения о том, признает ли осужденный свою вину за совершенное преступление; если совершил преступление в группе, то какова его роль (организатор, исполнитель, др.); наиболее вероятностные мотивы преступления и как их объясняет осужденный; признает ли, что причинил вред жертве, родственникам (физический, экономический, моральный); наличие иска, и стремление его погасить; считает ли наказание справедливым.

Раздел четвертый социальной программы «Поведение осужденного в местах лишения свободы» характеризует соблюдение режима и дисциплинарной практики осужденным: аспекты поведения в следственном изоляторе и в исправительном учреждении; характер нарушений, их количество, меры дисциплинарного воздействия, реакция на них осужденного, основания поощрений и количество мер поощрений; отношение к другим осужденным, администрации учреждения и криминальной субкультуре; отношение к труду, в том числе к работам без оплаты труда; отношение к повышению образовательного уровня; в каких условиях осужденный отбывает наказание (обычные, облегченные, строгие).

Разделы пятый и шестой социальной программы «Личностные особенности осужденного», а также «Степень выраженности криминально значимых свойств личности осужденного», определяют состояние личностных характеристик осужденного: социально-психологический статус осужденного; уровень его интеллекта, особенности мышления, волевые качества, самостоятельность, развитие эмоциональной сферы, способности, общительность, организованность, работоспособность; доминирующие свойства личности; отклонения от принятых в обществе ценностных ориентаций; низкий уровень психологической устойчивости, импульсивность; высокая агрессивность, враждебность; неадекватная самооценка; акцентуации характера.

Раздел номер семь социальной программы «Общие выводы», являясь заключительным разделом программы, раскрывает факторы, способствовавшие совершению преступления, а также степени криминальной зараженности осужденного. В нем также раскрываются задачи на ближайшее время и на перспективу, которые предстоит решать сотрудникам учреждения в ходе воспитательной работы с конкретным осужденным.

Выводы, заключение. Подводя выводы по содержанию статьи, хотелось бы отметить, что компетентность пенитенциарных социальных работников и работников группы социального

обеспечения напрямую зависит от качества методического обеспечения их профессиональной деятельности.

Отметим, что в данном случае, это касается владения содержанием Программы организации и проведения социальной работы с осужденными. Данная программа определяет необходимым ориентированием в характеристиках личности осужденного по результатам первичного обследования социальным работником, посвященного ряду социально-демографических, криминологических данных: фамилия, имя, отчество; год и дата рождения; уголовные статьи и срок наказания; что конкретно совершил; начало и конец срока; дата прибытия в исправительное учреждение; наличие предыдущих судимостей; национальность и т.д.

Социальному работнику необходимо и иметь представление о факторах социального риска анамнеза и правопослушность лица до осуждения» посвящен следующим данным об осужденном: краткий анализ детства и его влияние на развитие личности; наличие судимых среди родственников и друзей; образ жизни, формы досуга, способствовавшие противоправному поведению.

Необходимо знать и личностные особенности осужденного и степень выраженности криминально значимых свойств его личности, определяющих состояние личностных характеристик осужденного: социально-психологический статус осужденного; уровень его интеллекта, особенности мышления, волевые качества, самостоятельность, развитие эмоциональной сферы, способности, общительность, организованность, работоспособность.

Список литературы:

[1] Агаев Н.М. Воспитательная функция наказания и механизм ее реализации: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Москва, – 1992. – 20 с.

[2] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[3] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направле-

ния профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[4] Майстренко Г.А. Воспитательный процесс с осужденными в уголовно-исполнительной системе с учетом общественного фактора // Право и управление. 2023. – № 12. – С. 277-280.

[5] Пищелко А.В. Социально-педагогические основы нравственного перевоспитания осужденных: Учеб. пособие (для слушателей вузов МВД). / А.В. Пищелко. Москва: Рос.право, – 1992. – 188 с.

References:

[1] Agaev N.M. Educational function of punishment and the mechanism for its implementation: author's review. dis... cand. jurid. sciences. Moscow, - 1992. - 20 s.

[2] Davydova N.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty//Law and education. – 2019. – № 2. - S. 111-116.

[3] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the criminal executive system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention// Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, young scientists specializing in the field of education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.

[4] Maistrenko G.A. Educational process with convicts in the penal system, taking into account the social factor//Law and management. 2023. – № 12. - S. 277-280.

[5] Pishchelko A.V. Social and pedagogical foundations of moral re-education of convicts: Textbook (for students of universities of the Ministry of Internal Affairs) ./A.V. Pishchelko. Moscow: Ros. pravo, - 1992. - 188 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-602-606

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: chigrineczv@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию международно-правовых и национальных механизмов освобождения от уголовной ответственности. Автор анализирует специфику применения сроков давности к преступлениям против человечества, рассматривает опыт реализации институтов деятельного раскаяния и медиации в различных правовых семьях (на примере стран Восточной Азии и Европы). Особое внимание уделяется теоретическому разграничению категорий «примирение с потерпевшим» и «медиация», а также концепции восстановительного правосудия. В статье обосновывается необходимость имплементации позитивного зарубежного опыта в российское уголовное законодательство для повышения его гуманистического потенциала.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, сроки давности, деятельное раскаяние, медиация, восстановительное правосудие, сравнительное правоведение.

CHIGRINETZ Vladislava Sergeevna,
Lecturer of the Department of Criminal Law
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. This article explores international legal and national mechanisms for exemption from criminal liability. The author analyzes the specifics of applying statutes of limitations to crimes against humanity and examines the implementation of active repentance and mediation in various legal systems (using East Asian and European countries as examples). Particular attention is paid to the theoretical distinction between the categories of “reconciliation with the victim” and “mediation,” as well as the concept of restorative justice. The article substantiates the need to incorporate positive international practices into Russian criminal law to enhance its humane potential.

Key words: release from criminal liability, statute of limitations, active repentance, mediation, restorative justice, comparative law.

Введение

В условиях современной трансформации уголовно-правовых доктрин институт освобождения от уголовной ответственности выступает одним из ключевых инструментов реализации принципов гуманизма и справедливости [11, с. 296]. Динамика развития мирового правового пространства демонстрирует отход от репрессивных моделей правосудия в пользу поиска баланса между публичными интересами государства и частными интересами личности. Обусловленное культурными традициями, социально-политической обстановкой и историческим наследием, национальное законодательство различных госу-

дарств формирует уникальные механизмы освобождения от ответственности, изучение которых представляет значительный научно-практический интерес.

Особую актуальность приобретает сравнительно-правовой анализ законодательства стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Несмотря на наличие общего фундамента в виде Модельного Уголовного кодекса СНГ, национальные системы уголовного права стран-участниц демонстрируют существенную диверсификацию. В то время как одни государства (Республика Беларусь (далее – РБ), Республика Казахстан (далее – РК)) интегрируют уникальные основания,

связанные с психологическим состоянием субъекта или административной преюдицией, другие сохраняют приверженность классическим институтам, таким как изменение обстановки. Параллельно с этим, глобальный вектор на развитие восстановительного правосудия и внедрение медиативных процедур, успешно апробированных в странах Западной Европы (Германия, Австрия, Франция), ставит перед отечественным законодателем вопрос о необходимости качественного пересмотра существующих механизмов примирения с потерпевшим. Исследование зарубежного опыта в данной сфере позволяет не только выявить векторы развития уголовной политики, но и сформировать теоретическую базу для дальнейшей гуманизации российского уголовного законодательства.

Цель и задачи

Цель исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа оснований освобождения от уголовной ответственности в законодательстве Российской Федерации, стран СНГ и ряда европейских государств для выявления наиболее эффективных моделей и обоснования путей совершенствования отечественного уголовного закона.

Задачи исследования: изучить роль Модельного Уголовного кодекса государств-участников СНГ в формировании единых подходов к институту освобождения от уголовной ответственности; проанализировать специфику и правовую природу основания «изменение обстановки» в уголовном праве стран СНГ и оценить целесообразность его возвращения в российскую правовую плоскость; выявить и охарактеризовать уникальные основания освобождения от ответственности в законодательстве РК и РБ; провести сравнительный анализ института примирения с потерпевшим по УК РФ и процедур восстановительной медиации в европейской юридической практике.

Методология исследования

В статье используются общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты

В различных государствах правовые механизмы оснований освобождения от уголовной ответственности и перечень самих оснований разнятся, что может быть обусловлено множеством причин, таких как культурные традиции, правовая система, политическая обстановка и др. Необходимо отметить, что во многих зарубежных странах основания освобождения от уголовной ответ-

ственности в том виде, в каком они применяются в отечественном уголовном праве, не используются. Несмотря на это, их объединяет общая цель - соблюдение баланса между справедливостью и гуманностью, частными и публичными интересами.

Наибольшую корреляцию имеют институты освобождения от уголовной ответственности Российской Федерации и остальных стран Содружества Независимых Государств (далее-СНГ). Думается, что сходство обусловлено наличием Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ, повлиявшего на формирование уголовно-правовых норм [1, с. 166]. Такие основания освобождения от уголовной ответственности как истечение срока давности и принудительные меры воспитательного воздействия являются общими для уголовного законодательства стран СНГ, однако наибольший научный интерес представляет изучение отличий правовой регламентации оснований в Уголовных кодексах стран СНГ.

Так, в странах СНГ, помимо Российской Федерации, в которой оно предусмотрено в качестве основания освобождения от наказания, закреплено такое основание освобождения от уголовной ответственности как изменение обстановки. Специфика данного основания заключается в потере общественной опасности преступления ввиду изменений в различных сферах общественных отношений, либо в утрате самим лицом, совершившим преступление, общественной опасности, например, отстранение от должности, с использованием которой было совершено преступление[2, с. 67].

В законодательстве стран СНГ присутствуют и иные уникальные основания освобождения от уголовной ответственности, не имеющие аналогов в отечественном уголовном праве. Уголовный кодекс Казахстана содержит положение, предусмотренное ст. 66, заключающееся в возможности лица быть освобожденным от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны вследствие страха, испуга или замешательства, вызванного общественно опасным посягательством[3]. Подобных условий снятия ответственности не прослеживается в законодательстве других стран СНГ. Норма, предусмотренная ст. 86 УК РБ допускает освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что лицо может быть исправлено посредством административного взыскания [4].

В современном мировом правовом пространстве наблюдается устойчивая тенденция к расширению институтов восстановительного правосудия, в частности, процедуры медиации как самостоятельного основания освобождения от

уголовной ответственности. В отличие от российской практики примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), которая зачастую носит формальный характер, в ряде западноевропейских стран (например, в Германии, Австрии и Франции) широко применяется институт заглаживания вреда виновным. Данный механизм предполагает обязательное участие нейтрального посредника-медиатора и направлен на реальное разрешение конфликта и ресоциализацию правонарушителя без назначения наказания. Интеграция подобных процедур в отечественное законодательство представляется актуальным направлением гуманизации уголовной политики.

Переходя к рассмотрению анализируемого института в иных зарубежных странах, помимо СНГ, необходимо акцентировать внимание на таком основании освобождения от уголовной ответственности как освобождение с назначением судебного штрафа, поскольку его применение в каждой стране имеет свои отличительные особенности. В действующем российском уголовном законе данное основание было закреплено сравнительно недавно - в 2016 году, и его применение состоит в прямой взаимосвязи с тяжестью совершенного деяния. В то же время, в параграфе 27 Уголовного законодательства Норвегии наложение штрафа связывается, помимо характера преступления, с финансовой возможностью лица, совершившего преступление, заплатить его в сложившихся обстоятельствах[5]. В Нидерландах штраф назначается пропорционально доходу осужденного, но не может быть ниже законодательно установленного минимума. Шотландское законодательство предусматривает механизм «фискального штрафа», размер которого строго определен и не может быть изменен, исходя из обстоятельств дела.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности законодательно закреплено и активно используется в странах романо-германской правовой семьи. В англо-саксонской правовой системе так же присутствует данное основание, однако оно применяется не ко всем общественно опасным деяниям, а только к тем, которые относятся к преступлениям небольшой тяжести. В этой связи, по нашему мнению, необходимо упомянуть Конвенцию «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества», принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году и ратифицированную Президиумом Верховного Совета СССР в 1969 году. В соответствии со ст. 1 данного соглашения, сроки давности не применяются к лицам, совершившим военные преступления и преступления против человечества [6].

Важным аспектом в контексте современной международной безопасности является вопрос о неприменимости сроков давности к наиболее тяжким посягательствам против человечества. Так, согласно Конвенции ООН 1968 года, к военным преступлениям и преступлениям против человечности сроки давности не применяются вне зависимости от даты их совершения. Данное положение нашло отражение в уголовном законодательстве большинства государств (включая ст. 78 УК РФ и аналогичные нормы в УК стран СНГ), что создает особый правовой режим, исключающий освобождение от ответственности в силу течения времени. В условиях текущей геополитической нестабильности сохранение этой жесткой правовой позиции является необходимым инструментом защиты мирового правопорядка и обеспечения неотвратимости наказания за международные преступления.

Деятельное раскаяние так же является достаточно распространенным основанием освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах и применяется в Корее, Японии, Чехии и т.д. Интерес вызывает то, что в некоторых странах, таких как Испания и Польша, деятельное раскаяние рассматривается не только как основание освобождения, но и как смягчающее обстоятельство [7].

Медиация в зарубежных странах, в отличие от Российской Федерации, рассматривается как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности. Под медиацией следует понимать способ урегулирования конфликта с помощью воздействия третьей стороны – медиатора. Как следует из ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и из анализа норм Уголовного кодекса РФ, медиация не применяется в уголовном судопроизводстве, однако ряд авторов придерживаются позиции, что примирение с потерпевшим является разновидностью медиации [8]. Сложно согласиться с таким мнением, поскольку сама суть медиации как правового явления предполагает участие в примирительной процедуре, как было отмечено ранее, третьего лица – медиатора, тогда как примирение с потерпевшим не предполагает вмешательства со стороны иных лиц. Изначально процедура медиации появилась в США после проведения конференции Г.Паунда «причины неудовлетворенности населения администрированием системы правосудия в США», затем распространилась в Европе [9]. И все же исходным моментом для понимания медиации является ее трактовка как «конфронтации моделей карательного и восстановительного правосудия» [10, с. 85].

Помимо общих тенденций в развитии современного института освобождения от уголовной ответственности, сохраняются и старые различающиеся подходы к пониманию: добровольности освобождения похищенной жертвы как основания освобождения от уголовной ответственности похитителя (ст. 126 УК РФ) [11]; специальных оснований освобождения от уголовной ответственности [12]. Впрочем, в последнем случае это вполне объяснимо.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ институтов освобождения от уголовной ответственности позволяет констатировать, что современная уголовная политика развивается в векторе диверсификации оснований прекращения уголовного преследования. Несмотря на общность целей — обеспечение баланса между частными и публичными интересами, — зарубежный опыт демонстрирует более гибкие подходы к учету психологического состояния правонарушителя и потенциала восстановительного правосудия.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что:

1. Институт освобождения от уголовной ответственности нашел свое закрепление в законодательных актах многих государств. Основания освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации и в зарубежных странах имеют как точки соприкосновения, так и уникальные, детерминированные спецификой государства, основания. Особенно это касается специальных оснований освобождения от уголовной ответственности [12, с. 160]. Однако, несмотря на отличия, все они следуют идее гуманизма.
2. Наибольшее соотношение отечественный исследуемый институт имеет с институтами, закрепленными в уголовном законодательстве СНГ, что определено в первую очередь выстраиванием уголовно-правовой политики на примере Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ. Сходство с законодательством иных зарубежных стран в анализируемой области прослеживается не в такой мере. Так, в зарубежном законодательстве закреплены такие основания освобождения от уголовной ответственности как назначение судебного штрафа, в связи с истечением сроков давности, в связи с деятельным раскаянием и др., однако механизмы применения в каждой стране свои.
3. Предлагается дополнить УК РФ самостоятельным основанием — «Освобождение от уголовной ответственности в связи с успешным прохождением процедуры медиации»,

что предполагает достижение одного из оснований уголовного преследования. В отличие от ст. 76 УК РФ, данная норма должна предусматривать обязательное участие нейтрального посредника и документальное подтверждение не только факта выплаты компенсации, но и социально-психологического разрешения конфликта. Это позволит перевести институт примирения из формально-материальной плоскости в плоскость реального восстановительного правосудия [10, с. 85]

Изучение данного аспекта выбранной проблематики представляет практический интерес, поскольку использование положительного опыта зарубежных стран может помочь в совершенствовании отечественного уголовного законодательства.

Список литературы:

- [1] Иванцова Н.В. Модельный Уголовный кодекс для государств участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. - 2011. - №6. - С. 166-169.
- [2] Рязанцев А. С. Особенности освобождения от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Пермский период: Сборник материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь, 14–19 мая 2018 года. Том 1. - Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. - 2018. - С. 67-69.
- [3] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V// Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 10.01.2026).
- [4] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 11.01.2026).
- [5] Жменя А.В. Уголовное законодательство Норвегии // Библиотека ФБ2 РФ. - URL: <https://fb2.pf/ugolovnoe-zakonodatelystvo-norvegii-11132591> (дата обращения: 15.01.2025).
- [6] Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятая резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года // Ведомости ВС СССР. 1971. №2. Ст.18.
- [7] Карапетян М. Д. Сравнительно-правовой анализ института освобождения от уголовной ответственности / М. Д. Карапетян, Г. С. Тюнина //

Молодежь и XXI век - 2018 : материалы VIII Международной молодежной научной конференции, Курск, 21–22 февраля 2018 года / Юго-Западный государственный университет. Том 3. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2018. – С. 165-169.

[8] Абоян А.А. Проблемы внедрения процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2020. – №6 (49). – С. 64-67.

[9] Нохрин С. В. Анализ медиации в уголовном процессе европейских стран// Ex jure. – 2020. – №4. – С. 185-197.

[10] Сафонов В. Н. Восстановительное правосудие и системность права / В. Н. Сафонов // Право и политика. – 2024. – № 1. – С. 80-96.

[11] Сафонов В. Н. Освобождение от уголовной ответственности за похищение человека: необходимы коррекция оснований и определенность правоприменительной практики / В. Н. Сафонов // Закон. Право. Государство. – 2022. – № 2(34). – С. 295-299.

[12] Сафонов В. Н. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности: общая характеристика / В. Н. Сафонов, А. А. Артамонова // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 2(46). – С. 159-162.

References:

[1] Ivantsova N.V. Model Criminal Code for CIS Member States and Criminal Legislation of the Russian Federation: Comparative Legal Aspect//Gaps in Russian Legislation. – 2011. – №6. – P.166-169.

[2] Ryazantsev A.S. Features of exemption from criminal liability under the legislation of the CIS countries//Perm period: Collection of materials of the V International Scientific and Sports Festival of Cadets and Students, Perm, May 14-19, 2018. Volume 1. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. – 2018. – S. 67-69.

[3] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V//Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Repub-

lic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (access date: 10.01.2026).

[4] Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 No. 275-3//National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (access date: 11.01.2026).

[5] A.V. Zhmenya. Criminal Law of Norway//Library of FB2 of the Russian Federation. – URL: <https://ф62.пф/ugolovnoe-zakonodatelystvo-norvegii-11132591> (access date: 15.01.2025).

[6] Convention on the non-applicability of the statute of limitations to war crimes and crimes against humanity, adopted by resolution 2391 (XXIII) of the UN General Assembly of November 26, 1968//Vedomosti of the USSR Armed Forces. 1971. №2. St.18.

[7] Karapetyan M. D. Comparative legal analysis of the institution of exemption from criminal liability/M. D. Karapetyan, G. S. Tyunina//Youth and the 21st Century - 2018: materials of the VIII International Youth Scientific Conference, Kursk, February 21-22, 2018/Southwestern State University. Volume 3. – Kursk: University Book Closed Joint Stock Company, 2018. – S. 165-169.

[8] Aboyan A.A. Problems of introducing the mediation procedure into the criminal process of the Russian Federation//Eurasian Bar. – 2020. – №6 (49). – S. 64-67.

[9] Nohrin S.V. Analysis of mediation in the criminal process of European countries//Ex jure. – 2020. – №4. – S. 185-197.

[10] Safonov V.N. Restorative justice and consistency of law/V.N. Safonov//Law and politics. – 2024. – № 1. – S. 80-96.

[11] Safonov V.N. Exemption from criminal liability for kidnapping: correction of grounds and certainty of law enforcement practice are necessary/V.N. Safonov//Law. Right. State. – 2022. – № 2(34). – S. 295-299.

[12] Safonov V.N. Special types of exemption from criminal liability: general characteristics/V.N. Safonov, A.A. Artamonova//Law. Right. State. – 2025. – № 2(46). – S. 159-162.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-607-613

ЛАТКО Дмитрий Константинович,
соискатель кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: rmk51@yandex.ru

Научный руководитель:
ВАСЯЕВ Александр Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университет
а имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

О ПРОБЛЕМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО, ПОНЕСЕННЫХ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с возмещением расходов на оплату услуг представителя потерпевшего, понесенных на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Автор рассматривает историю возникновения проблемы, связанную с введением в Положение о возмещении процессуальных издержек, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 пункта 22(3) во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П, анализирует позиции, имеющиеся в судебной практике, при которых суды рассчитывают размер расходов на оплату услуг представителя по соглашению, понесенных на досудебных стадиях, по ставкам, определенным в указанном пункте.

Автор приходит к выводу о том, что пункт 22(3) Положения не может подлежать применению при переходе уголовного дела на судебную стадию, приводит доводы о его незаконности, предлагая новую редакцию.

Ключевые слова: процессуальные издержки, возмещение процессуальных издержек, представитель потерпевшего.

LATKO Dmitry Konstantinovich,
applicant of the Department of Criminal Procedure Law
of the Moscow State Law University
named after O.E. Kutafin (MSAL)

Scientific supervisor:
VASYAEV Alexander Alexandrovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Moscow State Law University
named after O.E. Kutafin (MSAL)

ON THE ISSUES OF REIMBURSEMENT OF EXPENSES FOR THE VICTIM'S REPRESENTATIVE INCURRED AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article discusses the problems associated with the reimbursement of expenses for the victim's representative services incurred at the pre-trial stages of the criminal process.*

The author describes the history of the problem associated with the introduction of paragraph 22(3) into the Regulation on the Reimbursement of Procedural Costs, approved by Decree of the Government of the Russian Federation № 1240 of 01.12.2012, in accordance with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation 18-P of 13.05.2021. The author analyzes the positions in judicial practice where courts calculate the amount of legal fees incurred in the pre-trial stages based on the rates specified in the Regulations.

The author concludes that paragraph 22(3) cannot be applied when a criminal case moves to the trial stage, and argues that it is illegal, proposing a new version.

Key words: *procedural costs, reimbursement of procedural costs, representative of the victim.*

Одним из важнейших конституционных прав потерпевшего в уголовном процессе России является его право на полное возмещение вреда от преступления. К числу такого вреда, несомненно, относятся расходы на оплату услуг представителя, понесенные на всех стадиях уголовного процесса. Однако в связи с недавними нормотворческими изменениями потерпевшие столкнулись с проблемой лишения их права на компенсацию расходов по оплате услуг представителя, участвовавшего на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Изначально возмещение расходов на представителя, как правило, производилось в соответствии с соглашением об оказании юридической помощи и документами об оплате не зависимо от стадии уголовного судопроизводства. Таким образом, потерпевшие получали финансовое возмещение, которое они вынуждены были потратить на юридическую помощь.

В 2021 году Конституционный Суд РФ рассмотрел дело по жалобе Э.Р. Юровских. Указанная гражданка являлась потерпевшей по уголовному делу, которое было прекращено на стадии предварительного расследования по нереабилитирующему основанию. Она столкнулась с проблемой того, что действующее правовое регулирование не позволяло ей обратиться напрямую в суд с ходатайством о возмещении расходов на представителя. Поскольку дело было прекращено на досудебной стадии, она вынуждена была просить об этом следователя, а при несогласии с его решением обжаловать его в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом в соответствии с указанной статьей суд не был в праве сам определить сумму, причитающуюся заявителю, а мог лишь признать постановление следователя незаконным и обязать его устранить соответствующее нарушение. Следователь же в свою очередь вновь выносил незаконное решение, которое приходилось обжаловать в суд, и так далее. То есть гражданка Юровских стала заложницей известной «карусели», в которую часто попадают заявители по статье 125 УПК РФ [1].

По результатам рассмотрения указанного дела Конституционный Суд вынес Постановление от 13.05.2021 № 18-П [6], в котором признал наличие указанной проблемы. Кроме того, Конституционный Суд отметил проблему неурегулированности вопроса возмещения расходов на оплату услуг представителя, поскольку согласно ч. 4 ст. 131 УПК РФ данный порядок должен быть установлен Правительством РФ, а в соответствующем Положении о возмещении процессуальных издержек, утвержденном Постановлением Правительства от 01.12.2012 года № 1240 [4] об этом ничего не было сказано. В резолютивной части Постановления № 18-П Конституционный Суд обязал федерального законодателя, а также Правительство РФ внести соответствующие нормативные изменения.

Законодатель отреагировал на Постановление Конституционного Суда введением в статью 125.1 УПК РФ частей 4—6 [2], которые, по сути, уполномочили суд, рассматривающий в порядке ст. 125 УПК РФ жалобу на постановление следователя (дознателя, прокурора) о возмещении расходов на оплату услуг представителя потерпевшего самостоятельно определить необходимую сумму, вместо передачи на повторное рассмотрение этого вопроса должностным лицам.

Правительство РФ же в свою очередь своим Постановлением [3] внесло в Положение о возмещении процессуальных издержек пункт 22(3), который представляется крайне спорным. Из указанного пункта следует, что возмещение расходов на представителя потерпевшего, понесенных в ходе досудебного производства осуществляется в размере не выше определенных в этом же пункте ставок, которые далее перечисляются по аналогии с пунктом 22(1), определяющим ставки для выплаты вознаграждения адвокатам по назначению.

Размеры ставок, введенных в п. 22(3), полностью соответствовали ставкам адвокатов по назначению на тот период времени (то есть на октябрь 2022 года). Например, в соответствии с подп. «г» п. 22(3) Положения по общему правилу один день участия представителя потерпевшего в ночное время оценивается в 1846 р., в нерабочий

день – 2132 р., в остальное время – 1560 р., точно также как для адвоката по назначению с 01.10.2022 (подп. «г» п. 22(1) Положения).

Возникает вопрос: почему Правительство РФ ограничило право потерпевшего на компенсацию расходов на представителя, понесенных на досудебных стадиях в полном объеме? Совершенно не понятно, почему такие расходы должны определяться не соглашением об оказании юридической помощи или иными подтверждающими документами, а какими-то заранее определенными ставками адвокатов по назначению, которые, как известно, значительно ниже рыночных цен. Например, в соответствии с Методическими рекомендациями по минимальным размерам оплаты юридической помощи, утвержденными решением Советом Адвокатской Палаты Московской области [5] минимальный рекомендуемый размер вознаграждения адвоката по соглашению на досудебных стадиях составляет 75 000 р.

Более того, ставки для адвокатов по назначению, указанные в п. 22(1) Положения в 2023, 2024 и 2025 годах были проиндексированы Правительством в большую сторону, при этом ставки, указанные в п. 22(3) для представителя потерпевшего почему-то остались «замороженными» на уровне 2022 года.

Примечательно, что самом Постановлении Конституционного Суда № 18-П, во исполнение которого Правительство вносило изменения в Положение, Конституционный Суд указывал на то, что услуги адвоката по назначению, нельзя признать аналогичными услугам, оказываемым потерпевшему его представителем по соглашению. Данное разъяснение было связано с тем, что в деле Юровских в одном из обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ постановлений следователь незаконно рассчитал стоимость услуг ее представителя по аналогии с пунктом 22(1) Положения, то есть по ставкам адвоката по назначению.

Получается, что Конституционный Суд обязывал Правительство внести изменения в Положение для того, чтобы исключить возможность произвольного занижения должностными лицами органов предварительного расследования стоимости услуг представителя потерпевшего, как это было сделано в деле Юровских, а Правительство же вместо этого установило такое занижение в качестве обязательного по всей России.

Спорная формулировка пункта 22(3) породила серьезные проблемы на практике, значительно более существенные, чем это было в деле гражданки Юровских. Разъяснения Конституционного Суда касались ситуации возмещения судебных издержек по постановлению должностного

лица по прекращенному на досудебной стадии уголовном делу. Суды же начали производить расчет стоимости услуг представителя потерпевшего, оказанных на досудебных стадиях, по пункту 22(3) Положения во всех возможных ситуациях, даже когда дело перешло на стадию судебного разбирательства и соответствующее постановление выносилось судом.

Абсолютное большинство позиций в судебной практике в настоящее время сводятся к тому, что пункт 22(3) Положения распространяется на случаи возмещения расходов на оплату услуг представителя потерпевшего, оказывающего услуги на основании соглашения, если они оказывались на досудебных стадиях, причем не зависимо о того прекращалось ли дело на стадии предварительного расследования или перешло на судебную стадию, вне зависимости от того кому изначально подается ходатайство о возмещении соответствующих расходов: должностному лицу или в суд [11; 12; 13; 8].

Аргументация судов строится на том, что в соответствии с ч. 4 ст. 131 УПК РФ порядок и размеры возмещения процессуальных издержек, устанавливаются Правительством РФ, а раз в пункте 22(3) Положения оно установило, что расходы на представителя, понесенные на досудебных стадиях, не могут быть выше определенных в данном пункте значений, то этим и стоит руководствоваться.

В результате такого подхода суды удовлетворяют ходатайства потерпевших о возмещении расходов на представителя, понесенных на судебных стадиях в соответствии с соглашениями об оказании юридической помощи, но при этом игнорируют соответствующие соглашения по досудебным стадиям, производя расчет стоимости услуг исключительно по дням участия представителя, умноженным на ставки из п. 22(3) Положения.

Между тем, в судебной практике иногда встречаются и прямо противоположные решения, в которых суды, понимая абсурдность такого подхода, пытаются аргументировать право на компенсацию потерпевшему вреда в полном объеме. Например, Третий кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 16.05.2024 № 77-955/2024 признал незаконным расчет стоимости услуг представителя по п. 22(3) Положения со ссылкой на само Постановление Конституционного Суда № 18-П, в котором, как было указано выше, определено, что услуги адвоката по назначению, нельзя признать аналогичными услугам, оказываемым потерпевшему по соглашению. При этом, почему нижестоящие суды не должны были руководствоваться пунктом 22(3) Положения осталось без ответа.

В Первом кассационном суде общей юрисдикции наблюдается устойчивая практика, ориентирующая нижестоящие суды производить расчет стоимости услуг представителя на досудебных стадиях исключительно на основании пункта 22(3). Также это было и в постановлении от 28.08.2024 № 77-3028/2024, которым указанный суд в очередной раз признал незаконным возмещение потерпевшему расходов на основании соглашения об оказании юридической помощи со ссылкой на п. 22(3) Положения и на этом основании вернул дело на новое рассмотрение в Тульский областной суд в ином составе. Интересно, что Тульский областной суд при новом рассмотрении дела не согласился с мнением вышестоящей инстанции и снова отказался применять пункт 22(3) Положения, также сославшись на позицию Конституционного суда РФ, выраженную в Постановлении № 18-П о том, что адвоката по соглашению нельзя приравнивать к адвокату по назначению [17].

Пятый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 20.10.2025 № 77-1160/2025 указал на то, что производить расчет стоимости услуг представителя потерпевшего на основании п. 22(3) Положения неверно, поскольку в абзаце 6 этого пункта имеется отсылка к пункту 23, что, по мнению указанного суда, свидетельствует о том, что пункт 22(3) применим лишь к адвокатам по назначению. В то же время представляется, что норма абзаца 6 п. 22(3) Положения не свидетельствует о том, что данный пункт применяется к адвокатам по назначению, а лишь указывает на порядок определения оказанной помощи по аналогии с адвокатами по назначению. Более того, оплата вознаграждения адвоката по назначению регулируется пунктом 22(1) Положения, что прямо следует из его первого абзаца.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 19.02.2025 № 77-538/2025 отказался производить расчет на основании п. 22(3) Положения со ссылкой на то, что на момент проведения оплаты соответствующих услуг в 2021 и 2022 годах пункт 22(3) еще не был введен, а значит в силу ст. 4 УПК РФ он не должен применяться к таким отношениям. Это дело показательным тем, что прежнее регулирование является более благоприятным для потерпевшего, чем то, что было установлено после Постановления Конституционного Суда РФ, что само по себе абсурдно. Между тем, судя по вводной части постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции, заявление потерпевшей о возмещении расходов было подано в 2023 году, то есть после введения пункта 22(3) в Положение, а значит в силу ст. 4 УПК РФ на момент подачи заявления пункт 22(3) уже подлежал применению.

В 2024 году Верховный Суд РФ рассмотрел административное дело, в котором заявитель пытался признать пункт 22(3) частично не действующим, в связи с тем, что он противоречит нормативным актам, имеющим большую юридическую силу, в частности пункту 1 ст. 15 ГК РФ (о праве лица на полное возмещение убытков). Решением от 02.04.2024 № АКПИ23-1169 Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении заявленных требований, сославшись на то, что раз данное положение введено во исполнение ч. 4 ст. 131 УПК РФ, то оно не противоречит закону [7].

При этом со ссылкой на абз. 6 п. 22(3) Положения, Верховный Суд указал, что пункт 22(3) Положения «устанавливает предельные размеры значений подлежащих возмещению за счет средств федерального бюджета расходов потерпевшему в ходе досудебного производства по уголовному делу, применяемых дознавателем, следователем, прокурором при вынесении соответствующего постановления».

Из данного разъяснения остается неясным следующее: в случае если ходатайство о возмещении расходов на представителя, понесенных на досудебных стадиях, будет заявляться не должностному лицу, а в суд, будет ли в таком случае он ограничен ставками из пункта 22(3) Положения?

Судебную практику указанное решение Верховного Суда РФ не изменило. Суды по-прежнему продолжают рассчитывать расходы на услуги представителя потерпевшего, понесенные на досудебных стадиях, по ставкам из п. 22(3) Положения, независимо от стадии заявления соответствующего ходатайства. Например, в определении Кассационного военного суда от 30.07.2024 № 77-532/2024 приводится ссылка на указанное решение Верховного Суда, но делается вывод о том, что соответствующий расчет необходимо производить по п. 22(3) Положения [14].

Представляется, что пункт 22(3) Положения применим исключительно к уголовным делам, производство по которым не перешло на судебную стадию (в частности, к прекращенным уголовным делам). То есть к ситуациям, когда ходатайство о возмещении расходов на представителя может быть подано только непосредственно дознавателю, следователю или прокурору, с последующим вынесением ими постановления, которое может быть в дальнейшем обжаловано в суд в порядке ч. 4—6 ст. 125.1 УПК РФ.

В случае если ходатайство о возмещении расходов на представителя, понесенных на досудебной стадии, подается непосредственно в суд (что возможно только в случае перехода дела на судебную стадию), то размер понесенных расходов определяется не на основании пункта 22(3)

Положения, а на основании соглашения об оказании юридической помощи или иных доказательств их несения.

Сказанное следует из исторического и теологического толкования соответствующего пункта, который вводился во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ № 18-П, связанного с проблемой отсутствия надлежащего механизма возмещения соответствующих расходов по прекращенному уголовному делу на досудебных стадиях. Кроме того, об этом также свидетельствует сам пункт 22(3) Положения, в абзацах 1 и 6 которого перечисляются субъекты, принимающие соответствующее постановление о возмещении: дознаватель, следователь или прокурор (но не суд).

Представляется, что предложенное толкование в целом не противоречит позиции, изложенной в решении Верховного Суда РФ от 02.04.2024 № АКПИ23-1169 ВС.

В то же время, следует констатировать, что норма п. 22(3) Положения является незаконной по следующим причинам.

Во-первых, п. 22(3) Положения прямо противоречит позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении № 18-П, о том, что услуги адвоката по назначению, нельзя признать аналогичными услугам, оказываемым потерпевшему его представителем по соглашению. Следовательно, это норма неконституционна.

Во-вторых, п. 22(3) Положения противоречит праву потерпевшего на полное возмещение вреда, причиненного преступлением, а также процессуальных расходов, к числу которых относятся расходы на выплату вознаграждения представителю по соглашению в размере, превышающем ставки, перечисленные в указанном пункте.

В-третьих, п. 22(3) Положения противоречит Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17, в п. 34 которого разъяснено, что потерпевшему подлежат возмещению все необходимые и оправданные расходы, связанные с выплатой вознаграждения представителю, подтвержденные соответствующими документами.

В-четвертых, спорная норма ставит потерпевшего в худшее положение по сравнению с защитниками по назначению, поскольку ставки, указанные в п. 22(1) Положения для адвокатов по назначению выше.

В-пятых, спорная норма ставит потерпевшего, привлечшего представителя по соглашению, в худшее положение по сравнению с потерпевшим, имеющим представителя по назначению, возмещение расходов на которого производится в большем размере в соответствии с п. 22(1) Положения.

В-шестых, спорная норма ставит потерпевшего, привлечшего представителя по соглашению в худшее положение по сравнению с бывшим подозреваемым (обвиняемым), который в случае реабилитации вправе получить возмещение расходов на адвоката, понесенных на досудебных стадиях, в полном размере.

В-седьмых, норма п. 22(3) Положения в преданном ей в настоящем исследовании толковании предполагает различный вариант определения размера стоимости одной и той же оказанной юридической помощи только лишь в зависимости от того на какой стадии уголовного судопроизводства будет подано ходатайство о возмещении расходов.

Поэтому наиболее рациональной новой редакцией п. 22(3) Положения видится следующая: «В процессе досудебного уголовного производства расходы потерпевшего на оплату вознаграждения представителю возмещаются по постановлению следователя, дознавателя или прокурора на основании подтверждающих документов. В случае если размер таких расходов превышает значения, указанные в пункте 22(1), применяемом в соответствии с пунктом 22 настоящего Положения, то он не может быть ниже таких значений».

Остается надеяться, что в ближайшее время Конституционный Суд РФ в очередной раз пресекает указанную порочную судебную практику, не только обязав Правительство РФ внести необходимые изменения в Положение, но и дав исчерпывающее разъяснение недопустимости такого нарушения прав потерпевших. В противном же случае, жертвы преступлений могут снова оказаться жертвами очередной неудачной нормотворческой поправки.

Список литературы:

- [1] Васяев А.А. Протокол судебного заседания - доказательство? / А.А. Васяев, М.В. Пальчикова // Современное право. - 2010. - № 4. - С. 116-119.
- [2] Федеральный закон от 11.06.2022 № 181-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).
- [3] Постановление Правительства РФ от 18.10.2022 № 1858 «О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[4] Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (дата обращения: 29.12.2025).

[5] «Методические рекомендации по минимальным размерам оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам и юридическим лицам», утвержденные решением Совета АПМО от 27.03.2024 № 04/23-05 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[7] Решение Верховного Суда РФ от 02.04.2024 № АКПИ23-1169 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[8] Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2025 № 77-4145/2025 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[9] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2025 № 77-3066/2025 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[10] Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2025 № 77-1160/2025 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[11] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2025 № 77-1901/2025 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[12] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2025 № 77-538/2025 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[13] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2024 №

77-3028/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[14] Определение Кассационного военного суда от 30.07.2024 № 77-532/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[15] Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2024 № 77-955/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[16] Постановление Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.09.2023 № 55-489/2023 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.12.2025).

[17] Апелляционное постановление Тульского областного суда от 10.10.2024 по делу № 22-2213. URL: <https://oblsud.tula.sudrf.ru> (дата обращения: 29.12.2025).

References:

[1] Vasyaev A.A. Minutes of the court session - evidence ?/A.A. Vasyaev, M.V. Palchikova//Modern Law. - 2010. - No. 4. - S. 116-119.

[2] Federal Law of 11.06.2022 No. 181-FZ "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" //SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 18.10.2022 No. 1858 "On Amendments to the Regulation on Reimbursement of Procedural Costs Associated with Criminal Proceedings, Costs in Connection with the Consideration of the Case by an Arbitration Court, Civil Case, Administrative Case, as well as Costs in Connection with the Fulfillment of the Requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation" //SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2012 No. 1240 "On the procedure and amount of reimbursement of procedural costs, related to criminal proceedings, costs in connection with the consideration of the case by the arbitration court, civil case, administrative case, as well as expenses in connection with the fulfillment of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation and the invalidation of certain acts of the Council of Ministers of the RSFSR and the Government of the Russian Federation" (date of appeal: 29.12.2025).

[5] "Methodological Recommendations on the Minimum Fees for Legal Aid Provided by Lawyers to Citizens and Legal Entities," approved by the decision of the Council of the АРМО dated 27.03.2024 No. 04/23-05///SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.05.2021 No. 18-P "In the case of checking the constitutionality of part three of

Article 131 and Article 132 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as paragraph 30 of the Regulation on the reimbursement of procedural costs associated with criminal proceedings, costs of arbitration, civil, administrative case, as well as expenses in connection with the fulfillment of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. R. Yurovsky "///SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[7] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.04.2024 No. AKPI23-1169//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[8] Decision of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 04.12.2025 No. 77-4145/2025//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[9] Decision of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 30.10.2025 No. 77-3066/2025//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[10] Decision of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction of 20.10.2025 No. 77-1160/2025//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[11] Decision of the First Court of Cassation of General Jurisdiction of 17.06.2025 No. 77-1901/2025//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[12] Decision of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 19.02.2025 No. 77-538/2025//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[13] Decision of the First Cassation Court of General Jurisdiction of 28.08.2024 No. 77-3028/2024//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

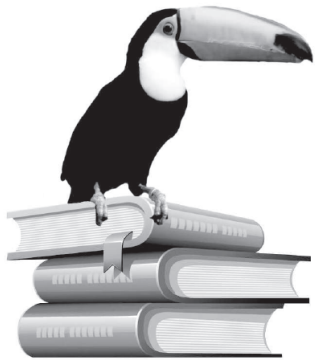
[14] Determination of the Military Court of Cassation dated 30.07.2024 No. 77-532/2024//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[15] Decision of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 16.05.2024 No. 77-955/2024//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[16] Decision of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction of 11.09.2023 No. 55-489/2023//SPS ConsultantPlus (date of appeal: 29.12.2025).

[17] Appeal ruling of the Tula Regional Court of 10.10.2024 in case No. 22-2213. URL: <https://oblsud.tula.sudrf.ru> (access date: 29.12.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-614-617

ЯЛОВЕНКО Татьяна Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: tgp_va@mail.ru

ВОПЛЕНКО Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: tgp_va@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается принцип презумпции невиновности как универсальная гарантия прав человека. Отдельное внимание уделено реализации принципа в сфере уголовного судопроизводства. Авторами исследуются содержание конституционных положений, уголовно-процессуального законодательства презумпции невиновности, а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: презумпция невиновности, подозреваемый, обвиняемый, обвинительный приговор, преступление, доказательство.

YALOVENKO Tatyana Vasilievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Theory and History
of Law and State of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

VOPLENKO Nikolay Nikolaevich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of Law and State of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article considers the principle of the presumption of innocence as a universal guarantee of human rights. Special attention is paid to the implementation of the principle in the field of criminal proceedings. The authors examine the content of the constitutional provisions, the criminal procedure legislation of the presumption of innocence, as well as the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: presumption of innocence, suspect, accused, conviction, crime, evidence.

Актуальность исследования принципа презумпции невиновности представляет собой один из наиболее гуманистических принципов уголовного судопроизвод-

ства, имеющий не только правовое, но и глубокое нравственное содержание. В уголовно-процессуальном праве принцип презумпции невиновности выступает гарантом справедливого судебного

разбирательства, защищая права личности от необоснованного обвинения в совершении преступления.

Цель работы состоит в анализе принципа презумпции невиновности, как одной из основополагающих гарантий прав человека в современном государстве.

Методы исследования: общенаучный диалектический метод познания, обобщения, системно-структурный, формально-догматический, анализа, системного подхода и другие.

Признание прав и свобод человека, а также провозглашение их высшей ценностью являются признаками правового государства, закрепленными в Конституции Российской Федерации. Конституционные положения о правах и свободах человека и гражданина относятся к числу ее неоспоримых достоинств. В качестве одной из основ конституционного строя в Конституции Российской Федерации (ст. 2) провозглашено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Признанием прав и свобод человека в качестве высшей ценности, их неотчуждаемого и природного характера, в Конституции Российской Федерации одновременно подчеркивается, что государство обязано признавать и соблюдать эти права и свободы. «Именно государство должно обеспечить, в том числе, карательными и запретительными нормами, невозможность нарушения основополагающих принципов демократического общества, к которым относятся принцип презумпции невиновности» [1].

В главе Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» закреплено одно из основополагающих прав человека - право на презумпцию невиновности, которое является гарантией защиты от неправомерного уголовного преследования.

В общем понимании, «презумпция» представляет собой юридическое предположение, закрепленное законом и имеющее силу «доказательства до опровержения», выполняющее функцию защиты прав человека. С учетом различных подходов к пониманию термина «презумпция», в юридической литературе предлагается определять ее как высоковероятное нормативно установленное индуктивное предположение о наличии или отсутствии факта, имеющего юридическое значение, основывающееся на объективных данных и имеющемся опыте о рассматриваемой ситуации и являющееся обязательным для применения, пока не будет установлено иное [2]. Другими словами, презумпция, являясь юридически установленным предположением, принимаемым

без доказательств, но допускающим возможность его опровержения (если иное не предусмотрено законом).

Анализ исторического становления данного принципа в российском законодательстве свидетельствует о его глубокой правовой традиции, уходящей своими корнями в XVI век. Уже в актах того времени, включая Соборное уложение и ряд иных законодательных документов, находили отражение нормы, направленные против необоснованных обвинений и наказаний без достаточной доказательной базы, что «подчеркивало важность процессуальной доказанности виновности, а не отсутствие факта вины, что и заложило основы для развития презумпции невиновности в российском праве» [3]. Тем самым формировалось понимание того, что в уголовном процессе решающее значение имеет именно доказанность виновности, а не предположение о ней.

Положения, устанавливающие презумпцию невиновности в первых правовых источниках Руси, заложили фундамент для дальнейшего формирования и развития принципа презумпции невиновности в сфере уголовного судопроизводства, придали ему устойчивое значение как гарантии защиты прав и свобод человека.

«Презумпция невиновности, развившаяся из презумпции добросовестности, как особый прием законодательной техники, имеет свою индивидуальную специфику генезиса, развития и трансформации, правовую природу и сущность, основанную на нормативности и вероятности предполагаемого в ней положения, условно принимаемого за истину» [4].

Статья 49 Конституции РФ направлена на обеспечение справедливости и законности в сфере уголовного судопроизводства, а также на охрану личной свободы, чести и достоинства каждого человека. Пока вина лица не доказана в установленном законом порядке и не подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, человек не может рассматриваться как преступник.

Таким образом, ст. 49 Конституции РФ выражает принцип, что государство обязано защищать личность от необоснованного обвинения и обеспечивать честное, беспристрастное судебное разбирательство.

Кроме того, положения статьи 49 Конституции РФ - об отсутствии обязанности обвиняемого доказывать свою невиновность и о толковании всех сомнений в его пользу, служат гарантией реализации права на защиту, права на справедливое судебное разбирательство и права на человеческое достоинство. Именно поэтому ст. 49 Кон-

ституции РФ включена в главу о правах и свободах человека и гражданина, ведь она закрепляет не процессуальную деталь, а принцип правового статуса личности, являющийся неотъемлемой частью системы защиты прав человека.

Конституционные положения презумпции невиновности нашли отражение в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее - УПК РФ) и служат важными правовыми гарантиями защиты личности от произвольного обвинения и неправомерного осуждения. Сущность презумпции невиновности в сфере уголовного судопроизводства также заключается в том, что обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда. До тех пор, пока вина лица не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда, он сохраняет все гарантии и возможности для защиты от предъявленного обвинения.

Положение о недопустимости возложения обязанности доказывания вины на обвиняемого прямо закреплено ч. 2 ст. 14 УПК РФ. В уголовном процессе бремя доказывания лежит на стороне обвинения - на следователе, дознавателе и прокуроре. Именно они должны представить суду достаточные, допустимые и достоверные доказательства, подтверждающие, что обвиняемый совершил преступление. Суд же оценивает эти доказательства и принимает решение, не нарушая при этом прав обвиняемого. Если бы обвиняемый обязан был доказывать свою невиновность, это означало бы переложение бремени доказывания с государства на гражданина, что лишало бы смысл самой презумпции невиновности. Безусловно, человек не может и не должен доказывать отсутствие того, чего он не совершал.

Неустранимые сомнения в виновности лица подлежат толкованию исключительно в пользу обвиняемого, что отражено также в ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Если после исследования всех доказательств у суда остаются сомнения в том, действительно ли подсудимый совершил преступление, в какой форме проявилась его вина, какова была степень его участия, были ли отягчающие или смягчающие обстоятельства, и такие сомнения невозможно устранить, суд не может выносить приговор, основываясь на предположениях или неполных данных. Положения защищают человека от ошибочного осуждения.

В ч. 4 ст. 14 УПК РФ закреплено, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Согласно положениям ч. 4 ст. 302 УПК РФ, обвинительный приговор не может быть основан на догадках, предположениях или недо-

казанных версиях событий и может быть постановлен исключительно при условии, что в ходе судебного разбирательства вина подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления подтверждена совокупностью достоверных и всесторонне исследованных судом доказательств. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна включать изложение установленных судом обстоятельств преступного деяния, признанного доказанным. Суд обязан привести перечень доказательств, на которых основаны его выводы относительно виновности подсудимого, и изложить мотивы, по которым он отверг и признал недостоверными иные доказательства, представленные сторонами в ходе судебного разбирательства.

Основная цель проверки доказательств заключается в установлении их соответствия критериям достоверности, относимости и допустимости. Проверка доказательств направлена не только на анализ содержания доказательств, но и на исследование источников их получения, а также условий, при которых они были собраны.

Под достоверностью доказательств понимается объективная истинность содержащихся в них сведений, их соответствие действительности и реальной картине произошедших событий. Для установления достоверности суд проверяет источники доказательственной информации, например, оценивает правдивость и последовательность показаний свидетелей, а также сопоставляет представленные данные с другими доказательствами по делу. Если между ними выявляются противоречия, например, между показаниями свидетеля и вещественными доказательствами, это может вызвать сомнение в их надежности и требовать дополнительной проверки. Кроме того, анализируется возможность возникновения ошибок, искажений или влияния внешних факторов в процессе получения доказательственного материала.

Достаточность доказательств означает, что их совокупность дает суду возможность сделать обоснованные, логически выверенные и соответствующие фактическим обстоятельствам выводы по уголовному делу. При этом важным является не только количество представленных доказательств, но и их качество, внутреннее содержание, взаимосвязь и подтверждающая сила. Даже если доказательства признаются относимыми, допустимыми и достоверными, они могут оказаться недостаточными для принятия решения, если в совокупности не формируют полной и целостной картины произошедшего события.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [6] содержится важное

разъяснение, имеющее принципиальное значение для практики уголовного судопроизводства. Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что признание подсудимым своей вины само по себе не является достаточным основанием для постановления обвинительного приговора. Такое признание может быть принято судом во внимание только в том случае, если оно подтверждается совокупностью иных доказательств, собранных по делу в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Данное положение направлено на обеспечение объективности судебного процесса, исключение возможности вынесения обвинительного приговора исключительно на основании признательных показаний, которые могли быть получены под давлением, в результате заблуждения или неправильного понимания обстоятельств дела.

Разъяснение Верховного Суда служит дополнительной гарантией соблюдения принципов презумпции невиновности и состязательности сторон, а также обеспечивает реализацию требования всестороннего, полного и объективного исследования доказательств перед вынесением приговора. Полагая, что положение о «признании подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора», целесообразно отразить в ч. 4 ст. 14 УПК РФ.

Таким образом, принцип презумпции невиновности представляет собой один из наиболее гуманистических принципов уголовного судопроизводства, имеющий не только правовое, но и глубокое нравственное содержание. В уголовно-процессуальном праве принцип презумпции невиновности выступает гарантом справедливого судебного разбирательства, защищая права личности от необоснованного обвинения в совершении преступления.

Список литературы:

[1] Истиховская М.Д. Проблемы реализации конституционного права на презумпцию невиновности в публичных выступлениях должностных лиц при осуществлении уголовного производства // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 50 – 55.

[2] Грешнова Н.А. Теоретический аспект реализации презумпции невиновности личности // Вестник Саратовской юридической академии. 2020. № 5(136). С. 48 – 52.

[3] Мусаев У.А., Липский Н.А. Эволюция презумпции невиновности в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы науки и практики. 2024. № 4(37). С. 51 – 53.

[4] Абдрашитов В.М. Принцип презумпции невиновности в России и современные тенденции в области прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1(16). С. 33 – 39.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

References:

[1] Istikhovskaya M.D. Problems of the realization of the constitutional right to the presumption of innocence in public speeches of officials in the implementation of criminal proceedings // Education. Science. Scientific cadres. 2020. № 1. S. 50-55.

[2] Greshnova N.A. Theoretical aspect of the implementation of the presumption of innocence of the individual // Bulletin of the Saratov Law Academy. 2020. № 5(136). S. 48-52.

[3] Musaev U.A., Lipsky N.A. Evolution of the presumption of innocence in the Russian criminal process // Actual problems of science and practice. 2024. № 4(37). S. 51-53.

[4] Abdrashitov V.M. The principle of presumption of innocence in Russia and current trends in the field of human rights // Bulletin of Volgograd State University. 2012. № 1(16). S. 33-39.

[5] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended by 31.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. December 22.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 "On the court verdict" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-618-622

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии
Дагестанского государственного университета,
е mail: shamil.1503@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы уголовно-правового реагирования на экономические преступления, модифицированные под влиянием цифровой трансформации. Целью исследования является комплексный анализ новых форм криминальных посягательств в экономической сфере (криптовалютные махинации, алгоритмическое мошенничество, фишинг, легализация цифровых активов) и выявление системных пробелов в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. Автором применяются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и социологический методы, а также метод правового моделирования. На основе изучения современной судебной практики, зарубежного опыта и научной доктрины доказывается, что традиционные составы преступлений, предусмотренные главой 22 УК РФ, не учитывают специфику цифровых способов совершения деяний, их трансграничный характер и особенности предмета посягательства (цифровые активы). Это приводит к проблемам квалификации, доказывания и, как следствие, к низкой эффективности правоприменения. В работе обосновывается необходимость дифференцированного подхода к реформированию уголовного закона: с одной стороны, путем имплементации новых квалифицирующих признаков и специальных составов, а с другой – через адаптацию классических институтов уголовного права (соучастие, конфискация, определение размера ущерба) к цифровой реальности. Предлагаются конкретные поправки в Уголовный кодекс РФ, направленные на криминализацию наиболее общественно опасных цифровых практик и совершенствование механизмов ответственности. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость для дальнейшего развития уголовно-правовой науки, законотворческой деятельности и правоприменительной практики в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: экономические преступления, цифровая трансформация, уголовная ответственность, киберпреступность, цифровые активы, криптовалюта, квалификация преступлений, пробелы в законодательстве, Уголовный кодекс РФ, правовая адаптация.

RADZHABOV Shamil Radzhabovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Dagestan State University

IMPROVING CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC CRIMES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: NEW CHALLENGES AND LEGAL PROBLEMS

Annotation. The article examines current problems of criminal legal response to economic crimes modified under the influence of digital transformation. The purpose of the study is a comprehensive analysis of new forms of criminal encroachments in the economic sphere (cryptocurrency fraud, algorithmic fraud, phishing, money laundering of digital assets) and the identification of systemic gaps in the current criminal legislation of the Russian Federation. The author uses historical-le-

gal, comparative-legal, formal-logical and sociological methods, as well as the method of legal modeling. Based on the study of modern judicial practice, foreign experience and scientific doctrine, it is proved that the traditional crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation do not take into account the specifics of digital methods of committing acts, their cross-border nature and the peculiarities of the subject of the attack (digital assets). This leads to problems of qualification, proof and, as a consequence, to low law enforcement efficiency. The work substantiates the need for a differentiated approach to reforming the criminal law: on the one hand, through the implementation of new qualifying features and special elements, and on the other hand, through the adaptation of classical institutions of criminal law (complicity, confiscation, determination of the amount of damage) to digital reality. Specific amendments to the Criminal Code of the Russian Federation are proposed, aimed at criminalizing the most socially dangerous digital practices and improving liability mechanisms. The results of the study have theoretical and practical significance for the further development of criminal law science, legislative activity and law enforcement practice in the context of the digital economy.

Key words: economic crimes, digital transformation, criminal liability, cybercrime, digital assets, cryptocurrency, qualification of crimes, gaps in legislation, Criminal Code of the Russian Federation, legal adaptation.

Цифровая трансформация, выступающая центральным трендом современного общества, радикально изменила сущность и социальное значение экономических отношений. Наряду с неоспоримыми преимуществами, такие технологии, как распределенные реестры, смарт-контракты, алгоритмическая торговля, большие данные и искусственный интеллект, создали совершенно новую среду для совершения преступлений в экономической деятельности. Актуальность исследования обусловлена нарастающим разрывом между скоростью технологических изменений и уголовно-правовой характеристикой данных явлений. Традиционные составы экономических преступлений, сконструированные в эпоху «аналоговой» экономики, зачастую оказываются неэффективными для противодействия современным угрозам в информационной сети, что ведет к правовым пробелам, коллизиям в квалификации и, в конечном счете, к снижению уровня защищенности финансовой системы и конституционных прав граждан.

Анализ статистики и судебной практики последних лет свидетельствует о стремительном росте числа преступлений, связанных с хищением денежных средств с использованием IT-технологий, незаконными операциями с криптоактивами, манипуляциями на цифровых торговых площадках. При этом, как отмечают ведущие исследователи [1, 3, 5], правоприменитель сталкивается с рядом фундаментальных трудностей: проблемой отнесения криптовалюты к предмету преступления (имуществу), сложностью установления момента окончания деяния, отсутствием механизмов конфискации цифровых ценностей и экстра-территориальностью источников доказательств. Существующие попытки подвести новые формы деяний под традиционные составы (мошенниче-

ство по ст. 159 УК РФ, легализацию по ст. 174 УК РФ) носят зачастую искусственный характер и не учитывают их специфику.

1. Новая типология экономических преступлений в цифровой среде. Цифровая трансформация породила не просто новые способы, а также модели экономических преступлений, характеризующиеся высокой латентностью, трансграничностью и использованием сложных технологий, что требует пересмотра традиционных криминалистических методик и уголовно-правовых конструкций.
- Алгоритмическое мошенничество и манипуляции на рынке: Использование торговых ботов (торговых алгоритмов) и методов искусственного интеллекта на цифровых торговых площадках, подрывают доверие инвесторов и причиняют ущерб, исчисляемый миллиардами рублей, однако их квалификация по ст. 185.3 УК РФ («Манипулирование рынком») затруднена ввиду децентрализованного характера многих площадок, отсутствия единого регулятора и сложности доказывания умысла, направленного именно на манипулирование, а не на обычную высокочастотную торговлю [7, с. 112]. Например, в 2024 году практика арбитражных судов по делам о манипулировании на крипторынке оставалась единичной и противоречивой, что свидетельствует о правовой неопределенности.
- Преступления в сфере децентрализованных финансов: Взломы в смарт-контрактах, флэш-кредитов приводят к хищениям, масштабы которых зачастую превосходят ущерб от традиционных банковских ограблений. Так, в 2023-2024 гг. общий ущерб от взломов в сфере децентрализованных финансов

превысил 3 млрд долларов США. Ключевая правовая проблема заключается в установлении субъекта ответственности (анонимный разработчик смарт-контракта, децентрализованная автономная организация – DAO) и определении юрисдикции, поскольку протоколы функционируют в глобальной сети без привязки к конкретной территории. Действующие нормы о соучастии (ст. 33 УК РФ) и о доведении до самоубийства (применительно к финансовым последствиям для потерпевших) не отражают специфики данных отношений.

- Криптовалютное отмывание денег: Использование криптовалютных миксеров сервисов обмена с высокой степенью анонимности систематически применяется для обналаживания происхождения преступных доходов. Сложность и стоимость отслеживания цепочек транзакций в публичных реестрах сводит к снижению эффективности традиционных мер финансового мониторинга, ориентированных на классические банковские переводы [1, с. 145-150]. Это требует не только адаптации диспозиции ст. 174 УК РФ, но и развития специальных криминалистических знаний и технической оснащенности правоохранительных органов.
- Целевой фишинг (таргетированный фишинг) и компрометация данных в корпоративном сегменте: Речь идет не о массовых рассылках, а о сложных многоэтапных атаках, направленных на сотрудников финансовых департаментов, руководителей компаний. Целью является хищение средств через поддельные платежные поручения или получение доступа к коммерческой тайне, ноу-хау и персональным данным клиентов. Ущерб здесь носит комплексный и многокомпонентный характер: прямой финансовый ущерб от списания средств, репутационные потери, упущенная выгода из-за простоя, затраты на восстановление систем и расследование инцидента. Действующие нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) не предусматривают учета репутационного ущерба и упущенной выгоды в рамках уголовного дела, а квалификация по ст. 183 УК РФ («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну») зачастую не покрывает всего объема общественной опасности деяния.
- 2. Ключевые правовые проблемы квалификации. Выявленные новые формы преступной активности обнажают системные пробелы в

уголовном законодательстве, что на практике приводит к невозможности привлечения к ответственности, неправильной квалификации либо назначению неадекватного наказания.

- Проблема предмета преступления: Правовая природа криптовалюты и иных цифровых финансовых активов остается дискуссионной. В научной среде ведутся споры о признании их вещью (имуществом), иным имущественным правом, обязательственным правом требования или новым видом цифровых прав [12, с. 24-26]. Отсутствие единого легального определения в гражданском праве (несмотря на принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...») блокирует единообразную судебную практику по делам о хищении криптоактивов. Суды зачастую отказывают в возбуждении уголовных дел либо переквалифицируют деяния на административные правонарушения, ссылаясь на отсутствие в уголовном законе указания на такой предмет посягательства. В связи с этим настоятельно необходимо закрепить в примечании к ст. 158 УК РФ разъяснение: «Под имуществом в статьях настоящей главы понимаются, в том числе, цифровые права (цифровые финансовые активы), удостоверенные с помощью средств информационных технологий в реестре цифровых транзакций (распределенном реестре)». Это создаст формальную определенность и устранил ключевое препятствие для правоприменения.
- Проблема трансграничности и экстратерриториальности: В цифровой среде преступник, серверы, потерпевшие и свидетели зачастую географически распределены по нескольким странам, а сами криптоактивы существуют в транснациональном пространстве. Действие российского уголовного закона в пространстве (ст. 12 УК РФ), основанное на территориальном, персональном или реальном принципах, требует сложного, а зачастую и расширительного толкования. Например, квалификация по реальному принципу (ч. 3 ст. 12 УК РФ) возможна, если преступление направлено против интересов России, но доказывание этого факта при хищении криптовалюты у российского гражданина через зарубежную биржу является нетривиальной задачей. Требуется не только активное развитие международного сотрудничества (включая ратификацию Будапештской конвенции о киберпреступности или

разработку ее аналога в рамках ЕАЭС/СНГ), но и имплементация в УПК РФ упрощенных процедур получения электронных доказательств из-за рубежа.

- Проблема объективной оценки размера ущерба: Крайне высокая волатильность курсов криптовалют (изменение цены на десятки процентов в течение суток) создает принципиальную трудность для оценки ущерба. На момент совершения преступления (например, взлома кошелька) стоимость актива может быть одной, на момент возбуждения дела – другой, а на момент вынесения приговора – третьей. Какую стоимость следует учитывать для квалификации (по минимальному или максимальному размеру санкции) и для целей возмещения? Отсутствие законодательно закрепленной методики приводит к судебному произволу и нарушению принципа справедливости наказания (ст. 6 УК РФ). Представляется целесообразным законодательно установить, что при невозможности точного определения размера ущерба от хищения цифровых активов следует исходить из их рыночной стоимости на момент совершения преступления, а при значительных колебаниях – применять правило все сомнения толковать в пользу обвиняемого в части оценки, но не в части факта наличия ущерба. Данный подход требует закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.
- 3. Предложения с практическими рекомендациями. Для преодоления указанных проблем предлагается пакет поправок в УК РФ:
 1. Введение специального квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», или цифровых технологий» в ключевые составы главы 22 (ст.ст. 159, 160, 171.1, 172, 174, 174.1, 175, 176, 177, 185, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 191.1, 193, 194, 195, 196, 197 УК РФ). Это позволит единообразно учитывать повышенную общественную опасность и латентность таких деяний.
 2. Дополнение главы 22 новым специальным составом – ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты», предусматривающим ответственность за хищение таких активов обманным путем или злоупотреблением доверием, с развернутой диспозицией, описывающей типичные цифровые схемы.
 3. Уточнение ст. 174 УК РФ («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества») путем включения в диспози-

цию указания на «цифровые финансовые активы, цифровую валюту», а также описания специфических способов их легализации (использование анонимных кошельков, миксеров).

4. Совершенствование института конфискации (ст. 104.1 УК РФ): необходимо предусмотреть специальные механизмы обращения взыскания на цифровые активы, включая сотрудничество с операторами обмена и владельцами криптобирж для блокировки и перечисления активов.

Выводы

1. Цифровая трансформация экономики привела к возникновению качественно новых, высокотехнологичных и трансграничных форм экономических преступлений, которые системно не охватываются диспозициями статей главы 22 УК РФ.
2. Ключевыми проблемами правоприменения являются неопределенность правового статуса криптоактивов, сложность установления юрисдикции и размера ущерба, отсутствие эффективных механизмов конфискации цифровых ценностей.
3. Эффективное противодействие требует системного реформирования уголовного законодательства, сочетающего в себе как модернизацию классических составов через введение цифровых квалифицирующих признаков, так и создание новых специальных норм, адекватно описывающих современные криминальные практики.
4. Предложенный комплекс поправок в УК РФ, направленный на криминализацию наиболее опасных цифровых посягательств и адаптацию традиционных институтов, создаст необходимые правовые предпосылки для повышения эффективности борьбы с экономической киберпреступностью и защиты интересов личности, общества и государства в условиях цифровой реальности.

Список литературы:

- [1] Агапов П.В. Киберпреступность в финансовой сфере: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М.: Проспект, 2021. 288 с.
- [2] Безверхов А.Г., Исаев И.М. Имущественные преступления: историко-правовое, уголовно-правовое и криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2020. 456 с.
- [3] Волженкин Б.В. Экономические преступления в цифровую эпоху: новые вызовы // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 45–58.

[4] Гладких В.И. Современные проблемы квалификации преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 78–89.

[5] Кашепов В.П., Кошаева Т.О., Мельниченко А.Б. Актуальные проблемы уголовного права: сборник статей. М.: РГ-Пресс, 2023. 412 с.

[6] Клепицкий И.А. Система экономических преступлений. М.: Статут, 2019. 511 с.

[7] Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. 367 с.

[8] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2020. 672 с.

[9] Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 2: Особенная часть. М.: Юрайт, 2023. 521 с.

[10] Пинкевич Т.В. Экономическая преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия. М.: Норма, 2021. 304 с.

[11] Рарог А.И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. М.: Проспект, 2024. 880 с.

[12] Ситникова А.И. Криптовалюта как объект уголовно-правовой охраны // Законность. 2023. № 7. С. 23–27.

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[14] Чучаев А.И., Карпович О.Г. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: КОНТРАКТ, 2023. 1136 с.

References:

[1] Agapov P.V. Cybercrime in the financial sphere: criminal law and criminological aspects: monograph. M.: Prospect, 2021. 288 pp.

[2] Bezverkhov A.G., Isaev I.M. Property crimes: historical-legal, criminal-legal and criminological research. M.: Yurlitinform, 2020. 456 pp.

[3] Volzhenkin B.V. Economic crimes in the digital age: new challenges // Journal of Russian Law. 2022. № 5. S. 45–58.

[4] Gladkikh V.I. Modern problems of qualification of crimes in the field of economics // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2021. № 3. S. 78–89.

[5] Kashepov V.P., Koshaeva T.O., Melnichenko A.B. Actual problems of criminal law: collection of articles. M.: RG-Press, 2023. 412 s.

[6] Klepitsky I.A. System of economic crimes. M.: Statute, 2019. 511 p.

[7] Kruglikov L.L., Vasilievsky A.V. Differentiation of liability in criminal law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2020. 367 pp.

[8] Lopashenko N.A. Economic crimes: author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). M.: Wolters Kluver, 2020. 672 p.

[9] A.V. Naumov. Russian criminal law. Course of lectures. In 3 vol. 2: Special part. M.: Yurayt, 2023. 521 p.

[10] Pinkevich T.V. Economic crime: criminological and criminal law problems of counteraction. M.: Norma, 2021. 304 pp.

[11] Rarog A.I. Criminal Law of Russia. Special part: textbook. M.: Prospect, 2024. 880 p.

[12] Sitnikova A.I. Cryptocurrency as an object of criminal law protection // Legality. 2023. № 7. S. 23–27.

[13] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[14] Chuchaev A.I., Karpovich O.G. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized). M.: CONTRACT, 2023. 1136 pp.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-623-628

АМИНОВ Д.И.,

доктор юридических наук, профессор,
e-mail: aminovdi59@mail.ru

ЭРИАШВИЛИ Н.Д.,

профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования,
e-mail: office@unity-dana.ru

ОПОКИН А.Б.,

старший преподаватель кафедры Права,
ЧОУ ВО Академия управления и производства, г. Москва;
старший преподаватель кафедры Публичного права и кафедры
Гражданского права и процесса ЧОУ ВО «Московский университет
имени С.Ю. Витте», г. Москва,
e-mail: alopokin@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу принципа эстоппеля как потенциального механизма гуманизации и повышения справедливости уголовно-правового регулирования в Российской Федерации. Рассматриваются историко-правовые истоки доктрины эстоппеля, её содержание и особенности применения в англосаксонской и международной уголовной юриспруденции, включая концепцию *entrapment by estoppel*. Обосновывается тезис о том, что, несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления эстоппеля в Уголовном кодексе РФ, его элементы уже имплицитно присутствуют в российском праве и судебной практике, что создаёт предпосылки для его трансплантации в сферу уголовного правосудия. В статье оценивается ценностный потенциал принципа эстоппеля с точки зрения защиты доверия к государству, правовой определённости и добросовестности поведения, а также выявляются типовые уголовно-правовые ситуации, в которых его применение представляется наиболее оправданным. Особое внимание уделяется разработке возможных законодательных и процессуальных механизмов интеграции эстоппеля в российскую уголовно-правовую систему.

Ключевые слова: преступление, уголовное право, субъект, стиль, государство, доктрина, толкование, принцип эстоппеля.

AMINOV D.I.,

Doctor of Law, Professor

ERIASHVILI N.D.,

Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Economics, Candidate of Law,
Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education
of the Russian Federation, laureate of the Prize of the Government
of the Russian Federation in the field of science and technology, laureate
of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of education

OPOKIN A.B.,

Senior Lecturer, Department of Law,
Private Educational Institution of Higher Education Academy
of Management and Production, Moscow; Senior Lecturer,
Department of Public Law and Department of Civil Law and Process,
Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University
named after S. Yu. Witte", Moscow

ON THE POSSIBILITY OF APPLYING THE ESTOPPEL PRINCIPLE IN CRIMINAL LAW REGULATION

Annotation. *The article examines the principle of estoppel as a potential mechanism for the humanization and enhancement of fairness in criminal law regulation in the Russian Federation. It analyzes the historical and legal origins of the estoppel doctrine, its substantive content, and the specific features of its application within Anglo-American and international criminal jurisprudence, including the concept of entrapment by estoppel. The author substantiates the argument that, despite the absence of an explicit reference to estoppel in the Criminal Code of the Russian Federation, its elements are already implicitly present in Russian law and judicial practice, thereby creating both theoretical and practical prerequisites for its transplantation into the sphere of criminal justice. The article assesses the axiological potential of the estoppel principle from the perspective of protecting legitimate expectations, ensuring legal certainty, and promoting good faith conduct, and identifies typical criminal-law situations in which its application would be most justified and effective. Particular attention is paid to the development of possible legislative and procedural mechanisms for integrating estoppel into the Russian criminal law system.*

Key words: *crime, criminal law, subject, style, state, doctrine, interpretation, estoppel principle.*

В современных условиях особую актуальность приобретает поиск правовых механизмов, способных смягчить формализм уголовного закона и внести в него элементы справедливости, предсказуемости и защиты доверия. Одним из таких инструментов может выступать принцип эстоппеля – доктрина, исторически сложившаяся в англосаксонской правовой традиции, но все чаще находящая отклик и в континентальных системах права [2].

В основе эстоппеля лежит императив внутренней непротиворечивости поведения субъекта права – запрет извлекать выгоду из собственной изменчивой позиции. Этот подход давно интегрирован в арбитражный процесс и активно применяется судами при оценке добросовестности участников спора [3; 4]. Иными словами, в своем классическом понимании, суть данного принципа представляет собой правовой запрет на изменение позиции стороны, если другая сторона обоснованно полагалась на её предыдущее поведение или заявление и понесла ущерб в результате такого изменения [5]. В международной юриспруденции эта идея получила развитие в форме *entrapment by estoppel*, применяемой именно в уголовном праве для защиты лиц, действовавших в соответствии с официальными разъяснениями компетентных государственных органов [11]. Несмотря на то что в российском Уголовном кодексе прямого упоминания эстоппеля нет, его

элементы уже присутствуют в гражданском праве (ст. 1, 10 ГК РФ) и подтверждаются практикой Верховного Суда РФ, что создаёт теоретическую и практическую основу для его трансплантации в сферу уголовного регулирования [5; 6].

Цель настоящей статьи – всесторонне исследовать возможность и целесообразность применения принципа эстоппеля в уголовно-правовом регулировании Российской Федерации. Для достижения этой цели проблема будет рассмотрена через четыре взаимосвязанных направления. Первое направление предполагает анализ историко-правовых истоков доктрины эстоппеля и её международного опыта применения в уголовном праве. Второе направление посвящено оценке ценностного потенциала принципа эстоппеля для личности, общества и государства. Третье направление включает выявление и анализ типичных уголовно-правовых ситуаций, в которых реализация данного принципа была бы наиболее обоснованной и эффективной. Четвёртое направление ориентировано на разработку конкретных законодательных и процессуальных механизмов, необходимых для практической реализации эстоппеля в российской системе уголовного правосудия. Такой комплексный подход позволяет не только обосновать теоретическую допустимость применения эстоппеля, но и предложить конкретные шаги по его интеграции в действующее законодательство.

Историко-правовые основы и международный опыт применения эстоппеля в уголовном праве

Истоки принципа эстоппеля уходят в глубокую историю английского общего права, где он первоначально возник как средство защиты от несправедливого отказа от обязательств. Термин «estoppel» происходит от старофранцузского «estoupail» – затычка, что метафорически означало «затыкание рта» той стороне, которая пыталась изменить свою позицию вопреки ранее выраженному мнению или поведению [7]. Первоначально доктрина применялась в договорных и земельных спорах, но со временем её сфера распространения значительно расширилась. К XIX веку в английском праве сформировались несколько разновидностей эстоппеля, каждый из которых имела свои специфические условия применения, но все они были объединены общей целью – защитой доверия и предотвращением несправедливости.

В российской системе права на принцип эстоппеля впервые прямо сослался Высший арбитражный суд РФ в постановлении Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 года № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7.

Особый интерес для уголовного права представляет американская версия доктрины – entrapment by estoppel. В отличие от классического entrapment (провокации преступления), который связан с активными действиями правоохранительных органов по склонению лица к совершению преступления, entrapment by estoppel возникает тогда, когда лицо добросовестно полагается на официальное разъяснение компетентного государственного органа о законности своих действий. В американской правовой доктрине утвердилась позиция, согласно которой, если государство убедило гражданина в том, что его поведение законно, оно не должно затем наказывать его за это же поведение [10]. Эта позиция получила конституционное обоснование в США через положения Пятой и Четырнадцатой поправок к Конституции, гарантирующих надлежащую правовую процедуру (Due Process Clause). Верховный суд США в ряде решений подтвердил, что наказание лица, действовавшего в соответствии с официальным разъяснением закона, противоречит принципам фундаментальной справедливости и правового государства.

Ярким примером является дело *United States v. Howell* (1975), в котором обвиняемый получил письменное разъяснение от Министерства сельского хозяйства США о том, что его деятельность по продаже определенных сельскохозяйственных продуктов не требует лицензии. Опираясь на это разъяснение, он продолжил свою деятельность, но позднее был привлечён к уголовной ответ-

ственности за нарушение лицензионного режима. Апелляционный суд отменил приговор, указав, что «государство не может использовать собственные ошибки для наказания граждан, действовавших добросовестно». Аналогичную позицию занял Верховный суд Канады в деле *R. v. Jorgensen* (1995), где было подчёркнуто, что «доверие к официальному толкованию закона является основой правового порядка, и его нарушение со стороны государства недопустимо».

В европейских странах, относящихся к романо-германской правовой семье, прямой аналог эстоппеля в уголовном праве отсутствует, однако его функции частично выполняются через общие принципы права. Так, в Германии принцип *Treu und Glauben* (добросовестность и доверие), закреплённый в § 242 Гражданского уложения, иногда используется в качестве аргумента в уголовных делах, связанных с мошенничеством или злоупотреблением доверием. Во Франции Конституционный совет неоднократно подчёркивал, что «принцип правовой определённости запрещает неожиданное и ретроспективное изменение правоприменительной практики, особенно если это ведёт к уголовной ответственности» (решение № 2018-773 DC от 29 ноября 2018 г.).

В России доктрина эстоппеля пока не нашла прямого отражения в уголовном законодательстве, однако её элементы уже присутствуют в гражданском праве. Статья 1 ГК РФ провозглашает принцип добросовестности как один из основных начал гражданского законодательства, а статья 10 ГК РФ прямо запрещает злоупотребление правом, включая ситуации, когда лицо изменяет свою позицию вопреки ранее выраженному поведению. Верховный Суд РФ в своём Постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений главы 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что «лицо не вправе ссылаться на обстоятельства, противоречащие его предыдущему поведению, если это вредит другой стороне». Хотя данная норма сформулирована в контексте гражданских правоотношений, её логика применима и в уголовно-процессуальном контексте, особенно в делах, где поведение потерпевшего или государственного органа формировало у обвиняемого обоснованное ожидание законности его действий [3; 4]. Таким образом, международный опыт и внутренние правовые тенденции создают благоприятную почву для рассмотрения эстоппеля как возможного механизма гуманизации уголовного права в России.

Ценностный потенциал принципа эстоппеля для личности, общества и государства

Принцип эстоппеля обладает значительным ценностным потенциалом, который проявляется

одновременно в трёх измерениях: индивидуальном, социальном и государственном. Для личности он представляет собой мощный инструмент защиты от произвольного уголовного преследования, учитывающий не только формальные признаки состава преступления, но и реальный контекст поведения, степень добросовестности и наличие обоснованных ожиданий. В условиях, когда современное уголовное право все чаще сталкивается с так называемыми «техническими» преступлениями – деяниями, формально подпадающими под состав, но не содержащими реальной общественной опасности, – эстоппель становится важным корректирующим механизмом. В научной дискуссии отмечается, что эстоппель позволяет ограничить формальное применение репрессии, учитывая субъективную добросовестность обвиняемого и объективные обстоятельства дела, что усиливает правовую защищённость личности [1; 2].

Для общества внедрение принципа эстоппеля способствует укреплению доверия к правовой системе в целом. Граждане, осознающие, что их добросовестные ожидания будут защищены, демонстрируют более высокий уровень правосознания, готовности сотрудничать с государством и соблюдать закон не из страха наказания, а из убеждения в его справедливости. Исследования показывают, что доверие к правосудию напрямую связано с ощущением справедливости, и внедрение механизмов, подобных эстоппелю, позволяет минимизировать негативные последствия произвольного правоприменения [7].

Без такого механизма существует риск того, что уголовное право превратится в инструмент административного давления, а не в гарантию прав и свобод, что неизбежно ведёт к росту социального недовольства и правового нигилизма.

Для государства эстоппель выступает как механизм самоконтроля и ограничения собственного репрессивного потенциала. Он заставляет государственные органы действовать последовательно, ответственно и прозрачно, поскольку любое изменение позиции может быть оспорено в суде как несправедливое. Анализ корпоративных правоотношений, где эстоппель уже находит применение, демонстрирует, что данный принцип повышает качество правоприменения, способствуя гармонизации интересов личности и общества с интересами государства, и обеспечивает контроль за соблюдением принципа добросовестности при реализации дискреционных полномочий [3; 4].

Это особенно важно в условиях, когда следственные и прокурорские органы обладают широкими усмотрительными полномочиями, а судебный контроль за ними остаётся формальным. Принцип эстоппеля вводит элемент ответственно-

сти за действия самих государственных служащих, что способствует повышению их профессионализма и снижению числа ошибок.

Таким образом, ценность эстоппеля заключается не в отрицании уголовной ответственности как таковой, а в её гуманизации и рационализации. Он не отменяет состав преступления, но позволяет скорректировать правовые последствия с учётом реального поведения участников правоотношений. Это делает уголовное право более гибким, справедливым и легитимным в глазах общества, что соответствует общемировой тенденции развития уголовной политики [12; 9].

Типичные уголовно-правовые ситуации, допускающие применение принципа эстоппеля

Принцип эстоппеля наиболее целесообразно применять в тех уголовно-правовых ситуациях, где поведение государства, потерпевшего или третьих лиц формирует у обвиняемого обоснованное ожидание законности его действий. Одной из наиболее распространённых категорий являются дела, связанные с ошибочными официальными разъяснениями. Например, предприниматель, руководствуясь письменным разъяснением налогового органа, применяет определённую схему налогообложения, которая позднее признаётся незаконной, и он привлекается к ответственности по статье 199 УК РФ. В такой ситуации применение эстоппеля позволило бы учесть не только формальные признаки уклонения от уплаты налогов, но и факт добросовестного следования официальному разъяснению. Ключевым условием здесь является не просто наличие разъяснения, а его исход от лица, обладающего реальной компетенцией в данной сфере, что в целом соответствует логике защиты добросовестности в правоприменении [5]. Это исключает возможность ссылаться на мнения случайных сотрудников, но защищает тех, кто обращался к уполномоченным органам.

Другой типичной ситуацией является поведение потерпевшего в делах частного и частно-публичного обвинения. Согласно статье 20 УПК РФ, в таких делах инициатором преследования выступает сам потерпевший. Однако нередко возникают случаи, когда потерпевший сначала прощает обвиняемого, отказывается от претензий, а затем, под влиянием третьих лиц или в силу личной неприязни, подаёт заявление в полицию. Например, в бытовом конфликте одна сторона наносит побои, но сразу же приносит извинения, предлагает компенсацию, и потерпевший соглашается на примирение. Однако спустя время, в ходе нового конфликта, он использует прежний инцидент как основание для уголовного преследования. В такой ситуации эстоппель мог бы служить защитой от

несправедливого изменения позиции потерпевшего, особенно если его первоначальное поведение создавало у обвиняемого обоснованное ожидание, что претензий не будет [8].

Третья категория – это ситуации, связанные с лицензированием и разрешительными процедурами. Лицо получает лицензию на хранение оружия, на осуществление медицинской деятельности, на торговлю алкогольной продукцией и т.д., но позднее сталкивается с уголовным преследованием за якобы нарушение условий лицензии. Если орган, выдавший лицензию, не предупредил о нарушениях в течение длительного времени, а затем резко меняет свою позицию, это может рассматриваться как несправедливое поведение, подпадающее под действие эстоппеля. Особенно актуально это в условиях, когда нормативные акты содержат неясные или противоречивые формулировки, а чиновники дают устные заверения, которые позднее не подтверждаются документально. Подобные случаи требуют оценки через призму принципа добросовестности, лежащего в основе эстоппеля [1].

Наконец, эстоппель может применяться и в случаях, связанных с необходимой обороной или крайней необходимостью, когда лицо действует, полагаясь на поведение правоохранительных органов. Например, если полиция отказывается реагировать на сообщение о преступлении, и гражданин вынужден самостоятельно защищать свое имущество, применяя физическую силу, последующее привлечение его к ответственности за превышение пределов самообороны может быть признано несправедливым, если он обоснованно полагался на бездействие государства как на сигнал к самостоятельным действиям.

Во всех этих ситуациях эстоппель не отменяет объективной стороны деяния, но позволяет учесть субъективную добросовестность и обоснованность ожиданий, что повышает справедливость и предсказуемость уголовного правосудия, сближая его с подходами, выработанными в международном праве [11].

Законодательные и процессуальные механизмы реализации принципа эстоппеля в российском уголовном праве

Для практической реализации принципа эстоппеля в российской системе уголовного правосудия необходимы как законодательные, так и процессуальные изменения. На законодательном уровне целесообразно внести дополнение в статью 1 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепив в ней положение о том, что «лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно добросовестно и разумно полагалось на официальное разъяснение компетентного государствен-

ного органа или на поведение другой стороны, создающее обоснованное ожидание законности своих действий». Такая норма не противоречит принципу *legality* (законности), поскольку не отменяет состав преступления, а лишь вводит дополнительное основание для освобождения от ответственности, аналогичное тем, что уже предусмотрены в главе 8 УК РФ (например, необходимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение). Подобное изменение соответствовало бы логике развития уголовно-правовой доктрины, отраженной в работах по реформе уголовного законодательства [8; 12].

На процессуальном уровне необходимо разработать четкие механизмы фиксации и доказывания правомерных ожиданий. Это может включать обязательное документирование всех официальных разъяснений, выдаваемых государственными органами, введение в протоколы допросов вопросов о наличии у обвиняемого оснований полагать свои действия законными, а также предоставление права заявлять ходатайство об учете эстоппеля на любой стадии уголовного судопроизводства. Суды, в свою очередь, должны оценивать такие заявления по следующим критериям: компетентность источника разъяснения, объективная разумность доверия, отсутствие злого умысла у обвиняемого и причинно-следственная связь между доверием и совершенным деянием, что требует детального анализа в каждом конкретном случае [3; 4].

Кроме того, необходимо разработать методические рекомендации для следователей, прокуроров и судей, разъясняющие условия и пределы применения эстоппеля. Без этого принцип рискует остаться декларативным и не получить практического применения. Важно также обеспечить преемственность с гражданским правом: решения судов по гражданским делам, в которых уже установлен факт применения эстоппеля, должны иметь значение и в уголовном процессе как доказательство добросовестного поведения лица [6].

Наконец, следует учитывать конституционные основания для внедрения эстоппеля. Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а статья 53 запрещает возложение на граждан обязанностей, не предусмотренных законом. Эти нормы создают прочную конституционную базу для признания эстоппеля как механизма защиты от произвольного правоприменения. Эстоппель как раз и обеспечивает это равновесие, позволяя уголовному праву оставаться не только карательным, но и справедливым институтом, что согласуется с его фундаментальными целями, обсуждаемыми в классических трудах по уголовному праву [10; 9].

Принцип эстоппеля, несмотря на отсутствие прямого закрепления в российском уголовном законодательстве, обладает значительным потенциалом для гуманизации и рационализации уголовного правосудия. Анализ историко-правовых основ и международного опыта показывает, что доктрина эстоппеля успешно применяется в ведущих правовых системах мира как механизм защиты добросовестного поведения и ограничения произвольной репрессии [7; 11]. Оценка его ценностного потенциала подтверждает, что эстоппель способен укрепить защиту личности, повысить доверие общества к правовой системе и обеспечить самоконтроль государства [2; 4]. Исследование типичных уголовно-правовых ситуаций демонстрирует, что потребность в таком механизме существует в самых разных сферах – от предпринимательской деятельности до бытовых конфликтов [5; 6]. Наконец, разработка законодательных и процессуальных механизмов позволяет предложить конкретные шаги по интеграции эстоппеля в российскую правовую систему.

Таким образом, внедрение принципа эстоппеля в уголовно-правовое регулирование Российской Федерации является не только теоретически обоснованным, но и практически необходимым шагом на пути к созданию более справедливого, предсказуемого и легитимного правопорядка. Его применение позволит сбалансировать интересы государства, общества и личности, снизить чрезмерную репрессию и укрепить доверие к системе уголовного правосудия. Эстоппель становится не альтернативой уголовной ответственности, а её необходимым коррективом, обеспечивающим соответствие закона духу справедливости, что является конечной целью любого уголовно-правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом / А.В. Волков // Юрист. 2013. № 8. С. 3–7.
- [2] Грачева С.А. Критерий добросовестности в координатах судебного экономического дискурса / С.А. Грачева // Российская юстиция. 2021. № 10. С. 20–28.
- [3] Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности судебной практике РФ // Юрист. 2023. № 3. С. 55–60.
- [4] Коваленко А.А. Эстоппель в корпоративных правоотношениях / А.А. Коваленко // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 25–28.
- [5] Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля / К.А. Роор // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 71–81.
- [6] Якимова Е.С. Соотношение принципа добросовестности и эстоппеля в российском гражданском праве на современном этапе / Е.С. Якимова // Образование и право. 2019. № 1. С. 95–99.
- [7] Garner, B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. 9th edition. Eagan, Minnesota: West Publisher, 2009. 1920 p.
- [8] Joost R. Federal Criminal code reform: is it possible? // Symposium. Op. cit. P. 197.
- [9] Kadish S. The model penal code's historical antecedents. 19 Rutgers L.J., 1988. P. 521.
- [10] LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN, West, a Thomson business, 2003. P. 5.
- [11] Reinhold, S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // Journal of Law and Jurisprudence. 2013. Vol. 40–63. 22 p.
- [12] Wechsler H. The American law institute: Some observations on its Model penal code. 42 A.B.A.J. 1956. P. 321.

References:

- [1] Volkov A.V. Correlation of the principle of good faith and the principle of inadmissibility of abuse of law/A.V. Volkov//Lawyer. 2013. № 8. S. 3-7.
- [2] Gracheva S.A. Criterion of good faith in the coordinates of judicial economic discourse/S.A. Gracheva//Russian Justice. 2021. № 10. S. 20-28.
- [3] Kovalenko A.A. The doctrine of "estoppel" in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation//Lawyer. 2023. № 3. S. 55-60.
- [4] Kovalenko A.A. Estoppel in corporate legal relations/A.A. Kovalenko//Legal science. 2021. № 7. S. 25-28.
- [5] Roor K.A. The concept and essence of estoppel/K.A. Roor//Actual problems of Russian law. 2018. № 7 (92). S. 71-81.
- [6] Yakimova E.S. Correlation of the principle of good faith and estoppel in Russian civil law at the present stage/E.S. Yakimova//Education and law. 2019. № 1. S. 95-99.
- [7] Garner, B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. 9th edition. Eagan, Minnesota: West Publisher, 2009. 1920 p.
- [8] Joost R. Federal Criminal code reform: is it possible? // Symposium. Op. cit. P. 197.
- [9] Kadish S. The model penal code's historical antecedents. 19 Rutgers L.J. , 1988. P. 521.
- [10] LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN, West, a Thomson business, 2003. P. 5.
- [11] Reinhold, S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // Journal of Law and Jurisprudence. 2013. Vol. 40–63. 22 p.
- [12] Wechsler H. The American law institute: Some observations on its Model penal code. 42 A.B.A.J. 1956. P. 321.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-629-632

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: chigrineczv@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА: СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ понятия убийства в российском уголовном праве. Автор исследует соотношение легального определения, закрепленного в ч. 1 ст. 105 УК РФ, с доктринальными позициями ведущих ученых-правоведов. В работе подробно рассматриваются элементы состава преступления. Особое внимание уделяется определению временных границ жизни человека как объекта посягательства на основе интеграции уголовно-правовых норм и законодательства об охране здоровья граждан и признакам убийства. Обосновывается вывод о том, что научное понимание убийства значительно шире его законодательной формулировки, что имеет важное значение для правильной квалификации преступных деяний.

Ключевые слова: убийство, умышленное причинение смерти, другой человек, жизнь человека, биологическая смерть, личность.

CHIGRINETSVladislava Sergeevna,
Lecturer of the Department of Criminal Law
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF MURDER: THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGISLATIVE DEFINITIONS AND THEORETICAL APPROACHES

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the concept of murder in Russian criminal law. The author examines the relationship between the legal definition enshrined in Part 1 of Article 105 of the Russian Criminal Code and the doctrinal positions of leading legal scholars. The work examines in detail the elements of the crime. Particular attention is paid to defining the time limits of a person's life as the target of an attack based on the integration of criminal law norms and legislation on public health protection and the elements of murder. The author concludes that the scientific understanding of murder is significantly broader than its legislative formulation, which is essential for the proper classification of criminal acts.

Key words: murder, intentional causing of death, another person, human life, biological death, personality.

Введение

Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны является наивысшей ценностью, гарантированной Конституцией РФ, что, по нашему мнению, предопределяет приоритетность задач по обеспечению безопасности личности от наиболее тяжких преступных посягательств [1, с. 18]. В системе преступлений против жизни центральное место занимает убийство, легальное определение которого, закрепленное в ч. 1 ст. 105

УК РФ, характеризует данное деяние как умышленное причинение смерти другому человеку [2, с. 78]. Глубокое понимание юридической природы рассматриваемого состава требует не только обращения к нормативной дефиниции, но и системного анализа совокупности его основных уголовно-правовых признаков — объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, — которые в своей взаимосвязи определяют степень общественной опасности содеянного.

Цель и задачи

Исходя из актуальности темы, цель исследования заключается в проведении комплексного теоретико-правового анализа понятия и системы юридических признаков убийства в российском уголовном праве, а также в выявлении специфики элементов его состава (объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание легальной дефиниции убийства, предусмотренной ст. 105 УК РФ, и провести её сравнительный анализ с существующими в уголовно-правовой доктрине научными определениями; дать уголовно-правовую характеристику составу, предусмотренному ст. 105 УК РФ; определить отличительные признаки, позволяющие отграничить состав убийства от смежных составов преступлений

Методология исследования

В статье используются общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 105, убийство представляет собой «умышленное причинение смерти другому человеку». Однако, в уголовно-правовой доктрине встречаются более красочные определения анализируемого термина, поэтому, для последующего определения всех признаков убийства, считаем необходимым обратиться к ним. Ученый-правовед М.Ю. Коляндра вместе со своим соавтором отмечает, что убийство – это «Общественно опасное деяние, характеризующееся противоправным и умышленным причинением смерти другому лицу, не являющееся составной частью иного преступления, посягающего на охраняемые уголовным законодательством общественные отношения» [3, с. 203]. А Е.И. Степанова характеризует убийство как «наиболее опасное преступление против человека, его природной и социальной сущности» [4, с. 101]. По мнению И.В. Кузнецова убийство – есть «общественно-опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно не направлено одновременно на иное охраняемое уголовным законом общественное отношение» [5, с. 42]. Анализ отличных от законодательного определения убийства позволяет сделать вывод, что доктринальное понимание данного термина значительно шире нормативного. Если законодатель стремится к лаконичности и универсальности формулировки, правоведы акцентируют внимание на ряде принципиальных аспек-

тов, не нашедших прямого отражения в диспозиции ст. 105 УК РФ, но имеющих важное значение для теории и практики.

Раскрывая содержание термина «убийство», следует прежде всего определить объект посягательства. Так, непосредственным объектом, на который посягается виновное лицо является жизнь человека с момента ее начала до момента ее окончания. В доктрине уголовного права жизнь человека рассматривается как психофизиологический процесс, начало которого связывается с моментом начала родов, а окончание — с наступлением биологической смерти. Последняя категория находит свое официальное отражение в ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где законодатель указывает, что «биологическая смерть – это необратимая гибель человека или момент смерти мозга» [6]. «Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких» [6].

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, исходя из анализа диспозиции, выражается в действии (бездействии), в результате которого должны наступить общественно опасные последствия в виде смерти другого человека, а между деянием и последствиями должна быть причинная связь.

Субъективные признаки любого состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ включают в себе характеристику субъекта преступления и субъективной стороны. В первую очередь стоит отметить, что субъектом преступления признается лицо, которое совершило общественно-опасное деяние и на момент совершения преступления достигло установленного законом возраста, а также находилось в состоянии вменяемости. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

А субъективная сторона преступления представляет собой еще один неотъемлемый элемент состава, позволяющий определить внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям. Субъективная сторона состава убийства характеризуется виной в форме умысла (прямого или косвенного). Как верно отмечает А.Н. Попов: «Для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ вид умысла не имеет значения. Однако при неоконченном убийстве умысел может быть только прямым, направленным именно на причинение потерпевшему смерти» [7, с. 44].

Касательно признаков убийства, стоит отметить, что в первую очередь, оно должно обладать всеми признаками, присущими преступлению. Из анализа диспозиции ст. 14 УК РФ следует, что основными признаками преступления являются: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость [8, с. 189]. Общественная опасность представляет собой способность деяния причинять вред охраняемым уголовным законом объектам или создавать угрозу причинения им вреда [9, с. 10]. Противоправность предполагает, что только общественно-опасное деяние может именоваться преступлением, которое регламентировано той или иной статьей Особенной части УК РФ. Виновность позволяет определить только то деяние преступлением, которое было совершено виновно (умышленно или по неосторожности). Наказуемость предполагает, что за каждое преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ установленное наказание определенного вида, срока или размера.

Однако, помимо указанных признаков, убийство законодательно наделено и другими, которые прямо вытекают из законодательного термина «убийство»: общественно-опасные последствия в виде наступления смерти; особый статус потерпевшего, определяемый законодателем, как «другой человек»; специфическая форма вины — наличие умысла.

Касательно первого признака, отметим: поскольку убийство по своей юридической конструкции является преступлением с материальным составом — это предполагает обязательное прерывание биологического существования человеческого организма. В данном контексте принципиальное значение имеет установление момента наступления смерти (смерти мозга или полной остановки кровообращения), поскольку именно этот факт знаменует собой окончание совершения преступления и позволяет отграничить его от покушения на убийство или причинения тяжкого вреда здоровью.

Другой признак указывает на то, что объектом посягательства может выступать исключительно физическое лицо, уже обладающее правоспособностью, возникшей с момента рождения (т.е. начала родов). Указание на «другого» человека имеет двоякое юридическое значение: с одной стороны, оно исключает из объема понятия «убийство» лишение жизни животных или плода (в контексте прерывания беременности), квалифицируемое по иным статьям УК РФ; с другой стороны, оно декриминализует самоубийство, подтверждая, что объектом убийства не может выступать сам субъект преступления.

По поводу последнего признака убийства, важно подчеркнуть, что использование термина

«умышленное» в тексте закона является ключевым для дифференциации ответственности. Это означает, что виновный либо осознает общественную опасность своих действий, предвидит неизбежность наступления смерти потерпевшего и желает её (прямой умысел), либо осознает опасность действий, предвидит возможность наступления смерти, не желает, но сознательно допускает её наступление или относится к ней безразлично (косвенный умысел). Данный признак позволяет четко отграничить убийство от причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), которое не входит в доктринальное и легальное понятие убийств.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что убийство является наиболее опасным посягательством на основополагающую конституционную ценность — жизнь человека. Анализ показал, что законодательная формулировка «умышленное причинение смерти другому человеку», обладая признаком универсальности, не в полной мере отражает все существенные характеристики данного деяния. Доктринальный подход дополняет нормативное определение такими важными признаками, как противоправность и отсутствие признаков иных (специальных) составов преступлений.

Также, триединство упомянутых признаков — насильственный характер прерывания жизни, направленность на другого человека и умышленная форма вины — образует исключительную юридическую природу убийства как наиболее тяжкого преступления против личности.

Список литературы:

- [1] Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека / А. И. Коробеев. — Москва: Юрлитинформ, 2012. — 321 с.
- [2] Бабичев А.Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2019. — 452 с.
- [3] Коляндра М.Ю., Молчанов Т.Д. К вопросу об определении понятия убийства в российском уголовном праве // *Ермен.Global*. 2025. №59. — С. 199-205.
- [4] Степанова Е.И. Общая характеристика понятия убийство // *IN SITU*. 2024. №4. — С. 100-101.
- [5] Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве // *Сибирский юридический вестник*. 2003. №4. — С. 41-46.
- [6] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от

17.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. N 48 ст. 6724.

[7] Попов А.Н. Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): конспект лекций / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 124 с.

[8] Майстренко Г.А. Понятие и признаки преступления по российскому уголовному законодательству // Образование и право. 2017. №10. — С. 183-192.

[9] Попов А.Н. Объективная сторона состава преступления: учебное пособие / А. Н. Попов, Л. А. Зими́рева, П. В. Феды́шина; [под общ. ред. А. Н. Попова]. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — 64 с.

References:

[1] Korobeev A.I. Criminal encroachments on human life and health/A.I. Korobeev. - Moscow: Yur-litinform, 2012. - 321 s.

[2] Babichev A.G. Crimes against life: theoretical and applied problems and the doctrinal model of criminal law: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. Kazan, 2019. - 452 s.

[3] Kolyandra M.Yu., Molchanov T.D. On the definition of the concept of murder in Russian criminal law//Epomen.Global. 2025. №59. - S. 199-205.

[4] Stepanova E.I. General characteristics of the concept of murder//IN SITU. 2024. №4. - S. 100-101.

[5] Kuznetsov V.I. The concept of murder in Russian criminal law//Siberian Legal Bulletin. 2003. №4. - S. 41-46.

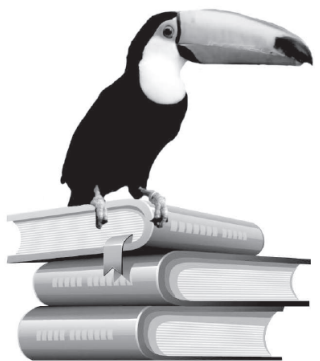
[6] Federal Law No. 323-FZ dated November 21, 2011 "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation" (as amended on November 17, 2025)//Collection of Legislation of the Russian Federation No. 48 Art. 6724 dated November 28, 2011.

[7] Popov A.N. Guilt in crimes against life (Art. 105, 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation): lecture notes/A. N. Popov. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. - 124 s.

[8] Maistrenko G.A. The concept and signs of a crime under Russian criminal law//Education and law. 2017. №10. - S. 183-192.

[9] Popov A.N. The objective side of the corpus delicti: a textbook/A. N. Popov, L. A. Zimireva, P. V. Fedysheva; [under the general ed. A.N. Popova]. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. - 64 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-633-637

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
AuthorID: 772928, ORCID: 0000 0003 2233 0230,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ С АВИТАЛЬНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В публикации рассмотрены основные направления профилактической работы с осужденными с авитальными проявлениями поведения. Анализируются теоретические источники и нормативные правовые документы в области, организация превенции данного деструктивного поведения, а также исследуются причинно-следственные связи авитального поведения осужденных в местах лишения свободы. Отдельно рассмотрена практика проведения профилактических мероприятий при прибытии осужденного в исправительное учреждение, как этап становления воспитательного воздействия.

Целью статьи определяется разработка рекомендаций по основным направлениям профилактической работы с осужденными с авитальными проявлениями поведения.

Методами и методиками статьи определяются: изучение теоретических основ в области суицидологии, авитальной активности, деструктивного поведения; анализ практики реализации профилактических мероприятий с осужденными с авитальными проявлениями поведения; нормативное правовое регулирование профилактической работы с осужденными группы риска, в том числе в карантинном отделении исправительного учреждения; определение основных принципов, методов и методик, применяемых в профилактической деятельности; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области профилактики авитального поведения.

Результатами исследования стали: определение основных принципов профилактики деструктивного (авитального) поведения; определение теоретических основ и организации данной работы в исправительных учреждениях; определение факторов риска авитальных проявлений у осужденных; уточнение алгоритма диагностики риска авитального поведения; разработка комплексной системы мер профилактики, включающая элементы подготовки, организации, мониторинга и непосредственных мероприятий (диагностика и выявление категорий лиц, относящихся к группе риска развития авитального поведения, мониторинг поведения осужденных, повышение осведомленности сотрудников в области авитальных проявлений поведения и алгоритма действий при их возникновении, плановые профилактические мероприятия с осужденными).

Ключевые слова: авитальные проявления поведения; осужденные; сотрудники; пенитенциарное учреждение; профилактика.

KAZBEROV Pavel N.,
Candidate of Psychological Sciences Leading Researcher,
Federal State Budgetary Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Author ID: 772928 ORCID: 0000 0003 2233 0230

MAIN AREAS OF WORK WITH CONVICTS WITH ABIOTIC BEHAVIOR: THEORETICAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. This publication examines the main areas of preventive work with convicts with abiotic behavior. it analyzes theoretical sources and regulatory documents in this area, as well as the organization of prevention of this destructive behavior, and examines the cause-and-effect relation-

ships of abiotic behavior in convicts in places of detention. The practice of implementing preventive measures upon a convict's arrival at a correctional facility, as a stage in the development of educational interventions, is separately considered.

The purpose of this article is to develop recommendations for the main areas of preventive work with convicts with abiotic behavior.

The article's methods and techniques include: studying the theoretical foundations of suicidology, abiotic activity, and destructive behavior; analyzing the practice of implementing preventive measures with convicts with abiotic behavior; Legal regulation of preventive work with at-risk convicts, including in the quarantine department of a correctional institution; definition of the basic principles, methods, and techniques used in preventive activities; analysis and synthesis of new developments and innovative approaches, as well as advanced domestic and international experience in the field of avital behavior prevention.

The study's results include: definition of the basic principles of destructive (avital) behavior prevention; determination of the theoretical foundations and organization of this work in correctional institutions; identification of risk factors for avital manifestations in convicts; refinement of the algorithm for diagnosing the risk of avital behavior; development of a comprehensive system of preventive measures, including elements of preparation, organization, monitoring, and direct interventions (diagnosis and identification of categories of individuals at risk of developing avital behavior, monitoring of convict behavior, raising staff awareness of avital behavior and the algorithm for action when they occur, and scheduled preventive measures with convicts).

Key words: *avital behavior; convicts; staff; penitentiary institution; prevention.*

Введение. Деструктивное поведение осужденных остается под пристальным вниманием всех отделов и служб исправительного учреждения, так как не только создает риск потери жизни и здоровья подконтрольных лиц, но и повышает стрессогенность пенитенциарной среды как со стороны осужденных, так и со стороны сотрудников.

Стрессогенность мест лишения свободы определяется исследователями в том, что у осужденного коренным образом меняются все жизненные планы и разрушается привычный стиль и уклад жизни. Это сопровождается развитием специфического феномена, получившего название пенитенциарный стресс. В связи с этим деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы строиться не только на постоянном контроле за организацией отбывания наказания, но и находиться в постоянном поиске и внедрении новых эффективных средств профилактики влияния на личность пенитенциарного стресса, противодействия деструктивному поведению осужденных, сохранению их физического и психологического здоровья, создания условий для реализации исправительного воздействия, ресоциализации, probation и т.д.

Целью статьи определяется разработка на основе проведенного изучения теории и организации рекомендаций по основным направлениям профилактической работы с осужденными с авитальными проявлениями поведения.

Задачами статьи, соответственно, нами определены:

анализ теоретических основ в области профилактики деструктивного поведения;

анализ практики организации профилактики деструктивного поведения осужденных в местах лишения свободы в аспекте применения основных средств исправления осужденных;

определение основных направлений и представление алгоритма противодействия авитальным проявлениям поведения осужденного, как основы системы профилактики деструктивного поведения осужденного.

Методами и методиками работы определяются: изучение теоретических основ в области суицидологии, авитальной активности, деструктивного поведения; анализ практики реализации профилактических мероприятий с осужденными с авитальными проявлениями поведения; нормативное правовое регулирование профилактической работы с осужденными группы риска, в том числе в карантинном отделении исправительного учреждения; определение основных принципов, методов и методик, применяемых в профилактической деятельности; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области профилактики авитального поведения.

Результаты исследования.

Одним из наиболее сложных по многоаспектности проявлений и организации комплексных мер превенции деструктивного поведения остается деструктивно-агрессивное поведение лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Проводимое автором исследование в области мер и путей противодействия деструктивному поведению в местах лишения свободы показывает, что данная тематика остается актуальной и

прослеживается тенденция нарастания прикладных разработок в данной области у пенитенциарных специалистов [1, 4, 5, 6, 7, 9]. Практически все исследователи отмечают у склонных к деструктивному поведению отмечается ряд особенностей личности и специфических внешних и/или внутренних факторов риска, способствующих развитию данного поведения [5, 6, 9].

К числу факторов риска авитального поведения необходимо отнести такие, которые:

- оказывают внешнее внесистемное негативное влияние на осужденного (наличие долгов, падение материального/социального статуса семьи, разрыв с семейных, родственных, супружеских, любовных взаимоотношений, смерть или тяжелые болезни близких и т.п.);
- влияние пенитенциарного стресса: изоляция, депривация, криминальное окружение, оперативно-режимные ограничения и требования, неопределенность будущего, стратификация и др.;
- наличие проблем со здоровьем – психические отклонения, инвалидность, тяжелые хронические заболевания, алкогольные, наркотические, токсические аддикции и т.д.
- индивидуально-личностные особенности – неустойчивость эмоционально-волевой сферы, специфические индивидуально-личностные особенности (возрастные, когнитивные, психические, гендерные, религиозные, национальные и др.) и др.

Предупреждение авитальной активности встроено в программу сопровождения каждого поступившего в пенитенциарное учреждение, на этапе карантина выделяются лица группы риска по следующим показателям:

- в анамнезе совершение членовредительства или суицида,
- суициды и психических заболеваний у близких родственников;
- внешние негативные факторы (развод, болезнь, смерть близких и т.д.);
- хронические и социально опасные заболевания, аддикции;
- низкий статус в среде мест лишения свободы.

В соответствии с алгоритмом в случае отсутствия риска деструктивно-агрессивного поведения проводятся стандартные мероприятия, направленные на адаптацию в местах лишения свободы и затем сопровождение происходит в соответствии с алгоритмом. В случае выявления тенденций к развитию авитального поведения осужденного ставят в группу профилактического учета в соответствии с приказом ФСИН России № 72 [7].

Алгоритм проведения работы по выявлению лиц, с повышенным риском авитального поведения представлен ниже, на *рисунке 1*.

Результаты исследования

Мерами профилактики авитального поведения в местах лишения свободы, могут выступать следующие мероприятия:

1. Выявление и постановка на учет с дальнейшей работой как с категорией «группа риска» осужденных с наличием риска деструктивного поведения (например, имеющих психические отклонения и аддикции, инвалидов, имеющих тяжелые хронические заболевания; осужденных, у которых в период следственных действий произошел разрыв социально полезных связей, кризисные события в семейном окружении; имеющих низкий уровень образования, отбывающих длительные сроки наказания; с низким социальным статусом и/или совершивших отрицательные поступки, которые могут быть восприняты другими осужденными крайне негативно (воровство, пренебрежение гигиеной и т.п.), ведущих разговор о необоснованно вынесенном приговоре суда; лица, раздающие вещи, выполняющие «ритуал прощания», проявляющие повышенный интерес к теме лишения себя жизни, рассуждающие об отсутствии смысла жизни и т.д.
2. Мониторинг деструктивного поведения.
3. Повышение осведомленности персонала о лицах, склонных к деструктивно-агрессивному поведению и алгоритме помощи при совершении актов членовредительства, суицида;
4. Плановая психодиагностика осужденных.

Таким образом, организация комплексной системы противодействия авитальным проявлениям поведения при проводимой работе с осужденным остается основой выстраивания алгоритма работы по ресоциализации, коррекции, пробации специалистами пенитенциарного учреждения.

Список литературы:

- [1] Белов В.Г. Бирюкова Г.М., Федоренко В.В. Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека // Гуманизация образования. – 2009. – № 3. – С. 66-72.
- [2] Вагин И.О. Психология жизни и смерти. / И.О. Вагин – СПб.: Питер, 2002. -160 с.
- [3] Казберов П.Н. Организация предотвращения деструктивно-агрессивного поведения в

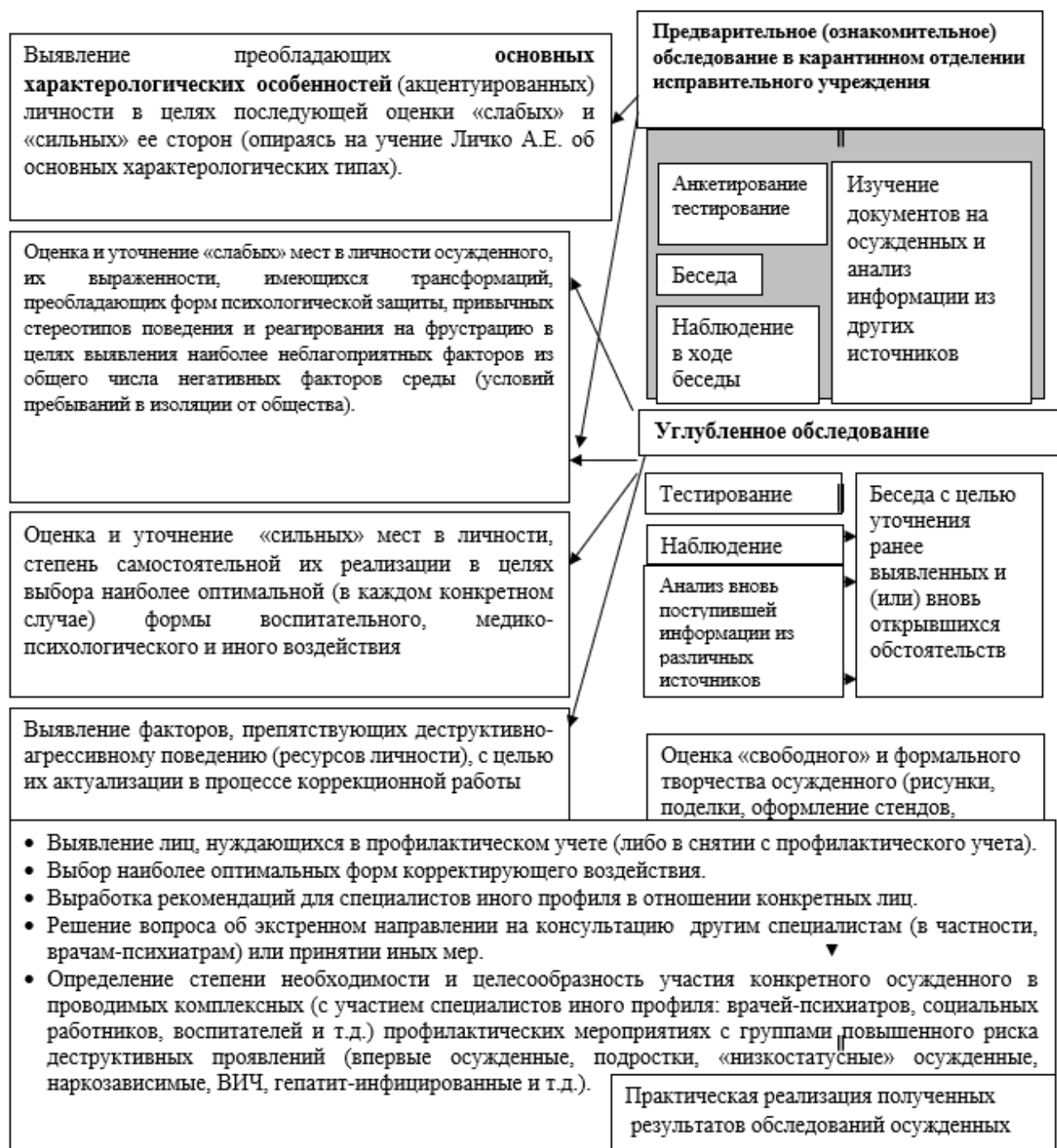

Рисунок 1. Алгоритм проведения работы по выявлению лиц, с повышенным риском авитального поведения

зоне лишней свободы // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 82-1. – С. 459-462.

[4] Казберов П.Н. Основы психологической профилактики аутодеструктивного поведения в пенитенциарной сфере / П.Н. Казберов. – Краснодар : Новация, 2023. – 123 с.

[5] Кротова Д.Н., Дебольский М.Г. Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности // Психология и право. – 2013. – № 3. – С. 1-13.

[6] Новиков Е.Е. Основные направления работы с осужденными с суицидальным поведением, страдающими алкоголизмом и наркоманией, ВИЧ-инфицированными в карантинных

отделениях: теоретический и организационные аспекты // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 3. – С. 108-117.

[7] Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 № 72 // СПС «Гарант» (дата обращения: 14.10.2023).

[8] Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 33-40.

[9] Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Организационно-правовые проблемы противодействия суицидальным и несуицидальным аутоагрессивным // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012 – № 3. – С. 17-24.

References:

[1] Belov V.G. Biryukova G.M., Fedorenko V.V. Psychological protection and its role in the formation of the human adaptation system//Humanization of education. – 2009. – № 3. – S. 66-72.

[2] Vagin I.O. Psychology of life and death .I.O. Vagin - St. Petersburg: Peter, 2002. -160 s.

[3] Kazberov P.N. Organization of the prevention of destructive-aggressive behavior in the zone of deprivation of liberty//Problems of modern pedagogical education. – 2024. – № 82-1. - S. 459-462.

[4] Kazberov P.N. Fundamentals of psychological prevention of autodestructive behavior in the penitentiary sphere/P.N. Kazberov. - Krasnodar: Novation, 2023. - 123 s.

[5] Krotova D.N., Debolsky M.G. Prevention of penitentiary crime risk factors//Psychology and law. –2013. – № 3. - S. 1-13.

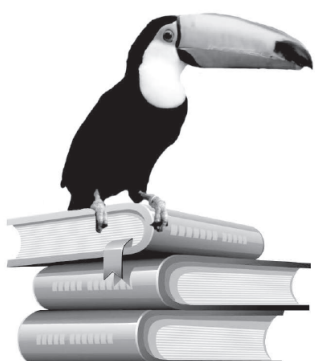
[6] E.E. Novikov. The main areas of work with convicts with suicidal behavior, suffering from alcoholism and drug addiction, HIV-infected in quarantine departments: theoretical and organizational aspects// Applied legal psychology. – 2016. – № 3. - S. 108-117.

[7] On approval of the Instruction for the Prevention of Offenses among Persons Held in Institutions of the Penal System: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 72//SPS “Garant” dated 20.05.2013 (date of appeal: 14.10.2023).

[8] Spasennikov B.A. Clinical and criminological analysis of personality disorders in convicts// All-Russian Criminological Journal. – 2014. –№ 2. - S. 33-40.

[9] Shabanov V.B., Kashinsky M.Yu. Organizational and legal problems of counteracting suicidal and non-suicidal auto-aggressive//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012 – № 3. - S. 17-24.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы
центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ФСИН РОССИИ ПРИ УЧАСТИИ В МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуются правовые основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, прежде всего подразделений специального назначения территориальных органов ФСИН России, при их участии в мероприятиях по противодействию терроризму. Обосновывается, что расширение фактического участия пенитенциарных спецподразделений в межведомственных антитеррористических мероприятиях (учения, оперативные мероприятия, специальные операции по пресечению угроз) объективно опережает действующее нормативное закрепление полномочий по применению мер принуждения за пределами объектов УИС. Выявляется коллизия между «специальным законодательством», регламентирующим применение силы сотрудниками УИС, и положениями антитеррористического законодательства о правомерном причинении вреда при пресечении террористического акта. Показано, что неопределенность пределов допустимого поведения повышает риски ошибочной правовой оценки действий сотрудника, снижает управляемость силового реагирования и в конечном счете может негативно влиять на эффективность пресечения террористических угроз. В целях устранения пробелов предлагается нормативная модель точечного дополнения Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-І, обеспечивающая прямое и недвусмысленное закрепление возможности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при участии в мероприятиях по противодействию терроризму в отношении иных лиц, а также в отношении объектов и на территориях вне УИС — при сохранении принципов необходимости, соразмерности, минимизации вреда и последующего контроля законности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; ФСИН России; отделы специального назначения; противодействие терроризму; контртеррористическая операция; применение физической силы; специальные средства; огнестрельное оружие; правовая определенность; коллизии законодательства.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal
Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL GROUNDS FOR THE USE OF COERCIVE MEASURES BY SPECIAL PURPOSE UNITS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN COUNTER-TERRORISM ACTIVITIES: DIRECTIONS FOR LEGISLATIVE IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines the legal grounds for the use of physical force, special means, and firearms by officers of the Russian penitentiary system, primarily special purpose units of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN), when participating in counter-terrorism activities. It is argued that the actual expansion of penitentiary special units' participation in inter-agency counter-terrorism operations (exercises, operational measures, special response actions) objectively outpaces the current statutory regulation of coercive powers outside penitentiary facilities. A conflict is identified between "special legislation" governing coercive measures in the penitentiary domain and anti-terrorism provisions on lawful harm inflicted while suppressing a terrorist act. The paper demonstrates that uncertainty regarding the permissible scope of conduct increases the risks of incorrect legal qualification of officers' actions, reduces the controllability of force application, and may ultimately undermine the effectiveness of preventing and suppressing terrorist threats. To eliminate the gaps, a model of targeted amendments to the Law of the Russian Federation No. 5473-I is proposed, aimed at explicitly authorizing the use of force, special means, and firearms during counter-terrorism activities against other persons and, in specified cases, with respect to objects and territories outside the penitentiary system—while preserving the principles of necessity, proportionality, harm minimization, and subsequent legality control.*

Key words: *penitentiary system; FSIN of Russia; special purpose units; counter-terrorism; counter-terrorist operation; use of force; special means; firearms; legal certainty; legislative conflicts.*

Система противодействия терроризму в современной России характеризуется устойчивой институционализацией межведомственного взаимодействия и одновременным ростом требований к юридической определенности действий должностных лиц в ситуациях высокого риска. В рамках антитеррористической защищенности объектов и населения государство неизбежно опирается на силовые ресурсы различных ведомств, обладающих собственной функциональной специализацией и «специальным законодательством». Уголовно-исполнительная система при этом традиционно воспринималась как сфера, ориентированная на исполнение наказаний и обеспечение режима в местах лишения свободы. Однако эволюция угроз, включая радикализацию отдельных контингентов, распространение экстремистской идеологии, использование технических средств доставки запрещенных предметов и попытки силового давления на персонал, привела к фактическому расширению роли силового компонента УИС. Подразделения специального назначения территориальных органов ФСИН России сформировались как наиболее мобильный и профессионально подготовленный ресурс для реагирования на чрезвычайные обстоятельства в пенитенциарной среде и постепенно стали включаться в межведомственные мероприятия по противодействию терроризму, в том числе в формате учений оперативных штабов в субъектах Российской Федерации, что напрямую корреспондирует целям комплексного планирования противодействия идеологии терроризма на федеральном уровне [1].

Специфика деятельности пенитенциарных спецподразделений состоит в том, что они решают задачи, по своей оперативно-тактической природе близкие к задачам иных силовых структур: пресе-

чение захвата заложников, нейтрализация вооруженного сопротивления, локализация групповых нарушений, обеспечение безопасности охраняемых объектов, сопровождение мероприятий повышенного риска. Внутри учреждений УИС такие ситуации часто развиваются стремительно, при дефиците информации, в условиях угрозы жизни и здоровью сотрудников и гражданских лиц. Вне объектов УИС характер угроз в ряде сценариев не становится менее опасным: при пресечении подготовки террористического акта, задержании вооруженных лиц, блокировании опасной зоны, отражении нападения на охраняемый объект либо при участии в обеспечении правового режима контртеррористической операции. При этом юридическая ответственность за причинение вреда при применении силы в российской модели возлагается персонально на сотрудника и оценивается через призму совокупности норм уголовного права (глава 8 УК РФ) и специальных регламентов применения силы соответствующим ведомством. Именно здесь проявляется ключевой вызов: практическая потребность в межведомственном силовом реагировании существует, но уровень согласованности и полноты нормативного описания полномочий пенитенциарных сотрудников при участии в антитеррористических мероприятиях вне объектов УИС остается недостаточным. Аналогичная проблематика неоднократно обозначалась в отечественной доктрине применительно к оценке причинения вреда при проведении контртеррористических операций различными силовыми структурами, где коллизии «общих» и «специальных» норм повышают риск неодинаковой квалификации действий должностного лица [2].

Цель настоящего исследования заключается в формировании юридически точной и нор-

мативно реализуемой модели совершенствования Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 в части применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС при участии в мероприятиях по противодействию терроризму. Методологическую основу составили формально-юридический анализ, сравнительно-правовой подход, толкование норм специального и антитеррористического законодательства, а также оценка правоприменительных рисков, возникающих при коллизии правовых режимов.

Нормативный массив, регулирующий применение мер принуждения сотрудниками УИС, построен вокруг Закона РФ № 5473-1, который закрепляет общие требования и специальные основания применения физической силы (ст. 29), специальных средств (ст. 30) и огнестрельного оружия (ст. 31.2) [3]. Важная особенность конструкции указанного закона — территориальная и функциональная «привязка» полномочий к объектам УИС, режимным требованиям и пенитенциарным задачам. Такая логика исторически оправдана, поскольку применение силы в учреждениях исполнения наказаний должно быть исключительным средством, сопряженным с повышенным контролем и соразмерностью. Вместе с тем в правовой реальности последних лет растет значение ситуаций, где пенитенциарные силы действуют совместно с иными ведомствами не только в пределах режимной территории, но и в иных местах — как минимум в рамках учений и подготовки к пресечению угроз, а в отдельных сценариях и при непосредственном реагировании на опасные посягательства. Сам факт участия сил УИС в межведомственной системе противодействия терроризму не является правовой аномалией: он вытекает из задач обеспечения безопасности, а также из государственных планов, предусматривающих координацию профилактических и силовых мер [1].

С 28 января 2026 года вступают в силу изменения, существенно уточняющие полномочия сотрудников УИС при розыске осужденных и задержании лиц, совершивших побег. Эти изменения подтверждают общий тренд: законодатель признает необходимость расширения «пространственного» охвата применения мер принуждения, когда пенитенциарная функция реализуется вне периметра учреждений [4]. Важность такого шага состоит не только в повышении эффективности розыскных мероприятий, но и в формировании правовой определенности: сотрудник получает более ясное основание для применения силы в ситуации, которая объективно выходит за пределы режимной территории, но сохраняет связь с исполнением наказания и обеспечением охраны.

Однако противодействие терроризму образует иной юридический контекст. Антитеррористическое законодательство закрепляет особые правила, в том числе институт правомерного причинения вреда при пресечении террористического акта. Так, ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ устанавливает, что лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а равно причинение вреда его здоровью или имуществу при пресечении террористического акта признаются правомерными [5]. При этом одновременно действует правило о том, что участвующие в контртеррористической операции подразделения федеральных органов исполнительной власти применяют оружие и специальные средства в соответствии со своим «специальным законодательством», что порождает риск нормативного рассогласования: по антитеррористическому закону вред может считаться правомерным, но по ведомственному регламенту основания для применения силы в конкретной конфигурации ситуации могут быть описаны иначе или отсутствовать. Следствием становится снижение правовой защищенности сотрудников и рост угрозы необоснованного привлечения к уголовной ответственности при фактическом выполнении задач по пресечению террористических проявлений, что системно отражено в научных публикациях о квалификации причинения вреда при контртеррористических операциях [2].

Для сотрудников УИС данная коллизия приобретает особую остроту. Ведомственный Закон № 5473-1 в исходной логике ориентирован на регулирование мер принуждения в отношении осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также на защиту объектов УИС [3]. Даже когда формулировки содержат категорию «иных лиц», они, как правило, контекстуально связаны с ситуациями внутри учреждений, на прилегающих территориях с режимными требованиями или при конвоировании. Между тем при участии в мероприятиях по противодействию терроризму сотрудники ОЧН могут оказаться в ситуации, где объектом воздействия становится лицо, не имеющее статуса осужденного или заключенного под стражу, а территория проведения мероприятия не относится к объектам УИС. В таком случае формальный анализ «специального законодательства» может привести к выводу о недостаточности прямого основания применения конкретной меры принуждения, несмотря на фактическую необходимость пресечь угрозу жизни и общественной безопасности. Именно этот разрыв между фактической служебной ролью и нормативной «рамкой» создает условия для ошибочной квалификации действий сотрудника как превышения должностных полномочий либо иных преступлений против

личности, если оценка будет строиться не на сущности предотвращаемого посягательства, а на формальном признаке ведомственной принадлежности и территории. Здесь важно учитывать, что базовые уголовно-правовые конструкции (необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление) требуют не абстрактной, а конкретизированной привязки к «специальным» полномочиям должностного лица, иначе правоприменитель получает основания для ретроспективного сомнения в правомерности выбранного средства пресечения [6].

Ситуация осложняется тем, что современная террористическая и экстремистская активность проявляется не только в «классических» сценариях нападений, но и в формах, затрагивающих пенитенциарную среду: распространение экстремистской идеологии среди осужденных, формирование устойчивых радикальных групп, попытки дезорганизации деятельности учреждений и давления на персонал, а также использование технических средств для доставки запрещенных предметов на охраняемые территории. Российские исследования, посвященные экстремизму в учреждениях и органах, исполняющих наказание, фиксируют необходимость усиления мер противодействия как на уровне профилактики, так и на уровне реагирования [9]. В таких условиях роль спецподразделений УИС закономерно усиливается, поскольку именно они обеспечивают способность системы быстро локализовать угрозу, предотвратить захват персонала, пресечь попытки насильственных действий и обеспечить безопасность режима.

Отдельного внимания заслуживает технологический компонент угроз. Использование беспилотных аппаратов в преступных целях (разведка, доставка запрещенных предметов, создание паники, имитация угроз) стало одним из факторов, повлиявших на развитие законодательства: государство расширило полномочия ряда силовых структур, включая учреждения и органы УИС, по пресечению нахождения беспилотных воздушных судов в охраняемых (или ограниченных) зонах, а также закрепило допустимые способы такого пресечения [10]. При этом внутри «специального» закона УИС соответствующие основания применения специальных средств и (в исключительных случаях) оружия сформулированы применительно к территориям исправительных учреждений, следственных изоляторов и прилегающих режимных территорий [3]. При участии же в межведомственных мероприятиях по противодействию терроризму возможны ситуации, когда необходимость пресечения угрозы, связанной с беспилотными аппаратами либо блокирование

движения групп лиц, возникает на территориях, не относящихся к УИС, при сохранении той же природы риска — угрозы жизни и общественной безопасности.

Дополнительным аргументом в пользу нормативной определенности выступает управленческий аспект. Применение силы в антитеррористических ситуациях требует не только индивидуального решения сотрудника, но и четкого распределения полномочий, процедур внутреннего контроля и доказуемости соблюдения принципов законности и соразмерности. В современной практике силовых структур распространены механизмы последующего контроля (включая служебные проверки), использование средств видеофиксации, регламентация докладов и информирования руководства. Эти меры преследуют двуединую цель: обеспечивать правомерность и подотчетность силового воздействия и одновременно защищать сотрудника от необоснованных претензий при условии соблюдения закона. Однако любой контроль опирается на нормативный эталон; если нормативный эталон не описывает часть реальных ситуаций (например, действия по отношению к «иным лицам» вне объекта УИС при участии в мероприятиях по противодействию терроризму), контроль неизбежно приобретает характер ретроспективной «догадки» и повышает риск неодинаковых оценок. В литературе, посвященной применению специальных средств и огнестрельного оружия должностными лицами при исполнении служебных обязанностей, подчеркивается, что правовая определенность и предсказуемость критериев применения силы является ключевым условием как законности, так и эффективности силового реагирования [8]. Аналогичные выводы высказываются и в исследованиях о правовом регулировании применения силы, специальных средств и оружия в УИС, где акцент делается на необходимости устранения пробелов и коллизий в основаниях и порядке применения мер принуждения [7].

В этой связи целесообразно исходить из базового требования юридической техники: полномочие на применение силы должно быть сформулировано прямо и недвусмысленно, а не выводиться путем расширительного толкования или «подведения» ситуации под близкие, но не тождественные основания. Одновременно законодательная конструкция обязана сохранять фундаментальные принципы применения мер принуждения: необходимость (как отсутствие альтернатив), соразмерность (как соответствие характеру угрозы), минимизация вреда (как выбор наименее травматичного средства) и запрет причинения чрезмерного вреда при наличии иных способов пресечения посягательства. Указанные принципы

корреспондируют подходам отечественной доктрины к совершенствованию уголовно-правовых норм о необходимой обороне и другим обстоятельствам, исключаям преступность деяния, где подчеркивается значение ясных критериев допустимости причинения вреда [6]. В контртеррористическом контексте этот тезис приобретает повышенную практическую значимость из-за высокой вероятности причинения тяжкого вреда и последующей детальной проверки законности действий.

Наиболее рациональным представляется путь точечных изменений в Закон № 5473-I, направленных на легализацию применения мер принуждения сотрудниками УИС при участии в мероприятиях по противодействию терроризму в отношении лиц, не обладающих пенитенциарным статусом, а в отдельных случаях — в отношении объектов и на территориях, не относящихся к УИС. При этом важно подчеркнуть: речь не идет о «переподчинении» пенитенциарных спецподразделений чужим ведомственным задачам либо об утрате их функциональной специализации. Речь идет о юридическом обеспечении уже существующей практики межведомственного участия и о снижении правовых рисков при выполнении задач по пресечению террористических угроз, которые по своей природе не ограничиваются границами режимной территории.

Первый элемент предлагаемой модели касается корректировки общей нормы о допустимости применения мер принуждения по территориальному критерию. В действующей редакции часть 2 статьи 28 Закона № 5473-I фиксирует, что сотрудники УИС вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие на территориях учреждений, следственных изоляторов, прилегающих к ним территориях с режимными требованиями, на охраняемых объектах УИС, при конвоировании и в иных случаях [3]. Такая формулировка выполняла роль «общего допуска» с сильной территориальной привязкой. Однако после законодательного расширения полномочий УИС в сфере розыска и задержания лиц, совершивших побег, территориальная привязка становится недостаточно точной и потенциально конфликтной: розыск по определению осуществляется «в месте обнаружения» разыскиваемого, которое может не совпадать с территориями, перечисленными в ч. 2 ст. 28. По этой причине обоснован подход, при котором часть 2 статьи 28 предлагается признать утратившей силу и изложить часть 2 статьи 28 в следующей редакции: «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы допускается по основаниям и в порядке, которые предусмо-

трены настоящим Законом, при розыске осужденных к уголовным наказаниям, исполнение которых возложено на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а также лиц, совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, в месте обнаружения таких лиц» [4]. Смысл данной формулы состоит в устранении потенциальной коллизии между «территориальным» и «ситуационным» критериями: законодатель прямо признает допустимость применения мер принуждения при розыске и задержании в месте обнаружения разыскиваемого лица, тем самым исключая необходимость доказывать, что место обнаружения подпадает под перечень охраняемых территорий или режимных зон.

Второй элемент модели — нормативное обеспечение применения физической силы при участии сотрудников УИС в мероприятиях по противодействию терроризму в отношении «иных лиц». Здесь важно различать два блока ситуаций. Первый — пенитенциарные ситуации, где физическая сила применяется к осужденным или лицам, заключенным под стражу, например для задержания, пресечения сопротивления, пресечения неповиновения. Второй — межведомственные антитеррористические ситуации, где сотрудник УИС фактически выполняет силовую функцию по задержанию лица, представляющего террористическую угрозу, но не имеющего статуса осужденного. Если закон не содержит прямого разрешения применять физическую силу к такому «иному лицу» в рамках конкретного основания, возникает риск квалификации действий как выходящих за пределы полномочий. При этом по своей фактической природе задержание «иного лица» в антитеррористическом контексте является функциональным аналогом задержания осужденного/заключенного под стражу по основанию необходимости пресечения опасного поведения и обеспечения безопасности, что не противоречит общим принципам правомерного причинения вреда при задержании и пресечении посягательств [6].

С учетом указанного предлагается дополнить статью 29 Закона частью третьей следующего содержания: «При участии в мероприятиях по противодействию терроризму сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право применять физическую силу по основанию, указанному в пункте 2 части первой настоящей статьи, также в отношении иных лиц» [3]. Юридическая логика такой поправки построена на минимальном вмешательстве в структуру закона: не вводится новое самостоятельное основание, а расширяется субъектный охват уже имеющегося основания — «для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу». В результате

задержание в антитеррористическом контексте получает ясную «привязку» к существующей конструкции, что облегчает правоприменение, последующий контроль законности и обучение персонала.

Третья составляющая модели связана со специальными средствами. Нормы о специальных средствах (ст. 30 Закона № 5473-1) содержат перечень оснований, в которых фигурируют «иные лица» (например, отражение нападения на работников УИС, осужденных и иных лиц), а также основания, связанные с блокированием движения групп граждан и пресечением функционирования беспилотных аппаратов, но эти основания концептуально закреплены применительно к территориям учреждений УИС и прилегающим режимным территориям [3]. Между тем при участии в антитеррористических мероприятиях сотрудник УИС может объективно оказаться в ситуации, где требуется использовать специальные средства для пресечения физического сопротивления, попытки насильственного освобождения, обеспечения задержания вооруженных лиц либо блокирования опасной зоны — и все это может происходить вне объектов УИС. Нормативное молчание закона здесь приводит к практической дилемме: либо сотрудник воздерживается от применения специальных средств и тем самым снижает эффективность реагирования, либо применяет их, полагаясь на общие антитеррористические нормы о правомерности пресечения, но рискует столкнуться с формальной претензией о выходе за пределы «специального законодательства». В работах, посвященных правовым основаниям использования специальных средств и оружия должностными лицами, подчеркивается, что именно несогласованность предметных и территориальных критериев часто становится источником претензий к правомерности применения силы при формально «нестандартных» обстоятельствах [8].

Поэтому предлагается дополнить статью 30 Закона частью четвертой следующего содержания: «При участии в мероприятиях по противодействию терроризму сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право применять специальные средства по основаниям, указанным в пунктах 3, 8, 9, 11 части первой настоящей статьи, также в отношении иных лиц, а по основаниям, указанным в пунктах 12, 13 части первой настоящей статьи также в отношении объектов и на территориях, не относящихся к уголовно-исполнительной системе» [3]. Данная формула одновременно решает две задачи: во-первых, расширяет возможность применения специальных средств к «иным лицам» в тех случаях, где по смыслу закона речь идет о пресечении сопротивления, предотвращении насильственного освобождения и

задержании опасных лиц; во-вторых, позволяет применять специальные средства для блокирования движения групп граждан и пресечения функционирования беспилотных аппаратов также на объектах и территориях вне УИС, если эти действия осуществляются в рамках мероприятий по противодействию терроризму. Вторая часть особенно важна в контексте современных террористических угроз, где беспилотные аппараты и мобильные группы могут использоваться для разведки, доставки опасных предметов или создания паники; при этом нормативная основа пресечения беспилотных угроз получила развитие на уровне федерального законодательства, расширившего полномочия силовых структур в данной сфере [10].

Наконец, четвертый элемент модели касается огнестрельного оружия. В системе мер принуждения применение огнестрельного оружия является крайней мерой и требует максимальной нормативной определенности. Статья 31.2 Закона № 5473-1 перечисляет случаи, когда оружие может применяться, но многие пункты прямо привязаны к статусу «осужденного или лица, заключенного под стражу» либо к объектам УИС [3]. Одновременно антитеррористическое законодательство формулирует общий принцип правомерности причинения вреда террористу при пресечении теракта [5]. На практике именно на уровне применения оружия рассогласованность норм порождает наиболее высокие риски уголовно-правовых последствий для сотрудника: любые сомнения в наличии прямого основания способны трансформироваться в претензии о превышении полномочий или причинении вреда вне рамок дозволенного, что неоднократно отмечалось в научном анализе квалификации причинения вреда в ходе контртеррористических операций [2].

С учетом этого предлагается дополнить статью 31.2 Закона частью девятой следующего содержания: «При участии в мероприятиях по противодействию терроризму сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право применять огнестрельное оружие по основаниям, указанным в пунктах 4, 5, 7 части первой настоящей статьи, также в отношении иных лиц, а по основаниям, указанным в пунктах 6, 8 части первой настоящей статьи также в отношении объектов и на территориях, не относящихся к уголовно-исполнительной системе» [3]. Логика предлагаемой нормы заключается в следующем. Пункты 4, 5, 7 связаны с задержанием лица, совершающего опасное преступление против жизни и здоровья, с задержанием лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также с пресечением побега и попытки насильственного освобождения. В антитеррористическом контексте аналогичные по сте-

пени опасности ситуации возникают в отношении лиц, не имеющих пенитенциарного статуса: террорист может быть застигнут при совершении деяния против жизни и здоровья, оказывать вооруженное сопротивление, отказаться сдать оружие или взрывчатые вещества. Расширение на «иных лиц» делает правовую модель симметричной фактической угрозе. Пункты 6 и 8 связаны с отражением группового или вооруженного нападения на объекты УИС и с пресечением функционирования беспилотных аппаратов на территориях УИС [3]; в рамках антитеррористических мероприятий аналогичная необходимость может возникнуть в отношении иных объектов и территорий, если действия направлены на предотвращение теракта либо минимизацию его последствий. Поэтому расширение на «объекты и территории, не относящиеся к УИС» в рамках антитеррористического участия выступает как точечная легализация уже понятной по смыслу функции защиты и нейтрализации угроз, но при сохранении ограничителей крайней меры.

Предложенная модель изменений обладает рядом юридически значимых преимуществ. Во-первых, она устраняет неопределенность без радикального пересмотра структуры Закона № 5473-1: вместо введения самостоятельного «анти-террористического» режима для УИС законодатель использует механизм дополнений, встроенных в уже действующие статьи и логически связанные с существующими основаниями [3]. Во-вторых, модель минимизирует риск чрезмерного расширения полномочий: применение мер принуждения допускается не «вообще при борьбе с терроризмом», а строго по перечисленным основаниям конкретных пунктов, что облегчает контроль законности и формирование правоприменительной практики. В-третьих, модель гармонизирует «специальное законодательство» УИС с антитеррористическим законодательством: сотрудник, участвующий в мероприятиях по противодействию терроризму, получает ясное ведомственное основание для применения силы и тем самым исключается разрыв между требованием действовать эффективно и риском формального отсутствия полномочия [2], [5]. В-четвертых, модель учитывает современную динамику угроз, включая технологические компоненты (беспилотные аппараты) и необходимость работы на территориях вне режимных зон, что подтверждается развитием нормативных механизмов пресечения беспилотных угроз в федеральном законодательстве [10].

Важно подчеркнуть и конституционно-правовой аспект. Ограничение прав и свобод в условиях контртеррористических мероприятий допустимо

лишь в мере, необходимой для защиты безопасности государства и иных конституционно значимых ценностей. Научные исследования, посвященные ограничениям прав и свобод в условиях военного положения и при проведении контртеррористических операций, акцентируют, что такие ограничения должны быть нормативно определенными, внутренне непротиворечивыми и подлежащими контролю законности [11]. Применение силы и оружия — наиболее чувствительная форма вмешательства в права, и потому именно здесь нормативная определенность должна быть максимальной. Предложенная модель не создает «новых» ограничений без основания; она уточняет, в каких пределах сотрудник вправе действовать в условиях уже установленного государством режима противодействия терроризму и межведомственной координации. Тем самым соблюдается баланс между эффективностью защиты и правовыми гарантиями личности.

С практико-ориентированной точки зрения предлагаемые изменения способствуют повышению управляемости контртеррористических действий. Поскольку межведомственные мероприятия по противодействию терроризму предполагают единую систему управления и единый замысел операции, каждый участник должен действовать по понятным правилам. Если один участник группы формально «скован» ведомственными территориальными ограничениями, а другой действует по более широким полномочиям, возникает риск рассогласования тактики: например, невозможность применить специальные средства для блокирования движения опасной группы вне режимной территории может привести к затягиванию пресечения, увеличению времени контакта и росту ущерба. Уточнение полномочий снижает вероятность таких провалов и повышает предсказуемость силового компонента.

Содержательно предложенная модель также согласуется с доктринальными выводами о необходимости гармонизации правовых режимов причинения вреда при пресечении террористических угроз. Противоречие между специальными ведомственными запретами/основаниями и общим правилом правомерности причинения вреда при пресечении теракта может приводить к ситуации, когда вред по смыслу антитеррористического закона правомерен, но по ведомственному акту — сомнителен, что подрывает правовую защищенность сотрудника и создает «эффект охлаждения», когда должностные лица избегают решительных действий из-за страха юридических последствий [2], [5]. Для УИС этот риск усиливается тем, что ведомственное законодательство исторически сосредоточено на пенитенциарной

среде и не описывает в явном виде многие сценарии внешнего силового участия. Поэтому уточнение статей 29, 30 и 31.2 в части действий «при участии в мероприятиях по противодействию терроризму» является не расширением репрессии, а устранением пробела юридической техники, прямо влияющего на эффективность пресечения террористических угроз [7].

Важным элементом правовой реализации предложенных изменений должна стать сопряженная организационная работа: актуализация ведомственных инструкций, программ служебно-боевой подготовки, алгоритмов документирования применения силы, применения средств фиксации и процедур взаимодействия с органами расследования и прокурорского надзора. При этом само наличие прямой нормы закона существенно облегчает разработку таких процедур: регламент строится не на «обходном» толковании или ссылок на общие нормы, а на четком законодательном основании [3]. В результате повышается качество как профилактики нарушений, так и защиты прав сотрудников при правомерных действиях.

Отдельно следует отметить, что антитеррористическая деятельность государства имеет измеримый результат: официально фиксируются предотвращенные террористические преступления и эффективность межведомственной координации. Это подтверждает актуальность темы и высокую социальную цену ошибок в правовом обеспечении силового реагирования [12]. В таких условиях точечное совершенствование специального законодательства УИС в части мер принуждения при антитеррористическом участии выступает как рациональный способ повысить эффективность и правовую устойчивость системы в целом.

Правовая определенность полномочий является не формальным требованием юридической техники, а элементом обеспечения национальной безопасности и гарантией единообразного правоприменения. Проведенный анализ показывает, что фактическое участие подразделений специального назначения ФСИН России в межведомственных мероприятиях по противодействию терроризму нуждается в более точном нормативном «закреплении» в Законе РФ № 5473-1. Выявленная коллизия между антитеррористическими положениями о правомерном причинении вреда при пресечении террористического акта и ведомственными основаниями применения мер принуждения создает риски ошибочной квалификации действий сотрудника, снижает управляемость силового реагирования и может отрицательно сказываться на эффективности пресечения угроз. Предложенная модель точечного

дополнения статей 28, 29, 30 и 31.2 Закона № 5473-1 обеспечивает прямое и недвусмысленное закрепление возможности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при участии в мероприятиях по противодействию терроризму в отношении иных лиц, а в установленных случаях — в отношении объектов и на территориях вне УИС, при сохранении принципов необходимости, соразмерности и минимизации вреда. Реализация предложений при одновременной актуализации ведомственных регламентов и подготовки персонала позволит повысить правовую защищенность сотрудников, предсказуемость контртеррористических действий и согласованность правовых режимов применения силы в межведомственном формате.

Список литературы:

- [1] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. 30.12.2023).
- [2] Никуленко А. В., Смирнов М. А. Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими ФСБ России и Вооружённых Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 101–109. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109.
- [3] Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ред. с изм.).
- [4] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- [5] Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. с изм.).
- [6] Каплунов А. И., Гришин А. В. О совершенствовании уголовно-правовой нормы о необходимой обороне // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 89–96.
- [7] Степанова А. Н. Проблемы правового регулирования применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7-3 (109). С. 127–131. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.088.
- [8] Павлов И. А. Применение специальных средств и огнестрельного оружия должностными лицами при осуществлении служебных обязанностей // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 2 (77). С. 57–61.
- [9] Белов М. М., Сафиуллин Н. Р., Степанов К. А. Экстремизм в учреждениях и органах, испол-

няющих наказание: современное состояние, направления оптимизации противодействия // Психология и правоохранительная деятельность. 2024.

[10] Федеральный закон от 02 декабря 2019 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части пресечения нахождения беспилотных воздушных судов и иных беспилотных аппаратов в охраняемых/ограниченных зонах).

[11] Языкеев С. Н. Специфика ограничений прав и свобод человека для обеспечения национальной безопасности в условиях военного положения и при проведении контртеррористических операций // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 127–138.

[12] Сообщение о совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба по итогам работы в 2025 году // Официальные материалы НАК. (дата обращения: 18.01.2026).

References:

[1] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by 30.12.2023).

[2] Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Problems of legal assessment of harm by police officers, Rosgvardia, military personnel of the FSB of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation during counter-terrorist operations//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (97). S. 101-109. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109.

[3] Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" (as amended).

[4] Federal Law No. 323-FZ dated July 31, 2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation."

[5] Federal Law No. 06 of March 2006, 35-FZ "On Countering Terrorism" (as amended).

[6] Kaplunov A. I., Grishin A. V. On improving the criminal law on the necessary defense//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (81). S. 89-96.

[7] Stepanova A. N. Problems of legal regulation of the use of physical force, special means and firearms by employees of the penitentiary system//International Research Journal. 2021. № 7-3 (109). S. 127-131. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.088.

[8] Pavlov I. A. The use of special means and firearms by officials in the performance of official duties//Universum: economics and jurisprudence. 2021. № 2 (77). S. 57-61.

[9] Belov M. M., Safiullin N. R., Stepanov K. A. Extremism in institutions and bodies executing punishment: current state, directions for optimizing counter-terroperation//Psychology and law enforcement. 2024.

[10] Federal Law of December 02, 2019 No. 404-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in terms of preventing the presence of unmanned aircraft and other unmanned vehicles in protected/restricted areas).

[11] Yazykeev S. N. Specifics of restrictions on human rights and freedoms to ensure national security in conditions of martial law and during counter-terrorist operations//Transport law and security. 2023. № 4 (48). S. 127-138.

[12] Message about the joint meeting of the National Anti-Terrorism Committee and the Federal Operational Headquarters on the results of work in 2025//Official materials of the NAC. (accessed on: 18.01.2026).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-647-649

ПАХОМОВ А.В.,
аспирант Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань,
e-mail: pravoAVP@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В настоящей статье исследованы актуальные проблемные вопросы определения термина преступления в сфере международной уголовной ответственности, акцентировать внимание на содержательном аспекте. Истоки данной проблемы не связаны с незаинтересованностью научного сообщества к данной проблеме, отнюдь, различные ученые, деятели юридической науки предлагают различные подходы к определению термина. В том числе, в настоящей статье рассмотрены коллизии международных норм и национального законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: преступление в международном праве, индивидуальная уголовная ответственность глава государства.

PAKHOMOV A.V.,
Postgraduate Student, TISBI University
of Management, Kazan

THE CONCEPT OF A CRIME UNDER INTERNATIONAL LAW AS A BASIS FOR INITIATING INDIVIDUAL CRIMINAL LIABILITY OF SENIOR OFFICIALS OF STATES

Annotation. This article examines the current problematic issues of defining the term crime in the field of international criminal responsibility, focusing on the substantive aspect. The origins of this problem are not related to the disinterest of the scientific community in this problem, by no means, various scientists, figures of legal science offer different approaches to the definition of the term. In particular, this article examines the conflicts of international norms and national legislation in this area.

Key words: crime in international law, individual criminal responsibility of the head of State.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вопрос персонифицированной уголовной ответственности высших должностных лиц государства в международном праве является как никогда актуальным.

При этом, остается актуальным вопрос, какое общественно-опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания следует понимать под международным преступлением, как основании ответственности высших должностных лиц государства.

Общетеоретический вопрос определения наиболее точного, верного, характеризующего значения преступления по международному праву до настоящего времени является дискуссионным.

Истоки данной проблемы не связаны с незаинтересованностью научного сообщества к данной проблеме, различные ученые, деятели юридической науки предлагают различные подходы к определению термина.

Указанная цель достигается через ряд последовательных задач:

1. рассмотреть историко-правовой анализ становления и развития института международной уголовной ответственности;
2. раскрыть сущность, современные подходы к содержанию и пониманию международного преступления;
3. раскрыть проблему коллизии международных уголовных преступлений и норм национального законодательства;

Исследуемый вопрос преступления высших должностных лиц государства в международном праве исследовалась в работах как отечественных исследователей, таких как: Лукашук И.И., Блищенко И.П., Фисенко И.В. М., Измайлова П.Р. и др.

Нетерпимость международного сообщества к преступлениям против мира и безопасности, стремление к ликвидации очагов напряженности породила идею создания международного уголовного преследования.

Первая и Вторая мировая война сформировали стойкое мнение международного сообщества о необходимости создания и функционирования на постоянной основе международного органа уголовного юстиции [1, с. 244].

Ведь агрессия Германии с построением государственной идеологии геноцида, бесчеловечное отношение к военнопленным и их убийство, требовало юридической квалификации и осуждения.

Так, первыми шагами в указанной области стала организация в 1946 года Нюрнбергского и Токийского военного трибунала над военными преступниками.

В развитие идеи международного судебного органа, после принятия Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 году Общей декларации прав человека, поставлен вопрос о необходимости создания такого органа, который осуществлял бы правосудие за совершение преступлений геноцида.

И только на Международной дипломатической конференции в Риме 1998 г. разработан проект органа международной юстиции.

Целью такого органа должно было стать уголовное преследование за международные преступления, а также поддержание международного мира и безопасности, обеспечение неотвратимости уголовного наказания.

Исходя из положений статьи 1 Римского статута, Международный уголовный суд не подменяет собой органы правосудия государства, где совершено преступление, а лишь дополняет их деятельность. [2]

Так, юрисдикция международного уголовного суда распространяется на самые серьезные преступления, вызывающими озабоченность всего международного сообщества, такие как: геноцид, преступления против человечности, военные преступления, а также преступление агрессии, но только при условии, если они были совершены на территории государства-участника Римского статута или его гражданином (статья 12).

В дальнейшем получила своё распространение концепция, согласно которой за преступления, представляющие наибольшую опасность,

должны нести персональную уголовную ответственность высшие должностные лица, которые принимают решения от имени государства.

Между тем, указанное породило ряд вопросов, ведь привлекаемое к уголовной ответственности лицо занимает самое высокое положение в государстве, обладает неприкосновенностью.

В связи с чем, следствием совершения международных преступлений является лишение лица, совершившего преступление, возможности рассмотрения дела в отношении него, согласно уголовного законодательства государства.

Введение индивидуальной ответственности за международные преступления, признанные таковыми в соответствии с международным правом, потребовало разработки чёткого определения этого понятия, чтобы избежать субъективности и случайности при отправлении уголовного судопроизводства.

Так, в Уставе Международного трибунала по бывшей Югославии закреплена личная уголовная ответственность (ст. 7). Римский Статут Международного уголовного суда устанавливает, что Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц (ст. 25) [3, 256].

Вместе с тем, Римский Статут используя термин «международное преступление» не содержит его определения, а относит называет и относит составы преступлений, обозначая их как тяжчайшие преступления, угрожающие всеобщему миру, безопасности и благополучию, разделяя их, как указывалось выше, на четыре направления.

Путем проведения аналогии с Уголовным кодексом РФ, возможно справедливо подметить, что наличие такого принципа как законности – предполагает, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом, что не предполагает расширительного толкования и применения аналогии [4].

Несмотря на вышеуказанные положения, Международный уголовный суд неоднократно выходил за рамки своих полномочий, рассматривая дела в отношении государств, денонсирующих его или выдавая ордер в отношении лиц, государства которых, не являющихся его участниками, что противоречит праву каждого государства на выход из учредительного договора международной организации и право на согласие на подчинение юрисдикции международного суда.

Изучив различные позиции авторов относительно понятия и сущности «преступления по международному праву», можно указать, что разнообразие мнений авторов, свидетельствует как раз о сложности этого явления и требует более углубленного и всестороннего его изучения, а отсутствие закрепления термина «преступление»,

позволяет при проведении расследования и рассмотрения дел Международным уголовным судом достаточно широко трактовать преступления, которые указанный орган правомочен рассматривать, что приводит к выходу за пределы своей компетенции.

Список литературы:

[1] Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. - С.432;

[2] Римский статут Международного уголовного суда. Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2024);

[3] Накашидзе Б.Д. К вопросу о субъектах международной уголовной ответственности // Вестник РУДН №4. Серия: Юридические науки. – 2014. – С. 256.

[4] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024) // СПС «Консультант-плюс».

References:

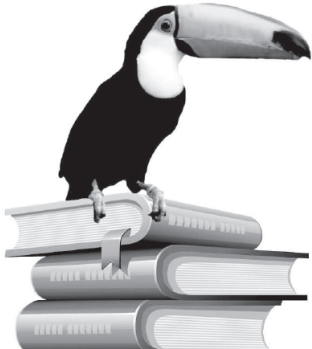
[1] Lukashuk I.I. Law of International Responsibility. M.: Wolters Kluver, 2004. - S.432;

[2] Rome Statute of the International Criminal Court. Adopted in Rome by the 17.07.1998 Diplomatic Conference of Plenipotentiaries under the auspices of the UN for the Establishment of the International Criminal Court//ATP Consultant Plus (date of appeal: 24.11.2024);

[3] B.D. Nakashidze. On the issue of subjects of international criminal responsibility//Bulletin of RUDN University No. 4. Series: Legal Sciences. – 2014. - S. 256.

[4] "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended 09.11.2024) (with amendments and additions, entry by virtue of 20.11.2024) //SPS "Consultant-plus."

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-650-652

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: ЦЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается феномен педагогической поддержки как ключевого элемента системы перевоспитания несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательных колоний. Анализируются теоретические основы, специфические цели и задачи педагогической поддержки, обусловленные особенностями контингента и жестко регламентированной средой исправительного учреждения. Описываются основные направления, методы и формы работы педагогов-воспитателей, психологов и социальных работников. Выявляются системные проблемы, препятствующие эффективной реализации поддержки, и предлагаются возможные пути их решения. Делается вывод о необходимости комплексного, индивидуализированного и преемственного подхода, ориентированного на успешную ресоциализацию личности.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, пенитенциарная педагогика, ресоциализация, социально-педагогическое сопровождение, исправительное воспитание.

ZORINA Natalia Sergeevna,
senior Researcher of the Department for Improving
Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center
for the Study of Problems of Management and Organization
of the Execution of Sentences in the Penitentiary System
of the Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR JUVENILE CONVICTS IN EDUCATIONAL COLONIES: GOALS, MECHANISMS AND CURRENT ISSUES

Annotation. The article examines the phenomenon of pedagogical support as a key element of the system of re-education of juvenile convicts in conditions of educational colonies. The article analyzes the theoretical foundations, specific goals and objectives of pedagogical support, due to the peculiarities of the contingent and the strictly regulated environment of the correctional institution. The main directions, methods and forms of work of educators, psychologists and social workers are described. Systemic problems that hinder the effective implementation of support are identified, and possible solutions are proposed. The conclusion is made about the need for an integrated, individualized and continuous approach focused on successful personal resocialization.

Key words: pedagogical support, juvenile convicts, educational colony, penitentiary pedagogy, re-socialization, social and pedagogical support, correctional education.

Введение. Воспитательные колонии (ВК) как вид исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей призваны

решать двойственную задачу: исполнение уголовного наказания и исправление (перевоспитание) осужденного. В этой парадоксальной среде, соче-

тающей карательные и воспитательные элементы, центральное место занимает процесс педагогической поддержки. В отличие от традиционного обучения и воспитания, педагогическая поддержка – это целенаправленная деятельность, направленная на выявление и совместное с подростком преодоление препятствий (психологических, социальных, образовательных), мешающих его успешной адаптации, развитию и последующей интеграции в общество [1]. Воспитательная работа как одно из основных средств исправления несовершеннолетних в колонии в качестве обязательных компонентов включает: наличие сообразных условиям учреждения целей воспитания; рациональную организацию среды при сохранении традиционного уклада пенитенциарной системы; разные виды и формы внеурочной активности; нормативно-гуманистический характер воспитательной практики, ориентированной на коррекцию поведения подростков; организацию жизнедеятельности воспитывающего и профилактического характера [2]. Актуальность темы обусловлена высокой степенью рецидивизма среди несовершеннолетних, вышедших из мест лишения свободы, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих мер ресоциализации. Необходим научный анализ и модернизация системы педагогической поддержки в ВК.

Педагогическая поддержка в условиях ВК представляет собой синтез идей гуманистической педагогики, социальной педагогики и современной пенитенциарной педагогики. Ее методологической основой является субъектный подход, признающий за подростком, несмотря на его правовой статус, способность к саморазвитию и ответственности при условии создания поддерживающей среды.

Специфика объекта поддержки – несовершеннолетнего осужденного – характеризуется комплексом деструктивных факторов: глубокой социальной и педагогической запущенностью, наличием криминальных установок, деформацией ценностно-нормативной сферы, низким уровнем образования, зачастую психическими расстройствами и аддикциями [3]. Все это происходит на фоне переживания психологической травмы, связанной с изоляцией, стрессом суда и разрывом социальных связей.

Несовершеннолетние осужденные представляют собой особую группу, характеризующуюся рядом психологических особенностей, которые затрудняют их социализацию и реабилитацию. Преступное поведение подростков часто является результатом сложного сочетания внешних и внутренних факторов, таких как неблагоприятная семейная обстановка, эмоциональная

нестабильность, трудности в обучении, низкая самооценка и недостаточная эмоциональная поддержка со стороны взрослых.

Одной из ключевых особенностей несовершеннолетних осужденных является недостаточная сформированность их личностных установок и морально-этических принципов. Подростки этого возраста склонны к импульсивным действиям и не всегда осознают последствия своих поступков. Часто у них наблюдаются проблемы с самоконтролем и регулированием эмоций, что делает их уязвимыми к агрессивным и антисоциальным проявлениям [4].

Система педагогической поддержки в ВК реализуется усилиями многофункциональной команды: начальника отряда (воспитателя), педагога-психолога, социального работника, учителей общеобразовательной школы и мастеров производственного обучения.

Выделяются следующие ключевые направления работы:

1. Адаптационно-диагностическое. Направлено на смягчение шока от изоляции, изучение личности подростка, выявление его ресурсов и дефицитов. Используются психологическая диагностика, индивидуальные беседы, составление социально-педагогических карт.
2. Психокоррекционное. Включает индивидуальное и групповое консультирование, тренинги личностного роста, коммуникативные тренинги, коррекцию агрессивного поведения, терапию посттравматических стрессовых расстройств.
3. Образовательно-развивающее. Обеспечение непрерывности общего и профессионального образования является правом и ключевым элементом поддержки. Важна не столько формальная успеваемость, сколько восстановление познавательного интереса, формирование учебных навыков, получение профессии, востребованной на рынке труда.
4. Социально-правовое. Правовое просвещение, разъяснение последствий противоправного поведения, восстановление семейных связей (организация свиданий, телефонных переговоров, примирительные программы с жертвами), подготовка документов к освобождению, взаимодействие с органами опеки и центрами занятости.
5. Досуговое и творческое. Организация кружков, спортивных секций, художественной самодеятельности, конкурсов. Это направление способствует сублимации агрессии, раскрытию позитивного потенциала, формированию здоровых интересов.

Основными формами работы выступают: индивидуальные воспитательные беседы, составление и корректировка планов индивидуальной воспитательной работы (ИВР), психологические тренинги, тематические групповые занятия («Час отряда»), коллективные творческие дела.

В контексте обсуждения законодательных актов, регулирующих организации воспитательной работы, следует обратить внимание на Приказ от 21 июня 2005 г. N 91 «Об утверждении инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях федеральной службы исполнения наказаний», где воспитательная работа проводится дифференцированно с учетом возрастных, индивидуально-психологических особенностей осужденных и их криминальной зараженности с применением передовых форм и методов психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных. Воспитательная работа проводится дифференцированно с учетом возрастных, индивидуально-психологических особенностей, осужденных и их криминальной зараженности с применением передовых форм и методов психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных. В воспитательной колонии осуществляется нравственное, правовое, трудовое, эстетическое, физическое и иное воспитание осужденных, способствующее их исправлению [5].

Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях – это сложный, многомерный процесс, эффективность которого определяет не только успешность отбывания наказания, но и весь дальнейший жизненный путь молодого человека. Преодоление формального подхода и переход к персонализированной, системной и непрерывной поддержке, интегрированной в широкий контекст социальных связей, является императивом современной пенитенциарной педагогики. Только через создание подлинно гуманной и развивающей среды внутри колонии и налаживание «мостов» во внешний мир можно надеяться на разрыв порочного круга преступности и достижение истинной цели наказания – исправления и ресоциализации.

Список литературы:

- [1] Газман, О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема / О. С. Газман // Новые ценности образования. – 1995. – № 3. – С. 58–63.
- [2] Фадеева, С. А. Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных: проблемы и стратегии / С. А. Фадеева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 9(268). – С. 58-62.
- [3] Деев, В. Г. Пенитенциарная педагогика: курс лекций / В. Г. Деев, А. В. Шамис. – Рязань: Академия ФСИН России, 2018. – 212 с.
- [4] Зорина, Н. С. Некоторые особенности процесса социальной адаптации несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / Н. С. Зорина // Образование и право. – 2024. – № 12. – С. 395-398.
- [5] Приказ Министерства юстиции РФ от 21 июня 2005 г. № 91 об утверждении инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях федеральной службы исполнения наказаний // СПС КонсультантПлюс.

References:

- [1] Gazman, O.S. Pedagogical support of children in education as an innovative problem/O.S. Gazman//New values of education. – 1995. – № 3. – S. 58-63.
- [2] Fadeeva, S. A. Pedagogical support for juvenile convicts: problems and strategies/S. A. Fadeeva//Vedomosti of the penal system. – 2024. – № 9(268). – S. 58-62.
- [3] Deev, V. G. Penitentiary pedagogy: a course of lectures/V. G. Deev, A. V. Shamis. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. - 212 p.
- [4] Zorina, N. S. Some features of the process of social adaptation of juvenile convicts in educational colonies/N. S. Zorina//Education and law. – 2024. – № 12. - S. 395-398.
- [5] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of June 21, 2005 No. 91 on the approval of instructions on the organization of educational work with convicts in educational colonies of the federal penitentiary service//SPS Consultant Plus.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-653-657

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ В ПРИМЕНЕНИИ ПОШАГОВЫХ КОРРЕКЦИОННЫХ ПРОГРАММ В ОТНОШЕНИИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Аннотация. Подготовка пенитенциарных работников к реализации профилактической работы с аддиктивным поведением осужденных, подозреваемых и обвиняемых (далее – ОПО) являлась и является на данный момент крайне актуальным направлением формирования соответствующей компетентности. В рамках этого направления особое значение имеет вопрос компетентности пенитенциарных работников в вопросе использования психогигиенической модели такой профилактической работы с ОПО, испытывающих зависимость от психоактивных веществ и поставленных на соответствующий профилактический учет. Компетентность пенитенциарных работников к реализации профилактической работы с аддиктивным поведением ОПО предполагает наличие знаний в области педагогических условий формирования и развития этого аддиктивного поведения, а также в сфере психологических и педагогических возможностей компенсации такого поведения в случае применения пошаговых коррекционных программ зависимого поведения. Условия, зависимого от психоактивных веществ поведения, выступают в роли педагогических предпосылок применения пошаговых коррекционных программ.

Цель статьи – раскрытие аспектов компетентности пенитенциарных работников в применении пошаговых коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО.

Задачи публикации: осуществление анализа имеющихся теоретико-методических источников по рассматриваемому проблемному вопросу компетентности пенитенциарных работников в применении пошаговых коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО, способствующих определению выводов по применению данных об индивидуальных и социальных характеристиках ОПО, испытывающих аддиктивное поведение; анализ практических аспектов воспитательной работы с наркозависимыми ОПО, а также имеющихся теоретико-методических источников в аспекте соотношения существующими традиционными формами и содержательными методами работы, проявляются и образцы передового опыта, расширяющие возможности медицинских и психологических работников, начальников отряда, социальных работников; изучение существующих условий отбывания уголовного наказания ОПО, проявляющих аддиктивное поведение, на предмет компетентности пенитенциарных работников именно в применении пошаговых коррекционных программ (коррекционных технологий), обеспечивающих андрагогическую составляющую в профессиональном становлении специалистов в рассматриваемой сфере; исследование аспекта реализации принципа главенства самостоятельной работы ОПО по отказу от аддиктивного поведения, являющимся осознанием ими сути такого явления как «аддиктивная зависимость от психоактивных веществ».

Рабочие гипотезы исследования: анализ имеющихся теоретико-методических источников по рассматриваемому в материалах публикации проблемному вопросу компетентности пенитенциарных работников в применении пошаговых коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО способствует определению выводов по применению данных об индивидуальных и социальных характеристиках ОПО, испытывающих аддиктивное поведение, в формате рассматриваемой воспитательной работы; итоги анализа практических аспектов воспитательной работы с наркозависимыми ОПО, а также имеющихся теоретико-методических источников также определили, что одновременно с

существующими традиционными формами и содержательными методами работы, проявляются и образцы передового опыта, расширяющие возможности медицинских и психологических работников, начальников отряда, социальных работников в направлении формирования более устойчивой ремиссии у наркозависимых ОПО; в существующих условиях отбывания уголовного наказания ОПО, проявляющих аддиктивное поведение, компетентность пенитенциарных работников именно в применении поэтапных коррекционных программ (коррекционных технологий), обеспечивает важную андрагогическую составляющую в профессиональном становлении специалистов в сфере проявления рассматриваемых аддикций; важным аспектом в реализации принципа главенства самостоятельной работы ОПО по отказу от аддиктивного поведения является осознание ими сути такого явления как «аддиктивная зависимость от психоактивных веществ».

Результаты исследования. Материалы публикации рассматривают компетентность в профилактической работе с аддиктивным поведением ОПО предполагает наличие знаний в области педагогических условий формирования и развития этого аддиктивного поведения, а также в сфере психологических и педагогических возможностей компенсации такого поведения в случае применения поэтапных коррекционных программ зависимого поведения.

Ключевые слова: компетентность, поэтапные коррекционные программы, методическое обеспечение, пенитенциарные работники, аддиктивное поведение осужденных, подозреваемые, обвиняемые.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

COMPETENCE OF PRISON STAFF IN IMPLEMENTING STEP-BY-STEP CORRECTIONAL PROGRAMS FOR ADDICTIVE BEHAVIOR IN CONVICTS, SUSPECTS, AND DEFENDANTS

Annotation. Training penitentiary staff to implement preventive work with addictive behavior in convicts, suspects, and defendants (hereinafter, "CSCs") has been and remains a highly relevant area of competence development. Within this framework, the competence of penitentiary staff in the application of a psychohygienic model for such preventive work with CSCs experiencing psychoactive substance dependence and registered for preventive care is of particular importance. The competence of penitentiary staff to implement preventive work with CSCs on addictive behavior requires knowledge of the pedagogical conditions underlying the development and development of addictive behavior, as well as the psychological and pedagogical possibilities for compensating for such behavior through the use of step-by-step correctional programs for addictive behavior. The conditions of substance-dependent behavior serve as pedagogical prerequisites for the application of step-by-step correctional programs. The purpose of this article is to explore aspects of penitentiary staff competence in the application of step-by-step correctional programs for addictive behavior in CSCs.

The objectives of this publication are: To analyze existing theoretical and methodological sources on the problematic issue of penitentiary staff competence in the application of step-by-step correctional programs for the addictive behavior of penitentiary personnel, facilitating the development of conclusions regarding the application of data on the individual and social characteristics of penitentiary personnel experiencing addictive behavior; to analyze the practical aspects of educational work with drug-dependent penitentiary personnel, as well as existing theoretical and methodological sources in terms of the relationship between existing traditional forms and substantive methods of work, identifying best practices that expand the capabilities of medical and psychological workers, unit leaders, and social workers; to study the existing conditions of serving criminal sentences for penitentiary personnel exhibiting addictive behavior, with a view to assessing the competence of penitentiary staff in the application of step-by-step correctional programs (corrective technologies) that ensure the andragogical component in the professional development of specialists in this area. A study of the implementation of the principle of the primacy of independent work by prison staff to abandon addictive behavior, which is their awareness of the essence of such a phenomenon as "addictive dependence on psychoactive substances."

Working hypotheses of the study: an analysis of available theoretical and methodological sources on the problematic issue of the competence of prison staff in the application of step-by-step correctional programs in relation to the addictive behavior of prison staff, discussed in the publication materials, contributes to the formation of conclusions on the application of data on the individual and social characteristics of prison staff experiencing addictive behavior, in the format of the educational work under consideration; the results of the analysis of the practical aspects of educational work with drug-dependent prison staff, as well as available theoretical and methodological sources, also determined that, in parallel with existing traditional forms and substantive methods of work, examples of best practices are also emerging that expand the capabilities of medical and psychological workers, detachment leaders, and social workers in the direction of forming more stable remission in drug-dependent prison staff; In the current conditions of serving criminal sentences for those with addictive behavior, the competence of penitentiary staff in the application of step-by-step correctional programs (corrective technologies) provides an important andragogical component in the professional development of specialists in the field of the manifestations of these addictions. A key aspect in implementing the principle of the primacy of independent work by penitentiary staff in quitting addictive behavior is their understanding of the essence of the phenomenon of "addictive dependence on psychoactive substances." Research Results. The publication examines competence in preventive work with addictive behavior. Penitentiary staff presupposes knowledge of the pedagogical conditions for the formation and development of this addictive behavior, as well as the psychological and pedagogical possibilities for compensating for such behavior through the use of step-by-step correctional programs for addictive behavior.

Key words: *competence, step-by-step correctional programs, methodological support, penitentiary workers, addictive behavior of convicts, suspects, accused.*

Введение. Проведенный анализ имеющихся теоретико-методических источников по рассматриваемому в материалах публикации проблемному вопросу способствовал определению выводов по применению данных об индивидуальных и социальных характеристиках ОПО, испытывающих аддиктивное поведение, в формате воспитательной работы с применением поэтапных технологий. Результаты анализа практических аспектов воспитательной работы с наркозависимыми ОПО, а также имеющихся теоретико-методических источников также определили, что одновременно с существующими традиционными формами и содержательными методами работы, проявляются и образцы передового опыта, расширяющие возможности медицинских и психологических работников, начальников отряда, социальных работников в направлении формирования более устойчивой ремиссии у наркозависимых ОПО [1, с. 78; 2, с. 112].

Гипотезы исследования: анализ имеющихся теоретико-методических источников по рассматриваемому в материалах публикации проблемному вопросу компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО способствует определению выводов по применению данных об индивидуальных и социальных характеристиках ОПО, испытывающих аддиктивное поведение, в формате рассматриваемой воспитательной работы;

итоги анализа практических аспектов воспитательной работы с наркозависимыми ОПО, а

также имеющихся теоретико-методических источников также определили, что одновременно с существующими традиционными формами и содержательными методами работы, проявляются и образцы передового опыта, расширяющие возможности медицинских и психологических работников, начальников отряда, социальных работников в направлении формирования более устойчивой ремиссии у наркозависимых ОПО;

в существующих условиях отбывания уголовного наказания ОПО, проявляющих аддиктивное поведение, компетентность пенитенциарных работников именно в применении поэтапных коррекционных программ (коррекционных технологий), обеспечивает важную андрагогическую составляющую в профессиональном становлении специалистов в сфере проявления рассматриваемых аддикций;

важным аспектом в реализации принципа главенства самостоятельной работы ОПО по отказу от аддиктивного поведения является осознание ими сути такого явления как «аддиктивная зависимость от психоактивных веществ».

Цель статьи – это раскрытие аспектов компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО.

Задачи исследования: осуществление анализа имеющихся теоретико-методических источников по рассматриваемому проблемному вопросу компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения

ОПО, способствующих определению выводов по применению данных об индивидуальных и социальных характеристиках ОПО, испытывающих аддиктивное поведение;

анализ практических аспектов воспитательной работы с наркозависимыми ОПО, а также имеющихся теоретико-методических источников в аспекте соотношения существующими традиционными формами и содержательными методами работы, проявляются и образцы передового опыта, расширяющие возможности медицинских и психологических работников, начальников отряда, социальных работников;

изучение существующих условий отбывания уголовного наказания ОПО, проявляющих аддиктивное поведение, на предмет компетентности пенитенциарных работников именно в применении поэтапных коррекционных программ (коррекционных технологий), обеспечивающих андрагогическую составляющую в профессиональном становлении специалистов в рассматриваемой сфере;

исследование аспекта реализации принципа главенства самостоятельной работы ОПО по отказу от аддиктивного поведения, являющимся осознанием ими сути такого явления как «аддиктивная зависимость от психоактивных веществ».

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Результаты изучения проблемного вопроса подготовки пенитенциарных работников к реализации профилактической работы с аддиктивным поведением ОПО определяют, что указанные лица способны проявлять в пенитенциарных учреждениях весьма грубые дисциплинарные нарушения на фоне отсутствия возможности злоупотребления психоактивными веществами, возможны проявления рецидива преступлений. В указанных выше условиях, компетентность пенитенциарных работников именно в применении поэтапных коррекционных программ (коррекционных технологий), обеспечивает важную андрагогическую составляющую в профессиональном становлении специалистов в сфере проявления аддикций ОПО. Соответственно, рассмотрение компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО могут применяться как в практической работе начальниками отрядов, пенитенциарных психологов и медицинских и социальных работников, так и в образовательной деятельности в ведомственных

образовательных организациях, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе пенитенциарных ученых [3, с. 78].

Применение поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО учитывает именно абстинентный характер как медицинской, так и воспитательной, психологической работы, то есть работы, ориентированной на абсолютный отказ ОПО от алкоголя и наркотиков. В основе такого подхода к профилактике аддиктивного поведения ОПО сформулировано несколько принципов, являющихся фундаментом для формирования компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых [4, с. 101].

Во-первых, это индивидуальный подход к выполнению терапевтических задач, сочетающийся с системным мониторингом результатов терапии всей группы участников. В рамках работы каждого из ОПО в группе клиентов, каждый работает индивидуально по поэтапной коррекционной программе в отношении своего аддиктивного поведения, соотнося время от времени свои результаты с результатами всех участников группы. В группе активно используется ауторефлексия и обратная связь. Во-вторых, в соответствии с частью содержания первого принципа определяется следующий принцип функционирования терапевтической группы, способствующей формированию изменений в системе ценностей ОПО. Функциональная терапевтическая группа характеризуется своей открытостью и постоянством работы. Начав свою работу, группа выпускает своих участников, прошедших терапию и включает в себя все новых участников, не заканчивая свою работу. Важно, что в состав группы формально и неформально входят не только ОПО, но и специалисты, консультанты. В-третьих, определяется важность включения в терапевтические мероприятия близких родственников ОПО, по фактической возможности такого включения, возможно в дистанционном формате путем переписки, например. Близкие родственники ОПО могут, например, формировать запрос на определенное содержание терапевтического процесса, определяя, тем самым, и аспекты компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения ОПО. В-четвертых, определяется принцип главенства самостоятельной работы по отказу от аддиктивного поведения. Важно то, что сами ОПО выступают в роли субъектов, в основном формирующих позитивные личностные изменения. Пенитенциарные работники в применении поэтапных коррекционных про-

грамм ориентированы как можно больше отдавать инициативы ОПО на самовыздоровление, тем не менее внимательно сопровождая эту работу.

Очень важным аспектом в реализации принципа главенства самостоятельной работы ОПО по отказу от аддиктивного поведения является осознание ими сути такого явления как «аддиктивная зависимость от психоактивных веществ». Здесь на первое место выходит проблемный вопрос компетентности в рассматриваемом вопросе самих пенитенциарных работников, формирующих такую компетентность у ОПО.

Выводы, заключение. Подводя итоги анализа вопроса компетентности пенитенциарных работников в применении поэтапных коррекционных программ в отношении аддиктивного поведения осужденных, подозреваемых и обвиняемых необходимо отметить ряд аспектов. Первый аспект – это то, что формирование компетентности пенитенциарных работников к реализации профилактической работы с аддиктивным поведением ОПО является на данный момент крайне актуальным направлением формирования соответствующей компетентности. Еще одним аспектом выступает вопрос компетентности пенитенциарных работников в вопросе использования психогигиенической модели такой профилактической работы с ОПО, испытывающих зависимость от психоактивных веществ и поставленных на соответствующий профилактический учет. Рассматриваемая компетентность в профилактической работе с аддиктивным поведением ОПО предполагает наличие знаний в области педагогических условий формирования и развития этого аддиктивного поведения, а также в сфере психологических и педагогических возможностей компенсации такого поведения в случае применения поэтапных коррекционных программ зависимого поведения. Условия, зависимого от психоактивных веществ поведения, выступают в роли педагогических предпосылок применения поэтапных коррекционных программ.

Список литературы:

[1] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[2] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[3] Майстренко Г.А. Воспитательный процесс с осужденными в уголовно-исполнительной системе с учетом общественного фактора // Право и управление. 2023. – № 12. – С. 277-280.

[4] Пищелко А.В. Социально-педагогические основы нравственного перевоспитания осужденных: Учеб. пособие (для слушателей вузов МВД). / А.В. Пищелко. Москва: Рос.право, – 1992. – 188 с.

References:

[1] Davydova N.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty//Law and education. – 2019. – № 2. - S. 111-116.

[2] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the criminal executive system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention// Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, young scientists specializing in the field of education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.

[3] Maistrenko G.A. Educational process with convicts in the penal system, taking into account the social factor//Law and management. 2023. – № 12. - S. 277-280.

[4] Pishchelko A.V. Social and pedagogical foundations of moral re-education of convicts: Textbook (for students of universities of the Ministry of Internal Affairs) ./A.V. Pishchelko. Moscow: Ros. pravo, - 1992. - 188 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-658-662

КАЗАК Оксана Петровна,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: kazakoxana@mail.ru

ДИНИСЛАМОВА Айза Зубаировна,
преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД
Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию административных мер полиции в области профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Автор стремится определить наиболее эффективные подходы и инструменты, используемые правоохранителями в настоящее время, для последующей разработки инновационных и действенных предложений по улучшению существующей системы противодействия антиобщественным проявлениям среди молодежи.

Ключевые слова: подросток, отклоняющееся поведение, профилактика, педагогика, социум, превентивные меры, социальная норма, инновации.

KAZAK Oksana Petrovna,
Senior Lecturer,
Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines,
Far Eastern Branch of the V.M. Lebedev Russian
State University of Justice

DINISLAMOVA Aiza Zubairovna,
Lecturer, Department of Administrative Activities
of the Internal Affairs Directorate Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia Senior Police Lieutenant

ON DEVIANT BEHAVIOR AMONG MINORS AS A CURRENT PROBLEM IN MODERN SOCIETY: CAUSES, CONDITIONS, AND PREVENTIVE MEASURES

Annotation. This article examines administrative police measures to prevent deviant behavior among minors. The author seeks to identify the most effective approaches and tools currently used by law enforcement agencies in order to develop innovative and effective proposals to improve the existing system for combating antisocial behavior among youth.

Key words: adolescent, deviant behavior, prevention, pedagogy, society, preventive measures, social norms, innovation.

Современное общество сталкивается с рядом серьезных вызовов, и одним из наиболее острых является проблема профилактики девиантного поведения среди подростков. Отклоняющееся от социальных норм поведение, включающее агрессию, противоправные действия, а также употребление алкоголя и психоактивных веществ, может иметь глубокие и продолжительные негативные последствия как для самих подростков, так и для общества в целом.

Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних, включающая в себя широкий спектр мероприятий, направленных на предотвращение различных отклонений в поведении подростков, является одним из приоритетных направлений административной деятельности полиции. В рамках осуществления указанной деятельности полиция активно взаимодействует с образовательными учреждениями, социальными службами и общественными организациями в целях выявления и корректировки негативных тенденций в развитии подростков на ранних стадиях.

Анализ многочисленной научной литературы, посвященной вопросам девиантологии, свидетельствует, что в настоящее время специалистами не выработано единого, общепринятого определения термина «девиантное поведение».

Девиантное поведение – это любое действие, которое нарушает общепринятые нормы, будь то неписанные правила, основанные на культуре и традициях, или же официальные законы и этические кодексы. По сути, это поведение, которое общество считает неприемлемым. Оно характеризуется устойчивым отступлением от важных социальных норм и ценностей, несовпадением с общепринятыми моделями поведения и ожиданиями. Такое поведение может наносить вред как самому человеку, так и обществу, подрывать межличностные отношения и приводить к социальной дезадаптации.

Действия, которые выходят за рамки установленных в обществе правил – как неформальных (культурных, традиционных), так и формальных (законов, этических норм) – называются отклоняющимся или девиантным поведением. Это поведение, которое общество отвергает. Оно проявляется в стойком несоблюдении ключевых социальных норм и ценностей, расхождении с общепринятыми моделями поведения и ожиданиями.

Невоспитанное поведение несет в себе потенциальный вред для индивида и общества, угрожает гармонии в отношениях между людьми и ведет к нарушению адаптации человека в социуме.

Безнравственное поведение, особенно распространенное среди подростков, часто является следствием их внутренних переживаний и столкновения с неясным, враждебным или пугающим миром взрослых.

Несовершеннолетние испытывают трудности с решением проблем, возникающих при попытке войти во взрослую жизнь, и не всегда могут донести свои затруднения до окружающих.

В отличие от взрослых, подростки демонстрируют повышенную чувствительность, склонность к гневу и импульсивности в ответ на жизненные ситуации.

Корни невоспитанного поведения зачастую уходят в ранние годы жизни, когда закладываются основы личности и формируются социальные связи.

Семья, как основной и главный институт нравственного воспитания и непосредственного источника влияния на психологию несовершеннолетнего играет первостепенную роль в этом процессе, поскольку, поскольку ее воспитательное воздействие на ребенка является наиболее продолжительным и значимым, учитывая, что именно в семье он проводит большую часть своего времени.

В свою очередь, подростковый возраст – это переходный возраст и время, когда отклоняющееся поведение становится особенно ярко выраженным в его поступках.

Это связано с бурными внутренними бурями и ощущением враждебности или непонятности окружающего мира, который кажется подросткам запутанным и пугающим.

Вступление во взрослую жизнь сопряжено с трудностями, с которыми юные люди еще не готовы справиться самостоятельно, и часто не могут даже сформулировать свои проблемы для других. В целом, дети и подростки реагируют на происходящее более остро, с большей долей гнева и импульсивности, чем взрослые. Истоки такого поведения часто закладываются еще в раннем детстве, в период становления личности и формирования первых социальных связей. Неоспоримо, что семья является краеугольным камнем в этом процессе.

Как точно подметила О.В. Мокроусова, семья – это уникальный институт воспитания, ведь именно в ее лоне ребенок проводит большую часть своей жизни, и ни один другой институт не способен оказать столь продолжительное и глубокое влияние на его личность.

Влияние семейного окружения на формирование личности подростка неоднозначно. С одной стороны, семья может стать опорой для его гармоничного развития, с другой – спровоцировать

появление девиантного поведения. На семью, как на базовую ячейку общества, воздействует множество негативных факторов: бедность, постоянные ссоры, домашнее насилие, зависимости членов семьи от психоактивных веществ, а также их криминальные наклонности.

Выделяют следующие типы семейных взаимоотношений, которые могут способствовать развитию отклоняющегося поведения у несовершеннолетних:

- 1) Стиль, основанный на противоречиях: Включает в себя как чрезмерную снисходительность и гиперопеку, так и постоянные конфликты и двойные стандарты морали (одни правила для семьи, другие – для внешнего мира).
- 2) Стиль, характеризующийся нестабильностью и конфликтами: Типичен для неполных семей, а также для ситуаций развода или длительного раздельного проживания родителей и детей.
- 3) Асоциальный стиль: Проявляется в семьях, где родители имеют зависимости, ведут асоциальный образ жизни, совершают преступления или проявляют неоправданную жестокость и насилие.

Поскольку семья играет первостепенную роль в социализации ребенка, обучая его взаимодействию с миром и самозащите от различных угроз, правильное осознание важности семейных ценностей и правильного отношения внутри семьи, обеспечения должного воспитания на основе традиционных и иных культурных ценностей способствует обеспечению превентивных мер в профилактике недопущения и своевременного предостережения от проявления невоспитанного поведения в обществе.

Понимание степени влияния семейного воспитания несовершеннолетних на последующее формирование нравственно воспитанной личности, безусловно помогает в подборе индивидуально для каждого ребенка достаточно правильных методов и способов воздействия на подсознание молодого формирующегося на ранних этапах полноценного гражданина особенно в подростковом возрасте, когда он становится полностью дееспособным и в дальнейшем отдает отчет своим действиям и способен различать действия и поступки и их последующие последствия.

В продолжение вышеизложенного абсолютно целесообразно отметить, что данный этап развития должен быть в перспективе для рассмотрения данного вопроса в семье и есть объективная необходимость в осуществлении контроля именно в данном переходном возрасте, для своевременного осуществления превентивных про-

филактических мер, способствующих правильному воспитанию несовершеннолетних и обеспечения правильного восприятия окружающего современного общества с его возможными различными проявлениями со стороны несовершеннолетних и подростков, в том числе ведущих антиобщественный образ жизни и являющимися представителями маргинальной субкультуры, в целях выработки в отношении таких лиц негативного иммунитета, как проявления не восприятия данной категории несовершеннолетних лиц.

В процессе исследования невоспитанного поведения несовершеннолетних, совершенно объективно отметить, что на формирования окружения и личности несовершеннолетних оказывает не только недостатки внимания, контроля со стороны родителей в подростковом возрасте, но и личные качества подростка, такие как:

- 1) характер;
- 2) психологическое и эмоциональное состояние подростка;
- 3) семейная атмосфера и отношения к ребенку;
- 4) образ жизни родителей;
- 5) процесс вовлеченности ребенка в учебный процесс;
- 6) уровень культуры и образования в семье;
- 7) нравственные, духовные и семейные ценности.
- 8) биологические факторы;
- 9) генетическая предрасположенность;
- 10) самостоятельность в принятии решений.

Также еще одной актуальной на современном этапе социального общества является воздействие на молодежную среду возможности сети Интернет.

Широкие возможности использования практически без ограничения услуг информатизации в молодежной среде не всегда способствует получению полезной информации и этот фактор и оказывает за частую негативное влияние и способствует деградации личности несовершеннолетнего, что не в коем случае не допустимо и должно быть выявлено своевременно в ходе родительского контроля в целях нейтрализации негативного влияния на психологию подростка.

Так, например, чрезмерное использование и ориентация на получение социального одобрения в виде лайков и комментариев может стимулировать подростков к поиску внимания посредством социально неприемлемых действий.

Подростковое поведение, отличающееся от общепринятых норм, является сложным феноменом, имеющим глубокие социальные и психологические предпосылки.

Его понимание и изучение крайне важны, поскольку оно влияет на развитие как самих подростков, так и на общество в целом.

Поэтому любые меры, направленные на профилактику и исправление такого поведения, должны быть комплексными.

Они должны сочетать в себе не только материальные поощрения и идеологическое воздействие, но и разнообразные социальные, психологические и педагогические методы.

Создание и внедрение таких мер требует участия не только государственных органов, но и активного вовлечения всего общества, включая различные организации и учреждения.

Предотвращение невоспитанного поведения у подростков требует прежде всего раннего распознавания и анализа его зарождающихся форм.

Акцент должен быть сделан не только на выявлении уже существующих проблем, но и на их упреждении, что достигается через комплексную психологическую поддержку и социальное воспитание.

Основной задачей образовательных организаций является своевременное выявление у подростков поведенческих отклонений, которые могут сигнализировать о зарождающихся девиациях, в том числе их устранение и последующее обеспечение нравственного воспитания.

Путь к этой цели лежит через тесное партнерство психологов, социальных педагогов и учителей. Их общая миссия – взрастить благодатную почву для образования и создать условия, в которых каждый ребенок сможет расцвести. Недостаточно просто заметить тревожные сигналы; необходимо кропотливо создавать индивидуальные маршруты коррекции, которые станут для юных душ компасом в мире, помогут им найти свое место в обществе и уберегут от пагубных путей.

Чтобы помочь подросткам избежать проблем с поведением, нужно как можно раньше замечать и понимать, когда что-то идет не так.

Важно не просто ждать, пока проблемы появятся, а стараться их предотвратить.

Для этого нужно работать сразу в нескольких направлениях: помогать психологически и воспитывать социально.

Образовательные и другие учебные заведения должны быть главными в том, чтобы вовремя увидеть, когда у подростка могут начаться проблемы с поведением, и оказывать ему поддержку.

Для этого учителя, психологи и социальные работники должны работать вместе, чтобы создать в школе такую атмосферу, где каждый ребенок чувствует себя хорошо и может развиваться.

Помимо того, чтобы вовремя заметить трудности, нужно придумывать для каждого подростка свой план помощи, чтобы он мог лучше вписаться в общество и не совершал плохих поступков.

Комплексный подход – ключ к эффективному противодействию девиантному поведению подростков. Он требует глубокого анализа психологических основ этих отклонений и разработки действенных стратегий коррекции.

Наша цель – не просто обнаружить и изучить факторы, провоцирующие такое поведение, но и создать реальные инструменты для оказания помощи. Эти инструменты должны включать взаимодействие с семьями и школами, а также программы социальной реабилитации и поддержки, способствующие успешной интеграции подростков в общество.

Только такой всесторонний подход, учитывающий индивидуальные потребности каждого подростка и вовлекающий в процесс семью, образовательные учреждения, социальные службы и правоохранительные органы, позволит добиться гармоничного развития личности.

Важна также активная роль интернет-сообществ, общественных организаций и наставников в поддержке подростков из групп риска, предлагая им занятия, формирующие ценности и нравственные установки.

Совместные усилия – ключ к предотвращению девиантного поведения и достижению позитивных изменений.

Список литературы:

- [1] Коробанова Ж.В., Полевая М.В. Девиантное поведение личности: социальные и психологические особенности // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 148.
- [2] Мокроусова О.В. Изучение влияния детско-родительских отношений в неблагополучной семье на личностные качества подростка // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 8 (24). С. 662.
- [3] Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4928.
- [4] Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2025. № 14. Ст. 1588.
- [5] Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[6] Мухаметов Д.А., Глони́на Е.Д. Социальная профилактика // Аллея науки. 2022. Т. 2. № 4 (31). С. 230.

[7] Гербеков И.И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 99.

References:

[1] Korobanova Zh.V., Plevaya M.V. Deviant behavior of the individual: social and psychological features//Socio-humanitarian knowledge. 2020. № 1. S. 148.

[2] Mokrousova O.V. Studying the influence of child-parent relations in a dysfunctional family on the personal qualities of a teenager//Alley of Science. 2018. VOL. 1. № 8 (24). S. 662.

[3] Federal Law No. 23.06.2016 of 182-FZ "On the Basics of the Crime Prevention System in the

Russian Federation" (as amended by 08.08.2024) // RF NW. 2016. No. 26 (part 1). Art. 3851; 2024. No. 33 (part 1). Art. 4928.

[4] Federal Law No. 24.06.1999 of 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (as amended by 01.04.2025) //RF NW. 1999. № 26. Art. 3177; 2025. № 14. Art. 1588.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" //SZ RF. 2022. № 46. Art. 7977.

[6] Mukhametov D.A., Glonina E.D. Social prevention//Alley of Science. 2022. VOL. 2. № 4 (31). S. 230.

[7] I.I. Gerbekov. Concept and types of crime prevention//Legal science and law enforcement practice. 2018. № 4. S. 99.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-663-668

РОМАНОВ Виктор Игоревич,
Аспирант 2 курса Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева (г.Москва)
факультет подготовки кадров высшей квалификации
кафедра информационного и интеллектуального права,
цифровых технологий и инноватики,
e-mail: victor8172@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Аннотация. В статье автор исследует законодательство Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Республики Корея, Республики Казахстан, Европейского Союза, Великобритании и Соединённых штатов Америки на предмет понятия технологии генеративного искусственного интеллекта, для выявления возможных направлений правового регулирования. Также автор анализирует различные научные взгляды о правовом понимании генеративного искусственного интеллекта с целью выявления возможных проблем, связанных с регулированием отношений с участием технологии искусственного интеллекта. Цель исследования. Разработать определение термина «генеративный искусственный интеллект» для совершенствования механизма правового регулирования. Методология. Использовались методы анализа нормативных документов системный метод, формально-юридический. Результаты. В ходе исследования выявлены различные подходы к понятию генеративного искусственного интеллекта, предложено авторское определение понятия термина «генеративный искусственный интеллект».

Ключевые слова: Искусственный интеллект, законодательство, регулирование, большие генеративные модели, авторское право.

ROMANOV Viktor Igorevich.,
PhD Student, «Russian State University of Justice named after V.M.Lebedev»
Department of information and intellectual property law,
digital technologies and innovation

ON THE ISSUE OF THE LEGAL CONCEPT OF GENERATIVE AI

Annotation. In the article, the author examines the legislation of the Russian Federation, the People's Republic of China, the Republic of Korea, the Republic of Kazakhstan, the European Union, the United Kingdom and the United States of America on the concept of generative artificial intelligence technology, in order to identify possible areas of regulation. The author also analyzes various scientific views on the legal understanding of generative artificial intelligence in order to identify possible problems related to the regulation of artificial intelligence technology. The purpose of the study. To develop a definition of the term "generative artificial intelligence" to improve the mechanism of legal regulation. Methodology. The methods of analysis of normative documents were used, the system method, the formal legal method. Results. In the course of the study, various approaches to the concept of generative artificial intelligence were identified, and the author's concept of the term "generative artificial intelligence" was proposed.

Key words: Artificial intelligence, legislation, regulation, large generative models, copyright.

Введение. Технология генеративного искусственного интеллекта (далее – ГИИ) динамично развивается и совершенствуется на протяжении нескольких лет. При этом стоит отметить, что не все государства успешны в разработке и внедре-

нии законодательного регулирования ИИ [1, С 166-167]. Однако с 2023 года прослеживаются значительные изменения в правовом ландшафте ИИ. В частности, в ЕС был принят Регламент (EU) 2024/1689 [7], в США издан Указ Президента «О

содействии использованию надежного искусственного интеллекта в федеральном правительстве» [8]. Эти акты охватывают основные аспекты регулирования ИИ. Вместе с тем, виды и направления применения ИИ различны. Одной из областей применения данной технологии является создание с ее помощью различного рода контента, что в свою очередь, все больше затрагивает правовые интересы как физических, так и юридических лиц. В связи с этим возникает потребность в формировании законодательной основы для применения технологии генеративного ИИ. Первоначальным этапом в любом исследовании является определение терминологического ряда, выработка определяющих и обособляющих дефиниций исследуемого явления или процесса. Поэтому для эффективного правового регулирования важно определиться с понятием термина «генеративный искусственный интеллект» и дать его формулировку, используя мнения ученых о интерпретации данного явления, а также учитывая подходы, приведенные в законодательстве различных стран.

В настоящее время в мире сложилось два основных подхода к определению генеративного искусственного интеллекта. Первый подход предполагает прямое указание определения данного вида искусственного интеллекта, то есть в законодательной базе четко определен термин «генеративный искусственный интеллект». Данного подхода придерживаются Великобритания [9], Китай [10], Россия [11], Южная Корея [12], Европейский союз [13]. Второй подход представляет собой стремление стран разработать комплексное и обобщающее определение искусственного интеллекта, которое будет затрагивать и его частные случаи, в том числе, генеративный искусственный интеллект. Данному подходу следуют Соединённые Штаты Америки [14], Республика Казахстан [15].

Понятие генеративного искусственного интеллекта в России

В Российской Федерации не существует отраслевого федерального законодательства, регулирующего технологию искусственного интеллекта, главным документом выступает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года [16]. Документ утвержден Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. В этом акте закреплено понятие «Большие генеративные модели – модели искусственного интеллекта, способные интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например, об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимо-

дальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и тому подобное) на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их». Данное определение непосредственно указывает на отличительные свойства генеративного ИИ, а также обособляет его, как отдельный вид технологии искусственного интеллекта.

Также в России сформулировано понятие ГИИ на уровне саморегулирования. В 2024 г. участники Альянса в сфере искусственного интеллекта приняли Декларацию об ответственной разработке и использовании сервисов на основе генеративного ИИ [17]. Документ определяет этические принципы и рекомендации, способствующие ответственному отношению к ИИ. В данном документе дается определение генеративного ИИ как «сервис на основе генеративного искусственного интеллекта» понимаемый как технологическое решение, обеспечивающее за счёт применения технологий искусственного интеллекта возможность самостоятельного создания голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео или иных электронных сообщений на основании текстового или иного запроса пользователя, а также создание инструментов для разработчиков, позволяющих создать вышеупомянутые продукты».

Следует отметить, Правовая система регулирования искусственного интеллекта находится в стадии формирования не только в России, но и в зарубежных странах. Рассмотрим далее их подходы к определению генеративного ИИ.

Понятие генеративного искусственного интеллекта в азиатских странах: Китае и Южной Корее, Республике Казахстан

Китай выступает одним из лидеров в сфере ИИ и является первой страной в мире, которая приняла закон, всецело регулирующий услуги, связанные с генеративным искусственным интеллектом – «Временные меры по регулированию генеративным ИИ» [18]. Данный закон также закрепил правовое понятие генеративного ИИ. В главе 5 статьи 22 пункт 1 определена данная технология как: «генеративная технология искусственного интеллекта, относящийся к моделям и связанным с ними технологиям с возможностью создания текста, изображений, аудио, видео и другого контента».

Аналогичного подхода к определению технологии генеративного искусственного придерживается Республика Корея. Так в рамочном законе о развитии искусственного интеллекта [19] в части 5 статьи 2 дано определение генеративному ИИ как системы с различными уровнями автономии и

адаптивности, основанная на искусственном интеллекте, которая генерирует такие результаты как прогнозы, рекомендации и решения оказывающие влияния на реальную и виртуальную среду.

Иного взгляда к понятию генеративного ИИ придерживается республика Казахстан, так недавно принятый закон от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» [20] в пункте 3 статьи 1 закрепляет понятие технологии ИИ следующим образом – «функциональная способность к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Таким образом, определение ИИ, в данном законе носит общий характер, без обособления понятия «генеративный ИИ».

Следующим этапом целесообразно рассмотреть подходы к определению генеративного ИИ в западных странах.

Понятие генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, Европейского Союзе и Соединённых Штатах Америки

Западные страны также обладают неоднородной позицией по отношению терминологического аппарата, затаривающего технологию генеративного искусственного интеллекта.

Великобритания на данный момент не имеет законодательства, которое бы регулировало искусственный интеллект и его частные проявления, однако нельзя сказать, что британский законодатель не стремится разрешить проблему отсутствия законодательства в сфере ИИ. В парламенте Великобритании рассматривается законопроект получивший название «Билль о ИИ» [21], в котором также определен подход к термину «генеративный искусственный интеллект» и представляет собой «глубокие или большие языковые модели способны генерировать текст и другой контент на основе данных, на которых они были обучены».

Европейский союз занял другую позицию. В Регламенте (EU) 2024/1689, известном также как Акт об искусственном интеллекте [22], генеративный ИИ означает – «модели искусственного интеллекта общего назначения, в частности большие генеративные модели искусственного интеллекта, способные генерировать текст, изображения и другой контент».

В США на уровне федерального законодательства отсутствует отраслевой закон, который бы регулировал вопросы использования технологий искусственного интеллекта, и его видов как генеративный ИИ, а на уровне штатов законы регулируют вопросы отдельных видов ИИ, такие как чат-боты или же вопросы, связанные с защи-

той персональных прав и конфиденциальности граждан. Причиной такого является позиция Белого Дома, согласно которой принятие актов об ИИ замедлит развитие данной технологии. Однако, несмотря на позицию законодателя, на федеральном уровне существует понятие ИИ как компьютерной системы, которая может для достижения заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Данное определение закреплено в пункте 1 параграфе 9401 сводной кодификации федерального законодательства США [23].

Научные подходы к определению термина «генеративный искусственный интеллект»

В настоящее время в научной сфере сложилось несколько подходов к пониманию генеративного искусственного интеллекта, что говорит о широком спектре исследовании данного вопроса.

Первым в российской правовой научной среде понятие и классификация генеративного ИИ как «юнита» было разработаны доктором Игорем Владиславовичем Понкиным. Согласно его подходу, генеративный искусственный интеллект есть юнит искусственного интеллекта, функционально-целевым образом предназначенный и способный на основе массивов данных (сверхбольших) входных обучающих данных генерировать и генерирующий относительно и условно новые цифровые тексты, цифровые статические и динамические (видео) изображения, цифровые аудио продукты и другие цифровые медиа, или же способный генерировать и корректировать программные коды [2, С. 100-101]. В данном определении «юнит» следует понимать, как «единица», партикулярный, то есть отдельный объект, физически, виртуально или иным образом условно отграниченный от всех прочих) носитель искусственного интеллекта (система, объект, устройство, агент) [3, С. 2].

Второй подход к модели генеративного искусственного интеллекта как типу искусственного интеллекта, который на основе обучающих данных создает новые результаты, включая текст, изображения, аудио или видео, в ответ на запрос, который формулируется пользователем без применения технических навыков, был предложен кандидатом юридических наук Самарцевой Марией Викторовной. Важно отметить, что по мнению М.В. Самарцевой для формулирования запроса к технологии ИИ и ее применение, от пользователя не требуется обладанием техническими навыками [4, С.52].

Профессорами МГУ Д. Е. Намиотовым и Е. А. Ильюшиным генеративный ИИ понимается как

модели искусственного интеллекта, предназначенные для создания нового контента (текста, аудио, видео, изображений) [5, С. 109].

Максимом Андреевичем Донцовым было предложено понятие генеративного искусственного интеллекта как «подкласс «искусственного интеллекта, способного обрабатывать текстовую информацию и генерировать новые уникальные тексты, изображения, аудио, видео» [6, С.22].

Подводя итог важно отметить то, что Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Корея, Великобритания придерживаются общего подхода к пониманию генеративного ИИ, однако каждая страна по-своему определяет данную технологию. Так Российская Федерация на уровне подзаконных актов и саморегулирования подчёркивает важность запроса пользователя для деятельности генеративного ИИ. Китай относит технологию к моделям ИИ способным создавать аудио, видеоизображение. Республика Корея и Великобритания выделяют особенности такие как: влияние генеративного ИИ на реальную и виртуальную среду, а также наличие у ГИИ уровня автономности. Так же, полагаем отметить, что в правовой науке сложилось несколько подходов к пониманию генеративного ИИ: как юнит, как тип, как одна из моделей ИИ, но не один из этих подходов не стал общепринятым. Дискуссия о классификации и определении генеративного ИИ продолжается до сих пор.

В тоже время важно учитывать, что ИИ – это различные модели и среди них по назначению применения выделяют специальные модели для генерации. С точки зрения предоставления в дальнейшем правовой охраны сгенерированному результату, полагаем, что уровень таких моделей, обозначаемый как сильный и слабый ИИ, не должен иметь значение. Поскольку с позиции защиты интеллектуальных прав имеет значение сам результат, в отношении которого такие права подлежат охране и защите, а не то устройство, с помощью которого результат сгенерирован.

Как отмечалось выше, для формирования эффективного правового механизма регулирования генеративного искусственного интеллекта должен быть разрешен вопрос о понятии данной технологии, при этом предлагаем учитывать следующие критерии:

1. Целевой характер: генеративный искусственный интеллект ориентирован на создание аудио– и видеоизображений, текстов и иного контента.
2. Классифицировать генеративный искусственный интеллект, как вид общего искусственного интеллекта.
3. Технологическое развитие – ИИ быстро развивается и определение должно соответ-

ствовать не только текущей ситуации, но и учитывать перспективу развития данной технологии.

4. Человекоцентричный характер – генеративный искусственный интеллект осуществляет деятельность на основании запроса пользователя.

Отметим, что определение генеративного ИИ, отраженное в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, наиболее полно, по нашему мнению, соответствует описанным выше критериям. В частности, целевой характер технологии выражен в формулировке: «способность создавать мультимодальные данные (тексты, видеоматериалы, изображения и т.п.)»; генеративный ИИ в классификации определяется как «модель ИИ»; развитие технологии отражается в возможности генеративного ИИ создавать данные «на уровне сопоставимым с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящим их»; человекоцентричный характер проявлен в «предоставлении информации на основании запросов».

Таким образом, приходим к выводу, что термин, установленный в Стратегии как «Большие генеративные модели», наилучшим образом подходит для определения «генеративного ИИ» и может быть использован как основа для формулирования данного термина в будущей законодательной базе о генеративной ИИ. На основании изложенного, следуя указанным выше критериям и исходя из целевого назначения технологии генеративного ИИ, предлагаем следующее авторское определение генеративного ИИ: «Генеративный ИИ – это вид ИИ, который на основании запроса пользователя и полученных ранее данных создаёт либо совершенствует контент (фото, видео материалы, тексты, изображения и т.д.) на уровне равным или превосходящим интеллектуальную деятельность человека».

Список литературы:

- [1] Черничкина Г.Н. Влияние технологии искусственного интеллекта на формирование ландшафта их правовой охраны // Журнал «Образование и право». – 2025. – №1. – С. 165-176.
- [2] Понкин И.В. Применение генеративного искусственного интеллекта в научных исследованиях и в прикладной аналитике в обеспечение государственного управления: позитивные возможности и «подводные камни» // International Journal of Open Information Technologies. 2025. vol.13.no. 1.p. 100-113.
- [3] Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: Тезаурус/РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2019. – 52 с.

[4] Самарцева М.В. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. :12.00.03. – М., 2025. – 212 с.

[5] Намиот Д. Е., Ильюшин Е. А. О киберри-сках генеративного Искусственного Интеллекта. // International Journal of Open Information Technologies. 2024. vol.12. no. 10. p. 109-118.

[6] Донцов М.А. Генеративный искусствен-ный интеллект в работе преподавателя // Журнал психолого-педагогических исследований. – 2025. – №1. – С. 21-26.

[7] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying-harmonised rules on artificial intelligence. [Электронный ресурс] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 07.12.2025)

[8] Executive Order № 14100 of 30 October 2023 «Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-se-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 21.12.2025)

[9] United Kingdom Artificial Intelligence (Regulation) Bill “Bill of AI” 5 March 2025 House of Lords Bill №76. [Электронный ресурс] – URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3942> (дата обращения: 06.12.2025)

[10] Закон Китайской Народной Республики от 13 июля 2023 года Закон № 15 «Временные меры по регулированию генеративным ИИ» [Электронный ресурс] – URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 06.12.2025)

[11] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интел-лекта на период до 2030 года») // Собрание зако-нодательства РФ. 2019. № 41. ст. 5700

[12] Рамочный закон Республики Корея от 21 января 2025 № 20676 «О искусственном интел-лекте и установления доверия к нему» [Электрон-ный ресурс] – URL: https://cset.georgetown.edu/wpcontent/uploads/t0625_south_korea_ai_law_EN.pdf (дата обращения: 06.12.2025)

[13] Regulation (EU) 2024/1689 of the Euro-
pean Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying harmonised rules on artificial intelligence. [Электронный ресурс] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 07.12.2025)

[14] United States Code, U.S.C, title 15, Chap-
ter 1191, 9401 article. [Электронный ресурс] – URL:

<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/9401#3>
(дата обращения: 10.12.2025)

[15] Закон республики Казахстан от 17 ноя-
бря 2025 года №230 VIII ЗРК «Об искусственном
интеллекте». [Электронный ресурс] – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34207749 (дата
обращения: 06.12.2025)

[16] Указ Президента РФ от 10 октября 2019
№ 490 «О развитии искусственного интеллекта в
Российской Федерации» (вместе с «Националь-
ной стратегией развития искусственного интел-
лекта на период до 2030 года») // Собрание зако-
нодательства РФ. 2019. № 41. ст. 5700.

[17] Декларация об разработке и использо-
вании сервисов на основе генеративного ИИ
[Электронный ресурс] – URL: <https://ethics.a-ai.ru/genai-declaration/> (дата обращения: 05.12.2025)

[18] Закон Китайской Народной Республики
от 13 июля 2023 года № 15 «Временные меры по
регулированию генеративным ИИ» [Электронный
ресурс] – URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 06.12.2025)

[19] Рамочный закон Республики Корея от 21
января 2025 № 20676 «О искусственном интел-
лекте и установления доверия к нему» [Электрон-
ный ресурс] – URL: https://cset.georgetown.edu/wpcontent/uploads/t0625_south_korea_ai_law_EN.pdf (дата обращения: 06.12.2025)

[20] Закон республики Казахстан от 17 ноя-
бря 2025 года №230 VIII ЗРК «Об искусственном
интеллекте». [Электронный ресурс] – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34207749 (дата
обращения: 06.12.2025)

[21] United Kingdom Artificial Intelligence (Reg-
ulation) Bill “Bill of AI” of 5 March 2025 House of Lords
Bill №76. [Электронный ресурс] – URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3942> (дата
обращения: 07.12.2025)

[22] Regulation (EU) 2024/1689 of the Euro-
pean Parliament and of the Council of 13 June 2024
laying harmonised rules on artificial intelligence.
[Электронный ресурс] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 07.12.2025)

[23] United States Code, U.S.C, title 15, Chap-
ter 1191, 9401 article. [Электронный ресурс] – URL:
<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/9401#3>
(дата обращения: 10.12.2025)

References:

[1] Chernichkina G.N. The influence of artificial
intelligence technology on the formation of the land-
scape of their legal protection // Journal “Education
and Law.” – 2025. – №1. – S. 165-176.

[2] I.V. Ponkin. Application of generative arti-
ficial intelligence in scientific research and in applied

analytics in ensuring public administration: positive opportunities and pitfalls//International Journal of Open Information Technologies. 2025. vol.13.no. 1.p. 100-113.

[3] Morhat P.M. Law and Artificial Intelligence: Thesaurus/RPO "Institute of State-Confessional Relations and Law." - M.: Buki Vedi, 2019. - 52 s.

[4] M.V. Samartseva. Legal regime of results created by generative artificial intelligence: dissertation for the degree of candidate of legal sciences.: 12.00.03. - M., 2025. - 212 p.

[5] Namiot D.E., Ilyushin E.A. On the cyber risks of generative Artificial Intelligence //International Journal of Open Information Technologies. 2024. vol.12. no. 10. p. 109-118.

[6] Dontsov M.A. Generative artificial intelligence in the work of a teacher//Journal of psychological and pedagogical research. - 2025. - №1. - S. 21-26.

[7] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying harmonised rules on artificial intelligence. [Electronic resource] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (access date: 07.12.2025)

[8] Executive Order № 14100 of 30 October 2023 «Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 21.12.2025)

[9] United Kingdom Artificial Intelligence (Regulation) Bill "Bill of AI" 5 March 2025 House of Lords Bill №76. [E-resource] – URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3942> (Accessed on: 06.12.2025)

[10] Law of the People's Republic of China of July 13, 2023 Law No. 15 "Interim Measures to Regulate Generative AI" [Electronic Resource] – URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (Accessed: 06.12.2025)

[11] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//Collection of RF.2019 Legislation. № 41. Art. 5700

[12] Framework Law of the Republic of Korea dated January 21, 2025 No. 20676 "On Artificial Intelligence and Establishing Confidence in It" [Electronic Resource] – URL: https://cset.georgetown.edu/wpcontent/uploads/t0625_south_korea_ai_law_EN.pdf (Accessed: 06.12.2025)

[13] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024

laying harmonised rules on artificial intelligence. [Electronic resource] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (access date: 07.12.2025)

[14] United States Code, U.S.C, title 15, Chapter 1191, 9401 article. [E-resource] – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/9401#3> (Accessed on: 10.12.2025)

[15] Law of the Republic of Kazakhstan dated November 17, 2025 No. 230 VIII air defense system "On artificial intelligence." [E-resource] – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34207749 (Accessed on: 06.12.2025)

[16] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//Collection of RF.2019 Legislation. № 41. Art. 5700.

[17] Declaration on the development and use of services based on generative AI [Electronic resource] – URL: <https://ethics.a-ai.ru/genai-declaration/> (date of reference: 05.12.2025)

[18] Law of the People's Republic of China dated July 13, 2023 No. 15 "Interim Measures to Regulate Generative AI" [Electronic Resource] – URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (Accessed: 06.12.2025)

[19] Framework Law of the Republic of Korea dated January 21, 2025 No. 20676 "On Artificial Intelligence and Establishing Confidence in It" [Electronic Resource] – URL: https://cset.georgetown.edu/wpcontent/uploads/t0625_south_korea_ai_law_EN.pdf (Accessed: 06.12.2025)

[20] Law of the Republic of Kazakhstan dated November 17, 2025 No. 230 VIII Air Defense System "On Artificial Intelligence." [E-resource] – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34207749 (Accessed on: 06.12.2025)

[21] United Kingdom Artificial Intelligence (Regulation) Bill "Bill of AI" of 5 March 2025 House of Lords Bill №76. [E-resource] – URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3942> (Accessed on: 07.12.2025)

[22] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying harmonised rules on artificial intelligence. [Electronic resource] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (access date: 07.12.2025)

[23] United States Code, U.S.C, title 15, Chapter 1191, 9401 article. [E-resource] – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/9401#3> (Accessed on: 10.12.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-669-671

ТРОШИНА Дарья Игоревна,
магистрант Юридического факультета ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: trtroshina@mail.ru

Научный руководитель:
МАТВЕЕВА Наталья Алексеевна,
д. ю. н., доцент экономической деятельности
Юридического факультета ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: naamatveeva@fa.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИКИ И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена правовому статусу цифровых валют, влияние которых определяется как ключевой фактор текущего этапа государственного и правового развития. Регулирование цифровых валют — одна из центральных задач для России в условиях перехода к цифровой экономике. В работе также рассматриваются этические вопросы, возникающие при внедрении цифровых технологий в сферах с высокой ролью государства, и анализируется их воздействие на поведение людей, моральные нормы и ценности. Массовое использование таких технологий способствует повышению эффективности государственного управления и экономического роста, но одновременно порождает этические конфликты — утрату приватности, дискриминацию отдельных групп, цифровое неравенство и прочие риски.

Ключевые слова: цифровые валюты, цифровые технологии, цифровая трансформация, право, приватность, справедливость, равенство, безопасность данных, прозрачность, ответственность, цифровая грамотность, цифровое неравенство, философия права, этические коллизии.

TROSHINA Daria Igorevna,
Master of Law Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
MATVEEVA Natalia Alekseevna,
Doctor of Law, Associate Professor of Economics Faculty of Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Financial University
under the Government of the Russian Federation"

THE RELATIONSHIP BETWEEN ETHICS AND DIGITAL CURRENCIES IN LEGAL STUDIES

Annotation. The article is devoted to the legal status of digital currencies, the influence of which is defined as a key factor in the current stage of state and legal development. Regulation of digital currencies is one of the central tasks for Russia in the context of the transition to a digital economy. The paper also examines ethical issues arising from the introduction of digital technologies in areas with a high role of the state, and analyzes their impact on human behavior, moral norms and values. The massive use of such technologies contributes to improving the efficiency of public administration and economic growth, but at the same time generates ethical conflicts — loss of privacy, discrimination against certain groups, digital inequality and other risks.

Key words: *digital currencies, digital technologies, digital transformation, law, privacy, justice, equality, data security, transparency, responsibility, digital literacy, digital inequality, philosophy of law, ethical conflicts.*

В последние годы особое внимание уделяется этическим вопросам, связанным с применением цифровых технологий. Безусловно, цифровая трансформация затрагивает государство, бизнес и повседневную жизнь каждого человека — это стало неотъемлемой частью нашего опыта. Инновации изменяют не только экономические отношения, способы производства и формы труда, но и порождают ряд новых проблем в этической сфере. В числе таких проблем — вопросы приватности и защиты персональных данных, алгоритмической предвзятости, ответственности за решения, принимаемые автоматизированными системами, а также неравный доступ к цифровым ресурсам и последствия для социальной справедливости. Этические дилеммы возникают как при разработке и внедрении технологий, так и при их эксплуатации, требуя от государства, бизнеса и граждан совместных усилий по выработке норм и практик, обеспечивающих безопасность, прозрачность и уважение прав человека в цифровой среде.

Цифровые валюты — феномен, меняющий финансовые, социальные и правовые практики во всём мире. Их распространение ставит ряд этических вопросов: приватность, справедливый доступ, прозрачность и ответственность. Юридическая регуляция призвана не только снизить риски, но и внедрить этические принципы в архитектуру цифровых финансовых систем.

Актуальность рассматриваемой темы вызвана несколькими причинами. Во-первых, этические принципы необходимы для устойчивого функционирования общества: они формируют доверие между гражданами и институтами, предохраняют от злоупотреблений и помогают предотвращать социальные риски, связанные с внедрением новых технологий. Во вторых, цифровая этика обладает собственными специфическими характеристиками — она учитывает особенности алгоритмического принятия решений, автоматизации, масштабы и скорости распространения цифровых решений, а также требует междисциплинарного и межотраслевого подхода, синхронизации правовых, технических и образовательных мер и координации на международном уровне.

В основе этических норм лежат универсальные базовые ценности. Кросс-культурные исследования подтверждают распространённость таких ориентиров, как забота о родственниках, справедливое распределение затрат и выгод, уважение к старшим и частной собственности. Однако в каждом конкретном контексте эти универсальные ценности интерпретируются по-разному и форми-

руют специфические этические требования. В рассматриваемом случае таким контекстом выступает повседневная жизнь и технологии, которые её трансформируют.

Четвёртая технологическая революция, связанная с цифровизацией, кардинально меняет общественный уклад [2]. Появляются новые формы бытия и новые модели поведения; технологии глубоко трансформируют материальную и социальную среду, что в свою очередь меняет представления о том, что считается этичным в конкретных ситуациях. Изменения происходят стремительно: то, чего сегодня ещё нет, завтра может появиться, а послезавтра — стать повседневностью в доме или на работе каждого человека. Поэтому обсуждение этических последствий цифровизации становится особенно актуальным уже сейчас.

Термин «этика» введён Аристотелем и изначально понимался как наука о правильном поведении [4]. За историю развития мысли появлялись новые этические концепции, но этика по-прежнему остаётся ключевой дисциплиной для понимания человеческой жизни и поведения. Этика помогает предвидеть последствия принятия той или иной идеи отдельными людьми или обществом, оценить её предпосылки и перспективы; по сути, она представляет собой рефлекссию морали. В отличие от других механизмов социальной регуляции — права, традиций и обычаев — моральные нормы предполагают свободу выбора и поддерживаются внутренними переживаниями, такими как стыд, долг и угрызения совести.

Активное развитие информационных технологий, включая внедрение искусственного интеллекта, требует бережного отношения к накопленному опыту использования цифровых инструментов и строгого соблюдения этических норм [5]. При этом крайне важно обеспечить безопасность их практического применения. В условиях растущей неопределённости и усложнения мира необходимо научиться противостоять доминированию низкокачественных и чуждых технологий. Достичь этого можно лишь через здоровый скептицизм по отношению к соблазнам цифрового мира и критическое осмысление технологических решений, а также через процесс внедрения этических базисов в нормативную систему государства.

Право, в свою очередь, может стимулировать внедрение «этики в дизайн»: требования к прозрачности алгоритмов, аудиту безопасности, учёту интересов потребителей и механизмам возмещения вреда. Юридические нормы должны обеспечивать информированность пользователей

о рисках (волатильность, киберугрозы, отсутствие страхования депозитов и так далее). Это этический минимум — защита уязвимых участников рынка. Вторая задача — обеспечить равный доступ к финансовым инструментам: цифровые валюты могут способствовать финансовой инклюзии, но без надлежащей регуляции рискуют усилить цифровое неравенство.

Взаимосвязь этики и цифровых валют формирует одну из ключевых проблем современного финансового и цифрового пространства. Цифровые валюты открывают беспрецедентные возможности для финансовой инклюзии, приватности и инноваций, но одновременно порождают серьезные этические риски — от обеспечения прозрачности и предотвращения отмывания денег до защиты прав пользователей, справедливого распределения выгод и предотвращения усиления неравенства. Этический подход требует учитывать не только технологические характеристики (децентрализация, приватность, программируемость), но и социальные последствия внедрения: институциональные рамки, механизмы подотчетности и процессы участия общественности.

Для устойчивого развития экосистемы цифровых валют необходима интеграция принципов ответственности и справедливости на всех уровнях: в дизайне протоколов, в бизнес-моделях участников рынка, в регуляторных решениях и в образовании пользователей [3]. Практические шаги включают внедрение транспарентных стандартов, независимых механизмов аудита, инструментов защиты приватности, а также междисциплинарного диалога между разработчиками, этиками, юристами и представителями гражданского общества. Только сочетание технологической грамотности и моральной рефлексии позволит минимизировать негативные эффекты и максимизировать общественную пользу.

Таким образом, цифровые валюты — это не только техническая инновация, но и этический вызов. Их правильная интеграция в общество потребует сбалансированных решений, ориентированных на уважение прав человека, снижение рисков и обеспечение справедливого доступа к выгодам новой финансовой парадигмы. Взаимосвязь этики и цифровых валют с правовой точки зрения заключается в необходимости балансировки интересов: свободы и приватности — с общественной безопасностью и защитой прав потребителей. Эффективная правовая система должна внедрять этические принципы в нормативные требования и технологический дизайн, обеспечивая прозрачность, ответственность и справедливый доступ. Только сочетание продуманной регуляции, технических стандартов и общественного контроля позволит цифровым валютам служить общественному благу без ущерба

ления фундаментальных прав. Цифровые валюты дают новые возможности, но без правил они могут нанести вред людям и обществу. Закон нужен, чтобы сохранить преимущества технологий и минимизировать злоупотребления.

Список литературы:

- [1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>.
- [2] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
- [3] Иванов А.А. Цифровая этика и право // Закон. - 2021. - №. 4. - С. 67-73.
- [4] Бурнашев Р.Ф., Асророва М.О., Масарова К.Ф. Философские основы концепции безопасности личности в эпоху цифровизации // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2023. 11(102).
- [5] Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. - 2019. - №. 1 (90). - С. 57-73.
- [6] Этика и «цифра»: от проблем к решениям / под ред. Е. Г. Потаповой, Э90 М. С. Шклярчук. — М.: РАНХиГС, 2021. — 184 с. // URL: https://cdto.ranepa.ru/media/sum_of_tech/materials/attached_pdfs/Ethics2_CDTO_RANEPa.pdf.
- [7] Кодекс этики [Электронный ресурс] // URL: <https://ethics.a-ai.ru/>.

References:

- [1] On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. //URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>.
- [2] Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" //URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
- [3] Ivanov A.A. Digital Ethics and Law//Law. - 2021. - №. 4. - S. 67-73.
- [4] Burnashev RF, Asrorova MO, Masarova KF. Philosophical foundations of the concept of personal security in the era of digitalization//Universum: social sciences: electron. scientific journal. 2023. 11(102).
- [5] Razin A.V. Ethics of artificial intelligence//Philosophy and society. - 2019. - №. 1 (90). - S. 57-73.
- [6] Ethics and "digit": from problems to solutions/sub-ed. E. G. Potapova, E90 M. S. Shklyaruk. - M.: RANEPa, 2021. — 184 с. // URL: https://cdto.ranepa.ru/media/sum_of_tech/materials/attached_pdfs/Ethics2_CDTO_RANEPa.pdf.
- [7] Code of Ethics [Electronic Resource]//URL: <https://ethics.a-ai.ru/>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-672-679

МОНАХОВ Олег Николаевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент социальной педагогики и организации работы
с молодежью Ярославского государственного педагогического
университет им. К.Д. Ушинского,
e-mail: monahovs@mal.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНЫХ ДЕВИАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблемам профилактики молодежных девиаций в современных условиях. Раскрыта общественная опасность специфических форм молодежных девиаций. Дана характеристика профилактики как деятельности в механизме предупреждения девиантного поведения. Обоснована типологизация институтов профилактического воздействия с учетом их значимости в превентивной деятельности.

Ключевые слова: девиации, молодежь, профилактика, правонарушения, антиобщественное поведение.

MONAHOV Oleg Nikolaevich,
Candidate of pedagogic, Sciences Associate professor
of department of social pedagogy and organization of work
with youth Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky

LEGAL ASPECTS OF PREVENTION OF YOUTH DEVIATIONS IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION NETWORK SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the problems of preventing youth deviations in modern conditions. Public danger of specific forms of youth deviations revealed. A description of prevention as an activity in the mechanism for preventing deviant behavior is given. The typology of preventive impact institutions is justified, taking into account their importance in preventive activities.

Key words: deviations, youth, prevention, offences, antisocial behaviour.

Введение

Изменение социальной реальности, вызванное динамикой социально-экономических процессов, неопределённостью будущего, цифровизацией, размыванием общественных норм, приводит к возникновению молодежных девиаций. Именно на таком социальном фоне, по мнению Я.А. Ардельяновой, самым распространённым риском «...в силу социально-психологической незрелости молодежи является риск вовлечения в девиантное поведение» [1, с.74].

Противостояние современным вызовам, обращённым к государству, обществу и отдельной личности, приводит к переформатированию требований к социализации молодого поколения граждан, к формированию системы нравственных и смысловых ориентиров в молодежной среде на основе традиционных российских духовно-нрав-

ственных и культурно-исторических ценностей, к усилению профилактических аспектов воспитания.

Несмотря на существующие институты социального контроля, государство и общество сталкивается не только с нарастанием проявления традиционных форм девиаций, но и с появлением специфического девиантного поведения, возникающего под влиянием таких факторов как «... цифровизация, информатизация, прагматичность, сверхпотребление, снижение уровня духовности, отсутствие общепринятых идеалов» [21, с.265], что актуализирует необходимость переосмысления профилактики молодежных девиаций.

Цель исследования состоит в анализе институциональной системы профилактики молодежных девиаций в условиях информационного сетевого общества.

Для достижения цели были обозначены следующие задачи: раскрыть специфические формы молодежных девиаций; выявить проблемы, возникающие при применении существующих правовых норм профилактики девиантного поведения молодежи; определить превентивную сущность институтов профилактического воздействия в молодежной среде.

В методологическом аспекте исследование опирается на формально-юридический анализ норм действующего законодательства, сравнительно-правовой метод. В ходе исследования осуществлялся вторичный анализ результатов эмпирических исследований, контент-анализ научных публикаций, использовались методы теоретического моделирования, синтеза, обобщения и сравнения.

Результаты исследования

Молодёжная политика в настоящее время опирается на совокупность нормативных правовых актов, консолидирующих деятельность государственных и общественных институтов по всестороннему развитию молодого поколения. Ключевым из них является Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», который регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, утвердив при этом в качестве одного из ее направлений – предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи [19].

Ценностный фундамент политики в молодежной сфере составляют традиционные ценности, рассматриваемые в указе Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», как нравственные ориентиры, формирующие мировоззренческие установки граждан России. Одно из направлений государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей содержит совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями сохранения и укрепления традиционных ценностей [15].

Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года как документ стратегического планирования устанавливает основные направления молодежной политики, среди которых следует выделить в контексте нашего исследования противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита [12].

Таким образом, следует согласиться с мнением, что «правовая система РФ обеспечивает

нормативное закрепление работы с молодежью» [3, с.28], однако, не раскрывает понятие «девиантное поведение», что связывается с «... нестандартностью и многогранностью подходов к его пониманию» [23, с.261].

Между тем в правоприменительной практике это понятие, как правило, разъясняется в контексте совершения представителями молодежи различных видов правонарушений и отождествляется с общественно опасным поведением. Так, в июне 2022 г. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда рассмотрев апелляционную жалобу матери ученицы одной из московских школ полагает, что проанализировав представленные доказательства, суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о том, что со стороны родителей ученика школы имело место ненадлежащее исполнение своих родительских обязанностей, родители не смогли повлиять на поведение своего ребенка и привить ему правила поведения в общественных местах, не воспитали в сыне уважение к сверстникам, что привело к девиантному поведению, сознательному причинению им телесных повреждений ученице школы [2].

Раскрытие девиантного поведения как общественно опасного наблюдается в ряде нормативных правовых актов, так ч. 8. ст. 22 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» содержит следующую норму: «Для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации создаются образовательные организации (специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа)...» [16]. В тоже время ч. 4 ст.15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» гласит, что в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в соответствии с законодательством об образовании могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода, если совершили общественно опасные деяния, содержащие признаки преступления [17].

Исходя из анализа практики применения норм вышеуказанных федеральных законов следует исключить тождество понятий «общественно опасное поведение» и «общественно опасное деяние», так как первое рассматривается более широким по содержанию, чем второе. [6]. Общественно опасное поведение представляет инте-

рес для изучения с методологических позиций различных отраслей российского права, что отражает его межотраслевое значение для развития правовой теории. Оно выступает своеобразным мостом «... между уголовно-правовой наукой, с одной стороны, общетеоретическими (социально-экономическими, философскими, психологическими и т.п.) и юридическими (теорией государства и права, криминологией, административным и гражданским правом, уголовным процессом и проч.) науками, – с другой» [5, с. 68]. Учитывая стержневую, функциональную роль рассматриваемой дефиниции и исходя из анализа работ по данной проблеме, предоставляется возможным выделить два подхода, раскрывающих сущность общественно опасного поведения:

1. Социологический, демонстрирующий опасность всех проявлений девиаций, кроме того, данный подход образует методологическую основу для познания существующих и возникающих форм негативных социальных явлений;
2. Уголовно-правовой, обосновывающий опасный характер некоторых девиантных форм поведения, находящихся под запретом, предусмотренным уголовным законодательством.

Общественная опасность поведения проявляется в совершении деяния, обладающего признаками преступления или административного правонарушения.

Выступая обьективированным выражение личностных характеристик индивида, общественно опасное поведение характеризуется:

- множественностью, в силу того что «... при совершении повторного правонарушения происходит не качественный переход из одного деяния в другое деяние, а качественный переход из деяния, как единичного юридически значимого факта, в общественно опасное поведение» [8, с.61];
- устойчивостью, так как такое поведение включает не единичные поведенческие акции, а совокупность юридически значимых фактов, характеризующих личность;
- универсальностью, проявляющейся в том, что подобное поведение находит институциональное закрепление в праве.

Но наибольшие сложности возникают при определении количественно-качественных параметров поступков и действий, проявляющихся в игнорировании норм морали и права, но формально не достигших уровня общественной опасности, позволяющего попадать под запреты, предусмотренные уголовным и административным законодательством.

Важно обратить внимание на появление форм девиантного поведения, набирающих свою популярность в молодежной среде, такие как пранки, тренинги по пикапу, треш-стримы.

В самом начале своего существования пранк воспринимался как розыгрыш, проводимый по средствам связи, ход которого запечатлевался с помощью аудио- или видеозаписи. Однако в процессе своей эволюции он приобрел разные формы. В современных условиях его позиционируют как один из жанров видеоблогинга, в котором, как правило, реализуется развлекательная функция.

В тоже время пранк следует относить к ряду отрицательной девиации, связанной с негативной оценкой такого поведения со стороны общества. Специфическими чертами, характеризующими негативную сторону пранка, являются:

- стремление лицом, практикующим пранк, удовлетворить свои внутренние развлекательно-деструктивные потребности;
- обладание квалифицирующими признаками хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти;
- проявление в действиях лица, направленных на грубое нарушение общественного порядка, явного неуважения к обществу [10].

Так, 24 ноября 2021 г. Пресненский районный суд Москвы вынес обвинительный приговор трем молодым людям, угнавших ради зрелищного видео такси бизнес-класса [13].

Тренинги по пикапу находят свое воплощение в обучающих курсах для мужчин, желающих понять, как просто и без стеснения знакомиться с женщинами с целью легкого развлечения. Существование подобных практик приводит к деформации социальных норм и становлению новых моделей потребительского поведения в интимной сфере человеческих отношений.

Трансформация этих норм начинается с оценки отношений и фокусировки внимания на необходимости их изменений, с последующим навязыванием участникам тренинга, «... затем следуют обучение новым образцам поведения (тренинги) и формирование готовности к совершению девиаций (преддевиантность) и, наконец, как возможность совершить реальные девиантные акты» [22, с.136]. Так, в октябре 2025 г. Тверская межрайонная прокуратура обратилась в суд с заявлением о признании информации, пропагандируемой на тренингах Лесли, «запрещенной к распространению на территории Российской Федерации» [14].

Треш-стрим изначально использовался для демонстрации компьютерных игр, но затем он превратился в жанр трансляций, где за деньги участники выполняют различные задания. Моти-

вация к быстрому обогащению побуждает стимеров совершать асоциальные и безнравственные поступки, порой выходящие за грани разумного. К признакам, указывающим на девиантный характер таких деяний, относят:

1. Выстраивание развлекательного контента на основе апелляции к базовым, зачастую негативным аспектам человеческой психики и заполнение его «...насилием, издевательством, унижением, оскорблением, аморальным поведением» [4, с. 206].
2. Посягательство на нравственность зрительской интернет-аудитории. Несмотря на взаимосогласованный характер взаимодействия с организаторами, «нравственность потребителей треш-контента, искажаясь, превращается из объекта уголовно-правовой охраны в почву для соучастия в антиобщественном, включая преступное поведение» [20, с.97].
3. Стремление стимеров к популяризации и материальной выгоде, связанной с «...получением донатов от потребителей контента, заказывающих исполнение ведущими треш-стрима конкретными насильственными и других антиобщественных действий» [20, с.98], что указывает на корыстный характер подобных деяний.

Большинство асоциальных деяний, совершаемых пранкерами и стримерами в интернет-среде, содержат составы административных правонарушений, а также могут усматриваться признаки преступлений, таких как причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111–118 УК РФ), лишение жизни человека (ст. 105, 109 УК РФ) и т. д. Общественная опасность специфических негативных форм девиантного поведения молодежи обуславливает необходимость формирования и применения действенных превентивных мер, направленных на профилактику правонарушений и антиобщественного поведения.

Государство берет на себя повышенные обязательства по созданию молодому поколению такой среды пребывания, в которой будет обеспечена его безопасность, а также созданы условия для физического, интеллектуального, нравственного и духовного становления и развития личности.

Распоряжением Правительства Российской Федерации «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2023–2025 годы» в целях противодействия вовлечению молодежи в деструктивную и противоправную деятельность осуществляется мониторинг информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с последующей блокировкой деструктивного контента [11].

В Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. в число мер по приоритетному направлению реализации «противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита» включены:

- профилактика социально негативных явлений в молодежной среде и вовлечение молодых граждан в активную деятельность по формированию позитивного антинаркотического, антитеррористического, антиэкстремистского контента в информационном пространстве;
- профилактика насилия в отношении несовершеннолетних, предотвращение их безнадзорности, травли в школах, развитие жизненных и социальных навыков детей
- формирование у молодежи стойкого неприятия идеологии терроризма и экстремизма в различных их проявлениях, противодействие обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов среди молодежи [12].

Реализация норм Федерального закона 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее закон №182-ФЗ) стало существенным прогрессом в наращивании мер по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, совершенствованию деятельности по профилактике правонарушений и антиобщественного поведения.

В соответствии со ст. 2 Закона № 182-ФЗ под профилактикой правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [18].

Являясь частью системы (социальной, образовательной и т. п.), профилактика исполняет превентивные функции, раскрывается как совокупность специфических мер, реализуемых в процессе социализации, обучения, воспитания, перевоспитания и т. п. для выявления и упреждения (нейтрализации) совокупности детерминант возникновения и развития негативных явлений.

Проблема профилактики правонарушений является предметом исследований, которые указывают на то, что профилактическое воздействие на личность может быть эффективным только при учете влияния на них социальной среды. Профилактика как правило направлена на предотвращение несоблюдения норм и правил, существующих

в обществе, посредством устранения причин и условий для возникновения и развития негативных социальных патологий.

Для нашего исследования интерес представляет сформулированное И.А. Олевской определение профилактики девиантного поведения, в котором она раскрывается как «... комплекс государственных, общественных, социальных, медицинских, психолого-педагогических, юридических, административно-организационных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение, нейтрализацию физических, психологических, социокультурных причин и условий, вызвавших деформацию мотивационной, когнитивной, эмоциональной сфер личности, создающих предпосылки для негативного отклоняющегося поведения» [9, с.10–11].

Обращение к результатам исследований, представивших в качестве предмета профилактики девиантного поведения, позволяет обозначить ряд ее признаков.

1. Нацеленность на предотвращение возникновения негативных форм девиации.
2. Ориентация на установление и искоренение причин девиантных форм поведения, условий и обстоятельств, способствующих проявлению противоправных и аморальных деяний.
3. Направление деятельности государственно-властных субъектов, субъектов системы обучения и воспитания, общественных объединений, реализующих меры воздействия в пределах своей компетенции по недопущению

нию в обществе антиобщественного и асоциального поведения.

Опираясь на структуру профилактики правонарушений, представленную И. М. Мацкевичем [7, с.483] в качестве основных элементов профилактики молодёжных девиаций следует выделить:

- установление причин и условий, способствующих возникновению социальных патологий в молодежной среде;
- определение средств и методов для нейтрализации этих причин и условий;
- постоянный мониторинг социального здоровья молодого поколения;
- прогнозирование возникновения новых форм социальных патологий;
- мониторинг качества профилактической деятельности государственных институтов;
- использование потенциала общественных организаций в профилактической работе.

Профилактика выступает наиболее масштабной деятельностью в механизме предупреждения девиантного поведения. Данный механизм опирается не только на Закон №182-ФЗ, определившим стратегию профилактической деятельности, а также нормативные правовые акты федерального и регионального уровней.

Существующая система нормативных правовых актов позволяет типологизировать применительно к молодёжным девиациям институты профилактического воздействия с учетом их значимости в превентивной деятельности (таблица 1).

Таблица 1. Институты профилактики молодёжных девиаций

Институты	Роль в профилактической деятельности
уголовно-правового профилактического воздействия	уголовно-правовое предупреждение (пропаганда, разъяснение, правовое просвещение); уголовно-правовое пресечение (побуждение к добровольному отказу от окончания объективной стороны преступления или завершения преступных действий)
административно-деликтный	воздействие на сознание личности угрозой ответственности, пресечение противоправного поведения посредством административных мер
общепро-филактический	усыновление перечня допустимых мер (форм) профилактического воздействия, определение основания и круга субъектов профилактики
надзорно-наблюдательный	предупреждение посредством административного надзора новых противоправных деяний лицами, освобожденными из мест лишения свободы
контрольно-финансовый	противодействие финансированию терроризма и экстремизма, а также легализации доходов, полученным преступным путем

контрольно-проверочный	обследование семейно-бытовых условий несовершеннолетних осужденных; контроль телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем и сети Интернет
превентивно-ограничительный	блокировка сайтов, содержащих информацию экстремистского и террористического характера
воспитательно-профилактический	регулирование процесса помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа либо в социально-реабилитационные центры
специально-технический	обеспечение антитеррористической защищенности образовательных, спортивных организаций, учреждений здравоохранения, культуры, досуга; проведение при проходе (проезде) на территорию объекта (территории) досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотра транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств

Сущность институтов профилактического воздействия проявляется в социально-правовой структуре функции превенции, выраженной в комплексе норм, содержащихся в российском законодательстве, создающих условия для объединения государственных полномочий и общественных инициатив в области предупреждения молодежных девиаций.

Заключение

Таким образом, распространение информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению специфических форм молодежных девиаций, что обуславливает необходимость расширения возможностей профилактического воздействия на молодое поколение.

Превентивный характер профилактики молодежных девиаций прослеживается в системе правовых норм, содержащихся в административной, образовательной и других отраслях российского законодательства и регулирующих отношения по выявлению и упреждению причин и условий появления социально негативных явлений в молодежной среде, а также оказания воспитательного воздействия на них в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения молодежи.

Для выстраивания эффективной системы профилактики молодежных девиаций необходимо усиление взаимодействия рассмотренных институтов профилактического воздействия, а также своевременное устранение пробелов в правовом механизме регулирования особых отношений, вызванных появлением новых форм деструктивного поведения молодёжи.

Современные тенденции возрастания девиантных проявлений в молодежной среде предо-

пределяют разработку правовых норм, ориентированных на превенцию правонарушений и антиобщественного поведения, защиту прав молодого поколения, обеспечение безопасного и стабильного общественного порядка.

Список литературы:

- [1] Ардельянова Я.А. Неформальный социальный контроль девиантного поведения молодежи: подходы и концептуальная схема // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 72–85.
- [2] Апелляционное определение Московского городского суда от 16.06.2022 N 33-21470/2022 - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1503612#V7f1H5VMpNVhpy3G1> (дата обращения: 13.12.2025).
- [3] Бельский В. Ю., Князева С. Д. Социально-правовой анализ проблемы профилактики девиантного поведения молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 27–31.
- [4] Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202–210.
- [5] Жабский В.А., Коротков О.И. Формы понятийного и нормативного выражения общественно опасного поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 67 –70.
- [6] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. Москва: Наука, 1982. 288 с.
- [7] Мацкевич, И. М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений // Пени-тенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3 (55). С. 481–490.

[8] Мирошниченко Д.В. Административная преюдиция как способ описания общественно опасного поведения личности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 4 (63). С. 55–62.

[9] Олевская И.А. Профилактика девиантного поведения подростков средствами коллективной творческой деятельности : автореферат дис. ... канд. пед. наук / Олевская Ирина Александровна. – Москва, 2020. 28 с.

[10] Поливанов А. В. Пранк как составообразующий признак хулиганства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 57–64.

[11] Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2023 № 1667-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2023 – 2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Распоряжение Правительства РФ 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Суд отправил в колонию блогеров, угнавших такси ради розыгрыша - URL: <https://rg.ru/2021/11/25/reg-cfo/sud-otpravil-v-koloniiu-blogerov-ugnavshih-taksi-radi-rozygrysha.html> (дата обращения: 03.12.2025).

[14] Суд запретил распространение в России курсов блогера Алекса Лесли - URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1546989-blogger-sud-arest> 4.12.25 (дата обращения: 04.12.2025).

[15] Указ Президента Российской Федерации 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Федеральный закон 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Федеральный закон 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Федеральный закон 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Федеральный закон 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 90–100.

[21] Чикаева Г. С., Власова В. Н., Ковров В. В. Девиантное поведение молодежи: социальные факторы, его детерминирующие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 263–268.

[22] Шипунова Т. В. Особенности социального контроля девиантности: общее и специфическое (на примере интернет-проекта «пикап») // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 127–136.

[23] Южанинов В.С. Современные взгляды на понятие девиантного поведения молодежи и феномен девиации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 259–263.

References:

[1] Ardelyanova Y.A. Informal social control of youth deviant behavior: approaches and conceptual scheme//Management issues. 2025. VOL. 19, NO. 2. S. 72-85.

[2] Appellate ruling of the Moscow City Court of 16.06.2022 N 33-21470/2022 - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1503612#V7f1H5VMpNVh-py3G1> (date of appeal: 13.12.2025).

[3] Belsky V. Yu., Knyazeva S. D. Socio-legal analysis of the problem of preventing youth deviant behavior//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3. S. 27-31.

[4] Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Tresh-stream: social conditioning of criminalization//Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 6. S. 202-210.

[5] Zhabsky V.A., Korotkov O.I. Forms of conceptual and normative expression of socially dangerous behavior//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 9. S. 67 -70.

[6] Kudryavtsev V.N. Legal behavior: norm and pathology: monograph. Moscow: Science, 1982. 288 pp.

[7] Matskevich, I. M. Divergence of theory and practice of crime prevention//Penitentiary science. 2021. T. 15, NO. 3 (55). P. 481-490.

[8] Miroshnichenko D.V. Administrative prejudice as a way to describe socially dangerous personal behavior//Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2021. № 4 (63). S. 55-62.

[9] Olevskaya I.A. Prevention of adolescent deviant behavior by means of collective creative activity: abstract dis.... cand. ped. Sciences/ Olevskaya Irina Alexandrovna. - Moscow, 2020. 28 pp.

[10] Polivanov A.V. Prank as a constituent sign of hooliganism//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (97). S. 57-64.

[11] Order of the Government of the Russian Federation of 24.06.2023 No. 1667-r "On approval of a set of measures to prevent negative social phenomena in the child and youth environment for 2023-2025" //SPS" ConsultantPlus. "

[12] Order of the Government of the Russian Federation of 2024 No. 2233-r "On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030" //SPS" ConsultantPlus. "

[13] The court sent bloggers to the colony who stole a taxi for the sake of a prank - URL: <https://rg.ru/2021/11/25/reg-cfo/sud-otpravil-v-koloniiu-bloggerov-ugnavshih-taksi-radi-rozygrysha.html> (accessed: 03.12.2025).

[14] The court banned the distribution of blogger Alex Leslie's courses in Russia - URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1546989-blogger-sud-arest> 4.12.25 (date of appeal: 04.12.2025).

[15] Decree of the President of the Russian Federation of 2022 No. 809 "On approval of the foundations of state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values" //SPS" ConsultantPlus. "

[16] Federal Law 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" //SPS" ConsultantPlus. "

[17] Federal Law No. 120-FZ of 1999 "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" //SPS" ConsultantPlus. "

[18] Federal Law No. 182-FZ of 2016 "On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation" //SPS" ConsultantPlus. "

[19] Federal Law 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" //SPS" ConsultantPlus. "

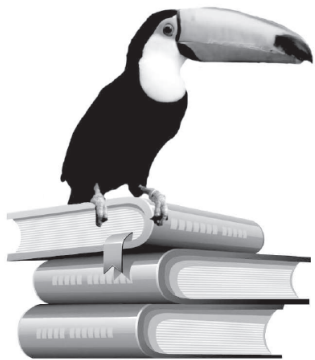
[20] Filchenko A.P. Protection of public morality from encroachments in the form of live broadcasts of illegal behavior (trash streams) //Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(60). S. 90-100.

[21] Chikaeva G.S., Vlasova V.N., Kovrov V.V. Deviant behavior of youth: social factors, its determinants //State and municipal administration. Scholarly notes. 2022. № 1. PP. 263-268.

[22] Shipunova T.V. Features of social control of deviance: general and specific (on the example of the Internet project "pickup") //Sociological research. 2014. № 12. S. 127-136.

[23] Yuzhaninov V.S. Modern views on the concept of deviant behavior of young people and the phenomenon of deviation //Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. № 2. PP. 259-263.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АБАКУМОВА Екатерина Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела социальных и
правовых исследований Института философии и права СО РАН,
доцент кафедры гражданского права
Новосибирского военного ордена Жукова института
имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации.
e-mail: civilization1981@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Авторское обобщение и анализ актуальных данных о мероприятиях антикоррупционного регулирования отношений государственной службы позволяют подчеркнуть их практическую результативность и рассмотреть перспективность развития нормативной базы и целевого правоприменения цифровых технологий и искусственного интеллекта в рассматриваемой сфере правоотношений. В числе имеющихся факторов, сдерживающих более эффективное развитие антикоррупционных практик, использующих инновационные информационные методы, автор называет недостаточность их теоретической проработанности и, следовательно, отсутствие должной нормативной урегулированности, юрисдикционной практической применимости условий и оснований допустимости доказательств, получаемых посредством применения инструментария искусственного интеллекта. В статье формулируется авторский целевой вопрос о потребности в выработке и нормативном закреплении практической методологии правового оценивания результатов, получаемых от систем искусственного интеллекта, и о связанных с этим перспективах развития института общественного контроля в целях противодействия коррупции.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, механизмы общественного контроля, электронное правительство, информационная система «Посейдон», китайская система «Zero Trust», правовое регулирование технологий искусственного интеллекта, преступления коррупционной направленности.

АБАКУМОВА Ekaterina Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Senior Researcher of the Social and Legal Research Department
of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of the Civil Law Department o
f the Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard of the Russian Federation

THE PROSPECTS OF USING DIGITAL TECHNOLOGY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN THE PUBLIC LAW FIGHT AGAINST CORRUPTION

Annotation. The author's generalization and analysis of current data on anti-corruption regulation measures of public service relations make it possible to emphasize their practical effectiveness and consider the prospects for the development of a regulatory framework and targeted enforcement of digital technologies and artificial intelligence in the field of legal relations under consideration.

Among the existing factors hindering the more effective development of anti-corruption practices using innovative information methods, the author cites the lack of their theoretical elaboration and, consequently, the lack of proper regulatory regulation, the jurisdictional practical applicability of the conditions and grounds for the admissibility of evidence obtained through the use of artificial intelligence tools. The article formulates the author's objective question about the need for the development and normative consolidation of a practical methodology for the legal assessment of the results obtained from artificial intelligence systems, and the related prospects for the development of the institute of public control in order to combat corruption.

Key words: digitalization of public administration, mechanisms of public control, electronic government, Poseidon information system, Chinese Zero Trust system, legal regulation of artificial intelligence technologies, corruption crimes.

Практически все современные публично-государственные образования, де-юре и де-факто относящиеся к категории правовых государств, прилагают значительные усилия в борьбе с коррупцией, что в свою очередь послужило разработке соответствующих рекомендаций на уровне международных организаций. Антикоррупционная деятельность государства рассматривается в теории политических технологий и государственного управления как совокупность мер публично-правового воздействия, ориентированных на системное предупреждение, своевременное выявление и пресечение коррупционных правонарушений, методологически определяемая, нормативно закрепляемая и практически реализуемая с учетом комплекса правовых, экономико-социальных, организационно-образовательных и информационных аспектов [1, с 91].

Конвенция ООН против коррупции стала одним из базовых документов, который определил национальные антикоррупционные стратегии для нашей страны, послужив основой для успешной реализации государственной антикоррупционной политики. В силу требований Конвенции был принят Национальный план противодействия коррупции, коррупционные преступления по субъектному составу и прочим квалифицирующим характеристикам были выделены в отдельный блок, предусмотрены меры по предупреждению коррупции и правовой защите заявителей о коррупции. Опираясь на опыт международного сообщества, Россия создала свою собственную нормативную правовую базу, направленную на искоренение данного негативного и дестабилизирующего социального явления в органах власти и обществе в целом. В 2008 году был принят специализированный Федеральный закон «О противодействии коррупции», который стал основой для интеграции антикоррупционных норм в специализированный кластер нормативных правовых актов, включающий на сегодняшний день более 120 актов только федерального уровня. В результате активного законодательного процесса произошли существенные изменения и в правоприменительной практике, которые, без сомнения, при-

вели к повышению эффективности мер по борьбе с коррупцией в стране. Однако несмотря на успехи последних лет, коррупция в органах государственной власти в России все еще остается на высоком уровне – по Индексу восприятия коррупции, составляемому международной неправительственной организацией Transparency International, в 2024 году Россия набрала лишь 22 балла из 100, существенно снизив позицию в рейтинге стран по данному показателю по сравнению с прошлым годом (в 2023 году Индекс коррупции в России составлял 26 баллов; исторический максимум был достигнут в 2020 году – 30 баллов) [10]. Не последнюю роль в такой отрицательной динамике сыграло прекращение членства России в Совете Европы (СЕ) и как следствие – прекращение членства Российской Федерации в Группе государств против коррупции (ГРЕКО) и выход из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Кроме того, в связи с проведением СВО и необходимостью защиты персональных данных публичных лиц в стране произошел откат назад в реализации значимых антикоррупционных практик – декларировании доходов и имущества депутатов и сенаторов. С 1 марта 2023 года в силу вступил закон, согласно которому декларации российских сенаторов и депутатов публикуются в открытом доступе без личных данных – обнародуется только обобщенная статистическая информация о количестве поданных деклараций. Также произошло существенное законодательное упрощение порядка декларирования доходов региональных и муниципальных депутатов, а муниципальные и региональные парламентарии, работающие на общественных началах, были освобождены от ежегодного декларирования доходов.

Вместе с тем, в нашей стране наблюдается устойчивая положительная динамика по выявлению преступлений коррупционной направленности – по статистике Генпрокуратуры за первые шесть месяцев 2024 года в России было выявлено 10 251 человека, совершившего коррупционные преступления. Это самый высокий полугодовой показатель за последние 13 лет. За аналогичный период 2023 года было зарегистрировано 9 917

коррупционеров, в 2022 году – 9 880, в 2021 году – 8 792 человека. Надо понимать, что коррупционные преступления являются по своей сути высоколатентными, поэтому рост показателей статистики свидетельствует не о росте совершенных, а об увеличении выявленных преступлений. Также растет число обвинительных приговоров по делам коррупционной направленности – за прошедший год суды вынесли 21 729 обвинительных приговора по основной и дополнительной квалификации по составам преступлений коррупционной направленности (для сравнения, в 2023 году – 22 014, в 2022 году – 20 560, в 2021 году – 9621) [11]. Закономерно предположить, что резкий рост числа осужденных за коррупционные преступления начиная с 2022 года обусловлен дефицитом бюджета в связи с проведением СВО и сопутствующими экономическими проблемами – государство стало активнее интересоваться вопросом эффективности расходования бюджетных средств, что, безусловно, положительно. Однако не вызывает сомнений, что существенный вклад в успешность антикоррупционной борьбы последних лет был также внесен развитием цифровых и информационных технологий, существенно расширяющих практические возможности правоохранительных органов по выявлению различных коррупционных цепочек и дополнительных преступных эпизодов.

В современном мире использование цифровых технологий стало необходимым условием для успешного функционирования и адаптации практически всех социальных институтов, и публичная власть не исключение [2]. Внедрение новых технологических решений позволяет оптимизировать процесс публичного управления, открывает новые возможности для реальной борьбы с коррупцией и создает современную платформу для достижения многогранного межотраслевого эффекта. В настоящее время Россия находится в процессе активного внедрения информационных технологий в сферу государственного управления как части общей стратегии «цифровой трансформации» публичной власти. Применение цифровых технологий стало определяющим условием современной антикоррупционной стратегии России, что нашло отражение в приоритетах государственной политики обозначенных в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» по направлению «Цифровое государственное управление». Данная программа призвана не только модифицировать различные аспекты государственного управления, но и служить основой для формирования новых подходов и механизмов для противодействия коррупции в органах власти. В качестве ключевого показателя программа устанавливает

увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 г. Цифровая трансформация в сфере государственного управления представляет собой что-то большее, чем просто использование современных технологий, – она является стратегическим элементом, играющим решающую роль в повышении прозрачности и доступности государственных институтов для внешнего контроля, которые в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» являются обязательным требованием для органов власти Российской Федерации. Этот аспект цифровизации нельзя недооценивать, поскольку он формирует необходимые условия для повышения эффективности мер, направленных на противодействие коррупции. Цифровая трансформация способна качественно изменить традиционные модели взаимодействия государства, общества и личности, обеспечивая тем самым более высокий уровень профилактики и противодействия различным формам коррупционных правонарушений. В контексте современных вызовов, связанных с коррупционными рисками, именно цифровые решения, такие как системы электронного документооборота и платформы для открытых данных, позволяют создать условия для мониторинга и аудита деятельности государственных органов, что, в конечном счете, способствует инновационной трансформации самого механизма государственного управления. Это означает, что цифровизация может рассматриваться как одна из наиболее эффективных и многообещающих стратегий в борьбе с коррупцией. При этом следует отметить, что открытость и доступность информации, получаемой посредством цифровых технологий, оказывают комплексное воздействие на антикоррупционную практику. Увеличение объемов доступной для общества информации о деятельности властных структур не только способствует формированию общественного контроля, но и создает атмосферу, в которой коррупционные схемы становятся менее осуществимыми. Такая атмосфера служит профилактическим препятствием для потенциальных коррупционеров, поскольку увеличивает вероятность обнаружения неправомерных действий [3, с 54]. Таким образом, установка на цифровую трансформацию государственных процессов представляет собой не просто актуальную необходимую меру, а целенаправленную комплексную стратегию, способствующую формированию эффективной антикоррупционной среды. Цифровизация государственного управления, интеграция механизмов контроля и мониторинга через

цифровые платформы ведет не только к повышению его эффективности и прозрачности, но и становится важной основой для формирования новой правовой культуры, основанной на принципах открытости и вовлеченности граждан в общественные процессы, что позволит не только снизить уровень коррупции, но и значительно повысить доверие граждан к институтам власти, тем самым содействуя их устойчивому развитию и укреплению демократии.

Важно понимать, что для достижения этих целей необходимо осуществление комплексных реформ и постоянное совершенствование законодательной базы, обеспечивающей баланс прав граждан и государства в условиях развития цифровых технологий. Российская Федерация представляет собой демократическое правовое государство с республиканской формой правления, которое основано на принципах верховенства права и обеспечения прав и свобод человека как важнейших ценностей государственной организации власти [4]. Система конституционных принципов, формирующая нормативную правовую основу государства, требует реализации декларированных правовых гарантий, чтобы избежать узурпации властных полномочий, которые народ делегирует своим представителям, и их применения в узкокорыстных интересах отдельных лиц или их групп [5]. Важнейшую роль в реализации конституционных правовых гарантий осуществляют институты общественного контроля, через которые граждане и различные негосударственные некоммерческие организации могут осуществлять надзор за деятельностью органов публичной власти. Такие институты общественного контроля посредством механизмов прозрачности и отчетности призваны следить за решениями, которые принимаются на уровне государственных структур, а также за действиями органов и учреждений, выполняющих определенные публичные функции, что, в свою очередь, является основой для стабилизации социальной среды и построения эффективного гражданского общества. Реализация, защита и охрана соответствующих прав и свобод граждан и различных групп граждан является обязанностью всех государственных органов. Ни один орган власти не может действовать вне рамок этой юридической обязанности, что подчеркивается как основными положениями Конституции Российской Федерации, так и многочисленными законами, регулирующими сферу прав человека. Таким способом, путем обеспечивая межотраслевых гарантий прав и свобод человека через механизмы общественного контроля, государство стремится к достижению сбалансированности интересов власти и общества, направляя данный механизм на предотвращение корруп-

ции и должностных злоупотреблений. Это служит основой для текущего и будущего экономического развития на базе формирования правового государства, в котором через повышение правосознания общественности и формирование активной гражданской позиции населения происходит усиление контроля над деятельностью лиц, наделенных властными полномочиями, со стороны гражданского общества и его институтов, не оставляя пространства для должностного произвола и коррупционных преступлений.

Важнейшим инструментом гражданского участия в борьбе с коррупцией на современном этапе развития становятся цифровые и информационные технологии. Модель электронного правительства, внедряемая в России, служит в числе прочего цели повышения прозрачности и публичности управленческих процессов, подразумевая использование современных информационных технологий и цифровых платформ для достижения более открытого взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом. В рамках этой модели акцент ставится на доступность информации, участие граждан в процессах принятия решений, а также на возможность мониторинга хода и показателей государственной деятельности. В рамках развития концепции электронного правительства в России были созданы такие сервисы как Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Единый портал Госуслуг (ЕПГУ), Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» (ЕПБС), Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУ), Единый портал прокуратуры Российской Федерации (СПО ЕПП), Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС), Государственная информационная система ЖКХ (ГИС ЖКХ) и другие.

Исследования, проведенные в большинстве стран, где была реализована стратегия электронного правительства, подтверждают существование заметных изменений в антикоррупционных показателях. Согласно данным Всемирного банка, внедрение электронных сервисов и систем управления значительно снижает риски коррупции, так как сделанные в электронном формате документы подвержены меньшему количеству манипуляций и позволяют легче отслеживать фактические действия чиновников, способствуют формированию более эффективных механизмов контроля и должностной подотчетности [12]. Следует отметить, что Россия входит в число стран с очень

высоким уровнем развития «электронного правительства», занимая 43 место в рейтинге стран по индексу E-Government Development Index (EGDI), который раз в два года публикует Департамент экономического и социального развития ООН. В 2024 году Россия по EGDI получила 0,8532 балла, немного опередив по данному показателю среди развитых стран Канаду [13].

Для успешной цифровизации государственного управления в контексте антикоррупционных мер необходимы механизмы, направленные не только на создание электронного правительства, но и на осуществление цифрового мониторинга эффективности работы этой системы. Большим шагом в данном направлении стало внедрение в нашей стране в 2022 году государственной информационной системы «Посейдон», целью которой является информационно-аналитическое обеспечение работы государственных органов и организаций, сосредоточенных на предотвращении коррупционных и иных правонарушений. Эта система призвана проводить анализ соблюдения законодательства, связанного с антикоррупционной деятельностью, а также проверять выполнение установленных норм и требований. Ключевая функция системы «Посейдон» заключается в автоматизации процессов сбора, хранения и анализа данных – система формирует статистическую и аналитическую информацию по вопросам соблюдения законодательства и осуществляет мониторинг действий государственных служащих, потенциально нарушающих антикоррупционные предписания, путем сбора, обобщения и анализа больших данных. Функционал «Посейдона» позволяет аккумулировать информацию о государственных служащих, включая данные не только о поданных ими декларациях, но и о возможных конфликтах интересов и других факторах, потенциально способствующих коррупционной деятельности. Данная система интегрируется с несколькими государственными базами данных, такими как Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг, Росимущество, что создает более полное представление о проверяемых лицах и их возможных коррупционных связях. Предполагается, что в будущем система «Посейдон» сможет формировать цифровой портрет потенциального коррупционера, отслеживая и анализируя связи должностных лиц через социальные сети и другие источники информации.

В мировой практике уже имеются прецеденты использования подобных систем на базе технологии искусственного интеллекта. В этом отношении наиболее интересен опыт Китая, где в 2012-2019 гг. была апробирована система «Zero Trust» («нулевое доверие»), обрабатывающая информацию из 150 закрытых правительственных

и местных баз данных для перекрестного контроля и спутниковых фотографий для проверки активности мероприятий по госконтрактам. За это время система выявила свыше 8000 нарушений коррупционного характера, хотя мониторинг был развернут только в 30 городах Китая, далеких от крупных политических центров. В 2019 году работа системы была приостановлена в связи с противодействием со стороны государственных служащих [14].

Модель «Zero Trust» представляет собой комплексную информационную архитектуру, которая в контексте борьбы с коррупцией проявляет свою эффективность благодаря применению многоуровневых алгоритмов анализа данных, позволяющих не только идентифицировать, но и системно анализировать поведенческие паттерны государственных служащих. Одним из центральных аспектов функционирования системы является выявление аномалий в финансовом поведении должностных лиц. К признакам коррупционного поведения могут относиться такие индикаторы, как резкое увеличение сбережений на банковских счетах чиновников или приобретение ими, либо членами их семей, дорогостоящих объектов, будь то автомобили, недвижимость или другие активы высокой стоимости. Система «Zero Trust» не ограничивалась мониторингом индивидуальных транзакций, она сопоставляла полученные данные с результатами государственных заданий, торгов и контрактов, что создавало возможность для детекции подозрительных транзакций в таких стратегически значимых областях, как государственная приватизация, строительство инфраструктурных объектов, процесс выкупа земельных участков, снос домов, осуществление закупок и т.д. На основе полученных данных система осуществляла расчет вероятности коррупционной связи, и если вероятность, вычисленная на основе алгоритмов, превышала установленный порог, то система уведомляла ответственных операторов для инициации дальнейшей юрисдикционной проверки или расследования. Считаем актуальным возможность рассмотрения схожих концептуальных и технологических подходов к выявлению коррупционно рискованных ситуаций и отношений с участием замещающих государственные должности лиц в антикоррупционной деятельности Российской Федерации, что будет служить развитию и совершенствованию регулятивных механизмов обеспечения соблюдения публичных и общественных интересов.

Как верно отмечается в литературе, китайский эксперимент с применением системы «Zero Trust» позволяет выявить критически важные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности

государства [6]. Специфика алгоритмов, используемых в данной системе, предполагает их высокую сложность и анализ данных по принципу «черного ящика», что может ограничивать понимание получаемых результатов. Идентифицируя коррумпированных государственных служащих, «Zero Trust» не предоставляла возможность объяснить логику выбора, поэтому в подавляющем большинстве случаев «попавшимся» чиновникам были сделаны лишь предупреждения.

Таким образом, современное развитие технологий в области искусственного интеллекта сталкивается с практической проблемой недостаточной объяснимости принятых решений, что значительно ограничивает возможности использования таких технологий для антикоррупционной борьбы, несмотря на их высокую продуктивность в выявлении коррупционных признаков и схем. Это обстоятельство подталкивает к необходимости формулирования четкого правового статуса для систем, основанных на технологии искусственного интеллекта. Один из подходов, касающийся регулирования использования искусственного интеллекта, предлагает избирательное применение норм, аналогичных законодательству об ответственности за действия животных. Авторы считают возможным провести параллель с поведением служебных собак, используемых для поиска по запаху: указание животного на конкретное лицо не может рассматриваться как достаточное доказательство его виновности, однако оно становится основанием для дальнейших расследований и сбора более убедительных доказательств, осуществляемых уполномоченными органами. Это подход соответствует принципу «достоверности» в праве, согласно которому любое доказательство должно быть проверяемым и обоснованным в рамках соответствующей юридической процедуры [7, с 50].

Действительно, в научной литературе имеются различные теоретические подходы к правовому положению искусственного интеллекта в структуре элементов как публично-правового, так и частного правоотношения; этому следует и различность в возможных оценках степени юридической самостоятельности содержания и результатов его технологического целевого, в том числе антикоррупционного применения. При этом подчеркивается, что фундаментальной и методологической основой создания правовых основ регулирования искусственного интеллекта и его производных технологий должны являться этические нормы и правила, базирующиеся на постулате о приоритетности обеспеченности прав человека в любом виде правоотношений, в которых задействован искусственный интеллект [8]. При таком подходе нормативное и правоприменительное

восприятие и толкование результатов применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности государства, где прямо и в максимально возможной степени затрагиваются государственные и общественные интересы, а также обеспечивается защищенность законных прав частных лиц, в том числе государственных служащих, должно происходить с пониманием юрисдикционной производности показателей и результатов применения рассматриваемых технологических средств. Считаем, что определение, рассмотрение и оценивание применимости искусственного интеллекта в целях информационной антикоррупционной работы государственных и общественных институтов подлежит осуществлению именно с прикладной точки зрения, а, следовательно, вспомогательной, но при этом методологически значимой, имея ввиду его практически неограниченный технологический инструментарий.

Сказанное означает, что на данном этапе развития технологии искусственного интеллекта должны восприниматься как вспомогательные инструменты, которые могут служить основой для последующего углубленного сбора и анализа доказательств, проводимого квалифицированными специалистами и компетентными должностными лицами, для принятия окончательного юридически обоснованного решения. Только нормативное определение четких правовых критериев для оценки выводов систем искусственного интеллекта способно обеспечить их легитимность в глазах общества и правосудия.

В дополнение к совершенствованию обозначенной системы антикоррупционного мониторинга, необходимо инициировать научные исследования в области адаптации технологий искусственного интеллекта для нужд общественного контроля над деятельностью государственных структур. Акцент должен быть сделан на теоретически и аналитически обоснованном определении перспектив и ограничений использования таких технологий, что позволит выработать более качественную правовую основу для их интеграции в организацию деятельности контролирующих субъектов. В условиях современных вызовов, стоящих перед институтом общественного контроля, становится очевидным, что его организация и реализация мероприятий требуют инновационного подхода с учетом стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Использование технологий искусственного интеллекта может существенно повысить оперативность анализа результатов мероприятий общественного контроля, включая возможность мониторинга в режиме реального времени. Такой подход позволяет не только адаптировать методы и формы

контроля к текущим условиям, но и осуществлять их масштабирование в зависимости от выявленной эффективности. Это открывает новые горизонты для повышения качества мониторинга и оценки мероприятий, что является особенно актуальным в условиях динамично меняющегося правового и социального контекста. Изложенные заключения основываются на современной авторитетной оценке текущих тенденций соотношения искусственного интеллекта и права как общественного регулятора, сформулированного, в частности, И.Ю. Богдановской о том, что «искусственный интеллект не привел к смене парадигм в праве... и ... нормативизм продолжает доминировать в его оценке», при этом происходит внедрение и инкорпорация технологической методологии в традиционную нормативную формально-логическую методологию правового исследования и правового регулирования [9].

Пока же в нашей стране существует явное несоответствие между требованиями современного общества к прозрачности, эффективности и надежности механизмов общественного контроля и действующей правовой реальностью. Открытие новых исследовательских горизонтов в данной области подразумевает комплексный пересмотр законодательной базы, в частности, формулирование и обсуждение соответствующих изменений в Федеральном законе от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», закрепляющих основы, порядок и методы применения технологий искусственного интеллекта в данном контексте. Важным шагом может стать инициатива Правительства Российской Федерации по запуску федеральных программ, направленных не только на развитие технологий искусственного интеллекта в целом, но и на создание специфических решений для общественного контроля, что будет способствовать формированию более устойчивой правовой среды и укрепит основы демократии в Российской Федерации.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что антикоррупционная политика представляет собой фундаментальный элемент государственного управления, который на современном этапе исторического развития следует курсу укрепления правовых основ, повышения прозрачности, цифровизации публичных услуг, а также систематического мониторинга и оценки эффективности применяемых инициатив. Цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта существенно трансформируют традиционные подходы к государственному управлению. В настоящее время право на доступ к информации становится неотъемлемым элементом демократического

общества, защищенным соответствующими международными и национальными нормами. В мировой практике разработка и реализация доктрины противодействия коррупции опирается на разнообразные модели и принципы, которые являются частью концепции «электронного правительства», подразумевающей внедрение цифровых и информационных механизмов, направленных в числе прочего на обеспечение транспарентности и подотчетности государственных органов гражданам и их объединениям. В целом, складывающаяся в России тенденция на более активное внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта в публичную сферу государственного управления, можно оценивать положительно, что, в том числе, актуализирует вопрос о выработке и нормативном закреплении методологии правового оценивания результатов, получаемых от систем искусственного интеллекта, и о перспективах развития института общественного контроля в антикоррупционной деятельности государства с их применением.

Список литературы:

- [1] Гарбатович Д.А. Проблемы внедрения и соблюдения в России международных антикоррупционных стандартов // Закон. 2022. №4. С. 91-100.
- [2] Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123-147.
- [3] Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения: научно-методическое пособие / Е.И. Добролюбова, А.В. Павлушкин, Э.Л. Сидоренко [и др.] ; под ред. В.Н. Южакова, А.М. Цирина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 156 с.
- [4] Гагиева Х. И., Костоева Ф. М. Роль государственных органов в борьбе с коррупцией в гражданской службе // Российский научный вестник. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korrupsiei-v-grazhdanskoy-sluzhbe> (дата обращения: 20.11.2025).
- [5] Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 164-189.
- [6] Минбалеева А.В., Евсикова К.С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 22.11.2025).

[7] Решетникова И.В. Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // Закон. 2025. №2. С. 50-58.

[8] Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 22.11.2025).

[9] Богдановская И., Васякина Е., Волос А., Данилов Н., Егорова Е., Калятин В., Карпенко О., Салихов Д. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Россия - Индекс коррупции // Trading Economics [Сайт]. - URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index> (дата обращения: 22.11.2025).

[11] Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Сайт]. - URL: <https://cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 22.11.2025).

[12] Борьба с коррупцией – информационная справка, 19 февраля 2020 // Всемирный банк [Сайт]. - URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet> (дата обращения: 22.11.2025).

[13] E-Government Development Index by Country December 2024 // The World Ranking [Сайт]. - URL: <https://www.theworldranking.com/statistics/712/e-government-development-index-by-country/> (дата обращения: 22.11.2025).

[14] Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient?, 4 Feb 2019 // South China Morning Post [Сайт]. - URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 22.11.2025).

References:

[1] D.A. Garbatovich. Problems of implementation and observance of international anti-corruption standards in Russia//Law. 2022. №4. S. 91-100.

[2] Ruvinsky R.Z. Data-driven regulation: from the rule of law to public loyalty programs//Antinomy. 2023. Vol. 23, no. 1. S. 123-147.

[3] Correlation of anti-corruption measures with the causes and conditions of its occurrence: scientific and methodological manual/E.I. Dobrolyubova, A.V. Pavlushkin, E.L. Sidorenko [and others]; ed. V.N.

Yuzhakova, A.M. Tsirina. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2023. 156 pp.

[4] Gagieva Kh. I., Kostoeva F. M. The role of state bodies in the fight against corruption in the civil service//Russian Scientific Bulletin. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korrupsiey-v-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 20.11.2025).

[5] Mochalov A.N. Digital traces of man and privacy //Antinomies. 2024. Vol. 24, no. 4. S. 164-189.

[6] Minbaleeva A V., Evsikova K S. Information technologies for combating corruption//SFU Journal. Humanities. 2021. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 22.11.2025).

[7] Reshetnikova I.V. Current trends in the development of evidence in arbitration, civil and administrative procedural law//Law. 2025. №2. S. 50-58.

[8] Belozertseva V.V. Legal regulation of artificial intelligence//Gaps in Russian legislation. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 22.11.2025).

[9] Bogdanovskaya I, Vasyakina E, Volos A, Danilov N, Egorova E, Kalyatin V, Karpenko O, Salikhov D. Artificial intelligence and law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Russia - Corruption Index//Trading Economics [Website]. - URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index> (дата обращения: 22.11.2025).

[11] Data of judicial statistics on corruption cases//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Website]. - URL: <https://cdep.ru/?id=150> (access date: 22.11.2025).

[12] The fight against corruption - information note, February 19, 2020//World Bank [Website]. - URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet> (дата обращения: 22.11.2025).

[13] E-Government Development Index by Country December 2024 // The World Ranking [Сайт]. - URL: <https://www.theworldranking.com/statistics/712/e-government-development-index-by-country/> (дата обращения: 22.11.2025).

[14] Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient?, 4 Feb 2019 // South China Morning Post [Сайт]. - URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 22.11.2025).

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: bezzateeva@inbox.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье анализируется современная парадигма защиты прав несовершеннолетних в цифровой среде в Российской Федерации, основанная на применении запретов и внешнего контроля. Существующие на сегодняшний день механизмы, сфокусированные на блокировании вредоносного контента и ограничении доступа, не в полной мере соответствуют вызовам, связанным с формированием цифровой личности несовершеннолетнего. В качестве альтернативы предлагается концепция «персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего», представляющая ребенка как активного субъекта цифровых правоотношений. В рамках данной концепции предложено ввести новые правовые определения: «цифровой опекун», «право на цифровое забвение для несовершеннолетних» и стандарт «информационного согласия». Законодательная реализация данной концепции позволит перейти от патерналистской модели к модели ответственной цифровой автономии, обеспечивающей не только безопасность, но и свободное развитие личности несовершеннолетнего в сети Интернет.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, персональные данные, защита несовершеннолетних в сети Интернет, информационная безопасность, право на забвение, семейное право, цифровая автономия.

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University of Aeronautical Instrumentation

THE CONCEPT OF PERSONAL DIGITAL SOVEREIGNTY OF MINORS IN RUSSIAN LAW

Annotation. This article analyzes the current paradigm for protecting the rights of minors in the digital environment in the Russian Federation, based on the use of prohibitions and external control. Current mechanisms, focused on blocking malicious content and restricting access, do not fully address the challenges associated with the development of minors' digital identities. As an alternative, the concept of "personal digital sovereignty of minors" is proposed, representing the child as an active subject of digital legal relations. Within the framework of this concept, it is suggested to introduce new legal definitions: "digital guardian," "the right to digital oblivion for minors," and an "information consent" standard. Legislative implementation of this concept will enable a transition from a paternalistic model to a model of responsible digital autonomy, ensuring not only the safety but also the free development of minors' personalities online.

Key words: digital sovereignty, personal data, protection of minors on the Internet, information security, the right to be forgotten, family law, and digital autonomy.

Развитие информационно-коммуникационных технологий оказало значительное влияние на повседневную жизнь современного общества, особенно на

формирование правовых норм, регулирующих деятельность лиц в цифровом пространстве. Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни сказалась на формировании

нового, цифрового измерения личности, которое у несовершеннолетних развивается параллельно с становлением их идентичности в реальном мире. Российский законодатель, осознавая риски, сформировал комплекс правовых мер, направленных на защиту детей в информационном пространстве. К ним относятся, прежде всего, Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и № 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливающий особый режим обработки персональных данных несовершеннолетних.

Однако, существующая система правовой защиты недостаточно адаптирована к специфическим особенностям поведения несовершеннолетних в условиях современных цифровых платформ. Вопросы ограничения доступа к нежелательной информации, конфиденциальности персональных данных и защиты частной жизни требуют особого подхода, учитывающего развитие цифрового сознания данной категории пользователей. Как отмечает С.В. Пузыревский, действующее регулирование носит фрагментарный и преимущественно «запретительный» характер. Оно направлено на ограждение ребенка от внешних угроз, но игнорирует его потребность в позитивной реализации своих прав и свобод в цифровой среде – права на получение информацию, на ассоциацию, на развитие личности. Такой патерналистский подход, при все его внешней эффективности, не способствует формированию у несовершеннолетнего цифровой грамотности и ответственного поведения, превращая его из потенциального субъекта правоотношений в объект опеки. [1, с.82]

Методология исследования

Исследование основано на теоретическом анализе отечественной и зарубежной литературы по вопросам психологии, педагогики и правовых основ защиты прав несовершеннолетнего в цифровой среде. Были использованы методы сравнительно-правового анализа подходов к регулированию цифровых прав детей в зарубежные страны, в частности Европейского союза, где развивается концепция «цифровой компетентности» для выявления общемировых тенденций и возможности адаптации отдельных элементов в российской правовой системе и правового моделирования для разработки новой правовой конструкции, и обоснования введения новых понятий, таких как «цифровой опекун», специальный режим «права на цифровое забвение».

Основным целями исследования являются:

Целью данного исследования является разработка и теоретическое обоснование концепции персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего гражданина, как новой философ-

ско-правовой основы для регулирования его взаимодействия с цифровой средой, способствующей формированию устойчивого понимания границ свободы действий в сети Интернет и обеспечивающей баланс между необходимостью родительского контроля и стремление ребенка к самостоятельной реализации своего потенциала.

Традиционная модель защиты, закрепленная в законодательстве Российской Федерации, может быть охарактеризована как «модель цифровой опеки». Ее суть заключается в том, что государство и родители выступают в роли фильтров, ограждающих несовершеннолетнего от цифровых рисков. Ярким примером является возрастная маркировка контента и блокировка сайтов с запрещенной информацией.

Однако, как отметил А.Г. Пшеничный, «право на безопасность не должно подменять собой право на развитие». [2, с. 13] Запреты не учат несовершеннолетнего критическому мышлению и не готовят его к самостоятельной жизни в цифровом мире, которая неизбежно наступит с достижением совершеннолетия.

Предлагаемая концепция персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего предполагает смену акцентов с защиты от цифровой среды к защите в цифровой среде и посредством нее. Основой концепции является три принципа:

1. Принцип признания цифровой личности: цифровая личность ребенка (его профили, данные, онлайн-поведение, создаваемый контент) является неотъемлемой частью его общего правового статуса и требует признания и защиты.
2. Принцип прогрессирующей автономии: объем цифровых прав и степень самостоятельности их осуществления должны расширяться по мере взросления и развития цифровой грамотности ребенка, что коррелирует с концепцией «evolving capacities of the child», закрепленной в Конвенции ООН о правах ребенка.
3. Принцип инструментального обеспечения: государство и закон должны предоставлять несовершеннолетнему и его законным представителям не запреты, а инструменты для безопасного, осознанного и суверенного управления своей цифровой жизнью. Данный подход находит косвенную поддержку в статье 18 Конституции РФ, которая закрепляет что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующим. Они определяют смысл, содержание и применение законов...», что в полной мере относится и к несовершеннолетним.

Опыт ряда европейских государств демонстрирует необходимость комплексного подхода к обеспечению персонального цифрового суверенитета несовершеннолетних. В Германии действует Закон о защите несовершеннолетних (нем. Jugendschutzgesetz или JuSchG), предусматривающий защиту данной категории в медиа-индустрии, в том числе, закрепляющий строгие требования к операторам социальных сетей и мобильных приложений, направленных на детскую аудиторию. Аналогичные тенденции развиваются в Великобритании, Франции и Нидерландах.

Для реализации предложенной концепции в правовой плоскости необходимо введение в российское законодательство ряда новых понятий:

1. «Цифровой опекун» как альтернатива родительскому контролю, подразумевает внедрение аппаратно-программного комплекса или функций на уровне операционной системы либо браузера, наделенные особым правовым статусом, вместо тотального родительского надзора, который часто технически неосуществим или нарушает личное пространство несовершеннолетнего. «Цифровой опекун» будет исполнять несколько основных функций:
 - Толкование соглашений. В режиме реального времени, при регистрации на новой платформе или принятии пользовательского соглашения, «опекун» будет анализировать текст и предоставлять ребенку краткую, понятную выжимку на естественном языке: например - «это приложение запрашивает доступ к твоей геолокации и контактам, это означает, что...».
 - Оценка рисков. Алгоритм будет оценивать степень риска совершаемых цифровых действий (например, передача фото незнакомцу или переход по фишинговой ссылке) и информировать о них пользователя.
 - Настройка приватности «по умолчанию». «Цифровой опекун» будет автоматически активировать максимальные настройки конфиденциальности для всех новых сервисов.

Правовой статус «цифрового опекуна» может быть закреплен в статье 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и в статье 2 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Закона) как санкционированное государством средство обеспечения безопасности.

2. «Право на забвение для несовершеннолетних», ст. 10.3 Закона № 149-ФЗ закрепляет право на забвение, позволяющее гражданину требовать удаления ссылок на неакту-

альную информацию. Для несовершеннолетних видится актуальным закрепление абсолютного права детей на удаление любого цифрового контента, который он создал или который был о нем размещен до достижения пользователем 16-летнего возраста. Это право может быть реализовано по его единоличному заявлению, без необходимости доказывания неактуальности информации. Данная норма будет служить защитой формирующейся идентичности ребенка от долгосрочных последствий его необдуманных онлайн-действий, о чем указывает М.А. Лаврик в своей работе «Цифровая личность и право»: «формирование цифровой биографии является неотъемлемым элементом права на личное развитие». [3]

3. Стандарт «информированного согласия». П. 1 ст. 9 Федерального закона № 152 требует получения согласия на обработку персональных данных несовершеннолетних от их законных представителей. [2, п.1 ст. 9] Однако данный подход игнорирует мнение самого ребенка. В связи с этим, предлагается ввести прогрессивную модель согласия – стандарт «информированное согласие», который будет включать в себя:
 - Обязательную верификацию возраста онлайн-платформой.
 - Двухуровневое согласие. Для детей до 14 лет – согласие родителей с обязательным учетом мнения ребенка (если он способен его выразить), для лиц от 14 до 18 лет – согласие самого несовершеннолетнего, но с уведомлением родителей.
 - Интерактивный модуль проверки осознанности и понимания. Перед принятием согласия несовершеннолетний должен в интерактивной форме (например, в формате мини-теста) подтвердить, что он понимает, какие данные собираются и для каких целей.

Данная конструкция развивает принцип, заложенный в ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации – право ребенка выражать свое мнение, - и адаптирует его к цифровой среде.

Концепция персонального цифрового суверенитета несовершеннолетнего предлагает эволюцию отечественного правопорядка в направлении от патерналистской опеки к модели, основанной на доверии, образовании и предоставлении инструментов для самозащиты. Несовершеннолетний перестает рассматриваться как пассивный объект угроз и становится активным субъектом, способным осознанно управлять своей цифровой жизнью.

Внедрение предложенных правовых понятий «цифрового опекуна», «право на забвение для несовершеннолетних» и стандарта «информационного согласия» требует системных изменений и адаптации существующего законодательства к новым реалиям. Данная концепция должна учитывать особенности психического развития, степень осознания рисков и возможности позитивного влияния участия несовершеннолетнего в виртуальном взаимодействии.

Список литературы:

[1] Пузыревский С.В. Защита персональных данных несовершеннолетних: проблемы теории и практики. // Журнал «Закон» — 2020. — №5. — С. 78-92.

[2] Пшеничный А.Г. Цифровизация и права ребенка: новые вызовы для семейного права. // Журнал «Семейное и жилищное право». — 2021. — №4. — С. 12-16.

[3] Лаврик М.А. Цифровая личность и право: монография // М.: Проспект, 2022. — 256 с.

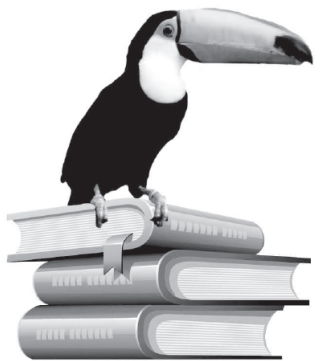
References:

[1] Puzyrevsky S.V. Protection of personal data of minors: problems of theory and practice. //Journal "Law" - 2020. — №5. — С. 78-92.

[2] Wheat A.G. Digitalization and child rights: new challenges for family law. //Journal "Family and housing law." — 2021. — №4. - S. 12-16.

[3] Lavrik M.A. Digital personality and law: monograph//M.: Prospect, 2022. - 256 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

О ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ, ДОХОДНОСТЬ ПО КОТОРЫМ СВЯЗАНА С КРИПТОВАЛЮТОЙ

Аннотация. В настоящей статье исследуются особенности развития финансового рынка с учетом начала использования на регулируемом рынке инструментов, доходность по которым связана со стоимостью криптовалюты. В законодательстве России пока отсутствует термин «криптовалюта». Однако нормативно урегулирован статус цифровой валюты, цифровых финансовых активов, а также иностранных цифровых прав, которые при выполнении нормативных требований могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав. Вместо термина «криптовалюта» оперируют в большей части определением «цифровая валюта», хотя последний не является полным аналогом «криптовалюты».

В связи с отсутствием достаточной правовой регламентации непосредственные договоры купли-продажи криптовалюты не заключаются ни на биржевых лицензированных биржах, ни в банковской сфере.

Выпуск Центральным банком Российской Федерации информационных писем от 28 мая 2025 г. ознаменовал своего рода переходный период к становлению криптовалютного сектора финансового рынка (биржевого и внебиржевого). В статье анализируется практика биржевых торгов с производными финансовыми инструментами на индексы биткоина (MOEXBTC) и эфира (MOEXETH). Банки также начали выпуск инструментов для инвестиций криптовалюты в структурные облигации и цифровые финансовые активы. Эти инструменты предусматривают право их владельцев на получение выплат по ним в зависимости от изменения базовой цены на криптовалюту.

В статье рассматриваются позиция Банка России относительно привлечения как квалифицированных, так и не квалифицированных инвесторов на рынок со сделками с криптовалютными активами.

В работе анализируется судебная практика по сделкам со стейблкоинами, их квалификация по российскому законодательству, а также право владельцев этих финансовых инструментов на защиту их прав в суде.

Наряду с иными юристами автор работы предлагает ввести комплексное регулирование криптовалютного сектора финансового рынка, в том числе уточненные определения цифровой валюты и цифровых финансовых активов, особенности совершения квалифицированными инвесторами сделок; совершенствование внутреннего контроля и системы управления рисков брокеров, разработку обеспечительных механизмов противодействия волатильности, а также мер защиты прав потребителей, в том числе их прав на защиту в судебном порядке.

Ключевые слова: финансовый рынок, финансовые инструменты, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, структурные облигации, доходность, криптовалютный обменник, квалифицированные инвестор, волатильность рынка, стейблкоин.

VILDANOVA Marina Mikhailovna,
PhD in Law, Leading Researcher at the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

ABOUT FINANCIAL INSTRUMENTS WHOSE INCOME IS LINKED TO CRYPTOCURRENCY

Annotation. *This article explores the features of the financial market's development, taking into account the introduction of instruments in the regulated market whose profitability is linked to the value of cryptocurrencies. The term "cryptocurrency" is not yet available in Russian legislation. However, the status of digital currency, digital financial assets, and foreign digital rights, which can be classified as digital rights under certain regulatory requirements, is regulated. Instead of the term "cryptocurrency," the term "digital currency" is mostly used, although the latter is not a complete substitute for "cryptocurrency."*

Due to the lack of sufficient legal regulation, direct cryptocurrency purchase and sale contracts are not concluded on licensed stock exchanges or in the banking sector.

The release of information letters by the Central Bank of the Russian Federation on May 28, 2025 marked a transition period towards the development of the cryptocurrency sector in the financial market (both exchange-traded and non-exchange-traded). The article analyzes the practice of exchange trading with derivatives on Bitcoin (MOEXBTC) and Ether (MOEXETH) indices. Banks have started issuing instruments for investing in cryptocurrencies in the form of structural bonds and digital financial assets. These instruments provide their owners with the right to receive payments based on changes in the underlying cryptocurrency price.

The article discusses the Bank of Russia's position on attracting both qualified and non-qualified investors to the market with transactions with cryptocurrency assets.

The paper analyzes the judicial practice on transactions involving stablecoins, their classification under Russian law, and the right of the owners of these financial instruments to protect their rights in court.

Along with other lawyers, the author of the work proposes to introduce comprehensive regulation of the cryptocurrency sector of the financial market, including refined definitions of digital currency and digital financial assets; peculiarities of transactions performed by qualified investors; improving internal control and risk management system of brokers, developing security mechanisms to counter volatility, as well as measures to protect consumer rights, including their rights to protection in court.

Key words: *financial market, financial instruments, cryptocurrency, digital financial assets, digital currency, structural bonds, profitability, cryptocurrency exchange, qualified investor, market volatility, stablecoin.*

Термин «криптовалюта» является далеко не однозначным. В одних странах криптовалюта запрещена (Алжир, Вьетнам, Ирак и др.), а в других – виды криптовалюты закреплены в законодательстве (Япония, Швейцария и т.д.). Существующие технологии организации распределенных реестров влияют и на содержание самих инструментов.

Интересен опыт создания комплексного регулирования в США, где разработан пакет законов, связанных с регламентацией криптовалют, в том числе Закон 2025 года о регулировании рынка цифровых активов (Digital Asset Market Clarity Act of 2025), Закон о руководящих принципах и создании условий для национальных инноваций в сфере стейблкоинов США (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act) и Закон о предотвращении использования цифровой валюты Федеральной резервной системе (Anti-CBDC Surveillance State Act) [1].

На уровне законодательства США устанавливается четкое распределение полномочий между Комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) и Комиссией по торговле товарными фьючерсами (CFTC). В законе определены токены как товар, а не как ценная бумага. Для повышения

целостности рынка вводится режим регистрации для брокеров цифровых товаров, дилеров цифровых товаров и бирж цифровых товаров. Эти ограничения должны соблюдать разделение средств клиентов (защита активов инвесторов), ведение и учет (обеспечение прозрачности), протоколы управления исками (снижение системных рисков). Закон гарантирует право на самостоятельное хранение цифровых активов с использованием аппаратных или программных кошельков личного пользования. В законодательстве закрепляется также нормативное требование о 100% обеспечении всех выпущенных стейблкоинов высоколиквидными активами. Если юридическое лицо выпустило токенов на сумму 1 млрд долларов, то на его резервных счетах должно находиться 1 млрд долларов или быть инвестированными в государственные облигации. Состав резервов подлежит ежемесячной публикации. Законом определены четкие ограничения на круг лиц, которым разрешено выпускать стейблкоины. Для совершенствования работы юридических лиц на рынке криптовалюты установлены обязательства по проведению ежегодного аудита, внедрения политики «Знай своего клиента» и принятию мер по противодействию отмыванию денег.

Из-за различного правового регулирования в ряде стран сделок с криптовалютой в России сложно найти полную аналогию с указанными финансовыми инструментами. На законодательном уровне в настоящее время даны определения цифровых финансовых активов, цифровых валют, а также иностранных цифровых прав.

Согласно Федеральному закону от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон № 259), цифровыми финансовыми активами признаются финансовые инструменты, которые удостоверяют цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и иные права, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов. При этом выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

В свою очередь цифровой валютой является совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и/или международной денежной или расчетной единицей, и/или в качестве инвестиций.

Иностранные цифровые права - это права, обращающиеся в зарубежных информационных системах, которые Россия начала допускать к обращению на своих платформах с 2024 - 2025 гг. после принятия Федерального закона от 8.08.2024 г. № 221 - ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты». Они могут обращаться в России, если по своему содержанию аналогичны российским цифровым финансовым активам. Иностранные цифровые права не должны быть связаны с ценными бумагами, выпущенными недружественными эмитентами, не должны удостоверяют права на получение криптовалюты или иностранных цифровых прав, которые не допущены к обращению на территории России. Кроме того, они не должны подпадать под юрисдикцию недружественных судов, а покупать их могут только квалифицированные – инвесторы (юридические лица).

В ряде нормативных актов (Законе № 259, Федеральном законе от 07.08.2001 №115 (ред. 15.12.2025 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ с изм.

от 17.12.2025 г. «Об исполнительном производстве», Налоговом кодексе Российской Федерации и др.) даны уточнения определения цифровой валюты, которая в целях указанных законов признается имуществом.

В ходе разработок в области новых цифровых инструментов вышло немало юридических исследований о перспективах их развития. К примеру, заслуживают особого внимания, совместная статья Л.А. Новоселовой и О.А. Полежаева, где содержится критика подхода отечественного законодателя к функциональной модели цифровых финансовых активов [2], статья Захаркиной А.В., в которой анализируются основы цивилистической теории цифровых финансовых активов [3]; работа Ефимовой Л.Г. о совершенствовании теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики [4].

Импульсом для развития новых институтов на финансовом рынке стал выпуск Банком России информационных писем от 28.08.2025 г. [5] о том, что финансовые организации могут предлагать квалифицированным инвесторам ценные бумаги, производные финансовые инструменты и цифровые финансовые активы, доходность по которым зависит от стоимости криптовалюты. Такие инструменты не должны предусматривать фактическую поставку криптовалюты.

В целях ограничения рисков кредитных организаций, связанных с осуществлением ими операций с указанными финансовыми инструментами, Банк России планировал установить отдельные требования для расчета собственных средств и обязательных нормативов кредитных организаций (банковских групп). До установления такого регулирования кредитным организациям было рекомендовано консервативно оценивать риски по указанным вложениям (операциям), предусмотрев полное покрытие собственными средствами стоимости прямых и/или косвенных вложений в цифровые валюты.

Пока оборот криптовалюты на лицензированных биржах запрещен. Поэтому лидер финансового рынка Публичное акционерное общество «Московская биржа ММББ-РТС» (далее - Московская биржа) начал операции не со спота, а с операций на срочном рынке.

Московская биржа утвердила Спецификацию фьючерсных контрактов на акции инвестиционных фондов, отслеживающих стоимость цифровых валют (Приказ № МБ-П-2025-2858 от 29 июля 2025 г. [6]). На основании указанной спецификации, «Правил организованных торгов на срочном рынке ПАО Московская биржа» и «Правил оказания клиринговых услуг на Срочном рынке ПАО Московская биржа» определен порядок возникновения, изменения и прекращения обязательств по

расчетному фьючерсному контракту на акции инвестиционных фондов, отслеживающих стоимость цифровых валют.

Согласно п. 3 Указания Банка России от 16.02.2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» фьючерсным договором признается заключаемый на биржевых торгах договор, предусматривающий обязанность каждой из сторон договора периодически уплачивать денежные суммы в зависимости от изменения цен (значений) базисного актива и (или) наступления обстоятельства, являющегося базисным активом.

Фьючерсные контракты, обращаемые на ПАО Московская биржа, являются расчетными и по ним реальной поставки базового актива не происходит. В утвержденный на бирже список параметров фьючерсных контрактов были внесены следующие контракты: фьючерсный контракт на акции инвестиционного фонда IBIT Trust ETF, которые начали торговаться с 4 июня 2025 г., и фьючерсный контракт на акции инвестиционного фонда ETHA Trust ETF (с 5 августа 2025 г.). Оба фьючерса доступны для сделок только квалифицированным инвесторам. При подаче заявки указывается цена в долларах США. Минимальное изменение цены в ходе торгов рассчитывается в российских рублях по курсу доллара США к российскому рублю. Стороны уплачивают друг другу денежные средства (вариационную маржу) в сумме, размер которой зависит от изменения значений базисного актива. В соответствии с методикой, утвержденной биржей, каждый день биржа начисляет или списывает денежные средства в зависимости от того, как изменилась цена на актив. Окончательный расчёт производится в деньгах: одна сторона контракту выплачивает другой разницу между ценой актива на момент заключения контракта и той, которая зафиксирована на дату истечения срока сделки.

18 ноября 2025 г. Московская биржа начала торги на срочном рынке расчетными фьючерсами на индексы биткоина (MOEXBTC) и эфира (MOEXETH). Значения данных индексов отражает стоимость криптовалюты и расчет происходит на основании цен акций иностранных биржевых фондов, в активы которых включены криптовалюты. Эти финансовые инструменты не предполагают поставки цифровой валюты. Сделки осуществляются на основании спецификации Московской биржи по фьючерсам на индексы BTC и ETH. При необходимости обратить внимание на хеджирование позиций на спотовом рынке на бирже, где можно застраховаться от падения цен через продажу фьючерса.

В ноябре с.г. на срочном рынке ПАО Московской биржи объем торгов новыми инструментами

превысил 9 млрд руб. Результат весьма существенный. Но следует отметить, что не все участники рынка торопятся вкладываться в такого рода инструменты, в связи с отсутствием правового регулирования и возникающих в связи с этим рисками. Однако в перспективе индекс может быть использован как базовый актив для финансовых инструментов. На сегодня фактически значение индекса биткоина совпадает с ценой биткоина на международных криптобиржах. Расчеты проводятся на основе данных 4 криптобирж: Binance, Bybit, OKX и Bitget.

Представитель инвестиционной компании УК «ДОХОДЪ» В.Лобов «к преимуществам нового фьючерса и других рублевых криптоинструментов относит расширение возможности для диверсификации вложений, в первую очередь у инвесторов с крупными сбалансированными портфелями» [7]. Однако одновременно он подчеркивает и недостатки использования криптовалют, заключающиеся в том, что на формирование цены влияет высокая волатильность и отсутствие зрелых механизмов ценообразования.

На проблемы развития финансового рынка с использованием криптовалюты в настоящее время обратил внимание в своем интервью первый заместитель председателя Банка России Чистюхин В.В., который отметил, что принципиально важно является «обелить» сектор криптовалюты финансового рынка», для чего необходимо не только создать правила проведения операций с криптовалютой, но и при этом установить жесткие ограничения незаконных операций [8].

Если обратиться к практике крупных банков, то они не осуществляют продажу криптовалюты напрямую. Вместе с тем некоторые из них выпускают финансовые инструменты с привлечением криптовалютных активов. Так, Альфа-банк начал выпуск цифровых финансовых активов на биткоин и эфир. Сбербанк предлагает клиентам инструменты для инвестиций в криптовалюты – в структурные облигации и цифровые финансовые активы. Структурные облигации – это облигации, предусматривающие право их владельцев на получение выплат по ним в зависимости от наступления или ненаступления определенных обстоятельств. Доход по структурным облигациям зависит от изменения базовой цены на криптовалюту. Цифровые финансовые активы также привязаны к стоимости криптовалюты. К примеру, эмитент выпускает 1 цифровой финансовый актив, который соответствует 0,001 биткоина. Эти инструменты позволяют инвестировать в биткоин (BTC) и эфир (ETH).

Сбербанк в декабре 2025 года также провел первое размещение корпоративного кредита майнеру криптовалюты АО «Интелион Дата», обеспе-

ченного криптовалютой. Обеспечением стала цифровая валюта, полученная самим майнером. В указанной сделке Сбербанк использовал собственную разработку для хранения криптовалюты с применением аппаратного решения «Рутокен». Это гарантирует сохранность актива на период кредитования. Данная сделка позволила протестировать механизмы работы с цифровым обеспечением, которые могут лечь в основу будущего регулирования.

При проведении указанных выше операций из-за отсутствия четкой регуляторной базы нельзя полностью исключить риски высокой волатильности, угрозы кибербезопасности и возникновения иных рисков. Для снижения рисков разумна диверсификация инвестиций по различным криптоактивам, вложение средств в другие активы, такие как акции, облигации, драгоценные металлы, а также страхование портфеля инвестиций. Целесообразно было бы разработать дополнительные средства обеспечения, которые были бы одобрены регулятором и впоследствии внесены в законодательство.

Многие граждане России пользуются иностранными криптоплатформами и объемы такой торговли исчисляются триллионами рублей. Вместе с тем имеют место и судебные процессы в связи с недобросовестной практикой.

Иногда в судебном порядке требуется подтвердить перевод криптовалюты между сторонами. Так, в судебном процессе в Тюменской области суд потребовал подтверждения наличия криптовалюты у сторон [9]. Согласно материалам дела истец перевел средства на карту ответчика и ожидал встречного перевода криптовалюты. Но перевод не был сделан и истец заявил иск о возврате неосновательного обогащения. Ответчик привел в качестве доказательства документы о нотариальном осмотре аккаунта на площадке частного обмена криптовалютой. Но суд не признал их достаточным доказательством и перевод был признан неосновательным обогащением ответчика.

Встречаются судебные процессы при нарушении прав при майнинге стейблкоинов, в частности, отказ в судебной защите. Например, Тимченко Д.И. обратился с жалобой на отказ судов в судебной защите в указанной ситуации в Конституционный Суд Российской Федерации.

В 2023 г. Тимченко Д.И. купил у физлица за 81 500 руб. 1000 единиц USDT (United States Dollar Tether). Это стейблкоины, которые привязаны к доллару США в соотношении 1:1. Тимченко Д.И. передал этот актив в управление иному лицу для продажи на бирже и получения прибыли. Он не только не получил прибыль, но и стейблкоины ему

не были возвращены, в связи с чем Тимченко Д.И. обратился в суд для истребования имущества из чужого незаконного владения.

Суды отказали в удовлетворении требования, указав, что истец не сообщил налоговому органу об обладании цифровой валютой и совершении с ней сделок, что требуется статьей 14 Закона № 259. Без такого уведомления требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, судебной защите не подлежат.

По мнению заявителя, отказ судов создает неравенство между обладателями цифровой валюты и иными собственниками и является нарушением Конституции Российской Федерации. Кроме того, признаком цифровой валюты является отсутствие лица, обязанного перед каждым ее обладателем. Стейблкоин USDT представляет собой токен, обеспеченный долларом США, выпускается иностранной компанией Tether Limited и, следовательно, не является цифровой валютой.

Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» часть 6 статьи 14 указанного закона признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1), в той мере, в какой она препятствует судебной защите требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и ее использования в обороте. Таким образом, судебные постановления, вынесенные по делу с участием Тимченко Дмитрия Игоревича, подлежат пересмотру в установленном в законе порядке.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации также предусмотрено, что «федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящей Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения» [10].

Для практического применения вышеуказанных финансовых инструментов действительно важно толкование Конституционным Судом Российской Федерации порядка рассмотрения аналогичных споров и норм действующего законодательства.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что стейблкоины – это финансовые инструменты, стоимость которых привязана к стабиль-

ному активу, как правило, фиатной валюте, такой как доллар, евро, а иногда и к золоту. Их функцией во многом является снижение волатильности таких активов, как биткоин (BTC) или эфириум (ETH). Внедрение таких инструментов было бы полезно для создания безопасной связи между традиционной финансовой системой и криптовалютными операциями.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что в России пока отсутствует комплексное правовое регулирование обращения криптовалюты. С учетом потребностей финансового рынка в настоящее время Банк России [11] разработал концепцию по регулированию криптовалют на российском рынке, согласно которой предусматривается подготовка законодательной базы до 1 июля 2026 года. В соответствии с концепцией, цифровые валюты и стейблкоины признаются валютными ценностями, их можно покупать и продавать, однако ими нельзя рассчитываться внутри страны. С криптоактивами смогут работать как квалифицированные, так и неквалифицированные инвесторы, но для каждой категории будут установлены свои правила. Операции с криптовалютами можно будет совершать через биржи, брокеров и доверительных управляющих, которые будут действовать на основании соответствующих лицензий. С криптовалютами будут работать только специальные депозитории и лицензируемые обменники.

Новое регулирование затронет и российский рынок цифровых финансовых активов. Оборот цифровых финансовых активов и иных российских цифровых прав (утилитарных, гибридных) будет разрешен в открытых сетях. Это должно создать для эмитентов возможность свободно привлекать инвестиции из-за рубежа, а клиентам – приобретать цифровые инструменты на выгодных условиях.

Наряду с вышеизложенным предполагается внесение изменений в административное и уголовное законодательство путем введения ответственности за незаконную деятельность лиц, осуществляющих посреднические функции на финансовом рынке по аналогии с ответственностью за нелегальную банковскую деятельность.

Принятие указанных выше мер должно привести к созданию регулируемого криптовалютного сегмента российской финансовой системы.

Список литературы:

- [1] Сайт: [https:// financialservices.hous.gov/news/document/single/asrx](https://financialservices.hous.gov/news/document/single/asrx).
- [2] Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики// Власть Закона. 2021. № 2.

[3] Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов// Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2022, № 3.

[4] Ефимова Л.Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики //Право и цифровая экономика, 2022, № 3.

[5] Информационное письмо Банка России от 28.05.2025 г. № ИН-018-52/86 «О совершении операций с отдельными финансовыми инструментами и цифровыми финансовыми активами», Информационное письмо Банка России от 28.05.2025 г. № ИН-03-23/87 «Информационное письмо Банка России в отношении операций кредитных организаций с цифровыми валютами и финансовыми инструментами, зависящими от цен (курсов) цифровых валют» /<https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/41198732>

[6] Сайт: <https://www.moex.com/n95947nt=106>

[7] Сайт: <https://dzen.ru/a/aEu5RGSZ-YHY8oZoN>

[8] Принципиально важно обелить рынок криптовалют в России. 11 декабря 2025 г. <https://cbr.ru/press/event/28179>

[9] Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 11.10.2017 г. по делу № 2-776/2017. Определение Тюменского областного суда 24.01.2018 г. по делу № 33-245/2018/<https://kmcon.ru/articles/jurist/sudebnaya-praktika-podelam-s-ispolzovaniem-kriptoaktivov.html>

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И. /<https://www.ksrf.ru>

[11] Будущее рынка криптовалют: предложения Банка России/ <https://cbr.ru/press/event/28213>

References:

- [1] Сайт: [https:// financialservices.hous.gov/news/document/single/asrx](https://financialservices.hous.gov/news/document/single/asrx).
- [2] Novoselova L.A., Polezhaev O.A. Digital financial assets as objects of property relations: current issues of theory and practice//Power of Law. 2021. № 2.
- [3] A.V. Zakharkina. Fundamentals of civil theory of digital financial assets//Bulletin of Perm University. Legal Sciences, 2022, No. 3.
- [4] Efimova L.G. Improving the theory of monetary obligations in the era of the digital economy//Law and the Digital Economy, 2022, No. 3.
- [5] Bank of Russia Information Letter No. IN-018-52/86, dated 28.05.2025, "On Transactions

with Certain Financial Instruments and Digital Financial Assets,” Bank of Russia Information Letter No. IN-03-23/87, dated 28.05.2025, “Bank of Russia Information Letter on Credit Institutions” Transactions with Digital Currencies and Financial Instruments that Depend on Prices (Rates) of Digital Currencies “/ <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/41198732>

[6] Site: <https://www.moex.com/n95947nt=106>

[7] Сайт: <https://dzen.ru/a/aEu5RGSZYHY-8oZoN>

[8] It is fundamentally important to whitewash the cryptocurrency market in Russia. December 11, 2025 <https://cbr.ru/press/event/28179>

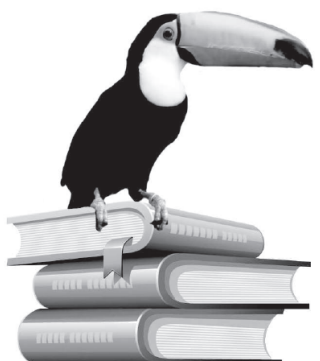
[9] Decision of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region of 11.10.2017 in case

No. 2-776/2017. Determination of the Tyumen Regional Court of 24.01.2018 in case No. 33-245/2018/<https://kmcon.ru/articles/jurist/sudebnaya-praktika-po-delam-s-ispolzovaniem-kriptoaktiv.html>

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P on the case on verification of the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen D.I. Timchenko/<https://www.ksrf.ru>.

[11] Future of the cryptocurrency market: Bank of Russia offers/ <https://cbr.ru/press/event/28213>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-699-704

СОВИНА Анна Рудольфовна,
ассистент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: rudolfvna15@mail.ru

ДРАГАНЧУК Александр Васильевич,
студент кафедры публичного права
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: alekdraganchuk@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена активным развитием искусственного интеллекта и его внедрения в различные сферы, включая правоохранительные органы. В настоящее время применение ИИ в оперативно-розыскной деятельности ограничено, что не соответствует современным вызовам. В статье рассматриваются возможности использования ИИ и больших данных для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью. Особое внимание уделяется «электронно-цифровым следам» как важной информации для криминалистики. Авторами предлагается создать программное обеспечение для непрерывного мониторинга преступной активности в Интернете, что позволит оперативно выявлять значимую информацию. Это повысит качество планирования и проведения операций в киберпространстве.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, искусственный интеллект, киберпространство, цифровой след, преступность, большие данные.

SOVINA Anna Rudolfovna,
Assistant of the Department of Civil Law
of Saint Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

DRAGANCHUK Aleksandr Vasilyevich
student of Department Public Law
Saint-Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation
Saint-Petersburg

PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES ON THE INTERNET

Annotation. The relevance of the topic is due to the active development of artificial intelligence (AI) and its implementation in various fields, including law enforcement agencies. Currently, the use of AI in operational investigative activities is limited, which does not meet modern challenges. The article discusses the possibilities of using AI and big data to increase the effectiveness of combating cybercrime. Special attention is paid to "digital footprints" as important information for criminology. The authors propose to create software for continuous monitoring of criminal activity on the Internet, which will quickly identify relevant information. This will improve the quality of planning and conducting operations in cyberspace.

||| **Key words:** *operational investigative activities, artificial intelligence, cyberspace, digital footprint, crime, big data.*

Введение

Преступность, как социальное и правовое явление, обладает изменчивой природой, в результате которой совершенствуются методы совершения преступлений, а также появляются новые виды общественно-опасных деяний. Ответ государства в таком случае должен быть незамедлительным и беспощадным. Для ведения эффективной борьбы органам государственной власти сперва необходимо достичь качественно нового уровня своего технологического, кадрового и правового оснащений.

В настоящий момент технологией, от освоения которой зависит успешная деятельность в последующие десятилетия как отдельных сфер государства (например, правоохранительной), так и всей страны и общества, является технология искусственного интеллекта (далее - ИИ). Важность её отмечалась Президентом РФ: «Значение прорывов в сфере искусственного интеллекта колоссально. От того, каких результатов мы добьёмся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны, наши возможности на качественно новом уровне решать задачи экономического, промышленного, социального развития, создавать широкие условия для самореализации граждан, для запуска общественных инициатив» [1].

Общий план и цели развития ИИ в России нашли свое отражение в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года. В ней ИИ описывают как комплекс технологий, имитирующих когнитивные функции человека и включающих инфраструктуру, программное обеспечение и обработку данных. [2].

Результаты и обсуждение

Несомненно, одна из перспективных сфер применения технологий ИИ в рамках борьбы с преступностью – оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). Уже сейчас некоторые из таких технологий применяются для решения оперативных задач. Среди них: алгоритмы ИИ, способные распознавать и выявлять в транспортном потоке подозрительные или украденные транспортные средства (отчасти благодаря этому в 2022 году в Санкт-Петербурге на 12,3% повысилась раскрываемость краж транспортных средств, а число таких преступлений планомерно сокращается с 2016 года) [3, с. 51]; программы машинного распознавания образов, способные выявлять и распознавать как неодушевленные объекты, так и лиц находящихся в розыске или представляю-

щих оперативный интерес; программы на основе технологий ИИ, нацеленные на эффективную и не требующую труда человека обработку больших объемов данных, документной информации и т.д. с последующей систематизацией; и др. Однако, применение программ, основанных на технологии ИИ, в ОРД на данный момент носит фрагментарный и эпизодический характер, что не в полной мере отвечает современным вызовам, с которыми сталкиваются правоохранительные органы. Стоит обозначить, что во всех вышеперечисленных случаях речь идет о применении технологий так называемого «слабого ИИ» (также называемого прикладным или узким), предназначенного для какой-либо одной интеллектуальной задачи или их небольшого множества, которые не подразумевают наличия у компьютера подлинного сознания [4, с. 130].

Интерес пользователей Интернета к применению ИИ для предотвращения и раскрытия преступлений растет. Цифровая преступность стала обычным явлением, с увеличением новых видов противоправных действий. Интернет служит площадкой для разнообразной активности человека и общества, а также катализатором общественных отношений. Анонимность в Сети позволяет людям делиться информацией, включая планы преступлений, что подтверждается случаями, когда пользователи обсуждали свои намерения в социальных сетях перед совершением деяний. Искренность, с которой люди могут делиться различной информацией, в том числе своими помыслами, в Интернете, при наличии некоторой (зачастую мнимой) анонимности, поражает воображение. Наглядный пример этого явления – неоднократные случаи освещения субъектами своих планов по совершению преступлений на своих страницах в социальных сетях и т.п. непосредственно перед совершением такого деяния.

В частности, подобные действия были совершены: устроившим стрельбу в школе № 175 в Казани – он упомянул о своих планах в созданном для этого Telegram-канале непосредственно перед нападением [5]; напавшим на школу № 4 в посёлке Большевик в Вольске – накануне нападения он опубликовал соответствующий манифест на своей странице Вконтакте [6], устроившим настоящую резню в своей школе девятиклассником в подмосковных Горках-2, аналогично разославшим подобный манифест своим одноклассникам перед нападением [7]; совершившим самоподрыв в здании регионального управления ФСБ в Архангельске – перед терактом он разместил в

чате соцсети Telegram послание, в котором брал на себя ответственность за готовящееся преступление [8].

Уникальность сети Интернет заключается в том, что практически любое действие, совершенное в ней, оставляет электронно-цифровой след, который был определен В. Б. Веховым как «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий, либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [9, с. 90]. В случае, если такое действие как-либо связано с готовящимся или уже совершенным преступлением, информация, содержащаяся в подобных следах, может оказаться критически важной, решающей для успешного раскрытия этого преступления. И именно задачи по сбору, проверке, оценке и систематизации такой информации представляются работой, идеально подходящей для выполнения программами, основанными на технологиях ИИ.

Для раскрытия содержания проводимых в сети Интернет оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ) важно обозначить подход к пониманию этой среды, которую стоит рассматривать не только с технологической точки зрения, то есть как информационно-телекоммуникационное средство обеспечивающего передачу, обработку и хранение информации, но и с социальной – как сложный социокультурный феномен, образующий особую среду реализации определенных видов деятельности и проявления специфических общественных отношений – киберпространство [10, с. 222]. В связи с этим можно говорить о многообразии проводимых в Сети ОРМ, которые выходят за рамки очевидного «снятия информации с технических каналов связи». Среди них: наблюдение, опрос, отождествление личности, получение компьютерной информации, наведение справок, проверочная закупка, а в некоторых случаях даже оперативное внедрение. Список ОРМ в Интернете не статичен и расширяется с появлением новых преступлений и методов противодействия им. Правовая основа мероприятий остается такой же, как и в материальном мире, не требуя существенных уточнений.

В целях решения задач по эффективному выявлению оперативно значимой информации из общего гигантского объема различных видов данных, содержащихся в Интернете, органы, осуществляющие ОРД, неизбежно обращаются к технологии Big Data (большие данные) – структурированным или неструктурированным массивам данных большого объема, обрабатываемых при

помощи специальных автоматизированных инструментов. Она позволяет агрегировать, а затем подробно анализировать петабайты существующих и генерирующихся в Интернете данных для последующей их классификации, кластеризации, для выявления отклонений и закономерностей, а также прогнозирования. Результатом применения этой технологии в процессе ОРД может стать: формирование «электронного досье» на лиц, представляющих оперативный интерес; слежка за активностью в Интернете определенных лиц в режиме реального времени; выявление цифровых следов по заданным свойствам и признакам; план осуществления ОРД с учетом сложной совокупности множества факторов, оказывающих на неё воздействие и т.д.

Использование технологий ИИ в обработке больших данных значительно повысит эффективность анализа. ИИ сократит время обработки, увеличит точность результатов и сможет работать с неограниченными объемами данных. Это приведет к оптимизации работы с Big Data в ОРД и правоохранительной деятельности. ИИ сможет синтезировать и оценивать разнообразные данные, выделяя информацию, интересующую органы ОРД. Со временем он научится обнаруживать неявные связи в данных и составлять точные прогнозы [11, с. 64]. ИИ, анализируя множество «электронных досье», сможет выявить тонкие закономерности, связывающие активность людей в Сети с их намерениями и действиями. Это позволит эффективно раскрывать преступления и предотвращать множество противоправных деяний на стадии подготовки, значительно повысив уровень работы ОРД.

Внедрение столь многоаспектных технологий в повседневную деятельность правоохранительных органов, потребует, кроме прочего, большого штата квалифицированных специалистов, особенно на начальных этапах. Осуществимость этой задачи не вызывает сомнений – такая же нужда возникла у МВД при резком скачке роста Интернет-преступности в 2020 году, вследствие чего ряды подразделения по борьбе с киберпреступностью пополнили 3000 сотрудников [12].

Для реализации возможностей технологий ИИ и Big Data необходимо сотрудничество правоохранительных органов с научным сообществом и специалистами в программировании и ИИ. Также требуется создание независимого отечественного программного обеспечения, защищенного от внешнего вмешательства, включающего системы обработки информации и сопутствующие документы [13].

В настоящее время в данном направлении ведется активная работа. Так, с 2019 года МВД России разрабатывает программу на основе тех-

нологий ИИ, нацеленную на поиск серийных преступников и определение индивидуальных анатомических признаков человека, полученных из биологического материала с мест совершения преступлений. В текущий момент проект находится на этапе создания и тестирования конкретных функций ПО [14, с. 153]. В современных международных отношениях использование иностранного ПО в ключевых для государства сферах может угрожать национальной безопасности, поэтому от этого стоит отказаться. Критически важно обеспечить правоохранные органы средствами для получения, обработки и передачи информации, а также защищенными хранилищами данных. Без этого реализация исследования невозможна. Объемы анализируемых данных потребуют новейшего оборудования, обслуживание которого станет приоритетом в системе ОРД. Необходим быстрый и защищенный доступ к базам данных, поскольку скорость работы ИИ зависит от качества технической оснащенности.

В современном мире использование роботов и ИИ для охраны правопорядка стало реальностью. Например, полиция Сингапура применяет беспилотные летательные аппараты с ИИ для мониторинга улиц и сбора видеоданных, что повышает эффективность работы ОВД без значительного увеличения численности сотрудников [15, с. 93-101]. Важно учитывать как положительный, так и отрицательный опыт других стран в применении ИИ в правоохранительной сфере. Полное копирование практики не представляется возможным ввиду большого числа существенных различий правовых систем, однако в нем нет необходимости, но российским правоохранительным органам следует разработать уникальный подход к внедрению ИИ и больших данных, чтобы избежать конфликтов в правовой системе и практике ОРД.

Заключение и выводы

Применение технологий ИИ и больших данных в ОРД имеет большой потенциал, особенно для оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве. Скорость и точность обработки больших объемов данных позволят сотрудникам ОВД преодолеть ограничения ручной работы и сосредоточиться на более сложных задачах, требующих человеческой интуиции и опыта, что значительно повысит производительность труда. В первую очередь это касается использования ИИ для рутинных действий, требующих точного анализа и систематизации информации.

Среди таких задач, например, анализ видеозаписей из Интернета, включая распознавание статичных образов с помощью машинного зрения и оценку сложных действий на основе видеоданных [16, с. 329]. Подобный подход применяется во

время футбольных матчей – система-анализатор имела своей целью, исходя из базового набора данных, осуществлять потоковую передачу сводок игр в реальном времени [17, с. 806]. ИИ способен обрабатывать огромное количество материала, не упуская деталей, анализировать звуковые дорожки и выявлять скрытые связи, объединяя результаты в удобный отчет с ценными сведениями для органов ОРД.

Важно отметить, что в данном исследовании речь идет о применении особого ПО для анализа информации, находящейся в открытом доступе. Сбор и обработка таких данных не нарушает конституционные права граждан, поэтому ОРД с применением этих технологий возможен без предварительного судебного решения. Нет необходимости в создании отдельной правовой базы для ОРМ с ИИ, так как эта технология является одним из средств правоохранительных органов и может регулироваться внутренними уставами. Однако ИИ как наука и технология должен быть закреплён в федеральном законодательстве России, например, в виде закона, который станет основой для применения ИИ в различных сферах.

Совместное использование технологий ИИ и больших данных – будущее борьбы с преступностью. Оптимизация аналитико-информационного обеспечения ОРД позволит создать систему непрерывного контроля в киберпространстве, где любой цифровой след будет выявлен и проанализирован с помощью ИИ. Это приведет к значительному повышению эффективности планирования и проведения ОРМ в Сети.

Повысится не только реальная раскрываемость преступлений, но и многократно увеличится количество «несостоявшихся» правонарушений, то есть пресеченных на ранних стадиях. Скорость ИИ совместно с высокой подготовкой сотрудников правоохранительных органов, как осуществляющих ОРД, так и отвечающих за техническое обеспечение и обслуживание технических средств, приведет к значительному повышению скорости оперативного реагирования. Данные показатели не просто найдут свое отражение в статистических отчетах, но и позволят спасти жизни и здоровье многих людей, не допустить потенциальных трагедий, защитить государство от враждебных проявлений и т.д. Внедрение таких технологий в правоохранительную деятельность – объективная необходимость нашего времени. Использование ИИ злоумышленниками в противоправных целях может быть крайне опасно как для личности, так и для государства. А потому органы власти должны обратить свое пристальное внимание на обсуждаемые в данном исследовании технологии и без промедлений подготовить базу для внедрения их в свою деятельность, а далее – перейти к непо-

средственному их использованию. Скорость выполнения данных задач позволит пресечь большой объем потенциальных преступлений, совершенных с прямым или косвенным использованием ИИ.

Всесторонний анализ активности пользователей Сети, не ограничивающий при этом их конституционных прав, не принесет каких-либо негативных последствий для законопослушных граждан. На современном этапе развития цифровых технологий всякая анонимность в киберпространстве фактически отсутствует, а потому, вопреки возможным опасениям о потенциальной тоталитарности рассматриваемого ПО на основе ИИ, аналитическая деятельность программы с машинным интеллектом не вызовет в данном отношении каких-либо существенных отрицательных изменений, так как она будет работать с общедоступной информацией, изучить которую может любой пользователь Сети. Реализация на практике результатов исследования позволит достичь нового, высочайшего, уровня законности в цифровом пространстве, где будет прекращена всякая анархия. В Интернете не останется мест, где злоумышленники могли бы скрыться «в тени», а противоправные деяния станут безнадежной авантюрой, неизменно ведущей лишь к одному итогу – к неотвратимому наказанию.

Список литературы:

- [1] Конференция по искусственному интеллекту. URL: <https://clck.ru/36qVVf>. (дата обращения: 22.12.2025).
- [2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ В.В. Путина от 10 октября 2019 г. № 490 // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 22.12.2025).
- [3] Состояние преступности в Санкт-Петербурге. Криминологический мониторинг и прогноз: научно-практическое пособие // СПб.: Изд-во СПб ГУП «СПб ИАЦ». – 2023. – 302 с.
- [4] Маковкин, А. С. Этические проблемы применения искусственного интеллекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2015. – № 2 (52). – С. 130-132.
- [5] Дуров: стрелявший в Казани сделал канал в Telegram публичным за 15 минут до трагедии. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/11356769> (дата обращения: 22.12.2022)
- [6] В Вольске подросток пытался совершить массовое убийство в школе. URL: <https://clck.ru/36gDpr> (дата обращения: 22.12.2025)
- [7] Урок ужаса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8293546> (дата обращения: 22.12.2025)
- [8] Студент взорвал себя в здании ФСБ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786845> (дата обращения: 22.12.2025)
- [9] Вехов, В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография // Волгоград: ВА МВД России. – 2008. – 401 с.
- [10] Теория оперативно-розыскной деятельности. Учебник; издание пятое, испр. и доп. / под ред. д.ю.н., проф. К.К. Горяинова, д.ю.н. В.С. Овчинского. М. // «Норма: ИНФРА-М». – 2021. – 795 с.
- [11] Frawley, W., Piatetsky-Shapiro, G., Matheus, C. Knowledge Discovery in Databases: An Overview // AI Magazine. – 1992. – № 3. – pp. 57-70.
- [12] МВД ввело программу опознания серийных кибермошенников. URL: <https://pravo.ru/news/229899/> (дата обращения: 25.12.2025)
- [13] Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 54593-2011 «Информационные технологии. Свободное программное обеспечение. Общие положения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 6 декабря 2011 г. N 718-ст)
- [14] Ковтун, Ю. А., Лагуточкина, А. С. О применении правоохранительными органами специализированного программного обеспечения в организации использования искусственного интеллекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 3, ч. 2. – С. 148-154.
- [15] Daswani, R., Tan, J. Artificial Intelligence: Impact on Public Safety & Security // ETHOS. Digital Government, Smart Nation: Pursuing Singapore's Tech Imperative. – 2019. – № 21. – pp. 93-101.
- [16] Буйко, А. Ю., Виноградов, А. Н. Выявление действий на видео с помощью рекуррентных нейронных сетей // Программные системы: теория и приложения. – 2017. – №4 (35). – С. 327–345.
- [17] Ekin, A., Tekalp, A., Mehrotra, R. Automatic Soccer Video Analysis and Summarization // IEEE Transactions on Image Processing. – 2003. – № 12 (7). – pp. 796–807.

References:

- [1] Artificial Intelligence Conference. URL: <https://clck.ru/36qVVf>. (accessed on: 22.12.2025).
- [2] National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030: approved. By decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated October 10, 2019 No.

490//Official website of the President of Russia. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (access date: 22.12.2025).

[3] The state of crime in St. Petersburg. Criminological monitoring and forecast: scientific and practical guide//St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Unitary Enterprise "St. Petersburg IAC." – 2023. – 302 s.

[4] Makovkin, A. S. Ethical problems of the use of artificial intelligence//Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma. – 2015. – № 2 (52). – S. 130-132.

[5] Durov: the shooter in Kazan made the Telegram channel public 15 minutes before the tragedy. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/11356769> (accessed on: 22.12.2022)

[6] In Volsk, a teenager tried to commit a massacre at school. URL: <https://clck.ru/36gDpr> (accessed on: 22.12.2025)

[7] A lesson in horror. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8293546> (accessed on: 22.12.2025)

[8] A student blew himself up in the FSB building. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786845> (accessed on: 22.12.2025)

[9] Vekhov, V. B. Fundamentals of the forensic doctrine of the study and use of computer information and the means of its processing: monograph//Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2008. – 401 s.

[10] Operational-search activity theory. Textbook; fifth edition, rev. and additional/ed. Doctor of

Legal Sciences, prof. K.K. Goryainova, Doctor of Law V.S. Ovchinsky. M.//” Norm: INFRA-M. “ – 2021. – 795 s.

[11] Frawley, W., Piatetsky-Shapiro, G., Matheus, C. Knowledge Discovery in Databases: An Overview // AI Magazine. – 1992. – № 3. – pp. 57-70.

[12] The Ministry of Internal Affairs has introduced a program for identifying serial cyber fraudsters. URL: <https://pravo.ru/news/229899/> (accessed on: 25.12.2025)

[13] National Standard of the Russian Federation GOST R 54593-2011 “Information Technologies. Free software. General provisions” (approved by Order of the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology No. 718-st dated December 6, 2011)

[14] Kovtun, Yu. A., Lagutochkina, A. S. On the use of specialized software by law enforcement agencies in organizing the use of artificial intelligence//Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2021. – T. 7 (73), No. 3, part 2. – S. 148-154.

[15] Daswani, R., Tan, J. Artificial Intelligence: Impact on Public Safety & Security // ETHOS. Digital Government, Smart Nation: Pursuing Singapore's Tech Imperative. – 2019. – № 21. – pp. 93-101.

[16] Buiko, A. Yu., Vinogradov, A. N. Identification of actions on video using recurrent neural networks//Software systems: theory and applications. – 2017. – №4 (35). – S. 327-345.

[17] Ekin, A., Tekalp, A., Mehrotra, R. Automatic Soccer Video Analysis and Summarization // IEEE Transactions on Image Processing. – 2003. – № 12 (7). – pp. 796–807.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-705-711

КАРПЕНКО Ирина Николаевна,
Аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: 249356@edu.fa.ru

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОДХОДЫ РАЗНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ стратегий в отношении CBDC в 5 крупных юрисдикциях, составлена классификация стратегий в их взаимосвязи с обеспечением финансового суверенитета страны: интеграционный контроль (КНР), оборонительная интеграция (ЕС), суверенитет обхода (РФ), наступательный долларовый суверенитет (США), адаптивное сосуществование (Нигерия). Сделаны 3 ключевых вывода: геополитический характер правовых режимов CBDC, парадокс «приватность–суверенитет», тренд фрагментации глобальной финансовой системы на региональные «цифровые валютные зоны».

Ключевые слова: CBDC, финансовый суверенитет, цифровой юань, цифровое евро, цифровой рубль, стейблкоины.

KARPENKO Irina Nikolaevna,
Postgraduate student, Financial University
under the Government of the Russian Federation

DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS AND FINANCIAL SOVEREIGNTY: LEGAL STRATEGIES AND APPROACHES OF DIFFERENT JURISDICTIONS (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Annotation. This article provides a comparative legal analysis of CBDC strategies in 5 major jurisdictions, categorizes them in relation to ensuring national financial sovereignty: integration control (China), defensive integration (EU), circumvention sovereignty (Russia), offensive dollar sovereignty (USA), and adaptive coexistence (Nigeria). 3 key conclusions are drawn: the geopolitical nature of CBDC legal regimes, the privacy-sovereignty paradox, the trend toward fragmentation of the global financial system into regional «digital currency zones».

Key words: CBDC, financial sovereignty, e-CNY, digital euro, digital ruble, stablecoins.

Введение

К настоящему времени концепция финансового суверенитета претерпела фундаментальную трансформацию. Если исторически он определялся как исключительное право государства на эмиссию национальной валюты и контроль её стоимости, то в условиях цифровизации финансовых систем он в большей степени означает технологический контроль над платёжной инфраструктурой и позиционирование в архитектуре глобальных цифровых потоков капитала. Цифровые валюты центральных банков (CBDC), прежде рассматривавшиеся как технологическое совершенствование денежного обращения, переосмыслены как инструменты геополитического позиционирова-

ния государств, демонстрируют различные подходы к защите национальной автономии в эпоху цифровой глобализации [1].

Разработка и пилотирование более чем 130 CBDC по всему миру также отражает фундаментальное переосмысление монетарной власти. Так, современный финансовый суверенитет охватывает обеспечение возможности граждан конвертировать цифровые обязательства в безрисковые обязательства центрального банка, сохраняя самостоятельность политики и противодействуя иностранному цифровому вторжению. Это преобразование имеет ярко выраженный правовой характер: каждая юрисдикция разрабатывает нормативно-правовую базу, которая определяет не

просто функционирование платежей, но то, как государственная власть осуществляется над финансовыми потоками [2].

Цель исследования – проанализировать и классифицировать различные правовые стратегии разработки и внедрения CBDC в 5 крупных юрисдикциях: КНР, ЕС, РФ, США, Нигерии в их взаимосвязи с обеспечением финансового суверенитета страны. Научная новизна заключается в разработке типологии правовых стратегий: интеграционного контроля, оборонительной интеграции, суверенитета обхода, наступательного долларового суверенитета, адаптивного сосуществования, которые переносят аналитический фокус с технического дизайна на стратегическое правовое намерение. Практический вклад заключается в предоставлении учёным и политикам аналитического аппарата для прогнозирования того, как различные архитектуры CBDC будут влиять на международную монетарную стабильность и структуру глобальной финансовой системы.

Результаты исследования

В этом разделе составлена классификация правовых стратегий в отношении CBDC в контексте обеспечения финансового суверенитета страны и дано краткое описание типов.

КНР: интеграционный контроль, цифровая дедолларизация

Правовой подход КНР к CBDC демонстрирует глубокое встраивание цифровой валюты в контролируемое государством нормативно-правовую базу для одновременного достижения целей внутреннего монетарного управления и внешнего монетарного влияния. С 2026 г. Народный банк Китая (ПБОС) переклассифицирует цифровой юань (e-CNY) с денежного инструмента, подобного наличности (классификация M0), на «цифровые деньги на счетах» (классификация M1), что делает КНР первой крупной экономикой, которая позиционирует свой CBDC в качестве процентной валюты [3]. Позиционируя e-CNY как обязательство коммерческих банков, а не центрального банка, ПБОС сохраняет технический надзор, при этом повышая конкурентоспособность валюты в отношении частных платёжных платформ (Alipay, WeChat Pay), которые завоевали рыночную долю благодаря приносящим доход инструментам. Значимо, что архитектура e-CNY включает «управляемую анонимность» – операции ниже пороговых значений псевдонимны, но обеспечение соответствия требованиям AML и контролю капитала сохраняет полную видимость для государства [4]. Эта двухуровневая архитектура отражает правовой приоритет КНР: максими-

зация государственной способности к надзору при одновременной поддержке внедрения CBDC за счёт мер защиты приватности.

Правовая база интеграционной стратегии распространяется за пределы национальных границ через проект mBridge – кроссбордерную многовалютную платформу CBDC, в которую входят центральные банки КНР, в т.ч. Гонконга, а также Таиланда, ОАЭ и Саудовской Аравии. После выхода в 2024 г. Банка международных расчётов из проекта платформа mBridge функционирует в качестве региональной финансовой инфраструктуры, предназначенной для снижения зависимости от SWIFT и системы корреспондентских банков США. В mBridge используется технология распределённого реестра для обеспечения транзакций обмена иностранной валюты между центральными банками при соблюдении правовых и политических требований юрисдикций [5]. Инфраструктура представляет собой правовой инструмент интернационализации юаня и дедолларизации, переопределяя финансовый суверенитет как власть устанавливать технические стандарты для трансграничных расчётов [6].

ЕС: оборонительная стратегическая автономия

Правовую стратегию ЕС в отношении CBDC можно назвать оборонительной, её архитектура разрабатывается с учетом таких уязвимостей, как внутренняя фрагментация платёжной системы еврозоны, внешняя зависимость от иностранных платёжных систем. В декабре 2025 г. Совет ЕС достиг важного соглашения по положению о цифровом евро, продвигая законодательный фреймворк к принятию. Позиция Совета ЕС, учитывающая стремление Европейского центрального банка (ЕЦБ) защищать монетарную стабильность, поддерживает как онлайн-, так и офлайн-функциональность цифровых платежей в евро [7].

Правовая архитектура отражает то, что член Исполнительного совета ЕЦБ Пьеро Чиполлоне назвал «политическим заявлением о суверенитете Европы». Так, цифровой евро спроектирован для обеспечения «единственности денег» на всей территории ЕС при строгом соблюдении требований GDPR и стандартов защиты данных ЕС [8]. Положение включает беспрецедентные условия защиты прав потребителей: лимиты на счетах, обязательное принятие, пятилетний переходный период с ограничением комиссии для обеспечения стабильности финансовой системы [9].

Критически важно, что цифровой евро включает новую архитектуру приватности, которая решает то, что учёные называют «парадоксом приватности-суверенитета». Если в США отказы-

ваются разрабатывать CBDC из-за необходимости защиты «индивидуальной приватности» от государственного надзора, то в ЕС предполагается обеспечение защиты приватности от сбора данных со стороны корпораций, поставщиков услуг. Положения требуют псевдонимизации и шифрования данных для онлайн-операций, архитектурно препятствуя ЕЦБ в прямой связи пользователей с операциями. Для офлайн-функциональности платежи осуществляются непосредственно между устройствами, воспроизводя уровень приватности наравне с наличными [10].

Соглашение Совета ЕС дополнительно указывает, что как онлайн-, так и офлайн-режимы должны быть доступны с момента запуска, отмечены аспекты обеспечения устойчивости (сбои интернета, ЧС) при сохранении финансовой целостности через механизмы соответствия AML/CFT, активируемые только при пороговых значениях подозрительной активности [11]. Законодательные переговоры с Европейским парламентом начались в 2025 г. с ориентиром на пилотные операции в 2027 г. и возможный операционный выпуск к 2029 г.

РФ: суверенитет обхода и санкционная устойчивость

Правовой подход РФ к CBDC отражает то, что международные учёные-правоведы называют «суверенитетом обхода» – стратегическое использование законодательства о цифровых валютах для защиты от санкций и финансовой изоляции.

Внутренняя правовая архитектура обеспечивает строгий государственный контроль: нулевые комиссии в установленных случаях, месячные лимиты на пополнение счета физическим лицом в 300 тыс. руб., использование смарт-контрактов, что позволяет автоматизировать исполнение бюджета и программировать фискальную политику [12]. Критически важно, что не предусматривается начисление процентов на счета цифрового рубля, что закрепляет его статус как средства обмена, а не хранилища стоимости, предотвращая дезинтермедиацию банковских вкладов. Кроме того, в настоящее время федеральные государственные органы уполномочены использовать программируемые переводы цифрового рубля по определённым категориям расходов, например, для выплат социального обеспечения, заработной платы государственным служащим [13].

Правовой подход на международном уровне отличается – в соответствии с поправками, внесёнными Федеральным законом от 08.08.2024 № 223-ФЗ [14], допускается использование цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам, создавая то, что анали-

тики описывают как «двойную систему»: строгую монополию рубля внутри страны в сочетании с послаблениями на внешнем уровне. Это также позволяет российским фирмам и банкам проводить трансграничные операции с незападными юрисдикциями, избегая санкций SWIFT и сохраняя торговые отношения в рамках БРИКС. Правовое разрешение на трансграничные эксперименты с цифровыми валютами представляет собой утверждение государственного суверенитета посредством признания технологий (криптовалют), которые западные юрисдикции пытаются ограничить.

США: наступательный долларový суверенитет через частные рынки

США демонстрируют противоположную правовую стратегию: запрещение CBDC в сочетании с продвижением стейблкоинов, обеспеченных долларами США. 23.01.2025 Президент Д. Трамп издал Исполнительный указ «Укрепление американского лидерства в цифровых финансовых технологиях», который отменил Исполнительный указ Президента Дж. Байдена от 09.03.2022 № 14067 и наложил запрет на разработку CBDC, отмечая, что CBDC несут угрозы стабильности финансовой системы, неприкосновенности частной жизни и суверенитету [15].

В то же время был принят Закон о руководстве и создании национальных инноваций для стейблкоинов США [16]. Закон устанавливает первый комплексный федеральный фреймворк для платёжных стейблкоинов, определяя допустимых эмитентов. Важно, что закон исключает стейблкоины из юрисдикции SEC/CFTC, классифицируя их как «платёжные инструменты», а не ценные бумаги или товары [17].

Правовой фреймворк предписывает резервное обеспечение 1 к 1 в долларах США, определённых низкорисковых активах, с обязательным ежемесячным раскрытием резервов и/или ежегодными аудитами. Также предполагается соблюдение требований Закона о банковской тайне, AML/CFT, эмитентам стейблкоинов запрещено заниматься определённой деятельностью [18]. Указ предполагает содействие финансовому суверенитету США путём поддержки развития доллар-обеспеченных стейблкоинов по всему миру.

Эта правовая архитектура представляет то, что можно называть «наступательным суверенитетом» – сохранение американского монетарного доминирования не посредством государственной цифровой эмиссии, а путём использования инновационного потенциала частного сектора для создания глобальных платёжных альтернатив иностранным CBDC. Стратегия сохраняет междуна-

родную роль доллара, избегая механизмов надзора и контроля, которые противники внутренней CBDC квалифицируют как угрозы американским свободам.

Нигерия: адаптивное сосуществование, нормативное признание

Правовой подход Нигерии отражает прагматичный поворот от враждебности к урегулированному сосуществованию с цифровыми активами. Закон об инвестициях и ценных бумагах (ISA) 2025 г. фундаментально переориентировал правовую позицию Нигерии, классифицируя виртуальные и цифровые активы как ценные бумаги, подпадающие под надзор SEC [19]. Это разрешает нормативное противоречие, которое препятствовало инновациям в области финтех: директива Центрального банка Нигерии 2021 г. о банковском секторе запрещала финансовым учреждениям поддерживать операции с криптовалютами, одновременно признавая необходимость внедрения eNaira [20]. ISA создаёт двухсторонний нормативный структурный механизм: ЦБН сохраняет исключительный авторитет над eNaira как законным платёжным средством, а SEC регулирует деятельность поставщиков виртуальных активных услуг, операторов цифровых активов и биржи как участников рынка капитала, подлежащих регистрации, соблюдению норм KYC/AML [21].

Юридически ISA признаёт, что запреты на криптовалюты привели к тому, что деятельность нигерийского финтеха ушла в подполье, а не была устранена. Путём формализации надзора правовая стратегия Нигерии достигает множество целей суверенитета: сокращение неконтролируемых трансграничных потоков капитала, финансовую включённость средств, рост сбора налогов. Сам eNaira, запущенный в 2021 г., служит предпочтительным инструментом ЦБН для платежей государства физическим лицам, за счёт которого также повышается финансовый охват населения (план – 95%) [22]. Разница требований KYC в зависимости от уровня электронного кошелька позволяет поддерживать баланс между финансовой включённостью и нормативным регулированием.

Обсуждение и выводы

Было выявлено 3 ключевых аспекта, имеющих теоретическое и практическое значение для развития финансового права.

- 1) Геополитический характер правовых стратегий CBDC. Правовые архитектуры CBDC содержат неявные геополитические стремления, закодированные в нормативно-правовых выборах. Цифровой евро – ответ на американскую финансовую гегемонию,

GENIUS Act – инструмент закрепления долларовой гегемонии, цифровой юань и mBridge – инструменты расчётов без SWIFT, цифровой рубль – инструмент защиты от санкций, eNaira – механизм восстановления государственного контроля над валютой. Каждое государство проектирует свою CBDC-стратегию с учетом минимизации финансового давления и максимизации способности влиять на глобальные плажежи.

- 2) Парадокс приватности-суверенитета.

Центральный вывод этого сравнительного анализа – то, что учёные называют «парадоксом приватности-суверенитета» – инверсия в том, как различные юрисдикции используют аргументы приватности для продвижения противоположных стратегий CBDC [23]. Так, США используют приватность как аргумент против эмиссии CBDC, утверждая, что государственная цифровая валюта предоставила бы правительству контроль над финансовой деятельностью граждан. Указ Трампа категоризирует CBDC как угрозу индивидуальной приватности, квалифицируя федеральную CBDC как принципиально несовместимую с конституционными ценностями [15].

Напротив, ЕС апеллирует к приватности (посредством соответствия GDPR) в качестве основного правового обоснования для развития цифрового евро. ЕЦБ отмечает, что использование платёжных платформ различных корпораций влечёт риски сбора данных, утверждая, что контролируемый государством цифровой евро предлагает превосходную защиту приватности по сравнению с корпоративными платёжными системами, монетизирующими данные. Условия офлайн-функциональности представлены как защита пользователей от надзора ЕЦБ и эксплуатации данных корпорациями.

КНР и РФ не применяют подобной риторики приватности, конструируют CBDC в т.ч. как инструменты комплексного финансового надзора в рамках фреймворков, подчёркивающих государственный монетарный контроль. Фреймворк «управляемой анонимности» e-CNY признаёт повседневную приватность для рутинных операций при одновременном сохранении государственного доступа для обеспечения контроля капитала и обнаружения финансовых преступлений [24]. Архитектура цифрового рубля включает мониторинг в реальном времени с приостановкой подозрительных операций [12].

Этот парадокс отражает более глубокие различия в конституционных традициях и институциональном доверии: англосаксонские юрисдикции квалифицируют приватность как индивидуальную защиту от государственного вмешательства, тогда

как романо-германские юрисдикции (ЕС) всё более концептуализируют приватность как коллективную защиту от корпоративной монопольной власти. Ни один фреймворк не имеет эмпирического превосходства, представляя различные философские подходы к балансу между индивидуальной автономией и коллективным благополучием.

3) Риск фрагментации на малосовместимые цифровые валютные зоны.

Различные правовые архитектуры, описанные выше, создают «цифровые монетарные зоны», при этом возникают риски несовместимости правовых режимов CBDC, которые уже не могут бесперебойно взаимодействовать в трансграничных операциях. Фундаментальная несовместимость проистекает из конкурирующих правовых приоритетов: фреймворк приоритета надзора КНР может быть несовместим с мандатом защиты данных ЕС; стратегия уклонения от санкций РФ противоречит требованиям соответствия OFAC США и т.д.

Проект mBridge иллюстрирует как потенциал, так и риски этой фрагментации. Хотя платформа демонстрирует техническую осуществимость оптовых трансграничных платежей CBDC, её правовая структура управления остаётся неоднозначной в отношении разрешения споров, имплементации юрисдикционно-специфичной политики и соответствия различным нормативным стандартам. Передача проекта Банком международных расчётов участвующим центральным банкам устранила нейтрального правового арбитра, что повышает риски фрагментации в случае геополитических конфликтов.

Также в докладе МВФ о глобальной финансовой стабильности от октября 2025 г. отмечено, что фрагментированные экосистемы цифровых валют могут привести к несовместимым нормативным режимам, усложнить попытки борьбы с отмыванием денег и создать каналы распространения финансовой волатильности [25]. Этот риск – не просто технический, но фундаментально правовой: отсутствие правовых стандартов, управляющих трансграничными операциями CBDC, означает, что каждая юрисдикция односторонне обеспечивает свой суверенитет, создавая «нормативное трение», которое может негативно повлиять на эффективность, которую CBDC теоретически предлагают.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ стратегий CBDC в КНР, ЕС, РФ, США, Нигерии выявляет, что правовая архитектура CBDC является осуществлением геополитической стратегии, а не просто технической или экономической политики. Каждая

юрисдикция конструирует специализированные правовые архитектуры, отражающие различные ответы на базовые вопросы о контроле инфраструктуры платежей, достижении баланса между государственным надзором и индивидуальной свободой и др.

Научная новизна состоит в признании того, что финансовый суверенитет был переопределён от статического авторитета в отношении эмиссии к динамической способности к управлению платёжной инфраструктурой, контролю над информационными потоками и защите от технологических зависимостей. Правовые фреймворки являются основными инструментами, посредством которых происходит это переопределение.

Ключевой риск для глобальной финансовой стабильности заключается в том, что несовместимые нормативные режимы в сочетании с различными архитектурами CBDC будут ускорять фрагментацию международной монетарной системы на региональные «цифровые валютные зоны». Отсутствие обязывающих международных правовых фреймворков для трансграничных операций CBDC усиливает этот риск.

Так, необходимо учитывать, что разработка CBDC не является чисто техническим вопросом, подлежащим разрешению посредством одних лишь международных технических стандартов. Это фундаментально правовой и политический процесс, в котором государства утверждают суверенитет посредством беспрецедентного контроля над технологической инфраструктурой денег. Предотвращение фрагментации потребует не просто технических стандартов взаимодействия, но и обязывающих правовых договоров, управляющих международными обязательствами CBDC, механизмов разрешения споров, гармонизированных нормативных стандартов – решения дипломатического вызова, который до сих пор не получил достаточного внимания от международного сообщества.

Юрисдикции, которые придут к наиболее эффективному балансу между технологическими инновациями CBDC и правовой защитой индивидуальных прав и финансовой стабильности, определят контуры монетарного суверенитета в XXI веке.

Список литературы:

- [1] The future of money: a central bank perspective // European Central Bank. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2025/html/ecb.sp251219~fd2fee081a.en.html>
- [2] Bindseil, U., Senner, R. Monetary Sovereignty (2025) – Addressing the Challenges of a Digitalized and Multipolar World. – URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5717525>

[3] China to usher in digital deposit money era for e-CNY // China Daily. – URL: <https://global.china-daily.com.cn/a/202512/29/WS69521d-b2a310d6866eb30f9b.html>

[4] 中华人民共和国个人信息保护法自 20.08.2021

[5] Project mBridge: experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments // Hong Kong Digital Currency Academy. – URL: <https://www.hkdca.com/project-mbridge-experimenting-with-a-multi-cbdc-platform-for-cross-border-payments/>

[6] Project mBridge: Connecting economies through CBDC // Bank for International Settlements. – URL: <https://www.bis.org/publ/othp59.pdf>

[7] EU Council backs digital euro with both online and offline functionality // Global Banking and Finance Review. – URL: <https://www.globalbankingandfinance.com/eu-digital-euro/>

[8] Digital euro and privacy // European Central Bank. – URL: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/features/privacy/html/index.en.html

[9] Single currency: Council agrees position on the digital euro and on strengthening the role of cash // European Council. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/19/single-currency-council-agrees-position-on-the-digital-euro-and-on-strengthening-the-role-of-cash/>

[10] Gross, J. Digital Euro and Privacy: Analysis of the Regulatory Proposal by the European Commission. – URL: <https://www.jonassgross.info/digital-euro-and-privacy-analysis-of-the-regulatory-proposal-by-the-european-commission/>

[11] Digital euro: what is at stake for privacy and personal data protection? // CNIL. – URL: <https://www.cnil.fr/en/digital-euro-what-stake-privacy-and-personal-data-protection>

[12] Цифровой рубль: текущий статус проекта // Банк России. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf

[13] Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации»

[14] Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

[15] Executive Order № 14178 «Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology» от 23.01.2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>

[16] Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act or the GENIUS Act от 18.07.2025. – URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582>

[17] The GENIUS Act's Regulatory Bifurcation: Legal Implications for Bitcoin and Stablecoins // Oxford Business Law Blog. – URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/11/genius-acts-regulatory-bifurcation-legal-implications-bitcoin-and>

[18] The GENIUS Act of 2025: Stablecoin Legislation Adopted in the US // Latham & Watkins LLP. – URL: <https://www.lw.com/en/insights/the-genius-act-of-2025-stablecoin-legislation-adopted-in-the-us>

[19] Investment and Securities Act от 25.03.2025 № 2. – URL: https://home.sec.gov/ng/documents/1319/Investments_and_Securities_Act_2025_x9rSxtI.pdf

[20] Guidelines on Operations of Bank Accounts for Virtual Assets Service Providers (VASPs) // Central Bank of Nigeria. – URL: <https://www.cbn.gov.ng/out/2024/fprd/guidelines%20on%20operations%20of%20bank%20accounts%20for%20virtual%20asset%20providers.pdf>

[21] New Rules on Issuance, Offering Platforms and Custody of Digital Assets // SEC Nigeria. – URL: <https://sec.gov.ng/documents/8/Rules-on-Issuance-Offering-and-Custody-of-Digital-Assets.pdf>

[22] Economics of digital currencies // Central Bank of Nigeria. – URL: <https://www.cbn.gov.ng/Out/2023/RSD/Economics%20of%20Digital%20Currencies.pdf>

[23] CBDC Privacy and Monetary Sovereignty: Why Rules, Not Code, Will Decide Adoption // Swiss Institute of AI. – URL: <https://siai.org/review/2025/11/202511284085>

[24] Central Bank Digital Currency Data Use and Privacy Protection // IMF e-library. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/063/2024/004/article-A001-en.xml>

[25] Global Financial Stability Report // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/10/14/global-financial-stability-report-october-2025>

References:

[1] The future of money: a central bank perspective // European Central Bank. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2025/html/ecb.sp251219~fd2fee081a.en.html>

[2] Bindseil, U., Senner, R. Monetary Sovereignty (2025) – Addressing the Challenges of a Digitalized and Multipolar World. – URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5717525>

[3] China to usher in digital deposit money era for e-CNY // China Daily. – URL: <https://global.china-daily.com.cn/a/202512/29/WS69521d-b2a310d6866eb30f9b.html>

[4] 中华人民共和国个人信息保护法自 20.08.2021

[5] Project mBridge: experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments // Hong

Kong Digital Currency Academy. – URL: <https://www.hkdca.com/project-mbridge-experimenting-with-a-multi-cbdc-platform-for-cross-border-payments/>

[6] Project mBridge: Connecting economies through CBDC // Bank for International Settlements. – URL: <https://www.bis.org/publ/othp59.pdf>

[7] EU Council backs digital euro with both online and offline functionality // Global Banking and Finance Review. – URL: <https://www.globalbankingandfinance.com/eu-digital-euro/>

[8] Digital euro and privacy // European Central Bank. – URL: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/features/privacy/html/index.en.html

[9] Single currency: Council agrees position on the digital euro and on strengthening the role of cash // European Council. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/19/single-currency-council-agrees-position-on-the-digital-euro-and-on-strengthening-the-role-of-cash/>

[10] Gross, J. Digital Euro and Privacy: Analysis of the Regulatory Proposal by the European Commission. – URL: <https://www.jonagross.info/digital-euro-and-privacy-analysis-of-the-regulatory-proposal-by-the-european-commission/>

[11] Digital euro: what is at stake for privacy and personal data protection? // CNIL. – URL: <https://www.cnil.fr/en/digital-euro-what-stake-privacy-and-personal-data-protection>

[12] Digital ruble: current status of the project // Bank of Russia. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf

[13] Federal Law of 31.07.2025 No. 303-FZ “On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation”

[14] Federal Law of 08.08.2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”

[15] Executive Order № 14178 «Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology» от 23.01.2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>

[16] Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act or the GENIUS Act of 18.07.2025. – URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582>

[17] The GENIUS Act’s Regulatory Bifurcation: Legal Implications for Bitcoin and Stablecoins // Oxford Business Law Blog. – URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/11/genius-acts-regulatory-bifurcation-legal-implications-bitcoin-and>

[18] The GENIUS Act of 2025: Stablecoin Legislation Adopted in the US // Latham & Watkins LLP. – URL: <https://www.lw.com/en/insights/the-genius-act-of-2025-stablecoin-legislation-adopted-in-the-us>

[19] Investment and Securities Act of 25.03.2025 № 2. – URL: https://home.sec.gov/ng/documents/1319/Investments_and_Securities_Act_2025_x9rSXtl.pdf

[20] Guidelines on Operations of Bank Accounts for Virtual Assets Service Providers (VASPs) // Central Bank of Nigeria. – URL: <https://www.cbn.gov.ng/out/2024/fprd/guidelines%20on%20operations%20of%20bank%20accounts%20for%20virtual%20asset%20providers.pdf>

[21] New Rules on Issuance, Offering Platforms and Custody of Digital Assets // SEC Nigeria. – URL: <https://sec.gov.ng/documents/8/Rules-on-Issuance-Offering-and-Custody-of-Digital-Assets.pdf>

[22] Economics of digital currencies // Central Bank of Nigeria. – URL: <https://www.cbn.gov.ng/Out/2023/RSD/Economics%20of%20Digital%20Currencies.pdf>

[23] CBDC Privacy and Monetary Sovereignty: Why Rules, Not Code, Will Decide Adoption // Swiss Institute of AI. – URL: <https://siai.org/review/2025/11/202511284085>

[24] Central Bank Digital Currency Data Use and Privacy Protection // IMF e-library. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/063/2024/004/article-A001-en.xml>

[25] Global Financial Stability Report // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/10/14/global-financial-stability-report-october-2025>

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИМ ХИРУРГОМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние современных цифровых инструментов, включая трехмерную визуализацию, на правовой статус медицинской услуги, права и обязанности пластического хирурга и пациента, а также на вопросы юридической ответственности клиники пластической хирургии. Особое внимание уделяется проблемам правовой квалификации предполагаемого результата пластической операции и потенциальным рискам возникновения медицинских споров. Целью исследования является выявление правовых проблем, возникающих при использовании компьютерных технологий в деятельности пластического хирурга. По результатам исследования автор пришел к выводу, что применение компьютерных технологий существенно повышает качество и прозрачность оказания медицинских услуг, однако одновременно формирует новые юридические риски, связанные с интерпретацией цифровых данных, защитой персональной информации и распределением ответственности за неблагоприятные исходы лечения. Автор обосновывает необходимость разработки более четких правовых механизмов, регулирующих использование компьютерных технологий в пластической хирургии.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, пластическая хирургия, компьютерные технологии в медицине, пластическая операция, цифровизация здравоохранения, правовое регулирование, медицинская услуга, юридическая ответственность пластического хирурга, информированное добровольное согласие, компьютерное моделирование, правовые риски в медицине.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm",
lawyer

USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES BY A PLASTIC SURGEON IN THE PROCESS OF PROVIDING MEDICAL SERVICES IN A PLASTIC SURGERY CLINIC

Annotation. This article analyzes the impact of modern digital tools, including 3D visualization, on the legal status of medical services, the rights and responsibilities of plastic surgeons and patients, and the legal liability of plastic surgery clinics. Particular attention is paid to the legal qualification of the expected outcome of plastic surgery and the potential risks of medical disputes. The aim of the study is to identify legal issues arising from the use of computer technology in plastic surgery. Based on the study's results, the author concludes that the use of computer technology significantly improves the quality and transparency of medical services, but simultaneously creates new legal risks associated with the interpretation of digital data, the protection of personal information, and the allocation of liability for adverse treatment outcomes. The author substantiates the need to develop clearer legal mechanisms regulating the use of computer technology in plastic surgery.

Key words: Plastic surgery clinic, plastic surgery, computer technologies in medicine, plastic surgery, digitalization of healthcare, legal regulation, medical service, legal liability of plastic surgeons, informed voluntary consent, computer modeling, legal risks in medicine.

Введение

Современный этап развития медицины характеризуется активным внедрением цифровых технологий, которые существенно меняют традиционные подходы к диагностике и организации медицинской помощи. Пластическая хирургия, как одна из наиболее динамично развивающихся областей клинической медицины, особенно восприимчива к инновационным технологическим решениям, поскольку ориентирована не только на восстановление функций, но и на достижение высоких эстетических результатов. Требования пациентов к качеству, безопасности и предсказуемости хирургических вмешательств растут огромными темпами и поэтому, применение компьютерных технологий в этом вопросе становится важным правовым фактором [2].

Актуальность исследования с юридической точки зрения обусловлена комплексным изменением обстоятельств правового регулирования медицинской деятельности в условиях цифровизации здравоохранения. Внедрение цифровых решений затрагивает как клинические аспекты лечения, так и сферу прав и обязанностей клиник пластической хирургии, пластических хирургов и пациентов. При использовании компьютерных технологий возрастает значение правовой оценки достоверности их результатов и соответствия действующим нормам законодательства.

Основная часть

В сфере пластической хирургии компьютерные технологии затрагивают целый комплекс современных цифровых решений, которые оказывают непосредственное влияние на ее правовую квалификацию. В основном, они направлены на повышение точности диагностики, эффективности планирования операций и будущего качества эстетического результата. Специальное программное обеспечение позволяет пластическому хирургу увидеть анатомию пациента и дает возможность проанализировать ее, сравнить результаты до и после операции. Особенно это актуально для сложных реконструктивных операций, когда стандартные методы уже не обеспечивают требуемой точности [6].

Отдельного внимания заслуживает использование трехмерного анализа и виртуального планирования операции (Virtual Surgical Planning, VSP). С помощью компьютерных программ на основе данных КТ- и МРТ-сканирования создается точная трехмерная модель строения пациента. Модель дает хирургу возможность выполнять визуализацию структуры тканей и костей, с ее помощью можно планировать шаги пластической операции, проводить виртуальные разрезы, оценивать перемещение костей или мягких тка-

ней, а также рассчитывать оптимальные углы и объемы реконструкции [7]. За счет предсказуемости результата улучшается коммуникация между пластическим хирургом и пациентом, поскольку она позволяет пациенту наглядно показать предполагаемые изменения внешности.

Кроме моделей трехмерной визуализации применяется 3D-печать индивидуальных имплантатов и хирургических шаблонов [4]. После создания виртуального плана и трехмерной модели нужной анатомической структуры, данные передаются на 3D-принтер. Печатаются кастомизированные имплантаты, которые точно соответствуют уникальной анатомии пациента или специальные направляющие для пиления и установки.

Здесь, особую юридическую значимость приобретает вопрос информированного добровольного согласия пациента (ИДС), так как использование компьютерных технологий при планировании и моделировании хирургического вмешательства напрямую влияет на формирование ожиданий пациента относительно результата пластической операции. Цифровая визуализация предполагаемого эстетического эффекта рассматривается как элемент медицинской информации, способный повлиять на решение пациента о проведении вмешательства, а в случае расхождения прогнозируемого и фактического результата, может стать предметом правовых споров [1]. Именно поэтому, здесь требуется четкое правовое понимание статуса компьютерного моделирования, является ли оно вспомогательным инструментом пластического хирурга или фактическим обещанием результата медицинской услуги.

Так как цифровая визуализация относится к медицинской информации, предоставляемой пациенту в рамках исполнения обязанности пластического хирурга по информированию о характере, методах, рисках и ожидаемых результатах медицинского вмешательства, здесь нужно опираться на Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. Данная обязанность закреплена в ст. 20 этого федерального закона, где указано, что ИДС должно основываться на полной и достоверной информации. При этом, в случае пластической хирургии, особое значение имеет корректное указание вероятностного характера визуального результата, поскольку отсутствие соответствующих разъяснений может привести к формированию у пациента ошибочного представления о гарантированности эстетического эффекта.

Если фактический результат хирургического вмешательства будет существенно отличаться от представленного в цифровой визуализации, пациент вправе расценить это как предоставление

недостовой или вводящей в заблуждение информации, что может повлечь возникновение гражданско-правового спора. В рамках таких дел суды, как правило, оценивают зафиксированы ли соответствующие разъяснения в медицинской документации и тексте ИДС [3]. Суд также учитывает и то, что специальных медицинских стандартов, регламентов и требований к цифровым медицинским услугам не существует. При отсутствии доказательств того, что пациент был надлежащим образом предупрежден об условном характере моделирования, риск возложения ответственности на клинику пластической хирургии и пластического хирурга существенно возрастает.

Получается, что при планировании пластических операций, цифровая визуализация предполагаемого эстетического эффекта должна быть использована с учетом требований действующего законодательства о медицинской информации и защите прав пациента как потребителя медицинской услуги. Юридически корректное применение таких технологий предполагает обязательное разъяснение их вспомогательного и прогнозного характера, документальное закрепление соответствующих оговорок и недопущение формирования у пациента убеждения в гарантированности результата. Учет данных факторов позволит минимизировать правовые риски и предотвратить возникновение судебных споров.

Кроме того, стоит учитывать, что использование современных технологий сопровождается обработкой большого объема персональных и биометрических данных пациентов и это напрямую связано с применением норм о защите персональных данных и врачебной тайны. Трехмерные изображения лица, цифровые профили и медицинские записи, интегрированные в информационные системы, считаются особыми категориями данных, требующими высокого уровня защиты. С юридической точки зрения существует необходимость обеспечения конфиденциальности, надежности хранения и трансграничной передачи таких данных в соответствии с требованиями отраслевого регулирования, включая нормы, направленные на неприкосновенность частной жизни и персональные права субъектов данных. Нарушение этих прав повлечет как административную, так и гражданско-правовую ответственность клиники пластической хирургии и пластического хирурга.

Еще одним юридическим аспектом является ответственность за качество медицинской помощи после использования цифровых решений. Компьютерное моделирование, навигационные системы и цифровые шаблоны, используемые в операционной практике, могут повысить точность и предсказуемость вмешательств, но ошибки программного обеспечения, неверная интерпретация

цифровых данных или сбоев систем существенно увеличивают риск неблагоприятных исходов. Подобные случаи создают сложные ситуации для квалификации ответственности. Пластический хирург может быть освобожден от части профессиональной вины, если докажет, что действовал в рамках признанной клинической практики и использовал сертифицированные цифровые инструменты, однако разработчики и поставщики технологических решений также могут привлекаться к ответственности в порядке гражданско-правовых обязательств. Правовое регулирование данных взаимоотношений пока развивается и вопросы распределения рисков между всеми участниками цифровых медицинских процессов требуют дальнейшей детализации в нормативных актах.

Нельзя не упомянуть, что характерные для цифровых технологий вопросы этической ответственности и прозрачности алгоритмов также оказывают влияние на правоприменительную практику и формирование юридических стандартов. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта и методы объяснимости принятых решений становятся частью процесса оценки обоснованности медицинских решений, поскольку непредсказуемые или необъяснимые рекомендации системы могут привести к утрате доверия со стороны пациентов и судебным спорам. Правовое регулирование должно учитывать этические нормы и требования к прозрачности, чтобы обеспечить баланс между инновациями и защитой прав пациентов.

Заключение

В целом, анализ научной литературы показал, что пластический хирург сегодня использует целый спектр компьютерных технологий — от первой консультации до отдаленного мониторинга исходов. В научной литературе это описывается как непрерывный «цифровой путь пациента». При этом, остается важным то, что внедрение компьютерных технологий в пластической хирургии не заменяет клинический опыт пластического хирурга, но существенно расширяет диагностический, планировочный и операционный инструментарий, позволяя достигать результатов, которые ранее были недоступны стандартными методами. Комбинация высокоточного анализа, моделирования, виртуального планирования, печати индивидуальных компонентов и реального времени навигации сформировала новую парадигму оказания медицинских услуг в эстетической и реконструктивной пластической хирургии.

В ходе рассмотрения правовых аспектов установлено, что цифровизация данной области медицины оказала существенное влияние на всю систему правового регулирования медицинской

деятельности. Использование трехмерного моделирования и медицинских информационных систем трансформировало традиционные представления о содержании медицинской услуги, способах информирования пациента и границах профессиональной ответственности пластического хирурга.

Применение компьютерных технологий усложнило требования к соблюдению принципа информированного добровольного согласия, поскольку цифровые модели и прогнозируемые изображения результата хирургического вмешательства стали важным фактором принятия пациентом решения о медицинском вмешательстве. Отсутствие четкого нормативного закрепления правового статуса компьютерного моделирования создало риск его ошибочной интерпретации как гарантии результата, что может повлечь возникновение гражданско-правовых споров и претензий к клинике пластической хирургии и пластическому хирургу.

Кроме того, с правовой точки зрения, виртуальное моделирование в пластической хирургии должно рассматриваться исключительно как вспомогательный инструмент пластического хирурга, используемый для информирования пациента и поддержки клинического решения. Для закрепления данного статуса необходимо его явное отражение в медицинской документации и информированном добровольном согласии пациента с указанием именно прогнозного, а не гарантированного характера визуализируемого результата.

Список литературы:

- [1] Гришин С. М., Одинцов С. В. Тенденции электронного здравоохранения и особенности практики рассмотрения споров по оказанию медицинских услуг с применением цифровых технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 5. С. 43-50.
- [2] Карсанов А. М., Полунина Н. В., Гогичаев Т. К. Безопасность пациентов в хирургии. Часть 2: программа менеджмента качества хирургического лечения // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2019. № 1 (35). С. 56-65.
- [3] Решение № 2-1/2020 2-1/2020(2-843/2019;)~М-328/2019 2-843/2019 М-328/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 2-1/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xL4G70ynSpUe/> (дата обращения: 08.01.2026).
- [4] Субботина Е. И., Черкиев А. М., Лендыч В. А., Чижова Е. А., Макарова Ю. В. 3D-биопечать в реконструктивной хирургии: возможности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2024. № 3. С. 249-264.

[5] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Минздрав РФ. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (дата обращения: 07.01.2026).

[6] Day K. M., Gabrick K. S., Sargent L. A. Applications of Computer Technology in Complex Craniofacial Reconstruction // *Plast Reconstr Surg Glob Open*. 2018. № 6 (3). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29707444/> (дата обращения: 06.01.2026).

[7] Townsend A., Tepper O. M. Virtual Surgical Planning and Three-Dimensional Printing in Rhinoplasty // *Semin Plast Surg*. 2022. № 36 (3). P. 158-163.

References:

- [1] Grishin S. M., Odintsov S. V. Trends in e-health and features of the practice of dispute resolution for the provision of medical services using digital technologies//Problems of economics and legal practice. 2024. № 5. S. 43-50.
- [2] Karsanov A.M., Polunina N.V., Gogichaev T.K. Patient safety in surgery. Part 2: Surgical Treatment Quality Management Program//Medical Technologies. Evaluation and selection. 2019. № 1 (35). S. 56-65.
- [3] Decision No. 2-1/2020 2-1/2020(2-843/2019;) ~ M-328/2019 2-843/2019 M-328/2019 dated February 11, 2020 in case No. 2-1/2020//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xL4G70ynSpUe/> (access date: 08.01.2026).
- [4] Subbotina E. I., Cherkiev A. M., Lendych V. A., Chizhova E. A., Makarova Yu. V. 3D bioprinting in reconstructive surgery: opportunities and prospects// Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2024. № 3. S. 249-264.
- [5] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended by 23.07.2025) "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (access date: 07.01.2026).
- [6] Day K. M., Gabrick K. S., Sargent L. A. Applications of Computer Technology in Complex Craniofacial Reconstruction // *Plast Reconstr Surg Glob Open*. 2018. № 6 (3). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29707444/> (access date: 06.01.2026).
- [7] Townsend A., Tepper O. M. Virtual Surgical Planning and Three-Dimensional Printing in Rhinoplasty // *Semin Plast Surg*. 2022. № 36 (3). P. 158-163.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-716-722

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
конституционного и административного права
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНГХуГС, Санкт-Петербурга),
e-mail: mail@law-books.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ НА ФОНЕ ЦЕННОСТНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния информационно-цифровых технологий и медиакоммуникаций на ценностные основания социально-правового поведения в современном обществе. Исследуются философские и политологические аспекты цифровизации общественных отношений и её воздействия на правовую культуру и правосознание граждан. Рассматриваются трансформации ценностных ориентаций под влиянием новых медиа и цифровых платформ. Предлагается концептуальная модель взаимосвязи информационно-цифровой среды и социально-правового поведения.

Ключевые слова: цифровые технологии, медиакоммуникации, социально-правовое поведение, ценностная модель, правовая культура, информационное общество, цифровизация.

FURMAN Tatyana Gennadyevna,
PhD in Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the North-West Institute of Management - a branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(RANEPA, St. Petersburg)

A STUDY OF INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES AND MEDIA COMMUNICATIONS AGAINST THE BACKDROP OF A VALUE-BASED MODEL OF SOCIAL AND LEGAL BEHAVIOR IN SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the analysis of the influence of information and digital technologies and media communications on the value foundations of socio-legal behavior in modern society. The philosophical and political aspects of the digitalization of public relations and its impact on the legal culture and legal consciousness of citizens are studied. Transformations of value orientations under the influence of new media and digital platforms are considered. A conceptual model of the relationship between the information-digital environment and socio-legal behavior is proposed.

Key words: digital technologies, media communications, social and legal behavior, value model, legal culture, information society, digitalization.

Введение

Стремительное развитие информационно-цифровых технологий и медиакоммуникаций в XXI веке существенным образом трансформирует

социальное пространство, создавая новые формы взаимодействия между индивидами, социальными группами и государственными институтами. Эти процессы оказывают глубокое воздействие на

ценностные основания социально-правового поведения, что требует философского и политологического осмысления. Как справедливо отмечает М. Кастельс, «сетевое общество представляет собой качественно новый тип социальной организации, в котором информация и коммуникация становятся ключевыми факторами социальной динамики» [1, с. 67]. Данный тезис получает дополнительное подтверждение в девятом анализе правовых отношений, где показания потоков приобретают нормативное значение. Цифровая трансформация пространства затрагивает не только технические аспекты коммуникации, но и глубинные механизмы формирования правового сознания. Традиционные институты запрещают социализацию - семья, образовательное учреждение, профессиональное сообщество - всё в большей степени опосредуются цифровыми технологиями, что существенно модифицирует процессы формирования правовых норм и ценностей.

Следует отметить, что переход к информационному обществу сопровождается своеобразным изменением самой природы взаимодействия. Если в индустриальный период правовые отношения развивались исключительно в рамках четко определенных территориальных и институциональных границ, то в условиях цифровизации эти границы становятся проницаемыми и подвижными. Возникает феномен «сетевого права», характеризующийся децентрализацией нормативных источников, множественностью регулятивных режимов и конкуренцией юрисдикций в цифровом пространстве. Особое значение имеет проблема формального и неформального регулирования в цифровой среде. Сдержанность правовыми нормами, установленными подходами, все может сыграть роль, ставя под угрозу технические стандарты, пользовательские соглашения, правила цифровой платформы. Эти нормативные образования, не являясь правовыми в строгом смысле, тем не менее оказывают значительное влияние на поведение субъектов и регулируют их правовые ожидания. Данная ситуация возникает перед заключением научной задачи переосмысления традиционных представлений о системе источников прав и механизмах нормативного регулирования. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровизация общественных отношений затрагивает фундаментальные аспекты правовой жизни общества - от способов получения правовой информации до форм участия граждан в политико-правовых процессах. Трансформируются не только механизмы правовой коммуникации, но и само содержание правосознания, его ценностные и нормативные компо-

ненты. В этих условиях возникает необходимость разработки концептуальной модели, описывающей взаимосвязь информационно-цифровой среды и социально-правового поведения с учётом ценностного измерения этой взаимосвязи.

Теоретико-методологические основания исследования. Исследование влияния информационно-цифровых технологий на социально-правовое поведение требует междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения философии права, политологии, социологии и теории коммуникации. Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать информационно-цифровую среду и социально-правовое поведение как взаимосвязанные элементы единой социальной системы. Существенное значение имеет также аксиологический подход, акцентирующий внимание на ценностных основаниях социально-правового поведения и их трансформации под влиянием цифровых технологий [2, с. 123].

Понятие «социально-правовое поведение» в контексте данного исследования понимается как система действий и поступков индивидов и социальных групп, осуществляемых в сфере правового регулирования и направленных на реализацию их правовых интересов. Ценностная модель социально-правового поведения представляет собой совокупность ценностных ориентаций и установок, определяющих характер и направленность правового поведения субъектов. Информационно-цифровые технологии и медиакommunikации выступают в качестве факторов, существенно модифицирующих данную модель и создающих новые условия для правовой социализации и правовой активности граждан.

Цифровизация и трансформация правовой коммуникации. Одним из ключевых аспектов влияния информационно-цифровых технологий на социально-правовое поведение является трансформация правовой коммуникации. Традиционные каналы распространения правовой информации - официальные издания, средства массовой информации, юридические консультации - дополняются, а в ряде случаев замещаются цифровыми платформами и сетевыми ресурсами. Это существенно расширяет доступ граждан к правовой информации, но одновременно создаёт новые риски, связанные с качеством и достоверностью этой информации [3, с. 89]. Проблема качества информации в цифровой среде приобретает особую остроту в связи с феноменом постправды и распространением фейковых новостей. На открытой площадке это обнаруживается в распространении недостоверных сведений о законодательстве, искажённых интерпретаций судебных реше-

ний, ложных правовых соглашений. Последствия использования недостоверной информации могут быть весьма серьезными - из-за неправильного оформления документов до совершения действий, влекущих за собой юридическую ответственность.

Существенная роль в прекращении подачи информации включает поисковые алгоритмы и системы ранжирования контента. Эти технические механизмы определяют, какая правовая информация будет доступна пользователю в первую очередь, и тем самым опосредуют процесс получения правовых знаний. Исследования показывают, что алгоритмы поисковых систем могут систематически продвигать определенные строгие правила, создавая эффект «алгоритмической предвзятости» в сфере закона. Отдельная проблема представляет собой использование искусственного интеллекта для генерации правового контента. Современные языковые модели способны создавать тексты, внешне неотличимые от написанных человеком, в том числе правовые заключения, комментарии к законодательству, юридические документы. При этом такие тексты могут допускать фактические ошибки, логические противоречия, ссылки на несуществующие нормативные акты. Верификация автоматически сгенерированного правового контента становится важной защитой качества информации.

В этих условиях особое внимание уделяется навыкам критического отношения к информации у граждан. Правовая грамотность в цифровой эпохе должна включать не только знание базовых правовых норм и процедур, но и умение оценивать достоверность источников информации, распознавать манипулятивные методы в правовом дискурсе, проверять информацию посредством обращения к первоисточникам. Формирование таких навыков составляет вашу основную задачу правового образования и просвещения.

Цифровые медиа формируют особую информационную среду, характеризующуюся высокой скоростью распространения информации, интерактивностью, возможностью создания пользовательского контента. В сфере правовой коммуникации это приводит к появлению новых практик - от обсуждения законопроектов на интернет-платформах до использования социальных сетей для правовой мобилизации граждан. Однако, как отмечают исследователи, «цифровизация правовой коммуникации несёт в себе амбивалентный потенциал: она может способствовать как повышению правовой культуры, так и распространению правового нигилизма и популизма» [4, с. 45].

Ценностные трансформации в условиях цифровизации. Информационно-цифровые технологии оказывают существенное влияние на ценностные основания социально-правового поведения. Традиционные правовые ценности - законность, справедливость, порядок - подвергаются переосмыслению в контексте цифровой реальности. Возникают новые ценностные ориентации, связанные с цифровыми правами, информационной свободой, приватностью в цифровом пространстве. При этом наблюдается определённое напряжение между традиционными и новыми ценностями, что создаёт условия для ценностных конфликтов и нормативной неопределённости.

Особую роль в формировании ценностных ориентаций играют социальные медиа и цифровые платформы. Они выступают не только каналами коммуникации, но и агентами социализации, формирующими представления о нормативном и девиантном поведении. Алгоритмическое управление контентом создаёт «информационные пузыри», в которых пользователи получают преимущественно ту информацию, которая соответствует их существующим установкам. Это может приводить к поляризации правосознания и затруднению достижения общественного консенсуса по правовым вопросам [5, с. 178]. Поляризация правосознания в условиях цифровизации проявляется в различных формах и имеет множественные последствия для защиты системы защиты. На индивидуальном уровне она выражается в более устойчивых установках, вызывающих приятное удовлетворение альтернативных правильных позиций. На групповом уровне замыкаются сообщества единомышленников, культивирующие определенные правовые идеологии и отторгающие носителей иных взглядов. На институциональном уровне поляризация препятствует достижению компромиссов при принятии законодательства и закрытию политики.

Механизмы поляризации в цифровой среде включают несколько дополнительных процессов. Во-первых, алгоритмическая персонализация контента ограничивает доступ пользователей к информации, не соответствующей их профилю, интересам и настройкам. Во-вторых, архитектура социальных сетей способствует эмоциональному и конфликтному взаимодействию, которое способствует радикализации позиций. В-третьих, анонимность и дистанцированность онлайн-коммуникации ограничивают влияние социальных норм вежливости и толерантности. Последствия поляризации правосознания для слабых демократических институтов весьма существенны. Затрудняется рассмотрение общего понимания базовых

правовых ценностей и нарушений, которые подрывают основы правового консенсуса в обществе. Снижается легитимность правовых решений в глазах тех групп, чьи позиции не были учтены при их представлении. Возрастает конфликтный потенциал правовых отношений, что приводит к увеличению нагрузки на собственную систему и механизмы разрешения споров.

Противодействие поляризации правосознания требует комплекса мер, включающих как технологические, так и социально-политические решения. К технологическим мерам относится модификация алгоритмов рекомендательных систем с целью обеспечения разнообразия информации, разработка инструментов и маркировка экстремистского контента, создание платформ для конструктивного диалога по правовым вопросам. Социально-политические меры включают развитие культуры правового диалога, поддержку независимых правовых медиа, совершенствование системы общественного участия в правотворчестве.

Политико-правовые аспекты цифровых медиа коммуникаций. Развитие цифровых медиа-коммуникаций существенно изменяет характер взаимодействия граждан с политико-правовыми институтами. Электронное правительство, цифровые государственные услуги, онлайн-платформы для общественного обсуждения законопроектов создают новые возможности для участия граждан в политико-правовых процессах. Вместе с тем эти возможности реализуются неравномерно в различных социальных группах, что порождает проблему цифрового неравенства и его влияния на реализацию политических и правовых прав граждан. Политологический анализ показывает, что цифровые технологии трансформируют традиционные формы политического участия и создают новые модели гражданской активности. Сетевые сообщества, онлайн-петиции, цифровой активизм становятся значимыми факторами политико-правовой динамики. При этом возникают новые вызовы, связанные с манипулированием общественным мнением, распространением дезинформации, использованием цифровых технологий для подрыва правовых институтов. Как отмечает Е.Г. Морозов, «технологический оптимизм в отношении демократизирующего потенциала интернета должен быть уравновешен критическим анализом возможностей использования цифровых технологий для контроля и манипулирования» [6, с. 234]. Диалектика освобождения и контроля возможностей цифровых технологий составляет одну из центральных проблем современной политической философии. В этой сфере эта диалектика проявляется особенно отчетливо.

С одной стороны, цифровые технологии расширяют возможности граждан по защите своих прав - через доступ к законной информации, онлайн-обращения в следствии доказательств, публичное освещение правонарушений. С другой стороны, та же самая технология может быть использована для проведения слежки, профилирования граждан, предиктивного контроля, который создает угрозу фундаментальным правам и свободам.

Особую тревогу вызывает развитие технологий создания лиц и биометрической идентификации. Применение этих технологий в общественных пространствах создает инфраструктуру тотального наблюдения, не совместимую с ценностями либерально-демократического общества. При этом правовое регулирование технологий данных существенно отстаёт от их технического развития, что создаёт зону неопределённости и рисков злоупотреблений.

Не менее новаторской является проблема алгоритмического управления в сфере права. Использование систем искусственного интеллекта для принятия решений, затрагивающих права граждан, - в рамках правоприменения, обоснования, кредитования - ставит вопрос о прозрачности и подотчётности таких решений. Концепция «алгоритмической подотчётности» предполагает, что граждане должны иметь возможность понимать логику принятия за свои решения и оспорить их в случае несогласия. Однако, реализация этих принципов наталкивается на техническую сложность, связанную с непрозрачностью современных моделей машинного обучения. Политологический анализ показывает, что эффективность контроля возможностей цифровых технологий зависит от характера политического режима и институциональной структуры общества. В демократических обществах с развитой системой сдержек и противовесов риски злоупотребления цифровыми технологиями контроля относительно ограничены наличием независимой глобальной системы, предшествующей медиа, рабочей цивилизации общества. В авторитарных режимах те же самые технологии могут стать инструментами репрессий и подавления инакомыслия.

Модель взаимосвязи цифровой среды и социально-правового поведения. На основе проведённого анализа может быть предложена концептуальная модель взаимосвязи информационно-цифровой среды и социально-правового поведения. Данная модель включает несколько уровней взаимодействия. На микроуровне цифровые технологии влияют на индивидуальное правосознание и правовое поведение через изменение способов получения правовой информации, форм правовой социализации и механизмов формиро-

вания правовых установок. На мезоуровне трансформируются групповые практики правового поведения, появляются новые формы коллективных действий в правовой сфере. На макроуровне изменяется институциональная структура правовой системы, возникают новые механизмы правового регулирования цифровых отношений.

Ценностное измерение этой модели связано с пониманием того, что информационно-цифровые технологии не являются ценностно-нейтральным инструментом, но несут в себе определённые ценностные импликации. Дизайн цифровых платформ, алгоритмы управления контентом, архитектура цифровых сервисов воплощают определённые ценностные приоритеты и формируют соответствующие поведенческие паттерны. Осознание этого обстоятельства имеет принципиальное значение для разработки правовой политики в сфере цифровых технологий и медиакommunikаций [7, с. 156]. Понимание технологий как носителей определенных ценностей, пересмотр традиционного инструментального требования, рассмотрение техники как ценностно-нейтрального средства достижения целей. В процессе обработки кухонной системы цифровые приборы дают определённые представления о том, какие социальные отношения должны иметься в устройстве и тем самым оказывают нормативное воздействие на поведение пользователей. Концепция «кода как права», предложенная Л. Лессигом фиксирует это положение, указывая на то, что программный код цифровой платформы выполняет регулятивные функции, аналогичные функциям правовых норм. В этом контексте особое внимание уделяется проблеме демократического контроля над проектированием цифровых систем. Если цифровая платформа архитектуры обеспечивает условия реализации прав и свобод граждан, решения по ее схеме не могут быть приняты исключительно при рассмотрении современных компаний-разработчиков. Необходимы механизмы общественного участия в применении создания электронных устройств, затрагивающих публичные интересы.

Практическая реализация этих требований связана с трудностями. Технический характер решений по проектированию цифровых систем затрудняет их понимание с общественной точки зрения. Глобальный характер регулятора деятельности цифровых платформ создает проблемы юрисдикционной конкуренции и арбитража. Высокая скорость технологических изменений не позволяет законодательным процедурам адекватно реагировать на возникающие вызовы. Однако эти сложности не снимают необходимости определения принципов демократической подот-

чётности цифровых технологий. Одним из перспективных направлений является развитие концепции «права по проектированию» (конфиденциальность по замыслу, права по замыслу), прогнозирующая интеграция правовых требований в процесс разработки цифровых систем. Данный подход предусматривает, что защита прав и свобод должна обеспечиваться не только посредством последующего правового регулирования, но и посредством современной архитектурной системы. Реализация этого требует тесного взаимодействия юристов, ученых и представителей гражданского общества на всех этапах создания цифровых устройств.

Перспективы развития и регулирования. Дальнейшее развитие информационно-цифровых технологий и медиакommunikаций ставит перед обществом и государством ряд стратегических задач в сфере регулирования их влияния на социально-правовое поведение. К числу приоритетных направлений относятся: развитие цифровой грамотности и критического мышления граждан в отношении медиаконтента; совершенствование правового регулирования цифровых платформ и социальных сетей; обеспечение доступности цифровых государственных услуг для всех категорий граждан; защита персональных данных и цифровой приватности; противодействие распространению дезинформации и манипулированию общественным сознанием.

Философско-правовое осмысление этих задач предполагает поиск баланса между различными ценностями - свободой информации и защитой от вредного контента, инновационным развитием и обеспечением безопасности, эффективностью цифровых сервисов и защитой приватности. Достижение такого баланса требует широкой общественной дискуссии и выработки консенсуса относительно ценностных приоритетов цифрового развития. Политологический анализ показывает, что успешность правового регулирования в данной сфере во многом зависит от способности учитывать интересы различных социальных групп и обеспечивать их участие в выработке соответствующих решений.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что информационно-цифровые технологии и медиакommunikации оказывают глубокое и многоаспектное влияние на ценностную модель социально-правового поведения в современном обществе. Это влияние проявляется в трансформации правовой коммуникации, изменении ценностных ориентаций граждан в правовой

сфере, появлении новых форм политико-правового участия. Цифровизация создаёт как новые возможности для развития правовой культуры и гражданской активности, так и новые риски, связанные с манипулированием общественным сознанием и углублением социального неравенства.

Предложенная концептуальная модель взаимосвязи информационно-цифровой среды и социально-правового поведения может служить теоретической основой для дальнейших исследований в данной области и разработки практических рекомендаций по регулированию цифровых медиакоммуникаций. Ключевое значение имеет понимание того, что эффективное регулирование должно учитывать ценностное измерение цифровых технологий и быть направлено на обеспечение соответствия цифрового развития фундаментальным правовым ценностям и принципам демократического общества.

Список литературы:

- [1] Кастельс М. Власть коммуникации: монография / перевод с английского Н. М. Тылевич. - 2-е изд., доп. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. - 592 с.
- [2] Малахов, В.П. Философия права : учебное пособие / В. П. Малахов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. - 431 с.
- [3] Пашенцев, Д.А. Цифровизация правотворчества: проблемы и перспективы / Д.А. Пашенцев, А.А. Дорская // Государство и право. - 2022. - № 3. - С. 82-92.
- [4] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. - 2023. - 30 мая. - С. 40-47.
- [5] Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого О. Кильдюшова. - М.: Новое литературное обозрение, 2023. - 272 с.
- [6] Морозов Е.Г. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / перевод с английского И. Кригера. - Москва : АСТ, 2022. - 528 с.
- [7] Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. - 2024. - Т. 28, № 2. - С. 148-162.
- [8] Лессиг Л. Кодекс и другие законы киберпространства / перевод с английского А. Смирнова. - Москва : Эксмо, 2021. - 480 с.
- [9] Баранов Н.А. Политические аспекты цифровой трансформации общества // Политическая наука. - 2023. - № 2. - С. 56-78.
- [10] Ковалёв В.А. Правовая социализация в условиях информационного общества // Социологические исследования. - 2022. - № 8. - С. 45-54.
- [11] Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. - М.: Юриспруденция, 2022. - 552 с.
- [12] Солдаткина О.Л. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник СГБУ. - 2023. - № 4. - С. 22-35.
- [13] Ефремов А.А. Цифровой суверенитет и информационная безопасность: правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2024. - № 1. - С. 210-231.
- [14] Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / перевод с английского А. Васильева. - М.: Издательство Института Гайдара, 2022. - 784 с.
- [15] Понькин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения прав / И.В. Понькин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2023. - Т. 27, № 1. - С. 91-109.
- [16] Рассолов И.М. Право и интернет: теоретические проблемы. - М.: Норма, 2023.
- [17] Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при строительстве иностранных государств / Т.А. Полякова, А. Минбалева // Информационное право. - 2023. - № 2. - С. 4-12.

References:

- [1] Castells M. Power of communication: monograph/translation from English N. M. Tylevich. - 2nd ed., Add. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. - 592 s.
- [2] Malakhov, V.P. Philosophy of law: textbook/V.P. Malakhov. - 3rd ed., Revised and add. - M.: UNITY-DANA, 2021. - 431 s.
- [3] Pashentsev, D.A. Digitalization of law-making: problems and prospects/D.A. Pashentsev, A.A. Dorskaya//State and law. - 2022. - № 3. - S. 82-92.
- [4] Zorkin V.D. Law in the digital world: reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum//Rossiyskaya Gazeta. - 2023. - May 30. - S. 40-47.
- [5] Habermas Y. New structural transformation of the public sphere and deliberation policy/Y. Habermas; translation from German by O. Kildyushov. - M.: New Literary Review, 2023. - 272 p.
- [6] Morozov E.G. Internet as an illusion. Reverse side of the network/translation from English by I. Krieger. - Moscow: AST, 2022. - 528 p.

[7] Talapina, E.V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects//Journal of Russian Law. - 2024. - T. 28, NO. 2. - S. 148-162.

[8] Lessig L. Codex and other laws of cyberspace/translation from English by A. Smirnov. - Moscow: Eksmo, 2021. - 480 s.

[9] Baranov N.A. Political aspects of digital transformation of society//Political science. - 2023. - № 2. - S. 56-78.

[10] Kovalev V.A. Legal socialization in the conditions of the information society//Sociological research. - 2022. - № 8. - S. 45-54.

[11] Voynikanis E.A. Intellectual property law in the digital age: a paradigm of balance and flexibility. - M.: Jurisprudence, 2022. - 552 s.

[12] Soldatkina O.L. Artificial intelligence in the legal space//Bulletin of the SGLU. - 2023. - № 4. - S. 22-35.

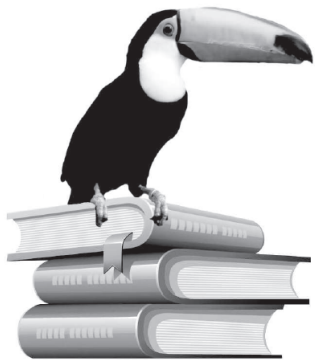
[13] Efremov A.A. Digital sovereignty and information security: legal aspects//Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2024. - № 1. - S. 210-231.

[14] Zuboff Sh. Age of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power/translation from English by A. Vasiliev. - M.: Gaidar Institute Publishing House, 2022. - 784 s.

[15] Ponkin I.V. Artificial intelligence from the point of view of rights/I.V. Ponkin, A.I. Redkin//Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. - 2023. - T. 27, NO. 1. - S. 91-109.

[16] Brine I.M. Law and the Internet: theoretical problems. - M.: Norma, 2023.

[17] T.A. Polyakova. Legal support of information security in the construction of foreign states/T.A. Polyakova, A. Minbaleev//Information Law. - 2023. - № 2. - S. 4-12.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-723-733

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
 доктор юридических наук, профессор,
 декан факультета профессиональной переподготовки
 Московского института профессионального
 образования им. К.Д. Ушинского (<https://mipo.online>),
 профессор кафедры конституционного и международного права
 ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
 (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
 e-mail: ludmilagr@mail.ru
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/P-4219-2018>
<https://scholar.google.com/citations?user=SE7TDpMAAAAJ&hl=en>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОССИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка научного осмысления периодизации развития судебного прецедента в России с акцентом на фактическое применение судебного прецедента в российской судебной практике (применения института судебного прецедента через иные юридические механизмы, например, позиции высших судов, разъяснения, обзоры, унификация практики), с одной стороны, и неотнесения отечественной правовой доктриной и законодательством судебного прецедента к источникам права.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, правоприменение, обзор судебной практики, обзоры высших судов, common law, романо-германская правовая семья.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
 Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
 of the Moscow Institute of Vocational Education
 named after K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>),
 Professor of the Department of Constitutional and International Law
 of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
 "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)",
 Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences,
 Scopus Author ID: 57224262554, Scopus Author ID: 55886571500

HISTORICAL DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRECEDENT IN RUSSIA

Annotation. The article made an attempt to scientifically comprehend the periodization of the development of judicial precedent in Russia with an emphasis on the actual application of judicial precedent in Russian judicial practice (application of the institution of judicial precedent through other legal mechanisms, for example, the positions of higher courts, explanations, reviews, unification of practice), on the one hand, and non-attribution of domestic legal doctrine and legislation of judicial precedent to sources of law.

Key words: judicial precedent, judicial practice, law enforcement, review of judicial practice, reviews of higher courts, common law, Roman-German legal family.

Российская правовая система на протяжении последних десятилетий существует де-факто в режиме «прецедент-

ности». Однако важно понимать, что предшествующая современному периоду многовековая история политико-правового устройства и госу-

дарственного управления России знала прототипы прецедентного мышления. Об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Историю формирования и развития судостроительства и судебной системы России в аспекте применения практики судебного толкования, кодификаций, разъяснений и судебных прецедентов (их прообразов) можно условно классифицировать на несколько исторических этапов.

Этап 1. Ранний этап (до XIX века). Для ранней российской государственности и права характерны обычай, княжеские уставы, позднее – кодификации (Русская Правда, уставные грамоты городов, Судебники, Соборное уложение 1649 г.), где пространство для «прецедента» безусловно было (прецедентность по своей природе была канцелярско-административной, а не судебно-институциональной), однако не институционализировалось: решения отдельных судов не образовывали обязательного правила для других судов. До XIX века в России не складывается доктрина судебного прецедента в современном смысле «обязательного правила, выведенного из решения суда и воспроизводимого судами как источник права».

Судебные решения как таковые не признавались самостоятельным источником права и не образовывали формально обязательного правила для иных судов и иных дел; сама система правосудия оставалась тесно связанной с административной властью и не имела развитых механизмов “*stare decisis*”. При этом практическая потребность в единообразии порождала прецедентоподобные формы: казуистическую технику норм (когда законодатель фиксирует определенный типовой казус, сформированный судебной практикой), а также канцелярскую фиксацию и тиражирование образцов разрешения дел через «выписки из указов» и «указные книги» приказов, где прошлые решения/распоряжения служили ориентиром для принятия новых решений в сходных ситуациях.

Этап 2. Имперский (особенно – после реформы 1864 г.). Судебная реформа 1864 г. закрепила за Правительствующим Сенатом роль верховной кассации, которая «наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением». Это стало важной институциональной базой для прецедента толкования: кассационная инстанция не «творит право», но унифицирует (толкует) его смысл. На данном этапе появляется то, что можно назвать «прототипом прецедентного мышления»: кассационные решения Сената (в логике единообразия) фактически становились ориентирами для нижестоящих судов. Это еще не *stare decisis*, но уже централизация толкования и «воспроизводимость» правовых подходов.

Судебный прецедент не был признан формально, но потребность в единообразии заставляет судебную систему Российской Империи использовать решения высшей инстанции как модель-образец для принятия решений нижестоящими инстанциями. Начиная с Судебной реформы 20 ноября 1864 г. появляется институциональная конструкция, которая порождает «прецедентное мышление»: единый Верховный кассационный суд, отделенный от рассмотрения дела по существу и наделенный миссией обеспечивать точный смысл закона и единообразие его применения.

«Учреждение судебных установлений» прямо фиксирует место Сената в новой системе: он включен в перечень судебных установлений «в качестве Верховного кассационного суда». Здесь важно не просто «верховенство», а важная функциональная роль кассации. В тексте закреплено, что Сенат, не решая дела по существу, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судами империи. Это важно для исторического понимания прообраза «прецедентности»: когда высшая инстанция отвечает не за факты и справедливость казуса, а за правовой смысл и единый стандарт, ее решения объективно превращаются в «модель», которую выгодно воспроизводить.

Далее сенатские кассационные решения начинают восприниматься как «разъясняющие» и тиражируются в специальных сборниках, то есть превращаются в канал стабильного «повторяемого смысла» (по сути – это и есть прототип прецедента), например, издания Судебных уставов с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Сената. После 1864 г. толкование законов становится одной из обязательных функций Сената, формируются «акты толкования» действующего законодательства.

Этап 3. Советский («нормативность без признания»). Официальная доктрина отрицала прецедент как источник советского права, но государству нужен был единый смысл нормы (ее толкования). Поэтому важное значение в СССР имели руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. В материалах и учебной литературе того времени фиксируется тезис об обязательности руководящих разъяснений для применителей закона. По сути, это прецедент толкования, легитимированный идеологически как «обеспечение социалистической законности».

Необходимо различать два уровня: как советская доктрина описывала «руководящие разъяснения» (как толкование, а не как правотворчество) и как они реально работали в правовой системе (как централизованный квазинормативный регулятор судебной практики). Пленум Верховного Суда СССР принимал постановления «по

вопросам судебной практики»: обобщал дела, выявлял типичные ошибки и формулировал «линии» правильного применения закона. Это делалось не через решения по конкретному спору (не прецедент), а через абстрактные директивные позиции для массового применения. Пленум Верховного Суда СССР был инструментом единообразия в сверхцентрализованной советской системе, где расхождения судебной практики по всем союзным республикам воспринимались как угроза «социалистической законности».

В позднесоветский период обязательность руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР была закреплена прямо законом: ст. 3 Закона СССР от 30.11.1979 «О Верховном Суде СССР» устанавливала, что Верховный Суд СССР дает руководящие разъяснения, и они обязательны не только для судов, но и для других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Если судебный акт обязателен для неопределенного круга правоприменителей, он по факту работает как норма поведения (выделено нами. Л.Г.), даже если называется такой акт «толкованием». В научной литературе это описывается как особая форма судебного правотворчества/квазиисточник.

Пленум Верховного Суда СССР задавал единый стандарт для тысяч судов всех союзных республик. Это был, образно выражаясь, «механизм сборки» правовой системы в условиях: общей «рамочности» многих норм, сильной зависимости права от текущих задач государства, отсутствия независимого прецедента как формального источника. Кроме того, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР заполняли пробелы и конкретизировали «расплывчатость» правовых норм (де-факто это было нормотворчеством). Самый показательный эффект - когда разъяснение добавляло новое правило, которого нет в исходном нормативном правовом акте. Например, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР по жилищным спорам фактически вводили обязанность сначала пытаться организовать размен жилья перед выселением, хотя соответствующее постановление 1937 г. такого способа не предусматривало; тем не менее, это правило широко применялось судами [1].

Постановления Пленума Верховного Суда СССР де-факто были «каналом трансляции» государственной политики в судебные решения советских судов [2]. Постановления Пленума Верховного Суда СССР часто писались языком «задач», «укрепления законности, «борьбы с опасными проявлениями» и т.п. Они повышали предсказуемость для советской системы власти: суды получали определенные сигналы, какие ошибки считать грубыми, а какие подходы – «правильными».

Кроме того, Пленум Верховного Суда СССР задавал требования к структуре и содержанию судебных актов - фактически стандарты качества судебных решений. Это постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 г. № 4 «О судебном приговоре» [3] прямо описывает приговор как политически и воспитательно значимый акт и фиксирует типовые дефекты: поверхностное разбирательство, неправильная оценка доказательств, «механическое перенесение» обвинительного заключения в приговор вместо анализа доказательств и мотивировки. Данный Пленум не просто повторял нормы УПК СССР, но задавал проверяемый правовой стандарт того, как суд обязан обосновывать выводы в своих судебных актах - и этим дисциплинировал судебную практику [4].

Второй пример – Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.04.1984 г. № 4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера» [5]. Пленум разъясняет условия и процессуальные гарантии: необходимость всестороннего и объективного исследования обстоятельств, критерий «опасности для общества», категории лиц, обязательность защитника, требования к доказыванию факта деяния и т.д. Суды получали единый «алгоритм» применения сложного института на стыке уголовного и медицинского регулирования [5].

В научном анализе прямо отмечается, что советское законодательство (в т.ч., Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР» [7]) институционально закрепило роль Пленума как органа, чьи позиции функционировали как особый источник регулирования, при сохранении доктринального отрицания прецедента. Именно этот Закон институционально закрепил «руководящие разъяснения» Пленума Верховного Суда СССР как обязательные для правоприменителей. Согласно ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР», Пленум дает руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства, и что эти разъяснения обязательны для судов, а также для других органов и должностных лиц, применяющих соответствующий закон; также закреплён контроль Верховного Суда СССР за их выполнением [8].

С одной стороны, в СССР доминировала позиция: в советском праве «нет места судебному прецеденту», а признание судебной практики источником права якобы противоречит верховенству закона и подзаконности судебной деятельности (например, С.И. Вильнянский, А.Я. Вышинский, С.А. Голунский, В.И. Каминская, М.С. Строгович, И.С. Тишкевич, М.Д. Шаргородский). С другой стороны, уже в 1940-1950 гг. советскими учеными обсуждалась мысль, что руководящие

разъяснения Пленума Верховного Суда СССР – это оригинальная форма обеспечения единообразия и фактически обладают «особой природой» (например, М.М. Исаев, С.В. Кечекьян, П.Е. Орловский). В советской науке обсуждалась коллизия: единообразие требовало общеобязательных ориентиров для судов, но доктрина, в то же время, официально отрицала судебный прецедент и судебное правотворчество. Поэтому разъяснения Пленума Верховного Суда РФ описывали как не-прецедент, но при этом признавали, что они фактически работают как квази-нормативный регулятор (через обобщение практики, конкретизацию нормы, закрытие пробелов).

Например, П.Е. Орловский (1940 г.) писал о выводах и обобщениях Верховного Суда СССР как о феномене, который приобретает руководящее обязательное значение для судов и потому фактически тянет на источник регулирования: «судебная практика приобретает руководящее обязательное значение... и... является источником советского гражданского права» [9]. С.Ф. Кечекьян (1946 г.) допускал, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР восполняют действующее право (то есть делают больше, чем простое «пояснение текста»): в научной полемике этот тезис использовался как аргумент в пользу признания постановлений Пленума Верховного Суда СССР источником (или, как минимум, источником особого типа) [10]. М.М. Исаев (1947 г.) прямо ставил вопрос о судебной практике Пленума Верховного Суда СССР как об источнике советского уголовного права (именно через механизм обобщения и придания обязательных ориентиров) [11].

По мнению С.И. Вильнянского (1947 г.), одна из самых «чистых» формулировок идеи особого источника – это судебная практика, создавая устойчивые правоположения, выступает источником положительного права, «но... особого рода» [12]. Таким образом, разъяснение Пленума Верховного Суда СССР превращает «общую» норму в операциональное правило (критерии, пределы, алгоритм квалификации), что и создает эффект нормативности. В.И. Каминская (1948 г.) акцентировала нормативно-обязывающий характер разъяснений: толкование в руководящих указаниях способно работать как общеобязательный ориентир, приближаясь к подзаконному нормативному регулированию [13]. По мнению М.Д. Шаргородского (1948 г.), на практике Пленум Верховного Суда СССР иногда «создает новые нормы» (то есть действует как правотворец), оценивая это критически как риск выхода за пределы полномочий; но одновременно сама постановка вопроса у него построена вокруг признания фактической нормативной силы разъяснений [14].

Другие ученые отрицали «источниковую» природу судебного прецедента. С.А. Голунский и М.С. Строгович (1940 г.) не признавали судебную практику источником права, поскольку такое признание означало бы, что судьи «создают право», т.е. становятся законодателями, что доктринально неприемлемо; разъяснения Пленума Верховного Суда СССР допустимы лишь как средство устранения ошибок и обеспечения единообразия внутри закона [15]. По мнению А.Я. Вышинского (1941 г.), «советский суд не создает нового права. Советские судьи – не законодатели» [16]. И.С. Тишкевич (1955 г.) аргументировал, что судебное толкование по своей природе не должно создавать новых правил, а потому руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР нельзя квалифицировать как подзаконные нормативные акты/источник права (они должны оставаться в статусе разъяснения для правильного применения) [17].

Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР стал институтом «централизованного нормативного толкования», который выполнял роль «быстрого регулятора» там, где закон: слишком общий и требует конкретизации критериев; содержит пробелы/конфликты; нуждается в унификации практики без формального признания прецедента. Именно поэтому в дискуссии 1940-1950-х гг., с одной стороны, отрицали судебный прецедент (идеологически), с другой стороны, описывали его как особый источник права [18].

Таким образом, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР были центральным механизмом управляемой унификации права, обеспечивая единообразие, закрывая законодательные пробелы, стандартизируя мотивировку и фактически позволяли «быстро дописать» право без изменения нормы закона. Формально их пытались удерживать в рамке толкования; фактически – это был квазинормативный контур советской правовой системы.

Этап 4. 1990-е–2010-е: «конституционная прецедентность». С появлением современной конституционной юстиции (с принятием Конституции РФ 1993 г.) возникает качественно иной продукт – правовая позиция. Решения Конституционного Суда РФ обязательны для всех органов и судов на всей территории России. Это означает, что если Конституционный Суд РФ вывел конституционно-правовой смысл нормы, то суд общей юрисдикции, арбитражный суд не вправе применять норму иначе (в противном случае это будет не просто «ошибка толкования», а конституционный дефект правоприменения). Параллельно Верховный Суд РФ получает конституционно закрепленную функцию давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции

РФ). А «каркас» для этой функции разворачивается в российском законодательстве о судебной системе. Де-факто пленумы и обзоры Верховного Суда РФ стали представлять собой прецеденты толкования норм законодательства (какие правовые стандарты обязаны воспроизводиться, даже если текст закона это прямо не определяет).

До реформы 2014 г. российская судебная система фактически имела две «высшие инстанции», каждая из которых обслуживала свой массив отношений и что принципиально - формировала собственный массив правовых ориентиров, во главе этих «высших инстанций» были, соответственно: Верховный Суд РФ как общая юрисдикция (уголовные, гражданские, административные, значительная часть публично-правовых споров) и Высший Арбитражный Суд РФ. Хотя в отечественной доктрине сохранялась установка на континентальную модель («закон как источник права»), на практике обе вершины российской судебной системы (Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ до 2014 г.) системно развивали «прецедентность» российской судебной системы, но не через классический *case law*, а через инструменты унификации и направления судебной практики толкования норм права.

Арбитражная юстиция в России на данном этапе была наиболее восприимчивой к фактической «судебной прецедентности» по нескольким причинам.

Во-первых, потребность бизнеса в прогнозируемости. Коммерческий оборот не терпит правовой неопределенности: цена ошибки конвертируется в убытки, сорванные сделки, рост транзакционных издержек. Поэтому правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ становились важными для бизнеса ориентирами, которые снижали неопределенность (участники рынка могли заранее оценивать вероятность исхода спора и корректировать поведение).

Во-вторых, повторяемость типовых ситуаций. В арбитраже много повторяющихся (в т.ч., договорных) конструкций: поставка, подряд, аренда, корпоративные конфликты, банкротство, налоги. Как только Высший Арбитражный Суд РФ трактовал, разъяснял типовую проблему своей четкой и аргументированной правовой позицией, она превращалась в де-факто стандарт для тысяч схожих кейсов.

В-третьих, институциональная культура арбитража. Арбитражная система исторически культивировала рационализацию судебной практики (ее структурированность, внимание к экономическим последствиям решений и т.д.), что делало правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ не просто «мнениями», а де-факто —

порождало важный судебный прецедент по тому или иному делу, закрывающий собой «лакуны» действующего законодательства.

В-четвертых, де-факто нормативный стабилизирующий эффект. Хотя формально правовые позиции не были источником права, фактически они приобретали свойства квазинормы: на них ориентировались суды, на них ссылались государственные органы и крупные участники рынка (бизнес), они становились «общим языком» юридической коммуникации.

Именно поэтому правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ часто работали как стандарты поведения для судей всех нижестоящих инстанций. В этом смысле арбитражная «прецедентность» в России была де-факто, и это, на наш взгляд, как инфраструктура предсказуемости и стабильности для бизнеса, укрепляло экономические отношения. Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен в ходе судебной реформы 2014 г. (Практически «наследником» компетенции ВАС РФ внутри ВС РФ стала Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ) (Верховный Суд РФ согласно Федеральному конституционному закону от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» стал высшим судебным органом, в том числе, по делам по разрешению экономических споров), а высокая квалификация арбитражных судей и накопленный арбитражем серьезный опыт Высшего Арбитражного Суда РФ был «растворен» в судебной системе. К сожалению, фактически был потерян специализированный высший центр экономического правосудия в России и произошла его замена более общей (и более многофункциональной) системой судов, возглавляемых Верховным Судом РФ. После упразднения ВАС РФ исчез Президиум ВАС РФ как орган, который именно формировал единообразие и вектор судебной практики, а не только «исправлял ошибки». В экспертной критике указывается, что позиции Экономической коллегии ВС РФ долго воспринимались как менее «обязательные» для нижестоящих судов, а рычагов для быстрого выравнивания практики меньше.

Этап 5. После 2020 г. (суверенизация и усиление внутренней прецедентности). После прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы (16 марта 2022 г.) и прекращения статуса стороны ЕКПЧ (16 сентября 2022 г.) внешняя «европейская прецедентность» (ЕСПЧ) перестает быть текущим источником ориентирования для российского судопроизводства. Это объективно усилило роль Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Таким образом, российская система в последние годы (с 2022 г.) становится

еще более «самореферентной»: когда внутренние правовые позиции (Конституционный Суд РФ) и позиции толкования (обзоры Верховного Суда РФ) фактически закрывают «вакуум» внешних (международных) стандартов.

По мнению Н.С. Бондаря, акты конституционного правосудия образуют вместе с Конституцией РФ особый вид конституционных источников права и обладают нормативно-доктринальной природой [19]; при этом Конституционный Суд РФ характеризуется как квазиправотворческий орган в том смысле, что его деятельность по результатам «сближается» с нормативно-установительной практикой (при сохранении юрисдикционной формы) [20]. Данная доктрина объясняет, почему «правовая позиция» функционирует как прецедент правовой позиции - не как факультативный аргумент, а как источник обязательного стандарта.

Конституционные правовые позиции (обзоры и разъяснения высших судов) фактически стали «ядром прецедента» в современной России, поскольку, во-первых, они обязательны для всех нижестоящих судов, во-вторых, Конституционный Суд РФ задает конституционный стандарт судебного правоприменения (пропорциональность, запрет произвольности, требования правовой определенности и т.д.), который затем механически воспроизводится в тысячах судебных дел по всей стране, в-третьих, судами часто используется т.н. техника «конституционно-правового смысла»: конкретная норма закона применяется только в «конституционном» прочтении - это и есть чистая форма прецедента правовой позиции в континентальной системе.

Если в обычной судебной вертикали «прецедентность» часто держится на фактическом авторитете высшей инстанции и институтах обзоров/разъяснений, то у Конституционного Суда РФ она опирается на прямую конституционную и законную конструкцию обязательности. Важно понимать, что обязательным становится не весь текст обзора/разъяснения решения Конституционного Суда РФ, а смысловое ядро, которое обеспечивает вывод в резолютивной части. Сам Конституционный Суд РФ прямо привязал правовую позицию к мотивировке, содержащей толкование конституционных норм или выявление конституционного смысла закона, и подчеркнул её обязательность. Например, в определении Конституционного Суда РФ от 08.10.1998 г. № 118-О [21] указано, что положения мотивировочной части, содержащие такое толкование/выявление смысла, «отражают правовую позицию... и также носят обязательный характер». Обязательность решений Конституционного Суда РФ охватывает не только резолютивную часть, но и те положения мотивировочной части, которые толкуют конститу-

ционные нормы или выявляют конституционно-правовой смысл закона, и при этом служат основанием выводов, закреплённых в резолютивной части. Именно они «отражают правовую позицию... и также носят обязательный характер» [22].

В своем определении № 118-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы Л.А. Головановой именно потому, что по предмету жалобы уже было вынесено постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова», сохраняющее свою силу.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 06.06.1995 г. № 7-П [23] суд сделал типичное для конституционного контроля толкование нормы, с одной стороны, как увольнение по выслуге лет по инициативе сотрудника или с его согласия, с другой стороны, если правоприменитель понимает норму как позволяющую увольнение по инициативе руководителя без согласия и без проверяемого судом обоснования причин.

Формально определение или постановление Пленума Верховного Суда РФ является по своей природе актом разъяснения, оно не является законом и не должно «создавать норму», но по факту Пленум Верховного Суда РФ закрепляет юридические условия применения нормы в форме перечня конкретных признаков, устанавливает презумпции и распределяет бремя доказывания, уточняет границы усмотрения суда (когда и как можно/нельзя трактовать ту или иную норму закона, если напрямую ее применить нельзя, например). Иными словами, в современной России Пленум Верховного Суда РФ работает как интерпретационный регламент для всей судебной системы: суды не столько «понимают» и трактуют норму закона, сколько получают алгоритм ее применения, сформулированный высшей инстанцией. Это и есть управленческая функция: превращение неопределенности в воспроизводимое решение. Недавний пример тому – определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 по делу Долиной – Лурье [24], которое поставило точку в многолетнем судебном споре и стало важным вектором поворота судебной практики в сторону защиты добросовестных приобретателей недвижимого имущества.

Если Пленум Верховного Суда РФ действует «сверху вниз» (вертикальное воздействие), как обязательный регламент для нижестоящих судов, то обзоры судебной практики Верховного Суда РФ работают как «горизонтальное регулирование», где фиксируются приоритеты, демонстрируется типология судебных решений, транслируются и

объясняются правовые позиции по тому или иному судебному делу, фактически задаются границы допустимого отклонения в рамках принятия судебного решения.

Напомним, что формально Обзор судебной практики Верховного Суда РФ не является нормативным актом, но де-факто он является *soft law* для нижестоящих судов: его применение в конкретных судебных делах, как правило, снижает риск отмены вынесенного судьей судебного решения (приговора), упрощает аргументацию мотивировочной части судебного акта. Поэтому обзоры судебной практики Верховного Суда РФ становятся для судей при вынесении решений важными ориентирами; судья, который идет против Обзора судебной практики Верховного Суда РФ, должен быть готов объяснить, почему он это сделал и должен быть готов к отмене вышестоящей инстанцией вынесенного им судебного решения (что, кстати говоря, сказывается на судебной карьере судьи – процент отмененных судебных решений).

Таким образом, пленумы и обзоры Верховного Суда РФ выполняют четыре важные управленческие функции: во-первых, функцию стандартизации (превращают оценочные понятия в критерии и ориентиры для нижестоящих судов), во-вторых, функцию синхронизации (согласуют разные отрасли и режимы, будь то частное/публичное; материальное/процессуальное), в-третьих, функцию дисциплинирования (выравнивают практику нижестоящих судов через предсказуемые «правильные ответы»), в-четвертых, функцию снижения транзакционных издержек (делают исходы более прогнозируемыми для государства, бизнеса и граждан).

До 2022 г. решения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) выступали важным ориентиром прецедентных стандартов (особенно – по уголовному процессу, условиям содержания, свободе выражения мнения и т.д.). ЕСПЧ работал для российской правовой системы как внешняя «высшая инстанция» (разумеется, не по иерархии национальных судов, а по логике обязательных международных минимальных требований к государству. Решения, выносимые ЕСПЧ, давали не просто ответы по конкретным делам, а некие «прецедентные матрицы», т.е. решения, основанные на международном общепризнанном праве, которые «врастали» в национальную судебную практику правоприменения и толкования (через позиции высших судов, пересмотр дел и т.д.). С 16 марта 2022 г. Россия была исключена из Совета Европы, а с 16 сентября 2022 г. перестала быть стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ).

Поправки в Конституцию РФ 2020 г. юридически оформили неприменение российской пра-

вовой системой международных нормативно-правовых стандартов, актов и соглашений (в случае их несовместимости с российской конституционной моделью), и практика международных органов перестала восприниматься российским правоприменителем как источник обязательных правовых стандартов. Согласно ст. 79 Конституции РФ Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в России.

Это важно для понимания исторического развития «внешнего прецедента» в современной российской правовой системе: конституционный текст (ст. 79) фактически устанавливает, что международное решение как стандарт может и не применяться в России, если противоречит конституционному законодательству России, а может применяться, если не противоречит (такое решение принимают российские органы государственной власти). Таким образом, российская правовая система становится «закрытой» для международного права и более вертикально управляемой действующей государственной властью.

В результате у судов появляется основание занимать позицию: мы учитываем международные акты, но решаем сами (выделено нами. – Л.Г.), в пределах российского конституционного приоритета. И это уже не частный эпизод, а конституционная реальность последних лет.

29 декабря 2025 г. был принят Федеральный конституционный закон от 29.12.2025 № 8-ФКЗ «О внесении изменения в статью 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”» [25]; он закрепил правило о неисполнении, в том числе, постановлений судов иностранных государств, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями другими государствами без участия РФ, а также неисполнений решений международных судебных органов, если их компетенция не основана на международном договоре с РФ или на резолюции Совета Безопасности ООН (глава VII Устава ООН) [26].

Представляется, что в ближайшие годы в России будет продолжен курс на дальнейшую институционализацию управляемой прецедентности. В российском контексте это означает не признание судебного прецедента источником права в доктринально-формальном статусе (это потребо-

вало бы правовой дискуссии и широкого научного обсуждения признания де-юре того, что опосредованно существует де-факто), а усиление позиции высших судебных органов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) в аспекте централизации управляемости власти.

Напомним, что в англосаксонской традиции центральна идея обязательности судебного решения по делу как источника нормы (*ratio decidendi*), фиксируемой в судебном акте и подлежащей воспроизведению. Российская эволюция идет по другому пути: объектом становится не судебное решение как таковое, а стандарт применения нормы, оформляемый в виде: а) правовых позиций высших судебных инстанций по типовым категориям споров б) обзоров судебной практики как механизма структурирования подходов, в) разъяснений, которые задают ориентиры доказывания и границы судейского усмотрения. Классический *judicial precedent* (*common law*) предполагает обязательность *ratio decidendi* для последующих аналогичных дел (*stare decisis*). Российская же правовая традиция – континентальная, в ней первичен закон, а судебная практика исторически рассматривается, во-первых, как толкование и конкретизация нормы, во-вторых, как унификация правоприменения, в третьи, в отдельных сегментах – как квази-нормативный регулятор (через правовые позиции высших судов). Поэтому, на наш взгляд, корректнее говорить о развитии практики управляемого «прецедента толкования» и «прецедента правовой позиции» (особенно – конституционного), а не о прецеденте как самостоятельном источнике права в английском смысле. Ни «прецедент толкования», ни «прецедент правовой позиции» не являются для России заимствованием из английского общего права (*common law*). Это собственная (и довольно старая) технология управления единообразием правоприменения, просто исторически она маскировалась под «разъяснения», «обобщения», «толкование закона» и «конституционно-правовой смысл», чтобы не вступать в прямой конфликт с доктриной примата закона.

Прецедент толкования представляет собой судебный акт, который задает устойчивое понимание нормы (как читать текст), но формально не создаёт новую норму. В российской традиции он почти всегда вертикален: «верх» объясняет «низу», как понимать закон.

Прецедент правовой позиции (особенно – конституционной) – это не просто толкование текста, а готовая нормативно-значимая конструкция (*ratio decidendi*): тест, стандарт, балансировка принципов, критерии пропорциональности, допустимые ограничения, позитивные обязанности государства и т.п.

Итак, подведем некоторые итоги исследования.

Во-первых, 2014–2020 гг. можно описать как исторический период, когда в российском порядке окончательно закрепилось «право высших судов». Речь идет не о формальном переходе к прецедентной системе в России, а о практическом признании (и принятии на уровне научного осмысления и доктрины) того, что при высокой динамике правового и судебного регулирования, множественности источников и неоднородности судебных дел одного текста закона может быть недостаточно для единообразного и предсказуемого правоприменения. После ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ (2014 г.) произошло не просто организационное объединение, а «концентрация судебного суверенитета» (выделено нами. Л.Г.), когда Верховный Суд РФ получил право регулировать, согласовывать разнородные массивы споров (экономика, публичное право, социальные конфликты, уголовная репрессия) и удерживать их в единой правовой логике (формируя вектор правоприменения).

Во-вторых, по мнению автора статьи, российская система существует в режиме «судебного прецедента без признания», что представляет собой своего рода политико-правовой компромисс развития российской правовой системы. Признать судебный прецедент источником права означает пересмотр доктрины разделения властей и нормотворчества, что в современных политико-правовых реалиях не входит в ключевые интересы действующей власти. Гораздо удобнее управлять судебной практикой через понятие «толкования права», сохраняя при этом закрепленную в Конституции РФ систему разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, придерживаясь традиционной (в отечественной доктрине) романо-германской правовой семьи.

В-третьих, можно говорить, на наш взгляд, об иерархии «управляемого судебного прецедента», когда формально источником остается закон, но правовые позиции высших российских судов фактически выполняют функцию «снижения неопределенности» и единообразия в судебной системе. В российской практике действительно просматриваются три уровня прецедентности, различающиеся юридической силой (конституционный прецедент), механизмом распространения (вертикальная прецедентность высших судов) и санкцией за отклонение. Итак, в российском праве фактически действуют три уровня прецедентности:

- Конституционный прецедент: правовые позиции и решения Конституционного Суда РФ как обязательные ориентиры, закреплён-

ные юридической силой решений Конституционного Суда РФ.

- Вертикальная прецедентность высших судов: правовые позиции Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел, его обзоры, практика работы коллегий как механизм единообразия и унификации.
- Мягкая прецедентность: кассации/апелляции, типовые судебные решения, которые де-факто копируются нижестоящими судами для предсказуемости судебных решений, и от которых не рекомендуется отклоняться.

Список литературы:

- [1] Апт Л. Ф. Понятийный аппарат судебной практики : учеб. пособие. — М. : РГУП, 2016. — 108 с. — URL: https://op.raij.ru/pdf/apt_pon_apparat.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
- [2] О Верховном Суде СССР : Закон СССР от 30 нояб. 1979 г. № 1161-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842. — URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1865> (дата обращения: 09.01.2026).
- [3] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 (ред. от 27 июля 1990 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=50445&moduleId=7> (дата обращения: 09.01.2026).
- [4] О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР (редакционная статья) // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 13–21.
- [5] О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апр. 1984 г. № 4 (ред. от 01 нояб. 1985 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112076/ (дата обращения: 09.01.2026).
- [6] Корнев А. В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфическая форма судебного правотворчества в России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 22–29. — URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/downloadfile/2d8a5fd3-160a-eb11-a9df-00155d1fba32/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [7] О Верховном Суде СССР: Закон СССР от 30 нояб. 1979 г. № 1161-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.
- [8] Пугачев А. Н. Судебная практика как источник права: советский и постсоветский периоды [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-prava-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody> (дата обращения: 09.01.2026).
- [9] Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 91–97.
- [10] Кечежян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 116: Труды юридического факультета. Кн. 2. М., 1946. С. 3–25.
- [11] Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВЮОН. М., 1947. Вып. 5. С. 73–88.
- [12] Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВЮОН. М., 1947. Вып. 9. С. 239–290.
- [13] Каминская В.И. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 33–44.
- [14] Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М.: Госюриздат, 1948. 311 с.
- [15] Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 304 с.
- [16] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
- [17] Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права? // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 29–36.
- [18] Корнев А.В. Правоприменительные и правотворческие аспекты правосудия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1.
- [19] Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1). М.: Формула права, 2012. 106 с. С. 62 [Электронный ресурс]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n1_sait.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
- [20] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп.). М.: Юрист, 2014. 184 с. С. 84 [Электронный ресурс]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n2_sait.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
- [21] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 № 118-О «По жалобе гражданки Головановой Людмилы Александровны о нарушении ее конституционных прав положением абзаца 1 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР “О милиции”» // СПС «Контур. Норматив» (дата обращения: 09.01.2026).

[22] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=68293&moduleId=7>

[23] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.1995 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года “О милиции” в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 24. Ст. 2342.

[24] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 (дело Долиной Л.А. — Лурье П.А.) [Электронный ресурс] // Российская газета. Документы. — 18.12.2025. — URL: <https://rg.ru/documents/2025/12/18/opredelenie-vs-rf-dolina-lure-site-dok.html> (дата обращения: 12.01.2026).

[25] Федеральный конституционный закон от 29.12.2025 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменения в статью 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Номер опубликования: 0001202512290002. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290002> (дата обращения: 09.01.2026). (publication.pravo.gov.ru)

[26] Гончарук Д. Путин подписал закон о неисполнении в России решений иностранных уголовных судов [Электронный ресурс] // Российская газета. 29.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/29/putin-podpisal-zakon-o-neispolnenii-v-rossii-reshenij-inostrannyh-ugolovnyh-sudov.html> (дата обращения: 09.01.2026). (Российская газета).

References:

[1] Apt L. F. Conceptual apparatus of judicial practice: textbook. - M.: RGUP, 2016. - 108 p. - URL: https://op.raj.ru/pdf/apt_pon_apparat.pdf (access date: 09.01.2026).

[2] On the Supreme Court of the USSR: Law of the USSR of November 30. 1979 No. 1161-X//Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1979. № 49. Art. 842. - URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1865> (access date: 09.01.2026).

[3] On the court verdict: decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of June 30, 1969 No. 4 (ed. July 27, 1990) [Electronic resource]. - URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=50445&moduleId=7> (access date: 09.01.2026).

[4] On the legal nature of the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the USSR (editorial) //Soviet state and law. 1956. № 8. S. 13-21.

[5] On judicial practice on the application, modification and abolition of compulsory medical measures: Resolution of the Plenum of the Supreme Court

of the USSR of April 26, 1984 No. 4 (as amended on November 01. 1985) [Electronic Resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112076/ (access date: 09.01.2026).

[6] Kornev A. V. Explanations of the plenums of the highest courts on judicial practice as a specific form of judicial jurisprudence in Russia//Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2014. № 1. S. 22-29. - URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/downloadfile/2d8a5fd3-160a-eb11-a9df-00155d1fba32/> (access date: 09.01.2026).

[7] On the Supreme Court of the USSR: Law of the USSR of November 30. 1979 No. 1161-X//Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1979. № 49. Art. 842.

[8] Pugachev A.N. Judicial practice as a source of law: Soviet and post-Soviet periods [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-prava-sovetskij-i-postsovetskij-periody> (дата обращения: 09.01.2026).

[9] P.E. Orlovsky. The importance of judicial practice in the development of Soviet civil law//Soviet state and law. 1940. № 8–9. S. 91-97.

[10] Kechekyan S.F. On the concept of a source of law//Scientific notes of Moscow State University. No. 116: Proceedings of the Faculty of Law. Kn. 2. M., 1946. S. 3-25.

[11] Isaev M.M. Judicial practice of the Plenum of the Supreme Court of the USSR as a source of Soviet criminal law//Academic notes of VIYUN. M., 1947. No. 5. S. 73-88.

[12] Vilnyansky S.I. The importance of judicial practice in civil law//Scientific works of VIYUN. M., 1947. No. 9. S. 239-290.

[13] Kaminskaya V.I. The role of the Supreme Court of the USSR in the development of Soviet socialist law//Soviet state and law. 1948. № 6. S. 33-44.

[14] Shargorodsky M.D. Criminal Law. M.: Gosyurizdat, 1948. 311 p.

[15] Golunsky SA, Strogovich MS Theory of State and Law. M.: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1940. 304 pp.

[16] Vyshinsky A.Ya. Theory of forensic evidence in Soviet law. M.: Jurid. Publishing House of the NKYU USSR, 1941.

[17] I.S. Tishkevich. Are the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the USSR a source of law ?//Soviet state and law. 1955. № 6. S. 29-36.

[18] Kornev A.V. Law-enforcement and law-making aspects of justice//Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2014. № 1.

[19] Bondar N.S. Russian judicial constitutionalism: an introduction to research methodology (Series “Library of judicial constitutionalism.” No. 1). M.: Formula of Law, 2012. 106 pp. 62 [Electronic resource].

URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n1_sait.pdf (access date: 09.01.2026).

[20] Bondar N.S. Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice ("Library of Judicial Constitutionalism" series. No. 2. 2nd ed., Add.). M.: Lawyer, 2014. 184 pp. 84 [Electronic resource]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n2_sait.pdf (access date: 11.01.2026).

[21] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.10.1998 No. 118-O "On the complaint of citizen Golovanova Lyudmila Aleksandrovna about violation of her constitutional rights by the provision of paragraph 1 of part seven of Article 19 of the Law of the RSFSR "On Police" "SPS" Kontur.Norm. "(date of appeal: 09.01.2026).

[22] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=68293&moduleId=7>

[23] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.1995 No. 7-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of the seventh Article 19 of the Law of the RSFSR of April 18, 1991 "On the Police" in connection with the

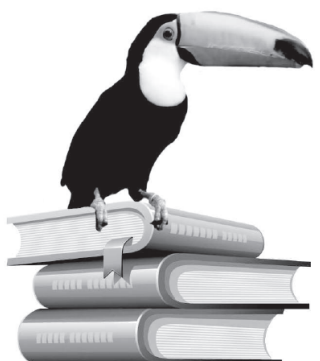
complaint of citizen V.M. Minakov "Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 24. Art. 2342.

[24] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.12.2025 No. 5-KG25-174-K2 (case of Dolina L.A. - Lurie P.A.) [Electronic Resource] // Rossiyskaya Gazeta. Documents. - 18.12.2025. - URL: <https://rg.ru/documents/2025/12/18/opredelenie-vs-rf-dolina-lure-site-dok.html> (access date: 12.01.2026).

[25] Federal Constitutional Law of 29.12.2025 No. 8-FKZ "On Amending Article 6 of the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation"" [Electronic Resource] // Official Internet Portal of Legal Information. Publication number: 0001202512290002. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290002> (access date: 09.01.2026). (publication.pravo.gov.ru)

[26] Goncharuk D. Putin signed a law on non-execution in Russia of decisions of foreign criminal courts [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. 29.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/29/putin-podpisal-zakon-o-neispolnenii-v-rossii-reshenij-inostrannyh-ugolovnyh-sudov.html> (дата обращения: 09.01.2026). (Rossiyskaya Gazeta).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-734-737

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova@gmail.com@yandex.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторического становления Федеральной службы судебных приставов России. Рассматриваются важные ключевые этапы становления службы, историческое развитие судебного исполнительного аппарата, которое берет свое начало еще в древнерусские времена. Именно тогда впервые появились должностные лица, занимавшиеся сбором налогов и исполнением решений княжеских судов. Автором подчеркивается важная роль в создании специального ведомства государственных служащих, отвечающих за исполнение решений суда и контроль над должниками. Особенно значимым событием автор считает введение должности судебных приставов в конце XVIII—начале XIX веков, с которой связано создание единой системы исполнения правосудия. Рассматривается модель становления Федеральной службы судебных приставов при Советской власти, коренным образом изменившая подход к исполнению судебных актов. Институт судебных приставов во времена СССР практически исчез, уступив место органам внутренних дел, (например, милиции), которым передавались полномочия по обеспечению исполнения судебных решений. Автор анализирует кризис Федеральной службы судебных приставов, с которым она столкнулась в годы Советской власти, и связанный с фактически исчезнувшим аппаратом принудительного исполнения. Настоящая статья определяет 21 век как важный период развития института Федеральной службы судебных приставов - это выражается в принятии двух важнейших нормативных документов — Федеральных законов №118-ФЗ «О судебных приставах» и №229-ФЗ «Об исполнительном производстве», принятых в 1997 и 2007 годах. Именно данные законы заложили основу современного института Федеральной службы судебных приставов и определили его основные задачи и компетенцию. Автор анализирует влияние всех этих изменений на эффективность функционирования службы, приводит конкретные меры, способствующие повышению эффективности работы сотрудников данной службы.

Ключевые слова: ФССП России, Судебные уставы, история государства и права России, административное право, принудительное исполнение, история России.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,
Professor, Doctor of Law,
Professor in the Department of Civil Law
at the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

HISTORY OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA

Annotation. This article examines the historical development of the Federal Bailiff Service of Russia. Key stages in the service's development are examined. The historical development of the judicial executive apparatus is examined, dating back to ancient Russian times, when officials first appeared to collect taxes and enforce decisions of princely courts. The author highlights the important role of civil servants responsible for enforcing court decisions and overseeing debtors in the creation of a specialized agency. The author considers the introduction of the position of bailiff in the late 18th and early 19th centuries to be a particularly significant event, which ultimately established a unified system of justice. The author examines the development of the Federal Bailiff Service under Soviet rule, which fundamentally changed the approach to the enforcement of judicial decisions. The

institution of bailiffs virtually disappeared during the Soviet era, giving way to internal affairs agencies, such as the police, which were given authority to enforce court decisions. This article analyzes the crisis the Federal Bailiff Service faced during the Soviet era and the virtual disappearance of its enforcement apparatus. This article identifies the 21st century as a significant period in the development of the Federal Bailiff Service, reflected in the adoption of two key regulatory documents: Federal Laws No. 118-FZ "On Bailiffs" and No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings," adopted in 1997 and 2007. These laws laid the foundation for the modern Federal Bailiff Service and defined its primary objectives and competencies. The author analyzes the impact of these changes on the service's effectiveness and identifies specific measures to improve the performance of its employees.

Key words: *Federal Bailiff Service of Russia, theory, state and law, administrative law, enforcement, history of Russia.*

Целями настоящей статьи являются изучение исторических аспектов развития Федеральной службы судебных приставов России, раскрытие истории создания института принудительного исполнения в России.

Анализируются труды историков, юристов в области изучения этапов развития института ФССП России.

Основные задачи настоящей статьи заключаются в систематизации и раскрытии основных исторических этапов становления Федеральной службы судебных приставов России.

Методологическую основу составили общенаучные методы познания: диалектический метод, исторический, логический; и частно-научные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие.

Прообраз современной службы судебных приставов зародился в период существования Киевской Руси. Именно в этот исторический период происходит формирование отдельных принудительных функций по исполнению решений высших должностных лиц, а именно, князей.

Зарождение должности сборщика подати в Киевской Руси приходится на IX—XII век, именно в этот период времени появляются люди, собирающие подать и налоги, установленные князем, среди населения Руси они получают названия «мытаря» или «данника».

Мытари, или данники занимались не только сбором дани и налогов, но также контролировали торговые пути и взимали таможенные сборы, проводили фискальные проверки хозяйства крестьян и горожан для оценки величины налога.

Функции мытарей исполняли дружинники князя, они были наделены полномочиями по сбору дани и могли применять полный комплекс мер по принудительному взысканию. Исторически возложение на дружину функций по сбору подати произошло не просто так, именно дружина князя обладала преимуществом по отношению к горожанам или крестьянскому слою населения, поскольку именно дружина обладала оружием и силой, которую они применяли к должникам.

Функции и полномочия мытарей впервые упоминаются в «Русской Правде». В этом историческом памятнике права фиксируется порядок взыскания долгов с должников. Необходимость введения органа принудительно исполняющего решения обуславливалась не только сбором налогов, но и осуществлением правосудия.

Так, Судебник Ивана III содержал в себе понятие «недельщик» - это должностное лицо, в обязанности которого входили вызов сторон в суд, арест и исполнение судебного решения. [1, С 54].

С образованием единого Русского многонационального централизованного государства появляется и единая форма законодательных актов России. Соборным Уложением 1649 года полномочия судебных приставов были расширены и определяли уже более значимые цели и задачи принудительного исполнения. Так, в статьях главы XXII («О суде») и главы X («О поместных землях») появляются функции приставов, а, именно: приставы осуществляли доставку повесток и извещений лицам, участвующим в судебном процессе. Приставы стали приглашать свидетелей и обвиняемых в зал суда, приставы исполняли решения суда, касающиеся имущественных взысканий, арестов имущества, наложения штрафов и других мер принуждения. В случаях массовых беспорядков или нарушений общественного спокойствия приставы могли осуществлять задержания нарушителей и доставлять их в суд. Приставы следили за исполнением правовых норм и предписаний судов, пресекая нарушения и сообщая о них соответствующим органам власти. Приставы участвовали в предварительном расследовании преступлений, собирая доказательства и допрашивая подозреваемых.

Окончательное закрепление статуса и полномочий судебного пристава произошло в период правления императора Александра II. Именно он создал единый правовой акт, закрепляющий роль и статус пристава. Этим документом стал Судебный устав 1864 года.

Судебный устав 1864 года закрепил следующие полномочия судебного пристава. Основной

обязанностью приставов стало исполнение решений судов всех инстанций, включая уголовные и гражданские дела. Они обеспечивали принудительное исполнение постановлений суда относительно взыскания долгов, ареста имущества, и т.д.

Приставы по Судебному уставу стали обеспечивать процессуальные действия, а, именно: принимали участие в процессе подготовки и организации судебных заседаний, обеспечивали своевременное прибытие сторон, свидетелей и адвокатов.

В рамках производств принудительного исполнения приставы имели право производить опись имущества должников, накладывать аресты на имущество, организовывать продажу конфискованного имущества и обеспечивать передачу взысканных сумм кредиторам.

Приставы стали наблюдать за соблюдением дисциплины и порядка в зале судебных заседаний, предотвращали возможные нарушения и конфликтные ситуации.

Приставы обязаны были регулярно представлять отчеты о своей деятельности вышестоящим судебным инстанциям, фиксируя выполнение распоряжений и процедур.

Таким образом, в Российской Империи окончательно закрепился статус пристава как лица, выполняющего волю суда и исполняющего решения. Датой создания института судебных приставов России принято считать момент принятия Судебного устава 1864 года. Служба судебных приставов России в привычном нам понимании существует уже 162 года.

За время существования Российской Империи институт приставов менялся и реформировался с судебным законодательством. Существенных изменений приставы не претерпевали, менялись нормы, регулирующие те или иные функции пристава. Переломный момент истории развития института судебных приставов России приходится на Великую Октябрьскую социалистическую революцию России 1917 года. Именно революция, произошедшая в России, кардинально изменила функции и статус судебных приставов.

Институт судебных приставов России Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 года был упразднен и совместно с прежней судебной системой ликвидирован. С 1917 года по 1998 год в Советской России фактически отсутствовал институт принудительного исполнения (ФССП). Функции по принудительному исполнению решений судов были возложены на советскую милицию, которая осуществляла контроль и порядок исполнения решения советских судов.

Министерство внутренних дел СССР разделяло функции принудительного исполнения по нескольким направлениям. Так, подразделения уголовного розыска исполняли постановления судов по уголовным делам, осуществляя розыск преступников и производство необходимых мероприятий. Служба участковых инспекторов занималась контролем исполнения административных наказаний и привлечением к ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, а также уклоняющихся от возмещения ущерба и выполнения других обязательств.

Отделы исполнения наказания (ОПИ) занимались исполнением решений судов по гражданским и административным делам, контролировали выплату компенсаций, задолженности по алиментам и другим обязательствам.

Современная служба судебных приставов начала формироваться после распада СССР. В 1997 году был принят Федеральный закон «О судебных приставах», который определил статус, права и обязанности судебных приставов. В 2007 году был принят федеральный закон № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве», который на законодательном уровне сформировал и определил полномочия, а также порядок принудительного исполнения судебным приставом исполнительных документов. [2, С. 279-283].

Основным и переломным моментом истории развития современной службы судебных приставов России стал 1997 год, когда был принят Федеральный закон №118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Впервые за всю историю России государство определило и сформулировало понятие судебного пристава, разделило полномочия между приставами и Министерством внутренних дел России.

В 2007 году В.В. Путин подписывает Федеральный закон №229-ФЗ «Об исполнительном производстве», который не просто устанавливает порядок принудительного исполнения, но и создает уже урегулированную систему принудительного исполнения исполнительных документов. На основе закона формируются полномочия судебных приставов по тем или иным вопросам исполнительного производства. Законодатель раскрывает механизмы принудительного исполнения от порядка взыскания алиментных платежей до реализации имущества должника на торгах.

Основой для формирования нового законодательства стали законопроекты, разрабатываемые при сотрудничестве Верховного Суда и действующего на тот момент Высшего Арбитражного суда. В качестве первоначальной нормативной основы выступило совместное постановление пленумов этих судов. [3, С. 177-183].

Первоначально законодатель опередил службу судебных приставов России как орган государственной гражданской службы, что приравнивало судебных приставов-исполнителей, в том числе судебных приставов по ОУПДС (обеспечение установленного порядка деятельности судов) к лицам гражданской службы.

В 2019 году принимается Федеральный закон №328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который приравнивает службу судебных приставов к силовым структурам и меняет гражданский классный чин сотрудников на специальное звание, тем самым расширяя круг полномочий службы судебных приставов, в том числе, и правом на ношение огнестрельного оружия. Настоящая реформа, проведенная Правительством РФ, позволила существенно повысить статус и роль ФССП России среди государственных органов и отношения к службе в обществе. Благодаря проведенным реформам и принятым законам можно сделать вывод, что 21 век является наиболее благоприятным периодом времени для функционирования службы судебных приставов.

За все существование института принудительного исполнения лица, исполняющие обязанности принудительного исполнения, подвергались значительным переменам и изменениям. Они могли носить разные обозначения и иметь полномочия, меняющиеся в зависимости от конкретных социальных, экономических и политических условий государства и общества. Можно сделать вывод, что окончательное формирование службы судебных приставов, как самостоятельного и независимого органа государственной власти, произошло только в 21 веке.

Список литературы:

[1] Четян М.А. Проблемы развития института судебных приставов и исполнительного производства в России (дореволюционный период) // Государство и право в XXI веке. 2015. №1. С. 54.

[2] Историческое развитие и становление службы судебных приставов России / Т. К. Кириллова, И. А. Беланов, Н. Н. Великая [и др.] // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2025. – С. 279-283. – EDN IJVOKB.

[3] Цыреторова В. И. История становления института судебных приставов: теоретико-правовой анализ / В. И. Цыреторова // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – № 11. – С. 177-183. – DOI 10.5281/zenodo.14290187. – EDN DOXTRR.

References:

[1] Chetyan M.A. Problems of the development of the institution of bailiffs and enforcement proceedings in Russia (pre-revolutionary period) // State and law in the XXI century. 2015. №1. S. 54.

[2] The historical development and formation of the service of bailiffs of Russia/T. K. Kirillova, I. A. Belanov, N. N. Velikaya [et al.] // Human rights activities in modern Russia: problems and their solutions: Collection of scientific works of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2025. - Samara: Volga Scientific Corporation LLC, 2025. - S. 279-283. – EDN IJVOKB.

[3] Tsyretorova V.I. History of the formation of the institution of bailiffs: theoretical and legal analysis/V.I. Tsyretorova//Humanitarian Scientific Bulletin. – 2024. – № 11. - S. 177-183. – DOI 10.5281/zenodo.14290187. – EDN DOXTRR.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-738-742

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук,
профессор кафедры теории общественных наук
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ «НЕСТЯЖАТЕЛЬСТВА» И «ИОСИФЛЯН»

Аннотация. В данной статье осуществляется комплексный компаративный анализ политико-правовых концепций, доминировавших в русской общественно-политической мысли на рубеже XV–XVI веков, а именно - доктрин «нестяжательства» и «иосифлянства»; рассматриваются следующие аспекты: выявляются фундаментальные онтологические и этические основания обоих течений, анализируются специфические подходы к дефиниции соотношения сакральной (духовной) и секулярной (светской) властей, исследуется дискуссионный вопрос церковной юрисдикции над земельными владениями, дается оценка взглядам мыслителей на функции государства в контексте поддержания правопорядка и правомерности применения мер государственного принуждения в вопросах вероисповедания. Особый акцент в статье ставится на экспликации значимости данных интеллектуальных течений для процесса генезиса отечественной государственно-правовой традиции. По результатам проведенного исследования формулируется обоснованный вывод, согласно которому теоретическая полемика между представителями нестяжательства и иосифлянства послужила важнейшим этапом в эволюции русской политико-правовой мысли. Констатируется, что данный исторический диалог оказал пролонгированное детерминирующее воздействие на формирование специфической модели симфонии и взаимодействия институтов церкви и государства в российском цивилизационном пространстве.

Ключевые слова: нестяжательство, иосифляне, политико-правовая мысль, церковь и государство, русское средневековье, церковное землевладение, ересь.

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Theory of Social Sciences at
the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, St. Petersburg

POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF “NON-COVETOUSNESS” AND “JOSEPHITES”

Annotation. This article provides a comprehensive comparative analysis of the political and legal concepts that dominated Russian socio-political thought at the turn of the 15th-16th centuries, namely, the doctrines of “non-possessiveness” and “Josephism”; the following aspects are considered: the fundamental ontological and ethical foundations of both movements are revealed, specific approaches to determining the ratio of sacred (spiritual) and secular (secular) authorities are analyzed, the controversial issue of church jurisdiction over land holdings is investigated, the views of thinkers on the functions of the state are assessed in the context of maintaining law and order and the legality of the use of state coercive measures in matters of religion. Particular emphasis in the article is placed on explicating the significance of these intellectual currents for the process of genesis of the domestic state-legal tradition. According to the results of the study, a reasonable conclusion is formulated, according to which the theoretical polemic between representatives of non-posses-

siveness and Josephism served as the most important stage in the evolution of Russian political and legal thought. It is stated that this historical dialogue had a prolonged determining effect on the formation of a specific model of the symphony and the interaction of church and state institutions in the Russian civilizational space.

Key words: *non-possessiveness, Josephites, political and legal thought, church and state, Russian Middle Ages, church land ownership, heresy.*

Введение. Становление и развитие отечественной политико-правовой доктрины традиционно детерминировалось тесной связью с теологическим мировоззрением и церковно-канонической традицией. В период консолидации Московского централизованного государства концептуальное значение приобрели дискуссии относительно социальной миссии Церкви, допустимых пределов её экономической субъектности, а также дефиниции характера взаимодействия сакральной и светской властей.

Ключевым интеллектуальным и правовым прецедентом указанного периода стала полемика между представителями двух антагонистических направлений - нестяжателями и иосифлянами. Важно отметить, что данные течения не ограничивались сугубо догматическими разногласиями; их дискурс охватывал фундаментальные аспекты государственно-правового устройства:

- легитимация институтов власти: обоснование божественного происхождения и границ полномочий монарха;
- правовой статус церковной собственности: дебаты о правомерности монастырского землевладения и иммунитетных прав;
- религиозно-политическая ответственность: вопрос о компетенции государства в сфере обеспечения идеологического единства и допустимости репрессивных мер в отношении гетеродоксии (ересей).

Следовательно, комплексный анализ политических и юридических интенций нестяжательства и иосифлянства представляет собой значимую научно-исследовательскую задачу. Ретроспективный взгляд на данную полемику позволяет верифицировать истоки формирования специфической российской модели государственно-конфессиональных отношений и выявить историческую преемственность в правосознании субъектов власти.

Следует при этом отметить, что в контексте современной юридической науки данное противостояние рассматривается как столкновение двух векторов развития: стремления к духовной автономии и тенденции к этатизации (огосударствлению) церковных институтов.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ политико-правовых идей нестя-

жателей и иосифлян, выявление их сходств и различий, а также определение их значения для развития отечественной государственно-правовой мысли.

Основной материал. Процесс детерминации и последующей концептуализации таких течений, как нестяжательство и иосифлянство, протекал в контексте масштабных социально-политических трансформаций конца XV – начала XVI столетия. Следует подчеркнуть, что падение Византийской империи и завершение консолидации русских земель вокруг Московского центра послужили катализаторами для усиления великокняжеской власти. В силу указанных факторов произошло формирование идеологии самодержавия, что создало принципиально новую интеллектуальную среду. В данных условиях церковные институты были объективно вынуждены подвергнуть ревизии и последующему переосмыслению свои функциональные роли в структуре государственного управления [5].

Немаловажным фактором, обусловившим специфику полемики, стало распространение гетеродоксных учений, в частности - «ереси жидовствующих». Данное движение поставило под вопрос не только догматические постулаты, но и институциональный базис православия. Характерно, что именно ответная реакция на вышеупомянутые вызовы во многом детерминировала фундаментальное расхождение позиций между представителями нестяжательства и иосифлянства [4].

Как показывает историко-теоретический анализ, идейное ядро каждого направления базировалось на различных традициях:

1. Нестяжательство (Нил Сорский и его последователи). Генетически связано с традициями византийского исихазма и монашеского аскетизма. В рамках данной парадигмы приоритетное значение придавалось аспектам индивидуального духовного самосовершенствования и принципу свободы совести. Ключевым тезисом выступала необходимость отказа церковных структур от материальных активов и земельных владений.
2. Иосифлянство (Иосиф Волоцкий). Формировалось в русле концепции сильной, жестко институционализированной церкви.

Согласно данной позиции, религиозные институты должны находиться в тесном симбиозе с государственным аппаратом, выполняя при этом превалирующую охранительную функцию в отношении чистоты вероучения и стабильности социального правопорядка [1].

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что данная дискуссия отражала глубокий поиск оптимальной модели государственно-церковных отношений в период становления Московского царства.

В качестве одного из фундаментальных постулатов идеологии нестяжательства выступал принцип делегитимизации монастырского землевладения и отчуждения церковных институтов от обладания крупными материальными активами. Согласно доктринальным установкам сторонников данного течения, кумуляция материальных благ детерминировала деградацию духовной миссии Церкви. Более того, подчеркивалось, что экономическая избыточность неизбежно влечет за собой утрату автономности церковной организации, формируя прямую зависимость от светской власти и нивелируя приоритетность аскетического служения [9].

В релевантном правовом дискурсе данная позиция интерпретируется как отрицание исключительного имущественного статуса религиозных объединений. Следовательно, теоретические разработки нестяжателей были направлены на институциональное ограничение экономического влияния Церкви на общественные процессы [7]. Таким образом, деятельность представителей нестяжательства фактически была сопряжена с адвокацией редукции правовых преференций церковных структур в сфере поземельных отношений, что имело значительные последствия для трансформации государственно-конфессионального взаимодействия.

В рамках социально-политического дискурса нестяжатели постулировали принцип относительной автономности духовной сферы от институтов государственной власти. В данной концепции государственное управление квалифицировалось как необходимая детерминанта поддержания общественного правопорядка; вместе с тем, любая экспансия государства в область вероисповедания и сугубо личных этических убеждений интерпретировалась как юридически и сакрально недопустимая [3].

Следовательно, в контексте политико-правового учения нестяжательства обнаруживаются релевантные предпосылки к дифференциации сфер компетенции церкви и государства. Стоит подчеркнуть, что подобная теоретическая уста-

новка представляла собой нетривиальное явление для средневековой парадигмы мышления, тяготеющей к теократическому синкретизму.

В контексте историко-правового анализа фундаментальное значение приобретает доктринальная позиция представителей движения нестяжательства относительно механизмов противодействия еретическим учениям. Авторы данной концепции последовательно аргументировали недопустимость применения высшей меры наказания и жестких репрессивных мер, полагая их неэффективными и противоречащими каноническим нормам.

Напротив, в качестве приоритетного инструментария для исправления лиц, допустивших вероотступничество, нестяжатели предлагали методы духовного убеждения, пастырской просветительской деятельности и призыва к покаянию [6].

С точки зрения современной юриспруденции и истории права, указанную парадигму правомерно квалифицировать как прототип концепции гуманизации системы наказаний. По сути, данные воззрения заложили теоретический фундамент для последующей трансформации подходов к ограничению государственного принуждения и насилия в сфере регулирования свободы совести и религиозных убеждений.

В рамках иосифлянской парадигмы монастырское землевладение интерпретировалось не как самоцель, а как фундаментальный базис, обеспечивающий реализацию сакральной и социальной функций церкви. Авторы данной концепции постулировали, что наличие устойчивой материальной базы является необходимым условием для поддержания жизнедеятельности монастырских институтов, масштабирования благотворительной деятельности и пролонгации государственного авторитета православия [8].

С точки зрения юриспруденции того времени, подобная позиция послужила теоретическим обоснованием эксклюзивного правового статуса церковного имущества, что предполагало необходимость его защиты посредством государственных прерогатив.

Следует отметить, что центральное место в учении Иосифа Волоцкого занимала разработка концепции симбиотического союза духовной и светской властей. В данной иерархической системе государь наделялся статусом «служителя Божьего», на которого возлагалась обязанность по защите догматической чистоты веры и обеспечению социальной интеграции [10].

Важно подчеркнуть, что данный подход фактически служил инструментом легитимации интервенции государства в религиозную сферу. В дол-

госрочной перспективе это заложило фундамент для формирования специфически российской модели «симфонии властей», характеризующейся тесной институциональной связью между престолом и алтарем.

В противовес доктрине нестяжателей, представители иосифлянства обосновывали правомерность применения жестких санкций, вплоть до высшей меры наказания, в отношении приверженцев еретических учений. Подобная практика рассматривалась авторами как релевантный механизм защиты общественно-политического и духовного контура государства [2].

В юридическом аспекте данная установка способствовала интенсификации карательных функций государственной власти и способствовала детерминации уголовных репрессий по идеологическим критериям, что существенно расширило сферу государственного принуждения.

Результаты исследования. Сравнительно-правовой анализ доктрин нестяжательства и иосифлянства позволяет детерминировать две альтернативные парадигмы развития отечественной государственно-правовой системы.

С одной стороны, представители нестяжательства постулировали примат человеческой личности, свободы совести и духовной автономности. Подобная установка объективно выступала фактором ограничения экспансии государственной и церковной власти в сферу внутренних убеждений индивида.

Напротив, иосифлянство манифестировало коллективистскую модель, в рамках которой императивы религиозного и государственного единства превалировали над предпочтениями индивидуальной свободы.

При этом необходимо объективно констатировать, что обе концепции оказали фундаментальное влияние на генезис российской политико-правовой мысли. Однако в плоскости государственно-правовой практики доминирующее положение заняла иосифлянская линия, что было обусловлено её комплементарностью задачам формирования централизованного аппарата власти.

Дискурс между указанными течениями явился значимым этапом институционализации государственно-церковных отношений. Можно утверждать, что теоретические наработки иосифлян послужили доктринальным базисом для интервенции государства в конфессиональную сферу, что нашло свое логическое завершение в синодальный период.

Вместе с тем, наследие нестяжательства не может рассматриваться как сугубо маргинальный феномен. Представления о деонтологической ответственности власти, ограничении легитим-

ного насилия и приоритете духовной свободы подвергались многократной актуализации в русской социально-философской и правовой мысли последующих исторических эпох.

Выводы. Представленные в статье политико-правовые концепции нестяжательства и иосифлянства детерминируют многоаспектный и диалектически противоречивый процесс генезиса российской государственности и правовой ментальности. Конфронтация данных идеологических парадигм эксплицировала фундаментальные антиномии между категориями свободы и легитимного принуждения, духовной автономии и этатистского контроля, а также индивидуальной ответственности и коллективистской солидарности.

На основании проведенного в статье анализа представляется возможным констатировать, что генезис специфических черт отечественной модели государственно-конфессиональных отношений во многом восходит к полемике рубежа XV–XVI веков.

Ключевые аспекты исследования:

1. Институциональный аспект - формирование векторов взаимодействия светской и духовной властей.
2. Аксиологический аспект - определение ценностных приоритетов в правосознании того времени.
3. Концептуальная значимость - теоретическое обоснование пределов государственного вмешательства в дела церкви.

В заключение следует подчеркнуть, что ретроспективное осмысление данного интеллектуального наследия сохраняет свою эвристическую и научную значимость в контексте современных дискуссий о путях совершенствования институтов правового государства.

Список литературы:

- [1] Алексеев, А.И. Полемика Иосифлян и Нестяжателей и складывание поминальной практики в России на рубеже XV-XVI вв. Опыт антропологического подхода // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2. С. 127-160.
- [2] Балабейкина, О.А., Зворыгин, Д.А., Михельсон, И.В. Полемика между иосифлянами и нестяжателями: богословский аспект // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2025. № 2. С. 220-235.
- [3] Иванов А.В., Фотиева И.В. Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 2. С. 20-39.
- [4] Пачежерцев Н.И. Проблема гетеродоксии в развитии христианской церкви // Вестник Тюмен-

ского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т.1. № 3. С. 138-145.

[5] Перевезенцев С.В. «И нача ставити по градомъ церкви и попы...» Очерк церковно-государственных отношений в истории России в конце X-XVII веках // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 768-806.

[6] Петрушко В.И. Церковная политика великого князя Василия III в контексте противостояния «иосифлян» и «нестяжателей» // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 3. С. 12-22.

[7] Пешков А.А. Проблема монастырских стяжаний в оценках прп. Максима Грека и прп. Иосифа Волоцкого //Труды Нижегородской духовной семинарии. 2024. № 3. С. 40-112.

[8] Свириденко Е.А. Влияние полемики иосифлян и нестяжателей на представления о царской власти в XV–XVI вв // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 6. С. 78-82.

[9] Филиппова М.В. О социальном обеспечении в Московской Руси (XV–XVII вв.) //Ежегодник трудового права. 2025. № 15. С. 287-318.

[10] Черных В.Д. Философский анализ идей Иосифа Волоцкого о симфонии властей //Гуманитарный вестник. 2023. № 2. С. 1-12.

References:

[1] Alekseev, A.I. Polemics of Iosifyan and Non-possessors and the formation of memorial practice in Russia at the turn of the XV-XVI centuries. Experience of the anthropological approach//Paleorossia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. 2021. № 2. S. 127-160.

[2] Balabeykina, O.A., Zvorygin, D.A., Mikhelson, I.V. Controversy between Josephites and

non-possessors: theological aspect//Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2025. № 2. S. 220-235.

[3] Ivanov A.V., Fotieva I.V. Non-possessiveness as the most important value of domestic culture//Problems of civilizational development. 2023. VOL. 5. № 2. S. 20-39.

[4] Pachezhertsev N.I. The problem of heterodoxy in the development of the Christian church//Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanitates. 2015. Т.1. № 3. С. 138-145.

[5] Perevezentsev S.V. “And start putting on the city of the church and priests...” Essay on church-state relations in the history of Russia at the end of the X-XVII centuries//Notebooks on conservatism. 2020. № 1. P. 768-806.

[6] Petrushko V.I. Church policy of Grand Duke Vasily III in the context of the confrontation between “Josephites” and “non-possessors” //Paleorossia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. 2022. № 3. S. 12-22.

[7] Peshkov A.A. The problem of monastic ties in the estimates of St. Maxim the Greek and St. Joseph Volotsky//Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary. 2024. № 3. С. 40-112.

[8] Sviridenko E.A. The influence of the polemics of Josephites and non-possessors on the ideas of tsarist power in the XV-XVI centuries//Society: politics, economics, law. 2025. № 6. S. 78-82.

[9] Filippova M.V. On social security in Moscow Russia (XV-XVII centuries)//Yearbook of labor law. 2025. № 15. S. 287-318.

[10] Chernykh V.D. Philosophical analysis of the ideas of Joseph Volotsky about the symphony of the authorities//Humanitarian Bulletin. 2023. № 2. S. 1-12.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье в аналитическом ключе рассматриваются процесс становления и последующее развитие сравнительной криминологии как самостоятельного направления научного знания, формировавшегося в рамках криминологической традиции на протяжении более чем столетнего периода. Подчеркивается, что формирование сравнительной криминологии сопровождалось сложными научными дискуссиями, связанными с трансформацией эпистемологических подходов, сменой теоретических ориентиров и соотношением клинического, этиологического и социологического направления криминологических исследований. Обобщение международного опыта позволяет выявить как исторические предпосылки складывания сравнительного подхода, так и его значение для анализа преступности и социальной реакции в обществах, принадлежащих к различным социально-культурным и политическим системам. Особое внимание уделено методологическим основаниям сравнительных исследований, включая различение макро- и микрокриминологических стратегий анализа, оценку их методологических возможностей и ограничений, а также роли сравнительной криминологии как инструмента научной интеграции и междисциплинарного взаимодействия. Сделан вывод о высокой значимости сравнительной криминологии для последующего развития современной криминологической науки.

Ключевые слова: сравнительная криминология, методология криминологических исследований, клиническая криминология, социология девиации, социальная реакция, этиология преступности, макрокриминология, микрокриминология.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

HISTORICAL TRAJECTORIES AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF COMPARATIVE CRIMINOLOGY

Annotation. The article examines the formation and further development of comparative criminology as an independent field of scientific inquiry, which evolved within the criminological tradition over a period of more than a century. It is emphasized that the emergence of comparative criminology was accompanied by complex academic debates related to the transformation of epistemological approaches, the shift of theoretical orientations, and the correlation between etiological, clinical, and sociological directions in criminological research. A synthesis of international experience makes it possible to identify both the historical prerequisites for the rise of the comparative approach and its significance for the analysis of crime and social reaction in societies belonging to different socio-cultural and political systems. Special attention is paid to the methodological foundations of comparative studies, including the distinction between macro- and micro-criminological strategies of analysis, the assessment of their methodological potential and limitations, as well as the role of comparative crim-

inology as an instrument of scientific integration and interdisciplinary interaction. It is concluded that comparative criminology plays an essential role in the further development of contemporary criminological science.

Key words: *comparative criminology; criminological methodology; clinical criminology; sociology of deviation; social reaction; etiology of crime; macro-criminology; micro-criminology.*

Становление сравнительной криминологии как теоретико-прикладного направления связано с более общими процессами формирования криминологического знания в последней трети XIX - первой половине XX века. Уже на I Международном конгрессе по уголовной антропологии, состоявшемся в Риме в 1885 г., была обозначена необходимость более глубокого познания природы преступного поведения и выработки единой системы статистической фиксации и сопоставления преступности в международном масштабе. Важную роль в утверждении сравнительного подхода сыграли работы Габриэля Тарда, который в 1886 г. в труде «Сравнительная криминалистика» поставил вопрос о значении международного сопоставительного анализа для оценки научной состоятельности ведущих криминологических теорий [1]. Тем самым сравнительная перспектива стала рассматриваться не как вспомогательный исследовательский прием, а как самостоятельный способ научного познания преступности и социальной реакции на нее. В дальнейшем интерес к сравнительной проблематике усилился в связи с развитием криминологической науки в XX веке. На Международном конгрессе по криминологии в Гааге (1960 г.) Шелдон Глюк выдвинул идею институционального обеспечения обмена результатами криминологических исследований и фиксации ведущихся научных проектов в различных странах [2], что свидетельствовало о переходе сравнительного анализа в плоскость системной научной программы. Значительный вклад в развитие сравнительной криминологии внесли труды Ж. Пинателя и Г. Мангейма, а также инициативы ЮНЕСКО по формированию международного библиографического пространства, ориентированного на развитие сравнительного подхода в криминологических исследованиях [3].

Новым этапом институционализации сравнительной криминологии стало создание в 1969 г. Международного центра сравнительной криминологии при Университете Монреаля под руководством Дениса Сабо. Формирование центра совпало с глубокими изменениями в гуманитарных науках конца 1960-х гг., сопровождавшимися кризисом традиционных научных парадигм, критикой позитивистского понимания объективности знания и усилением социологического анализа девиации и социальной реакции. Социологическое направление криминологии перемещало исследовательский фокус от этиологии престу-

пления и личности преступника к изучению механизмов социального контроля, институциональной структуры правосудия и символической природы девиантности. В то же время развивалась организационная (прикладная) линия криминологических исследований, поддерживаемая государственными институтами и ориентированная на оценку эффективности правоприменительных решений, изучение функционирования органов правосудия, рационализацию управленческих и бюджетных решений. Несмотря на различие ценностных и мировоззренческих установок, обе тенденции способствовали расширению поля сравнительной криминологии, поскольку именно она обеспечивала нейтральное пространство научного диалога, позволяя сопоставлять теоретические позиции и практические результаты исследований.

Эпистемологические основания сравнительной криминологии формировались в русле двух доминирующих исследовательских направлений. Первое из них связано с этиологической и клинической криминологией, ориентированной на изучение личности преступника, причин и динамики преступного поведения, разработку диагностических и прогностических моделей, а также клиническую и воспитательную практику. Данное направление сохраняло связь с традиционной криминологической школой, но одновременно основывалось на эмпирическом сборе фактов, выдвижении и проверке рабочих гипотез, что свидетельствовало об отказе от постулативных схем. Второе направление - социологическая криминология социальной реакции - сосредоточивалось на анализе механизмов институционального контроля, культурных норм и санкций, закономерностей символического конструирования девиантности и социальной идентификации аномального поведения. Его претензия на универсальность была обусловлена стремлением выявить общие элементы социальной реакции на преступность в различных обществах. В то же время сравнительная перспектива показала, что этиологическая, клиническая и социологическая линии не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга, обеспечивая многомерное исследование преступности и расширяя теоретические рамки криминологического анализа.

Методологическая структура сравнительной криминологии, в трактовке Д. Сабо, включает два взаимосвязанных исследовательских направле-

ния - макро- и микрокриминологическое. Макрокриминология ориентирована на изучение массовых социальных процессов, институциональных структур социального и судебного контроля, а также динамики исторических изменений. Она предполагает анализ в пространственно-логическом измерении (описание организации и функционирования систем контроля в различных культурах), в историко-хронологической плоскости (исследование их эволюции во времени), а также в эволюционно-универсальном аспекте (выявление устойчивых закономерностей развития социальных систем по аналогии с экономическими, политическими и религиозными структурами). При этом подчеркивается значимость синхронизации социологических направлений и выявления типологических моделей поведения и норм. Однако столь широкая исследовательская амбиция таит риск методологической несоразмерности и чрезмерной обобщенности при недостатке эмпирических ресурсов, что делает целесообразным обращение к явлениям, характерным прежде всего для современного общества, и конкретным криминальным процессам, влияющим на формирование личности и мотивации преступного поведения [5].

Микрокриминологическое направление направлено на анализ процессов возникновения преступного поведения, взаимодействия индивида с системой социального контроля, а также конфликта ценностных и нормативных систем. Сравнительный анализ осуществляется по таким параметрам, как степень обязательности социальной нормы и уровень подчинения ей, согласованность механизмов социального контроля, доступность альтернативных субкультурных моделей поведения для аномальных групп и личностей, эффективность воспитательных воздействий и коррекционных программ. Особо подчеркивается необходимость учета полного поведенческого и мотивационного процесса, предшествующего преступлению, поскольку моральные критерии субъекта в момент действия не всегда совпадают с его повседневными поведенческими ориентациями [6]. Вместе с тем результаты исследований, в частности в области преступности иностранных граждан, свидетельствуют об ограниченном значении конфликта культур как объяснительного фактора [7], что требует осторожного применения соответствующих теоретических построений. В этом контексте и макро-, и микрокриминологические подходы рассматриваются как методологические конструкции, приемлемые постольку, поскольку они позволяют адекватно описывать и интерпретировать конкретные социальные ситуации и эмпирические данные.

Методы и технические приемы сравнительной криминологии охватывают широкий спектр исследовательских процедур. Этиологическая и клиническая криминология применяет документальный анализ, использование официальных статистических данных и опросов, клинические и диагностические методы, экспериментальные и прогностические разработки. Вместе с тем сохраняется одна из ключевых проблем - несопоставимость международной уголовной статистики, обозначенная еще А. Кетле в середине XIX века и до настоящего времени осложняющая проведение сопоставительных исследований. Криминология социальной реакции акцентирует внимание на глубоко разработанных монографических исследованиях, непосредственном наблюдении, полевых социологических методах и анализе культурных контекстов девиации. Все направления сравнительной криминологии все шире используют математические и моделирующие методы, включая регрессионный анализ, многомерные статистические процедуры и дискриминантные модели, что вносит значительный элемент аналитической точности и расширяет возможности теоретической интерпретации полученных результатов.

Методология сравнительной криминологии получила практическое воплощение в деятельности Международного центра сравнительной криминологии и других международных структур. Особое значение имели исследования, посвященные преступности в странах, переживающих интенсивные социально-экономические трансформации, анализу форм преступности в государствах Латинской Америки, изучению взаимосвязи уровня экономического развития и преступности среди молодежи, а также сравнительные клинические проекты, направленные на диагностику и прогнозирование преступного поведения. Результаты этих исследований показали, что сравнительная криминология выполняет функции научной координации, способствует взаимодействию исследовательских школ, позволяет уточнять объяснительные модели преступности и социальной реакции в различных социальных системах.

В заключение следует отметить, что сравнительная криминология представляет собой динамично развивающееся направление современной научной мысли, ориентированное на синтез эмпирического анализа преступности, исследования социальной реакции и клинических и прогностических практик. Ее дальнейшее развитие связано с углублением международного научного сотрудничества, совершенствованием статистической и методологической базы исследований, а также более точным осмыслением социально-культур-

ных факторов преступности и девиантного поведения. Сравнительная криминология выступает не только как теоретическая дисциплина, но и как практический инструмент интеграции криминологических знаний, обеспечивающий сопоставление моделей преступности и социального контроля в различных обществах и исторических контекстах, что придает ей особую значимость в структуре современной криминологической науки.

Список литературы:

- [1] Tarde, G. La criminalite comparee. - Paris, 1924.
[2] Bulletin de la Societe internationale de criminologie. - Paris, 1961.
[3] UNESCO. Rapports et documents de sciences sociales. - Paris, 1961.
[4] La criminologie clinique. Etat actuel et perspectives futures dans le domaine du traitement et de la recherche. - Genova, 1973.
[5] Pinatel, J. La societe criminogene. - Paris, 1971.

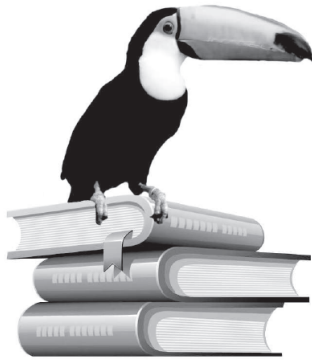
[6] Pinatel, J. Etat actuel et perspectives de la recherche scientifique en criminologie // Revue de science criminelle. - 1966.

[7] Pinatel, J. Delinquance etrangere et reaction judiciaire // Revue de science criminelle. - 1976.

References:

- [1] Tarde, G. La criminalite comparee. - Paris, 1924.
[2] Bulletin de la Societe internationale de criminologie. - Paris, 1961.
[3] UNESCO. Rapports et documents de sciences sociales. - Paris, 1961.
[4] La criminologie clinique. Etat actuel et perspectives futures dans le domaine du traitement et de la recherche. - Genova, 1973.
[5] Pinatel, J. La societe criminogene. - Paris, 1971.
[6] Pinatel, J. Etat actuel et perspectives de la recherche scientifique en criminologie // Revue de science criminelle. - 1966.
[7] Pinatel, J. Delinquance etrangere et reaction judiciaire // Revue de science criminelle. - 1976.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-747-754

АСАДОВ Бабек Рашид оглы,
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы Министерства Российской Федерации
по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и
ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: asadovspb@mail.ru

СТРАХОВ Илья Александрович,
Курсант факультета Экономики и права,
Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы Министерства Российской Федерации
по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и
ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: strahovil@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ МЧС РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности формирования профессионального правосознания кадрового состава органов надзора МЧС России. В процессе реализации программ совершенствования механизмов подготовки и профессионального развития сотрудников правоохранительных органов, возрастает необходимость обращения к правовым традициям, ценностям, которые важны для формирования их высокой правовой культуры и особенно повышения уровня профессионального правосознания. В целях качественного применения правовых аспектов в деятельности надзорных органов МЧС России, к которым в последнее время предъявляются высокие юридические требования, авторами предлагается наравне с современными подходами уделить особое внимание некоторым традиционным особенностям процесса формирования профессионального правосознания сотрудников этих институтов.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, правовое мышление, правовое мировоззрение, МЧС России, правоохранительная деятельность.

ASADOV Babek Rashid ogly,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Theory and History of State and Law
Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry
of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination
of Consequences of Natural Disasters named after the Hero
of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

STRAKHOV Ilya Alexandrovich
cadet of the Faculty of Economics and Law,
Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry
of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination
of Consequences of Natural Disasters named after the Hero
of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL SELF-AWARENESS OF EMPLOYEES OF THE SUPERVISORY AUTHORITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS

Annotation. *The article analyzes some of the features of the formation of professional legal awareness among the personnel of the supervisory bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia. In the process of implementing programs to improve the training and professional development of law enforcement officers, there is an increasing need to address the legal traditions and values that are important for the formation of their high legal culture and especially for increasing the level of professional legal awareness. In order to ensure the quality of the application of legal aspects in the activities of the supervisory bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia, which are currently subject to high legal requirements, the authors propose that, in addition to modern approaches, special attention should be paid to some of the traditional features of the process of forming the professional legal awareness of employees in these institutions.*

Key words: *professional legal awareness, legal thinking, legal worldview, Russian Ministry of Emergency Situations, law enforcement activities.*

В быстроменяющихся условиях развития современного общества и роста влияния новых вызовов и тенденций уделяется особое внимание вопросам укрепления таких конституционных принципов как: государственность, законность, равенство граждан перед законом и судом и т.д., имея объективный характер, обретает особую актуальность с точки зрения необходимости повышения эффективности обеспечения соблюдения юридических требований субъектами системы государственного управления. Важным фактором соблюдения этими субъектами обязательных юридических требований, установленных правовыми актами, является надзорная деятельность (государственный контроль), благодаря которой обеспечиваются вышеперечисленные конституционные принципы. В осуществлении контрольно-надзорной деятельности, которая «претендует на роль универсальной, специфичной и самостоятельной функции государства» [1] и является одним из инструментов «обеспечение правопорядка как воплощения принципа законности» [2] традиционно ключевое место отводится постоянным участникам данного направления государственной политики - институтам системы правоохранительных органов.

В последние десятилетия масштабы применения цифровых технологий в разнообразных областях общественной жизни, развития новых социальных отношений и другие тенденции развития современного общества продолжают оказывать непосредственное влияние на характер деятельности этих институтов. В новой правовой действительности процесс наполнения содержания формы правосознания, отражавший изменения в обществе и трансформации личности непосредственно затрагивал и сферы профессиональной подготовки будущих специалистов институтов

системы правоохранительных органов. Как отмечается в документах Правительства РФ «важным этапом совершенствования контрольной (надзорной) деятельности должно стать создание системы регулярного профессионального развития сотрудников контрольных (надзорных) органов». Немаловажным фактором в этом процессе являются и вопросы повышения правовой компетенции сотрудников правоохранительных органов. Для деятельности этих субъектов системы государственного управления в сфере подготовки кадрового состава характерны высокие юридические требования, которые регулируются правовыми актами разного уровня.

На фоне возрастающей функциональной роли государства и появления новых запросов в сфере управления обществом, данный аспект деятельности является весьма значимой задачей государственной политики. Поскольку все действия сотрудников правоохранительных органов непосредственно направлены на поддержание таких важнейших проблем в государстве как безопасность, законности и правопорядка.

Расширение рамок многоаспектной деятельности правоохранительных органов, которое требует от сотрудников этих институтов специальных навыков и высокого профессионализма в условиях меняющегося законодательства и формировании новой правовой культуры обуславливает постоянное совершенствование профессионального правосознания последних. В процессе обеспечения эффективной многоаспектной деятельности правоохранительных органов, для которых «правоприменительная практика является одним из видов профилактических мероприятий органов надзорной деятельности МЧС России» [3] «необходимо сформированное профессиональное правосознание» [4, с. 15]. В связи с этим изучение

некоторых особенностей формирования профессионального правосознания сотрудников надзорных органов такой структуры как МЧС России в условиях новой социальной действительности представляется в достаточной степени актуальным с точки зрения не только значительного влияния правосознания на государственно-правовую действительность, но и необходимости поиска эффективных организационно-правовых методов реагирования на различные угрозы и вызовы.

Правосознание, оказывая большое влияние на государственно-правовую действительность, рассматривается важнейшим средством формирования новой профессиональной идентичности (определённого социально-правового типа личности). В формировании новой профессиональной идентичности, немаловажное значение имеют вопросы сознания гуманитарной безопасности» [5] в сфере подготовки специалистов системы органов правоохранительной деятельности. Расширение рамок применения такой социальной практики с использованием «нового ракурса рассмотрения – гуманитарного» [6] непосредственно влияет на сознание будущих специалистов институтов правоохранительной деятельности. Именно поэтому сегодня вопросы формирования высокого уровня профессионального правосознания сотрудников этих институтов, которое постоянно развивается, содержание и формы наполняются под влиянием новых изменений в обществе и факторов влияния, оставаясь в центре внимания многих научных исследований.

В отечественной и зарубежной юридической науке институт профессионального правосознания имеет исторические аспекты изучения в разных контекстах [7]. Эти аспекты связаны с развитием юридической науки, формированием правосознания в разные периоды и влиянием идей, сформулированных профессиональным правосознанием, на развитие права. Не расширяя рамки изучения данного института в историческом аспекте, ограничимся некоторыми подходами ряда отечественных специалистов советского периода, а также современных специалистов.

С середины 30-х гг. XX века советские ученые уделяли особое внимание исследованию права как системы правовых норм, связанных с государством. В тот период правосознание определялось как отношение людей к действующему праву. Так, М.С. Строгович писал, что правосознание представляет собой «совокупность правовых воззрений людей, т.е. убеждений относительно правомерности и неправомерности поступков людей, прав и обязанностей членов данного общества, справедливости или несправедливости тех или иных законов» [8, с. 115].

Необходимо отметить, что в советский период процесс изучения правосознания включал в себя его изучения с точки зрения различных наук, таких как право, психология, криминология, философия и т.д. В советской юридической науке были сформулированы основные теории, которые послужили фундаментом знаний для современных ученых. И.Е. Фарбер, сформулировав основные положения структуры правосознания человека внес значительный вклад в разработки этой теории. По его мнению, правосознание есть «совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя знания правовых явлений, оценку с точки зрения справедливости, а также новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития» [9, С. 70].

Несмотря на то, что в самом определении И.Е. Фарбер не выделял поведенческого компонента, который в свою очередь включает в себя устойчивые модели поведения, такие как привычки установки, ценности, ориентации, в самой структуре правосознания он выделял познавательную, эмоциональную, волевою сторону правосознания.

В период 60-х гг. процесс изучения правосознания был непосредственно направлен на изучение формирования правосознания личности начиная с подросткового возраста. Именно тогда были выдвинуты теории о том, что процесс формирования правосознания непосредственно связан с такими факторами как: воспитание человека в семье, влияние общества, в котором он находится, уровень познавательной деятельности отдельно взятого человека, уровень тяготения человека к обучению.

Весомый вклад в изучение правосознания внес И.Ф. Покровский, который изучал процесс формирования правосознания личности. Важным элементом формирования правосознания личности И.Ф. Покровский выделял подражание. По его мнению, в одних случаях подражание, наряду с другими формами общения, может послужить основой формирования таких качеств личности, которые обеспечивают соблюдение действующих норм права, выработку привычки соблюдать закон, в других — привести к совершению правонарушения [10, С. 99].

В современном мире, с точки зрения глубины отражения правовой действительности, правосознание делится на правосознание граждан и профессиональное правосознание. Изучение профессионального правосознания имеет как научный, так и практический интерес в связи с необходимостью повышения уровня профессио-

нального правосознания, а также уровня правовой культуры среди сотрудников правоохранительных органов, которые являются субъектами юридической деятельности.

Согласно Конституции Российской Федерации: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». В связи с этим необходимо отметить, что силовым структурам в нашем государстве отводится огромная роль, поскольку именно они выполняют функции по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина.

Важно сказать, что отдельную роль по формированию правосознания граждан Российской Федерации играет административная деятельность сотрудников правоохранительных органов. Поскольку именно положительный образ сотрудника правоохранительных органов формирует доверие граждан Российской Федерации к сотрудникам, а также формирует представление о правильности соблюдения законодательства.

По мнению ряда ученых профессиональное правосознание сотрудников правоохранительных органов — это представления, понятия, идеи, убеждения, обычаи, традиции, чувства, складывающиеся у профессионалов — юристов, имеющих наиболее существенное значение при реализации юридических норм [11, С. 181].

Как известно к сотрудникам правоохранительных органов относятся сотрудники Министерства внутренних дел, Прокуратуры, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности. К этой же группе относятся сотрудники надзорных органов ФПС ГПС МЧС России. С возрастанием задач и программ социально-экономического развития для данного федерального органа исполнительной власти особый характер приобретают вопросы эффективности и результативности функционирования системы развития сотрудников надзорных органов.

Необходимо отметить, что вопрос изучения профессионального правосознания сотрудников надзорных органов ФПС ГПС МЧС России на сегодняшний день мало изучен. Тем не менее вопрос о формировании профессионального правосознания сотрудников надзорных органов МЧС России изучается в наше время. Данный вопрос является актуальным, поскольку сотрудники надзорных органов непосредственно связаны с обеспечением законности и правопорядка в области пожарной безопасности в нашей стране. Реализуя функции Государственного пожарного надзора, сотрудники МЧС России выступают участниками процессуальной деятельности, в частности возбуждают административные и уголовные дела по факту нарушений требований действующего зако-

нодательства. Как известно, нарушение требований пожарной безопасности может повлечь за собой причинение вреда жизни и здоровью граждан, поэтому роль надзорной деятельности сотрудников МЧС России, осуществляемой с целью обеспечения безопасности граждан, важна на сегодняшний день.

Процесс формирования профессионального правосознания сотрудников надзорных органов МЧС России играет важную роль и это связано с тем, что сотрудники непосредственно осуществляют правоприменительные функции: надзорные, а также профилактические функции с целью обеспечения законности и правопорядка, а также снижения уровня нарушений законодательства в нашей стране. В то же время данная важная социальная практика имеет очень сложную форму, поскольку конечным результатом является создание и поддержание устойчивой правовой культуры и правовой компетентности в подразделениях надзорной деятельности МЧС России.

Стоит сказать, что для того, чтобы начать процесс формирования профессионального правосознания сотрудника МЧС России, человеку необходимо сформировать обыденное правосознание, которое закрепляет в сознании личности представления о необходимости соблюдения законов. Как и у всех граждан, процесс формирования начинается в подростковом возрасте, когда на него влияют уже ранее упомянутые факторы формирования правосознания личности такие как: воспитание человека в семье, влияние общества, в котором он находится, уровень познавательной деятельности отдельно взятого человека, уровень тяготения человека к обучению. В этот период формируется обыденное правосознание личности, которое формирует представление о необходимости соблюдения законов в стране. Главным фактором в данный период является психология, ведь положительное воздействие на психику личности человека, может привести к успешному формированию правосознания будущего сотрудника надзорных органов МЧС России.

Начальный этап формирования профессионального правосознания проходит в процессе обучения юридическим программам в высшем учебном заведении МЧС России. В процессе обучения будущего сотрудника надзорных органов закладываются основы правовой культуры сотрудника ФПС ГПС МЧС России, которые в дальнейшем будут развиты в процессе осуществления профессиональной практической деятельности. При закладывании основ профессионального правосознания сотрудникам надзорных органов разрабатываются различные методы и формы формирования правосознания сотрудника МЧС России. В высших учебных заведениях МЧС Рос-

сии проводятся комплексные исследования теоретических, практических, и педагогических аспектов совершенствования юридического образования сотрудников МЧС России как фактора развития их правосознания в единстве всех его компонентов, включая правовую компетентность, правовую культуру, правовые знания и т.д. [12, С. 21]. Немаловажным фактором в системе подготовки будущих специалистов является «передача нравственно-ценностных знаний о праве, которые были накоплены предшествующими поколениями многонационального народа Российской Федерации» [13].

В процессе обучения в вузе, сотрудникам МЧС России закладывают основы психологии, юриспруденции, обучают основным приемам право применения. Сотрудник должен получить характерные свойства юридического мировоззрения, носящий в себе комплексный характер, который проявляется не только в отражении правовых норм, но и морально-этических требований. С научной точки зрения юридическое мировоззрение должностных лиц МЧС России понимается «как доминантный ценностно-нормативный компонент профессионального правосознания, обусловленный комплексом объективных и субъективных факторов, обеспечивающий такую интеграцию его идейно-рациональной и эмоционально-волевой структуры, которая гарантирует социально-полезную правомерную деятельность субъектов» [14, С. 8]. В связи с этим роль юридического мировоззрения в деятельности сотрудника МЧС России важна, поскольку в практической деятельности сотрудник выполняет правоприменительные функции, в частности контрольно-надзорные и профилактические функции. Также учеными предполагается, что существует специфика правового режима в сфере ответственности МЧС России, под которой понимается совокупность юридических характеристик и средств таких как: методы правового регулирования, способы и порядок формирования норм, их реализация, а также специфика санкций. Данная специфика правового режима непосредственно связана с практической деятельностью сотрудника МЧС России, в которой для эффективного правового регулирования существует большое количество подзаконных актов, а также юридически значимых документов технического регулирования. Для того, чтобы успешно применять все вышеперечисленные юридические документы будущим сотрудникам надзорных органов МЧС России необходимо осознавать всю ответственность процесса юридического обучения, а также самостоятельно совершенствовать навыки право применения. В процессе формирования готовности успешной правовой деятельности курсантов образователь-

ных учреждений МЧС России в этой области рассматриваются также «создание структурно-функциональной модели формирования готовности к правоприменительной деятельности» [15].

В рамках образовательного процесса будущий специалист развивает навыки правового мышления, которое является интеллектуальной составляющей юридического познания необходимого для сотрудника, а именно дознавателей МЧС России поскольку именно юридическое познание служит главным инструментом в уголовно-процессуальной деятельности дознавателей. Правовое мышление по мнению специалистов следует рассматривать «как сложную объемную полиструктуру, базирующуюся на определенных формах и способах юридической логики, юридического языка и мировоззренческих основаниях, состоящую из нескольких вертикальных уровней и горизонтальных образований, обусловленную объективной логикой достижения промежуточных и конечных целей, унифицированными и индивидуальными, теоретическими и практическими, профессиональными и непрофессиональными факторами» [16, С. 15]. Правовое мышление играет огромную роль в практической деятельности сотрудников надзорных органов, поскольку оно непосредственно связано с познавательной деятельностью. Так, например, в процессе своей профессиональной деятельности дознаватели МЧС России (далее - дознаватели) должны руководствоваться своим внутренним убеждением при оценки собранных доказательств. При привлечении лица к уголовной ответственности дознаватели должны правильно квалифицировать преступление, а именно в точности с Уголовным Кодексом Российской Федерации указать какое преступление совершил. В этом случае успешная квалификация преступлений проходит, если дознаватели знают и задействуют законы логики.

Также одним из процессуальных действий, которое непосредственно связано с правовым мышлением является принятие одного из процессуальных решений. Так одним из промежуточных процессуальных решений является возбуждение уголовного дела. Дознаватели ставят перед собой определенные задачи, решение которых способствует раскрытию преступлений. Так, например, задачами возбуждения уголовного дела по признакам ст. 168 Уголовного Кодекса Российской Федерации является: регистрация сообщений о преступлении, поступивших из различных источников, а также установления наличия или отсутствия фактов совершения определенных действий, непосредственно связанных с преступлением. Конечным процессуальным решением является составление обвинительного акта. По мнению Е.И. Зубенко: «Обвинительный акт по

делам, подследственным ГПС МЧС России – это результат отличной грамотной работы дознавателя, его усердия при сборе, проверке и оценке доказательств, использование большого количества источников доказательств и результат, к которому необходимо стремиться» [17, С.15]. Таким образом, наличие правового мышления у сотрудников надзорных органов МЧС России является неотъемлемой составляющей их профессиональной интеллектуальной деятельности юридического познания, которое непосредственно зависит от профессионального правового сознания сотрудника.

Как известно, конечным этапом формирования профессионального правосознания сотрудника является его профессиональная деятельность, которую сотрудник осуществляет при возникновении случаев нарушения законодательства, регулирующего сферу пожарной безопасности. В процессе осуществления своей деятельности сотрудник усваивает правильность осуществления своей профессиональной деятельности в принятии процессуальных решений. Следует отметить, что профессиональное правосознание сотрудника органов дознания МЧС России имеет свою специфику, как одной из сфер юридической деятельности, поскольку в своей деятельности сотрудники сталкиваются с множеством нормативно-правовых актов, которые действуют в сфере МЧС России. В процессе своей профессиональной деятельности сотрудники задействуют различные функции профессионального правосознания, работая с системой нормативно-правовых актов, а также с различными постановлениями и определениями судов Российской Федерации. При этом, в основном задействуются познавательно-преобразовательские, регулятивно-охранительные и коммуникативно-трансляционные функции. В этот период сотрудник надзорных органов полностью переходит от доктринального подхода к конкретным поступкам, направленным на регулирование социальных отношений и формирование правового государства.

Особое внимание уделяется коммуникативно-трансляционной функции, поскольку она заключается в аккумуляции информации, которая собирается из различных источников. Эти данные могут претерпевать трансформации, поскольку, работая с ними, человек придает им личностное отношение. Указанная функция состоит также в передаче юридической информации и формировании практического юридического опыта. Подобные действия ложатся в основу правопреемства и сохранения юридических принципов и традиций в рамках национальной правовой системы [18, С. 88].

Необходимо отметить, что при задействовании коммуникативно-трансляционной функции, сотрудники получают юридический опыт, который в дальнейшем может носить негативный характер. В процессе своей профессиональной деятельности сотрудник надзорных органов МЧС России сталкивается с рядом факторов, которые негативно влияют на его профессиональные качества в физическом и психическом смысле этого слова. К числу таких факторов относится высокий уровень стресса, физическая и психологическая напряженность, отсутствие психологической защищенности и т.д. В процессе воздействия данных факторов у сотрудника надзорных органов МЧС России возникает профессиональная деформация, которая негативно влияет на профессиональные качества. В процессе деформации правосознания у сотрудника ухудшаются навыки правового мышления, изменяется юридическое мировоззрение о необходимости соблюдения законов и правильности их применения. С ухудшением профессиональных навыков, ухудшается и положительный образ сотрудника, которое в дальнейшем негативно влияет на правосознание граждан РФ. Важно отметить, что для предотвращения подобных случаев деформации профессионального правосознания еще на этапе формирования профессионального правосознания необходимо предусмотреть возможность появления деформации профессионального правосознания. Возможность появления деформации очень велика, поэтому в процессе формирования профессионального правосознания обучающемуся необходимо заложить основы укрепления стрессоустойчивости и основные навыки профессиональной юридической деятельности, которые будут применяться в условиях принятия решений при многозадачности.

Таким образом, процесс формирования профессионального правосознания крайне важен в профессиональной деятельности сотрудников надзорных органов МЧС России, поскольку данная деятельность непосредственно связана с правоприменением норм, касающейся сферы уголовного и уголовно-процессуального права, а также норм сферы пожарной безопасности. Обеспечение эффективности осуществления профессиональной юридической деятельности сотрудников надзорных органов МЧС России требует учета и традиционных особенностей развития данного института, на который особенно в условиях масштабных трансформаций оказывали существенное влияние множества факторов.

Сегодня в сложном многогранном процессе формирования профессионального правосознания важными являются те факторы, которые продолжают оказывать такое влияние на это. Это про-

цесс правового обучения посредством изучения юридических дисциплин, правовая информация, юридическая деятельность в рамках государственных институтов, индивидуальные психологические особенности специалиста, социальная среда и другие. В повышении уровня правовой грамотности и профессионального правосознания сотрудников надзорных органов МЧС России, для которых работа в чрезвычайных условиях и соблюдении этических аспектов действий в стрессовых и кризисных ситуациях связаны с их профессиональной деятельности, все больше возникает потребность уделения особого внимания освоению гуманистических ценностей, которые включают комплекс убеждений, принципов, в том числе правовых, в частности сотрудники приобретают навыки юридического мышления, а также формируют юридическое мировоззрение. Все это впоследствии должно противостоять различным негативным факторам, способных вызывать деформация сложного и уязвимого института профессионального правосознания.

Список литературы:

- [1] Пожарский, Д.В. Контрольно-надзорная функция современного государства: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Акад. упр. МВД РФ. - Москва, 2004.
- [2] Мамина О.И., Семичева А.С. Правовая природа надзора и надзорной деятельности как способа обеспечения конституционного принципа законности // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). С.25-29.
- [3] Доклады с обобщением правоприменительной практики и руководствами по соблюдению обязательных требований за 2022 год (утв. МЧС России 24.04.2023) <https://legalacts.ru/doc/doklady-s-obobshcheniem-pravoprimeritelnoi-praktiki-i-rukovodstvami-po-sobliudeniiu/> (Дата обращения:25.12.2025)
- [4] Кузнецов, Р. А. Деформация профессионального правосознания юристов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р. А. Кузнецов. – Екатеринбург, 2005. – 194 с.
- [5] Асадов Б.Р., Купряшин В.С. Основы формирования гуманитарного правосознания у будущих сотрудников институтов национальной безопасности // Перспективы правового регулирования в противодействии угрозам безопасности общества и государства: сб. тр. XXXV Междунар. науч.-практ. конф. «Предотвращение. Спасение. Помощь». Химки, 2025. С.4-9
- [6] Гуманитарный принцип в построении профессионального образования: теория и практика: монография / под ред. С. В. Беловой. – Чебоксары: Среда, 2022. – 176 с.
- [7] Смирнов, А.И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва, 2021. — 23 с].
- [8] Строгович М.С. Избранные труды. В 3 т. Т. 1 Проблемы общей теории права / Отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Наука, 1990. 304 с.
- [9] Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. — М.: Юридическая литература, 1963. — 205 с.
- [10] Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики) / И.Ф. Покровский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.
- [11] Попова А. А., Савушкин В. В. Методы исследования и этапы формирования профессионального правосознания сотрудника органов внутренних дел // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 180-183.
- [12] Тыртышный А.А., Муталиева Л.С. Развитие правосознания в процессе юридического образования сотрудников МЧС России / А.А. Тыртышный, Л.С. Муталиева. // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 4 (21). С. 20-24.
- [13] Асадов, Б. Р.,Страхов И. А. Особенности правового воспитания граждан в контексте правовых традиций современной России // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: Материалы х международной научно-практической конференции, Краснодар, 25 сентября 2025 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. – С. 32-38.
- [14] Зозуля А.А. Юридическое мировоззрение должностных лиц МЧС России в ракурсе проблемы профессионального правосознания // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 3 (56). С. 6–13.
- [15] Выгузова, Е.В.Формирование готовности к будущей правоприменительной деятельности курсантов образовательных организаций высшего образования МЧС России: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Выгузова Евгения Вячеславовна; [Место защиты: Рос. гос. проф.-пед. ун-т]. - Екатеринбург, 2017. - 25 с.
- [16] Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания. / Ю. П. Боруленков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. 2 (331). С. 6-41.
- [17] Зубенко Е.И. Акты обвинения на предварительном расследовании в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 24.
- [18] Махрова Е.И. Правовая природа профессионального правосознания: понятие, струк-

тура и функции. / Е. И. Махрова. // Общество: политика, экономика, право. 2021. №1 (90). С. 86-90.

References:

[1] Pozharsky, D.V. The control and supervisory function of the modern state: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.01/Acad. upr. MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION. - Moscow, 2004.

[2] Mamina O.I., Semicheva A.S. The legal nature of supervision and supervisory activities as a way to ensure the constitutional principle of legality// Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. № 2(55). S.25-29.

[3] Reports summarizing enforcement practices and compliance guidelines for 2022 (approved by МЧС России 24.04.2023) <https://legalacts.ru/doc/doklady-s-obobshcheniem-pravoprimeritelnoi-praktiki-i-rukovodstvami-po-sobliudeniiu/> (Дата обращения:25.12.2025)

[4] Kuznetsov, R. A. Deformation of the professional legal awareness of lawyers: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.01/R. A. Kuznetsov. - Yekaterinburg, 2005. - 194 s.

[5] Asadov B.R., Kupryashin V.S. Fundamentals of the formation of humanitarian legal awareness among future employees of national security institutions//Prospects for legal regulation in countering threats to the security of society and the state: Sat. tr. XXXV International. scientific-practical. conf. "Prevention. Salvation. Help». Khimki, 2025. S.4-9

[6] Humanitarian principle in the construction of vocational education: theory and practice: monograph/ed. S.V. Belova. - Cheboksary: Wednesday, 2022. - 176 s.

[7] Smirnov, A.I. The influence of professional legal consciousness on the formation of positive law in the Byzantine Empire: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.01. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow, 2021. - 23 s].

[8] Strogovich M.S. Selected works. In 3 vols. T. 1 Problems of the general theory of law/Rev. ed. S. N. Bratus. M.: Science, 1990. 304 pp.

[9] Farber I.E. Legal consciousness as a form of social consciousness. - M.: Legal letter of the tour, 1963. - 205 s.

[10] Pokrovsky I.F. Formation of the right of individual consciousness (questions of theory and practice)/I.F. Pokrovsky. L.: Publishing House Leningr. University, 1972.

[11] Popova A. A., Savushkin V. V. Research methods and stages of the formation of professional legal awareness of an employee of the internal affairs bodies//Criminological journal. 2023. № 3. S. 180-183.

[12] Tyrtyshtny A.A., Mutaliev L.S. Development of legal awareness in the process of legal education of EMERCOM of Russia employees/A.A. Tyrtyshtny, L.S. Mutaliev. //Law. Security. Emergencies. 2013. № 4 (21). S. 20-24.

[13] Asadov, B. R., Strakhov I. A. Features of the legal education of citizens in the context of the legal traditions of modern Russia//Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: Materials of the x international scientific and practical conference, Krasnodar, September 25, 2025. - Krasnodar: Kuban State University, 2025. - S. 32-38.

[14] Zozulya A.A. Legal worldview of officials of the EMERCOM of Russia in terms of the problem of professional legal awareness//Law. Security. Emergencies. 2022. № 3 (56). S. 6-13.

[15] Vyguzova, E.V. Formation of readiness for future law enforcement activities of cadets of educational organizations of higher education EMERCOM of Russia: abstract dis.... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08/Vyguzova Evgenia Vyacheslavovna; [Place of defense: Ros. state. prof. un-t]. - Yekaterinburg, 2017. - 25 s.

[16] Borulenkova Yu.P. Legal thinking as an intellectual component of legal knowledge ./Yu. P. Borulenkova//News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2017. 2 (331). S. 6-41.

[17] Zubenko E.I. Acts of accusation at the preliminary investigation in the Russian criminal process: dis.... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2009. P. 24.

[18] Makhrova E.I. The legal nature of professional legal awareness: concept, structure and functions ./E.I. Makhrova. //Society: politics, economics, law. 2021. №1 (90). S. 86-90.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-755-759

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук,
профессор кафедры теории общественных наук
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО И ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Аннотация. В настоящей статье предпринимается комплексный компаративный анализ политико-правовых воззрений Ивана IV Грозного и князя А. М. Курбского, зафиксированных в их эпистолярном наследии. Данная дискуссия рассматривается автором не только как частный спор, но и как репрезентативное отражение столкновения двух альтернативных парадигм государственного устройства Московской Руси XVI столетия. В рамках исследования особое внимание уделяется дедукции теоретических основ концепции «православного христианского самодержавия» Ивана IV. Констатируется, что данная модель базируется на тотальной сакрализации верховной власти и постулирует недопустимость любых ее правовых или институциональных ограничений. Параллельно с этим рассматривается оппонирующая позиция А. М. Курбского, в которой акцентируется внимание на приоритете законности, необходимости коллегиального управления («совета») и подотчетности монарха высшим этико-правовым нормам. На основании проведенного анализа обосновывается тезис о глубоком идеологическом антагонизме представленных доктрин. В заключении проведенного исследования аргументируется положение о том, что данное противостояние заложило фундамент для долгосрочных тенденций в эволюции российской политико-правовой традиции и определило ключевые векторы дискуссий о природе власти в отечественной мысли.

Ключевые слова: самодержавие, православная политическая теория, русская политико-правовая мысль, власть и право, государство, тиранья.

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Theory of Social Sciences
at the North-West Institute of Management of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, St. Petersburg

IVAN THE TERRIBLE'S THEORY OF ORTHODOX CHRISTIAN AUTOCRACY AND ANDREI KURBSKY'S LEGAL AND POLITICAL IDEAS

Annotation. This article undertakes a comprehensive comparative analysis of the political and legal views of Ivan IV the Terrible and Prince A.M. Kurbsky, recorded in their epistolary heritage. This discussion is considered by the author not only as a private dispute, but also as a representative reflection of the collision of two alternative paradigms of the state structure of Moscow Russia of the 16th century. Within the framework of the study, special attention is paid to the deduction of the theoretical foundations of the concept of "Orthodox Christian autocracy" by Ivan IV. It is stated that this model is based on the total sacralization of the supreme power and postulates the inadmissibility of any of its legal or institutional restrictions. In parallel with this, the opposing position of A. M. Kurbsky

is considered, which focuses on the priority of legality, the need for collegial management ("council") and the accountability of the monarch to the highest ethical and legal standards. Based on the analysis, the thesis about the deep ideological antagonism of the presented doctrines is substantiated. The conclusion of the study argues that this confrontation laid the foundation for long-term trends in the evolution of the Russian political and legal tradition and determined the key vectors of discussions about the nature of power in domestic thought.

Key words: *autocracy, orthodox political theory, Russian political and legal thought, power and law, state, tyranny.*

Введение. В рассматриваемый период необходимо подчеркнуть, что эволюция Московского государства определялась форсированной централизацией и сакрализацией самодержавия, что заложило базис развития всей российской государственности. В этой связи особую научную значимость приобретает переписка Ивана IV и А. Курбского, которая представляется возможным квалифицировать как глубокую теоретическую дискуссию о природе суверенитета и правовых пределах реализации власти. Таким образом, данный эпистолярный памятник репрезентирует собой фундаментальное отражение ключевых общественно-политических и идеологических противоречий XVI столетия.

Целесообразно подчеркнуть, что актуальность исследования данного вопроса обусловлена выявлением в идеологическом противостоянии Ивана IV и А. Курбского фундаментальных парадигм правопонимания. Представляется очевидным, что сформулированные в ходе дискуссии концепты сохраняют свою эвристическую ценность для ретроспективного анализа российской политико-правовой традиции, равно как и для осмысления её современных модификаций.

Цель статьи - выявить содержание и особенности теории православного христианского самодержавия Ивана Грозного и правовых и политических идей Андрея Курбского, а также определить их историко-правовое значение.

Основной материал. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что трансформация политико-правовых воззрений Ивана IV и А. Курбского была детерминирована переходом от удельной раздробленности к централизованной монархии, что закономерно сопровождалось ослаблением позиций боярства. В данной связи концепция «Москва - Третий Рим» выступила фундаментом идеологической легитимации самодержавия, сакрализуя власть монарха и утверждая мессианский статус государства.

Параллельно с этим, альтернативная доктрина Курбского базировалась на парадигме коллективной ответственности правителя и системе сдержек, представляя собой синтез отечественных традиций и западноевропейской мысли. Таким образом, данная полемика отражала фун-

даментальную дифференциацию политических культур в условиях масштабного государственного строительства [1].

В контексте исследования политико-правовой мысли России XVI века ключевое значение приобретает теократическая концепция Ивана IV, базирующаяся на постулате о трансцендентном источнике верховной власти. В рамках данной парадигмы самодержавие рассматривается не как результат социальной конвенции, а как установленная свыше институция, что априори исключает возможность лимитации полномочий монарха нормами позитивного права. Следовательно, государь наделяется статусом медиатора между сакральным и профанным порядками, становясь эксклюзивным субъектом исторического процесса, действия которого подлежат исключительно метафизическому суду.

Следует подчеркнуть, что категория «страх Божий» претерпевает функциональную трансформацию, институционализируясь как универсальный нормативно-юридический регулятор и инструмент государственного администрирования. В этой связи политическая оппозиция квалифицируется как духовная трансгрессия (грех), что влечет за собой неизбежные сакральные санкции. В конечном итоге, присвоение монархом квазисвященнических функций ведет к нивелированию границ между светской и духовной юрисдикциями, детерминируя утрату правом институциональной автономности. Таким образом, доминирование воли суверена над формально-юридическим регламентом послужило базисом для формирования специфического внеправового типа абсолютизма [5].

В рамках политико-правовой доктрины Ивана IV постулируется аксиоматическое отрицание возможности детерминации царской власти нормами позитивного права или традиционными институтами. Следует отметить, что закон в данной интерпретации выступает не как автономная нормативная сила, а как производная субстанция, генерируемая исключительно волей суверена.

С точки зрения субъектно-объектных отношений, боярство и служилое сословие позиционируются как реципиенты властных импульсов, полностью лишённые политической субъектности.

Характерно, что любая форма оппозиции или диссидентства квалифицируется не только как государственное преступление (измена), но и как трансгрессия сакрального порядка (грех). Данная установка позволяет легитимизировать репрессивный аппарат, апеллируя к религиозно-этическим категориям.

В контексте правовой онтологии Ивана Грозного специфическое соотношение власти и нормы проявляется в наделении акта царской воли статусом единственного первоисточника правопорядка. Таким образом, право утрачивает свойства стабильной системы общеобязательных правил и трансформируется в инструмент ситуативного регулирования, жестко аффилированный с текущими предпочтениями монарха.

Анализ деформации правосознания позволяет сделать вывод, что данный подход обуславливает переход от процедурной легитимности к персонализированной модели подчинения. В этой связи юридическая определенность нивелируется в пользу ожидания волевого решения «сверху», что деформирует само понятие права как механизма социальной предсказуемости.

Принципиально важным аспектом выступает диффузия понятий правонарушения и политической нелояльности. Исходя из этого, любое действие, диссонирующее с позицией государя, подвергается расширительному толкованию как посягательство на основы государственного строя, что создает прецедент для произвольного применения санкций, не ограниченных рамками формальных норм [7].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что концепция Ивана IV предполагает тотальную инкорпорацию правовой сферы в поле абсолютной власти. Право в данной парадигме лишается институциональной автономности, становясь атрибутом политического суверенитета, что фундаментально дистанцирует данную модель от традиционных европейских и сословно-представительных форм ограничения монархии.

Феномен опричнины, в контексте исследования трансформации государственного управления, следует интерпретировать как практическую реализацию доктрины православного самодержавия, направленную на «сакральное очищение» госаппарата и окончательную субординацию аристократии. Необходимо констатировать, что введение данного режима ознаменовало системную деструкцию традиционного правопорядка и переход к чрезвычайному управлению, характеризующемуся институциональным дуализмом и замещением единого правового поля системой прямой монаршей юрисдикции. Следовательно, рациональное администрирование было окончательно

вытеснено приоритетом личной лояльности, что полностью нивелировало классические механизмы судебного и административного контроля.

Более того, в рассматриваемый период происходит кристаллизация специфической легитимации насилия, апеллирующей не к юридическим нормам, а к метафизической целесообразности защиты «православного царства». В этой связи, карательные практики приобрели превентивный характер, способствуя формированию новой управленческой элиты, чьи отношения с сюзереном базировались исключительно на внеюридической преданности. В конечном итоге, опричнина функционировала как масштабный системный эксперимент по институционализации внеправового дискурса, закрепив превалирование волюнтаристской модели над законом и завершив радикальную трансформацию самодержавной власти в её восточно-христианской интерпретации [6].

В рамках сравнительного анализа политико-правовых парадигм XVI века следует констатировать фундаментальное расхождение между доктринами Ивана IV и А.М. Курбского. Если первый настаивал на неограниченном характере суверенитета, то в трактовке Курбского государственная власть детерминирована не как атрибут господства, а как форма этического служения. Важно отметить, что в данной системе координат легитимность монарха не является безусловной данностью, а выступает переменной величиной, напрямую зависящей от соответствия действий правителя нормам христианской этики и принципам естественной справедливости.

Следовательно, утрата властью нравственных ориентиров неизбежно ведет к ее делегитимизации, что, по мнению автора, санкционирует право общества на моральное сопротивление и вербальное обличение произвола. Более того, властные полномочия интерпретируются Курбским как «тяжкое этическое бремя», требующее постоянной верификации решений на предмет их соразмерности общественному благу. В конечном счете, подобная концепция утверждает приоритет метафизической истины над политическим диктатом, тем самым фиксируя принципиальный разрыв с моделью самодержавия, где ответственность монарха носит исключительно трансцендентный и бесконтрольный характер.

Исследуя политико-правовую доктрину А.М. Курбского, представляется необходимым подчеркнуть постулат о безусловном верховенстве закона и незыблемости традиции («старины»), ограничивающих волю суверена. На основании проведенного анализа можно констатировать, что мыслитель эксплицирует раннюю концепцию правового лимитирования власти, концептуально противопоставляя её деспотическому произволу.

В частности, принципиальное значение здесь имеют аксиологическая роль традиции как имманентного барьера волюнтаризма, правовая преемственность поколений и безусловный приоритет юридических норм над текущей политической целесообразностью.

Более того, следует акцентировать внимание на том, что Курбский отвергает возможность легитимации беззакония ссылаясь на государственную необходимость, что содержит имплицитную критику опричных форм управления. Следовательно, соблюдение закона и традиции в данной парадигме функционирует не в качестве технического инструмента, а в роли базисного основания легитимности. Таким образом, соблюдение данных норм выступает ключевым критерием демаркации правомерного правления и тирании, что наделяет теорию Курбского выраженным антиавторитарным потенциалом, сближая её с раннемодерными европейскими концепциями конституционализма [2].

В рамках политической доктрины А.М. Курбского институт совета интерпретируется не как факультативный атрибут, а как фундаментальный, системообразующий элемент государственного управления. Следует отметить, что легитимное правление, по мнению автора, имплицитно опирается на консенсус «мудрых мужей», выступающий механизмом интеграции рациональных и этических начал в процесс принятия решений.

Следовательно, коллегиальный дискурс служит средством верификации управленческих актов и минимизации рисков преваляирования субъективных предпочтений монарха над публичными интересами. Более того, антитиранический потенциал совета заключается в преодолении интеллектуальной изоляции правителя, что предотвращает генезис деспотизма через создание легитимного пространства альтернативных мнений. Таким образом, доктрина Курбского, базирующаяся на аксиологии разумного правления, а не на формальных актах, представляет собой значимый этап в генезисе отечественной теории ограниченной монархии как формы институционального лимитирования власти [3].

В рамках сравнительного анализа эпистолярное наследие Ивана IV и А. М. Курбского интерпретируется не как частная полемика, а как фундаментальное столкновение антагонистических моделей власти: сакрализованного самодержавия и сословно-представительной монархии. Необходимо подчеркнуть, что Иван IV постулирует абсолютную легитимность власти божественным правом, квалифицируя любое сопротивление как метафизическое вероотступничество. Напро-

тив, со своей стороны, Курбский апеллирует к категориям христианской этики и правовым ограничениям, инкриминируя монарху переход к деспотизму и нарушение обязательств перед подданными. Следовательно, данная дискуссия выступает уникальным прецедентом теоретического обоснования границ суверенитета и ответственности правителя в отечественной политической мысли [4].

Результаты исследования. Проведенный комплексный историко-правовой анализ со всей очевидностью показывает, что окончательное утверждение самодержавной парадигмы в XVI веке выступило ключевым детерминирующим фактором радикальной трансформации российской государственности. Данный процесс не только институционализировал централизацию власти, но и заложил незыблемый идеологический фундамент последующего развития абсолютизма, сформировав специфическую сакрализованную модель властвования. Вместе с тем, в рамках научной объективности необходимо подчеркнуть, что интеллектуальное наследие князя А.М. Курбского сохранилось в истории отечественной мысли как репрезентативный альтернативный проект. Его воззрения сформировали необходимые концептуальные предпосылки для критической рефлексии о правовой легитимности и моральной ответственности суверена перед обществом, предложив раннюю версию идеи ограниченной монархии.

Представляется, что фундаментальное значение рассматриваемого дискурса заключается в выявлении глубокой, неустранимой дихотомии национального правосознания. Если концепция Ивана IV де-факто институционализировала безусловный приоритет монаршей воли над любыми нормативно-правовыми установлениями, то тезисы Курбского, напротив, апостериорно утвердили право как объективный, трансцендентный критерий оценки действий власти. Следовательно, рассматриваемое идеологическое противостояние обозначило ключевой антропологический и экзистенциальный конфликт между императивом государственной целесообразности и признанием политической субъектности личности. Данная коллизия стала отражением более масштабного процесса поиска баланса между авторитаризмом и элементами представительства.

Резюмируя все вышеизложенное, следует аргументированно констатировать, что исторический спор между царем и опальным князем является структурообразующим элементом всей отечественной политико-правовой мысли. В конеч-

ном итоге, данная полемика задала устойчивую парадигмальную рамку для многовековых дискуссий о сложной корреляции институтов публичной власти и верховенства закона. Таким образом, интерпретация этого диалога остается релевантной и для современного этапа развития политической теории, позволяя глубже осмыслить генезис и специфику национальных механизмов государственного управления.

Выводы. Проведенный комплексный анализ теократической концепции православного самодержавия Ивана IV в её концептуальном сопоставлении с оппозиционными политико-правовыми воззрениями князя Андрея Курбского позволяет с высокой степенью достоверности детерминировать данный дискурс как переломный и наиболее значимый этап генезиса всей отечественной государственно-правовой мысли. Следует признать, что глубокая научная экспликация и последующая компаративистика данных доктрин не только дают возможность верифицировать фундаментальные онтологические основания российской модели властвования, но и позволяют системно объяснить объективные детерминанты исторического доминирования автократической парадигмы в национальном политическом процессе.

Более того, представляется критически необходимым констатировать, что идейная полемика между монархом и опальным князем сохраняет исключительную научную актуальность, поскольку в её рамках затрагиваются базисные, вневременные дилеммы интерференции публичной власти, нормативно-правовых установлений и высших этических императивов. В конечном счете, данный исторический спор продолжает выступать объектом интенсивной научно-теоретической рефлексии в рамках современной политико-правовой теории. Он служит надежным теоретическим базисом для глубокого осмысления проблем легитимности, источников суверенитета и правовых пределов государственного принуждения, тем самым предопределяя вектор развития национального государственного строительства на многие столетия вперед.

Список литературы:

- [1] Горохов П.А. Иван Грозный как проблема отечественной философии истории //Философия и культура. 2024. № 11. С. 29-48.
- [2] Ерусалимский К.Ю. Этико-политическое учение князя Андрея Курбского //Философия.

Журнал высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 3. С. 117-175.

[3] Ерусалимский, К.Ю. История о великом князе Московском А.М. Курбского: археографические и историографические аспекты: дис. ...канд. историч. наук. М.. 2002. 577 с.

[4] Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 148-161.

[5] Перевезенцев С.В. «Правду во царство свое введешь...». Образ «истинного христианского царства» в русских духовно-политических сочинениях середины XVI века // Тетради по консерватизму. 2021. № 1. С. 123-156.

[6] Прокошев В.А. История опричнины в трудах С.Ф. Платонова и влияние его концепции на отечественную историографию 1890-Х–1920-Х гг. // Современная научная мысль. 2025. № 2. С. 239-245.

[7] Шавеко Н.А. Идеал правды в Московском государстве (XVI-XVII вв.): политико-правовые аспекты // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 49-71.

References:

[1] Gorokhov P.A. Ivan the Terrible as a problem of the Russian philosophy of history//Philosophy and culture. 2024. № 11. S. 29-48.

[2] Yerusalimsky K.Yu. Ethical and political teachings of Prince Andrei Kurbsky//Philosophy. Journal of Higher School of Economics. 2024. VOL. 8. № 3. S. 117-175.

[3] Yerusalimsky, K.Yu. The story of the Grand Duke of Moscow A.M. Kurbsky: archaeographic and historiographic aspects: dis.... Cand. historian. sciences. M.. 2002. 577 p.

[4] Karavashkin A.V. Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky: conflict of interpretations//Studia Litterarum. 2020. VOL. 5. № 1. S. 148-161.

[5] Perevezentsev S.V. "You will introduce truth into your kingdom... The image of the "true Christian kingdom" in Russian spiritual and political works of the mid-16th century//Notebooks on conservatism. 2021. № 1. S. 123-156.

[6] Prokoshev V.A. History of the oprichnina in the works of S.F. Platonov and the influence of his concept on the domestic historiography of the 1890s X-1920s. //Modern scientific thought. 2025. № 2. S. 239-245.

[7] Shaveko N.A. The ideal of truth in the Moscow state (XVI-XVII centuries): political and legal aspects//Discourse-Pi. 2024. VOL. 21. № 2. S. 49-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-760-766

АНТОНОВ Юрий Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета
им. В. М. Лебедева,
e-mail: jurant1@mail.ru

КОСТИКОВ Артур Денисович,
студент бакалавриата по направлению подготовки
40.03.01 Юриспруденция
факультета подготовки специалистов для судебной
системы очной формы обучения (очный юридический факультет)
Российского государственного университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: kostikovartur@bk.ru

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДРОППЕРСТВО (ЧЧ. 3-6 СТ. 187 УК РФ)

Аннотация. В 2025 году в связи с ростом преступлений, совершенных с участием дропперов, уголовное законодательство дополнено нормами, предусматривающими уголовную ответственность за такие преступления. Эти нормы получили закрепление в ч.ч. 3-6 ст. 187 УК РФ. В статье проанализированы специальные понятия, получившие закрепление в новых нормах: электронное средство платежа; оператор по переводу денежных средств; клиент оператора по переводу денежных средств; договор об использовании электронного средства платежа; сторона договора об использовании электронного средства платежа; доступ к электронному средству платежа; неправомерные операции. Проведены различия между электронными средствами платежа и электронными средствами в целях применения ст. 187 УК РФ. Выявлено, что приведенное в примечании к указанной статье определение электронного средства платежа, исключает привлечение к уголовной ответственности дропперов, использовавших токенизированные (цифровые) платежные карты, а также электронные средства платежа, эмитированные иностранными кредитными организациями. Установлено, что уголовная ответственность предусмотрена как для первичных дропперов, так и для вторичных дропперов. С учетом того, что незаконные операции с использованием электронных средств платежа могут быть связаны с совершением других преступлений (содействие экстремистской или террористической деятельности, легализация денежных средств, др.), выявлена необходимость разграничения соответствующих составов преступлений, чтобы исключить привлечение к уголовной ответственности с нарушением принципа *non bis in idem* (нельзя за одно и то же дважды). Для этого могут потребоваться соответствующие разъяснения высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: договор об использовании электронного средства платежа, доступ к электронному средству платежа, дропперство, клиент, неправомерные операции, оператор по переводу денежных средств, электронное средство платежа, ЭСП.

ANTONOV Yuriy Ivanovich,
Candidate of legal sciences, docent,
docent of the Department of Criminal Law,
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

KOSTIKOV Artur Denisovich,
bachelor's degree student in the field of 40.03.01
Jurisprudence at the Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Full-time Law Faculty)
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

ON CRIMINAL LIABILITY FOR DROPPERING (PT. 3-6, ART. 187 OF UGKRF)

Annotation. In 2025, due to the increase in crimes committed with the participation of droppers, criminal legislation was supplemented with provisions providing for criminal liability for such crimes. These provisions were enshrined in parts 3-6 of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the special concepts enshrined in the new provisions: electronic means of payment; money transfer operator; client of a money transfer operator; agreement on the use of an electronic means of payment; party to the agreement on the use of an electronic means of payment; access to an electronic means of payment; illegal transactions. Distinctions are made between electronic means of payment and electronic means for the purposes of applying Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is revealed that the definition of an electronic means of payment provided in the note to this article excludes criminal liability for droppers who used tokenized (digital) payment cards, as well as electronic means of payment issued by foreign credit institutions. It has been established that criminal liability is provided for both primary and secondary droppers. Given that illegal transactions using electronic payment instruments may be linked to other crimes (such as assisting extremist or terrorist activity, money laundering, etc.), it is necessary to distinguish between the relevant offenses to prevent criminal liability in violation of the principle of *non bis in idem* (no offense twice). This may require appropriate clarifications from a higher judicial authority.

Key words: electronic payment agreement, access to an electronic payment instrument, dropping, client, illegal transactions, money transfer operator, electronic payment instrument, EPI

Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» ввел уголовную ответственность за так называемое дропперство¹. Дропперство – это предоставление своего электронного средства платежа (чаще всего платежных карт) другому лицу за вознаграждение или без такового.

Внесение указанных поправок обусловлено стремительным ростом числа вовлеченных в преступления граждан. По информации с сайта Банка России число дропов² [1] (дропперов) в декабре 2024 года составило 700 тыс. человек, а в 2025 году уже 1,2 млн. человек [2]. Волчкова Э.А. приводит данные, согласно которым большинство краж и мошенничеств в 2024 году совершались преступниками с использованием платежных средств, оформленных на других лиц [3]. При этом специалисты указывают, что правоприменители при привлечении дропперов к уголовной ответственности в отсутствие специальной нормы сталкиваются со сложностями [4, с. 2; 3].

С учетом изложенного введение специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за дропперство, представляется правильным и своевременным. Хотя высказываются и иные позиции. Так, Зайцева О.В. считает, что введение новых частей в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ)

является «избыточным», ссылаясь на необходимость «увеличения предупредительного аспекта существующих норм за счет просветительской деятельности» [6, с. 9].

В ст. 187 УК РФ появились новые нормы, установленные чч. 3-6. В этих нормах используются специальные понятия:

- электронное средство платежа;
- оператор по переводу денежных средств;
- клиент оператора по переводу денежных средств;
- договор об использовании электронного средства платежа;
- сторона договора об использовании электронного средства платежа;
- доступ к электронному средству платежа;
- неправомерные операции.

Электронное средство платежа (далее - ЭСП) в соответствии с примечанием 2 к ст. 187 УК РФ – «эмитированное (предоставленное) в соответствии с законодательством Российской Федерации средство и (или) способ, позволяющий клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

К ЭСП относятся платежные карты (банковские, транспортные); интернет-банкинг и мобильные приложения кредитных организаций (Сбер-

¹ Дроп – от англ. капля, бросать, доставка.

² Дроп — это человек, который предоставляет мошенникам свою банковскую карту или банковский счёт для «отмывания» похищенных денег либо обналичивает их самостоятельно.

банк Онлайн, приложение банка ВТБ и др.); электронные кошельки (ЮMoney, PayPal); QR-коды (например, платежи через систему СБП - систему быстрых платежей); устройства с NFC-технологией; банкоматы и устройства самообслуживания.

Следует отметить, что п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ № 161-ФЗ) закрепляет более актуальное понятие ЭСП.

Во-первых, с учетом масштабы процессов цифровизации финансовой сферы к ЭСП наряду с классическим «пластиком», а также виртуальными платежными картами также отнесены «преобразованные данные (токенизированные (цифровые) платежные карты)». При этом токенизация в России набирает обороты. Уголовное законодательство «не успевает» за изменениями специального законодательства, следующего за цифровыми новеллами в сфере финансов, в связи с чем представляется целесообразным включить в примечание к рассматриваемой статье норму с отсылкой к специальному законодательству. На указанный недостаток указывают и другие специалисты, в частности Сидоренко Э.Л. [7].

Во-вторых, в примечании речь идет исключительно о российских ЭСП, то есть выпущенных или предоставленных в соответствии с законодательством Российской Федерации. А под определение ЭСП, сформулированное в Федеральном законе № 161-ФЗ, подпадают любые ЭСП, в том числе предоставленные в соответствии с законодательством иностранных государств. Между тем очевидно, что дропперство может вестись и с использованием, например, платежных карт, выпущенных в другом государстве иностранными банками. Представляется, что выявленный пробел требует восполнения.

ЭСП как предмет преступлений, предусмотренных чч.3-6 ст. 187 УК РФ, отличается от электронного средства (ЭС) – предмета преступлений, предусмотренных чч.1-2 этой же статьи.

Под *электронным средством* понимается «средство и (или) способ, позволяющие поручить оператору по переводу денежных средств осуществление приема, выдачи, перевода денежных средств, не предусмотренные законодательством Российской Федерации, либо средство, эмитированное (предоставленное) с использованием недостоверных сведений» (прим. 1 к ст. 187 УК РФ).

При введении чч.1 и 2 ст. 187 УК РФ считалось, что ЭС как предмет указанных преступлений – это кардинг, то есть так называемая подделка платежных карт (с внесением, например, чужих данных). Однако это неточное обоснова-

ние. Ответ об отграничениях ЭСП и ЭС как предметов рассматриваемых соответствующих преступлений видится в российском регулятивном законодательстве (ФЗ № 161-ФЗ; Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115-ФЗ).

ЭСП как предмет преступлений, предусмотренных чч. 3-6 ст. 187 УК РФ – легальные ЭСП, соответствующие следующим требованиям:

1. выпущены (предоставлены) в соответствии с законодательством Российской Федерации;
2. предоставлены и используются на основании договоров, заключенных с оператором по переводу денежных средств;
3. оператор имеет лицензию Банка России;
4. эмиссия (предоставление) ЭСП произведено с соблюдением требований, касающихся идентификации клиента;
5. ЭСП (доступ к нему) обеспечивает соблюдение требований, ограничивающих переводы денежных средств.

Несоответствие хотя бы одному из названных требований характеризует ЭСП как предмет преступлений, предусмотренных чч.1 и 2 ст. 187 УК РФ. Это, например, платежные карты, выпущенные по фейковым данным (например, на поддельные паспорта или через офшоры), анонимные кошельки, криптоплатформы, псевдоплатежные системы.

В судебной практике имелись случаи, когда переданный неправомерно ключ от онлайн-банкинга (логин, пароль, SMS-код, токен (USB, ЭЦП - токены)) признавался ЭСП, с помощью которого совершалось мошенничество, предусмотренное ст. 159³ УК РФ, и это правильно.

Следовательно, передача, пусть и неправомерная, ключа от онлайн-банкинга третьему лицу (даже если это доверенное лицо) *не превращает сам ключ в нелегальное электронное средство (ЭС)*, но является нарушением условий договора (гражданско-правового или трудового) с банком и может квалифицироваться как незаконное использование легального электронного средства платежа (ЭСП) или как доступ к ЭСП, и должно сейчас квалифицироваться по чч. 3-6 ст. 187 УК РФ, а не как ранее по чч.1, 2 ст. 187 УК РФ [8].

Вместе с тем формулировка примечания 1 к ст. 187 УК РФ переданный ключ может признавать нелегальным ЭС (и, соответственно, предметом преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 187 УК РФ), когда, во-первых, он подделан (кардинг, о котором упоминалось выше) или получен мошенническим путем (фишинг, взлом) либо, во-вторых,

он изначально предназначен для обхода закона, например, для отмывания денег (ст. 174 УК РФ), для незаконных переводов с целью финансирования экстремизма или терроризма. Во втором случае образуется совокупность названных преступлений с преступлением, предусмотренным чч. 1 и 2 ст. 187 УК РФ. Думается, указанные разъяснения могут войти в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем остается непонятным статус ЭСП, эмитированных (предоставленных) в соответствии с законодательством иностранных государств. Формально под ЭСП в целях ст. 187 УК РФ они не попадают. При этом не относятся и к ЭС в контексте рассматриваемой статьи, поскольку не являются нелегальными: будучи законно выпущенными, они, как и российские ЭСП, могут использоваться в России. Представляется, что можно говорить о пробеле в уголовном законодательстве, который требуется устранить.

Оператор по переводу денежных средств – организация, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять перевод денежных средств (п. 2 ст. 3, п. 1 ст. 11 ФЗ № 161-ФЗ). Такими полномочиями, кроме Банка России, наделены российские кредитные организации и филиалы иностранных банков, открытые в России.

Клиент оператора по переводу денежных средств – физическое лицо, находящееся на обслуживании у оператора по договору об использовании электронного средства платежа. Такое определение в контексте ст. 187 УК РФ можно сформулировать исходя из понятия «клиент», закрепленного в ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ. Норма «антиотмывочного» закона предусматривает более широкий круг клиентов: он включает различные организации. Однако очевидно, что в целях привлечения к уголовной ответственности понятие «клиент» следует сузить.

Договор об использовании электронного средства платежа – договор, который заключают оператор по переводу денежных средств и его клиента в связи с предоставлением и (или) использованием ЭСП. Договор не имеет специального регулирования, в частности, в гражданском законодательстве. Между тем отдельные права и обязанности сторон договора определены в ФЗ № 161-ФЗ, а также документах Банка России.

Сторона договора об использовании электронного средства платежа – лица, заключившие и исполняющие договор, то есть оператор по переводу денежных средств и клиент. Это классический подход к определению сторон договора. Однако в целях ст. 187 УК РФ под стороной дого-

вора может пониматься только клиент. Определение стороны договора важно для идентификации лиц, которые такого статуса не имеют.

Доступ к электронному средству платежа означает совокупность технических и организационных мер, обеспечивающих клиенту возможность инициирования операций с использованием выбранного способа оплаты (платежная карта, электронный кошелек, мобильное приложение и т.п.).

Доступ к ЭСП предполагает:

- наличие технических средств и технологий, обеспечивающих обмен информацией для проведения платежной операции (платежная карта, интернет-подключение, мобильное приложение, терминал и др.);

- идентификацию клиента, то есть подтверждение его личности при использовании ЭСП (ввод PIN-кода, пароля, биометрическая аутентификация (распознавание отпечаток пальца, лица);

- обмен данными, необходимыми для совершения платежной операции: направление оператору платежного поручения (распоряжения) на перевод денежных средств; санкционирование платежной операции (подписание транзакции одноразовым кодом; смс-подтверждение или push-уведомление).

В целях ограничения несанкционированного доступа к ЭПС операторы принимают меры по защите денежных средств и данных клиента.

Неправомерные операции перечислены в примечании 3 к ст. 187 УК РФ. Это совершенные с использованием ЭСП (доступа у нему) операции по переводу безналичных денежных средств (как по банковскому счету, так и без его открытия), выдаче и (или) получению с банковского счета наличных денег при условии, если они зачислены на счет клиента оператора по переводу денежных средств без каких-либо оснований (правовых, договорных). Но эти же операции не будут считаться неправомерными, если они совершались в отношении денег клиента и его согласия.

Таким образом в целях идентификации неправомерной операции имеет значение происхождение и принадлежность денежных средств клиенту кредитной организации, а также согласие клиента на их совершение.

Проанализируем криминализованные чч. 3–6 ст. 187 УК РФ действия.

Часть 3 ст. 187 УК РФ запрещает клиенту из корыстной заинтересованности передавать предоставленное ему ЭСП (доступ к нему) другому лицу для осуществления тем неправомерных операций.

Уголовно-наказуемые действия представлены на рис. 1.

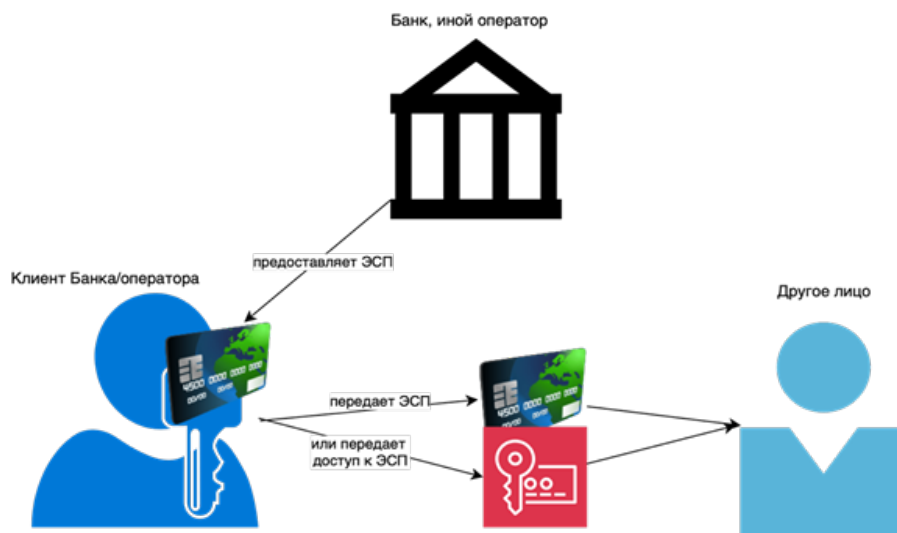

Рисунок 1. Часть 3 ст. 187 УК РФ

Часть 4 ст. 187 УК РФ запрещает клиенту из корыстной заинтересованности по указанию и (или) в интересах другого лица проводить неправомерные операции с использованием ЭСП (доступа к нему). Важно отметить, что операции, предусмотренные указанной нормой, не должны

идентифицироваться как банковские, иначе лицо будет привлекаться к ответственности по ст. 172 УК РФ.

Уголовно-наказуемые действия представлены на рис. 2.

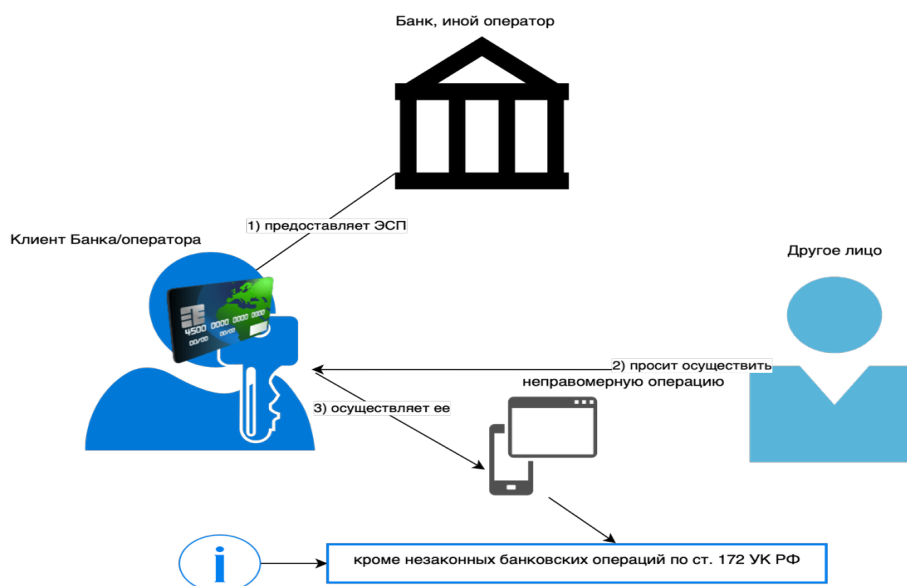

Рисунок 2. Часть 4 ст. 187 УК РФ

Часть 5 ст. 187 УК РФ запрещает лицам, не являющимся стороной договора об использовании ЭСП, из корыстной заинтересованности приобретать, а также передавать ЭСП (доступ к нему) другим лицам для осуществления теми неправомерных операций.

То есть уголовная ответственность предусматривается для вторичного дроппера, получившего ЭПС (доступ к нему) от первоначального дроппера (стороны договора об использовании ЭСП). Вторичный дроппер будет отвечать как за приобретение ЭПС (доступа в ЭПС), так и за его дальнейшую передачу.

При этом представляется, что в качестве вторичного дроппера может рассматриваться любое лицо, которое приобрело ЭПС (доступ к нему), не являясь стороной договора. В том числе, получившее ЭПС от другого вторичного дроппера. Такой подход представляется правильным,

поскольку обеспечивает привлечение к уголовной ответственности каждого лица в преступной цепочке.

Уголовно-наказуемые действия можно представить на *рис. 3*.

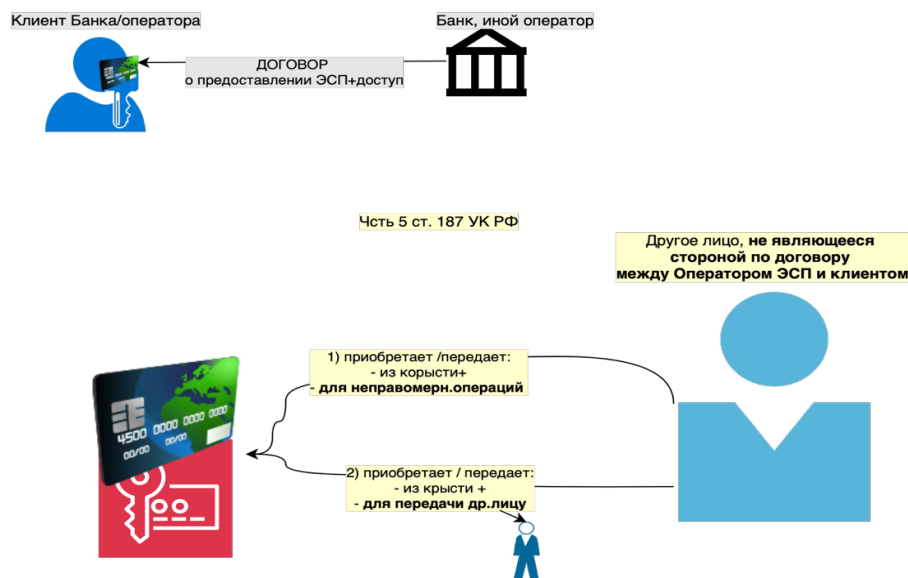

Рисунок 3. Часть 5 ст. 187 УК РФ

Часть 6 ст. 187 УК РФ запрещает лицам, не являющимся стороной договора об использовании ЭПС, проводить неправомерные операции с использованием ЭСП. Ответственность для вторичного дроппера по этой норме наступает, если только совершенные операции не относятся к банковским. Иначе уголовная ответственность наступит по ст. 172 УК РФ.

Построение статьи представляется логичным: уголовная ответственность последовательно предусматривается за приобретение ЭПС (доступа к нему), его передачу и последующее использование для неправомерных операций.

Однако надо заметить, что из ч. 6 выпал доступ к ЭПС. Представляется, что это техническая ошибка, при этом формально она ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 187 УК РФ и поэтому требует устранения.

Вместе с тем названные неправомерные операции могут получать и иную уголовно-правовую оценку (содействие экстремистской или террористической деятельности, или легализация денежных средств, др.). Считаем, что для недопущения нарушения принципа *non bis in idem* (нельзя за одно и то же дважды) необходимы соответствующие разъяснения высшей судебной инстанции.

Подводя итоги следует констатировать, что поправки, внесенные в ст. 187 УК РФ, не в полной мере обеспечивают поставленные задачи борьбы с дропперством ввиду того, что пробелы в правовом регулировании сохраняются. Также очевидна потребность в разъяснении отдельных аспектов применения новых норм права со стороны высшей судебной инстанции.

Список литературы:

- [1] Сбербанк. Интерактивный словарь. // Кибарий. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibary/vocabulary/drop> (дата обращения: 10.02.2026 г.).
- [2] По данным Банка России, 20% дропперов — дети. // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=65002> (дата обращения: 10.02.2026 г.).
- [3] Волчкова Э. А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present // 2025. № 4. С 84-87.
- [4] Васильева А.В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 279-287.

[5] Быкова Е.Г., Казаков А.А. Дискуссионные аспекты признания электронных средств и электронных носителей информации предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ // Российский судья. 2024. № 4. С. 13-18.

[6] Зайцева О.В. Уголовная ответственности дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной академии права. 2024. № 6 (161). С. 138-146.

[7] Сидоренко Э.Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8-17.

[8] См.: Кассационные определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 января 2023 г. № 77-118/2023, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2020 г. № 77-3669/2020 и др.

References:

[1] Sberbank. Interactive Dictionary. // Cyberarium. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/klibrary/vocabulary/drop> (date of access: 10.02.2026).

[2] According to the Bank of Russia, 20% of droppers are children. // Bank of Russia. URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=65002> (date of access: 10.02.2026)

[3] Volchkova E. A. Validity of Criminal Liability for Dropping and Ways to Improve It // Science. Education. Modernity / Science. Education. The present // 2025. No. 4. pp. 84-87.

[4] Vasilyeva A. V. Droppers in the Cybercrime System: Criminal Law Problems of Qualification and Prospects of Legislative Regulation // Issues of Russian Justice. 2025. No. 37. Pp. 279-287.

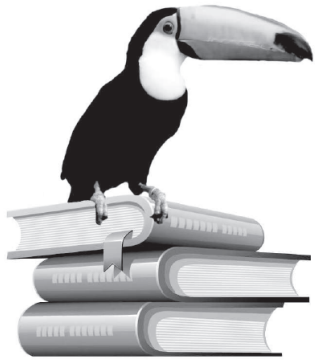
[5] Bykova E.G., Kazakov A.A. Controversial aspects of recognizing electronic means and electronic storage media as the subject of a crime under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Judge. 2024. No. 4. Pp. 13-18.

[6] Zaitseva O.V. Criminal liability of droppers: pros and cons // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2024. No. 6 (161). Pp. 138-146.

[7] Sidorenko E.L. Combating dropperism: key objectives of criminal policy and issues of qualifying acts // Magistrate Judge. 2025. No. 12. Pp. 8-17.

[8] See: Cassation rulings of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 10, 2023 No. 77-118/2023, the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated December 22, 2020 No. 77-3669/2020, etc.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое – 3,5 см, правое, верхнее, нижнее – по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;
2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;
3. Название статьи (буквы – прописные);
4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);
5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (/), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (/) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (/);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское Р. (р.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 1 • 2026

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8].....

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 16.02.2026.
Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 97,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 12.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.